High Anthropological School
Высшая Антропологическая Школа

STRATUM plus

ВАШ — археологический журнал

Время «Че»

к 100-летию открытия черняховской культуры

- **I — IV вв. в Северо-Западном Причерноморье**
- **Что такое черняховская культура**
- **Могильник Курники на Южном Буге**
- **Черняховские этюды**
- **О сероглиняной керамике с поселений на Днестровском лимане**
- **Памятник финальной фазы черняховской культуры в Молдове**
- **Эталонный памятник колочинской культуры**

Санкт-Петербург • Кишинёв • Одесса

1999 №4

Журнал распространяется в розницу и по почте. Заказы, рукописи и вопросы направлять по адресу:

MD 2024. Республика Молдова, Кишинев, ул.Зимбрулуй 10 а,
Высшая антропологическая школа,
журнал STRATUM plus.
Тел./факс (3732) 438-342;
e-mail: root@rm.moldova.su; HAS@HAS.mldnet.com

РЕДКОЛЛЕГИЯ

И.А.Борзияк — канд.ист.наук (Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
И.В.Бруяко — канд.ист.наук (Археологический музей, Одесса, Украина)
П.П.Бырня — докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Л.Б.Вишняцкий — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
А.П.Городенко — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Е.Ю.Гиря — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
В.А.Дергачев — докт.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
А.О.Добролюбский — докт.ист.наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина)
В.Ю.Зуев — канд.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
С.И.Коваленко — канд.ист.наук (Институт археологии и этнографии АН, Кишинев, Молдова)
И.В.Манзура — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
К.К.Марченко — докт.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
Р.А.Рабинович — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
Н.Д.Руссев — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
М.Е.Ткачук — канд.ист.наук (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)
О.В.Шаров — канд.ист.наук (Издательство “Фарн”, Санкт-Петербург, Россия)
О.А.Щеглова — канд.ист.наук (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия)
М.Б.Щукин — докт.ист.наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)
П.В.Шувалов — канд.ист.наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь — Л.А. Мосионжник (Высшая антропологическая школа, Кишинев, Молдова)

STRATUM *plus*

- **STRATUM *plus*** — международный археологический журнал. Издается университетом "Высшая антропологическая школа" в Кишиневе, Республика Молдова.
- Журнал выходит шесть раз в год на русском языке в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается либо отдельной археологической эпохе, либо отдельной достаточно актуальной проблеме археологической науки.
- Тематика статей журнала не ограниченна ни регионально, ни хронологически.
- Все статьи содержат резюме на английском языке.

Специальный выпуск

Издан при поддержке
Фонда Роберта Шумана,
Париж, Франция

Редактор номера — Марк Б. Щукин
Заместитель редактора – Олег В. Шаров
Ответственный секретарь – Леонид А. Мосионжник

Редколлегия выпуска:
О.А.Щеглова
П.В.Шувалов
Р.А.Рабинович
Н.Д.Руссев

Санкт-Петербург • Кишинёв • Одесса

ISBN 9975-9559-3-2

Все права защищены!
© Высшая антропологическая школа
© Оригинал-макет: Л.А.Мосионжник
© Оформление обложки: Д.А.Топал, Л.А.Мосионжник

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Щукин М.Б. *(С.-Петербург, Россия)*. **Время «Че» — рубеж тысячелетий (Вместо предисловия) 5**

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Гудкова А.В., Малюкевич А.Е. *(Одесса, Украина)*. **Сероглиняная кружальная керамика поселений на Днестровском лимане (первая четверть I тыс. н. э.) ... 8**

Шаров О.В., Бажан И.А. *(С.-Петербург, Москва, Россия)*. **Черняховские этюды 19**

Щукин М.Б. *(С.-Петербург, Россия)*. **Феномен черняховской культуры эпохи Константина — Констанция, или Что такое черняховская культура? 66**

Магомедов Б.В. *(Киев, Украина)*. **Черняховский могильник Курники на Южном Буге 102**

Левинский А.Н. *(Кишинев, Молдова)*. **Лазо — могильник финальной фазы черняховской культуры в Молдове 121**

Горюнова В.М., Родинкова В.Е. *(С.-Петербург, Москва, Россия)*. **Раннеславянское поселение Великие Будки (Хутор) 167**

Середа Д.В. *(Москва, Россия)*. **Колочинский керамический комплекс поселения Великие Будки (Хутор). Опыт сравнительного анализа 220**

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Гудкова А.В. *(Одесса, Украина)*. **I — IV вв. в Северо-Западном Причерноморье. (Культура оседлого населения) 235**

Введение 235
Глава 1. Позднескифское население 242
Глава 2. Венеды в низовьях Дуная 271
Глава 3. Черняховские племена 305
Исторический синтез. (Вместо заключения) 377
Литература 391

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 405

CONTENTS 407

ВРЕМЯ «Че» — РУБЕЖ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Оно неизбежно наступает, хотим мы этого или нет, ждем мы его или нет, хотя ничего «чрезвычайного» может и не происходить. Но время чревато, пусть и сугубо условными, «круглыми датами», а столетний юбилей на переломе тысячелетий «чрезвычаен» уж тем, что не часто случается. По этому поводу нужно подводить некоторые, хотя бы промежуточные итоги.

Ровно сто лет тому назад глазам «изумленного человечества» из-под заступов землекопов известного тогда уже киевского археолога-аматора Викентия Викентиевича Хвойко были явлены миру первые изделия (звонкая серая блестящая керамика и прочее), произведенные некогда обитателями Поднепровья, носителями археологической культуры, получившей позже название «черняховской».

Строго говоря, она должна была бы носить название ромашковской, потому что именно могильник Ромашки раскапывался в 1899 году, раскопки же у села Черняхово начались год спустя, и юбилей следовало бы отмечать в 2000 году. Но так уж сложилось, что закрепилось второе название, менять его не стоит даже в случае времени «**Че**», а юбилей, отмечаемый в 1999 году, — лишь попытка восстановить толику справедливости.

В.В.Хвойко, извлекая из земли знаменитый ромашковский кувшин с загадочными пиктограммами из оттисков штампов в виде розеток, квадратиков и пр., был уверен, что «пожимает руку» своим непосредственным предкам-славянам, хотя и жившим за 1600-1700 лет до него.

Но, когда информация об открытиях Хвойко достигла Западной Европы, такой крупный специалист как Пауль Райнеке, заметил поразительное соответствие черняховских древностей общеевропейскому облику культур римского времени — сходные виды фибул, пряжек, гребней, стеклянных кубков, гончарной посуды и пр. Отметил он также совпадение времени существования черняховской культуры и данных письменных источников о пребывании в Причерноморье готов. Небольшая заметка Пауля Райнеке 1906 года «Из русской археологической литературы» ознаменовала зарождение знаменитой черняховской дискуссии, хотя разгорелась она значительно позже и пик ее остроты приходится на время «Хрущевской оттепели» второй половины пятидесятых — шестидесятых годов.

Музы, как известно, молчат, когда говорят пушки, и в период лихолетий революций и двух мировых войн Клио в отношении черняховской культуры тоже преимущественно молчала, хотя отдельные высказывания на ее счет мелькали на страницах различных, чаще околонаучных, изданий и нацистская пропаганда даже использовала, в частности, «черняховский аргумент» для территориальных претензий.

После Второй Мировой войны, при «отце народов», знатоке национальных проблем и этнических чисток, дискуссии о гото-славянской дилемме не могло быть, могла быть лишь «проработка оппортунистов» да критика «реакционных измышлений буржуазных ученых». К счастью, черняхововедению в те годы удалось избежать «чисток рядов», славянская принадлежность черняховской культуры была общепринятой догмой, скептики, если они и были, помалкивали, «апокрифы», если они и были, лежали в столах.

Первым в омут официоза бросил камень в 1956 году М.И.Артамонов в своем докладе на Научной сессии исторических наук ЛГУ. В разделе, касающемся черняховской культуры, он еще раз продемонстрировал гото-черняховское хронологическое совпадение, отметил западные связи. Его выступление вызвало бурную реакцию. Подавляющее число археологов-славистов было против, многие возмущались (задевались национальные чувства), но были и сторонники, главным образом представители «скептической ленинградской школы». Дискуссия развернулась на специально собираемых совещаниях по черняховской проблематике (таковых было три), на других конференциях и сессиях, на страницах научных журналов, в кулуарах, в беседах за столом и пр. Эмоциональный накал доходил до личных выпадов, оскорблений и даже рукоприкладства.

То оживляясь, то притухая, дискуссия растянулась на десятилетия. Не изжита она еще и сегодня. Здесь нет необходимости излагать перипетии дискуссии, они уже достояние историографии, но невольно задаешься вопросом: почему исследователи, оперировавшие, казалось бы, одним и тем же объемом археологического материала, одними и теми же историческими данными, приходили к диаметрально противоположным выводам? В чем причина?

© Щукин М.Б., 1999.

Можно было бы думать, что в основе лежат противоречия между «диссидентами» эпохи «оттепели» и «застоя», с одной стороны, и сторонниками советского традиционного «официозного автохтонизма», с другой стороны, что, безусловно, имело место. Но кончилось давление «власти советов», а черняховская дискуссия не затухла окончательно, хотя и утратила частично свою остроту.

Значит, причины разногласий следует искать в более глубоких пластах подсознания, тех, что вызывали в свое время отчаянные споры «западников» и «славянофилов». А они, в свою очередь, обеспечивались своеобразным геополитическим положением России между Европой и Азией. Эту мысль можно было бы развить и конкретизировать, но вряд ли это уместно в данном контексте. Важно лишь осознание того факта, что мы не можем в силу специфики нашего сознания быть до конца объективными, но именно это осознание может позволить нам быть более объективными в деталях.

Возвращаясь к черняховской дискуссии, следует отметить, что новые археологические открытия шестидесятых-восьмидесятых годов «работали» скорее в пользу «западников», чем их оппонентов. Не выдержала критики попытка поднять верхнюю дату черняховской культуры до VI-VII веков и сомкнуть ее тем самым с «древностями антов», были открыты реальные памятники антов и других славянских племен, весьма отличные по всем параметрам от черняховских, были выявлены затем и протославянские древности в виде киевской культуры и постзарубинецких памятников горизонта Рахны-Почеп. Обнаружение вельбаркских памятников типа Брест-Тришин -Дытыничи на Украине фиксировало продвижения населения с северо-запада на пути готов в Причерноморье, отдельные находки все четче очерчивали диагональ постоянных связей между Балтикой и Черным морем.

Любая дискуссия полезна, поскольку заставляет участников проверять, верифицировать аргументацию оппонентов, но эмоциональность и острота споров по поводу черняховской культуры в пятидесятых — семидесятых годах явно вела в тупик. Участники дискуссии попадали в ситуацию героев известной восточной притчи: «Если это плов, то где же кошка, если это кошка, то где же плов?». Если черняховская культура славянская, то где же готы, присутствие которых в Причерноморье достаточно хорошо фиксируется письменными источниками, если она готская, то где же славяне III-IV веков, наличие которых для IV века под именем венетов и антов тоже достаточно хорошо зафиксировано?

Первым компромиссный вариант выхода из патовой ситуации предложил П.Н.Третьяков, выдвинув тезис о «несостоявшейся народности». Сам он этот тезис, впрочем, не конкретизировал.

С восьмидесятых годов практически все участники дискуссии начали понимать безнадежность крайних позиций «или-или». Ныне уже нельзя отрицать сам факт продвижения населения с Балтийских берегов к берегам Черного моря. Но мыслится этот процесс иначе, чем в пятидесятые годы.

Тогда искали следы массированного одноразового броска, теперь же ясно, что все было много сложнее. Первые германские скауты появлялись, вероятно, в Причерноморье еще в конце первого и в течение второго столетий. Во всяком случае, следы черноморско-балтийских, сармато-германских контактов улавливаются археологически.

Процесс же постепенной «ползучей миграции» с колонизацией земель, «заселенных слабо или заселенных слабыми», начался позже, во второй половине II века и был стимулирован, возможно, движениями «superiores barbari», участников Маркоманнских войн. Не исключено, что некоторые из тех вельбаркцев, что появились на Украине, успели поучаствовать и в событиях в Центральной Европе.

Теперь достаточно ясно также, что среди продвигавшихся на Украину переселенцев были не только вельбаркцы из Поморья и Мазовии, но и выходцы из других частей Северной Европы, не только готы из «Готисканзы», но и представители других германских и не германских племен Европы. Процесс смешения племен был сложным и в какой-то мере напоминал происходившее при колонизации Америки. Сначала были Колумбы, конкистадоры и Дрейки, искатели приключений, и лишь затем потянулись фермеры-колонисты, выходцы из самых разных уголков Европы, приток эмигрантов, как известно, не иссяк до сих пор.

Никто сегодня не станет отрицать участие в процессе формирования черняховской культуры и местного причерноморского населения — сарматов, поздних скифов и потомков носителей зарубинецкой культуры, представленных памятниками различных групп постзарубинецкого горизонта, включая и зубрецкую группу. Отдельные местные элементы — сарматские погребальные обряды, постзарубинецкие формы керамики — прослеживаются на черняховских памятниках, но нельзя сказать, чтобы они были многочисленны и хоть в какой-то мере определяли облик черняховского новообразования.

Никто не станет сегодня настаивать и на прямом перерастании вельбаркской культуры в черняховскую. Последняя, безусловно, явление новое, возникшее в условиях новой этно-политической ситуации Причерноморья. Продвижение населения с северо-запада было лишь одним из условий создания этой ситуации. Другим условием было, по всей вероятности, участие части создателей новой общности в «скифских» или «готских» войнах середины III века и установление тесных связей с Империей, причем для оформления внешнего облика новой

культуры более существенными оказались контакты не столько с греками причерноморских городов, лежавших после событий середины III в н.э. в развалинах, сколько с провинциально-римской легионной культурой Дунайско-Рейнского лимеса. Черняховская культура выглядит как часть этого культурного мира. Черняховская эпоха в истории Восточной Европы была «западнической».

К сожалению, у нас в руках пока нет инструмента, позволяющего подсчитать реальный удельный вес пришлых и местных элементов в составе населения гетерогенной черняховской культуры, споры на этот счет не имеют смысла, но факт гетерогенности, полиэтничности, со свойственным образованиям такого рода двух-трехъязычием населения, допускается теперь практически всеми участниками дискуссии, хотя у них и нет возможности конкретизировать это положение.

Тем не менее черняховская культура на удивление монолитна и гомогенна во всем ареале от Клужа до Курска, от Луцка до Харькова и Одессы. Чем же обеспечивалось это единство? Окончательного ответа не существует, но можно предположить, исходя из геополитической ситуации эпохи, что обеспечено оно было властью готских королей, создавших своего рода империю, «Империю Германариха», хотя сам он был лишь заключительным и последним звеном в процессе формирования этого культурно-политического единства.

Если прибегнуть опять к спорной современной аналогии, то можно думать, что «Черняховская Империя» представляла собой нечто вроде империи Советского Союза, тоже полиэтничного политического образования, где разнообразные этносы и национальные культуры были перекрыты вуалью единой «совковой» культуры, делавшей их весьма отличными от соседей, этнически более близких, но не входивших в СССР. Здесь тоже шел процесс интеграции в единый советский народ, и процессу этому тоже не было суждено завершиться.

Все это, однако, из области теоретических рассуждений и исторических интерпретаций и призвано было лишь продемонстрировать те перемены в «парадигмах мышления», которые произошли в сознании специалистов в черняхововедении за последние годы.

Что же касается вещей более конкретных, то основной «прорыв» произошел в восьмидесятых-девяностых годах в области хронологии черняховской культуры. Начало ему положила книга Казимежа Годловского, изданная в 1970 году на английском языке, наиболее доступном советским специалистам. В ней были изложены основные положения и выводы европейской хронологической системы римского времени, рассыпанные доселе по разным изданиям и многим в силу этого недоступные. Теперь же черняхововеды получили возможность «прислонить» свои хронологические расчеты, до того сугубо интуитивные, к более строгой и разработанной европейской системе.

Кроме того, она наглядно демонстрировала преимущества и достоинства методов корреляции и горизонтальной стратиграфии.

Последовал ряд работ Т.А.Щербаковой и М.Б.Щукина, Е.Л.Гороховского, М.Казанского и Р.Легу, О.В.Шарова, И.А.Бажана и О.А.Гей. В результате казавшийся единым и неделимым в хронологическом отношении массив черняховской культуры удалось подразделить на ряд этапов развития.

Создатели внутренней хронологии черняховской культуры отнюдь не во всем согласны друг с другом, но это уже детали, о которых еще долго будем спорить. Главное в другом: состоялся «прорыв» на принципиально новый уровень исследования. Теперь мы можем отличать ранние памятники черняховской культуры от поздних, можем проследить динамику их развития и распространения, сопоставлять этапы с соответствующими историческими событиями и т.д. И вся эта увлекательная работа еще впереди, в новом столетии изучения черняховской культуры.

Марк Щукин

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Гудкова А.В., Малюкевич А.Е.

СЕРОГЛИНЯНАЯ КРУЖАЛЬНАЯ КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЙ НА ДНЕСТРОВСКОМ ЛИМАНЕ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ I ТЫС. Н. Э.)

Gudkova A.V., Malukevich A.E. Gray-clay potter's ceramics of the settlements on the Dniester estuary (the first quarter of the I m. A.D.)

The article is dedicated to the studying of the gray-clay pottery of the first half of the I m. A.D. in the Northern-Western Black Sea region. The authors have divided the ceramics into 2 different chronological and ethno-cultural groups:

1) the production of the antique potter's workshops in Tyras and Olbia that is the gray-clay ceramics of the late Scythian settlement of the neighborhood of these towns that was produced on the rural settlements;

2) the ceramics of the Chernyakhov culture made by Chernyakhov craftsmen. A clear distinction of these groups is important for they are viewed as rather similar.

In the gray-clay pottery of the antique settlements of the Black Sea region the appearance of the ceramics of the Chernyakhov culture (by forms and by structure of the ceramic complex) is anticipated at the least by 150 years. This does not mean that this ceramics was the direct foundation of the formation of the Chernyakhov culture. Working out of the main features of the appearance of the ceramic complex that later became the Chernyakhov one started before the Chernyakhov culture was composed. The place where this process was taking place still should be found. Anyway, these were not the walls of the Northern-Western Black Sea region.

Углубленное изучение сероглиняной гончарной посуды первой половины I тыс. н. э. в Северо-Западном Причерноморье позволило разделить ее на разные хронологические и этно-культурные группы: это продукция античных гончарных мастерских в Тире и Ольвии, сероглиняная керамика позднескифского населения округи этих городов, очевидно, производившаяся на сельских поселениях, и керамика черняховской культуры, изготовленная черняховскими гончарами. Четкое разграничение этих групп важно, в частности, потому, что при поверхностном анализе (например, при работе с подъемным материалом в разведке) они воспринимаются как весьма сходные. Две первые группы этой керамики относятся к первой четверти I тыс. н.э., а третья — ко второй его четверти. Вторая группа была впервые выделена по материалам Козырского городища на хоре Ольвии (Гудкова l992), которое имеет четкую стратиграфию в пределах первой половины I тыс. н.э. Это позволило в некоторой мере проследить эволюцию рассматриваемой керамики. На Козырке она составляла небольшую часть всего керамического комплекса. Ее изучение показало, что она, – с одной стороны, – не связана с гончарством Ольвии и является привнесенной со стороны, а с другой, – что подобные материалы имеются и на других поселениях ольвийской хоры. В частности она выразительно представлена на городище Мыс (Буйских, Бураков: 85, 87, рис. 8, 9, l0) и на поселениях того же времени на сельской округе Тиры. Все это заставляет воспринимать эту керамику как определенное новое явление.

Настоящая работа посвящена сероглиняной гончарной керамике поселений Молога II и Веселое III на Днестровском лимане. Привлекающей внимание особенностью этой посуды является то, что она появляется в Северо-Западном Причерноморье со стороны, а в последующее время ее основные формы и приемы отделки поверхности становятся характерными для черняховской культуры. Это заставило провести сравнение рассматриваемого материала как с синхронной сероглиняной продукцией гончарных мастерских Тиры и Ольвии, так и с черняховской керамикой. В количественном отношении коллекции Мологи и Веселого не равнозначны, так как Молога раскапывалась много лет, начиная с 1975 г., а Веселое – только один сезон. Поэтому статистические сопоставления не производятся.

© Гудкова А.В., Малюкевич А.Е., 1999.

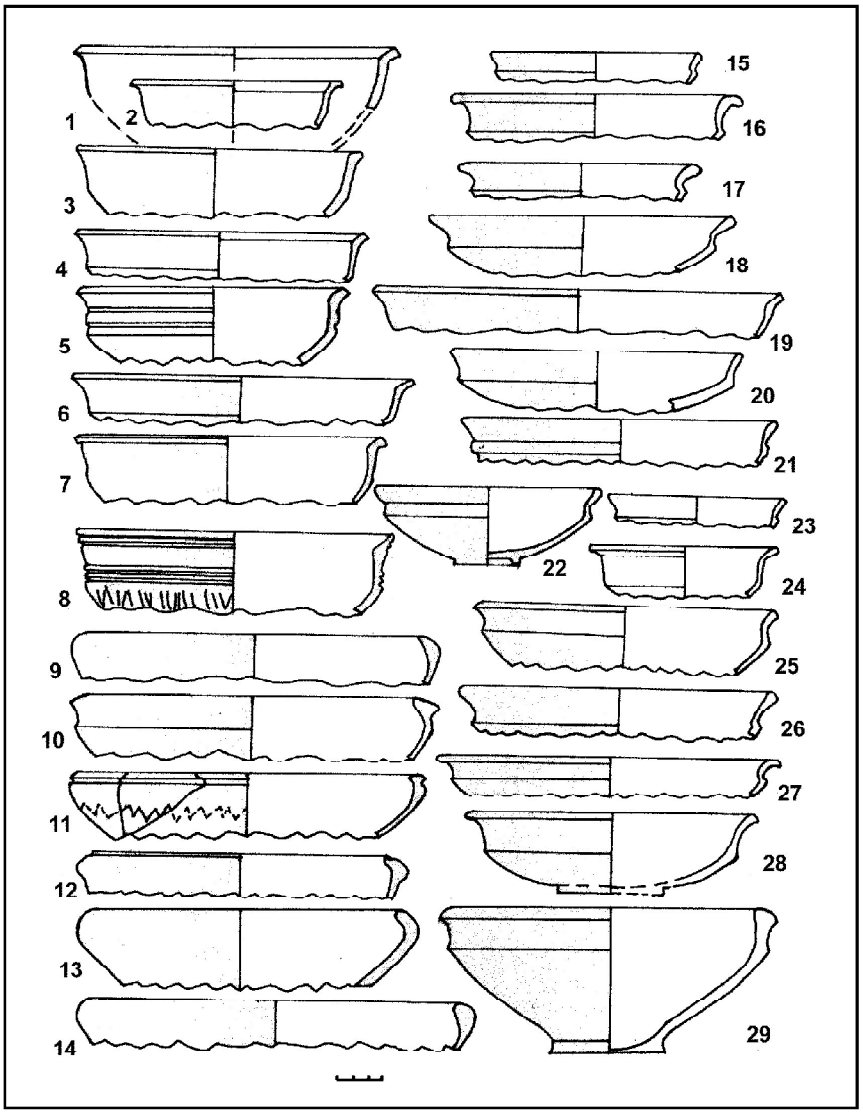

Рис. 1. Открытые и закрытые миски. Веселое — 1-18, 20, 21, 24-28. Мологa — 19, 22, 23, 29.

МИСКИ

Тип I. Сосуды округлой формы в основном с загнутым внутрь краем, близкие по форме сегменту шара (рис. 1, *9-14*). Профилировка венчика варьирует. Диаметр устья от 22 до 28 см. Миски снаружи лощеные сплошь или только в верхней части. Изредка имеется пролощенный орнамент (рис. 1, *11*). На обоих поселениях они присутствуют в небольшом количестве. Эта форма хорошо представлена на Козырском городище (Гудкова 1991: рис. 1, *1, 3, 5, 8, 9;* рис. 3, *1*). Она по происхождению античная, широко представлена в римских слоях Тиры и Ольвии (Гудкова 1979: рис. 2, *1, 3-5, 7, 9, 10*; Гудкова, Крапивина 1988: рис. 1, *1-18*; Гудкова, Крапивина 1990: 2-3; Gudkova, Krapivina 1997: 62). В городах эти сосуды залощены и часто имеют линейно-лощеный орнамент снаружи и внутри. Для черняховской культуры такие миски нехарактерны: их находки очень редки, форма упрощена, очевидно, деградирует (Гудкова, Крапивина 1990: табл. 1).

Тип II. Сосуды открытые реберчатые с отогнутым наружу и обычно утолщенным, иногда слабо профилированным венчиком и ребром в верхней трети или даже четверти (рис. 1, *15-29;* 3, *7-9)*. Часто ребро бывает сглаженным и силуэт оказывается более мягким. Профиль таких мисок называют S-видным. В ряде случаев наблюдается утолщение стенки на ребре или над ним. Преобладают неглубокие сосуды. Диаметр венчика в пределах от 18 до 27 см. Изредка встречаются сосуды с диаметром 13-14 см, и совсем редки с диаметром 30 и более см. Черепок серого и черного цвета. Снаружи лощение. Примерно, четвертая часть мисок залощена и внутри. Отдельные экземпляры имеют черное покрытие. Отмечены случаи науглероживания черепка.

На поселении Веселое эти сосуды составляют треть всех мисок. На Мологе они менее распространены. На Козырском городище этот тип мисок представлен сосудами несколько меньшего диаметра (Бураков 1976: табл. VII, 35,

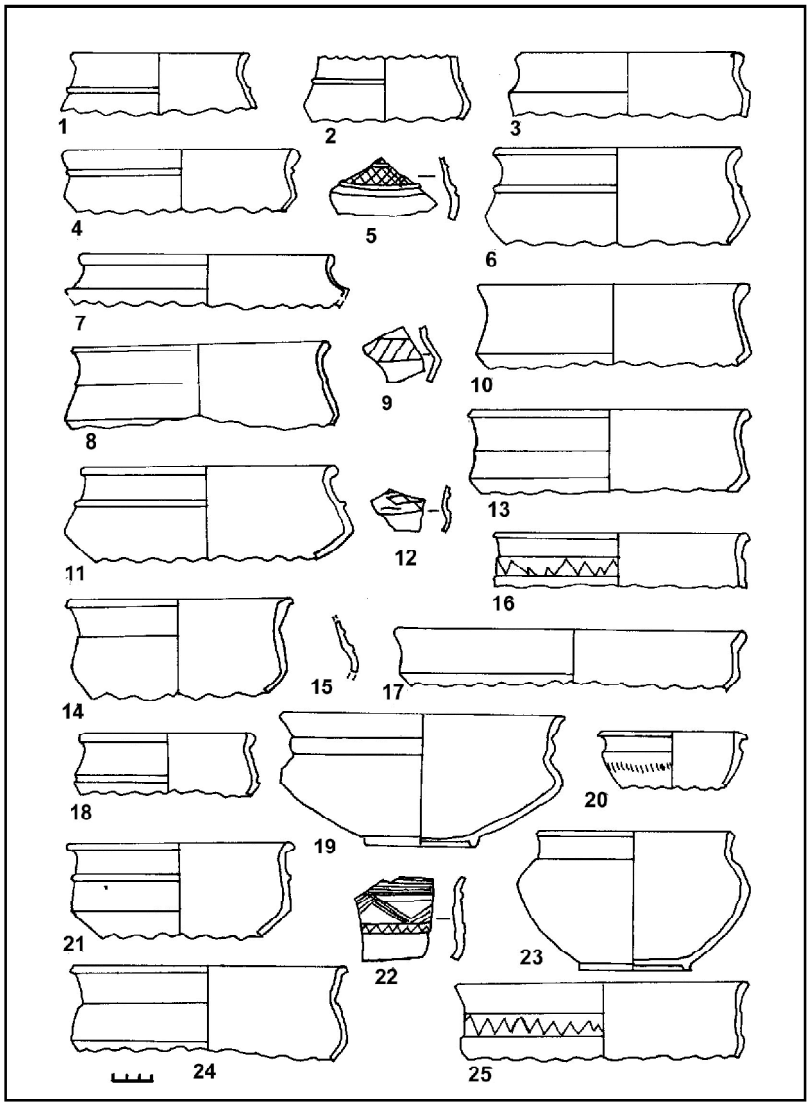

Рис. 2. Биконические миски. Веселое — 2, 4, 9, 10, 12, 13, 16 19, 22, 25. Мологa — 1, 3, 5-8, 11, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 23, 24.

с. 93;Гудкова 1991: рис. 1, *4, 6;* рис,2,*4*). Лощение, снаружи и внутри, черное покрытие отмечено у единичных экземпляров.

В Тире и Ольвии миски с S -видным профилем встречаются довольно часто, хотя и уступают по количеству округлым (Гудкова 1979: рис. 2, *11, 17, 18,20-22 ;* Гудкова, Крапивина 1988: 84, тип 2А; рис. 2, *1, 3, 4;* Гудкова, Крапивина 1990: 3-4). Их происхождение в античном керамическом комплексе трудно определить однозначно. В Ольвии еще с архаического времени зафиксирована сходная форма верхней части сосудов (Гудкова, Крапивина 1990: табл. XVIII, *2, 3*), но это может быть и формальное сходство. В лепном варианте здесь подобная форма не известна. Пока нельзя с уверенностью сказать, не является ли наличие таких сероглиняных гончарных мисок в римских слоях обоих городов результатом варварского влияния. А основания для этого предположения достаточно весомы. На позднескифских памятниках нижнего Днепра аналогичные по форме лепные миски, лощеные снаружи и изнутри, были ведущей формой столовой посуды (Петров 1961: табл. II, III, IV; Погребова 1958: рис. 15, *12-14*). Они появились здесь с конца III в. до н.э. и особенно широко бытовали во II-I вв. до н. э. (Погребова 1958: 139). Н.Г. Погребова называет, – и не без основания, – эти сосуды мисками зарубинецкого типа и отмечает, что форма не скифского происхождения. Одновременно она указывает на некоторое их отличие от зарубинецких сосудов и допускает латенское влияние. Из двух формально возможных, античного и кельтского, источников распространения этой формы сосудов в варварских культурах Восточной Европы (поянешты-лукашевской, пшеворской, зарубинецкой, у даков) латенский представляется более вероятным. Показательно в этом отношении, что в гончарных мастерских провинции Нижняя Паннония, где активно происходило слияние латенской и античной керамической традиций, такие сосуды делали как в красно- так и в сероглиняном варианте (Brukner 1981: 91).

В черняховской культуре эта форма мисок обычна. Они всегда залощены только снаружи

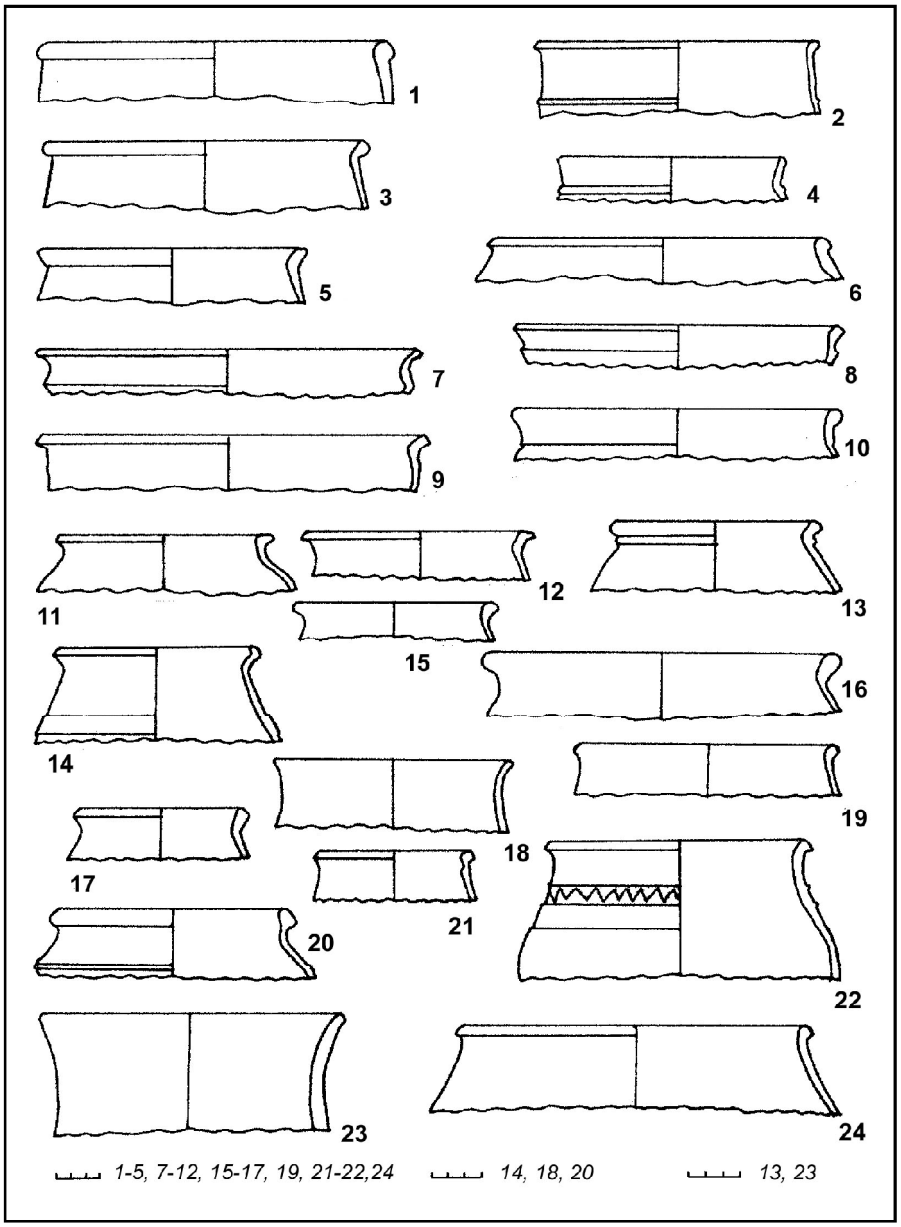

Рис. 3. Столовые горшки (1-6, 10-24) и миски (7-8). Веселое — 1,4, 7 -12, 15, 16 19, 22. Молога — 2, 3, 5, 6, 13, 14, 17, 18, 20, 21,23, 24.

и не имеют черного покрытия. Э.А. Сымонович установил, что, хотя они широко распространены на черняховских памятниках Среднего Днепра, но в Нижнем Поднепровье они более массовы (Сымонович 1983: диаграмма на рис. 3). Их появление в черняховской среде он связывал с зарубинецким наследием (Сымонович 1983: 30).

Тип III (рис. 1, *1-8*). Все сосуды происходят с поселения Веселое. Они открытые реберчатые с развитой верхней частью выше перегиба корпуса. У отдельных экземпляров ребро смазано и сосуды имеют мягкие округлые очертания. Стенки верхней части этих мисок отогнуты наружу, реже поставлены вертикально. В этом случае миска имеет форму, близкую к цилиндроконической. Венчик всегда отогнут наружу. Диаметр от 20 до 27 см. Иные размеры единичны. Все сосуды залощены снаружи и, примерно, треть – внутри. Орнамент в виде вертикальных пролощенных линий на тулове зафиксирован один раз (рис. 1, *8*). Отдельные сосуды имеют под венчиком или на верхней части тулова ложбинки (рис. 1, *5, 8*). Иногда встречается черное покрытие.

В керамике Козырского городища такие миски практически не представлены. Не характерны они и для античных городов Северо-Западного Причерноморья. В черняховской культуре подобные сосуды имели незначительное распространение. По материалам Среднего Поднепровья сосуды наших типов I и II Э.А. Сымонович разделил по степени четкости профилировки ребра на три типа и в выделенном им типе 2 присутствуют сосуды, сходные с рассматриваемыми, но их немного (Сымонович 1983: 30,

рис. 3). Для степных черняховских памятников такие миски не характерны. Таким образом эта форма остается пока вне территориально близких взаимосвязей.

Тип IV — биконические закрытые миски в основной массе с четким ребром (рис. 2, *1-25*). У немногих экземпляров ребро смазано и сосуд имеет более мягкую, округлую форму. Венчик в основном слегка утолщенный, в виде скругленного края стенки, отогнут наружу. Дополнительная профилировка встречается редко. Диаметр венчика равен максимальному диаметру или чаще менее него. Днища, видимо, кольцевые. Диаметр венчика колеблется от 17 до 21,5 см. Сосуды залощены снаружи и по краю венчика внутри. На горловине или на плечиках могут быть оттянутые валики и уступы. Линейно-лощеный орнамент в виде зигзага или косой сетки располагается на нелощеном поле на плечиках (рис. 2, *5, 9, 12, 16, 22, 25)*.

Аналогичные миски представлены на Козырском городище и в нижнем, и во втором горизонте (Гудкова 1991: рис. 1,*11;* 2, *16, 17 19, 20, 24*). В Ольвии они появляются в небольшом количестве в конце II в., то есть немного позднее, чем на Козырке. Генетических корней в материалах предшествующего времени в Ольвии эта форма не имеет (Гудкова, Крапивина 1990: 5). В Тире закрытые биконические миски распространяются в позднейшем слое, после готских войн с появлением в степях Причерноморья черняховского населения. Очевидно, здесь существует прямая взаимосвязь.

Биконические миски Мологи и Веселого практически не отличимы от таких же сосудов черняховской культуры, для которой они в высшей степени характерны. Благодаря материалам позднескифских поселений на сельскохозяйственной округе Тиры и Ольвии возникновение и комплексное существование этого типа мисок удревняется по сравнению с их бытованием в черняховской культуре в среднем на полтораста лет. В этой связи важно подчеркнуть, что сероглиняные и красноглиняные биконические миски известны в Нижней Паннонии с I в. н. э. (Brukner 1981: 95, 181) и характеризуются как провинциально-римская форма.

ГОРШКИ

Горшки в измельченных материалах поселений вычленяются с трудом, ибо венчик и плечики до уровня наибольшего диаметра у них могут быть сходны с закрытыми мисками. Однако существование лощеных столовых горшков не вызывает сомнения. Создается впечатление, что они не были массовы. Ведущая форма – сосуды с несколько округлым раздутым туловом и выпуклыми плечами (рис. 3, *1-6, 10-24*). Имеются горшки без шейки (рис. 3, *21*, *24*)) и подражающие лепным формам (рис. 3, *18, 23*). Размеры очень разные. Диаметр венчика колеблется от 12 до 22 см. Сосуды покрыты снаружи лощением, сплошным или полосчатым. На плечах бывают валики, уступы, ложбинки и пролощенный зигзагообразный орнамент.

Весьма сходные сосуды в небольшом количестве присутствуют в первом и втором слое Козырки (Гудкова 1991: рис. 1, *15;* 2, *10, 11*). Небольшое количество таких же горшков известно и в Ольвии (Гудкова, Крапивина 1988:93; рис. 93; рис. 5, *1, 2, 4, 5, 9, 12, 14;* Гудкова, Крапивина 1990: 11). Они тоже лощеные, с валиком и пролощенным орнаментом, но орнамент несколько иной. Иногда они покрыты темным ангобом. В целом эти сосуды продолжают здесь формы более раннего времени (Крапивина 1987: рис. 28, 2-4).

В Тире сероглиняные столовые горшки единичны и крайне фрагментарны. В целом для городов эта форма столовой посуды не характерна. Сопоставление горшков с черняховскими сосудами вполне возможно.

В небольшом количестве встречаются обломки венчиков Т- и Г-образной формы (рис. 4, *20, 22, 24, 30, 32, 33, 36*). Они могут принадлежать крупным горшкам, но целых форм не сохранилось. В нижнем слое Козырки такие сосуды не известны, но встречаются во втором. В сероглиняной посуде Тиры и Ольвии изредка попадаются сходные обломки (Гудкова, Крапивина 1990: табл. VI). В черняховской культуре такие венчики известны, кроме трехручных ваз, у столовых горшков (Магомедов 1987; рис. 24, *1-3*) и мисок (Баран 1981: табл. IV, *1, 2*). У всех этих сосудов часто имеется пролощенный орнамент на горизонтальной плоскости венчика. Обломки сосудов из Мологи и Веселого ничем не отличаются от черняховских.

КОРЧАГИ

Корчаги (рис. 4, *18 19, 21-23, 25-27, 29, 32, 36, 37*) по форме являются горшками большого размера. Они предназначены для хранения запасов или специальных процессов (например, заквашивание). Их полная форма пока не известна. Для нее характерно отсутствие шейки. Венчик лежит прямо на плечах. Он массивный, часто наклонен наружу или внутрь и к тому же имеет горизонтальную плоскость. Диаметр устья от 27 до 44 см. Особенностью корчаг Мологи и Веселого является то, что они сделаны из такой же чистой и тонкой глиняной массы, как и вся столовая посуда, часто покрыты снаружи лощением и иногда имеют линейно-лощеный орнамент.

В античных городах такие сосуды не применялись. И в Тире, и в Ольвии встречаются иногда обломки грубоглиняных зерновиков (Гудкова 1979: рис. 8, *17, 21, 23*; Гудкова, Крапивина 1988: 95; рис. 5, *10, 11 24-26*) в позднейших сло-

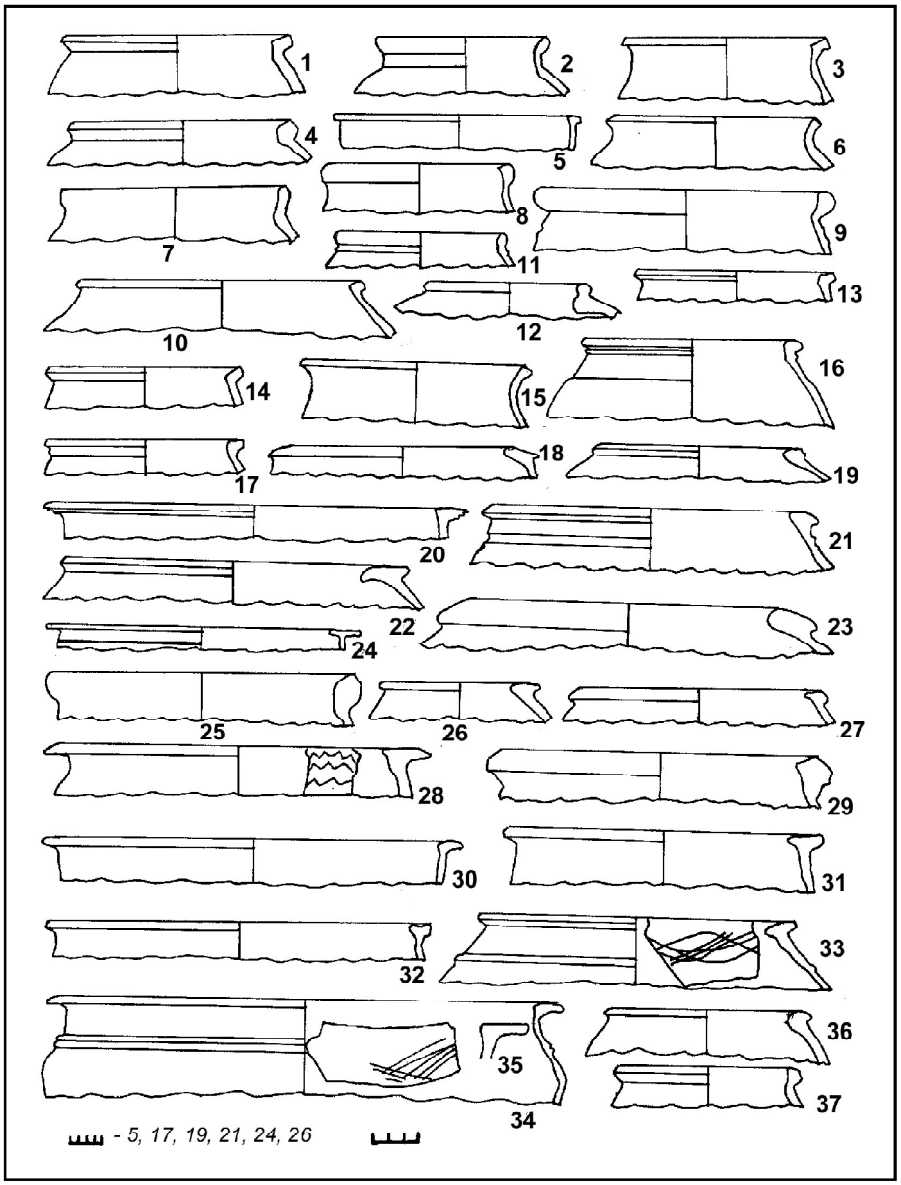

Рис. 4. Шероховатые кухонные горшки (1-8, 12-19, 37), корчаги (9, вероятно 10, 18 19, 21-23, 25-27, 29, 36) и сосуды с Г- и Т-образным венчиком (20, 24, 28, 30-32, 34, 35. Веселое — 18, 20, 21, 23, 28, 31. Молога — 1-17, 19, 22, 24-27, 29, 30, 32-36.

ях времени существования черняховской культуры, с которой они, видимо, и связаны. Поверхность этих сосудов-хранилищ шероховатая. Форма венчика и верхней части сосуда полностью совпадает с верхней частью описываемых корчаг. Происхождение этой формы изделий связано с кельтским гончарством. Она сложилась, видимо, в Среднем Подунавье (Bojovic 1977: tabl. LXVI; LXII; Brukner 1981: tabl. 127, *12;* 128, *8, 9.*). Они известны в материалах раннеримского времени на поселениях Восточной Словакии (Lamiova-Schmidlova 1969: 462; Abb. 35; Abb. 41, *1-3*). Затем они широко распространились на восток (Сымонович 1956: рис. 1) и стали обычными в разных культурах первой половины I тыс. н.э., в том числе и в черняховской. В ней они распространены широчайшим образом, но изготовлены из глины с крупнозернистым отощителем, применявшимся также для выделки массовых кухонных (шероховатых) горшков. Однако на черняховских поселениях Буджакской степи встречаются экземпляры из чистой и тонкой глиняной массы (Гудкова 1986: 157).

КУВШИНЫ

Кувшины представлены почти исключительно обломками венчиков с верхней частью горловины (рис. 5, *6-32*). Их полная форма не восстанавливается. На части наших рисунков ручки не показаны, так как их следы отсутствовали на тех черепках, по которым сделана реконструкция. Сосуды, скорей всего, были только одноручными. Нет ни одной находки двуручных. Ручки прикрепляли верхним концом на горле под венчиком. Они ленточные, в разрезе подпрямоугольные, с продольной ложбинкой или валиком. Судя по обломкам стенок, которые можно отнести к кувшинам, они имели округлое или даже близкое к шаровидному тулово. Видимо,

некоторое распространение имели и реберчатые или биконические формы, но о них трудно судить, так как они представлены обломками только бочков с ребром.

Типологию кувшинов из-за отсутствия археологически целых форм разработать не удалось. Сравнения проводятся в основном по форме венчиков и верхней части горловины. Широко представлены два типа. Первый – это сосуды с венчиком в виде вертикально поставленного скругленного края стенки, иногда слабо расширенного (рис. 5, *8, 9, 13-17, 23-29, 31, 32*). Сосуды с такой верхней частью найдены в Тире в слоях римского времени (Гудкова 1979: рис. 6, *1-6,8*) и изредка встречаются в синхронных напластованиях Ольвии (Гудкова, Крапивина 1988: рис. 3, *9*). Второй тип — кувшины с характерным несколько по-разному моделированным и резко выраженным валикообразным венчиком, отогнутым наружу (рис. 5, *6, 10, 18, 21*). Часто под венчиком имеется четко выраженная ложбинка внутри сосуда. Диаметр устья в основном колеблется от 10 до 16 см. У единичных крупных экземпляров он достигает 30 см. Кувшины с такой профилировкой венчика – характерная форма для римской Тиры (Гудкова 1979: рис. 6, *7;* Гудкова, Крапивина 1990: табл. VIII, *4,5*) и в меньшей степени Ольвии (Гудкова, Крапивина 1988: рис. 3, *6, 8*). В других керамических комплексах римского времени в Причерноморье они не встречаются.

Самостоятельная группа – кувшины с сильно вогнутой невысокой горловиной (рис. 5, *20, 22).* Они подобны сосудам из Тиры (Гудкова 1979: рис. 6, *10*), где встречаются довольно редко. Особняком стоят сосуды с очень узким горлом диаметром от 4 до 7 см. Подобные кувшины попадаются изредка в римских слоях Тиры (Гудкова 1979: 109). Имеются редкие кувшины с конически расширяющимся горлом, не отделенным от тулова (рис. 5, *30*). Такие сосуды известны в Тире (Гудкова 1979: рис. 5, *3, 4*) в римское время. В черняховской культуре это распространенная группа кувшинов, которые Б.В. Магомедов называет кувшинами-кружками и считает, что становление этой формы произошло в результате синтеза сарматского и фракийского влияния (Магомедов 1977: 114-115, рис. 1, *12-14*).

На кувшинах применялся линейно-лощеный орнамент, но поскольку он размещался на тулове, а мы оперируем венчиками, он остается мало известным. Орнамент, изображенный на рис. 5, *30*. типологически близок узорам на липицких кувшинах (Цигилик 1975: рис. 46, *1-4*).

КРУЖКИ

Кружки являются редким видом посуды (рис. 5, *1, 2,* возможно, *5*). Все они лощеные. В целом формы выглядят индивидуально. Это касается не только материалов с днестровских поселений, но и тех, что могут быть привлечены в качестве аналогий. Поэтому генезис этой форм посуды пока еще не ясен. Отличительным признаком, по которому можно проводить сопоставление, следует считать очень низкое расположение ребра в нижней трети сосуда у дна. Кружка с этим признаком известна в нижнем слое Козырки (Гудкова 1991: рис. 1, *10*). Кружки Ольвии имеют эту же особенность профиля, но они не биконические, а цилиндрические (Гудкова, Крапивина 1990: табл. XI, с. 10, 11) и, скорей всего, не могут быть сопоставлены с кружками с поселения Веселое.

В черняховской культуре кружки во многих случаях биконические с ребром в нижней трети высоты (Корпусова 1971). На степных памятниках (Каборга IV, Беленькое, Холмское, Нерушай) встречаются экземпляры, сходные с описываемыми (Гудкова, Крапивина 1990: табл. XI, *12, 15, 18, 19*).

КУБКИ

Кубки встречаются довольно редко. Они имеют форму небольших горшочков (рис. 5, *3, 4*). Диаметр венчика 7 или 8 см. Снаружи покрыты лощением. Подобные сосуды известны и в нижнем, и во втором горизонте Козырки. Во втором на них появляется углубленно лощеный орнамент (Гудкова 1991, рис. 1, *2;* рис. 2, *6, 14, 15*). Для керамического комплекса городов кубки совершенно не характерны. Они, как известно, имеют широчайшее распространение в черняховской культуре. В ней их формы различны. Одна из них – сосуды, подобные маленьким горшочкам.

Отделка поверхности описываемой керамики характеризуется применением лощения. Залащивали внешнюю поверхность сосудов, венчик и его внутренний край. Мисок, залощенных внутри, практически нет. Виды лощения — зеркальное (редко), горизонтальное сплошное, полосчатое (иногда с нарочитыми пропусками). Пролощенный орнамент помещали на нелощеном поле, ниже и выше которого поверхность сосуда залощена. Лощение наносилось без применения гончарного круга. Ширина рабочей части лощила 1,5-2 мм. Изредка сосуд покрывали темной жидкой глиной и потом залащивали.

Орнамент преобладает линейно-лощеный, изредка линейно-продавленный, в виде зигзагов, волнистой линии, елочки, косой сетки, наклонных линий (рис. 1, *8, 11*; 2, *5, 9, 12, 16, 20, 21, 22, 25*; 3, *22*; 4, *28, 33, 34*). Изредка встречаются как бы пучки свисающих на плечах сосуда вертикальных линий, пластичный орнамент в виде косых углублений, вертикальные каннелюры или ребра. Обычной формой декорировки поверхности сосудов являются оттянутые валики и уступы. Они могут ограничивать сверху и снизу полосу орнамента.

В целом отделка поверхности, набор и техника нанесения орнамента оказываются идентичными тому, что свойственно сероглиняной посуде Козырского городища. Сюжеты лощеного орнамента бедны, явно отличаются от ольвийских (Гудкова, Крапивина 1988: рис. 6, 7) и тирских. Сравнение с орнаментацией черняховской культуры показывает, что все приемы отделки поверхности, орнамент и характер его расположения на сосудах Мологи и Веселого обычны для черняховской культуры.

КУХОННАЯ ГРУБОГЛИНЯНАЯ ПОСУДА

Отдельную часть сероглиняной посуды составляют грубоглиняные (шероховатые) горшки (рис. 4, *1-8, 9-17, 37*). Глиняная масса этих изделий содержит в значительном количестве крупнозернистый песок, дресву, в небольшом количестве шамот из обломков амфор и сероглиняных сосудов. Эти примеси делают черепок грубым, но в то же время и огнестойким. Кухонная посуда из такого теста была долговечной. Горшки часто покрыты нагаром и копотью. Целых форм не сохранилось. Судя по обломкам венчиков и плеч, сосуды имели низкую слабо выраженную шейку и выпуклые плечи. Очевидно они были в верхней части округлыми. Профилировка венчика разнообразная. Он, как правило, утолщен и выступает наружу. Внутри на нем бывает ложбинка для крышки. Донья кольцевые, дисковидные, реже сосуды не имеют поддона. Диаметр венчика в основном 12-16 см, иногда до 20-22см.

Шероховатые горшки Мологи и Веселого однотипны с такими же сосудами Козырского городища (Гудкова 1991, рис. 1, *16-18*, рис. 2, *7, 8, 12, 13*). Сероглиняная шероховатая кухонная посуда появляется в начале нашей эры в дунайских провинциях. В разных керамических

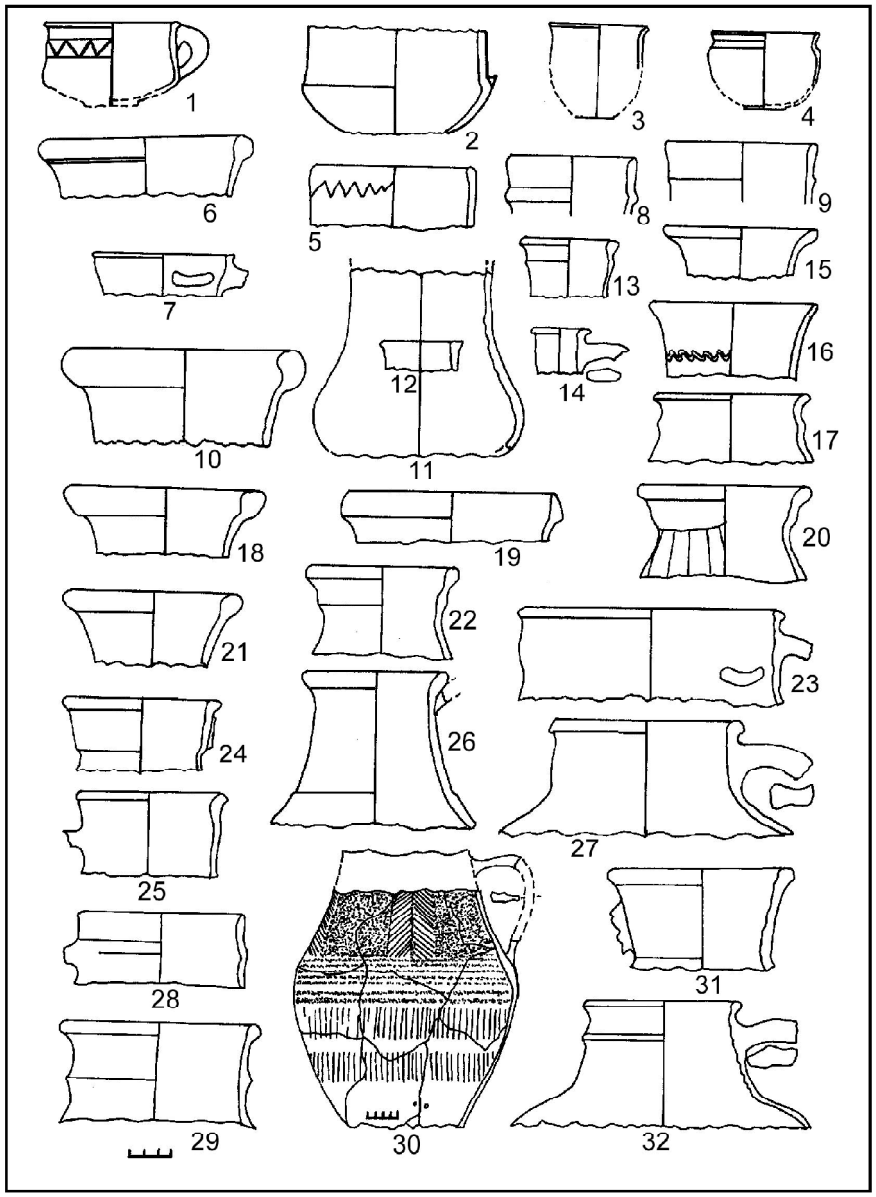

Рис. 5. Кружки (1, 2, 5), кубки (3, 4) и кувшины (6, 8-32). Веселое — 1, 2, 8, 9, 24, 25, 28. Молога — 3-7, 10 — 23, 26, 27, 29 — 32.11

центрах ее облик может иметь некоторое местное своеобразие. Так в Восточной Словакии эта посуда в основном красная, но есть и серая (Lamiova-Schmidlova 1969: 462-463 Abb. 31, *1-7, 9*; Abb. 25, *1, 2, 9, 11*). Их изготовляли в гончарных мастерских Аквинкума (Poczy 1956, рис. 8, *9, 11*) и в центрах Северной Фракии (Sultov 1976; 1985). Тогда же эта керамика появилась в небольшом количестве в Ольвии (Гудкова, Крапивина 1988: 93, 95, рис. 5, *9, 12, 13-16, 19*) и Тире. В этих городах она продолжает бытовать, но не становится массовой, в слое, синхронном черняховской культуре. Однако массовой она в городах не стала. Очевидно, эта форма сосудов оказалась очень практичной. В результате шероховатые горшки широчайшим образом распространились в разных культурах римского времени – у даков на севере и западе их территории, в районе Иголомь-Тропишев (Diaconu 1970: 249), культуре подкарпатских курганов, у черняховских племен. Можно высказать предположение, что формы этих сосудов в Мологе и Веселом являются по сравнению с черняховской культурой более ранними. Они характеризуются мягкостью и округлостью формы и массивностью профилировки венчика.

Проведенное сопоставление форм керамики Мологи и Веселого с посудой поселений ольвийской хоры показывает полное типологическое сходство и совпадение приемов отделки поверхности. Важное отличие заключается в том, что на поселениях хоры Ольвии сероглиняная гончарная посуда занимала в керамическом комплексе по своему количеству скромное место. Это касается и шероховатых кухонных горшков. Здесь основная масса столовой и кухонной посуды была античной, скорей всего, ольвийского производства. На поселениях же округи Тиры сероглиняная керамика являлась основой керамического комплекса. Для приготовления пищи наряду с шероховатыми сероглиняными горшками широко использовали лепную посуду. На хоре Ольвии она большого значения не имела.

Совершенно очевидно, что сероглиняная керамика сельских поселений отличается от гончарной продукции Тиры и Ольвии. В результате становится очевидным, что обнаружено новое явление в эволюции гончарной сероглиняной посуды римского времени в Северо-Западном Причерноморье. Основные признаки рассматриваемой керамики не были результатом развития местного гончарства, хотя налицо некоторые черты связи с керамической традицией в одном регионе – Ольвии, а в другом – Тиры. Эта связь проявляется, в первую очередь, в полном господстве форм кувшинов, типичных для античных городов.

Наличие округлых закрытых мисок характеризует античные связи не столь узко, так как их распространение может быть результатом античного влияния более широкого плана, а не только Тиры и Ольвии. Пока еще нельзя сказать, производились ли кувшины и миски типа I на поселениях или же их приобретали на городских базарах вместе с другими изделиями античных гончаров (например, с краснолаковой керамикой, античными кастрюлями и пр.). Однако очевидно, что в целом рассматриваемая керамика, поскольку остальных ее форм в городах нет или же они там редки и не имеют местных истоков, была продукцией сельских мастеров. Это подтверждается и тем, что на Мологе найден керамический брак.

Отсутствие местных истоков сложения рассматриваемой керамики указывает на то, что она оказывается для Северо-Западного Причерноморья привнесенной. Трудно допустить, что это привнесение носило характер распространения моды или заимствования у соседей, тем более, что таких соседей и не было. Очевидно, речь должна идти о появлении новой керамики в результате миграции населения, растворившегося в среде поздних скифов на сельскохозяйственной округе Тиры и Ольвии. При этом пришельцы сохранили свои керамические традиции, поскольку уровень гончарства у них был более высоким, чем у позднескифского населения. Сравнение материалов нижнего и второго горизонтов Козырки дает картину постепенного нарастания разнообразия форм и количества сероглиняной керамики. Это свидетельствует о том, что она распространилась относительно постепенно.

Определить направление распространения описываемой керамики позволяют наблюдения над ее количеством на различных поселениях. На Козырке сероглиняная посуда, включая и чисто античные ольвийские формы, составляет всего 3% (Крыжицкий и др. 1989: 184, табл.3). Городище Мыс занимает на ольвийской хоре крайнее западное положение и расположено, примерно, на середине расстояния между Мологой и Козыркой. Состав его керамического комплекса: амфоры – 50%, красноглиняная и краснолаковая керамика — 1,37%, сероглиняная гончарная посуда — 43,68% (Крыжицкий и др. 1989: 184, табл. 3). В Мологе по материалам раскопок 1975—1976 гг. состав керамического комплекса: амфоры — 66%, красноглиняная и краснолаковая посуда — 3%, сероглиняная — 12%, лепная — 19%. В Веселом количество сероглиняной посуды составляет 35%, а красноглиняной и краснолаковой — 4,3%.

Показательно количество лепной посуды на Мологе, могущее свидетельствовать о сохранении каких-то старых довольно примитивных традиций. В Мологе и Веселом практически нет иной столовой посуды, как сероглиняной. Кроме того, на этих поселениях набор форм разнообразней, чем на хоре Ольвии. Присутствуют, и не в малом количестве, – миски типа III, не известные ни в городах, ни на хоре Ольвии. Ближайшие аналогии им обнаруживаются в культу-

ре карпатских курганов (Вакуленко 1977: 26, тип I, табл. XIV, *16, 19*). Далее на запад такая форма мисок известна в пшеворской культуре (Dobrzanska 1980: rус. 8, *a, b, c, e, g*).

Корчаги, так, видимо, и не давшие прижиться в Мологе и Веселом античным пифосам, связаны с латенскими керамическими традициями, усвоенными в дакийской среде, и не только на нижнем Дунае. Кубки в виде маленьких горшочков характерны для пшеворской культуры (Dobrzanska 1980: rys. 13). Источником массового распространения в Мологе и Веселом шероховатых кухонных горшков никак не могла быть Тира, ибо в ее керамике они не занимают заметного места. Судя по всей археологической и исторической ситуации первых веков нашей эры, они могли проникнуть в Северо-Западное Причерноморье из Дунайских провинций в обход Карпат с севера. На такую возможность указывает уже отмеченное выше их распространение в Восточной Словакии и в культуре карпатских курганов, особенно на поселениях в Глубоком, Волосове и в гончарных мастерских Печенижена (Вакуленко 1977: 28), относящихся по археомагнитному анализу к середине III в. (Вакуленко 1977: 69). В этой культуре имеются указания на связи с Восточной Словакией: часть шероховатой керамики, так называемая посыпная, находит себе аналогию только в этом районе на поселении в Себастовицах Барках.

Сосуды с Г- и Т-образным венчиком не связаны своим происхождением ни с Тирой, ни с Ольвией, для керамики которых они не характерны. В то же время они широко представлены на мисках, вазах и горшках в регионах, расположенных на северо-запад от степей Северо-Западного Причерноморья. Они присутствуют в керамике культуры карпатских курганов на мисках, столовых горшках и вазах (Вакуленко 1977: табл. VIII, *7*; IX, *31*; X, *14*). На тех же формах сосудов они известны и у карпов (Bichir 1973: pl. LXIII, LXIY, *1, 3, 6*; CII и др.). Вазы с таким венчиком представлены и в культуре карпатских курганов (Вакуленко 1977: 26, табл. XV). Если двигаться далее на запад, то такие венчики разных модификаций обнаруживаются у мисок в пшеворской культуре (Dobrzanska 1980: rус. 4, *a-f;* rус. 3, *d-g*).

Совершенно особый интерес представляет сопоставление рассматриваемой керамики с материалами черняховской культуры. Все описанные формы, кроме собственно античных (миски типа I и кувшины ольвийского и тирского производства), представлены в черняховской культуре. Это касается и хозяйственной посуды, шероховатых кухонных горшков и корчаг. Чрезвычайно важно то, что закрытые биконические миски черняховской культуры и поселений на Днестровском лимане практически идентичны. Кубки-горшочки известны и в черняховских комплексах. Отличие описываемой керамики от черняховской: присутствие мисок типа I и типа III; заимствование форм кувшинов в античных городах; отсутствие трехручных ваз и специфически орнаментированных кубков черняховского облика; изготовление корчаг-зерновиков, полностью совпадающих по форме с черняховскими зерновиками, не из грубого, а из тонкого глиняного теста; применение черного покрытия.

Таким образом, можно констатировать, что в сероглиняной посуде рассматриваемых поселений предвосхищен минимум на полтораста лет облик керамики черняховской культуры и по формам, и по структуре керамического комплекса. Это отнюдь не значит, что рассматриваемая керамика была непосредственной основой формирования черняховской. Мы полагаем, что она связана с теми же глубинными истоками, которые позднее пышным цветом проявились в черняховской культуре. Выработка основных черт облика керамического комплекса, который позднее стал черняховским, происходила еще до сложения черняховской культуры. Место, где шел этот процесс, еще нужно определить и это тема особого исследования. Во всяком случае это не были степи Северо-Западного Причерноморья. Так углубляются и уточняются возможности поиска этих истоков.

ЛИТЕРАТУРА

Баран В.Д. 1981. Черняхівська культура за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ.

Буйских С.Б., Бураков А.В. 1977. Античне городище на мису між Березанським і Сосицьким лиманами. Археологія. Вип. 22.

Бураков А.В. 1976. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев.

Вакуленко Л.В. 1977. Пам'ятки підгір'я українських Карпат першої половини I тисячоліття н.є. Київ.

Гудкова А.В. 1979. Классификация сероглиняной столовой керамики Тиры II-IV вв. н.э. // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев.

Гудкова А.В. 1986. Об одном типе каменных домов на причерноморских черняховских поселениях // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Гудкова А.В. 1991. Сероглиняная керамика Козырского городища // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон.

Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1988. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков нашей эры // Античные древности Северного Причерноморья. Киев.

Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1990. Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры. Препринт. Киев.

Корпусова В.М. 1971. Біконічні посудини перших століть нашої ери з Причорномор'я. Археологія. — № 3.

Крапивина В.В. 1987. Простая столовая керамика // Ольвия и ее окрестности в архаическое время. К.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. 1989. Сельская округа Ольвии. Киев.

Магомедов Б.В. 1977. О происхождении форм черняховской гончарной керамики // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев.

Магомедов Б.В. 1987. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Петров В.П. 1961. До питання про ліпну кераміку з городищ Нижнього Подніпров"я II ст. до н.э. — II ст. н.э. // АП УРСР. — Т. 10. Київ.

Погребова Н.Н. 1958. Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. № 64.

Сымонович Э.А. 1956. Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры // СА. Т. — XXVI. — М.

Сымонович Э.А. 1983. Черняхівська керамика Подніпров'я // Археологія. № 43. Київ.

Bichir Gh. 1973. Cultura carpică. Bucureşti.

Bojovic D. 1977. Rimska keramika Singidunuma. Beograd.

Brukner O. 1951. Rimska keramika u jugoslovenskom delu provincżje donje Panonije. Beograd.

Gudkova A.V., Krapivina V.V. 1997. Grautonige scheibengedrehte Keramik aus Tyras, Olbia und Tschernjachow-Kultur. Vergleichende Analyse // *Il Mare Nero.* II – 1995/96. Roma-Paris.

Diaconu Gh. 1970. Über die Scheibengedrehte Keramik in der Sîntana de Mureş-Tschernjachow-Kultur // Dacia. T. XIV. Bucureşti.

Dobrzanska H. 1980. Zagadnienie datowania ceramiki toczonej w kulturze przeworskiej //Archeologia Polski. T. XXIV. – Z. I.

Lamiová-Schmiedlova M. 1969. Römerzeitliche Siedlungskeramik in der Südostslowakei // Slovenska Archologia. T. 17.

Poczy Cz. K. 1956. Töpferwerkstätten von Aquincum // Acta Archaeologica. T. VII. – F.I. Budapest.

Sultov B. 1976. Ancient Pottery Centres in Moesia Inferior. Sofia.

Sultov B. 1985. Ceramic Production on the Territory of Nicopolis and Istrum (II-nd – IV century) // Terra antiqua Balcanica. T.I. – Sofia.

Шаров О.В., Бажан И.А.

ЧЕРНЯХОВСКИЕ ЭТЮДЫ

AD GLORIAM B.B. Хвойке

Sharov O.V. Bažan I.A. Chernyakhov Etudes.

The phenomenon of appearance of the Chernyakhov potter's ceramics has been discussed more than once in the Russian and foreign literature. The works of Tihanova M.A., Diakonu G., Magomedov B.V., Gudkova A.V.,Krapivina V.V., Baran V.D. allowed different interpretations of solving of this problem. In our opinion, while the questions of appearance of the Chernyakhov pottery were being worked out two important moments have been missed. Firstly, ceramics was considered in the whole cultural aggragate without taking into account morphological peculiarities of each chronological stage of the culture. We think that to solve the problem one can consider the ceramics of the earliest level of the Chernyakhov culture only. Secondly, the question of appearance of potter's trade in the Chernyakhov culture was not always separate from the question of appearance of the forms of ceramics. In our opinion, potter's trade could appear in the area of the Chernyakhov culture not necessarily with its creators but separately and even from different potter's centers in different periods of time. We think that the forms of the Chernyakhov ceramics should not be searched only in cultural unities that had potter's wheel. Cultures that had no pottery in the synchronous time and earlier periods of time should be used for the analysis. We have done the classification of the ceramics of the early stage of the three illustrative burials of different regions of the Chernyakhov culture – Rujichanca, Cosanovo and Dancheni. Two leading types represented on the early level of the monuments synchronous to them have been selected. The first type is Schaleurnen with the distinct neck. The second type is Schaleurnen with the roller on the torso.

We have examined the ceramics of the European Barbaricum that is synchronous to the early stage of the Chernyakhov culture (C1-beginning C2). The analysis of the ceramic production of the Weilbark and Przewor cultures, of the culture of Poyaneshti-Vertishkoi, of the culture of free and Roman Dacians, of the culture of the Carpathian mounds, of the cultures of the region between Rhine and Vistula has given curious results.

The first type of the vessels, present in the early stage of the Chernyakhov culture is appearing with the beginning of the Roman time in the region of Elbe. Starting from this fact the ceramics of the first type could appear in the area of the Chernyakhov culture from the Rhine-Elbe region where the crockery was performed in the moulded art. The second type of the crockery is spread in the region of the Middle Elbe a little later, not earlier the boundary of the phases of C1-C2.

Summing up, it should be stated that the ceramics of the two examined types could have spread from one cultural region-that of Elbe, first of all of Thuringe. It can be assumed that these revealed links of the regions can be quite connected with the migrations of one of the Eastern-Germanic tribes-Burgunds that together with Goths participated in the raids of the III century to Rome.

1. Происхождение сероглиняной керамики черняховской культуры (историографический очерк)

Феномен появления сероглиняной гончарной керамики в черняховской культуре не раз обсуждался у нас и за рубежом, но специальных трудов, посвященных этой проблеме немного. Так как этот вопрос является до сих пор в современном черняховедении одним из дискуссионных, нам следует подробно остановиться на методе исследований и выводах ученых, занимавшихся этой проблематикой.

Одними из самых ранних работ, посвященных черняховской гончарной посуде, являются небольшие статьи М.А.Тихановой (Тиханова 1970; 1973), выводы которых базировались прежде всего на материалах раскопок поселения у с. Лепесовка. Раскопки дали необычайно богатый керамический набор: были найдены даже фрагменты керамики с надписями на греческом языке, что и явилось главным толчком к появлению гипотезы об ольвийском происхождении гончаров, работающих в Лепесовке, которая затем вылилась в гипотезу о северо-причерноморском происхождении сероглиняной гончарной керамики в черняховской культуре. Автор этих статей провела анализ керамического производства в Лепесовке по целому ряду признаков: по форме сосудов, по тесту, техно-

Разделы 1, 2, 5 написаны О.В.Шаровым; разделы 3,4 написаны в 1989 году в творческом союзе с И. А. Бажаном и представляют собой переработанный вариант подготовленной к печати работы. (см. ссылку в работе: Sarov 1995, изданной по материалам конференции в Париже 1992 года).

© Шаров О.В., Бажан И.А., 1999.

логии изготовления и типу гончарных печей; был введен в оборот петрографический анализ керамики и проведено палеографическое исследование надписей на керамике. М. А. Тиханова пишет: «За северо-причерноморское, а не гето-дакийское происхождение работавших в Лепесовке мастеров говорит прежде всего греческий, а не латинский язык, обнаруженный на поселении в количестве 32 фрагментов надписей. Дополнительно об этом свидетельствует конструкция гончарных печей – двухъярусные с центральным зиждительным столбом (греко-римская традиция), а не с поперечной балкой (кельтская), причем в одной из печей в Лепесовке отмечена типичная для Ольвии деталь, а также формы мисок, терриновидных сосудов, и особенно кувшинов, равно как и ряд орнаментальных мотивов, лощения, и некоторых образцов штампов. Все это дает в сочетании с установленной исследователями Ольвии уточненной датировкой керамики типа «черняхов» в закрытых комплексах Ольвии I-II вв. н. э., решить вопрос в пользу Северного Причерноморья, вероятнее всего самой Ольвии, а может быть и Тиры» (Тиханова 1973: 30). Следует сказать, что работы, посвященные уточнению или хронологии «черняхоидной» керамики в Ольвии, во время написания этих статей М. А. Тихановой были неизвестны, существовала лишь работа, посвященная сероглиняной керамике Ольвии I-II вв.н.э., которая, однако, по взглядам исследователя этой категории посуды, очень сильно отличается от черняховской и не может быть принята за ее праоснову (Ветштейн 1953: 14-15). Чтобы убедиться в обоснованности приведенных выше выводов, нам кажется необходимым обратиться к более ранней статье М. А. Тихановой, где этот вопрос решается попутно с рядом других очень важных проблем (Тиханова 1957). Она пишет: «Многочисленные образцы серой и черной керамики черняховского облика обнаружены в позднеримских слоях крупных городских центров в низовьях Дуная – древней Диногетии, Сучидаве, Капидаве в сочетании с местной привозной краснолаковой посудой и с амфорами» (Тиханова 1957: 187). Этот материал, к сожалению, нами в публикациях этих древнеримских центров Дакии не был обнаружен. Нам кажется, что корень этих «недоразумений» кроется в первичности технологических признаков керамики для вопросов определения регионов их производства, а форма и типы посуды являются для М. А. Тихановой второстепенными. Этот термин «серая и черная керамика черняховского облика» подразумевал, по нашему мнению, их производство в данных римских центрах и в раннее и позднеримское время лишь по технологическим признакам («лощение, цвет, примеси, видимо, ряд форм), т. е. имелся в виду прежде всего тип печей и тип обжига, но не конкретные типы производимой там керамики. При таком понимании термина «черняховской керамики» как сероглиняной лощеной посуды М.А.Тиханова права, ибо эта керамика производилась и в Северном Причерноморье, и в римских провинциях. Но все дело в том, что эта, достаточно однородная серо- и чернолощеная черняховская керамика, тем не менее, очень сильно отличалась по морфологическим признакам, и практически не повторяла ни одной из распространеных в позднеантичном мире типов кружальной керамики, что не позволяет на наш взгляд проводить анализ керамического материала без учета формы наряду с другими признаками.

Следующей работой, посвященной той же проблеме, является статья Георге Диакону (Diaconu 1970: 243-251). В начале работы он ставит две задачи, которые пытается решить в процессе своего анализа, чтобы выяснить пути проникновения гончарства в черняховскую культуру:

1. Исследовать категории керамики, которые характерны для ЧК.
2. Выяснить, на какой стадии развития гончарства находились народы, которые участвовали в образовании культуры.

Георге Диакону считает необходимым коснуться и происхождения лепной керамики, точнее ее основных групп, правильно понимая, что эта тема имеет такое же первостепенное значение для вопроса о появлении гончарства в черняховской культуре. Он выделяет четыре больших группы лепной керамики, представленных на следующих территориях: I — Волынь и Северо-Западная Украина, связывая ее с центрами Willenberg, Oksywia и приписывал ее готам; II — Карпатская Украина и Галиция — керамика пшеворского типа; III — керамика среднего Днестра зарубинецких традиций и на севере северопричерноморских степей — скифо-сарматская керамика; IV — на западе и юго-западе, в области Дакии — керамика гето-дакийского типа (Diaconu 1970: 245). Керамика, сделанная на гончарном круге, таких отчетливых особенностей в себе не несет и на всей территории культуры, по мнению Г. Диакону, достаточно однородна. Автор делит всю гончарную керамику на три группы: I — серая и серо-черная тонкая керамика; II — провинциальноримская керамика из грубой зернистой глины, которая в большинстве случаев, также серо-черного цвета. В западной части распространения культуры появляется в незначительном количестве также зернистая керамика красновато-кирпичного цвета. III — римская керамика из утонченного импортного теста. Автор избирает для рассмотрения лишь первые две выделенные группы гончарной керамики, а методом своего исследования только факт наличия или отсутствия гончарного круга и данных групп керамики в различных культурных общностях. Он делит все культуры, попавшие в этот большой ареал, на следующие общности:

1. Культуры, которым неизвестен гончарный круг;

2. Культуры, которым он известен, но не производящие грубую зернистую керамику;

3. Культуры, производящие обе группы керамики.

Гончарного круга ни на нижней Висле, ни у зарубинцев, пшеворцев, ни в районах среднего Дуная, где обитали маркоманны, квады, языги, Г.Диакону не обнаружил (Diaconu 1970: Abb. 1). Так как автор считает apriori, что черняховскую культуру образовали пришедшие с нижней Вислы племена, то он предполагает исходя из вышесказанного два возможных пути, по которым эти племена могли получить гончарный круг:

1. Ремесло было перенято из северопричерноморских городов и ремесленных поселений, но исследователь полагает, что керамика латенских традиций в рассматриваемое время там не производилась, что находится в явном противоречии с работами Р.И.Ветштейн (1953: 15), А.И.Фурманской (1962), Г.М.Мелентьевой (1969: 28), А.В.Гудковой (1979: 9-115). Этот взгляд также базируется на постулате, что причерноморские города узнали готов лишь в 30-40-х г.г. III в.н.э., когда в своих основных чертах ЧК была уже сформирована. Мы не будем касаться вопроса о традиции сероглиняной лощеной керамики Ольвии в I-х веках н.э. Но по поводу «сформировавшейся черняховской культуры (далее ЧК) в 30-40-х г.г. III в. н. э. можем возразить, ибо нам неизвестно ни одного памятника ЧК, который бы датировался этим временем, известно лишь несколько погребений, которые можно датировать terminus post quem 30-40-ми гг. III столетия. Эти факты говорят о начале процесса формирования ЧК в это время, или точнее об уловимости этого процесса в археологическом материале с этого времени, но никоим образом не может трактоваться как сформировавшаяся культурная общность. Основываясь на заключении, что керамика античных центров иного облика, он отсекает, как возможный путь и сарматские древности, которые употребляли главным образом, лишь античную керамику.

Г.Диакону, подводя итоги, пишет: «Наиболее вероятным путем проникновения тонкой керамики из серой глины, одновременно с появлением гончарного круга, могут быть северо-северо-западные области ЧК, где выделяется культура Липица-Пояна, которая единственная указывает твердые традиции в гончарстве и особенно глины серых тонов» (Diaconu 1970: 246). Автор понимает шаткость этого положения, ввиду того, что эта культура прекращает свое развитие около 180 года, что связывается с изгнанием костобоков из этой области, но считает, что влиянием липицкой культуры нельзя пренебрегать. Г.Диакону считает, что наличие памятников Болотное-Звенигород, где доказано присутствие липицких элементов в начале III века н.э., говорит о возможности их существования в более позднее время. Некоторые исследователи полагают, что эти памятники относятся к гораздо более раннему времени и не могут быть основой изменения датировки (Щукин 1979: 77). Далее Г. Диакону пытается разрешить и проблему появления тонкой черной керамики, которую он приписывает северным народам, имевшим традиции изготовления подобного рода посуды. Со времени появления в сложившемся виде ЧК, лепная чернолощеная керамика стала производиться на гончарном круге. Г. Диакону выдвигает гипотезу о том, что на ранних памятниках ЧК должен присутствовать большой процент серой тонкой керамики и небольшой — черной, а керамика провинциальноримских традиций из грубой зернистой глины полностью должна отсутствовать, так как она появляется лишь во второй половине III в. н. э. и в течение IV в. н. э. с увеличением ее доли до 50-60% от всего количества керамики. Это связано, по его мнению, с притоком гончаров из других центров в черняховскую культуру.

Рассмотрим происхождение последней группы керамики — грубозернистой или провинциальноримской. Эта керамика в предшествующее время достигает окраин империи в трех отличных друг от друга регионах: 1. В верховьях Дуная и Рейна; 2. В среднем течении Дуная; 3. В нижнем течении Дуная.

Ввиду отсутствия древностей готов в первых двух районах, а также появления в IV веке на территории нижнего Дуная черняховской культуры, Г. Диакону избирает объектом рассмотрения третий регион. Исследователь вновь обращается к северопричерноморским городам, но связывает появление там серой зернистой керамики лишь с походами готов, которые эту керамику уже имели к 240-250-м г.г. (Diaconu 1970: 249). Он последовательно исключает из своего рассмотрения керамику свободных даков, липицкой культуры, культуры Поянешты-Выртешкой, где она была неизвестна. Анализируя керамический материал с помощью своего метода, он приходит к выводу: «провинциальноримская керамика в Трансильвании, Олтении и у свободных даков в Валахии и у носителей культуры Килия-Тыргшор встречена в ряде поселений и могильников в Валахии, которые происходят с конца II-III вв. н.э. и где эта керамика встречена с долей 50-60%. Эти памятники принадлежат свободным дакам, находящимся в развитой стадии романизации. Внутри этой культуры прослеживается ряд культурных элементов сарматского облика, а также сильные северные традиции в районе северо-восточной Дакии». Г.Диакону считает, что это пшеворские племена, которые, вероятно, к середине и второй половине III в.н.э., до регулярного проникновения носителей ч.к. в этот регион, уже были среди земледельческого населения в Валахии. Появление готов в этом районе автор относит лишь

ко времени Галлиена—Аврелиана (253-275 г.г.). Эта волна северных германцев и распространила в области ЧК грубую зернистую керамику и вместе с ней подвязные арбалетные фибулы, а также гребни из костяных пластинок. Распространение этих трех культурных компонентов по Г.Диакону и является показателем полностью сложившейся культуры типа Sîntana-de-Mureş (Diaconu 1970: 251).

Работа Г. Диакону представляет для нас большой интерес, ибо здесь проведена попытка анализа керамического материала на четко обоснованной методической основе. Практически вся работа строится по четко выделенным технологическим признакам, но форма сосуда и набор форм керамики, представленной в черняховской культуре, автором не принимается во внимание. В то же время ряд положений автора нам кажется сомнительными. Прежде всего коснемся еще раз липицкой культуры. При постулировании Г. Диакону готской принадлежности ЧК, вероятно, должны были появиться поселения и могильники, на которых также заметен симбиоз, подобный липицко-пшеворским памятникам типа Звенигород-Болотное, где сочетались бы также липицкие и вельбаркские элементы. Таких памятников до сих пор не обнаружено и, видимо, не может быть найдено, ибо ко времени появления готов в этом районе, липицкой культуры уже не существовало.

Далее, коснемся еще раз северопричерноморских городов. Тонкая серая гончарная керамика в незначительном количестве существовала в Ольвии и в Тире уже во II в. н. э., хотя по своим формам она существенно отличалась от черняховской керамики. В третьем веке нашей эры появляется, прежде всего в хоре причерноморских городов, керамика, которая представлена в раннечерняховском горизонте. Помимо этого, на территории, включенной Г. Диакону в область рассмотрения, существует культура Поянешты-Вертешкой, где эта керамика выступает также в большом количестве. Таким образом ареал появления тонкой серой гончарной керамики существенно расширяется, если исходить даже только из технологических признаков. В отношении грубозернистой керамики следует указать также на культуру карпатских курганов (Вакуленко 1977: 57), где эта керамика была известна, а также на отдельные находки этой керамики из культурного слоя городов Северного Причерноморья в «доготских» слоях (Гудкова, Фокеев 1982: 93-94). Вопросы, касающиеся хронологии различных процессов, затронутых Г.Диакону, мы рассмотрим в разделе, посвященном рассмотрению керамического материала культур, которые могли дать импульсы к формированию черняховского единства.

Перейдем к работам, где главным вопросом является именно анализ происхождения различных форм гончарной посуды. Существуют две статьи, очень похожие по анализу исследуемого материала. Это работы А.Т.Смиленко и Б.В.Магомедова. Статья А.Т.Смиленко (Смиленко 1970: 76) изложена очень тезисно и по существу не отличается от основных идей, предложенных Б.В.Магомедовым, поэтому рассмотрим взгляды последнего автора.

Б.В.Магомедов в своей работе избирает путь «типологического сравнения с керамикой территорий, вошедших в черняховский регион и его окружение» (Магомедов 1977: 111). Самым существенным недостатком этой работы, который можно сразу отметить, является отсутствие классификации гончарной черняховской керамики, за исключением работы по классификации черняховских кувшинов. На наш взгляд, нельзя подходить к вопросам о происхождении форм, не имея классификаций всех категорий посуды (Магомедов 1973). В таблице Б.В.Магомедова представлены лишь усредненные типы и по ним уже подбираются аналогии. Также, как мы уже отмечали выше, необходимо сравнивать керамику из раннего горизонта черняховской культуры, что не делается автором этой работы.

Б.В.Магомедов коснулся и проблемы технологии производства керамики: «что касается конструкции гончарных горнов, то в предримское и римское время они были почти одинаковы во всей Европе и мало могут дать для решения стоящей перед нами задачи» (Магомедов 1977: 111). Здесь автор не совсем неправ, ибо кельтский тип печи значительно отличается от греко-римского по своей конструкции (Henning 1978) и рассмотрение типов печей, открытых в ЧК, может пролить свет на происхождение гончарства последней. Исследователь далее традиционно делит всю гончарную керамику на столовую и кухонную: «кухонная посуда изготовлена из грубого глиняного теста с примесью дресвы, имеет шероховатую поверхность, использовалась для приготовления пищи. Основные формы — это горшки и корчаги. Орнамент сдержанный — горизонтальные врезные линии или налепной валик. К столовой посуде относятся сосуды, сделанные из тонкой глины. Поверхность подвергалась лощению. Основные формы — миски, трехручные вазы, кувшины, кубки» (Магомедов 1977: 111). Остановимся на классификации категории мисок. Б.В.Магомедов делит их на открытые и закрытые, что немного дает для сравнения с иной керамикой, так как необходимы совершенно иные критерии отбора признаков. Далее он пишет: «Миски обычно имеют биконическую форму» (Магомедов 1977: 113), используя термин, имеющий достаточно четкое определение и отделяющийся от иного типа реберчатых форм. Таким образом из обзора исключаются цилиндро-конические и усеченно-конические миски, которые на деле и являются более ранними. Перечень культур и культурных центров взятых для анализа примерно тот же, что и у Диакону, но здесь включены также культурные общности, которые не доживают

до периода формирования ЧК (кельты, зарубинецкая культура, гето-даки). Он берет для сравнения кельтские памятники конца латена, дакийские миски I в. до н.э. — I в. н. э., зарубинецкая культура, как известно, исчезает в III четверти I в. н. э. Автор этой работы руководствуется совершенно иными критериями, чем выделенные нами, чем и объясняется такой подбор объектов анализа. Здесь снова сказывается «идея кельтского Ренессанса», которая по всей видимости висела несколько столетий в воздухе и, наконец, с приходом ЧК упала на землю, обогатив и выделив ее среди других народов Восточной Европы. Исходя из поставленных автором проблем, его должны были интересовать прежде всего вопросы, где могли усвоить такую керамику черняховцы, а не где производилась независимо от времени подобного рода керамика. Исходя из вышесказанного, нам кажется, что единственным пригодным для сравнения материалом является, керамика, встреченная в слоях I-III вв.н.э. городов Сев.Причерноморья, прежде всего Ольвии и Тиры. Автор, ссылаясь на рукописные работы Р. И. Ветштейн, хранящиеся в архиве, считает возможным выводить большинство форм из северопричерноморских центров (Ветштейн 1955). Он пишет: «Подавляющее большинство форм черняховской гончарной керамики происходит из северо-причерноморских центров, что очевидно объясняется заимствованиями из этих центров и самой техники изготовления сероглиняной гончарной посуды (Магомедов 1977: 112). Здесь можно отметить, что работ по ольвийской и тирской сероглиняной керамике, относимой к дочерняховскому времени, нет, и вся керамика черняховского облика, встреченная в слоях причерноморских городов, может быть гораздо более поздней и объясняться экспансией ЧК. Мы можем в заключении обзора этой работы отметить, что в ней не предложена четкая методика для решения данной проблемы, это можно отнести и к работе А.Т.Смиленко (Смиленко 1970: 76).

Кратко остановимся еще на одной работе, где вопрос происхождения черняховской керамики рассмотрен в специальном разделе. Это — работа В. Д. Барана, написанная по материалам раскопок черняховских памятников верхнего Днестра и Западного Буга. Автор во многом опирается на рассмотренную нами выше работу Б.В.Магомедова, конкретизируя ее в некоторых деталях и противопоставляя отчасти свое собственное мнение. В.Д.Баран пишет: «Все гончарные миски, в том числе и миски — вазы с тремя ручками, находят прототипы в керамике римских слоев Причерноморья (Баран 1981: 95). Далее он пишет: «На территории Верхнего Приднестровья гончарная посуда появляется в готовом виде уже в позднелатенский период вместе с древностями кельтов, далее гончарную посуду используют липицкие племена, но наибольшее распространение получает она в конце II-IV вв.н.э. с появлением ЧК. Автор также вслед за Б.В.Магомедовым обращается к технологии изготовления гончарной керамики, конкретизируя эту проблему, также не расчленяя гончарные горны на два основных типа. Он пишет: «На вопрос, кто были эти гончары, указывает анализ керамических наборов ЧК, прототипы которым, как и гончарным горнам, находятся на территории римских провинций. На основе сопоставления этих фактов можно сказать, что гончарство во второй четверти I тысячелетия н.э. на территории Юго-Восточной и Центральной Европы было привнесено извне и находилось в руках провинциальноримских гончаров. В подтверждение этой гипотезы свидетельствует и то, что время его отмирания совпадает со временем кризиса римской империи и утратой богатых сфер влияния вместе с варваризацией придунайских провинций, которые были плацдармом распространения провинциальноримской культуры на север» (Баран 1981: 98). Идея о привнесении гончарства извне означает, что черняховские мастера, по его мнению, так и не овладели этой идеей и всю посуду производили мастера-эмигранты, пришедшие из провинций. На наш взгляд, эта идея В.Д.Барана связана с увязкой верхнеднестровской группы черняховских памятников со славянами, которым гончарная посуда была не присуща.

Так как основными центрами производства сероглиняной гончарной керамики вблизи ареала ЧК являлись античные города Северного Причерноморья, прежде всего Ольвия и Тира, то интерес к сравнительному анализу черняховской и античной сероглиняной посуды не ослабевал. Следствием этого можно считать появление двух наиболее важных работ А.В.Гудковой и В.В.Крапивиной (1988; 1990).

В более ранней работе, посвященной керамике Ольвии первых веков нашей эры, проведена дробная классификация всей сероглиняной гончарной посуды и указаны их возможные прототипы (Гудкова, Крапивина 1988: 87, 102). За 40 лет исследований после написания единственных серьезных работ, посвященных сероглиняной керамике Ольвии (Р.И.Ветштейн 1953,1955 гг.), число хорошо датированных комплексов первых веков нашей эры в Ольвии практически не возросло. Авторы пишут: «Верхние слои Ольвии сильно разрушены, хронологически почти не расчленяются, закрытых комплексов мало, кроме того они не всегда содержат интересующий нас материал» (Гудкова, Крапивина 1988: 83). Поэтому определить, когда миски второго типа второго вида по их классификации, близкие черняховским мискам, появились в Ольвии, до или после появления ЧК, не удается. Единственное, можно определить, что ряд форм мисок типа II, вида 2, 3, вазы, зерновики, кувшины типа V, появились только в первые века нашей эры, а не раньше. Основные выводы авторов заключаются в том, что ввиду различного

соотношения форм столовой посуды ЧК и Ольвии и ввиду связи гончарной керамики ЧК с лепными формами и их резкого отличия в Ольвии от гончарной посуды, керамика ЧК и Ольвии существует как два параллельные явления, и четкая генетическая связь между ними не прослеживается (Гудкова, Крапивина 1988: 102).

В препринте, посвященном сравнительному анализу сероглиняной керамики Тиры, Ольвии и ЧК, авторы используют несколько иную методику. Применяя в основном классификацию, построенную ими для Ольвийской сероглиняной керамики, они сравнивают ее с керамикой памятников степной зоны и Среднего Поднепровья ЧК (Гудкова, Крапивина 1990: 1, 2). Для каждого типа керамики приводится обширный список аналогий и прототипов, чаще всего без учета их возраста. Целому ряду типов мисок ввиду наличия лепных и гончарных форм выбраны в качестве аналогий зарубинецкие типы лепных сосудов (Гудкова, Крапивина 1990: табл. II). Большим прогрессом в этой работе явилось то, что биконические миски в Ольвии в результате раскопок последних лет на территории римской цитадели были найдены в слоях II в.н.э. Эту дату подтверждают данные Козырского городища, где появились биконические миски также во II в.н.э. В Тире они появляются, по мнению авторов, на позднейшем этапе ее формирования после готского разгрома.

Авторы выдвигают также интересную гипотезу о том, что в Ольвии происходила самостоятельная выработка типов сероглиняных биконических мисок под влиянием форм краснолаковой керамики западных провинций (Гудкова, Крапивина 1990: 6, 7). Выводы авторов почти не отличаются от заключений более ранней работы, но так как они существенны для нашего анализа керамики, то кратко их приведем:

1) Сероглиняная столовая посуда Тиры и Ольвии в первые века н.э. занимала подчиненное место по отношению к краснолаковой керамике. На памятниках ЧК вся столовая посуда сероглиняная и связь ее с лепными формами несомненна.

2) Соотношение форм в сероглиняной столовой посуде Тиры и Ольвии иное, чем на черняховских памятниках. Для первых характерно преобладание кувшинов и округлых мисок, для вторых — ребристых мисок и горшков (Гудкова, Крапивина 1990: 15).

3) Орнаментация сероглиняной столовой посуды Тиры и Ольвии сильно отличается от орнаментации черняховской керамики.

4) Сероглиняная керамика Ольвии представляет собой античный комплекс, сложившийся на основе древней Ольвийской гончарной традиции под влиянием керамики римских провинций.

Авторы в этой работе также определили, что ранние черняховские памятники Причерноморья появились в середине — второй половине III в.н.э., а в степях между Дунаем и Днестром гораздо позднее — не ранее середины IV в.н.э. (Гудкова, Крапивина 1990: 19). Исходя из этого, они считают, что взаимодействие черняховцев с Тирой и Ольвией до их разгрома практически было невозможно, так как результатом появления черняховского населения и явилась гибель Тиры, Ольвии и Танаиса, жизнь которых возобновляется лишь к концу III в. н. э.

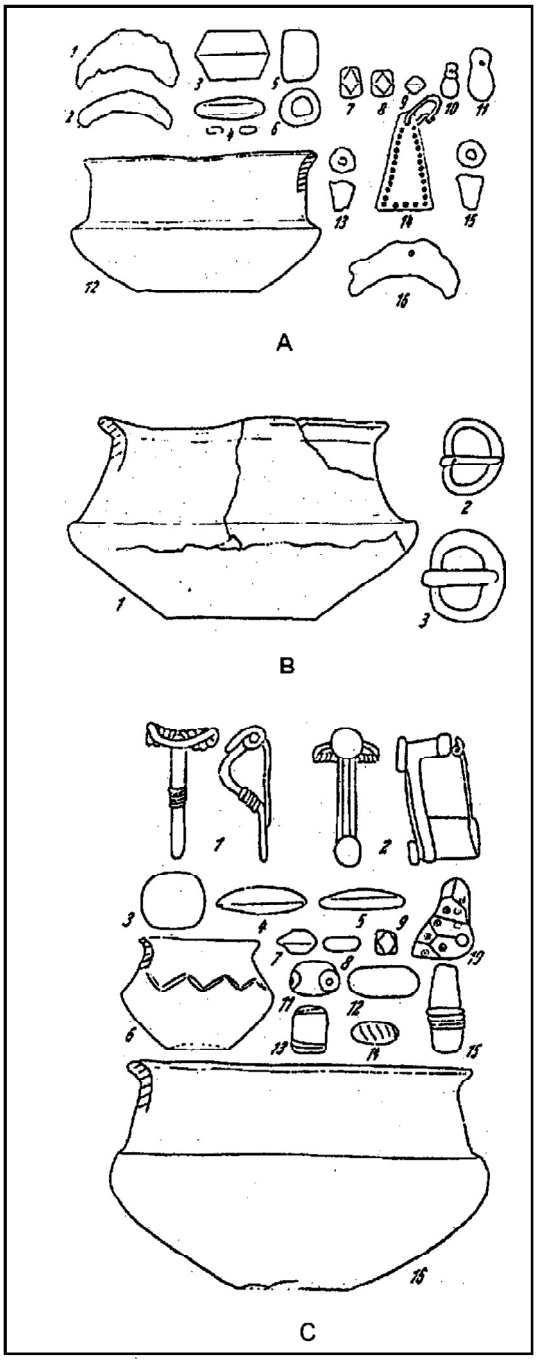

Табл.1. Комплексы вельбаркской культуры с сосудами VI по Р.Шиндлеру (R.Schindler 1940: Abb.39-41)

Сравнительный анализ керамики показал, что «черняховцы появились здесь уже со сложившимся комплексом сероглиняной посуды, и влияние Тиры и Ольвии было опосредствованным через более ранние культуры, подвергши-

еся античным воздействиям. Это не исключает работы отдельных гончаров из Тиры и Ольвии на черняховских поселениях, но это имело место не ранее рубежа III-IV в. н. э. и не могло определить облик керамического комплекса всего ареала ЧК» (Гудкова, Крапивина 1990: 19).

В этих последних работах произведена детальная классификация керамики и учтен момент хронологического стыка с прототипами — культурами-предшественниками.

В заключение обзора подведем некоторые итоги. Можно заметить, что подходы авторов весьма различны, прежде всего по своему методу. Г.Диакону и М.А.Тиханова пытаются положить в основу своих гипотез технологические критерии без учета морфологических характеристик, тогда как Б.В.Магомедов, А.Т.Смиленко, В.Д.Баран и А.В.Гудкова и В.В.Крапивина берут за основу прежде всего эти данные. Далее можно заметить, что выводы М.А.Тихановой и В.Д.Барана основаны на изучении достаточно узкого региона и перенесены на происхождение всей черняховской гончарной керамики.

Исходя из краткого разбора основных работ, хотелось бы отметить, что нами при сравнительном анализе будут учитываться, как реальные претенденты культуры, не имевшие гончарного круга ко времени формирования ЧК, ибо вопрос о происхождении форм сосудов в ряде случаев может на определенной стадии исследования ввиду его сложности рассматриваться отдельно, а лишь затем включаться в общую процедуру исследования. Для ряда культур зафиксировано усвоение гончарами прежних лепных форм и их обработка или частная переработка, а не заимствование только новых форм. На это указывает и Г.Диакону в вопросе происхождения черной тонкостенной керамики.

Далее, на наш взгляд, очень существенно и то, что некая культурная общность очень часто заимствует в чуждой культуре не совершенно новые формы, а формы, близкие собственным, но выполненные в иной технике (гончарный круг, иная орнаментация, лощение, проработка отдельных деталей и т.д.). Все это заставляет нас сравнительный анализ типов керамики с учетом вышеизложенного считать одной из основных частей нашей работы.

2. Керамическое производство Центральной и Западной Европы в III в.н.э. и происхождение ведущих типов черняховской гончарной керамики раннего горизонта

При разработке вопросов происхождения черняховской гончарной посуды, на наш взгляд, не были учтены два важных момента.

Во-первых, керамика рассматривалась во всей культурной совокупности без учета морфологических особенностей различных хронологических этапов, как ЧК, так и культур, используемых для сравнительного анализа.

Во-вторых, не всегда отделялся вопрос о происхождении гончарства в ЧК от вопроса о происхождении форм керамики. На наш взгляд, гончарное ремесло могло придти на территорию, занятую ЧК, не обязательно с ее создателями, а отдельно, и даже из разных гончарных центров и в разное время. Поэтому мы считаем, что формы черняховской посуды не следует искать только в культурных единствах, имеющих гончарный круг, а нужно использовать для анализа также культуры, не имеющие в предыдущее и синхронное время гончарной посуды. Гончарство повлекло за собой полное изменение технологии изготовления керамики и декоративных элементов, так как гончарные сосуды очень редко бывают разнообразно украшены, но сохранило стойкие местные традиции, выразившиеся в передаче формы сосуда. Именно поэтому модель формы является для нас основным показателем для выяснения связей между культурными общностями.

Прежде чем мы перейдем к вопросу происхождения отдельных форм керамики ЧК, необходимо выделить те принципы, которыми мы будем руководствоваться в нашей работе.

1. Выделение раннечерняховского горизонта дает возможность изучения керамики этого горизонта и тех импульсов, которые привели к формированию ЧК, т. е. необходимо уловить период становления культуры, когда еще нет нивелировки за счет массового гончарного производства (см. работы по хронологии: Щербакова, Щукин 1986; Tejral 1986; 1987; Kazanski 1988; Гей, Бажан 1992; Шаров 1992).

2. Вопрос выбора культурных общностей для сравнительного анализа есть вопрос хронологический, ибо для передачи культурной традиции обе культуры должны существовать какой-то период одновременно. Явление кельтского Ренессанса не может висеть в воздухе, эти традиции должны быть переданы через реальных носителей.

3. Ареал выбора анализируемых культур, с учетом вышеизложенного, не совпадает с областью распространения ЧК. Нами допускается возможность миграции как создателей керамики из любого региона Европы, так и потребителей такой керамики уже в период ее существования. Причем группы мигрантов, принесших керамику и навыки ее изготовления, могли быть немногочисленными. Развитие эти формы могли получить уже на месте, и в новой технике.

На первом этапе исследования мы рассмотрим керамическое производство культур, соседних с ареалом ЧК, причем основной упор сделаем на культуры юго-западного региона.

2.1. Вельбаркская культура (Табл.1-4)

Эта культура образовалась по данным исследований польских археологов в раннеримское время, на основе оксывской культуры, которая имела до этого момента большое сходство с соседней пшеворской культурой (Godłowski, Okulicz 1981: 41-42). Изменения погребального обряда, ряда компонентов материальной культуры, прежде всего керамики, позволили говорить о формировании новой культурной общности — вельбаркской культуры. Развитие и распространение вельбаркской культуры на цецельской фазе, синхронной периодам B2/C1-D, подробно рассмотрены Р. Волонгевичем в ряде работ. Он разделил территориально памятники этой фазы на 6 зон A-F, увязав их распространение на юго- восток с экспансией готов. Нас будет интересовать, прежде всего, зона F, включающая Волынь и Полесье (Wołągiewicz 1974: 129-152; 1981: 79-107). На территории Волыни и Полесья первые памятники вельбаркско-цецельской культуры появляются в конце фазы B2 (Кухаренко 1980: 64-77). Памятники типа Брест-Тришин были первой волной движения вельбаркского населения в зону F, следующей волной были переселенцы, заложившие могильник в Дитиничах (C1b) и еще несколько позже появились носители волынской группы полей погребений, где наблюдается смешение различных культурных компонентов. Ю. В. Кухаренко относит к этой группе погребения и более раннего времени (Кухаренко 1980: 75), выделенные М.Б.Щукиным в Брест-Тришинскую волну вельбаркской культуры (Szcukin 1981: рис. 4, 5, 7). Нам кажется, что здесь смешались различные волны: волна, пришедшая вместе с Брест-Тришиным и продолжающая существовать и далее, и волна, образующая собственно волынскую группу (может быть, из Масломенжской культуры?), пришедшая в конце фазы C1b уже с иными чертами, которые близки черняховским. Объединение их в одну группу позволяет исследователям говорить о смешанном характере памятников, о невозможности провести четкую грань между ними, в то время как это могут быть два хронологических этапа. Памятники, имеющие в себе ряд новых культурных признаков с сохранением ряда старых, и есть памятники ЧК. Поэтому смешанный характер волынской группы полей погребений не является, по нашему мнению, доказательством промежуточного звена между вельбаркскими и черняховскими памятниками. Обратимся к анализу керамического материала вельбаркской культуры (табл.1, 2). Этой теме посвящены: работа Р.Шиндлера, вышедшая в 1940 году, и работа Р.Волонгевича 1993 года. Первая работа во многом устарела, в частности, в отношении хронологии, но схема классификации керамики остается до сих пор общепринятой. Р.Волонгевич ввел в классификацию еще 2 новых типа остроребериых мисок: XaA и XIVA (Wołągiewicz 1993: 14) (табл.3, 4). К моменту появления ЧК гончарной керамики у вельбаркской культуры еще не было, она появилась лишь на стадии C2 и наибольшее распространение получила в IV в.н.э. Рассмотрим подробнее лепную керамику.

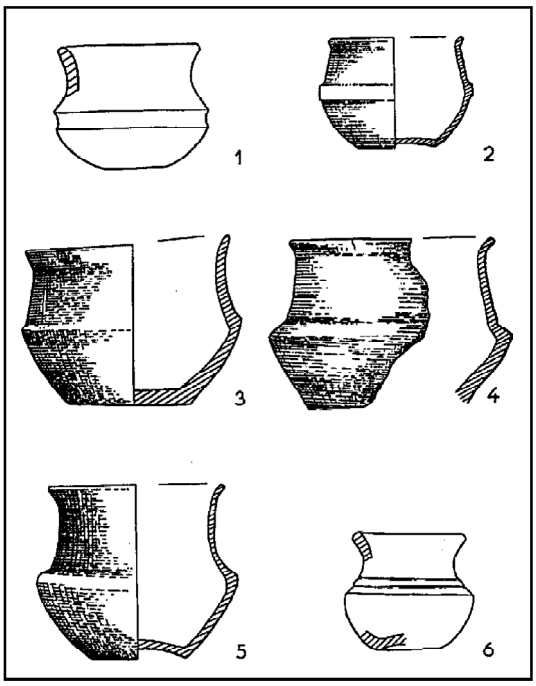

Табл. 2. Керамика XVIII группы вельбаркской культуры (Wołągiewicz, 1993, tabl. 37)

Кухонная керамика. Сосуды сделаны из глины, содержащей примеси песка, дресвы, реже шамота. Состав и количество примесей зависит во многом от функционального назначения сосудов. Большие толстостенные сосуды изготовлены из глины, содержащей много примесей, почти все с шероховатой или хроповатой поверхностью. Хроповатость наносилась обычно лишь на тулово сосуда, а верхняя и придонная части всегда тщательно выглажены и вылощены. Основные формы — I, II группы Р. Шиндлера.

Столовая керамика. Сосуды более сложной профилировки (кувшины, вазовидные сосуды) изготовлены из хорошо отмученной глины. Наружная поверхность сосудов лощеная или тщательно выглаженная, часто орнаментированная. Орнамент резной или прочерченный (линейный, зигзагообразный, меандр, сочетание хроповатых и лощеных поверхностей и т. д.).

Характерно четкое расчленение отдельных частей сосудов (IV, V, VI, XVIII группы Р. Шиндлера). Почти все лепные сосуды имеют коричневый цвет внешней поверхности, посуда более сложной профилировки имеет черный цвет по-

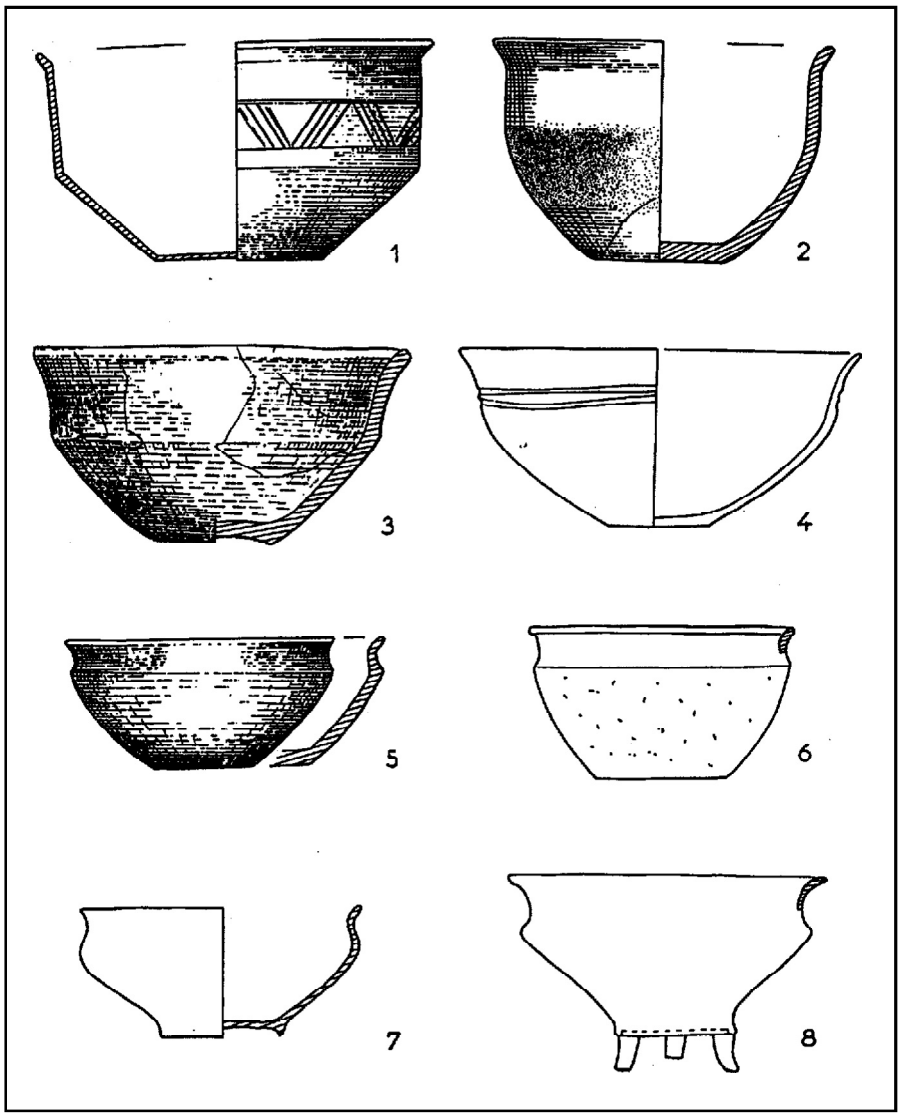

Табл. 3. Керамика группы XaA по Р.Волонгевичу (Wołągiewicz 1993: tabl.27)

верхности, часто несет следы лощения. Р. Шиндлер выделил гончарные сосуды в VII группу, куда у него попали 12 сосудов, которые он датирует по комплексам II в.н.э. и связывает с шлезвигским кругом древностей. Эти факты конечно не могут служить основой для утверждения, что гончарство в вельбаркской культуре появилось уже во II веке, что отмечает и Р.Шиндлер, относя появление гончарных сосудов на Висле к развитому III в.н.э. Он пишет, что формы сосудов среднеримского времени за исключением маленьких сосудов (11 и 18 группы) и ваз исчезают в позднеримское время, что связано, по его мнению, с очень резкими переменами социальной, экономической и политической жизни и есть следствие ухода готов к Черному морю. «Ни в одной восточно-германской культуре грань между II и III столетием в керамическом материале не выражена так резко, как в области Вислы» (Schindler 1940: 99). В это время появляется новая форма сосудов — «Schaleurnen» или «высокие миски». Р. Шиндлер считает, что эта форма появилась в начале III века и вместе с арбалетными фибулами с подвязной ножкой распространялась гепидами, которые большей частью оставались до 350 года в Повисленье (Schindler 1940: 101). Эта точка зрения нас интересует постольку, поскольку это связано с появлением этого типа посуды в ЧК. Для Р. Шиндлера это вопрос хронологический, ибо готы уже ушли на восток, когда появились эти формы сосудов и фибулы с подвязной ножкой. Сейчас дата фибул уточнена — они появляются уже в начале периода C1 и соответственно как фибулы, так и эти сосуды могли принадлежать готам (Цецеле, Брест-Тришин, Гостково, 325). К. Годловский отмечает, что VI группа сосудов выступает уже с фибулами Альмгрена II и V группы, но классические представители этой группы сосудов появляются лишь в конце стадии C1 (Godłowski 1974: 35). В Брест-Тришине сосуды VI группы встречены в целом ряде погребений, которые не определяют самого раннего этапа функционирования этого могильника (Кухаренко 1980). Вазы VI группы в большинстве случаев не орнаментированы и

представляют ранние формы в типологическом ряду Р.Шиндлера, который необходимо на его таблице несколько сдвинуть влево и вместить все формы этих сосудов в III в.н.э., хотя типологическое развитие этой группы остается неизменным, изменяется лишь их хронология. Следующая волна северных переселенцев Дитиничи уже несет в себе практически все формы Schaleurnen и датируется с конца периода C1. Ошибки Р. Шиндлера были связаны с хронологическими разработками того времени, но тем не менее его выводы о принадлежности этих сосудов гепидам, во многом подтверждается тем обстоятельством, что ряд авторов видит в дитинической волне миграцию гепидов, с которыми и проникли эти развитые формы сосудов и далее получили самостоятельное развитие. К.Годловский пишет, что в стадии B2/C1 выступают существовавшие еще в B1 сосуды I-V группы, особенно с двумя и тремя ушками III и IV группы Р.Шиндлера, которые исчезают в конце стадии C1. Их ареал ограничен Поморьем и северной Польшей, позднее известны в зоне Мазовии (Godłowski 1974: 342). В стадии C1 появляются первые гончарные сосуды, причем сосуды в погребениях могильника Прущь Гданьский выступают в одном комплексе с прямоугольной пряжкой, а гончарный сосуд в «Pierzchalach», погр. 7 с поздней формой сильно профилированной фибулы, что, вероятно, говорит о влиянии пшеворской культуры, где гончарные сосуды появились в более раннее время. Р.Волонгевич пишет, что в ряде могильников, заложенных в стадии C1, керамика несет сильные пшеворские черты, а это показывает, что вельбаркская культура в фазе C1 не имела еще сложившегося стиля (PZP 1981: 180). Вельбаркская культура оформляется в сложив-

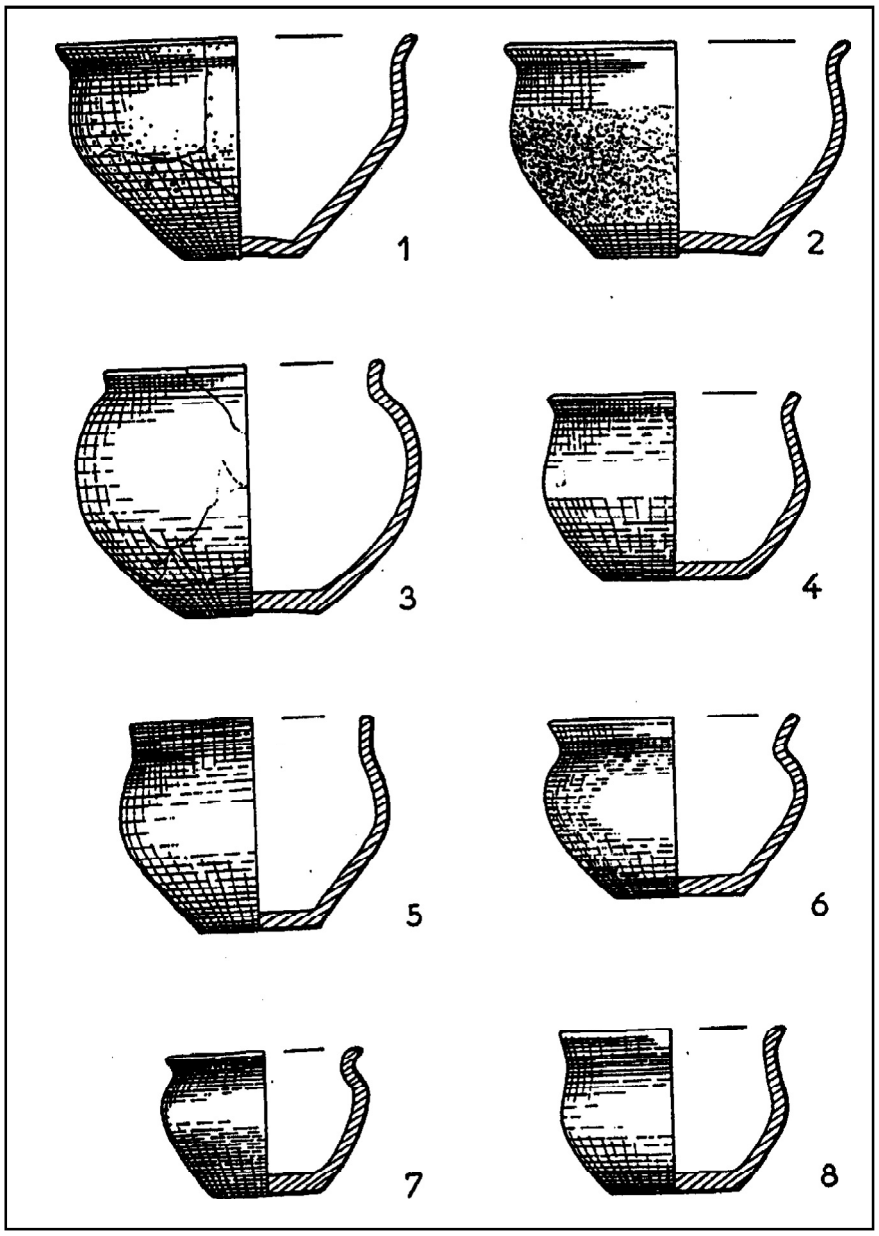

Табл. 4. Керамика группы XIV А и Б по Р. Волонгевичу (Wołągiewicz 1993: tabl. 31)

шемся виде лишь в фазе С2. В керамике этого времени наблюдаются очень сильные связи с Поморьем, возрождаются ряд форм, уже ранее исчезнувшие. Гончарные сосуды открыты в большом количестве, прежде всего в «Kozlowke» в фазе С3 и Д, и очень близки к черняховским формам. В лепной керамике можно также наблюдать сильное сходство с гончарной керамикой (Godłowski 1974: Taf. III).

Подведем некоторые итоги:

1. В момент первого появления вельбаркской культуры на территории Волыни и Подолии фазы В2/С1, а также ко времени появления ЧК, гончарного круга у носителей вельбаркской культуры не было, было лишь спорадичное выступание отдельных гончарных сосудов, что вероятно связано с влиянием пшеворской культуры.

2. В течение периода С1 происходит смена керамического набора культуры, исчезают I-V группы Р.Шиндлера и появляется новая VI группа — Schaleurnen, распространение которой идет преимущественно в восточном направлении.

3. Отсутствие единого стиля в вельбаркской культуре периода С1, где заметно влияние пшеворской культуры; на стадии С2 складывается единый стиль для всей культуры, который по целому ряду признаков сближается с ЧК (погребальный обряд, фибулы, гребни, формы сосудов).

4. Появление гончарной керамики ВК связано с влиянием соседних культур, прежде всего черняховской, что отражено в близости форм гончарных сосудов и орнаментации. Появление гончарной посуды может быть отнесено не ранее, чем к развитой стадии С2.

5. Орнаментация сосудов (хроповатость, расчесы, чередование лощеных и шероховатых поверхностей) прослеживается, в основном, на кухонной посуде, как правило, прорезной орнамент в виде линий и зигзагов на столовой керамике. Налепной орнамент отсутствует, существует лишь в виде псевдоушек, которые явля-

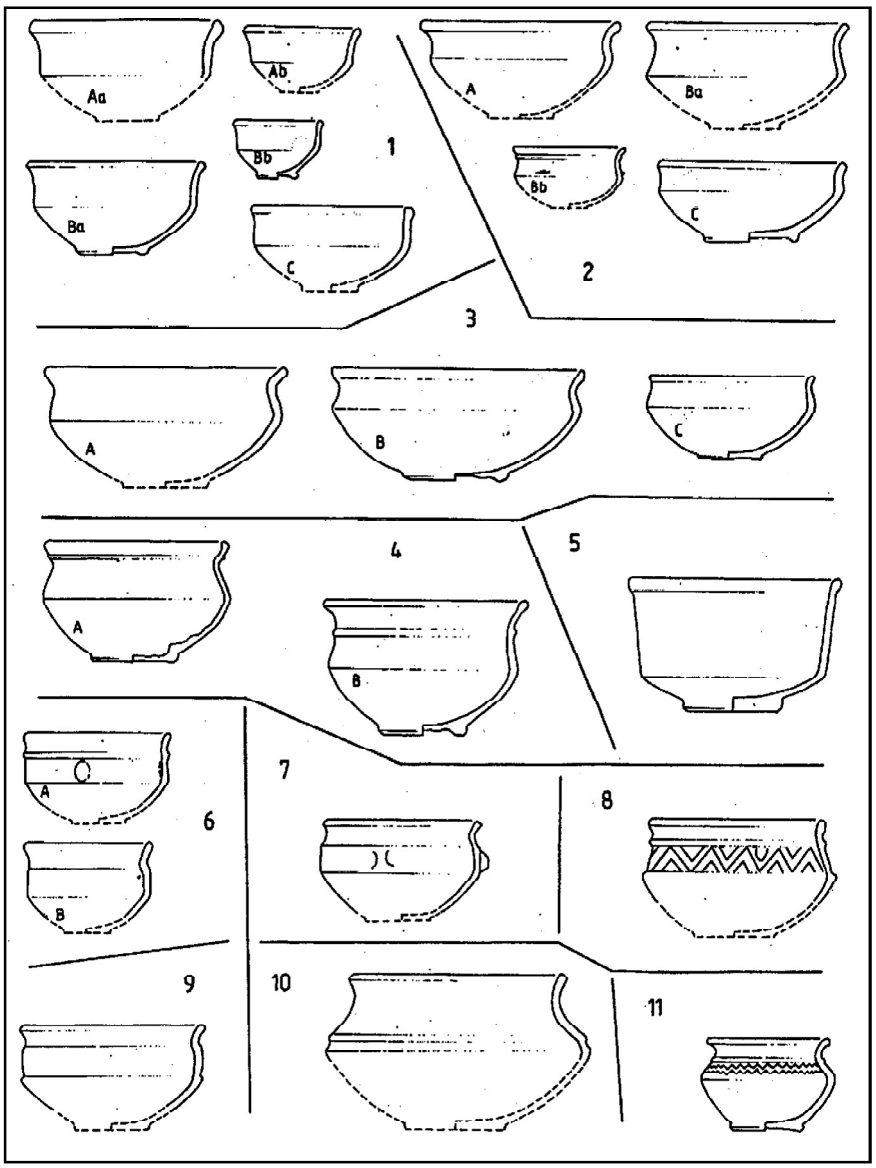

Табл. 5-10. Классификация керамики пшеворской культуры по Г.Добжанской (Dobrzańska 1990):

Табл. 5. Типы столовой гончарной керамики (№№ 1-11)

ются характерной особенностью вельбаркской культуры.

6. В лепной посуде среди керамического материала замечено почти полное отсутствие реберчатых форм. Редкие формы, выделенные Р.Волонгевичем в типы XaA и XIVA, появляются, самое раннее, в фазе B2/C1, но основное время их распространения — C1b-C2.

2.2. Пшеворская культура (табл.5-11)

Формирование пшеворской культуры падает на период латена С. Большую роль в процессе образования этой культуры сыграли кельтские элементы, прежде всего это относится к территории нижней и средней Силезии. Хронология для позднеримского времени подытожена и уточнена К.Годловским в целом ряде работ (Godłowski 1970; 1974; 1981; 1988; см. сводку: Lund-Hansen 1987; Шаров 1992). Можно заметить, что фазы развития вельбаркской и пшеворской культур до эпохи переселения народов не совпадают. К. Годловский пишет, что граница между ареалами распространения памятников этих культур становится во многих случаях барьером для проникновения разного рода изделий и культурных влияний. Северное пограничье пшеворской культуры становится границей бытования terra sigillata, а в позднейшее время и границей массового появления гончарной керамики, что связано вероятно с какимито глубокими различиями в укладе (Godłowski 1974: 15). Нас будет интересовать прежде всего ранняя фаза позднеримского периода, которая включает стадию C1 и частично C2. В лепной керамике пшеворской культуры можно выделить две основные группы.

Первая группа — кухонная грубая керамика, частично выглаженная, хроповатая или с полностью хроповатой поверхностью (тип 59-73 по Г.Добжанской — Dobrzańska 1990). Она сделана из глины с крупной, либо среднезернистой примесью. Орнамент достаточно однороден, в большинстве случаев просто отсутствует. Коли-

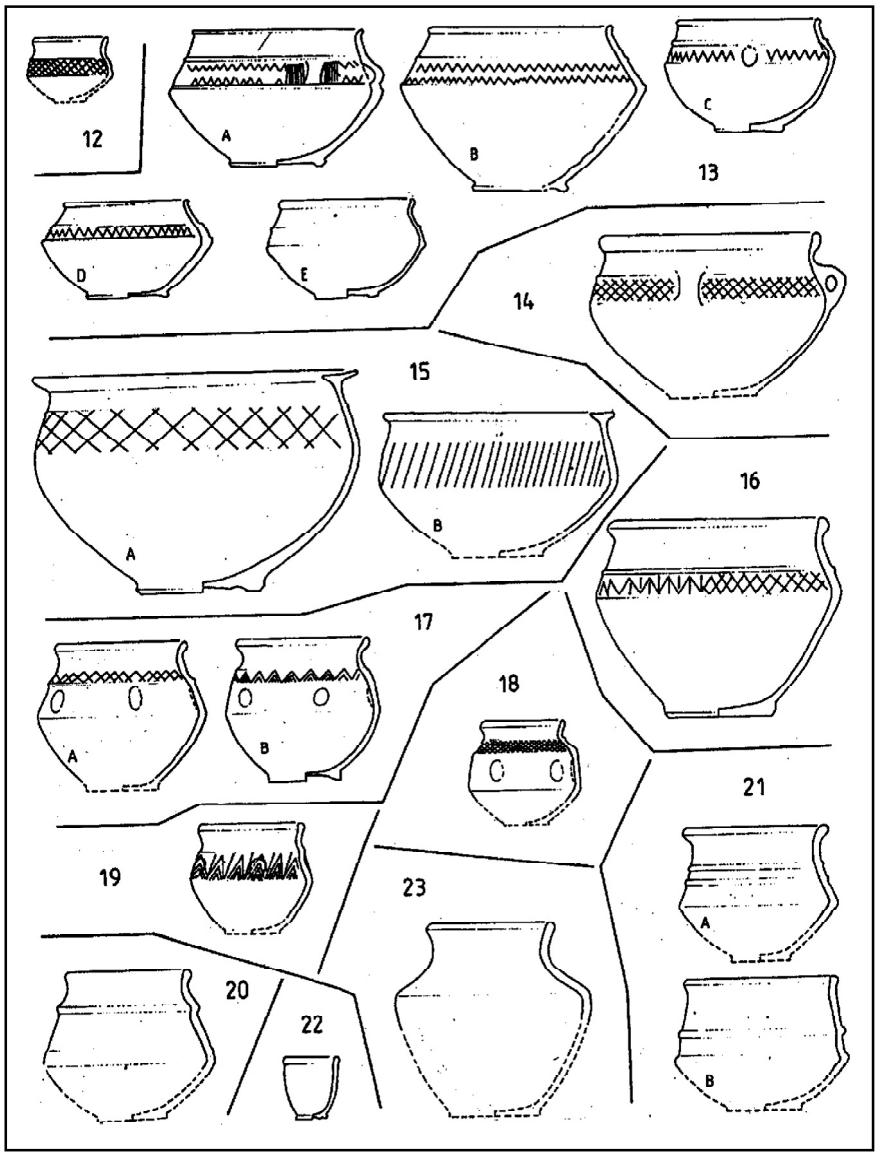

Табл.6. Типы столовой гончарной керамики (№№12-23)

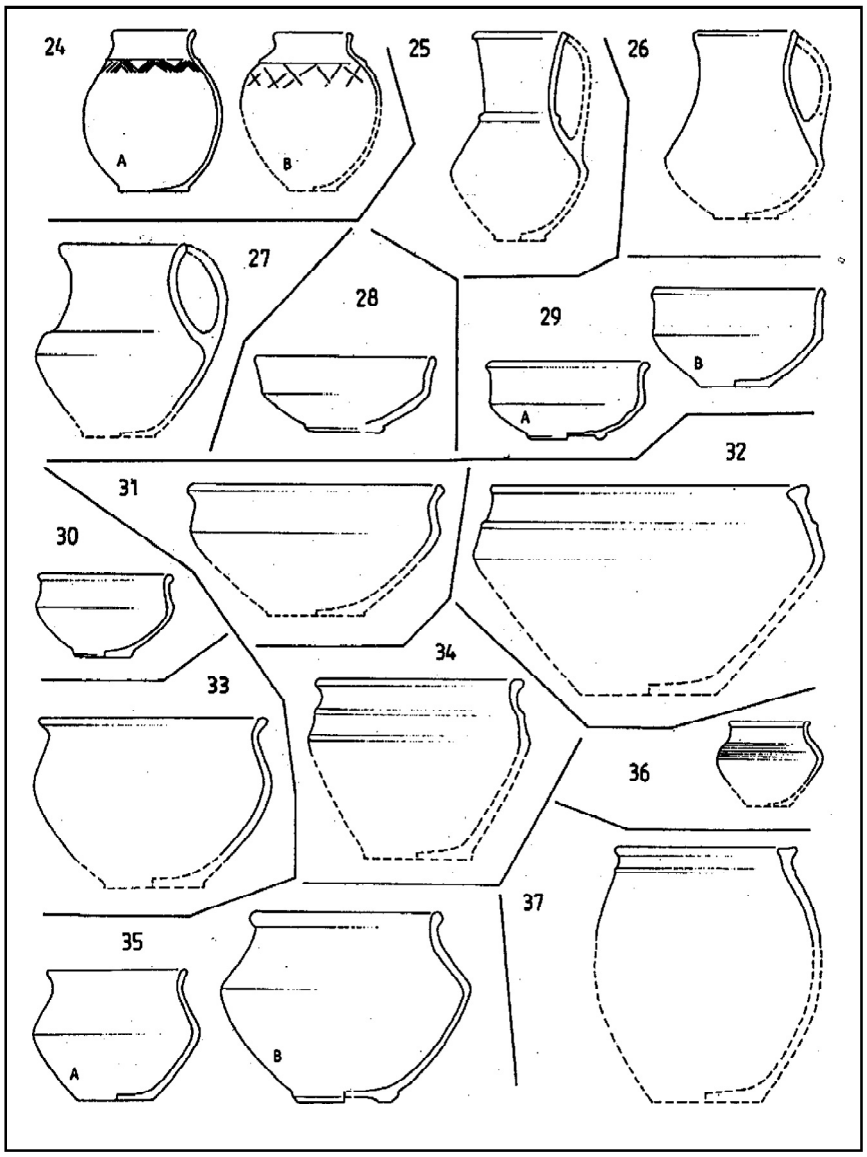

Табл.7. Типы столовой гончарной керамики (№№ 24-27) и шероховатой гончарной керамики (№№ 28-37)

чество форм очень небольшое: в основном горшки средних размеров, реже — более мелкие сосуды, такие как кубки, черпаки и миски. Немногочисленную группу представляют сосуды, служащие для хранения запасов.

Вторая группа — столовая посуда, к ней следует отнести тонкостенные сосуды с хорошо лощеной поверхностью, чаще всего черного цвета, из глины с мелкозернистыми примесями. Орнаментация очень богатая и разнообразная, наблюдается большая разнородность форм. Прежде всего это невысокие мисковидные сосуды, различного рода чаши. Позднее этот вид посуды заменяется гончарной керамикой.

Хроноватая керамика существует на всем протяжении пшеворской культуры и выступает в большей степени на поселениях. Замечено, что гладкая керамика встречена в большом количестве на могильниках, особенно, в позднее предримское и раннеримское время.

В начале фазы B2 в ареале пшеворской культуры происходят какие-то серьезные изменения, что отражает и керамический материал (PZP 1981: 60). Характерны очень аккуратно выполненные вазовидные лепные сосуды с острым, либо округлым ребром, с одним или тремя ушками. Исчезают ранние формы сосудов с пузатым или округлым туловом, очень часто выступают чаши с гладкой либо хроповатой поверхностью, распространяются миски с округлым дном. Особенно характерными в этот период становятся эсовидные и яйцевидные горшки. Кроме меандра, выступающего уже в стадии B1 встречается орнамент в виде косых штрихов, ямок и пунктирных черточек. Во время B2 и ранней фазы B2-C1, а также фазы C1 керамические формы подвергались лишь постепенным и небольшим переменам. В ранней фазе позднеримского времени реже стали простые вазовидные сосуды, самой характерной формой становятся вазы с ушками, на высокой ножке. Среди чаш стали выступать многочислен-

ные формы с высокими пустыми ножками (тип 49, 50, 53 по Г. Добжанской). Продолжают существовать миски с округлым дном. Исчезают кубки с краем, загнутым внутрь, появляются кубки с острым ребром и выгнутым наружу венчиком. Яйцевидные горшки уже являются в этой фазе пережитком, большое распространение продолжают получать эсовидные формы сосудов, причем ранние формы низкие и с сильно выпуклым туловом, поздние очень высокие. Появляются в позднеримском периоде широкие хроповатые горшки с биконическим либо округлым туловом. Орнамент не отличается от орнамента раннего времени, очень редко выступает меандр. В фазе B2-C1 и C1 появляется в большом количестве провинциальноримская керамика. Это прежде всего terra sigillata из среднегалльских (Lezoux) и рейнских (Rheinzabern, Westendorf, Trewier) мастерских. Это связано с наплывом этой продукции после маркоманнских войн (PZP 1981: 65). В отношении времени появления гончарства в этой культуре идут оживленные дискуссии. Большое значение для этой темы имеет работа Л.Гаевского, который установил на основе предметов, находящихся в печах гончарных центров в Иголомии, относительную и абсолютную хронологию этих печей (Gajewski 1959: 137-149). «Серая» керамика производилась в этом центре, по его мнению, начиная с 200 г.н.э. К. Годловский подверг критике хронологию отдельных вещей и показал, что эта дата может колебаться и очень вероятно, что печи начали функционировать не ранее середины и даже начала второй половины III столетия (Godłowski 1978: 178). К. Годловский в работе, посвященной памятникам пшеворской культуры верхней Силезии, перечисляет ряд памятников, где гончарная керамика выступает с рядом предметов, характеризующих раннюю стадию позднеримского времени: фибула с высоким держателем и верхней тетивой VII группы Альмгрена — Spicymierz, Biutyj; умбон с тупым шипом — Babiu; гребень типа A и B, керамика, украшенная меандром. Также раннюю дату дает terra sigillata. Она датируется второй половиной II в.н.э. и первой четвертью третьего

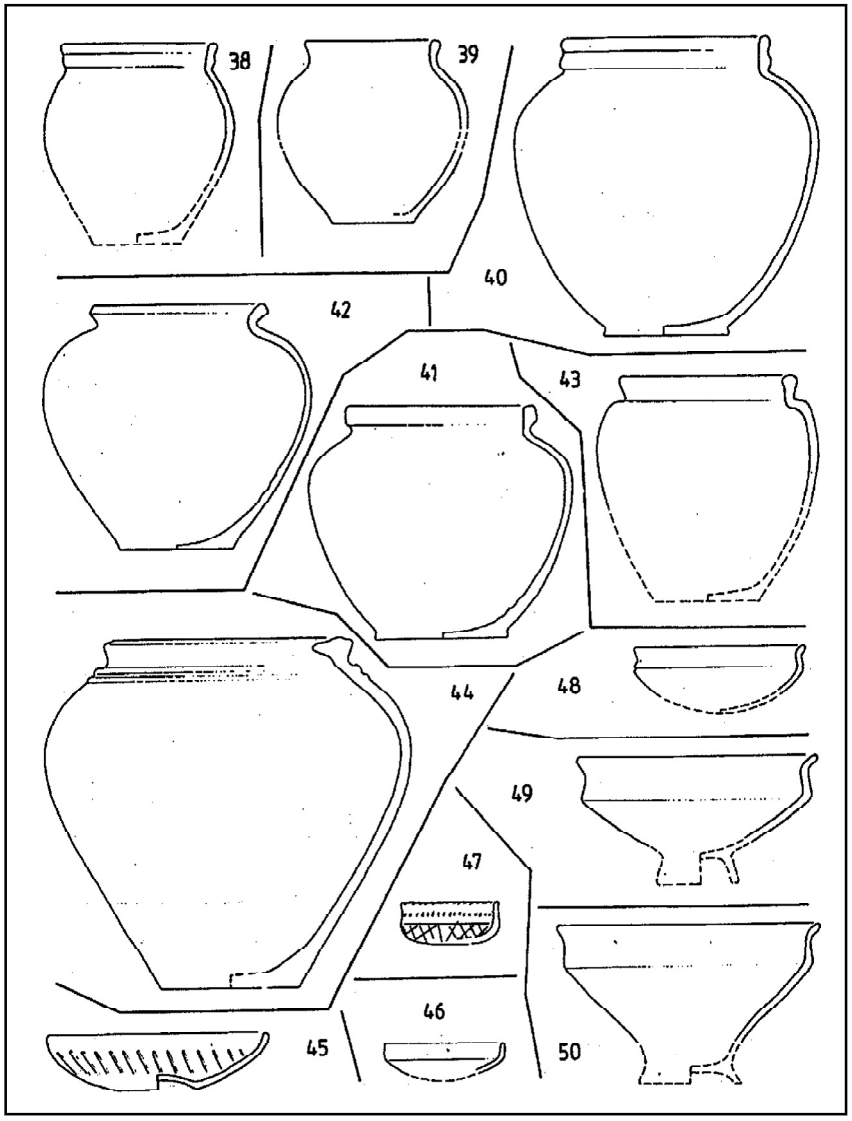

Табл. 8. Типы шероховатой гончарной керамики (№№ 38-44) и столовой лепной керамики (№№ 45-50)

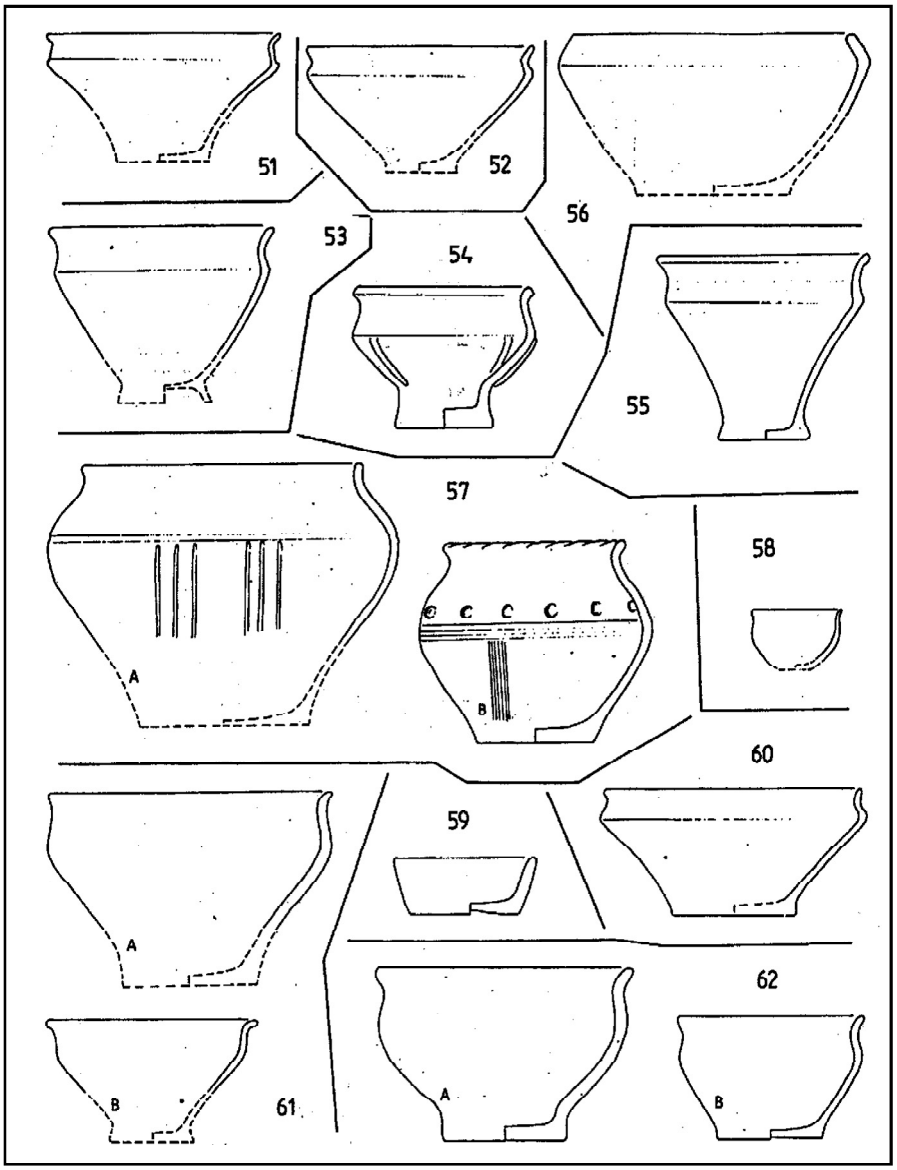

Табл. 9. Типы столовой лепной керамики (№№ 51-58) и шероховатой лепной керамики (№№ 59-62).

века нашей эры, тем не менее К.Годловский говорит о гончарстве в пшеворской культуре лишь со стадии С1В и даже начала С2. Он пишет, что вероятно, массовое выступание гончарной керамики в пшеворской культуре приходится только на середину III в.н.э (Godłowski 1978: 179). Нам кажется необходимым объяснить и появление гончарной керамики в конце II — начале III в.н.э., ибо это не единичные комплексы в пшеворской культуре, тем более что на памятниках Звенигород-Болотное мы наблюдаем гончарную пшеворскую керамику еще в более раннее время в фазе B1b (Wołągiewicz 1970: 221).

Это явление можно объяснить влиянием липицкой культуры и позднедакийских культур, а также близостью римских провинций Паннонии и Норика, откуда могла проникать провинциальноримская посуда в верхнюю Силезию. Гончарная керамика постепенно в III веке вытесняет лепную тонкостенную и богато украшенную керамику, главным образом керамику чернолощеную, но в периоде С1В и С2 еще часто выступают лепные чаши и вазовидные сосуды на высоких пустых ножках (типы 49, 50, 53 по Г. Добжанской). Уже не встречаются совсем миски с округлым дном. Появляются в большом количестве миски с гладкой либо хроповатой поверхностью, с прямым дном и биконическим туловом, что является влиянием форм гончарного производства. К концу позднеримского времени лепная керамика составляет очень небольшой процент, полностью исчезает в материалах поселений рядом с гончарными центрами. Орнамент очень небогатый: 1. украшения в виде пластических шишечек, налепов, выступов, валиков, изредка нерегулярные вертикальные, либо зигзагообразные линии. В гончарной керамике (гладкой, без примесей) очень многочисленную категорию составляют мисковидные сосуды и более глубокие открытые, различной

величины чаши. Очень многочисленны стройные сосуды с биконическим туловом, а также представлены различные виды кубков, богато украшенных орнаментом. Орнаментация гончарных сосудов очень богатая и показывает в пшеворской культуре очень большие различия: на сосудах с гладкой поверхностью очень богатая и на сосудах с шероховатой или плохо выглаженной поверхностью очень бедная или полностью отсутствует. Большое распространение в керамике с гладкой поверхностью получают такие виды орнаментации как пластические валики, которые расположены в верхней части сосуда (тип 4, 13, 20, 21), конические налепы, часто псевдоушки, а также выступает орнамент в виде косых, вертикальных и зигзагообразных линий.

Сосуды с хроповатой, либо плохо выглаженной поверхностью представляют самую многочисленную группу керамики пшеворской культуры, как среди лепной, так и среди гончарной. Шероховатая гончарная керамика производилась во многих гончарных центрах, в Иголомии она составляет около 80%, но тем не менее эта керамика не вытеснила лепную. В верхнем Поднестровье прослеживается несколько иная картина в керамическом материале, что позволило выделить ее в отдельный локальный вариант. В этом регионе пшеворская культура появляется уже в середине I в.н.э. (Козак 1983: 77). В более раннее время пшеворские памятники исследуемой территории проходят в своем развитии те же изменения, что и на территории Польши, но наблюдается ряд черт, свидетельствующих об ином направлении ее развития по сравнению с западным регионами (погребальный обряд, керамика, жилищное строительство) (Козак 1978: 83). В этом варианте пшеворской культуры не получили развития формы горшков с загнутым внутрь краем, большие горшки с прямым или сильно отогнутым венчиком, отсутствуют широко открытые сосуды мисковидной фор-

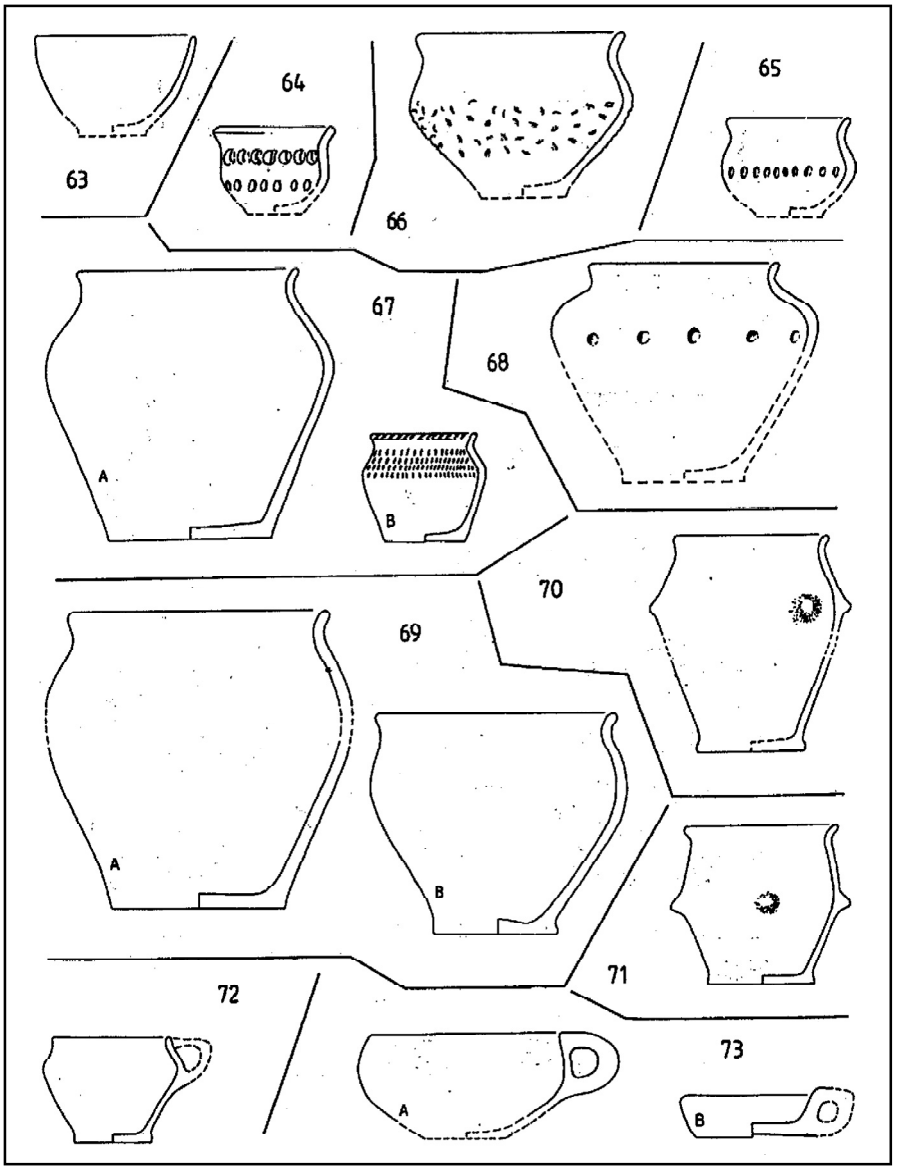

Табл. 10. Типы шероховатой лепной керамики (№№63-73).

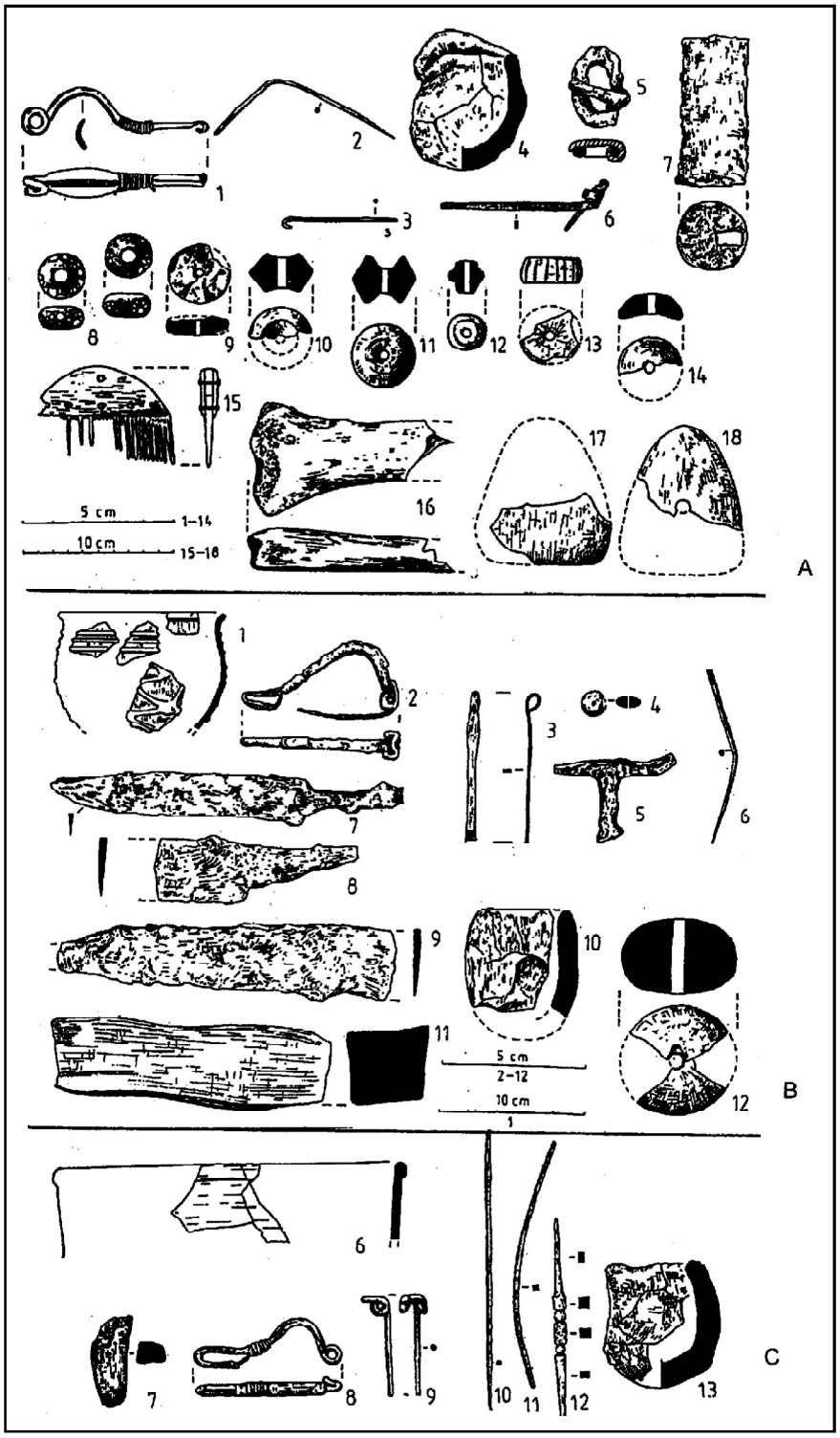

Табл. 11. Комплексы находок из Иголомии, дающие дату производства гончарной керамики (объекты 70a/55-A; 70/55-B; 40/53-C; Dobrzańska 1990: tabl. XXII, XXVIII, XLII).

мы, представленные в этой культуре в римское время. Для этого региона более характерны сосуды вытянутых пропорций со слегка отогнутым венчиком, слабо профилированные сосуды, а также формы, связанные с влиянием липицкой и частично зарубинецкой культур (пластический орнамент, характерный для липицкой культуры, пальцевые вдавления, шишечки и т.д.) (Козак 1978: 88).

Подведем некоторые итоги:

1. В керамическом материале пшеворской культуры в течение позднеримского периода замечен ряд серьезных изменений, что связано как с внутренним развитием керамического производства (самостоятельное развитие: появление новых форм — исчезновение старых), так и с внешними причинами (влияние других культур: появление новых форм — исчезновение старых).

2. Орнаментация лепной столовой керамики очень богатая. Ряд орнаментов имеет хронологическое значение. Весь орнамент — прорезной, налепной орнамент появляется на стадии С2 и является следствием влияния гето-дакийских культур. Отдельные случаи появления налепного орнамента в пшеворской культуре в районе Поднестровья связаны с влиянием липицкой культуры.

3. В ранней фазе позднеримского времени появляется гончарная керамика, что вероятно связано прежде всего с влиянием позднедакийских культур и частично гончарных мастерских в провинциях Паннонии и Норике, откуда могли позднее придти мастера в Иголомию и Тропишово. Массовое появление гончарной керамики наряду с функционированием гончарных центров можно отнести ко времени не ранее середины-второй половины III в.н.э. (табл.11).

4. С гончарной керамикой появляются новые виды орнаментации (налепные валики, шишечки и ушки).

5. Гончарная керамика не вытесняет лепную тонкостенную и богато украшенную керамику на раннем этапе пшеворской культуры, это зафиксировано лишь в период развитого гончарства (С2,С3,Д). Лепные сосуды с хроповатой, либо плохо выглаженной поверхностью представляют и в позднеримское время самую многочисленную категорию керамики.

6. Верхнеднестровский вариант пшеворской культуры отличает иное направление развития керамического производства, главным образом, в типах горшков, мисок, вазовидных сосудов.

7. Мисок в нашем понимании (Н/Д < 0,5) в пшеворской культуре до появления гончарного производства нет, есть лишь чаши и вазовидные сосуды. Миски даже в гончарной посуде пшеворской культуры составляют малочисленную категорию.

2.3. Липицкая культура

Остановимся кратко на хронологии липицкой культуры. Липицкая культура возникла в верхнем Поднестровье в I половине I в.н.э. (сильно профилированные фибулы из Колоколина, Звенигорода с тремя отверстиями в держателе иглы) и оканчивает свое развитие в конце II в.н.э. Мы не стали бы касаться анализа этой культуры, если бы рядом авторов не была предложена более поздняя датировка гибели культуры началом III в.н.э.

В.М.Цигилик выделяет такие поздние датирующие предметы, как железные шпоры с асимметричной и ребристой дужкой, с небольшим крючком под шипом, и узкогорлые амфоры с асимметрично профилированными ручками (Цигилик 1975: 148). Узкогорлые амфоры с асимметрично профилированными ручками датируются концом II — началом III в.н.э., шпоры из верхней Липицы и Ремезивцев несколько отличаются друг от друга и относятся соответственно к VII и VI группам К.Годловского, которые датируются концом II в.н.э. — первой половиной III в.н.э. (Godłowski 1970: Fig.2). По крайней мере пока нет данных для того, чтобы датировать липицкую культуру даже самым началом III в.н.э., ибо нет комплексов, в которых выступали бы предметы, живущие только в III в.н.э. и не заходящие во II в.н.э. Как мы видим, хронологическая позиция этих памятников не позволяет нам выводить культурные импульсы из этого региона. Это влияние липицкой культуры могло быть скорее только опосредованным через соседние культуры, ее пережившие.

2.4. Культура Поянешты-Выртешкой (табл. 12)

Эта культура названа по двум крупным могильникам. Район распространения этой культуры охватывает территорию от Карпат до нижнего и среднего течения Прута. Главным образом памятники концентрируются по Пруту и его притокам. Датировка этой культуры основана прежде всего на исторических источниках и на монетных находках на ряде поселений и могильников. Нижняя дата — 107 г.н.э. — определяется по находкам монет императора Траяна и историческим данным об образовании римской провинции Дакия; верхняя дата относится к 318 г.н.э. и связана с походами в этот регион императора Константина I против карпов, получившего за свои подвиги титул Carpicus. Именно в конце III в.н.э. (295-297) прекращается существование большинства могильников и поселений карпов, но в письменных источниках есть войны с карпами 302-303 гг., сражения в течение 306-311 и 313-318 гг. Карпов этого времени, как считает Г.Бикир, следует искать в поселениях и некрополях культуры Sîntana de Mureş (Bichir 1970: 153). Эта точка зрения подтверждается тем, что в зонах, не занятых этой культурой, нет четкой даты конца III — начала IV в.н.э. Следует также сказать, что ситуация с интерпретацией культуры Поянешты-Выртешкой как культуры, принадлежащей карпам, основана, помимо совпадения с историческими данными, также на локализации карпов в этом районе Клавдием Птолемеем. И.Иоица критикует выделение культуры Поянешты-Выртешкой и рассматривает всю территорию к востоку от провинции Дакия как единую культурную общность. Он пишет: «Во II-III в.н.э. территория карпов нам не ясна, так как нет определенности в вопросе, какая территория считалась принадлежащей карпам, а какая дакам» (Ioniţă 1982: 76). Вероятно, такое сомнение достаточно обосновано, ибо в культуре Поянешты-Выртешкой по археологическим материалам практически нельзя выделить каких-либо четких различий с соседними памятниками, относящимися к культуре свободных даков. Для удобства изложения рассмотрим

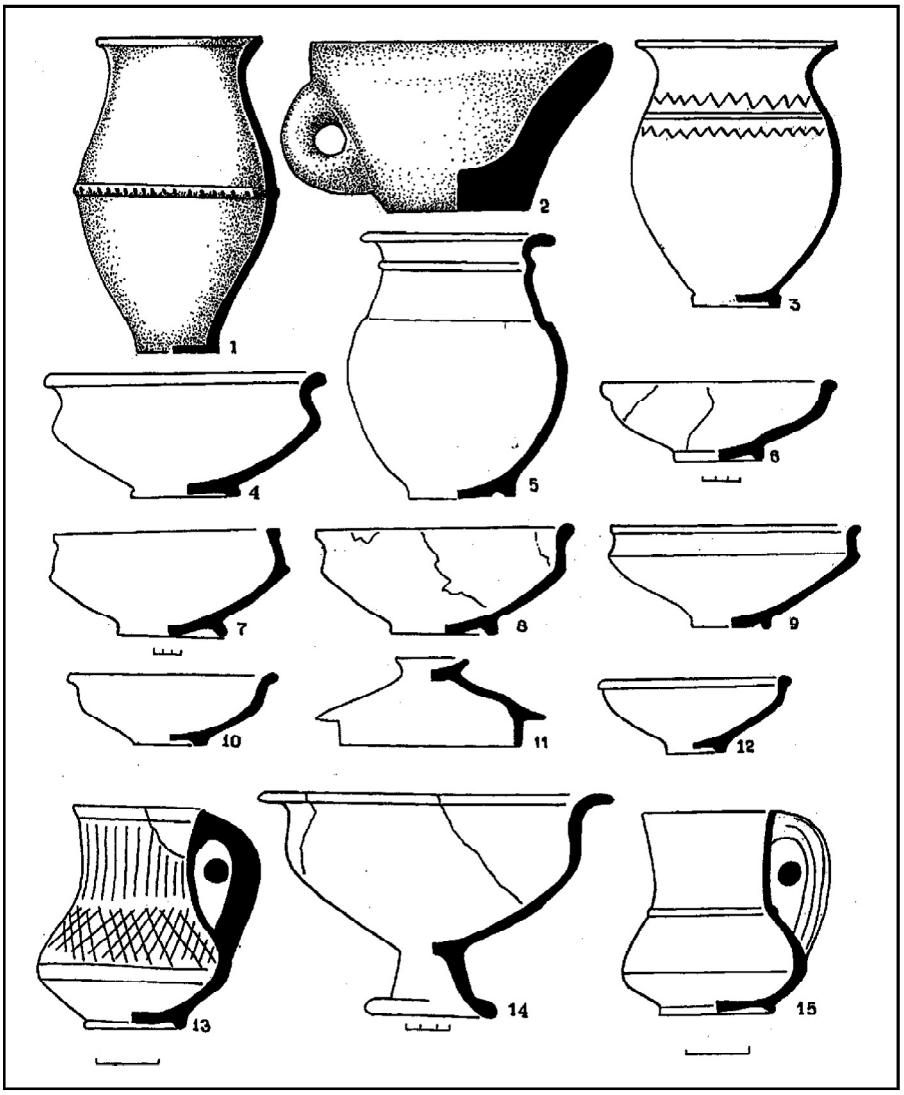

Табл. 12. Керамика культуры Поянешти-Выртешкой (Bichir 1973)

керамику этой культуры отдельно. Керамика культуры Поянешты-Выртешкой представлена как лепной, так и гончарной посудой. Лепная керамика представлена на поселениях до 40%, на некрополях ее процент меньше. Лепная керамика сделана из грубой глины, которая содержит много добавок, в виде крупнозернистых примесей диаметром до 6 мм. Цвет серо-желтоватый. Основные формы: дакийская чашка (табл. 12-2) и горшки банковидной формы, редко выступают биконические сосуды. Орнамент на чашках в виде лепных ячеистых поясков, чаще всего по линии дна или края. Горшки баночной формы орнаментируются различно по целому ряду вариантов, выделенных Г.Бикиром. Основной тип орнаментации — ячеистые пояски, главным образом, горизонтальные (табл.12-1), но встречаются вертикальные, смешанные, полукруглые и т.д. Орнамент лепной керамики показывает явное развитие элементов латенского и гето-дакийского круга.

Гончарная керамика имеет иные соотношения: на поселении она представлена в количестве около 60%, в могильниках иногда достигает 90% (Поянешты). Керамика сделана из хорошо отмученной глины, практически не содержащей примесей. Сосуды имеют серую либо красноватую поверхность. Замечено, что открытых сероглиняных сосудов на памятниках представлено гораздо больше, чем закрытых (85% и 15%). Красноглиняная посуда имеет обратную пропорцию. Гончарная керамика этой культуры разделяется в пропорции: 75% сероглиняной и 25% красноглиняной. В целом вся керамика делится на сосуды с ручками и без ручек, причем, сосуды без ручек прежде всего представлены сосудами-урнами, миски представлены чаще всего на некрополях. Типология мисок разработана Г.Бикиром по целому ряду памятников, но прежде всего по могильнику Пояна-Дулцешты, который был заложен в начале II в.н.э. Г.Бикиром выделено 10 типов мисок (табл. 12, 4,6-9). Фруктерии как категория посуды являются одной из самых многочисленных в керамическом инвентаре в культуре Поянешты-Выртешкой (табл. 12-14). Это вазы на высокой нож-

ке, украшенные по горизонтально отогнутому венчику лощеным орнаментом в виде косых линий, зигзагов и волн.

Хотелось бы в заключение остановиться на кувшинах, которые являются также многочисленной категорией гончарной керамики этой культуры. Общими для всех кувшинов являются их небольшие размеры (до 30 см), перегиб тулова в нижней части кувшина, четкое ребро, небольшое горло, чаще всего не отделенное резко от тулова. Ручки крепятся в большинстве случаев несколько ниже устья, орнаментация при помощи лощеных линий, беспорядочно нанесенных вертикальных и горизонтальных врезных линий и просто лощеных вертикальных линий (табл. 12-13, 15). Этот тип кувшинов очень напоминает черняховские и входит в 16 тип классификации Б.В.Магомедова (западно-украинский тип) (Магомедов 1973: рис.1, 2). Анализ этой категории посуды на Пояна-Дулцешты позволил И. Ионице утверждать, что это поселение является первым этапом проявления культуры Sîntana de Mureş (Ioniţă 1982: 90). Г. Бикир в отношении традиции производства карпской керамики пишет, что карпы консервативно держались латенской и гето-дакийской традиции и предпочитали свою местную керамику провинциально-римской, хотя не исключает влияния римской цивилизации на происхождение отдельных типов посуды (Bichir 1970: 94).

2.5. Свободные даки

Как мы уже говорили выше, это деление на свободных и римских даков условно, но оно отделяет ряд памятников, не включенных в монографию Г.Бикира, и поэтому мы кратко остановимся на этих памятниках, которые рассмотрел Й.Ионица в своей работе, посвященной свободным дакам. Ранний этап развития керамического производства (106-275 гг. н. э.) затронут автором очень кратко. Все материалы, исполь-

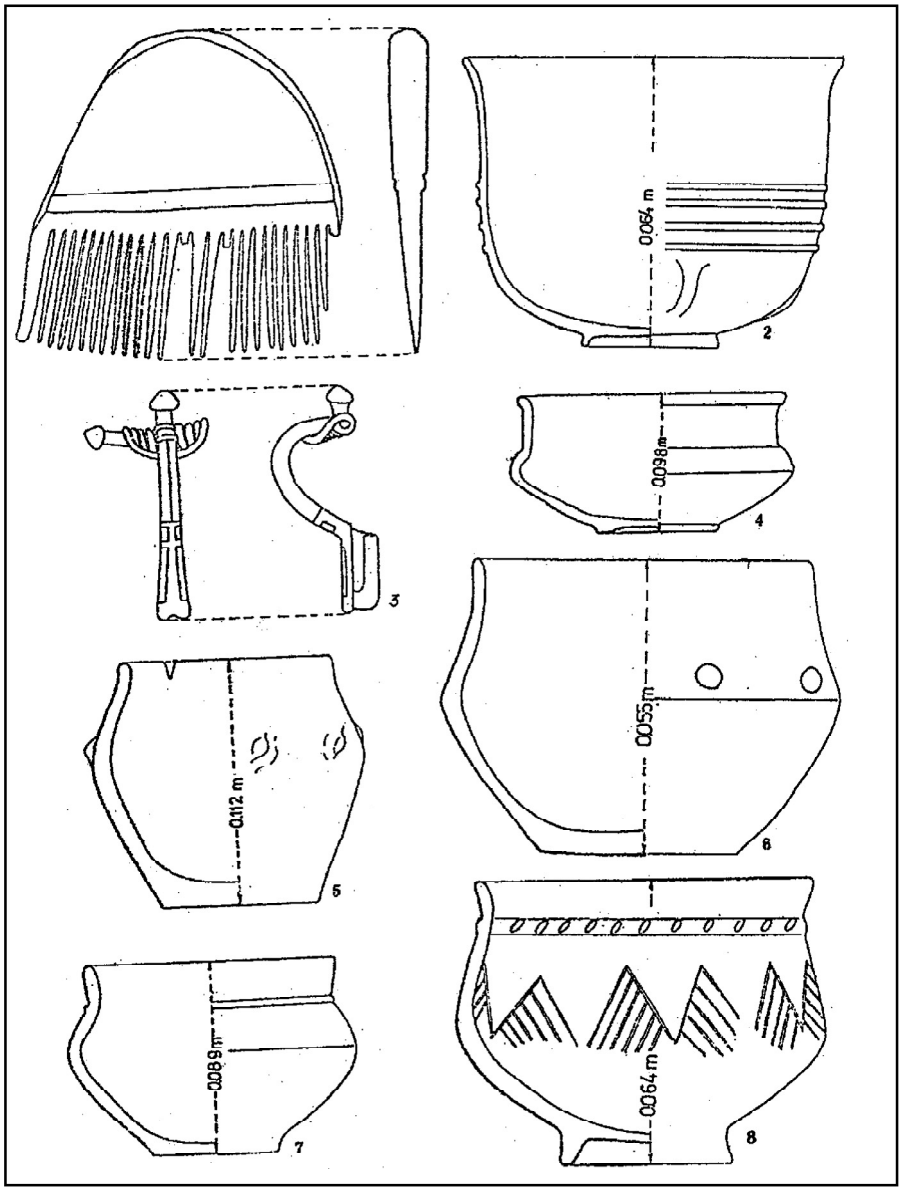

Табл. 13. Комплексы погребений 3 и 4 из могильника Тодирени (Ioniţa 1982: Fig. 27-31)

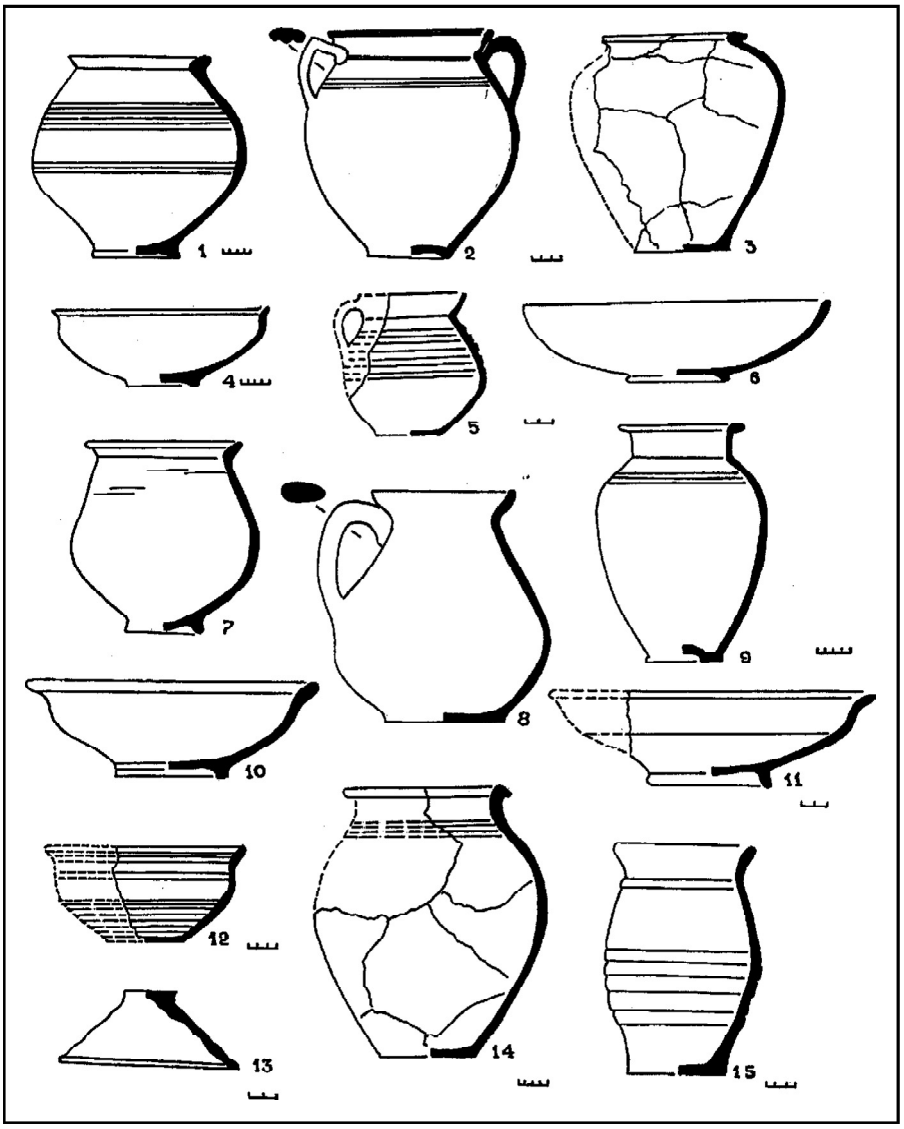

Табл. 14. Керамика из могильника Локуштени (Popilian 1980).

зованные им для описания керамики этого периода, он берет из работ Г.Бикира, посвященных карпам, и работ В.М.Цигилика, посвященных липицкой культуре (Ioniță 1982: 61), ибо в этот период какого-либо своеобразия в дакийском регионе еще не наблюдается. Мы не будем касаться основных форм посуды этого периода, так как можно обратиться к предыдущим главам. Для понимания процесса развития керамических форм сосудов нас интересует второй период И.Ионицы (275-376 г.). В этой главе затрагивается проблема появления готов на территории между Прутом и Карпатами. В более ранней работе И.Ионица выделяет три категории некрополей, в которых заметно проникновение готских элементов:

1. Некрополи с кремацией в Bîrlad-Prodana (Vaslui) содержат карпскую керамику и вещи, характерные для раннеготского периода. Могильник может быть оставлен местным населением, подверженным влиянию некоторых новых обычаев.

2. Некрополи с кремацией в Cozii содержат керамику германского типа и предметы, определенно принадлежащие германской группе, недавно прибывшей в эту зону и не подвергшейся влиянию культуры других популяций.

3. Некрополи с кремацией и ингумацией в Todireni, принадлежащие германской группе, но отличающиеся от Cozii. Германской группой в Todireni уже налажены тесные связи с местным населением.

Обратимся к хронологии этих памятников (Ioniță 1982: fig.27-31).

В некрополе Bîrlad-Prodana в погр.2 обнаружены две фибулы второго варианта А.К.Амброза (Альмгрен-162), подковообразная фибула с тонким ободком, круглым в сечении, с дисками на концах, и гончарный сероглиняный кувшин с двумя ручками и четко выделенным горлом. Подковообразная фибула датируется по типологическому ряду этих фибул, разработанных Х.Сальмо и Х.Моора самым ранним временем их появления. Х.Моора считал, что наиболее ранний тип подковообразных фибул происходит из Мазурии и Калининградской области. Они

датируются B2-C1, а также C1 (PZP 1981: 374-375). Фибулы с подвязной ножкой являются уже развитым вариантом этого типа фибул. Погребение, вероятно, нужно отнести к 60-70 гг. III в.н.э., хотя эта дата является не окончательной. Погребение в Cozii содержит бронзовую двухчастную пряжку типа «Д», наконечник стрелы, фибулы с подвязной ножкой I варианта. Пряжка этого типа датируется Р.Мадыдой начиная с раннего отрезка поздней фазы позднеримского времени (C2). Фибула с подвязной ножкой (Альмгрен-168) относится к первому варианту классификации А.К.Амброза и датируется 20-70 гг. III в.н.э. Наконечник стрелы подобного типа выступает в пшеворской культуре в фазе B2 и в ранней фазе позднеримского времени; как правило, они имеют незакрытую втулку (PZP 1981: Taf.XI-11). Итак, датировка этого могильника по вещам падает на рубеж 70 гг. III в.н.э. Здесь мы видим очень ярко выраженные готские элементы, а также очевидны дакийские элементы. Рассмотрим датировку погребений некрополя Todireni (табл. 13). Погребение 4 — в нем представлена одна датирующая вещь, фибула-«монструоза». Фибулы этого типа, широко известные в Скандинавии и на севере Европы, найдены на юге, в районе Днестра, уже в значительном количестве. Их появление исследователи связывают с проникновением в этот регион готов. Мы датируем их 70-80-гг. III в.н.э. (см.: Werner 1988; Шаров 1992). Погребение 3 содержит бронзовую рифленую ведерковидную подвеску, Bügelknopffibel и высокий одночастный гребень типа А по С.Томас (табл. 13-1,3). Бронзовые ведерки-подвески с рифленой поверхностью имеют широкое распространение и существуют от фазы B2 до Д. Более дробной хронологии их мы пока не знаем. Гребни типа А (по С.Томас 1960) распространены главным образом во II в.н.э., хотя есть их присутствие в ряде памятников до середины III в.н.э. Самые ранние Bügelknopffibel датируются также уже поздним отрезком периода C2 — началом C3. Они найдены в слое разрушений кастеллов Цугмантель и Зальцбург, и, вероятно, оставлены германцами в период после разрушений лимеса (Böhme 1972). Таким образом, дата погребения падает на время не ранее 70-80-х гг.н.э. Появление этих фибул в культуре свободных даков свидетельствует, как считает И.Ионица, о первых проявлениях культуры Sîntana de Mureş, и он относит все три памятника к рубежу III-IV в.н.э. (Ioniță 1982: 91). Таким образом, мы видим, что в раннее время на территории между Прутом и Карпатами появляется археологический материал, близкий к раннечерняховскому горизонту (тип фибул, типы керамики).

2.6. Римские даки (табл. 14)

Кратко коснемся материалов, которые относятся к местному населению, проживающему в римской провинции Дакия. Остановимся на трех могильниках, раскопанных Попилианом: Locusteni, Romula, Daneti (Popilian 1976; 1980; 1982). Автором достаточно четко различается на этих материалах дакийская и римская керамика. Дакийская керамика ничем не отличается от описанной выше лепной посуды карпов и липицкой культуры, стоит лишь заметить, что очень часто на горшках выступает орнамент в виде однорядной и многорядной волны, наряду с другими украшениями. Римская керамика представлена только гончарной посудой. Эта посуда изготовлена из хорошо отмученной глины и бывает кирпичного и серого цвета. Посуда из отмученной глины кирпичного цвета представлена горшками с четко выделенным и сильно отогнутым венчиком. Попилиан выделяет два типа: с максимальным расширением в верхней части тулова и в нижней (табл. 14-1,3). Очень многочисленной является группа сосудов с двумя ручками, часто украшенных врезным орнаментом в виде волны, а также кувшины с горлом в виде раструба. Миски представлены двумя типами: биконические миски с вертикальной верхней частью тулова и легко отогнутым венчиком (табл. 14-4) и полусферические миски (табл. 14-6). На могильниках также представлены тарелки и кувшины. Керамика серого цвета представлена горшками тех же типов, но с более выделенной частью горла, сосудами с двумя ручками, кувшинами тех же типов, мисками I типа и крышками. Шероховатая керамика по типу сосудов несколько отлична от первой группы. Здесь представлены горшки с загнутым внутрь краем (урны), тюльпановидные сосуды, сосуды со срезанным венчиком, мисками только высокими, с прорезными линиями на тулове. Кувшины и сосуды с двумя ручками по И.Ионице, а также тарелки во второй группе римской керамики отсутствуют. Мы считаем, что граница между римской и дакийской керамикой очень условна, ряд типов керамики (сосуды с двумя ручками, кувшины, миски) возможно отнести к дакам, ибо эти же типы посуды представлены на территории карпов и свободных даков, где эти традиции, по мнению Г.Бикира, имели древние латенские и гето-дакийские корни (Bichir 1970: 91). Конечно, нельзя исключать римского влияния на эти типы посуды, ибо часть из них развивалась под сильным влиянием римских мастерских (амфоры, terra sigillata). Совершенно естественно то, что этот некогда достаточно общий массив, разделенный после образования римской провинции, сохранил многие прежние традиции.

2.7. Культура Карпатских курганов

Эта культура открыта сравнительно недавно. Началом ее исследования явилась монография М.Ю.Смишко (Смишко 1960). Эта культура

по последним работам украинских археологов датируется с конца II в.н.э. по V в.н.э. (Вакуленко 1977). Эта ранняя датировка явилась основой для того, чтобы рассмотреть керамический набор этой культуры специально. Исследования основных черт культуры карпатских курганов показали, что среди керамического материала существует целый ряд лепных и гончарных форм, аналогичных формам гето-дакийских культур. В этой культуре представлены как лепные, так и гончарные сосуды, причем в погребениях гончарная посуда представлена в отношении до 50%, на поселениях она составляет около 20%. Лепные сосуды представлены грубыми толстостенными горшками с шероховатой поверхностью, которые содержат крупные примеси, иногда нижняя часть этих сосудов обмазывалась глиной. Отдельные сосуды украшены пластическим орнаментом. Гончарная керамика разделяется на две группы:

I группа. Серого цвета с лощеной поверхностью.

II группа. Сосуды со значительной примесью из песка в тесте.

Формы самые разнообразные — миски, горшки, вазы, зерновики. Коснемся вопроса появления гончарства в этой культуре. В Нижнеструтенском могильнике в ранних курганах, которые датируются концом II в.н.э. гончарной керамики не встречено (Вакуленко 1977: 64). Могильники, которые относятся к ранней фазе этой культуры, — Иза I и Иза II — также в ранних погребениях не имеют гончарной посуды. В обоих могильниках прослеживается в ранних погребениях лишь лепная посуда гето-дакийского облика. Дату появления гончарной керамики дают двучленные лучковые фибулы с подвязным приемником, которые Л.В.Вакуленко датирует концом II — началом III в., опираясь на западные аналоги, в то время как на нашей территории они существуют весь III век, и светлоглиняные узкогорлые амфоры, датирующиеся также очень широко. При помощи археомагнитного метода датировки был исследован вопрос функционирования гончарных горнов в Печенежине. Образцы показали середину III в.н.э. На наш взгляд, только в это время в культуре карпатских курганов, как и в целом ряде других культур Западной Европы, появляется гончарная керамика. Л.В.Вакуленко связывает появление этой культуры с отходом части гето-дакийского населения в конце II века под натиском пшеворской культуры за Днестр на территорию Прикарпатья (Вакуленко 1977: 74). Можно заметить удивительное сходство гончарной керамики этой культуры с керамикой ЧК. Это заметно прежде всего в такой категории, как миски.

Подведем некоторые итоги:

1. Гончарство в ряде дакийских культур известно с очень раннего времени, что связано со стойкими латенскими традициями.

2. Нельзя строго разделять этот гето-дакийский массив на отдельные культуры. Основа этого массива прослеживается достаточно отчетливо во всех выделенных культурах; различия связаны лишь с локальными особенностями, что особенно заметно у римских и свободных даков.

3. Появление керамики из грубозернистой глины у ряда культур (римские даки) связано с влиянием римского гончарного производства. В этой технике начинают вырабатываться обычные дакийские формы (горшки, крышки). В ряде случаев идет подражание римским образцам. Сохранение сильных латенских традиций в этом регионе и дало ряд форм посуды, близким позднекельтским образцам (миски, горшки, чаши на высокой ножке).

4. Печи, обнаруженные в целом ряде мест, относятся к кельтскому типу (с перегородкой в нижней камере).

5. Орнамент на сосудах прежде всего пластический (валики, налепы, пальцевые вдавления). Врезной орнамент представлен очень редко. На керамике из хорошо отмученной глины с гладкой поверхностью часто применяются различные виды лощения.

6. Первое проявление германских элементов наблюдается уже на рубеже 60-70-х гг. III в., причем на этих памятниках заметен симбиоз готских и местных элементов.

2.8. Северное Причерноморье

1. Тира и ее округа

Керамика Тиры нами будет рассмотрена на основе работы А.В.Гудковой (Гудкова 1979). К сожалению, материал практически не расчленен. Это объясняется прежде всего сложностью стратиграфических наблюдений в культурном слое. Автор пишет: «Стратиграфическая неопределенность преобладающей части материала крайне ограничила хронологические построения, а его фрагментарность — типологические построения. Поэтому эта керамика датируется обобщенно II-IV в.н.э. Имеющаяся документация не позволяет расчленить стратиграфически материалы доготского и послеготского периода. Поэтому эволюцию сероглиняной керамики проследить не удается, и приходится описывать ее лишь суммарно. А.В.Гудкова предложила классификацию, причем «классификация ввиду фрагментарного состояния построена только с учетом форм сосудов. Устойчивое сочетание определенного орнамента с конкретной формой сосуда не отражено» (Гудкова 1979). Мы не будем здесь касаться детальной классификации сероглиняной керамики Тиры, а коснемся лишь выводов, которые сделала А.В.Гудкова, анализируя суммарно керамический материал. А.В.Гудкова пишет: «Анализ форм и отделки поверхностей сероглиняной керамики Тиры II-IV вв.н.э. показывает, что она имеет много общего с керамикой черняховской культуры.

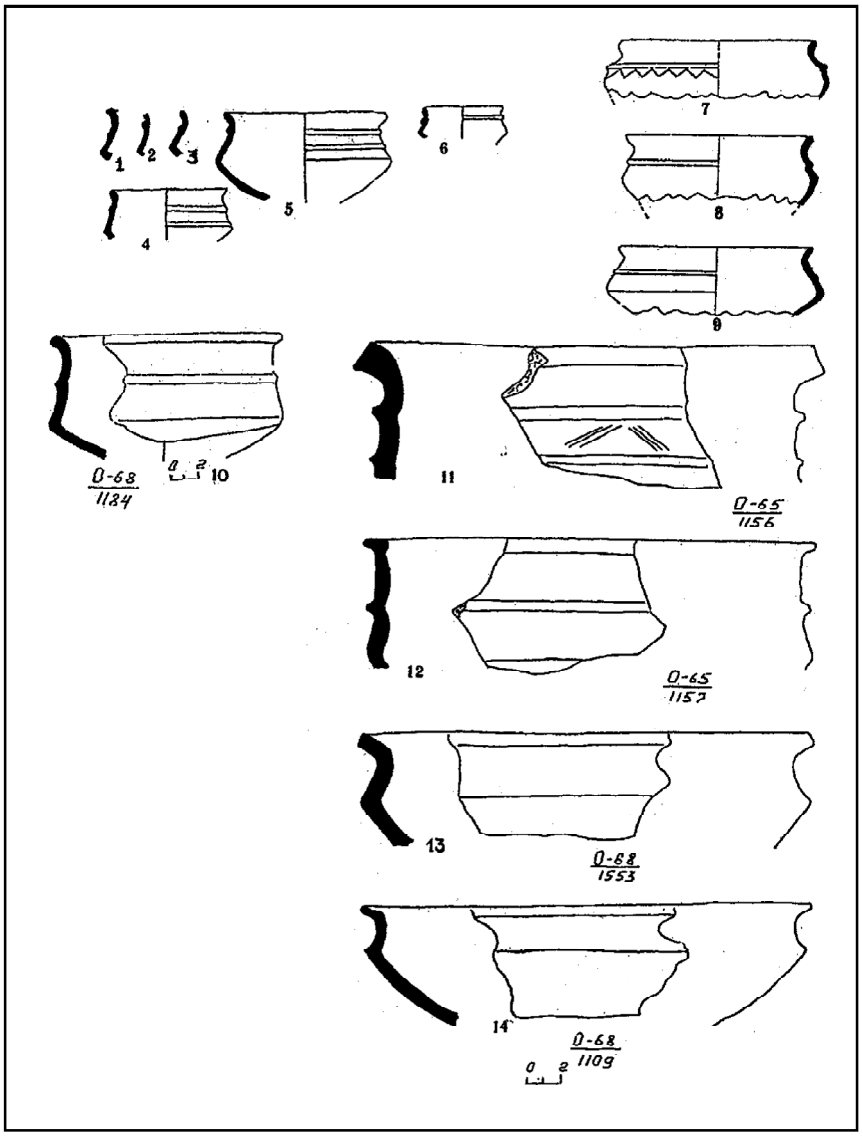

Табл. 15. Керамика Ольвии (№№ 10-14) и Козырского городища (№№ 1-9) (Бураков 1976).

Часть сосудов идентична черняховским. Но есть и отличие: округлые миски, лощеные и орнаментированные снаружи и внутри миски, повторяющие формы красноглиняной римской посуды, тарелки, для ЧК не характерны. Очень мало биконических форм. Орнамент, например, вертикальные или расходящиеся веером пучки, также не характерен для черняховской орнаментации. Анализируя керамический материал, представленный в классификации А.В.Гудковой, мы видим, что здесь выступают совершенно новые типы посуды — сосуды с валиками и маленькие сосуды с валиками, что существенно отличает эту керамику от керамики рассмотренных выше культур. Целый ряд тирских сероглиняных мисок очень близок мискам культуры Поянешты-Выртешкой, как по форме, так и по характеру орнаментации и обработки поверхности (лощение внутренней поверхности сосуда). К сожалению, мы не можем использовать этот материал ввиду его хронологической нерасчлененности. Для выяснения времени появления различных форм сероглиняной посуды существенную роль может сыграть изучение керамического материала округи Тиры. Нами будет рассмотрен археологический комплекс римского времени Молога II, состоящий из поселения и могильника. Он находится в 15 км к северу от Тиры. В могильнике вскрыто 4 склепа и 6 ям. Обратимся к анализу керамики. Она состоит из 4 групп сосудов: амфор, гончарных краснолаковых и красноглиняных изделий, гончарной сероглиняной и лепной посуды. Количественное соотношение следующее: амфоры — 66%, краснолаковая и красноглиняная керамика — 3%, сероглиняная — 12%, лепная — 19%. Остановимся на сероглиняной керамике. Прежде всего мы можем заметить, что здесь также представлены миски с валиком на тулове, а также миски с вертикальной частью тулова и четким ребром. Этой категории керамического материала в Мологе II очень мало. Этот памятник датируется только II в., узкая дата подкрепляется, по мнению авторов, находками денария Антонина Пия (138-161 г.н.э.) и дупондия Коммода (180-192). Мы знаем, что монеты II века встре-

чаются в III и IV веках и не являются показателем только II века, если нет других археологических данных. Вероятнее всего, городище погибло вместе с Тирой, отсюда и наличие этих типов посуды.

2. Ольвия и ее округа (табл.15)

Ольвия привлекает особое внимание, так как на ее материалы ссылается Б.В.Магомедов при изучении вопроса происхождения форм гончарной керамики ЧК; М.А.Тиханова также выводит лепесовских гончаров из Ольвии. Но тем не менее до последнего времени, до появления работ А.В. Гудковой, В.В.Крапивиной (1988; 1990) и В.В.Крапивиной (1995) было трудно сказать что-либо определенное про керамический материал Ольвии первых веков н.э. Материал римского времени был суммарно опубликован, большей частью отсутствовал иллюстративный материал, давалось лишь описание раскопов и самое обобщенное описание керамики, по которому судить о формах и технологии изготовления не представлялось возможным. До недавнего времени существовала лишь работа Р.И.Ветштейн в фондах Киевского Института археологии, из которой опубликованы лишь небольшие куски (Ветштейн 1955). Исследовательница, отмечая большое сходство с черняховской керамикой в ряде форм, указывает и на серьезные отличия в облике, форме, отделке деталей и в орнаментации. Изучение керамического производства в Ольвии показало наличие особенно тесной связи с Тирой, керамика которой почти не отличается от ольвийской керамической продукции. Благодаря любезности киевских коллег еще в 1983 году мы просмотрели материалы в фондах ИА АН УССР, где находились материалы раскопок Ольвии Р.И.Ветштейн и обнаружили в «доготских комплексах» сосуды с валиками, которые происходят из римской цитадели (0-68/1184, 0-65/1156, 0-65/1157) (табл. 15-11,12). Также в этих слоях при просмотре коллекций из раскопок римской цитадели мы обнаружили два фрагмента биконических открытых мисок с оттянутым ребром (О-68/1553; О-68/1109), что вероятно, является наследием изготовления terra sigillata (табл. 15-13,14).

Обратимся к округе Ольвии и рассмотрим материалы Козырского городища. Это городище переживает два периода, конец I в.н.э. — середина II в.н.э. — гетские походы, затем оно вновь оживает и функционирует до середины III в.н.э. и прекращает свое существование вместе с Ольвией, после готских походов. Сероглиняная гончарная керамика представлена на Козырском городище в большом количестве. Большинство форм имеет чисто античное происхождение, но здесь на втором периоде жизни этого городища появляется новая керамика — это сосуды с валиком. Но попала ли эти керамика еще до готского разгрома или в момент разгрома, определить трудно, так как слой датируется суммарно — первой половиной III в.н.э. Так как такая керамика, найденная в Ольвии в римской цитадели (Гудкова, Крапивина 1990: 5), и на Козырском городище очень малочисленна, мы более склонны считать ее чуждым элементом в античных городах Северного Причерноморья (см. раздел 1 статьи).

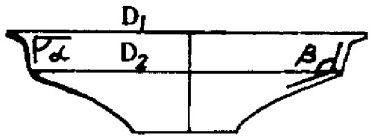
3. О происхождении отдельных типов керамики раннего горизонта ЧК. Западный вариант.

На ***следующем этапе исследования*** рассмотрим происхождение выделенных ведущих типов керамики раннего горизонта ЧК (см: Шаров 1992; Sarov 1995; Sharov 1999). В раннечерняховском горизонте могильников Косаново, Ружичанки, Данчен, Чернелив Русский представлены главным образом два ведущих типа, относящихся к категории высоких мисок и кубков. Следует объяснить, почему мы исследуем лишь два типа из всего раннего горизонта. Нами взяты для анализа только те типы, которые появляются на раннем этапе функционирования всех четырех могильников, безотносительно, в лепной или гончарной технике они сделаны. Это высокие закрытые миски II рода типа 14 и кубки II рода типа 25 нашей классификации, которые появляются на самом раннем этапе в C1b и с вариациями существуют и в более позднее время (табл.16). Вторым ведущим типом являются высокие закрытые миски III рода типов 15, 16, 18 и кубки переходного II/III и III рода типов 26, 28 нашей классификации. Они представлены на всех трех могильниках, причем на Ружичанке этот тип датируется суммарно C1b, а в Косанове и Данченах — только начиная с периода C2 (табл.16). Эти формы объединены нами в серии.

Под серией мы понимаем совокупность сосудов, выделенных нами по ряду признаков одного хронологического пласта, безотносительно к их культурной атрибуции. Применительно к нашей проблеме это не только классы, типы черняховской посуды, а вообще типы и классы посуды на территории всей Европы, существовавшие одновременно, объединенные нами по признакам (например, «трехчастность» сосуда). Таким образом, идет сравнение не единиц классификаций керамики различных культур, а рассматриваются связи и соотношения внутри одной серии. Это различие в подходе побудило нас обратиться к иному наименованию организации материала.

Серия 1. Сосуды с выделенной шейкой (трехчастные). Ведущим признаком для выделения этой серии является четкое отделение шейки от тулова и венчика (ХИ-40 по хронологии: Шаров 1992). В подгруппу А входят высо-

Категории		Миски (М) $H:D_2 \le 0,5$						Высокие миски (В) $H:D_2 > 0,5$						Горшки (Г) $H:D_2 \ge 1$						Кубки (К) $H:D2 \approx 1$					
Класс		Открытые $D_1:D_2>1$			Закрытые $D_1:D_2<1$			Открытые			Закрытые			Откры-тые			Закрытые			Открытые			Закрытые		
Род		I	II	III	I	II	III	I	II	III	I без валиков	II трёхчастные	III с валиками	I	II	III	I	II	III	I $D_2=0$	II	III	I	II	III
Вид	А	$D_2=0$ $\angle\alpha<90°$ 1			D_2 $H_1:H_2<1$ $\angle\beta<90°$ 2			D_2 2			$D_2=0$ $H_1:H_2<1$ 2	$H_3:H_1\le0,5$ 2	$D_2=0$ $H_3:H_1<0,5$ 2Б				$H_1:H_2<1$ 2	$H_3:H_1<0,5$ 2	$H_3:H_1<0,5$ 2	$H_3:H_1<0,5$ 2					
	Б	$D_2=0$ $\angle\alpha<90°$ 2			D_2 $H_1:H_2=1$ $\angle\beta=90°$ 2			D_2 $H_1:H_2=1$ $\angle\alpha=90°$ 2			D_2 $H_1:H_2\approx1$ 2	$H_3:H_1>0,5$ 2	D_2 $H_3:H_1\le0,5$ 2В				$H_1:H_2=1$ 2						D_2 $H_1:H_2=1$ 2	D_2 $H_3:H_1>0,5$ 2	D_2 $H_3:H_1>0,5$ 2
	В	D_2 $\angle\alpha\to90°$			D_2 H1:H2≥1 $\angle\beta\ge90°$ 2								D_2 $H_3:H_1=1$ 2												
	Г	D2 $\angle\alpha=90°$ 2											D_2 $H_3:H_1\to1$												
	Д	D2 $\angle\alpha=90°$ 2А																								

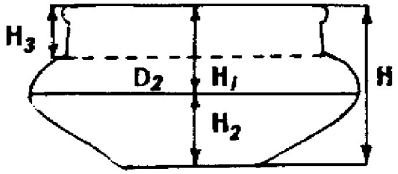

Табл. 16. Классификация керамики раннего горизонта черняховской культуры (Шаров 1992: табл.1)

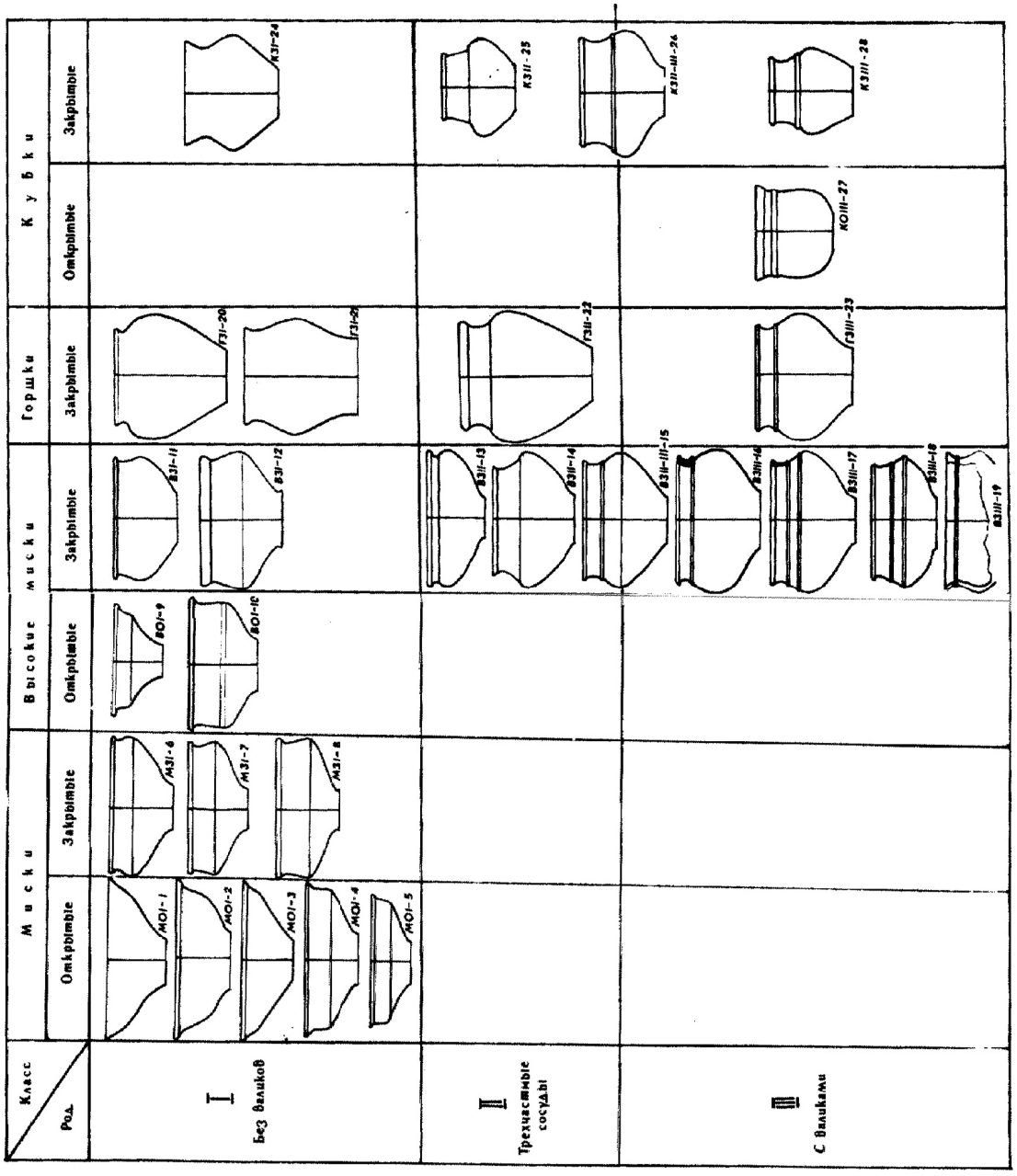

Табл. 16 (продолжение).

кие миски и Schaleurnen

Подгруппа Б объединяет маленькие сосуды или кубки.

Серия II. Сосуды с валиками. Наличие валика является ведущим признаком для выделения серии. Здесь представлены как Schaleurnen, так и высокие миски, которые мы объединяем ***в подгруппу А***. (ХИ-31 по хронологии: Шаров 1992).

Подгруппа Б объединяет маленькие сосуды с валиком или кубки. Количество валиков может быть различно (1-3), так же как и их положение на тулове сосуда. В черняховской керамике положение валика обычно на верхней части тулова, предпочтительно на верхней трети.

I серия

Дакийская культура (Ioniță 1980) и культура Карпов (Bichir 1973)

Обе культуры не имеют керамики первой серии в рассматриваемое время. Исключением для этого региона является комплекс погр.3 мог. Тодирени (Ioniță 1982) (табл.13-4). В этом погребении присутствует гончарный сосуд первой серии вместе с бронзовой рифленой ведерковидной подвеской, Bügelknopffibel и одночастным гребнем типа А с высокой крутой спинкой. Дата этого погребения, по нашему мнению, — С2/С3 (см. раздел 2 настоящей статьи).

Так как в комплексах дакийской культуры этот сосуд единственный, то мы можем сказать, что эта керамика — чуждый элемент в дакийских и римских культурах Юго-Запада до появления Черняховской культуры на территории Румынии, и, вероятно, погребение в Тодирени отражает проникновение германских элементов в этот регион (Ioniță 1982).

Вельбаркская культура (ВК) (таб. 1)

В ВК такие сосуды относятся к 6, 17 и 18 группам классификации Р.Шиндлера (Schindler 1940). Автор датировал форму Д VI группы серединой IV в. Но комплекс из погр. 208 Вилленберга (табл.1, 3) (Schindler 1940: Abb. 39-41) показывает, что керамика первой серии выступает значительно раньше с фибулами VI и VII группы О.Альмгрена, которые дают дату в пределах рубежа С1b и С2. К этому же времени относит появление этой керамики и Р.Волонгевич (Wołągiewicz; 1981 1993). При разработке относительной хронологии мог. Брест-Тришин оказалось, что сосуды первой серии отсутствуют в первой и второй фазе могильника и встречаются в единственном числе в третьей-четвертой фазе в горизонте с фибулами, украшенными зерненными кольцами, подвесками в виде «молоточков Тора», пряжками типа «Д», т.е. вещами, характерными для ступени С2 (Sharov 1999). Этот факт свидетельствует о том, что первая волна ВК не несет этой керамики, а, вероятно, она появилась не ранее конца С1, а скорее всего в фазе С2, когда эта керамика уже существовала в ЧК.

Пшеворская культура (ПШК)

Керамика первой серии представлена на ранних этапах формирования культуры периода В1, далее она единично выступает на могильниках Силезии уже на позднем этапе позднеримского периода. Эта керамика лепная, очень отличающаяся от пшеворских керамических традиций. В погр.37 мог. Спицымеж она выступает в комплексе с terra-sigillata «Dragendorf-37» и золотой подвеской-лунницей (Kietlinska 1963), что говорит, вероятно, о западном происхождении этого комплекса.

Словакия

Керамика Словакии интересна тем, что еще в I-II вв.н.э. здесь достаточно сильно ощущалось бесспорно кельтское влияние. М.Ламиова-Шмидлова объясняет этим фактом появление гончарной керамики на территории ю.-в. Словакии, где на поселении Себастовичи-Барка, относящемуся в раннеримскому времени, она выступает достаточно массово (Lamiova-Schimiedlova 1969). Здесь же, в траншее 23 во втором слое встречены лепные сосуды, сопоставимые с выделенной серией (Lamiova-Schimidlova 1969). В более позднее время сосуды первой серии выступают единично, несмотря на определенное влияние кельтских гончарных традиций как на востоке (Блажицы), так и на западе (Пуховская культура) Словакии. Сюда же можно отнести и керамику с мог. Ockov, где представлены сосуды I серии, которые Т.Кольник датирует по фибулам концом II в.н.э. (Kolnik 1970). Это бесспорно сильное влияние кельтских традиций в керамическом производстве рассматриваемого региона.

Лебус-любушская группа ПШК или Любошицкая культура (ЛК) (Табл. 17, 18)

Рассматривая керамический материал культуры, мы обратили внимание на чрезвычайную редкость сосудов первой серии в лепной технике и изобилие в гончарной. Г.Доманский относит сосуды из Streumen (табл.17-14) (Meyer 1971: Abb. 118-4) и Schwochau (табл.17-13) (Meyer 1971: Abb.116-4) ко второй фазе ЛК (180-230 гг.н.э.) и считает появление этого типа влиянием Эльбского культурного круга (Domanski 1979: 68), о чем говорит характерный эльбский орнамент из трех «Knubbe» на сосуде из Streumen. На поселении Цветау встречено большое количество гончарной керамики первой серии (Meyer 1971: Abb.173-175) (табл.18, 1-4, 12, 13, 23, 24), но фактически на других поселениях более ее не выявлено, что позволяет искать источник появления этой керамики не в

данном культурном контексте ЛК, т.к. на ранних этапах ее развития такая керамика не встречалась. Обратимся к району Эльбы, который мог дать импульсы для появления этой серии сосудов в рассматриваемой культуре.

Нижняя Эльба

Этот район дает нам керамику первой серии, как с разнообразным орнаментом, так и без него, где она выступает с III в.н.э. (Schach-Dorges 1970; Genrich 1954). Вся керамика лепная и составляет среди всего многообразия посуды незначительный процент.

Средняя Эльба (Табл. 19, 20)

Ф.Кухенбух выделил для района Альтмарк-Ганновер ряд основных форм керамики, из которых форма А относится к выделенной нами серии (Kuchenbuch 1938: Taf.9-1,2) (таб. 19, 1-2). Керамика раннего этапа богато украшена меандром, но на более позднем этапе (С2-С3) становится более приземистой и утрачивает орнаментацию. Автор пишет, что в конце фазы С2 ситулы постепенно переходят в Schaleurnen. При этом очень существенно то, что ситулы и террины, как ведущие типы эльбогерманского мира, по Ф.Кухенбуху, происходят от трехчастных сосудов западно-рейнского латена (Kuchenbuch 1938: 5, 16). Для ***района Тюрингии*** А.Лазер отметил в III в.н.э. большой процент сосудов I серии, из которых большинство представлено неорнаментированными сосудами (Laser 1965, Taf. 5-1, 27-20, 41-2, 45-18) (таб.20, 1-4). В трупосожжениях использовалась, главным образом, лепная керамика, что нельзя сказать о керамике из трупоположений.

Горизонт Лейна-Хаслебен (Табл.21)

Достаточно репрезентативно представлены гончарные сосуды первой серии в ***горизонте Лейна-Хаслебен*** (ГЛХ) (Табл. 21). Это погр.

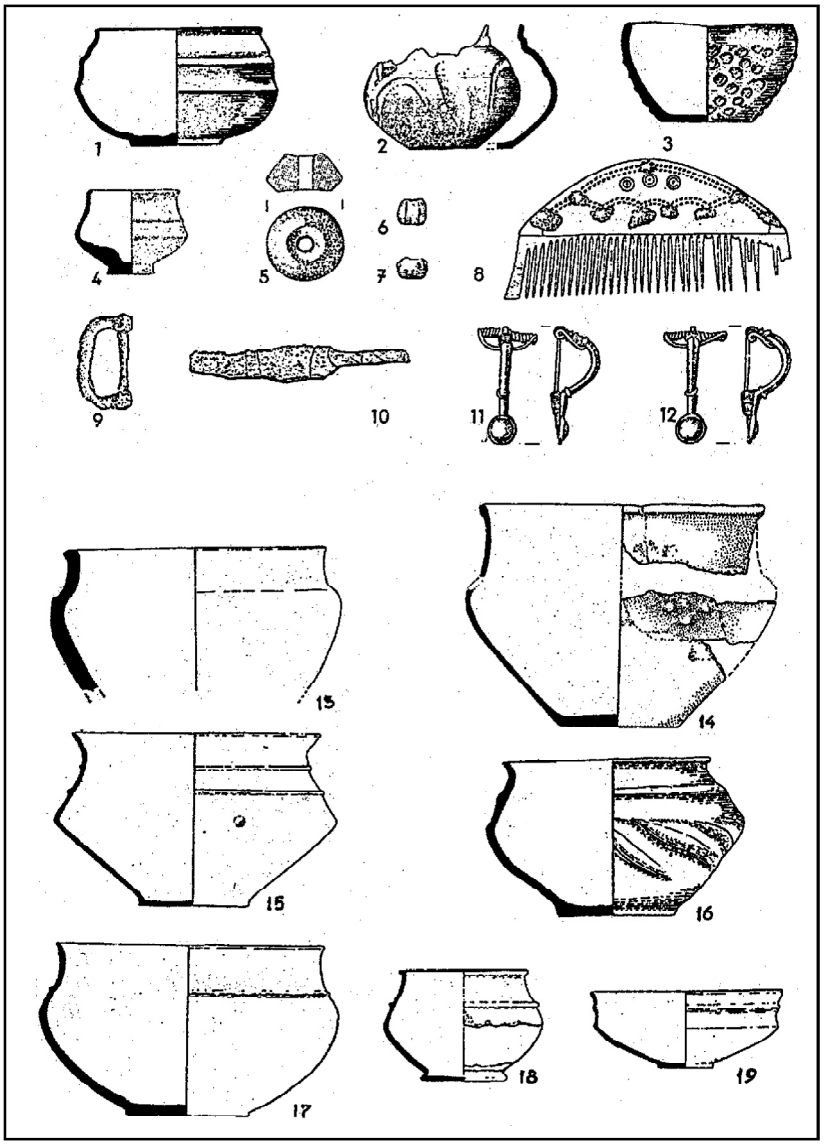

Табл. 17. Комплекс погребения Лебус (№№1-12 по Leube, 1975, Taf.17). №№ 13-19 — Керамика лебус-любушской группы пшеворской культуры по A. Leube и K. Godłowski или Любошицкой культуры по Д. Доманскому (по: Meyer 1971).

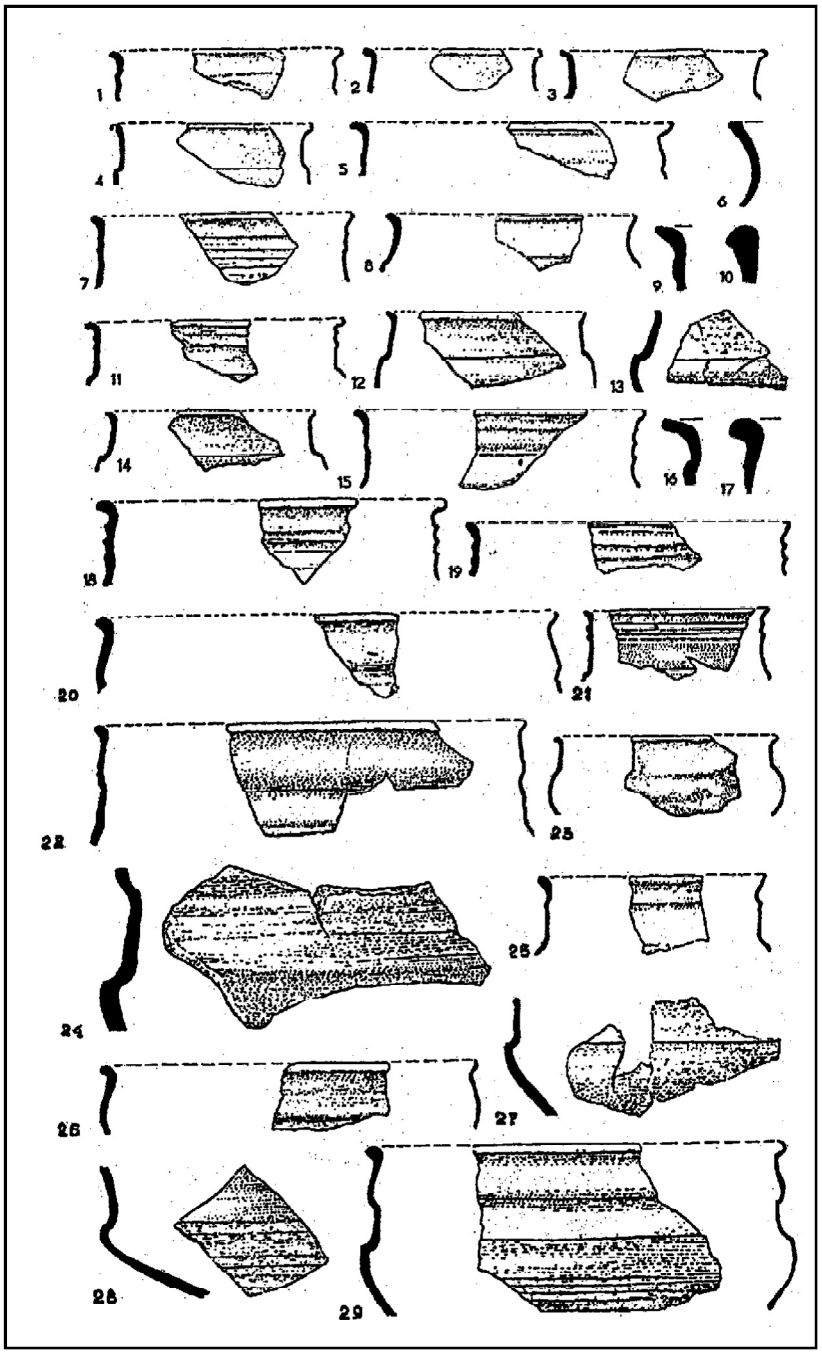

Табл. 18. Керамика поселения Цветау в Саксонии (Meyer 1971).

1917 г.; 2,3 - 1926 г. могильника Лейна (Schulz 1953: Abb.5, 32, 43, 44). В отличие от комплекса вещей, указывающих на юго-западные связи (Roeren 1960: 229-233), керамика фиксирует ее местные корни, но она выполнена на более высоком гончарном уровне, что закономерно как в связи с более поздней датировкой по отношению к керамике раннего горизонта ЧК, так и, вероятно, связано со стойкими керамическими традициями с эпохи латена. Вероятно, к эльбскому кругу древностей следует отнести и гончарный центр Цветау в Саксонии, т.к. традиции изготовления такой посуды на Эльбе существовали с более раннего времени. Далее на восток от Средней Эльбы, где, по А.Лейбе, находится область семнонов, такая керамика уже не встречается (Leube 1976: 114).

Верхняя Эльба (Табл. 22, 1-5)

Р.Мотыкова-Шнейдерова, разбирая керамику Чехии (Motykova-Schneidrova 1967) периода, который можно синхронизировать с B2-C1 К. Годловского (Godłowski 1970: 77-81, Abb.18), выделила ряд типов, среди которых представлены формы, сопоставимые с сосудами первой серии. Эта керамика существует в Чехии с самого начала римского времени и, вероятно, может быть связана традицией с маркоманнами, которые мигрировали туда из района Рей-

на-Майна через Среднюю Германию в период B1. Это — многочисленные террины различной высоты с цилиндрическим горлом и резко подчеркнутым туловом (Motykova-Schneidrova 1963) (табл. 22, 1, 2). Исследовательница также выделила лощеные миски и Schaleurnen с четко выделенным горлом и резко оформленным краем, которые чаще всего не украшены (Motykova-Schneidrova 1963). В более позднее время сосуды первой серии появляются с характерным эльбским орнаментом.

Моравия (Табл. 22, 6-10)

Появление керамики первой серии наблюдается уже в период B1c по Т.Кольнику, в том числе в богатых погребениях западно-моравского региона, выделенных Я.Тейралом (Tejral 1983: 88, Abb. 9-1-3). Он отметил некоторое сходство по обряду и инвентарю с синхронными богатыми погребениями правого берега Рейна (Tejral 1983: 92), что вызывает интерес, т.к. в районе Майнфранка эта керамика встречена в фазе A по Х. Пешеку (Peschek 1978: Taf.2). В первой половине II в. сосуды первой серии еще встречаются на поселениях этого региона (Tejral 1983), но во второй половине II в.н.э. они составляют незначительный процент, что является, вероятно, отражением бурной эпохи маркоманнских войн (167-180 гг.н.э.) и проникновением носителей пшеворской культуры. В последующее время сосуды 1 серии спорадически встречаются в Южной Моравии уже в гончарной технике, но на более позднем этапе, чем рассматриваемый хронологический период (Tejral 1975: рис.19).

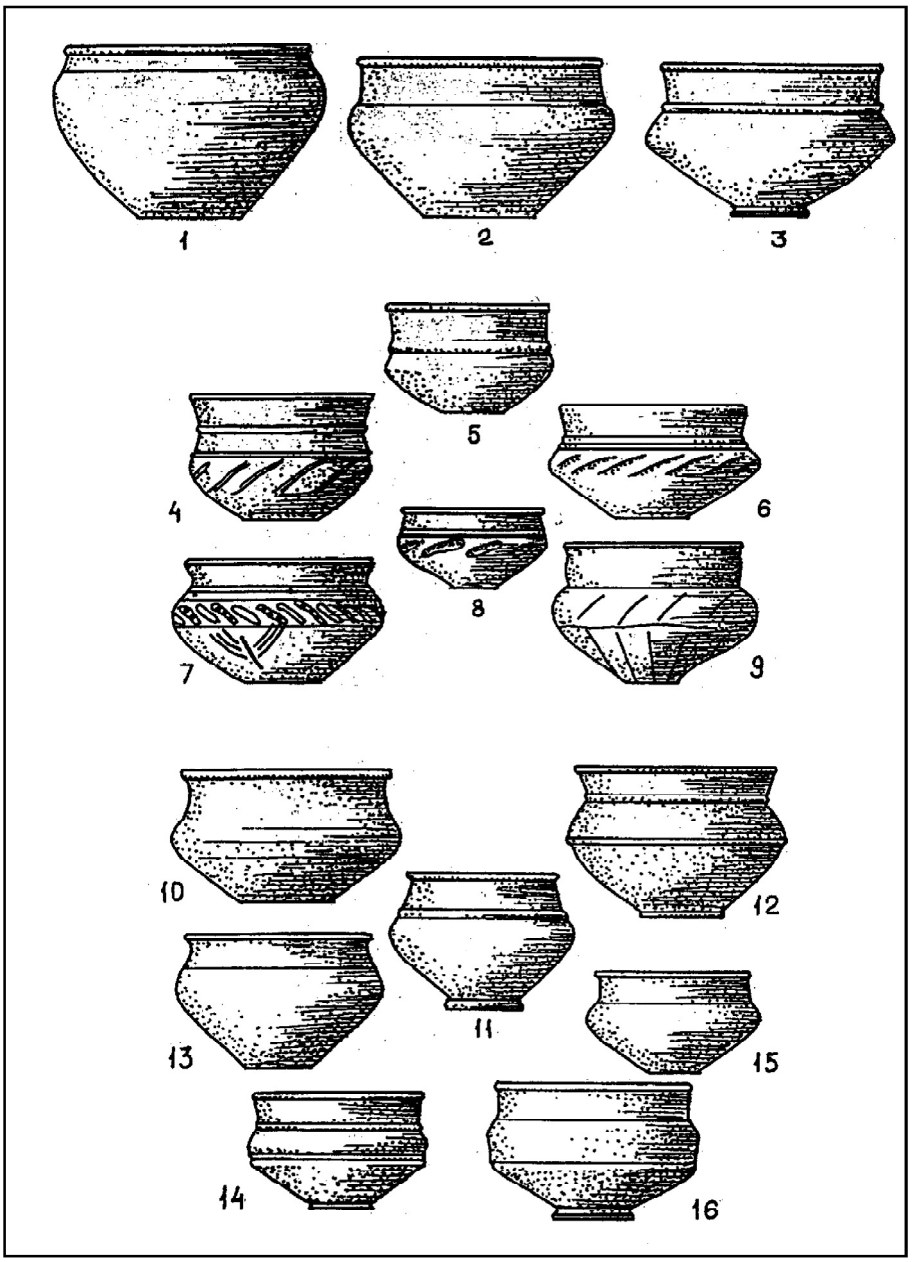

Табл. 19. Керамика региона Средней Эльбы (Kuchenbuch 1938)

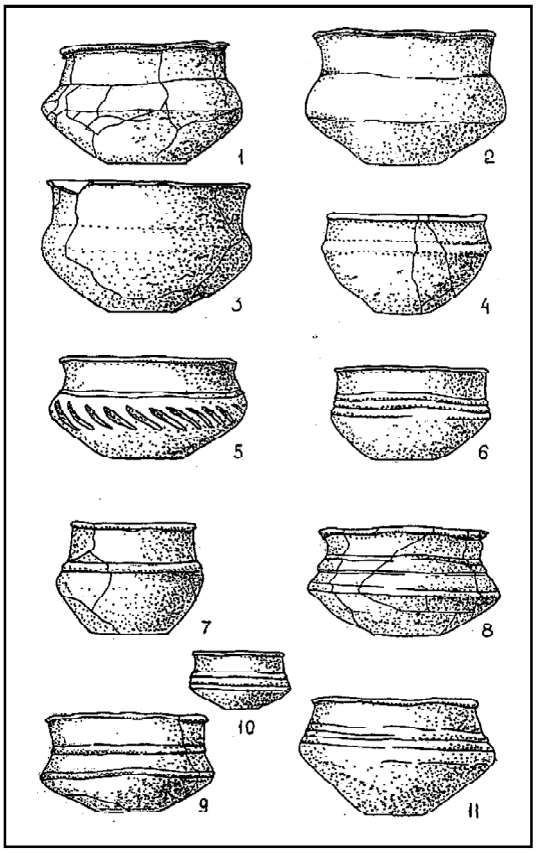

Табл. 20. Керамика Тюрингии (Laser 1965).

Нижний и Средний Рейн (табл. 23)

Регион, рассматриваемый Р.Усларом от низовьев Рейна до Эльбы, дает нам большое количество лепных сосудов первой серии, сосредоточенных в двух центрах: на Рейне — в районе Рейндорфа и в районе реки Заале (Uslar 1938). Это форма 2 по Р.Услару (Uslar 1938: Taf.A-25-28), которая развивается из местных форм террин и появляется в конце II — начале III в.н.э., являясь основным отличительным признаком этой территории (табл. 23-А). Эта посуда двух типов: на высоком поддоне и без него, фактически лишенная орнаментации и всегда лепная. (табл. 23-Б) Р.Услар отметил совстречаемость этих сосудов с Dragendorf-37, чашами с вертикальными стенками Eggers-78-93 и котелками Hemmoor, что впоследствии станет одним из отличительных признаком княжеских погребений ГЛХ (Uslar 1938: 145-148).

Верхний Рейн, Верхний Дунай, Майн и Неккар (Табл. 24)

В районе Майнфранка Х.Пешек отмечает керамику первой серии в периоде А (табл. 24-1-2). и на позднем отрезке позднеримского периода (табл. 24, 3-9). В этом регионе она крайне немногочисленна (Peschek 1978: Taf. 2-12, 39-1, 2, 4, 8, 9).

На Верхнем Дунае (Dannheimer 1962) и Верхнем Рейне (Overbeck 1983) и в областях, занятых аламаннами (Koch 1981), она также отсутствует. Этот факт вполне соответствует версии переселения гермундуров-семнонов из района Эльбы в район Майна-Рейна во II в.н.э. (Leube 1986), т.к. в обоих регионах в это время керамика первой серии практически не встречена.

Вторая серия

Культура Поянешти-Выртешкой

Гончарная керамика, начиная со II в.н.э. представлена на памятниках этой культуры в большом количестве: 60% на поселениях и до 90% — на могильниках, из них около 75% — сероглиняной. Интересующих нас серий сосудов на поселениях и могильниках этой культуры не встречено, но выступают в большом количестве открытые сероглиняные лощеные миски, аналогичные мискам раннего горизонта Ружичанки (Bichir 1973: Taf. LXXXIX-6, 8; XCI-6; Popilian 1980: Taf.XI-3, XL-6, XLII-1).

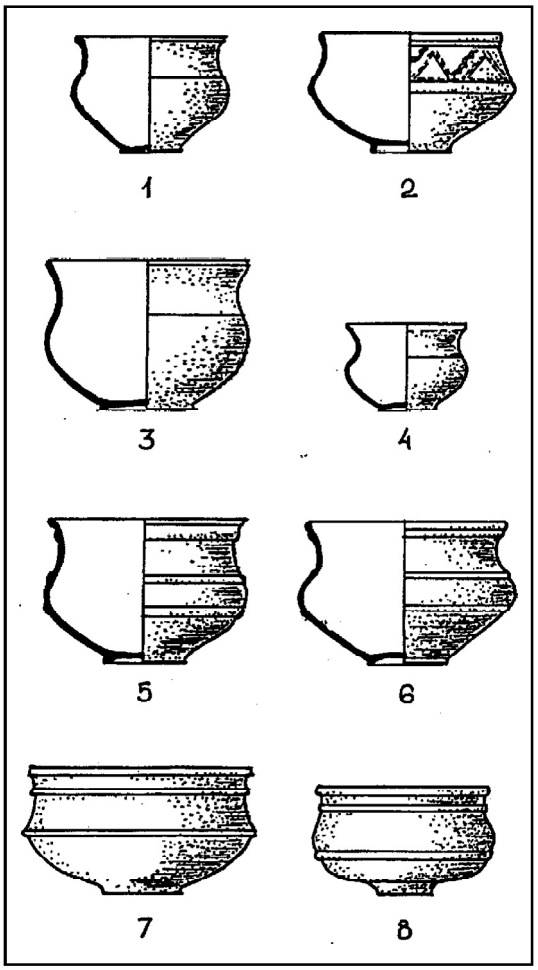

Табл. 21. Керамика из могильников Лейна и Хасслебен (Schulz 1933; 1953)

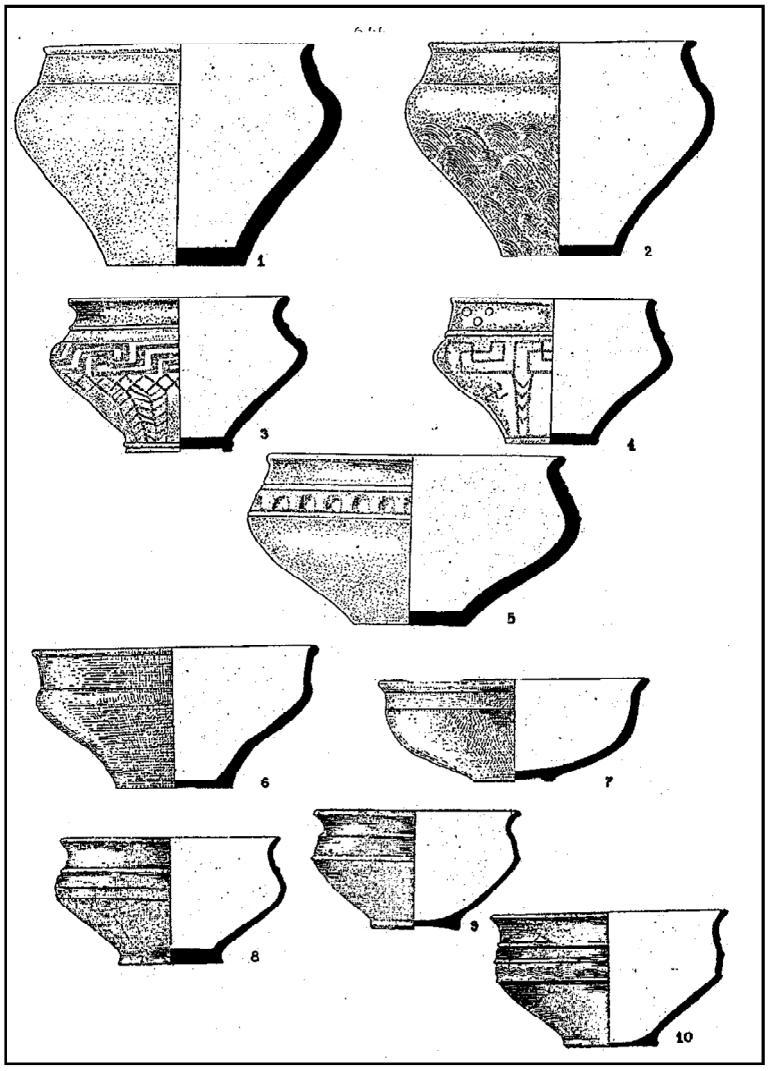

Табл. 22. Керамика Чехии (№№1-5) по (Motykova-Schneidrova 1963; 1967) и Моравии (№№ 6-10) по (Peskar, Ludikowski 1978).

Культура свободных даков

В некрополе Козия встречена керамика второй серии (табл. 13, 7) наряду с керамикой, на наш взгляд, эльбского круга (Ioniță 1980: Abb.29-2), т.к. сосуд украшен характерным орнаментом в виде валика с косыми насечками (см. Schach-Dorges 1970: Taf.13-17, 31-23) (табл.13, 8). Погребение содержит бронзовую двучастную пряжку типа «Д», наконечник стрелы с открытой втулкой и подвязную фибулу первого варианта по А.К.Амброзу (Ioniță 1980: Abb.28). Пряжку этого типа Р.Мадыда датирует периодом С2, наконечник стрелы выступает в ПШК в фазах В2 и С1 (Madyda 1977: 367,Taf. III,1). Следовательно, этот комплекс можно датировать рубежом С1 и С2. Здесь мы видим ярко выраженные германские (эльбские), а также очевидные дакийские элементы (Ioniță 1980: Abb. 28-2, 6) (табл.13, 5). Этот комплекс фиксирует начало появления черняховских памятников на территории Румынии, которое начинается с 269-271 гг.н.э. после окончательного оставления Дакии римлянами (Ioniță 1980: 91).

Культура римских даков

Она не дает нам в своем материале керамики выделенной серии, тем более что дако-римской керамике была присуща в это время посуда из грубой зернистой глины (Popilian 1980: Taf.XLI-XLIII), которая не содержится в ранних горизонтах ЧК, что противоречит мнению Г.Диакону о такого рода посуде (Diakonu 1970: 243-251, 249).

Липицкая культура

Керамика липицкой культуры, изготовленная на быстром гончарном круге, представляет большой ассортимент форм, среди которых отсутствует керамика выделенных серий (Цигилик 1975). Гончарство также не могло быть заимствовано от носителей этой культуры, т.к. оно заканчивается в конце II — самом начале III в.н.э.

Волынь-Подолия (Табл. 25)

Остановимся на районе Волыни-Подолии и Поднестровья, выделенных М.Б.Щукиным в 12, 13 колонные секвенции, где нет хронологического хиатуса перед появлением ЧК (Щукин 1979: 75-80). В районе Поднестровья встречаются сильные пшеворские и вельбаркские элементы. М.Н.Козак четко различает на вельбаркских поселениях и могильниках черняховскую керамику, которая представлена в основном гончарными сосудами второй серии (Козак 1986: 719, рис.5). На территории Волыни и Полесья с конца В2 появляются первые памятники ВК, к которым относится прежде всего Брест-Тришин (Кухаренко 1980: 64-65). Следующей волной переселенцев из германского мира был оставлен могильник в Дитиничах (Смишко, Свешников 1960: 89-114), и несколько позднее появляются носители Волынской группы погребений, где наблюдается смешение различных культурных стилей (Кухаренко 1980: табл. XXVII). Могильник в Дитиничах, где представлена в основном лепная посуда северного облика (сосуды с псевдоушками), также дает нам керамику западных традиций: сосуды, украшенные косыми каннелюрами (Смишко, Свешников 1959). О западных связях говорит также и малочисленная гончарная керамика, т.к. одна из мисок удивительно напоминает керамику бельгийского производства с Рейна (Gose 1950: Taf.118). Могильник Любомль дает нам керамику второй серии (Кухаренко 1980: табл.XXVII); посуда того же облика, но с валиком под венчиком, происходит из могильника Деревянное (Кухаренко 1980: таб. XXVIII) (табл.25, 11) и богатого княжеского погребения у с.Рудка (Кухаренко 1980: таб. XXXI-XXXII) (табл. 25, I-20). Конечно, можно допустить, что керамика второй серии могла появиться в этих памятниках из ЧК, но наличие валика под венчиком и характер инвентаря говорят прежде всего о западных связях населения, оставившего эти памятники.

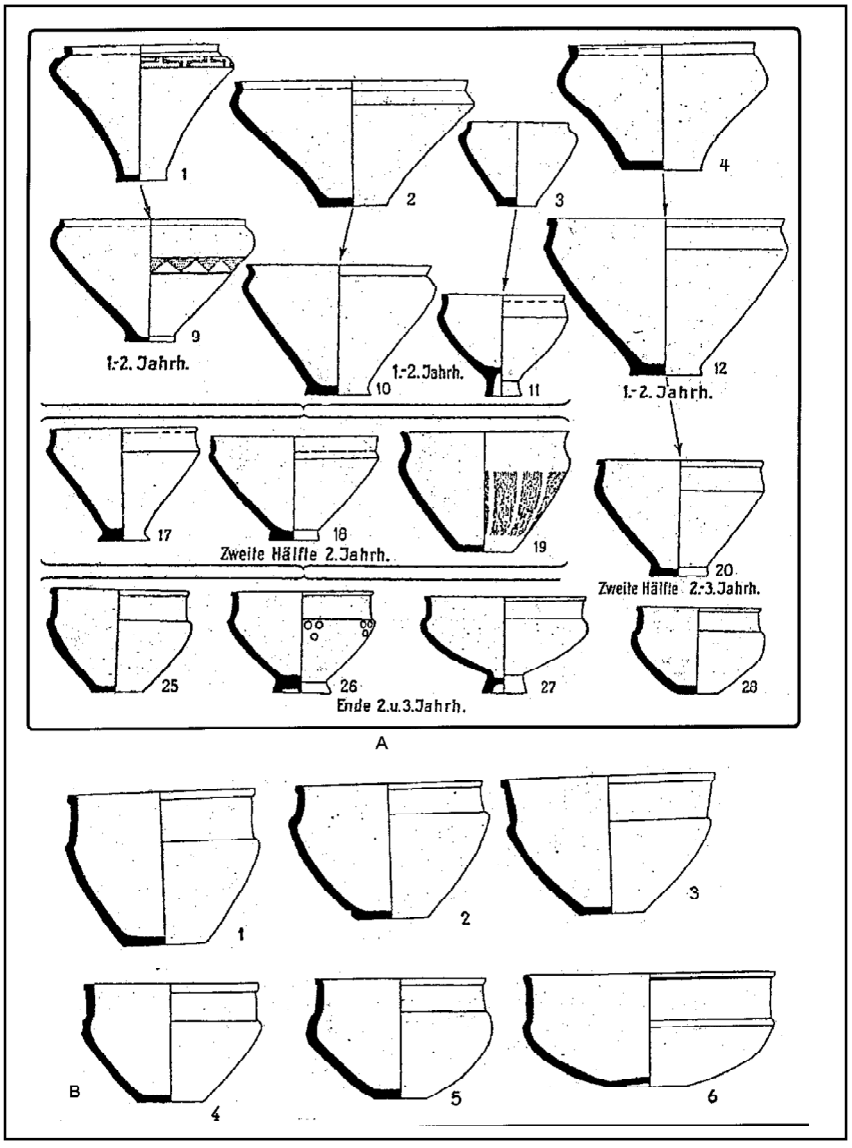
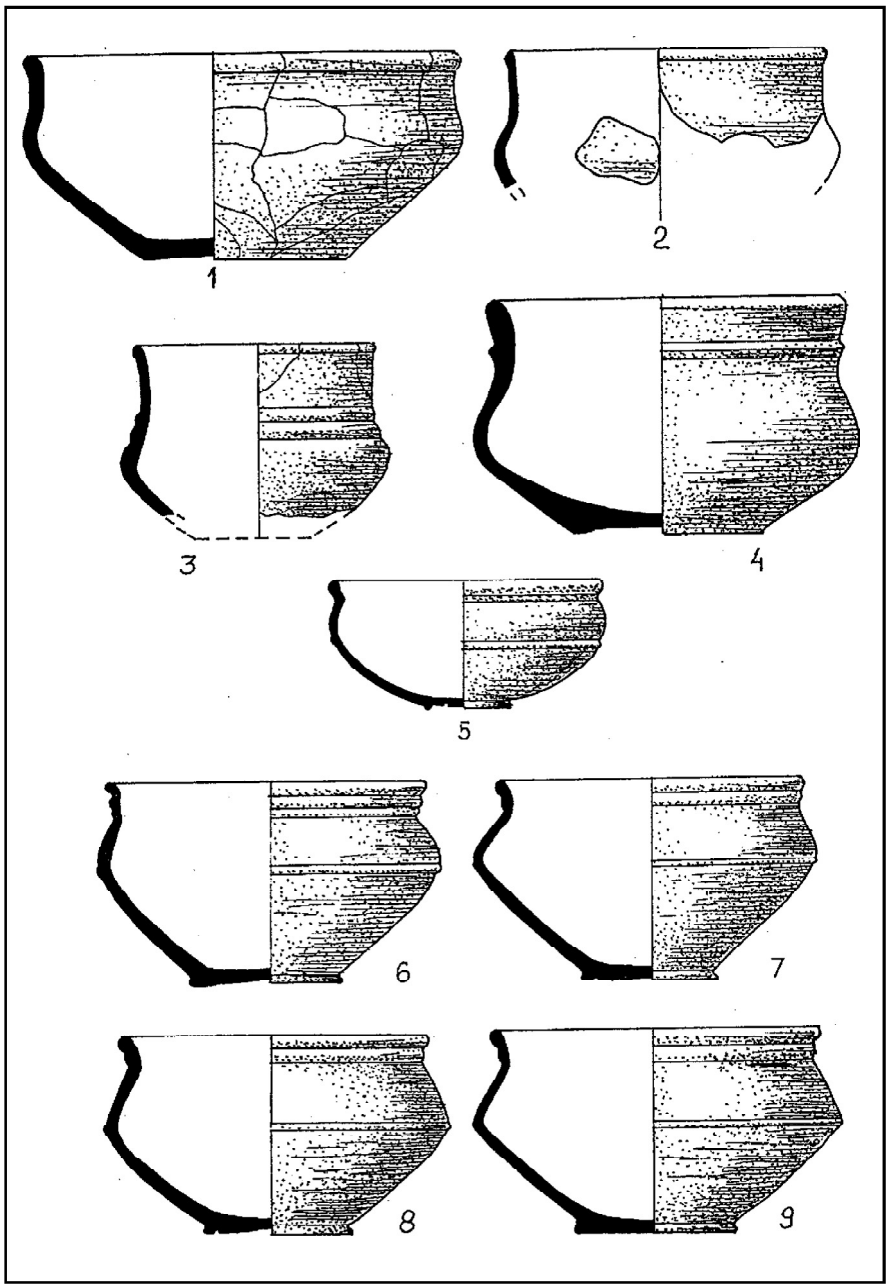

Табл. 23. Керамика Рейнско-Эльбского междуречья (В 1-6) и схема развития керамики по Р. Услару (А — Uslar 1938).

Табл. 24. — Керамика региона Майнфранка (Peschek 1978)

Вельбаркская культура

Вельбаркская культура в единичных случаях дает нам комплексы, где представлены сосуды второй серии. Так, в погребении Zalecino из Западной Померании гончарный сосуд второй серии встречен с фибулой седьмой группы первой серии по Ф.Кухенбуху и шпорой седьмой группы с асимметричной дужкой, на основании которых авторы датируют это погребение С1Б и относят к вельбаркской культуре (Kaczanowski, Madyda-Legutko, Nawrolska 1980: 101-102). На наш взгляд, это чуждое явление для этого круга древностей и керамика подобного типа появляется в культуре уже в IV в., что, вероятно, связано с обратным потоком из более южных регионов.

Пшеворская культура

Пшеворской культуре не присуща такого рода керамика на ранних этапах, и сосуды, украшенные валиком, появляются вместе с возникновением гончарных центров в Иголомии (Gajewski 1959: 101-154) и Тропишово (Reyman 1936: 147-175) (табл. 5-10) Л.Гаевский считает, что печи Иголомии функционировали уже с 200 г.н.э. (Gajewski 1959: 148-149). К.Годловский подверг критике хронологию отдельных вещей, найденных в подах печей, и показал, что эта дата может колебаться, и очень вероятно, что печи начали функционировать не ранее середины и даже третьей четверти III столетия (Godłowski 1974: 179). В Иголомии в основном встречена

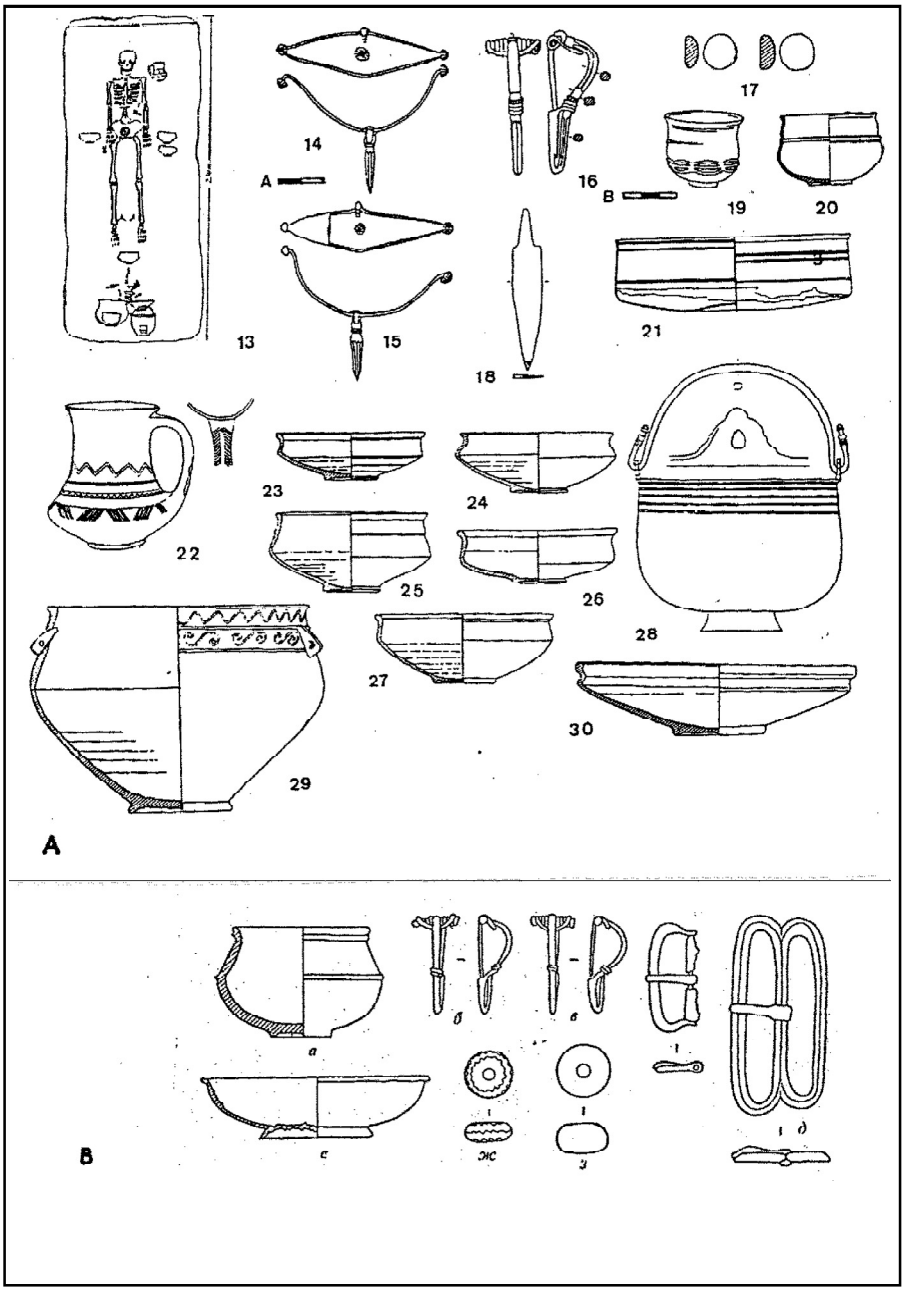

Табл. 25. А — Комплекс из Рудки; В — инвентарь погребений из мог. Деревянное (Кухаренко 1980).

кухонная шероховатая керамика (80%) и лишь незначительное количество серо-чернолощеной посуды. Следует заметить, что керамика второй серии в ПШК выступает в значительном количестве, но это — сосуды, украшенные между валиками пролощенным орнаментом, трехручные вазы и открытые миски, напоминающие по форме «Dragendorf-37» (Dragendorff 1895-1896: Taf.111-37). Практически отсутствуют сосуды и миски, украшенные валиком без дополнительного орнамента, что характерно для раннего горизонта ЧК. Этот факт говорит или о более поздней дате производства сосудов второй серии в этом гончарном центре, или, что вероятнее, об иных путях проникновения этой керамики в ЧК. Это подтверждает также огромный процент хроповатой керамики и полное отсутствие сосудов первой серии. В Силезии в одном из ранних комплексов представлен сосуд второй серии вместе с восьмерковидной пряжкой. Этот комплекс К.Такенберг связывает с влиянием маркоманнов из района Богемии (Tackenberg 1925: 127).

Словакия

Необходимо остановиться также на территории Словакии, где в период B2 наблюдается сильная экспансия ПШК. В восточной Словакии начинается с конца II в.н.э. производство сероглиняной керамики типа «Блажицы». Основная форма ее напоминает Dragendorf-37-39 (Lamiova-Schmiedlova 1969: 467-474). Сосуды в основном украшены штампом и лощеным ор-

наментом. Такая орнаментация чужда гончарной керамике раннечерняховского горизонта. Среди разнообразия посуды типа «Блажицы» встречены фрагменты керамики второй серии (Lamiova-Schmiedlova 1969: Abb. 12-1, 2, 11, 16), но следует заметить, что валик в данном случае находится под венчиком, что крайне редко для ЧК и скорее говорит о западных истоках этой орнаментации.

Лебус-любушская группа ПШК, или Любошицкая культура

Рассматриваемая керамика характерна для III фазы ЛК и выступает в одном горизонте с гребнями типа I по С.Томас, фибулами А 161-162, ведерковидными золотыми подвесками, гривнами, шпорами седьмой группы М.Яна и римскими импортами, среди которых котелки типа «Hemmoor», ковши-цедилки Eggers-161, чаши с вертикальными стенками Eggers-78-93 (Domanski 1979: Abb.30). Попытаемся определить более точно время появления керамики второй серии. В Литтене, погребении 14 сосуд серии II-Б (табл. 17, 18) выступил вместе с железным ведерочком-подвеской (Meyer 1971, Abb.65), в Лебусе сосуд той же серии встречен с двучастной пряжкой типа Д, трехчастным гребнем с низкой овальной спинкой и подвязной фибулой шестой группы четвертой серии типа А-2 по Маттесу (Leube 1975, Taf.17, 1-12). (табл. 17, 1-12). Анализ комплексов показывает, что керамика второй серии выступает в периоде С2, вероятно, с его начала, т.к. в Цаушвитце гребни с низкой овальной спинкой Э.Мейер датировал с первой фазы могильника (180-260 гг.) (Meyer 1969: Abb. 6,15, 18, 26). Керамика второй серии встречена в большом количестве в рассеянных погребениях могильников Lubosczicze и Litten, что является характерным обрядом, по Г.Доманскому, для фазы С2 (Domanski 1979: 18, 26). В большинстве погребений керамика второй серии находится в одних комплексах с боевыми топорами с вытянутой щечкой (тип 6 по Э.Мейеру) (Meyer 1971: Abb. 56, 67, 68), что является хорошим датирующим признаком этого периода. Следует заметить, что первая гончарная керамика в ЛК появилась еще на стадии В2/С1, где она выступает с фибулами А-41. Отличительным признаком этой культуры является большой процент гончарной посуды при сравнении с соседними территориями, причем основная доля приходится на поселение Цветау, которое было центром для гончарного производства для большой территории, охватывающей не только ЛК. Среди разнообразия форм керамика второй серии встречается очень редко на этом поселении (таб. 18, 5, 11, 18, 25). Следует заметить, что керамика выделенной серии в ЛК встречена исключительно в гончарной технике, причем в более раннее время эти формы не отмечены исследователями. Обратимся к соседним ареалам, где, вероятно, можно искать истоки этой керамики.

Нижняя Эльба

Работы Х.Шах-Доргес (Schach-Dorges 1970), А.Генриха (Genrich 1954) свидетельствуют о том, что в данном регионе керамика нашей серии представлена достаточно массово, но валики часто украшены косыми насечками, а тулово сосуда — богатым орнаментом. Комплекс из погр. 821 Притцира, где представлен сосуд второй серии, дает нам дату С2 по воинской фибуле серии 1-А по Ф.Кухенбуху (Schach-Dorges 1970: Abb.6). Более раннюю дату дает комплекс погр.10 из Stolpe, Kr.Parchim, где встречен сосуд, украшенный желобками и валиками с косыми насечками, вместе с фибулой седьмой группы первой серии по Ф.Кухенбуху (Schach-Dorges 1970). В данном случае можно сделать вывод, что сосуды второй серии выступают в этом регионе в более раннее время (С1) — богато украшенные орнаментом, и валики почти всегда сочетаются с другими орнаментальными мотивами; позднее (С2; С3) появляются сосуды, украшенные только валиками. Вся керамика этого региона в рассматриваемое время лепная. Гончарная встречается единично на более поздних этапах. Керамика второй серии не определяет лицо этого региона, здесь более характерны сосуды, украшенные другими видами орнаментации: желобками, каннелюрами.

Средняя Эльба (Табл. 19, 20, 26)

Ф.Кухенбух, разбирая керамику Альтмарк-Ганновера (Kuchenbuch 1938: 8-17), отметил такое же богатство орнаментации на сосудах третьего века, точнее, С1, и почти ее полное отсутствие в фазе С2 и позже, причем характерным орнаментом для раннего периода является меандр, который употреблялся исключительно на севере. В большом количестве выступают также сосуды, украшенные валиками в сочетании с другими орнаментами, но в мог. Rebensdorf встречен гончарный сосуд серии 2-А в комплексе, который Е.Келлер датирует С1в (Keller 1974: Typ 16A) (табл.19-3). В этом регионе достаточно рано появляется гончарное производство, и мы видим уже в конце III — начале IV в. в Ганновере сосуды, украшенные косыми линзами по краю, которые удивительно напоминают керамику более позднего этапа ЧК (Kuchenbuch 1938: Taf. XVIII) (табл. 43, 4, 6-8). В мог. Цаушвитц, который Э.Мейер относит к эльбогерманцам, также встречены сосуды второй серии (табл. 26-3,4). Так, в погр. 46 и 59, которые относятся к первому горизонту (180-260 гг.), эти сосуды типа 1-В1 по Э.Мейеру выступают вместе с фибулами седьмой группы серии 2-А по Маттесу (Meyer 1971: Abb. 62, 76). Эти серо-чернолощеные лепные сосуды с неукрашенным

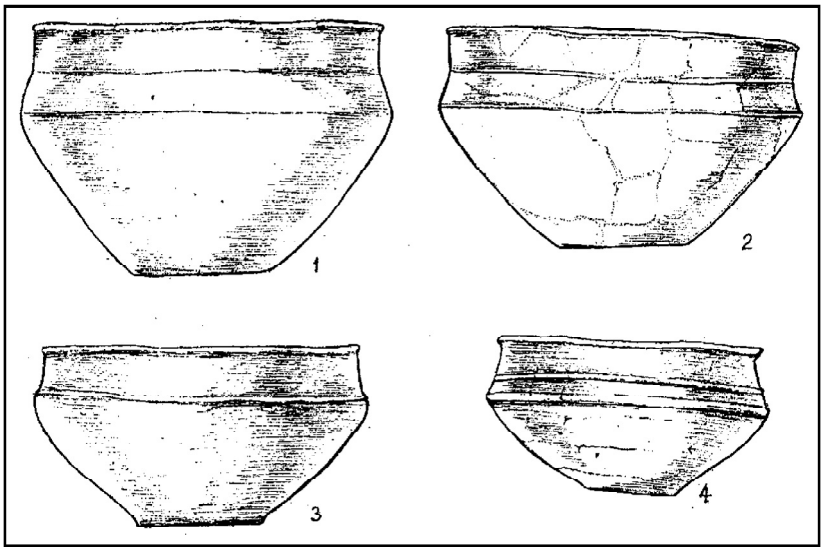

Табл.26. Керамика могильника Цаушвитц (Meyer 1969).

валиком встречены на могильнике вместе с керамикой 1-й серии, которой подавляющее большинство, и их совстречаемость на одних и тех же памятниках, на наш взгляд, не случайна. Работы Лазера по Тюрингии также дают нам изобилие характерных эльбских форм с украшенным и неукрашенным валиком в сочетании с сосудами первой серии (Laser 1965: Taf. 13, 16, 17, 34, 41, 45) (табл. 20, 5-11). Именно в этом регионе в более позднее время выступают богатые княжеские погребения горизонта Лейна-Хаслебен.

Горизонт Лейна-Хаслебен

Гончарные сосуды второй серии представлены в погребениях 4, 7 19 мог. Хаслебен, в погребениях 2,3-1926 г. мог. Лейна (табл. 21, 2, 5, 8). Эта керамика имеет отличительный признак — валик находится прямо под венчиком или на линии перегиба тулова. Она сделана из хорошо отмученной глины, чернолощеная до металлического блеска, большинство валиков имеет выточенную призматическую форму.

Чехия. Верхняя Эльба

Керамика второй серии существует в данном регионе с самого начала раннеримского времени (Motykowa-Sneidrowa 1967: beil 1-31, 38) и представлена в I-II вв.н.э. теми же формами сосудов первой серии, но которые украшены одним или двумя валиками (Motykowa-Sneidrowa 1967: Beil 1-1, 4, 9, 14, 20). Следует заметить редкость украшения валиком мисок (табл. 22, 3-5).

Моравия

На ступени С1 усиливаются тесные связи с Чехией и со всем эльбо-германским миром, которые потом прекратились со времени королевства Ванния. В середине III в. на территорию Моравии с Нижней Эльбы проникают носители группы Коштелец, на позднем этапе развития которой мы встречаем керамику второй серии, выполненную в гончарной технике (Godłowski 1970: Taf.XXI-19), что, вероятно, является влиянием из южно-моравских центров. В южной Моравии такая керамика появляется несколько ранее. И.Печкарь в В.Гостерадках выделил лепной сосуд с валиком, который подражает гончарной технике, и отнес его к раннему отрезку С2 (Peskar, Ludikovsky 1978: 57, 129, Abb.6-1) (таб. 22, 8). В несколько более позднее время появляются сосуды второй серии, украшенные орнаментом из волн между валиками на почти вертикальной верхней части тулова (таб. 22, 9-10). Эта модель формы не характерна для черняховской керамики даже в более поздний период. Подтверждением этому является отнесение сосуда из погр. 22 мог. Гостерадки, который близок по форме и декору к раннечерняховским сосудам, к чуждым влияниям, в отличие от остальной керамики, типичной для моравско-словацкой группы (Peskar, Ludikovsky 1978: 63, Abb.8-1). Обратимся к более западным регионам.

Нижний Рейн-Везер

Район Нижнего Рейна и Везера не дает такого рода керамику (Uslar 1938), как и район Верхнего Рейна и Верхнего Дуная, где представлены сосуды иных керамических традиций. Особый интерес вызывает район Майнфранка и Декуматных полей. Керамика второй серии в районе Среднего Майна есть в фазе А, а затем появляется лишь со ступени С2, поразительно напоминая керамику ГХЛ (Peschek 1978: Taf. 35-19, 66-14, 52-13, 50-12, 67, 88-11) (таб. 24, 5-9). Комплекс из Штокштадта и погр. 4 из Герласхайма, где выступают такие характерные вещи, как трехчастный треугольный гребень, янтарные грибовидные подвески, фибула, украшенная в закшувском стиле, позволяют отнести их к развитой фазе С2 и указать на тесные связи как по

форме керамики, так и по вещам с ГХЛ. В районе Неккара, где по письменным источникам упоминаются аламанны и бургунды, мы также находим керамику второй серии с валиком под венчиком, которая встречается вместе с посудой бельгийского производства (тип 24, 26 по Ф.Унферцагту) (Koch 1981: Abb. 2, 3, 4). В Алцее бельгийская керамика появляется в IV в.н.э., но Ф.Унферцагт считал, что необходимо искать производство этой посуды в более раннее время в районе Вормса, откуда, кстати, происходят и сосуды рассматриваемой нами серии (Unverzagt 1916: 27). Необходимо сказать о том, что дата закладки кастелла Алцей в последние годы сильно поднялась вверх (Oldenstein 1986: 341) и поэтому керамический материал из его слоя остается за пределами нашей работы. На наш взгляд, заслуживают самого пристального внимания исторические данные о переселении на Майн и Рейн в конце III в. н. э. и в последующее время части бургундов, избравших Вормс столицей своего государства. Этим фактом можно объяснить сходство керамики Вормса и Семиградья (ареал культуры Сынтана-де-Муреш) и возрождения древних традиций изготовления сосудов, украшенных валиком.

4. Некоторые предварительные итоги

Попытаемся выделить на заключительном этапе исследования хорологические и хронологические связи между культурными регионами, которые могли бы объяснить появление в рассматриваемый период керамики выделенных серий в ЧК (табл. 53 А).

I серия сосудов появляется с начала римского времени в районе Верхней Эльбы и существует весь интересующий нас период, встречаясь как украшенной, так и неукрашенной орнаментом. В районе Средней Эльбы эта керамика появляется уже в конце II — нач. III вв.н.э., что связано, вероятно, с влиянием из Рейнско-Везерского региона, где она выступает с начала II в.н.э. В остальных регионах эта посуда либо встречается крайне редко, либо была в употреблении только в раннеримское время, что, вероятно, связано с затухающими импульсами кельтского мира. Х.Пешек в районе Майнфранка на ряде поселений отметил в период В1 мирное сосуществование кельтов и германцев, причем автор относил керамику выделенной серии к кельтской (Peschek 1960: 75-99). Исходя из этих фактов, следует принять, что керамика I серии могла распространиться в ареал ЧК из Рейнско-Эльбского региона, где эта посуда выполнена в лепной технике и является одним из ведущих типов посуды.

II серия керамики распространилась на территорию ЧК несколько позднее — не ранее конца С1, а скорее всего, развитого С2. Необходимо заметить, что время появления этой формы совпадает с началом гончарного производства в ПШК и ЛК и фактически со временем сложения ЧК. Эта форма существует в районе Средней Эльбы (Тюрингии) и Верхней Эльбы (Богемия) с раннеримского времени непрерывно до интересующего нас периода. Украшение сосудов валиком, по Р.Услару, является характерным признаком для Тюрингии. Он выделяет особую саксо-тюринго-майнфранко-гермундурскую область, где сосуды второй серии встречаются с некоторыми хронологическими лакунами вплоть до эпохи переселения народов (Uslar 1938: 88-89). Синхронно с появлением керамики этой серии в ЧК она появляется в ЛК, но только в гончарной технике, в то время как на Эльбе в тот же период сосуды этого типа только лепные. В керамическом материале ЛК на более ранних фазах эта керамика не встречена. Она появляется не ранее 60-70-х гг. III в.н.э. и связана, вероятно, с сильным влиянием эльбского региона, что уже отмечалось выше.

Следует лишь заметить, что сосуды II серии встречаются главным образом в западном регионе этой культуры. Исходя из этого, мы можем принять за возможный район появления II серии регион от Тюрингии до Майна. Следует лишь заметить, что предпочтение в вопросе происхождения сосудов II серии мы отдаем Тюрингии, в силу непрерывного развития этой серии с эпохи латена.

Если подвести итоги, то можно сказать, что керамика выделенных серий могла распространиться, вероятнее всего, из одного культурного региона — эльбского, и прежде всего Тюрингии, где данная керамика встречается в предыдущее и синхронное время на одних и тех же памятниках и в одних комплексах (Laser 1960) (табл. 44).

Попытаемся наметить истоки появления этой керамики на территории Западной Германии. Нужно отметить, что предполагаемый район, ядро развития наших форм, Южная Тюрингия была длительное время в центре кельтского влияния, сердцем контактной зоны (Peschel 1968: 194-195). Она входила в конце I в. до н.э. в зону кельтских оппидумов (Werner 1979: Abb.5) (табл. 27 Б), здесь было развитое гончарное производство, найден различный кельтский импорт (табл. 28-А), зона развития фибул Бельц J (Werner 1979: 109-138) (табл. 27-А) и поясных крючков типа А (Werner 1979: Abb. 5) (табл. 27-Б). В этом регионе образуется горизонт Гроссромштедт (Peschel 1968: 192-206; 1978: 153-175), прослеживаются богатые княжеские погребения типа Любшев раннеримского времени (Eggers 1951: 43-51), княжеские погребения горизонта Лейна-Хаслебен. Еще при образовании горизонта Гроссромштедт прослеживается сильное влияние бойев, есть целый ряд аналогий с оппидумом Страдонице (Werner 1979: 23, 24).

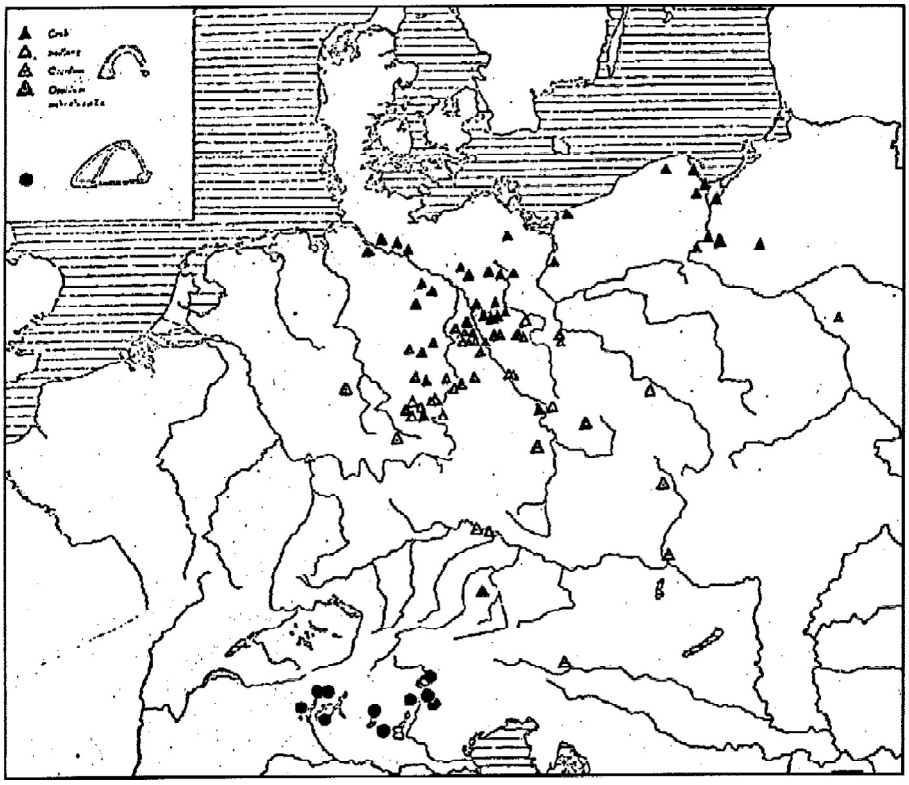
Племя гермундуров, отмеченное для раннеримского времени в районе Тюрингии, также имеет, по мнению исследователей, кельтский корень –dur (Schmidt-Thielbeer E. 1968: 401-402). В конце II в.н.э. преобладающее влияние в этом регионе перешло к бургундам, вытеснившим гермундуров, но, вероятно, традиции остались. Не случайно вновь стала играть важную роль майнфранко-тюрингская область, как в более раннее время. Формы сосудов I серии прослеживаются раньше всего в регионах с сильным кельтским влиянием либо там, где еще остались кельты к моменту прихода германских племен (Богемия, Рейн, Майн). Как правильно отмечал Х.Пешек, эта форма является кельтской в своей основе и была распространена в Кельтике с эпохи Среднего Латена (Penninger 1972: Taf. 9, 13, 30, 51, 56) (таб. 52, 1-2). В большинстве случаев сосуды I серии при контактах кельтов с германцами в позднем латене и раннеримском времени не получили распространения в чисто германском мире. Вероятно, лишь во втором веке н.э. в контактной зоне между Рейном и Заале произошла трансформация ситул и террин в Schaleurnen. В итоге к III в.н.э. появились приземистые сосуды с четко выделенной шейкой, слабо украшенные, в отличие от раннего времени.

Сходная ситуация и с сосудами **II серии**. Для кельтского мира тип орнаментации валиком был достаточно распространен (табл. 52, 3-7) и появление этой посуды также нужно связывать с кельтским влиянием в контактной зоне. Распространить керамику этой серии на раннем этапе могли маркоманны, которые переселились в Чехию с Рейна через Среднюю Германию. В начале I в.н.э. этот тип орнаментации распространяется естественным путем по Эльбе и становится в этом регионе одним из характерных типов, отличающихся регионально различным орнаментом. То, что в этом регионе в III в.н.э. гончарные сосуды появляются раньше, чем в ареале ЧК, и начинает функционировать гончарный центр Цветау в Саксонии, в то время как в остальной части региона гончарная керамика появляется в развитом IV в., говорит о том, что здесь с эпохи Латена сохранялись сильные кельтские традиции, прежде всего в Тюрингии, которую мы бы назвали генератором возрождения древних традиций для всей Германии.

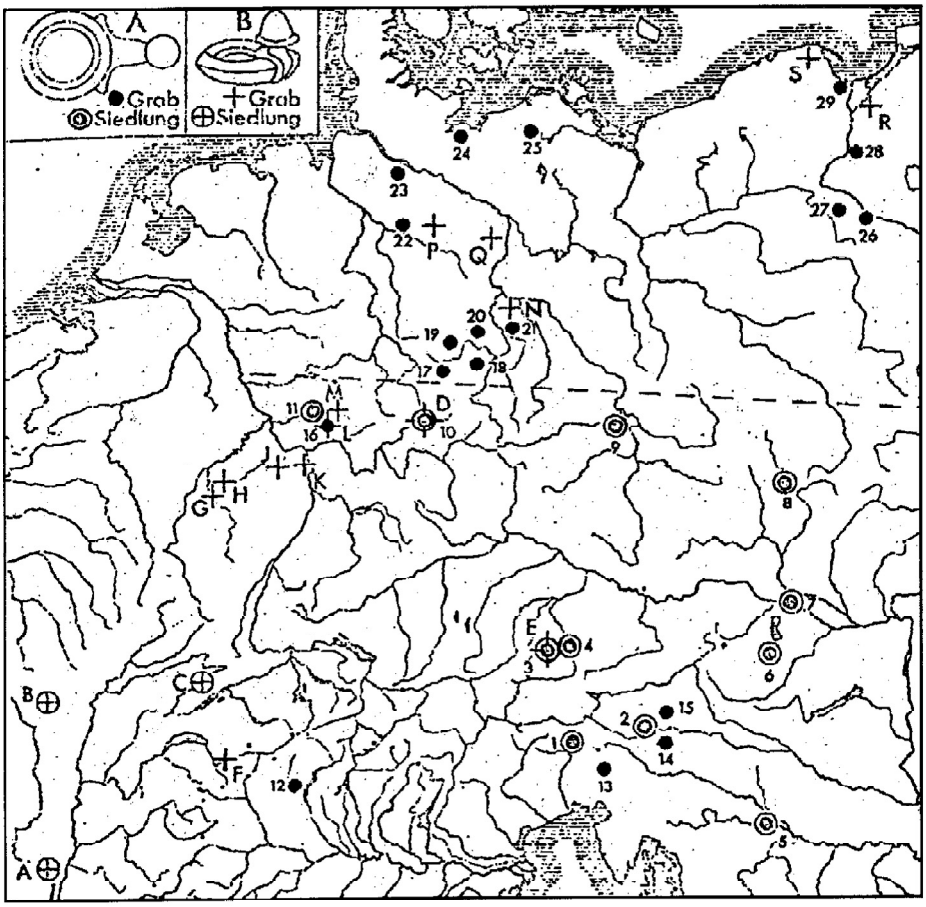
5. Роль бургундов в формировании раннего горизонта черняховских древностей

На наш взгляд, некоторые полученные нами выводы можно было бы объяснить, обратясь к истории восточногерманского племени бургундов.

Существует много различных точек зрения в отношении этого племени (Bohnsak 1940: 1033-1148; Domanski 1979; Leube 1983: 361-378; Martin 1988: 224-271). Попытаемся обобщить эти сведения и гипотезы. Мы не будем касаться дописьменной истории, связанной с множеством теорий о миграциях бургундов из различных центров (Martin 1988: 236). Этот вопрос, вероятно, и сегодня не может быть решен однозначно. Обратимся к письменным источникам. Плиний около 70 г.н.э. упоминает бургундов среди племен народа Вандалов наряду с гутонами, варинами и харинами (Табл. 30). Ряд исследователей помещают их в этот период в Висло-Одерское междуречье (Leube 1983: 364) (табл. 61). Птолемей в сер. II в.н.э. упоминает «Burgudiones» в качестве восточных соседей семнонов, и границей между ними служат либо Одер, либо Шпрее. Ряд польских исследователей полагает, что это перемещение можно связать в археологическом материале с движением пшеворской культуры (Leube 1983: 366). В это время мы знаем о появлении культуры трупосожжений в ямах на территории Лужицы, Саксонии и Западной Силезии. К.Годловский выделил эти памятники в Лебус-Любушскую группу ПШК (Godłowski 1970: 28-31). Г.Доманский выделил их в отдельную Любошицкую культуру (Domanski 1979: 210). Как мы знаем, период B2/C1 — время сильной нестабильности как вельбаркской, так и пшеворской культур. В этот период происходит экспансия вельбаркской культуры на юг, восток и частично на запад. Под их влиянием сдвинулись и пшеворские племена, и в это время очень трудно бывает отличить на археологических памятниках вельбаркские элементы от пшеворских. На 2 фазе любошицкой культуры (180-230 гг.) заметны сильные импульсы с севера. Это эсовидные подвески, гребни типа А-2, фибулы А-211, характерная северная керамика (Domanski 1979: 212). Вероятно, объяснением этого может служить продвижение одной из групп ВК на запад к Одеру. В итоге можно сказать, что на этом этапе имеются генетические связи как с ПШК, так и с ВК. К 179 г.н.э. (последнее упоминание племени семнонов у античных авторов) можно отнести миграцию на Рейн гермундуров и семнонов, которые, по А.Лейбе, ушли под натиском бургундов. Очень скоро бургунды подчинили себе огромную территорию, причем их влияние распространилось вплоть до районов Тюрингии. Импульсы с запада и востока были взаимными, хотя, на наш взгляд, эльбское влияние сказывалось гораздо сильнее. Проникновение восточных элементов (форм погребений, украшений, типов оружия) до Эльбы и Мульде, очевидно, не связано со сменой населения, а является показателем политической зависимости местного населения, входившего в племенной союз бургундов (Leube 1983: 364). Эти бургунды составили основное ядро народа, в отличие от части бургундов, оставшихся на прежней территории (восточных бургундов), которые были разбиты гепидами во главе с Фаститой около сер. III в.н.э. и частично ушли с ними на юг к Черному морю (Martin 1988:

A

B

Табл. 27. А — зона развития фибул Бельтц J; В — распространение поясных крючков типа А в Южной Тюрингии (Werner 1979).

236). По поводу этого свидетельства существует ряд интересных моментов.

Иордан говорит о столкновении «гепидов» во главе с Фастидой с «бургундионами» на пути к римским границам. Последующий текст о столкновении «гепидов» с готами во главе с Остроготой не поддается однозначному толкованию. Так как после описываемых событий, по тексту, во главе готов стал Книва, то Е.Ч.Скржинская определяет дату правления Книвы с 251 г. (Скржинская 1960: прим. 319) и, соответственно, столкновение гепидов с бургундами было раньше. За эту раннюю дату могут говорить и события 269 г., когда Клавдий Второй разбил гепидов, готов, герулов и певкинов, что было первым свидетельством появления гепидов у римских границ. Но в другом месте комментария к Иордану Е.Ч.Скржинская приводит точку зрения Л.Шмидта, который считает, что имя «Острогота» — собирательное, и столкновение готов с гепидами произошло в 290 году, на основании панегирика Мамертина, где говорится, что «тервинги» и «тайфалы» устремляются против «вандалов» и «гепидов». Эту дату подтверждает и фрагмент из истории Августов (SHA, Probus, 11, 18, 2), где говорится о переселении части гепидов с «вандалами и гревтунгами» на территорию империи во время правления императора Проба (276-282 г.н.э.). Эта этнокультурная «расстановка сил» хронологически более близка к описываемым в панегирике событиям, поэтому мы, вслед за рядом авторов, склонны принять вторую точку зрения о поздней дате столкновения гепидов с бургундами и готами.

Коснемся других упоминаний о бургундах в письменных источниках. У Зосимы бургунды упоминаются вместе с готами и аланами в грабительских походах против Римской Империи при Валериане и Галлиене. Эта волна, исходя из археологических данных, должна иметь восточногерманский характер, т.е. либо пшеворский, либо вельбаркский. Как мы знаем, готские войны, в которых принимали участие разные племена, окончились в 269-271 гг.н.э. битвой при Наиссе и оставлением Дакии римлянами. Поток воинов и переселенцев отхлынул от границ великой Римской Империи на север. Исходя из наших поисков, мы можем предполагать участие в этих походах как западных, так и восточных бургундов, причем с интересующей нас керамикой связаны западные, а архаику и северную вуаль принесли восточногерманские племена, в их числе были, вероятно, и восточные бургунды. Так как на первом этапе готских походов основную роль играли карпы и готы (Ременников 1960: 81-88), то вполне можно допустить, что гончарный круг и типы мисок, находимые в ранних погребениях ЧК вместе с керамикой выделенных серий, появились в результате походов из этого региона и связаны, вероятно, с карпами. (Табл. 12, 14)

Как ни странно совпадение, но через несколько лет после конца готских войн бургунды упоминаются Зосимой на западе Римской Империи вместе с вандалами в Рэции. В 278 г.н.э. они были разбиты Пробом и посланы в легионы Британии для пополнения войск. Но уже в 286 г. в панегирике Мамертина упоминается вторжение бургундов, алеманнов, хайбонов и герулов в Галлию, и с этого времени бургунды поселяются на Майне и Неккаре (Martin 1988: 236), в то время как большая часть населения, по преемственности находок, остается до позднего IV в. в восточноэльбской Средней и Северной Германии (Leube 1983: 362-364). На Майне они становятся соседями алеманнов, племенем, включившим в себя, по мнению ряда авторов, семнонов и гермундуров, злейших врагов бургундов еще по Средней Германии. Здесь необходимо, прежде чем идти дальше, коснуться более ранних событий, связанных с империей Галльских узурпаторов.

В последние годы все больше получает признание гипотеза Й. Вернера (Werner 1973: 1-30; Werner 1989: 121-134) о том, что горизонт Лейна-Хаслебен в Средней Германии был образован воинами XXX легиона, служившими Галльским узурпаторам, которые после пленения Тетрика были распущены Аврелианом. Это подтверждается золотыми ауреусами Постума, Викторина и Тетрика, фибулами для офицерских плащей и целым рядом других элементов погребального инвентаря, которые дают дату захоронения не позднее 80-х гг. III в. н. э. (Werner 1989: 131-132). Для нас существенно прежде всего родство керамики района Майна-Неккара с керамикой ГЛХ, и украшений, о которых уже говорилось выше. Следует лишь заметить, что это сходство начинается лишь с последней трети III в.н.э. Район Эльбы и Заале-Унштрут со времени Каракаллы служил местом набора вспомогательных войск, в том числе и для Галльских узурпаторов. В то время, когда на Майне и Неккаре фиксируются исторические бургунды, мы видим погребальные памятники, однородные по инвентарю и керамике между Майнфранком и Тюрингией, где находятся памятники ГЛХ. Снова возрождается древняя Майнфранко-тюрингская группа. Таким образом, мы можем говорить о бургундах, или скорее о племенах, входящих в их сферу влияния, как об одной из вероятных германских дружин, служивших Галльским императорам. Этот выбор мог быть обусловлен и тем, что Постум начал свою политику с походов против аламаннов, которые, как уже говорилось, были врагами бургундов. Его положение могло измениться после того, как наступило спокойствие на лимесе и аламанны уже не предпринимали решительных действий. Постум решил усилить легионы для борьбы с Галлиеном и призвать аламаннов и франков на службу, что вряд ли могло понравиться бургундам. После того, как он запретил грабить Майнц, его убили, и XXX легион провозгласил импера-

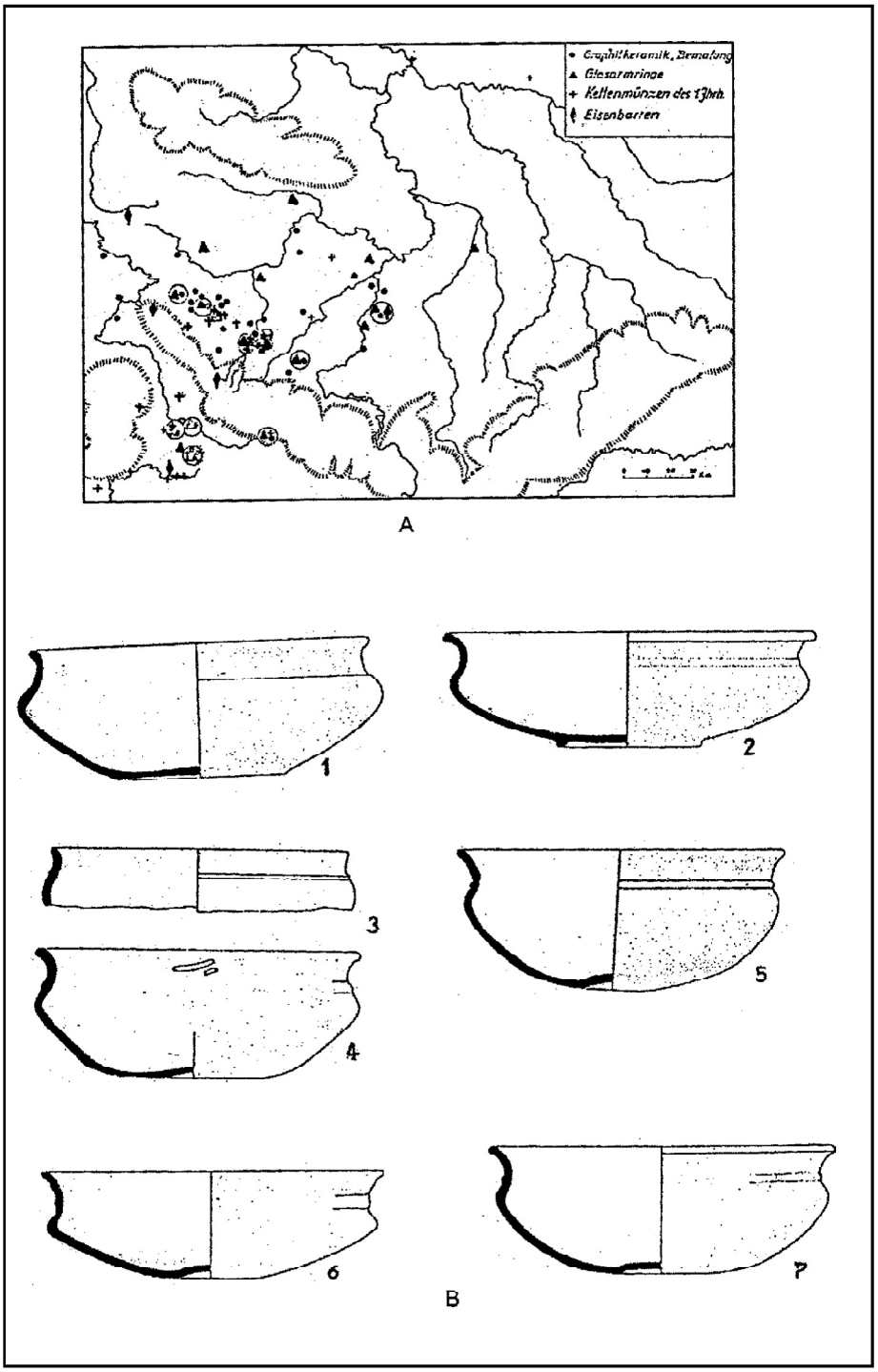

Табл. 28. А — позднекельтский импорт в Средней Германии (Werner 1979); В — Кельтская керамика (Penninger 1972).

тором Лоллиена. Этот экскурс позволяет понять структуру взаимоотношений бургундов с аламаннами и в более позднее время, хотя в 286 г. они единственный раз вместе с герулами и хайбонами напали на Галлию, где были разбиты Максимианом. В панегирике Клавдия Мамертина этому императору говорится об этой победе, но также в другом панегирике дважды упоминаются готы, тервинги, тайфалы, гепиды и вандалы в контексте с аламаннами и бургундами (Martin 1988: 237). М.Мартин считает, что в первом из приведенных им отрывков XI панегирика «готы (гревтунги?) бургундов уничтожают, а вместо них вооружаются аламанны, равно как и тервинги, другая часть готов», речь идет об аланах вместо аламаннов и событиях на Черном море с восточными бургундами. Во втором отрывке («бургунды овладели полями аламаннов») говорится, по его мнению, о «переселении уничтожаемых готами бургундов» на земли аламаннов «Декуматских полей» также в это время или же, как мы думаем, о походах на Рейн 278 или 286 годов.

Получается, что бургунды приблизительно

в одно и то же время находятся в районе Северного Причерноморья — Подунавья и в районе Рейна. Уже давно замечено, что название этого племени на востоке и западе отличается. У Зосимы они упоминаются как «уругунды», живущие по Истру и совершающие походы в Иллирию и Италию. Он их различает с «бургундами», которых разбил Проб на р.Лех. Агафий называет «вуругундов», «буругундов» как принадлежащих к гуннскому племени, живших издревле у Меотиды. Он отличает их от бургундионов готского племени, когда говорит о событиях в Бургундии. Павел Диакон, также говоря о продвижении лонгобардов, называет «Vurgundiab», место, которое большинство авторов помещает близ Меотиды. Эти факты дали возможность Ф.Брауну и Е.Ч.Скржинской говорить о племени негерманского происхождения, жившем на берегах Меотиды и Северного Причерноморья (Скржинская 1960: 255, 256). В панегирике также идет противопоставление понятий «Burgundos» и «Burgundionos». В первом случае говорится о дунайско-причерноморских событиях, во втором — о столкновении с алеманами на Рейне. Таким образом, мы видим, что если употребляется этноним «уругунды», «буругунды», то речь идет, вероятно, о Дунае и Северном Причерноморье, а если употребляется этноним «бургионы», «бургундионы», «бургундии», то тогда говорится о племени «бургундов», живших на Одере и Нейсе, либо части народа, продвинувшегося на Майн и Рейн. Эта традиция осталась позднее у Аммиана Марцелина, у Орозия и Григория Турского. На наш взгляд, во всех случаях можно говорить о германском племени бургундов, которое делилось на восточных и западных, что принято рядом немецких археологов (Martin 1988: 237,238).

Таким образом, мы получаем вторую главную ось миграции — запад-восток, которая связывает в единую систему политические события на западных и восточных окраинах Римской Империи. Существовало, на наш взгляд, в III в.н.э. несколько транзитных пунктов на этом пути.

1. В районе ЧК — германские племена Готской державы, среди которых могли находится бургунды.

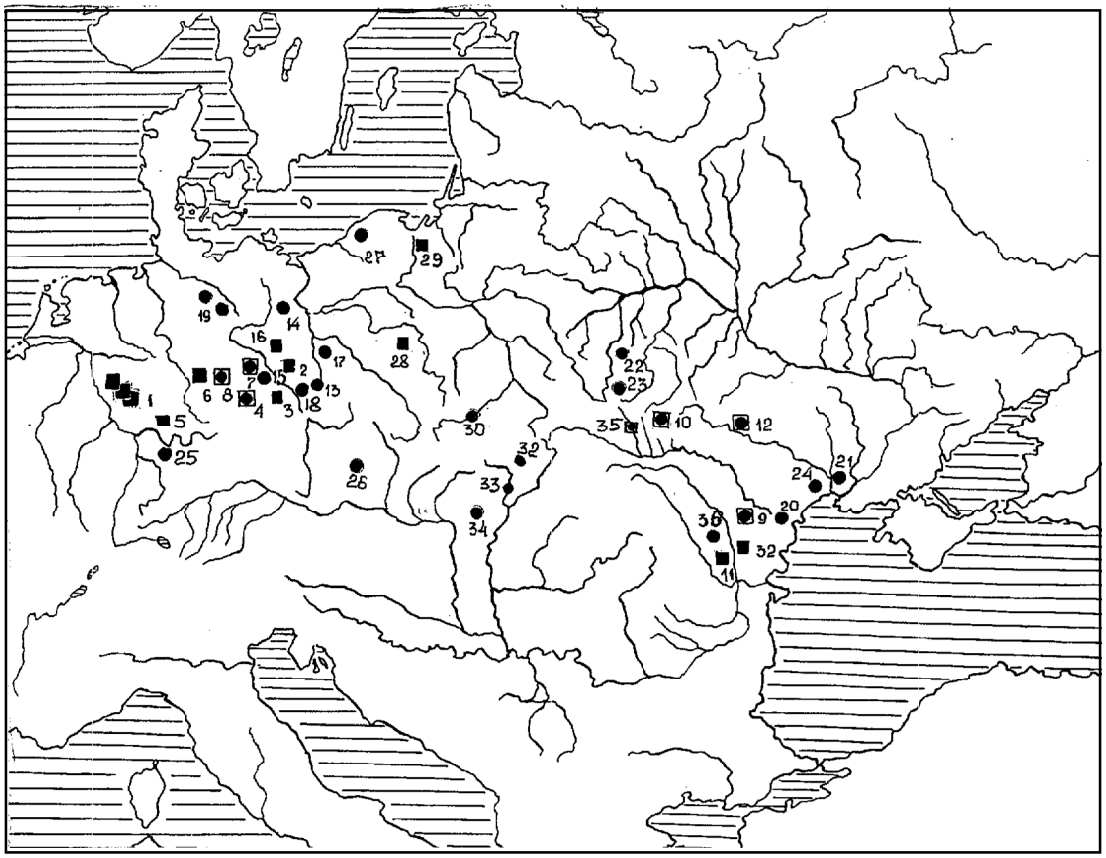

Табл. 29. Распространение ведущих типов керамики первой (квадрат) и второй (круг) серий.

***1 серия**: 1 — Рейнсдорф; 2 — Штремен; 3 — Швохау; 4 — Цаушвитц; 5 — Цугмантель; 6-Кернер; 7 — Лейна; 8 — Хасслебен; 9 — Данчены; 10 — Ружичанка; 11 — Тодирени; 12 — Косаново; 28 — Спицымеж; 29 — Вилленберг-Вельбарк; 35 — Чернелив-Русский; 37 — Ханска-Лутерия;*

***2 серия**: 4 — Цаушвитц; 7 — Лейна; 8 — Хасслебен; 9 — Данчены; 10 — Ружичанка; 12 — Косаново; 13 — Литтен; 14 — Лебус; 15 — Кранихау; 16 — Цветау; 17 — Любошице; 18 — Лебон; 19 — Ребенсдорф; 20 — Тира и Молога; 21 — Ольвия и Козырское городище; 22 — Деревянное; 23 — Рудка; 24 — Каборга; 25-Герласхайм; 26 — Великие Гостерадки; 27 — Залещино; 30 — Иголомия-Тропишово; 31 — Педер; 32 — Себастовичи-Барка; 33 — Сена; 35 — Чернелив Русский; 36 — Козия;*

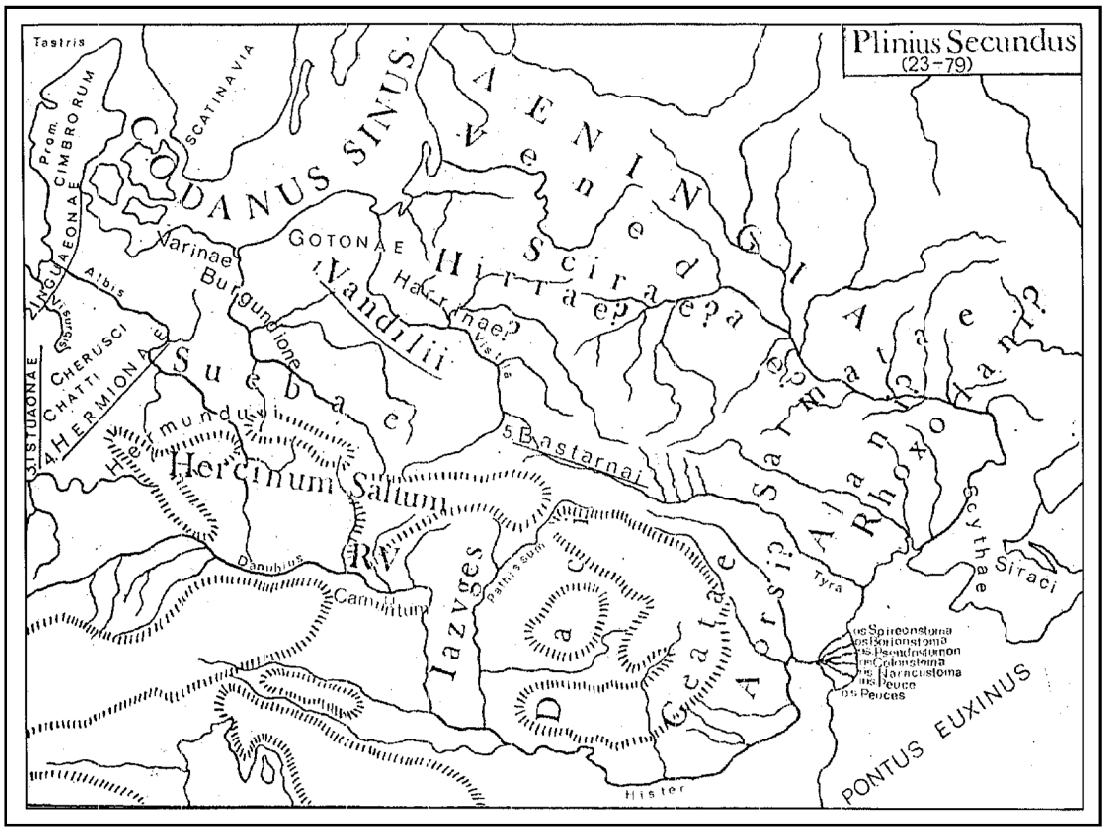

Табл. 30. Этнокарта по Плинию Младшему. (Щукин 1993) .

2. В районе Одера-Вислы — восточные бургунды в числе готов и других племен.

3. Район Эльбы-Одера — западные бургунды.

4. Район Рейна-Майна — куда в конце IV в. переместилась основная часть бургундов и было образовано Бургундское королевство.

Исходя из этой схемы, можно объяснить и появление гончарной керамики с линзовидными срезами по краю одновременно в Ганновере и черняховской культуре и, наоборот, целого ряда импортов с Рейна и Верхнего Дуная на самых восточных окраинах Свободной Германии.

ЛИТЕРАТУРА

Баран В.Д. 1981. Черняхівська культура, Киев.

Бажан И.А., Гей О.А. 1989. Хронология могильника Брест-Тришин и эволюция погребального обряда. // Kultura wielbarska w mlodszym okresie rzymskim. Lublin.

Бажан И.А., Гей О.А. 1992. Относительная хронология могильников черняховской культуры. // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени, СПб.

Бажан И.А., Гей О.А. 1997. Хронология Восточной Европы эпохи готских походов. М.

Бураков А.В. 1976. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев.

Вакуленко Л.В. 1977. Памя'тки пидгіря Українских Карпат первой половины I тысячелеття н.е. Киев.

Ветштейн Р.И. 1953. Керамическое производство Ольвии первых веков нашей эры. Автореферат канд. дисс. Киев.

Ветштейн Р.И. 1955. Серая лощеная керамика ольвии первых веков нашей эры. Киев. (Рукопись, научный архив ИА АН УССР).

Винокур И.С. 1979. Ружичанский могильник. // Могильники черняховской культуры. М.

Герета М.Р. 1989 Новые могильники черняховской культуры Западной Подолии и вельбаркская культура // Kultura wielbarska w mlodszym okresie rzymskim, t.II. Lublin. S.283-297.

Гороховский Е.Л. 1988. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев. Т.4.

Гудкова А.В. 1979. Классификация сероглиняной столовой керамики Тиры II-IV в.н.э. // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев.

Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1988. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков нашей эры // Античные древности Северного Причерноморья. Киев.

Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1990. Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры. Киев.

Кравченко Н.М. 1967. Косановский могильник (по материалам раскопок В.П. Петрова и Н.М.Кравченко 1961-1964 гг.) // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. МИА № 139.

Козак Д.Н. 1986. Культурный процесс на западной Волыни в первой половине I тыс. // Zachodnia strefa osadnictwa kultury czernjachowskiej. Lublin.

Кухаренко Ю.В. 1958. Волынская группа полей погребений. // СА. N 4.

Кухаренко Ю.В. 1980. Могильник Брест-Тришин. М.

Магомедов Б.В. 1977. О происхождении форм черняховской гончарной керамики. // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев.
Мелентьева Г.М. 1969. Ольвийский керамический комплекс первых веков нашей эры. // КСИА, № 116.
Рафалович И.А. 1986. Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв.н.э. Кишинев.
Ременников А.М. 1954. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. Москва.
Скржинская Е.Ч. 1960. Иордан. О происхождении и деяниях готов. Москва.
Смиленко А.Т. 1970. К хронологии гончарной керамики черняховского типа. // КСИА № 121, Москва.
Смишко М.Ю., Свешников Т.К. 1961. Могильник III-IV ст.н.е. у с. Дитиничі. // Материали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині, Київ, вип.3.
Тиханова М.А. 1957. О локальных вариантах черняховской культуры.// СА, N 4.
Тиханова М.А. 1970. Еще раз к происхождению черняховской культуры // КСИА. № 121.
Тиханова М.А. 1973. К вопросу о происхождении гончарной керамики черняховской культуры. // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Краткие тезисы докладов научной конференции 19-21 ноября 1973 года. Ленинград.
Фурманская А.И. 1962. Разкопки Тирі. // АП, XI. Киев.
Хвойка В.В. 1901. Поля погребений в Среднем Поднепровье (Раскопки В.В.Хвойки в 1899-1900 гг.) // ЗРАО, том № XII.
Цигилик В.М. 1975. Населения Верхнего Поднистровья перших століть нащой ери. Киев.
Шаров О.В. 1988. К вопросу о происхождении керамики раннего горизонта черняховской культуры. // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. М.
Шаров О.В. 1991. Бургунды в Подунавье и Северном Причерноморье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в.н.э. Киев.
Шаров О.В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб.
Щукин М.Б. 1979. К предыстории черняховской культуры (13 секвенций) // АСГЭ. Вып.20.
Щукин М. Б., Щербакова Т. А. 1986. К хронологии могильника Данчены.// Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв. н. э. Кишинев.
Almgren O. 1923. Studien über nordeneropäischen Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderts mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen, Leipzig.
Bernhard H. 1985. Studien zur spätrömischen terra nigra zwischen Rhein, Mein und Neckar. // Saalburg Jahrbuch, 40/41.
Bichir Gh. 1973. Cultura carpica. Bucureşti.
Bohnsak D. 1940. Die Burgunden. In: Vorgeschichte der deutschen Stamme, Bd. 3, Leipzig-Berlin.
Böhme A. 1972. Die Fibeln der Kastelle Saalburg und Zugmantel In: Saalburg-Jahrbuch, ą 29.
Dannheimer H. 1962. Die germanische Funde der Spaten Kaiserzeit und des frühen Mittelalters in Mittelfranken. In: Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit, Ser. 17. 7,
Diakonu Gh. 1970. Über der scheibengedrechte Keramik in der Sintana de Mures—Tschernjachow Kultur, Dacia, XIV.
Dragendorff H. 1895-1896. Terra sigillata. // Bonner Jahrbuch, T. 96/97.
Dobrzanska H. 1990. Osada z pozdnego okresu rzymskiego w Igolomi, woy. Krakowskie. Czesc I, II.
Domanski Gh. 1979. Kultura Luboszycka między Labą a Odrą w II-IV wieku. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
Eggers H.J. 1951. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg.
Eggers H.J. 1955. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Mainz. Jg.2.
Gajewski L. 1950. Badania nad organizacija produkcii z okresu Rzymskeko w Igolomii. AP.
Genrich A. 1954. Formenkreisen und Stammesgruppen in Schlesswig-Holstein nach geschlossenen Funden des 3. bis 6. Jahrhundert. Münster.
Godłowski K. 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków.
Godłowski K. 1974. Chronologia okresu późnorzymskiego i wczęsnego okresu wędrowek ludów w Polsce pólnocno-wschodniej // RB. T.12.
Godłowski K. 1977. Materiały do poznania kultury przeworskiej na Górnom Śląsku. In: Materialy starożytne i wczskosrednowieczne. T. IV. Warszawa.
Godłowski K. 1981. Kultura przeworska. In: Prahistoria ziem polskich (PZP). T.V.
Godłowski K. Problemy chronologii okresu rzymskiego // Scripta archeologica. 1988.
Godłowski K. 1992. Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten. In: Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latenezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow.
Die Germanen. 1983. Ein Handbuch. Bd.2. Berlin.
Gose S. 1950. Gefasstypen der romische Keramik in Rheinland. Bonner Jahrbuch, 56.
Henning J. 1978. Zur Frage der technologischen Traditionen der spätkaiserzeitlichen Topferwerkstatten im Karpatenraum. // EAZ, Hf. 3. Berlin.
Ioniţa I. Din istoria şi civilizaţia Dacilor Liberi. Iaşi 1982.
Kaczanowski P, Madyda-Legutko R, Nawrolska E. 1980. Birytualne cmentarzysko z okresu wpływow rzymskich we wsi Zalecino, woj. Szczecin (Badania 1976 1978 1979). // Materialy zachodnopomorzskie, T.XXVI, Szczecin.
Keller E. 1974. Zur Chronologie der jungerkaiserzeitlichen Grabfunde in Südbauern. // Münchner Beitrage zur Vor- und Frühgeschichte, Bd. 1, Hf.1.
Kietlińska A., Dąbrowska T. 1963. Cmenarzysko z okresu wpływów rzymskich we wsi Spicymierz, pow. Turek. // Materiały starożytne, T. 9.
Koch R. 1981. Terra nigra Keramik und angebiechte Nigraware aus Heckargebiet. // Fundbericht aus Baden-Württemberg. Bd.6.
Kolnik T. K tipologii a chronologii niektorych spon z mladsej doby rimskej na juhozapadnom Slovensku. In: Slovenska archeologia, T. XIII-1, Bratislawa.
Kokowski A. 1995. Schatze der Ostgoten. Stuttgart.
Kuchenbuch F. 1938. Die altmarkische-osthannoverische Schaleurnenfelder der spätromischen Zeit. // Jahresschrift für die Vorgeschichte. Bd. XXVII. Halle.
Lamiova-Schmiedlova M. 1969. Romerzeitliche Siedlungs-Keramik in der Südostslowakei. In: Slovenska archeologia, T. XVII.
Laser P. 1965. Die Brandgräber in Mitteldeutschland. In: Forschungen zur Vor und Frühgeschichte. Bd. 7. Berlin.

Leube A. 1975. Die romische Kaiserzeit in Oder-Spree-Gebiet. // Veroffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte. Potsdam/

Leube A. 1976. Archäologische Formengruppen an nordlichen Elbe-Oder-Gebiet während des 1. Bis 4. Jahrhunderts. In: Prace archeologiczne, 22. Kraków.

Leube A. 1983. Die Burgunden bis zum Untergang ihres Reiches an der oberen Rhone im Jahre 534. In : Die Germanen, Bd. 2, Berlin.

Lund-Hansen U. 1987. Romische Import im Norden. In: Nordische Fortminder. Serie B. Bd. 10. K?benhavn.

Madyda R. 1977. Sprzaczki i okucia pasa na ziemach polskich w okresie rzymskim. In: Materialy starożytne i średniowieczne. T.IV. Warszawa.

Madyda-Legytko R. 1986. Die Gürtelschnalle der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit in mitteleuropäischen Barbaricum. In: BAR Int. Ser. 360.

Martin M. 1988. Burgunden. In: Reallexicon der germanischen Altertumskunde. Bd.4, Lief. 3-4.

Meyer E. 1969. Das germanische Gräberfeld von Zauschwitz, kr. Borna. Berlin. In: Arbeits und Forschungsbericte zur sachsischen Bodendenkmalpflege.

Meyer E. 1971. Die germanische Bodenfunde der spätromischen Kaiserzeit und der frühen Volkerwanderungs-Zeit in Sachsen. Bd. 1. Berlin.

Motykova-Schneidrova K. 1963. Anfange der römischen Kaiserzeit in Böhmen. Pragae.

Motykova-Schneidrova K. 1967. Weiterentwicklung und Ausklang der älteren römischen Kaiserzeit in Böhmen. Pragae.

Oldenstein J. 1986. Neue Forschungen in spätromischen Kastell von Alzey. In: Bericht der Römisch-Germanische Komission. Bd. 67.

Overbeck B. 1983. Das Alpensrheintal im römischer Zeit. München.

Penninger E. 1972.Der Dürnberg bei Hallein. München.

Peschek Chr. 1978. Die germanische Bodenfunde der römischen Kaiserzeit in Mainfranken. München.

Peschel K. 1978. Anfange germanischer Besiedlung in Mittelgebirgsraum (Sueben-Hermunduren-Markomannen). // Arbeits und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. Beiheft 12. Berlin.

Peskar J, Ludikovski R. 1978. Zarove pohrebiste y doby rimske vo Velkych Hosteradkach (O. Breclav). // Studie Archeologickego ustava Ceckoslovenske Akademie ved v Brne. Rocnik VI-1. Praha.

Popilian G. 1976. Un Quartier Artisand a Romula. // Dacia, XX.

Popilian G. 1980. Necropola Daco-Romana de la Locusteni. Craiova.

Popilian G. 1982. Necropola Daco-Romana de la Daneti. // Thrako-Dacia, T. III.

Reyman T. 1936. Problem ceramiki siwej na kole taczonej na tłe odkryc w górnom dorzeczu Wisły. In: Wiadomości archeologichne, 14.

Roeren R. 1960. Zur Archäologie und Geschichte Südwestdeutschlands im 3. bis 5. Jh. nach Chr. In: Jahrbuch der RGZM, Mainz.

Sarov O. 1995. Danceny und Leuna-Hassleben // La noblesse Romacne et Les Chiefs Barbares du III-E au VII-E siecle. Paris.

Schach-Dorges H. 1970. Die Bodenfunde des 3. bis 6. Jahrhundert nach Chr. Zwischen unteren Elbe und Oder. // Offa-Bücher. Bd.23.

Schindler R. 1940. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum. Leipzig.

Schmidt-Thielbeer E. 1968. Die südlichen Elbgermanen. // Die Germanen, Bd. 1.

SHA — Scriptores Historiae Augustae. Властелины Рима. М. 1992.

Schulz W. 1933. Das Fürstengrab und das Grabfeld von Hassleben. // Römisch-germanischen Forschungen.

Schulz W. 1953. Leuna. Ein germanischer Bestattungssplatz der spätrömischen Kaiserzeit. Berlin.

Sharov O. 1999. Die Frühphase der Cernjacov-Kultur. Brest-Trischin und Maslomecz-Kultur. // Die Spätkaiserzeit in Mittel-und Osteuropa, Lódź.

Szczukin M.B. 1981. Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska // Problemy kultury wielbarskiej. Slupsk.

Takenberg K. 1925. Die Wandalen in Niederschlesien. Berlin.

Tejral J. 1983. Mähren und die Markomannenkriege. // Slovenska archeologia, XXXI-1. Bratislava.

Uslar R. 1938. Westgermanische Bodenfunde des I. bis III. Jhs. nach Chr. aus Mittel- und Westdeutschland. Berlin.

Unverzagt W. 1916. Die Keramik des Kastells Alzei. // Materialien zur Römisch-Germanischen Keramik, 2,

Werner J. 1973. Bemerkungen zur mitteldeutschen Skelettgräbergruppe Hassleben-Leuna. Zur Herkunft der ingentia auxilia Germanorun des gallischen Sonderreiche in den jahren 259-274 n- Chr. // Mitteldeutsche Forschungen, 74-1.

Werner J. 1979. Bemerkungen zu norischen Trachtzubechör und zu Fernhandelsbeziehungen der Spätlatenezeit in Salzburger Land. In: Späten Keltentum zwischen Rom und Germanien München.

Werner J. 1988. Danceny und Brangstrup. Untersuchungen zur Cernjachow-Kultur zwischen Sereth und Dnestr, und zu den «Reichtumzentren» auf Fünen In: Bonner Juahburcher. Bd.188.

Werner J. 1989. Zu den römischen Mantelfibeln zweier Kriegergräber von Leuna. In: Jahresschrift von mitteldeutschen Vorgeschichte. Hf. 72.

Wołągiewicz R. 1970. Napływ importów rzymskich do Europy na północ od środkowego Dunaju. In: Archeologia Polski, 15, Wrocław-Warszawa-Kraków.

Wołągiewicz R. 1981. Kultura oksywska i wielbarska. // Prahistoria ziem Polskich, t.V.

Wołągiewicz R. 1981a. Kultura wielbarska-problemy interpretacii etnicznej. // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk.

Wołągiewicz R. 1993. Ceramica kultury wielbarskiej między Baltykiem a morzem Czarnym. Szczecin.

Щукин М.Б.

ФЕНОМЕН ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ КОНСТАНТИНА — КОНСТАНЦИЯ, ИЛИ ЧТО ТАКОЕ ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА?

Может быть, вопрос следует решать в терминах «больше-меньше», а не «или-или».
Роджер Желязны. «Владения хаоса»

Schukin M.B. Chernyakhov Culture Phenomenon in the Epoch of Constantinus the Great - Constantius II (or what is Chernyakhov Culture?)

In the epoch of Constantinus the Great (306-337 A.D.) and Constantius II (337-361 A.D.) the evident flourishing of Chernyakhov culture is observed. The recent chronological elaborations allow now to mark out in the whole mass of sites the ones belonging exactly to this period and to be convinced of astonishing multiplicity of population, relative wealth and even high level of civilization of the community. We can fix writing, both Greek and Runic, and possession the «high technologies» of the epoch. They produced wheel-made pottery of highest quality, had khowledge of rotation-grindstones, used wide glass vessels, wine and other goods brought over here in amphorae, made numerous bohe-combes, bronze and silvr fibulae and buckles, used for their manufacture files. We can trace nothing of the kind either for the previous, or for the following time.

According to the author's opinion, this phenomenon could be explained by the special character of connections with the Empire. In 332 A.D. Constantinus concluded a treaty (*foedus*) with the Goths, obliged them not to let other Barbarians pass the borders of the Empire and to send recruits for the Roman army. In return the Empire was obviously compeled to pay them and probable to pay much — in silver, provisions, clothers and privileges for traders. The relative prosperity caused perhaps a demographical burst.

1. Зарождение и расцвет черняховской культуры

Для того, чтобы ответить на поставленный в заголовке вопрос, нужно было бы прежде всего подробно рассмотреть проблему зарождения и возникновения данного феномена. Но, поскольку проблема эта излагается в двух параллельно публикуемых статьях (Щукин, в печати), мы не будем сейчас обсуждать эту тему в деталях. Достаточно ясно, что процесс формирования черняховской культуры был и сложным, и довольно длительным.

Сложным, потому что он протекал в период переселений различных групп населения, вызванных Маркоманнскими войнами или даже вызвавших эти войны, и в обстановке как кризиса мировых Империй (Рима и Парфии), так, вероятно, и серьезных «перестроек» варварских сообществ Центральной, Северной и Восточной Европы, отражением чего стали и «скифские» или «готские» войны, и прорывы варваров через Дунайско-Рейнский лимес. Огни пылали по всем северным границам Империи.

В процесс формирования нового культурного явления в Восточной Европе неизбежно должны были быть втянуты, в той или иной степени, как выходцы из Северной Европы, часть которых, возможно, прошла и через горнило событий в Европе Центральной и Западной, так и местное восточноевропейское население — поздние скифы Нижнеднепровских городищ и поселений типа Молога в Буджаке, многочисленные сарматы Причерноморских степей, остатки «вольных даков» и бастарнов Прикарпатского региона, рассеянные группы постзарубинецкого населения, бывших бастарнов, ставших ве-

© Щукин М.Б., 1999.

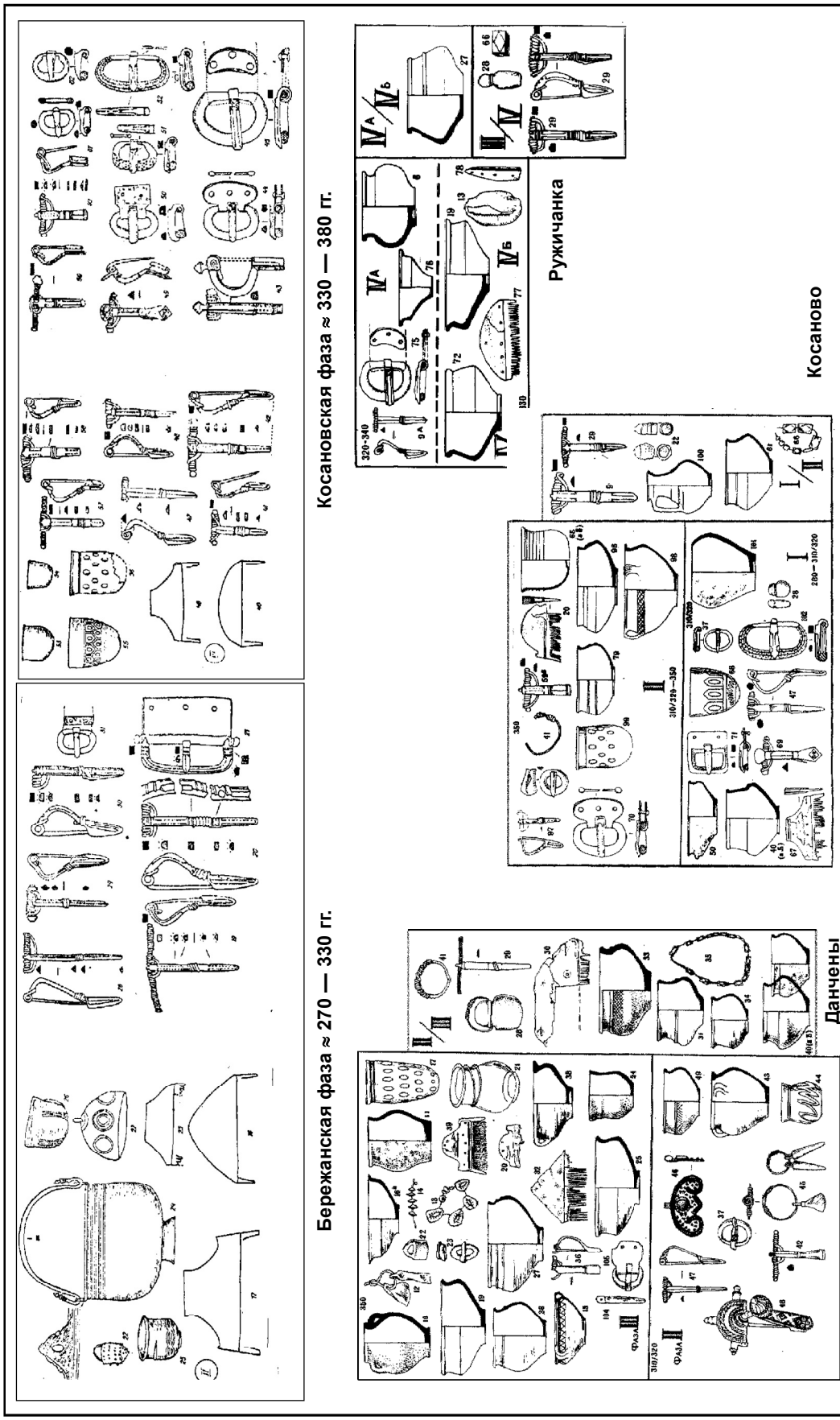

Рис. 1. Бережанская и Косановская фазы черняховской культуры по Е.П. Гороховскому и соответствующие горизонты могильников Ружичанка, Данчены и Косаново по О.В. Шарову.

недами и включивших в свой состав балто-славянских выходцев из лесной зоны Восточной Европы (Щукин 1994: 26-36; 232-244; 280-290).

Определенную роль в формировании новой культурной общности могли сыграть и выходцы из римских провинций — легионеры, перешедшие на сторону варваров, военнопленные, захваченные на Балканах и в Малой Азии. Факты, что такое имело место, засвидетельствованы письменными источниками (Iord. Get. 90; Zos. 1.20-21; Zonar. 12,19; Сагарда 1916; Щукин 1991; Лавров 1997).

Прослеживаемые археологически две волны проникновения носителей вельбаркской культуры Польского Поморья в юго-восточном направлении вплоть до Посеймья и Добруджи, безусловно, играли заметную роль в этом процессе (Szczukin 1981; Щукин 1994: 244-249), но оппоненты автора были не совсем правы, когда приписывали ему идею непосредственного перерастания связываемой с готами культуры вельбаркской в черняховскую (Козак 1985; Баран и др. 1991). М.Б.Щукин никогда не был столь наивным, чтобы утверждать подобное. Он всегда находился на позициях гетерогенности, многокомпонентности данного явления.

Не будем наивны, утверждая и сугубо готскую, скандинавскую принадлежность носителей вельбаркской культуры. Это, в свою очередь, гетерогенное и многокомпонентное образование (Shchukin 1989: 292-302; Щукин 1994: 185-190, 244-278). Кроме того, в сложении черняховской культуры играли определенную роль и выходцы из других регионов Северной Европы, миновавшие вельбаркский ареал Поморья и междуречья Вислы — Западного Буга. Об этом свидетельствует, например, характер распространения таких вещей, как фибулы типа «Монструозо» и железные гребешки. Концентрация их, кроме черняховской культуры, наблюдается в Дании, а в вельбаркской культуре они практически не представлены (Werner 1988; Щербакова, Щукин 1991; Левада, Строкова 1998). Возможно, за этим следует видеть «герульский след» в черняховской культуре. В последние годы присутствие некой герульской, боранской или иной германской группировки в Восточном и Южном Крыму, а также в низовьях Дона начинает ощущаться археологически все отчетливее. Обнаруживаются уже перестающие быть редкостью находки черняховской серой лощеной керамики, и даже найдена каменная плита с руническ ой надписью начала IV в н.э. на горе Опук около Феодосии (Голенко и др. 1999)

Не обошлось при формировании черняховской культуры и без определенного, пусть не слишком чувствительного, воздействия выходцев из Одерско-Поэльбского региона, представителей так называемой Любошицкой группы памятников (Щукин 1989; Шаров 1992), карподакийской группы Поянешты-Вырtешкой (Шаров 1992; 1995) и других, центрально-европейских, о чем подробнее у нас пойдет еще речь ниже.

Как бы там ни было, весь этот сложный конгломерат, объединенный под властью готских королей, воспринимался греками и римлянами в III веке, испытавшими их нашествия, как «скифы, называемые готами» (Dexip. Chron. Fr. 22; Ioan Zonar. 12, 21, 26; Syncell. Chron. p. 467; Лавров 1997).

К сожалению, у нас нет инструмента, позволяющего измерить степень реального участия каждого из компонентов, поскольку явления в области материальной культуры, улавливаемые археологами, не всегда адекватно и полностью отражают демографические, социальные и этнические процессы.

Формирование же новой культурной общности было, как можно заметить, довольно длительным. Начавшись в 20-30-х годах III века, а предпосылки его восходят еще к 160-180 гг. (Щукин, в печати), процесс растянулся почти на столетие и завершился приблизительно ко времени правления в Империи Константина Великого (305-337 гг), ко времени сформирования в черняховской культуре Косановской фазы по Е.Л.Гороховскому (Гороховский 1988), третьей фазы по Бажану-Гей (Бажан, Гей 1992), второго горизонта по О.В.Шарову (Шаров 1992), фазы III-IVa по Казанскому-Легу (Kazanski, Legoux 1988) или периода 3 черняховской культуры по последней работе О.А.Гей и И.А.Бажана (Гей, Бажан 1997). Нетрудно заметить, что как в наборе признаков, характеризующих эпоху, так и в определении абсолютных дат у исследователей наблюдаются видимые расхождения (Рис. 1-2). Это вполне понятно. Применяемый ими кластерно-корреляционный метод дает возможность распознать субкультуру одного-двух поколений населения, но кластеры неизбежно перекрывают друг друга в той или иной степени. Каждое археологическое явление всегда обладает двумя датировками — «узкой» и «широкой» (Щукин 1978); будучи асинхронными в пиках дат «узких», в пределах «широких» они обязательно пересекаются с явлениями предшествующими и последующими, мы имеем дело не с «квадратами», а с «ромбами». И это естественно, поскольку и смена поколений текуча, мы имеем дело с процессом, резко обозначенных границ здесь быть не может.

Еще сложнее обстоит дело с определением абсолютных дат. Точки выходов на них через монеты, терра-сигиляты и прочее не слишком многочисленны, даты могут быть лишь ориентировочными, в значительной мере условными (Щукин, в печати).

Но уж такова природа наших источников. В силу этого мы вряд ли сможем добиться большей точности, чем имеем на сегодня, но и этого уже достаточно для приблизительного сопоставления наблюдаемых явлений с историческими событиями.

Не возникает особых сомнений, что рассмат-

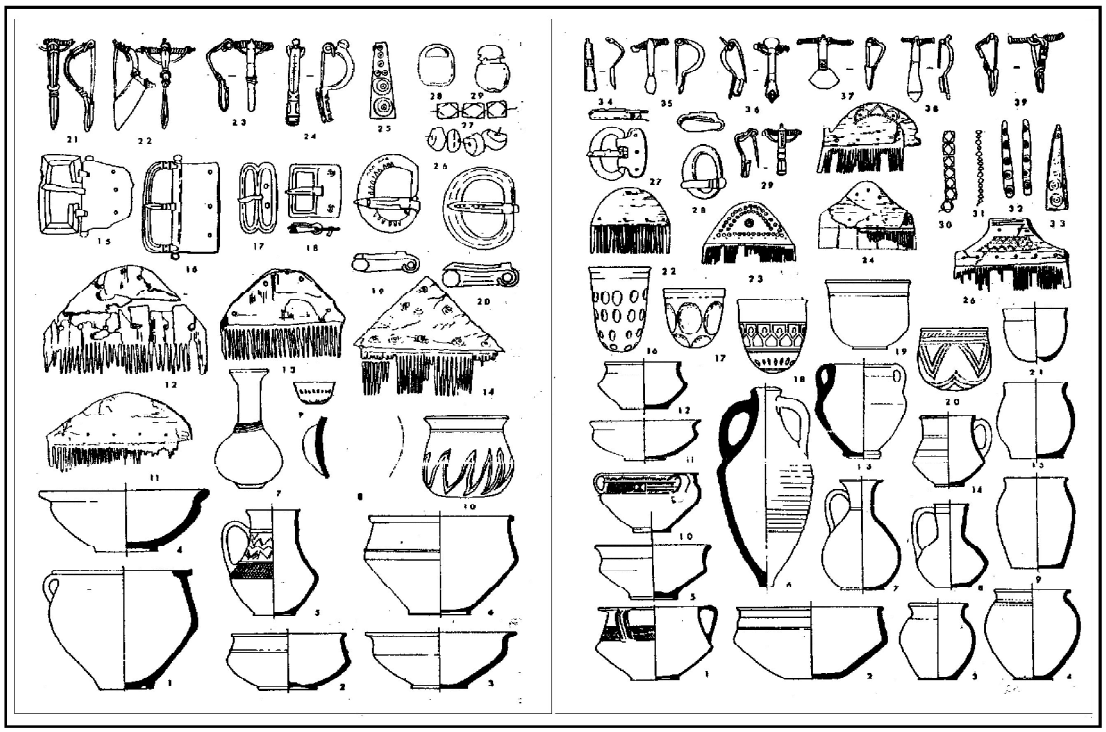

Рис. 2. Второй и третий периоды черняховской культуры по О.А. Гей и И.А.Бажану (270/280 — 310-320 и 310/320 — 350/355).

риваемый нами период приблизительно от 280 до 350/380-х годов, с пиком на 330-360 годы, был эпохой наибольшего расцвета черняховской культуры.

Именно к этому времени обширная территория от восточной Трансильвании до верховьев рек Псла и Сейма в Курской области России, на площади, немногим уступающей всей Западной и Центральной Европе, оказалась покрытой густой сетью поселений и могильников, удивительно однообразных по своему культурному облику.

Эти памятники занимают и всю территорию Молдовы, и, практически, почти всю Украину. Каждый, кому доводилось проходить археологической разведкой хотя бы один из участков этого пространства, знает, что черепки блестящей серой черняховской керамики, которую ни с какой другой не спутаешь, можно найти чуть ли не на каждом вспаханном поле Украинско-Молдавских черноземов. Следы черняховских поселений иногда тянутся на несколько километров. Похоже, мы имеем дело с неким весьма многочисленным населением, и плотность заселенности в IV веке немногим уступала современной.

Никто еще не подсчитал с точностью общее число черняховских памятников в целом, к 1960 г. только на Украине их насчитывалось 716 (Махно 1960), на сегодня число их по всем территориям значительно возросло и может колебаться от 2 до 5 тысяч, если не больше.

У нас нет пока и надежных расчетов о действительной численности носителей черняховской культуры, все имеющиеся методики подсчетов далеки от совершенства, но ясно, что «черняховцев» было достаточно много.

Возможно, в конце III в н.э. именно относительная перенаселенность Причерноморских земель вызвала неудавшуюся попытку варваров в 269-270 годах переселиться на Балканы и Грецию (Щукин, в печати). Организованное Аврелианом выселение римских колонистов из Дакии в 271-274 годах и предоставление освободившихся земель готам и тайфалам, можно думать, в какой-то мере решило проблему относительной перенаселенности (Щукин, в печати).

Неоднократно предпринимались попытки расчленения всего черняховского массива памятников на ряд локальных вариантов (Тиханова 1957; Махно 1970), однако сделать это, исходя не только из простого географического районирования, по большей концентрации памятников в том или ином районе, но и выделяя некие специфические черты, присущие лишь каждому из локальных вариантов и не свойственные другим, оказалось сложной задачей. На всем огромном пространстве черняховская культура на удивление гомогенна — все те же большие биритуальные могильники, большие поселения с длинными наземными домами и небольшими полуземлянками, устойчивый, при всем разнообразии, набор керамических форм и других вещей — фибул, пряжек, украшений. Памятники, обнаруженные в Румынии, в Поднестровье, в Поднепровье или на Курщине, практически почти не отличаются друг от друга.

Определенную специфику имеют лишь некоторые маргинальные группы, из которых наиболее ярко выделяются четыре. Возникает даже проблема справедливости традиционного включения их в собственно черняховскую культуру, но мы не будем сейчас заниматься вопросами терминологии.

1. В междуречье верховьев Днестра и Западного Буга, в основном в пределах нынешней Львовской области Украины, существует особая группа памятников, которую по одному из наиболее исследованных поселений (Баран 1959; 1964; 1981) можно было бы назвать Рипневской. Как полагают, она сформировалась на основе пшеворско-зарубинецкой Зубрецкой группы памятников предшествующего времени (Козак 1992) и спецификой ее является почти полное отсутствие могильников (вероятно, применялись погребальные обряды, неуловимые для археологов), сравнительная редкость длинных домов на поселениях. Есть определенные отличия и в наборе форм гончарной керамики, и в большем проценте лепной посуды, представленной горшками. В.Д.Баран, исследовавший эти памятники, а он и сам уроженец этих краев, склонен переносить полученные результаты на черняховскую культуру в целом (Баран 1981), что вряд ли полностью оправдано.

2. Соседняя Волынская группа тоже обладает своей спецификой (Кухаренко 1958), выражающейся прежде всего в преобладании вельбаркских элементов, главным образом в керамике, по сравнению с другими областями черняховской культуры. Промежуточное положение Волыни между основным массивом черняховских памятников и синхронными памятниками вельбаркско-цецельской культуры в Мазовии, Подлясье и в низовьях Вислы обеспечивало, вероятно, и промежуточное состояние облика Волынской группы.

Неоднократно высказывались соображения, что эта группа связана скорее не с готами, а с их родственниками гепидами (Щукин 1962; Kokowski 1995), в ряде ситуаций враждебных готам (Щукин, в печати).

3. Есть своя специфика и в памятниках северо-восточного угла черняховского ареала в пределах верховьев левых притоков Днепра, где наблюдается чересполосица памятников черняховской и так называемой киевской культур (Терпиловский 1984; Обломский 1994; Щукин 1987)

4. Определенным своеобразием отличаются памятники побережья Черного моря между устьями Дуная и Днепра. В отличие от прочих черняховцев, жители этого региона строили дома-усадьбы на сложенных насухо из рваного камня фундаментах (Магомедов 1987; Гудкова 1987). Более значителен здесь процент и погребений, сохраняющих скифо-сарматские традиции — катакомбы, подбои, так называемые «могилы с заплечиками». От основного массива черняховских памятников эту группу отделяет и от-

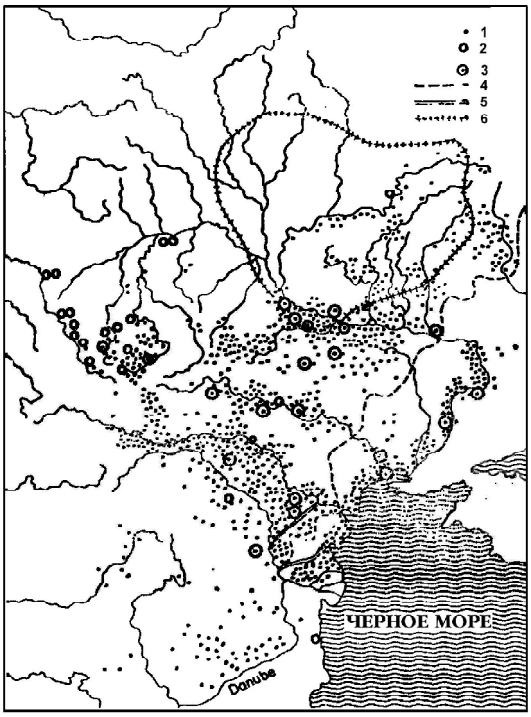

Рис.3. Распространение черняховских памятников с зоной пустоты между ними (по О.А.Гей и М.Б.Щукину).

четливо видимая зона пустоты (Гей 1980). Была одно время даже идея выделить эти памятники в особую кисёловскую культуру (Щукин 1970; 1979), но поскольку все прочие элементы не отличаются от собственно черняховских, то все-таки вряд ли стоит говорить об особой археологической культуре.

Не исключено, что именно упомянутая зона пустоты отделяет ареалы расселения Остготов-Остроготов-Гревтунгов (степных готов) и Вестготов-Визиготов-Тервингов (лесных готов). Ведь разделение Визиготов во главе с королями из рода Балтов и Остроготов с их королями из рода Амалов произошло «по каким-то своим причинам», как пишет Иордан (Iord. Get. 130), не ранее середины IV в н.э., накануне вторжения гуннов, во времена Германариха-Атанариха, а ассоциация их названия с готами восточными и западными возникла, возможно, еще позже, когда и те и другие находились уже в Италии и Испании. Поэтому нас не должно смущать, что граница, разделяющая две группировки носителей черняховской культуры, идет не в меридиональном, а в широтном направлении. Тем более что, если учесть неизбежные искажения при переносе географических реалий сферы земного шара на плоскость карты, то на самом деле (Рис. 3) упомянутая зона пустоты направлена по линии Юго-Запад — Северо-Восток (Shchukin 1994). Впрочем, это лишь идея для дальнейших разработок.

Одним из наиболее ярких элементов, нивелирующих все памятники черняховской культуры, является специфическая серая гончарная

керамика, поражающая высоким качеством своего изготовления, разнообразием форм и изяществом пропорций мисок, кувшинов, трехручных ваз, кубков и др.

Это, безусловно, изделия мастеров высочайшей квалификации, достигающих подчас совершенства и гармоничности шедевров прикладного искусства, подобного набора форм мы не найдем для этого времени ни у мастеров-гончаров античности, ни в Барбарикуме Европы.

Хотя, казалось бы, в непосредственной близости от западных границ черняховской культуры тоже производилась гончарная керамика и открыты центры ее изготовления — Тропишев (Reyman 1936), Иголомя и Зофиеполе (Gajewski 1959; Buratynski 1976; Dobrzanska 1990) в южной Польше, Блажицы в Словакии (Lamiova-Schmiedlova 1969), Берегшурань-Берегово на Венгерско-Украинской границе (Csallani et al. 1967), но производилась здесь посуда несколько иных форм, а главное, даже на близлежащих поселениях и могильниках процент гончарной посуды сравнительно невелик и заметно уступает количеству кружальной керамики черняховских памятников, некоторые из которых дают почти исключительно гончарную посуду.

Подобная картина наблюдается и западнее, где в районах, примыкающих к лимесу, имеется и гончарная посуда, и горны для ее обжига, но в целом процент лепной посуды по всей «Свободной Германии» остается преобладающим.

Исследователей давно уже мучает вопрос: где черняховские гончары научились этой технике, откуда взяли они прототипы этих форм? Среди памятников черняховской культуры остатки горнов для обжига керамики зафиксированы в 47 случаях (Бобринский 1991: рис.1) и все они двухъярусные: в верхнюю камеру загружалась обжигаемая посуда, в нижней находилась топка. При некоторых различиях деталей конструкции, основных вариантов два — с центральным, круглым или овальным столбом в топочной камере или с продольной стенкой, делящей камеру на две части.

Гончарный круг не был известен ни носителям вельбаркской культуры, ни местным предшественникам черняховцев, за исключением разве что носителей липицкой культуры и культуры Поянешты-Выртешкой, которые тоже производили серую лощеную керамику и обжигали ее в таких же по конструкции горнах, но набор форм у них был совершенно другой.

Проще всего было бы предположить, что черняховцы обучились гончарному делу у мастеров античных городов — Тиры, Ольвии и других — и такие предположения делались (Тиханова 1973). Но, как показывают специальные исследования, в античных центрах Причерноморья, Нижнего Подунавья и Фракии преобладает гончарная керамика и других форм, и других технологий производства. В отличие от черняховской серой, она, по преимуществу, красная или желтая, а это означает, что гончары ограничивались при обжиге лишь первым этапом процесса. Если же после первичного обжига закрыть доступ воздуха в загрузочную камеру горна, а в топке оставить лишь тлеющие дрова, добавив таких, которые дают копоть и дым, получится посуда серая или черная. Керамистам это хорошо известно (Бобринский 1991: 139). Черняховские мастера так и делали.

В античных центрах Причерноморья, Нижнего Подунавья и Фракии серая керамика тоже встречается, но, как показало специальное исследование (Гудкова, Крапивина 1988; 1990), она является сравнительно редкой и выглядит здесь чуждой, по формам она тоже заметно отличается от черняховской.

Серую гончарную посуду издавна изготовляли и сармато-меотские мастера Прикубанья, но большинство форм ее не совпадает с черняховскими, а, как выясняется, и горны здесь, как и в античных центрах, имели некоторые иные конструктивные детали (Бобринский 1991: 198-201).

Поиски аналогий конструкции черняховских горнов неожиданно приводят в мир кельтов, где таковые известны еще с III-I вв. до н.э., а затем, после оккупации римлянами Галлии, Реции, Норика, Паннонии, Британии и Дакии, после становления лимеса по Рейну-Дунаю, горны той же конструкции были восприняты как жителями вновь образованных провинций, так и варварами, жившими в непосредственной близости от границы.

По всей пограничной полосе от Британии до Дакии таких горнов эпохи позднего Латена и раннего римского времени известно достаточно много (Бобринский 1991: 196-201).

Любопытно, что самым парадоксальным образом целый ряд форм черняховских гончарных мисок до удивления напоминает именно кельтскую гончарную лощеную посуду (Щукин 1973), но последняя значительно раньше по времени, да и кельтов, как таковых, практически уже не существовало к моменту сложения черняховской культуры.

Яркая кельтская цивилизация, на протяжении эпохи Латена, с IV по I вв. до н.э., во многом определявшая культурный облик населения всей Европы, на рубеже нашей эры погибла под ударами римлян, даков и германцев (Shchukin 1989; Щукин 1994). Часть кельтского мира была захвачена римлянами и местное население сильно романизировано, часть кельтских земель была занята германцами.

Откуда же вдруг такое возрождение кельтских традиций, которые проявились не только в гончарном производстве, но и в некоторых других сферах? С III в. опять, как в эпоху Латена, входят в моду проволочные фибулы подвязной конструкции, вместо литых раннеримских; возрождаются и некоторые формы кельтских украшений, что отмечено, в частности, для вельбаркской культуры (Kostzewski 1961); вместо обыч-

ных трупосожжений германцы шире начинают использовать обряд трупоположения и т.д. (Щукин 1973).

Это явление «Кельтского Ренессанса» еще плохо изучено и во многих отношениях остается загадочным. Проявление его в черняховской культуре — лишь часть более широких культурных процессов, охвативших и Барбарикум, и Империю.

Что касается Империи, то, вероятно, совсем не случайно в 212 году возник знаменитый эдикт императора Каракаллы, предоставлявший права римских граждан всем свободным жителям Империи вне зависимости от происхождения. Владения Империи расширились до возможно мыслимых пределов, и Маркоманнские войны показали, что дальнейшие завоевания вряд ли возможны. Численность завоеванных провинциалов, принявших римский образ жизни, намного превосходила число уроженцев Рима и Италии. Роль провинциалов во всех сферах жизни государства неизбежно возрастала, а ограничения, налагаемые на провинциалов законами, весьма тормозили их жизнеактивность. Ситуация настолько назрела, что провинциалам даже не приходилось особенно лоббировать правительство, а Каракалле, который, казалось бы, особой политической мудростью не отличался, но сам был сыном ливийца и финикиянки, не оставалось ничего другого, как издать соответствующий эдикт, юридически фиксирующий уже сложившуюся ситуацию.

Эдикт означал для провинциалов снижение налогового и административного бремени и развязывал им руки в любой сфере деятельности — от создания лавочки или гончарной мастерской до возможностей административной или военной карьеры, что не преминуло вскоре и сказаться. Появление таких политических фигур, как Максимин Фракиец или Филипп Араб, вряд ли было бы возможным без этого эдикта.

Законотворчество Каракаллы, впрочем, не спасло Империю от назревавшего кризиса, вероятно, предпринятые меры в какой-то мере запоздали, быть может, эдикт этому кризису даже способствовал, но мы не будем сейчас вникать в вопросы социальной истории Империи, в выяснение причин кризиса III века. Это специальная тема, и достаточно большое число работ по этому поводу уже написано (Finley 1978; Oliva 1962; Штаерман 1957; 1978 и др.).

Для нас важно лишь следующее: шел неизбежный процесс «провинциализации» культуры Империи, эдикт должен был активизировать деятельность провинциалов, а большинство тех из них, что жили вдоль Рейна, вдоль верхнего и среднего Дуная, были бывшими кельтами, романизованными, но кельтами, и именно с ними приходилось сталкиваться в первую очередь германцам из-за лимеса, который не только разделял два мира — римской цивилизации и варваров, — но и был зоной взаимных культурных влияний. О возможностях же взаимных культурных контактов жителей «Свободной Германии» с обитателями Причерноморья говорится в вышеупомянутых статьях — набеги готов, боранов, ругундов и карпов то на Балканы, то на Италию, то через Боспор и Северное Причерноморье на Малую Азию и Кавказское побережье (Щукин, в печати).

В этом контексте определенный интерес может представлять попытка найти прототипы одного из наиболее распространенных видов черняховской кружальной посуды, а именно мисок с пластическими валиками на плечиках сосуда (Шаров 1995; Šarov 1995: 121-122).

С одной стороны, некоторые параллели нашлись среди гончарных изделий горизонта Лёйна-Хаслебен (Šarov 1995: Abb. 8, 5-8), а еще более близкие — в сосудах из Вормса (Unverzagt 1916). С другой стороны, весьма близкие типы оказались хорошо представлены в формах лепной посуды из Тюрингии и Майнфранка (Šarov 1995: Abb. 9-10; Laser 1965: Taf. 5: 27, 41, 45; Uslar 1938: Taf.6: 5-8, 10-12; Roeren 1960: 233). Складывается впечатление, что гончары из Вормса и мастера черняховской культуры воспроизводили в гончарной технике формы излюбленные германцами именно этих регионов — Среднего Поэльбья, бассейнов Заале и Майна, которые, в свою очередь, в I веке подражали гончарной керамике местных кельтов. Высказывалось предположение, что все эти процессы протекали не без участия племен бургундов (Шаров 1995а: 22-23). Обе идеи, впрочем, нуждаются в дополнительной разработке и детализации.

Определенное направление поисков ответа на вопрос, кем могли быть мастера, производившие гончарную керамику для черняховцев и научившие их этой технологии, могут указать уникальные находки из Лепесовки.

Здесь М.А.Тиханова раскопала два довольно хорошо сохранившихся гончарных горна с центральным столбом в топочной камере (Тиханова 1973). Один из столбов был дополнительно обмазан глиной и в эту облицовку включены черепки нескольких горшков. Такой прием использования керамики для усиления теплоотдачи достаточно часто применялся гончарами, работавшими в кастеллах и каструмах римского лимеса (Бобринский 1991: 155; Drews 1979).

Упомянутые черепки не похожи ни на столовую, ни на кухонную керамику черняховской культуры. Они серо-коричневые, сравнительно тонкостенные с шероховатой поверхностью, часть тулова горшков было покрыто рифлением, а венчик сильно отогнут наружу и имеет сложную профилировку (Рис. 4). С первого взгляда эта керамика напоминает средневековую, но сомневаться в стратиграфическом положении находки не приходится. Горн явно римского времени, к моменту гибели был действу-

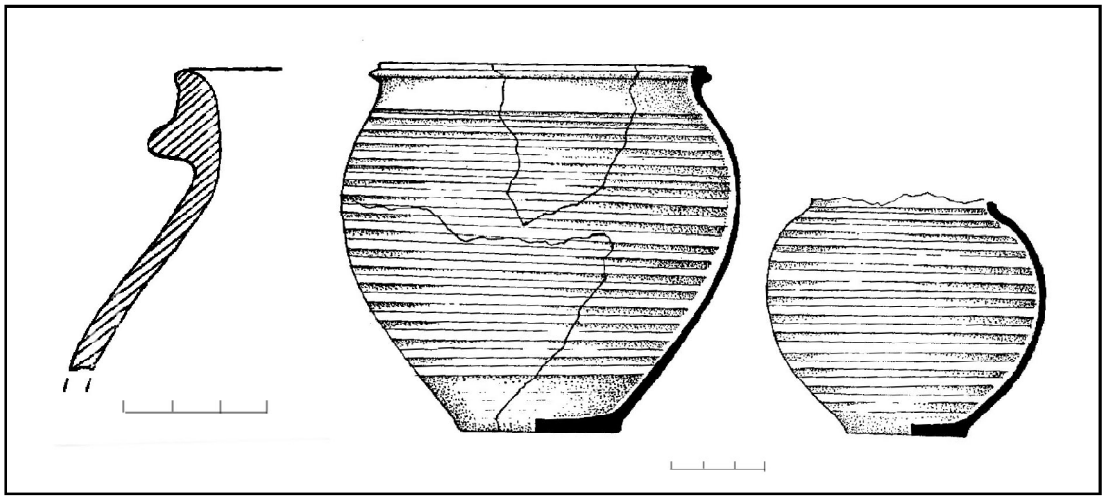

Рис. 4. Гончарные сосуды из конструкции горнов в Лепесовке.

ющим, и обжигалась в нем черняховская керамика, в том числе и миски с валиками.

Поскольку черепки этой рифленой посуды были включены в конструкцию горна при его постройке, можно думать, что эта необычная для черняховской культуры керамика была принесена с собой мастерами, сооружавшими горн. Мы имеем, таким образом, своеобразную «визитную карточку» гончаров. Остается только расшифровать, что на ней написано. Проблемой специально занималась И.Д.Зильманович (1995) и пришла к заключению, что, с одной стороны, сходная керамика обнаружена в гончарных мастерских Аквинка на Среднем Дунае (Poczy 1956), с другой стороны, подобная керамика имеется в кастеллах Верхнерейнского и Верхнедунайского лимеса, где, по классификации В.Унферцагта, носит название Алцай 27. Как и у лепесовских горшков, этот тип керамики имеет сложнопрофилированный «сердцевидный» венчик (Unferzagt 1916; Unferzagt 1970: 75, Abb. 7:10; Oelmann 1914: Taf.120; Kaschau 1973; Fellmann 1952). Большая часть находок относится ко второй половине II-III, хотя на Нижнем Дунае встречается и позже, в конце IV века (BШttger 1973: Taf.45:88).

Казалось бы, поиск «адресата» опять ведет нас на Майн, в верховья Рейна и Дуная. Но визуальное знакомство с керамикой кастелла Алцай и других прилимесных пунктов из коллекций музеев в Майнце, Фракфурте, Вормсе и Висбадене показало, что тип Алцай 27 не идентичен керамике из Лепесовки, при общем сходстве профилировки фактура черепка и поверхности иные. В лепесовских сосудах больше ощущается примесь песка в глиняном тесте.

Дальнейшее знакомство с литературой, консультации со специалистами и беглое, по необходимости, знакомство с коллекциями керамики из Кёльна, Ксантена, Бонна и некоторых пунктов в Англии привели нас к заключению, что разные вариации яйцевидных горшков со сложнопрофилированными венчиками иногда с рифлением по тулову встречаются в том или ином количестве практически почти во всех местах, где стояли римские легионы, от Адрианова вала до Евфрата. К параллелям, собранным И.Д.Зильманович, можно добавить еще целую серию (Hunold 1995: Taf. 52-53; Gillam 1957: Fig.12:104; 13: 109,113; 18: 541; Parker 1979: Fig. 92, 93, 100, 299, 541; Ettlinger, Simonett 1952: Taf.2:33,34; Walke 1965, Taf.65; Filtzinger 1972: Taf. 1:8; 2:2; 57: 7-9; 79:3; Plank 1975: Taf. 46:5; 51; 62: 9; Simon 1976: Taf. 24:575; 25:636; 45:170; Müller 1977: Taf.84: 438; 29:209; 67:320; Banki 1982: Taf. XV,12; Grünewald et al. 1983: Abb.36:8-11; 42; 43:1-5).

Все это параллели в той или иной мере близкие, но сосудов, абсолютно идентичных лепесовским, мы так и не обнаружили. О некоторых же не можем судить, поскольку, сравнивая керамику, ее нужно видеть воочию, держать в руках.

Между прочим, о контактах носителей черняховской культуры с обитателями прилимесных провинций Империи могут свидетельствовать и нередкие находки жерновов. Как подметил Р.С. Минасян, черняховские жернова полностью воспроизводят форму и конструкцию именно солдатских походных жерновов римской армии (Минасян 1978).

Обнаружение истоков таких форм черняховской керамики, как миски с валиками, и даже установление «адреса» лепесовских гончаров еще не решает проблему происхождения черняховской керамики в целом, решается только часть проблемы, проясняются лишь отдельные эпизоды более широкого процесса. Ассортимент черняховской посуды чрезвычайно разнообразен, и нужно будет искать истоки каждой формы мисок, кувшинов, горшков, кружек и так далее. А это может повести в самые разные стороны — и к воспроизведению в гончарной технике некоторых форм вельбаркской и пшеворской посуды, и к керамике дакийской, культур липицкой и Поянешты-Выртешкой, а в некото-

рых случаях и к античной, и к меотской керамике (Каспарова,Щукин 1979). Возможны и другие варианты, все это еще предмет будущего исследования.

Ясно, что значительная часть форм является и собственным творчеством черняховских мастеров.

О том, сколь сложным, многообразным и многокомпонентным был процесс выработки своеобразного стиля черняховской керамики, свидетельствует изучение шедевра прикладного искусства черняховцев — пары больших серых гончарных ваз из Лепесовки (Тиханова 1960; Щукин 1994; I Goti...1994: fig.I, 98-99, p.76-77).

Они цилиндро-конической формы, на высокой ножке, с широким венчиком-воротником, украшенном пролощенными загадочными рисунками-пиктограммами. Под венчиком — ажурный фриз из треугольников. На три двухчастные ручки надеты подвижные керамические колечки (рис. 5-6).

Мы не будем заниматься почти безнадежным делом расшифровки пиктограмм на венчиках сосудов. На одном из них рисунки расположены в девяти секторах, на другом — в двенадцати, и не исключено, что в последнем случае мы действительно имеем дело с неким календарем. Интерес к календарному счету во времена создания лепесовских чаш во всем мире был действительно велик, не случайно эта проблема специально обсуждалась на Никейском Соборе христианских епископов в 325 году. Тогда уже стало ясно, что введенный Юлием Цезарем календарь ошибается на сутки в 128 лет, и уже возникли противоречия между лунным еврейским календарем и солнечным римским. Весенний праздник Пасхи и Воскресения Господня грозил со временем сдвинуться в лето, и епископы это понимали. Тогда-то и пришлось выработать «Великий Индиктион», календарь, позволяющий рассчитывать праздник Воскресения, ставший подвижным (Зелинский 1978).

Но сходные проблемы должны были волновать и языческих жрецов, тоже «хранителей вре-

Рис. 5-6. "Чары" из Лепесовки и их пиктограммы.

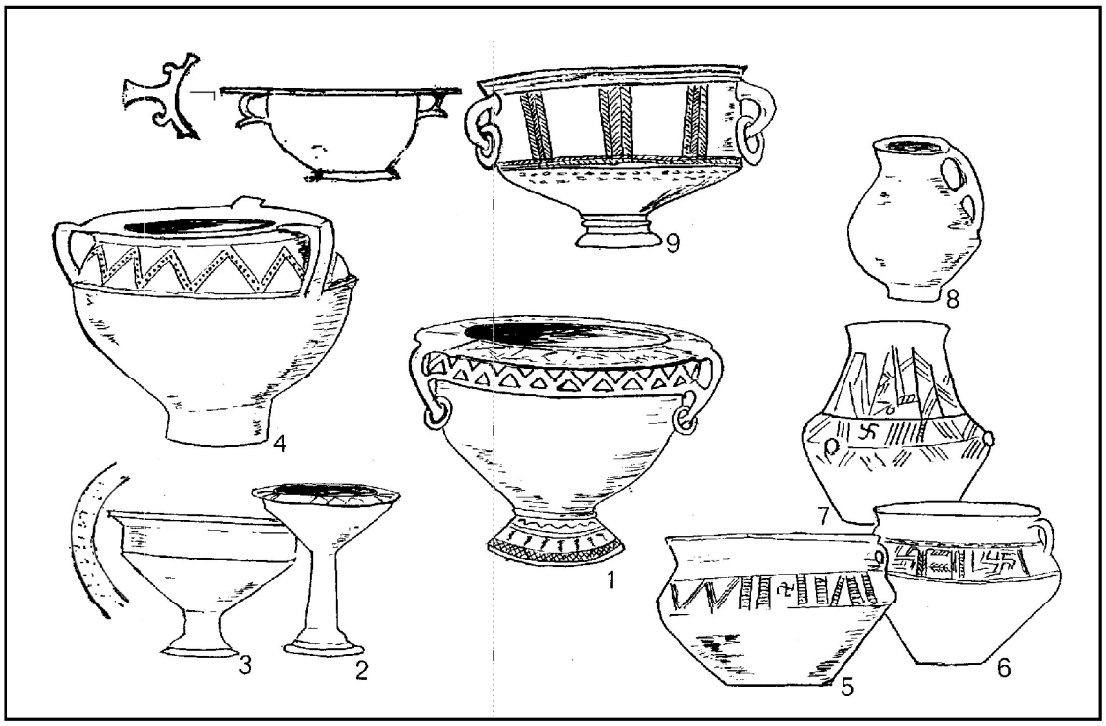

Рис. 7. Аналогии деталям Лепесовских "чар".

мени», оповещавших свою паству о поре тех или иных аграрных циклов. Разногласия между солнечным и лунным счетом времени объективны, и всегда существовала необходимость достижения определенной согласованности между ними. Возможно, рисунки на чашах и помогали их владельцам производить какие-то расчеты. Но мы не рискнули бы, вслед за Б.А.Рыбаковым (Рыбаков 1962; 1987: 164-194), расшифровывать изображения на лепесовских вазах, исходя из пережитков древних аграрных культов в религиозной, уже христианской, практике этнографических славян, слишком уж велик хронологический разрыв.

Кроме того, аграрные циклы во всей Европе достаточно сходны: почти повсеместно сеют в апреле, а убирают урожай в августе, так что не обязательно исходить исключительно из славянского, восточно-европейского календаря, следовало бы рассмотреть и другие — германский, кельтский, скандинавский и так далее.

Для нас же важно в лепесовских чашах иное, а именно то сложное переплетение различных культурных традиций, которые в них можно наблюдать. Чаши уникальны и полных аналогий им нет, но отдельные элементы находят параллели в различных окружающих культурах.

Так, сама форма чаш на высокой ножке (рис. 7:2) очень напоминает гончарные «вазы-фруктовницы» липицкой культуры (Smiszko 1932: tabl.VII,7,9), а еще ближе по пропорциям «фруктовницам» культуры Поянешты-Выртешкой (рис. 7:3) (Bichir 1973: pl. XLIX-CIII). Самую же близкую аналогию лепесовским вазам представляет сосуд из могильника Пет около Новой Загоры в Болгарии (Кънчев 1973: табл. 94). Та же высокая ножка, широкий венчик, подвесные колечки на ручках. Только ручек в этом случае четыре, а сам сосуд в два раза меньше лепесовских.

Трехручные же сосуды разных вариаций мы без труда обнаружим среди лепной керамики пшеворской культуры (Prahistoria... 1981: tabl. II, 12; III,3,4,5; IV, 5,11; Hadaczek 1909: Tabl.R,29,30). Некоторые сосуды имеют и воротникообразный венчик с нанесенными на него пиктограммами (Dąbrowska 1997: Taf.LXXI,7; Taf.LXXVII, 12).

На некие северо-западные связи могла бы указывать форма сдвоенных ручек с перемычкой. Такие же, или даже многочастные, являются характерным признаком Западных Балтов, древних обитателей северо-восточной Польши и современной Калининградской области (Okulicz 1973: rys. 154-a, 155-b, 164-b,d, 181-a,b).

Что касается подвесных колечек на ручках, то это элемент достаточно редкий, но имеющий довольно широкое распространение. Кроме упомянутой вазочки из Пет в Болгарии, имеются колечки и на сосудах из Писарево Плевенско (Табакова-Цанова 1964: рис 8-9), известны они и на ряде сосудов из Германии (Lazer 1965: taf. 27,2; 28 a), Венгрии (Bona 1963: Taf.XLV,1) и Скандинавии (Albrectsen 1971: gr.897; ВЭе 1931: Fig. 233; Thrane 1993: Pl. 15). Возможно, эти колечки изготовлялись в подражание античной бронзовой посуде с кольцеобразными ручками.

Проявляется воздействие античных торевтов на мастеров лепесовских ваз и еще в одном элементе — способе оформления места соединения ручки с венчиком в виде фигурного рас-

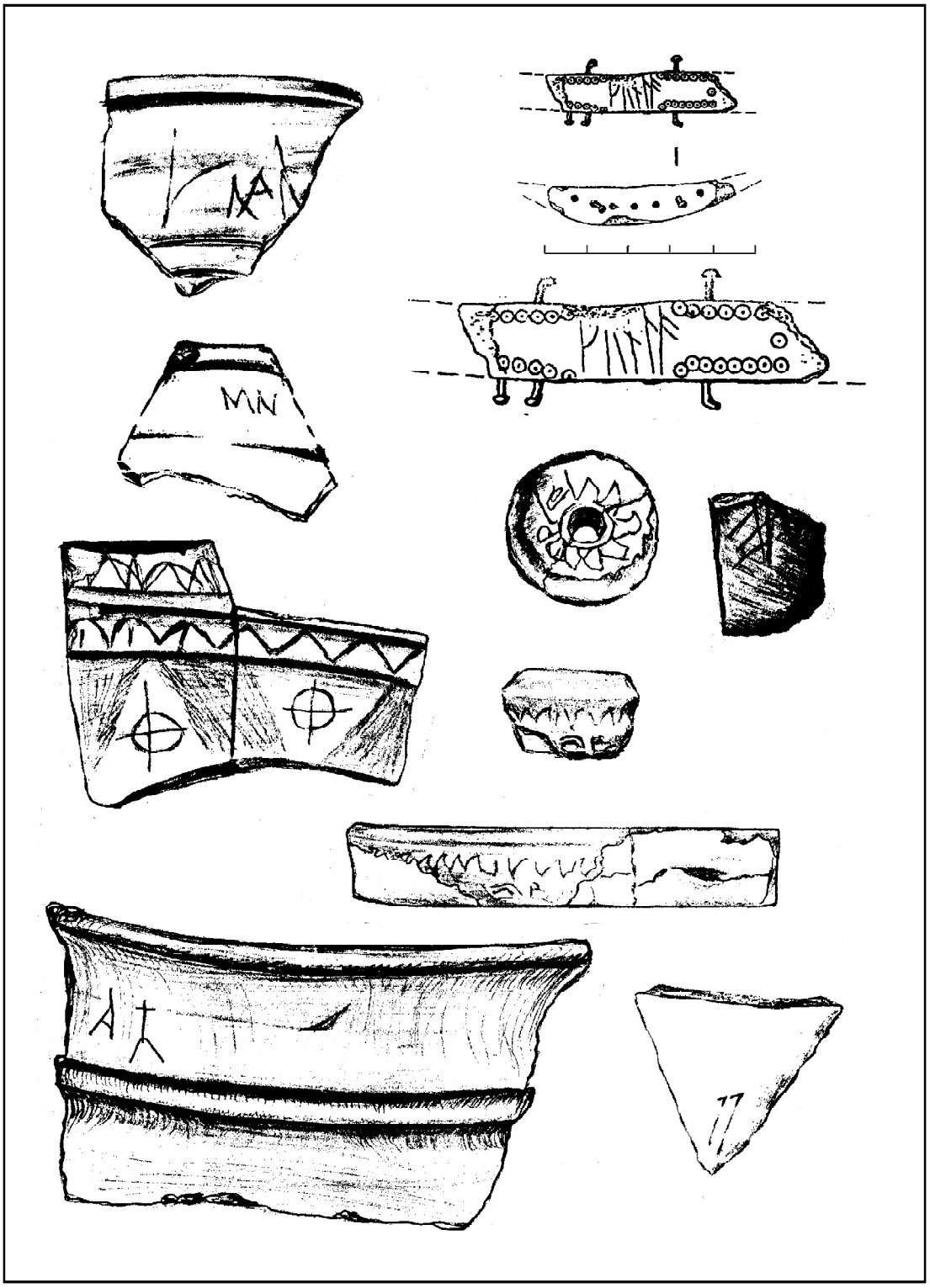

Рис. 8. Рунические надписи на гребне из Белгородской обл. и на керамике из Лепесовки (рисунки К. Чугуновой).

ширения. Таким же образом часто оформлялись ручки серебряных и стеклянных античных канфаров и других сосудов (рис. 7: 10).

Примечательно, что приблизительно такой же широкий круг связей очерчивает и изучение лепной керамики поселения Лепесовка (Щукин 1989). Черепки черняховской гончарной посуды составляют здесь 79%, а среди оставшейся лепной первое место принадлежит керамике вельбаркской (39%) и пшеворской (12,42%) культур. Но в незначительном количестве (до 0,51%) представлена керамика, которая может быть сопоставлена с посудой жителей Поэльбья и с Западными Балтами. Среди лепной керамики

Лепесовки, правда, совсем нет элементов дакийских культур, но зато достаточно обильно (11,57%) представлена керамика культуры киевской (о ней мы еще будем говорить в дальнейшем), а также керамика, напоминающая находки с поселений соседней Зубрецкой группы (2,75%) и развившейся на ее основе черняховской Рипневской группы (6,9%). Есть также небольшой процент керамики штрихованной (0,9%), свидетельствующий об определенных контактах с обитателями нынешней Белоруссии и Восточной Литвы.

В отличие от прочих культурных элементов, которые могли быть результатом торговли, влияний, деятельности инородных мастеров и проч., лепная посуда могла попасть на поселение лишь вместе с представителями или, скорее, представительницами окружающих культур.

Вернемся, однако, к лепесовским гончарным вазам. Хотя пиктографические рисунки лепесовских сосудов не поддаются расшифровке и прочтению, многие из используемых знаков повторяются и на сходных пиктограммах из других мест, и сам факт их распространения достаточно знаменателен.

Мы можем найти подобные и на вельбаркской керамике, в частности, на одной из мисок, обнаруженных в той же Лепесовке (Тиханова 1964: рис.18:4; Щукин 1989: рис.3:4; I Goti....1994: Fig. I, 51, p.57. В последнем издании она ошибочно отнесена к вещам, происходящим из Пруща-Гданьского), а также у предшественников вельбаркцев в Поморье, носителей культуры оксывской (Рис. 7:6; Prahistoria…1981: tabl. XIX,2), и у северных соседей вельбаркцев, жителей острова Борнхольм (Klind-Jensen 1957: Fig. 93:1; 96), и в других памятниках Циркумбалтийского региона.

На острове Готланд на могильнике Удвиде сходные знаки были выложены из камней внутри концентрических каменных кругов, опоясывающих одно из захоронений позднеримского времени (Manneke 1987: 216).

Традиция таких пиктограмм, иногда действительно имеющих календарный смысл, существовала в Скандинавии достаточно долго, о чем свидетельствует, в частности, деревянная шайба с нанесенными на обеих сторонах ее пиктограммами из Остфольда в Норвегии, датированная 1550 годом (Wirth 1974).

По всей вероятности, еще в первые века нашей эры в германской среде возникла потребность передачи информации в графически выраженной форме, что привело, в конечном итоге, к созданию рунической письменности (Werner 1966), а в IV в. — к изобретению того своеобразного шрифта, которым была записана Библия Ульфилы на готском языке. Наряду с этим, очевидно, продолжалось использование и некоего пиктографического письма, и «орнаменты» ваз из Лепесовки — тому свидетельство.

Впрочем, пользовались жители этого поселения и греческим, и руническим письмом, и латынью (Mitrea 1972: fig.3). Из Лепесовки происходит целая серия граффити (Рис. 8) на греческом языке и рунических (Тиханова 1963; Тиханова 1976; Тиханова 1977: 140-141; I Goti...1994: fig. I,95), причем часть их была сделана на сосудах еще до обжига. Лепесовка дает на сегодня наибольшее число надписей, 8 экземпляров, но известны они и на других черняховских памятниках, например, руническая надпись на пряслице из Леткани в Румынии (Ioniţa 1972: fig. 2), недавно был обнаружен гребень с руникой (Рис. 8: 3) на одном из поселений в восточной части черняховского ареала, в Белгородской области (Ерошенко, Семенов 1998), а при раскопках поселения у хутора Одая в Молдавии нам довелось найти обломок черняховского сосуда с обрывком двустрочной греческой надписи (рис. 9:1). Черняховцы были в достаточной мере грамотны.

Особый интерес может представлять надпись на толстом лепном черепке из жилища 26 поселения Черепин во Львовской области (Баран 1981: рис.45), сделанная по сырой глине до обжига сосуда. Черепок, к сожалению, слишком мал, чтобы представить себе форму сосуда, но ясно, что он принадлежит к одному из типов лепных горшков, характерных для Рипневского варианта черняховской культуры.

В.Д. Баран прочитал надпись как LADO или LADOI, сделанную странным сочетанием смеси греческих и латинских букв. Считал ее славянской. Но Г.Нудьга и Г.Марченко увидели здесь слово этрусского или оскского языка (Нудьга 1979; Марченко Г. 1982). Такое прочтение выглядит несколько фантастично, опубликовано в популярном журнале, и можно было бы не относиться к этому серьезно. Однако, если мы вспомним, что Черепин находится в области бывшего расселения бастарнов, вспомним о загадочности происхождения этого исчезнувшего этноса, бывшего, по всей вероятности, одним из «третьих» народов «между германцами и кельтами» (Щукин 1994: 116-137), то трактовка названных авторов может показаться и не столь невероятной. Впрочем, решать эту проблему должны специалисты по эпиграфике и лингвисты, а они, насколько нам известно, надписью из Черепина еще не занимались.

Определенным свидетельством «цивилизованности», и уж во всяком случае, показателем высокого профессионализма черняховских ремесленников могут служить многочисленные роговые и костяные гребни — наборные, составленные из ряда подогнанных друг к другу пластинок в три слоя. Из нескольких пластинок с зубцами составлялась основа гребня, зажатая как «сэндвич» двумя крупными пластинами, образующими ручку или «спинку» гребня. Вся конструкция скреплялась бронзовыми или железными штифтами-заклепками. Изготовление таких гребней было делом и достаточно трудоемким,

и требовавшим тщательности и точности.

Гребни такого рода известны не только в черняховской культуре, и карта распространения различных их типов достаточно любопытна и показательна (Щукин 1977: рис. 1). Она составлена еще в 1977 году по данным З.Томас (Thomas 1960), Г.Ф.Никитиной (1969) и А.Хмелёвской (Chmielowska 1971) и сейчас, естественно, не может претендовать на полноту, но основные тенденции она все же где-то отражает.

Гребни с полукруглой или сегментовидной спинкой, бытовавшие в основном в III веке и приблизительно до середины IV века, а наиболее обильно представлены они в Поэльбье, в Поморье, в Мазурии и в южной Скандинавии. На черняховских памятниках их тоже достаточно много, но их почти нет в Среднем Подунавье.

Гребни с трапециевидной спинкой не столь многочисленны, как полукруглые, известны они и черняховской культуре, и рассыпаны по всему ареалу распространения гребней от Везера и Эльбы и от Балтики до Черного моря. Примечательно их преобладание, по сравнению с другими областями, в Ютландии. Изредка встречаются они и в Среднем Подунавье. В черняховской культуре, судя по корреляции в комплексах, они занимают сравнительно раннюю хронологическую позицию (Бажан, Гей 1992; Шаров 1992; Щукин, Щербакова 1986: 191).

Относительно более поздние гребни с полукруглыми или фигурными выступами на спинке достаточно разнообразны и многочисленны в черняховской культуре, рассыпаны по всей территории от Поэльбья до Повисленья, но почти полностью отсутствуют в Скандинавии. Зато определенная концентрация их наблюдается в Среднем Подунавье, в частности, и в пределах Римских провинций.

Специфику же западных, Везерско-Эльбских земель составляют гребни с треугольной спинкой (Thomas 1960: 49-101). На остальных территориях они редки, а в черняховской культуре встречен такой гребень лишь однажды — в погребении 356 могильника Данчены (Рафалович 1986: табл. LI, 19; Щукин, Щербакова 1986: 191).

Нетрудно заметить, что трехслойные гребни практически почти полностью отсутствуют в Порейнье, в Галлии, на Верхнем Дунае и вообще в пределах Империи, там пользовались по преимуществу двусторонними расческами, изготовленными, впрочем, в той же «трехслойной» технике. К носителям черняховской культуры они попадали лишь изредка (Mitrea, Preda 1966: Fig. 33, 2).

Одиночные находки односторонних «черняховских» гребней отмечены, правда, и вне основного их ареала, в частности, на юге Галлии (Kazanski 1985), в Испании (Rodriguez-Aragon 1996: fig.1.), несколько больше на Среднем Рейне и в Среднем Подунавье, но это, как правило, поздние варианты, и их находки обычно связываются с проникновением сюда германцев в начале V века. Сравнительно редки находки гребней и в сарматских памятниках, и в Крыму, хотя отдельные тоже встречаются.

Очевидно лишь одно: гребень — характерный предмет германского мира позднеримской эпохи, и по этому показателю черняховская культура в этот мир вписывается.

Мы не знаем, какие прически носили черняховцы, на этот счет у нас нет данных. Завязывали ли длинные волосы в узел над правым виском, как это делали свевы (Tac. Germ.38), что зафиксировано и болотными находками из Шлезвиг-Гольштейна (Schlabow 1949), и имеющимися бронзовыми фигурками, изображающими германцев — статуэтка из Национальной Библиотеки в Париже (Germanen... 1976: Taf. 37), головки на ручках бронзового сосуда из Мушова в Чехии (Tejral 1995: Abb. 5:1), бюст свева из Бригеццио на Среднем Дунае (Bona 1963: Abb. 6). Или же они, подобно готам, телохранителям императора Феодосия, носили «пажескую» прическу с низкой челкой на лоб и тщательно расчесанными волосами по плечи, как это можно видеть на знаменитом серебряном блюде из Мадрида. Очевидно, однако, что, как и у прочих германцев, у черняховцев было особое отношение к волосам и прическе, один из элементов не столько материальной, сколько духовной, этнически значимой культуры. Иначе не изготовлялись бы с таким тщанием столь обыденные вещи, как расчески, не помещали бы их так часто в могилы, и в женские, и в мужские.

Примечательно и распространение роговых однослойных гребешков предшествующего времени, I-II вв. н.э. Они проще и меньше, изготовлены либо из одной пластинки рога, либо из нескольких, соединенных продольными штифтами. Основной ареал их распространения лежит между Эльбой и Западным Бугом, не редкость их находки и в Скандинавии.

Хорошо представлены они и на вельбарском могильнике Брест-Тришин (Кухаренко 1980). В черняховской культуре они — редкость, известны лишь в Лепесовке и в Ружичанке, в погребении 8 (Винокур 1979: Рис.6:5), на памятниках наиболее ранних для черняховской культуры, хотя в последнем случае одночастный трапециевидный гребень попадает по корреляции не в изначальную, а в последующую фазу развития могильника (Бажан, Гей 1992: рис.1; Шаров 1992: Табл.VI, 85).

Это, однако, не меняет основного наблюдения, сделанного Зигрид Томас: на рубеже раннеримского и позднеримского времени, на рубеже II и III веков, происходит смена одночастных или однослойных гребешков на более сложные в изготовлении, но более удобные в употреблении трехслойные гребни. Это совпадает во времени с процессом формирования черняховской культуры. Естественно, в последней

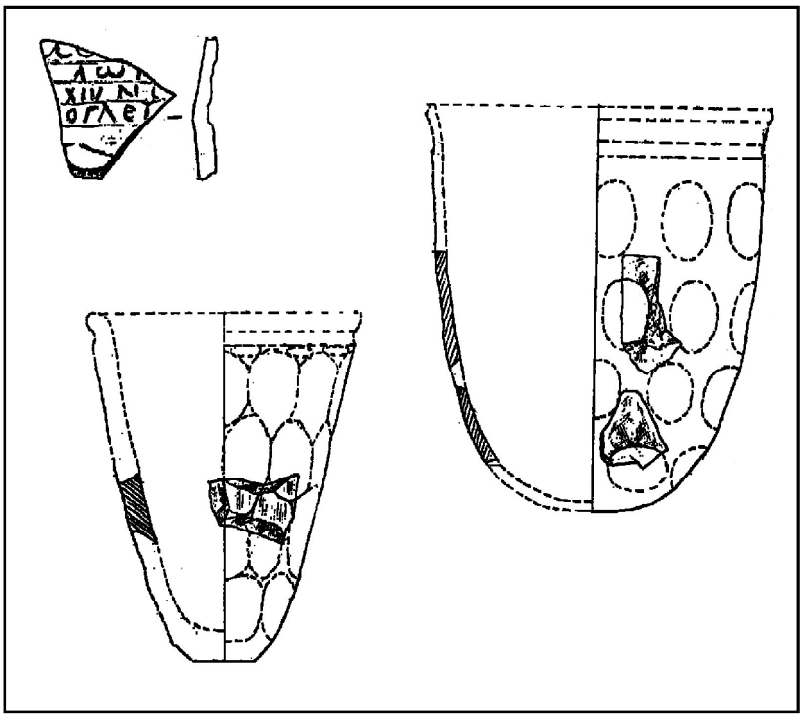

Рис. 9. Греческая надпись на гончарном сосуде с поселения черняховской культуры у хут. Одая и фрагменты стеклянных кубков оттуда же.

однослойные гребешки встречаются лишь в виде запаздывающего исключения. Кстати, мастерские по изготовлению трехслойных гребней выявлены лишь в области черняховской культуры — в Бырлад-Валя-Сяка в Румынии (Palade 1969; I Goti.... 1994, pp.94-96) и в Великой Снитинке на Украине (Магомедов 1992; I Goti....1994: 88-92). Не исключено, что именно черняховские мастера изобрели под влиянием римских образцов такую конструкцию гребня и распространили ее на остальной германский мир, хотя вопрос еще нуждается в уточнении.

Любопытно, что на поселении киевской культуры Александровка на Черниговщине обнаружены остатки косторезной мастерской, где изготовлялись пластинки из рога лося и благородного оленя — заготовки для трехслойных гребней, но ни одна из них не имеет ни сверленых отверстий для заклепок, ни нарезки зубцов (Терпиловский, Шекун 1996: 25-26, 32- 33). Вероятно, эти более сложные в техническом отношении операции осуществлялись уже более квалифицированными черняховскими мастерами, которым жители Александровки поставляли полуфабрикаты. Любопытный пример производственной кооперации.

Еще одним показателем высокой степени «цивилизованности», относительной благополучности и даже богатства черняховского населения являются частые находки разнообразных стеклянных кубков, которые в римское время ценились варварами чуть ли не на вес золота. Не случайно в случае их ремонта использовали именно золотые пластинки (Straume 1977). А в черняховской культуре еще к 1987 году было известно 175 сосудов со 166 памятников (Лихтер 1987). Сейчас число их значительно возросло. Обломки стекла встречаются практически почти на каждом черняховском поселении (Рис. 9: 2-3).

Сосуды разнообразны — есть и чашечки с рельефными ребрышками в нижней части тулова или более поздние — с каплями синего стекла, и высокие конические кубки на небольшой ножке, украшенные овалами из накладных нитей, иногда с заздравными греческими надписями вроде: «пей, живи и радуйся». Но больше всего кубков конических, украшенных или прошлифованными овалами, или сплошь покрывающими поверхность восьмигранными фасетками. Нередки и высокие конические гладкие кубки. У всех этих сосудов нет ножки, и стоять они могли только в опрокинутом виде. У варваров, очевидно, было принято пить до дна. А некоторые из кубков весьма вместительны.

Кубки-чашечки иногда имитировались и в глине. Они тоже тщательной выработки и богато орнаментированы. Это еще один специфический элемент черняховской культуры. Кстати, привычку имитировать стеклянные стаканообразные сосуды имели и носители вельбаркско-цецельской культуры.

Такие найдены, например, в Дытыничах (Смішко, Свешніков 1961) и в Брест-Тришине (Кухаренко 1980: табл. XXI, 33). Их стеклянные оригиналы, произведенные, скорее всего, в Кёльнских мастерских, хорошо представлены на могильнике Полвиттен в северо-восточной Польше (Eggers 1966). Образцы таких глиняных имитаций мне доводилось видеть и в Дании, в Орхусской коллекции материалов из могильника Слюссельгард на острове Борнхольм. К со-

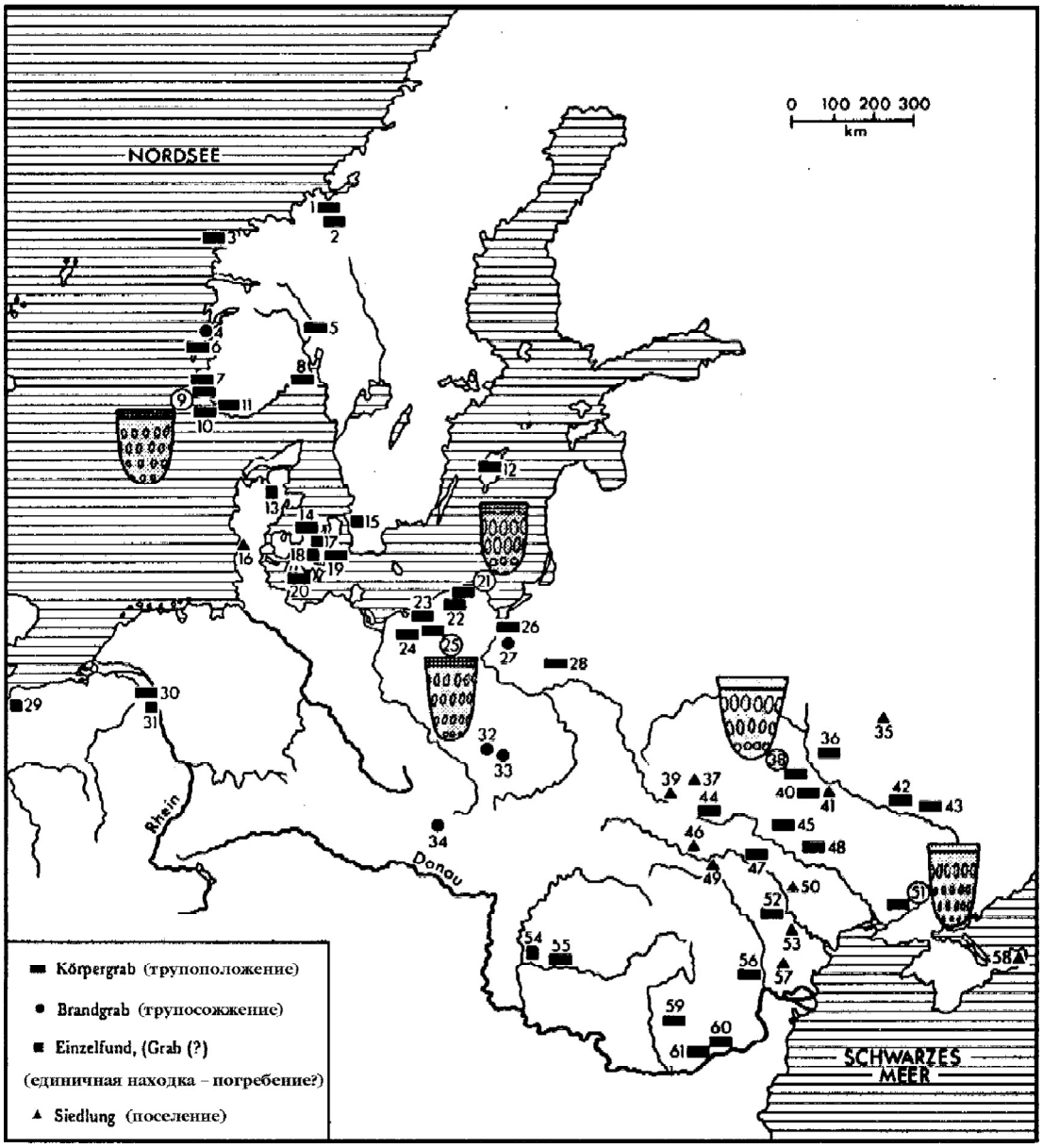

Рис. 10. Распространение кубков с прошлифованными овалами типа Ковалк по Г. Рау и И. Вернеру.

жалению, они не попали в известную публикацию этого могильника Клиндтом-Ессеном (Klindt-Jessen 1978).

Кубки с прошлифованными овалами, близкие форме 230 по классификации Эггерса, вариант Ковалк, и фасетированные конические кубки типа Эггерс 234-237, вариант Хёгем (Eggers 1951), представляют наибольший интерес, поскольку карта их распространения дает весьма любопытную картину (Рис. 10).

Кроме широкого распространения в ареале черняховской культуры, определенная концентрация находок наблюдается в Польском Поморье, в Дании и в Норвегии. В промежуточных и соседних землях — лишь единичные находки, а в целом их массив вытягивается цепочкой от берегов Северного моря до Черноморского побережья.

Самые ранние кубки типа Ковалк, еще сравнительно тонкостенные, с прошлифованными овалами, появляются еще в конце III века, о чем свидетельствует, например, находка фрагментов такого сосуда в погребении 1 раскопок 1926 года в Лёйне (Schulz 1953: Abb.27; Шаров 1992: 175) конца III в., затем они становятся толстостенными, фасетированными и в разных вариациях существуют на протяжении всего IV века (Rau 1972; 1975; Straume 1987; Näsman 1984).

Впрочем, и толстостенные сосуды, возможно, появились сравнительно рано. Два из них — чашечковидный, Эггерс 231, из толстого стекла пурпурного цвета, с прошлифованными овалами, и светло-зеленый стаканообразный с фасетками, сочетались с золотой монетой-подвеской императора Проба (276-282 гг.) в погребении Варпелев в Дании (Engelhardt 1877; Rau

1975).

Относительно датировки этого комплекса, типологии кубков и их более детальной датировки существует дискуссия, но мы не будем сейчас вникать в ее детали. В общем и целом расхождения не столь уж существенны.

Важно другое — распространение стеклянных сосудов с неизбежностью свидетельствует о существовании неких постоянных контактов между побережьем Северного моря и Причерноморским регионом через Балтику и Польское Поморье на протяжении конца III и в течение IV века.

Особо встает вопрос о происхождении этих стекол, и здесь возможны две версии: или они производились мастерами Нижнего Порейнья, где такие сосуды действительно известны, а затем через Норвегию и Данию распространялись по указанной диагонали Балтика-Черноморье, либо они происходят из Восточных провинций Империи, в частности из Сирии и Египта, древних центров стеклоделия (Ekholm 1963). Но ни та, ни другая версия не может быть доказана с достаточной очевидностью.

Тогда возникают два варианта третьей версии. Эльдрид Штрауме предполагает, что эти специфические стекла, а они вне пределов названной диагонали действительно редки, производились местными мастерами Норвегии (Straume 1987), а Гюнтер Рау думает, что основным местом их производства был Прикарпатский регион, в частности, область черняховской культуры, где имеется достаточное количество дубовых и грабовых лесов, дающих сырье для высокотемпературного древесного угля, необходимого для варки стекла (Rau 1975).

Но этим предположениям возражают специалисты-стекольщики: рецептура и технология варки стекла слишком сложна, чтобы ее можно было освоить в новых районах, лишенных древних традиций, найти заново все необходимые составляющие, необходимое сырье. Варвары этих традиций и знаний были лишены.

Остается предположить, что стекла, распространенные вдоль названной диагонали, а перевозить готовые стеклянные сосуды на дальние расстояния вряд ли возможно из-за хрупкости, были изготовлены артелями бродячих мастеров, знавших древние традиции, выходцев из античного мира. Не суть важно, были ли они выходцами из Восточных провинций Империи или из Порейнья, тем более, что последние, поселившиеся в Порейнье, тоже были выходцами с Востока (Fremersdorf 1965-1966). В пределах Империи такие передвижения мастеров, из Сирии на Рейн, были вполне возможны.

Так или иначе, эти подвижные артели мастеров, переходивших от одного поселка к другому, от двора одного из варварских вождей к другому, могли бы налаживать заново производство стеклянных сосудов, соблюдая те формы, которые стали излюбленными и модными в среде их потребителей.

Вряд ли в каждом новом месте мастера могли с легкостью обнаружить все необходимые компоненты для рецептуры стекла, но если они привозили с собой фритту, стеклянный бой или специальные заготовки уже сваренного стекла, и имели возможность, благодаря постоянным контактам с исходным регионом, обновлять эти запасы, то разогреть готовое стекло и произвести новые изделия уже не составляло особых трудностей. Необходимое оборудование и материалы можно было добыть и на месте — построить соответствующие печи, обжечь древесный уголь для них, сделать шлифовальный станок и прочее. При наличии определенной квалификации все это вполне доступно.

В ареале черняховской культуры остатки стеклодельной мастерской открыты лишь однажды у с. Комаров в Верхнем Поднестровье (Смішко 1964), но производилось там стекло гутное, тонкостенное, светлое, аналогичное римскому, и работала мастерская еще в III веке (Щапова 1978), где-то на начальных стадиях черняховской культуры. Мастерские, выпускавшие зеленоватое, толстостенное, шлифованное стекло, пока не известны ни в области черняховской культуры, ни в остальном Европейском Барбарикуме. Впрочем, если наше предположение о бродячих мастерах верно, то и отыскать остатки их кратковременных мастерских будет сложно. Впрочем, в одной из хозяйственных построек Лепесовки следы работы со стеклом выявлены.

В связи со сказанным определенный интерес могут представлять хранящиеся в Эрмитаже материалы из раскопок С.С. Гамченко в 1913 году в Подольской губернии (Колл. № 2018) — несколько типичных гончарных черняховских сосудов, большой толстостенный конический кубок светлого стекла и массивный стеклянный шар темнозеленого цвета диаметром 7,5 см. Не в таком ли виде привозилась фритта для производства толстостенных сосудов? К сожалению, аналогии этому изделию нам не известны, документация же об условиях находок тоже не сохранилась.

Ярким свидетельством северо-западных связей черняховского населения и, очевидно, того же происхождения части носителей этой культуры являются длинные наземные дома, где зачастую под одной крышей располагается и жилое помещение, и хлев или мастерская. Выразительная серия таких построек была открыта при раскопках поселения в Лепесовке. Некоторые из них погибли в сильном пожаре, но именно это обстоятельство позволило проследить целый ряд деталей конструкции и внутреннего убранства — деревянные перегородки стойл и сноп соломы в хлеву, остатки ткацких станков в жилой части и др. (Тиханова 1963; 1964; 1970; 1973; Tikhanova et al. In Druck). Известны длинные двухчастные дома и в других

местах — в Молдавии, на Южном Буге, в Поднепровье (Рикман 1962; 1975; Магомедов 1989; Журко 1983). К 1983 году такие постройки были зафиксированы на 84 поселениях, в 20 случаях была выявлена их двухчастность (Журко 1983).

Как уже было неоднократно отмечено, такие постройки не имеют местных корней в Причерноморье, их не строили здесь ни в одну из предыдущих эпох, но зато подобные, так называемые Wohnstallhauses, хорошо известны на севере Европы, причем в сравнительно узком регионе: в основном это Ютландия и южное побережье Северного моря, несколько меньше их в Швеции и на севере междуречья Эльбы и Одера. Имеются некоторые подобные постройки и в области вельбаркской культуры, хотя вельбаркские поселения вообще пока исследовались мало (Тиханова 1963: 182; Тиханова 1970: 90-92; Щукин 1977: рис.3; Giffen 1958; Hatt 1953; Hvass 1985; Martens 1989; Germanen...1976: 309-317; Zippelius 1953; Bender, Barankiewicz 1962; Skworon 1972). И на севере Европы традиция таких построек прослеживается от эпохи бронзы до викингов.

Естественно, имеются вариации в размерах и конструкции жилищ. Черняховские, как правило, не превышают в длину 20 метров, а в Ютландии не редкость и более длинные — до 50-60 метров. Большая часть черняховских длинных домов имеет глиняно-плетневую конструкцию стен. Остатки таких домов, если они сгорели, выявляются в виде развалов глиняной обмазки, а на севере Европы, особенно в Ютландии, наряду с таким же глиняно-плетневым устройством стен, чаще применялась конструкция из трех или четырех рядов мощных столбов, несущих крышу, а сами стены складывались, по всей вероятности, просто из вырезанных из дерна блоков. Известны и этнографические параллели таким постройкам.

Однако и в черняховской культуре подобные двух- или трехнефные сооружения тоже встречаются: в Будештах и в Собаре в Молдавии, в Шершнях и Курниках на Южном Буге (Магомедов 1989). Если такой длинный столбовой дом не сгорал в сильном пожаре, а был просто заброшен обитателями, то археологам достаются лишь ряды столбовых ям, что и наблюдается часто в Ютландии. Но и на черняховском поселении Одая нам удалось зафиксировать аналогичный случай: два ряда мощных столбов, державших, вероятно, балки перекрытия, снаружи сопровождались двумя рядами менее крупных, подпиравших концы ската крыши, стены же были, по всей вероятности, дерновыми. Не исключено, что таких построек в черняховской культуре могло бы быть и больше, но из-за специфики украинских и молдавских почв ямки от столбов обычно прослеживаются не очень отчетливо, требуются специальные усилия по их выявлению. Иногда раскопщики могли их и пропустить или не заметить системности их расположения.

На островах Борнхольм и Готланд в конструкции стен длинных домов использовались иногда и камни. Каменные же конструкции в основании стен известны, как уже говорилось, на памятниках южного, киселовского варианта черняховской культуры, хотя планировка жилищ тут несколько иная и исследователи усматривают здесь или наследие жителей хоры античных городов, или традиции домостроительства поздних скифов нижнего течения Днепра (Гудкова 1967; Магомедов 1987).

К сожалению, до сих пор никто не проводил детального сравнения домостроительства Ютландии, Нидерландов, Северной Германии и областей вельбаркской и черняховской культур в общем контексте, а это могло бы принести любопытные наблюдения. Однако детали здесь не столь уж важны, существенно, что идея совмещения под одной крышей жилого помещения и хлева имеет долгую традицию на севере Европы и она полностью отсутствует в предчерняховское время в Причерноморье. Без каких-либо контактов носителей черняховской культуры с Северной Европой появление такой конструкции жилища вряд ли было возможным.

Кроме длинных домов, в черняховской культуре имеются и небольшие жилища-полуземлянки, каковые не проливают света на проблему происхождения культуры, поскольку аналогичные можно найти и во всех предшествующих культурах, и у ближайших соседей — в зарубинецкой и липицкой культурах, у пшеворцев, у жителей Словакии, Чехии, Южной и Центральной Германии. Это явление общеевропейское. К 1983 году полуземляночные жилища были выявлены на 72 черняховских памятниках. Вспомним, что длинные дома были зафиксированы на 84 поселениях (Журко 1983: 7-13).

Иохим Вернер (1988) обратил внимание еще на один случай, демонстрирующий Балто-Черноморские контакты, вероятно через носителей черняховской культуры, а именно на удивительное совпадение стиля и сюжетов изображений на трехрогих золотых лунницах из клада в Брангструпе на острове Фюн в Дании с монетами от Деция (249-251 гг.) до Диоклетиана (284-305 гг.) и из района Сквиры в Среднем Поднепровье (Фундуклей 1848), восходящих, в конечном итоге, к античным прототипам. Один из сюжетов — фигура человека между двумя львами — мог бы рассматриваться как весьма популярный в раннем христианстве мотив мучений пророка Даниила во рву львином (Werner 1988: Abb. 19,1), хотя прочие изображения носят вполне языческий характер.

Весьма примечательна и еще более противоречива история происхождения такого специфического элемента черняховской культуры, как железные подвески в виде миниатюрных ведерок, благо на этот счет есть специальное исследование (Бажан, Каргопольцев 1989).

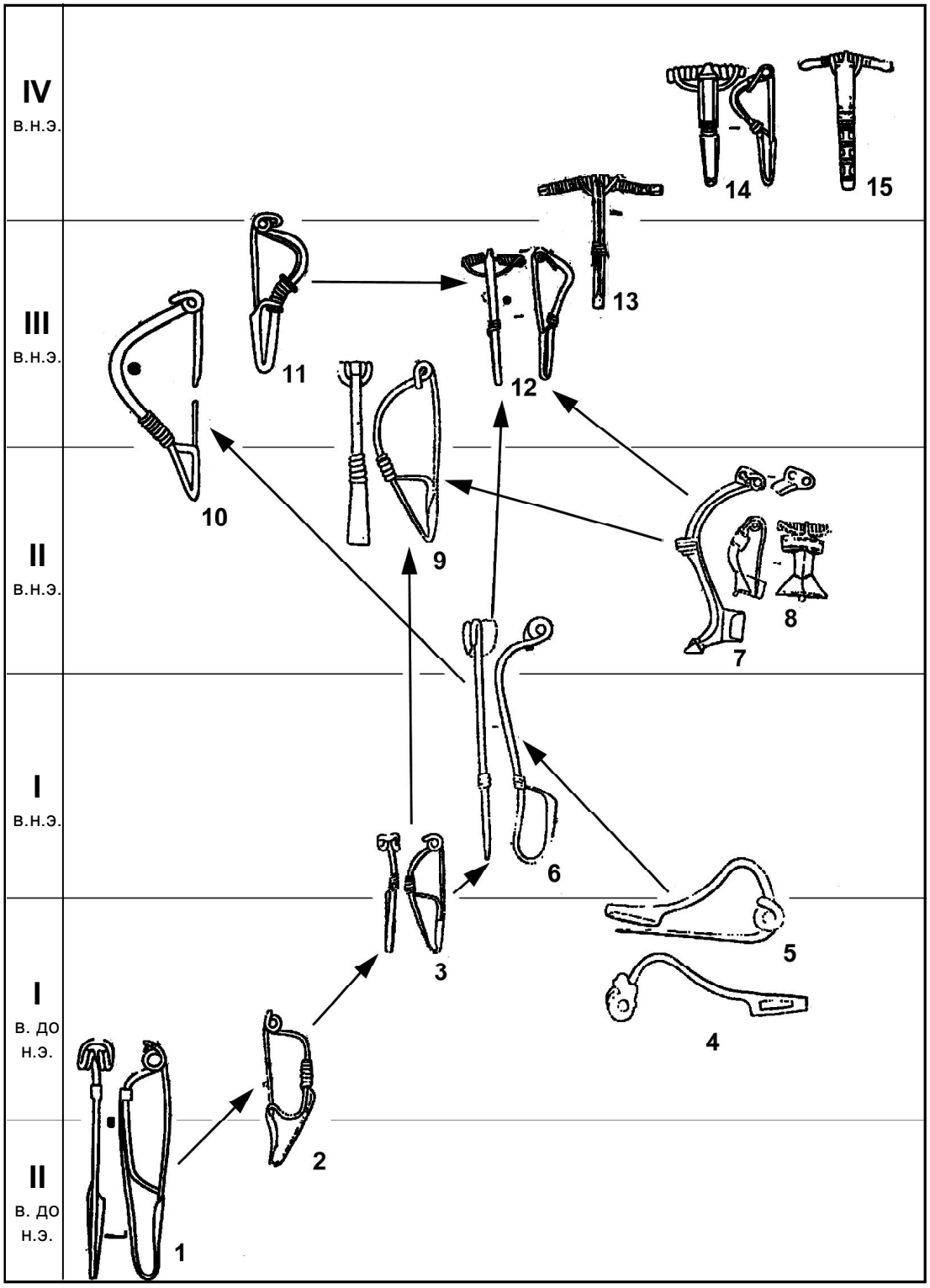

Рис.11. Схема эволюции "подвязных" фибул I в. до н.э. — III в.н.э. по данным О. Альмгрена, А.К.Амброза и др.

Иногда эти украшения находят в могилах поодиночке, иногда — в составе ожерелий. Предполагается, что внутри этих емкостей находились некие ароматические вещества.

В результате исследования выяснилось, что древнейшие находки такого рода известны еще во II-I вв. до н.э. в Северном Причерноморье. Идея их восходит к античным трубочкам-подвескам, содержавшим или ароматические вещества, или кусочки папируса с записанными на них заклинаниями-абракадабрами. Самые ранние золотые подвески-ведерки происходят из Танаиса и из Окницы в Румынии, железная же подвеска-ведерко — из одного из погребений

могильника Долиняны бастарнской культуры Поянешты-Лукашевка.

В I в. н.э. число таких украшений значительно возрастает. Они известны в некрополях Ольвии, Херсонеса и других античных городов, но еще чаще они происходят из сарматских и скифских захоронений Причерноморья. Железных среди них немного, чаще бронзовые, изредка золотые, некоторые — в виде спаренных ведерок. Одновременно подвески-ведерки попадают и к носителям пшеворской культуры. Судя по находке в погребении 486 могильника Задовице совместно с фибулой Альмгрен 68, это могло произойти в сороковые-семидесятые года н.э. Пшеворцы, в отличие от сарматов, делали подвески из железа.

Несколько позже, во II веке, и, главным образом, во второй его половине, такие украшения распространяются еще шире в Центральной Европе. Они появляются у германцев, живущих между низовьями Одера и верховьями Эльбы, в Венгрии, в Карпатском бассейне — у Дунайских сарматов, у карпов, носителей культуры Поянешты-Выртешкой. Последние, наряду с обычными железными, часто носили и серебряные, специфические для этой культуры, украшенные зернью и филигранью (Bichir 1976: plate CLXIV, 7-10; CLXXVIII, CLXXYV, CLXXIX). Впрочем, начиная со ступени B-2/C-1, а главным образом на ступенях C-1 и C-2, и носители пшеворской культуры начинают употреблять филигранные золотые подвески-ведерки. Ни железные, ни золотые подвески этого рода почти не встречаются в области вельбаркской культуры.

А тем временем, в течение II — начала III в. н.э., подвески-ведерки полностью выходят из моды как в сармато-скифской среде, так и у греков Северного Причерноморья. Ни одной находки этого времени здесь не известно.

Затем, в связи с процессом формирования черняховской культуры, многочисленные железные ведерки и изредка золотые филигранные вновь появляются в Причерноморье, на этот раз в виде северо-западного культурного импульса. Они становятся характерным признаком черняховской культуры, хотя продолжают употребляться и по всей диагонали Балтика — Черное море, на юге попадают и в Крым (Кропоткин 1978: 156-157), и даже на Кавказское побережье, в Цебельдинскую долину (Воронов, Юшин 1979: 191-192, рис. 7:9). В Западной и Центральной Европе они продолжают встречаться и в эпоху Великого переселения народов.

Аналогичную картину рисует также более тщательное и детальное исследование подвесок-ведерок, предпринятое недавно Инес Байлке-Фойгт (Beilke-Voigt 1998: 51-88), которой, к сожалению, параллельно и независимо сделанная работа Бажана-Каргопольцева по ряду обстоятельств осталась неизвестной.

Любопытно, что приблизительно такую же линию эволюции дают и так называемые «фибулы с подвязной ножкой», что было подмечено еще Оскаром Альмгреном (Almgren 1897; 1923). В несколько модернизированном виде, не излагая всю историографию вопроса — а дискуссия была длительной и пересказ ее перипетий занял бы слишком много места (см. Амброз 1966: 12-14; 19-25; 46-67), — но с учетом и многочисленных последующих работ, схематически и упрощенно эту линию можно представить следующим образом.

Во II-I вв до н.э. повсеместно в Европейском Барбарикуме изготовлялись по кельтским образцам среднелатенские проволочные фибулы с ножкой, прикрепленной сверху к спинке. Есть они и у бастарнов, носителей поянешты-лукашевской и зарубинецкой культур, обитателей лесостепной части восточной Европы. От последних или в результате контактов непосредственно с кельтами попадали такие застежки к сарматам степей, к скифам Нижнего Поднепровья и Крыма, иногда и в античные города. Здесь, а может быть, и не без влияния кельтов-галатов Малой Азии, был выработан специфический «неапольский вариант» среднелатенских фибул с ножкой, прикрепленной к спинке не скрепой, а многорядовой спиральной обвязкой проволочного конца ножки вокруг спинки (Рис. 11-12).

Причерноморские мастера, пытаясь воспроизвести эту схему, конструкцию упростили и вместо того, чтобы загибать конец ножки вверх, стали прикреплять его к спинке снизу, используя тот же прием обмотки, как в неапольском варианте. Появились так называемые лучковые фибулы, специфический элемент культур Причерноморья. Случилось это где-то около рубежа эр.

Но к тому времени уже изменилась мода в кругу латенизированных культур Европейского Барбарикума — среднелатенские фибулы были постепенно вытеснены во второй половине I в. до н.э. позднелатенскими без какой-либо подвязки, но с сильно прогнутой спинкой (Рис. 11). Они тоже широко распространены по всему Барбарикуму, но хорошо представлены и на позднем этапе зарубинецкой культуры.

К моменту распада зарубинецкой культуры около середины I в. н.э. носителям постзарубинецких групп были известны и сарматские лучковые подвязные, и прогнутые позднелатенские фибулы. Сочетанием их элементов и была создана не очень многочисленная, так называемая «Верхнеднепровская серия» фибул (Рис. 11:6). Распространяясь через лесную зону Восточной Европы, где таковые действительно известны, идея прогнуто-подвязной конструкции, по мнению А.К.Амброза, достигла Прибалтики и Северной Европы, где и была разработана специфическая и многообразная серия подвязных фибул.

Существует и другая версия происхождения североевропейских подвязных фибул — через

контакты сарматов, появившихся на территории нынешней Венгрии, с германцами (Kolnik 1965), через одночастные фибулы достаточно многочисленной, так называемой, «среднеевропейской серии» (Амброз 1966: 58-64). Обе версии по степени доказательности пока равнозначны.

Но североевропейские подвязные фибулы имеют еще один специфический элемент — двухчастность конструкции. В отличие от вышеупомянутых, сделанных из одного куска проволоки или из заранее рассчитанной одной заготовки, игла и пружинный аппарат североевропейских изготовлены отдельно и соединены с корпусом застежки или через специальную петлю на головке фибулы, или через пластинку с отверстием. Такая «арбалетная» конструкция фибул с подвязной ножкой появилась не ранее конца II века и, по всей вероятности, была воспринята от мастеров, изготовлявших разнообразнейшие литые фибулы раннеримского времени (Рис. 11:7-8), для которых отдельное изготовление литого корпуса и проволочного пружинного аппарата вполне естественно. Впрочем, сама идея такого устройства родилась, вероятно, из знакомства и комбинации конструкций римских шарнирных фибул и кельтских пружинных, что случилось еще около рубежа нашей эры. Где произошло слияние арбалетной конструкции с прогнутостью спинки и подвязкой ножки, сказать трудно. Это с равным основанием могло иметь место и в Среднем Подунавье, и в Прибалтике.

Фибулы с подвязной ножкой и с «арбалетным» устройством пружинного аппарата в разнообразных вариантах получили широкое распространение по всей Европе, а в черняховскую культуру и в Причерноморье были привнесены, возможно, со второй Дытыничской волной вельбаркского проникновения. Идея подвязной ножки вернулась как бы к своим истокам. Черняховские мастера создали и некоторые специфические варианты таких фибул.

Продолжавшие бытовать в Причерноморье лучковые фибулы с середины III века тоже стали двухчастными, но в черняховской культуре их практически нет (Амброз 1966: 52-54).

Можно было бы рассмотреть таким же образом и другие категории вещей черняховской культуры — разнообразные пряжки, поясные и обувные, прочие варианты фибул, украшений и т.д. И это еще предстоит проделать в другом месте, но вряд ли при этом обнаружится что-либо принципиально новое, будет еще раз продемонстрирован широкий спектр связей, многообразие составляющих компонентов.

Останется, однако, необъяснимым сам феномен черняховского культурного образования. Откуда очевидное благополучие и многочисленность этого населения? Откуда высокая степень цивилизованности и владение «высокими технологиями» своего времени — грамотность, гончарное производство, жернова, изготовление стекла, гребней и прочее? По всем этим показателям черняховцы заметно превосходят всех прочих варваров Европы. Откуда, наконец, эта удивительная монолитность культуры на столь обширных пространствах? Чем она была обеспечена? Ведь во всей Европе мы подобного не наблюдаем, там мозаика культурных групп значительно более пестрая. А в Причерноморье мы не знаем подобного ни в предшествующие, ни в последующие эпохи, только в черняховской культуре.

Поскольку истоки черняховской «цивилизованности» явно тяготеют к античному, а точнее сказать, к провинциально-римскому миру, необходимо выяснить, что же в этом мире происходило в период расцвета черняховской культуры? Однако прежде стоит рассказать (в двух словах и не вникая в подробности) об истории исследования и о дебатах по поводу этнической принадлежности культуры.

2. Готы или анты? Из истории дискуссии

Пожалуй, ни одна археологическая культура не вызывала столько споров в советской археологии и столь острых, сколько возбудила черняховская. Начались они, впрочем, еще раньше (Ščukin 1975).

В 1999 году можно было бы отметить 100-летний юбилей начала раскопок преподавателем одной из киевских гимназий и любителем археологии Викентием Хвойкой могильников у сел Черняхово и Зарубинцы. В.В. Хвойко был убежденным автохтонистом, и у него не было сомнений, что все раскапываемые им памятники, и упомянутые, и предшествующие по времени скифские городища, и поселения энеолитической трипольской культуры IV-III тысячелетий до н.э., и, наверное, даже палеолитическая Кирилловская стоянка в Киеве оставлены древними славянами или их предками. Кто же еще мог жить в древности на Киевщине, на исконных славянских землях?!

Несколько лет спустя слухи и первопубликация (Хвойко 1901) достигли Западной Европы, и первым отреагировал на них создатель общеевропейской хронологической системы Пауль Райнеке, написав небольшую заметку «Из русской археологической литературы» (Reinecke 1906). Он сразу же подметил удивительное сходство облика вновь открытых памятников с археологическими материалами Центральной и Западной Европы, соответствие их на могильнике Зарубинцы позднелатенскому периоду, а в Черняхове — позднеимператорскому римскому времени. В отношении последнего он подметил в общей форме и хронологическое соответствие существования могильника с известиями древних авторов о пребывании в

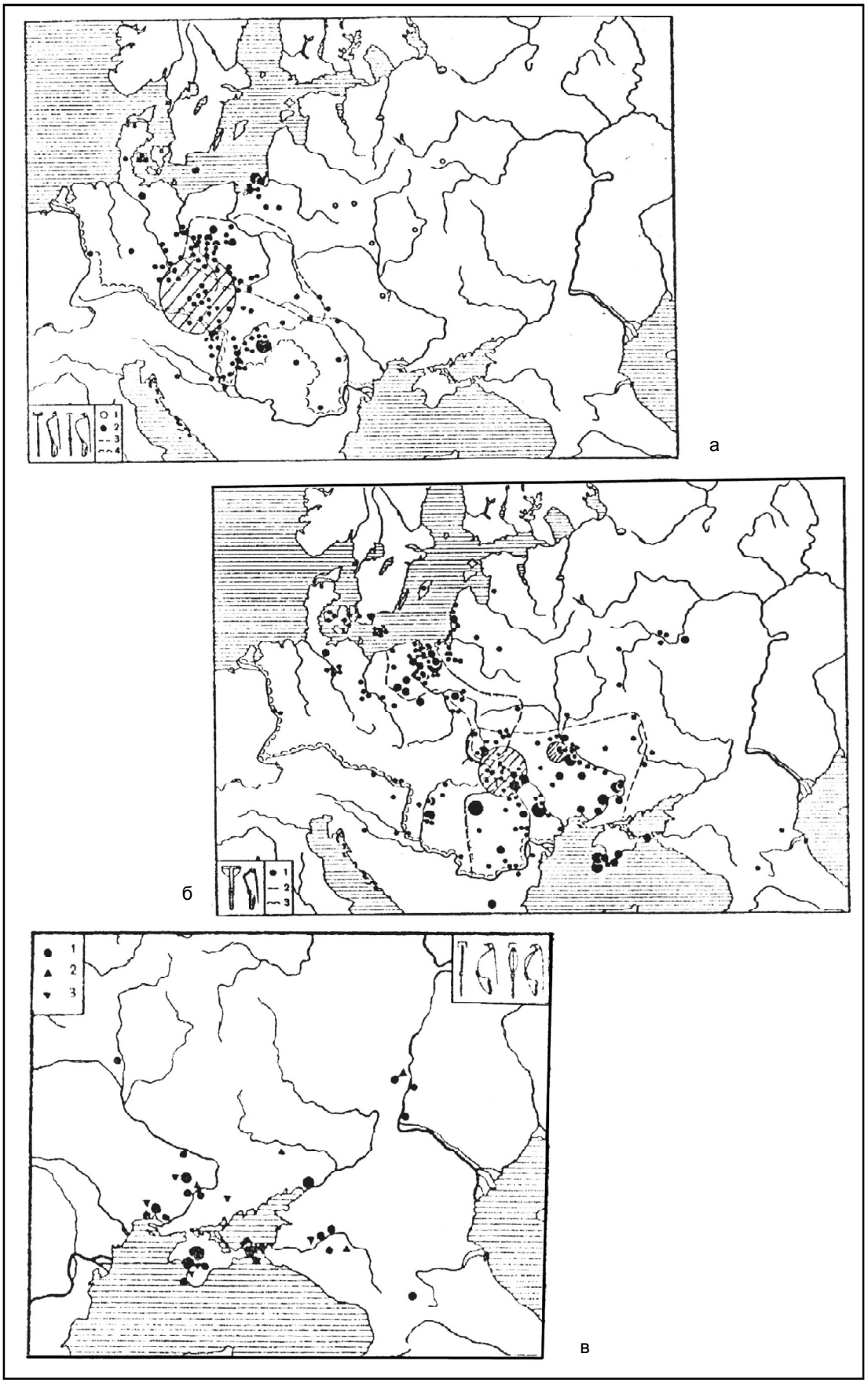

Рис. 12. Картографические схемы распространения "подвязных" фибул разной конструкции (по А.К.Амброзу).

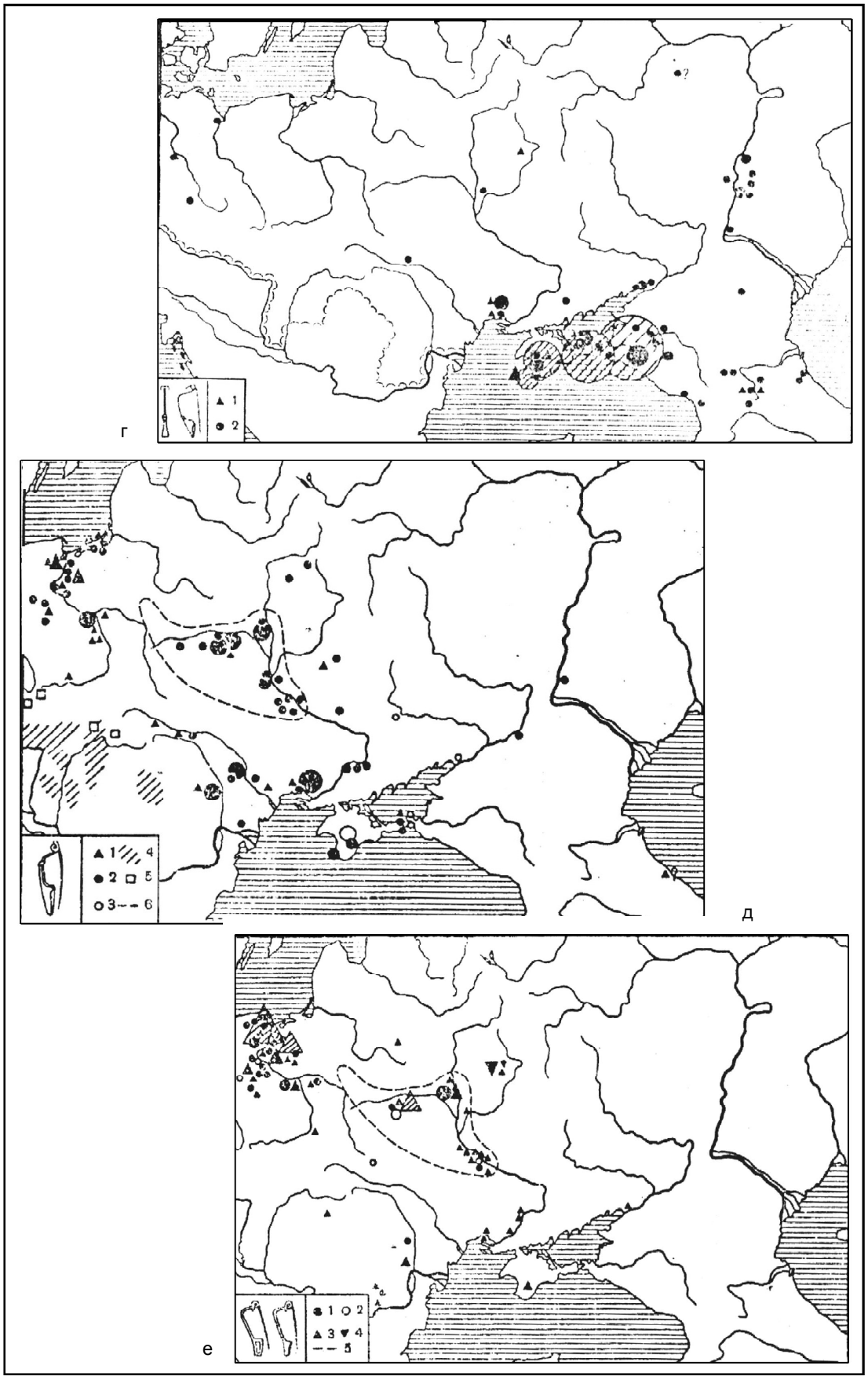

Рис. 12 (продолжение).

Причерноморье готов. Касались этой темы и некоторые другие исследователи, естественно, тоже в общей форме, без специальных разработок (Blume 1912; Brenner 1915; Tackenberg 1930), хотя Макс Эберт даже специально приезжал в Россию и проводил раскопки могильников в Нижнем Поднепровье, в том числе и одного черняховского (Ebert 1913).

Затем последовали Первая Мировая война, революция и Гражданская война в России и ряд пертурбаций в Европе. Никому не было особого дела до каких-то там древностей и их интерпретации, хотя материалы, несмотря на происходящее, продолжали понемногу накапливаться. К 30-м годам в сознании научной и околонаучной общественности сами по себе постепенно сложились устойчивые стереотипы: на Западе — о принадлежности памятников украинских «полей погребений» германцам, в частности готам, а в СССР — славянам. Подсознательно эти стереотипы продолжают сказываться иногда в разной форме и сегодня.

В предвоенные годы вопрос приобрел и политическую окраску. Пропаганда Третьего Райха использовала сложившийся стереотип для обоснования территориальных притязаний, в статьях популярных и полупопулярных изданий появилась соответствующая этой пропаганде фразеология о «grosskräftige Lebendigkeit» и «schopferische Genie» германцев, носителей черняховской культуры (Müller-Qualles 1940: 1183). Коммунистическая пропаганда и советские исследователи отвечали резкой критикой на любые «измышления буржуазных ученых». И на той, и на другой стороне для людей, пытавшихся избежать соответствующих идеологических установок и фразеологии, это могло кончиться печально — замалчиванием работ, концлагерем, расстрелом. Мы не будем сейчас приводить конкретные примеры, это особая тема.

В СССР ситуация сохранялась и в первые послевоенные годы. На волне общей послевоенной антифашистской, антигерманской настроенности и при сохранявшемся сталинском режиме заявить о самой возможности присутствия некогда каких-то германцев на территории Украины было бы безумием, кончающемся в лучшем случае остракизмом со стороны коллег, в худшем — более печальными последствиями. Если у кого-то и были сомнения, их в себе следовало подавить. Безумцев среди исследователей черняховской культуры не оказалось, и думается, большинство авторов, писавших тогда о славянской принадлежности черняховской культуры, были вполне искренни, работало подсознание и выработавшийся за многие годы инстинкт самосохранения (Тиханова 1941: 252, 259; Рыбаков 1948: 41-46; Артамонов 1950: 20-21; Третьяков 1953: 111, 116, 159).

Существенную моральную поддержку своих позиций археологи находили в ставшем почти официальным учении Н.Я.Марра о языке (Алпатов 1991). Согласно одному из тезисов этого учения, произведшего, благодаря многосторонней талантливости личности ее создателя, большое впечатление на научную общественность, языки и народы легко трансформировались один в другой посредством «социальных взрывов». Скифы становились готами, готы — славянами. Особых исторических и археологических доказательств не требовалось, они лежали в сфере языкознания, где авторитет Н.Я.Марра был непререкаем, тем более что его «новое учение о языке» было оформлено марксистской фразеологией.

Далеко не все лингвисты были полностью согласны с Н.Я.Марром, как и не все биологи были согласны с учением И.Т.Лысенко, но соглашаться приходилось, иначе ждала печальная участь, многие ее и испытали, хотя было и достаточное количество более или менее искренне увлеченных. Такова была атмосфера эпохи.

В языкознании, однако, дело обернулось иначе, чем в биологии, где гонения на генетиков были более жесткими и прямолинейными. «Вождь народов» не терпел других «авторитетов», кроме своего собственного, а он вникал во все дела, от литературы, музыки и кинематографа до языкознания. Сказывались, впрочем, и сугубо житейские обстоятельства, далекие от науки, общее грузинское происхождение И.В.Сталина и Н.Я.Марра. У них были и общие знакомые, грузинские языковеды, научные оппоненты Н.Я.Марра. Вероятно, не без их подачи «вождь» вмешался в дискуссию о языке на страницах журнала «Вопросы языкознания», проявляя достаточную осведомленность в лингвистике. Затем статья была, естественно, перепечатана многими изданиями, включая центральную газету «Правда», оперативно была опубликована и отдельной брошюрой в 1950 г. «Марксизм и вопросы языкознания», где учение Марра было подвергнуто резкой критике, прежде всего за «отклонения» от марксизма.

Все это было, конечно, далеко от науки, лежало в области «дворцовых» интриг и марксистской схоластики, но многим пришлось «каяться», некоторые пострадали, а главное, глубокая вера в глубокий автохтонизм славянства на всех территориях нынешнего обитания славянских народов лишилась своей методической базы в виде учения Марра. «Дракон» нечаянно откусил свой собственный хвост. Теперь историкам и археологам предстояло доказывать тезис о глубоком автохтонизме своими силами, опираясь на свои источники. Вера верой, но нужна и аргументация. Сам создатель «нового учения о языке», к его счастью, не дожил до массированного антимарристского движения.

Перед археологами возникла задача не из легких. Дело в том, что в это время были известны две археологические культуры, в славянской принадлежности которых не возникало осо-

бых сомнений — роменско-борщевская на Левобережье Днепра и памятники типа Луки-Райковецкой на Правобережье. Они непосредственно предшествовали культуре Киевской Руси и достаточно плавно в нее перерастали. Но обе упомянутые культуры — не ранее VIII в. н.э. Где же были славяне предшествующего времени? Какими археологическими памятниками они представлены?

Из предшествующих ярких явлений была лишь черняховская культура, очень мало похожая на роменско-борщевскую и лука-райковецкую, да и большой хронологический разрыв не очень объединял их. Теория «социальных взрывов» объясняла бы ситуацию, а теперь выхода, казалось бы, не было. Если не признать черняховцев славянами, то где же славяне?

В хронологическом промежутке находились, правда, так называемые «древности антов», серия кладов серебряных, в основном, изделий с пальчатыми фибулами и другими вещами типа найденных в известном Мартыновском кладе (Pekarskaja, Kidd 1994). Территория их распространения достаточно адекватно совпадала с областью расселения славянских племен антов в VI-VII вв., «между Данастром и Данапром» по Иордану (Iord. Get. 35). Но поселения и могильники этих антов не были известны. Возникала очередная загадка.

Тогда и была предпринята украинскими археологами попытка разрешить загадку путем объединения черняховской культуры и «древностей антов».

По их представлениям, черняховская культура неверно датирована, она продолжала существовать вплоть до VII века, а клады антов являются ее составной частью, некоторые из них найдены на поселениях черняховской культуры. Имеются в ее составе и некоторые вещи с более поздней датой, чем принято считать. Например, амфора с черняховского поселения в Ягнятине, напоминающая раннесредневековые, подвязные фибулы, столь характерные для черняховской культуры, найдены и в составе Фромборкского клада в Прибалтике вместе с монетой Феодосия II (408-450 гг.), позже принятой датировки черняховской культуры, и так далее. А раз «антские клады» относятся к черняховской культуре, то и сама она принадлежит славянским племенам антов (Брайчевский 1952; 1953; 1957; 1957а; Махно 1950; Смішко 1952; 1953).

А тем временем в 1953 году скончался «вождь народов», и общеполитическая и культурная обстановка в СССР начала понемногу меняться. Сомнения, которые, вероятно, и ранее терзали некоторых археологов, теперь проявились наружу. Первым публично заявить о них рискнул М.И.Артамонов в докладе 1956 года на Научной сессии Ленинградского Университета (Артамонов 1956). Он продемонстрировал, что проблема происхождения славян при имеющихся в наличии материалах еще далека от разрешения, а черняховская культура, совпадающая по времени с периодом пребывания готов в Причерноморье, вряд ли имеет прямое отношение к проблеме славянского этногенеза.

Позиции М.И.Артамонова совпадали и с мнением других ленинградских ученых — М.А.Тихановой, Г.Ф.Корзухиной, И.И.Ляпушкина, что они и выражали и в ряде устных выступлений, и в разных аспектах в своих последующих работах (Тиханова 1957; Корзухина 1955; Ляпушкин 1968). Вероятно, не случайно эта «скептическая школа» сложилась именно в Ленинграде. Со времени своего основания Петром I этот город и культурный центр был теснее связан с Западной Европой, чем какой-либо другой в России. Благодаря накопившемуся богатству библиотек — а библиотека Института истории материальной культуры, по оценке такого специалиста, как Иохим Вернер, одна из лучших в Европе, — ленинградские археологи, несмотря на «железный занавес», были несколько больше знакомы с европейской литературой и европейскими археологическими материалами, чем их московские и киевские коллеги.

Выступление М.И.Артамонова вызвало бурную реакцию, в 1957 году в Киеве состоялось специальное совещание, посвященное проблеме черняховской культуры (Голубева 1957). Тогда-то и развернулись основные дебаты на эту тему. В ходе последовавшей дискуссии в печатных изданиях постепенно выяснилось, что связь «антских кладов» с культурными слоями черняховских поселений, строго подходя к стратиграфии, недоказуема (Березовец 1963), Фромборкский клад представляет собою собрание разновременных вещей, собранных ювелиром в качестве сырья (GodYowski 1972), ягнятинская амфора находит параллели и в материалах III-IV вв. (Щукин 1968) и т.д.

Споры, однако, были жаркими и эмоциональными, доходило до личных выпадов. Продолжались они долго, еще дважды собирались специальные совещания, в 1967 г. во Львове, в 1981 г. в Каменце-Подольском, отголоски этих дискуссий продолжают сказываться и сегодня, иногда даже на личных отношениях, хотя на столь поздней датировке черняховской культуры, кроме М.Ю.Брайчевского (1994), уже никто не настаивает, так же как и на связи ее с антскими кладами.

Дело в том, что в тот самый момент, когда начиналась черняховская дискуссия, было сделано открытие, казалось бы, сразу проясняющее ситуацию и сводящее на нет саму необходимость споров. Провинциальный винницкий археолог П.И.Хавлюк раскопал на острове Мытковском на Южном Буге небольшую квадратную полуземлянку (Хавлюк 1960) с обломками вылепленных от руки горшков и нашел здесь же бронзовую пластинку в виде фигурки бегущего льва, выполненную в совершенно том же сти-

ле, что и фигурки лошадок из антского Мартыновского клада (Pekarskaja, Kidd 1994). Облик материальной культуры антов стал известен и имел мало общего с черняховской культурой.

Керамика, обнаруженная П.И.Хавлюком на острове Мытковском и на ряде других раскопанных им памятников (Хавлюк 1963), не была абсолютной новостью для археологов. Она очень напоминала так называемую керамику «пражского типа», известную уже и в Чехии (Borkowski 1940), и в Украинском Полесье из курганов типа Корчак (Гамченко 1896; Кухаренко 1955; 1960), но памятников такого сорта было немного, хронология их была не очень ясна, на них не обращали специального внимания, и они оставались загадочными.

После же открытий П.И.Хавлюка стало ясно, в каких топографических условиях стоит искать подобные поселения. Условия оказались необычными — чаще всего в поймах рек, в низких, затопляемых в половодье местах.

Археологи-слависты обычно в своих разведках такие места миновали, но теперь стали заглядывать и туда. Число памятников стало стремительно расти, и вскоре их на обширных пространствах от Праги и Эльбы до Курска выявилось достаточно много. Стало ясно, что они относятся к VI-VII векам и в общем и целом соответствуют времени и территориям расселения раннеславянских племен склавинов, антов и венетов. Выявились и три сходных археологических культуры — пражско-корчакская, пеньковская и колочинская (Березовец 1963а; Петров 1963; Рафалович 1972; Русанова 1973; Zeman 1976; Brachmann 1978; Приходнюк 1980; 1998; Горюнов 1981; Баран 1988; Parczewski 1993).

Вновь открытый цикл раннеславянских культур совсем не напоминал предшествующую черняховскую культуру. Территории их распространения перекрывались лишь частично, здесь была исключительно лепная керамика и почти исключительно горшки, в отличие от прекрасной и разнообразной гончарной посуды черняховцев, не было ни длинных наземных построек, ни обряда трупоположений, ни костяных гребней, ни стекла, железные и бронзовые изделия тоже стали редкостью. Если же носители черняховской культуры и приняли участие в формировании культур раннеславянских, что само по себе не исключено, то придется признать некий резкий регресс их культуры, они вдруг забыли все свои культурные традиции и навыки.

Сторонники славянской принадлежности черняховской культуры в этом случае обычно ссылались на всеобщность упадка культуры в результате распада Римской империи и событий Великого переселения народов. И это, безусловно, имело место, но все же и в пределах Меровингского государства, и у его соседей полного разрыва традиций не произошло, сохранялось и обилие в захоронениях вещей, в том числе достаточно качественных и высокохудожественных, сохранялось и гончарное производство, есть и стеклянные сосуды. Формы видоизменились, но традиции остались (Schmidt 1961; 1976; Perin, Feffer 1987; Feffer, Perin 1987). И только в областях, заселенных славянами, а они к VII в. достигли Эльбы и Заале, наблюдается удивительное обеднение внешних форм культуры (Godłowski 1979).

Они не стремились как-то украшать и разнообразить бытовую посуду и другие вещи. Соответственно этому менталитету, и отправляя сородичей в потусторонний мир, не считали необходимым снабжать их обилием погребального инвентаря.

Не исключено, конечно, что одежда отличалась прекрасными вышивками, деревянная столовая посуда покрывалась изысканной резьбой, а «в области балета» они вообще были «впереди планеты всей», но для археологов все это не сохраняется, и славянские культуры выглядят на удивление бедными.

Это не означает, что славяне совсем не пользовались богатыми и высококачественными вещами, они были в их распоряжении, но в землю попадали почти исключительно в виде кладов. Просто-напросто славянские культуры отличались и от культур соседей, и от предшественников — черняховцев по самой своей структуре (Godłowski 1979), представляли особый «культурный мир» (Щукин 1994). Если потомки черняховцев и влились в какой-то мере в состав населения культур славянских, не они определяли культурный облик новых образований. Определять его должны были носители каких-то иных традиций и иного менталитета.

Впрочем, понятия «структуры культур» и «культурных миров» возникли позже, в шестидесятых же годах дискуссия продолжалась, и конца ей не было видно. Позиции противников готской принадлежности черняховской культуры были сильно поколеблены открытием могильников Дытыничи в 1957 и Брест-Тришин в 1960 годах. Эти и сходные с ними памятники с достаточной очевидностью маркировали пути продвижения населения Нижнего Повисленья в юго-восточном направлении. Утешало лишь то, что черняховская культура все же не тождественна с этими северо-восточными древностями. Споры продолжались.

Однако спорщики оказывались в положении героев известной восточной притчи: «если это мясо, то где же кошка, если это кошка, то где мясо?» Если черняховская культура славянская, то где же готы, а если она готская, то где славяне? Славяне II-V веков.

Но и им нашлось место, хотя и не сразу. По южной кромке лесной зоны и в северо-восточном пограничье черняховской культуры были обнаружены так называемые памятники киевского типа (Даниленко 1976) или пост-зарубинец-

кого «горизонта Рахны-Лютеж-Почеп» (Щукин 1986; Щукин 1994: 232-239.) I-II вв., перерастающие после неких «перетасовок населения» (Обломский 1993) в киевскую культуру, синхронную черняховской (Терпиловский, Абашина 1992). Поселения этой культуры располагаются в таких же топографических условиях, что и раннеславянские, здесь тоже решительно преобладают простые лепные горшки, редки металлические находки и т.д. У исследователей нет особых сомнений, что именно обитатели разных групп киевской культуры являются непосредственными предками носителей раннеславянских колочинской и пеньковской культур.

Все эти открытия в какой-то мере притупили остроту бесконечной дискуссии, к восьмидесятым годам свою эмоциональность она утратила. Более или менее все встало на свои места. Можно было приступить уже к более тщательному и внимательному исследованию деталей.

Попытки создания дробной относительной хронологии черняховской культуры (Щукин, Щербакова 1986; Гороховский 1988; Kazanski, Legoix 1988; Бажан, Гей 1992; Гей 1993; Шаров 1992; Бажан, Гей 1997) свидетельствуют, что в изучении её мы выходим на качественно новый уровень (Shchukin 1994).

Противоречия и разногласия, конечно, не исчезли полностью. Это касается как различных деталей, так и общего подхода в целом к историческим, этническим и культурным процессам. Украинским археологам они представляются более спокойными и плавными, а петербургским — более бурными, драматичными и многогранными.

По понятиям украинцев основная масса населения всегда и при всех обстоятельствах оставалась на месте, поэтому если готы и были в Причерноморье, то они представлены лишь памятниками собственно вельбаркской культуры, все же прочее, собственно черняховская культура — результат творчества местного населения. Ушли немногочисленные готы, изменилась историческая обстановка, и те же черняховцы стали славянами.

По понятиям же петербургских коллег, те или другие подвижки больших или меньших групп населения происходят постоянно, круг связей и контактов достаточно широк, а они осуществляются тоже людьми. Передвижение небольших групп может оказаться недоступным для непосредственного наблюдения или отражаться лишь в распространении тех или иных типов отдельных вещей, результаты скажутся в новых привнесенных элементах культуры. Черняховская культура, как и любая иная археологическая культура, есть результат творчества как местных, так и пришлых элементов. Спорить же о приоритетах того или другого — это все равно, что спорить о преимуществах заднего и переднего колеса у велосипеда.

Разница подходов, таким образом, лежит в неких глубинных психологических установках, причины которых сами могли бы стать предметом изучения, но уже не нашей науки, а социологии, психологии и науковедения. Нам же на сегодняшнем уровне знаний спорить о преимуществах того или иного из названных подходов особого смысла не имеет.

Что касается этнического лица черняховцев, то, вероятно, всех могла бы устроить формулировка П.Н.Третьякова, увидевшего в черняховской культуре «несостоявшуюся народность». Из разнородных элементов при ряде обстоятельств сложилась некая историческая общность и шел процесс постепенного формирования некой новой народности, нового этноса. Нашествие гуннов и последовавшие события эпохи Великого переселения народов этот процесс прервали. Мы не знаем, на каких языках говорили люди, жившие в разных частях черняховского пространства, какой язык служил языком «межнационального общения» — готский, греческий, бастарнский, славянский или какой-то еще. Тем более мы не можем знать, к каким результатам этот процесс мог привести: «народ» не состоялся.

Однако пока у нас остается без ответа и другой вопрос: какие силы обеспечивали культурное единство черняховского населения, чем объяснить его многочисленность и благополучие, его цивилизованность? Мы не будем искать ответ в каких-то исключительных способностях черняховцев, в их «schopferische Genie», а посмотрим, что происходило по соседству, в Империи.

3. Тетрархи, Констанций, готы и черняховская культура

А в Империи тем временем шли важные пертурбации. Пришедший к власти в 284 г. хозяйственный Диоклетиан понимал, что для больного организма Империи, пережившей тяжелый кризис, необходимо радикальное лечение, необходимы реформы всей структуры, и он попытался провести их.

Девальвировавшаяся во время кризиса денежная система, основанная на серебряных монетах, превратившихся, по сути дела, в медные (настолько было снижено в них содержание серебра), была заменена на систему медно-золотую. Здесь, впрочем, Диоклетиан не слишком преуспел, и завершалась реформа уже при Константине Великом.

Был изменен и порядок сбора налогов, для чего пришлось проделать колоссальную работу по инвентаризации земель, угодий, владений, переписи населения и т.д.

Одним из пороков прежнего государственного устройства Диоклетиан справедливо считал чрезмерную централизацию, и Империя вмес-

Таблица 1

Запад	Общие события и даты	Восток
	284 - приход к власти Диоклетиана	
Максимиан - август. Столица - Медиолан. **Констанций Хлор** - цезарь. Женат на дочери Максимиана. Столица - Трир	**293**- Основание Тетрархии	**Диоклетиан -** август. Столица - Никомедия **Галерий -** цезарь. Столица - Сирмий. Женат на падчерице Диоклетиана
Отречение **Максимина** без его желания. **Хлор** - август, **Флавий Сабин** - цезарь	**305 г** .	Добровольное отречение **Диоклетиана. Галерий** - август, его племянник **Максимин Дайя** - цезарь.
Смерть **Констанция Хлора Флавий Север** - август, но Рейнская армия выдвигает в августы **Константина,** сына Хлора. Становится цезарем. Восстание в Риме. Провозглашают **Максенция,** сына Максимиана, цезарем. **Максимиан** возвращается к власти. Становится августом.	**306 г**	**Галерий** лишает Рим привилегий. Галерий просит вернуться к власти Диоклетиана, но тот отказывается. **Максимин Дайя** объявляет себя августом.
Августы: **Константин, Север, Максенций и Максимиан.** Последнего Диоклетиан уговаривает отказаться от титула.	**309 г**	Августы: **Галерий, Максимин Дайя** и назначенный Галерием **Лициний.**
Максенций и **Максимин Дайя** поддерживают язычников, прочие - христиан.		
	311 г. эдикты **Галерия, Лициния** и Константина о прекращении преследования христиан	Смерть **Галерия. Лициний -** старший август.
Константин разбивает **Максенция** на Мульвийском мосту. Смерть Максенция. Победа христиан.	**312 г.**	
Константин - август	**313 г.**	**Лициний** отражает нападение **Максимина Дайи.** Смерть последнего.
Лето 313 г. “Медиоланский эдикт” **Константина и Лициния,** женившегося на сестре Константина.		
314 г. Столкновение **Лициния и Константина.** Балканы переходят к последнему.		
323 г. Константин отгоняет готов из Фракии, вторгаясь в зону Лициния. Конфликт.		
324 г. Военное столкновение **Константина и Лициния.** Последний убит. **Константин** - единовластный правитель. Конец Тетрархии.		

то прежних, исторически сложившихся «императорских» и «сенатских» провинций, была подразделена на 101 «диоцез» и четыре «префектуры».

Огромные пограничные армии из нескольких легионов тоже были разукрупнены за счет создания более мелких, но более мобильных подразделений, причем границы «военных округов» не совпадали с границами гражданских диоцезов. Этими мерами император пытался избежать опасной тенденции выдвижения армиями своих узурпаторов, что удалось, однако, как показали дальнейшие события, далеко не полностью.

Те же цели преследовала и предусматривавшаяся Диоклетианом четырехчленная система управления, разделения и наследования власти — тетрархия. Империя подразделялась на Восточную и Западную, во главе каждой должен был стоять свой «август», один из которых был «старшим».

Августы назначали своих помощников и соправителей — «цезарей», усыновляли их и предоставляли им в управление две из четырех префектур. Через 20 лет августы должны были выходить в отставку, цезари становились августами, назначали себе новых цезарей и т.д.

Задумано было хорошо, но не был учтен человеческий фактор: страсть к власти, амбиции, сложности взаимоотношений. Система не сработала. Уже к 309-310 годам в стране было шесть враждующих августов и ни одного цезаря.

Дабы избежать подробного изложения всех перипетий, что заняло бы слишком много места, все данные сведены в своего рода хронологическую таблицу (Таблица 1).

Ситуация осложнялась и неоднозначным отношением августов и цезарей к христианству, которое к этому времени, несмотря на противоречия и борьбу различных сект и направлений — ортодоксов, ариан, авдусиан, донатистов и пр. — стало, благодаря структурированности организации, заметной политической силой, с ней так или иначе приходилось считаться.

Диоклетиан видел в христианской церкви излишнее «пятое колесо» в задуманной им государственной структуре и устраивал гонения на христиан, хотя его жена и дочь были христианками. Константин же, напротив, довольно удачно использовал христиан и христианскую идеологию сначала в борьбе против Магненция, вспомним знаменитую битву на Мульвийском мосту 312 года, где, согласно легенде, именно подняв христианские знамена, он одержал победу, а затем в борьбе против Лициния. Хотя в 313 году они совместно с Константином подписывали не менее известный «Медиоланский эдикт», отменявший гонения на христиан и признававший равноправие христианства наряду с другими конфессиями. Но не прошло и года, как августы рассорились. Лициний стал поддерживать приверженцев старой римской языческой религии, а Константин остался верен христианам. Глухая вражда двух августов длилась почти десять лет, пока не вылилась в открытое военное столкновение 324 года, при котором Лициний был пленен и убит. При установившемся единовластии Константина христианская религия стала по сути дела государственной.

Не без поддержки Константина, хотя сам он до конца своих дней, кажется, так и не собрался креститься, стали регулярно проводиться Вселенские Соборы христианских епископов, и первый же из них, уже упомянутый 325 года в Никее, осудил ересь арианства, утвердил подвижность Пасхи и пр. Под документами Собора, рядом с подписью Кадма, епископа Боспора, стояла подпись некоего Феофила, епископа Готии. Где располагалось это епископство, не совсем ясно — в Крыму, на Нижнем Дунае или в Причерноморье, в области распространения черняховской культуры, — но сам факт его существования не подлежит сомнению.

К сожалению, мы очень мало знаем из того, что происходило в Барбарикуме Восточной и Центральной Европы в эпоху Тетрархии. По сообщению так называемых «Панегириков Маммертина» (XX paneg. Lat. 11 (3),16) в 291 году тервинги и тайфалы воевали против вандалов и гепидов, а какие-то «другие готы» (гревтунги? — М.Щ.) против алеманнов и бургундов. Не известно, где конкретно происходили их столкновения, но судя по списку участников, в события было втянуто население от Поднепровья до Нижнего Повисленья, Среднего Подунавья и Верхнего Поэльбья, быть может, даже Порейнья. А в 297 году готы принимали участие в походе цезаря Галерия против шаха Нарсе и были федератами.

В 323 году отряды готов вторглись во Фракию и были отогнаны Константином, что послужило еще одним поводом для конфликта между августами, Фракия находилась под юрисдикцией Лициния, западный младший август вмешивался в дела старшего. В следующем году произошло открытое военное столкновение, причем обе стороны использовали силы готов (Exc.Vales. I,27; Лавров 1997). Победил, как известно, Константин. Лициний был пленен. Судя по сообщению Иордана (Iord. Get. 111-112), именно готские воины по тайному приказу Константина убили Лициния.

Вскоре Константину пришлось продемонстрировать союзникам-готам и свою силу. Готы на четвертом году 277 Олимпиады, то есть в 332 г. н.э., напали на живших в Потисье сарматов, те пожаловались императору. В тыл готам были брошены римские войска во главе с Констанцием, сыном Константина. Римляне вырезали до 100 тысяч готов, взяли в заложники сына готского короля Ариорика (Exc Vals. 6; Hier. Chr. Ab. Av. 2948; Лавров 1997). Возможно, это был Аорих, ставший позже отцом знаменитого готс-

кого короля Атанариха, участника событий 370 годов. Аорих многие годы жил почетным пленником при дворе Константина, был даже удостоен конной статуи в Константинополе. Но, вернувшись, заставил своего сына поклясться перед священным дубом никогда не ступать на римскую землю (Amm. Marc. 27, 5,9). Атанарих клятву соблюдал, хотя перед смертью ему и пришлось ее нарушить, но это события уже следующей эпохи.

Успех действий Констанция против готов был, наверное, обеспечен возведением в 328 году грандиозного сооружения, стационарного каменного моста через Дунай в районе Сучидавы (Teodor 1974), остатки которого сохранились до сих пор. Это давало возможность в любой момент ударить по западному флангу Готии, легко перебросив туда значительные силы. Бич римской угрозы постоянно нависал над готами.

Реконструкция моста была завершена к 5 июля 328 года (Teodor 1974), в том же году начались работы по превращению небольшого городка Византий в столицу Империи — Константинополь. Сам император перебрался туда в 330 году, но работы, очевидно, продолжались и, по сообщению Иордана (Iord. Get. 112), готы принимали в них участие.

Константин, однако, должен был понимать, что в кризисной ситуации никакие мосты и крепости не удержат варваров Нижнего Дуная и Причерноморья от вторжений, опыт предшествующего столетия демонстрировал это весьма наглядно. Но теперь они могли бы угрожать непосредственно столице. С этими варварами было лучше жить в мире и дружбе. А за это нужно платить, и платить хорошо.

С готами был заключен союз — foedus. Мы не знаем конкретного текста соглашений, условия договора восстанавливаются лишь из косвенных данных, но с достаточной очевидностью (Wolfram 1990: 61-62). Готам выплачивалась ежегодная стипендия — аннона золотом, серебром и одеждой, возможно, продуктами.

Граница по Дунаю становилась прозрачной, купцы и прочие с обеих сторон могли без особых препятствий пересекать ее. Есть некоторые основания думать, что территория Готии вообще рассматривалась как часть Империи, хотя, естественно, со своим статусом (Лавров 1997). Практика создания буферных государств вдоль границ была традиционной политикой Рима. Вспомним Ванния, Маробода и других.

В ответ готы обязывались не пропускать к границам Империи прочих варваров и по необходимости предоставлять вспомогательные войска для участия в мероприятиях римского императора. Кроме того, они обязывались ежегодно поставлять до 40 тысяч призывников в римскую армию.

Дело в том, что реформы Диоклетиана вызвали определенные затруднения с армейским призывом. Законы привязывали население к постоянному месту жительства и наследственной профессии, землевладельцы, ответственные за сбор налогов, весьма неохотно отпускали своих подопечных налогоплательщиков куда-нибудь на сторону, всевозможными мерами пытались избавить их от военной службы, которая к тому же стала малопрестижной в глазах населения Империи (Грант 1998: 40-53).

Зато она оказалась привлекательной для варваров. Уровень жизни и цивилизованности при всех обстоятельствах в Империи был выше, чем в Барбарикуме. Таверны, термы, гетеры, зрелища гладиаторских боев и гонок колесниц, сравнительно дешевое вино — все это было доступно в той или иной степени и рядовому солдату, открывались возможности сделать и блестящую военную карьеру. Естественно, молодым воинам-варварам, искателям приключений и авантюристам, это представлялось заманчивым, несмотря на тяготы солдатской службы. Так что обе стороны должны были быть удовлетворены условиями фоздуса.

Возможно, именно им в значительной мере объясняется и феномен черняховской культуры в ее классическом варианте — богатство, многолюдность, цивилизованность. Тем более, что и датировки совпадают почти полностью. Примечательно, что находки амфор из-под вина и масла абсолютно точно вписываются в ареал черняховской культуры (Кропоткин В.В., Кропоткин А.В. 1988), в остальном Барбарикуме они практически неизвестны.

С другой стороны, в области черняховской культуры почти не встречаются наборы импортной римской бронзовой пиршественной посуды, столь характерные для Центральной и Северной Европы (Eggers 1951; Lund Hansen 1987). Очевидно, структура взаимоотношений была принципиально иной. В Европе римляне имели дело со многими и разными германскими племенами, вождей которых и старались подкупить разного рода подарками, в частности, в виде винных сервизов, бывших, вероятно, в германской среде предметами престижными и желанными. Вино же для вождей, в основном рейнское, поступало, вероятно, крупными партиями в больших бочках (Кропоткин В.В., Кропоткин А.В. 1988).

В Европе названые сервизы находят в «княжеских» погребениях на сравнительно небольших могильниках с обрядом трупоположения, устроенных отдельно от больших родовых кладбищ рядового населения почти исключительно с трупосожжениями. В черняховской культуре такого явления практически не наблюдается. По всей вероятности, здесь римляне сталкивались с обществом, организованным несколько иначе, с протогосударственным образованием, где разнородные племена были объединены под властью одного или, временами, двух королей. Это был единый политический организм, отсюда монолитность культуры.

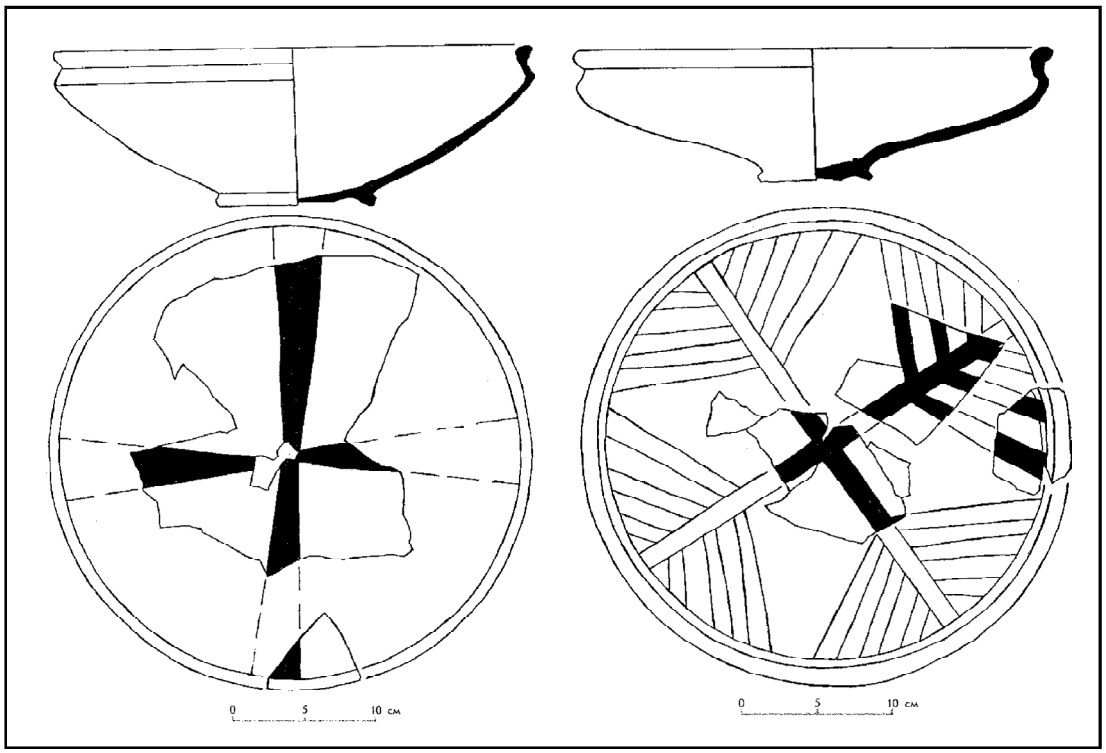

Рис. 13. Миски с «христианскими» (?) символами из Лепесовки. (Рисунки и реконструкция А.В.Воротинского.)

Обеспечивалась эта монолитность, вероятно, и определенной зависимостью от Империи, дипломатической (foedus), экономической (аннона) и культурной (черняховскую культуру вполне можно рассматривать как одну из культур провинциально-римских).

При таком подходе становится объяснимым и еще один феномен. Находки римских монет — не редкость в черняховской культуре, есть и клады, и отдельные монеты. Но в подавляющем количестве это деньги серебряные и чеканенные императорами значительно более раннего времени, еще во II веке, главным образом Марком Аврелием и Антонином Пием (Кропоткин 1961; Щукин 1979: Табл. 2; Тиханова 1979). Ко времени существования черняховской культуры такие монеты практически уже вышли из обращения на территории Империи, где вообще перешли на медно-золотую систему. Откуда же они взялись у носителей черняховской культуры? Вряд ли за счет пограничной торговли, как, например, небольшие светлоглиняные амфоры для вина, так называемого «инкерманского типа», тоже довольно многочисленные (Щукин 1968).

Остается предположить, что серебряные деньги — часть выплат федератам из запасов государственной казны Империи, где осели вышедшие из обращения номиналы. Федераты предпочитали именно их как более удобные при расчетах, им было важно содержание серебра, а не портрет императора, поэтому они отказывались и от денег, выпущенных во время кризиса III века, когда содержание серебра в монетах резко упало.

Нужно сказать, что готы-федераты, обязавшиеся не пропускать прочих варваров к границам Империи, отрабатывали свой хлеб достаточно исправно. Имеющиеся сведения о войне вестготов-тервингов во главе с королем Геберихом против «свободных сарматов» и вандалов короля Визимира были, возможно, именно такой акцией. События происходили где-то между Марошем и Тисой в 334 году (Wolfram 1990: 34-35, 62.).

После смерти Константина в 337 г. в отношениях с готами Констанций продолжал политику отца. Возможно, к этому времени уже иссякал запас старых монет в казне, и Констанций чеканит новые селиквы, предназначенные, вероятно, специально для расчетов с варварами. Находки их тоже известны в черняховской культуре, в частности, клад таких новеньких, не побывавших в обращении монет был обнаружен в углу одного из жилищ на черняховском поселении Холмское в Одесской области (Гудкова, Столярик 1985; Stoljarik 1992: 30-31).

При Констанции была изгнана «в пределы Скифии» одна из христианских еретических сект во главе с неким старцем Авдием. Авдиане, «идя вперед, в самую внутренность Готии, огласили христианским учением многих готов». Эти сведения мы находим у Епифания, епископа Кипра с 367 по 403 год (Epiph. Aduer. Haeres. 2, 1, 1-2, 15; Лавров 1997).

В археологическом материале мы не имеем

каких-либо прямых указаний на наличие христианства у носителей черняховской культуры, разве что на внутренней части нескольких гончарных мисок из Лепесовки серолощеные кресты типа мальтийских и «пальмовых» ветвей (рис. 13) (Тиханова 1963: рис. 4,4), но связано ли это с христианскими воззрениями, остается неясным, да и Э.А. Сымонович был склонен считать довольно многочисленные черняховские погребения с западной ориентировкой и без инвентаря христианскими (Сымонович 1963), что тоже труднодоказуемо, хотя и не исключено.

Ни во времена Констанция, ни во время его преемника Юлиана Отступника, пытавшегося восстановить языческую религию в Империи, мы не слышим ничего о конфликтах с готами или угрозе границам с этой стороны. Исключение составляют лишь события 347-349 годов, когда группы готов были переселены на территорию Империи, но связано это было скорее с разногласиями в среде варваров и в какой-то мере опять же с христианством.

Для прояснения этой ситуации начнем с начала. В последний год жизни Константина к нему прибыло посольство готов, среди которых был молодой человек по имени Ульфила, в дальнейшем известный переводчик «Библии» на готский язык, один из экземпляров которой, записанный на пурпурном пергаменте серебряными буквами, вероятно, в VI в. при дворе короля Остготов Теодориха в Италии, дошел и до нас: ныне он хранится в библиотеке Университета Упсалы в Швеции (Tjäder 1972).

Имя Ульфилы — «волчонок» — свидетельствует о готском происхождении: отец, очевидно, был готом и, возможно, знатного рода, поскольку Ульфила был включен в состав посольства на высоком социальном уровне, а мать его была дочерью греков-христиан, взятых готами в полон в Каппадокии, вероятно, во время морских набегов 264 или 266 годов. Юноша был достаточно образован, был христианином и учеником упомянутого епископа Готии Феофила.

После смерти Константина посольство еще некоторое время оставалось в Константинополе, и вскоре Ульфила, несмотря на молодость, был рукоположен в епископы Евсебием, вернувшимся в Константинополь из Никомедии в 338 году. Рукоположение молодого готского епископа произошло, скорее всего, несколько позже, в 341 году. Из дошедших до нас писем Авксентия, ученика Ульфилы, мы знаем, что последний был епископом 40 лет, а умер в 381 году.

Получив сан, Ульфила отправился к готам проповедовать христианство и делал это в течение 7 лет. Затем, как сообщает Филосторгий, уроженец Каппадокии и современник событий, написавший «Историю церкви» с 300 по 425 годы, некий «безбожный и нечестивый, кто начальствовал над готами в качестве их судьи».... «возвел в стране гонения против христиан» (Philostorg. H.E. II, 5). Поскольку из известных нам готских правителей только Атанарих носил этот странный и не совсем понятный титул — judex (Amm. Marc. 27, 5,6), можно думать, что именно он был организатором гонений на христиан в Готии в 347 году, в результате чего Ульфила и его приспешники были вынуждены страну покинуть и поселиться в районе Никополя в Мезии, на территории Империи. Здесь они еще долго известны под именем «малых готов», из числа которых происходил, кстати, и Иордан.

Из сказанного следует несколько умозаключений, существенных для истории готов. Если еще в 334 г. король готов Геберих воевал против сарматов и вандалов, а уже в 347 г. другой готский правитель, judex Атанарих организовал гонения на христиан, то не значит ли это, что в тот момент Геберих «уже отошел от дел человеческих» (Iord. Get. 116), и, согласно тому же Иордану, к власти над всеми готами пришел Великий Германарих-Ермунрих, правление которого следовало бы начинать именно с этой даты?

Ариорик, Аорих, Геберих, Атанарих, очевидно, из рода Балтов, управлявших позднее западной ветвью готов, визиготами, Германарих же — из рода Амалов, правителей остроготов. Причем Атанарих и Германарих явно современники, возможно, соправители. Как же соотносились в готском сообществе эти две группировки и их правящие аристократические роды? Ответ на эти вопросы, если они вообще разрешимы, следует искать в последующей работе, посвященной ситуации второй половины IV и начала V века, эпохе Германариха-Атанариха и их наследников.

В заключение остается повторить еще раз, что феномен «классической» черняховской культуры, с её удивительной цивилизованностью — грамотностью, владением «высокими технологиями» производства гончарной керамики, стекла, своих вариантов фибул, пряжек и прочих украшений, можно искать в постоянных контактах с Империей, обеспеченных «foedus'ом» с Константином. Выплаты серебром и продуктами федератам создали, вероятно, то относительное благополучие и последовавший затем демографический взрыв, что могло бы объяснить многолюдность носителей черняховской культуры при всей полиэтничности её составляющих. Греческими и латинскими авторами они воспринимались под обобщающим именем готов или скифов. Последнее являлось очевидным анахронизмом, не лишенным, впрочем, и определенной обоснованности. Готы, герулы и прочие пришельцы во время набегов III в. неизбежно должны были бы использовать представителей местного северопричерноморского населения, знакомых с греческим языком, хотя бы в качестве переводчиков. Греки же, общаясь с ними и зная, что они «скифы», переносили это понятие и на всю массу варваров.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов М.В. 1991. История одного мифа. Марр и марризм. М.

Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР. — САИ Д 1-30, М.

Артамонов М.И. 1956. Славяне и Русь. // Тез. докл. на сессии ист. наук ЛГУ. Л.

Бажан И.А., Гей О.А. 1992. Относительная хронология могильников черняховской культуры // Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. СПб.

Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю. 1989. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе. // СА, N. 3.

Баран В.Д. 1959. Розкопки на поселенні I тисячоліття н.е. в с. Ріпневі (Ріпнів II) ЛьвівскоО обл. в 1957 г. // МДАПВ, Київ, вип. 2.

Баран В.Д. 1964. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга: раскопки 1957-1960 гг. // МИА No 116. М.

Баран В.Д. 1981. Черняхівська культура за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ.

Баран В.Д. 1988. Пражская культура Поднестровья (по материалам поселений у с. Рашков). Киев.

Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В. 1990. Черняховская культура и готская проблема. // Славяне и Русь. Киев.

Березовец Д.Т. 1963. Поселения уличей на Тясьмине // МИА No 108, М.

Березовец Д.Т. 1963. О датировке черняховской культуры // СА, No 3.

Бобринский А.А. 1991. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II-V вв. н.э.). М.

Винокур И.С. 1979 Ружичанский могильник. // Могильники черняховской культуры. М.

Брайчевський М.Ю. 1952. Антський период в історіі східних слов'ян // Археологія, т. VII.

Брайчевский М.Ю. 1953. Основные вопросы изучения антов // Доклады VI научной конференции ИА АН УССР. Киев.

Брайчевський М.Ю. 1957. Про етничну приналежність черняхіської культури // Археологія. Т. X.

Брайчевский М.Ю. 1957. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н.э. // СА No 3.

Брайчевський М.Ю. 1994. Періодизація історичного розвитку Східної Европи в I тис. н.э. // Археологія N. 3.

Винокур И.С. 1979. Ружичанский могильник // Могильники черняховской культуры. М.

Воронов Ю.Н., Юшин В.А. 1979. Ранний горизонт (II-IV вв н.э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия). // СА, No 1.

Гамченко С.С. 1896. Раскопки в бассейне р. Случи // Труды XI Археологического съезда. Т. I. М.

Гей О.А. 1985. Черняховская культура и скифо-сарматский мир. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.

Гей О.А. 1980. Черняховские памятники Северного Причерноморья // СА, No 2.

Гей О.А. 1993. Черняховская культура: Хронология. // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия н.э. (Серия «Археология СССР»). М. С. 143-146.

Гей О.А., Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.

Голубева Л.А. 1957. Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян. // СА, No 4.

Гончаров В.К. 1958. Райковецкое городище. Киев.

Гороховский Е.Л. 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины. // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Том IV. Киев.

Горюнов Е.А. 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Ленинград.

Гудкова А.В. 1987. Каменное домостроительство на черняховских поселениях Причерноморья // Днестро-Дунайское междуречье в I — начале II тысячелетия н.э. Киев.

Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1988. Сероглиняная керамика Ольвии первых веков нашей эры // Античные древности Северного Причерноморья. Киев.

Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1990. Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры. Киев.

Гудкова А.В., Столярик Е.С. 1985. Комплекс позднеантичных памятников у с. Холмское Одесской области. // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. // Киев.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1982. Поселение и могильник римского времени Молога II. // Памятники римского и средневекового времени в северо-западном Причерноморье. Киев.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная в I-IV вв. н.э. Киев.

Даниленко В.И. 1976. Пізнозарубинецьки пам'ятки київського типу // Археологія, вип. 19.

Дашевская О.Д. 1991. Поздние скифы в Крыму. // САИ, вып. Д1-7. М.

Ерошенко В.В., Семенов А.И. 1998. Новые поселения черняховской культуры на юго-западе Белгородчины. // Поселения: среда, культура, социум. СПб.

Журко А.И. 1983. Жилые сооружения племен черняховской культуры. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.

Журко А.И. 1988. О соотношении наземных и углубленных жилищ черняховской культуры. // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Том 4. Киев.

Зелинский А.Н. 1978. Конструктивные принципы древнерусского календаря.// Контекст: литературно-исторические исследования. М.

Зильманович И.Д. 1995. Об одном типе керамики из Лепесовки. // СГЭ, вып. 56.

Каспарова К.В., Щукин М.Б. 1979. Могильник Могиляны-Хмельник в Ровенской области. // ТГЭ, том XV.

Козак Д.Н. 1985. Пшеворская культура и волыно-подольская группа. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев.

Козак Д.Н. 1985а. Вельбарская культура. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР. Киев.

Козак Д.Н. 1992. Етнокультурна історія Волыні (I ст. до н.е. — IV ст. н.е.). Київ.

Корзухина Г.Ф. 1955. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н.э. // СА, Т. XXII.

Кропоткин А.В., Кропоткин В.В. 1988. Северная граница распространения амфор в Восточной Европе // Могильники черняховской культуры. М.

Кропоткин В.В. 1961. Клады римских монет на территории СССР. // САИ, вып. Г 4-4.

Кухаренко Ю.В. 1955. Славянские древности V-IX вв на территории Полесья. // КСИИМК, вып. 57.
Кухаренко Ю.В. 1958. Волынская группа полей погребений. // СА, No 4.
Кухаренко Ю.В. 1960. Памятники пражского типа на территории Приднепровья. // Slavia Antiqua, Vol. 7.
Кухаренко Ю.В. 1970. Погребение у с. Пересыпки. // Древние славяне и их соседи. М.
Кухаренко Ю.В. 1980. Могильник Брест-Тришин. // М.
Кънчев М. 1973. Праисторчески и античнии материали в музея град Нова Загора. Нова Загора.
Лавров В.В. 1997. Германские племена в этнической истории Северного Причерноморья в III-IV вв н.э. // Дисс. ... канд. ист. наук. СПб. Рукопись.
Лавров В.В. 1997а. Герулы в Причерноморье. // Stratum + ПАВ. СПб-Кишинев.
Левада М., Строкова Л. 1998. Находки южноскандинавского происхождения позднего римского времени в Северном Причерноморье. // Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 р. Київ.
Лихтер Ю.В. 1987. Стекло черняховской культуры. // Автореферат... дисс. ... канд. ист. наук. М.
Ляпушкин И.И. 1958. Городище Новотроицкое. // МИА No 74.
Ляпушкин И.И. 1968. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. Л.
Магомедов Б.В. 1987. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев.
Магомедов Б.В. 1989. Трехнефні споруди у черняхівскому домобудуваннні // Археологія, вип. 4.
Магомедов Б.В. 1992. Снітінка — поселеннне гребенников III-IV вв ст. н.е. // Стародавне виробніцтво на терріторіі Украіні. Київ.
Марченко Г. 1982. Этруски на Галлічщене? // Жовтень, No 2, Львів.
Махно Е. В. 1950. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. // Археологія, т. IV.
Махно Е.В. 1960. Памятники черняховской культуры на территории УССР (материалы к составлению археологической карты) // МИА №82, М.
Махно Е.В. 1970. Знову про локальни варіанти черняхівської культури. // Археологія, No 24.
Минасян Р.С. 1978. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н.э.) // СА N. 2.
Никитина Г.Ф. 1969. Гребни черняховской культуры // СА, No 1.
Нудьга Г.А. 1979. Промінь у таемницю. // «Жовтень», N 10. Львів.
Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I — IV вв н.э. Москва-Сумы.
Обломский А.М. 1992. О роли позднезарубинецкого населения в сложении киевской культуры. // РА. №1.
Обломский А.М., Терпиловский Р.М. 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.
Петров В.П. 1963. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н.э. // МИА No 108.
Приходнюк О.М. 1980. Археологічні пам'ятки Середнього Придніприв'я VI-IX ст н.е. Київ.
Приходнюк О.М. 1998. Пеньковская культура. Воронеж.
Рафалович И.А. 1972. Славяне VI-IX вв в Молдавии. Кишинев.
Рафалович И.А. 1986. Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв н.э. Кишинев.
Рикман Э.А. 1962. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховской культуры // СЭ. No 3.
Рикман Э.А. 1975. Жилища племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья. // Древние жилища народов Восточной Европы. М.
Русанова И.П. 1973. Славянские древности VI-IX веков между Днепром и Западным Бугом // САИ, вып. Е1-25. М.
Рыбаков Б.А. 1948. Ремесло Древней Руси. М.
Рыбаков Б.А. 1948 Анты и Киевская Русь // ВДИ, No 1.
Рыбаков Б.А. 1962. Календарь IV в. из земли полян. // СА, №4.
Рыбаков Б.А. 1987. Язычество Древней Руси. М.
Сагарда Н.И. 1916. Святой Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский: его жизнь, творения и богословие. Пг.
Смішко М.Ю. 1964. Поселення III-IV ст. н.е. із следами скляного виробництва біля с. Комарів в Черніівецької обл. // МДАПВ, вип. 5.
Смішко М.Ю., Свешніков І.К. 1961. Могильник III-IV століть н.е. у с. Дитинічі РовенськоО обл. // МДАПВ, вип. 3.
Сымонович Э.А. 1963. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху. // СА, N. 1.
Табакова-Цанова Г. 1964. Нови находки в Плевенския музеи. // Археологія. Год.VI. 4. София.
Терпиловский Р.В. 1984. Ранние славяне Подесенья III-IV вв. Киев.
Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. 1992. Памятники киевской культуры. Свод археологических источников. Киев.
Терпиловский Р.В., Шекун А.В. 1996. Олександрівка — богатошарове ранньословя'ньске поселення біля Чернігова. Чернігів.
Тиханова М.А. 1941. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры. // МИА, вып. 6. М.
Тиханова М.А. 1957. О локальных вариантах черняховской культуры. // СА, N. 4.
Тиханова М.А. 1960. Днестровско-Волынскмй отряд Галицко-Волынской экспедиции. // КСИИМК, вып. 79.
Тиханова М.А. 1963. Раскопки на поселении III-IV вв у с. Лепесовка в 1957-1959 гг. // СА, N. 2.
Тиханова М.А. 1964. Днестровско-Волынская экспедиция в 1960-1961 гг. // КСИА, вып. 121.
Тиханова М.А. 1973. К вопросу о происхождении гончарной керамики черняховской культуры // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Л.
Тиханова М.А. 1973а. Гончарные печи на поселении Лепесовка. // КСИА, вып. 133.
Тиханова М.А. 1976. Следы рунической письменности в черняховской культуре. // Средневековая Русь. М.
Тиханова М.А. 1977. Старшерунические надписи. // В кн.: Е.А. Мельникова. «Скандинавские рунические надписи». М.
Тиханова М.А. 1979. К вопросу о достоверности датировки закрытых комплексов римскими монетами. // КСИА, вып. 159.
Третьяков П.Н. 1953. Восточнославянские племена. М.
Третьяков П. Н. 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.
Третьяков П.Н. 1982. По следам древних славянских племен. Л.
Фокеев М.М. 1998. Поселення Буджацького степу у I ст. до н.е. — IV ст. н.е. // Автореферат.... дисс.

канд. ист. наук. Одеса.
Фундуклей И. 1848. Обозрение могил, валов и городищ Киевской губернии. Киев.
Хавлюк П.И. 1960. Первая находка зооморфного изображения мартыновского типа на славянском поселении. // СГЭ, вып. XIX.
Хавлюк П.И. 1963. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. // МИА. вып. 108.
Хавлюк П.И. 1988. Вельбаркские памятники на Южном Буге. // KWMOR, t. I.
Хвойка В.В. 1901. Поля погребений в Среднем Поднепровье. // ЗРАО, Нов. сер. Т. 12, вып. 112. СПб.
Шаров О.В. 1991. Бургунды в Подунавье и Северном Причерноморье. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Киев.
Шаров О.В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики. // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени. СПб.
Шаров О.В. 1995. Культурно-исторические связи Восточной Европы и Северного Причерноморья в середине III — первой половине IV в н.э. (Древности горизонта Лейна-Хаслебен и черняховская культура). // Дисс. ... канд. ист. наук. СПб. Рукопись.
Штаерман Е.М. 1957. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской Империи. М.
Штаерман Е.М. 1978. Древний Рим: проблемы экономического развития. М.
Щапова Ю.Л. 1978. Мастерская по производству стекла у с. Комаров. // СА, N. 1.
Щербакова Т.А., Щукин М.Б. 1991. О двух стилях в ювелирном искусстве черняховской культуры. // Древности юго-запада СССР. Кишинев.
Щукин М.Б. 1962. Комплекс лепной керамики из поселения Лепесовка // Тез. докл. на 8-й Всесоюзн. конф. студентов-археологов. Л.
Щукин М.Б. 1967. О трех датировках черняховской культуры. // КСИА, вып. 112.
Щукин М.Б. 1968. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор. //СА, N. 2.
Щукин М.Б. 1970. К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры. // АСГЭ, вып. 12.
Щукин М.Б. 1972. К хронологии и стратиграфии поселения первых веков нашей эры у с. Незвиско. // СГЭ, вып. 35.
Щукин М.Б. 1973. Черняховская культура и явление Кельтского Ренессанса (к постановке проблемы). // КСИА, вып. 133.
Щукин М.Б. 1976. О начальной дате черняховской культуры. // ZNUJ, N. 422, Prace Archeologiczne, z. 22. Kraków.
Щукин М.Б. 1978. Об «узких» и «широких» датировках. // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.
Щукин М.Б. 1979. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций. // АСГЭ, вып. 20.
Щукин М.Б. 1986. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования. // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев.
Щукин М.Б. 1988. Керамика киевского типа с поселения Лепесовка. // СА, N. 3.
Щукин М.Б. 1989. Поселение Лепесовка: Вельбарк или Черняхов? // KWMOR, t. II.
Щукин М.Б. 1991. К вопросу о контактах римлян с носителями черняховской культуры (по материалам поселения Чимишены). // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в н.э.). Киев.
Щукин М.Б. 1994. На рубеже эр. СПб.
Щукин М.Б. 1994а. Черняховские «чары» из Лепесовки. // Проблемы археологии, вып. 3. СПб.
Щукин М.Б., Щербакова Т.А. 1986. К хронологии могильника Данчены. // В кн. И.А. Рафалович. Данчены: могильник черняховской культуры III-IV вв. н.э. Кишинев.
Щукин М.Б. (в печати). О первых свидетельствах появления готов в Дунайско-Причерноморском регионе и начале черняховской культуры // Материальная культура и этнический менталитет. СПб.
Щукин М.Б. (в печати). Некоторые замечания к хронологии начала черняховской культуры // К столетию открытия черняховской культуры. Киев.
Albertsen E. 1971. Fynske Jærnaldergrave. Gravplades på Møllegårdmarke von Bornholm. Odensee.
Almgren O. 1923. Zu studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderts mit Berücksichtigung der provizialrömischen und südrussischen Formen. // Mannus-Bibliothek, Nr. 32, Leipzig.
Banki Zs. 1982. Heiligtum des Iuppiter Dolchenus in Vetus Salina.// Alba Regia XIX. Szekesfehervar.
Becker M. 1996. Untsuchungen zur römischen Kaiserzeit zwischen südlichen Harzland, Thüringerbecken und Weisser Elster. Halle (Saale)
Beilke-Voigt I. 1998. Frühgeschihtliche Miniaturobjecte mit Amulettcharacter zwischen Britischen Inseln und Swarzem Meer. Bonn.
Bender W., Barankiewicz Z. 1962. Osada z okresu rzymskiego w Wólsce Lasieckiej, pow. Lowicz. // Archaeologia Polski , t. VII, z. 1.
Bichir Gh. 1976. Archaeology and History of the Carpi. // B.A.R. Supplementary Series 16. Oxford.
Blume E. 1912. Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit. // Mannus-Bibliothek, Nr. 8.
Bøe J. 1931. Jernalderens keramik i Norige. Bergen.
Bona I. 1963. Beiträge zur Archäologie und Geschichte der Quaden // Acta Archaelogica Hungaricae, Bd XV.
Borkowski I. 1940. Staroslovanska keramyka ve stredni Europe. Praha.
Böttger B. 1973. Die Gefässkeramik aus dem Kastell Jatrus // Jatrus-Krivina. Spätantike Befestigung und Frühmittelalterliche Siedlung an der Unteren Donau. Berlin.
Brachmann H. 1978. Slawische Stämme an Elbe und Saale. Berlin.
Brenner E. 1915. Der Stand der Forschunger über die Kultur der Merowingerzeit. // 7. Bericht der RGK. Frankfurt.
Buratinski S. 1976. Rzemeslicza produkcja ceramiki siwej, toczonej z okresu wplywów rzymskich w Nowej Hucie i Igołomi. // ZNUJ, Nr. 422. Prace Arch. z. 22.
Dąbrowska T. 1997. Kamieńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien. Kraków.
Chmielowska A. 1971. Grzebienie starożytne i średniowieczny z ziem polskich. Łódź.
Csallany D, Csiszár A., Nemeth P. 1967. Beregsurány. // AÉ, 97.
Dobrzańska H. 1990. Osada z późnego okresu rzymskiego w Igołomi, woj. krakowskie. Kraków.
Drews G. 1979. Entwicklung der Keramick-Brennhöfen. // Acta Praehistorica et Archaeolgica, 1978/1979, Bd 9/10.
Ebert M. 1913. Die Ausgrabungen bÍi dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnieper, Gouv. Cherson. // Praehistorishe Zeitschrift, Bd 5.
Eggers H.-J. 1951. Das römische Import im freien

Germanien. Hamburg.
Ekholm G. 1963. Scandinavian Glass Vessels of Oriental Origin from the First to the Sixth Century. // Journal of Glass Studies. Vol. 5. New York.
Engelhard C. 1877. Skeletgrave på Sjælland og i det østlige Danmark. En skitse fra den ældre jernalder. Aarborger.
Ettlinger E. 1952. Chr. Simonett, Römische Keramik aus dem Schatthügel von Vindonissa. In: Veröffentlichungen des Geselschaft pro Vindonissa 3.
Feffer L.-Ch., Perin P. 1987. A l'origine de la Franҫe. Paris.
Fellmann R. 1952. Vayener Eifelkeramik aus den Befesigungen der spätrömischen Rhienlimes in der Schweiz. // Jahrbuch des Schweizärischen Gesellschaft für Urgeschichte. Bd 42, Zŕrich.
Filtzinger P. 1972. Die römische Keramik aus dem Militarbereich von Novaesium. Limesforschungen, Bd 11.
Finley M.I. 1973. The Ancient Economy. Berkley and Los Angelos.
Fremersdorf F. 1965-1966. Die Anfänge der römischen Glasshütten Köln. // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Bd 8.
Gajewski L. 1959. Badania nad organizacią produkcji pracowni garncarskich z okresu rzymskiego w Igołomi. // WA. T. 3, z.1.
Die Germanen. 1976. Ein Handbuch im Zwei Bänden. Berlin.
Gillam J.P. 1957. Types of Roman Coarse Pottery Vessels in Norhern Britain. In: The Publication of the Society of Antiquaries of Newcastle upon Tyne XXXV, H. 4, 180-243.
Godłowski K. 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków.
Godłowski K. 1972. Fromborski skarb z okresu wędrówek ludów. // Komentarze Fromborskie, z. 4.
Godłowski K. 1979. Z badań nad zagadnieniem rozhrzestrzenia słowian w V-VI w. n.e. Kraków.
I Goti. 1994. Milano.
Griffen von, A. 1958. Prähistorische Hausformen auf Sandböden in der Niederlanden. // Germania, Bd. 36.
Grünewald M./ Flegenhaur-Schmiedt S. /. Friesenger H./ Neugebauer-Maresch Ch. / Neugebauer J-W. 1983. Die antiken, urgeschichtlichen und mittelalterlichen Funde der Grabungen auf dem Stiftplatz zu Klostenburg 1953-1954 (Capella Speciosa). // Jahrbuch des Stiftes Klostenneuburg 12.
Hadaczek K. 1909. Album przedmiotów wydobytych w grobach cmentarzyska cialopalnego kolo Przeworska. Lwów.
Hatt G. 1953. An Early Roman Iron Age Dwelling Site in Holsland, West Jutland // Acta Archaeologica. Vol. XXIV. København.
Hunold A. 1995. Der römische Vicus von Alzey. In: Archäologische Schriften des Institutes für Vor- und Frügeschichte der Iohannes Gutenberg-Universität. Mainz. 5.
Hvass S. 1985. Hodde. Et vestjysk lands by samfund fra ældre jarnalder. København.
Iconomu G. 1968. Cercetări archeologice la Mangalia şi Neptun. // Pontica. Constanţa.
Ioniţa I. 1972. Probleme der Sîntana de Mureş — Cernjachov — Kultur auf dem Gebiet Rumäniens. // Studia Gotica. Stockholm.
Kaschau B. 1973. Die Drehscheibenkeramik aus Plangrabungen 1967-1972. // Heidelberg Akademie der wissenschaten Komission für Alamanische Altertumskund Schriften. Bd 2. Heidelberg.
Kazanski M. 1985. La peigne en os. // M. Larrieu, P.Périn. La nécropole mérovingienne de la Nurraque, Beacaire-sur-Baise. Toulouse.
Kazanski M., Legoux R. 1988. Contribution a l'étude des temoignages archéologiques des Goths en Europe orientale a l'époque des Grandes Migrations: la chronologie de la culture de Cernjachov récente // Archéologie Médiévale. T. XVII.
Klindt-Jensen O. 1957. Bornholm i Folksvandrigstiden. København.
Klind-Jensen O. 1978. Slusegårdgravpladsen Bornholm fra 1. årh. f. til 5. årh. e. v. t. København.
Kokowski A. 1995. Shätze der Ostgoten. Bevern.
Kolnik T. 1965. K typologii a chronológii niektorých spon z mlašey doby rimskey ha juhozápadnom Slovensku. SlA. R.13, c. 1.
Kostrzewski J. 1961. Elemeny celtyckie w kulture gocko-gepidzkiej. //Archeologia Polski. T.VI.
Lamiová-Schmiedlová M. 1969. Römerzeitliche Siedlunskeramik in der Südostslowakei. // Slovenská Archeológia, XVII-2.
Laser R. 1965. Die römidche Kaiserzeit im Oder-Spree Gebiet. // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte. Bd 9. Potsdam.
Lund Hansen U. 1987. Römische Import im Norden. København.
Madyda R. 1977. Sprączki i okuią pasa na ziemiach polskich w okresie rzymskim. // Materiały starożytne i wcześnośredniowieczne. T. IV.
Madyda-Legutko R. 1987. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. // BAR, Intern. Series 360. Oxford.
Mannecke P. 1987. Undersökingarna på Uddvide (Barshaldershed), Grötlingbo. // Vägen till kulturen på Gotland. Gotländsket Arkiv. Årgång 59.
Mitrea B. 1972. Die Goten an der unteren Donau — einige Probleme im III.-IV. Jahrhundert. // Studia Gotica. Stockholm.
Mitrea B., Preda K. 1966. Necropole din secolul al IV-lea e.n. în Muntenia. Bucureşti.
Müller G. 1977. Die römische Kastell Eillingen. Limesforschungen, Bd 17.
Müller-Qualles G. 1940. Die Goten. // Vorgeschichte der Deutschen Stämme. Bd 3. Berlin-Leipzig.
Näsmann U. 1984. Glas och handel i senromersktid och folkvandringstid. Uppsala.
Oelmann F. 1914. Die Keramik des Kastells Niederbieber. // Materialen zu Römisch-Germanischen Keramik.
Okulicz J. 1973. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n. e. Wrocław etc.
Oliva P. 1962. Pannonia and the Onset of Crisis in Roman Empire. Praha.
Palade V. 1986. Necropole du IV-e et commecement du V-er a Bîrlad-Valea-Seaca. // Inventaria Archaeologica. Fasc. 12.
Palade V. 1969. Noi ateliere de lucrat din corn de cerb in secolul al IV-lea e.n. la Valea-Seaca-Bîrlad. // Carpica, Bd II.
Parczewski M. 1993. Die Anfänge der frühslavische Kultur in Poland. Wien.
Parker S.T. 1979. Roman and Saracens: a History of Arabian Frontier. Los Angelos.
Pekarskaja R.V., Kidd D. 1994. Der Silberschatz von Martynovka. Innsbruck.
Périn P., Feffer L.-Ch. 1987. Les Francs. Al a conqueste de Gaule. Paris.
Plank D. 1975 Arae Flaviae I. Neue Untersuchungen zur Geschichte des römische Rottweil. Stuttgart
Poczy Sz. 1956. Töpferwerkstatten von Aquincum. // Acta

Archaelogica Hungarium, Bd VII, Fasc. 1.
Prahistoria ziem polskich, tom V. 1981, Warszawa.
Raddatz K. 1957. Der Thorsberger Moorfund. Gürteltaile und Körperschmuck. // Offa-Bücher. Bd 13.
Reinecke P. 1906. Aus der rüssischen archäologischen Literatur. // Mainzer Zeitschrift. N. 1. Mainz.
Rau G. 1972. Körpergräber mit Glassbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum.// Acta Praehistorica et Archaeologica 3.
Rau G. 1975. Spätanticke Glasfunde im Karpatenraum // Beiträrage zur Erforschung der römischen Kaiserzeit im östlichen Mitteleuropa. Marburg.
Reyman T. 1936. Problem ceramiki siwej na kole toczonej na tle odkryć w górnym dorzecu Wisły. // Wiadomości Archeologiczne, t. 14.
Roeren R. 1960. Zur Archäologie und Geschichte Südwestdeutschlands im 3. bis 5. Jahrhunderts n. Chr. // Jb. RGZM. Mainz.
Rodriguez-Aragon F.P. 1996. La cultura de Tchernjahov, la diaspora Gotica y el peine de Cacabelos. // Bolletín del seminario de estudios de arte y arqueología. LXII, Valladolid.
Šarov O. 1995. Hassleben-Leuna und Dančeny. // La noblesse romaine et les chefs barbares du III-e au VII-e siècle. Paris.
Schätze der Ostgoten. 1995. Eine Ausstellung der Maria-Curie-Skłodowska Universität Lublin und des Landesmuseum Zamość. Bevern.
Schlabow K. 1949. Haartracht und Pelzschulterkragen der Moorleiche von Osterbby. // Offa, Bd 8.
Schulz W. 1953. Leuna. Ein germanischer Bestattungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit. Berlin.
Ščukin M.B. 1975. Das Problem der Černjachov-Kultur in der sowjetischen archäologischen Literatur. // ZfA, Bd 9, Heft 1. Berlin.
Shchukin M.B. 1989. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe 1st Century BC — 1st Century AD. // B.A.R. Inetnational Series 452. Oxford.
Shchukin M.B. 1994. Notes to the Problem of Visigoths and Ostrogoths on the Northern Black Sea Littoral // 6. Congreso Hispano-Ruso de historia. Madrid.
Shchukin M.B. 1994a Certain Problems of Study of the Wielbark and Chrenjkhovo Cultures Cementaries. // Praehistoric Graves as a Source of Information: Symposium at Kastloza. Uppsala.
Simon, H-G. 1976. Die Funde aus den frühkaiserzeitlichen lagern Rödgen, Friedberg und Nauchaim.// Limesforschungen, Bd 15.
Skworon I. 1979. Osada z okresy rzymskiego na Pomorzu, w poludniowej Skandinawii i Jutlandii. Studium porównawcze. // Archaeologia Baltica, vol. IV.
Śmiszko M. 1932. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wschodniej. Lwów.
Stoljarik E.S. 1992. Essays on Monetary Circulation in the Nortn-Western Black Sea Region in the Late Roman and Byzantine Periods. Odessa.
Straume E. Glasgefäße mit Reparetur in nordisschen Grabfunden der Völkerwanderungszeit. Gladbach. 19
Szczukin M.B. 1981. Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska. // Problemy kultury wielbarkskiej. Słupsk.
Tejral J. 1995. Die Verbundeten Roms nördlich des pannonischen Limes und ihre Nobilität der Spätantike. // La noblesse romaine et les chefs barbares du III-e au VII-e siècle. Paris.
Thomas S. 1960. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit. // Arbeits -und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege. Bd 8. Leipzig.
Thrane H. 1993. Guld, guder og godtfolk — et magteentraum fra jenalderen ved Gudme og Lundeborg. København.
Tikhanova M.A., Shchukin M.B., Shcheglova O.A., Sharov O.V. (In print). The Structure of the Lepesovka Settlement.
Tjäder J.-O. 1972. Des Codex Argentus in Uppsala und die Buchmeister Viliaric in Ravenna. // Studia Gotica. Stockholm.
Trier B. 1969. Das Haus im Nordwesten der Germania Libera. Neumünster.
Tudor D. 1974. Les ponts romains du bas Danube. Bucharest.
Unverzagt W. Die Keramik des Kastells Alzey. // Materialen zu Römisch-Germanische Keramik. 1916.
Unverzagt W. 1970. Neue Ausgrabungen in Römerkastell Alzey. // 49. Bericht der RGK. 1968. Berlin.
Uslar R. 1938. Westgermanische Bodenfunde des I. bis III. Jhts nach Chr. aus Mittel- und Westdeutschland.
Walke N. 1965. Das römische Donaukastell Straubing-Sordiviodorum. Limesforschungen, Bd 3.
Werner J. 1938. Die römischen Bronzegeschirdepots des 3. Jahrhunderts und die mitteldeutsche Skelettgräbergruppe. // Marburger Studien. Darmstadt.
Werner J. 1966. Das Aufkommen von Bild und Schrift in Nordeuropa. München.
Werner J. 1973. Bemerkungen zur mitteldeutschen Skelettgräbergruppe Hassleben-Leuna. Zur Herkunft der «ingentia auxilia germanorum» des gallischen Sonderreiches in der Jahren 259-274 nach Chr. // Festschrift für Walter Schlesinger. Bd I. Mitteldeutsche Forschungen. Bd 74/1. Köln.
Werner J. 1988. Dančeny und Brangstrup. Untersuchungen zur Černjachow-Kultur zwischen Sereth und Dniester, und zu den «Reichtumzentren» auf Fünen. // Bönner Jahrbücher. Bd 188.
Wirth H. 1974. Kerbscheibenkalender Oslo. // Kallenderblätter.
Wolfram H. 1990. History of the Goths. Berkley.
Zeman J. 1976. Najstarsi slovenske osiedleni Čech. // Pamatké Archeologické. R. 1.
Zippelinus A. 1953. Das vörmittelalterliche dreischifftige Hallenhaus in Mitteleuropa. // Bönner Jahrbücher, Bd 153.

Магомедов Б.В.

ЧЕРНЯХОВСКИЙ МОГИЛЬНИК КУРНИКИ НА ЮЖНОМ БУГЕ

Magomedov B.V. The Chernyakhov cemeteries Kurniki on South Boug.

The cemetery is located close to the village of Kurniki (Tyvrov region, Vinnitza oblast) and is connected with the partially investigated settlement (fig. 1). The cemetery is investigated practically completely (fig. 2). On the northern site of it there are almost no finds in a layer; all burial places with inhumation are concentrated here (fig. 3-13; 14:3-6). On the southern site three cult holes are found, there are the calcined bones in the layer, also the fragments of burnt ceramics and others are present (fig. 14:1,2; 15). Presumably there was located the site with cremations, but it was destroyed by ploughing.

Fourteen inhumations among the total number of twenty-seven are directed to the north, thirteen - to the west. The burial No 18, apparently, is the cenotaph. 13 graves have steps, the wooden ceilings are leant on them. Western orientation, the holes with the steps, and also the tradition to coat the bottom of the hole beneath the deceased with the green clay (burial No 3) point to the presence of Late Scythian ethnic element. The custom of the northern orientation of the deceased put into the simple holes (more than 80 % on chernyakhov cemeteries), and also the tradition of the cremation belongs mainly to German-Goths.

Destroyed burials No 4, 14 and 19 are marked by its size and depth, there are valuable things kept in them. The similar graves of the aristocracy are connected with the German cultures of Central Europe. It is sensible to restrict the period of functioning of the cemetery to the second half of the 4th century, though it is possible that the last burial took place at the beginning of the 5 century (for example No 26).

Probably the cemetery belonged to one clan of the entatives local nobility, including the dependent people. Apart from the features of the burial customs, the ethnic belonging of the population is defined by the hand-made ceramics from a settlement. It belongs to Wielbark culture, which is connected with the tribe of the Goths. The people buried at the cemetery had the mixed origin. Except for the Germanics, there were the Late Scythians from the Black Sea area.

В 1983-1984 гг. экспедиция Института археологии НАН Украины исследовала могильник черняховской культуры вблизи с.Курники Тывровского района Винницкой области. Могильник связан с поселением, на южном участке которого раскопки проводились в те же годы (Магомедов, Гудим-Левкович 1991). Памятник расположен в 600 м западнее южной окраины села на небольшом наклонном мысу с южной стороны обводненной балки, впадающей в долину р.Черемшинки, небольшого левого притока Южного Буга (рис. 1).

Общая раскопанная площадь могильника — 1053 кв.м. Его границы прослежены полностью, памятник исследован практически целиком (рис. 2). На поверхности в южной части могильника встречались мелкие фрагменты пережженной керамики и отдельные кальцинированные кости. Хотя гумус здесь насыщен находками, из объектов найдены только три культовые ямы. Возможно, на этом участке находились неглубокие захоронения-кремации, в наше время полностью разрушенные ежегодной вспашкой и водной эрозией. На северном участке находок в слое почти не было, зато на нем сосредоточены все 27 захоронений-ингумаций.

Погребение 1 (рис. 3). Ориентировано широтно с отклонением на северо-запад. Яма прямоугольная с закругленными углами. Размеры 2,2 х 1,45 м, глубина 1,6 м. На глубине 1,1 м вдоль стен, кроме западной, прослеживались заплечики — сглаженный уступ шириной около 10 см. В заполнении могилы, особенно в верхней его части залегало несколько кальцинированных костей, а также мелкие угольки и другие вещи (рис. 3: 2-7). Собрано 275 пережженных гончарных фрагментов, принадлежавших кухонным горшкам, столовым мискам (большинство), вазам с горизонтальным венчиком (два-три сосуда), кувшинам, кубку. Кроме того, в заполнении найдено: три пережженных гранитных камешка, обожженные сердоликовые 14-гранные бусы, а также кремневый отщеп и обломок тонкостенного кубка зеленоватого стекла с овальными фасетками. На дне ямы у восточной стенки в беспорядке лежали кости ног и лучевая кость, в западной половине в 20 см выше дна — раскрошенные обломки тонкостенного кубка желтого стекла. Рядом находился человеческий шейный позвонок.

Погребение 2 (рис. 4:2). Ориентировано по направлениям северо-запад — юго-восток. Яма прямоугольная с заплечиками. Размеры входной ямы 2,3 х 1,1 м, погребальной камеры — 2,1 х 0,5 м. Высота заплечиков от дна — 0,25 м, глубина могилы — 1,45 м. Заполнение могилы

© Магомедов Б.В., 1999.

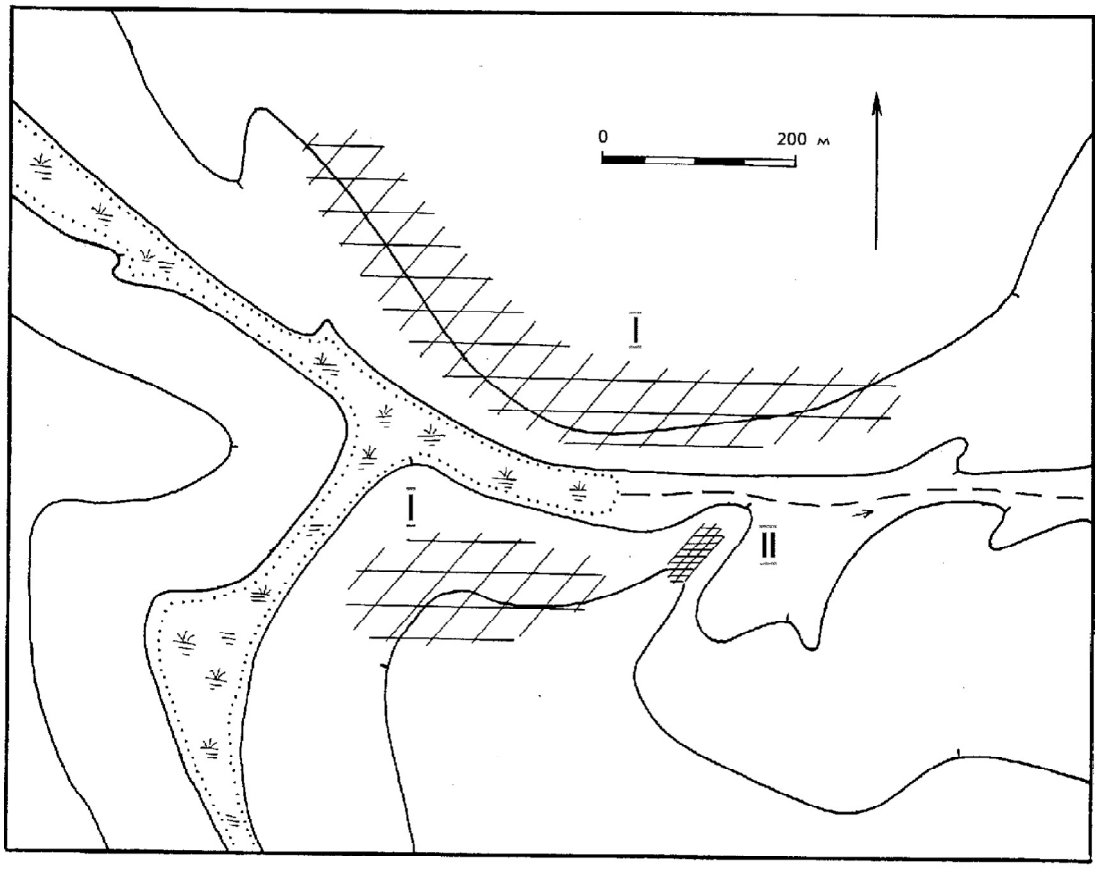

Рис. 1. Расположение черняховских памятников у с. Курники. I — поселение, II — могильник.

(в основном в верхних горизонтах) включало угольки, несколько мелких кальцинированных костей, а также 142 пережженных фрагмента гончарных сосудов: кухонных горшков, столовых мисок (большинство) и ваз. Кроме того, в заполнении найдены три обломка желтоватого стеклянного кубка с овальными фасетками. На дне ямы под юго-восточной стенкой лежали фаланги ног и кость плюсны.

Погребение 3 (рис. 4:1; 5). Ориентировано на север. Яма прямоугольная. Размеры 2,5 х 2,15 м, глубина 1,45. Захоронение располагалось в восточной части ямы. В западной половине под южной и северной стенками прослеживались две небольшие ступеньки высотой 5 см. Заполнение в верхней части было черное с включениями обожженной керамики и угольков. Кроме того, в заполнении найдены: фрагмент полусферического дна стеклянного кубка желтоватого цвета, кусок оплавленного бесцветного стекла, фрагмент крупной сердоликовой 14-гранной бусины, обломок железного ножа с рукояткой. В нижней части ямы заполнение по цвету почти не отличалось от материка. Скелет женщины[1], лежавший у восточной стенки головой на север, разрушен. В анатомическом порядке сохранились ноги и левая рука. Таз сдвинут, в области груди лежали в беспорядке ребра, позвонки, ключицы. Черепа не было. Под спиной покойной дно могилы подмазано зеленой глиной (размеры пятна 30 х 25 см). Западнее лежала стеклянная бусина. В этом же месте, выше дна в беспорядке располагались обломки двух горшков. Над тазом в 10 см выше дна находился большой фрагмент миски открытого типа. Прочие ее обломки, а также железный нож, лежали западнее костей ног. В ногах погребенной стояла трехручная ваза, накрытая перевернутой вверх дном миской закрытого типа. В вазе находился гончарный кубок. Все сосуды раздавлены.

1. Горшок гончарный, кухонный, серого цвета. По плечику орнамент — две врезные линии. Высота 14,5 см, диаметр венчика — 10,2 см (рис. 5:5).

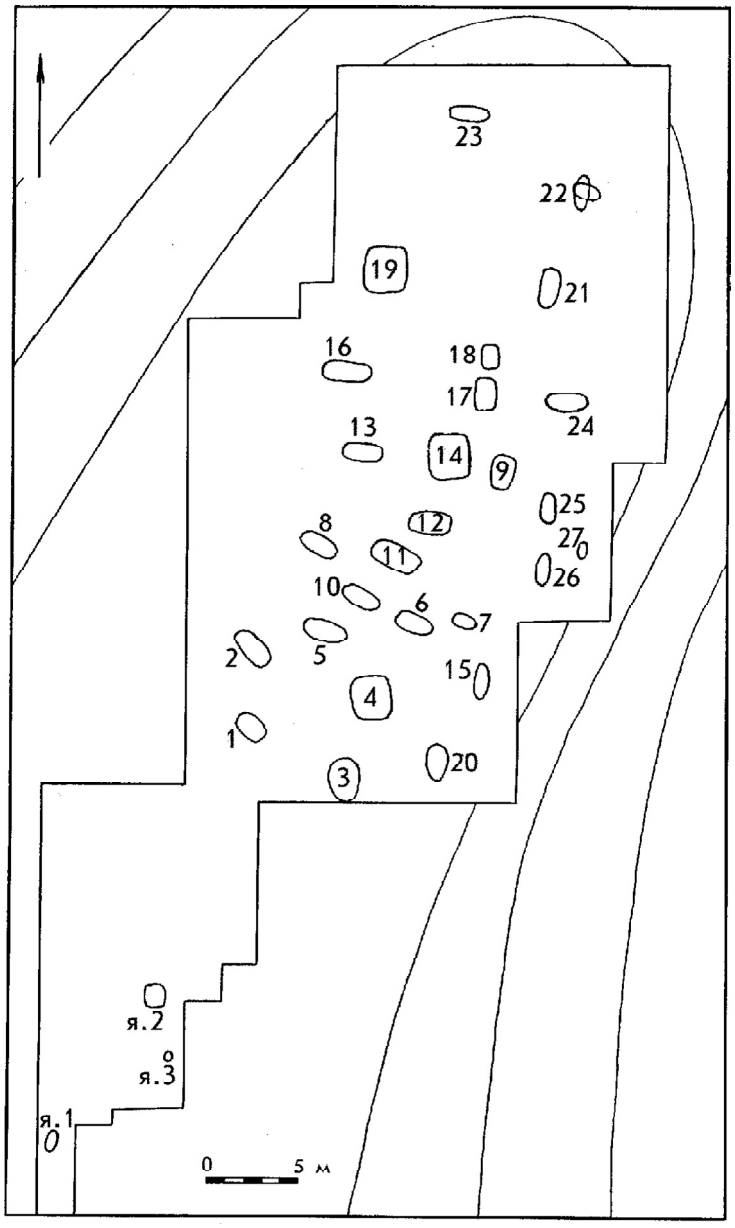
2. Горшок гончарный кухонный, красного цвета. Сильно закопченный. Высота 17,8 см, диаметр венчика — 11,6 см (рис. 5:6).

3. Миска гончарная столовая. Обожжена плохо, черепок слабый, серого цвета. Высота 6,4 см, диаметр венчика 21,2 см (рис. 5:4).

4. Миска гончарная столовая, серолощеная. Под венчиком по валику — линзовидный орнамент. Высота — 9,5 см, диаметр венчика — 23 см (рис. 5:7).

[1] Здесь и далее антропологические определения П.М.Покаса.

Рис. 2. План могильника Курники.

5. Трехручная ваза гончарная, черного цвета. Между миниатюрными ручками пролощен орнамент — многорядный зигзаг. Ниже в одном из секторов изображен знак в виде трезубца, образованного углубленными полосами, обрамленными двойным рядом пунктирного орнамента (отпечаток колесика) и отпечатками штампа-розетки. В другом секторе — простая фигура, исполненная в той же технике. Высота сосуда — 24,8 см, диаметр венчика — 21,4 см (рис. 5:2).

6. Кубок биконический гончарный, черного цвета. Поверхность непрочная. Орнамент пролощенный. Высота 6,6 см, диаметр венчика 8,8 см (рис. 5:3).

7. Нож железный с горбатой спинкой. На черенке следы деревянной рукояти. Длина 12,7 см (рис.5:1).

8. Бусина стеклянная короткая с широким отверстием, синего цвета.

Вещи из заполнения описаны выше.

Погребение 4 (рис. 6). Погребение с северной ориентацией в яме с заплечиками. Форма входной ямы прямоугольная с закругленными углами, кверху несколько расширяется. Ее размеры 2,35 х 1,9 м. Погребальная камера не совсем правильной прямоугольной формы, размеры 1,95 х 0,8 м. Глубина могилы 2,3 м, высота заплечиков 0,3 м. Заполнение от уровня зачистки (0,3 м) до глубины 1,25 м включало линзу углистого гумусированного грунта с прослойкой древесного угля. В этой линзе найдены пережженные сердоликовая 14-гранная бусина и разбитое прясло, а также около 70 фрагментов частично пережженной керамики, в том числе от кухонной посуды (в основном один горшок с

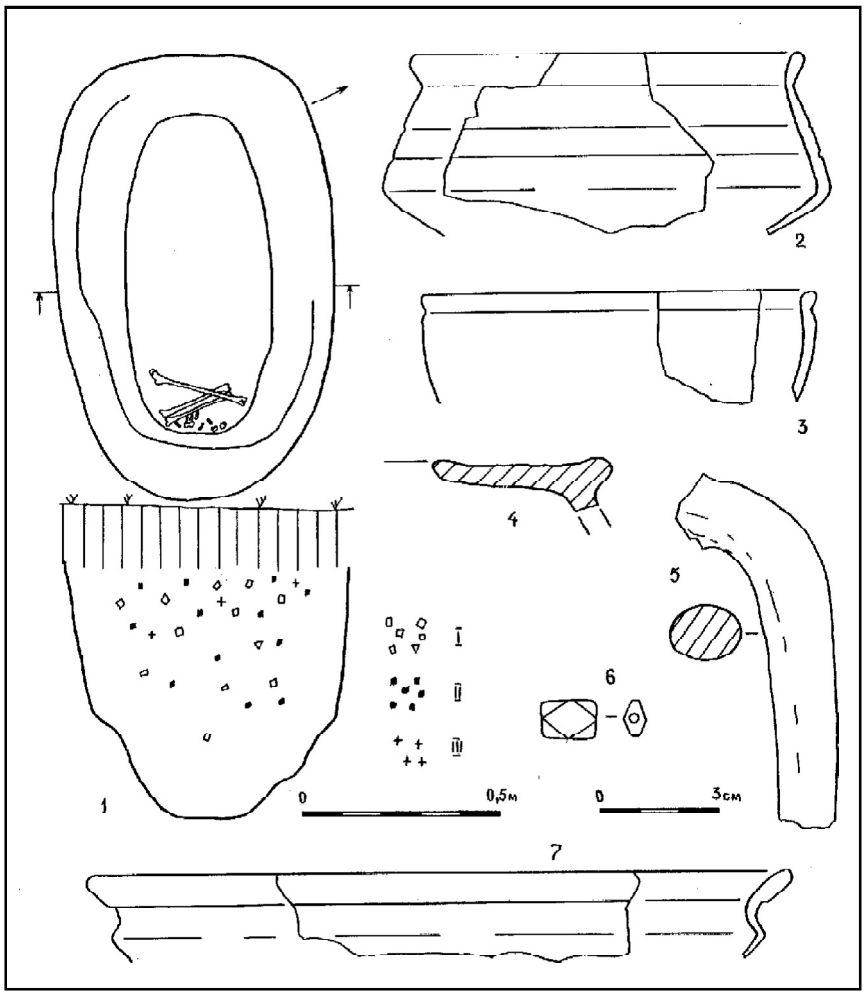

Рис. 3. Погр. 1. 1 — план (I — керамика, II — угольки, III — кальцинированные кости); 2-5,7 — керамическая посуда; 6 — сердоликовая бусина.

плохим обжигом), столовых мисок и импортной красноглиняной посуды со следами красной краски. В заполнении ниже линзы керамики было намного меньше. Здесь найдена вторая сердоликовая 14-гранная бусина и два молочных зуба. У дна входной ямы западнее погребальной камеры найдена железная пластинка, обломки стеклянного кубка и фрагменты трехручной вазы, другие части которой залегали в заполнении погребальной камеры и над ней. В камере находились остатки скелета подростка 12-14 лет, от которого в анатомическом порядка сохранились кости ног до колен. Севернее лежала часть таза, бедренные кости, одна плечевая, отдельные ребра и раздавленный череп. У ног найдены две серебряные фибулы, в северной части погребальной камеры — две сердоликовые бусины.

1. Трехручная гончарная ваза, фрагментирована. Обжиг слабый. Цвет коричневый, в изломе — от серого до розового. Орнамент сохранился в одном из трех секторов. Представляет собой зигзаг из углубленных полос, обрамленных отпечатками штампов-колесиков — пунктирного и зигзага.

2. Фрагменты стеклянного бесцветного кубка (6 экз.) с овальными фасетками. Диаметр в средней части около 7,5 см (рис. 6:5).

3. Пара литых серебряных двущитковых фибул с железной осью. Пружина двойная, на спинках по две пары зерненых колец. На полуовальных щитках с фестонами прочеканены углубления в виде полумесяца. Длина фибул 5,0 см и 4,9 см (рис. 6:2,3).

4. Пряслице биконическое со сколотым бочком, пережженное. Диаметр 2,8 см (рис. 6:4).

5. Бусы сердоликовые 14-гранные (одна пережжена). 4 экз.

6. Детали шкатулки (?). Железная пластинка 4 х 5 см, пробита стержнем и второй такой же стержень.

Погребение 5 (рис. 7:1,4). Яма с заплечиками. Погребенный ориентирован на запад с отклонением на север. Входная яма вытянутой формы с закругленными торцами имеют размеры 2,5 х 0,85-1,1 м. Размеры погребальной камеры — 2,15 х 0,45 м. Глубина захоронения 1,45 м, высота заплечиков 0,15 м. В заполнении могилы найдено три обломка стеклянного кубка. Скелет мужчины 35-40 лет лежал в вытянутом положении, руки на тазу. Лопатки, ключицы и ребра левой стороны смещены. Вокруг нижней челюсти и на груди лежали стеклянные бусы,

за затылком три коралловые бусины.

1. Фрагмент кубка из бесцветного тонкого стекла. Под венчиком две прошлифованные полосы, ниже — три ряда овальных фасеток. Диаметр венчика около 8 см (рис. 7:4).

2. Бусы: синие кубооктаэдрические (14-гранные) — 36 экз.; цилиндрические коралловые — 3 экз.

Погребение 6 (рис. 7:2). Яма с заплечиками. Ориентация западная. Входная яма прямоугольная с закругленными углами, размеры погребальной камеры 1,78 х 0,44 м. Глубина могилы 1,35 м, высота заплечиков 0,1 м. Похороненный мужчина 30-35 лет лежал в вытянутом положении. В области шеи и лица лежал бисер.

1. Бусы: бисер рубленый диаметром около 2 мм — 34 целых экз., примерно 18 — обломки; бисер округлый диаметром 2-5 мм — 13 экз. синего цвета, 4 — зеленого, 2 — бесцветных.

Погребение 7 (рис. 7:3). Овальная яма, ориентация западная. Размеры могилы 1,4 х 0,65 м, глубина 1,03 м. Скелет ребенка 7-8 лет лежал на спине, локти и колени раздвинуты.

Погребение 8 (рис. 8:1). Яма с заплечиками, прямоугольная с закругленными углами. Ориентация северо-западная с отклонением на запад. Размеры входной ямы 2,17 х 1,1 м, погребальной камеры — 2 х 0,58 м. Глубина могилы 1,5 м, высота заплечиков 0,17 м. Скелет мужчины 30-35 лет лежал в вытянутом положении. Вокруг черепа найдены бусы.

1. Бусы: сердоликовые 14-гранные — 2 экз.; бронзовая из узкой (2 мм) полосы, диаметр 4 мм — 1 экз.; янтарная округлая, диаметр 6 мм — 1 экз.; стеклянные синие цилиндрические витые, длина 14 мм, диаметр 5 мм — 2 экз. (1 фрагментирован); стеклянная синяя цилиндрическая неправильной формы, длина 8 мм, диаметр 5 мм — 1 экз.; стеклянная синяя кольцевая, диаметр 8 мм — 1 экз.; стеклянный округлый бисер (две двойные), диаметр 3-4 мм — 110 экз.

Погребение 9 (рис. 8:2,4,5). Яма с заплечиками. Ориентирована меридионально с отклонением на северо-восток. Входная яма неправильной прямоугольной формы. По-видимому, северная часть могилы повреждена перекопом.

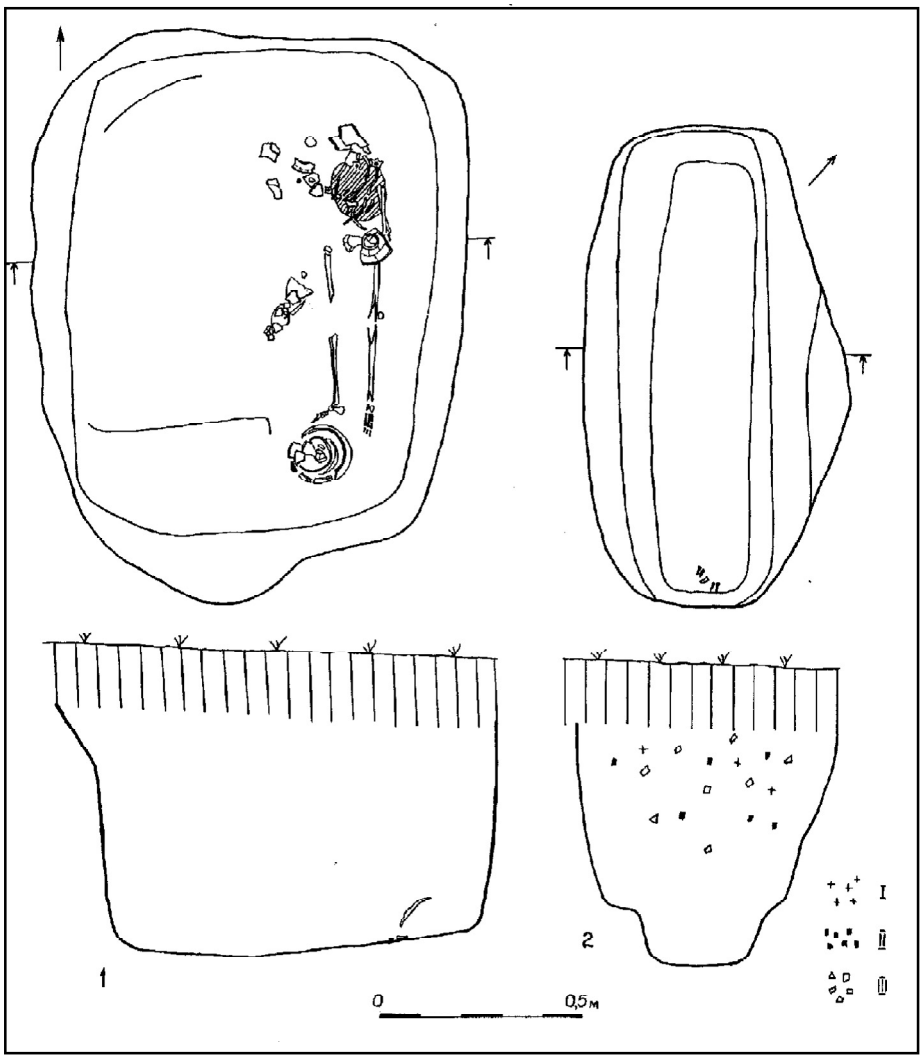

Рис. 4. 1 — план погр. 3; 2 — план погр. 2 (I — кальцинированные кости, II — угольки, III — керамика).

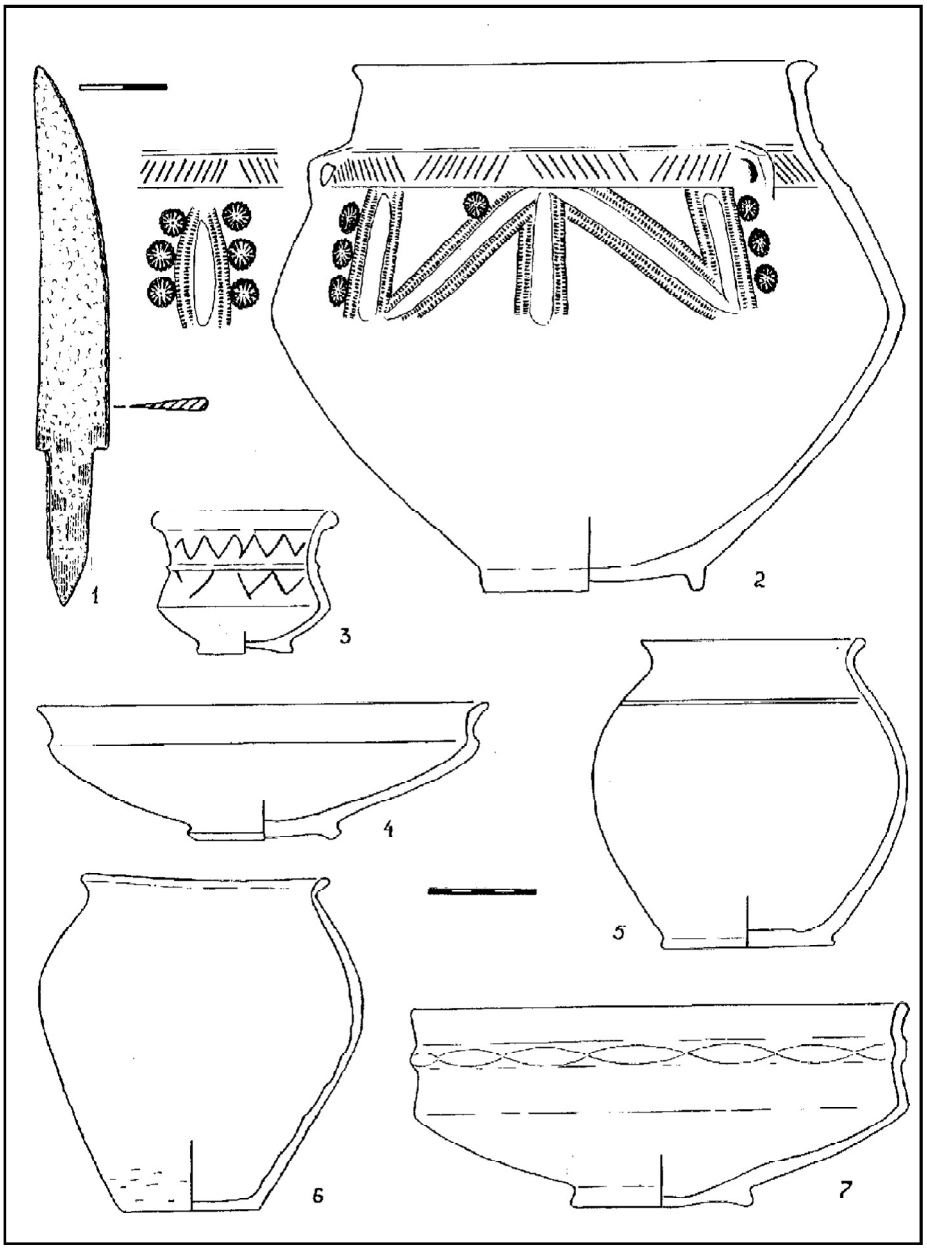

Рис. 5. Инвентарь погр. 3. 1 — железный нож; 2-7 — керамическая посуда.

Размеры входной ямы 2,0 х 1,5 м, погребальной камеры — 1,95 х 0,75 м. Глубина могилы 1,45 м, высота заплечиков — 0,25 м. Погребение разрушено в древности. Скопление поломанных костей находилось в центре ямы, у южной стенки лежало несколько костей ступни. В северной половине могилы на дне и в заполнении (до 0,4 м выше дна) залегали обломки двух мисок.

1. Миска гончарная из грубого «кухонного» теста. Обжиг слабый. Высота 8 см, диаметр венчика 21,5 см (рис. 8:4).

2. Миска гончарная, лощеная. Обжиг слабый. По ребру рельефный орнамент — косые каннелюры. Высота 8,4 см, диаметр венчика 17,5 см (рис. 8:5).

Погребение 10 (рис. 8:3). Яма с заплечиками, с закругленными торцами. Ориентация западная с отклонением на север. Размеры входной ямы 1,95 х 0,75 м, погребальной камеры — 1,92 х 0,55 м. Глубина могилы 0,95 м, высота заплечиков 0,10 м. В материковом заполнении центральной и западной частей ямы с глубины 0,65 м залегала плотная углистая прослойка корытовидной формы. Ее длина 1 м, ширина до 0,5 м, толщина 1-3 см. Четкая структура древесных волокон наблюдалась только с вогнутой стороны прослойки, с выпуклой стороны структура аморфная. Очевидно, это остатки обгорелой плахи с корой. Ниже плотной прослойки до скелета встречались отдельные угольки. Выше углистой прослойки в заполнении найдено 40 фрагментов пережженной гончарной кухонной и столовой керамики, в том числе Т-образный венчик вазы. Скелет женщины (?) 30-35 лет

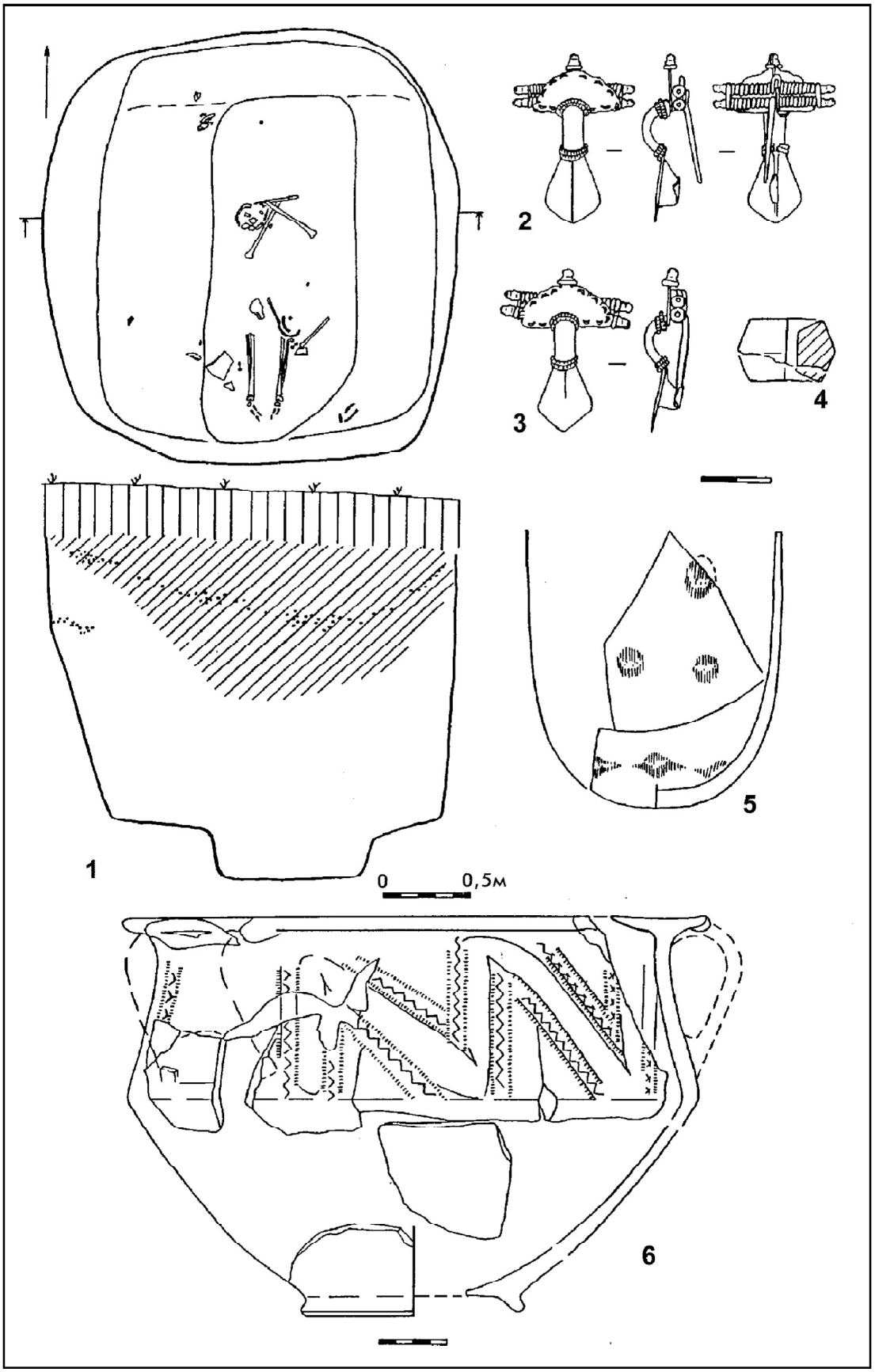

Рис. 6. Погр. 4. 1 — план, 2,3 — серебряные фибулы; 4 — керамическое пряслице; 5 — фрагментированный стеклянный кубок; 6 — керамическая ваза (реконструкция).

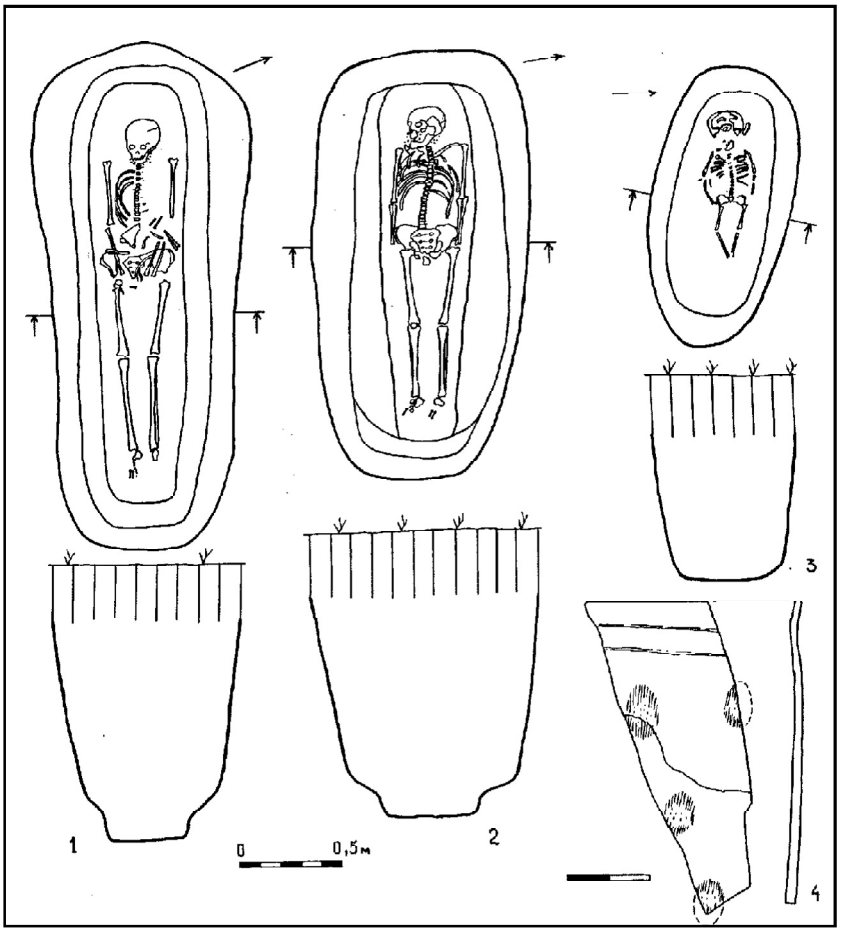

Рис. 7. 1 — план погр. 5; 2 — план погр. 6; 3 — план погр. 7; 4 — фрагмент стеклянного кубка из погр. 5.

лежал в вытянутом положении на спине.

Погребение 11[2] . Могильная яма с заплечиками ориентирована широтно с отклонением на северо-запад. Размеры 2,4 х 1,3 м. Скелет полностью разрушен, инвентаря нет.

Погребение 12. Яма размерами 2,1 х 1,2 м ориентирована по линии запад-восток. В заполнении найден фрагмент стенки зеленоватого толстостенного стеклянного кубка с овальными фасетками (рис. 9:8). Скелет разрушен.

Погребение 13. Яма размерами 2,1 х 0,9 м ориентирована по линии запад-восток. Скелет разрушен, инвентарь отсутствует.

Погребение 14 (рис. 9:9-15). Могила с заплечиками. Прямоугольная входная яма размерами 2,5 х 2,2 м ориентирована по линии север-юг. В дно врезана погребальная камера размерами 1,8 х 0,5 м, глубина 0,2 м. Общая глубина могилы — 2 м. В заполнении прослеживалась яма перекопа, заполненная темным грунтом с угольками. В нем найден фрагмент стенки краснолакового кувшина. В нижней части заполнения входной ямы и в погребальной камере залегали обломки двух кухонных горшков и отдельные кости скелета очень плохой сохранности. В центре погребальной камеры выше дна находилось скопление бус, прочие вещи найдены у дна.

1. Горшок гончарный, кухонный, серого цвета. Высота 14,6 см. Диаметр венчика 13 см (рис. 9:14).

2. Подобный горшок. По плечикам врезаны две горизонтальные линии. Высота 11 см. Диаметр венчика 9,8 см (рис. 9:15).

3. Стенка красноглиняного античного кувшина с веретенообразным туловом.

4. Биконическое прясло с вогнутыми основаниями. Обжиг слабый, цвет красный. Диаметр 3,4 см (рис. 9:9).

5. Аналогичное прясло. При выемке разрушилось.

6. Железный пинцет (?). Длина 4,5 см (рис. 9:13).

7. Обломок бронзовой булавки с остатками дерева. Длина 10 мм, диаметр 1 мм.

8. Бусы стеклянные синие кубооктаэдрические (14-гранные) — целых 6 экземпляров и обломки приблизительно от 20 экз. (размеры граней 5-6,5 мм); сердоликовая 14-гранная, длина 13 мм, 1 экз.; янтарная плоскоокруглая, диаметр 12 мм, 1 экз. (рис. 9:10-12).

[2] Описание захоронений 11-27 местами дано кратко из-за частичной утраты документации.

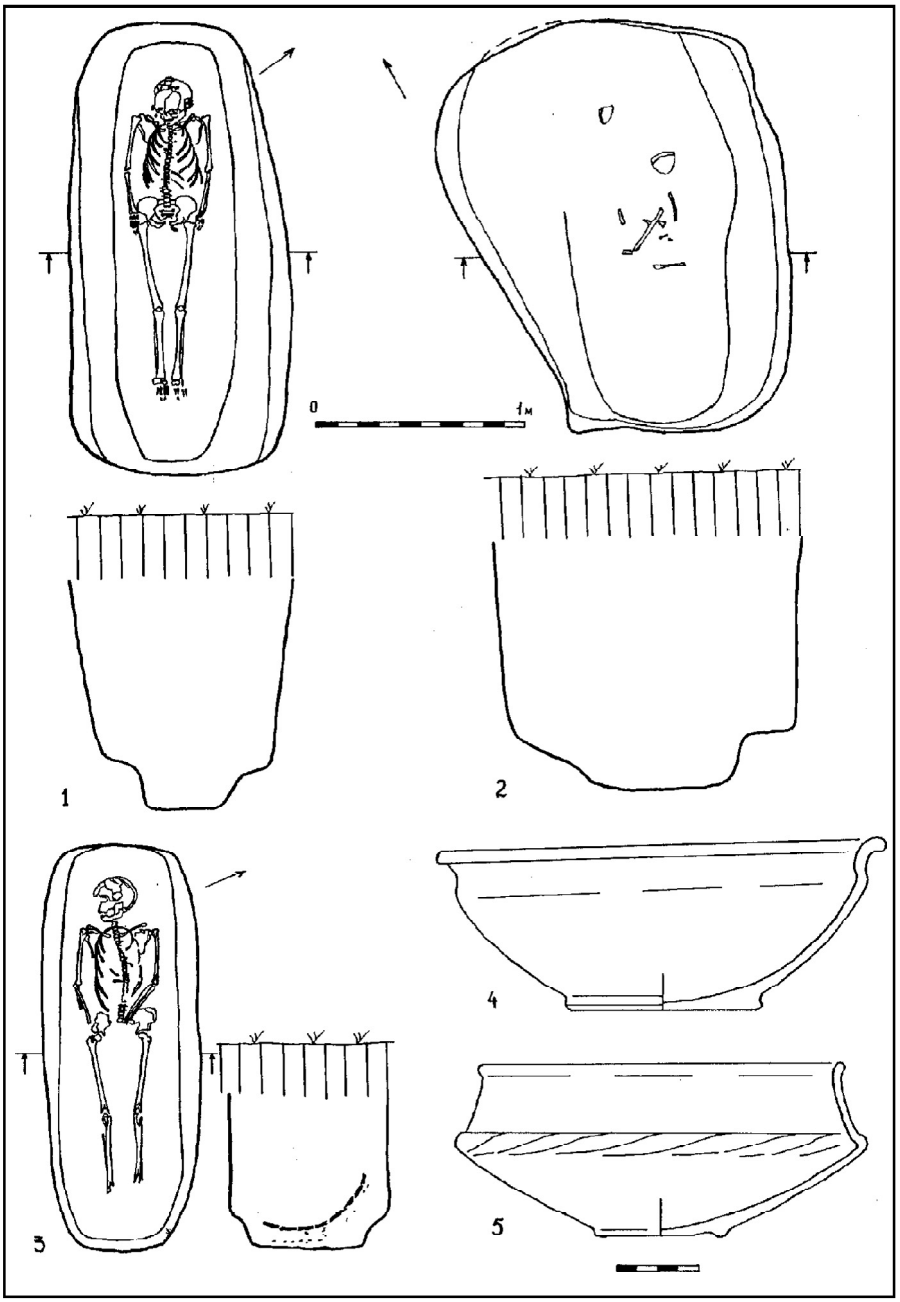

Рис. 8. 1 — план погр. 8; 2 — план погр. 9; 3 — план погр. 10; 4, 5 — керамическая посуда из погр. 9.

Погребение 15 (рис. 10:1,3-7). Яма овальная, размерами 1,9 х 0,8 м, ориентирована меридионально. В заполнении встречались угольки, на глубине 0,7 м найден слиток желтоватого стекла. Скелет лежал головой на север у западной стенки ямы. Поза вытянутая, череп лицевой частью повернут вправо. Позвоночник и грудная клетка разрушены (возможно, грызунами), не сохранилась и кисть левой руки. На плечах лежали две бронзовые фибулы. В области нижней челюсти и на месте шейных позвонков был рассыпан синий бисер. На восток от черепа лежал костяной гребень. В ногах скелета, вплотную к южной стенке могилы стояли два треснувших горшка.

1. Горшок гончарный, желто-серый. Украшен по плечику врезанными линиями. Высота 16 см, диаметр венчика 14 см (рис. 10:3).

2. Подобный горшок. Не сохранился.

3. Бронзовая подвязная фибула с железной осью. Длина 44 мм, ширина спинки 4,5 мм (рис. 10:4).

4. Однотипная фибула. Длина 44 мм, ширина спинки 5 мм (рис. 10:5). На пружинах обоих фибул сохранились остатки ткани из растительных волокон с полотняным переплетением.

5. Слиток желтоватого стекла.

6. Округлый бисер из синего стекла, диаметр 3,5-4,5 мм — 21 экз. (рис. 10:6).

7. Гребень из оленьего рога многочастный с «колоколовидной» спинкой, фрагментированный. Высота 4 см (рис. 10:7).

Погребение 16 (рис. 10:2). Могила с заплечиками. Размеры 2,5 х 1 м. Ширина погребальной камеры — 0,5 м, ширина заплечиков 0,2 м. Погребенный лежал головой на запад. Левая рука протянута вдоль тела, правая согнута в локте. По обеим диагоналям могилы из угла в угол на заплечиках и костях скелета залегали угли — следы обгоревших плах. По-видимому, погребение на уровне заплечиков было перекрыто деревянной конструкцией, которая включала сложенные в виде косого креста обугленные бревна. Инвентаря в могиле не было.

Погребение 17 (рис. 11, 12). Детское; с северной ориентацией, в прямоугольной яме размером 1,3 х 0,8 м, глубина 1 м. Скелет лежал в вытянутом положении на спине. Руки слегка согнуты в локтях, череп повернут влево. Кости ступни отсутствовали. На плечах лежали две железные фибулы. Выше правого плеча — три бронзовых проволочных кольца-подвески и одно серебряное, выше левого плеча — четыре бронзовых кольца. Очевидно, подвески вплетались в прическу. В области шеи найдено несколько бусин. Между коленями лежал костяной футляр-игольник с железной иглой, рядом — два фрагмента крупной кости животного. Западнее черепа стояла большая миска, наполненная куриными костями. Много погребального инвентаря находилось у восточной стенки могилы. На земле стояли или лежали на боку столовая ваза и три кухонных горшка, кувшин, возле них лежал керамический кубок, а на нем миска с яичной скорлупой. Под посудой найдено пряслице.

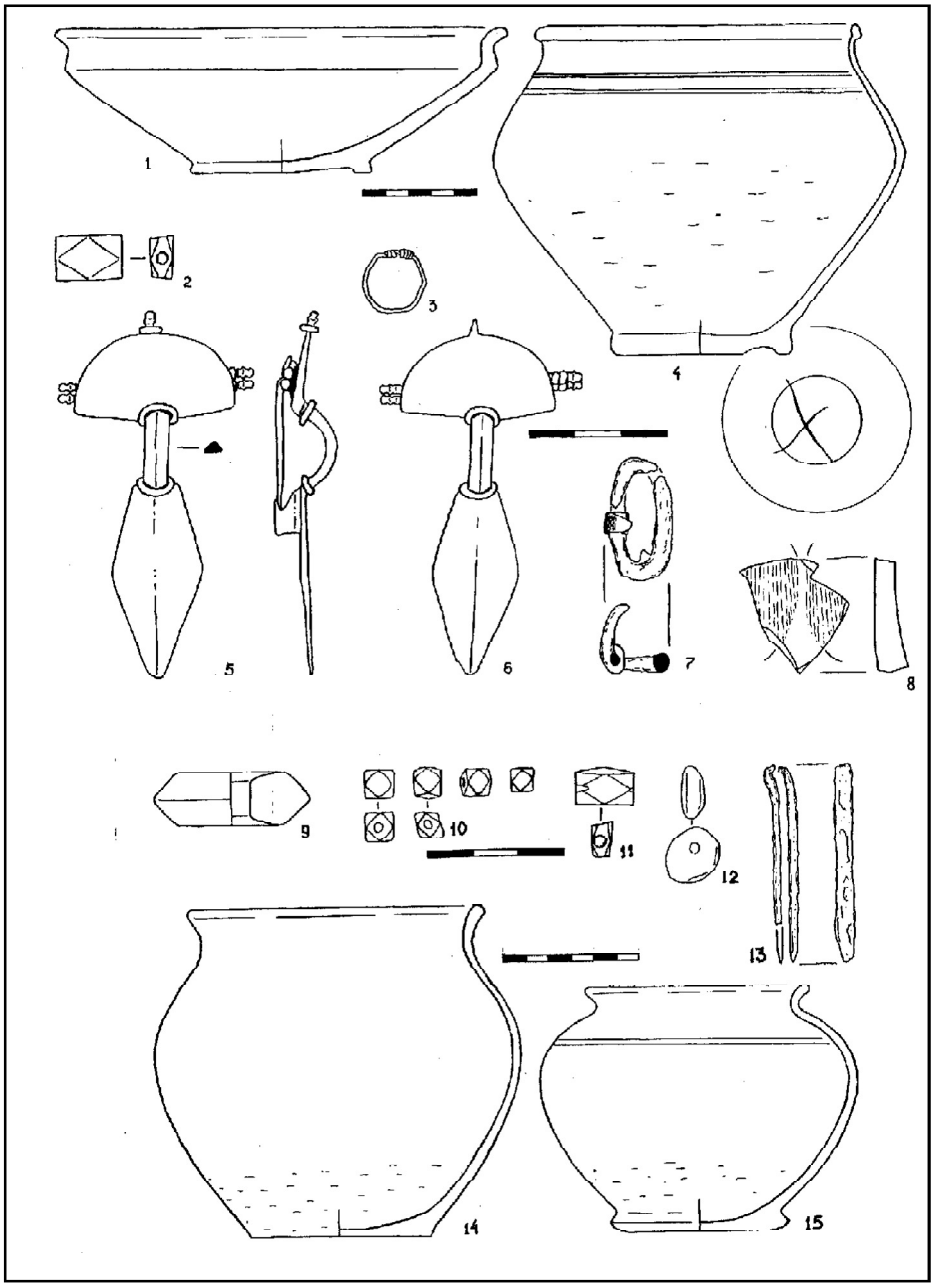

Рис. 9. 1-3 — погр. 20; 4 — погр. 19; 5, 6 — погр. 26; 7 — погр. 25; 8 — погр. 12; 9-15 — погр. 14. 1, 2, 14, 15 — керамическая посуда; 3, 11 — сердоликовые бусы; 4 — золотая подвеска; 5, 6 — серебряные фибулы; 7 — железная пряжка; 8 — фрагмент стеклянного кубка; 9 — керамическое пряслице; 10 — стеклянные бусы; 12 — янтарная бусина; 13 — железный пинцет.

Второе, более крупное, находилось севернее. В этом же месте лежало костяное лощило-тупик, а также кусок ладана.

1. Кувшин гончарный из глины с примесью крупного песка, темно-серого цвета. Высота 20 см, диаметр венчика 7,5 см (рис. 12:4).

2. Кубок гончарный серолощеный с округлым дном. Высота 5 см, диаметр венчика 10 см (рис. 12:6).

3. Ваза гончарная столовая серолощеная. Высота 14 см, диаметр венчика 13 см (рис. 12:7).

4. Миска гончарная столовая серолощеная. Высота 6,6 см, диаметр венчика 19,6 см (рис. 12:5).

5. Миска лепная лощеная. По-видимому, подправлена на гончарном круге (на стенках прослеживаются горизонтальные полосы). Обжиг неравномерный — поверхность покрыта желтыми и серыми пятнами. Высота 5 см, диаметр венчика — 13,7 см (рис. 12:8).

6. Кухонный гончарный горшок. Цвет серо-желтый с розовыми пятнами. В процессе изготовления деформирован. Высота 13 см, диаметр венчика 11,3 см (рис. 12:2).

7. Кухонный гончарный горшок, светло-серый. Высота 11 см, диаметр венчика 10,6 см (рис. 12:1).

8. Миниатюрный гончарный кухонный горшочек темно-серого цвета. При формовке перекошен. Высота 8 см, диаметр венчика 7,5 см (рис. 12:3).

9. Пряслице биконическое с вогнутой основой. Формовка неровная, обжиг — черными и красными пятнами. Диаметр 3,2 см (рис. 11:4).

10. Подобное прясло, серолощеное. В отличие от первого экземпляра, изготовлено на станке. Диаметр 2,6 см (рис. 11:3).

11. Игольник из трубчатой птичьей кости. Длина 8,2 см, диаметр 0,9 см (рис. 11:22).

12. Швейная железная игла с ушком.

13. Лощило (тупик) из коровьего ребра. Рабочий край заполирован. Длина 10,7 см (рис. 11:21).

14. Кусок ладана в виде пластинки. Цвет коричневый. Сохранил ароматические свойства. Длина 11,2 см (рис. 11:20).

15. Железная фибула со сплошным приемником и надставленными пружинами. Длина 3,3 см, ширина спинки 0,5 см (рис. 11:2).

16. Подобная фибула худшей сохранности. Ширина спинки 0,6 см.

17. Подвеска-кольцо из серебряной проволоки с утолщением посередине и завязанными концами. Диаметр 1,4 см, толщина проволоки 0,08-0,2 см (рис. 11:12).

18. Подвески-кольца из бронзовой проволоки с завязанными концами, 7 экземпляров. Диаметр 2,0-2,6 см, толщина проволоки 0,1 см (рис. 11:13-19).

19. Разноцветные бусы. Пастовая белая цилиндрическая с отбитым концом, диаметр 12 мм, длина 15 мм; стеклянные синие округло-уплощенные, диаметр 9-12 мм — 3 экз.; бисер стеклянный синий, диаметр 4 мм — 2 экземпляра целых и обломки еще нескольких; бисер бронзовый (свернуты из плоской проволоки), диаметр 3 мм — 2 экземпляра (рис. 11:5-11).

Погребение 18. Кенотаф (?). Яма прямоугольная, ориентирована по линии север-юг. Размеры 1 х 0,6 м, глубина 1 м. Под северной и западной стенками располагалась посуда. Внутри вазы стоял кубок.

1. Трехручная ваза гончарная. Серолощеная, излом розовый. Обжиг слабый. Орнамент выполнен глубоко пролощенными полосами, обрамленными пунктирным штампом, а также штампами в виде концентрических кругов и треугольников. Диаметр венчика 31 см, высота 19 см (рис. 13:1)

2. Гончарная чаша. Лощеная, цвет коричневый, на изломе розовый. Обжиг слабый. На донной части орнамент: шесть радиальных пар пролощенных линий, обрамленных пунктирным штампом («солярный знак»). Высота 2,6 см, диаметр венчика 12 см (рис. 13:2).

3. Кувшин гончарный столовый светло-серого цвета. Поверхность мажется. Ручка в сечении прямоугольная. Высота 16,5 см, диаметр венчика 11 см (рис. 13:3).

4. Миска гончарная столовая, светло-серая. Поверхность мажется. Высота 5,4 см, диаметр венчика 16 см (рис. 13:4).

5. Горшок гончарный кухонный серый. Высота 14,8 см, диаметр венчика 14 см (рис. 13:5).

Погребение 19. Могила с заплечиками, ориентирована в направлении север-юг. Прямоугольная входная яма имела размеры 2,2 х 1,8 м. Погребальная камера прямоугольная, размером 1,8 х 0,6 м, высота заплечиков 0,2 м. Общая глубина могилы 2,2 м. В заполнении прослеживалась воронка перекопа, насыщенная угольками и мелкими фрагментами пережженной керамики. В южном конце погребальной камеры лежали кости ступни, прочие кости скелета плохой сохранности беспорядочными скоплениями размещались в северо-восточном углу входной ямы и возле западной стенки погребальной камеры. Здесь среди костей найдена подвеска-кольцо из золотой проволоки с завязанными концами. Диаметр 8 мм, сечение проволоки 0,7 мм (рис. 9:4).

Погребение 20. Овальная яма ориентирована в направлении север-юг. Размеры 2 х 1 м, глубина 1,5 м. В заполнении встречались угольки, найдены две бусины. В нижней части заполнения в беспорядке размещались кости скелета, а в южной половине могилы на разной глубине залегали обломки горшка и миски. В этом же месте у самого дна плотным скоплением лежали остатки раскрошенного стеклянного кубка.

1. Горшок гончарный кухонный серый. На

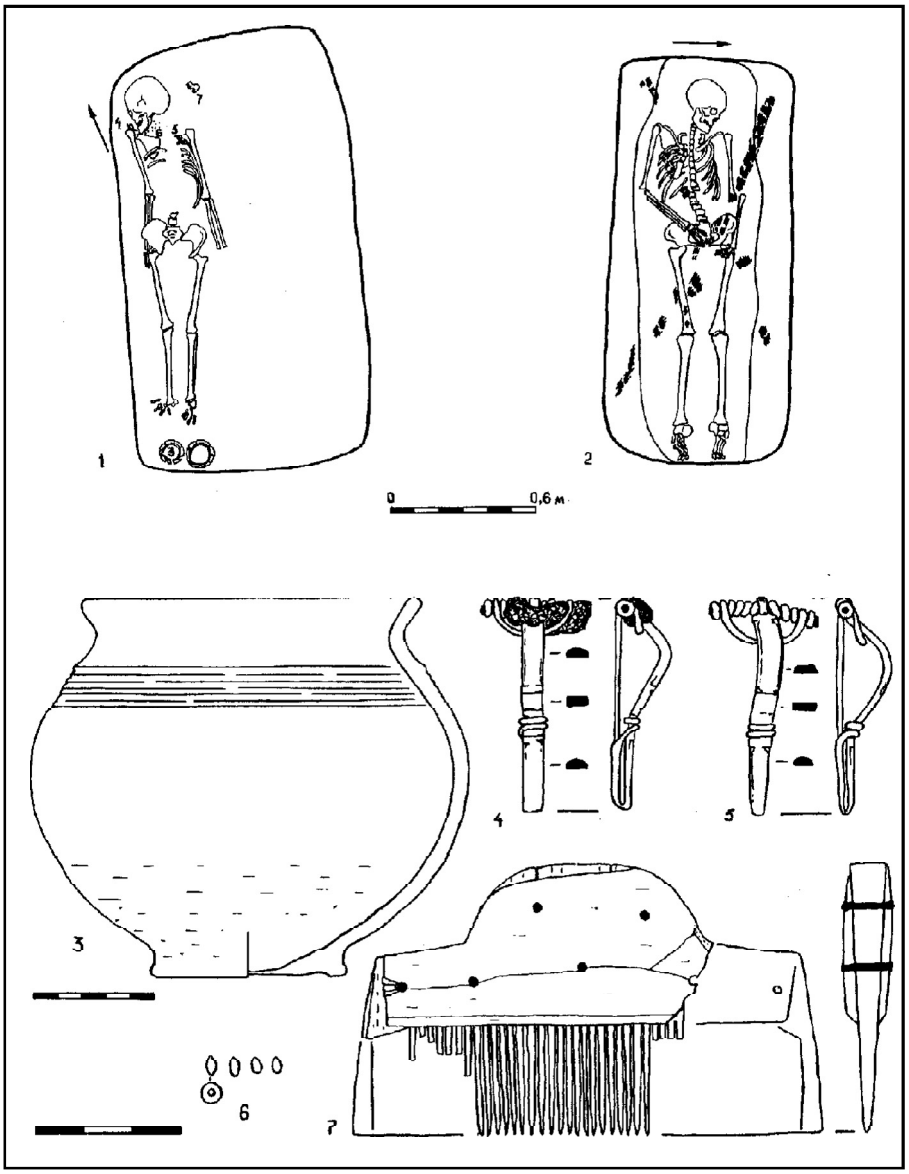

Рис. 10. 1,3-7 — погр. 15; 2 — погр. 16. 3 — керамический горшок; 4,5 — бронзовые фибулы; 6 — стеклянный бисер; 7 — гребень из оленьего рога.

плечике врезаны две горизонтальные линии. На дне прочерчен крест. Высота 14,5 см, диаметр венчика 14,2 см (рис. 9:2).

2. Миска гончарная серолощеная, поверхность мажется. Высота 6,5 см, диаметр венчика 20 см (рис. 9:1).

3. Мелкие обломки раскрошенного толстостенного кубка из бесцветного стекла.

4. Бусы: сердоликовая 14-гранная, обесцвеченная в огне, длина 15 мм (рис. 9:3); обломок крупной бусины черного стекла с восьмерковидным орнаментом из желтой нитки.

Погребение 21. Прямоугольная яма ориентирована меридионально, размеры 2,2 х 1 м, глубина 2 м. В заполнении найдена одна фаланга ноги, другие кости в могиле не зафиксированы. Под торцовой южной стенкой стояли сосуды — два горшка и две миски. По-видимому, останки погребенного были извлечены при разрушении могилы.

1. Горшок гончарный кухонный серо-желтого цвета. По плечику украшен широкой полосой из врезных линий. В процессе изготовления сосуд перекошен. Нижняя часть закопчена. Высота 11,5 см, диаметр венчика 8,3 см (рис. 14:5).

2. Горшок гончарный кухонный, светло-серый. Высота 12,5 см, диаметр венчика 9,6 см (рис. 14:3).

3. Миска гончарная из «кухонной» глины, светло-серая. Высота 15,5 см, диаметр венчика 13,5 см (рис. 14:4).

4. Подобная миска. Высота 16 см, диаметр венчика 10 см (рис. 14:6).

Погребение 22. Яма прямоугольная с закругленными углами, ориентирована меридионально. Размеры 1,95 х 0,7 м, глубина 1,5 м. Ее пересекала вторая яма, ориентированная в широтном направлении, с размерами 1,5 х 0,8 м; глубина около 1 м; дно имело уклон в направлении первой ямы. На дне первой ямы головой

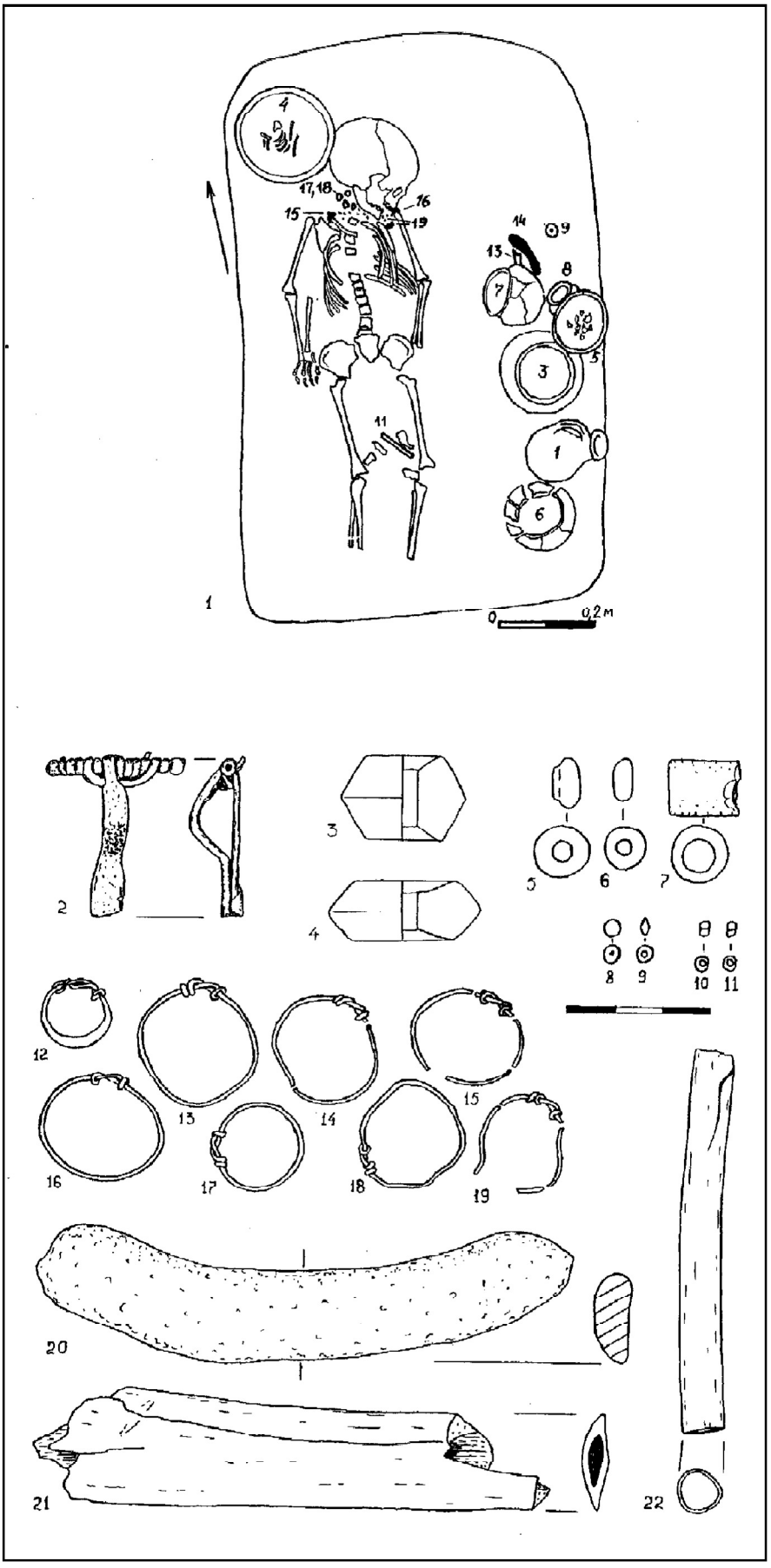

Рис. 11. Погр. 17. 1 — план; 2 — железная фибула; 3,4 — керамические прясла; 5-9 — стеклянные бусы; 10,11 — бронзовые бусы; 12 — серебряная подвеска; 13-19 — бронзовые подвески; 20 — пластинка ладана; 21 — костяное лощило; 22 — костяной игольник.

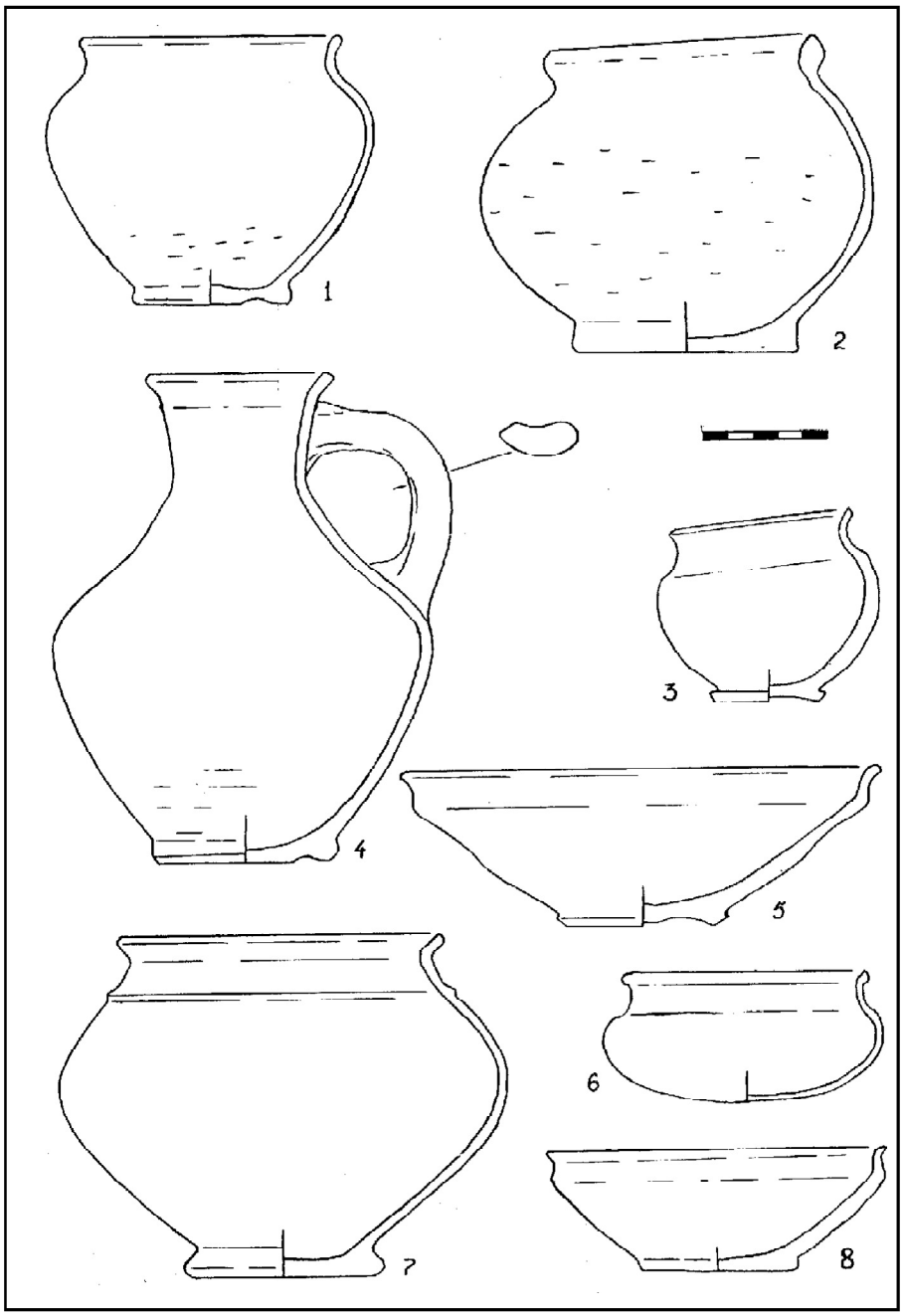

Рис. 12. Погр. 17. 1-8 — керамическая посуда.

на север лежал скелет в вытянутом положении на спине. Части скелета, перерезанные второй ямой (таз, позвонки, грудная клетка, кости рук), смещены и частично отсутствуют. Заполнение обеих ям однородное, светлое. В пределах второй ямы найден кусок оплавленного стекла коричневого цвета. По-видимому, вторую яму начали копать, не зная о существовании первой, но, обнаружив скелет, сооружение новой могилы прекратили.

Погребение 23. Яма с заплечиками, прямоугольная, размеры 2,1 х 0,9 м, глубина 1,1 м. Скелет лежал головой на запад в вытянутом положении на спине. Ивентарь отсутствовал.

Погребение 24. Прямоугольная яма 2,1 х 0,9 м, глубина 0,6 м. Скелет лежал головой на запад в вытянутом положении на спине. На груди найдены плохо сохранившиеся остатки железной фибулы со сплошным приемником.

Погребение 25. Яма прямоугольная, ориентирована меридионально. Размер 1,7 х 0,7 м. Скелет лежал головой на север в вытянутом положении на спине. На уровне пояса на позвонке лежала железная овальная пряжка длиной 2,5 см с загнутым язычком (рис. 9:7).

Погребение 26. Прямоугольная яма, ориентирована меридионально. Размеры 1,7 х 0,65 м, глубина 1 м. Скелет лежал головой на север

в вытянутом положении на спине. На ключицах располагались ножками в сторону черепа две фибулы, в области шеи — бисер.

1. Фибула серебряная двущитковая. Пружина двойная с железными осями. Нижняя рабочая пружина с тетивой надставлена декоративными витками. На спинке два проволочных кольца, на вершине полукруглого щитка — «кнопка», также с кольцом. Длина фибулы 8,0 см. На пружине сохранились остатки ткани полотняного переплетения (рис. 9:5).

2. Аналогичная фибула, но «кнопка» утрачена в древности. Пружинный аппарат у этого экземпляра упрощен. Нижняя пружина, не разделенная на рабочую и декоративную части, непосредственно переходит в иглу. Из-за этого серебряная проволока лопнула на последнем витке и игла свободно ходит на оси (рис. 9:6).

3. Бисер резаный синий, диаметр 1,5 см, длина 2 мм — 28 экз.

Погребение 27. Яма овальная, размер 1 х 0,5 м, глубина 1 м. Скелет ребенка, судя по зубам, приблизительно 7-летнего возраста, лежал на спине головой на север. В области шеи найден синий округлый бисер (диаметр 2 мм, встречаются двойные экземпляры) — 54 экз.

Яма 1 (рис. 14:1). В плане овальная, стенки наклонные. Размеры 1,2 х 0,7 м, глубина 1,10 м. Ориентирована меридионально. В заполнении, имеющем в верхний части темный цвет, на глубине до 0,8 м найдено 59 мелких фрагментов пережженной гончарной кухонной и столовой (преимущественно) керамики, а также пережженное биконическое прясло из глины с при-

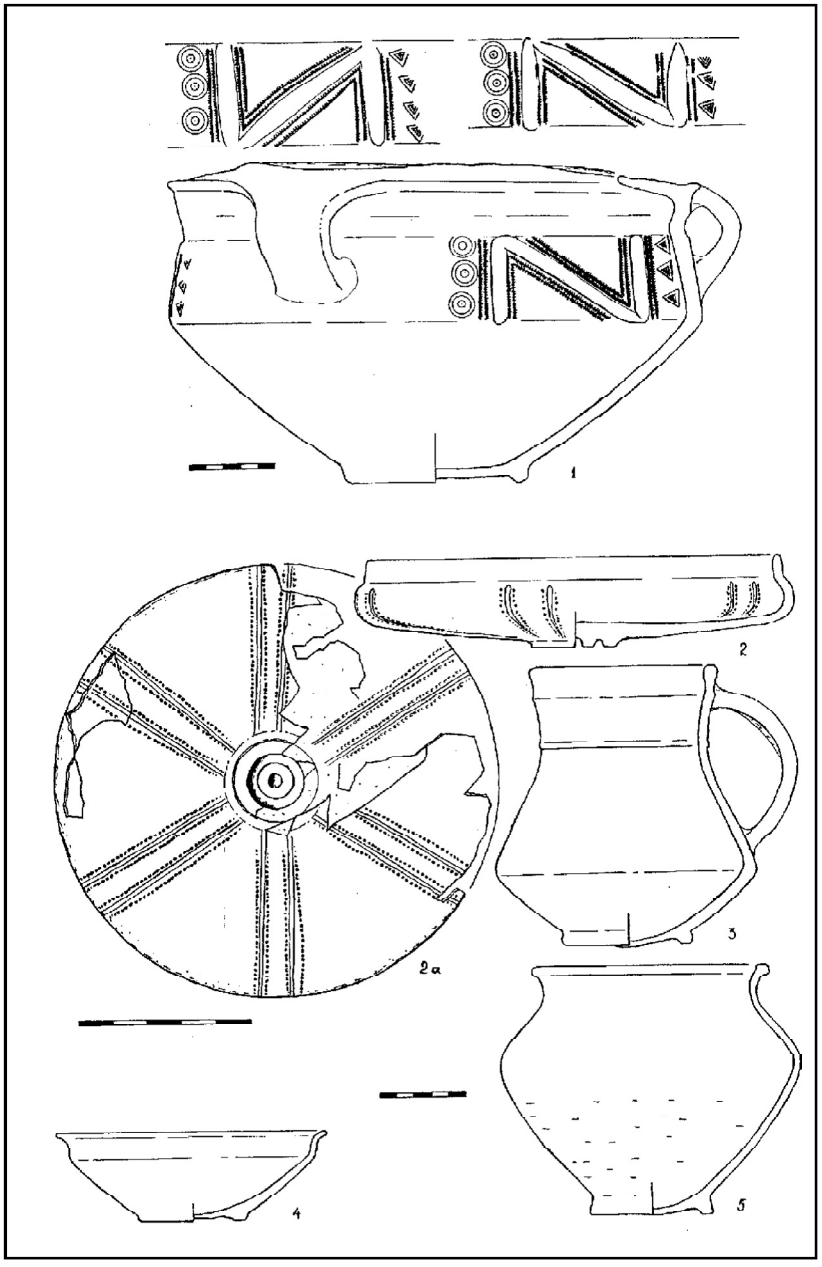

Рис. 13. Погр. 18. 1-5 — керамическая посуда.

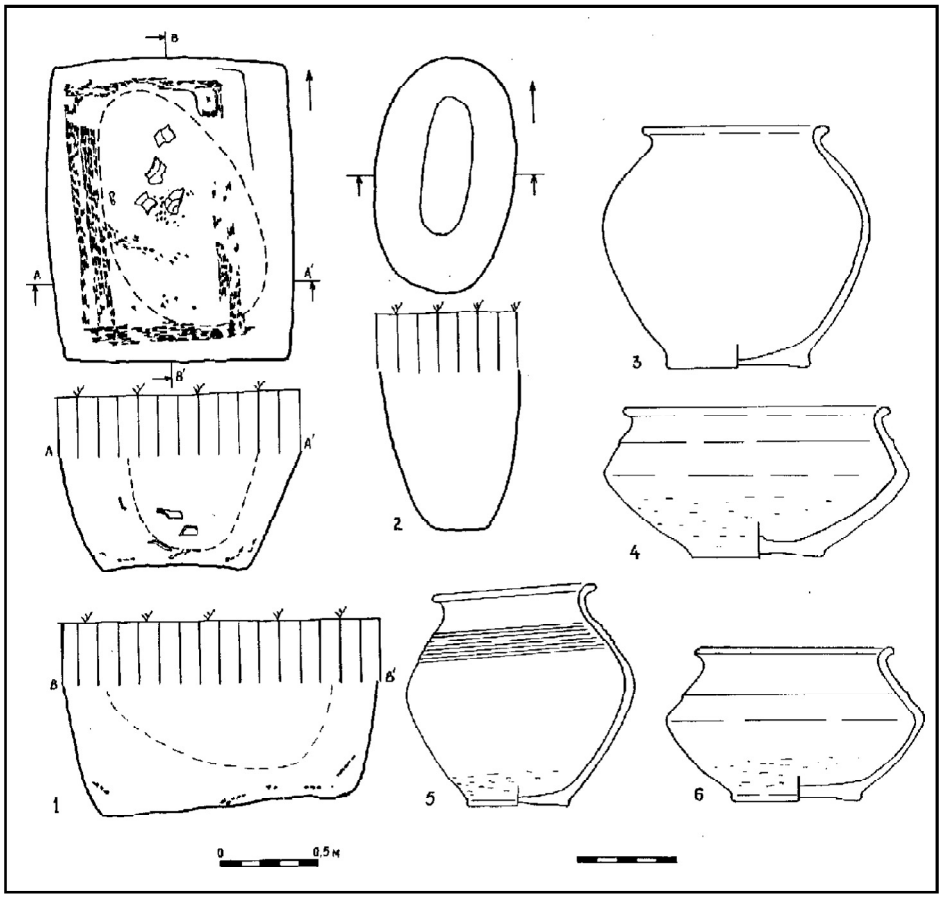

Рис. 14. 1 — план ямы 1; 2 — план ямы 2; 3-6 — керамическая посуда из погр. 21.

месями крупного песка (рис. 15:8).

Яма 2 (рис. 14:2). Прямоугольная с четкими углами, стенки наклонные. Длинной осью ориентирована меридионально. Размеры 1,55 х 1,22 м, глубина 0,88 м. Среднюю часть ямы заполняло, почти достигая дна, овальное пятно, насыщенное мелкими угольками и пережженными фрагментами гончарных кухонных горшков, столовых мисок, ваз и кубка (рис. 15:4). Кроме того, в заполнении найден оплавленный кусок бесцветного стекла и пережженная сердоликовая 14-гранная бусина. На дне ямы вдоль стен прослеживались обугленные остатки деревянной конструкции из четырех плах, причем короткие отрезки под торцовыми стенками перекрывали концы длинных плах.

Яма 3. Контуры не прослеживались. Зафиксирована по скоплению гончарной кухонной керамики диаметром около 0,2 м. Ниже пахотного слоя скопление прослеживалось на глубину 0,1 м. Глубина от поверхности 0,35 м. Собрано 22 обломка керамики, большинство которых принадлежало двум горшкам (рис. 15:5,6).

В культурном слое могильника находки встречались почти исключительно на юго-западном участке, где не было захоронений. Большинство находок составляли мелкие фрагменты пережженной керамики (735 экз.). Найдено 12 обломков стеклянных кубков (в том числе три оплавленных), 7 бесформенных кусков оплавленного стекла, 2 стеклянных бусины и 4 сердоликовые 14-гранные со следами огня, пружина бронзовой фибулы, пережженное пряслице (рис. 15:1-3,7,9-11). Изредка встречались обломки кальцинированных костей. Как было сказано, по-видимому, здесь располагался участок с небольшим количеством неглубоко захороненных кремаций, разрушенных при вспашке (верхний слой чернозема смыт, материковый лесс залегал на глубине 0,25 м непосредственно под пахотным слоем).

* * *

По своим основным характеристикам могильник Курники, как и находящееся рядом поселение, является обычным памятником черняховской культуры, но он имеет свои особенности. Для одной из них (отсутствие выраженных кремаций) мы уже попытались найти объяснение. Своеобразие могильника проявилось также в ориентировке скелетов и конструкции могильных ям. Из 27 ингумаций 14 имеют ориентировку в северном секторе, 13 — в западном. Не совсем ясна трактовка погребения 18. По-видимому, это кенотаф, хотя не исключено, что здесь был похоронен грудной ребенок, кости

которого не сохранились. 13 могильных ям имели «заплечики», т.е. захоронение производилось в камере с деревянным (очевидно) перекрытием. Западная ориентировка и ямы с заплечиками наиболее характерны для черняховских памятников причерноморского типа (Магомедов 1987: 33-36). Реже такие особенности встречаются в украинской Лесостепи и Молдове и не характерны для могильников Западной Украины (севернее Днестра), района Днепровских Порогов и Подунавья (Мунтения, Трансильвания). Появление этих черт в черняховском погребальном обряде мы связываем с присутствием позднескифского этнического элемента (Магомедов 1999). С той же традицией связан и обычай обмазывать дно ямы под верхней частью тела умершего тонким слоем зеленой глины, прослеженный в погребении 3. Он встречается преимущественно в Причерноморье (Коблево, Викторовка, Ранжевое, Каменка-Анчекрак) и как исключение в Лесостепной зоне (Журавка) (Сымонович, Кравченко 1983: 20-22). Такая же деталь обряда известна на Нижнем Днепре в позднескифских могильниках Золотая Балка, Красный Маяк, Николаевка, в Крыму — в некрополе Неаполя Скифского (Гей 1987: 57-61; Сымонович 1983: 64), а также на некрополе эллинистического времени в с. Рыбаковка на Березанском лимане (Сымонович, Яровой 1971). Господствующий на большинстве черняховских могильников обычай северной ориентировки умерших в простых ямах (более 80%), как и обряд кремации, по нашему мнению, принадлежит преимущественно германцам-готам.

Среди исследованных могил выделяются размерами погребения 4, 14 и 19 (площадь от

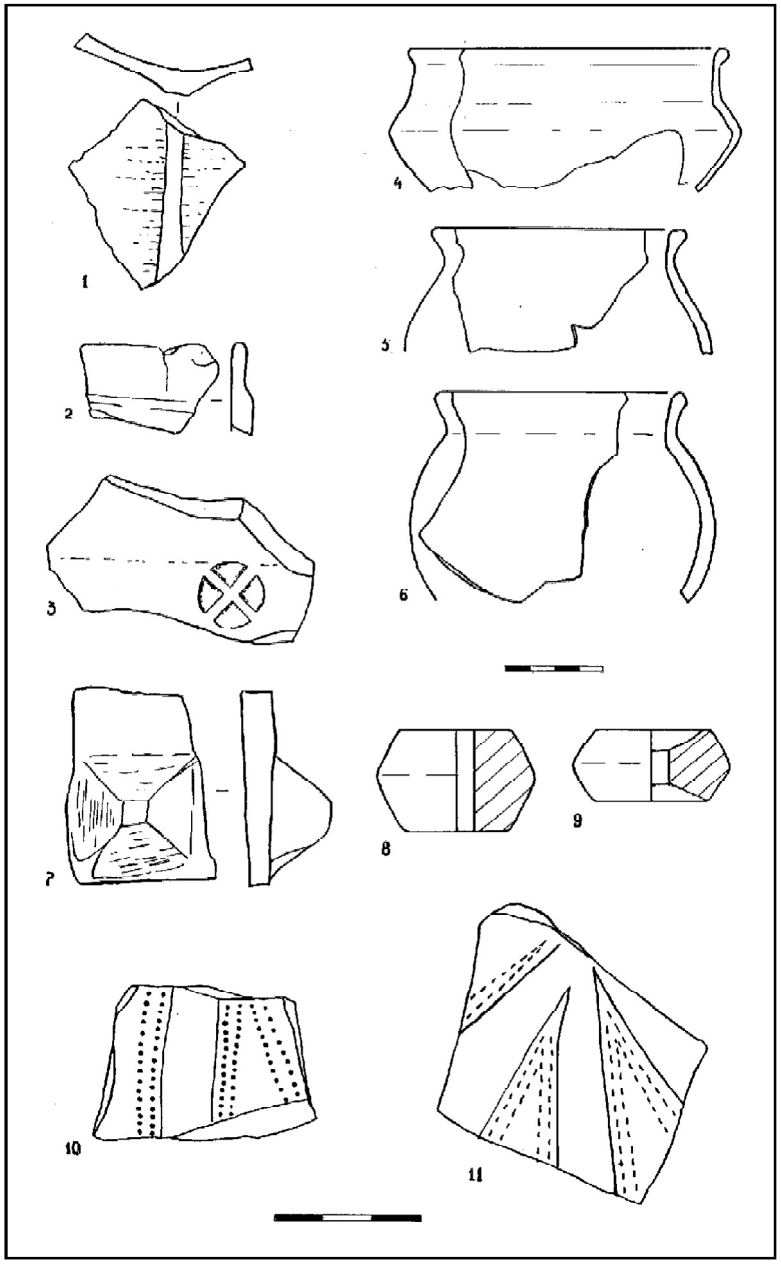

Рис. 15. 1-3,7,9-11 — находки из культурного слоя могильника; 4 — яма 2; 5,6 — яма 3; 8 — яма 1. 1,2 — обломки стеклянных кубков; 3-7,10,11 — фрагменты керамической посуды; 8,9 — керамические пряслица.

4 до 5,5 кв.м, глубина 2-2,3 м). Все три ямы имели заплечики и сопровождались ценным инвентарем: серебряными фибулами, золотой подвеской, обломками стеклянных и краснолаковых сосудов. При этом следует учитывать, что погребения разрушены и часть вещей, безусловно, разграблена. Сочетание больших могильных ям и ценного инвентаря говорит о выдающемся социальном положении погребенных. Подобные «княжеские» могилы характерны для черняховских некрополей, а своим происхождением они связаны с германскими культурами Центральной Европы (Магомедов 1997а). К аристократической семье, судя по паре крупных серебряных фибул, принадлежала и умершая из погребения 26, хотя по остальным показателям могила не выделяется из рядовых.

Керамическая посуда из могильника представлена почти исключительно изделиями, сделанными на гончарном круге. В большинстве это традиционные столовые и кухонные формы — вазы, кувшины, кубки, миски, горшки. Отдельные сосуды, как, например, ваза из погребения 4 или чаша изысканной формы из погребения 18 (рис. 6:6; 13:2), недостаточно обожжены и явно не были пригодны для использования в быту. Их готовили специально для одноразовых ритуальных действий. Необычной для черняховской культуры является форма вазы из погребения 3 (рис. 5:2). Ближайшие аналогии к ней найдены на могильниках вельбаркской культуры Дитиничи и Брест-Тришин (Смішко, Свєшніков 1961: рис. 5:5; Кухаренко 1980: табл. XVI:45б), а ранние прототипы — на территории Дании. Это согласуется со сведениями о переселении племени герулов из Ютландии (где их земли захватили даны) в Северное Причерноморье (Магомедов 1997).

Металлические детали одежды, благодаря изменчивости моды, служат надежным датирующим материалом. Железные и бронзовые фибулы и пряжки характерны для середины — второй половины IV в. Пара серебряных двупластинчатых фибул из погребения 4 (вариант IАБ по А.К.Амброзу) была в употреблении приблизительно между 350-400 гг., подобная пара с другими пропорциями из погр. 26 (вариант IБА) — между 375-430 гг. (Амброз 1966: 83, табл. 13:11,13; Гороховский 1988: 44-45). Такие изделия свидетельствуют о высоком уровне мастерства местных ювелиров. В то же время совсем непритязательно выглядят кольцевые височные подвески из бронзовой, серебряной и золотой проволоки (погребения 17, 19). Заметим, что при раскопках черняховских памятников золотые вещи, в отличие от серебряных, случаются крайне редко. Особенностями южностепного (позднескифского) костюма можно объяснить присутствие бисера и мелких бус в области шеи мужских скелетов в погребениях 5, 6, 8; эти ямы имели заплечики, ориентировка западная.

Большое количество импортных изделий среди инвентаря могильника говорит об активной внешнеторговой деятельности черняховских общин Южного Побужья. Из Константинополя и стран Ближнего Востока поступали разнообразные бусы и стеклянная посуда. В погребениях 1, 2, 3, 4, 5, 12 и в культурном слое некрополя (6 экземпляров) найдены обломки кубков типа Ковалк по Г.Рау (удлиненные с овальными и круглыми фасетками: рис. 6:5; 7:4; 9:8), которые датируются в пределах 325-375 гг. (Rau 1972: 164). Один фрагмент с глубоким вогнутым фацетированием (рис. 15:1) принадлежал более позднему типу Кенигсбрух (375-425 гг.) (Rau 1972: 164-166).

Из Малой Азии и Греческого архипелага происходят красноглиняные кувшины (фрагменты в захоронениях 4 и 14) и амфоры, обломки которых найдены на поселении. В богатое захоронение девочки (погребение 17) была положена пластинка ладана, привезенного из Южной Аравии. С древности и до наших дней это ароматическое вещество связано с отправлением религиозных культов. Такие находки встречены на черняховских могильниках Бережанка (Волынь) и Барча (Румыния) (Воляник 1974; Tau, Nicu 1986). На противоположное направление торговых связей указывают бусы из балтийского янтаря.

Попадали в могилы и бытовые вещи — железные ножи, иглы в костяных игольниках, глиняные пряслица, костяные лощила для выделки кожи, туалетный пинцет, остатки шкатулки. Гребень из погребения 15 (тип III по Томас-Никитиной) (Никитина 1969) характерен для второй половины IV в.

Относительно узкой датой определяется погр. 4 по сочетанию обломка стеклянного кубка с фибулами — между 350 и 375 гг. В целом время функционирования могильника можно ограничить второй половиной IV в., хотя не исключено, что последние захоронения (например, 26) были совершены в начале V в. Так же, как и некрополь, датируется прилежащая часть поселения (Магомедов 1988). Таким образом, Курники являются одним из немногих черняховских памятников украинской Лесостепи, которые можно с уверенностью отнести к гуннскому времени.

Принимая во внимание небольшое количество погребенных на могильнике, можно предположить, что он принадлежал одному клану представителей местной знати, включавшему и зависимых людей, которыми оставлены бедные погребения. В таком случае усадьба клана занимала ближний, южный, участок поселения. Показательно, что именно там в жилище найдена рукоять щита. На черняховских памятниках такое оружие является редкостью. Оно принадлежало профессиональным воинам, занимавшим высшие ступени в общественной иерархии (Магомедов 1994; Магомедов, Левада 1996: 312). Большая часть поселения занимала противоположный склон балки (рис. 1).

Не исключено, что существует связанный с ней отдельный могильник.

На этническую принадлежность древних жителей Курников указывает, кроме особенностей погребального обряда, лепная керамика с поселения. Конические миски и горшки с вогнутым венчиком типа IA (Wołągiewicz 1993: 54-55) относятся к вельбаркской культуре, которую связывают с германским племенем готов. Яркие элементы этой культуры имеет хронологически более раннее соседнее поселение Шершни, а также практически все черняховские памятники бассейна Южного Буга (Магомедов 1988; 1989). Группа людей, оставившая могильник Курники, имела смешанное происхождение. Кроме германцев, она включала позднескифских выходцев из Причерноморья. В германском окружении последние утрачивали некоторые свои этнографические черты в бытовой сфере (керамика), но сохранили их в костюме и в идеологии, в частности в погребальном обряде.

По сочетанию черт погребального обряда (высокий процент западной ориентировки и ям с заплечиками, подмазка дна могил зеленой глиной) могильник Курники, кроме памятников Причерноморья, близок только могильнику Журавка, антропологические материалы которого содержат позднескифский тип (Кондукторова 1979: 69, рис. 25). На остальных могильниках Лесостепи и примыкающей степной зоны южные элементы проявляются значительно слабее.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А.К. 1966. Фибулы Юга европейской части СССР // САИ, вып. Д1-30.

Воляник В. К. 1974. Могильник черняхівської культури у верхів'ях р.Горинь // Археологія, вип. 13. С. 65-79.

Гей О.А. 1987. Погребальный обряд поздних скифов на нижнем Днепре // СА, №3. С. 53-67. С. 53-67.

Гороховский Е.Л. 1988. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Том 4. Киев. С. 34-46.

Кондукторова Т.С. 1979. Физический тип людей Нижнего Приднепровья на рубеже нашей эры. Москва.

Кухаренко Ю. В. 1980. Могильник Брест-Тришин. Москва.

Магомедов Б.В. 1987. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Магомедов Б.В. 1988. Черняховские памятники Южного Побужья. // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Том 4. Киев. С. 144-148.

Магомедов Б.В. 1989. Вельбарские элементы в черняховских памятниках Южного Побужья // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin. С. 226-230.

Магомедов Б.В. 1994. О социальной роли оружия в культурах I тыс. н. э. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Тирасполь. С. 259-260.

Магомедов Б.В. 1997. К вопросу о влиянии культур Центральной Европы на черняховский керамический комплекс // Kultura przeworska. Tom III. Lublin. С. 39-44.

Магомедов Б.В. 1997а. Поховальні споруди як ознака соціального статусу в черняхівському суспільстві // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ-Львів. С. 79-85.

Магомедов Б.В. 1999. Черняхівська культура. Проблема етносу. — Автореф. дис... доктора іст. наук. Київ.

Магомедов Б.В., Гудим-Левкович А.Н. 1991. Черняховские поселения Шершни и Курники на Южном Буге // Древности Юго-Запада СССР. — Кишинев. — С. 84-106.

Магомедов Б.В., Левада М.Е. 1996. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ, вып. 5. С. 304-323.

Никитина Г.Ф. 1969. Гребни черняховской культуры // СА, 1. С. 147-159.

Смішко М.Ю., Свєшніков І.К. 1961. Могильник III-IV ст. н. е. в с. Дитиничі // МДАПВ, вип. 3. С. 89-114.

Сымонович Э.А. 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского). Киев.

Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. 1983. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ, вып. Д1-22.

Сымонович Э.А., Яровой А.З. 1971. Могильник в с. Рыбаковка против о. Березани // СА, №1. С. 229-232.

Rau G. 1972. Körpergräber mit Glassbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum // Acta praehistorica et archaelogica, N 3. S. 109-214.

Tau S., Nicu M. 1986. Săpăturile arheologice din necropola birituală din secolul al IV-lea e.n. de Barcea, jud. Galaţi // Materiale şi Cercetări Arheologice, 16. P. 172-179.

Wołągiewicz R. 1993. Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym. Szczecin.

Левинский А.Н.

ЛАЗО — МОГИЛЬНИК ФИНАЛЬНОЙ ФАЗЫ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МОЛДОВЕ

«Давно пора вернуть долги»

Levinski A.N. Lazo, a cemetery of the late phase of the Chernyakhov culture in Moldova.

The burial Lazo (Slobozia-Chişcăreni) is situated in the forest-steppe area of Moldova, on the left bank of the middle current of the Middle Ciuluc River. It was discovered at the building of the road Kishinev – Bălţi when the bigger part of its area was destroyed. On the remained area (the south and north extremities) 45 burial complexes have been investigated.

The burial is monoritual (inhumation). In the southern part, closer to the settlement, burials with the northern orientation predominate (11 out of 13), in the northern part burials with western orientation predominate (11 out of 16). There dominate burials at the holes with stairs. The position of skeletons almost without exception is extended on the back. Burial inventory is rather various and rich and it is characteristic of the burials with northern orientation. Besides ceramics (from 2 to 12 vessels) there were discovered bronze and silver pair-fibulae, clasps, bone hairbrushes, beans, pendants, glass cups and foreign ceramics.

The correlation of the dated materials from the complexes allows to make it precise that the cemetery was founded not earlier than in the middle of the IV c. A.D. and has been used up to Hunn invasion – the end of the third quarter of the IV c. A.D., the time when the Chernyakhov culture at the territory of Moldova has ceased to exist.

Введение

Прошло ровно 16 лет с тех пор, когда при строительстве автомагистрали Кишинев-Бельцы, срезавшей мысообразный склон за селом Слобозия-Кишкэрень (в то время Лазо) бывшего Лазовского района, а ныне Бельцкого уезда, рабочими-строителями были собраны в полосе дороги фрагменты и целые сосуды, относящиеся к культуре Черняхов-Сынтана де Муреш.

При дальнейшем проведении земляных работ в зоне присутствовал сотрудник новостроечного сектора Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР С.М.Агульников, который установил, что работами был разрушен могильник черняховской культуры. Ему все же удалось исследовать в южной полосе дороги остатки 16-ти погребений, в основном западной ориентировки, которые оказались несколько глубже остальных. Для предотвращения дальнейших разрушений работы на данном участке были приостановлены, и в зону выехала сарматско-черняховская археологическая экспедиция Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР, под руководством В.И.Гросу. Непосредственные работы по дальнейшему исследованию могильника были проведены автором в течение всей осени 1983 года, пока осенние дожди и наступившие заморозки не вынудили прекратить раскопки.

Нынешнее село Слобозия-Кишкэрень, Бельцкого уезда, расположено в лесостепной зоне Молдовы, с холмистым и пересеченным ландшафтом, на среднем течении реки Средний Чулук, притока Чулука, впадающего в реку Прут.

Могильник расположен в средней части мысообразного склона, в непосредственной близости от одновременного поселения, растянувшегося вдоль ручья. Местность находится за селом, в трех километрах к северо-западу.

Ниже по течению ручья, но рядом с черняховским поселением, было обнаружено поселение трипольской культуры, а ближе к селу, на расстоянии 200-300 м от трипольского поселения, были расположены рядами вдоль ручья зольные пятна поселения культуры Ноуа.

Напротив черняховского поселения, на другом склоне долины ручья, на вспаханном поле были обнаружены отдельные человеческие кости, бронзовая пряжка и тонкостенные фрагменты круговой серолощеной черняховской керамики. Судя по всему, это явные признаки еще одного могильника, относящегося к другому черняховскому поселению, расположенному в 200 м выше по течению ручья, на этом же склоне долины, на мысу, где выявлена, кроме черняховской, керамика культуры Ноуа и трипольская — поселение многослойное. Ко всему следует добавить, что на площади первого трипольского поселения возвышается курган, высотой более 1,5 м.

Площадь, занимаемая могильником, распахивалась. Раскопками было установлено, что автодорогой была разрушена центральная

© Левинский А.Н., 1999.

часть памятника на довольно внушительной площади. На южной стороне дороги был заложен раскоп I, площадью более 500 квадратных метров, на котором было исследовано 18 погребений, а к северу от дороги раскоп II, приблизительно, такой же площади, на котором было обнаружено 16 комплексов. Однако на этом могильник не был исчерпан, так как в восточной части раскопа II было отмечено пятно еще одного погребения, уходящего в стенку раскопа, исследовать которое не удалось из-за наступивших дождей.

Таким образом, на могильнике было исследовано 45 погребальных комплексов, включая первое погребение, отмеченное строителями. Все захоронения были совершены по обряду трупоположения. Культурный слой на могильнике практически отсутствовал. В черноземном слое встречались находки только над разрушенными в древности комплексами. Никаких признаков существования сожжений не обнаружено — могильник моноритуальный, с трупоположениями северной и западной ориентировки.

Даже спустя 16 лет после проведения раскопок я выражаю свою глубокую благодарность своим коллегам и помощникам Клавдии Вердеш, Лене Фрасенюк и Михаилу Светличенко, которые разделили со мной «все тяготы и лишения» позднеосеннего сезона 1983 года. Остается пока лишь мечтой возможность возобновить исследования в зоне, особенно притягательной является точная локализация и раскопки на втором могильнике, однако красиво мечтать никому не запретишь.

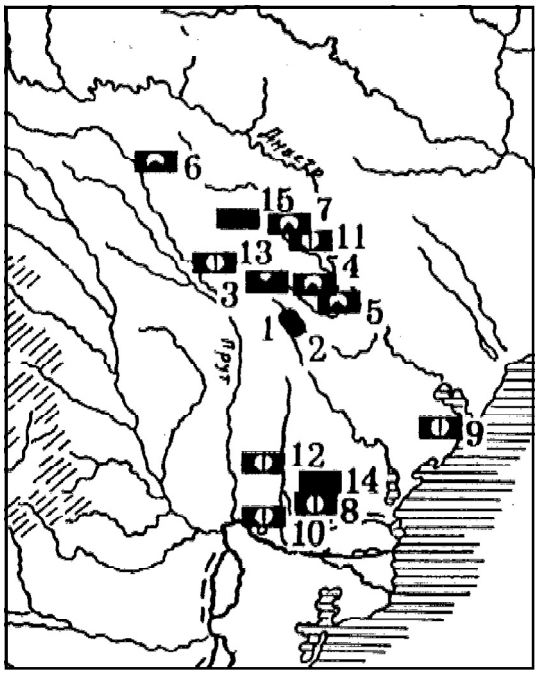

Рис. 1. Карта черняховских могильников междуречья Днестр-Прут: 1. Ханска-Лутэрие; 2. Ханска-Ла Маткэ; 3. Дэнчень; 4. Будешть; 5. Бэлцата II; 6. Мэлэешть; 7. Чокылтень; 8. Фурмановка; 9. Беленькое; 10. Нагорное; 11. Брэвичень; 12. Чалык; 13. Петрешть; 14. Холмское; 15. Слобозия-Кишкэрень (Лазо).

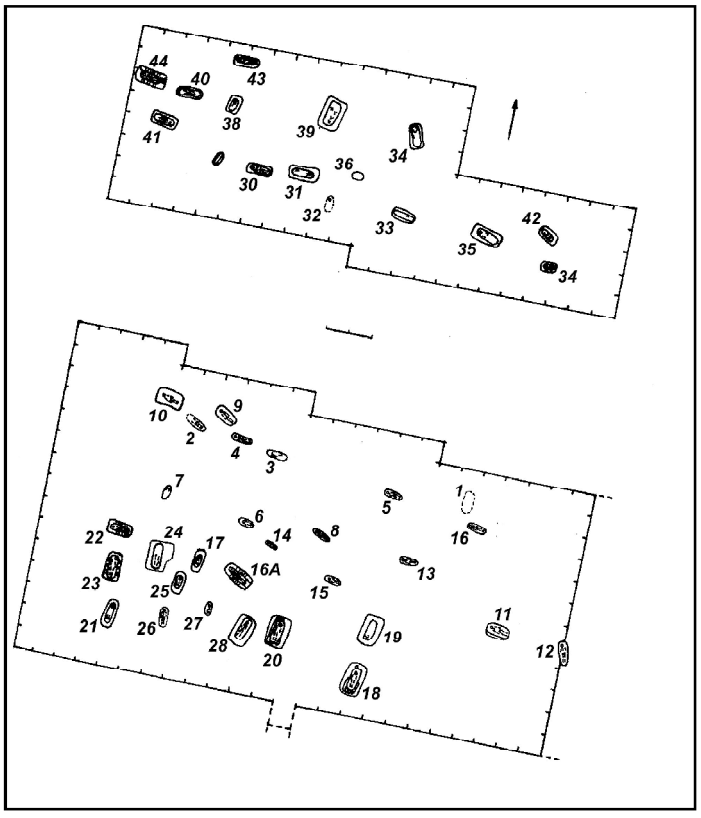

Рис. 2. План исследованной площади могильника Слобозия-Кишкэрень (Лазо).

Описание комплексов

Погребение 1, условное, трупоположение, обнаружено на глубине приблизительно 1,5 м от уровня современной поверхности. Форму ямы, положение и ориентировку погребенного установить не удалось. Судя по данным строителей, скелет был ориентирован головой на север. Сохранились, как принадлежавшие одному комплексу, 10 сосудов целых и фрагментами и фрагментированный костяной гребень.

1. Миска круговая, чернолощеная, цилиндрической формы с выделенным ребром и кольцевым поддоном. Венчик сосуда вертикальный, выше ребра расположен небольшой плоский валик, орнаментированный удлиненными фасетками. Высота миски 6 см, диаметр по венчику 17 см (рис. 3, 2).

2. Миска круговая, серолощеная, усеченно-конической формы, с отогнутым венчиком и выделенным ребром. Днище отсутствует. Диаметр миски по венчику 16 см (рис. 3, 3).

3. Горшочек круговой, серолощеный, округло-вытянутой формы с плоским невыделенным дном. Венчик сосуда слегка отогнут, на плечиках расположен орнаментальный валик. Высота горшочка 10,5 см, диаметр по венчику 7,5 см (рис. 3, 4).

4. Горшочек круговой, серый шероховатый, округлобокой формы с сильно отогнутым венчиком с пазом под крышку и плоским днищем. Высота сосуда 8 см, диаметр по венчику 6,3 см (рис. 3, 5).

5. Кувшин круговой, серолощеный, биусеченно-конической формы, на небольшом кольцевом поддоне. Верхняя часть сосуда отсутствует. На плечиках кувшина, на нелощенной полосе, расположенной между двумя рельефными валиками, нанесены две пролощенные волнистые линии. Сосуд сохранился на высоту 11 см, диаметр днища 6,7 см (рис. 3, 6).

6. Кувшин круговой, красноглиняный, с небрежно отделанной поверхностью, яйцевидной формы с вогнутым, слегка выделенным днищем.

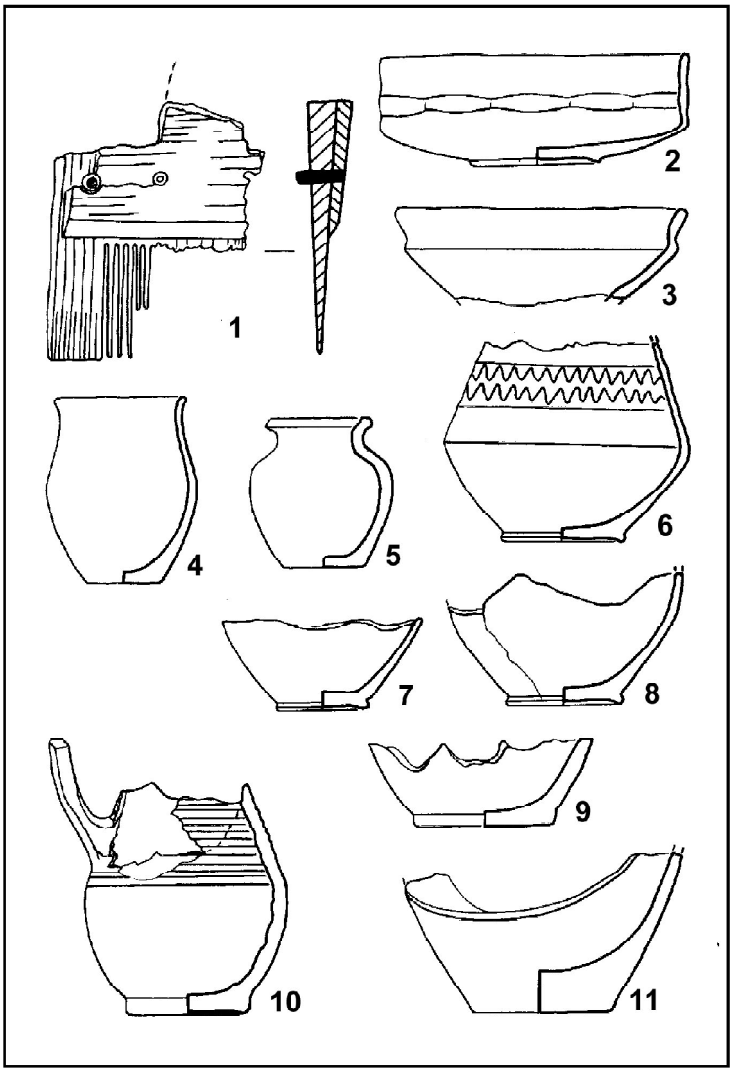

Рис. 3. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-11 — погребение 1. (Таблицы 3—37 уменьшены на 22%. Индивидуальные находки в оригинале — 1:1, керамика — 1:4).

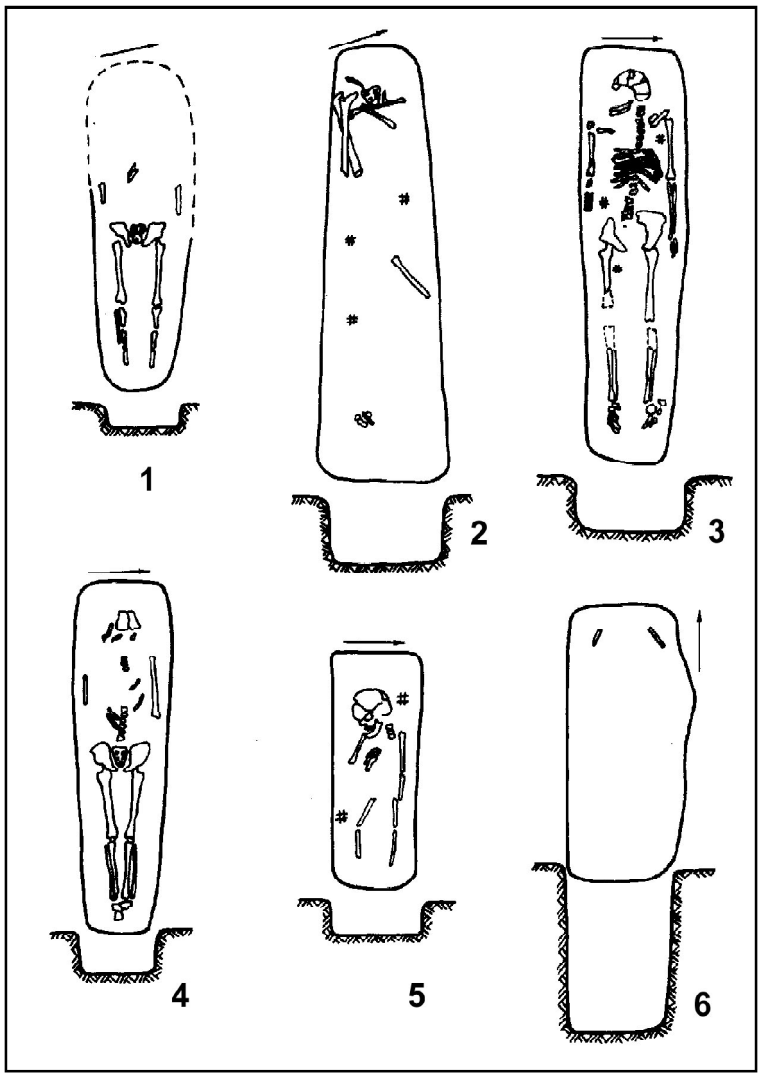

Рис. 4. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-6 — соответственно погребения 2, 3, 4, 5, 6, 7.

Венчик сосуда отсутствует, ручка плоская, с продольным желобком. Верхняя часть кувшина орнаментирована параллельными каннелюрами, в нижней части следы среза ножом. Сосуд сохранился на высоте 13 см, диаметр днища 7 см (рис. 3, 10).

7. Днища двух круговых, серолощеных сосудов, на кольцевом поддоне, диаметром 4,9 и 6,4 см (рис. 3, 7-8).

8. Днища двух круговых, серых шероховатых сосудов с плоским и выделенным днищем. Один из них орнаментирован по тулову горизонтальными желобками. Диаметр днищ 7 и 7,8 см (рис. 3, 9. 11).

9. Фрагменты костяного трехчастного гребня с полукруглой спинкой, скрепленной бронзовыми заклепками (рис. 3, 1).

Погребение 2,трупоположение (рис. 4, 1). Погребальная камера, поврежденная строительными работами, подпрямоугольной формы, размерами 1,35 × 0,4 м и общей глубиной 1,47 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 280°.

Сохранившиеся кости таза и ног свидетельствуют, что погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 3, трупоположение (рис. 4, 2). Погребальная камера трапециевидной формы, размерами 2 × 0,4-0,55 м и общей глубиной 1,4 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 270°.

Погребение разрушено в древности, в западной части камеры обнаружены остатки таза и бедренных костей. На дне прослежен темно-коричневый тлен. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 4, трупоположение (рис. 4, 3). Погребальная камера подпрямоугольной формы, размерами 1,9 × 0,46 м и общей глубиной 1,55 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 270°.

Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад, руки уложены вдоль туловища, ноги прямые. Под костяком прослежен темно-коричневый тлен. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 5, трупоположение (рис. 4, 4). Погребальная камера трапециевидной формы,

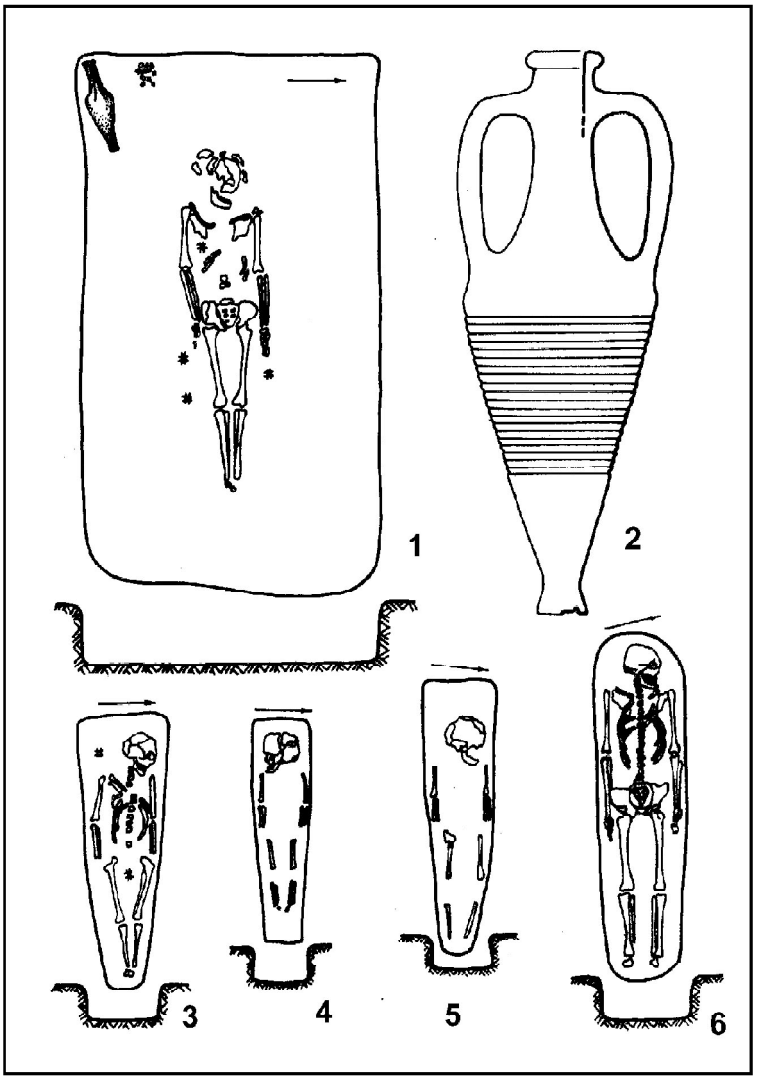

Рис. 5. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-2 — погребение 10; 3-6 — соответственно погребения 13, 14, 15, 8.

размерами 1,65 × 0,3-0, 4 м и общей глубиной 1,88 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 274°.

Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад, руки уложены вдоль туловища, ноги сведены в ступнях. Под костяком прослежен темно-коричневый тлен, в заполнении камеры — древесная труха. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 6, трупоположение (рис. 4, 5). Погребальная камера прямоугольной формы, размерами 1,1 × 0,38 м и общей глубиной 1,41м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 275°.

Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад, руки уложены вдоль туловища, левая нога прямая, правая слегка согнута в колене. Под костяком прослежен темно-коричневый тлен.

Инвентарь отсутствовал.

Погребение 7, трупоположение (рис. 4, 6). Погребальная камера прямоугольной формы, размерами 1,25 × 0,5 м и общей глубиной 1,87 м была ориентирована строго по направлению север-юг. Восточная стенка камеры повреждена поздним перекопом.

Костяк был полностью разрушен, в заполнении, на различных глубинах, были обнаружены отдельные человеческие кости. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 8, трупоположение (рис. 5, 6). Погребальная камера подпрямоугольной формы с сильно скругленными углами, размерами 1,65 × 0,4 м и общей глубиной 1,7 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 285°.

Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые. Под костяком прослежен темно-коричневый тлен. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 9, трупоположение (рис. 6, 4). Погребальная камера подпрямоугольной формы, размерами 2,1 × 0,58 м и общей глубиной 2,06 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 288°.

Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад, руки и ноги прямые. Под

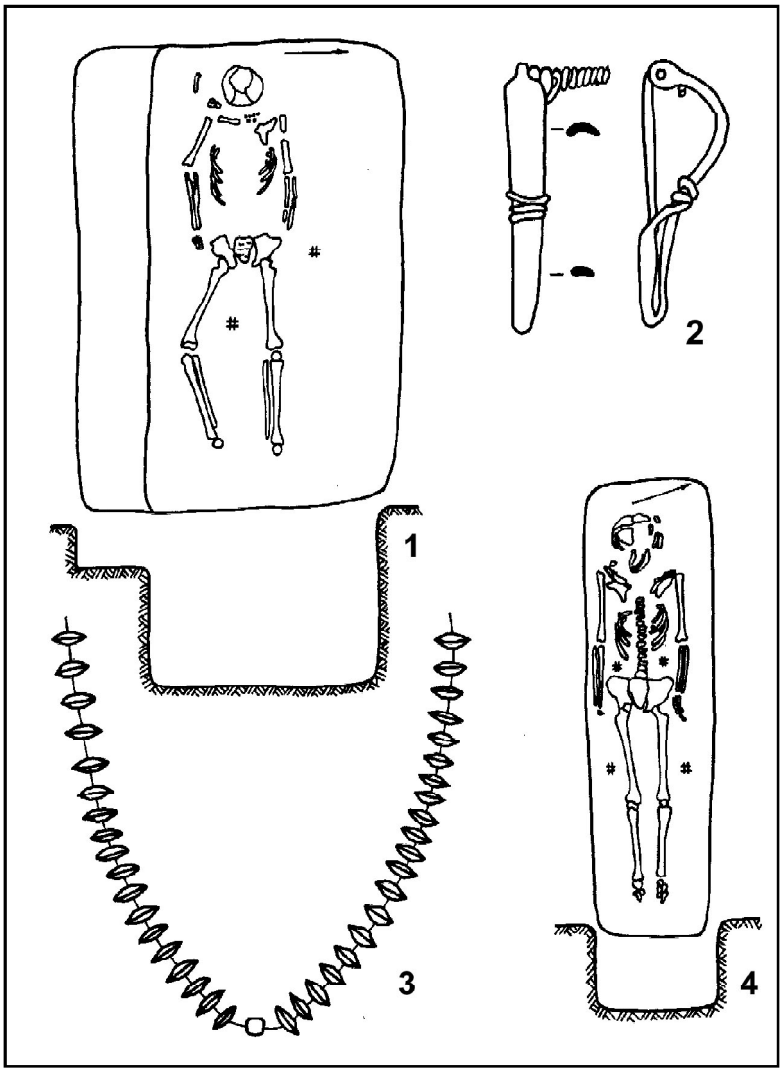

Рис. 6. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-3 — погребение 11; 4 — погребение 9.

костяком прослежен темно-коричневый тлен. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 10, трупоположение (рис. 5, 1). Погребальная камера подпрямоугольной формы, размерами 2,55 × 1,4 м и общей глубиной 2 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 270°.

Погребенный (подросток) был уложен вытянуто на спине, головой на запад, руки уложены вдоль туловища, ноги прямые, сведены в ступнях. Над костяком прослежен тлен серо-желтого цвета, под костяком — темно-коричневый тлен. Инвентарь:

1. Амфора двуручная, светлоглиняная, была уложена в юго-западном углу камеры. Венчик сосуда кольцеобразный, горло узкое, тулово биусеченно-коническое, ручки овальные в сечении, с продольными каннелюрами, ножка усеченно-коническая, полая. Нижняя часть тулова покрыта горизонтальным рифлением. Высота сосуда 45 см, диаметр по венчику 5, 8 см (рис. 5, 2).

2. Кубок стеклянный (фрагменты) конусовидной формы — не реставрируется. Изготовлен из темно-зелено-коричневатой стеклянной пасты, толщина стенок 0,15-0,35 см.

Погребение 11, трупоположение (рис. 6, 1). Погребальная яма подпрямоугольной формы, размерами 2 × 1,38 м, была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 270°. На глубине 1,39 м от уровня современной поверхности вдоль южной стенки ямы был оставлен уступ шириной 0,3 м. Размеры погребальной камеры 2 × 1,08 м, глубина от уровня уступа 0,8 м, общая глубина погребения 2,19 м. В заполнении камеры были обнаружены куски древесной трухи.

Погребенный был уложен ближе к южной стенке, вытянуто на спине, головой на запад, череп перевернут лицевой частью на дно камеры. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая чуть согнута в локте. Левая нога прямая, правая согнута в колене. Под костяком выявлен темно-коричневый тлен. Инвентарь:

1. Фибула серебряная с подвязным приемником, полукруглой в сечении спинкой, удлиненной пружиной и бронзовой иглой была обнаружена возле левого плеча (игла с пружиной

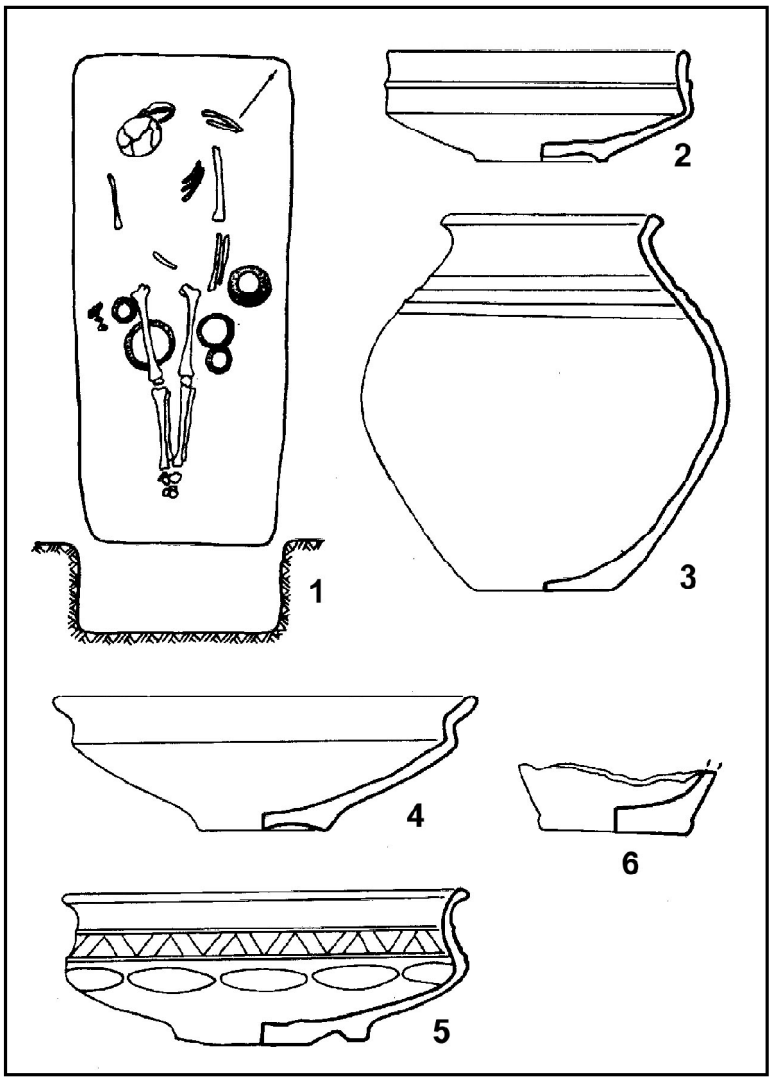

Рис. 7. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-7 — погребение 12.

— у правого плеча). Длина фибулы 4, 4 см (рис. 6, 2).

2. Бусы стеклянные (бисер, 37 штук) биусеченно-конической формы синего цвета и одна бронзовая, цилиндрической формы, были собраны в области шеи. Диаметр стеклянных бус 0,5-0,6 см, бронзовой — 0,3 см (рис. 6, 3).

Погребение 12, трупоположение (рис. 7, 1). Погребальная камера подпрямоугольной формы, размерами 2,14 × 0,9 м и общей глубиной 1,9 м была ориентирована по направлению север-юг, под углом 323°.

Погребенный был уложен на жертвенных сосудах, в положении вытянуто на спине, головой на север. Верхняя часть скелета была разрушена в древности, череп перевернут лицевой частью вниз, левая рука вытянута, ноги прямые, сведены в ступнях. Под костяком отмечен темно-коричневый тлен. Инвентарь:

1. Горшок круговой, серый шероховатый, округлобокой формы, был обнаружен возле левой кисти. Венчик сосуда отогнутый, реберчатый, с пазом под крышку, днище плоское. На плечиках расположены четыре орнаментальные горизонтальные каннелюры. Высота горшка 19,2 см, диаметр по венчику 11 см (рис. 7, 3).

2. Миска круговая, серолощеная, усеченно-конической формы была обнаружена возле левого бедра. Венчик сосуда отогнут, тулово реберчатое, днище вогнутое. Высота миски 7 см, диаметр по венчику 21 см (рис. 7, 4).

3. Миска круговая, серолощеная, цилиндрической формы была обнаружена возле левого бедра, рядом с предыдущей. Венчик сосуда прямой, тулово реберчатое, днище на кольцевом поддоне. Верхняя часть тулова орнаментирована рельефным валиком. Высота миски 5,6 см, диаметр по венчику 14,9 см (рис. 7, 2).

4. Миска круговая, чернолощеная, биусеченно-конической формы, была обнаружена под правой бедренной костью. Венчик сосуда сильно отогнут, тулово реберчатое, днище на псевдокольцевом поддоне. На плечиках, на нелощенной полосе, расположенной между двумя рельефными валиками, нанесен зигзагообразный орнамент из пролощенных полос, ребро украшено удлиненными фасетками. Высота миски 7, 5 см, диаметр по венчику 20 см (рис. 7, 5).

5. Днище кругового сосуда, серого шероховатого, обжиг неполный, обнаружено рядом с миской. Днище плитчатое, диаметром 7, 4 см (рис. 7, 6).

6. Мелкие фрагменты венчика кругового, красноглиняного ойнохое.

Погребение 13, трупоположение (рис. 5, 3). Погребальная камера подтрапециевидной формы, размерами 1,3 × 0,25-0,4 м и общей глубиной 1,47 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 270°.

Погребенный (подросток) был уложен вытянуто на спине, головой на запад. Руки вытянуты вдоль туловища, ноги прямые, сведены в ступнях. В заполнении камеры встречалась древесная труха, под костяком прослежен темно-коричневый тлен. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 14, трупоположение (рис. 5, 4). Погребальная камера подпрямоугольной формы, размерами 1,05 × 0,25 м и общей глубиной 1,35 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 270°.

Погребенный (ребенок) был уложен вытянуто на спине, головой на запад, руки уложены вдоль туловища, ноги прямые. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 15, трупоположение (рис. 5, 5). Погребальная камера подтрапециевидной формы, размерами 1,25 × 0,18-0,35 м и общей глубиной 1,45 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 260°.

Погребенный (ребенок) был уложен вытянуто на спине, головой на запад, руки и ноги прямые. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 16, трупоположение. Погребальная камера подтрапециевидной формы, размерами 1,83 × 0,35-0,53 м и общей глубиной 1,75 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 270°.

Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад, руки и ноги прямые. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 16а, трупоположение (рис. 8, 1). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 2,53 × 1,15 м и глубиной 1,23 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 300°. На дне ямы, по центру, была устроена погребальная камера, размерами

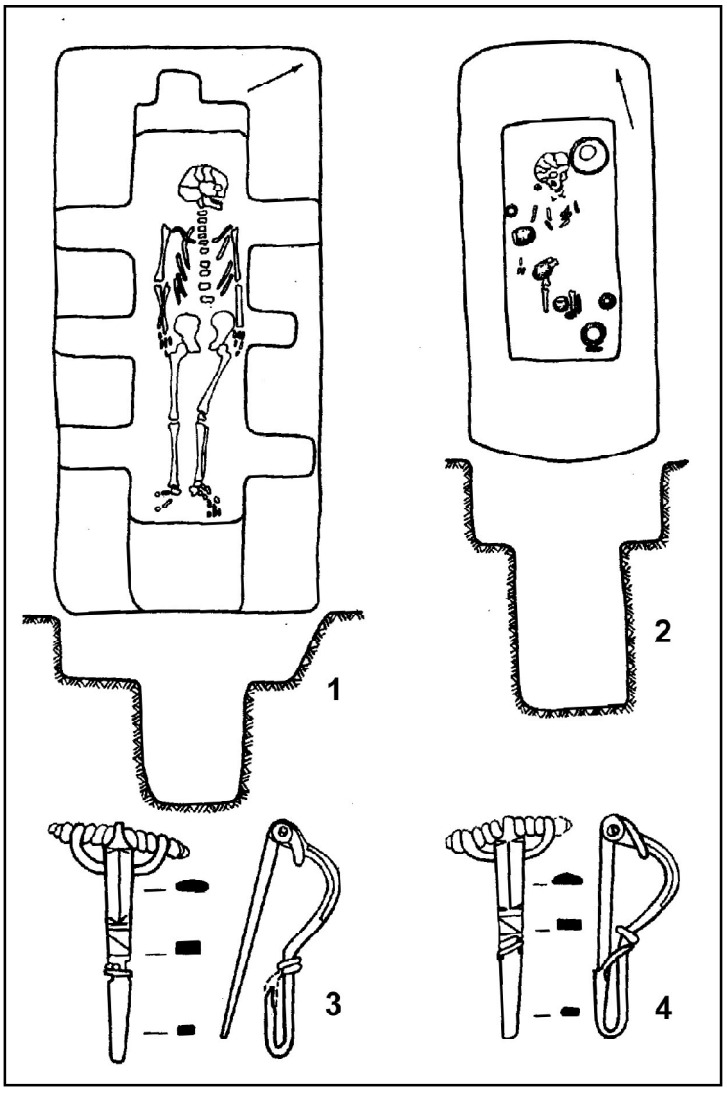

Рис. 8. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1 — погребение 16А; 2-4 — погребение 17.

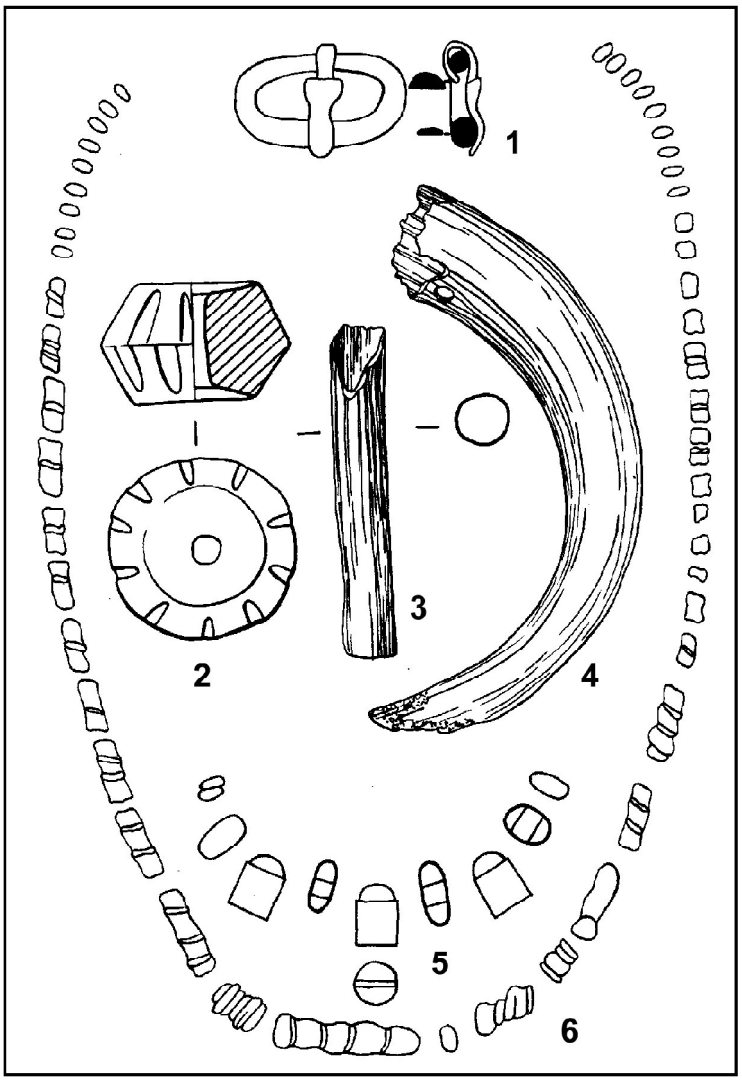

Рис. 9. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-6 — погребение 17.

1,82 × 0,52 м и глубиной 0,67 м. На уровне уступов камера была перекрыта досками — три коротких поперек камеры, на которых были уложены доски вдоль. Куски древесной трухи выявлены и в заполнении камеры.

Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад, руки и ноги прямые. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 17, трупоположение (рис. 8, 2). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 1,95 × 0,9 м и глубиной 1,4 м была ориентирована по направлению север-юг, под углом 7°. На дне, по центру ямы, была устроена погребальная камера, размерами 1,1 × 0,52 м и глубиной 0,7 м. На уровне уступов камера была перекрыта досками, древесная труха от которых обнаружена в изобилии в заполнении.

Погребенный (ребенок) был уложен вытянуто на спине, головой на север, руки и ноги прямые. Костяк плохой сохранности. Керамические сосуды из состава инвентаря были уложены сверху, по диагонали, от правого плеча до юго-восточного угла камеры. Инвентарь:

1. Фибула бронзовая с подвязным приемником и короткой пружиной обнаружена на левом плече. Прямоугольная в сечении спинка (0,5 × 0,2 см) фацетирована, у основания приемника орнаментирована насечками. Длина фибулы 4,2 см (рис. 8, 3).

2. Фибула бронзовая, идентична первой, обнаружена на правом плече. Длина фибулы 3,9 см (рис. 8, 4).

3. Бусы стеклянные, 51 штука, собраны в области шеи. В пронизке одна белая цилиндрическая бусина, 18 мелких биконических голубого цвета (0,2 × 0,35 см) и 32 гофрированные бусины темно-синего цвета, длиной 0,2-2,5 см. Общий диаметр связки бус 0,3-0,6 м (рис. 9, 6).

4. Пряслице глиняное, биусеченно-конической формы, обнаружено возле черепа, справа. На тулове, сверху и снизу, нанесено по 10 полуканнелюр. Высота 2 см, диаметр 3,1 см (рис. 9, 2).

5. Пряжка бронзовая с удлиненно-овальной рамкой, слегка утолщенной спереди, была обнаружена в области таза. Массивный язычок с уступом, в сечении полукруглый. Размеры рамки 2,8 × 1,6 см (рис. 9, 1).

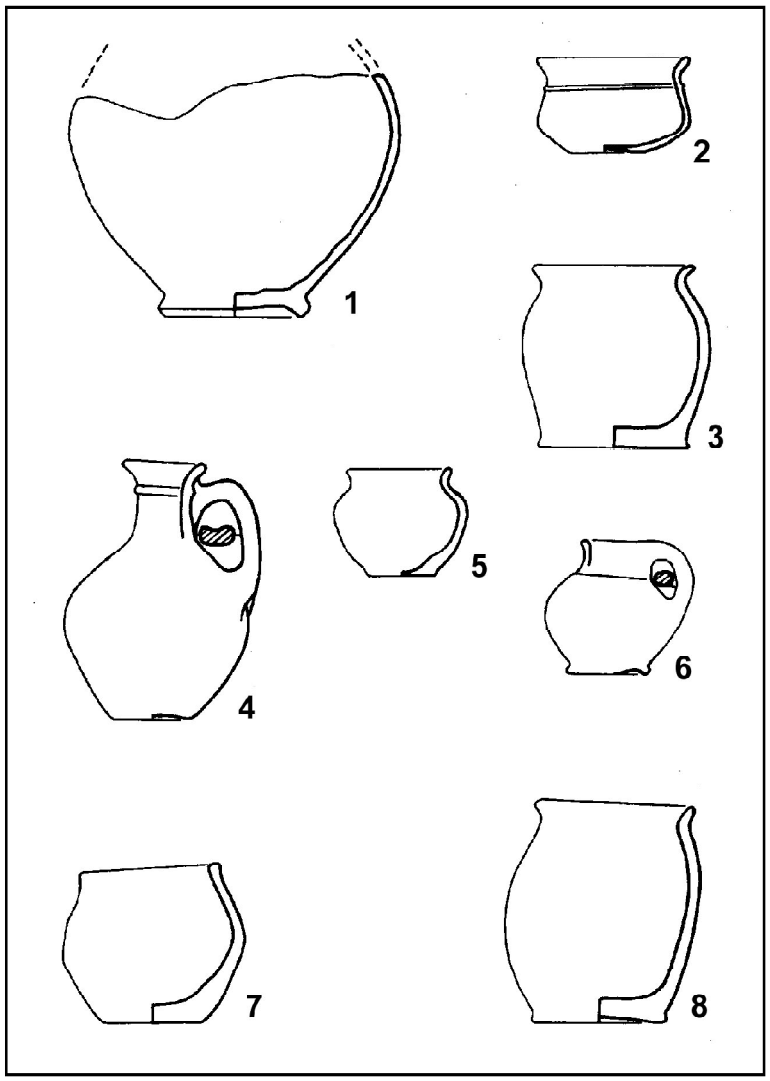

Рис. 10. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-8 — погребение 17.

6. Браслет (?) был обнаружен на правом запястье. Он состоит из 6 стеклянных бус сферической формы, из темно-голубого стекла, размерами 0,4-0,7 × 0,7-1,1 см, и 3 ведерковидных бронзовых подвесок, изготовленных из очень тонкой пластины. Их диаметр 0,7 см (рис. 9, 5).

7. Клык кабана с отверстием для подвешивания был найден возле левой ноги (рис. 9, 4).

8. Игольник костяной, изготовленный из птичьей трубчатой кости, найден в юго-восточном углу. Он сохранился на длину 5,6 см, диаметр 0,9 см (рис. 9, 3).

9-10. Кувшин, нижняя часть, круговой, серолощеный, округлобокой формы, на кольцевом поддоне, был найден изолированно от основной группы, слева от черепа. Сосуд сохранился на высоту 12 см, диаметр поддона 7,7 см (рис. 10,1). В сосуде обнаружено 9 известняковых камешков и несколько древесных угольков.

11. Чашечка круговая, чернолощеная, биусеченно-конической формы обнаружена на уровне плеча, у западной стенки. Венчик сосуда сильно отогнутый, днище вогнутое. На плечиках расположен рельефный орнаментальный валик. Высота чашки 4, 9 см, диаметр по венчику 7, 5 см (рис. 10, 2).

12. Горшочек лепной, банковидной формы, с отогнутым венчиком и плитчатым днищем был расположен лежа, на правой ладони. Сосуд сработан очень небрежно, его высота 9,5 см, диаметр по венчику 8,2 см (рис. 10,3).

13. Кувшинчик одноручный круговой, серолощеный, округлобокой формы был расположен лежа, горлышком на правой бедренной кости. Горлышко сосуда воронковидное, ручка ленточная, с продольной каннелюрой, днище вогнутое. Его высота 13,4 см, диаметр по венчику 4,2 см (рис. 10, 4).

14. Горшочек круговой, серый шероховатый, округлобокой формы был расположен между ногами. Венчик сосуда слегка отогнут, днище плоское. Высота горшочка 5,7 см, диаметр по венчику 5,4 см (рис. 10, 5).

15. Кувшинчик одноручный круговой, серолощеный, с короткой шейкой и сферическим туловом был расположен рядом с предыдущим, с южной стороны. Венчик слегка отогнут, ручка ленточная, днище на кольцевом поддоне. Пе-

реход от горла к тулову выделен уступом. Высота 7 см, диаметр по венчику 3,6 см (рис. 10, 6).

16. Горшочек лепной, биусеченно-конической формы, был расположен на уровне пяток, у восточной стенки. Венчик сосуда почти не выделен, днище плоское. Горшочек сработан небрежно, из пасты с примесью шамота. Высота 7,9-8,3 см, диаметр по венчику 7 см (рис. 10, 7).

17. Горшочек лепной, банковидной формы был расположен рядом с предыдущим, с южной стороны. Венчик слегка отогнут, днище вогнутое, выделенное. Сосуд сработан небрежно, из пасты с примесью шамота. Высота 11,7 см, диаметр по венчику 8,3 см (рис. 10, 8).

Погребение 18, трупоположение (рис. 11, 1). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 2,9 × 1,7 м и глубиной 1,3 м была ориентирована по направлению север-юг, под углом 15°. На дне, по центру ямы, была устроена погребальная камера, размерами 2,1 × 0,7 м и глубиной 0,77 м. На уровне уступов камера была перекрыта пятью досками, уложенными вдоль и частично сохранившимися на уступах. В заполнении встречались куски древесной трухи и отдельные человеческие кости.

Верхняя часть скелета была полностью разрушена в древности. Судя по остаткам костяка погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на север, руки уложены вдоль туловища, ноги вытянуты, сведены в ступнях. На дне, в южной половине камеры, сохранился темно-коричневый тлен. Инвентарь:

1-2. Железный нож плохой сохранности обнаружен в области правого плеча, среди перемешанных костей жертвенной пищи (череп и конечности ягненка). Нож черешковый, с горбатой спинкой и прямым лезвием, на черешке остатки деревянной ручки. Длина сохранившейся части 13,8 см, ширина лезвия 2,3 см (рис. 11, 2).

3. Бусы стеклянные, четырнадцатигранные (7 штук), остатки пронизи, были собраны в северной половине камеры. Бусы синего цвета, размерами 0,65-0,75 × 0,6 × 0,6 см (рис. 11, 3).

4. Пряжка бронзовая, овально-удлиненной формы с трапециевидным щитком была обнаружена в центральной части камеры. Язычок с уступом в сечении трапециевидный, на щитке сохранились две бронзовые заклепки. Размеры

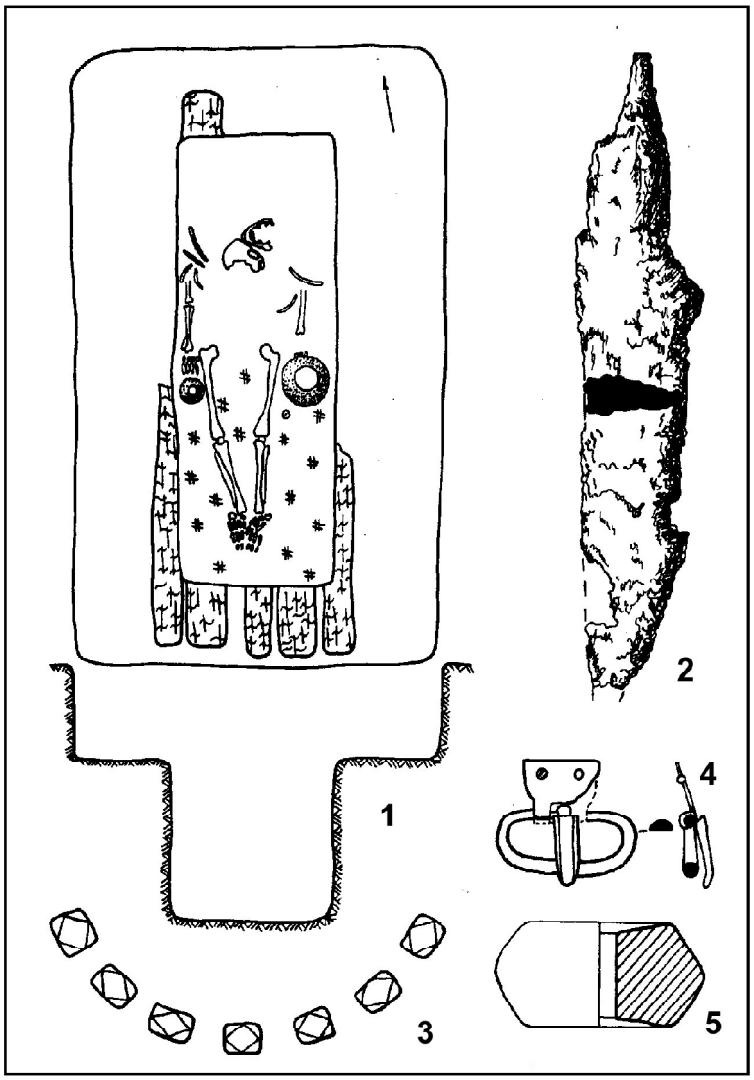

Рис. 11. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-5 — погребение 18.

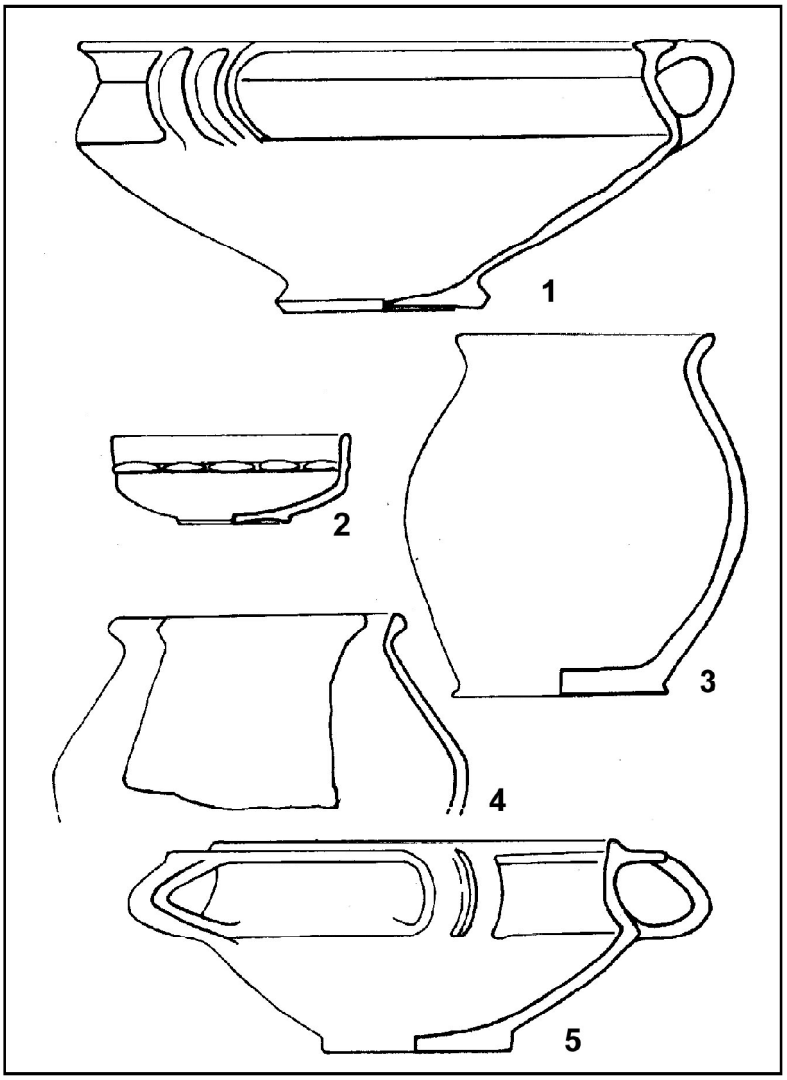

Рис. 12. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-3 — погребение 18; 4-5 — погребение 19.

рамки 4 × 2,1 см (рис. 11, 4).

5. Пряслице глинянное, биусеченно-конической формы обнаружено возле левой берцовой кости. Высота 1,8 см. Диаметр 3,6 см (рис. 11, 5).

6. Миска круговая, серолощеная, цилиндрической формы, была обнаружена возле западной стенки, на уровне бедра. Венчик сосуда прямой, тулово реберчатое, днище выделенное, вогнутое. На верхней части тулова расположен рельефный валик, орнаментированный удлиненными фасетками. Высота миски 4,7 см, диаметр по венчику 12,5 см (рис. 12, 2). На дне сосуда были обнаружены 9 известняковых камешков и одна кость.

7. Горшок лепной, яйцевидной формы был расположен возле левой берцовой кости и фаланг левой руки. Венчик отогнутый, днище плитчатое, поверхность плохо заглажена. Изготовлен из теста с примесью шамота. Высота сосуда 19,5 см, диаметр по венчику 13,5 см (рис. 12, 3).

8. Ваза трехручная круговая, серолощеная, была обнаружена в заполнении ямы. Венчик сосуда плоский «Т»-образный, тулово биусеченно-коническое, реберчатое, днище плитчатое, чуть вогнутое. Ручки ленточные, широкие, с внешней стороны орнаментированы двумя продольными каннелюрами. Высота вазы 13,9 см, диаметр по венчику 30 см (рис. 12, 1).

Погребение 19, трупоположение (рис. 13, 1). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 2,65 × 1,7 м и глубиной 1,43 м, была ориентирована по направлению север-юг, под углом 15°. На дне ямы, по центру, была устроена погребальная камера, размерами 1,86 × 0,8 м и глубиной 0,82 м. Стенки камеры, от уровня уступов, слегка разрушены поздним перекопом. В заполнении встречались отдельные человеческие кости, фрагменты и целые сосуды.

Костяк был полностью разрушен. Инвентарь:

1. Гребень костяной, трехчастный, с колоколовидной спинкой был обнаружен у северной стенки. Пластины скреплены между собой бронзовыми трубчатыми заклепками, образующими орнамент. В «заполнение» спинки была вставлена деревянная пластина. Зубья гребня не сохранились. Его длина 10,5 см (рис. 14, 1).

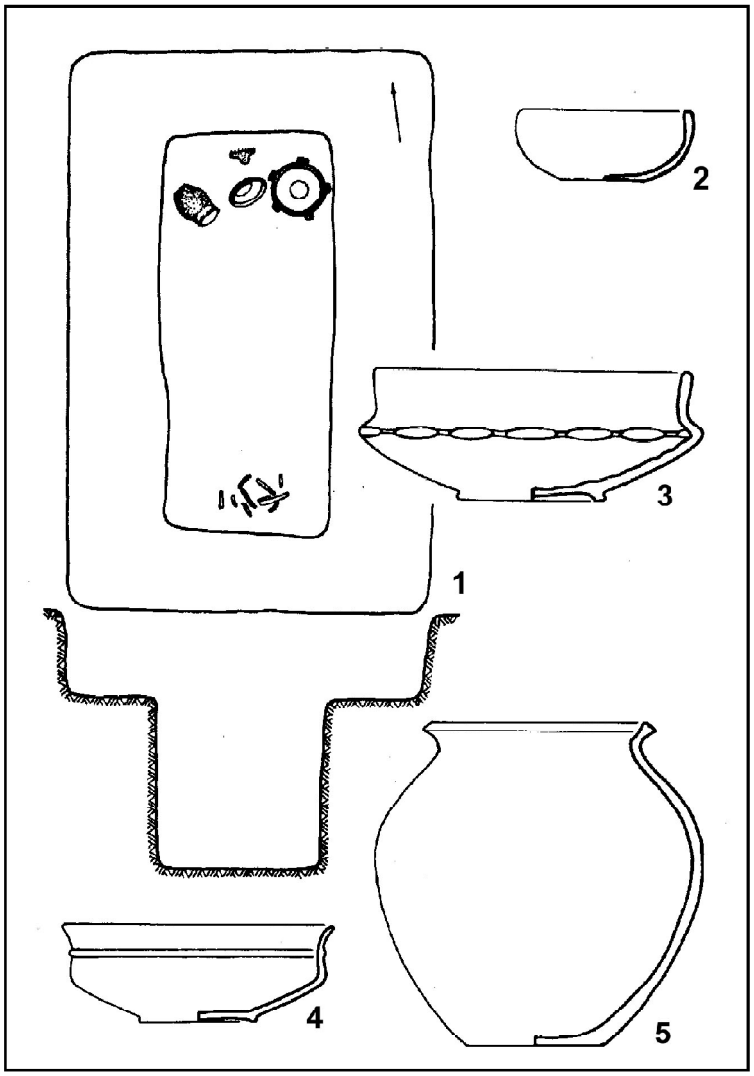

Рис. 13. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-5 — погребение 19.

2. Нож железный, черешковый, очень плохой сохранности, был обнаружен в южной оконечности ямы, среди костей жертвенной пищи — череп и конечности ягненка. Нож не реставрируется.

3. Горшок круговой, серый, шероховатый, яйцевидной формы был обнаружен в северо-восточном углу камеры. Венчик отогнутый, реберчатый, с пазом под крышку, днище вогнутое. Высота сосуда 17,9 см, диаметр по венчику 12,2 см (рис. 13, 5).

4. Миска круговая, серолощеная, биусеченно-конической формы была обнаружена рядом с предыдущей, с восточной стороны. Венчик сосуда прямой, тулово реберчатое, днище на кольцевом поддоне. Выделенное ребро миски орнаментировано удлиненными фасетками. Высота сосуда 7,2 см, диаметр по венчику 17,1 см (рис. 13, 3).

5. Ваза пятиручная круговая, серолощеная, была обнаружена в продолжении ряда у северной стенки. Венчик сосуда «Г»-образный, тулово биусеченно-коническое, днище плитчатое. Ручки ленточные, широкие, с внешней стороны с двумя продольными желобками. Высота вазы 11,2 см, диаметр по венчику 25,5 см (рис. 12, 5).

6. Мисочка круговая, серо-чернолощеная, реберчатая, была обнаружена в заполнении камеры. Венчик сосуда отогнут, днище на кольцевом поддоне. На тулове расположен орнаментальный валик. Днище сосуда залощено снаружи и изнутри. Высота миски 5,3 см, диаметр по венчику 14,4 см (рис. 13, 4).

7. Чашечка круговая, чернолощеная, полусферической формы, была обнаружена в верхней части заполнения камеры. Венчик слегка утолщен, днище плоское. Высота сосуда 3,8 см, диаметр по венчику 9,2 см (рис. 13, 2).

8. Горшок (фрагмент) круговой, серолощеный, был обнаружен в заполнении ямы. Венчик отогнутый, тулово реберчатое. Диаметр по венчику 15 см (рис. 12,4).

9. Вогнутое днище круговой, серолощеной миски обнаружено в заполнении ямы.

Погребение 20, трупоположение (рис. 15, 1). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 2,53 × 1,88 м и глубиной 1,43 м была ориентирована по направлению север-юг, под

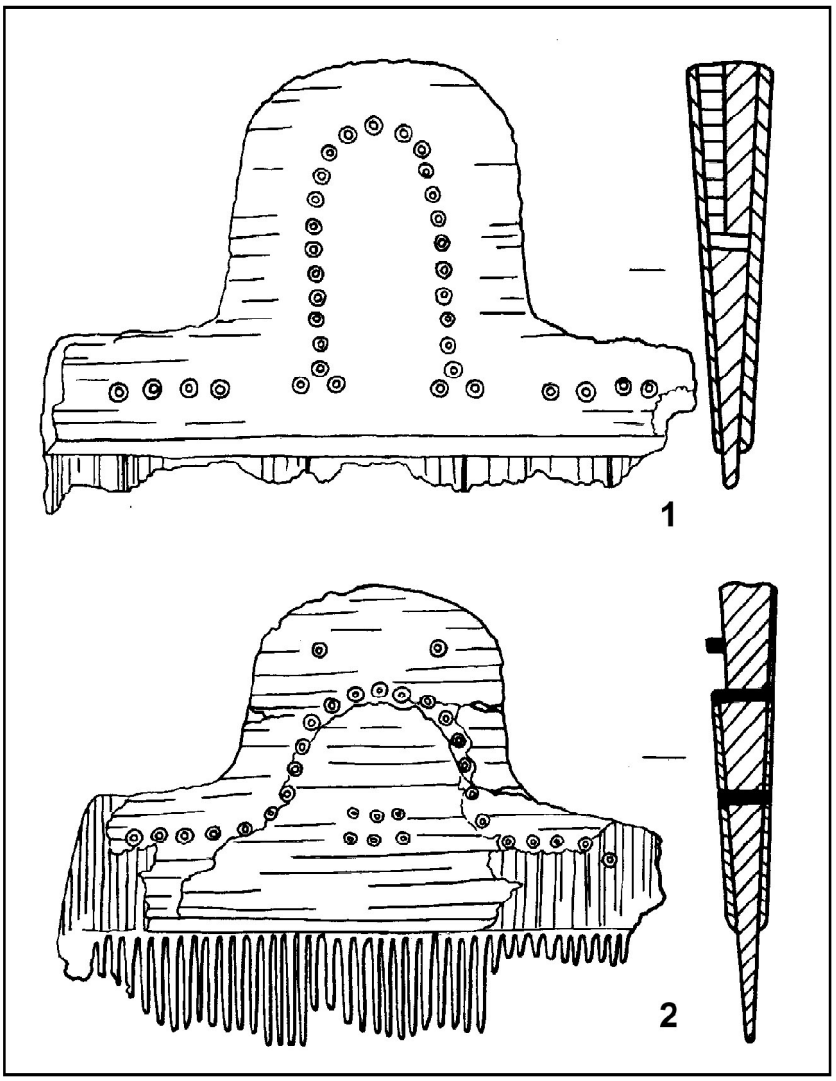

Рис. 14. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1 — погребение 19; 2 — погребение 20.

углом 5°. На дне ямы, по центру, была устроена погребальная камера, размерами 1,96 × 0,9 м и глубиной 0,79 м. На уровне уступов камера была перекрыта досками, уложенными вдоль, перегнившие куски которых встречались и в заполнении.

Погребенный был уложен на жертвенных сосудах, в положении вытянуто на спине, головой на север, руки и ноги прямые. Костяк частично расчленен. Инвентарь:

1. Пряжка серебряная с массивной овально-удлиненной рамкой и овальным щитком найдена на левой половине тазовых костей. Круглая в сечении рамка утолщена спереди, хоботовидный язычок с уступом, в сечении полукруглый. Двойной щиток крепился к ремню тремя тройными заклепками с полусферическими шляпками. Размеры рамки 3, 3 × 1,9 см (рис. 15, 3).

2. Пряжка бронзовая с овальной рамкой с несомкнутыми концами обнаружена на правой половине тазовых костей. Круглая в сечении рамка утолщена спереди, хоботковидный язычок с уступом в сечении круглый. Размеры рамки 2,4 × 1,7 см (рис. 15, 2).

3. Гребень костяной, трехчастный, с колоколовидной спинкой, был обнаружен под черепом. Пластины скреплены между собой бронзовыми трубчатыми заклепками, образующими орнаментальную композицию. Высота гребня 7 см, длина 9,5 см (рис. 14, 2).

4. Наконечники стрел (?) железные (3 штуки) обнаружены под левой половиной таза. Наконечники черенковые, сильно коррозированные, с остатками древесины на черенках, острия удлиненно-конические, в сечении круглые. Их длина 7,2-7,5 см, диаметр 0,6 см (рис. 15, 4).

5. Нож железный, черешковый, очень плохой сохранности, был обнаружен у ног погребенного, среди костей жертвенной пищи — череп и конечности ягненка. Нож не реставрируется.

6. Ваза трехручная круговая, серолощеная, была расположена в восточном углу камеры, слева от черепа. Венчик «Т»-образный, с желобками по кругу, тулово реберчатое, биусеченно-коническое, днище на кольцевом поддоне. Ручки вазы ленточные, с расширением у венчика и с двумя продольными желобками с внешней

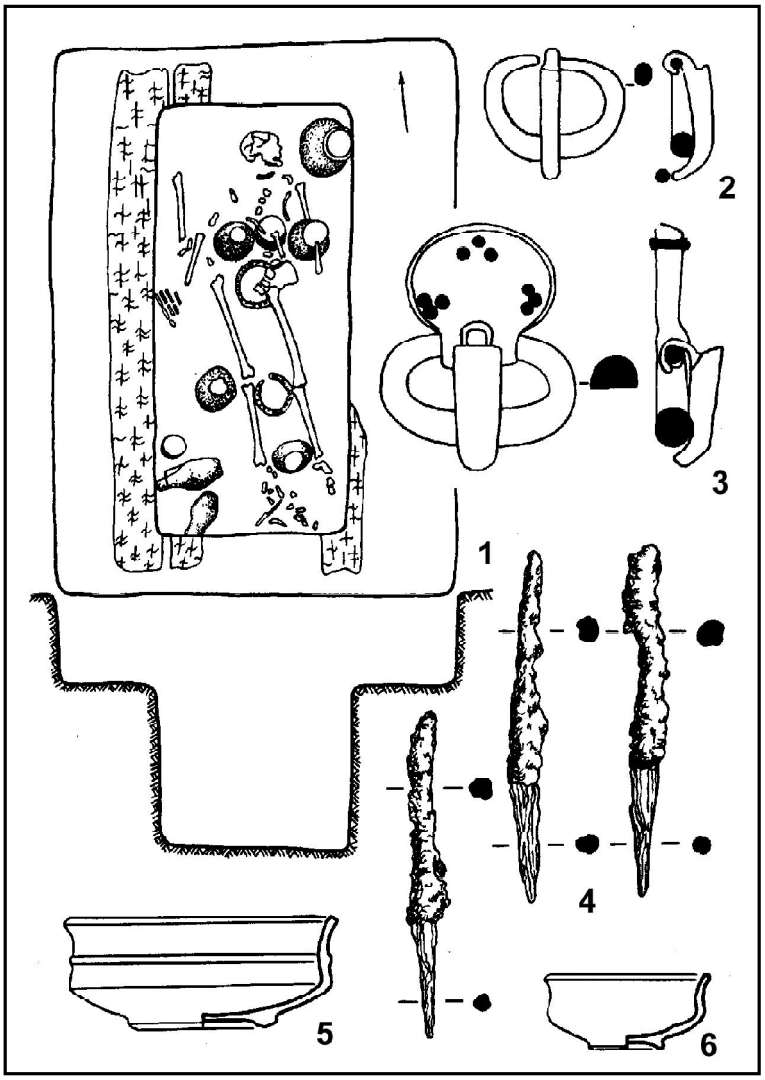

Рис. 15. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-6 — погребение 20.

стороны. Высота сосуда 17 см, диаметр по венчику 21,5 см (рис. 16, 1).

7. Миска миниатюрная круговая, чернолощеная, была найдена внутри вазы. Венчик слегка отогнут, реберчатое тулово переходит в сильно вогнутое плитчатое днище. Высота сосуда 3,9 см, диаметр по венчику 8,3 см (рис. 15, 6).

8. Горшок круговой, серый шероховатый, был обнаружен под левым предплечьем. Венчик отогнутый, тулово округлобокое, днище плитчатое, сильно вогнутое. Плечики сосуда орнаментированы широкими горизонтальными желобками. Высота горшка 17 см, диаметр по венчику 12 см (рис. 16, 3).

9. Миска круговая, серолощеная, была обнаружена под позвоночником, в области грудной клетки. Венчик сосуда сильно отогнутый, тулово усеченно-коническое с выделенным ребром, днище плитчатое, сильно вогнутое. При обжиге миска деформировалась. Ее высота 6,5 см, диаметр по венчику 18,4-19,6 см (рис. 16, 2).

10. Горшок круговой, серый шероховатый, был обнаружен под грудной клеткой, справа от предыдущего сосуда. По форме и обработке он почти идентичен сосуду под номером 8, венчик деформирован при обжиге. Высота сосуда 15,5-16 см, диаметр по венчику 12 см (рис. 16, 6).

11. Миска круговая, серолощеная, была обнаружена под тазовыми костями. Венчик сосуда прямой, тулово реберчатое, днище на кольцевом поддоне. На плечике расположен орнаментальный валик. Высота миски 8 см, диаметр по венчику 19,3 см (рис. 16, 4).

12. Миска круговая, серолощеная, была обнаружена между коленями. Венчик сильно отогнут, тулово усеченно-коническое, с выделенным ребром, днище на кольцевом поддоне. Высота миски 6,9 см, диаметр по венчику 21,1 см (рис. 16, 5).

13. Горшок круговой, серый шероховатый, был расположен возле правого колена. Венчик сосуда отогнут, тулово яйцевидное, днище плитчатое. Верхняя часть тулова орнаментирована широкими горизонтальными желобками. Высота горшка 18 см, диаметр по венчику 12,3 см (рис. 17, 2).

14. Горшок круговой, серолощеный, был расположен между ступнями. Венчик утолщенно-

реберчатый, тулово уплощенно-сферическое, днище на кольцевом поддоне. Под венчиком, на плечиках, оставлены два орнаментальных уступа. Высота сосуда 12,8 см, диаметр по венчику 12,7 см (рис. 17, 1).

15. Кувшин одноручный круговой, серолощеный, был расположен в юго-западном углу камеры. Венчик оформлен со сливом, как «ойнохое», тулово биусеченно-коническое, днище на кольцевом поддоне. Верхняя часть тулова фацетирована по вертикали, на горлышке орнаментальный валик. Высота сосуда 30,5 см, размеры по венчику 11 × 11 см (рис. 17, 3).

16. Кувшин одноручный, круговой, красноглиняный, был найден рядом с предыдущим. Горло сосуда воронковидное, тулово яйцевидное, днище плитчатое, вогнутое. Ручка ленточная, с продольным желобком. На горле кувшина оформлен рельефный валик, на верхней части тулова нанесены четыре горизонтальные полоски тройных желобков. Высота кувшина 29,6 см, диаметр по венчику 6,1 см (рис. 17, 4).

17. Мисочка круговая, серолощеная, была найдена рядом с кувшином, под стенкой. Венчик сосуда слегка отогнут, тулово реберчатое, днище на кольцевом поддоне. На плечиках расположен орнаментальный валик. Высота миски 6 см, диаметр по венчику 13,7 см (рис. 17, 4).

Погребение 21, трупоположение (рис. 18, 1). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 2,2 × 1,06 м и глубиной 1,22 м была ориентирована по направлению север-юг, под углом 20°. На дне ямы, по центру, была устроена погребальная камера, размерами 1,64 × 0,5 м и глубиной 0,34 м. В заполнении ямы и погребальной камеры встречались разрозненные человеческие кости.

Костяк почти полностью разрушен в древности. В анатомическом порядке сохранились берцовые кости и череп. На правой стороне черепа и на нижней челюсти сохранились пятна зеленого цвета от соприкасавшихся с ними бронзовых предметов. Судя по всему, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на север. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 22, трупоположение (рис. 18, 2). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 2,52 × 1,34 м и глубиной 1,1 м была ори-

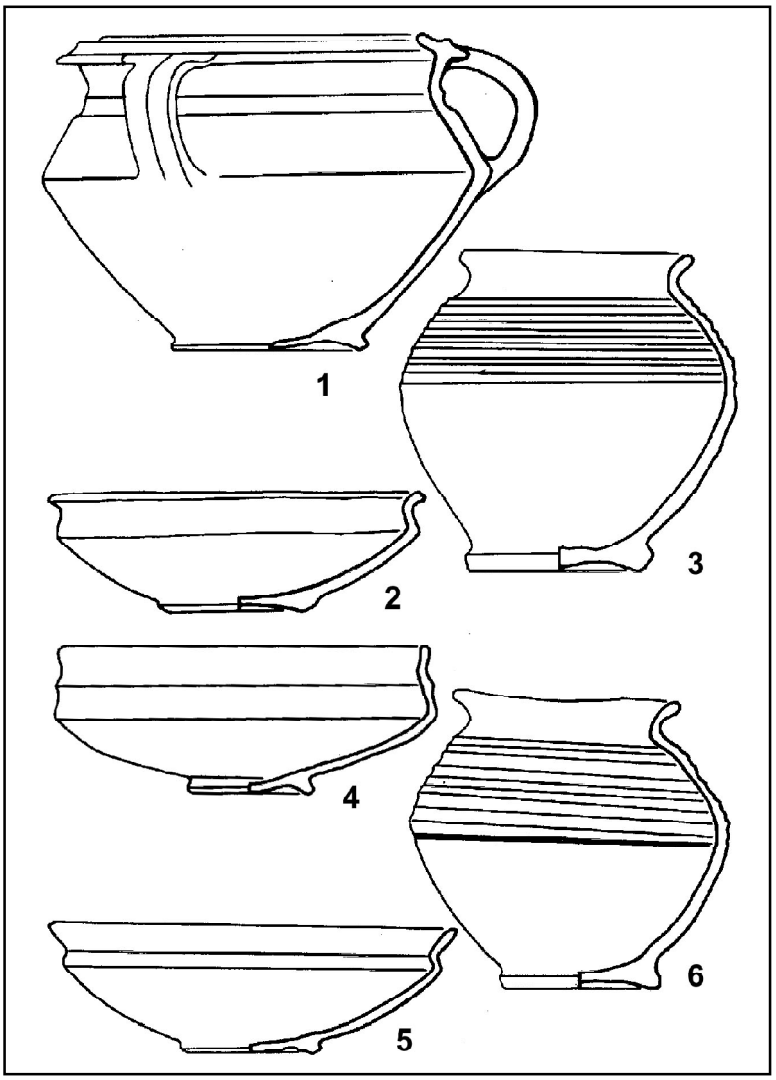

Рис. 16. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-6 — погребение 20.

ентирована по направлению запад-восток, под углом 270°. На дне ямы, по центру, была устроена погребальная камера, размерами 1,9 × 0,44 м и глубиной 0,45 м. На уровне уступов камера была перекрыта досками, три из которых были уложены поперек, наискосок, для поддержки досок, уложенных вдоль, истлевшие куски которых встречались и в заполнении камеры.

Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад, руки и ноги прямые. Часть черепа и грудной клетки были разрушены при снятии проб грунта буровой установкой. Под скелетом прослежен темно-коричневый тлен.

Под южной стенкой, в области локтя, обнаружена железная скоба с остатками прогнившей древесины, попавшей туда, видимо, от досок перекрытия. Ее длина 3,7 см (рис. 18, 3).

Погребение 23, трупоположение (рис. 19, 1). Погребальная яма трапециевидной формы, размерами 2,5 × 1,25-1,45 м и глубиной 1,32 м была ориентирована строго по направлению север-юг. На дне ямы, по центру, была устроена прямоугольная погребальная камера размерами 1,98 × 0,7 м и глубиной 0,65 м. На уровне уступов камера была перекрыта досками, отпечатки которых сохранились поперек дна.

Погребенный был уложен вытянуто на спине под западной стенкой, головой на север, руки и ноги прямые. Верхняя половина костяка частично была разрушена в древности — кости таза, грудной клетки и череп были сброшены в кучу у северной стенки. Под костяком прослежен слабый темно-коричневый тлен. Инвентарь:

1-2. Нож железный с прямой спинкой был найден у левой ступни среди костей жертвенной пищи (череп и конечности ягненка). Деревянные накладки прикреплялись к черенку железной заклепкой. Длина сохранившейся части 9,5 см, ширина лезвия 1,9 см (рис. 19, 3).

3. Скорлупа от жертвенного яйца обнаружена возле левого бедра.

4. Пряслице глиняное, биусеченно-конической формы было обнаружено под восточной стенкой, в области колена. Ее высота 2,7 см, диаметр 3,2 см (рис. 19, 6).

5. Бусина из полупрозрачного стекла уплощенно-сферической формы была обнаружена у левого локтя. Высота 1,5 см, диаметр 2,8 см

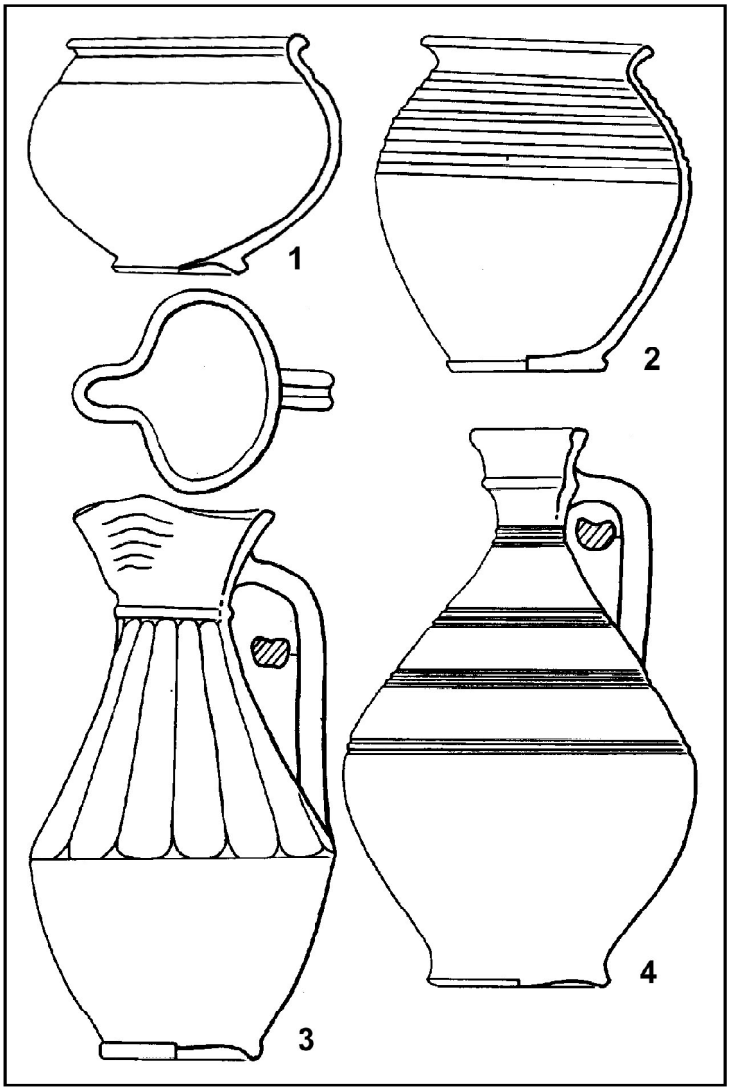

Рис. 17. Слободзия-Кишкэрень (Лазо). 1-4 — погребение 20.

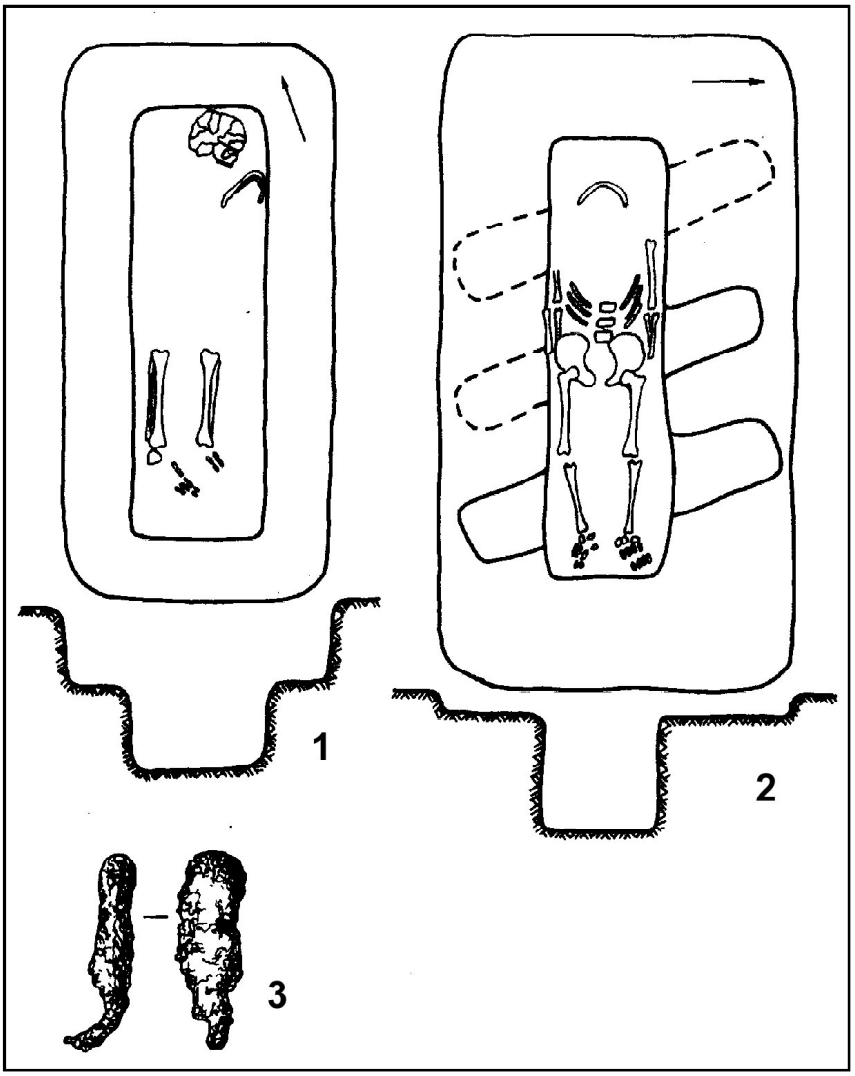

Рис. 18. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1 — погребение 21; 2-3 — погребение 22.

(рис. 19, 5).

Погребение 24, трупоположение (рис. 20,1). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 2,78 × 1,72 м и глубиной 1,35 м, была ориентирована строго по направлению север-юг. Судя по уступу в северо-восточной части, первоначально предполагалась ее ориентировка по направлению запад-восток, размерами 2,23 × 1,48 м. На дне ямы, по центру, была устроена погребальная камера прямоугольной формы, размерами 2,18 × 0,84 м и глубиной 0,89 м, ориентированная по направлению север-юг. На большом северо-восточном уступе прослежена прослойка темно-коричневого тлена. В заполнении камеры встречались отдельные человеческие кости.

Верхняя часть скелета была разрушена в древности. Судя по остаткам костяка, погребенный был уложен на жертвенных сосудах вытянуто на спине головой на север, руки и ноги прямые. Берцовые кости были расчленены и раздвинуты от колен по сторонам. Инвентарь:

1. Гребень костяной (фрагменты, не реставрируется), трехчастный, с полукруглой спинкой обнаружен в области черепа. Пластины были скреплены между собой бронзовыми и железными заклепками.

2. Фибула бронзовая с подвязным приемником и короткой пружиной найдена при разборке костяка, в области левого плеча. Спинка в сечении прямоугольная, фацетированная, у основания приемника две поперечные насечки. На пружине сохранился кусочек простой ткани. Длина фибулы 4,5 см, спинка в сечении 0,45 × 0,2 см (рис. 20, 3).

3. Фибула бронзовая воинского типа, с ромбической ножкой и короткой пружиной, была обнаружена в области черепа. У основания пластинчатой, слегка фацетированной спинки нанесены две поперечные насечки. На всем корпусе фибулы сохранились кусочки простой ткани. Длина фибулы 4,1 см, спинка в сечении 0,7-0,8 × 0,15 см (рис. 20, 2).

4. Бусы-пронизь, остатки которой были собраны в области черепа. Среди них одна бронзовая цилиндрическая (диаметр 0,7 см) и 11 стеклянных четырнадцатигранных темно-синего цвета, сторонами 0,5-0,7 см (рис. 19, 4).

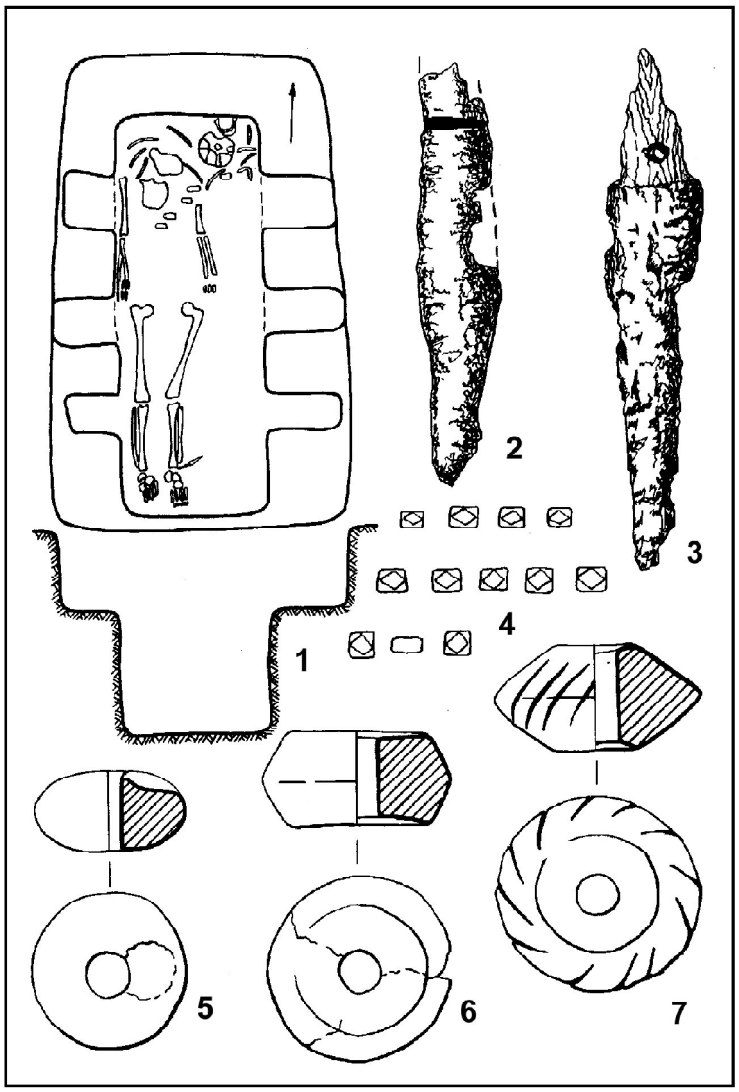

Рис. 19. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1, 3, 5-6 — погребение 23; 2, 4, 7 — погребение 24.

5-6. Нож железный черенковый, с прямой спинкой, был найден в области черепа, справа, среди перемешанных костей от жертвенной пищи (череп и конечности ягненка). На черенке сохранились остатки деревянной рукояти, длина сохранившейся части 11 см (рис. 19, 2).

7. Пряжка бронзовая с массивной овальной рамкой и массивным фигурным хоботковидным язычком с уступом найдена на левой половине костей таза. Размеры рамки 3 × 2,3 см, диаметр в сечении 0,9 см. Язычок в сечении полукруглый, максимальный диаметр 1,2 см (рис. 20, 4).

8. Пряслице глиняное биусеченно-конической формы с вогнутыми основаниями было найдено между ногами, у правой бедренной кости. Ребро орнаментировано косыми нарезами. Высота 1,9 см. Диаметр 3,6 см (рис. 19, 7).

9. Миска круговая, серо-чернолощеная, найдена под левой плечевой костью. Венчик сосуда слегка отогнут, тулово цилиндрическое, нижняя часть уплощенно-сферическая, днище вогнуто-кольцевое. Под венчиком расположен массивный валик, орнаментированный удлиненными фасетками. Высота сосуда 4,8-5,5 см, диаметр по венчику 19,3 см (рис. 21, 1).

10. Миска круговая, серолощеная, найдена под левой локтевой костью. Венчик сосуда сильно отогнут, тулово биусеченно-коническое с хорошо выделенным ребром, днище на кольцевом поддоне. Под венчиком оставлен небольшой валик-уступ, орнаментированный пролощенной зигзагообразной линией. Высота миски 8 см, диаметр по венчику 20 см (рис. 21, 2).

11. Горшок круговой, серый шероховатый, найден слева от бедра. Венчик сосуда отогнутый, реберчатый, тулово округлое, днище плитчатое. Высота горшка 13 см, диаметр по венчику 9,5 см (рис. 21, 3).

12. Миска круговая, серолощеная, найдена у левой бедренной кости. Венчик сосуда отогнутый, тулово усеченно-конической формы с выделенным ребром, днище вогнутое. Под венчиком нанесена пролощенная зигзагообразная линия. Высота миски 5,5 см, диаметр по венчику 18,4 см (рис. 21, 6).

13. Горшок круговой, серолощеный, найден в области правого плеча. Венчик сосуда отогнутый, с утолщением и пазом под крышку, тулово

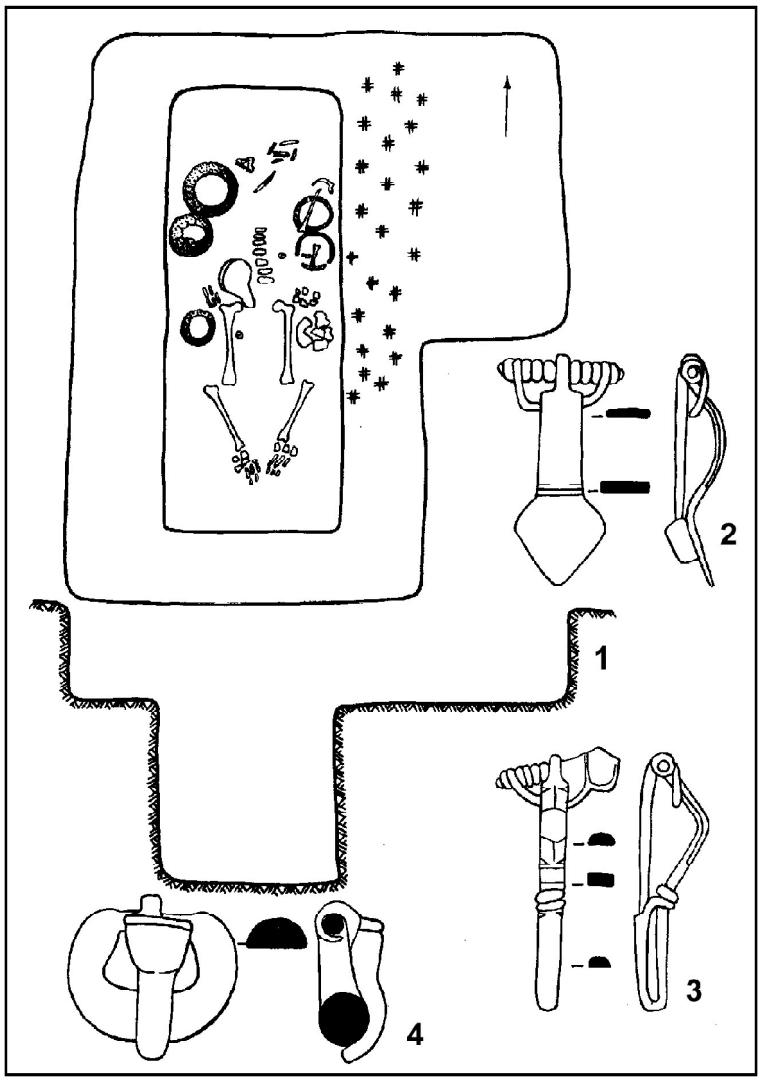

Рис. 20. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-4 — погребение 24.

биусеченно-коническое, днище вогнуто-кольцевое. На плечиках небольшой орнаментальный уступ. Высота горшка 21,2 см, диаметр по венчику 18 см (рис. 21, 7).

14. Горшок круговой, серый шероховатый, был найден рядом с предыдущим, к югу. Венчик сосуда отогнутый, тулово яйцевидное, днище вогнутое. На плечиках были нанесены широкие горизонтальные желобки. Высота горшка 18 см, диаметр по венчику 13 см (рис. 21, 5).

15. Горшок круговой, серолощеный, найден у правой бедренной кости. Венчик сосуда отогнут, тулово сферическое, днище на кольцевом поддоне. На плечиках, на нелощенной полосе, ограниченной валиком и уступом, нанесен пролощенный сетчатый орнамент. Высота горшка 14,2 см, диаметр по венчику 11,9 см (рис. 21,4).

Погребение 25, трупоположение (рис. 22, 1). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 1,62 × 1 м и глубиной 0,96 м, была ориентирована по направлению север-юг, под углом 6°. На дне ямы, по центру, была устроена погребальная камера, размерами 1 × 0,5 м и глубиной 0,31 м.

Костяк (детский) плохой сохранности, однако можно установить, что погребенный был уложен на жертвенных сосудах вытянуто на спине, головой на север, руки и ноги прямые. Инвентарь:

1. Гребень костяной, трехчастный, с полукруглой спинкой, был найден под черепом. Пластины скреплены между собой железными заклепками. Сохранность гребня плохая, сохранившаяся длина 7,6 см (рис. 22, 7).

2. Фибула бронзовая с подвязным приемником и короткой пружиной была найдена на правом плече. Спинка в сечении прямоугольная, фацетированная, у основания приемника орнаментирована насечкой. Ножка фибулы тоже фацетирована. На спинке сохранилась тонкая нить, намотанная в несколько оборотов. Длина фибулы 4,2 см, спинка в сечении 0,4 × 0,2 см (рис. 22, 3).

3. Фибула бронзовая с подвязным приемником и короткой пружиной была найдена в сосуде, под левым плечом. Фибула идентична предыдущей, с тыльной стороны пружины прикипел кусочек простой ткани. Длина фибулы 4,1

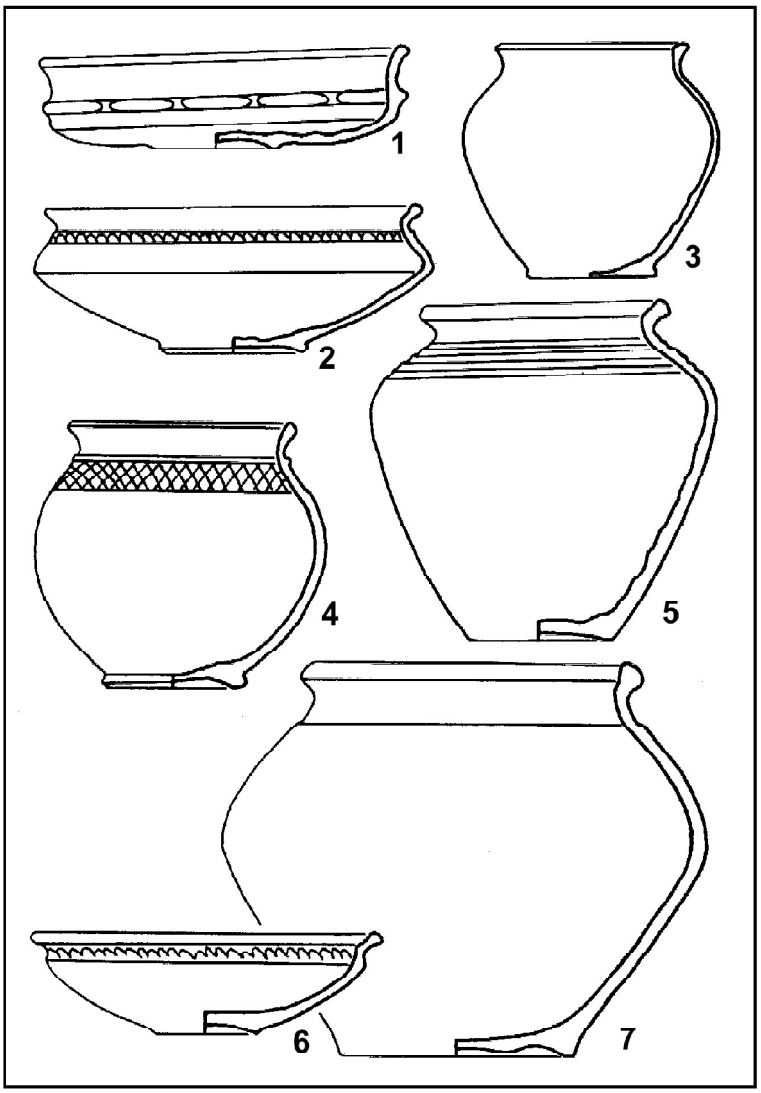

Рис. 21. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-7 — погребение 24.

см, спинка в сечении 0,4 × 0,2 см (рис. 22,4).

4. Фибула бронзовая с подвязным приемником и короткой пружиной (игла отсутствует) была найдена под левой бедренной костью. Спинка в сечении прямоугольная, фацетированная. Длина фибулы 4 см, спинка в сечении 0,5 × 0,2 см (рис. 22, 2).

5. Бусина стеклянная, зонная, темно-синего цвета, найдена под левой половиной таза. Длина бусины 1,4 см (рис. 22, 5).

6. Бусина пастовая, черного цвета, уплощенно-сферической формы была найдена вместе с предыдущей. На тулове инкрустированы три волнистые линии — из белой пасты по краям и красной посередине. Диаметр бусины 2,3 см, высота 1,4 см (рис. 22, 6).

7. Пряслице глиняное, биусеченно-конической формы с вогнутыми основаниями было обнаружено под левым бедром, рядом с третьей фибулой. Высота 1,7 см, диаметр 2,7 см (рис. 23, 1).

8. Раковина-подвеска вида «murex» с отверстием для подвешивания была обнаружена у левой берцовой кости, с внутренней стороны. Ее высота 4,6 см (рис. 23, 2).

9-10. Две подвески костяные, пирамидальные, нанизанные на бронзовом проволочном колечке треугольной формы, были найдены вместе с раковиной. На боковых сторонах подвесок орнамент из четырех врезных концентрических кругов. Длина подвесок 5,9 см, размеры у основания 1,5 × 1,1 см (рис. 23, 3).

11. Кувшин (?) круговой, красноглиняный (донная часть), был найден под нижней челюстью. Днище сосуда плитчатое, чуть вогнутое, диаметром 7,5 см (рис. 23, 4).

12. Горшочек лепной, из теста с примесью шамота и дресвы, был найден под левым плечом. Венчик сосуда отогнут, тулово округлое, днище плитчатое, поверхность бугристая. Высота горшочка 11,2 см, диаметр по венчику 6,3 см (рис. 23, 5).

13. Мисочка круговая, серолощеная, была найдена между западной стенкой и плечевой костью. Венчик сосуда прямой, тулово полусферическое, днище на кольцевом поддоне. Под венчиком расположена широкая нелощенная горизонтальная каннелюра с пролощенной зиг-

загообразной линией. Сосуд залощен и снаружи и изнутри. Высота мисочки 6,1 см, диаметр по венчику 14,6 см (рис. 23, 6).

14-15. Горшочек лепной, из теста с примесью шамота, был найден в лежачем положении в миске. Венчик сосуда слегка отогнут, тулово округлобокое, днище плитчатое, сработан небрежно. Высота горшочка 10,5-11,4 см, диаметр по венчику 8 см (рис. 23, 7). В сосуде обнаружено 8 песчаных камешков.

16. Горшочек лепной, из теста с примесью шамота был найден рядом с миской, у западной стенки. Венчик сосуда отогнутый, тулово округлое, днище плоское. Высота горшочка 10 см, диаметр по венчику 7,4-7,9 см (рис. 23, 8).

17. Горшочек круговой, серолощеный, был найден рядом с миской. Венчик сосуда отогнутый, тулово округлобокое, днище плоское. Высота горшочка 9,5 см, диаметр по венчику 10,6 см (рис. 23, 9).

18. Горшочек лепной, из теста с примесью шамота, дресвы и пирита, был найден под тазом, с восточной стороны. Венчик сосуда слегка отогнут, тулово округлобоко-вытянутое, днище вогнутое. Высота горшочка 13 см, диаметр по венчику 7 см (рис. 23, 10).

19. Горшочек круговой, серолощеный, был найден под тазом. Венчик сосуда отогнутый, реберчатый, тулово близко к биусеченноконическому, днище вогнутое. На плечиках, на нелощенной полосе, ограниченной уступом и валиком, нанесена пролощенная зигзагообразная линия. Высота сосуда 8,5-9 см, диаметр по венчику 9,5 см (рис. 24, 1).

20. Кувшинчик одноручный круговой, чернолощеный, найден между берцовыми костями. Горло сосуда воронковидное, тулово округлобокое, днище плоское. Ручка ленточная, утолщенная, с продольной широкой каннелюрой с внешней стороны. Короткое горло подчеркнуто рельефным валиком. Высота кувшинчика 10,6 см, диаметр по венчику 4,1 см (рис. 24, 2).

21. Горшочек круговой, чернолощеный (обжиг неполный), был найден под правой ступней. Венчик сосуда отогнутый реберчатый, тулово уплощенно-сферическое, днище чуть вогнутое, выделенно-реберчатое. Тулово горшочка покрыто разнообразным орнаментом, в котором ус-

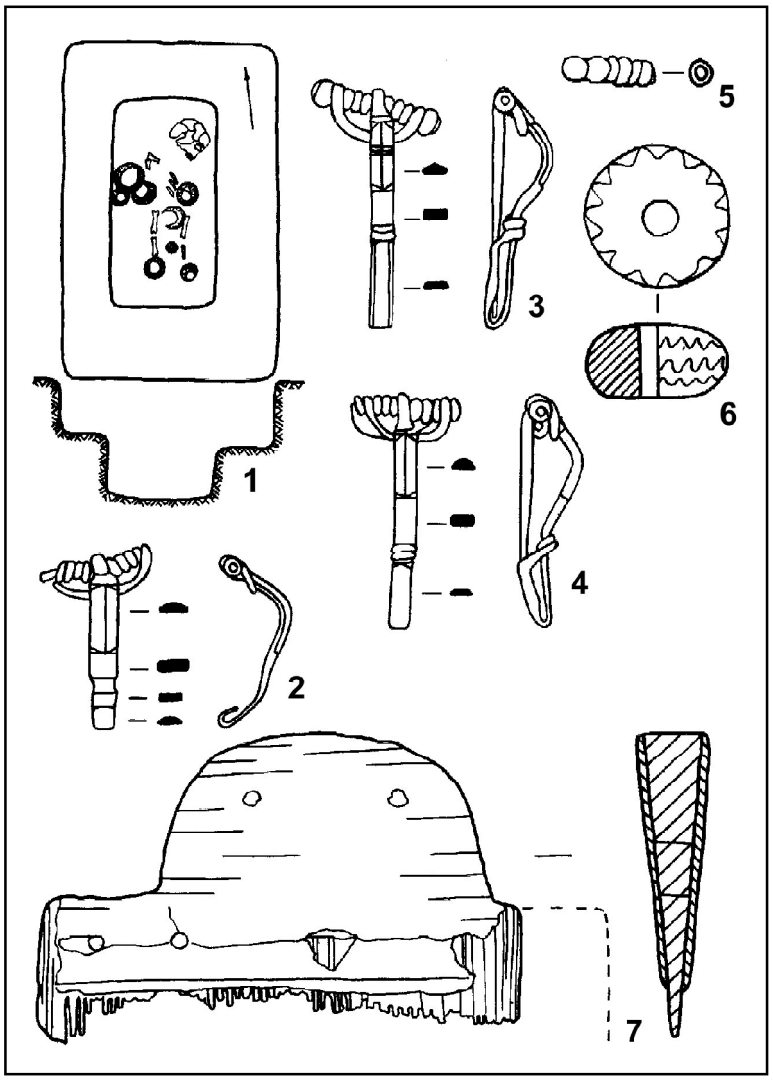

Рис. 22. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-7 — погребение 25.

ловно можно выделить три орнаментальные полосы: две широкие вертикальные нелощенные полосы, одна из которых покрыта пролощенным сеточным орнаментом, разделены и ограничены узкими полосками с лощением по вертикали; пять узких полосок с лощением по вертикали, из которых последние три пролощены от венчика до дна, разделены между собой узкими нелощенными полосами; широкая нелощенная полоса, покрытая пролощенным сеточным орнаментом, ограниченная узкими полосками с вертикальным лощением. Высота горшочка 10 см, диаметр по венчику 10 см (рис. 24, 4).

22. Чашечка одноручная круговая, серолощеная, была найдена под левой ступней. Горло сосуда широкое, воронковидное, тулово биусеченно-коническое, днище выделенное, вогнутое. Ручка в сечении округлая. Горло чашки подчеркнуто рельефным валиком, нелощенные плечики покрыты пролощенным сеточным орнаментом. Высота сосуда 8,3 см, диаметр по венчику 8 см (рис. 24, 3).

23. Яичная скорлупа была обнаружена под тазом.

Погребение 26, трупоположение (рис. 24, 5). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 1,6 × 0,63 м и глубиной 1,13 м была ориентирована строго по направлению север-юг.

Погребенный (старик) был уложен на дне ямы вытянуто на спине, головой на север, руки и ноги прямые. Под костяком прослежен слабый темно-коричневый тлен. Инвентарь:

1. Горшок лепной, из теста с примесью шамота, найден справа от черепа. Сосуд сработан очень небрежно, венчик отогнут, тулово слегка округлое, днище плитчатое. Высота горшка 15 см, диаметр по венчику 11,5 см (рис. 24, 7).

2. Горшочек круговой, серый гладкий, без лощения, сработанный очень небрежно, был найден возле кисти правой руки. Венчик слабо отогнут, округлое тулово со следами среза ножом, днище плитчатое. Высота сосуда 9, 5 см, диаметр по венчику 10,5 см (рис. 24, 6).

Погребение 27, трупоположение (рис. 25, 1). Погребальная яма прямоугольно-овальной формы, размерами 1,04 × 0,54 м и глубиной 1,2 м была ориентирована по направлению север-юг,

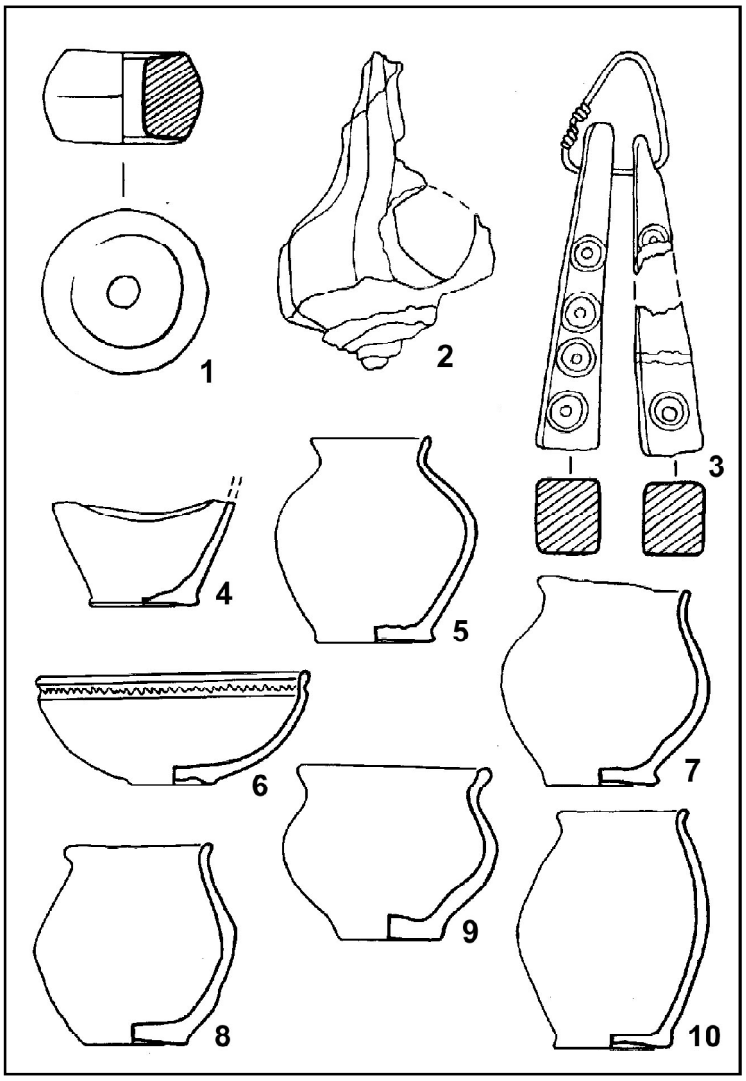

Рис. 23. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-10 — погребение 25.

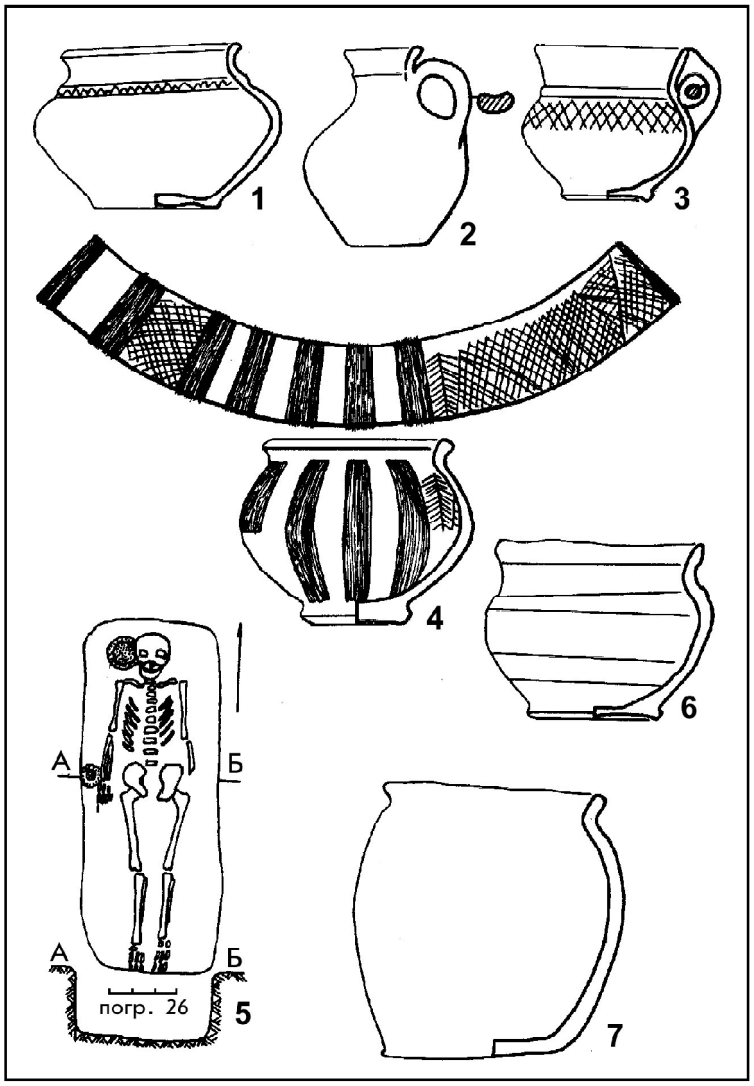

Рис. 24. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-4 — погребение 25; 5-7 — погребение 26.

под углом 4°.

На дне ямы выявлен детский костяк плохой сохранности, позволяющий установить, что погребенный был уложен на правом боку, головой на север, руки вытянуты вдоль туловища, ноги слегка согнуты в коленях. Инвентарь:

1. Бусы-бисер округло-уплощенной формы, 4 штуки, были обнаружены у шейных позвонков. 3 из них из светло-голубого стекла, одна из светло-зеленого. Их диаметр 0,3 см (рис. 25, 2).

2. Горшок круговой, серый шероховатый, был найден у черепа, в северо-западном углу. Венчик сосуда отогнутый реберчатый, тулово округлобокое, днище плитчатое. Высота горшка 12,6 см, диаметр по венчику 10,6 см (рис. 25, 4).

3. Горшок лепной, из теста с примесью шамота, был расположен рядом с предыдущим, с восточной стороны. Венчик сосуда отогнутый, тулово округлобокое, днище плоское. Высота горшка 11,4 см, диаметр по венчику 8,7 см (рис. 25, 6).

4. Горшочек круговой, серый шероховатый, был расположен в продолжении ряда. Венчик сосуда отогнутый, тулово яйцевидное, днище плоское. Высота горшочка 8,6-9 см, диаметр по венчику 6, 6 см (рис. 25, 5).

5. Горшочек круговой, серый шероховатый, был расположен слева от черепа. Венчик сосуда сильно отогнутый реберчатый, тулово округлобокое, днище плоское. Высота горшочка 7,5 см, диаметр по венчику 5,8 см (рис. 25, 3).

6. Кувшинчик одноручный круговой, серый гладкий, с нелощенной поверхностью, был расположен в юго-восточном углу ямы. Венчик сосуда, оформленный под «ойнохое», отбит в древности, тулово грушевидное, днище плитчатое вогнутое. Ручка в сечении полукруглая, с продольным широким желобком снаружи. На плечиках сосуда были оформлены рельефный валик и два уступа, между которыми были нанесены очень небрежно пролощенные зигзагообразные линии — одинарная и двойная. Сохранившаяся высота 17 см, наибольший диаметр тулова 10,8 см (рис. 25, 8).

7. Миска круговая (часть), серолощеная, была найдена возле кувшина. Венчик сосуда отогнут, тулово реберчатое, днище вогнутое. На

плечиках расположен слабо профилированный валик. Высота миски 5,6 см, диаметр по венчику 15,6 см (рис. 25, 7).

8. Мелкие фрагменты биусеченно-конического пряслица были найдены среди фрагментов миски. Размеры не восстановимы.

Погребение 28, трупоположение (рис. 26, 1). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 2,5 × 1,62 м и глубиной 1,43 м была ориентирована по направлению север-юг, под углом 343°. На дне ямы, по центру, была устроена погребальная камера, размерами 1,88 × 0,68 м и глубиной 0,69 м. Северный уступ, видимо, свалился. В заполнении камеры встречались куски древесной трухи от досок перекрытия.

Погребенный был уложен под западной стенкой камеры, вытянуто на спине, головой на север, руки и ноги прямые. Инвентарь:

1-2. Фибулы серебряные, двупластинчатые с двойной пружиной, были обнаружены, соответственно, на правом и левом плече, ножками книзу. Спинка в сечении полукруглая, внутри полая. Ромбовидная ножка, составляющая одно целое со спинкой, по углам оформлена фигурно и украшена круглым штампом с выпуклым крестообразным орнаментом, по периметру нанесены врезные линии. Иглодержатель изготовлен отдельно и крепится к ножке пятью заклепками с полусферической шляпкой. Щиток изготовлен также отдельно и прикреплен к основе кнопкой и псевдо-сканным полукольцом. По дуге щиток покрыт двумя рядами штампованного орнамента в виде лунниц (снаружи) и кружочков. У оснований спинки прикреплены псевдосканные полукольца. Длина фибул вместе с кнопкой по 8 см (рис. 27).

3. Кувшин-ойнохое одноручный круговой, красноглиняный гладкий, был обнаружен в северо-западном углу лежа, горлом на правом плече. Венчик сосуда оформлен со сливом, горло воронковидное, тулово грушевидное, днище на кольцевом поддоне. Ручка ленточная, полукруглая, с широким продольным желобком с внешней стороны. Верхняя часть сосуда орнаментирована горизонтальными полосами узких желобков. Высота кувшина 32 см, размеры по венчику 12,4 × 10 см (рис. 26, 2).

4. Кубок стеклянный конической формы

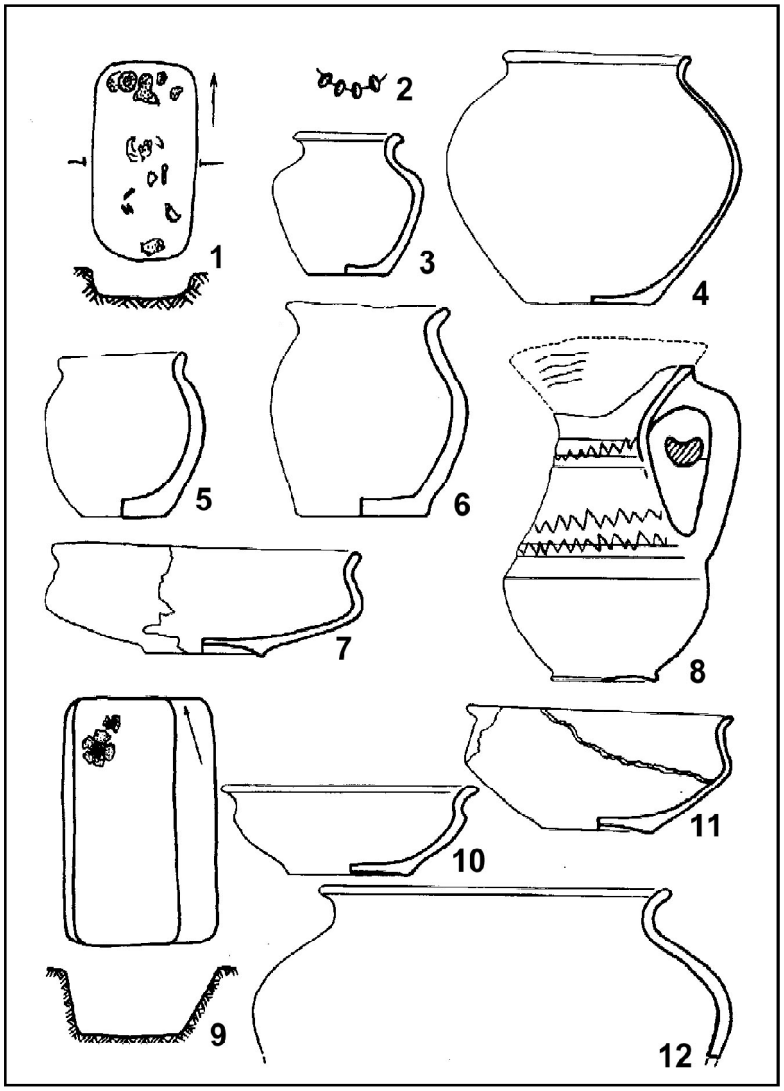

Рис. 25. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-8 — погребение 27; 9-12 — погребение 29.

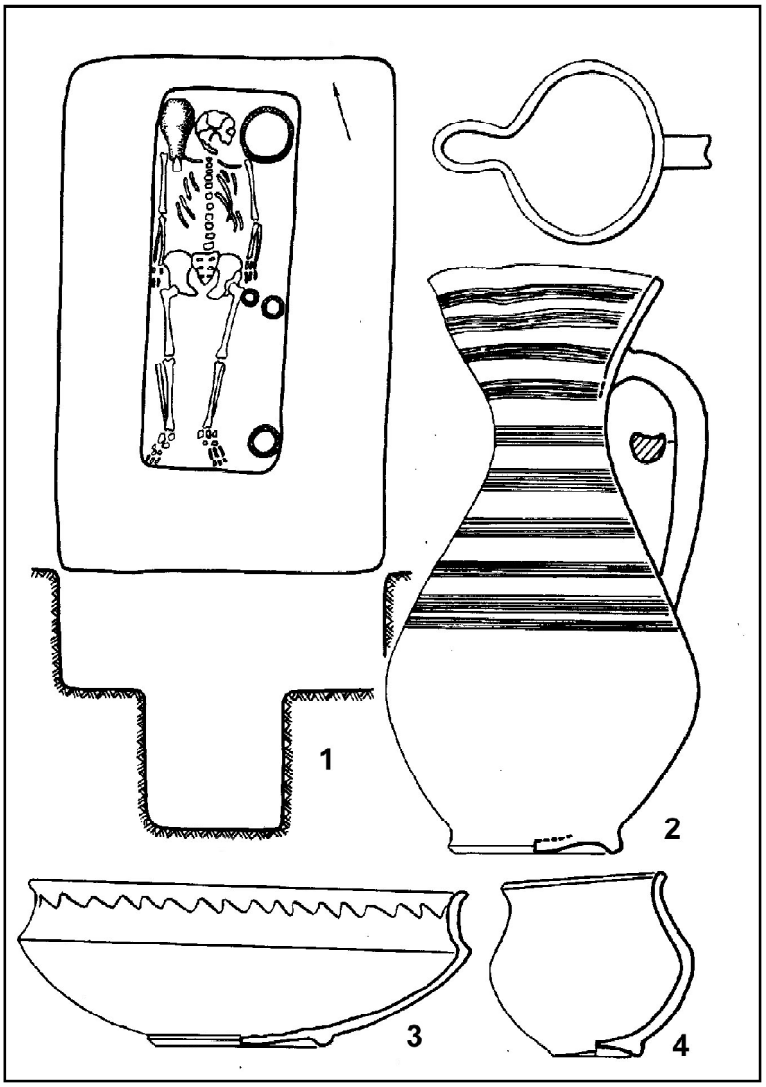

Рис. 26. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-4 — погребение 28.

был вставлен в горлышко кувшина. Из-за плохой сохранности стекла венчик и донная часть рассыпались (венчик восстановлен графически условно). С внешней стороны кубок покрыт сплошными рядами шестиугольных фасеток, вытянутых по вертикали, с внутренней стороны стенки гладкие. Стекло кубка глухое, красно-коричневого цвета, толщиной около 1 см. Высота сохранившейся части 9, 6 см (рис. 28, 3).

5. Миска круговая, серолощеная, была расположена слева от черепа. Венчик сосуда слегка отогнутый реберчатый, тулово реберчатое, днище на кольцевом поддоне. Под венчиком расположена пролощенная зигзагообразная линия. Высота миски 8,4-9,1 см, диаметр по венчику 23,2 см (рис. 26, 3).

6-7. Горшочек круговой, серолощеный, найден у левого бедра. Венчик сосуда слегка отогнут, тулово почти биусеченно-коническое, днище на узком кольцевом поддоне. Высота горшочка 9,8 см, диаметр по венчику 9,6 см (рис. 26, 4). В горшочке были обнаружены 9 камешков-песчаников.

8. Горшок круговой, серый шероховатый, был найден у стенки, рядом с предыдущим. Венчик сосуда отогнутый, утолщенно-реберчатый, тулово округлобокое, днище плитчатое вогнутое. На плечиках нанесены два горизонтальных желобка. Высота горшка 17,5 см, диаметр по венчику 12,2 см (рис. 28, 1).

9. Миска круговая, серо-чернолощеная, была уложена в юго-восточном углу камеры. Миска цилиндрическая в верхней части и усеченно-коническая в нижней, днище на кольцевом поддоне. На верхней половине сосуда расположен массивный рельефный валик, орнаментированный удлиненными фасетками. Высота миски 5,7 см, диаметр по венчику 17,3 см (рис. 28, 2).

10. Яичная скорлупа была обнаружена под левой берцовой костью.

Погребение 29, трупоположение (рис. 25, 9). Погребальная камера прямоугольной формы, нарушенная перекопами, размерами по дну 1 × 0,55 м и общей глубиной 1,45 м была ориентирована по направлению север-юг, под углом 18°. В заполнении было обнаружено множество раздельных человеческих костей.

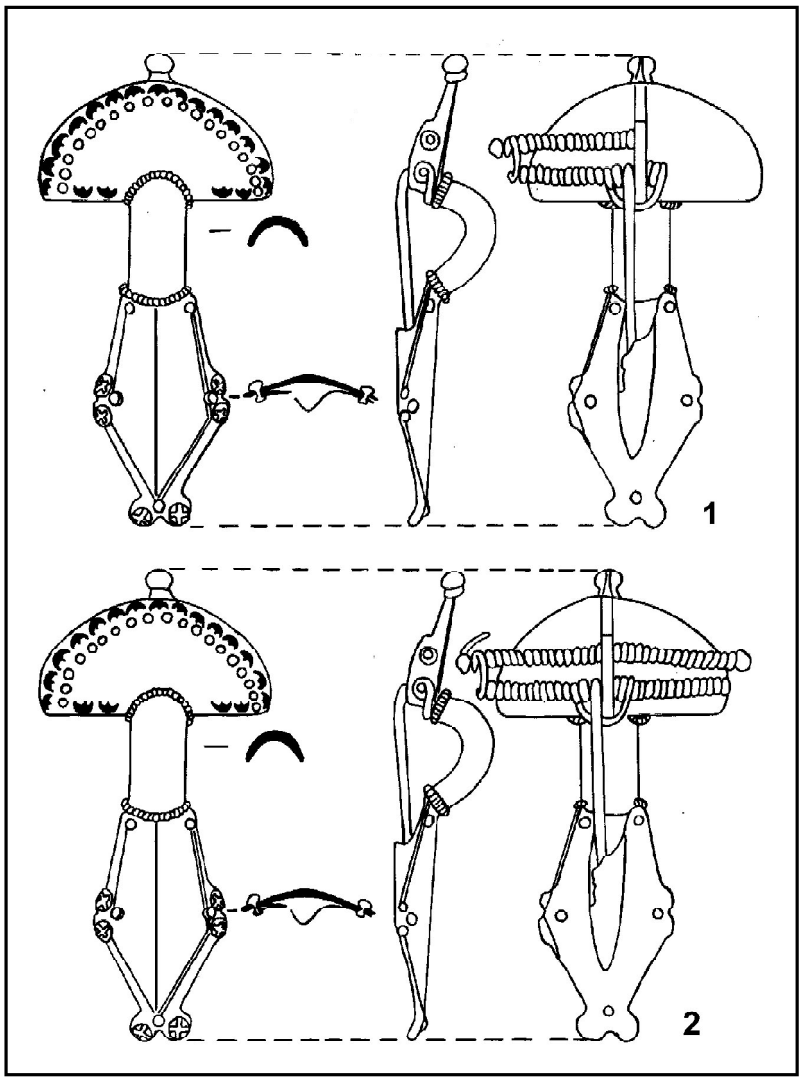

Рис. 27. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-2 — погребение 28.

Костяк отсутствовал. Из погребального инвентаря сохранились фрагменты трех сосудов.

1. Горшок круговой серолощеный, с отогнутым венчиком и округлым туловом, найден в заполнении. Диаметр по венчику 18 см (рис. 25, 12).

2. Миска круговая, серолощеная, обнаружена в раздавленном виде на дне камеры. Венчик сосуда отогнутый, тулово усеченно-коническое с выделенным ребром, днище вогнутое. Высота миски 4,7 см, диаметр по венчику 13,2 см (рис. 25, 10).

3. Миска круговая, серолощеная, обнаружена фрагментами у северной стенки. Венчик сосуда отогнут, тулово реберчатое, днище вогнутое. Под венчиком слегка выделяется рельефный валик. Высота миски 6,3 см, диаметр по венчику 13,8 см (рис. 25, 11).

Погребение 30, трупоположение (рис. 28, 4). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 2,2 × 0,9 м и глубиной 1,31 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 278°. На дне ямы, по центру, была устроена погребальная яма, размерами 1,85 × 0,9 м и глубиной 0,39 м. На уровне уступов камера была перекрыта досками, от поддерживающих поперечных сохранились отпечатки.

Погребенный был уложен вытянуто на спине головой на запад, руки и ноги прямые, левая ладонь под тазом. Под костяком сохранился темно-коричневый тлен. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 31, трупоположение (рис. 29, 1). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 2,5 × 1,2 м и глубиной 1,3 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 270°. На дне ямы, по центру, была устроена погребальная камера прямоугольной формы, стенки которой были нарушены перекопом, размерами по дну 1,8 × 0,68 м и глубиной 0,43 м. В заполнении камеры встречались разрозненные человеческие кости.

На дне камеры, не в анатомическом порядке, найдены бедренная и берцовые кости и несколько ребер. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 32, трупоположение, срезанное почти полностью при строительных работах. От погребенного (ребенка) сохранилась тыльная

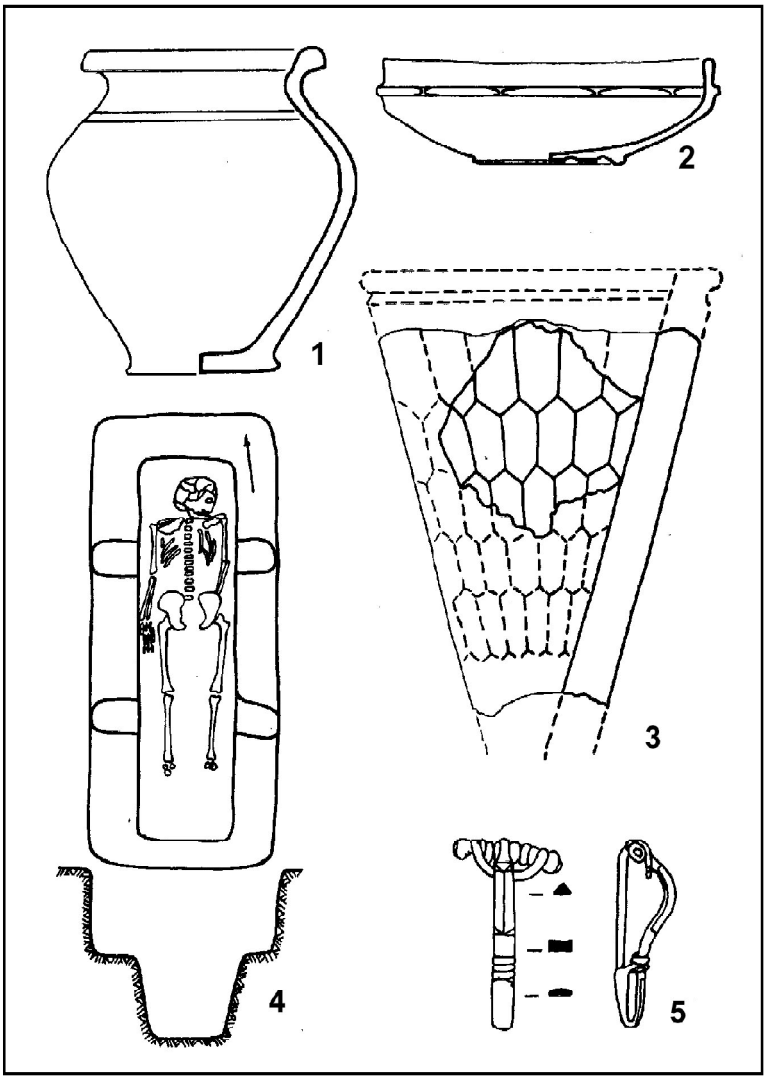

Рис. 28. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-3 — погребение 28; 4 — погребение 30; 5 — погребение 32.

часть черепа, указывающая на его северную ориентировку, справа от черепа фибула, а слева часть стенки горшка, уложенного лежа.

1. Фибула бронзовая с подвязным приемником и короткой пружиной. Спинка в сечении прямоугольная, фацетированная, ножка также фацетирована. На пружине сохранился прикипевший кусочек простой ткани. Длина фибулы 3, 4 см, спинка в сечении 0,4 × 0,2 см (рис. 28, 5).

2. Горшочек (?) лепной, из теста с примесью шамота.

Погребение 33, трупоположение (рис. 29, 2). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 2,04 × 0,8 м и глубиной 1,4 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 279°. На дне ямы, по центру, была устроена погребальная камера, стенки которой были нарушены перекопами, размерами по дну 1,9 × 0,4 м и глубиной 0,35 м. В заполнении ямы и камеры встречались разрозненные человеческие кости.

На дне камеры, в центральной части у северной стенки, сохранились в анатомическом порядке фаланги левой руки, указывающие на западную ориентировку погребенного. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 34, трупоположение (рис. 29, 3). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 1,3 × 0,78 м и глубиной 1,2 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 270°. На дне ямы, по центру, была устроена погребальная камера размерами 0,93 × 0,41 м и глубиной 0,47 м. На уровне уступов камера была перекрыта досками, от которых сохранились отпечатки двух поддерживающих, уложенных поперек.

Погребенный (ребенок) был уложен вытянуто на спине, головой на запад, руки и ноги прямые. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 35, трупоположение (рис. 30, 1). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 2,64 × 1,14 м и глубиной 1,3 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 285°. На дне ямы, по центру, была устроена погребальная камера размерами 2 × 0,66 м и глубиной 0,47 м. Стенки камеры нарушены перекопом, в заполнении встречались разрозненные человеческие кости.

Костяк разрушен, в анатомическом порядке сохранились часть черепа и плечевая кость, свидетельствующие о западной ориентировке погребенного. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 36, трупоположение (рис. 31,1). Погребальная яма прямоугольно-овальной формы, размерами 0,95 × 0,76 м и глубиной 1,02 м сужалась ко дну до размеров 0,76 × 0,52 м и была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 275°.

Скелет ребенка, истлевший почти полностью, позволяет установить, что погребенный был уложен на спине, головой на запад. Инвентарь:

1. Кувшинчик круговой, красноглиняный гладкий, был обнаружен справа от черепа. Горло сосуда воронковидное, тулово грушевидное, днище на кольцевом поддоне. Ручка ленточная, с продольным желобком с внешней стороны. Верхняя часть сосуда покрыта горизонтальным рифлением. Высота кувшинчика 16,3 см, диаметр по венчику 5,8 см (рис. 31, 3).

2. Кубок стеклянный, массивный, усеченно-конической формы, был расположен рядом, с восточной стороны. Он изготовлен из однородного прозрачного стекла зеленовато-желтого цвета без видимых примесей, с небольшим количеством пузырьков воздуха. Кубок изготовлен особенно тщательно, его венчик зашлифован, под венчиком нанесена глубоко прошлифованная горизонтальная полоса. Орнамент состоит из двух горизонтальных рядов глубоко прошлифованных фасеток. В верхнем ряду девять почти смыкающихся овальных фасеток (3,7-3,9 × 2,2-2,5 см), в нижнем ряду шлифы в форме круга, диаметром 2,4 см. Дно кубка оформлено таким же вышлифованным кругом. Высота кубка 9,6 см, диаметр по венчику 8,6 см, толщина стенки по венчику 0,3 см (рис. 31,2).

Погребение 37, трупоположение (рис. 30, 2). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 2,23 × 1,1 м и глубиной 1,06 м была ориентирована по направлению север-юг, под углом 346°. На дне ямы, по центру, была устроена погребальная камера прямоугольной формы, стенки которой были нарушены перекопами, размерами по дну 1,95 × 0,7 м и глубиной 0,69 м от уровня уступов. В заполнении камеры встре-

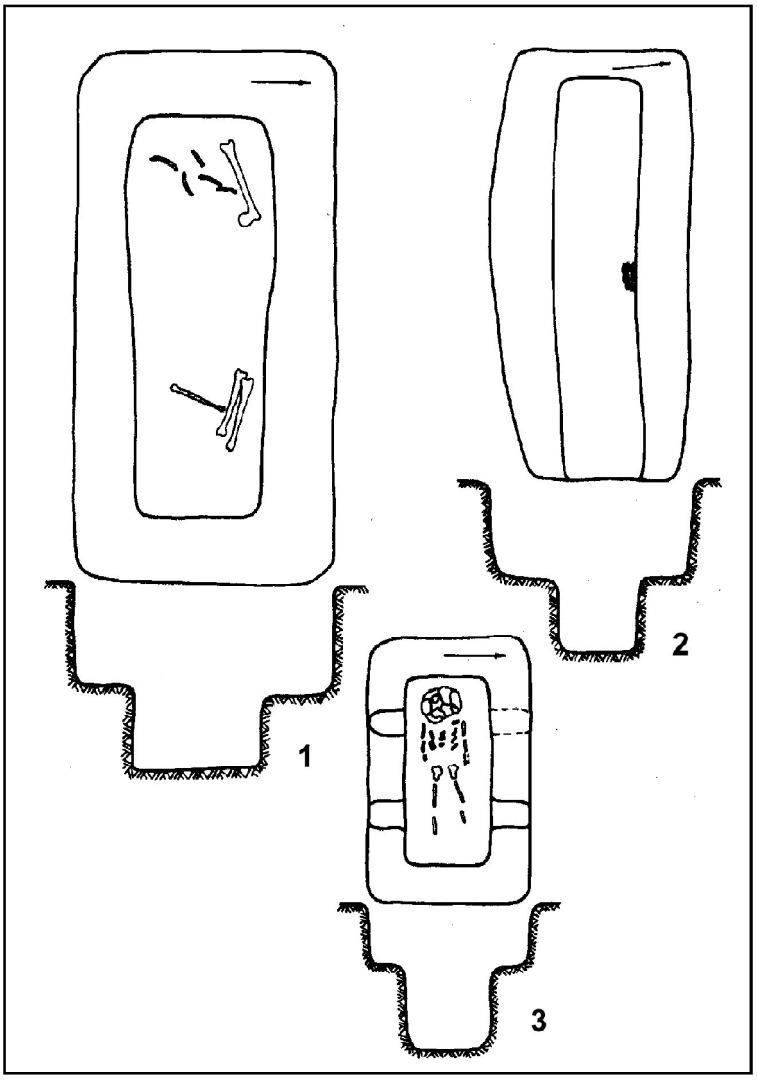

Рис. 29. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-3 — погребения 31, 33, 34.

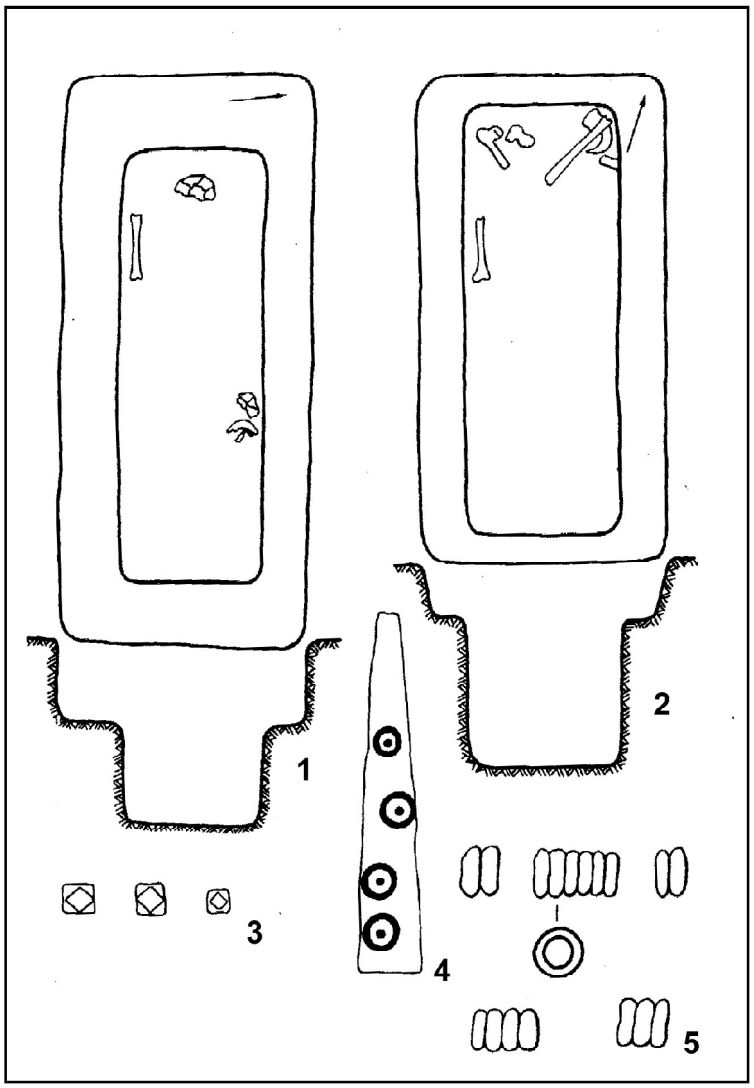

Рис. 30. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1 — погребение 35; 2-5 — погребение 37.

чались отдельные человеческие кости.

Скелет был полностью разрушен. В северной части камеры были разбросаны в беспорядке бедренные кости и кости таза. Под костями были обнаружены древесные угольки, из инвентаря сохранились:

1. Бусы стеклянные, 8 штук, собраны у северной стенки. Из них три бусины голубого цвета, четырнадцатигранные, размерами 0,4-0,6 × 0,4-0,6 см (рис. 30, 3), и пять зонных бусин темно-синего цвета диаметром 1 см (рис. 30, 5).

2. Подвеска костяная, пирамидальной формы с отверстием для подвешивания, была обнаружена в южной половине камеры. В сечении она прямоугольная, на широких плоскостях нанесено по четыре врезных кружочка. Длина подвески 6,3 см, размеры у основания 1,1 × 0,5 см (рис. 30, 4).

Погребение 38, трупоположение (рис. 32, 1). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 1,62 × 1,08 м и глубиной 1,18 м, была ориентирована по направлению север-юг, под углом 10°. На дне ямы, по центру, была устроена погребальная камера размерами 1,11 × 0,53 м и глубиной 0,48 м.

Костяк (ребенок до года) почти полностью истлел, однако его остатки позволяли установить, что погребенный был уложен на погребальных сосудах, головой на север. Весь погребальный инвентарь был сконцентрирован под и вокруг черепа.

1-2. Фибулы бронзовые с подвязным приемником и короткой пружиной были обнаружены, соответственно, справа и слева от черепа. Спинка в сечении прямоугольная, фацетированная, с поперечной насечкой у основания, ножка тоже фацетирована. Длина фибул 3,6 и 3,4 см, спинки в сечении 0,4 × 0,15 см (рис. 32, 3-4).

3. Бусины стеклянные, округлобокие (3 штуки), обнаружены в области шейных позвонков. Две из них, синего цвета, имели диаметр 1,2 и 1,5 см (рис. 32, 2), третья, зеленоватого цвета, рассыпалась.

4. Бусина-пряслице, массивная, биусеченно-коническая, была обнаружена под черепом, рассыпалась.

5. Горшок круговой, шероховатый, найден под черепом. Из-за слабого обжига он сохранил-

ся очень плохо, не реставрируется.

6. Чашечка круговая, чернолощеная, была расположена ближе к северо-западному углу камеры. Венчик сосуда чуть отогнут, утолщенно-реберчатый, тулово округлое, днище плоское. На плечиках нанесен небрежный орнамент из косых пролощенных линий. Высота чашечки 4,6-5,3 см, диаметр по венчику 7,1 см (рис. 32, 6).

7. Горшочек круговой, серый шероховатый, был расположен у черепа, рядом с предыдущим. Реберчатый венчик сильно отогнут, тулово биусеченно-коничекое, днище плоское. Высота сосуда 8,1-8,9 см, диаметр по венчику 6,8 см (рис. 32, 7).

8. Кувшинчик одноручный круговой, серолощеный, был расположен справа от черепа. Кувшин узкогорлый, горло воронковидное, тулово реберчатое биусеченно-коническое, днище плитчатое. Ручка ленточная, с продольным желобком снаружи. Горло сосуда подчеркнуто уступом и широкой горизонтальной каннелюрой. Высота кувшина 16,1 см, диаметр по венчику 4,9 см (рис. 32, 11).

9. Горшочек круговой, чернолощеный, был расположен рядом с предыдущим, с южной стороны. Венчик сосуда отогнутый, тулово уплощенно-сферическое, днище на кольцевом поддоне. На плечиках, на нелощенной полосе, ограниченной уступами, была нанесена пролощенная зигзагообразная линия. Высота горшочка 7,2 см, диаметр по венчику 9 см (рис. 32, 8).

10. Горшочек круговой, чернолощеный, был расположен рядом с предыдущим, с южной стороны. Венчик сосуда отогнутый, тулово округлобокое, днище плоское, вогнутое. Горло горшочка было орнаментировано пролощенной зигзагообразной линией, на плечиках были оставлены два орнаментальных уступа. Высота сосуда 8,2 см, диаметр по венчику 7 см (рис. 32, 9).

11. Горшок лепной (массивный фрагмент стенки), из теста с примесью шамота, был расположен между предыдущим сосудом и западной стенкой.

12. Миска круговая, серая гладкая, была расположена под грудной клеткой. Венчик сосуда отогнутый, тулово усеченно-коническое с

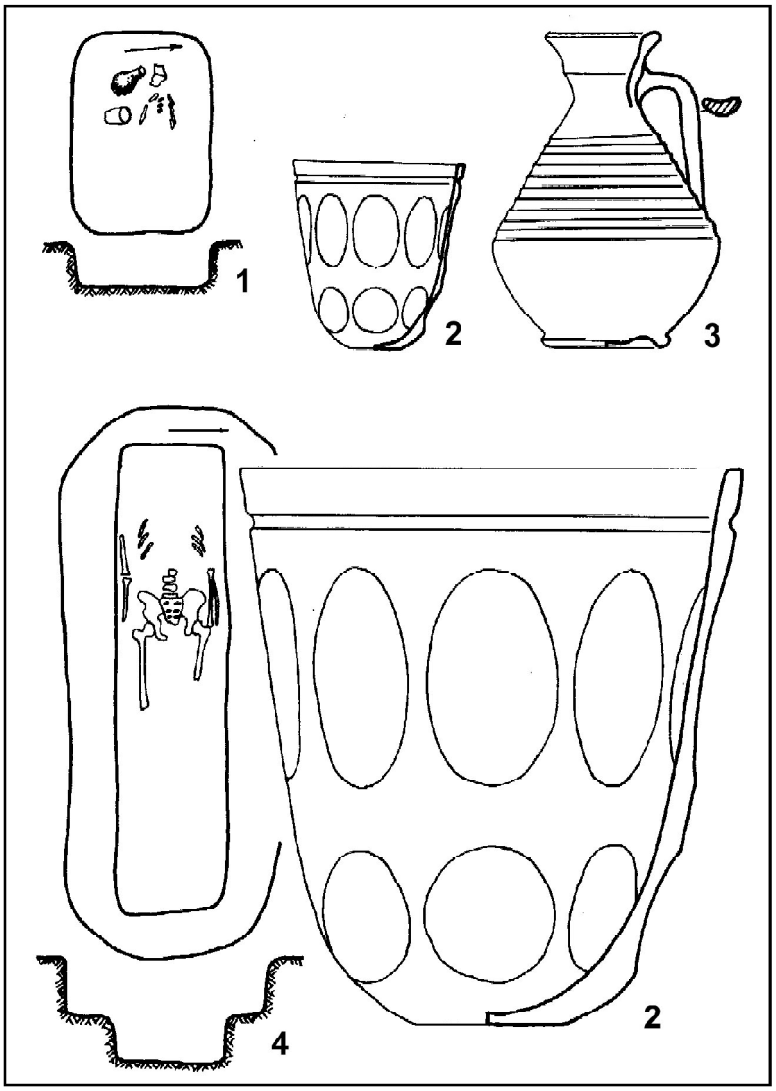

Рис. 31. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-3 — погребение 36; 4 — погребение 40.

выделенным ребром, днище плитчатое. Обжиг миски неполный, поверхность не залощена. Высота 6,4 см, диаметр по венчику 19,9 см (рис. 32, 12).

13. Пряслице глиняное биусеченно-конической формы было обнаружено под миской. Высота 1,6 см, диаметр 2,9 см (рис. 32, 5).

14. Горшочек круговой, серый шероховатый, был расположен слева от черепа. Венчик сосуда отогнутый, тулово яйцевидное, днище плитчатое. Венчик сосуда выделен уступом. Высота горшочка 8,4 см, диаметр по венчику 6,3 см (рис. 32, 10).

Погребение 39, трупоположение (рис. 33, 1). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 2,82 × 1,9 м и глубиной 1,63 м, была ориентирована по направлению север-юг, под углом 10°. На дне ямы, приблизительно, по центру, была устроена погребальная камера прямоугольной формы, размерами 2,22 × 1,04 м и глубиной 0,73 м. На уровне уступов камера была перекрыта досками, отпечатки трех поперечных поддерживающих были выявлены на уступах.

В центральной части заполнения ямы, над уступами, был обнаружен человеческий череп без нижней челюсти и кости таза, в заполнении камеры встречались отдельные позвонки, ребра и другие человеческие кости.

Костяк большей частью разрушен. В анатомическом порядке лежали бедренная кость левой ноги и берцовые обеих ног, позволяющие определить, что погребенный был уложен на жертвенных сосудах, головой на север.

В северной половине камеры выявлены лежащими в беспорядке человеческие ребра и позвонки, под восточной стенкой нижняя челюсть и кости таза (второго?), одна пара крыльчаток (найдена в заполнении вместе с черепом), лучевая и локтевая кости, а под западной стенкой — две пары плечевых костей.

В заполнении под костяком, между сосудами, прослежен темно-коричневый тлен и яичная скорлупа. Инвентарь:

1. Бусы стеклянные (7 штук) синего цвета, четырнадцатигранные, были собраны в северной половине камеры. Их размеры 0,6-0,8 × 0,5 × 0,5 см (рис. 33, 3).

2. Гребень костяной (сохранился частично),

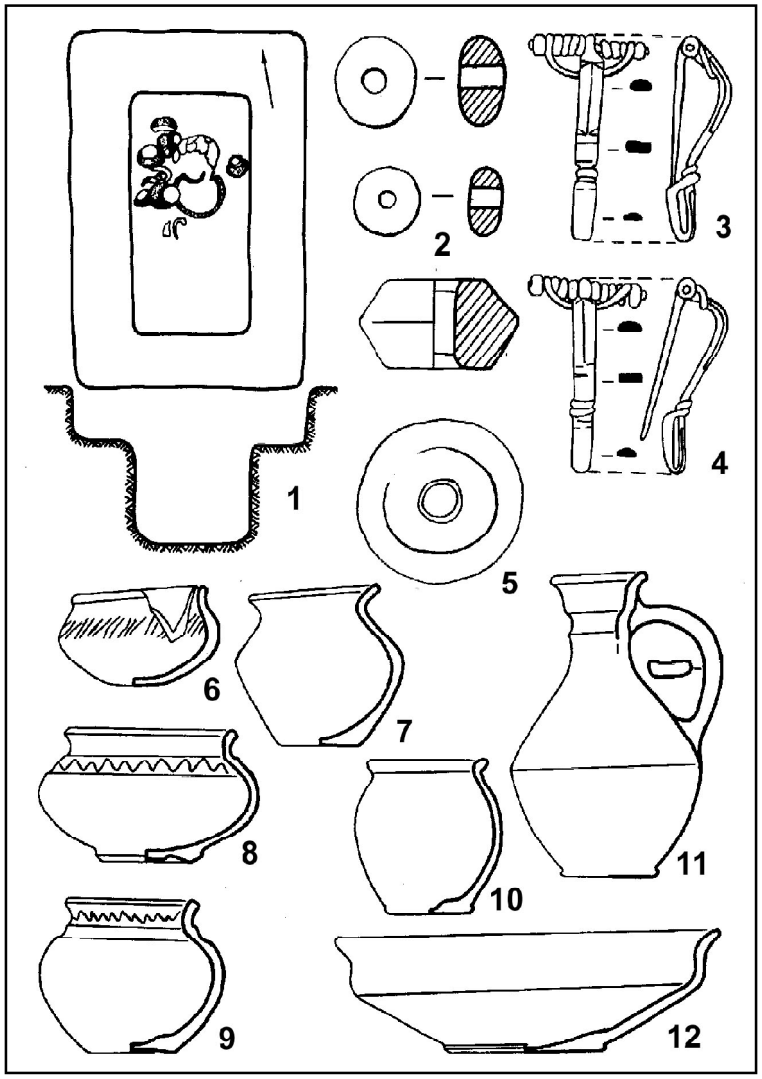

Рис. 32. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-12 — погребение 38.

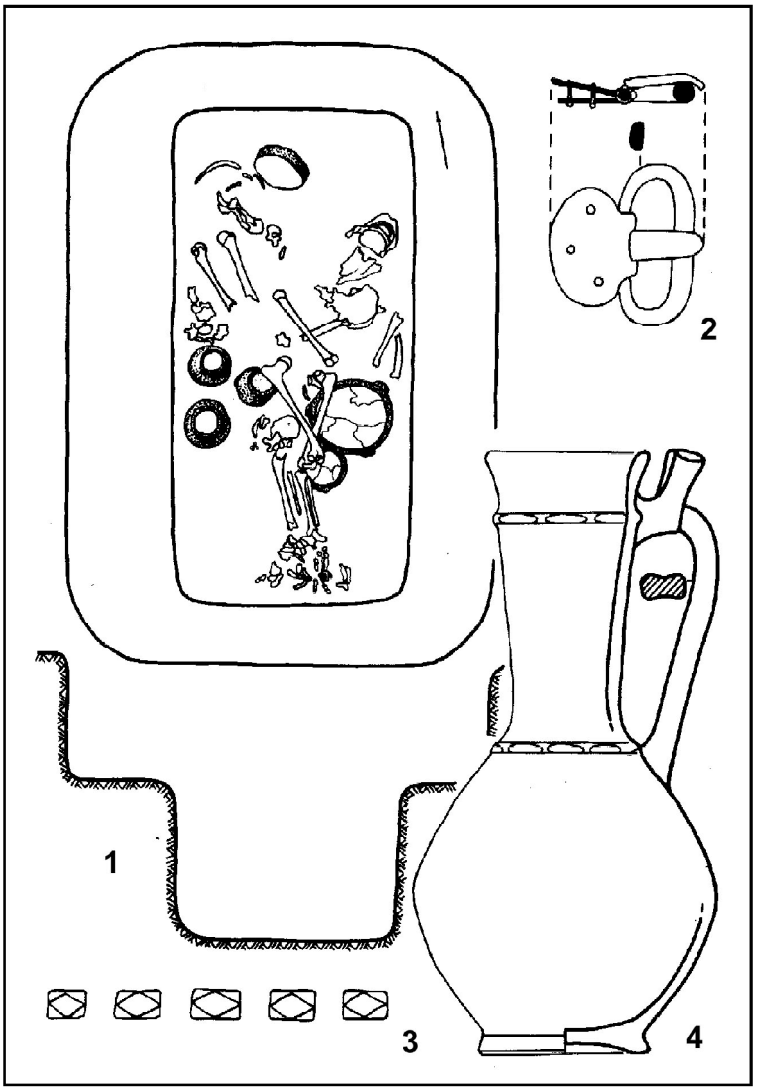

Рис. 33. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-4 — погребение 39.

трехчастный, с полукруглой спинкой, был обнаружен в северной половине камеры. Пластины гребня скреплены между собой железными заклепками. Общая высота 7,3 см (рис. 34, 6).

3. Пряжка бронзовая с удлиненно-овальной рамкой и овальной обоймой обнаружена в северной половине камеры. Круглая в сечении рамка размерами 2,9 × 1,3 см слегка утолщена спереди, язычок полукруглый уплощенный хоботковидный, с уступом. Обойма двойная, крепилась к ремню тремя бронзовыми заклепками (рис. 33, 2).

4. Миска круговая, серолощеная, обнаружена на ребре у северной стенки. Венчик сосуда слегка отогнут, тулово реберчатое, днище плитчатое. Под венчиком оставлен рельефный уступ. Высота миски 6,6-7,4 см, диаметр по венчику 17,4 см (рис. 34, 1).

5. Горшочек круговой, серолощеный, был обнаружен у восточной стенки, под челюстью. Венчик сосуда слегка отогнут, тулово реберчатое, днище плитчатое. Горло акцентировано рельефным горизонтальным валиком. Высота горшочка 10,5 см, диаметр по венчику 9,2 см (рис. 34, 3).

6. Горшок круговой, серый шероховатый, был обнаружен под западной стенкой, на расстоянии 0,9 м от северной стенки. Венчик сосуда отогнутый, тулово округло-сферическое, днище плитчатое, реберчатое. Высота горшка 13,8 см, диаметр по венчику 10 см (рис. 34, 4).

7. Горшок круговой, серый шероховатый, занимал крайнее северо-западное положение среди семи сосудов, сгруппированных возле и под бедренными костями. Венчик сосуда короткий, отогнутый, утолщенно-реберчатый, тулово удлиненно-округлое, с максимальным диаметром в верхней трети сосуда, днище плоское. Высота горшка 16 см, диаметр по венчику 10,2 см (рис. 35, 1).

8. Горшок круговой, серый шероховатый, был расположен рядом с предыдущим, с южной стороны. Венчик сосуда почти прямой, с пазом под крышку, тулово округлобоко-вытянутое, днище плитчатое, вогнутое. На плечиках расположены четыре горизонтальных желобка. Высота горшка 18,1-18,5 см, диаметр по венчику 11 см (рис. 35, 2).

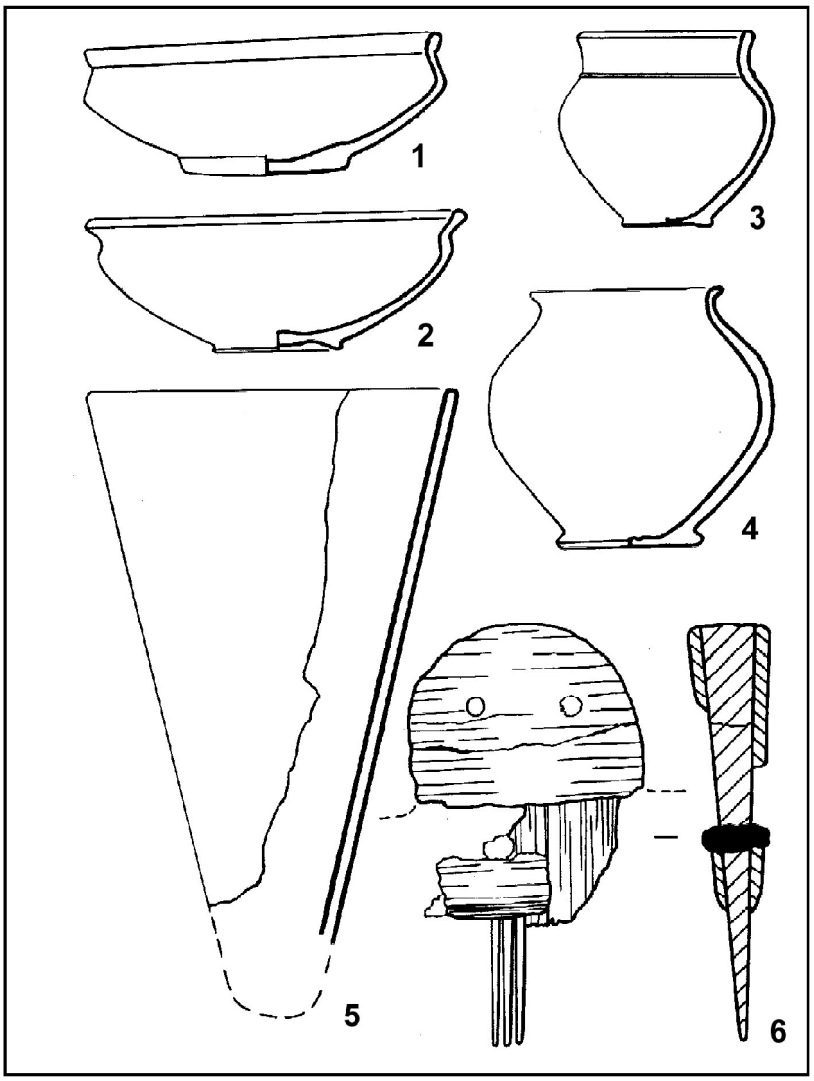

Рис. 34. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-6 — погребение 39.

9. Горшок круговой, серолощеный, был расположен рядом с предыдущим, под правым бедром. Венчик сосуда отогнутый, тулово округлобокое, днище на кольцевом поддоне. Лощение сохранилось только местами, плечики орнаментированы пролощенными линиями в сеточку. Высота горшка 13,8 см, диаметр по венчику 13,6 см (рис. 35, 3).

10. Горшочек круговой, чернолощеный, был расположен рядом с предыдущим, с восточной стороны. Венчик сосуда отогнутый, тулово уплощенно-сферическое, днище плоское, вогнутое. Под горлом оставлен рельефный уступ. Высота горшочка 8,3-8,6 см, диаметр по венчику 9 см (рис. 35, 4).

11. Кувшин одноручный круговой, чернолощеный, был расположен рядом с предыдущим, под коленями. Кувшин узкогорлый с прямым венчиком и высоким, слегка расширяющимся к венчику горлом, тулово округлое, днище плитчатое, вогнутое. Ленточная ручка с продольным желобком с внешней стороны, в верхней части заключена между двумя вертикальными цилиндрическими «рожками». По горлу кувшина, на уровне верхней части ручки, расположен горизонтальный рельефный валик, орнаментированный удлиненными фасетками. Такой же валик, орнаментированный удлиненными фасетками, расположен у основания горла, на уровне крепления ручки к тулову. Высота кувшина 32,6 см, диаметр по венчику 8,6 см (рис. 33, 4).

12. Ваза трехручная круговая, занимала крайне восточное положение в группе и была расположена под левой бедренной костью. Венчик сосуда плоский «Т»-образный, тулово реберчатое, с цилиндрическим верхом и усеченно-коническим низом, днище на кольцевом поддоне. Ручки вазы ленточные, широкие, крепятся к тулову. Ребро сосуда орнаментировано широкими косыми волнообразными каннелюрами, на плечиках, на двух нелощенных полосах, разделенных и ограниченных рельефными валиками, нанесен пролощенный орнамент в виде пролощенной зигзагообразной линии на нижней полосе и пролощенных полосок, расположенных зигзагообразно, на верхней полосе. Высота вазы 20,9 см, диаметр по венчику 30,2 см (рис. 35, 5).

13. Кубок стеклянный, конической формы,

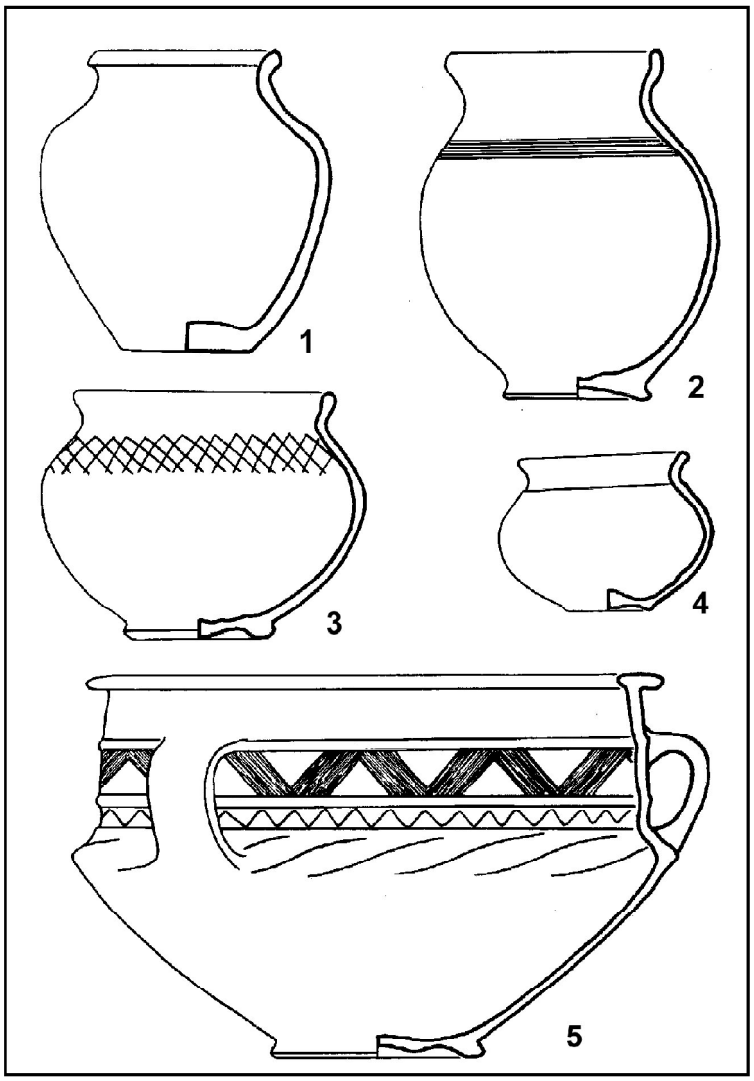

Рис. 35. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1-5 — погребение 39.

был уложен внутри трехручной вазы. Сохранность кубка плохая, неполная, венчиком служит зашлифованный край сосуда, стенки ровные, гладкие, толщиной 0,2-0,3 см, стекло коричневато-зеленое. Приблизительная высота кубка 11-12 см, диаметр по венчику 6,5 см (рис. 34, 5).

14. Миска круговая, серолощенная, была расположена возле кувшина и вазы, с южной стороны, под берцовыми костями. Венчик сосуда отогнутый, тулово усеченно-коническое с выделенным ребром, днище на кольцевом поддоне. Высота миски 7,2 см, диаметр по венчику 19,5 см (рис. 34, 2).

15. Кости жертвенной пищи обнаружены у пяток погребенного.

Погребение 40, трупоположение (рис. 31, 4). Погребальная яма удлиненно-подпрямоугольной формы, размерами 2,45 × 1 м и глубиной 1 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 270°. На дне ямы, по центру, была устроена погребальная камера прямоугольной формы, размерами 2,1 × 0,5 м и глубиной 0,2 м.

Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад, руки и ноги прямые. При расчистке костяк был частично разрушен рабочими-строителями. Под костяком прослежен темно-коричневый тлен. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 41, трупоположение (рис. 36, 1). Погребальная яма подпрямоугольной формы, размерами 2,4 × 1,12 м и глубиной около 1 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 280°. На дне ямы, приблизительно по центру, была устроена погребальная камера размерами 1,98 × 0,5 м и глубиной 0,62 м.

Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад, руки и ноги прямые. При расчистке костяк был частично разрушен рабочими-строителями. Под костяком прослежен темно-коричневый тлен. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 42, трупоположение (рис. 36, 2). Погребальная яма подпрямоугольной формы, размерами 2,14 × 1 м и глубиной 1,5 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 300°. Погребальная камера, устроенная по центру ямы, была сильно нарушена перекопами. Размеры ее по дну 1,75 × 0,56 м и

глубина 0,62 м.

Костяк частично разрушен в западной и восточной частях, однако позволяет установить, что погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад, руки и ноги прямые. Под костяком сохранился темно-коричневый тлен. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 43, трупоположение (рис. 37, 1). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 2,15 × 0,85 м и глубиной 1,1 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 280°. На дне ямы, по центру, была устроена погребальная камера размерами 1,8 × 0,46 м и глубиной 0,75 м. На уровне уступов камера была перекрыта досками, уложенными вдоль, три из них сохранились частично на уступах.

Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад, руки прямые, вытянутые ноги стянуты к южной стенке. Под костяком прослежен темно-коричневый тлен. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 44, трупоположение (рис. 37, 2). Погребальная яма прямоугольной формы, размерами 2,74 × 1,32 м и глубиной 1,56 м была ориентирована по направлению запад-восток, под углом 277°. На дне ямы, по центру, была устроена погребальная камера размерами 2,05 × 0,55-0,65 м и глубиной 0,63 м. На уровне уступов камера была перекрыта досками уложенными вдоль, которые упирались на три других, уложенных поперек.

Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на запад, руки прямые, вытянутые ноги сведены в коленях. Под костяком прослежен темно-коричневы тлен. Инвентарь отсутствовал.

Погребальный обряд

Как уже отмечалось, все 45 погребений, исследованных на могильнике, включая и первое, условное, были совершены по обряду трупоположения. Культурный слой на могильнике практически отсутствовал, и в черноземном слое не было обнаружено никаких находок (кальцинированные кости, вторично обожженная керамика или вещи со следами пребывания в огне и др.), которые намекали бы и на присутствие трупосожжений.

Исходя из ориентировки ям и, соответственно, скелетов, среди погребений выделяем два несомненных варианта — север-юг (19 комплексов), головой на север, и запад-восток (26 комплексов), головой на запад. Так как среди неразрушенных погребений мы не отметили никаких отклонений в ориентировке, кроме сезонных, в учет были взяты и полностью разрушенные погребения, с процентным соотношением 42 и 58% в пользу западной ориентировки. Однако здесь нужно учесть, что в полосе строительства автомагистрали сохранились в основном более глубокие погребения западной ориентировки, поэтому такое процентное соотношение не очень соответствует действительности.

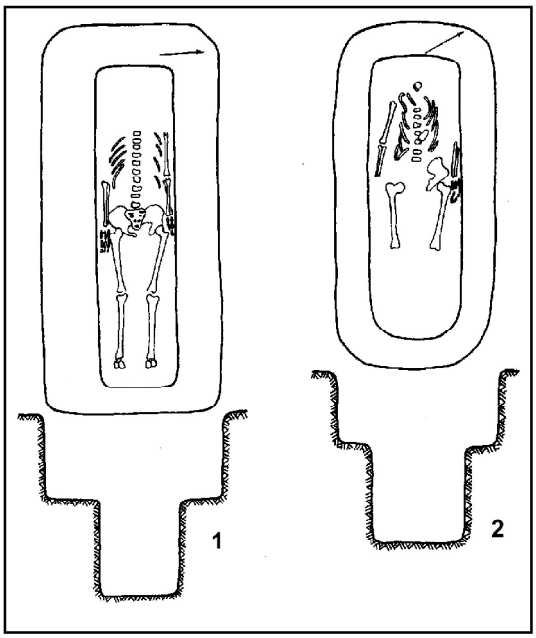

Рис. 36. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1 — погребение 41; 2 — погребение 42.

Для установления более точной картины было бы правильным учесть только погребения, исследованные на неразрушенных площадях могильника — к югу и северу от дороги. В таком случае получаем 55 и 45% в пользу комплексов северной ориентировки, которые значительно преобладают к югу от дороги, ближе к поселению (11 погребений из 13), а к северу от дороги преобладают комплексы западной ориентировки (11 погребений из 16). На данный момент такое соотношение больше соответствует действительности, если сравнить плотность комплексов из полосы дороги с исследованными на южной периферии.

Для могильника несомненным фактом является то, что независимо от ориентировки комплексов для погребения усопших выкапывались большие прямоугольные ямы, размерами 2,5-2,9 × 1,6-1,9 м и глубиной 1,3-1,63 м, для погребений северной ориентировки и для погребений западной ориентировки — размерами 2,04-2,74 × 0,8-1,34 м и глубиной 1,1-1,56 м. Как правило, на дне ям, по центру, специально выкапывались погребальные ямы прямоугольной формы, оставляя по их периметру уступы. Размеры погребальных камер обычно не слишком превышали размеры погребенных: для взрослых северной ориентировки — 1,86-2,22 × 0,7-0,9 м и глубина 0,65-0,9 м, а для западной ориентировки — 1,75-2,1 × 0,4-0,7 м и глубина 0,35-0,75 м. Тот факт, что в комплексах северной ориентировки размеры погребальных камер несколько больше, чем в западных, можно объяснить необходимо-

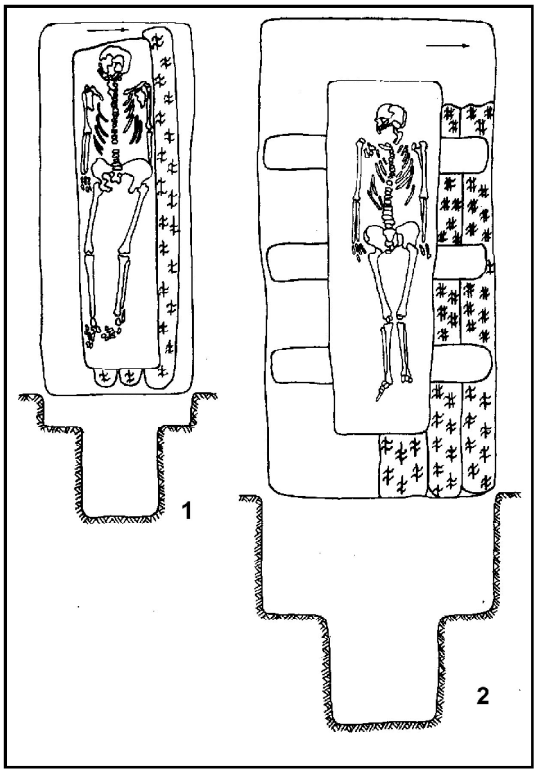

Рис. 37. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). 1 — погребение 43; 2 — погребение 44.

стью наличия дополнительной площади для размещения погребального инвентаря и жертвенной пищи.

Думается что, в основном, возрастом усопших можно объяснить уменьшенные ямы для погребения детей, размеры которых колеблются между 1,2-1,95 × 0,8-1,1м и глубиной 0,95-1,4 м, с погребальной камерой размерами 0,9-1,1 × 0,4-0,55 м и глубиной 0,3-0,5 м. Несколько не вписываются в схему погребения 21 и 37, северной ориентировки, видимо, принадлежавшие юношам.

Из общего количества точно документированных комплексов (16А-31 и 33-44) не очень уверенные исключения в форме ямы составляют детские погребения 27 (С-Ю) и 36 (З-В) и погребение старика 26 (С-Ю) — простые, прямоугольные, — присутствие которых можно объяснить их небольшой глубиной, между 1,02 и 1,2 м, и наличие уступов невозможно было установить в черноземном слое. Более достоверным исключением является погребение 10 западной ориентировки, в простой прямоугольной яме значительных размеров (2,55 × 1,4 м) и погребение 11, тоже западной ориентировки, с единственным уступом вдоль южной стенки. Их присутствие, видимо, можно было бы объяснить проявлениями социального или этнического характера, хотя вывод остается дискуссионным.

Характерной особенностью погребального обряда могильника Слобозия-Кишкэрень (Лазо) является то, что в большинстве случаев погребальные камеры были перекрыты досками на уровне уступов, — явление, характерное как для комплексов северной, так и западной ориентировки. В первую очередь это относится к погребениям 18, 20, 43, 44, на уступах которых сохранилось частично по 3-5 истлевших досок, погребения 16А, 22, 23, 30, 34, 39 с отпечатками поперечных досок, поддерживающих перекрытие, а также погребения 17 и 28, заполнение камер которых изобиловало кусками древесной трухи. Остатки истлевшей древесины были отмечены и во многих других комплексах.

В очень многих комплексах под костяками или на дне камер был отмечен темно-коричневый тлен, наличие которого можно отнести за счет истлевшей растительной подстилки или, скорее всего, это истлевшее одеяние усопших, наличие которого подтверждается кусочками простой ткани, обнаруженными на многих фибулах.

Из общего количества исследованных комплексов одна треть погребений была разрушена в древности частично или полностью. Небезынтересно отметить, что были подвержены нарушению как погребения северной ориентировки (22%), так и западной (11%). Однако, если учесть только комплексы из ненарушенной площади могильника, то процентное соотношение между разрушенными и ненарушенными погребениями становится 58,6% к 41,4% в пользу ненарушенных.

Кости скелетов в погребениях сохранились довольно хорошо, так как находились довольно глубоко. Исключение составляют костяки маленьких детей, показательным является погребение 38, в котором очень плохо сохранился только череп и несколько ребер, и погребение 36 с остатками черепа и отпечатками ребер.

Судя по положению костяков или сохранившихся в анатомическом порядке частей скелетов, погребенных обычно клали лежа на спине, с руками, уложенными вдоль туловища, и вытянутыми ногами (23 случая из 34) или ногами, вытянутыми и сведенными в ступнях (8 из 34). В основном их укладывали по центру (20), иногда ближе к одной из длинных сторон (4 у западной стенки, 1 у восточной, 2 у южной и 2 у северной).

Особо следует отметить часто встречающееся среди погребений могильника характерное явление, когда усопших укладывали поверх сосудов с погребальной пищей, расположенных на дне камеры. Это явление отмечено только в погребениях северной ориентировки 12, 20, 24, 25, 38, 39. В количественном отношении они составляют около одной трети погребений северной ориентировки, они же являются и самыми богатыми комплексами. Во всех случаях положение костяка обычное. Что касается положения головы, которая первоначально, очень даже возможно, была лицом кверху, очень часто обнаруживаем череп с наклоном в одну или

другую сторону, что можно объяснить давлением грунта.

Если принять как основной критерий положение рук и ног, то исключением из общих правил являютсяпогребения западной ориентировки 6 и 11, в которых правая рука и нога слегка согнуты.

По ходу работ мы попытались сделать некоторые наблюдения относительно положения рук, которые в большинстве случаев были уложены ладонями кверху в погребениях западной ориентировки (12 достоверных случаев), в двух случаях (пп. 28 и 42) ладонями книзу, в трех — левая книзу и правая кверху (пп. 16А, 22, 41) и в одном случае (п. 23) — левая кверху и правая книзу. Ввиду того, что наблюдения такого рода пока что не проводились на памятниках черняховской культуры, мы не знаем, существует ли здесь какая-либо закономерность и имеет ли это существенное значение. Время покажет.

Погребальная обрядность

В данном конкретном случае погребальная обрядность подразумевает некоторые обычаи, по которым при совершении обряда захоронения в яму клали различные вещи и предметы, кроме украшений и деталей одежды, которые обычно оставались на погребенном. Речь идет о вещах и предметах, обнаруженных почти исключительно в погребениях северной ориентировки и свидетельствующих о некоторых проявлениях магического характера или связанных с верованиями в потустороннюю жизнь. Среди них древесные угольки, камешки в сосудах, кости животных и яичная скорлупа, а также многочисленные и разнообразные сосуды и др.

Обычай класть в яму древесные угольки обычно связывают с некоторыми проявлениями культа огня, который, кстати, среди жителей поселения был не так уж и распространен, так как угольки обнаружены только в двух комплексах — в погребении 17 они были уложены в сосуде у головы, а в разрушенном погребении 37 они были зафиксированы в северной половине камеры.

Если наличие угольков в захоронениях можно объяснить каким-то образом, то до сих пор остается загадкой обычай класть в погребения камешки. Как правило, их находят в одном из сопровождающих погребенного сосудов, форма и местоположение которого в яме не было строго регламентировано. Из четырех зафиксированных случаев в двух — миска и горшок — сосуд стоял справа, у руки (пп. 18 и 25), в одном — донная часть кувшина — у головы (п. 17), вместе с древесными угольками, и в последнем случае (п. 28) горшочек был расположен слева от таза. Камешки обычно небольшие и необработанные, известняк (пп. 18, 25, 28) или песчаник (п. 17), в количестве 8 (п. 25) или 9 штук (пп. 17, 18, 28), а в погребении 18, помимо 9-ти камешков, была и небольшая кость.

Кости животных в погребениях являются неоспоримым свидетельством остатков жертвенной пищи. Их частая встречаемость указывает на то, что этот обычай был довольно стабилен и строго регламентирован, так как при совершении обряда в погребение клали в основном голову и конечности молодых особей или ягнят и в пяти случаях из шести (пп. 18, 19, 20, 23, 24) вместе с ними был уложен и железный нож, которым было совершено жертвоприношение. Остатки жертвенного животного обычно укладывались у головы (пп. 18, 24) или, чаще всего, у ног усопшего (пп. 19, 20,23, 39).

К погребальной пищи или к жертвоприношениям можно отнести и яйца птицы, скорлупа которых была обнаружена возле костяка в северной (п. 39) или южной половине камеры (пп. 23, 25, 28). В некоторых случаях (пп. 23 и 39) яйца дополняли жертвенную мясную пищу.

Судя по всему, с погребальной пищей связаны и многочисленные и разнообразные керамические и стеклянные сосуды, которые составляли основной инвентарь захоронений. Если взять исследованный могильник, то у нас нет достоверных случаев, когда в сосудах сохранились бы остатки пищи, однако во многих из них в процессе зачистки, вовнутрь, на определенном уровне от дна выделялось неширокое известняковое кольцо, которое не всегда было параллельно дну, но, в зависимости от наклона сосуда — всегда было параллельно дну камеры. Несомненно, в момент захоронения они были чем-то заполнены. Не исключено, однако, что некоторые сосуды составляли чистое жертвоприношение, как в погребении 25, где лепной горшочек был уложен в мисочке, или в погребениях 20 и 39, когда в трехручных вазах были обнаружены мисочка и стеклянный кубок.

Количеством и формами сосудов захоронения сильно отличаются друг от друга — от двух небрежно сработанных горшков в погребении 26 и до 11-12 сосудов (пп. 20, 25, 39), среди которых можно выделить по несколько горшков и мисок, кувшины, трехручные вазы, стеклянные кубки и даже днища сосудов (пп. 17 и 25) или просто крупный обломок стенки лепного горшка (п. 38).

Что касается размещения сосудов в самой камере, то здесь вряд ли существовали какие-то строгие каноны. Хотя в хорошо сохранившихся комплексах сосуды в основном были расположены по всему дну и во всех этих случаях при захоронении погребенного укладывали поверху (пп. 12, 17, 20, 25, 39). К этой же группе захоронений относится погребение 24, в котором сосуды были расположены вдоль длинных сторон, и погребение 38, в котором сосуды были сгруппированы в северной половине камеры,

под и вокруг головы. Примечательно, что все 7 комплексов составляют самую богатую группу захоронений. Во всех остальных случаях сосуды группировались у головы и у ног или в свободных пространствах справа и слева от погребенного.

Была сделана попытка проследить, существует ли какая-либо закономерность в расположении определенных форм сосудов в строго определенных частях камеры, а также, были при этом техника изготовления и состав теста определяющими. Результат оказался отрицательным, кроме кувшинов и стеклянных кубков, которые обычно укладывались у головы или у ног, а в погребении 28 стеклянный кубок конической формы был вложен в горло кувшина.

Тот факт, что местоположение кувшинов или сосудов для жидкости и питья подчинялось каким-то определенным нормам, находит подтверждение и в некоторых комплексах западной ориентировки, в которых обнаружены такие сосуды. К примеру, в погребении 10 римская амфора и стеклянный кубок были уложены в юго-западном углу, справа от головы, и то же самое наблюдаем в детском погребении 36, в котором красноглиняный кувшинчик и стеклянный кубок обнаружены справа от черепа.

Если обратить внимание на украшения, детали одежды или предметы туалета, обнаруженные в комплексах северной ориентировки, то их присутствие является бесспорным доказательством существования устоявшихся обычаев наряжания покойников. Как правило, эти вещи обнаруживаются в погребении при костяке, в обычных для них местах, и исключения бывают очень редкими, хотя каждый памятник имеет свои особенности.

Во-первых — фибулы. Из семи комплексов с такими находками в шести случаях они найдены по одной, на правом и левом плече (пп. 17, 24, 25, 28, 38), в том числе это относится и к погребению 32, в котором сохранилась фибула только на правом плече. Из шести отмеченных комплексов в пяти случаях фибулы были парные, почти идентичные, и только в погребении 24 они были разных типов. В эту группу комплексов включено и погребение 25, в котором фигурируют 3 фибулы, однако третья сохранилась не полностью и была обнаружена между ногами у таза, вместе с другими вещами и вряд ли являлась деталью погребального одеяния. Единственный комплекс с одной фибулой (п. 11) имел западную ориентировку, и фибула была обнаружена у левого плеча, хотя следует подчеркнуть, что пружина с иглой выявлена справа от черепа, и они бронзовые, а сама фибула — слева, и она серебряная.

Немногочисленные пряжки во всех случаях (пп. 17, 18, 20,24, 39) были обнаружены в области таза, обычно, на его левой половине, а в погребении 20, с двумя пряжками, одна была на правой стороне, а другая на левой. Обнаруженные под костяком железные наконечники стрел легко объясняют присутствие второй пряжки, которая служила для их крепления к телу дополнительным ремнем.

Бусы-пронизи почти во всех случаях были найдены в области шейных позвонков, там, где им и положено быть (пп. 11,17, 18, 24, 27, 37, 38, 39), и только в погребении 17 были обнаружены и в области правого запястья — 6 бусин и 3 бронзовых ведерковидных подвесок, — представляя собой детали составного браслета.

Костяные гребни во всех случаях были обнаружены под черепом или рядом (пп. 19, 20, 24, 25, 39), а глиняные пряслица — ниже таза, слева (пп. 18, 23, 24, 25).

Среди других вещей обращаем внимание на находку из погребения 25 — 2 бусины, 2 пирамидальные костяные подвески на бронзовом подтреугольном кольце, морская раковина-подвеска и уже упомянутая третья фибула неполной сохранности, — все расположенные в области таза. Несомненно, речь идет о наборе оберегов.

Высказанные выше соображения представляют собой очень ограниченный список обычаев и обрядов, в основном только те, которые в чем-то материализованы и не были упущены при исследовании погребальных комплексов. В дальнейшем этот список может быть пополнен.

Хронологические индикаторы и датировка могильника

Выделение хронологических индикаторов для датировки черняховских древностей не является новшеством. Они уже давно обсуждаются и уточняются, как для каждого могильника отдельно, так и для всей культуры в целом. Однако они сильно разбросаны в литературе, не унифицированы и не сведены в единую систему — пользоваться ими становится все трудней. Чтобы не усложнить картину и не вводить новые хронологические индикаторы с новыми цифровыми обозначениями, мы ограничимся типологией тех вещей, которые, по аналогиям, могут быть датированы с достаточной точностью или уже имеют довольно устойчивую хронологическую позицию.

Фибулы. Самыми представительными на могильнике являются прогнутые двухчастные фибулы с прямоугольной в сечении, фацетированной спинкой, подвязным приемником и короткой пружиной (рис. 38, 1-5, 7-10), типа Амброз 16/2, серия I, вариант 3, которые автор датирует серединой-второй половиной IV в. н. э. (Амброз 1966: 64-66). Эти фибулы И.Иониц̧э включил в первую категорию подвязных фибул, которые распространяются в третьей фазе культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, дати-

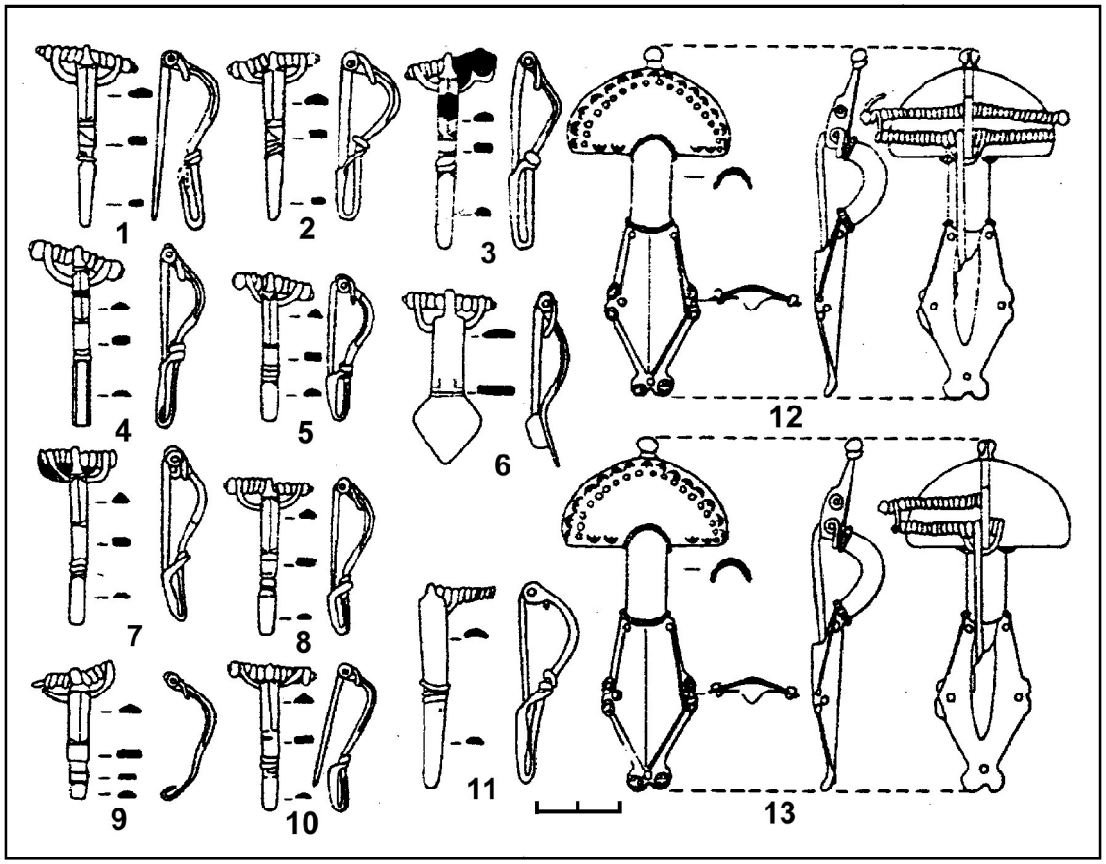

Рис. 38. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). Типы фибул могильника: 1-2 — п.17; 3, 6 — п.24; 4, 7, 9 — п.25; 8, 10 — п.38; 11 — п.11; 12-13 — п. 28.

рованной периодом С3в — предгуннским (Ioniță 1992: 82).

Всего одним экземпляром представлены разнообразные фибулы «воинского» типа (рис. 38, 6) или Альмгрен 169, которые начинают циркулировать в ареале черняховской культуры с начала IV в. н. э. и на всем его протяжении (Schulze 1975: 411). Однако ее находка в погребении 24 совместно с фибулой предыдущего типа позволяет установить время появления данного варианта «воинских» фибул не ранее середины IV в. н. э., считая ее синхронной с подвязными фацетированными, тем более что по некоторым конструктивным элементам — фацетированная спинка и короткая пружина — она во многом схожа с ними. В ареале черняховской культуры нам пока не известны подобные фибулы в достоверно датированных комплексах. Единственный экземпляр, почти идентичный нашему, был обнаружен в культурном слое могильника Будешть (Рикман 1967: 37, 13).

Третий тип фибул из комплексов могильника представлен шикарной парой серебряных двупластинчатых фибул с двойной пружиной из погребения 28, которые по своим конструктивным особенностям и орнаменту являются уникальными в ареале черняховской культуры. По А.К.Амброзу, наши фибулы имеют больше общих черт с экземплярами I-й подгруппы пластинчатых фибул, вариант 1а (Амброз 1966: 82; 13, 12). С другой стороны, судя по рисунку, фибула из Курник (Kazanski, Legoux 1988: 29), которая по форме и конструктивным особенностям более схожа с нашей парой, отнесена М. Казанским и Р. Легу к варианту 1вв. Не считая на данный момент определение варианта принципиальным вопросом, отметим, что фибулы этой подгруппы начинают распространяться в черняховской культуре с начала последней трети IV в. н. э. (Kazanski, Legoux 1988: 29).

Несколько выпадает из хронологического унисона прогнутая подвязная серебряная фибула с полукруглой в сечении спинкой и длинной пружиной из погребения 11 (рис. 38, 11), типа Амброз 16/2, серия I, вариант 2, датировка которых не уходит за середину IV в. н. э. (Амброз 1966: 63), а по И.Иониţэ, они характерны для второй фазы культуры Сынтана де Муреш-Черняхов, которую он датирует в позднем С2 и в С3а (Ioniță 1992: 82). Однако тот факт, что наша фибула была обнаружена в погребении западной ориентировки, заставляет нас, с долей осторожности, определить время ее попадания в комплекс финальной фазой бытования такого рода застежек.

Пряжки. Их найдено не так уж много. Детальная классификация такого рода вещей в черняховской культуре не проведена. Среди лазовс-

ких экземпляров можно выделить два условных типа: I — с удлиненно-овальной рамкой и язычком с уступом (рис. 39, 1-3, 6); II — с округло-овальной рамкой и хоботковидным язычком с уступом (рис. 39, 4-5).

Западные аналогии пряжек первого типа почти всегда изготовлены из железа, и в синхронных культурах Центральной и Северной Европы они датируются в позднем C2 и раннем D (Schach-Dorges 1970: 75), а соответствующие аналогии для пряжек второго типа являются диагностирующим признаком ступени D (Godłowski 1970: 4, 2-3; 5, 55; 9, 14...). Что касается соответствующих находок эпохи Миграций из Восточной Европы, то по хронологической системе Казанского-Легу оба типа наших пряжек характерны для ступени D, т. е. входят в обращение начиная со второй половины IV в. н. э. (Kazanski, Legoux 1988: 19, 22, 25).

На могильнике Лазо (Слобозия-Кишкэрень) оба типа находились в обращении одновременно, о чем свидетельствуют находки из погребения 20 и в других захоронениях; оба типа сочетались с подвязными фибулами с прямоугольной в сечении, фацетированной спинкой и короткой пружиной, датированных серединой-второй половиной IV в. н. э.

Гребни. Их найдено 6 штук, и все они составные, трехчастные, с полукруглой (рис. 40, 3-4) или колоколовидной спинкой (рис. 40, 1-2) — тип III, по З. Томас (Thomas 1960: 106-111) или, для черняховских древностей, тип III/1 и III/1а, по Г. Ф. Никитиной (Никитина 1969: 148). Оба варианта одновременны и начинают распространяться в черняховской культуре со второй половины IV в. н. э. (Kazanski, Legoux 1988: 26-27), являясь хорошим диагностирующим признаком ступени D (Godłowski 1970: 4, 1; 5, 62; 12, 13; 17, 15...). Гребни с колоколовидной спинкой из погребений 19 и 20 изготовлены, скорее всего, одним мастером — у них одинаковый почерк: ажурно расположенные бронзовые трубчатые заклепки. Экземпляр из погребения 20 сочетается с обоими типами пряжек, а в погребении 25 гребень с полукруглой спинкой сочетается с подвязными фацетированными фибулами.

Стеклянные кубки. В первую очередь это конические кубки типа Сынтана де Муреш, с гладкими стенками (рис. 39, 9). Частично фраг-

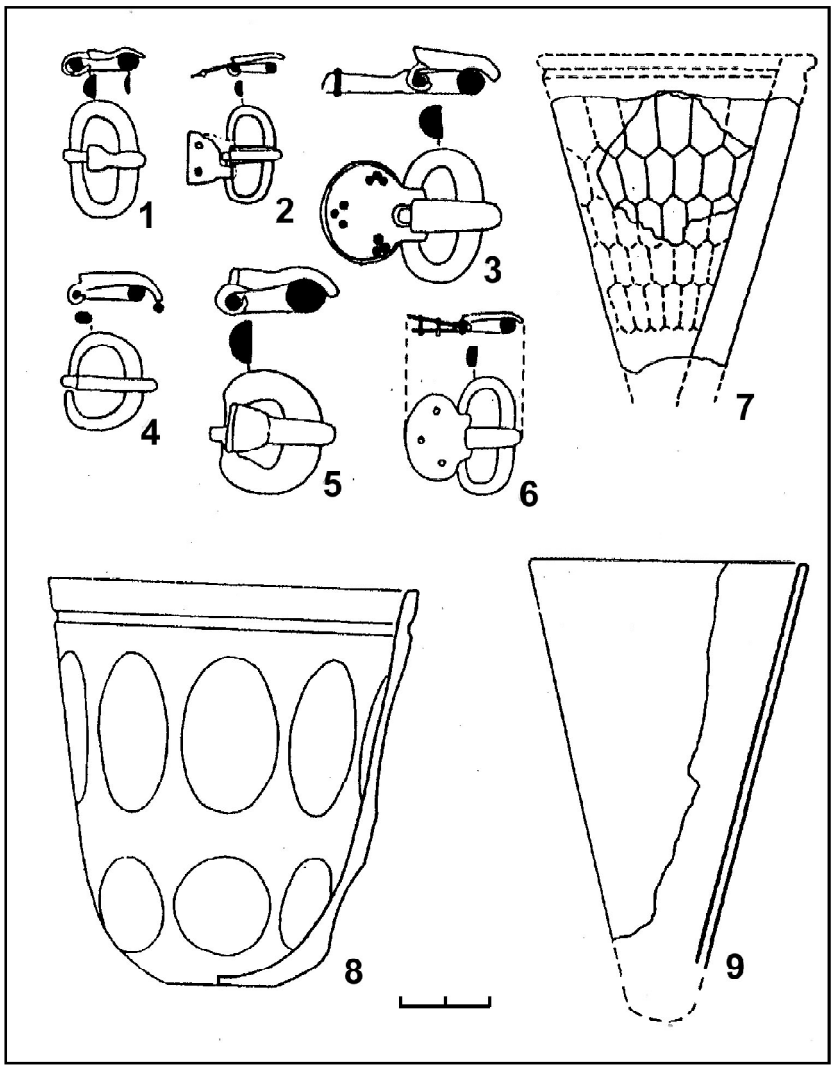

Рис. 39. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). Пряжки и стеклянные кубки:
1 — п.17;
2 — п.18;
3-4 — п.20;
5 — п.24;
6, 9 — п.39;
7 — п.28;
8 — п.36.

ментированный экземпляр выявлен в погребении 39 и фрагменты другого — в погребении 10. Черняховские аналогии довольно разнообразны и являются различными вариантами типа (Бруяко, Левинский, Росохацкий 1992: 151-154). Почти идентичными являются паннонские кубки, которые в комплексах с римскими монетами датированы, в основном, третьей четвертью IV в. н. э. (Kazanski, Legoux 1988: 24-25). Пожалуй, споры излишни.

Более дискуссионным является кубок из погребения 36, орнаментированный прошлифованными овалами (рис. 39, 8). Близких ему по форме, технике изготовления и декору в черняховской культуре нет. Условно, его можно трактовать как развитая форма кубков типа "Kowalk", характерных для черняховской культуры ступени D. С другой стороны, возможно, данный экземпляр является промежуточной формой между поздними "Kowalk" и кубками, исходящими из типа "Sakrau II", что позволяет определить его датировку где-то в начале последней трети IV в. н. э.

Наконец, стеклянный конический кубок с удлиненными шестиугольными фасетками типа "Hogom" из погребения 28 (рис. 39, 7). По единодушному мнению исследователей, эти вещи датируются концом IV в. н. э. (Rau 1975: 480-481). Однако в хронологической системе Казанский-Легу они фигурируют под номером 66, среди вещей IV-й группы (Kazanski, Legoux 1988: 4, 66), которые не являются самыми поздними в черняховской культуре. Учитывая, что кубок обнаружен в погребении вместе с парными пластинчатыми фибулами, а также керамический комплекс захоронения, мы расположены считать, что кубки этого типа появляются не позже начала последней трети IV в. н. э.

Из других вещей могильника, годных для хронологических определений, отметим **амфору** "инкерманского типа", или типа F по Д. Б. Шелову, из погребения 10 (рис. 40, 5), которые бытовали на протяжении всего IV в. н. э. (Шелов 1978: 19). Все-таки обращаем внимание, что она обнаружена в погребении западной ориентации, в сочетании с фрагментами стеклянного гладкого конического кубка типа Сынтана де Муреш, датировка которого не выходит за рамки III-й четверти IV в. н. э.

Довольно широко датируются костяные **пи-**

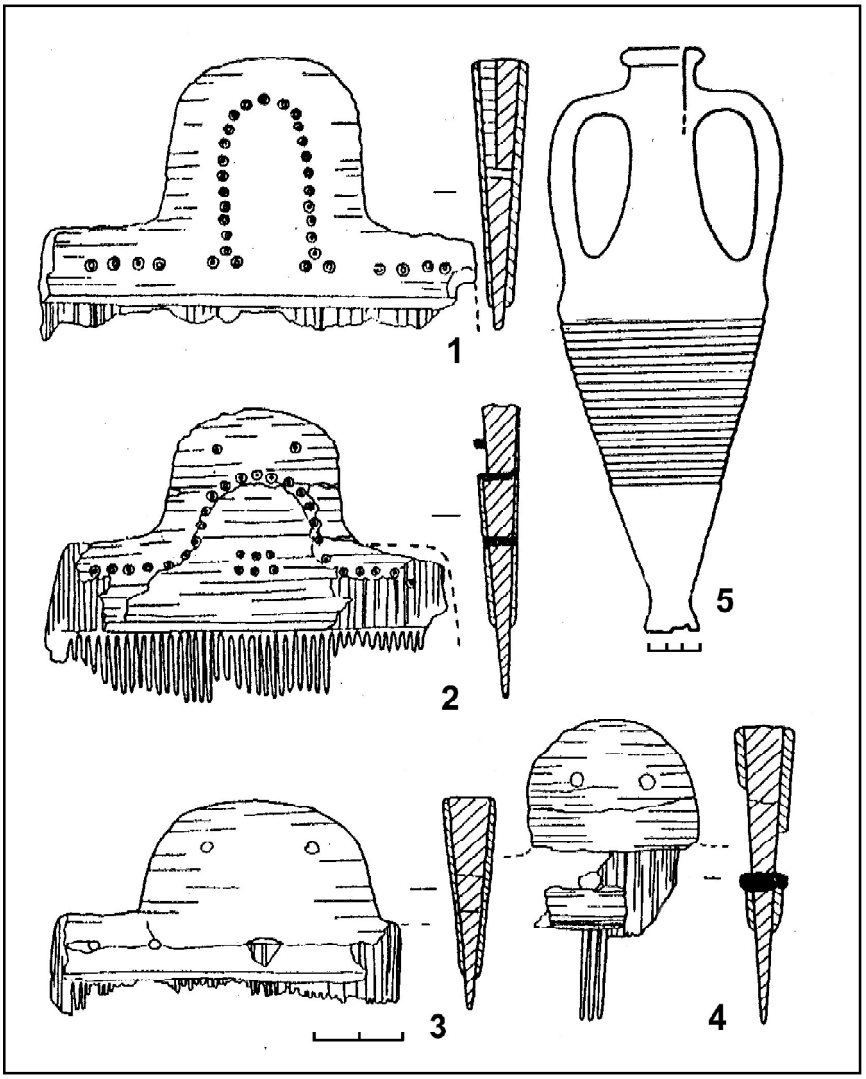

Рис. 40. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). Гребни из погребений 19, 20, 25, 39 и амфора из п.10.

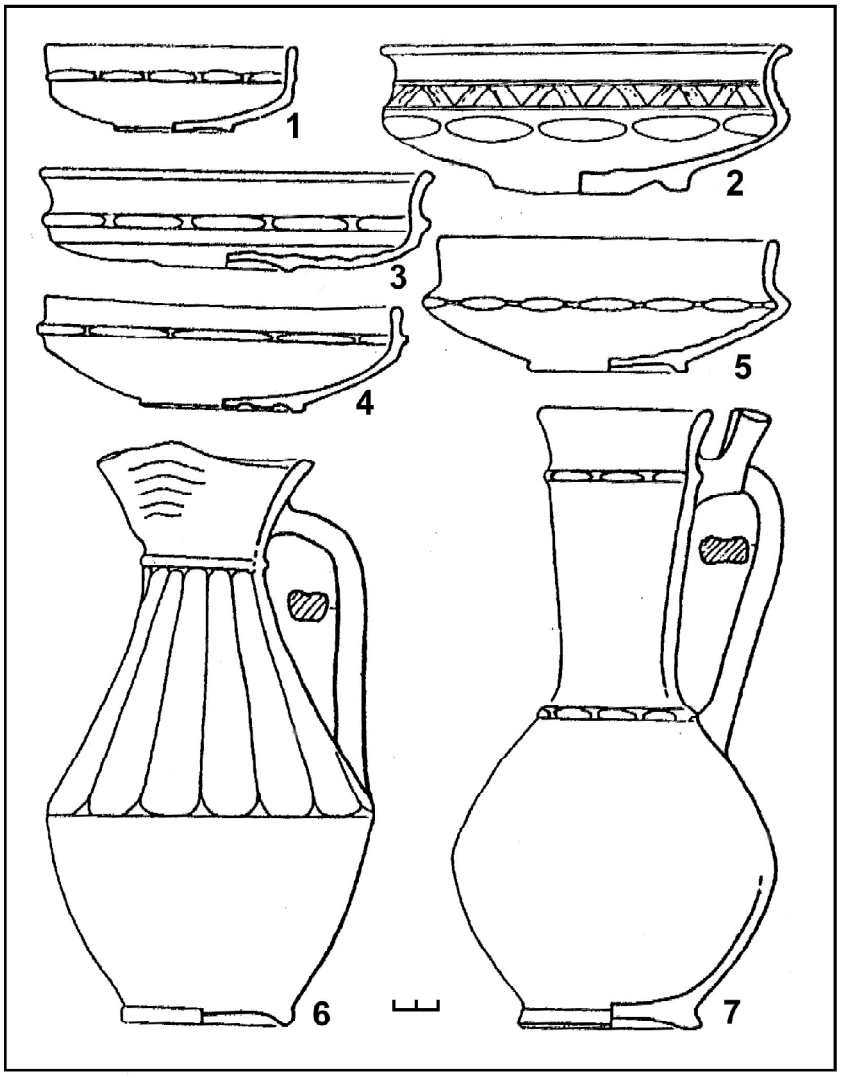

Рис. 41. Слобозия-Кишкэрень (Лазо). Формы керамики, орнаментированные фасетками:
1 — п.18;
2 — п.12;
3 — п.24;
4 — п.28;
5 — п.19;
6 — п.20;
7 — п.39.

рамидальные подвески и бронзовые **ведерковидные,** однако и те, и другие найдены в комплексах совместно с подвязными фацетированными фибулами, датированными серединой-второй половиной IV в. н. э., или предгуннским периодом по И. Ионицэ.

Показательны в хронологическом отношении и некоторые керамические сосуды могильника, в первую очередь серо-чернолощеные миски с матовым металлическим блеском, орнаментированные по ребру или плечикам горизонтальными удлиненными фасетками (рис. 41, 1-5). В черняховской культуре они характерны для ступени D (Kazanski, Legoux 1988: 26), а в комплексах могильника они найдены совместно с пряжками первого типа (п. 18), с гребнем с колоколовидной спинкой (п. 19), с подвязной фацетированной фибулой “воинского” типа и пряжкой второго типа (п. 24), с двупластинчатыми фибулами и стеклянным кубком типа «Hogom» (п. 28).

Не менее показательны и кувшины. В погребении 20 серо-чернолощеный кувшин с вертикально фацетированным верхом (рис. 41, 6) сочетается с пряжками обеих типов и гребнем с колоколовидной спинкой. Другой кувшин, чернолощеный, с горизонтальными удлиненными фасетками по основаниям ручки (рис. 41, 7) из погребения 39 сочетается с пряжкой первого типа и стеклянным коническим кубком типа Сынтана де Муреш. Варианты таких кувшинов входят в обиход начиная с III-й четверти IV в. н. э. (Kazanski, Legoux 1988: 27-37).

Таким образом, основная часть хронологически определимых вещей могильника начинает бытовать в черняховской среде с середины или второй половины IV в. н. э. Более ранние вещи (их мало) ассоциируются в комплексах с вещами отмеченного периода, а те, которые характерны для гуннского времени, начинают входить в обращение еще в предгуннском периоде. Вещей чисто гуннского времени на могильнике нет. Эта констатация особенно важна. Она позволяет нам определить время функционирования могильника Лазо между началом и концом III-й четверти IV в. н. э.

Вместо заключения

Среди черняховских древностей междуречья Днестр-Прут исследованы полностью или частично 15 могильников. Если принять за основу погребальный обряд, все эти могильники могут быть разделены, пока условно, на три категории: I — моноритуальные грунтовые могильники с сожжениями; II — биритуальные; III — моноритуальные грунтовые могильники с трупоположениями (рис. 1).

На данный момент первая категория древностей кажется действительно условной, будучи представленной комплексами из окрестностей села Ханска — Ханска-Лутэрие II, с 15 сожжениями (Никулицэ, Рикман 1973: 116-123), и Ханска-ла Маткэ с 5 сожжениями (Никулицэ 1983: 399-400). Если в отношении второго могильника могут возникнуть определенные сомнения из-за небольшой вскрытой площади, то на первом раскопанная площадь довольно внушительна.

Вторая категория древностей самая многочисленная и в то же время самая неоднородная — биритуальные могильники. Во-первых, это полностью исследованный могильник Дэнчень, на котором сожжения преобладают несомненно — 236 из 338 захоронений (Рафалович 1986: 6-176). Во-вторых, речь идет о памятниках, на которых сожжения составляют около трети исследованных комплексов: Будешть — 128 из 360 (Рикман 1967: 43-136); Бэлцата II — 34 из 80 (Федоров 1960: 221-239; Рикман 1988: 111-132; Федоров, Рошаль 1981: 89-106); Мэлэешть — 10 из 39 (Федоров 1960а: 253-302). Наконец, могильники, на которых сожжений мало или они появляются в виде исключений: Чокылтень — 14 из 67 (Levinschi 1995: 21); Фурмановка — 3 из 25 (Сымонович 1988: 143-163); Беленькое — 12 из 184 (Гудкова 1987: 55-66; Росохацкий, информация); Нагорное — 4 из 78 (Гудкова, Росохацкий 1991: Гудкова, информация); Брэвичень — 1 из 169 (Гросу 1981: 389-390; Гросу, информация); Чалык — 1 из 29 (Щербакова 1990: 141-162); Петрешть. Для последних двух могильников соотношение комплексов остается проблематичной, так как культурный слой над ними был снят бульдозером и были зафиксированы только сожжения, сохранившиеся в бровках или углубленные в материк.

Третья категория древностей, казалось бы, тоже условная, представлена только двумя могильниками. Однако могильник Холмское был исследован полностью и на нем раскопано 56 трупоположений (Гудкова, Фокеев 1984: 58-85), а в Лазо (Слобозия-Кишкэрень) исследовано 45 трупоположений и полностью отсутствуют какие-либо признаки сожжений. Несомненно, третья категория древностей приобретает реальные черты.

Следует обратить внимание, что большая часть исследователей, занимающихся черняховской культурой в разных зонах ее распространения, единодушны во мнении, что для ее носителей был характерен биритуализм (Mitrea, Preda 1966: 120; Рикман 1975: 291-301; Баран 1981: 63; Сымонович, Кравченко 1983: 10; Этнокультурная карта... 1985: 43; Никитина 1985: 33). Исключением считается северо-причерноморская зона, где наличие могильников с трупоположением Ранжевое (Сымонович 1979: 93-111) и Каменка-Анчекрак (Магомедов 1978: 89-90) находит объяснение сложными этнокультурными процессами в регионе в позднеримское время (Магомедов 1987: 44).

С другой стороны, типологическое соотношение находок, в первую очередь могильников Лазо и Холмское, проведенное автором, а потом и с материалами могильников Брэвичень (не опубликованы), Чалык, Фурмановка и Беленькое (только опубликованные материалы), на которых сожжения появляются в виде исключений, позволили установить наличие многих общих типов инвентаря. Скорее всего, эти последние могильники ближе всего к третьей категории древностей — комплексы с трупоположениями. Для некоторых из них сами авторы раскопок предлагают довольно позднюю датировку, в пределах второй половины IV в. н. э. — Чалык (Щербакова 1990: 160), Нагорное (Гудкова, Росохацкий 1991: 232) и др.

Вывод напрашивается сам собой: третья категория древностей, с трупоположениями, ни в коем случае не является исключением в ареале черняховской культуры, а, скорее всего, типичным явлением в ее финальной фазе.

В связи с этим обращаем внимание, что при исследовании могильника Гавриловка (овчарня совхоза Приднепровского) Э.А.Сымонович заметил, что погребения с сожжениями располагались в той части могильника, где преобладали трупоположения северной ориентировки, а там, где были сконцентрированы трупоположения западной ориентировки, они отсутствовали (Сымонович 1960: 197). Такая же констатация была сделана Э.А.Рикманом для могильника Будешть, причем автор акцентирует внимание на том, что зона с преобладанием комплексов западной ориентировки является самой поздней частью могильника (Рикман 1975: 297). Конкретнее в этом отношении выразился И.Иониц̦э, которому для культуры Сынтана де Муреш-Черняхов удалось установить определенную эволюцию погребального обряда — от сожжения в ранней фазе и до трупоположения в финальной (Ioniță 1982: 105). Отсутствие инвентаря в большей части захоронений западной ориентировки вроде бы не позволяет настаивать, что эти комплексы являются самыми поздними в составе могильников, однако выводы

И.Иониц э на основании материалов могильников Тыргшор, Будешть и Ружичанка (Ioniţă 1986: 295-351) являются несомненными.

К этим выводам следует добавить, что для могильников с трупоположениями и тех, которые примыкают к этой категории, количественное соотношение между комплексами северной и западной ориентировки также может быть хронологическим признаком. Чем больше комплексов западной ориентировки, тем позже начал функционировать могильник.

Пока очень затруднительно выявить причины эволюции погребального обряда черняховцев от сожжения к трупоположению. Возможно, одна из причин этого явления кроется в изменении идеологических представлений носителей черняховской культуры, в которых немаловажную роль сыграло распространение христианства в варварской среде, с которым и связывают в настоящее время погребения западной ориентировки. Впервые об этом писал Э.А.Сымонович (Сымонович 1963: 49-60), настаивая на этом и много лет спустя (Сымонович 1978: 105-116), пока в своих исследования И.Иониц э не привел тому убедительные доказательства (Ioniţă 1995: 253-262).

Еще один дополнительный аргумент в пользу того, что черняховские моноритуальные могильники с трупоположениями — явление хронологического порядка, а не этнического или другого характера, — это сам погребальный обряд, а точнее, некоторые его детали. По Б.В.Магомедову, применение различных конструкций погребальных сооружений носителями черняховской культуры — явление этническое. Практически за каждым типом погребений может стоять какая-то определенная группа населения (Магомедов 1987: 40). Следуя этой логике, очень показательны данные таблицы, обобщающей типы погребальных комплексов, зафиксированных на некоторых упомянутых позднечерняховских могильниках.

Тип ямы	заплечики	простые	подбойные	катакомбы
	%	%	%	%
Лазо	90	10	—	-
Каменка-Анчекрак	85	6	9	-
Холмское	66	25	9	-
Ранжевое	50	30	20	-
Чалык	19	51	30	-
Фурмановка	14	35	46	5
Беленькое	2	11	46	41

Если для культурно-исторического сообщества Сынтана де Муреш-Черняхов тип погребальной конструкции действительно является одной из основных этно-определяющих характеристик, то данные таблицы являются бесспорным доказательством, что и в поздней фазе развития культуры, прерванной нашествием гуннов, составные части сообщества во многом сохранили свои этнические черты и самобытность.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А. К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. // САИ. Вып. Д1-30.

Баран В. Д. 1981. Черняхівська культура за матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ.

Бруяко И. В., Левинский А. Н., Росохацкий А. А. 1992. Новые находки стеклянных кубков из могильников черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья // МИАЭМ. Кишинев.

Гросу В. И. 1981. Исследования Бравиченского могильника. // АО 1980. М.

Гудкова А. В. 1987. Могильник IV в. н. э. в с. Беленькое. // НИАС-ЗП. Киев.

Гудкова А. В., Росохацкий А. А. 1991. Поселение и могильник черняховской культуры Нагорное II в Низовьях Дуная. // ДОЗССП(V тыс. До н. э. — V в. н. э.). Киев.

Гудкова А. В., Фокеев М. М. 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н. э. Киев.

Магомедов Б. В. 1978. Могильник Каменка-Анчекрак в Николаевской области. // АИУ 1976-1977 рр. Ужгород.

Магомедов Б. В. 1987. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Никитина Г. Ф. 1969. Гребни черняховской культуры. // СА — №1.

Никитина Г. Ф. 1985. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М.

Никулицэ И. Т. 1983. Работы в Ханском микрорайоне. // АО 1981. М.

Никулицэ И. Т., Рикман Э. А. 1973. Могильник Ханска-Лутэрия II первых столетий н. э. (Молдавия). // КСИА 133. М.

Рафалович И. А. 1986. Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв. н. э. Кишинев.

Рикман Э. А. 1967. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев.

Рикман Э. А. 1975. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.

Рикман Э. А. 1988. Раскопки могильника черняховского типа Балцаты II в 1963-1964 гг. // Могильники черняховской культуры. Т. 2. М.

Сымонович Э. А. 1960. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре. // МИА 82. М.

Сымонович Э. А. 1963. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху. // СА. №1.

Сымонович Э. А. 1978. О культовых представлениях населения юго-западных областей СССР в позднеантичный период. // СА. №2.

Сымонович Э. А. 1979. Коблевский и Ранжевский могильники около г. Одессы. // Могильники черняховской культуры. Т. 1. М.

Сымонович Э. А. 1988. Придунайский могильник Фурмановка. // Могильники черняховской культуры. Т. 2. М.

Сымонович Э. А., Кравченко Н. М. 1983. Погребальные обряды племен черняховской культуры. // САИ. Вып. Д1-22. М.

Федоров Г. Б. 1960. Два черняховских могильника в Молдавии. // МИА Ю-З СССР и РНР. Кишинев.
Федоров Г. Б. 1960а. Малаештский могильник. // МИА 82. М.
Федоров Г. Б., Рошаль М. Г. 1981. Раскопки черняховского могильника у с. Балцата. // АИМ 1974-1976 гг. Кишинев.
Шелов Д. Б. 1978. Узкогорлые светлоглинянные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология. // КСИА 156. М.
Щербакова Т. А. 1990. Могильник черняховской культуры у с. Чалык. // АИМ 1985. Кишинев.
Этнокультурная карта... 1985. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. Киев.
Godłowski K. 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków.
Ioniță I. 1982. Din istoria şi civilizaţia dacilor liberi. Dacii din spaţiul est-carpatic în secolele II-IV e. n. Iaşi.
Ioniță I. 1986. Chronologie der Sintana-de-Mures-Cernjachov-Kultur (I). // Peregrinatio Gothica (Archaeologia Baltica 7). Łódź.
Ioniță I. 1992. Die Fibeln mit umgeschlagenem Fuß in der Sintana-de-Mures-Cernjachov-Kultur. // Peregrinatio Gothica, III. Oslo.
Ioniță I. 1995. Elementele creştine în practica riturilor de înmormîntare din Moldova în secolele IV-V e. n. // Din istoria Europei romane. Oradea.
Kazanski M., Legoux R. 1988. Contribution à l'étude des témoignages archéologiques des Goths en Europe orientale à l'époque des Grandes Migrations: La chronologie de la culture de Cernjahov récente. // Archéologie médiévale, 18. Paris.
Levinschi A. 1995. Ciocîlteni. // Cronica cercetărilor arheologice, 1994. Cluj-Napoca.
Mitrea B., Preda C. 1966. Necropole din secolul al IV-lea e. n. în Muntenia. Bucureşti.
Rau G. 1975. Spätantike Glasfunde im Karpatenraum. // Beiträge zur Erforschung der römischen Kaiserzeit im östlichen Mitteleuropa. Marburg/Lahn.
Schach-Dorges H. 1970. Die Bodenfunde des 3. bis 6. Jahrhundert nach Chr. zwischen unteren Elbe und Oder. // Offa-Bücher, 23.
Schulze M. 1975. Mitteleuropäische Fundprovinzen germanischer Fibeln der jüngeren Kaiserzeit. // Beiträge zur Erforschung der römischen Kaiserzeit im östlichen Mitteleuropa. Marburg/Lahn.
Thomas S. 1960. Studien zu den germanischen Kammen der römischen Kaiserzeit. // Arbeits- und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege, 8. Leipzig.

Горюнова В.М., Родинкова В.Е.

РАННЕСЛАВЯНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ВЕЛИКИЕ БУДКИ (ХУТОР)

Goriunova V.M., Rodinkova V.E. The Early Slavic settlement Velikiye Budki (Khutor)

The settlement near the village of Velikiye Budki in the Nedrigailovo district of the Sumy region (the North-Eastern Ukraine) is one of the largest and the most interesting sites of the Kolochin culture. It was explored in 1981-1982 by the Dnieper left bank expedition of the Institute of Archaeology, the Russian Academy of Sciences.

It was ascertained that all materials at the site divided into two groups: of the Early Roman and the Early Middle Ages periods. A number of fragments of ceramics has exact parallels on settlements and cemeteries of the Late Zarubintsy culture of the II – the beginning of the III cc. in the Seim-Donets region (fig.43:1-8). The dwelling 7 and the pits 22 and 26 also belong to the Late Zarubintsy culture. Some objects of the Ukhnovo culture which were found on the settlement of Velikiye Budki (fig. 44:14; 45:5; 43:18) may be related to this group of things, and it gives us the opportunity to raise a question about relations between Late Zarubintsy and Ukhnovo cultural-ethnic communities in the Seim basin.

The majority of the finds at the site and the complexes of structures 1, 3-6 and pits 1-21, 23-25, 27-37 belong to the Kolochin culture of the V-VII cc. Only the materials from the dwelling 2 (fig. 11:1-11) have real parallels in early Pen'kovka or late Kievan antiquities of the east part of the Dnieper basin.

Some finds from the settlement can give an important indication about the existence of the whole craft zone here which is related with jewelry and work of blacksmith. Among them there is a hoard conditionally related to the so-called «Hoards of Antiquities of Antes». The objects in this hoard can be divided into three groups: fragments, raw materials, finished articles (fig. 47-49).

The first group includes the fragments of a large silver radiate-head fibulae and a silver anthropozoomorphic fibulae, the end of a silver neckring, two fragments of silver bracelets with thickened ends, a half of a bronze bracelet with a greatly thickened cut end, the bronze catchplate from a belt-buckle, a large lamellar decoration and also a lamellar binding and scraps of silver rolled into a ball.

The second group includes pieces of a cloven silver bar, an oval pewter bar with a hole in the middle, narrow plates rolled into a spiral and wastes of pewter casting.

The third group includes two small double radiate-head fibulae and over 1200 small sewn plates of different shapes.

All these things date to the VI (V)-VII cc., but the date of burial of the hoard established on the base of small radiate-head fibulae is the end of the VII – the beginning of the VIII cc. And in order to determine the chronological boundaries of the existence of the whole settlement one should examine not only things of the hoard but also other dating finds from the site, such as fragments of Cherniakhov potteries (fig.43:16,17), a strap end (fig.45:2), a black glass bead (fig.45:3) etc. This investigation has made it possible to date the Kolochin period of the settlement to the second half of the V – the beginning of the VIII cc.

Thus the analysis of the material shows the heterogeneous composition of the collection of Velikiye Budki. At the early Roman time it unites the Late Zarubintsy and Ukhnovo elements. The presence at the site Kolochin and Pen'kovka traditions as well as objects of Danube, Baltic and even nomadic origin at the Early Middle Ages is a result of a very difficult cultural-ethnic situation in the forest-steppe and steppe zone of the Eastern Europe during the Migration Period. Besides the long period of the existence of the Kolochin settlement allows to research the material culture of Slavonic tribes without chronological lacunae and makes the finds from the site Velikiye Budki particularly important.

Поселение в урочище «Хутор» у с. Великие (или Большие) Будки Недригайловского р-на Сумской обл. — один из наиболее крупных раскопанных памятников третьей четверти I тыс. н. э. в Восточном Посеймье и прилегающем к нему регионе. Обширная коллекция керамики, многочисленные остатки ювелирного, кузнечного и других ремесленных производств, находка клада круга «древностей антов», так же как и культурные остатки более ранних эпох, зафиксированные на памятнике, — все это привлекает неослабевающее внимание исследователей. Материалам поселения посвящен ряд публикаций (Горюнова 1987; Горюнова 1992; Гавритухин 1991а; Гавритухин 1991б: 133, 134, табл. II: 8; Гавритухин, Обломский 1996: 54, 102, 126, 128, 129, рис. 101: 4; 102: 2,3; 103: 3,22; 104: 1), однако речь в них идет, как правило, о вещах из состава клада. В то же время основная часть коллекции памятника, к сожалению, остается практически недоступной широкому кругу исследователей, хотя, не учитывая материалы поселения в Великих Будках, невозможно решать целый ряд проблем, связанных с древнейшей историей восточных славян. В частности, долговременность существования памятника и его

© Горюнова В.М., Родинкова В.Е., 1999.

ярко выраженный ремесленный характер дают возможность проследить развитие материальной культуры населения Лесостепного Поднепровья в римскую эпоху и в раннем средневековье. Особенности керамического комплекса, отчетливое влияние на его структуру южных традиций позволяют не только поставить вопрос о выделении финальной фазы колочинской культуры, но и по-новому взглянуть на взаимоотношения колочинской и пеньковской археологических общностей. Материалы поселения в урочище «Хутор» необходимо привлечь при выделении как хронологических этапов, так и локальных вариантов в рамках колочинского этнокультурного единства. Находка в слое этого памятника уникального по составу клада круга «древностей антов» еще раз свидетельствует о важном месте поселения в системе торговых и культурных связей населения восточноевропейской Лесостепи в эпоху раннего средневековья. Наконец, материалы рассматриваемого поселения могут предоставить новую информацию о дальнейшей судьбе колочинской культуры и об этнической принадлежности ее носителей.

Таким образом, основной задачей предлагаемой статьи является восполнение вышеозначенного пробела и введение материалов поселения Великие Будки (Хутор) в научный оборот.

Поселение было исследовано Днепровским Левобережным археологическим отрядом ЛОИА АН СССР под руководством Г.А.Романовой и В.М.Горюновой в 1981 и 1982 гг. Памятник рас-

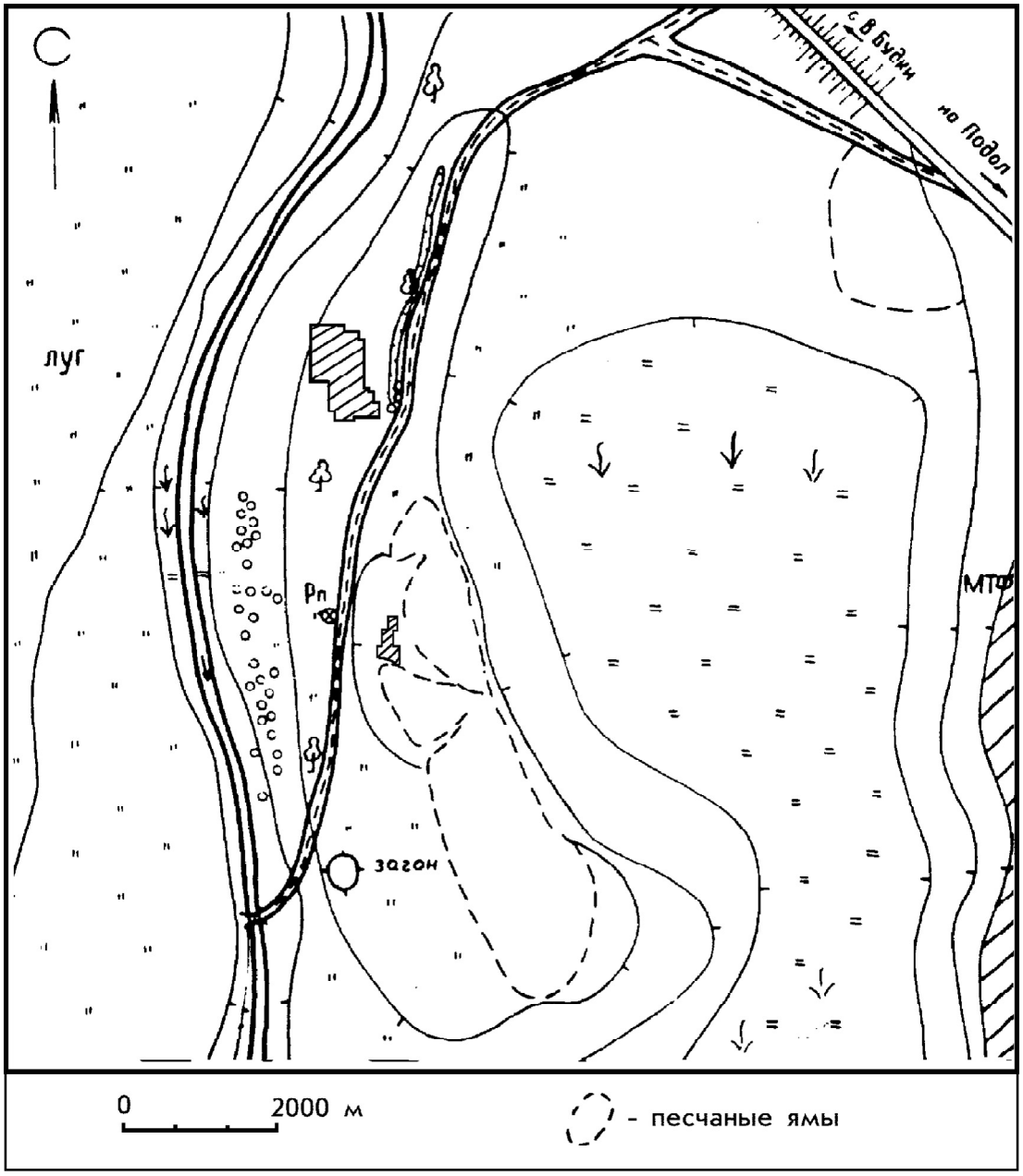

Рис. 1. Общий план поселения Великие Будки (Хутор).

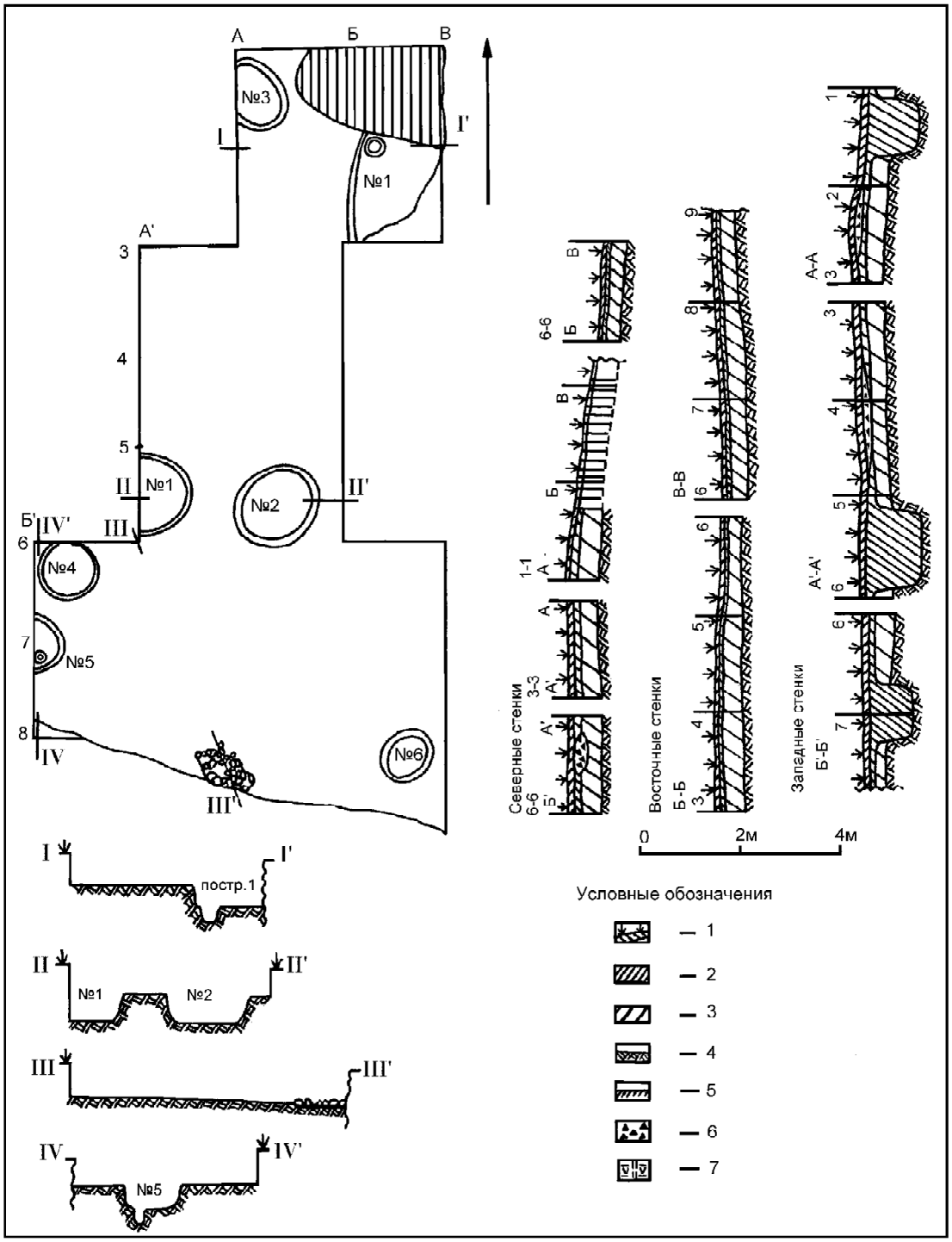

Рис. 2. План раскопа I на уровне материка, профили стенок раскопа I, постройки 1, ям 1, 2, 5 и "очажка". 1 — дерновый слой; 2 — черный сильногумусированный песок; 3 — светлый серо-коричневый слабогумусированный песок; 4 — материк песчаный; 5 — материк суглинистый; 6 — заполнение современного перекопа; 7 — прокаленный грунт с сажистыми включениями.

положен на дюне, вытянутой с севера на юг в пойме вдоль левого берега р. Терн. Размеры дюны 360 × 60-70 м, над поймой она возвышается на 1—2,5 м. На ней были заложены два раскопа: раскоп I в. центральной, поврежденной земляными работами, части, и раскоп II на расстоянии 76 м к северу от раскопа I, в северной части дюны, где культурный слой был гораздо лучшей сохранности. Общая вскрытая площадь памятника составила 712 кв. м. (рис. 1).

Культурный слой поселения мощностью 0,6—1,2 м состоял из черного сильногумусированного песка, а в предматериковой части — из слабогумусированного песка светлого серо-коричневого цвета. В раскопе I он был сильно нарушен хуторскими сооружениями конца XIX —

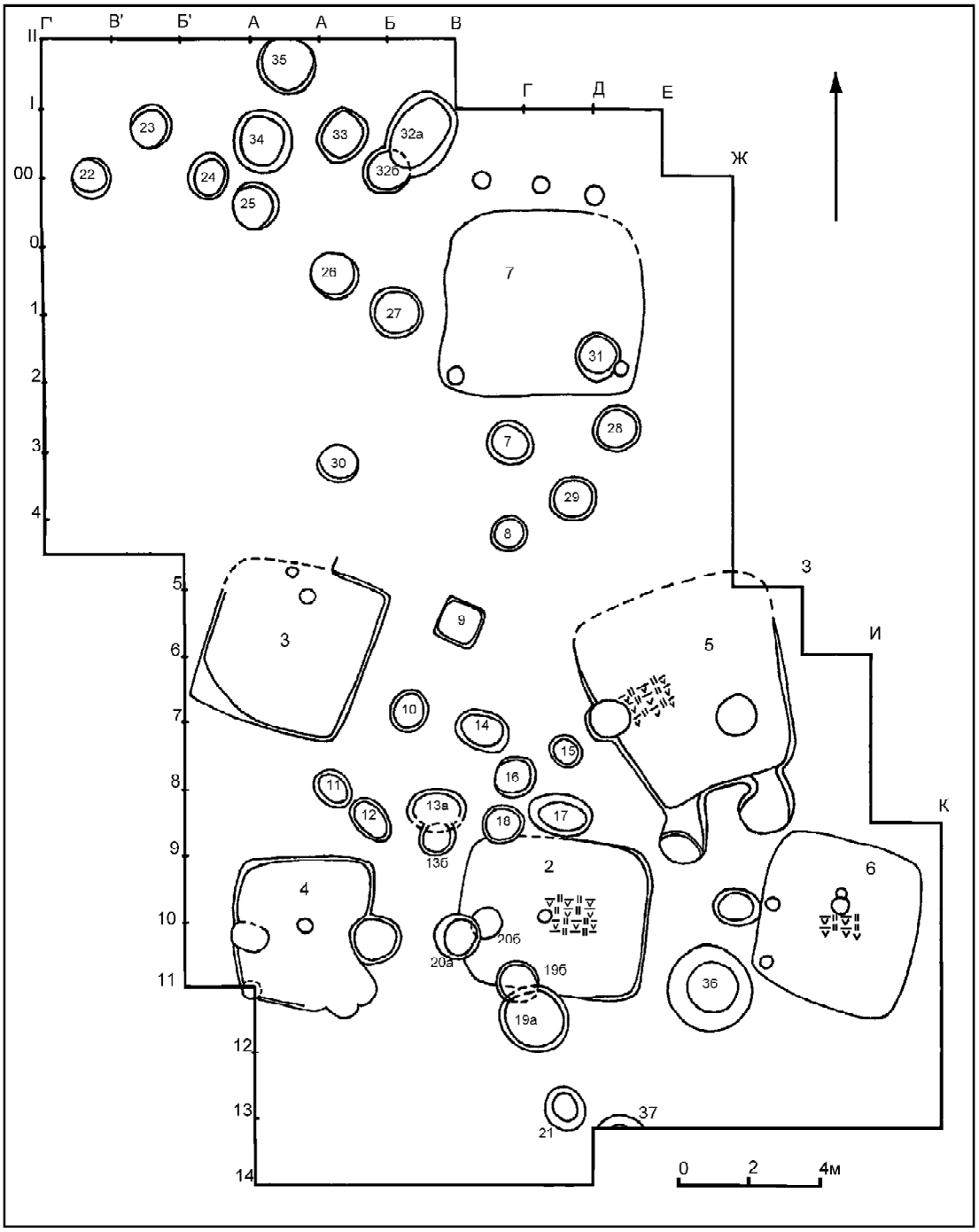

Рис. 3. План раскопа II на уровне материка. Условные обозначения как на рис. 2.

начала XX вв. и современными перекопами (рис. 2Б; 4).

Керамический и вещевой комплекс поселения Великие Будки распадается на две неравные в количественном отношении части. Преобладает материал колочинской культуры, но в то же время в стратиграфическом и планиграфическом отношении четко выделяется небольшая группа находок, связанных с позднезарубинецким временем. К этому времени должна относиться одна из обнаруженных на памятнике построек (7) и, вероятно, две ямы (22 и 26). Характеристика и анализ позднезарубинецкого комплекса памятника даны в приложении 2.

К третьей четверти I тыс. н. э. относятся 6 исследованных построек, 39 хозяйственных ям и 1 «очажок» (рис. 2А; 3). Все они зафиксированы на уровне материка, однако, судя по разрезам ям, полученным в стенках раскопа I (ямы 1, 3, 5, рис. 2Б) и по концентрации материалов в нижней части культурного слоя непосредственно над котлованами построек 2, 3, 4 в раскопе II, можно сделать вывод, что контуры, во всяком случае, некоторых строительных объектов

на поселении были выявлены ниже действительного уровня их верхнего края. Вероятно, часть ям и постройки 2, 3, 4 были вырыты по крайней мере от уровня предматерикового песчаного слоя, и уже отмеченные скопления керамики над этими постройками представляют собой скорее всего заполнение верхней части их котлованов, образовавшееся на высоте 0,3-0,5 м от пола. Данные о конструктивных особенностях, характере заполнения и находках из строительных объектов, а также о материалах из культурного слоя памятника приведены в приложении 1.

Для характеристики колочинского керамического комплекса поселения Великие Будки (Хутор) было привлечено более 600 фрагментов сосудов. Большая часть из них принадлежит грубым толстостенным горшкам (толщина стенок 1—1,5 см, днищ — до 2 см), вылепленным вручную из рыхлого комковатого теста с добавлением крупного шамота и, реже, песка и органических примесей (зерен злаков, рубленой соломы). Вероятно, вся эта керамика изготовлена в ленточной технике (ширина лент — до 8 см) с использованием деревянной подставки. Многие днища имеют закраину в виде кольцевого утолщения, на некоторых заметны следы подсыпки: шамота, песка, золы, иногда фиксируются отпечатки зерен, соломы. Поверхность сосудов бугристая, часто со следами заглаживания травой или пальцами, цвет варьирует от светло-коричневого до кирпично-красного и темно-серого, иногда они пятнистые вследствие неравномерного обжига. Однако, наряду с грубыми толстостенными черепками кухонной посуды и горшков-зерновиков, встречены немногочисленные обломки сравнительно тонкостенных столовых сосудов (толщина стенок 0,5—0,8 см), изготовленных из хорошо промешанного теста с мелкими примесями. Их поверхность, как правило, очень хорошо заглажена, изредка попадаются даже подлощенные фрагменты (рис. 11: 9; 13: 9; 19: 12).

Рассматриваемая керамика практически вся неорнаментирована. Встречено всего 2 фрагмента сосудов с вертикальными налепами под венчиком (рис. 11: 2; 35: 1) и 1 фрагмент диска с пальцевыми вдавлениями по краю (рис. 17: 15). Есть также несколько фрагментов стенок ребристых сосудов, ребро у которых подчеркнуто налепным валиком (рис. 16: 9,14; 17: 12). В северо-западной части раскопа II обнаружено 2 обломка венчиков и 2 обломка стенок лепных ребристых сосудов с пятнами красного ангоба на внешней поверхности (рис. 24: 3; 38: 10,16). В постройке 3 и постройке 6 встречено по одному фрагменту венчиков, орнаментированных насечками по краю (рис. 15: 4; 22: 5). Один сосуд был украшен глубокой врезной линией ниже шейки (рис. 29: 14). Кроме того, в ряде случаев

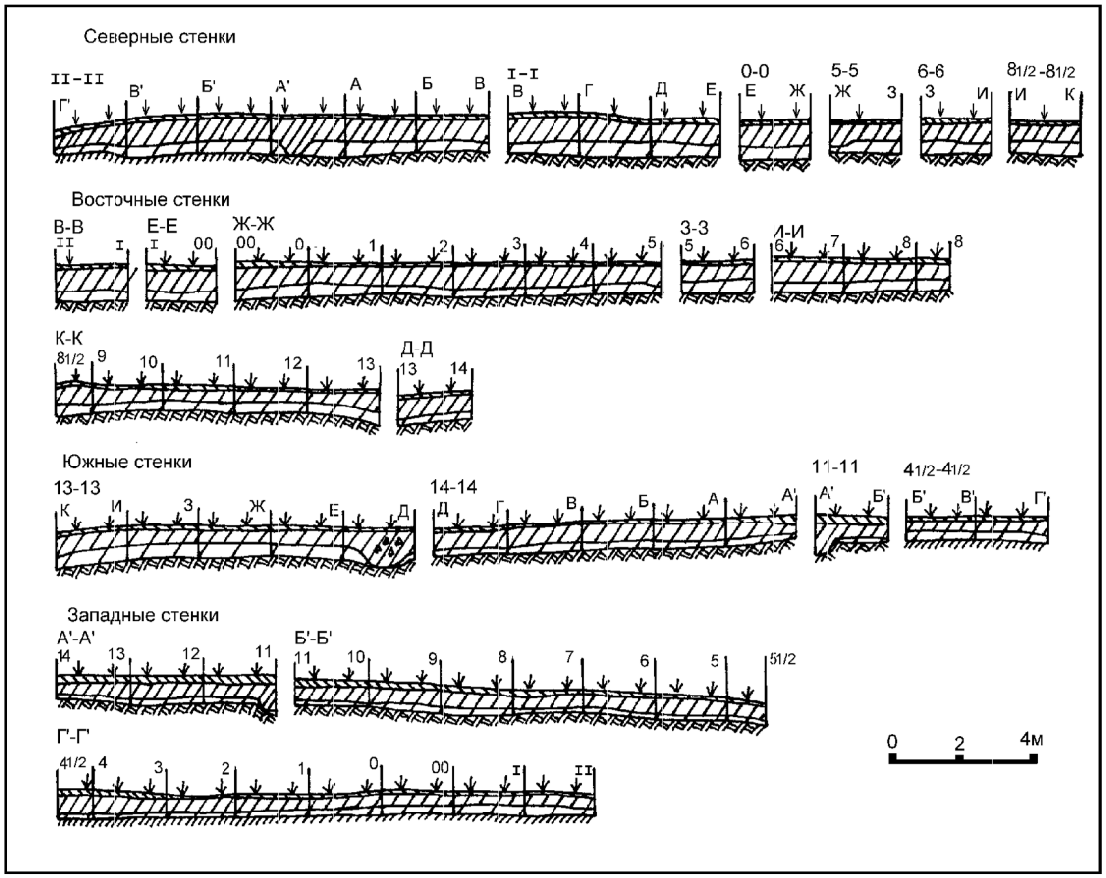

Рис. 4. Профили стенок раскопа II. Условные обозначения как на рис. 2.

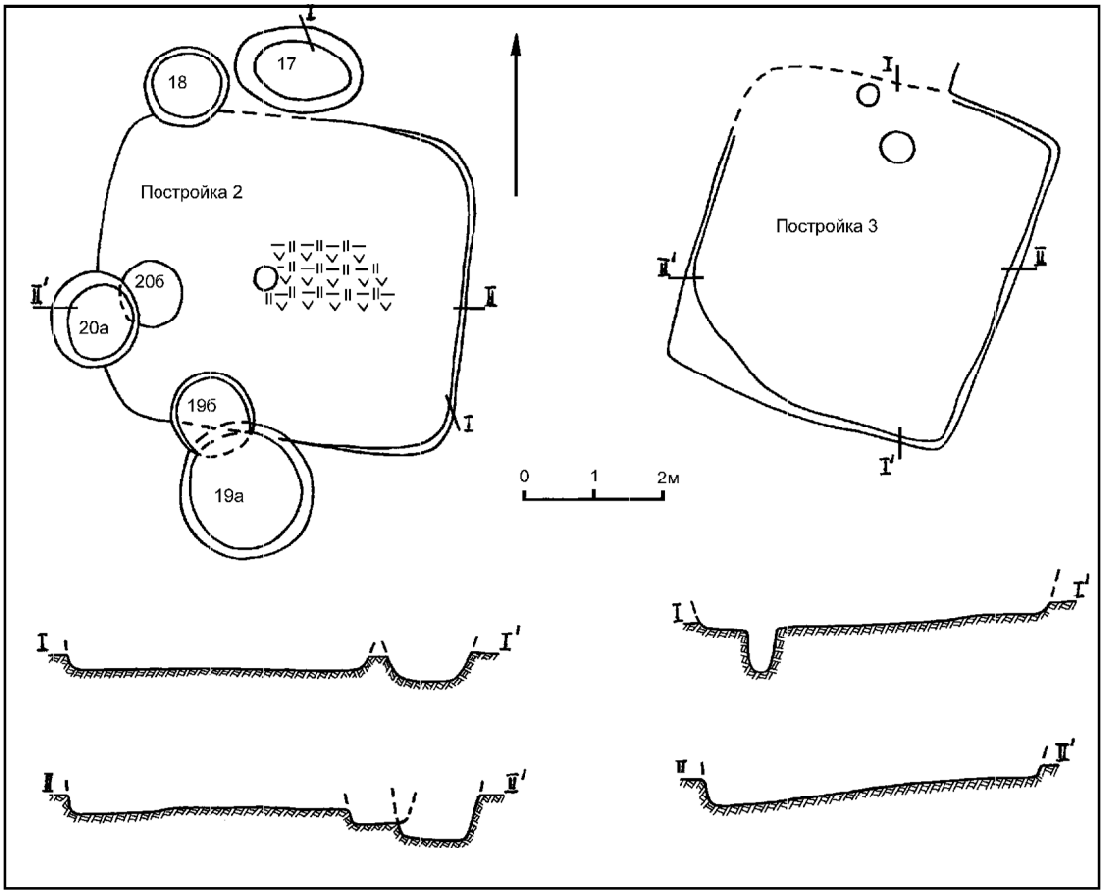

Рис. 5. Планы и профили построек 2 и 3.

зафиксированы сквозные отверстия в верхней части сосудов, которые наиболее часто интерпретируют как следы ремонта (рис. 13: 6; 15: 7; 25: 11; 26: 10; 28: 1; 30: 2; 36: 3; 38: 9,21).

В целом, хотя набор керамики с поселения Великие Будки и обладает некоторыми специфическими чертами, сосуды близких форм и пропорций характерны для колочинской культуры третьей четверти I тыс. н. э. Особо отметить следует лишь керамический комплекс постройки 2, в котором фрагменты сильнопрофилированных округлобоких горшков с резко отогнутыми венчиками сочетаются с ребристыми биконическими сосудами и с фрагментом лепной миски (рис. 11: 1-8,10,11,13,15,16). Если биконическая посуда иногда встречается среди колочинских древностей, не являясь, впрочем, ведущим типом, а отражая скорее локальное своеобразие тех или иных памятников, то аналогии сильнопрофилированным сосудам и лепной миске из данного комплекса следует искать не на колочинских, а, вероятно, на раннепеньковских или позднекиевских памятниках сейминско-донецкого региона.

Помимо фрагментов керамики, с культурным слоем поселения связаны довольно многочисленные находки различных предметов бытового назначения (ножей, шильев, обломков жерновов и точильных камней и т. д.) и украшений. Среди последних особое место занимает клад, который условно можно соотносить с кругом кладов так называемых «древностей антов». Он был зафиксирован в скоплении керамики в верхней части заполнения постройки 2. Составляющие его вещи лежали компактной группой и были, вероятно, завернуты в ткань, так как на некоторых из них сохранились ее отпечатки и даже кусочки. Поверх свертка с кладом были положены, очевидно, в качестве оберегов, железные долото и перовидное сверло.

Вещи, входящие в состав клада, по своим функциональным характеристикам разделяются на три группы: поломанные изделия, вероятно, предназначавшиеся в переплавку; сырье — металлические слитки, из которых впоследствии отливались украшения; готовая продукция ремесленника-ювелира, работавшего на поселении. (Результаты количественного спектрального анализа всех этих изделий приведены в приложении 3.) Первая группа включает фрагменты пальчатой и антропозооморфной фибул, конец шейной гривны, обломок большого пластинчатого украшения, пластину-оковку, тонкие серебряные пластинки и их обрезки, обломки цельнолитых браслетов и язычок от пряжки.

Нижний щиток пальчатой фибулы, отлитой

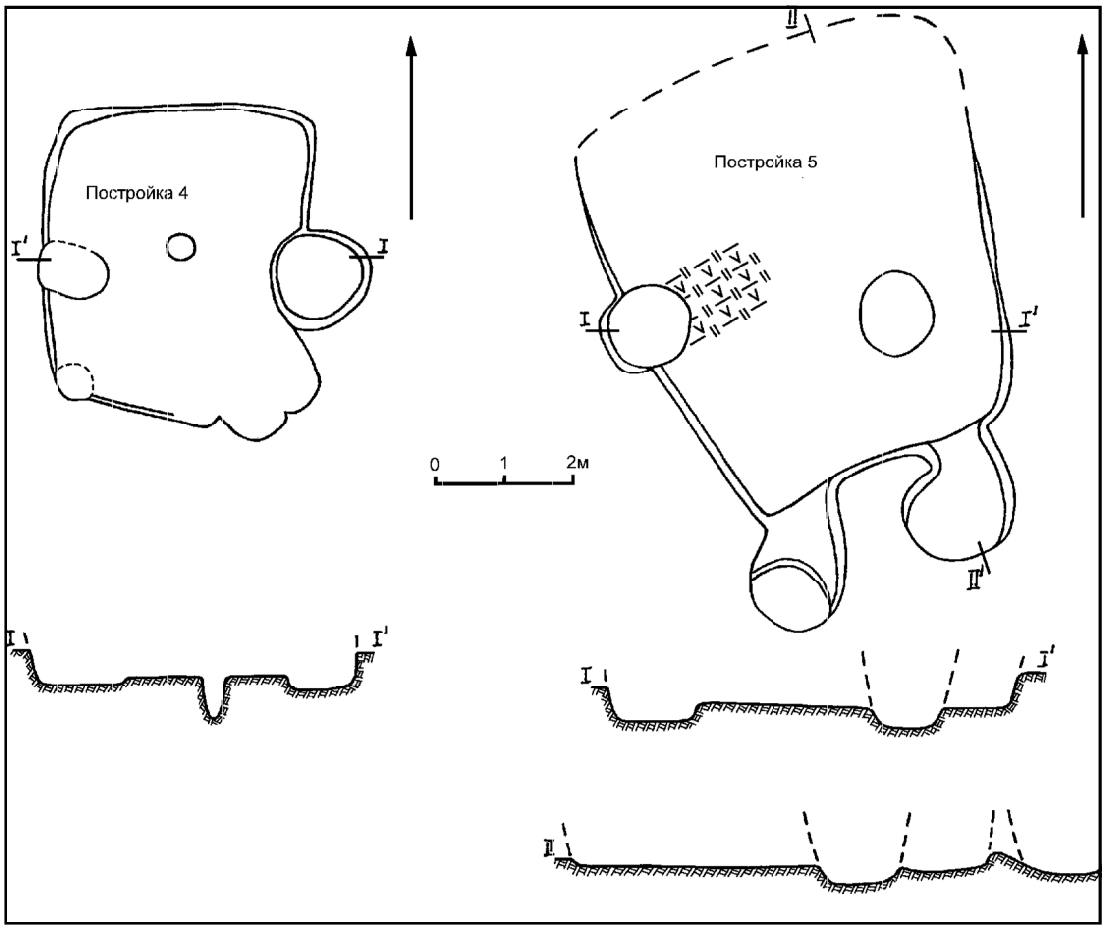

Рис. 6. Планы и профили построек 4 и 5.

по восковой модели из низкопробного серебра и позолоченной, имеет ромбическую форму и оканчивается удлиненным выступом (рис. 48: 1). Орнамент — расположенные по вертикали спиральные завитки и ряды треугольников, а также стилизованное изображение звериной морды на выступе — очевидно, был выгравирован на восковой модели и после отливки изделия не подправлялся. С обратной стороны щиток и особенно оканчивающий его выступ вогнуты. Приемник иглы отсутствует, а на его месте видны следы припоя, с помощью которого, очевидно, пытались починить сломанную в древности фибулу. В качестве следов ремонта следует интерпретировать и два сквозных отверстия в той части щитка фибулы, где он соединялся с дужкой.

Небольшой фрагмент верхнего щитка серебряной антропозооморфной фибулы (рис. 48: 2) украшен гравировкой в форме «пальмовой ветви», волнистых S-образных линий и контурной линии по краю. На обратной стороне фрагмента имеется стойка с отверстием для крепления оси пружины.

Конец шейной гривны (рис. 48: 6), изготовленной из толстого серебряного прута, на котором в шахматном порядке близко друг от друга чеканом выбиты удлиненные ромбики, обмотан серебряной же раскованной в узкую длинную ленту проволокой. Со стороны застежки прут расширяется в пластину ромбической формы, орнаментированную выгравированными точками, которые образуют крестообразные композиции. Застежка гривны оформлена в виде стилизованной головки змеи.

Часть сломанного еще в древности крупного пластинчатого украшения (рис. 49), изготовленного из тонкого серебряного листа, богато украшена гравировкой. Орнамент наносился колесиком, оставляющим зигзагообразную линию. Вдоль фигурных краев пластины расположены два ряда выпуклых штампованных точек. Орнаментальная композиция дополняется шестью такими же выпуклыми кружками.

Серебряная пластина-оковка (рис. 48: 5), украшенная двумя выпуклыми полосками вдоль верхнего края, служила для покрытия какого-то округлого в сечении предмета, возможно, деревянного, так как в ней есть отверстие от гвоздя. Края пластины были спаяны.

Тонкие серебряные пластинки и обрезки серебра были скатаны в тугой комок (рис. 47: 19).

Фрагмент цельнолитого серебряного браслета (рис. 48: 4) имеет аморфную в сечении форму и слегка утолщенный подграненный (?) конец.

Обломок круглого в сечении цельнолитого

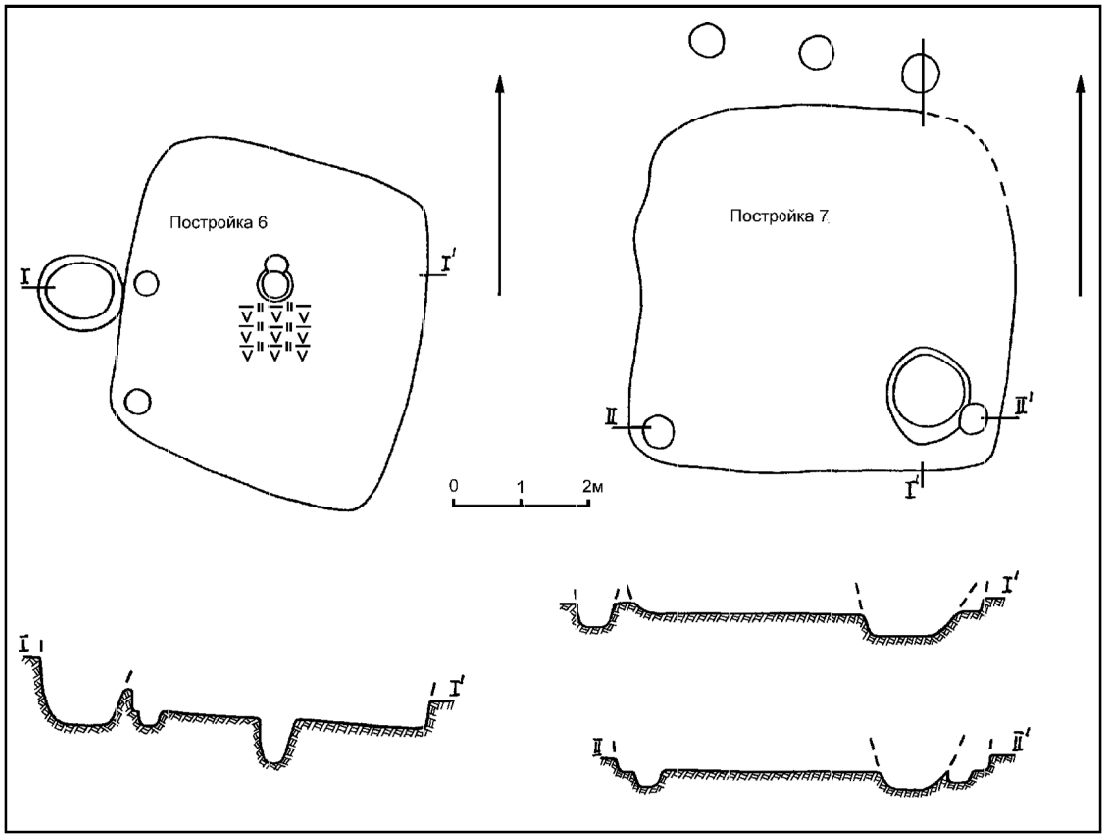

Рис. 7. Планы и профили построек 6 и 7.

серебряного браслета (рис. 48: 3) также имеет утолщенный конец, украшенный двумя параллельными врезными линиями и точечным орнаментом.

У половинки цельнолитого браслета (рис. 48: 7) многогранный конец сильно утолщен. Вдоль его граней нанесен точечный орнамент. Браслет был изготовлен из латуни.

Латунной была и пряжка, массивный язычок которой (рис. 48: 8) имеет рельефное щитовидное расширение у основания. На выступающих частях щитка выгравирован точечный орнамент, а с обратной его стороны язычок снабжен крючком для прикрепления к рамке пряжки.

Вторую, сырьевую, группу клада составили разрубленный на кусочки серебряный слиток удлиненной формы (рис. 47: 20,21), округлый оловянисто-свинцовый слиток с отверстием в центре (товарная форма?) (рис. 47: 15), а также узкие свернутые в спираль пластины (рис. 47: 18) и отходы литейного производства в виде сплесков (рис. 47: 13,14,16,17) из того же сплава.

К готовым изделиям, входящим в третью группу клада, прежде всего следует причислять две парные маленькие пальчатые фибулы, отлитые в одной и той же каменной двустворчатой форме из оловянисто-свинцового сплава (рис. 47: 1,2). Полукруглые головки фибул орнаментированы пятью «пальцами» по краю (у одной из них крайний «палец» утерян) и небрежно отлитыми концентрическими дугами на самом щитке. С обратной стороны щитков имеются стойки для крепления оси пружины, отверстия в которых были проделаны при отливке с помощью железных стержней, от которых и в отверстиях стоек, и в соединяющих их канальцах сохранились остатки окиси железа. Ножки фибул имеют ромбическую форму и оканчиваются длинными узкими выступами (у одной из них этот выступ отломан). В месте соединения с дужкой на ножках отлиты боковые отростки, очевидно, деградировавшие схематичные изображения птичьих головок, клювами сливающихся с краями щитка. Сами щитки при отливке орнаментированы концентрическими ромбами с точкой в центре, а оканчивающие их выступы — узкими поперечными кольцами. С обратной стороны ножек фибул отлиты держатели для игл.

Изделиями мастера-ювелира, спрятавшего клад, мы считаем и многочисленные мелкие нашивные бляшки. Они изготовлены в той же технике, что и маленькие пальчатые фибулы: отлиты из оловянисто-свинцового сплава в двустворчатых каменных формах с применением литейных стержневых вставок (тонкая железная проволока) с целью получения ушек для пришивания. Бляшки имеют 4 основные формы, каждая из которых представлена в кладе различным числом экземпляров.

1. Круглые гладкие бляшки (рис. 47: 10-12) диаметром от 4 до 9 мм, с одним ушком для пришивания (404 экз.). К этой же группе можно

отнести розетки (рис. 47: 9) диаметром 8-9 мм, также с одним ушком (100 экз.).

2. Сдвоенные бляшки (рис. 47: 5-8) 6-11 мм в длину. Крупные экземпляры имеют небольшую перемычку и одно ушко для пришивания (503 экз.), у мелких перемычка отсутствует, зато есть два ушка (181 экз.).

3. Бляшки в виде соединенных вершинами треугольников (рис. 47: 4) длиной около 12 мм. Лицевая поверхность их орнаментирована при отливке городками и точкой в центре каждого треугольника. На обратной стороне они имеют по три ушка для пришивания (26 экз.).

4. Треугольные или трапециевидные бляшки с тремя кольчатыми отверстиями по основанию и круглым выступом на вершине (рис. 47:

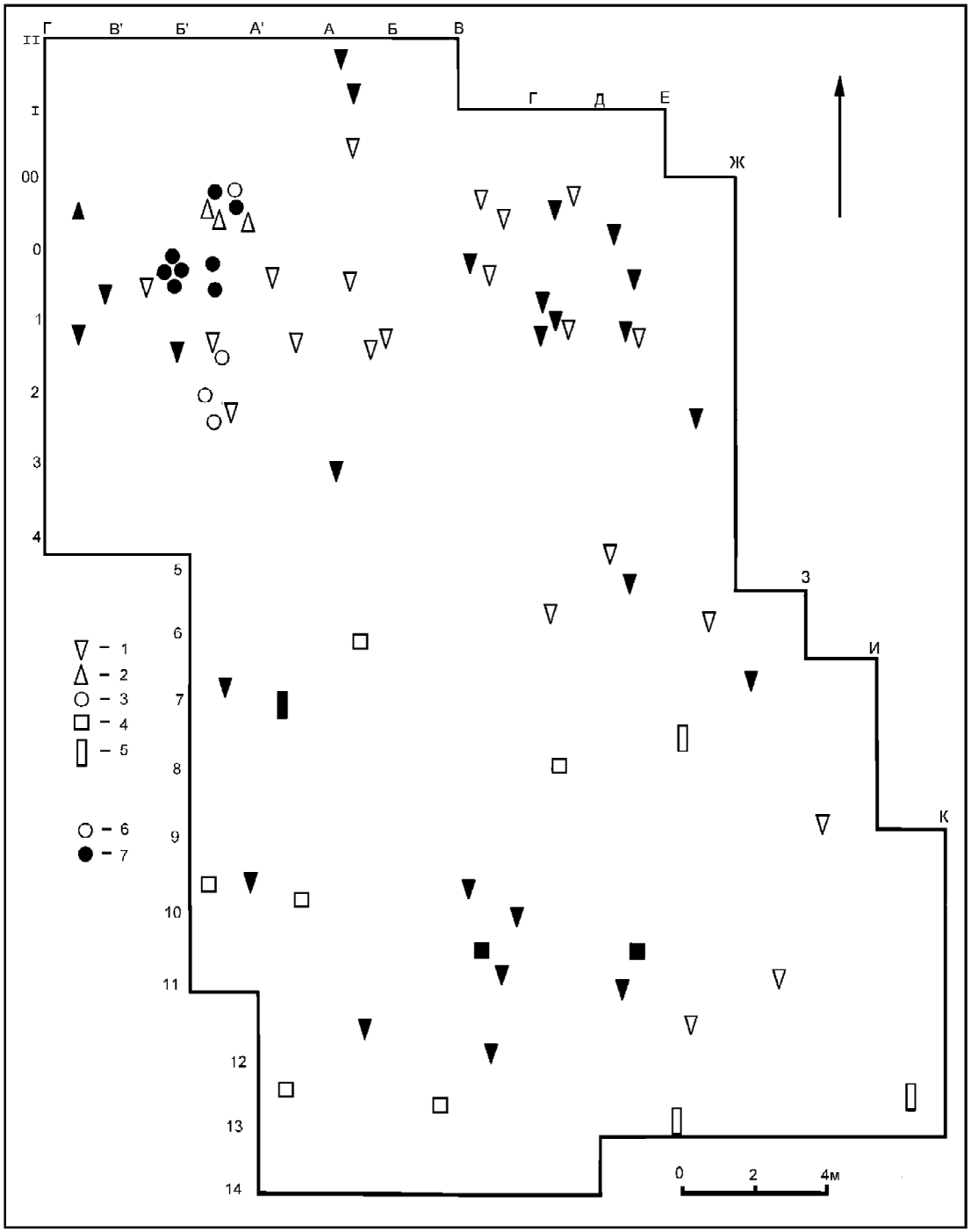

Рис. 8. Размещение находок керамики из культурного слоя на плане раскопа II. 1 — фрагменты лепной позднезарубинецкой керамики; 2 — фрагменты лепной керамики с красным ангобом; 3 — скопление лепных сосудов типа рис. 34:1-3,7; 4 — фрагменты гончарного красноангобированного кувшина; 5 — фрагменты красноглиняной амфоры; 6 — керамика из верхней части культурного слоя; 7 — керамика из нижней части культурного слоя.

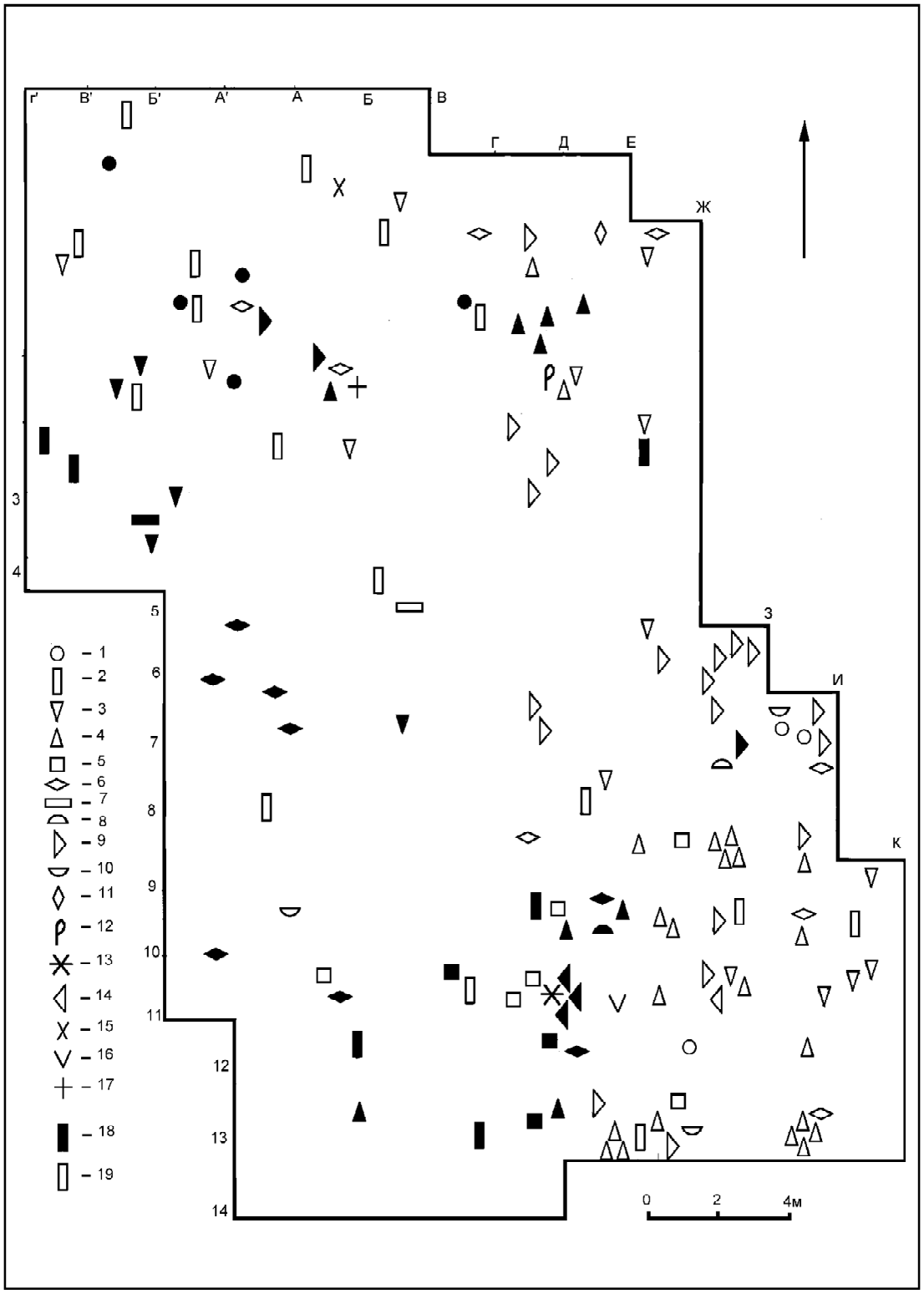

Рис. 9. Размещение индивидуальных находок из культурного слоя на плане раскопа II. 1 — фрагмент жернова; 2 — фрагмент точильного камня; 3 — железный предмет; 4 — железистый шлак; 5 — опока; 6 — глиняное биконическое пряслице; 7 — пряслице, выточенное из стенки чернолощеного сосуда; 8 — глиняное уплощенное пряслице; 9 — фрагмент ошлакованной керамики; 10 — фрагмент тигля; 11 — бронзовая поделка; 12 — фрагмент посоховидной булавки; 13 — место находки клада круга "древностей антов"; 14 — бляшка из оловянисто-свинцового сплава; 15 — бронзовый наконечник поясного ремня; 16 — стеклянная бусина; 17 — фрагмент глиняной орнаментированной поделки-диска; 18 — находка из нижней части культурного слоя; 19 — находка из верхней части культурного слоя.

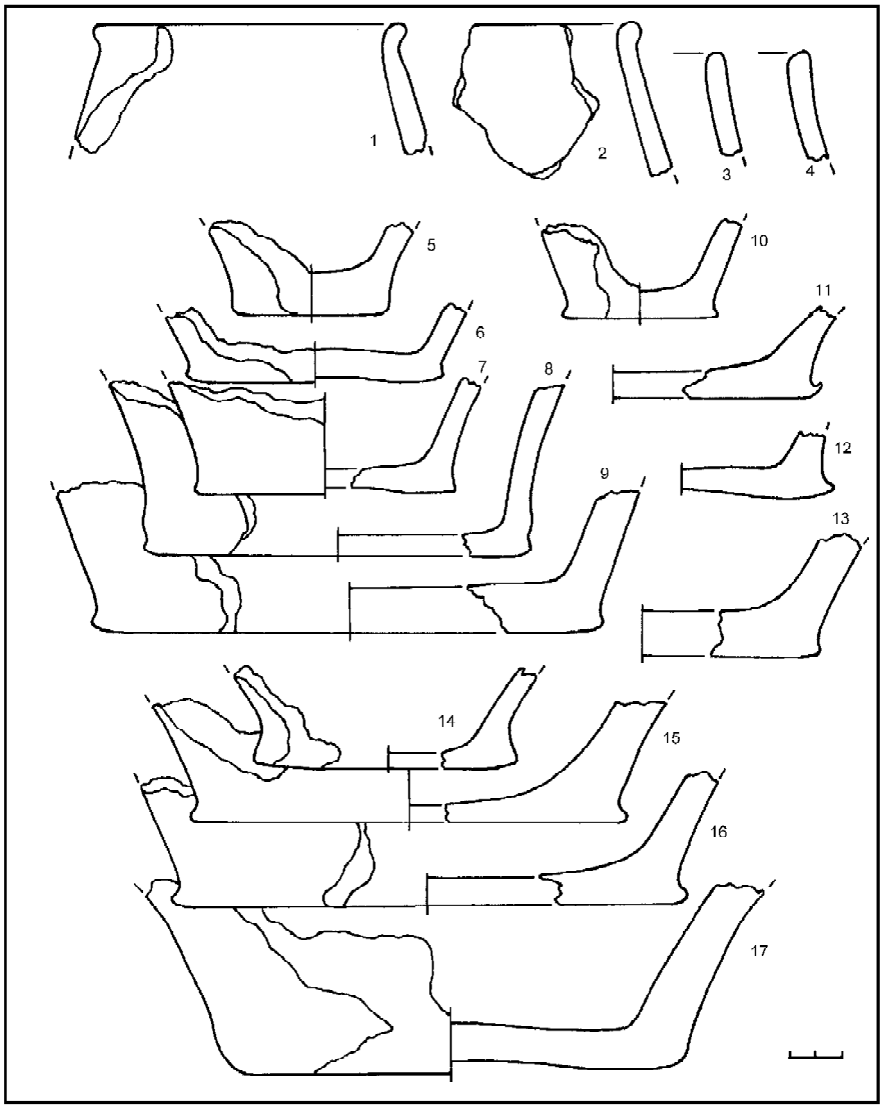

Рис. 10. Лепная керамика из заполнения котлована постройки 1 (14-17) и из нижней части культурного слоя раскопа I (1-13).

3). Их размеры примерно 15 × 20 мм. Лицевая поверхность также при отливке орнаментирована по краю городками и точкой в центре. Ушко находится с обратной стороны круглого выступа (22 экз.).

В принадлежности клада из Великих Будков ювелиру-литейщику убеждает прежде всего категориальный анализ его состава. Во-первых, ни в одном из известных нам кладов этого времени нет такой ярко выраженной сырьевой группы — металлических слитков — и тем более нет отходов литья. Во-вторых, большую его часть составляют сломанные в древности изделия, иногда на них видны следы ремонта (пальчатая фибула, браслеты); некоторые вещи при этом нарочито разрублены на куски или смяты (антропозооморфная фибула, шейная гривна, пластинчатое украшение), что вряд ли мог сделать носивший их человек. Очевидно, никакой ценности в качестве украшений эти изделия уже не имели и представляли интерес лишь для ремесленника-ювелира как металл, годный в переплавку. Интересно при этом, что предназначенные в переплавку вещи сделаны либо из низкопробного серебра, либо из латуни. В то же время готовая продукция отлита только из оловянисто-свинцового сплава; этот же сплав в основном (за исключением двух кусочков серебряного слитка) представлен и в сырьевой группе. В-третьих, по крайней мере часть готовых изделий — маленькие пальчатые фибулы — готовыми, по сути, еще не являются, так как у них отсутствуют пружины и иглы. Кроме того, из отверстий в стойках для крепления оси пружины не был извлечен железный стержень, поскольку там зафиксировано слишком много окиси железа. Затеки металла, оставшиеся после извлечения фибул из литейных форм, также не были удалены. В таком виде эти украшения, очевидно, попасть к потребителю не могли. Наконец, в-четвертых, среди нашивных бляшек присутствуют бракованные экземпляры: у некоторых из них нет отверстий в ушках для пришивания, другие имеют неправильные контуры вследствие смещения во время их отливки половинок каменных форм. Из всего сказанного

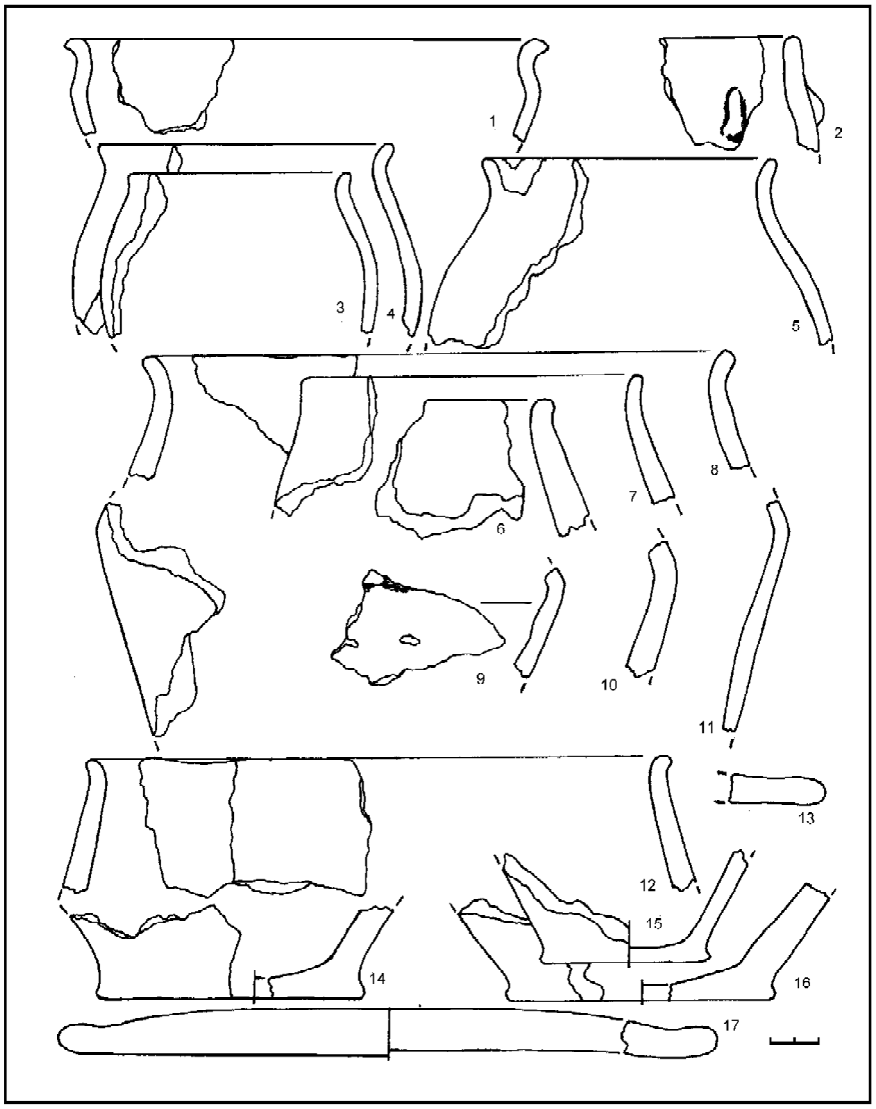

Рис. 11. Лепная керамика из заполнения котлована постройки 2 (1-8,10,11,13,15,16) и ям 17 (9) и 19А (12,14,17). 9 — лощеная.

следует сделать вывод, что владельцем рассматриваемого клада был, по-видимому, человек, занимавшийся изготовлением украшений.

Помимо клада, в пользу существования на поселении ювелирного и кузнечного ремесленного производства есть и другие свидетельства. Показательны в этом отношении находки опоки, которая благодаря своим природным качествам может использоваться как материал для изготовления каменных литейных форм. Возможно, именно как заготовку такой формы следует рассматривать кусок опоки с прочерченной трапециевидной фигурой — контуром будущего изделия (рис. 46: 5). Для плавки металла использовались керамические тигли (рис. 43: 19), фрагменты которых встречены в культурном слое поселения. Кроме того, среди всех материалов памятника необычно высока доля железистых шлаков и различных железных предметов. Эти находки, как и куски опоки и фрагменты тиглей, концентрировались в основном в юго-восточной части раскопа II (еще одна зона концентрации железистых шлаков расположена над котлованом постройки 7, а различных изделий из железа много найдено и в северо-западной части раскопа II)(рис. 9). Возможно, с производственным процессом была каким-то образом связана и вторично обожженная, а иногда даже ошлакованная керамика, подавляющее большинство фрагментов которой зафиксировано также в восточной и юго-восточной части раскопа II (рис. 9). Здесь же расположена и постройка 5 (рис. 6), на производственное назначение которой указывают ее неправильные контуры, наличие связанных с ней ям, перед одной из которых обнаружены остатки очага, и куски опоки в ее заполнении. В зоне концентрации остатков ремесленного производства выкопаны ямы 17, 19А, 20А, 36, первая из которых заполнена бурым железистым песком, во второй и третьей найдены железные шлаки, а в четвертой — кусок кричного железа. Неподалеку от постройки 5 был зарыт и клад (рис. 9). Все перечисленные факты указывают на то, что на рассматриваемом памятнике, вероятно, существует отдельный участок, связанный с литейным и

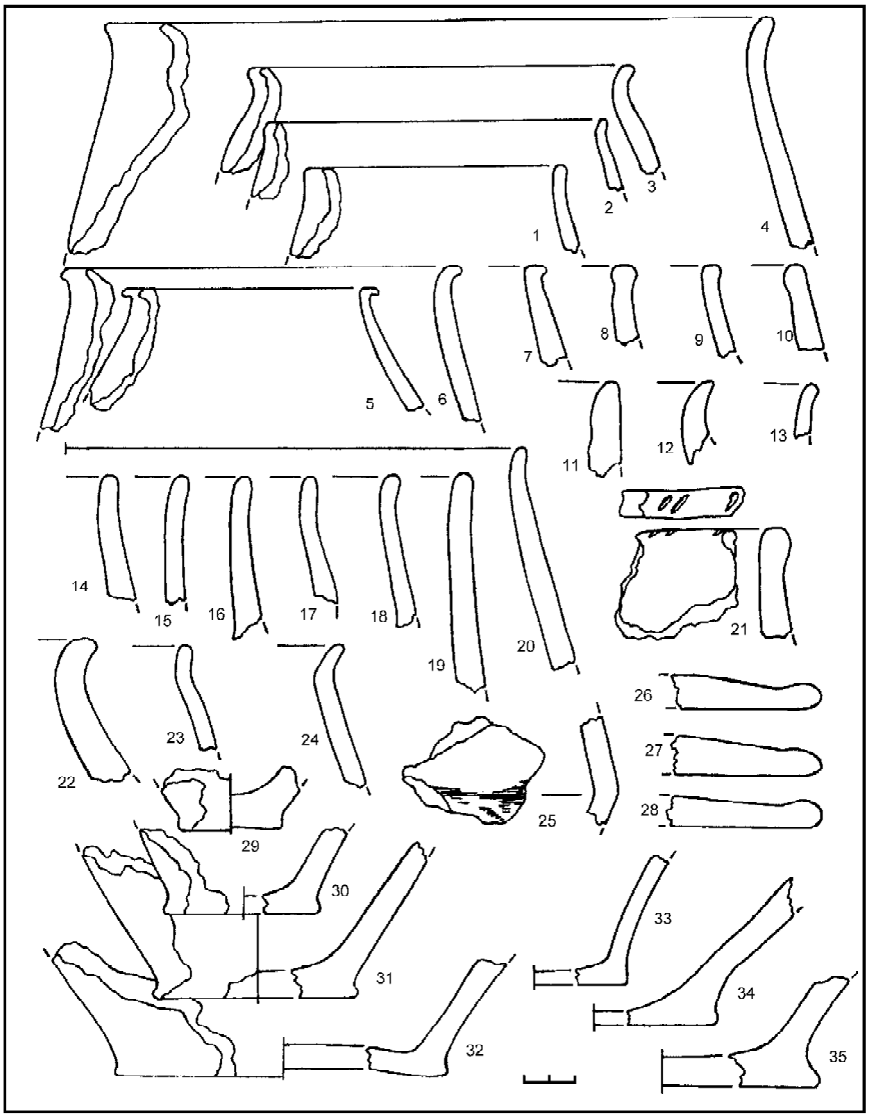

Рис. 12. Лепная керамика из верхней части заполнения постройки 2.

кузнечным ремеслом, который был частично исследован в ходе раскопок 1981-1982 гг.

Обратимся к вопросу о времени существования колочинского поселения в урочище «Хутор». Эта проблема интересна и достаточно неоднозначна и сама по себе, однако, поскольку данное поселение является одним из эталонных колочинских памятников, она приобретает определенное значение как при изучении собственно колочинской культуры, так и, в принципе, для раннеславянской археологии в целом. Поэтому решать ее необходимо на основе комплексного анализа всех доступных материалов.

Стратиграфические данные свидетельствуют, что на поселении было как минимум 2, а возможно, и 3 строительных горизонта раннесредневекового времени, так как в ряде случаев зафиксировано перекрывание одного строительного объекта другим. В частности, юго-восточный угол постройки 4 нарушен ямами неопределенного характера, ямы 13А и 13Б и 32А и 32Б перекрывают друг друга, яма 18 нарушает северную стенку постройки 2, яма 20А нарушает западную стену постройки 2 и яму 20Б, ямы 19А и 19Б перекрывают друг друга и нарушают южную стену постройки 2[1]. В последнем случае речь идет о возможном двойном перекрывании объектов. К сожалению, находки из перечисленных сооружений в общем маловыразительны, но некоторые выводы об относительной хронологии памятника на их основании все же сделать можно. По нашему мнению, к первому строительному периоду раннесредневекового времени относится жилище 2, яма 13А и, возможно, яма 20Б. Полуземлянка 2 и яма 13А сближаются по находкам фрагментов гончарной черняховской керамики. Яма 20Б не содержит находок, однако ее заполнение идентично заполнению постройки 2, в полу которой она открыта; не исключено, что она является одной из конст-

[1] Кроме того, юго-восточная часть постройки 7 нарушена ямой 31, однако в данной ситуации хозяйственная яма, датирующаяся по находкам лепной керамики третьей четвертью I тыс. н. э., впущена в заполнение полуземлянки, очевидно, позднезарубинецкого времени (см. приложение 2).

руктивных деталей данной постройки. В культурном слое непосредственно над жилищем 2 обнаружен клад круга «антских» кладов, следовательно, к моменту его сокрытия это жилище должно было быть давно заброшено, и его котлован успел заплыть. Выделенный таким образом начальный этап существования раннесредневекового поселения датируется уже упоминавшейся черняховской гончарной керамикой временем не позднее второй половины V в. Немногочисленные фрагменты аналогичных гончарных сосудов найдены и в культурном слое раскопов I и II. Исходя из этого, можно утверждать, что среди всех материалов поселения Великие Будки, в частности, среди керамики из культурного слоя, наличествует и комплекс находок V в.

По конструкции и характеру заполнения с постройкой 2 сближаются постройки 4 и 6. Все они имеют подпрямоугольную в плане форму, центральный опорный столб, в двух зафиксированы следы открытого очага (рис. 5; 6; 7). В заполнении каждой из них сделано сравнительно небольшое количество находок, поскольку эти полуземлянки в древности, очевидно, были заброшены. Однако структура керамического набора постройки 2 с одной стороны и построек 4 и 6 — с другой резко различна. Лепные сосуды из полуземлянки 2, как уже было отмечено, имеют аналогии на раннепеньковских (позднекиевских?) памятниках сейминско-донецкого междуречья. В постройках же 4 и 6 обнаружена характерная для колочинской культуры посуда, хотя и обладающая некоторыми специфическими чертами. В связи с этим неясно, можно ли объединять перечисленные сооружения в один строительный горизонт, так как до сих пор случаи сосуществования на одном памятнике в одно и то же время объектов с различной этнокультурной атрибуцией в раннеславянской археологии неизвестны. Возможно, между рассматриваемыми постройками все же был какой-то хронологический разрыв. Косвенно это подтверждается различным числом находок из верхних частей

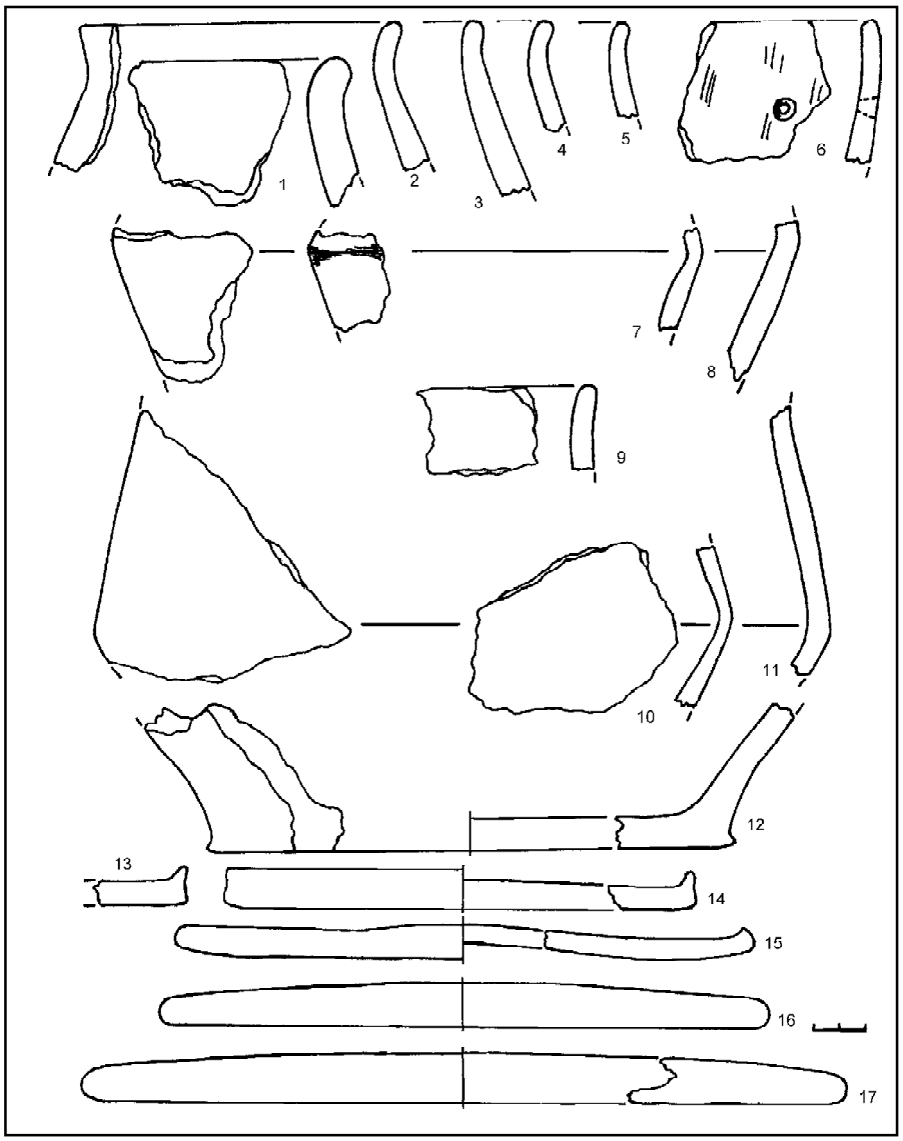

Рис. 13. Лепная керамика из верхней части заполнения постройки 2 (2-5, 7, 8, 11, 13-17) и верхней части заполнения ям 17, 18, 19А, 19Б (1, 6, 9, 10, 12). 7 — чернолощеная, 9 — лощеная.

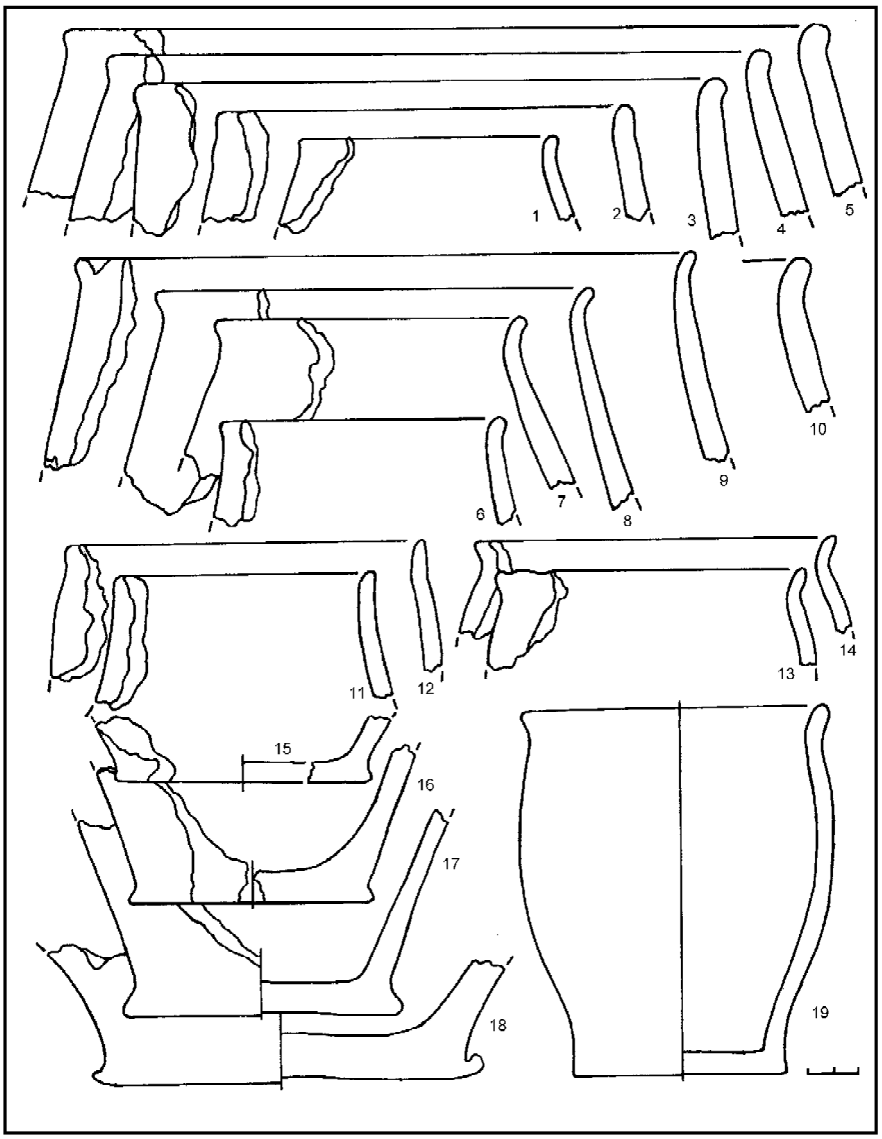

Рис. 14. Лепная керамика из заполнения котлована постройки 3.

их заполнения: полуземлянка 2 могла существовать в более раннее время, так как в верхней части ее заполнения, то есть, фактически, в западине, образовавшейся на ее месте после того, как постройка была заброшена, успело накопиться большее количество материалов, чем в западинах на месте полуземлянок 4 и 6. Однако это пока всего лишь предположение, большей частью интуитивное.

Ко второму, более позднему строительному горизонту раннесредневекового времени, вероятно, относится жилище 3 и ямы 19А, 19Б (?) и 20А. Постройка 3, хотя и сохранила подпрямоугольную форму, отличается от более ранних отсутствием ямы от центрального столба, а также тем, что в ней не зафиксированы следы отопительного сооружения. Все перечисленные объекты имеют темное гумусное заполнение с большой примесью сажи — очевидно, они погибли во время пожара. Этим объясняется значительное количество находок в постройке 3, откуда происходят не только отдельные фрагменты, но и целые развалы сосудов, причем некоторые из них были расположены в ряд вдоль одной из стен полуземлянки. Пожар мог послужить и причиной сокрытия клада. В этом случае с поздним строительным горизонтом памятника следует сближать в хронологическом отношении весь комплекс находок, связанных с ремесленным производством, а также постройку 5. В пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что основная масса отходов производственного процесса зафиксирована в слое, перекрывающем полуземлянки 2 и 6, а в ямах 19А и 20А обнаружены куски железных шлаков. Над постройкой 6 найдена также оловянисто-свинцовая бляшка, аналогичная бляшкам из состава клада (рис. 9).

Судя по материалам поселения, комплекс постройки 3 и примыкающих к ней в хронологическом отношении объектов является самым поздним, если не принимать во внимание находки XIX-XX вв. После пожара жизнь здесь, по-видимому, уже не возобновлялась. В этом случае

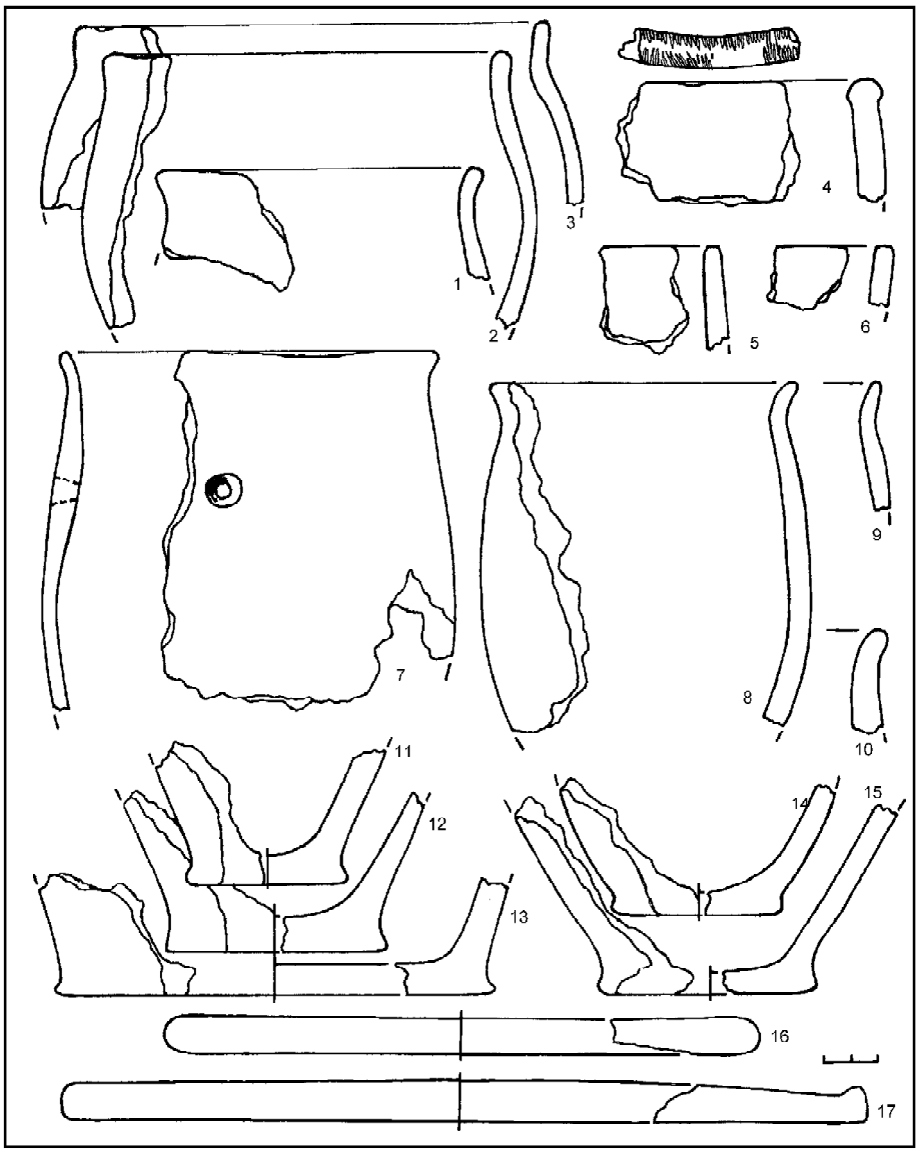

Рис. 15. Лепная керамика из заполнения котлована постройки 3.

клад маркирует финальную фазу существования памятника и является основным источником для определения ее абсолютных хронологических рамок. Рассмотрим его состав с точки зрения датирующих возможностей.

Близкие аналоги пальчатой фибуле (рис. 48: 1) ни в комплексах, ни среди случайных находок пока неизвестны. По материалу и некоторым особенностям стиля она сближается с так называемыми керченскими или боспорскими фибулами, изготовлявшимися в Крыму в VI — первой половине VII вв. по более ранним дунайским образцам (Амброз 1971: 104, 106; Айбабин 1990: 20, 21). Определенное сходство с рассматриваемым экземпляром прослеживается и у ряда изделий из Среднего Поднепровья, которые, хотя изготовлены достаточно небрежно и, как правило, из бронзы, несут на себе влияние южных, крымских или дунайских традиций (Корзухина 1974: табл. 75: 1-3,12; 77: 3). Техника же отливки и орнаментации фибулы из Великих Будков достаточно высока, что роднит ее не с поднепровскими, а, скорее, с крымскими или даже дунайскими украшениями, поэтому нельзя исключать возможность ее изготовления в подунайских мастерских. Однако сузить определяемую на основе широких аналогий датировку этой вещи — VI — VII вв. — на современном уровне знаний не представляется возможным, для этого требуется дальнейшее изучение данной категории украшений.

Фрагмент антропозооморфной фибулы (рис. 48: 2) слишком мал для того, чтобы на его основании давать полную типологическую и хронологическую характеристику изделия. Но, насколько можно судить, ближайшей аналогией рассматриваемой вещи является пара антропозооморфных фибул из Мартыновского клада, поэтому все дальнейшие построения и выводы основываются в значительной степени именно на этом факте. Таким образом, антропозооморфная фибула из Великобудковского клада от-

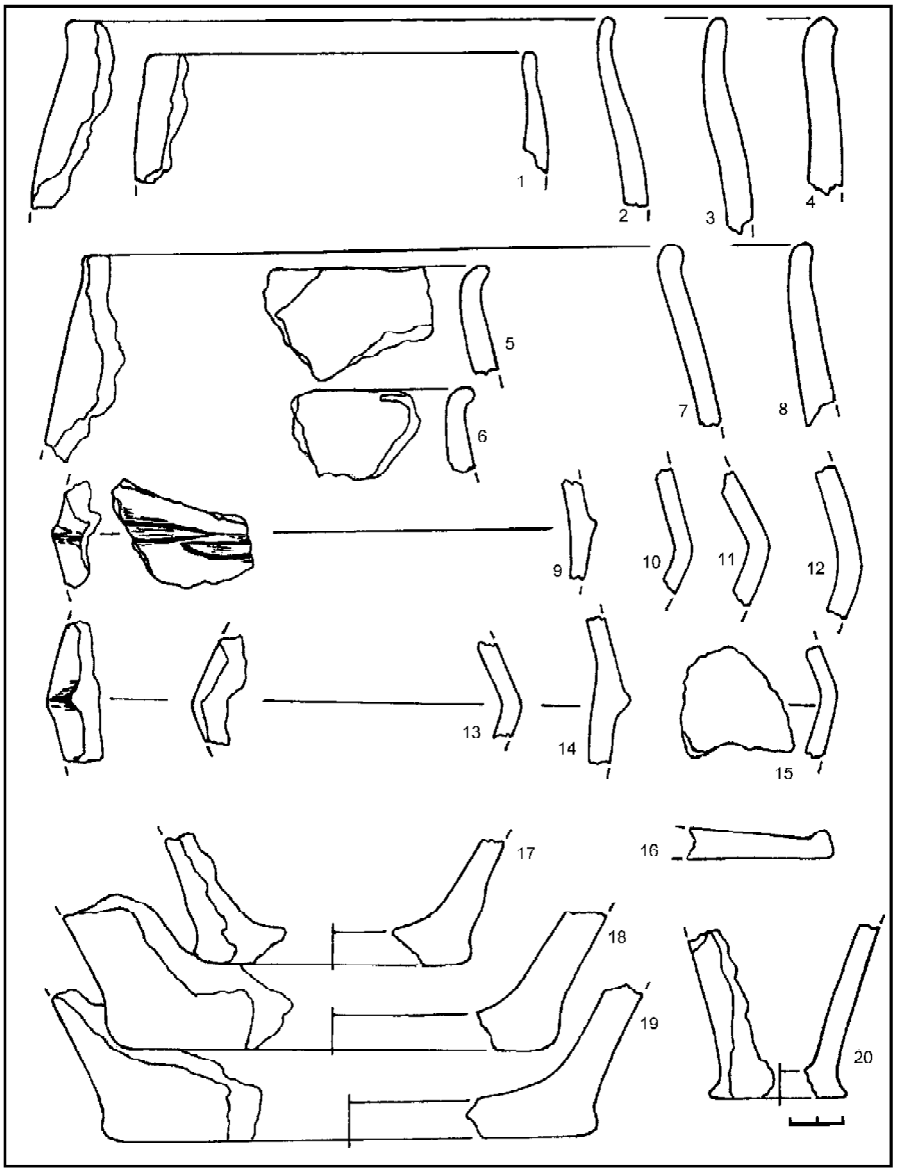

Рис. 16. Лепная керамика из заполнения котлована постройки 3.

носится, вероятно, к типу IIIa по А.К.Амброзу (Амброз 1993: рис. 3). Помимо Мартыновки, близкие, хотя и несколько иного типа, изделия, известны в кладах из Козиевки (Корзухина 1074: табл. 8: 1,2; 47: 5,6) и Трубчевска. Все эти комплексы являются «антскими» кладами I группы, вещи из состава которых бытовали в Поднепровье во второй — третьей четвертях VII в. (Щеглова 1990: 179 и сл.; Гавритухин 1996б: 89-95). Погребения с антропозооморфными фибулами днепровского типа из Крымских могильников исследователи до недавнего времени относили ко второй половине VII в. (Амброз 1971: 114, 116), а иногда и ко всему VII в. (Айбабин 1990: 26). Однако последние, достаточно, на наш взгляд, аргументированные хронологические разработки позволяют утверждать, что на Крымском полуострове эти украшения появились после начала VII в. и продолжали бытовать до его середины или несколько позднее (Гавритухин 1996б: 63-69). Кроме того, для антропозооморфных фибул близких к рассматриваемому экземпляру типов характерен довольно ограниченный набор декоративных элементов и приемов, что также указывает на их существование компактной хронологической группой в течение сравнительно узкого отрезка времени.

Фрагмент шейной гривны (рис. 48: 6), как и обломок пальчатой фибулы, точных аналогий не имеет. Несколько напоминает эту вещь случайно найденная близ Канева гривна с таким же крючком и орнаментированным расширением на конце, но изготовленная из медного прута, обтянутого тонкой серебряной пластиной, украшенной кружками и треугольниками (Корзухина 1974: табл. 2: 3). Близка нашему экземпляру и находка из погребения в кургане 6 в Таурапилисе, которое датируется концом V — VI вв. (Казакявичюс 1982: 76, рис. 3). Несколько более отдаленные аналогии рассматриваемому украшению известны в Подунавье, в комплексах из Чадьявиц, Залесья, Земянского Врбовка (Fettich

1951: tabl. XII: Iв,VIII.1 и 2; Svoboda 1953: fig. 3). При этом гривна из Чадьявиц сходна с великобудковской по технике изготовления и способу орнаментации прута, остальные же имеют полое тело и застежку, хотя и пластинчатую, но без расширения со стороны крючка. С дунайскими изделиями сближают данную вещь четкость и чистота ее выделки, тонкость и аккуратность гравировки, крестообразные орнаментальные мотивы. Однако на основании всего изложенного датировать гривну из Великобудковского клада мы можем лишь предположительно: возможно, она была изготовлена в первой половине VII в.

Большое пластинчатое украшение (рис. 49) в течение долгого времени являлось уникальным, и лишь недавно близкие ему вещи были найдены в составе инвентаря погребения у д. Мохнач в Харьковской обл. (Аксенов, Бабенко 1998: 117, рис. 4: 1-3). Пластины из Мохнача орнаментированы зигзагообразной гравировкой и выпуклыми кружками, как рассматриваемый экземпляр, хотя и беднее. Сходство орнаментальных стилей и формы этих изделий указывает, возможно, на их принадлежность к одному кругу и на одинаковое функциональное назначение. Датировать их следует исходя из того, что в Мохначе такие пластины были найдены в сопровождении больших пальчатых фибул днепровских типов, широкопластинчатой подвязной шарнирной фибулы, односпиральных височных колец, литых браслетов с расширенными орнаментированными концами, шейных гривен, трапециевидных подвесок, колокольчиков и т. д. — то есть вещей, входящих в состав «антских» кладов I группы и относящихся ко времени не позднее второй — третьей четвертей VII в. Вообще следует отметить, что орна-

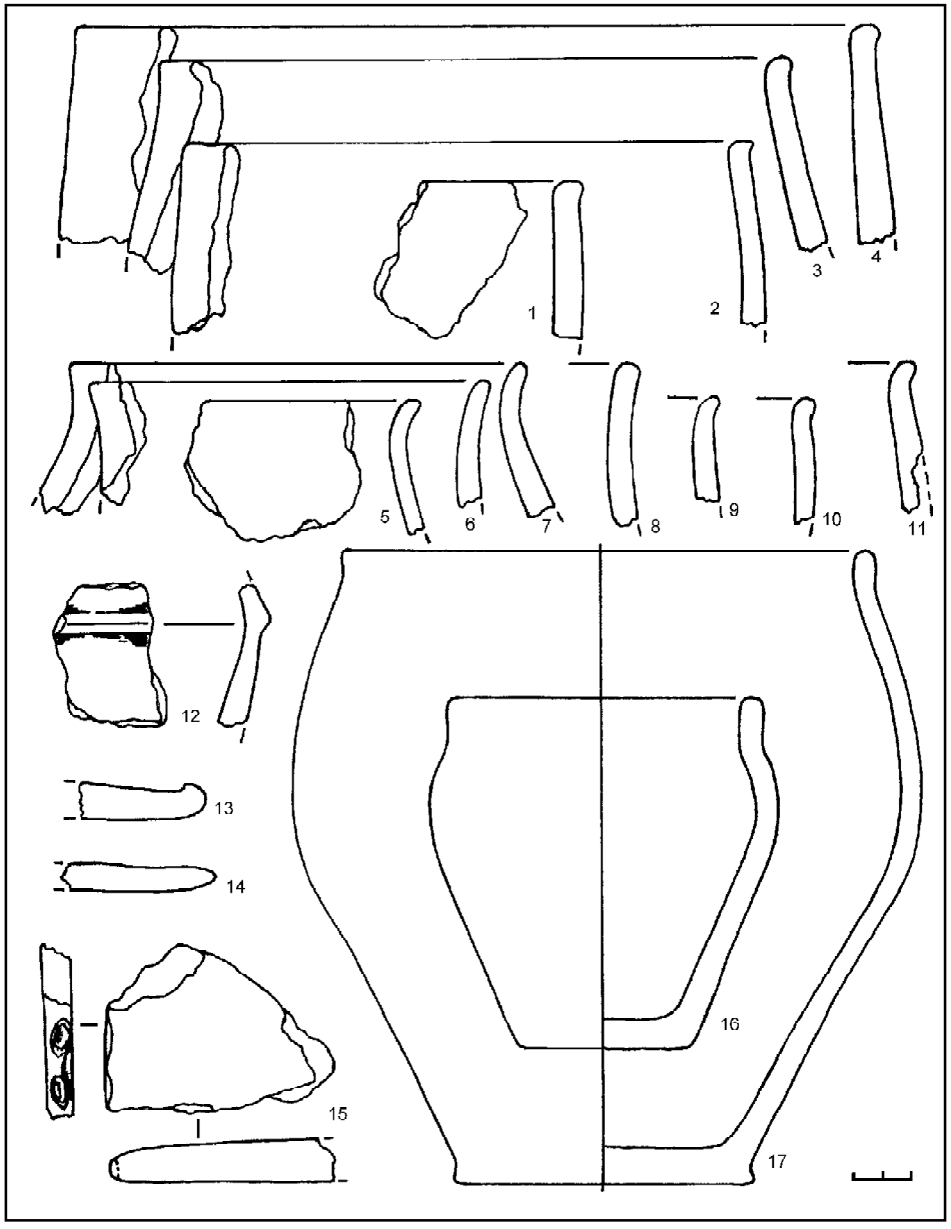

Рис. 17. Лепная керамика из верхней части заполнения постройки 3.

мент, аналогичный орнаменту на интересующих нас изделиях, весьма часто встречается на трапециевидных подвесках и других пластинчатых украшениях в ареале вещей круга «древностей антов» (Корзухина 1974: табл. 52: 1,2; 56: 12,13; 59: 5,6;100: 7,8,14). В целом же он известен начиная с IV и заканчивая VIII-IX вв. (Szabo 1939: 101, tabl. 1; Mitrea, Preda 1966: 306, fig. 158: 7; Генинг 1962: 35-44, табл. II: 10а,11а,б).

Мода на цельнолитые браслеты с расширенными округлыми гладкими или орнаментированными концами (рис. 48: 3,4) в раннесредневековое время распространилась на огромной территории от Дуная до бассейна Дона и Прибалтики. В основном их датируют VI-VII вв., хотя некоторые разновидности подобных изделий существовали уже в V в. (Горюнова 1992: 128, там прочая литература). Неразработанность типологических и хронологических схем этой категории украшений не позволяет пока сузить и предполагаемую дату браслетов из Великих Будков. Достаточно уверенно мы можем определить только верхнюю границу существования таких вещей в Поднепровье. Цельнолитые браслеты с расширенными орнаментированными или гладкими концами обычны в днепровских кладах I группы (Корзухина 1974: табл. 14: 2,3; 29: 3; 38: 1,2; 99: 8,9). Украшения, в том числе и браслеты, последующей эпохи здесь выполнены уже в другом стиле, с применением другой технологии, и отражают, очевидно, вкусы и запросы другой, новой группы населения. Таким образом бытование рассматриваемых изделий в Днепровском бассейне прекращается на позднее третьей четверти VII в.

Если предыдущую пару изделий с конкретным этносом или культурной средой связать крайне трудно, то браслет с расширенными гра-

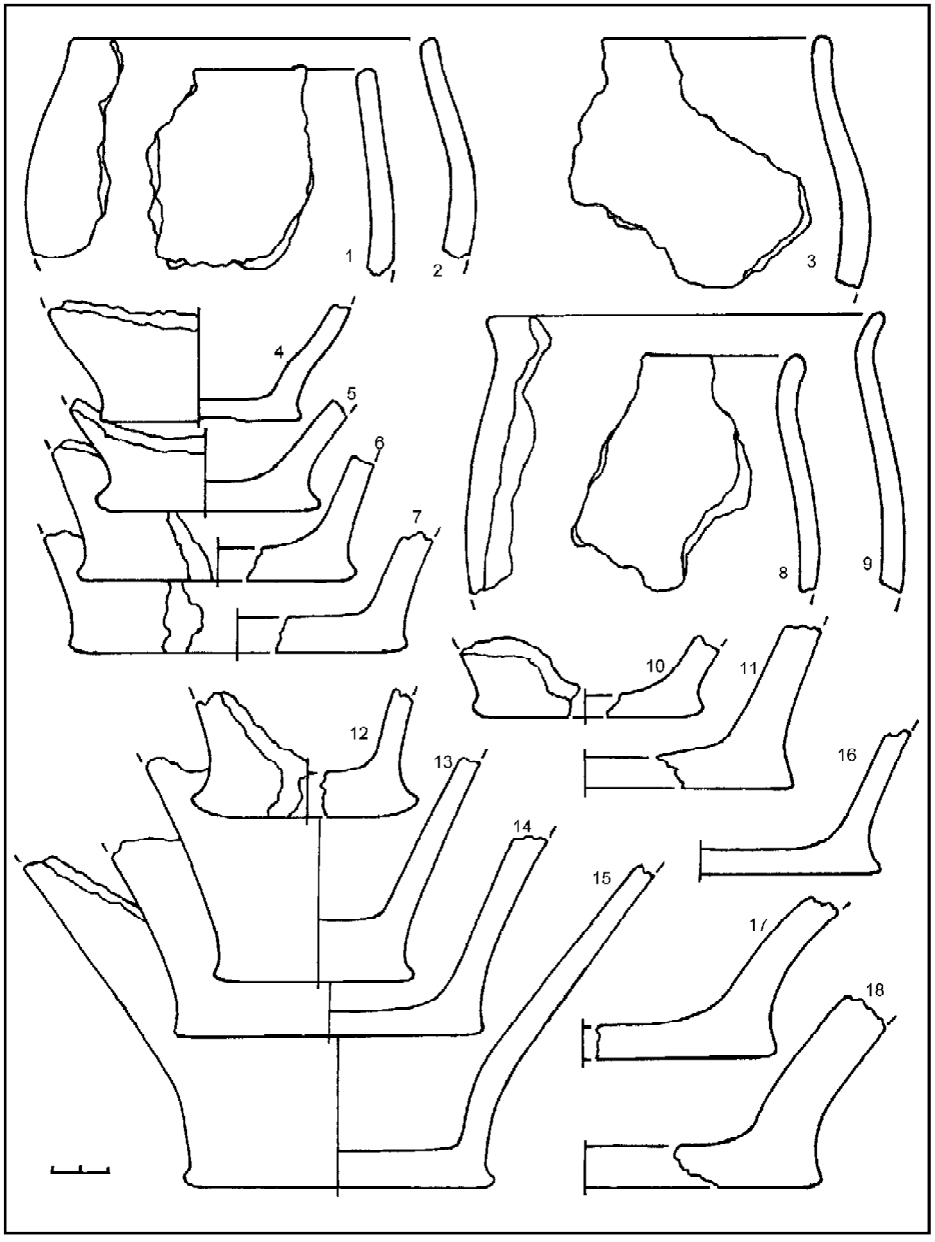

Рис. 18. Лепная керамика из верхней части заполнения постройки 3.

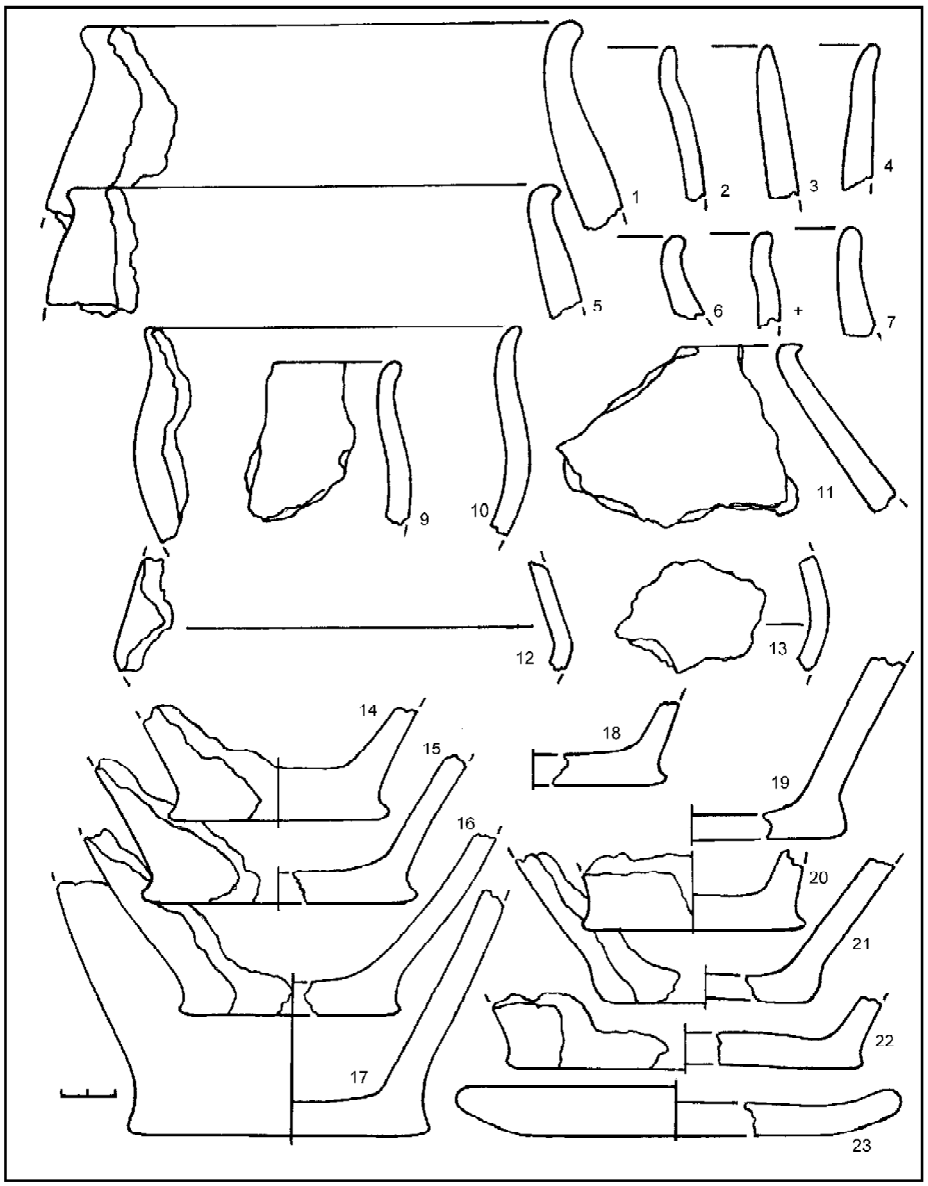

Рис. 19. Лепная керамика из верхней части заполнения постройки 3. 12 — лощеная.

неными орнаментированными концами (рис. 48: 7) относится к типично прибалтийскому виду украшений (Urtan 1977: 138-142, att. 45: 7,11). Кроме Прибалтики, аналогичные вещи известны в Мартыновском и Козиевском кладах третьей четверти VII в. и на городище Зимно VI-VII вв. (Корзухина 1974: табл. 15: 3; 49: 17; Ауліх 1972: 67, табл. XIII: 1,3,4,12).

Широко датируются и пряжки со щитовидными расширениями у основания язычков, аналогичными язычку из состава клада (рис. 48: 8). В Восточной Европе такие пряжки известны в погребениях восточнолитовских и длинных курганов (Аун 1979: 371, рис. 6; Таутавичюс 1966: 189, рис. 1: 7; Седов 1974: 35, табл. 24: 2; Седов 1982: 52, табл. XVIII: 18; XIX: 21,24) и среди пражских материалов городища Зимно (Ауліх 1972: 61, 62, табл. XI: 12). Некоторые из В-образных рифленых пряжек, найденных в Прибалтике — из Линдоры, Курова, Рекучяя, Памусиса — также имеют на основании язычков массивное щитовидное расширение (Бажан, Каргапольцев 1989: 29, рис. 2: 30,31,33,40). На основании приведенных аналогий начало использования подобных украшений по восточноевропейским материалам можно датировать V в, а конец — VII или даже VIII вв., и оснований для сужения этого хронологического отрезка в отношении интересующего нас экземпляра пока не имеется.

Мелкие нашивные бляшки (рис. 47: 3-12) важны в первую очередь не как хронологические индикаторы (такие же и близкие изделия существуют в различных культурных средах в течение почти тысячи лет), а скорее как свидетельство мощного субстратного воздействия на целый пласт лесных и лесостепных культур Восточной и Северной Европы (Горюнова 1987; Горюнова 1992: 130, 131).

Маленькие пальчатые фибулы (рис. 47: 1,2) являются довольно редкими находками на Ле-

вобережье Днепра, а в составе комплекса, клада, они вообще встречены здесь впервые. Застежки такой разновидности исследователи относят к группе мазуро-германских (Kuhn 1956), малых пальчатых фибул (Корзухина 1974: 321-354), к типу Марош-Гымбаш-Пергамон (Werner 1950) или к группе пост-восточногерманских пальчатых, варианту Ваплево (Гавритухин 1991б: 133, 134, табл. II: 8). На уровне варианта аналогии находкам из Великих Будков происходят из случайного погребения в Сакуэни (Румыния), а также из погребения 22 в Ваплево и 13, 68, 74 — в Келларах (Мазурия) (Kuhn 1956: tabl. XXII: 14,22; XXIII: 27,34). На уровне же типа они известны и в Подунавье, и в Мазурском поозерье, и в бассейне Днестра, то есть практически на всей территории распространения этой категории украшений. Изучение хронологии дунайских, мазурских, крымских, а также пражских древностей Поднестровья позволяет ограничивать время существования малых пальчатых фибул в целом VII в., причем зачастую исключая его начало (Родинкова 1996: 127, там прочая литература). Однако, судя по последним данным, бытование таких изделий в Крыму и, вероятно, в Поднепровье, продолжалось и в более позднее время. На это указывает находка обломка малой пальчатой фибулы в склепе 279 в Скалистом вместе с фрагментом пряжки типа Коринф и с цельнолитой пряжкой с фигурным, украшенным перекрещивающимися линиями, щитком, которые были в употреблении на Крымском полуострове, по-видимому, в первой половине VIII в. (Веймарн, Айбабин 1993: 51-53, рис. 31: 28,33; 34: 12; Айбабин 1990: 45, рис. 2; 20: 5; Амброз 1971: 116). Кроме того, две маленькие пальчатые фибулы происходят из комплексов построек Пастырского городища (Приходнюк 1994: 64, рис. 1: 1; Приходнюк, Вакуленко 1998: 134, рис. 4: 2). Данное городище — сложный социокультурный феномен, и пока, до полной публикации всех материалов, мно-

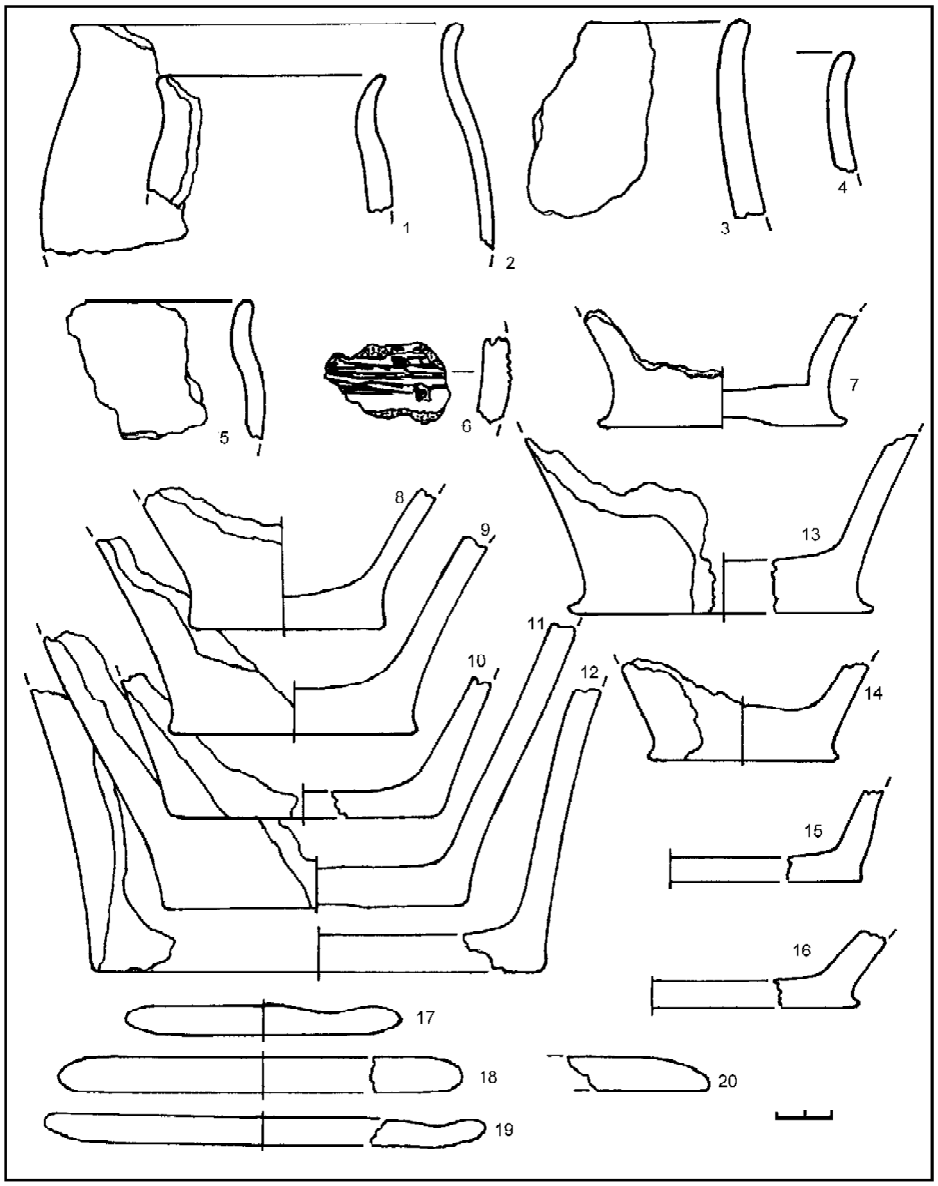

Рис. 20. Лепная керамика из заполнения котлована постройки 4 (1, 2, 4-6, 8, 11, 12, 15-20) и из верхней части заполнения постройки 4 (3, 7, 9, 10, 13, 14).

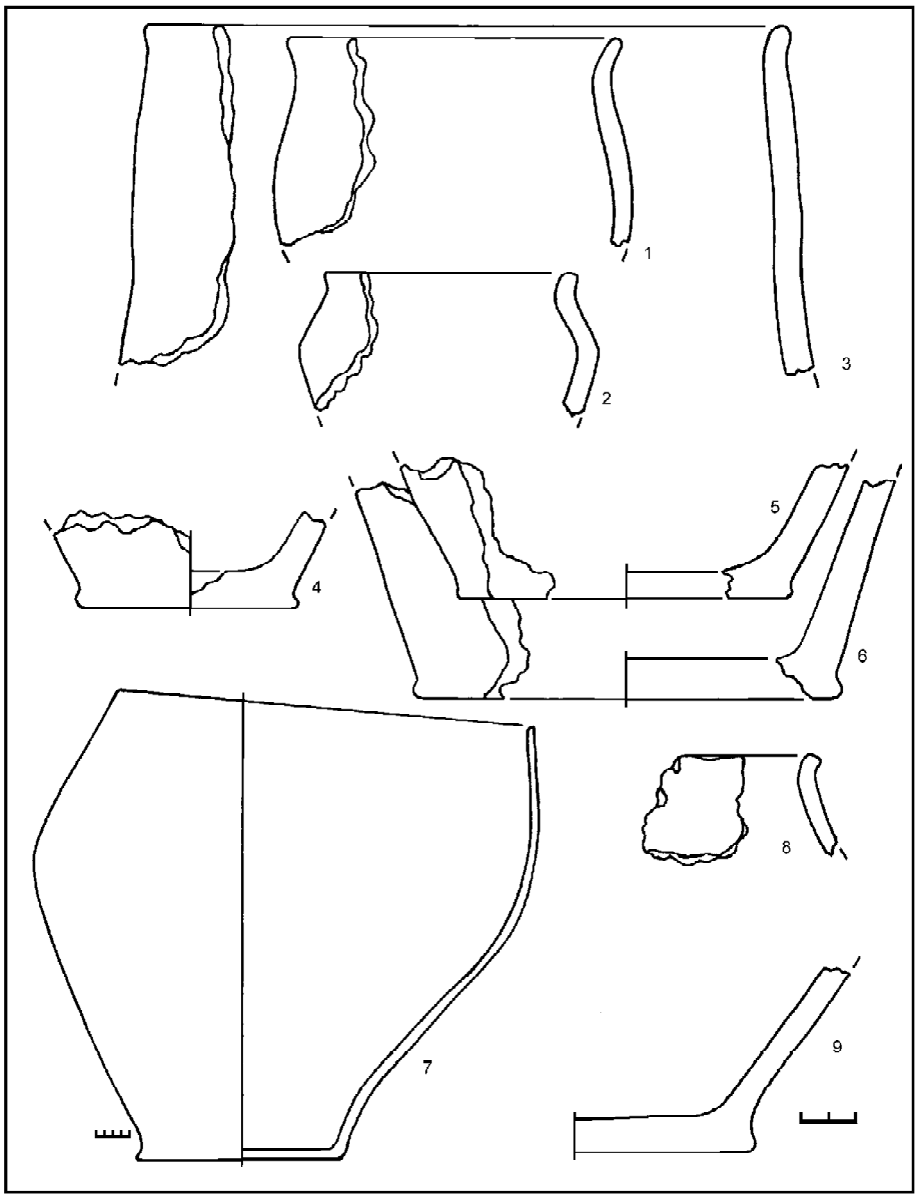

Рис. 21. Лепная керамика из верхней части заполнения постройки 4 (1-6) и из нижней части культурного слоя раскопа II (7-9).

гие вопросы его возникновения, функционирования и гибели остаются невыясненными. Несомненно одно: основной период существования этого памятника приходится на время после выпадения «антских» кладов I группы и датируется концом VII-первой половиной VIII вв. (Приходнюк 1998: 18). Учитывая изложенные факты, а также крайнюю степень деградации пары великобудковских застежек, время их изготовления мы относим к рубежу VII-VIII — началу VIII в.

Остальные предметы из этого комплекса — оковка, оловянисто-свинцовые и серебряные пластинки, сплески, фрагменты слитков — не несут в себе информации хронологического характера и уточнить даты рассмотренных выше вещей не могут.

Рассмотрев таким образом состав открытого на поселении Великие Будки клада, можно прийти к двум основным выводам.

Первое. Исследуемый комплекс представляет собой сокровище с весьма длительным периодом накопления. Некоторые из его вещей датируются VI-VII или даже V-VII вв., время существования других определяется более узко и укладывается в рамки второй половины VI-первой половины VII в. Заключительный этап накопления клада и время его сокрытия фиксируется малыми пальчатыми фибулами — наиболее поздними изделиями из его состава — и приходится, вероятно, на рубеж VII-VIII — начало VIII в.

Второе. Клад из Великих Будков обнаруживает сходство с так называемыми кладами «древностей антов» лишь в отношении категориального состава: и в первом, и во вторых присутствуют пальчатые и антропозооморфные фибулы, шейные гривны, браслеты с расширенными концами, пластинчатые украшения, мелкие нашивные бляшки. Однако при более детальном рассмотрении оказывается, что среди «антских» вещей близкие аналогии имеются

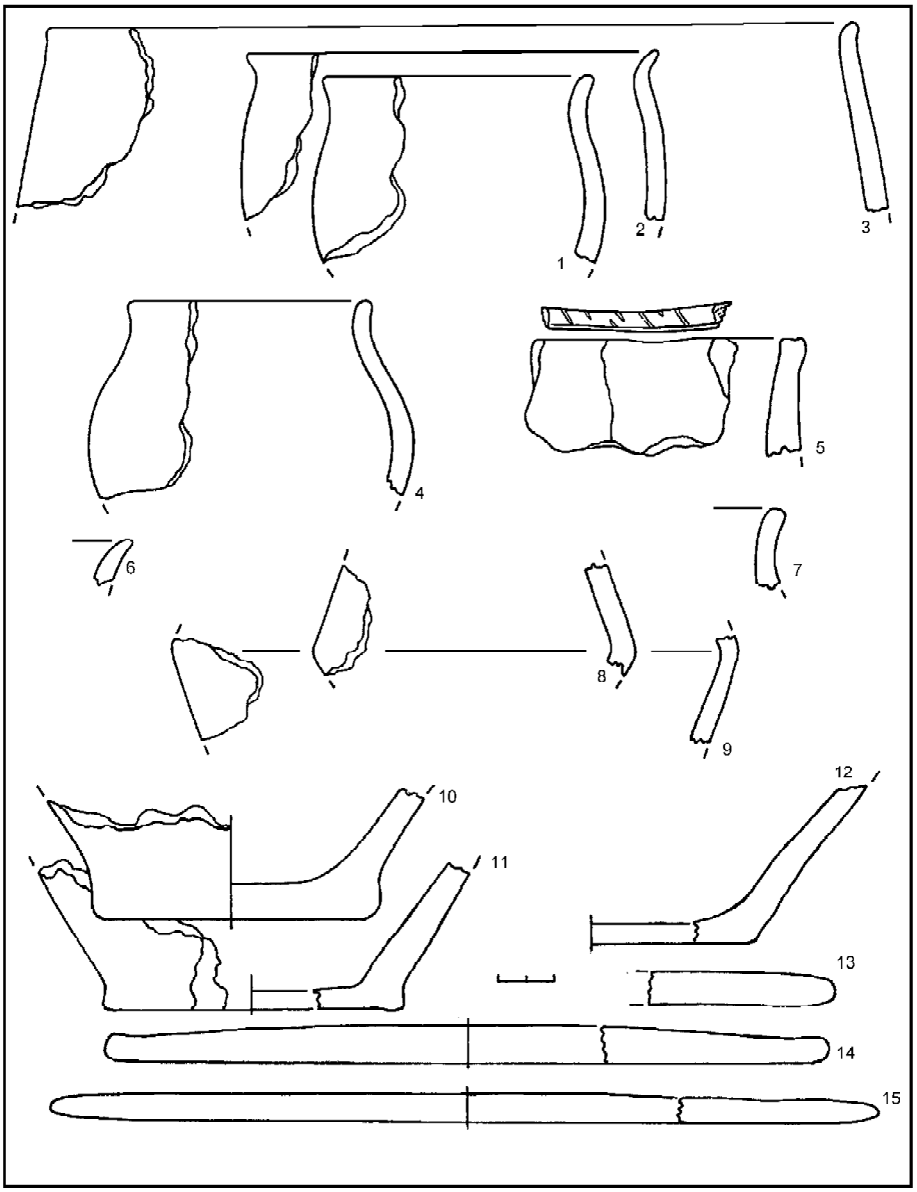

Рис. 22. Лепная керамика из заполнения котлованов построек 5 (2,11-13) и 6 (1,3-10,14,15).

лишь фрагментам антропозооморфной фибулы, браслета с расширенными округлыми и, отчасти, граненными концами, а также нашивным бляшкам. Другие вещи — обломки большой пальчатой фибулы, шейной гривны, орнаментированной пластины, язычок от пряжки, маленькие пальчатые фибулы — уникальны и тяготеют не к поднепровским, а, скорее, к дунайским или прибалтийским ремесленным центрам. В то же время само выделение «антских» кладов стало возможным именно из-за стандартности, унифицированности содержащегося в них набора вещей, для которого характерны определенные, днепровские типы пальчатых фибул, пряжек, гривен и т. д. Кроме того, обособленное место по отношению к другим комплексам круга «древностей антов» великобудковский клад занимает и благодаря своей датировке; очевидно, он был зарыт во временном промежутке между кладами I и II групп, выпавшими, соответственно, примерно в третьей четверти VII в. и около середины VIII в. (Щеглова 1990: 182). Исходя из вышеизложенных соображений, мы считаем возможным соотносить клад из Великих Будков с кругом «антских» древностей лишь условно, определяя его как сокровище особого рода, весьма неоднозначное и неоднородное по своему составу.

Вернемся, однако, к рассмотрению вопроса о хронологии поселения в целом. Как было отмечено выше, клад маркирует последний период существования памятника, вернее, момент его гибели, который таким образом можно отнести к рубежу VII-VIII — началу VIII в. Эту дату подтверждают и другие источники, в первую очередь фрагменты гончарного кувшина или кувшинов (приложение 1, рис. 8; 43: 9,10), обнаруженные в основном в верхней части культурного слоя в центральной и южной частях раскопа II. По мнению А.Л.Якобсона, которому мы весьма признательны за консультацию, этот сосуд имеет южное, скорее всего кочевое, про-

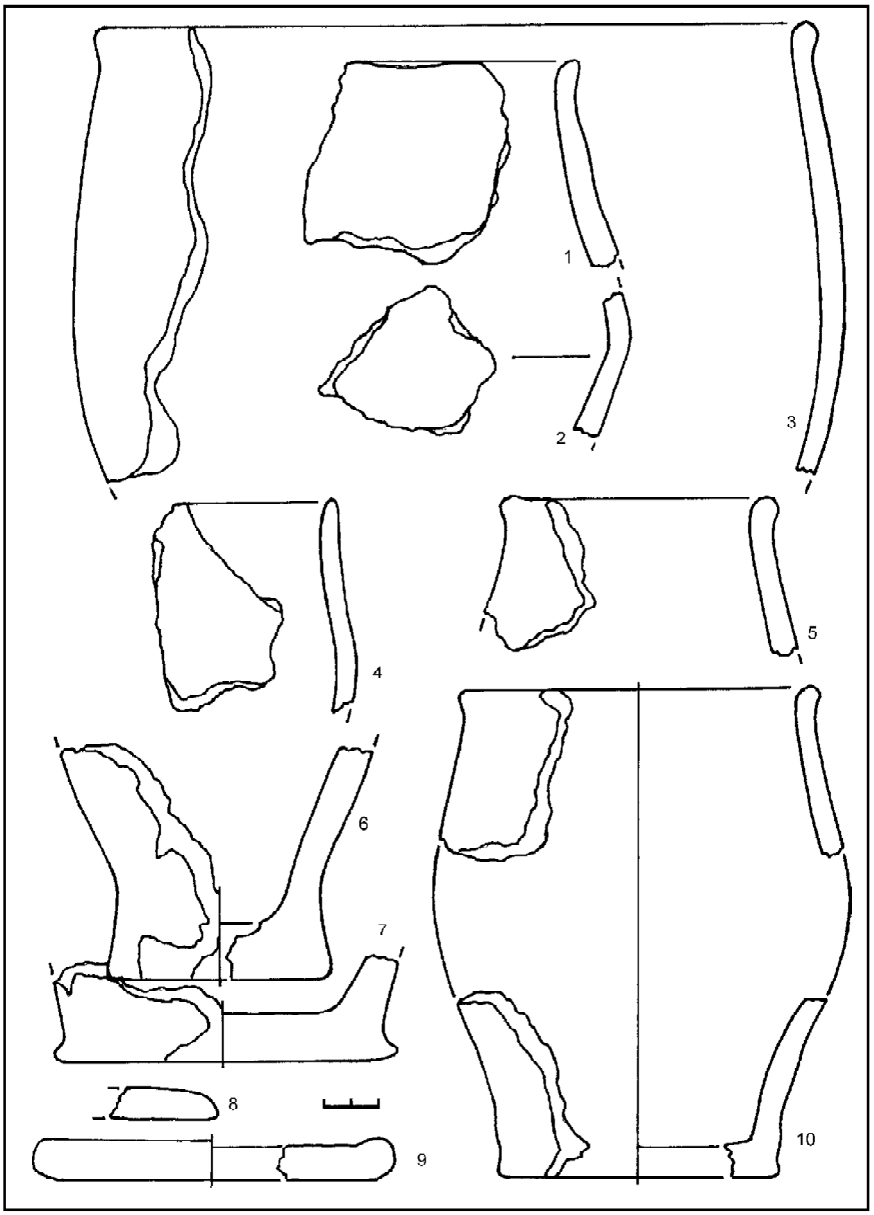

Рис. 23. Лепная керамика из ямы 4 (1-3,10), ямы 1 (4-7) и "очажка" (8,9).

исхождение и был изготовлен не ранее VIII в.

Обломок ременного наконечника (рис. 45: 2) входит в состав группы прорезных наконечников с прямыми или слегка прогнутыми боками. Судя по данным, которыми мы располагаем, близких аналогов этому экземпляру среди поднепровских, весьма, впрочем, разнородных, изделий нет. По форме прорези наиболее сходны с великобудковским, пожалуй, лишь наконечники «круга влияния византийской культуры на Балканах и в Италии» из Чивидале Челла и Арчисы (Гавритухин 1996а: 32, рис. 46: 41,42). Датировать наконечник из Великих Будков, очевидно, на тех же основаниях, что и детали ременных гарнитур, входящие в днепровские клады I группы, следует второй-третьей четвертями VII в. (Гавритухин 1996б: 92-95; Родинкова 1996: 126). Отметим, что такая дата не противоречит установленным для всего колочинского поселения хронологическим рамкам.

Бусина, изготовленная из непрозрачного черного стекла (рис. 45: 3), встречает определенные аналогии среди находок из раннесредневековых комплексов Центральной Европы, Подунавья, Ближнего Востока[2]. Однако специфика данной категории изделий такова, что датирующими возможностями обладают только наборы бус, единичные же типы существуют обычно в течение сравнительно широких отрезков времени и для хронологических уточнений практически непригодны. В связи с этим и экземпляр из Великих Будков в качестве хронологического индикатора использован пока быть не может.

К сожалению, и остальные «индивидуальные» находки, сделанные на поселении, мало что могут прибавить к предложенным выводам о датировке памятника. Обломку железного из-

[2] Пользуясь случаем, выражаем искреннюю благодарность А.В.Мастыковой за консультацию и помощь в работе.

делия в форме подковы (рис. 45: 4) точных соответствий подобрать не удалось, что затрудняет его культурное и хронологическое определение. Язычок пряжки (рис. 45: 1) также не имеет признаков, позволяющих более или менее точно его атрибутировать. Фрагменты амфор (типа рис. 43: 15) принадлежат непрофилированным частям и, как правило, имеют поврежденную поверхность, поэтому на данном этапе исследования от попытки соотнести их с имеющимися в этой области типологическими и хронологическими разработками приходится отказаться. Железные ножи, шилья, другие бытовые предметы практически одних и тех же типов встречаются среди материалов многих восточноевропейских культур как в римское, так и в средневековое время. Эти изделия дают возможность не выделять, а, скорее, объединять отдельные культуры и их локальные варианты в единые археологические общности и культурно-исторические этапы. Они так же, как керамический комплекс и особенности домостроительства, свидетельствуют о принадлежности исследуемого поселения к раннесредневековым памятникам восточных славян.

Проанализировав коллекцию поселения Великие Будки (Хутор), мы можем подвести итоги и выдвинуть некоторые гипотезы. Круг проблем, на которые выводит нас материал данного памятника, весьма широк. Среди прочих здесь и вопрос об уровне развития у раннесредневековых славян ювелирного, кузнечного и других видов ремесел, и проблема культурных связей колочинских племен с другими, как славянскими, так и неславянскими этническими группировками, и попытки выделить заключительный этап и определить верхнюю хронологическую границу существования колочинской культуры. Необходимо указать, что среди всех находок с рассматриваемого поселения присутствуют и ма-

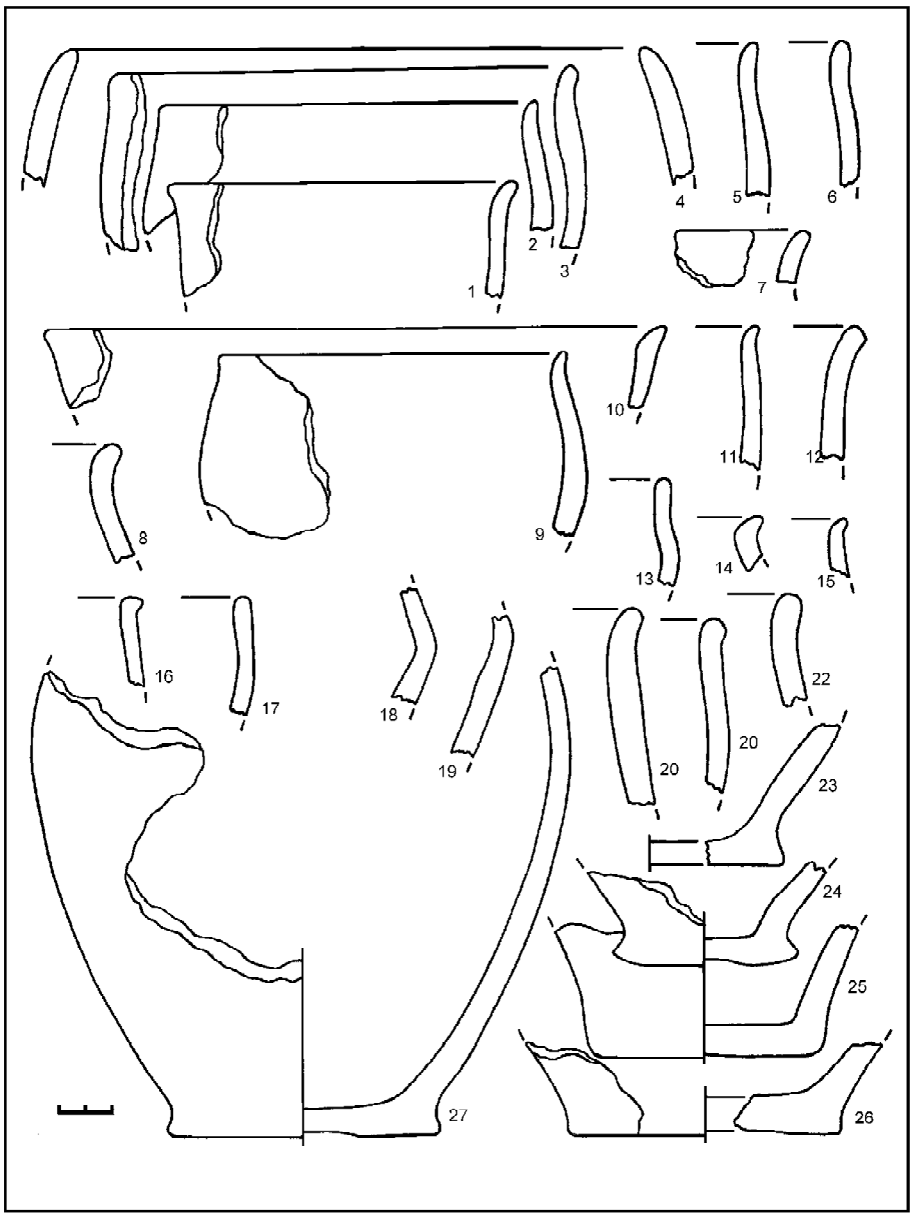

Рис. 24. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа II (1-3, 5, 6, 16-19,21,23,27), из заполнения ям 23 (4), 26 (7), 22 (8), 34 (9-11), 26 (12), 30 (20), 31 (22,25,26), 35 (24) и из заполнения ямы к западу от постройки 6 (13-15). 3 — с ангобом; 7 — чернолощеная.

териалы раннеримского времени, которые позволяют поставить вопрос если не о преемственности традиций, то, по крайней мере, о взаимодействии позднезарубинецкой и юхновской культур в Восточном Посеймье (приложение 2).

О ремесленном производстве восточных славян написано немало. Со своей стороны отметим лишь, что находки на поселении в урочище «Хутор» подтверждают некоторые из сделанных ранее выводов, в частности, о том, что колочинские мастера-ювелиры использовали оловянисто-свинцовые сплавы и были знакомы с техникой литья в двустворчатые каменные формы. Гораздо более интересны данные о культурных связях населения, оставившего рассматриваемый памятник, полученные в результате анализа вещевого состава клада. Этот комплекс включает изделия явно местного, днепровского производства (фрагмент антропозооморфной фибулы, мелкие бляшки, возможно, браслеты с округлыми расширенными концами), а также тяготеющие к дунайским (фрагмент большой пальчатой фибулы и, возможно, шейной гривны) и прибалтийским (фрагмент браслета с расширенными многогранными концами и, вероятно, язычок пряжки со щитовидным расширением у основания) ремесленным центрам. Определенные аналогии среди западных материалов, как было отмечено выше, имеют поясной наконечник и бусина, однако в последнем случае, возможно, следует говорить о связях с ближневосточным регионом. Находки вещей европейского и, в частности, дунайского, облика нередки на памятниках колочинской и пеньковской культур; в литературе этот факт наиболее часто объясняется дунайскими походами славян. Прибалтийские изделия могли попасть в среду восточнославянских племен в результате торговых или каких-то иных контактов. В целом же анализируемый материал отражает, очевидно, весьма сложную ситуацию, существовавшую в лесостепной, степной и даже лесной зонах Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов.

Неоднозначными, по-видимому, были и отношения жителей данного поселения со своими ближайшими соседями. Памятник располо-

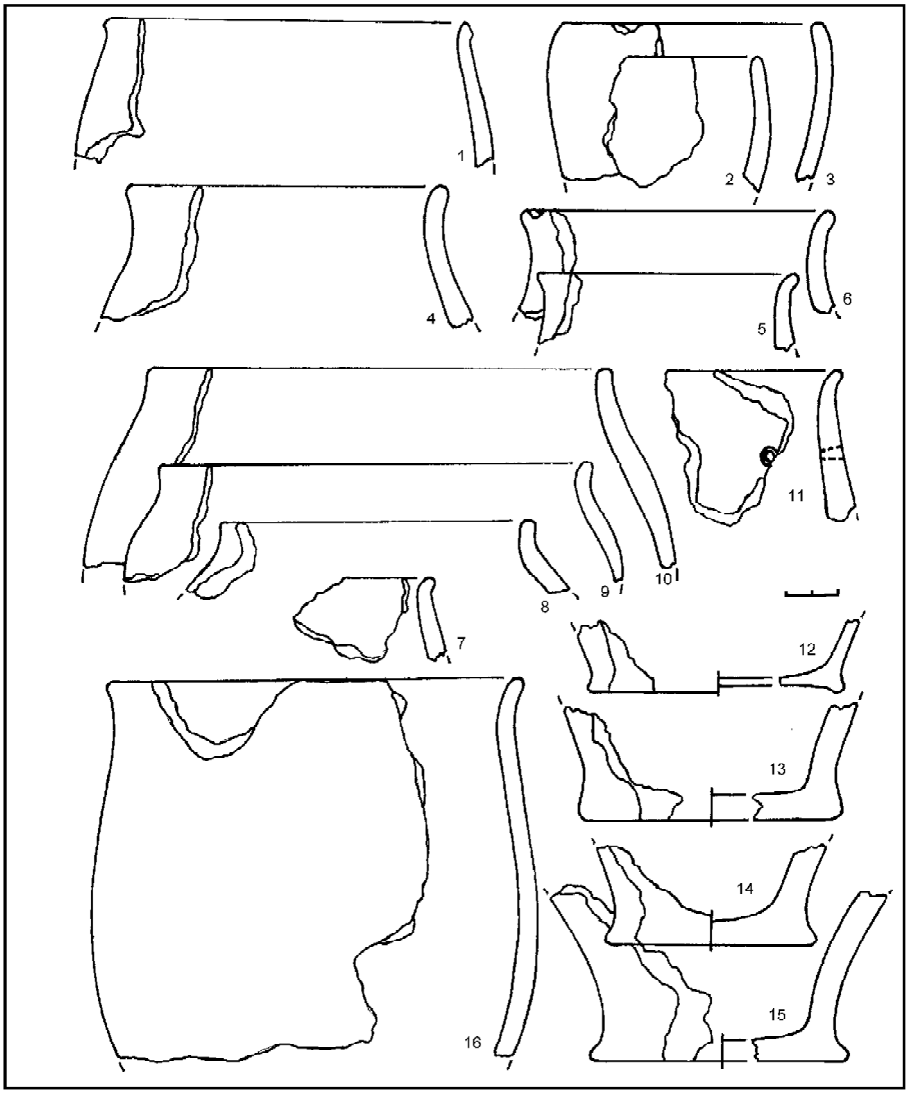

Рис. 25. Лепная керамика из верхней части заполнения постройки 3 (1,3), из верхней части заполнения постройки 2 (4) и из нижней части культурного слоя раскопа II (2,5-16).

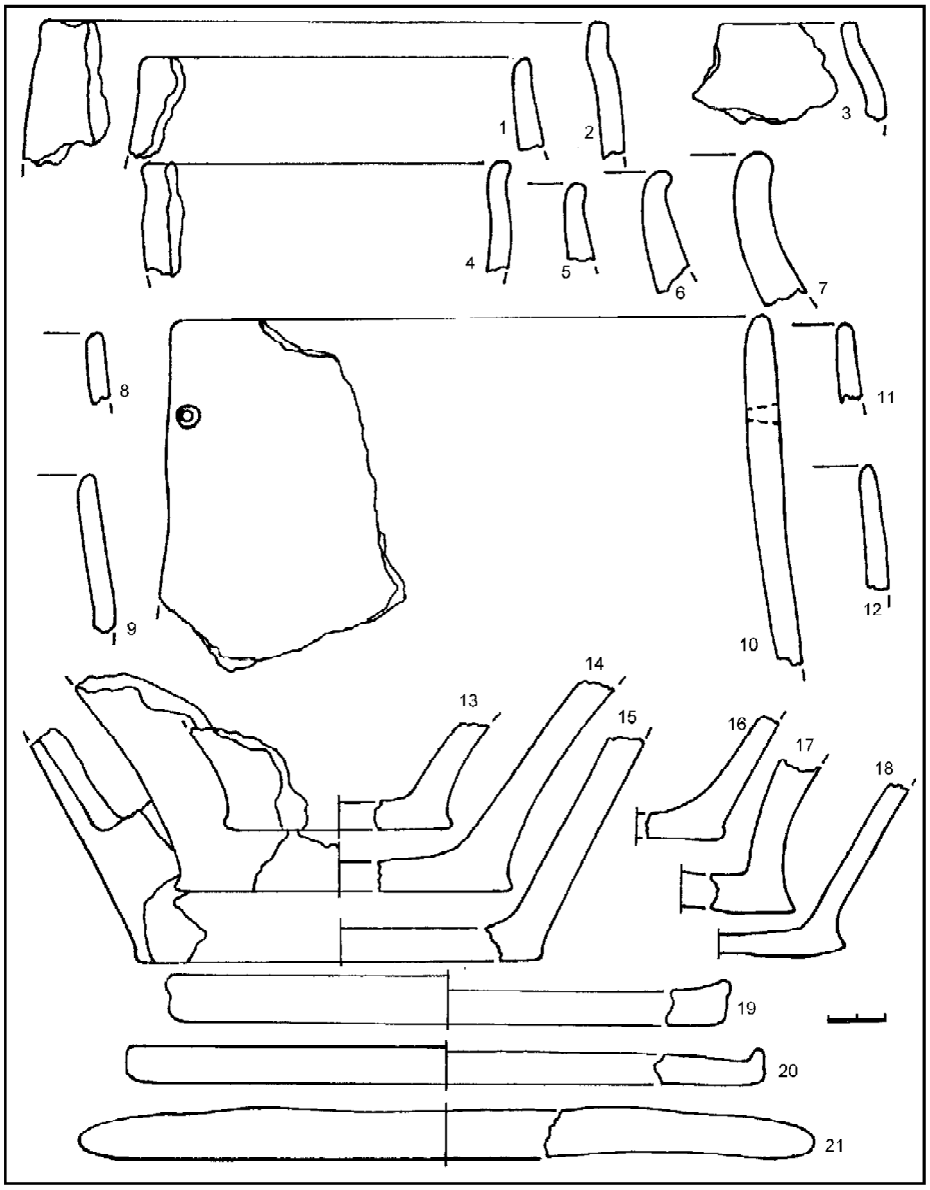

Рис. 26. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа II.

жен в верховьях Сулы, то есть в маргинальной колочинско-пеньковской зоне, и это не могло не отразиться на материальной культуре оставившего его населения. Результатом пеньковского влияния, вероятно, нужно считать необычно большой процент ребристых горшков в керамическом комплексе поселения, относительно сильную профилированность его сосудов по сравнению с сосудами с иных колочинских памятников и некоторые другие особенности. Кроме того, судя по структуре керамического набора, непосредственно к пеньковской культуре должна относиться одна из открытых на поселении полуземлянок (постройка 2), которая по находке венчика гончарной черняховской миски датируется временем не позднее второй половины V в. Фрагменты черняховской гончарной керамики были встречены и в культурном слое обоих раскопов, что дает возможность предположить наличие на памятнике других объектов V в. Однако сосудов, аналогичных сильнопрофилированным горшкам и лепной миске из постройки 2, среди остальных материалов поселения нет, и этот факт можно объяснить лишь принадлежностью наших гипотетических ранних объектов к другой по сравнению с вышеупомянутой постройкой этнокультурной среде. В то же время комплекс ранних находок на памятнике четко не выделяется. Вероятно, развитие материальной культуры здесь носило плавный эволюционный характер, и сосуды ранней фазы по формам, размерам и профилировке в принципе мало отличаются от более поздней колочинской керамики. Вывод из этих логических построений следует довольно неожиданный: на поселении Великие Будки примерно в одно и то же время сосуществовало население, относящееся к двум различным славянским культурам эпохи раннего средневековья — колочинской и пеньковской. Возможно, правда, комплекс постройки 2 следует рассматривать не как раннепеньковский, а как позднекиевский, но

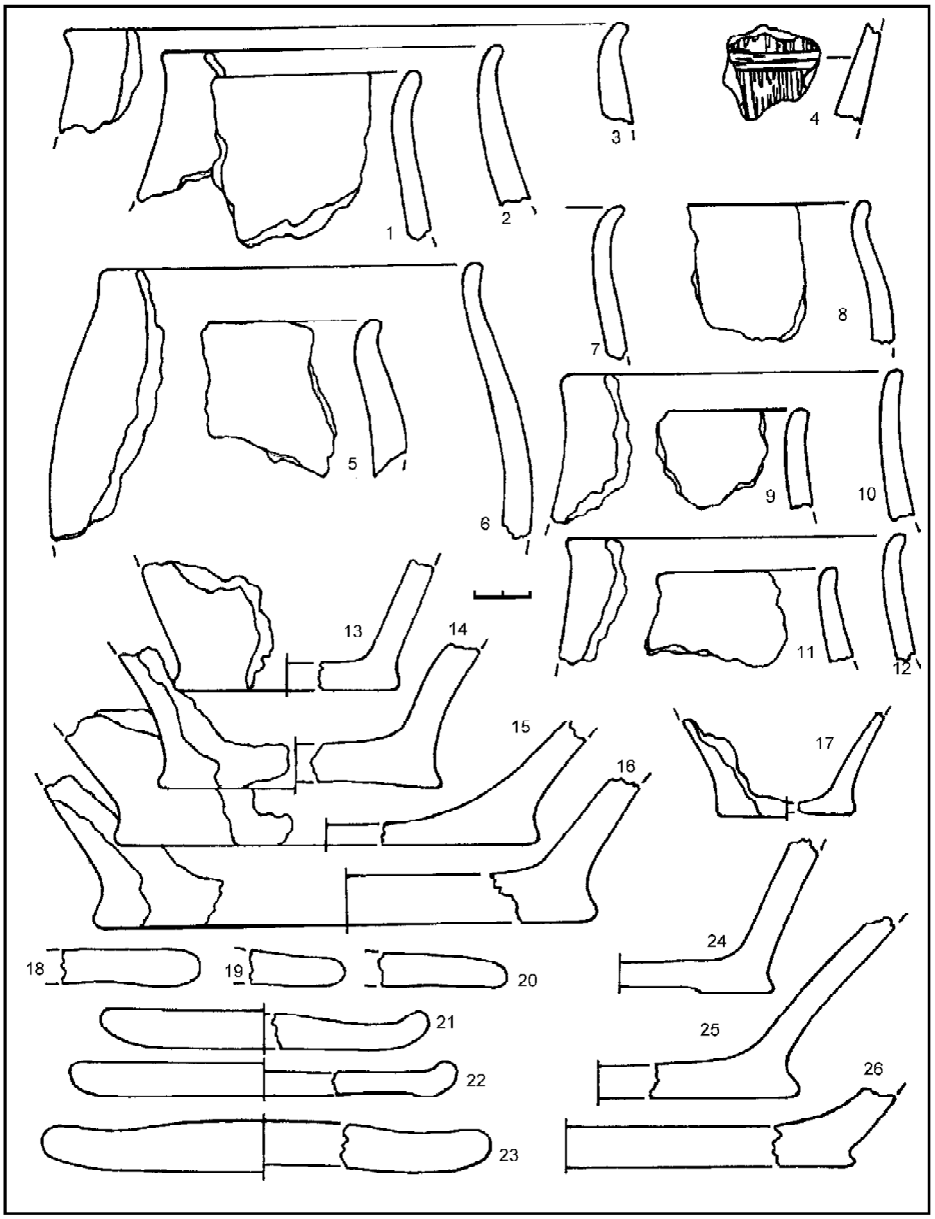

Рис. 27. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа II.

в этом случае мы должны констатировать, по крайней мере, на основании материалов данного поселения, существование значительных различий между керамическими наборами киевской и колочинской культур в Восточном Посеймье. В целом же все это — лишь гипотезы, которые не перейдут в уверенность, пока не будет выделен достоверно ранний комплекс находок памятника и определена точная этнокультурная атрибуция материалов из постройки 2.

Одной из главных отличительных особенностей поселения в Великих Будках является очень длительный период его существования. По сути, это единственный раннеславянский памятник в бассейне Днепра, культурный слой которого накапливался более 200 лет. На то, что в течение этого времени жизнь здесь не прерывалась, указывает целый ряд обстоятельств, среди которых и значительная насыщенность находками культурного слоя, и многочисленность строительных объектов, исследованных на сравнительно небольшой площади раскопов, и относительная однородность раннесредневекового керамического набора, в котором не фиксируются никакие резкие изменения и скачки. Таким образом комплекс данного поселения предоставляет нам уникальную возможность исследовать материальную культуру колочинских племен в процессе ее непрерывного развития, без хронологических лакун.

Верхняя дата этого комплекса — рубеж VII-VIII — начало VIII вв. — в общем выходит за хронологические рамки колочинской культуры, большинство известных поселений и могильников которой прекращает свое существование где-то в пределах третьей четверти — второй половины VII в., вероятно, тогда же, когда в землю попадают «антские» клады I группы. Установлено, однако, что на некоторых колочинских памятниках жизнь продолжается и в более по-

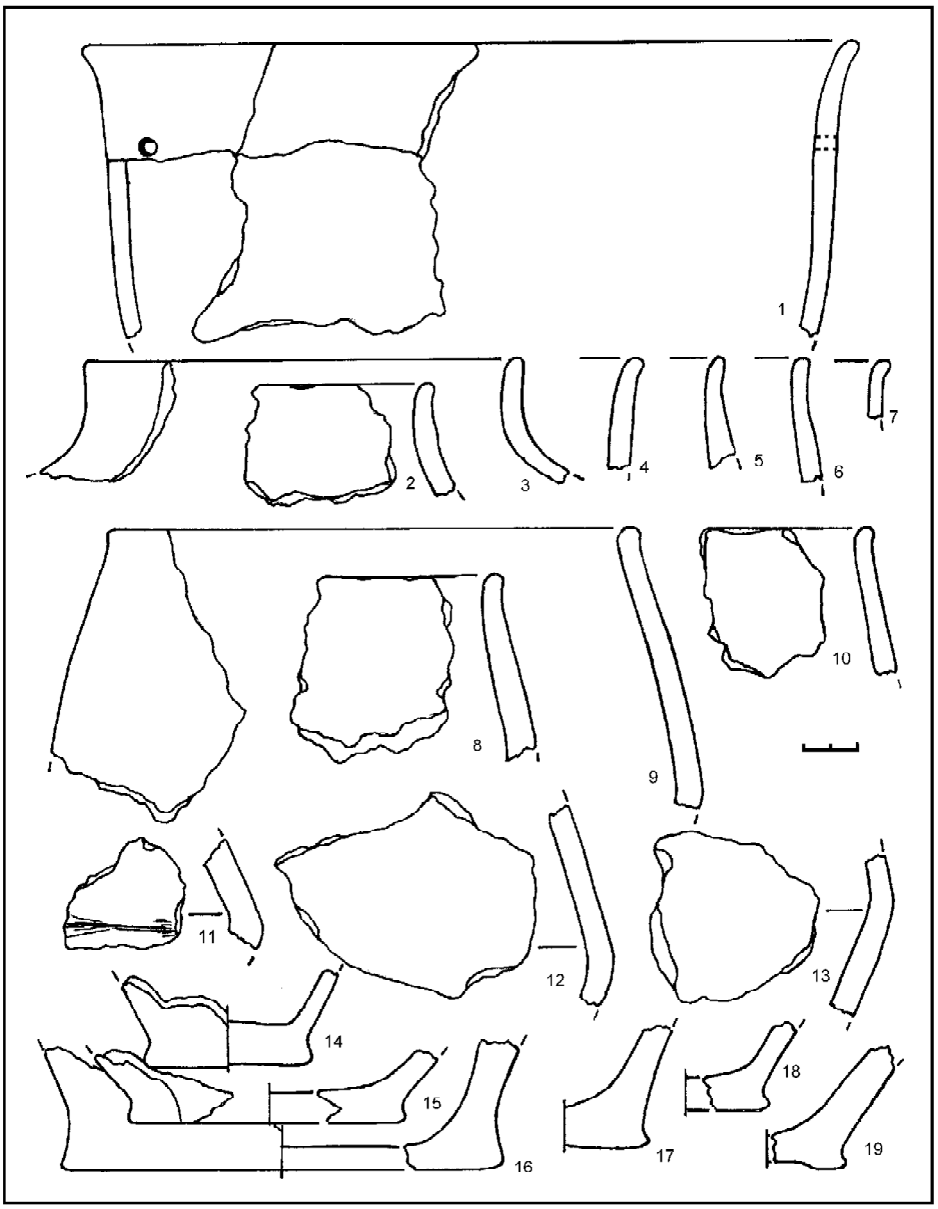

Рис. 28. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа II.

зднее время. Подтверждением этому могут служить, с одной стороны, находки лепных колочинских горшков в комплексах с волынцевскими в погребениях классического могильника Лебяжье (Тихомиров 1990: 141, рис. 3: VII; 4: XV.17), и, с другой стороны, наличие некоторых колочинских элементов среди материалов волынцевской археологической общности. Очевидно, поселение в Великих Будках как раз и было одним из таких памятников, переживших события второй половины VII в. и внесших «колочинскую струю» в материальную культуру сменившего их на Днепровском левобережье населения. Что послужило причиной гибели памятника — а в том, что это была именно гибель, связанная с одномоментным явлением катастрофического характера, убеждают следы пожара на некоторых из строительных объектов и сам факт сокрытия клада — пока сказать достаточно трудно. Стоит предположить, что косвенным ответом на этот вопрос являются находки фрагментов гончарного кувшина, который мог попасть сюда с какой-то группой степного населения. Однако что это была за группа, каковы были причины и цели ее появления и длительность пребывания в Верхнем Посулье, мы на современном уровне знаний определить не можем.

И последнее, что хотелось бы отметить в качестве заключения. Поселение Великие Будки (Хутор) — интересный, сложный, а во многих отношениях уникальный памятник раннесредневековой восточноевропейской Лесостепи. Его материалы не столько дают конкретные ответы, сколько ставят проблемы, очерчивают новые пути и направления, по которым может в дальнейшем развиваться раннеславянская археология. И мы надеемся, что публикация, предлагаемая вниманию читателей, лишь начинает длительный процесс изучения этих материалов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
МАТЕРИАЛЫ ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫС. Н. Э. С ПОСЕЛЕНИЯ ВЕЛИКИЕ БУДКИ (ХУТОР)

Раскоп I (рис. 2А).

Постройка 1 (рис. 2А, В). Сохранилась только часть западной стены на длину 2,3 м со столбовой ямой диаметром 0,4 м, углубленной в пол на 0,29 м. Постройка углублена в материк на 0,35 м. Заполнение черное гумусное, содержало фрагменты лепной керамики (рис. 10: 14-17), и фрагмент профилированной стенки гончарного сосуда красно-коричневого цвета (рис. 43: 13). На полу при зачистке найден язычок бронзовой пряжки, украшенный кружковым орнаментом, и железный нож (рис. 45: 1,10).

Яма 1 (рис. 2). В пределы раскопа вошла лишь ее восточная половина. Размеры около 1,6 × 1,0 м, углублена в материк на 0,6 м, дно плоское. Заполнение — темный гумусированный песок — содержало фрагменты лепной керамики (рис. 23: 4-7), кости животных.

Яма 2 (рис. 2А, В). Размеры 1,8 × 1,5 м, углублена в материк на 0,57 м, дно плоское. Заполнение черное гумусное, находок не содержало.

Яма 3 (рис. 2А, Б). Размеры 1,2 × 1,5 м, углублена в материк на 0,5 м. Заполнение темное гумусное, содержало невыразительные фрагменты лепной керамики, клык кабана (?).

Яма 4 (рис. 2А). Диаметр 1,13 м, углублена в материк на 0,4 м, дно плоское. Заполнение — черный гумусированный песок — содержало фрагменты и часть лепного сосуда (рис. 23: 1-3,10).

Яма 5 (рис. 2). Вошла в раскоп лишь своей восточной частью. Вероятный диаметр — около 1,2 м, углублена в материк на 0,5 м. Стенки сужены к плоскому дну, в котором была вырыта столбовая яма диаметром 0,2 м и глубиной 0,36 м от уровня пола. Заполнение темное гумусное, содержало невыразительные фрагменты лепной керамики и железный нож (рис. 45: 9).

Яма 6 (рис. 2А). Размеры 1,1 × 0,95 м, углублена в материк на 0,4 м. Заполнение — серо-коричневый слегка гумусированный песок — находок не содержало.

«Очажок» (рис. 2А, В) располагался на материковом песке у южного края раскопа и сохранился, вероятно, не полностью. Его размеры 0,9 × 0,7 м, форма аморфна. «Очажок» представляет собой развал плоских песчаниковых камней, лежащих на тонком слое слегка обожженной глины. Камни пережжены и растрескались. При их расчистке найдены ошлакованные стенки лепных сосудов и фрагменты дисков (рис. 23: 8,9).

Из культурного слоя раскопа I происходят обломки лепных сосудов (рис. 10: 1-13; 40-42), кроме того, в нижней его части найден фрагмент стенки серого гончарного черняховского сосуда и фрагмент стенки красноглиняной амфоры, а в верхней — каплевидная железная подвеска (рис. 45: 15), по-видимому, язычок от колокольчика.

Раскоп II (рис. 3).

Постройка 2 (рис. 5) имела подпрямоугольную в плане форму со скругленными углами, размеры 5,46 × 4,70 м, углублена в материк на 0,20-0,25 м. Пол песчаный. Ориентирована стенами по сторонам света. Северная, западная и южная стенки постройки нарушены ямами 18, 19А, 19Б, 20А. В центральной ее части зафиксирована столбовая яма диаметром 0,36 м, углубленная в пол на 0,35 м, к востоку от которой на полу постройки прослежено пятно прокаленного песка красного цвета с сажистыми включениями. Размеры пятна 1,6 × 1,0 м. Котлован постройки заполнен темно-серым гумусированным песком, из которого происходят обломки лепной керамики (рис. 11: 1-8,10,11,13,15,16), фрагмент венчика серой гончарной черняховской миски (рис. 43: 16), кости животных, а также биконическое глиняное пряслице (рис. 44: 16).

В верхней части заполнения постройки 2 кроме фрагментов лепных сосудов (рис. 12; 13: 2-5,7,8,11,13-17; 25: 4) найдены фрагменты ручки и стенок гончарного светло-коричневого красноангобированного кувшина (рис. 43: 10), дно серого гончарного черняховского сосуда (рис. 43: 17), 2 глиняных пряслица (рис. 44: 5,17), иризированная многогранная бусина черного глухого (непрозрачного) стекла (рис. 45: 3), фрагменты металлических шлаков и обломок точильного камня. Над котлованом постройки 2 было сделано и основное количество находок опоки. Здесь же, на глубине 0,67 м от уровня современной поверхности в нижней части слоя плотного черного сильногумусированного песка был обнаружен клад серебряных, бронзовых и оловянисто-свинцовых изделий, близкий к группе так называемых «антских» кладов.

Постройка 3 (рис. 5) имела подпрямоугольную в плане форму, размеры 5,00 × 4,65 м, углублена в материк на 0,35-0,15 м, ориентирована углами по сторонам света с небольшим отклонением, вытянута с северо-востока на юго-запад. Пол постройки неровный, имел падение к восточной стене и довольно круто поднимался к юго-западному углу. Северо-западный угол и часть северной стенки нарушены перекопом, характер которого установить трудно. У север-

ной стены прослежены две столбовые ямы диаметром 0,32 м и 0,46 м и углубленные в пол постройки соответственно на 0,30 и 0,55 м. Возможно, эти ямы связаны не с конструкцией описываемой полуземлянки, а с отмеченным выше перекопом. Заполнение постройки — интенсивно черный сажистый песок — содержало значительное количество фрагментов лепной керамики (рис. 14-16), семь пряслиц (рис. 44: 3,12), обломок точильного камня.

В скоплении над постройкой 3 наряду с лепной керамикой (рис. 17-19; 25: 1,3) найден обломок стенки красноглиняной амфоры с рифлением на внешней поверхности (рис. 43: 15) и несколько биконических пряслиц (рис. 44: 1,2,18,19).

Постройка 4 (рис. 6) имела подпрямоугольную в плане форму, размеры 4,00 × 4,57 м, углублена в материк на 0,3 м, ориентирована стенами по сторонам света. Юго-восточный угол нарушен ямами, контуры которых выяснить не удалось, в материке они прослежены также на глубину 0,3 м. В середине восточной стены зафиксирована яма, выходящая за пределы котлована постройки. Она округлой в плане формы, диаметром 1,3 м, углублена в материк на 0,49 м. У западной стены сооружения была вырыта яма округло-вытянутой в плане формы, размерами 0,9 × 0,7 м, углубленная в пол на 0,18 м. В центральной части постройки выявлена столбовая яма диаметром 0,4 м, углубленная в пол на 0,55 м. Заполнение котлована полуземлянки — темный гумусированный песок в верхней части и серый слабогумусированный песок у дна — содержало фрагменты лепной керамики (рис. 20: 1,2,4-6,8,11,12,15-20). В заполнении ямы у восточной стены постройки найдено глиняное биконическое пряслице (рис. 44: 7).

Из верхней части заполнения постройки 4 кроме фрагментов лепных сосудов (рис. 20:

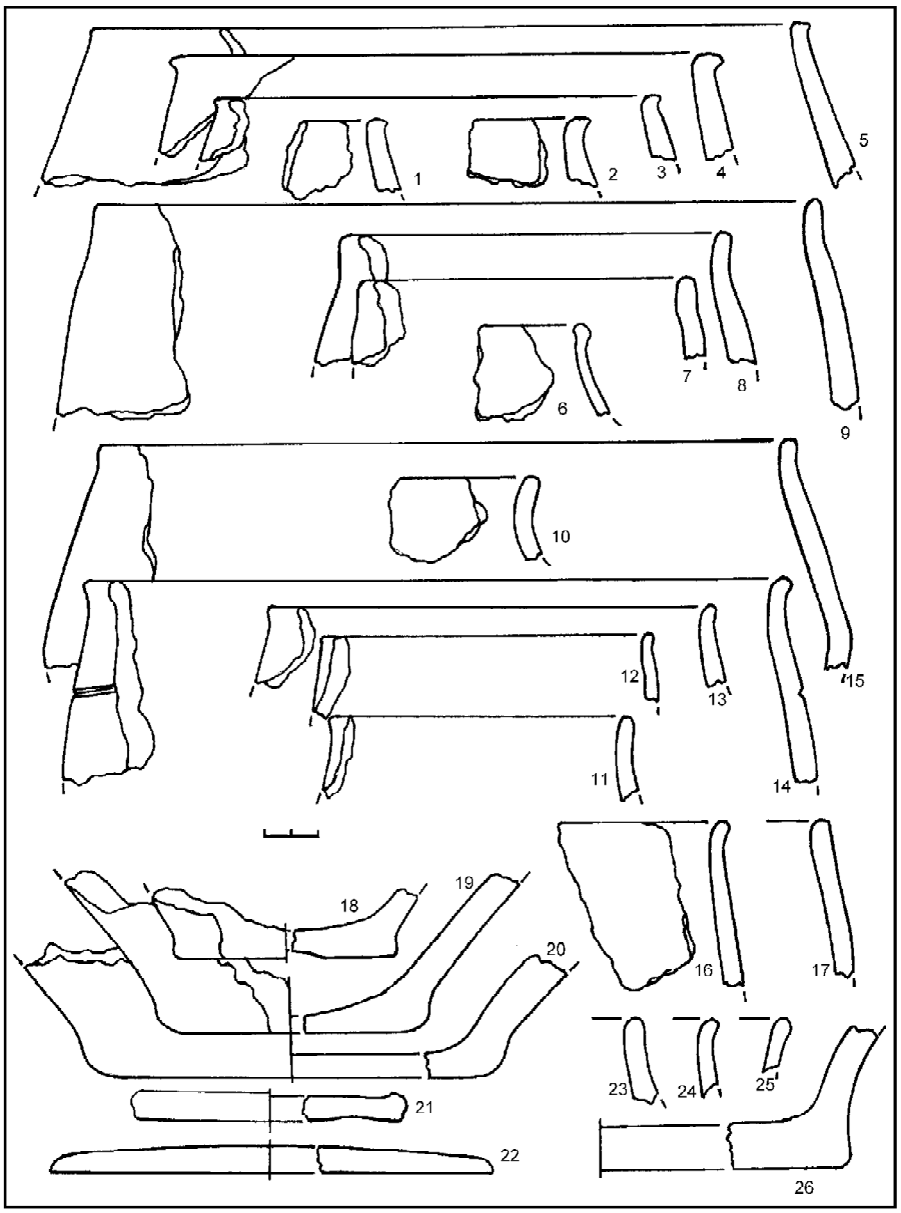

Рис. 29. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа II. 10 — чернолощеная.

3,7,9,10,13,14; 21: 1-6) происходят два глиняных биконических пряслица (рис. 44: 4,11).

Постройка 5 (рис. 6) имела подпрямоугольную в плане форму, размеры 5,6 × 5,8 м, углублена в материковый песок (в западной части) и в серо-коричневый предматериковый слой (в восточной части) на 0,25-0,40 м, ориентирована углами по сторонам света с небольшим отклонением. Северо-западная часть постройки была полностью выкопана в культурном слое, и ее стену здесь проследить не удалось. В середине юго-западной стены зафиксирована яма округлой в плане формы диаметром 1,2 м, углубленная в пол на 0,25 м, перед которой на полу сооружения прослеживалось пятно прокаленного грунта с сажистыми включениями. Размеры пятна 1,4 × 1,0 м. К южному углу и юго-восточной стене примыкали ямы округлой в плане формы, диаметром 1,4 и 1,6 м, углубленные в материк на 0,58 и 0,53 м соответственно и соединенные с внутренним пространством постройки. В юго-восточной ее части выявлена яма округлой в плане формы диаметром 1,1 м, углубленная в пол на 0,18 м. Заполнение котлована полуземлянки темное гумусное, содержало значительное количество кусков обмазки, в том числе обожженных, и сильно фрагментированную лепную керамику (рис. 22: 2,11-13), кости животных, куски опоки, а также пряслице. В заполнении ямы, примыкающей к юго-восточной стенке сооружения, находились кости животных и куски глиняной обмазки со следами деревянных конструкций.

В верхней части заполнения постройки 5 было зафиксировано значительное скопление обожженной обмазки, а над ямой в середине ее юго-западной стены — скопление лепной керамики, которое, возможно, имело с данной ямой какую-то конструктивную связь.

Постройка 6 (рис. 7) имела подпрямоуголь-

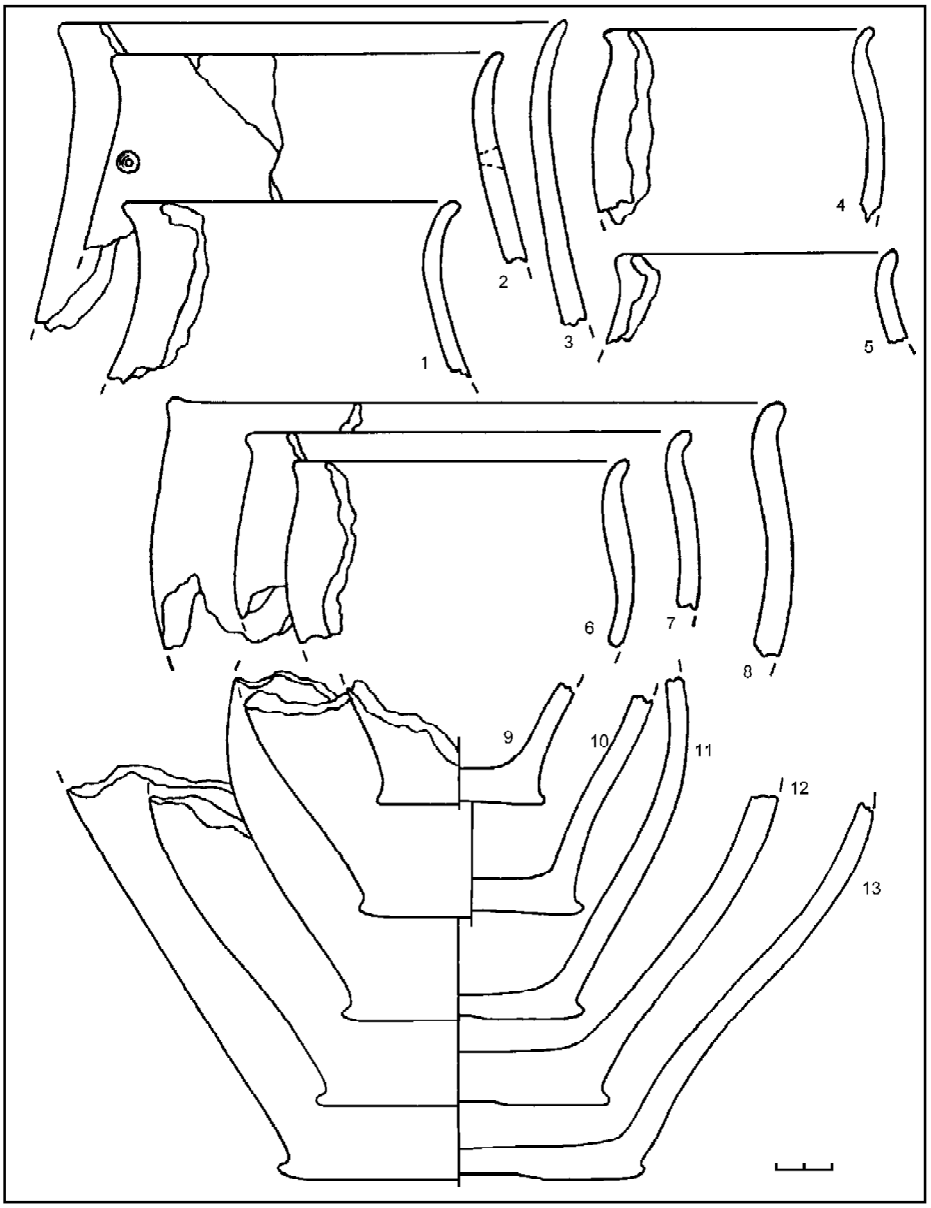

Рис. 30. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа II.

ную в плане форму, размеры 4,6 × 4,8 м, углублена в материковый песок (в западной части) и в серо-коричневый предматериковый слой (в восточной и южной части) на 0,2-0,4 м, ориентирована углами по сторонам света с отклонением на 45°. В юго-западном углу, у середины западной стены и в центре постройки прослежены столбовые ямы диаметром соответственно 0,35, 0,35 и 0,45 м и глубиной 0,50, 0,25 и 0,65 м от уровня пола. К югу от центральной столбовой ямы на полу зафиксировано пятно слегка прокаленного песчаного грунта с сажистыми включениями. В 0,4 м к востоку от этой же ямы лежал крупный камень размерами 0,45 × 0,36 м. Снаружи к западной стене сооружения примыкала хозяйственная яма округло-вытянутой в плане формы размерами 1,0 × 1,3 м, углубленная в материк на 0,5 м. Основная масса находок из описываемой постройки связана с верхней сильногумусированной частью заполнения котлована и принадлежит фрагментам лепной керамики (рис. 22: 1,3-10,14,15), кускам обмазки и костям животных. В заполнении найден также фрагмент оселка (рис. 46: 4), несколько обломков каменных жерновов, фрагмент железного ножа (рис. 45: 14) и 2 глиняных биконических пряслица (рис. 44: 9,10). В заполнении ямы, примыкающей к постройке, встречена лепная керамика (рис. 24: 13-15) и обломок каменного жернова.

Яма 7. Диаметр 1,27 м, углублена в материк на 0,22-0,30 м. Заполнение — темный гумусный песок — содержало невыразительные обломки лепной керамики.

Яма 8. Диаметр 1,1 м, углублена в материк на 0,32-0,34 м. Заполнение аналогично яме 7.

Яма 9. Размеры 1,2 × 1,2 м. Поздняя по происхождению, вероятно, связана с посадками деревьев на дюне.

Яма 10. Размеры 1,10 × 1,27 м, углублена в

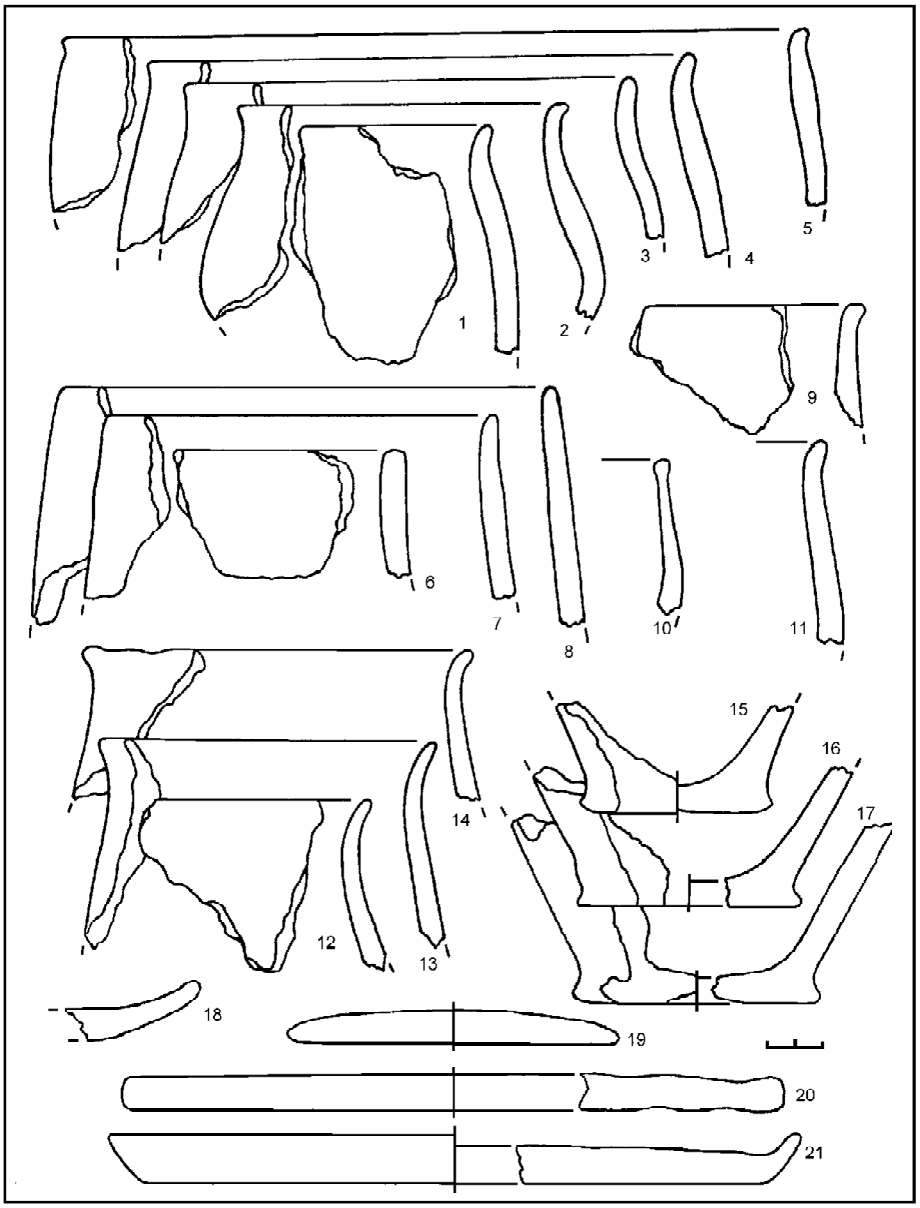

Рис. 31. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа II.

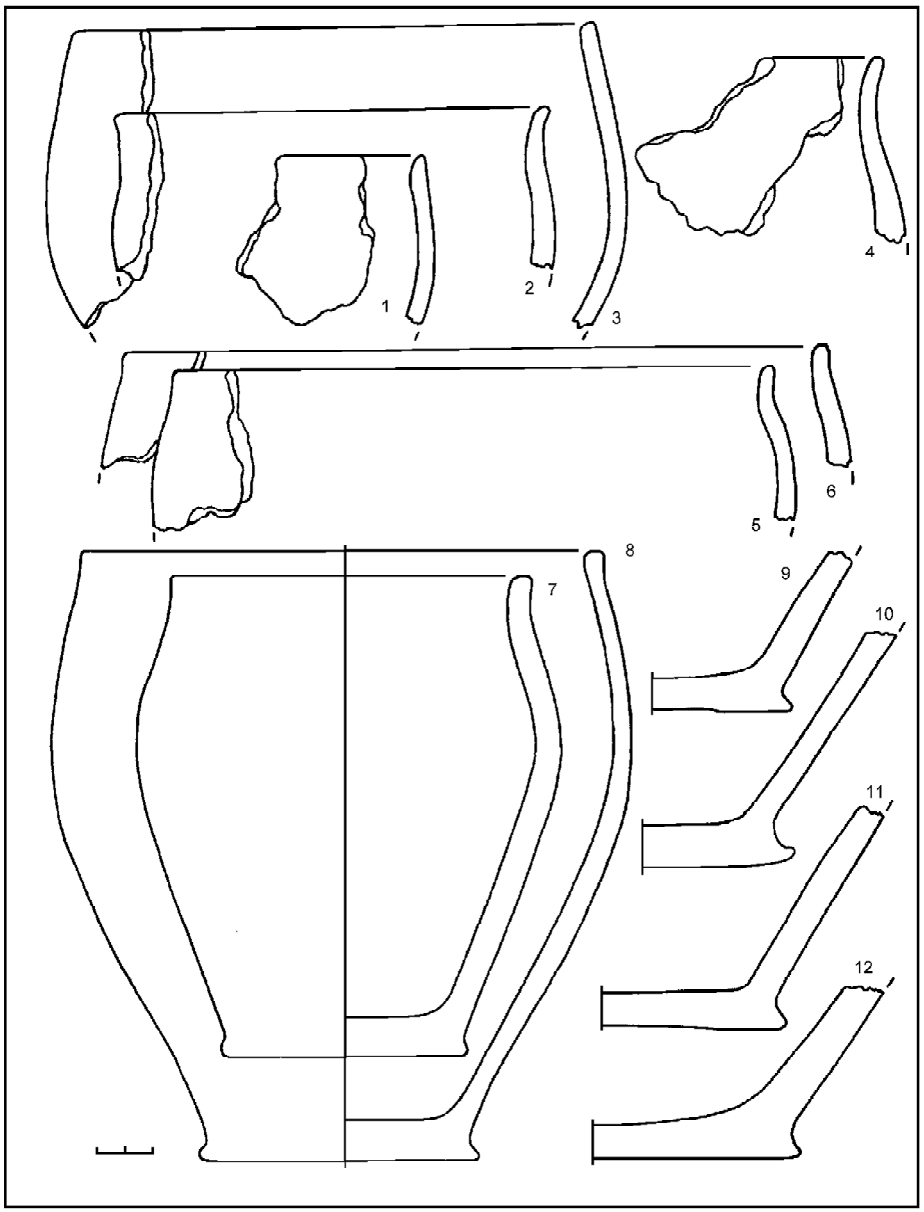

Рис. 32. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа II.

материк на 0,77-0,81 м, дно вогнутое. Заполнение — серый слегка гумусированный песок — содержало невыразительные фрагменты лепной керамики.

Яма 11. Размеры 1,2 × 1,0 м, углублена в материк на 0,4 м. Заполнение интенсивно гумусированное, содержало невыразительные фрагменты лепной керамики.

Яма 12. Размеры 1,4 × 0,92 м, углублена в материк на 0,38 м. Заполнение аналогично яме 11.

Яма 13А. Размеры 1,7 × 1,2 м, углублена в материк на 0,33 м. Заполнение — черный гумусированный песок — содержало 2 фрагмента стенок серого гончарного черняховского сосуда и 2 фрагмента глиняных биконических пряслиц (рис. 44: 21,23).

Яма 13Б. Диаметр 1,2 м, углублена в материк на 0,47 м. Заполнение — черный гумусированный песок — находок не содержало.

Ямы 13А и 13Б перекрывают друг друга.

Яма 14. Размеры 1,1 × 1,6 м, углублена в материк на 0,15-0,19 м, дно немного вогнуто. Заполнение — серо-коричневый песок — содержало кости животных.

Яма 15. Диаметр 1 м, углублена в материк на 0,3 м. Заполнение — серо-коричневый песок — находок не содержало.

Яма 16. Диаметр 1,2 м, углублена в материк на 0,38 м. Заполнение — темный гумусированный песок — находок не содержало.

Яма 17. Размеры 1,3 × 1,9 м, углублена в материк на 0,3-0,4 м. Заполнение — бурый железистый песок — содержало кусок обмазки и фрагмент стенки лепного подлощенного сосуда (рис. 11: 9). Яма вплотную примыкает к северной стене постройки 2.

Яма 18. Диаметр 1,22 м, углублена в материк на 0,40-0,42 м. Заполнение черное гумусное, находок не содержало. Яма нарушает северную стену постройки 2.

Яма 19А. Диаметр 2 м, углублена в материк на 0,35 м. Заполнение черное сажистое, содержало фрагменты лепной керамики (рис. 11: 12,14,17), шлаки, обломок точильного камня.

Яма 19Б. Диаметр 1,15 м, углублена в пол постройки 2 на 0,08 м. Заполнение черное сажистое, находок не содержало.

Ямы 19А и 19Б перекрывают друг друга и нарушают южную стену постройки 2.

Яма 20А. Диаметр 1,35 м, углублена в материк на 0,6 м. Заполнение черное сажистое сильногумусированное, содержало отдельные невыразительные фрагменты лепной керамики и кусок шлака. Яма нарушает западную стену постройки 2 и частично перекрывает яму 20Б, открытую в полу постройки 2.

Яма 20Б. Диаметр 0,9 м, углублена в пол постройки 2 на 0,12-0,17 м. Заполнение — серый слабогумусированный песок — находок не содержало.

Яма 21. Размеры 1,10 × 1,35 м, углублена в материк на 0,25-0,34 м. Заполнение серо-коричневое, находок не содержало.

Яма 23. Диаметр 1,2 м, углублена в материк на 0,2 м. Заполнение черное гумусное, содержало отдельные фрагменты лепной керамики (рис. 24: 4) и кости животных.

Яма 24. Размеры 1,35 × 1,2 м, углублена в материк на 0,25 м. Заполнение черное гумусное, содержало невыразительные фрагменты лепной керамики и кости животных.

Яма 25. Диаметр 1,35 м, углублена в материк на 0,6 м. Заполнение — серый песок — содержало мелкие невыразительные фрагменты лепной керамики.

Яма 27. Диаметр 1,4 м, углублена в материк на 0,75 м. Заполнение — темно-серый песок — находок не содержало.

Ямы 23-27 расположены в одну линию, с северо-запада на юго-восток.

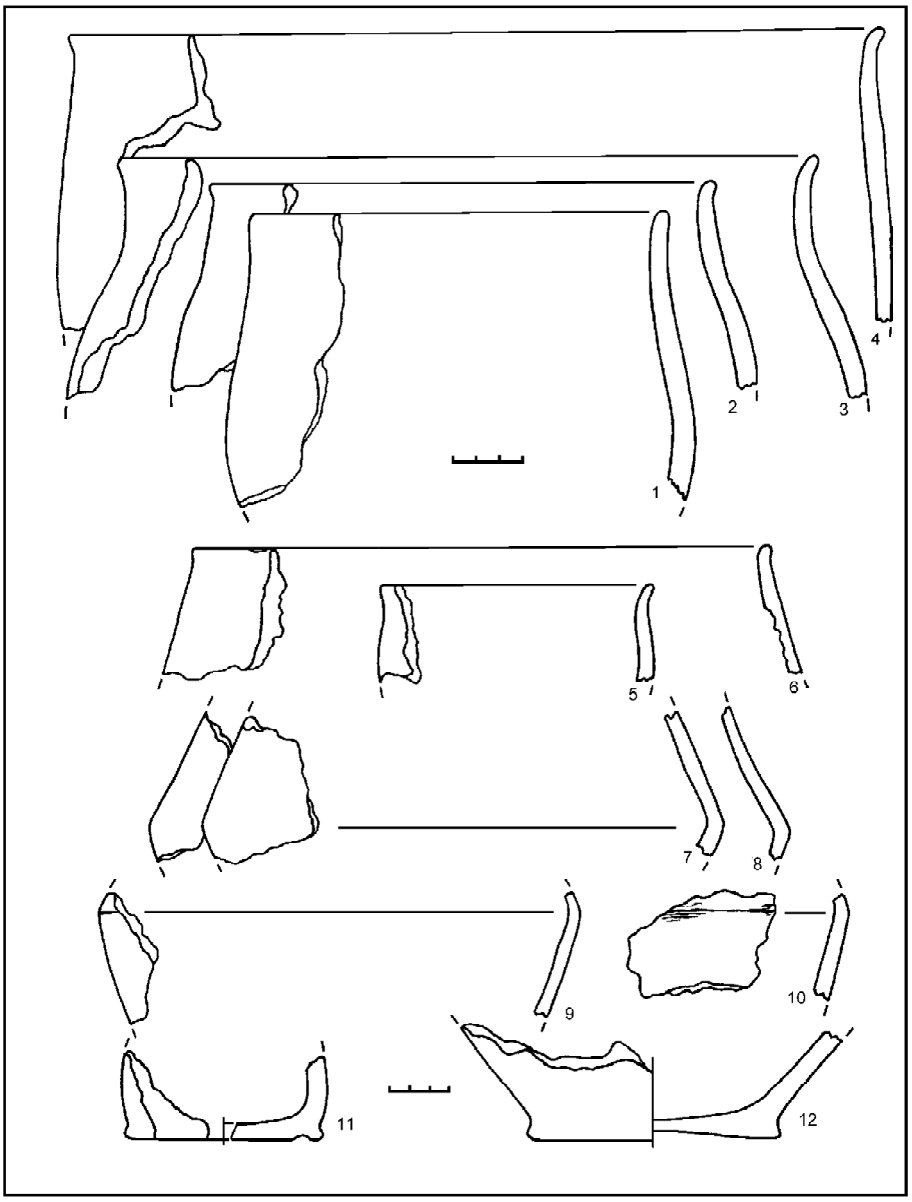

Рис. 33. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа II.

Яма 28. Диаметр 1,35 м, углублена в материк на 0,5 м. Заполнение — черный интенсивно гумусированный песок — содержало невыразительные фрагменты лепной керамики.

Яма 29. Диаметр 1,3 м, углублена в материк на 0,2 м. Заполнение — черный песок — находок не содержало.

Яма 30. Диаметр 1,15 м, углублена в материк на 0,35 м. Заполнение — темно-серый гумусированный песок — содержало отдельные фрагменты лепной керамики (рис. 24: 20).

Яма 31. Была выкопана в заполнении, вероятно, более ранней постройки 7. Прослежена только в своей нижней части. Размеры 1,24 × 1.4 м, углублена в пол постройки 7 на 0,3 м. Заполнение — черный интенсивно гумусированный песок — содержало фрагменты лепных сосудов (рис. 24: 22,25,26).

Яма 32А. Размеры 2,4 × 1,88 м, углублена в материк на 0,3 м.

Яма 32Б. Диаметр 1,4 м, углублена в материк на 0,45 м.

Ямы 32А и 32Б перекрывают друг друга. Их заполнение идентично — черный песок, не содержащий находок.

Яма 33. Размеры 1,6 × 1,4 м, углублена в материк на 0,45 м. Заполнение аналогично ямам 32А и 32Б.

Яма 34. Размеры 1,7 × 1,85 м, углублена в материк на 0,68 м. Заполнение — черный песок — содержало фрагменты лепной керамики (рис. 24: 9-11).

Яма 35. Диаметр 1,6 м, углублена в материк на 0,4 м. Заполнение — черный песок — содержало отдельные фрагменты лепных сосудов (рис. 24: 24).

Яма 36. Диаметр по верхнему краю 2,4 м, у дна — 1,4 м, углублена в материк на 0,9 м, дно плоское. Заполнение содержало невыразительные фрагменты лепной керамики, кости животных, кусок кричного железа.

Яма 37. Вошла в раскоп лишь своим северным краем. Размеры неясны. Углублена в материк на 0,2 м. Заполнение — черный песок —

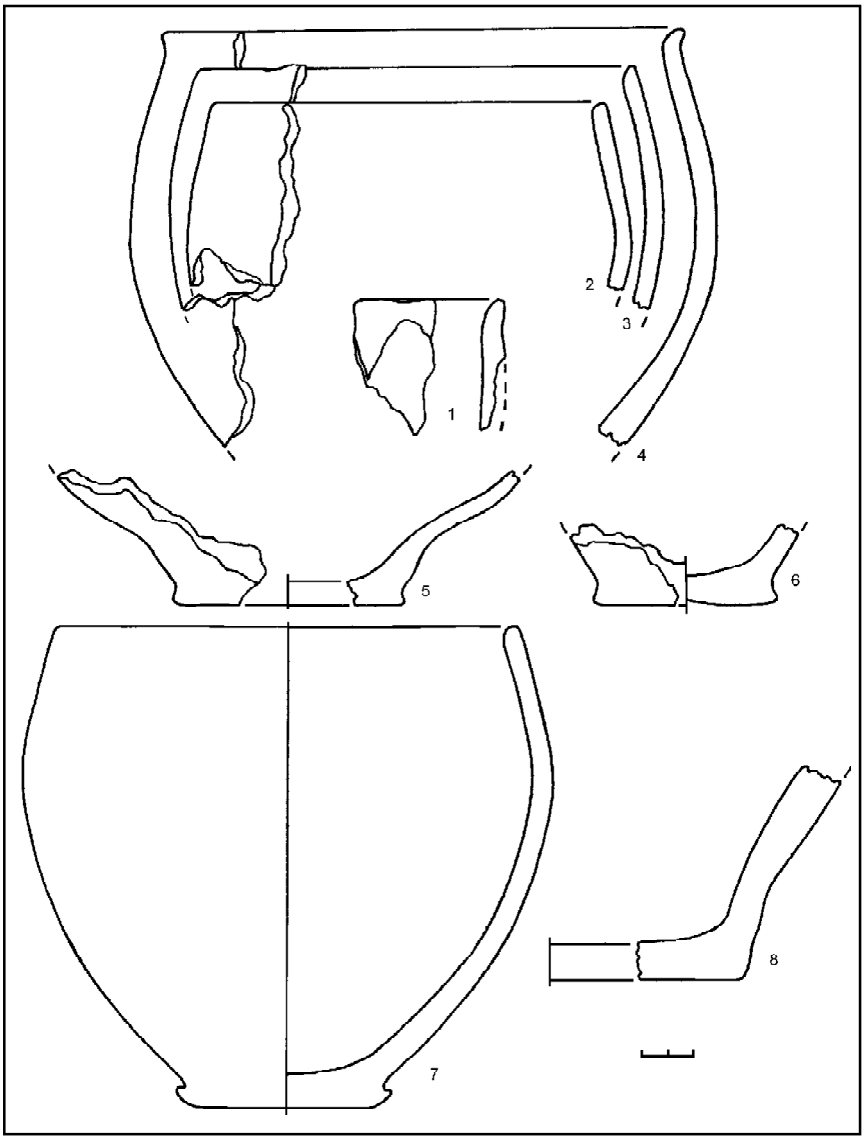

Рис. 34. Скопление лепной керамики из нижней части культурного слоя в северо-западной части раскопа II.

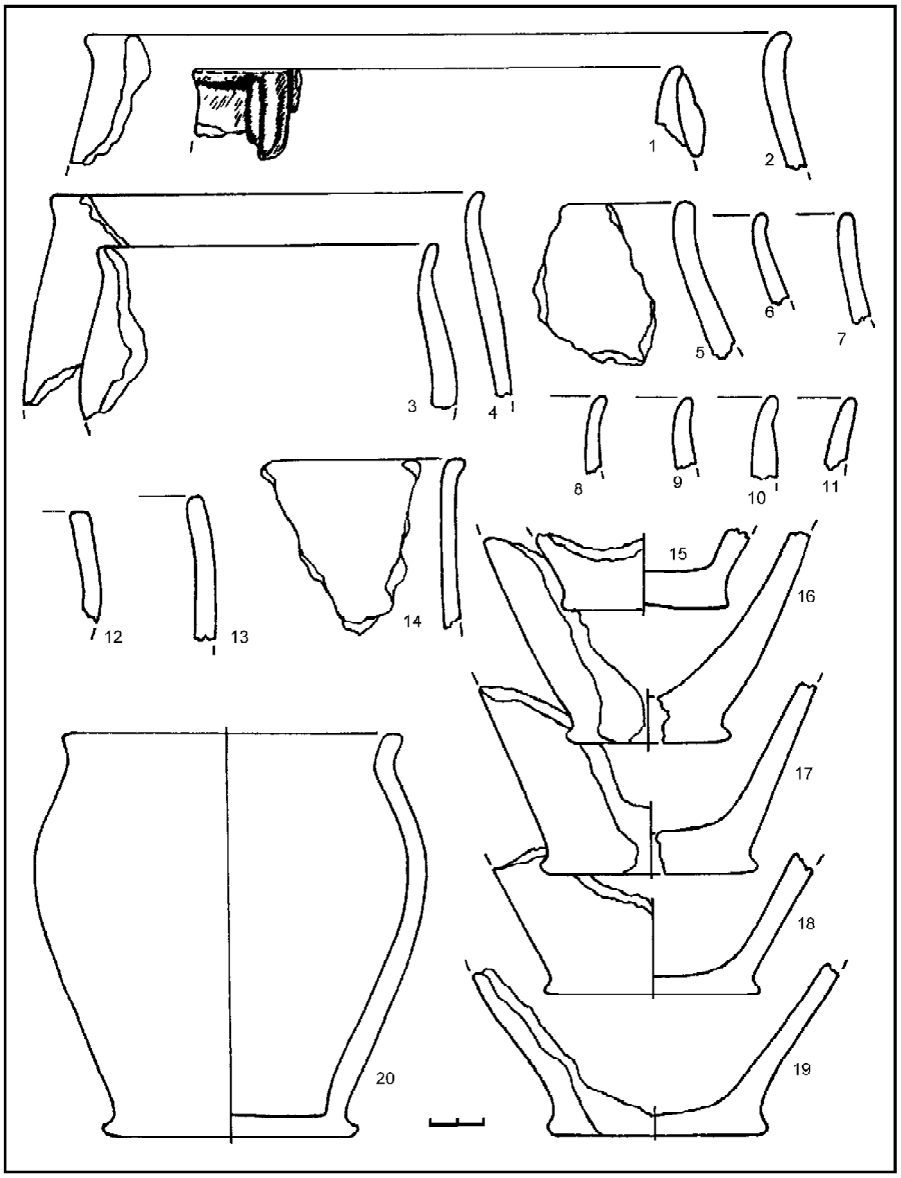

Рис. 35. Лепная керамика из верхней части культурного слоя раскопа II.

находок не содержало.

В культурном слое раскопа II наряду с обломками груболепных сосудов (рис. 21: 7-9; 24: 1-3,5,6,16-19,21,23,27; 25: 2,5-16; 26-39) найдены немногочисленные фрагменты гончарной керамики. Это часть венчика гончарного сосуда (рис. 43: 12), фрагмент стенки ребристого гончарного сосуда с лощением по внешней поверхности (рис. 43: 14), фрагмент стенки гончарного черняховского сосуда, обломки венчика и стенок гончарного светло-коричневого кувшина, внешняя и внутренняя поверхности которого были покрыты красным ангобом (рис. 43: 9), дно гончарного сосуда (рис. 43: 11) и три фрагмента стенок красноглиняных амфор. Все перечисленные находки зафиксированы в верхней части культурного слоя раскопа.

Кроме лепной и гончарной керамики в коллекцию памятника входят фрагменты глиняной обожженной обмазки, обломки точильных камней и жерновов, а также находки, связанные с кузнечным или ювелирным ремеслом: различные шлаки, обломки стенок тиглей (рис. 43: 19), куски мягкой и жаростойкой породы — опоки. К индивидуальным находкам из культурного слоя следует причислить обломок бронзового поясного наконечника (рис. 45: 2), железные ножи, шилья, фрагменты других железных изделий (рис. 45: 4,6-8,11-13,16) и глиняные пряслица — биконические и уплощенные (рис. 44: 8,13,20,22,24,25). В культурном слое раскопа II найдено также несколько бляшек из оловянисто-свинцового сплава, аналогичных бляшкам в составе клада.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
МАТЕРИАЛЫ РАННЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ С ПОСЕЛЕНИЯ ВЕЛИКИЕ БУДКИ (ХУТОР)

Находки, о которых пойдет речь в данной части статьи, относительно немногочисленны, однако они настолько четко выделяются на фоне остальных материалов, что позволяют поставить вопрос о существовании в культурном слое памятника горизонта раннеримского времени. К этому времени мы относим одну постройку и две ямы.

Постройка 7 (рис. 7) имела подпрямоугольную в плане форму, размеры 5,4 × 5,6 м, углублена в материк на 0,1-0,2 м, ориентирована стенами по сторонам света. В юго-западном и юго-восточном углах прослежены столбовые ямы диаметром 0,4 м, углубленные в пол на 0,1-0,2 м. Юго-восточный угол нарушен ямой 31, которая относится к более позднему, чем сама постройка, времени, так как заполнена черным интенсивно гумусированным песком, содержащим фрагменты груболепной керамики третьей четверти I тыс. н. э. Вдоль северной стены сооружения, вне его углубленной части, зафиксирован ряд из трех столбовых ям диаметром 0,45 м, углубленных в материк на 0,30-0,35 м. Котлован полуземлянки заполнен серо-коричневым слабогумусированным песком, при разборке которого на полу был найден орнаментированный грузик усеченно-конической формы с вогнутым основанием (рис. 44: 14).

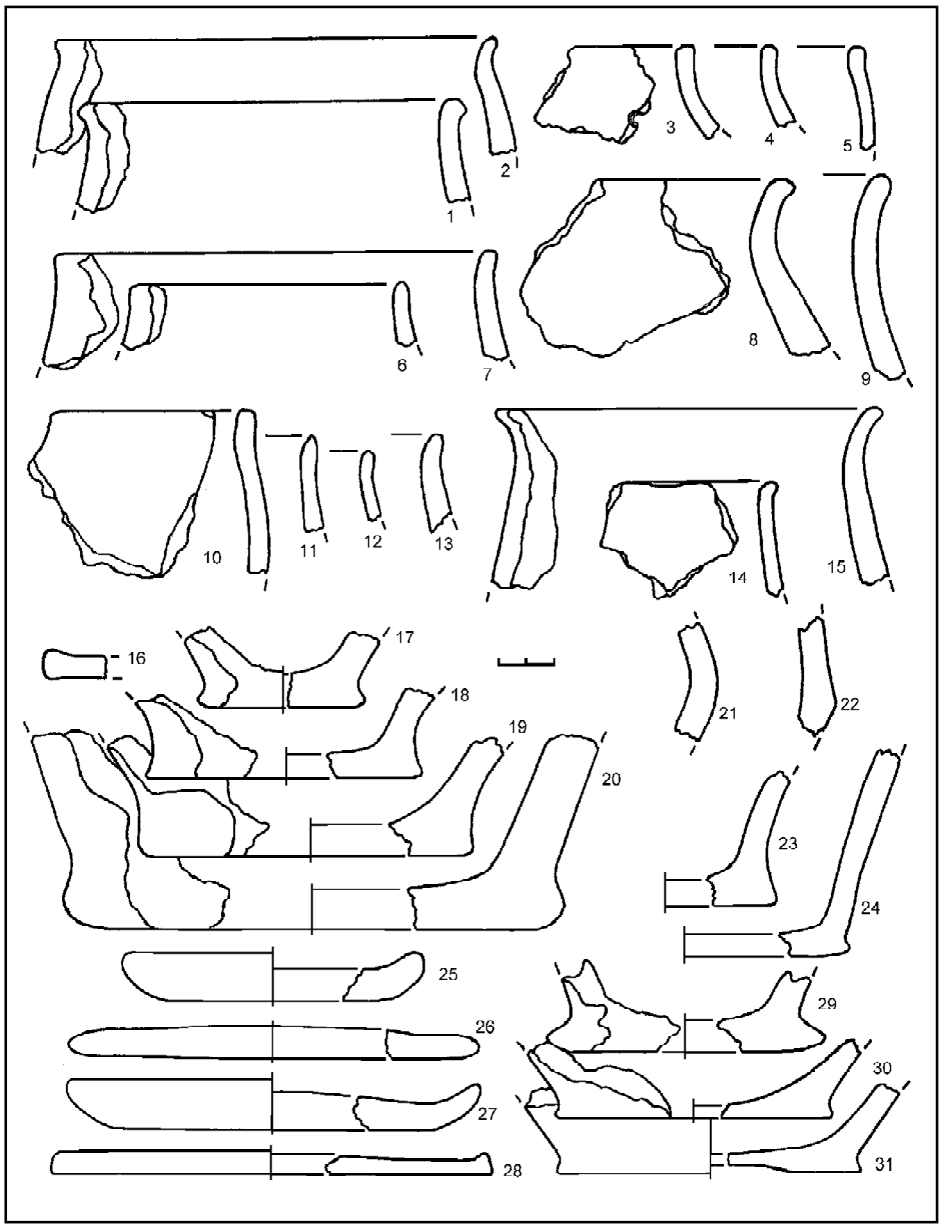

Рис. 36. Лепная керамика из верхней части культурного слоя раскопа II.

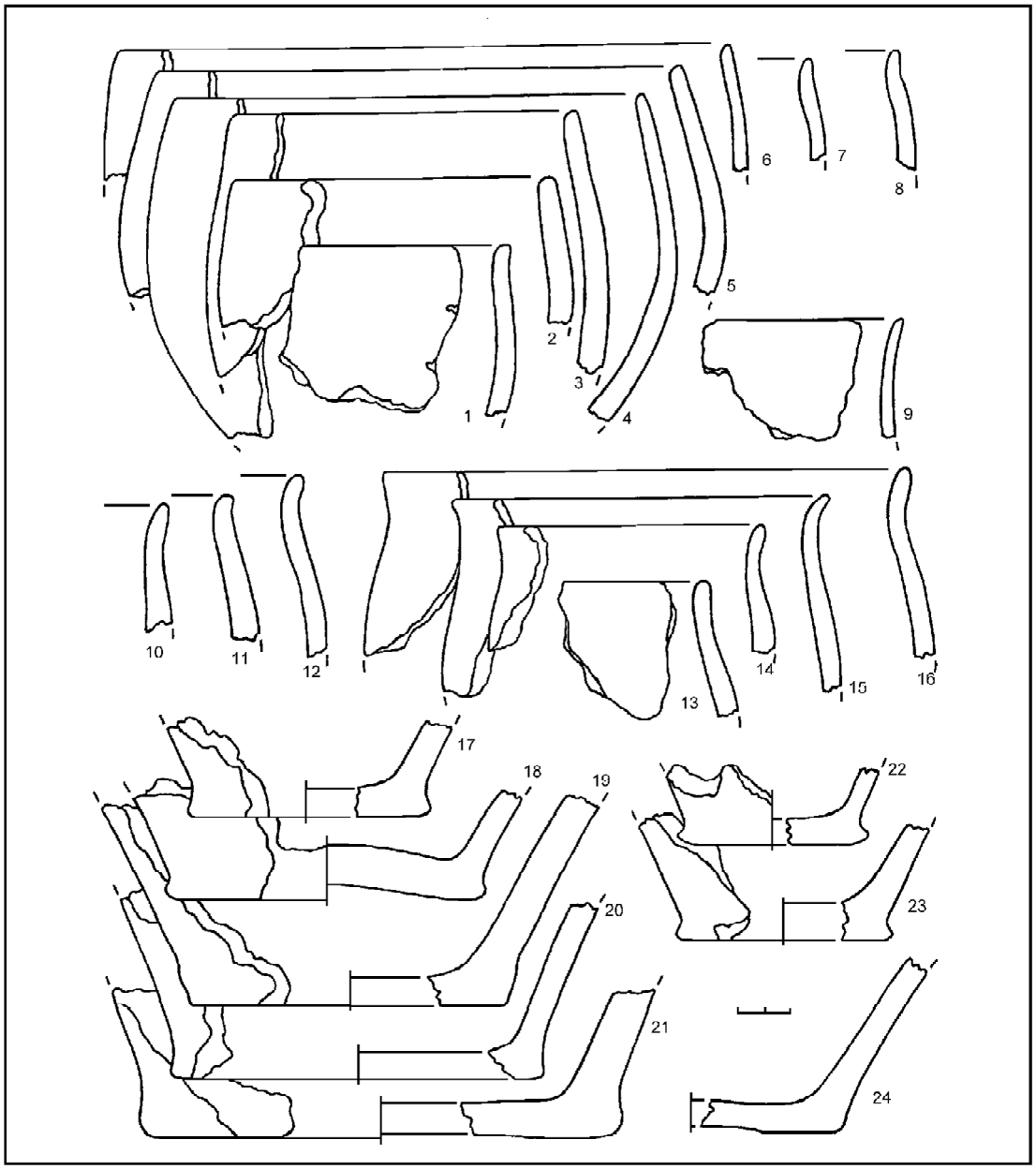

Рис. 37. Лепная керамика из верхней части культурного слоя раскопа II.

Основная часть находок, связанных с раннеримским временем, концентрируется, во-первых, в нижней части культурного слоя, как правило, в светлом предматериковом песке, и, во-вторых, в северной части раскопа II, в частности, непосредственно над котлованом постройки 7 (рис. 8; 9). Это и дает нам основания соотносить данную постройку с наиболее ранним строительным горизонтом поселения Великие Будки. Отдельные фрагменты керамики позднезарубинецкого облика встречены в культурном слое в центральной и южной частях раскопа II и даже в раскопе I, но это, вероятно, следует объяснять стратиграфическими нарушениями, связанными с жизнью на поселении в более позднее время.

Яма 22. Диаметр 1,12 м, углублена в материк на 0,4 м. Заполнение черное гумусное, содержало мелкие фрагменты лепной, в том числе штрихованной, керамики (рис. 24: 8).

Яма 26. Диаметр 1,35 м, углублена в материк на 0,65 м. Заполнение — темно-серый песок — содержало фрагменты лепных, в т.ч. чернолощеных сосудов (рис. 24: 7,12).

Большую часть материалов рассматриваемой группы составляют фрагменты лепных сосудов темно-серого, черного или коричневого цветов, изготовленных, как правило, из плотного теста с примесью шамота, песка или органики. Поверхность некоторых обломков покрыта расчесами или слабой штриховкой (рис. 27: 4; 39: 14), есть чернолощеная керамика (рис. 13: 7; 24: 7; 29: 10; 43: 7,8). Большинство фрагментов венчиков в этой группе орнаментированы

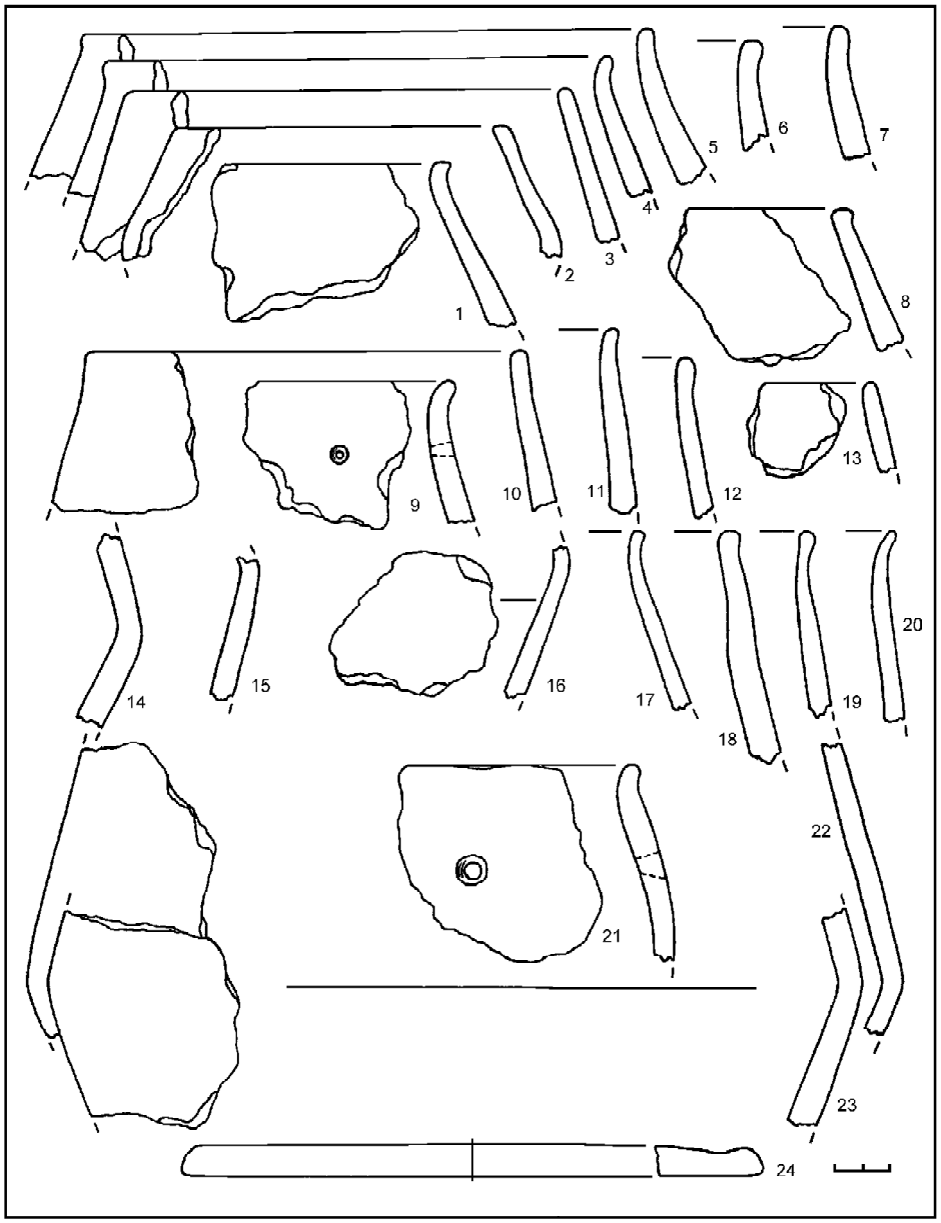

Рис. 38. Лепная керамика из верхней части культурного слоя раскопа II. 10,16 — с ангобом.

крупными или мелкими насечками и нарезками (рис. 43: 1,2,4-6). Такая керамика находит массовые аналогии среди посуды позднезарубинецких поселений и могильников. Однако, принимая во внимание некоторые особенности форм, способов обработки поверхности и орнаментации сосудов, а также местоположение самого поселения Великие Будки, следует, очевидно, рассматривать его наиболее ранний керамический комплекс в одном ряду с материалами позднезарубинецких памятников типа Картамышево-2 — Терновки-2. В частности, сосуды со слабопрофилированной верхней частью, расчесами и штриховкой по тулову, с почти вертикальными или слабо отогнутыми венчиками, украшенными нарезками и насечками, весьма многочисленны на поселениях Картамышево-2, Боброва-3, Гочево-1, а также среди материалов поселений Солдатское-5 в Сумской обл. и в ур. Озеро (Перемирки) в Полтавской обл., наиболее близких Великим Будкам в территориальном отношении. Особенно характерны для памятников типа Картамышево-2 лепные чернолощеные миски, украшенные гравированными линиями, образующими различные композиции (рис. 43: 8). Плоские пряслица, выточенные из стенок сосудов, аналогичные великобудковским (рис. 44: 15,16), также являются обычной находкой на позднезарубинецких поселениях Восточного Посеймья (Тихомиров, Терпиловский 1990: рис. 6: 2,4; 7; 8: 4-6; Терпиловский 1989: 54, рис. 1: 3-7,10; Терпиловский 1997: рис. 1: 1-3,11-14; Обломский, Терпиловский 1991: 65-69, рис. 14: 4; 15: 3-5; 16: 3,6; Обломский 1991: 37-40, 53, рис. 10: 1-6; 11: 1,2,4,5; 16: 1,2). Время существования памятников этого круга, устанавлива-

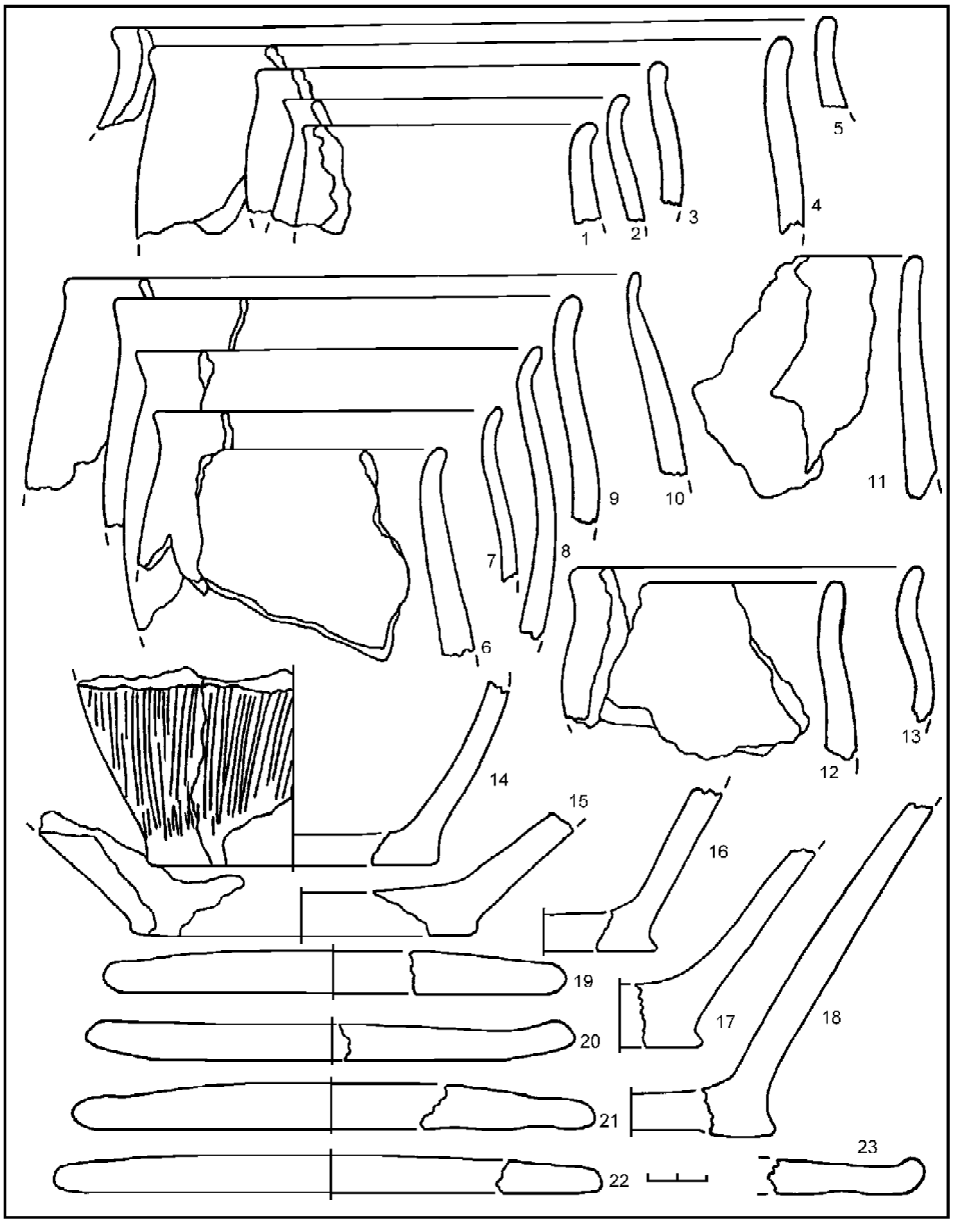

Рис. 39. Лепная керамика из верхней части культурного слоя раскопа II. 14 — с расчесами.

емое на основании анализа их керамических комплексов и датирующих находок — II — начало III вв. н. э. (Обломский, Терпиловский 1991: 71-74; Обломский 1993: 48). В то же время рассматриваемый материал из Великих Будков встречает определенные аналогии на поселении Попово-Лежачи-4, которое исследователи относят к ранней фазе киевской культуры (Обломский, Терпиловский 1998: 76-84, рис. 4: 1; 5: 4,6-9,10,11,14,15; 6: 3,4; 7: 23-28; 8: 17-19,23). Вообще, как уже отмечалось в литературе, позднезарубинецкие памятники в Восточном Посеймье смыкаются в культурном и хронологическом отношении с раннекиевскими (Обломский, Терпиловский 1991: 74; Обломский 1993: 48). Исходя из этого, а также из того, что находки раннеримского времени на поселении Великие Будки весьма немногочисленны, вероятно, следует пока остановиться на их относительно широкой этнокультурной атрибуции и соотносить данный комплекс с древностями позднезарубинецкого и раннекиевского времени на востоке Днепровского Левобережья.

При анализе неколочинских материалов поселения обращают на себя особое внимание глиняный грузик из постройки 7, фрагмент глиняного диска-поделки из верхней части и обломок железной посоховидной булавки — из нижней части культурного слоя раскопа II.

Грузик усеченно-конической формы с вогнутым нижним основанием, которое орнаментировано шестью округлыми вдавлениями вокруг отверстия, вылеплен из комковатой глины, имеет грубую неровную поверхность (рис. 44: 14). Близкие по форме изделия иногда встречаются на позднезарубинецких памятниках бассейна

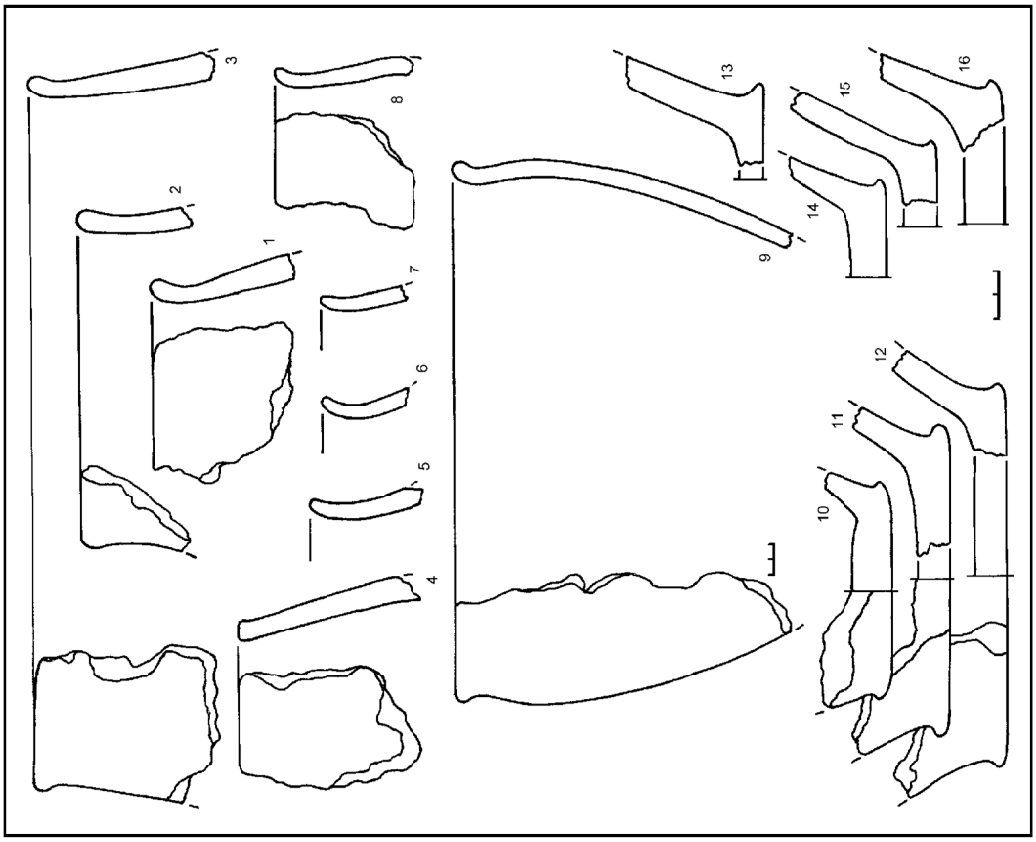

Рис. 41. Лепная керамика из верхней части культурного слоя раскопа I.

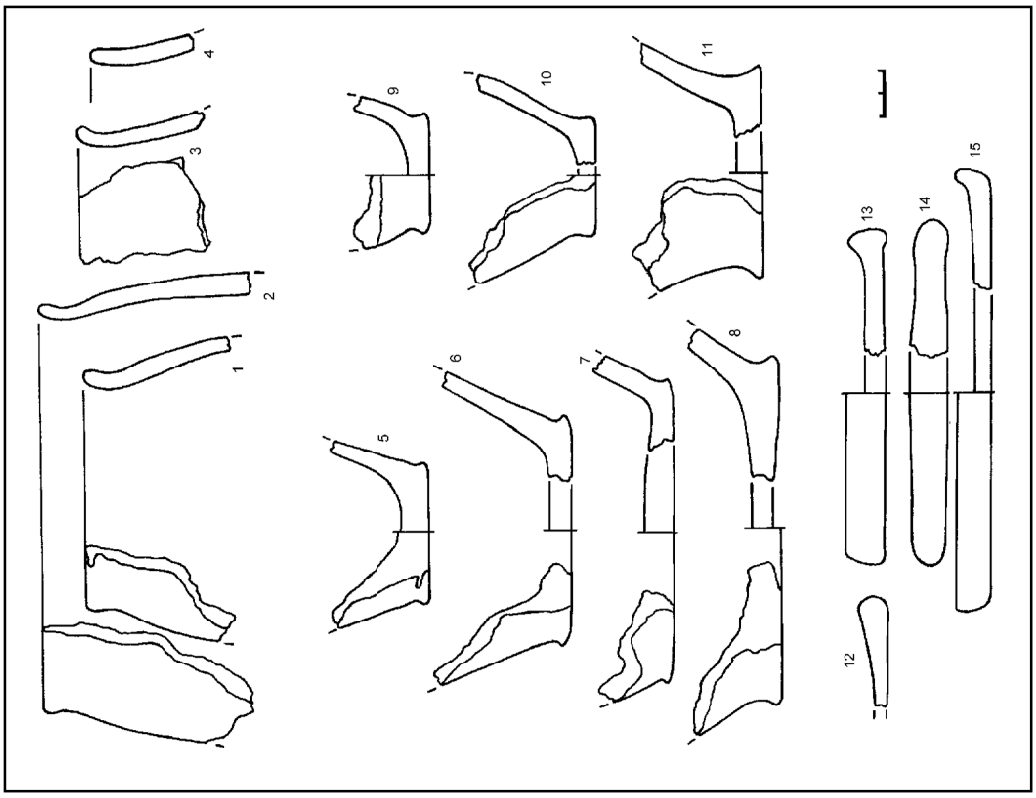

Рис. 40. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа I.

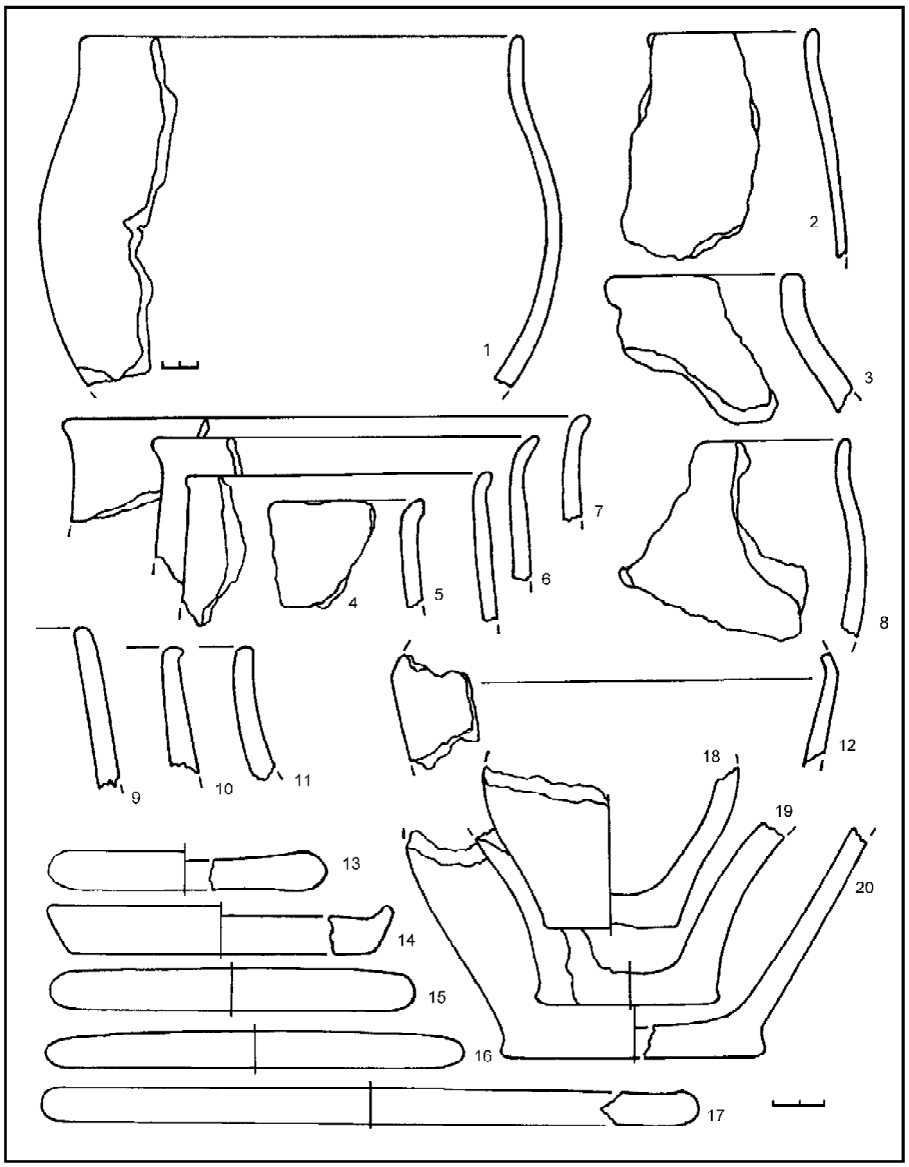

Рис. 42. Лепная керамика из верхней части культурного слоя раскопа I.

Северского Донца (Обломский 1991: 53, рис. 16: 10), однако в целом такие грузики являются одной из характерных особенностей юхновской культуры. Многочисленные аналогии нашей находке можно указать и среди юхновских материалов городищ Курского Посеймья. Так, глиняные грузики усеченно-конических форм, многие — с вогнутым основанием, орнаментированные насечками, наколами и, в частности, округлыми вдавлениями вокруг отверстия, найдены в культурном слое городищ Кузина Гора, Моисеевское, Переверзево (Алихова 1962: 109, рис. 7: 9,10; 13: 12,15; 21: 11,13,17; Пузикова 1997: рис. 23: 12,14-21,23,24,34).

Фрагменту поделки-диска, вылепленного из глины с большой примесью песка и украшенного наколами и различной формы отверстиями (рис. 43: 18), точных аналогий найти не удалось. Однако такой стиль орнаментации вообще весьма характерен для юхновской культуры как в Посеймье, так и в Подесенье. Разнообразные наколы, насечки, вдавления, прочерченные линии встречаются среди материалов юхновских памятников на пряслицах, грузиках и на различных керамических поделках — «лепешках», «хлебцах», «рогатых кирпичах», «блоках» и т. д. Не исключено, что находка из Великих Будков относится именно к этому кругу изделий (Алихова 1962: рис. 9: 16; 13: 17; 14: 6,7; 20: 3,7; Алихова 1956: 37, 40, рис. 11: 5,7,10; Воеводский 1949: 72, 73, рис. 16; 17б: 3-5; Левенок 1963: рис. 1: 23).

Возможно, предположение о связи с юхновской культурой следует выдвинуть и в отношении глиняного биконического пряслица, найденного в культурном слое в северо-восточной ча-

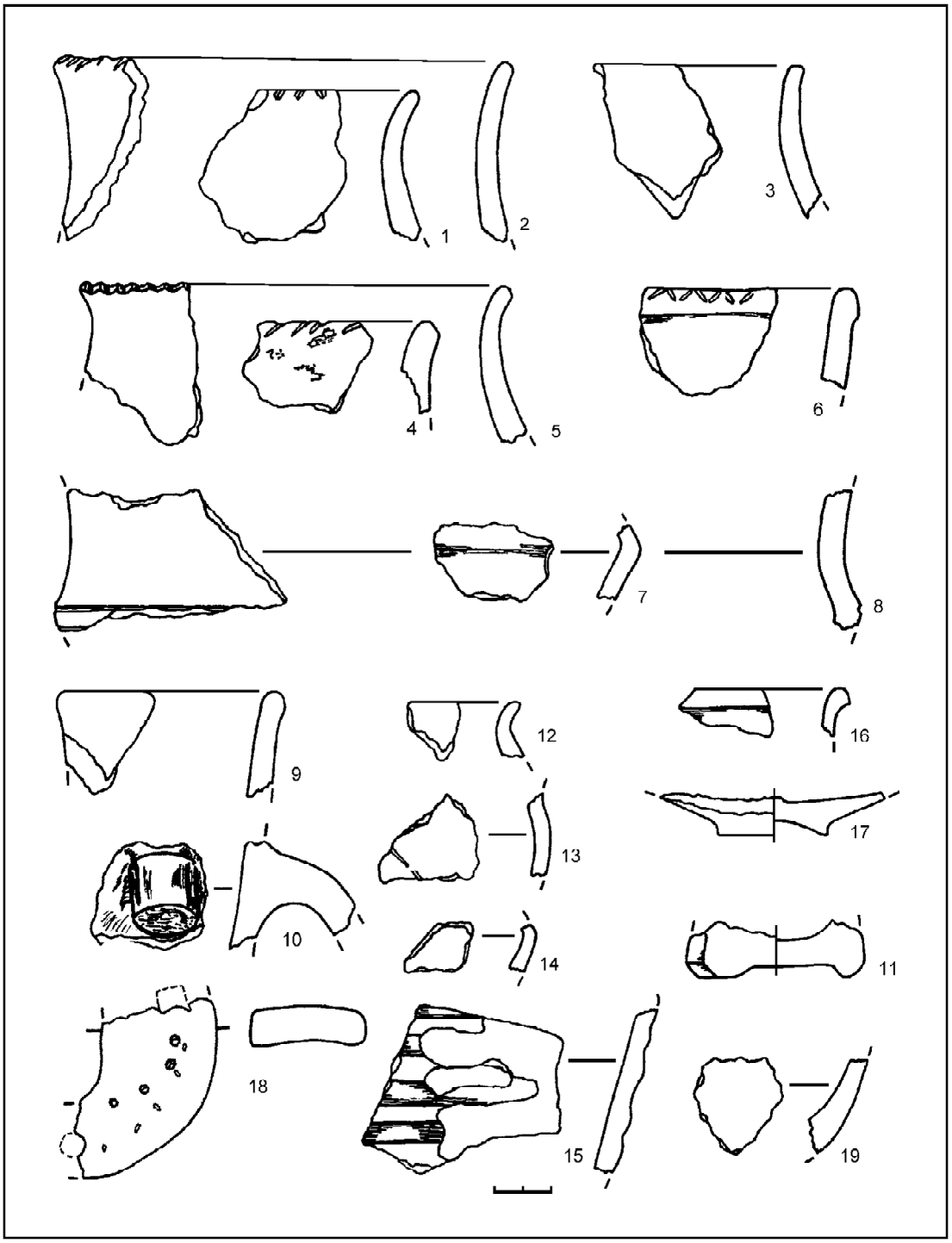

Рис. 43. Лепная (1-8, 18, 19) и гончарная (9-17) керамика с поселения Великие Будки (Хутор). 1-8 — из нижней части культурного слоя раскопа II; 9, 11, 12, 14, 18, 19 — из верхней части культурного слоя раскопа II; 10, 17 — из верхней части заполнения постройки 2; 13 — из заполнения котлована постройки 1; 15 — из верхней части заполнения постройки 3; 16 — из заполнения котлована постройки 2. 7, 8 — чернолощеная.

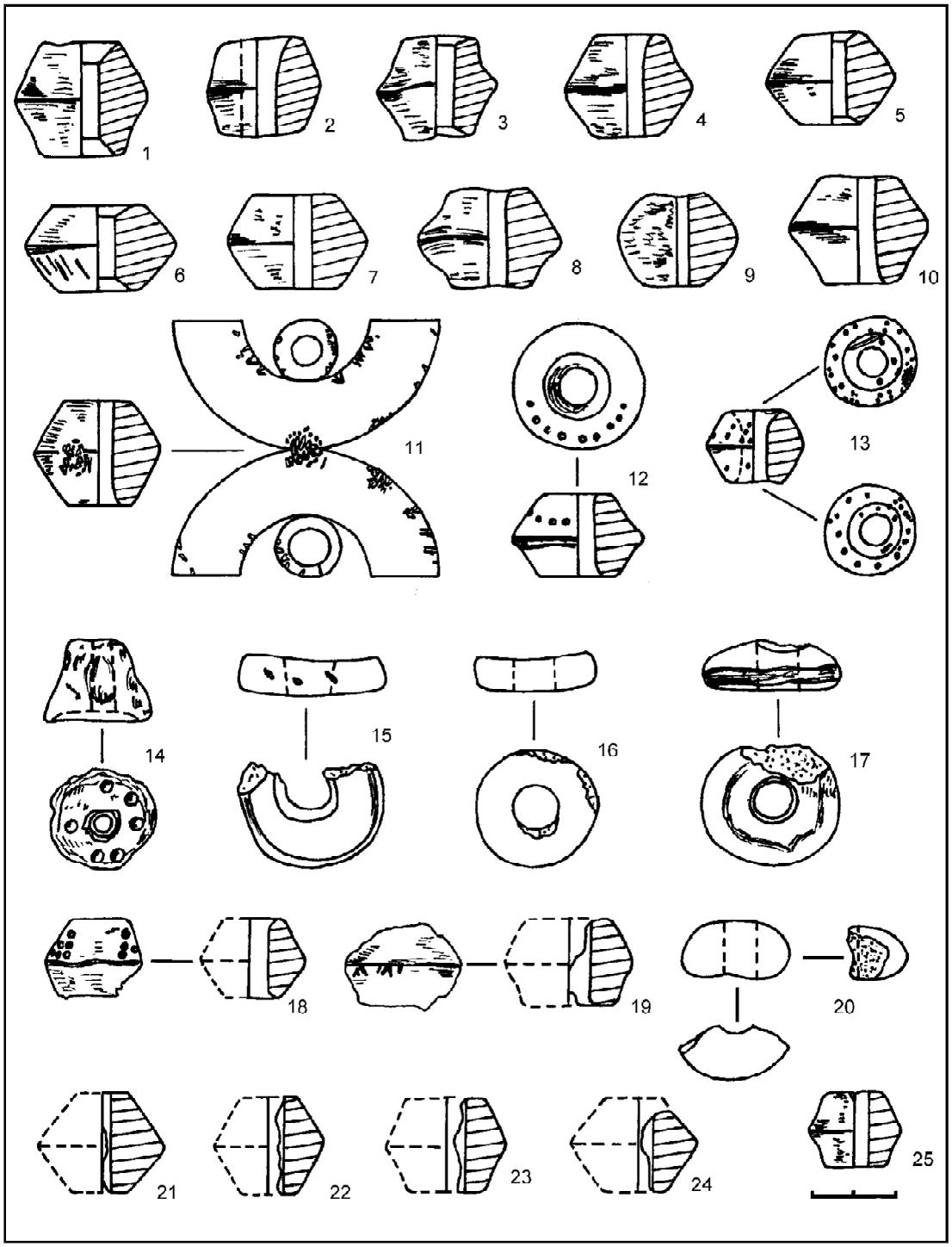

Рис. 44. Глиняные пряслица с поселения Великие Будки (Хутор). 1,2,18,19 — из верхней части заполнения постройки 3; 3,12 — из заполнения котлована постройки 3; 4,11 — из верхней части заполнения постройки 4; 5,17 — из верхней части заполнения постройки 2; 6 — из заполнения котлована постройки 2; 7 — из заполнения ямы у восточной стены постройки 4; 8,13,15,20,22,24,25 — из верхней части культурного слоя раскопа II; 9,10 — из заполнения котлована постройки 6; 14 — из заполнения котлована постройки 7; 16 — из нижней части культурного слоя раскопа II; 21,23 — из заполнения ям 13А и 13Б; 15,16 — выточены из стенок чернолощеных сосудов.

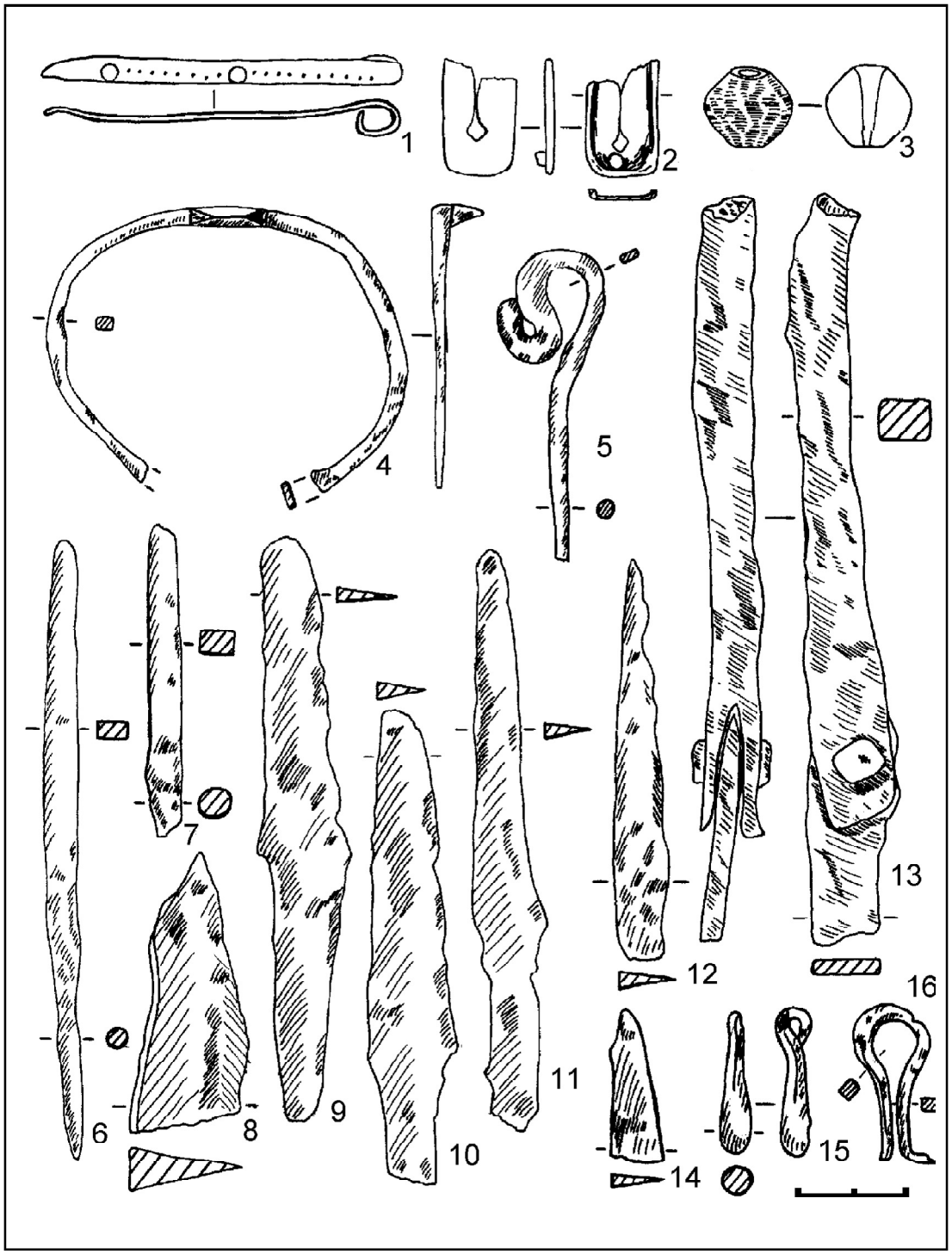

Рис. 45. Индивидуальные находки с поселения Великие Будки (Хутор). 1,10 — из заполнения котлована постройки 1; 9 — из заполнения ямы 5; 14 — из заполнения котлована постройки 6; 2-8,11-13,15,16 — из культурного слоя. 1,2 — бронза, 3 — стекло, 4-16 — железо.

сти раскопа II, недалеко от постройки 7. Все его поверхности покрыты узором из бессистемно нанесенных точечных наколов (рис. 44: 13). Хотя обычай украшать пряслица был широко распространен в Восточной Европе в течение очень длительного отрезка времени, по стилю орнаментации рассматриваемому экземпляру наиболее близки пряслица из юхновского слоя городища Кузина Гора, на которых так же бессистемно нанесены многочисленные точки и штрихи (Алихова 1962: рис. 13: 1,2,5).

Железная посоховидная булавка, обломок которой найден в нижней части культурного слоя раскопа II, над постройкой 7, относится к типу II, подтипу Г, варианту 1, виду 1а по А.М.Медведеву (рис. 45: 5) (Медведев 1995: 175, рис. 1).

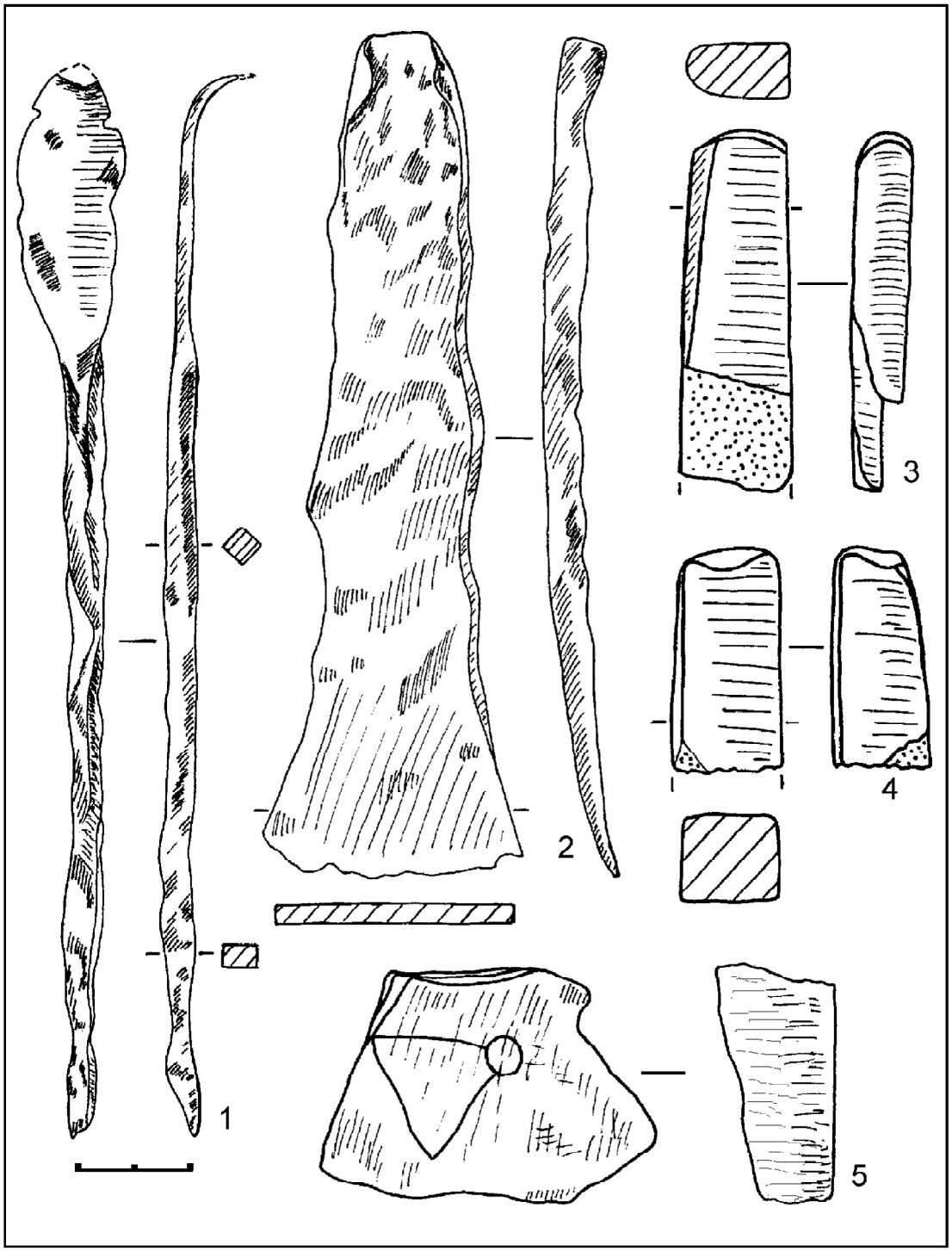

Рис. 46. Индивидуальные находки с поселения Великие Будки (Хутор). 1,2 — из состава клада; 4 — из заполнения котлована постройки 6; 3,5 — из культурного слоя. 1,2 — железо, 3-5 — камень.

Существование этого типа украшений укладывается в очень широкие территориальные и хронологические рамки, и на современном уровне знаний определить точную этнокультурную принадлежность и датировку рассматриваемого изделия мы не можем. Отметим лишь, что, по данным А.М.Медведева, такие булавки весьма многочисленны на поселениях лесной полосы Восточной Европы и, в частности, среди материалов юхновской культуры. Отдельные находки украшений этого типа известны и в более позднее время, например, близкая по форме булавка происходит из культурного слоя поселения Картамышево-2 (Обломский 1991: 57, рис. 18: 3). Однако в целом ситуация меняется, и уже на памятниках зарубинецкой куль-

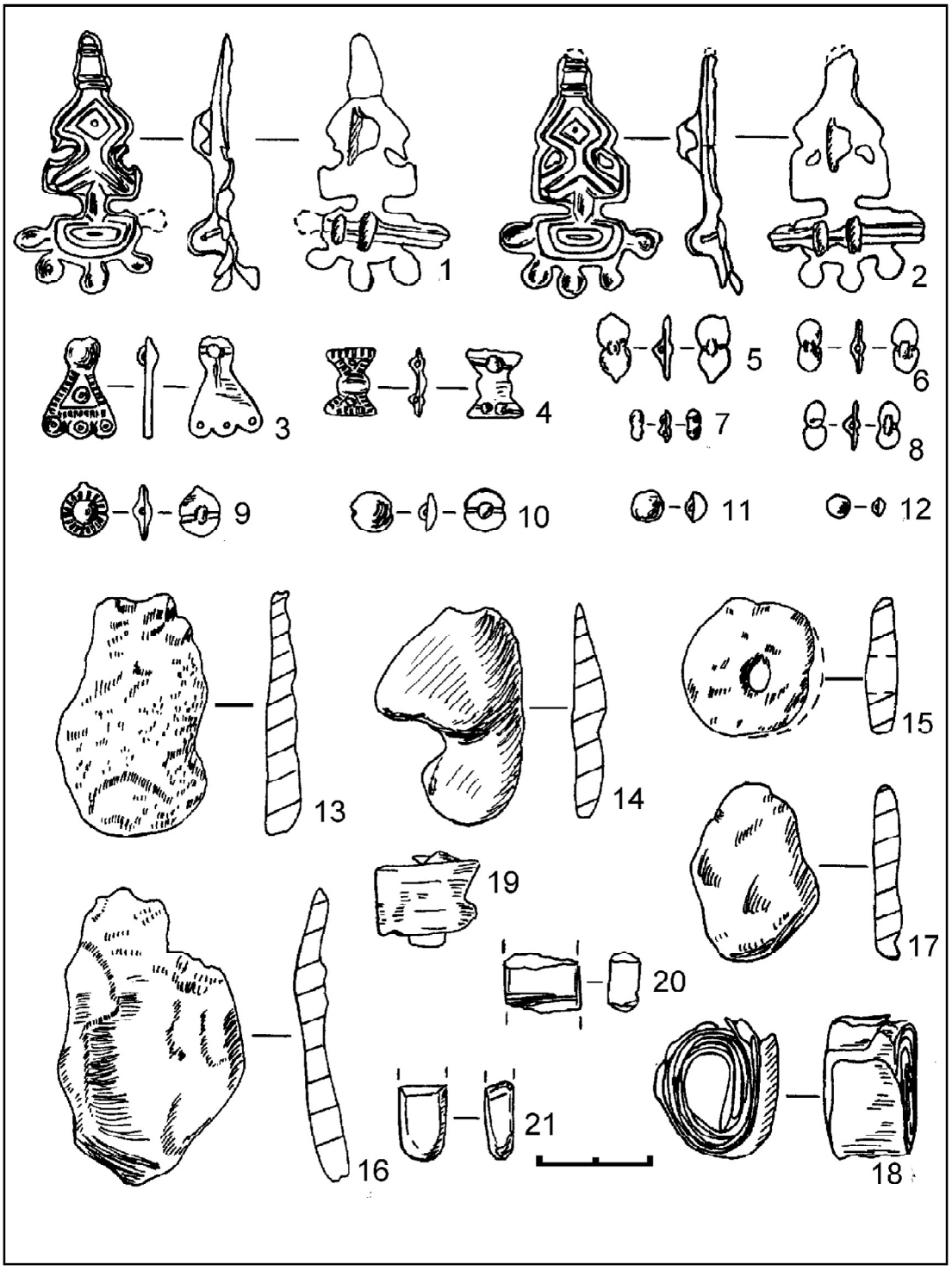

Рис. 47. Клад. 1-18 — оловянисто-свинцовый сплав, 19-21 — серебро.

туры посоховидные булавки представлены в основном другими типами (Медведев 1995: 179-184, 193).

Таким образом среди материалов поселения Великие Будки (Хутор) выделяется группа находок, имеющих непосредственные аналогии в юхновской культуре. В то же время ни керамика, ни строительные объекты раннего железного века на памятнике не зафиксированы. Более того, орнаментированный грузик был обнаружен в постройке 7, которая вполне вписывается в стандарты позднезарубинецкого домостроительства. Вряд ли он мог попасть туда случайно, так как, по наблюдениям участников раскопок, был буквально втоптан в пол, откуда его извлекли при зачистке. Чтобы объяснить присутствие вещей юхновского облика в культурном слое поселения, можно выдвинуть ги-

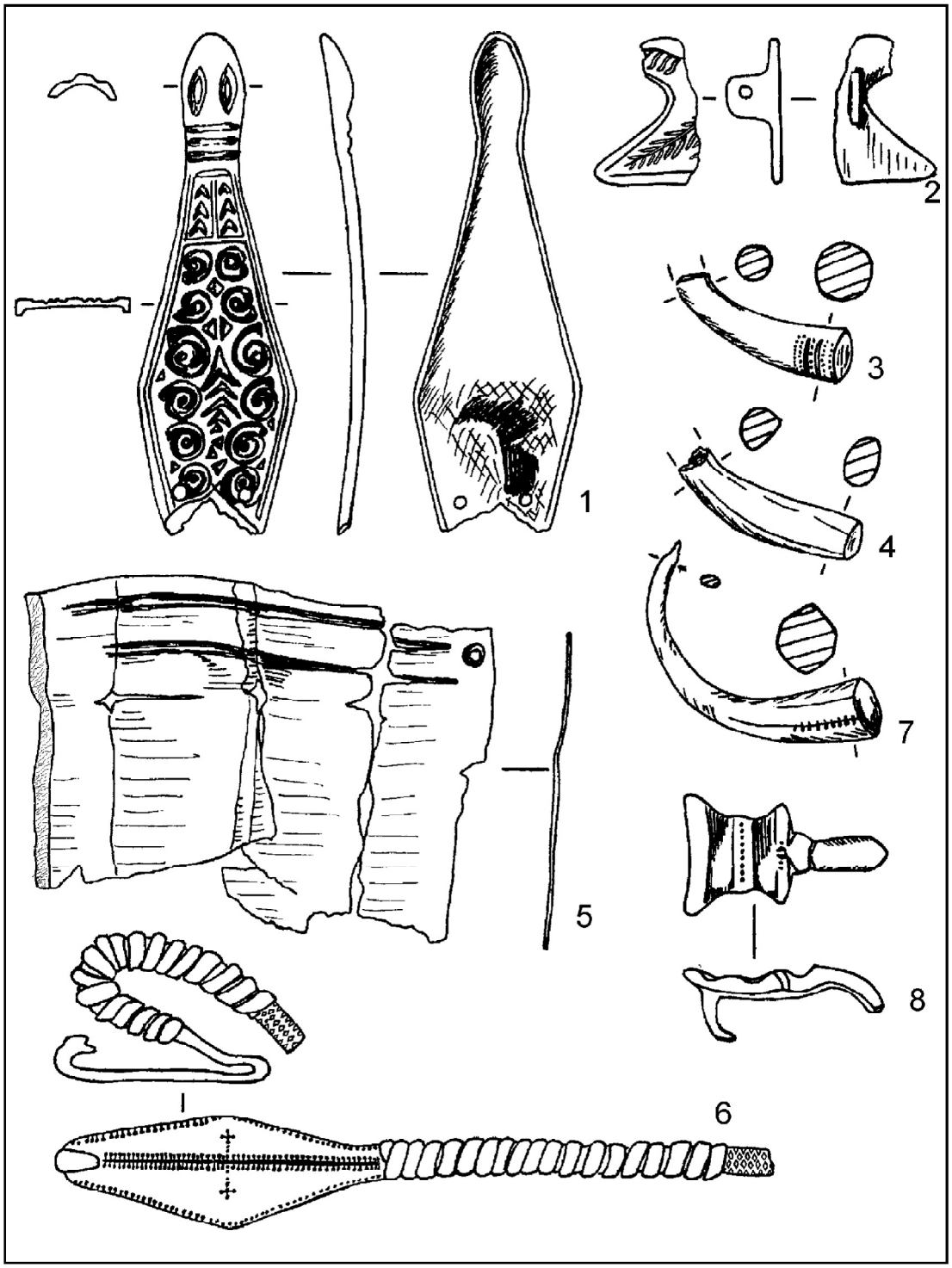

Рис. 48. Клад. 1-6 — серебро, 7,8 — латунь.

потезу либо о существовании здесь в свое время кратковременной юхновской стоянки, что кажется нам маловероятным, либо о наличии культурных связей между юхновскими и позднезарубинецкими племенами. Верхняя дата юхновской культуры определяется в пределах первых веков н. э., хотя есть сведения о находке керамики поздней фазы данной культуры в комплексе с аланским браслетом IV в. н. э. (Воеводский 1949: 67; Левенок 1963: 91). В Восточном Посеймье юхновские памятники сменяются позднезарубинецкими, но до сего времени каких-либо культурных контактов или преемственности традиций между ними выявлено не было. С другой стороны, в Подесенье, которое также входило в ареал вначале юхновских, а потом позднезарубинецких племен, мощное культурное влияние местного субстрата на при-

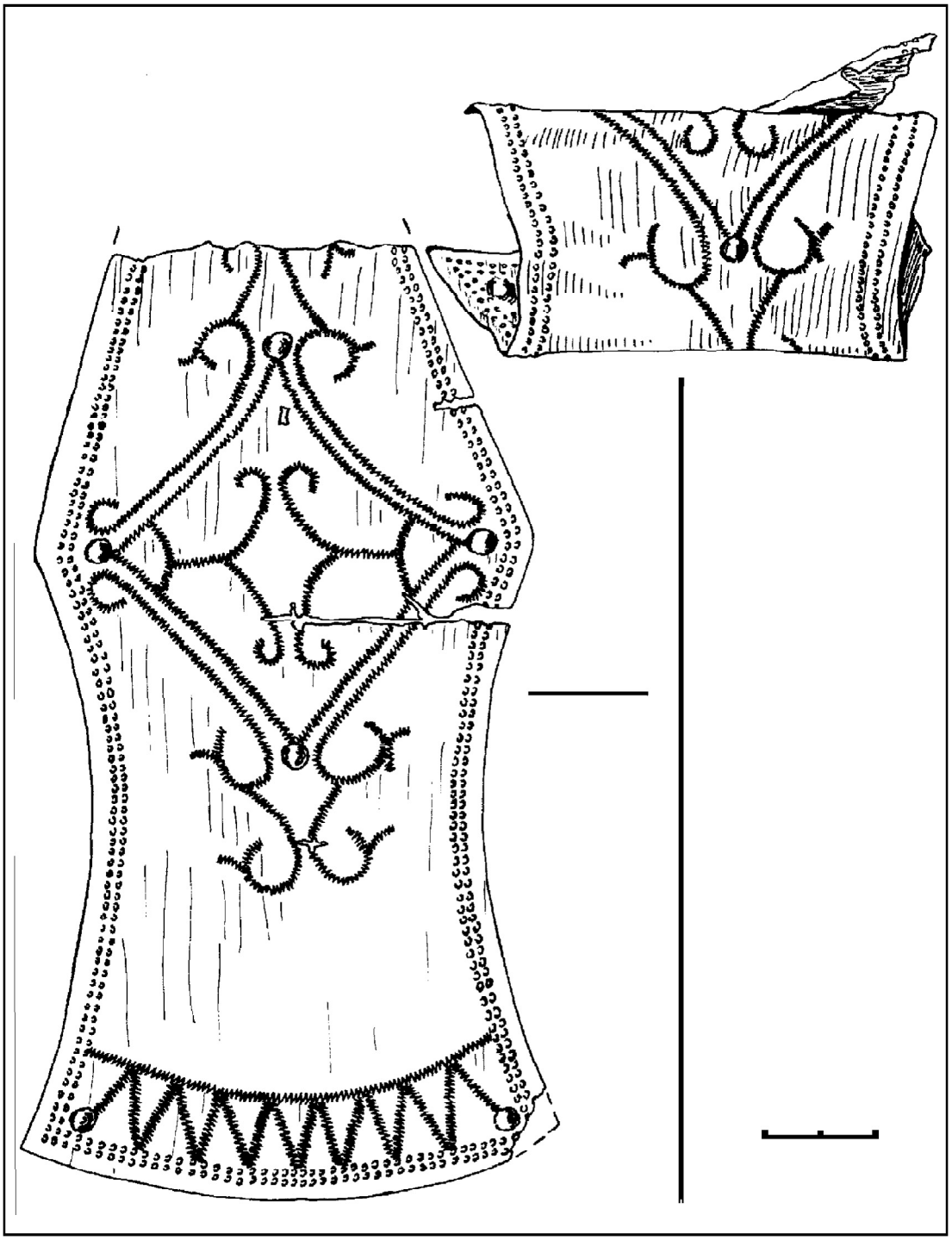

Рис. 49. Клад. Серебро.

шельцев-носителей зарубинецких традиций считается доказанным (Амброз 1964: 59-62; Амброз 1978: 38, 39). Можно предполагать, что и в Посеймье ситуация не была столь однозначной. Вероятно, какое-то взаимодействие, хоть и не в таком объеме, как в Подесенье, между представителями юхновских и позднезарубинецких племен здесь все же было, и материалы поселения Великие Будки в определенной мере отражают этот процесс.

Таблица 1

№ рисунка вещи	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Au	As	Sb	Bi	Fe	Co	Ni	Тип сплава
47: 16	0,3	50	50	-	0,04	-	-	0,1	0,04	-	-	-	Sn-Pb
47: 13	0,2	64	36	-	0,01	-	-	0,07	0,03	-	-	-	Sn-Pb
47: 14	0,6	66	33	0,2	0,015	-	0,06	0,19	0,055	-	-	-	Sn-Pb
47: 17	0,25	63	36	0,18	0,03	0,13	0,07	0,22	0,055	-	-	-	Sn-Pb
47: 1	0,35	70	29	0,07	0,015	-	0,05	0,22	0,04	0,06	-	-	Sn-Pb
47: 2	0,4	71	28	-	0,012	0,1	0,06	0,25	0,045	0,04	-	-	Sn-Pb
47: 15	0,6	71	27	0,35	0,02	-	0,07	0,26	0,05	-	-	-	Sn-Pb
47: 18	0,25	63	36	0,55	0,015	-	0,06	0,22	0,04	0,05	-	-	Sn-Pb
47: 9-12	0,45	69	30	-	0,05	0,11	0,08	0,12	0,955	-	-	-	Sn-Pb
47: 4	2,5	55	42	0,045	1,0	0,3	0,05	0,2	0,06	0,08	-	-	Sn-Pb-(Cu)
47: 5-8	0,3	64	35	-	0,02	-	0,1	0,18	0,04	1,5	-	-	Sn-Pb
47: 5-8	0,45	57	42	-	0,02	-	0,05	0,22	0,075	-	-	-	Sn-Pb
47: 3	0,4	64	35	0,055	0,012	-	0,06	0,2	0,045	-	-	-	Sn-Pb
47: 5-8	0,35	67	32	-	0,02	-	0,1	0,4	0,06	0,4	-	0,025	Sn-Pb
48: 3	31	2,0	2,0	1,8	62	0,3	0,14	0,09	0,07	0,1	-	0,02	Ag-Cu-(Sn)-(Pb)-(Zn)
48: 4	32	2,0	1,8	7	55	0,5	0,16	0,04	0,045	0,022	-	0,04	Ag-Cu-Zn-(Sn)-(Pb)
48: 2	27	0,16	1,8	5	65	0,55	0,11	0,011	0,055	0,07	-	0,07	Ag-Cu-Zn-(Pb)
48: 6	18	1,8	1,7	0,08	79	1,2	0,07	0,008	0,055	-	-	0,06	Ag-Cu-(Sn)-(Pb)*
47: 20	31	1,7	1,9	7	56	0,8	0,18	0,13	0,03	0,4	0,03	0,085	Ag-Cu-Zn-(Sn)-(Pb)
47: 21	46	2,5	1,2	4,2	46	0,35	0,08	0,02	0,045	0,35	-	0,15	Ag-Cu-Zn-(Sn)-(Pb)
47: 19	25	1,0	1,4	1,7	70	0,4	0,08	0,035	0,06	0,07	-	0,035	Ag-Cu-(Sn)-(Pb)-(Zn)
48: 5	26	0,7	1,8	4	66	0,45	0,14	0,035	0,035	0,11	-	0,06	Ag-Cu-Zn-(Pb)-(Sn)
48: 5	24	22	1,9	0,65	51	0,35	0,12	0,13	0,025	0,12	-	0,014	Ag-Cu-(Pb)+(Sn)***
49	29	0,5	2,0	0,75	69	0,8	-	0,025	0,02	-	-	-	Ag-Cu-(Pb)
48: 1	22	13	2,4	3,2	56	1,8	0,15	0,04	0,1	0,26	-	0,035	Ag-Cu-Sn-(Pb)-(Zn)****
48: 7	основа	0,18	1,5	13	0,009	-	0,13	0,03	0,008	0,1	-	0,07	Cu-Zn-(Pb)
48: 8	основа	0,3	2,5	17	0,09	-	0,4	0,12	0,025	0,18	-	0,045	Cu-Zn-(Pb)
48: 6	21	2,0	1,6	0,25	74	1,2	0,05	0,009	0,055	0,05	0,02	0,022	Ag-Cu-(Sn)-(Pb)**

* — обмотка; ** — основа; *** — пайка; **** — с позолотой.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3
РЕЗУЛЬТАТЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА ВЕЩЕЙ ИЗ СОСТАВА КЛАДА

Количественный спектральный анализ изделий, входящих в найденный на поселении Великие Будки клад, был проведен в лаборатории ИИМК РАН В.А.Галибиным. В кладе представлены три группы сплавов: оловянисто-свинцовый, латунь и низкопробное серебро нескольких типов (табл. 1).

Маленькие пальчатые фибулы (рис. 47: 1,2) и нашивные бляшки (рис. 47: 3-12) были изготовлены из оловянисто-свинцового сплава (Sn-Pb), вероятно, мастером, спрятавшим клад, что дополнительно подтверждается наличием в составе комплекса оловянисто-свинцовых сплесков — отходов литья (рис. 47: 13,14,16,17). Свинец в этом сплаве занимал чаще всего подчиненное положение. В Поднепровье, к местным ювелирам такой металл импортировался, очевидно, в виде слитков округлой лепешкообразной формы или тонких полосок, свернутых в спираль (рис. 47: 15,18).

Браслет с расширенными подграненными орнаментированными концами (рис. 48: 7) и язычок от пряжки со щитовидным расширением у основания (рис. 48: 8) были изготовлены из латуни (Cu-Zn-(Pb)), причем добавка цинка в сплаве не превышала 17%.

Остальные вещи изготовлены из многокомпонентных сплавов, основу которых составляло серебро (от 46% до 79%). В первом типе сплава (Ag-Cu-Sn-(Pb)-(Zn)) ведущая присадка, медь (от 18% до 46%), сопровождается оловом (1,8-13%) в сочетании со свинцом (1,6-2%) и цинком (1,8-3,2%), иногда без последнего. Из этого сплава были сделаны большая пальчатая фибула (рис. 48: 1) и шейная гривна (рис. 48: 6). Во втором типе (Ag-Cu-Zn-(Sn)-(Pb)) медь сочетается с цинком (1,7-7%) в сопровождении незначительных добавок олова (0,7-2,5%) и свинца (1,2-1,9%). Вероятно, к этому типу сплава относится низкопробное серебро, поступавшее в среду колочинских племен в виде слитков (рис. 47: 20,21), из которого изготовлены оковка (рис. 48: 5), браслет (рис. 48: 4) и пластинки, свернутые в спираль (рис. 47: 19). В особый вариант данного сплава следует выделить металл антропозооморфной фибулы (Ag-Cu-Zn-(Pb)), который не содержит ощутимых добавок олова. Легирующая его медь сопровождается только свинцом (1,8%). Наконец, третий тип сплава (Ag-Cu-(Pb)), где основная добавка, медь, сопровождалась лишь незначительной (2%) присадкой свинца, был использован при изготовлении большой орнаментированной пластины (рис. 49).

Столь значительное число компонентов в сплавах клада из Великих Будков, на наш взгляд, определялось тем, что к серебру были добавлены в качестве доминирующего приплава не чистая медь, а слабо оловянистые, цинковые бронзы и бинарный сплав меди и свинца. И если первые в предшествующее время, во II-V вв., присутствовали на памятниках Восточной Европы, преимущественно в позднесарматских, черняховских древностях, а также в Ольвии и в Танаисе, то латуни с оловянисто-свинцовыми присадками, как и бинарный сплав меди и свинца, были редко встречаемыми металлами (Черных, Барцева 1972: 61, 62). Может быть, необычность сплавов вещей из Великобудковского клада, в особенности, антропозооморфной фибулы (Ag(65%)-Cu(27%)-Zn(5%)-Pb(1,8%)) и большой пальчатой фибулы (Ag(56%)-Cu(22%)-Sn(13%)-Zn(3,2%)-Pb(2,4%)) и следует интерпретировать с учетом всего вышеизложенного, но отсутствие целого комплекса спектроаналитических данных как по Центральной, так и по Восточной Европе заставляет нас пока воздержаться от каких-либо определенных суждений.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь.

Аксенов В.С., Бабенко Л.И. 1998. Погребение VI-VII вв. н. э. у села Мохнач // РА. №3.

Алихова А.Е. 1956. К вопросу о датировке двух городищ у с.Юхнова // КСИИМК. Вып. 65.

Алихова А.Е. 1962. Древние городища Курского Посеймья // МИА. №113.

Амброз А.К. 1964. К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н. э. // СА. №1.

Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. I // СА. №2.

Амброз А.К. 1978. Длинные дома Полужского городища IV-III вв. до н. э. // Древняя Русь и славяне. М.

Амброз А.К. 1993. К происхождению днепровских антропозооморфных фибул // РА. №2.

Ауліх В.В. 1972. Зимнівське городище — слов`янська пам`ятка VI-VII ст. н. е. в Західній Волині. Київ.

Аун М.Э. 1979. Об исследовании курганов у деревни Рысна-Сааре // Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки 28/4. Таллинн.

Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю. 1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. Вып. 198.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. 1993. Скалистинский могильник. Киев.

Воеводский М.В. 1949. Городища Верхней Десны // КСИИМК. Вып. XXIV.

Гавритухин И.О. 1991а. Малые пальчатые фибулы из Великих Будков // Тезисы докладов конференции «Археология и история юго-востока Руси». Курск.

Гавритухин И.О. 1991б. Пальчатые фибулы пражских памятников Поднестровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.

Гавритухин И.О. 1996а. Детали ременной гарнитуры // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Гавритухин И.О. 1996б. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Генинг В.Ф. 1962. Мыдлань-Шай — удмуртский могильник VIII — IX вв. // Вопросы археологии Урала. 3. Свердловск.

Горюнова В.М. 1987. К вопросу об оловянных украшениях «антских» кладов // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Горюнова В.М. 1992. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. Вып. I. СПб.

Казакявичюс В. 1982. Боевые топоры на территории Литвы и Белоруссии в I тыс. н. э. // Древности Белоруссии и Литвы. Минск.

Корзухина Г.Ф. 1974. Среднее Поднепровье во второй половине VI — начале VIII вв. // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. №77.

Левенок В.П. 1963. Юхновская культура (ее происхождение и развитие) // СА. №3.

Медведев А.М. 1995. Посоховидные булавки // Гістарычна-археалагічны зборник. №7. Минск.

Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н. э. Москва-Сумы.

Обломский А.М. 1993. Позднезарубинецкие памятники // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. Археология СССР. М.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1998. Поселение Попово-Лежачи-4 и его место среди памятников киевской культуры // Acta Universitatis Lodsiensis. Folia Archaeologica 22.

Приходнюк О.М. 1994. Технологія виробництва та витоки ювелірного стилю металевих прикрас Пастирського городища // Археологія. №3.

Приходнюк О.М. 1998. Основні підсумки та завдання вивчення Пастирського городища // Археологія. №3.

Приходнюк О.М., Вакуленко Л.В. 1998. Дослідження Пастирського городища в ювілейному сезоні 1998 року // Археологічні дослідження. Київ.

Пузикова А.И. 1997. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М.

Родинкова В.Е. 1996. Металлические детали одежды и украшения как хронологические индикаторы // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Седов В.В. 1974. Длинные курганы кривичей // САИ. Вып. Е1-8.

Седов В.В. 1982. Восточные славяне в VI — XIII вв. // Археология СССР. М.

Таутавичюс А. 1966. К вопросу о хронологии восточнолитовских боевых топоров // Pronksiajast varase feodalismini. Tallinn.

Терпиловский Р.В. 1989. Новые исследования памятников первой половины I тыс. н. э. в Сумской обл. // Проблемы археологии Сумщины. Тезисы докладов. Сумы.

Терпиловський Р.В. 1997. Звіт про охоронні дослідження поселення пізньозарубинецького часу в ур. Озеро (Перемірки) біля с. Більськ Котелевського р-ну Полтавськоі обл. в 1997 р. // Архив

ИА НАН Украины.
Тихомиров Н.А. 1990. Княжинский и Лебяжинский могильники // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.
Тихомиров Н.А., Терпиловский Р.В. 1990. Поселения Гочево 1 и 2 на Псле // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.
Черных Е.Н., Барцева Т.Б. 1972. Сплавы цветных металлов // Металл черняховской культуры. М.
Щеглова О.А. 1990. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск.
Fettich N. 1951. Archäologische Studien zur Geschichte der späthunnische Metallkunst // Archaeologia Hungarica. XXXI. Budapest.
Kuhn H. 1956. Das Problem der Masurgermanischen Fibel in Ostpreußen // Documenta Archaeologica. Festschrift W. La Baume. Bonn.
Mitrea B., Preda C. 1966. Necropole din secolul al IV-lea e. n. in Muntenia. Bucureşti.
Svoboda B. 1953. Poklad byzantskeho kovotepce v Zemianskem Vrbovku // Pamatky Archeologicke XLIV.
Szabo K. 1939. Jazygisch-sarmatische Graber in der Umgeburg von Kecskemet // Folia archaeologica I-II. Budapest.
Urtan V. 1977. Senokie depoziti Latvija. Riga.
Werner J. 1950. Slawische Bugelfibel des 7 Jahrhunderts // Reinecke Festschrift. Mainz.

Середа Д.В.

КОЛОЧИНСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ВЕЛИКИЕ БУДКИ (ХУТОР). ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА.

Sereda D.V. Kolotchin Set of Pottery of the Settlement Velikiye Budki (Khutor). Comparative Analysis.

The article is devoted to the problem of characteristic features of ceramics found during the excavations at one of the largest Kolotchin sites Velikiye Budki (also named Khutor). The collection of pottery found at this site contains approximately a quarter of all Kolotchin vessels, so that Velikiye Budki is one of the most significant and important sites in Kolotchin culture, which dates from V to VII cent. AD.

The author of the article tries to analyze the complex of pottery from the settlement Velikiye Budki and such complexes from other Kolotchin sites, including collections of ceramics from both burial grounds and settlements. As an instrument of the analysis it's offered to use new scheme of classification of Kolotchin pottery. It is divided into eight types of vessels and two types of ceramic discs.

The author presents the results of comparative analysis of Kolotchin vessels found at different sites of the culture, including Velikiye Budki. According to these results several traditions in shaping the features of sets of pottery are discovered in Kolotchin culture. We can differentiate from each other early Seim sites (V cent. A.D.) and the latest ones of South-East of Kolotchin territory (VII cent. AD), the sites near river Desna and the sites of South Belorussia. Each of named groups has its own characteristic features in structure of pottery types in standard, average set of pottery.

The correlation of types of vessels found at Velikiye Budki shows us two groups of pottery. The first one, - the pottery found in the second, (the lower) layer, - is similar to Early Seim Kolotchin pottery. The second group of vessels and discs, found in the first (the upper) layer, has the such correlation of types, which is more characteristic for the set of pottery at the latest South-Eastern Kolotchin sites. So we can see, that Velikiye Budki is the site, which existed a very long period of time - from V cent. A.D to VII cent. AD. But we could not say that Velikiye Budki is a typical site of South-Eastern Kolotchin culture with early and late elements in its set of pottery. The set of Kolotchin vessels from Velikiye Budki has rather specific structure, which demonstrates some elements unknown both at the early and the late stages of culture. These specific elements, like great amount of ceramic discs, vessels of type IV (ill.2), specific biconic vessels, may have been dating to the VI cent. AD. Also some details in shaping of section of some vessel's may demonstrate influence of Pen'kov culture. This statement must be proved during future research of Kolotchin culture and its pottery.

1. Колочинский керамический комплекс поселения Великие (Большие) Будки (Хутор) представляет огромный интерес для изучения культуры в целом. С данного памятника происходит самая представительная выборка форм (159 из 631 определимой) среди всех известных на настоящий момент памятников колочинской культуры. В связи с этим представляется важным определить место керамического комплекса Великих Будков среди традиций и фаз колочинской культуры.

Для членения массива всей колочинской керамики необходима новая типология. Существующие ныне типологические схемы колочинской керамики (Горюнов 1981; Терпиловский 1984; Макушников 1985; Обломский 1996а) были построены в расчете на решение задач, касающихся вопросов происхождения культуры, большинство из них были региональными по охвату материала или создавались на основе киевского, во многом отличающегося от колочинского, керамического материала.

Для создания новой типологии колочинской керамики были учтены комплексы 39 опубликованных и неопубликованных памятников Подесенья, Южной Белоруссии и бассейнов рр. Сейм, Псёл и Северский Донец (см. рис. 1, карта памятников), на большинстве из которых представлены серии форм. Использованы материалы фондов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа в г. Санкт-Петербурге; ИА РАН в г. Москве, ИА НАНУ в г. Киеве, материалы фондов Гомельского областного исторического музея, Курского Государственного областного музея археологии и другие источники данных[1].

В процессе работы изучены 631 типологически определимый сосуд и 87 дисков. Для всех

[1] Пользуясь случаем, хочу выразить свою искреннюю признательность А.М. Обломскому, В.М. Горюновой, Н.А.Тихомирову, М.Б. Щукину, О.А.Щегловой, Р.В. Терпиловскому, Н.С. Абашиной, А.И. Дробушевскому и О.А. Макушникову за предоставленную возможность непосредственно ознакомиться с коллекциями некоторых колочинских поселений и могильников и рисунками керамики в натуральную величину.

© Середа Д.В., 1999.

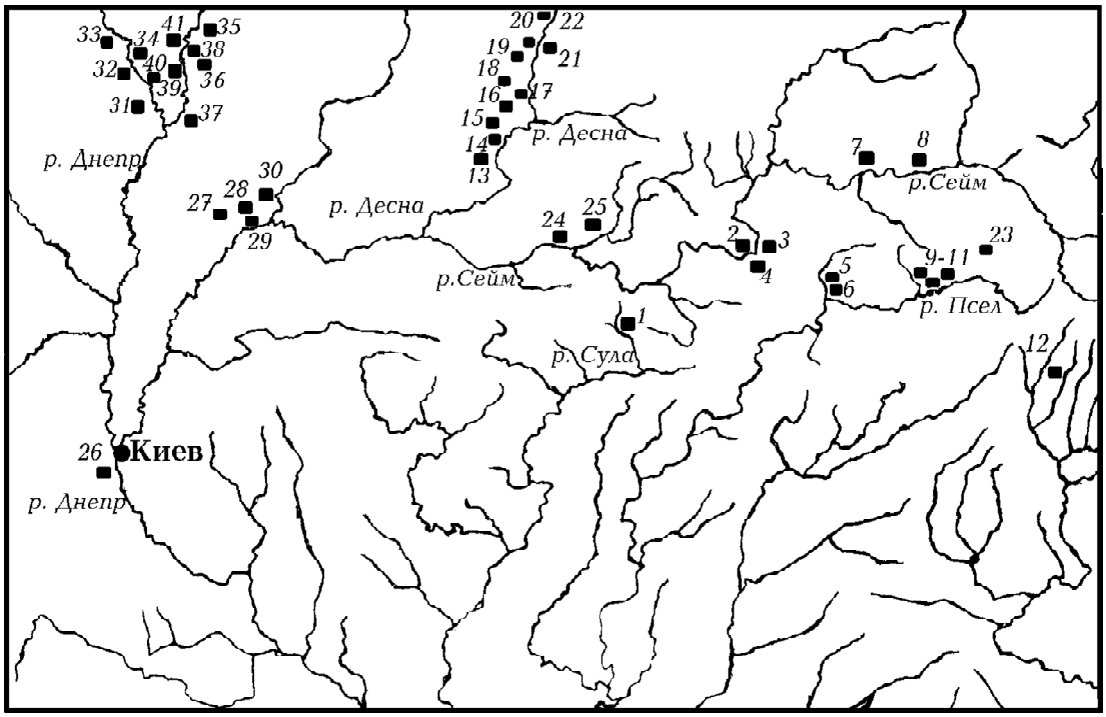

Рис 1. Карта памятников колочинской культуры.

1.	Великие Будки (Хутор)	16.	Синьково-Дмитрово	29.	Ровчак
2.	Артюшково (могильник)	17.	Целиков Бугор	30.	Александровка-1
3.	Комаровка-2	18.	Смяч (могильник)	31.	Колочин-I
4.	Гапоново	19.	Кветунь (могильник)	32.	Новый Быхов (могильник)
5.	Хутор Княжий	20.	Усох (могильник)	33.	Тайманово
6.	Княжий (могильник)	21.	Хохлов Вир	34.	Нижняя Тощица (могильник)
7.	Авдеево	22.	Смольянь	35.	Нисимковичи I, II, III.
8.	Лебяжье (могильник)	23.	Курочкин-3	36.	Новые Громыки
9-11.	Картамышево-I,II,III.	24.	Красное-4	37.	Носовичи
12.	Шишино-5	25.	Литвиновичи-3	38.	Телеши
13.	Заярье	26.	Ходосовка	39.	Шихов
14.	Левкин Бугор	27.	Выгоры-I, II.	40.	Проскурни
15.	Стрелица	28.	Роище	41.	Золотомино

форм были произведены промеры их основных диаметров и высот. Исходя из сохранности материала, для типологического членения колочинской керамики были использованы признаки, описывающие только верхние части керамических форм. Нижние части сосудов в основном не сохраняются, а работа исключительно с целыми формами резко сузила бы базу исследования. Четыре пятых от общего числа сосудов на памятниках колочинской культуры составляют фрагментированные формы. Во всех областях ареала культуры преобладают сосуды, сохранившие только верхнюю часть с участком D3.[2] Эти особенности материала и были учтены при построении предлагаемой типологической схемы.

В керамическом материале колочинской культуры выделены две функциональных категории форм, два вида и 12 типов сосудов и 2 типа дисков.

По характеру перегиба тулова функциональную категорию «сосуды» колочинской культуры можно разделить на два вида:

Вид I. Округлобокие формы (перегиб тулова скругленный, имеет форму плавной дуги);

Вид II. Ребристые формы (перегиб тулова имеет форму ребра).

Для выделения типов сосудов отобраны два морфологических признака и один метрический:

1. Форма дуги верхней части стенок сосуда с тремя нормами значений — выпуклая; вогнутая; близкая к прямой линии.

2. Наличие или отсутствие венчика, как конструктивно значимого элемента формы сосуда с двумя нормами значений:

- венчик — конструктивно значимый элемент сосуда.

[2] Применялась система общепринятых обозначений основных диаметров и высот сосуда: диаметр отверстия сосуда — D1, диаметр по линии основания венчика — D2, диаметр наибольшего расширения тулова сосуда — D3, а диаметр днища сосуда — D4. Общая высота сосуда — H0, высота верхней части — H1, нижней — H2. Следует оговориться, что если венчик не выделен, то параметр D2 отсутствует в характеристике сосуда.

- венчик линейно является продолжением дуги верхней части стенок сосуда, т.е. не выделен

3. Соотношение наибольшего диаметра тулова и диаметра венчика сосуда (D3:D1), выражающее степень открытости или закрытости формы. В самом материале выявлено три устойчивых группы значений признака:

- значения, близкие к единице, колеблющиеся в интервале чисел, округляемых до 1, т.е. от 0.97 до 1.04; значения, большие 1.04; значения, меньшие 0.97.

Для выделения типа сосудов нужно использовать устойчивые комбинации значений **всех трех** признаков.

Внутри типов сосуды подразделялись на варианты. Вариант в предлагаемой системе — третий в иерархии таксон. Определяющий его признак — характер выделения венчика («резко отогнут, изогнут» либо «отогнут, прямой или очень слабо изогнут»), — если в характеристике типа указано наличие венчика как конструктивно значимого элемента формы; или характер оформления верхнего края сосуда («верхний край сосуда загнут внутрь» либо — «пальцевая каннелюра под верхним краем сосуда») — при отсутствии венчика в характеристике типа.

Разновидность — последняя ступень в иерархии таксонов предлагаемой системы классификации. Признак ее выделения — пропорциональное соотношение диаметра наибольшего расширения тулова сосуда и высоты его верхней части (D3:H1), демонстрирующее степень вытянутости последней. Анализ керамического материала показывает несколько устойчивых групп значений этого показателя:

- значения в интервале 1,6 — 2,5 (соответствуют разновидности 1)
- значения в интервале 2,6 — 3,5 (соответствуют разновидности 2)
- значения в интервале 3,6 — 4,5 (соответствуют разновидности 3)
- значения в интервале 4,6 — 5,5 и выше (соответствуют разновидности 4).

2. Среди категории «сосуды» в **виде I** (округлобоких форм) выделены следующие типы:

Тип I (рис.2: 1,2,7,8). Характеризуется сосудами с вогнутой или неопределенной формы, близкой к прямой линии, дугой верхней части стенок от D3 до D1, невыделенным венчиком, являющимся продолжением дуги верхней части стенок сосуда, и устойчивым пропорциональным соотношением D3:D1 в интервале от 0.97 до 1.04. Вариантов по причине отсутствия выделенного венчика не выявлено. Тип подразделяется на 3 разновидности.

Тип II (рис.2: 3-6). Характеризуется вогнутой или слабо вогнутой дугой верхней части стенок сосуда, невыделенным венчиком, являющимся продолжением дуги верхней части стенок, соотношением D3:D1, большим 1.04. Вариантов, по причине отсутствия выделенного венчика, не выявлено. Выделено 2 разновидности. Разновидность 1 — ведущая.

Тип III (рис.2: 9,10). Характеризуется сосудами с вогнутыми или слабо вогнутыми стенками верхней части, наличием венчика, наибольшим расширением по верхнему краю сосуда, т.е соотношением D3:D1, меньшим 0.97. Выявлено 2 варианта по степени выделенности венчика. Вариант 1 — с коротким слабо выделенным венчиком, вариант 2 — с отогнутым изогнутым венчиком. Разновидности не выделяются.

Тип IV (рис.2: 12-16). Характеризуется выпуклой дугой верхней части стенок профиля до участка D2, выделенным отогнутым или вертикальным венчиком, соотношением D3:D1, большим 1.04. Тип является самым массовым для колочинской культуры. Выделено 2 варианта. Вариант 1 — с отогнутым, изогнутым или слабо изогнутым венчиком, вариант 2 — с прямым, иногда почти вертикальным венчиком. Выделяются 4 разновидности. Разновидности 1 и 2 — ведущие.

Тип V (рис.2: 17-20,22,23). Характеризуется сосудами с выпуклой дугой стенок верхней части профиля, невыделенным или очень коротким, конструктивно незначимым венчиком, соотношением D3:D1, большим 1.04. Разделяется на два варианта. Вариант 1 не имеет выделенного венчика, Вариант 2 имеет очень короткий конструктивно незначимый венчик, т.е., фактически, каннелюру ниже участка D1. Разновидностей выделяется 4. Разновидность 2 — ведущая в типе.

Тип VI (рис.2: 11). Характеризуется выпуклой дугой стенок верхней части профиля от D3 до D2, выделенным отогнутым венчиком, устойчивым соотношением D3:D1 в пределах 0.98 — 1.04. Варианты не выделяются, выявлено 3 разновидности.

Тип VII (рис.2: 24,25). Характеризуется сосудами усеченно — конической формы, с наибольшим расширением по верхнему краю, соотношением D3:D1 всегда меньшим 0.97, невыделенным или очень коротким конструктивно незначимым «ложным» венчиком. Дуга верхней части стенок неопределенной формы, близка к прямой линии. Выделяются два варианта этого типа. Вариант 1 — без венчика, и вариант 2 — с очень коротким «ложным» венчиком, выделенным пальцевой каннелюрой под верхним краем сосуда. Вариант I — ведущий в типе. Для этого типа не обнаружено ни одной целой формы, информация о нижних частях сосудов отсутствует.

Тип VIII. Редкая форма (рис.2: 21). Характеризуется дугой верхней части стенок сосуда неопределенной формы, близкой к прямой линии, резко отогнутым раструбообразным венчиком, суженым горлом, соотношением D3:D1, близким к 1.4. Представлен одним сосудом из Картамышево-II.

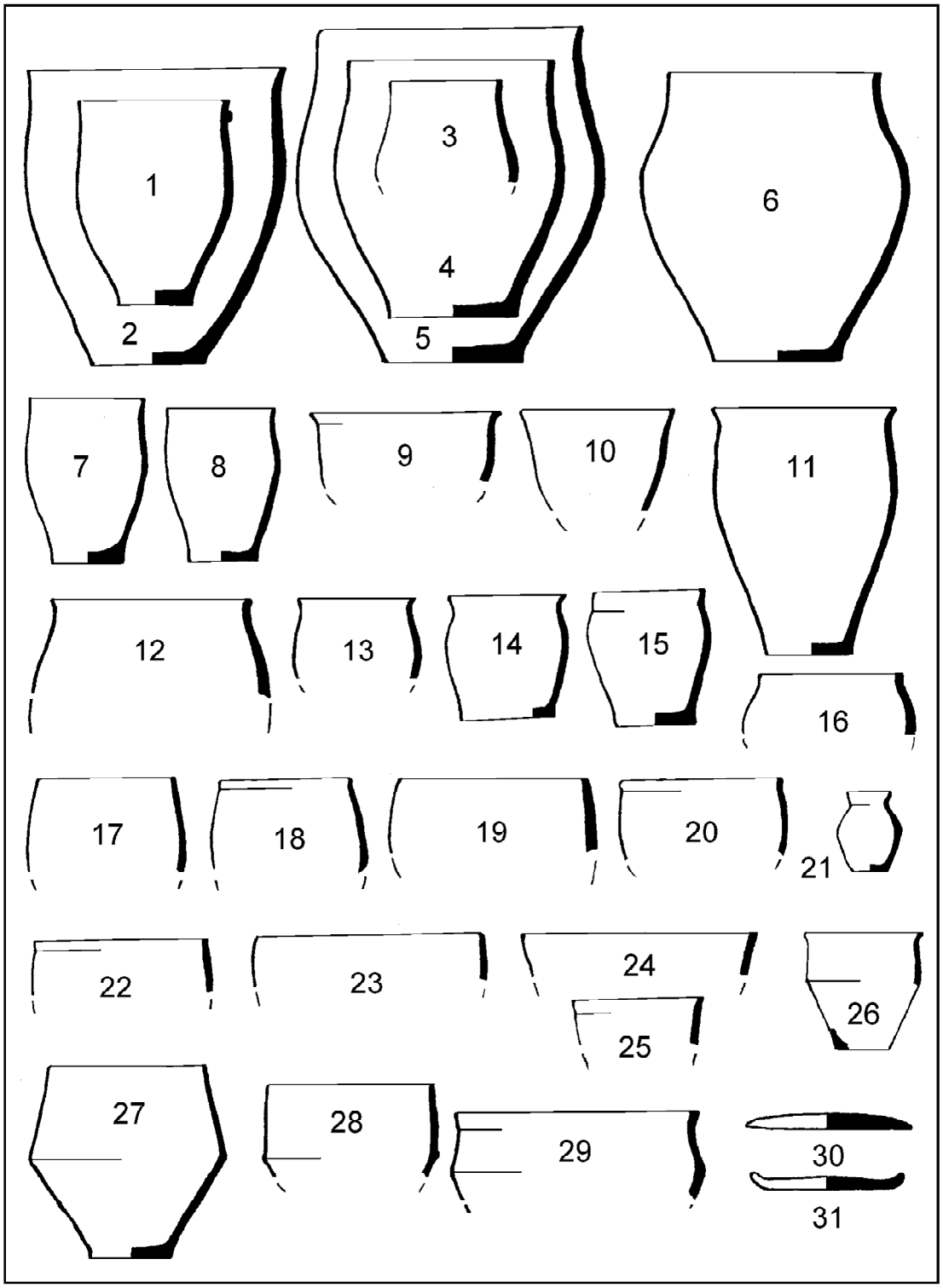

Рис. 2. Классификация колочинской лепной керамики.

Вид I: 1 - Тип I, *разновидность 1;* ***2, 7, 8*** - Тип I, *разновидность 2;* ***3, 4, 5*** - Тип II, *разновидность 1;* ***6*** - Тип II, *разновидность 2;* ***9*** - Тип III, *вариант 2;* ***10*** - Тип III, *вариант 1;* ***11*** - Тип VI, *разновидность 2;* ***12***, ***13*** - Тип IV, *вариант 1, разновидность 1;* ***14*** - Тип IV, *вариант 1, разновидность 2;* ***15*** - Тип IV, *вариант 2, разновидность 2;* ***16*** - Тип IV, *вариант 2, разновидность 3;* ***17*** - Тип V, *вариант 1, разновидность 1;* ***18*** - Тип V, *вариант 2, разновидность 1;* ***19*** - Тип V, *вариант 1, разновидность 2;* ***20*** - Тип V, *вариант 2, разновидность 2;* ***21*** - Тип VIII*;* ***22*** - Тип V, *вариант 2, разновидность 3;* ***23*** - Тип V, *вариант 1, разновидность 4;* ***24*** - тип VII, *вариант 1;* ***25*** - Тип VII, *вариант 2;* ***Вид II: 26*** - Тип P-IV*;* ***27*** -Тип P-I*;* ***28*** - Тип P-II*;* ***29*** - Тип P-III*;* ***Диски****:* ***30*** - Тип А*;* ***31*** - Тип Б.

В **виде II** (ребристых форм) выделяются следующие типы:

Тип PI (рис.2: 27). Характеризуется: дугой верхней части стенок сосуда, близкой к прямой линии, невыделенным венчиком, соотношением D3:D1, большим 1.04. (Биконические сосуды). Варианты и разновидности не выявлены.

Тип PII. (рис.2: 28). Характеризуется дугой D3-D1 неопределенной формы, близкой к прямой линии, невыделенным венчиком и соотношением D3:D1, близким к 1. (Цилиндроконические сосуды). Варианты и разновидности не выделяются. К этому типу примыкают и редкие отклонения от цилиндроконического стандарта — открытые сосуды с наибольшим расширением по верхнему краю, с ребристым перегибом тулова.

Тип PIII. Редкая форма (рис.2: 29). Характеризуется дугой D3-D1 неопределенной формы, близкой к прямой линии, выделенным отогнутым венчиком, соотношением D3:D2, большим 1.04. Показатель D3:D2 здесь выступает вместо D3:D1, т.к. выделенный венчик может быть очень сильно отогнут наружу, заслоняя реальные пропорции сосуда.

Тип PIV (рис.2: 26). Характеризуется дугой верхней части стенок сосуда, близкой к прямой линии, значениями соотношений D3:D1 и D3:D2, близкими к 1 (0,97 — 1,04), выделенным отогнутым венчиком.

Варианты во всех типах ребристых сосудов не выявлены.

Категория «диски» делится на два основных типа по характеру оформления края: **тип А** (рис.2: 30) — керамические формы в виде плоского или слегка выпуклого с одной или обеих сторон диска, не имеющего закраин-бортов по краю и **тип Б** (рис.2: 31) — отличается от типа А присутствием небольшой закраины — бортика.

Таким образом, предлагаемая система классификации имеет иерархическую структуру Категория — Вид — Тип — Вариант — Разновидность. Из них тип выделяется одновременно по трем связанным между собой параметрам, а остальные — по одному параметру. Для краткости таксономической характеристики формы обозначаются цифрами, иерархически, например, форма IV,2,1 — округлобокий сосуд типа IV, варианта 2, разновидности 1. Если какой-либо разряд неопределим, он не обозначается, например — форма III,1 или I,-,2. Если сосуд относится к виду II, он получает перед номером типа литеру P, как указание на принадлежность к ребристым формам.

Предложенная классификационная схема применялась для анализа структур наборов сосудов поселений и могильников колочинской культуры и их сравнения между собой по единому основанию, а также для исследования особенностей пропорций массовых типов сосудов.

3. По итогам такой работы были выделены несколько керамических традиций колочинской культуры, соотносимые с двумя ее фазами — ранней и поздней. Они получили условные наименования: раннесейминская, поздние памятники юго-востока ареала культуры, южнодеснинская, раннедеснинские памятники, южнобелорусская традиция.

Приведем краткую характеристику каждой из перечисленных традиций, чтобы определить место среди них керамического комплекса из Великих Будков.

Ранние, архаические памятники типа Заярья, Целикова Бугра, и, возможно, Смольяни, расположенные в Подесенье, индивидуальны по особенностям керамических наборов. Датирующие признаки на этих памятниках позволяют отнести их к V веку, к той стадии развития культуры Подесенья, когда колочинский комплекс здесь еще окончательно не сложился, к переходному этапу от киевского круга древностей к раннесредневековым. Эволюционное развитие позднекиевских памятников в колочинские, доказанное для Подесенья Е.А.Горюновым и Р.В.Терпиловским (Горюнов 1981; Терпиловский 1984) осложнило процесс обособления собственно колочинских черт в керамике этого региона.

Развитый колочинский керамический комплекс Подесенья, в основном представленный южнодеснинскими памятниками, имеет тенденцию резкого преобладания округлобоких форм типов IV и V, но — весьма малую долю ребристых форм, а на позднем этапе дополняется сосудами типов I и II,-,1.

На юге Белоруссии пока предположительно можно выделить две фазы в развитии керамического набора, видимо, сменяющие друг друга во времени. Первая фаза характеризуется сочетанием сосудов типов III, VII, V,2 и VI. Приблизительно такая же структура керамического набора наблюдается на ранних памятниках Посеймья и в жилище 1 поселения Целиков Бугор Среднего Подесенья. Вторая фаза характеризуется сочетанием сосудов типа II, IV и ребристых биконических, но — в постройках с печами-каменками.

Структура керамического набора раннесейминской керамической традиции, представленной поселениями Красное-4, Литвиновичи-3, Комаровка-2 и ранними объектами памятника Гапоново, характеризуется преобладанием сосудов типа V, большим удельным весом сосудов типа III и, в равной или меньшей степени, типа IV и наличием усечённо-конических сосудов типа VII; (на трех памятниках из четырех, содержащих ранние комплексы, этот тип присутствует в значительном количестве). Исходя из датирующего материала, поселения данной керамической традиции можно отнести к V веку (Обломский 1996 б: 51-68), а ее происхождение, вероятно, следует связывать с такими памятниками позднеримского времени, как Сенча, Курган-Азак, Беседовка, Каменево-2, и, отчасти — Пес-

чаное на востоке Днепровского Левобережья (Обломский 1991: 123; 1996 б: 68)

Для поздних памятников юго-востока культуры характерно следующее: преобладание в структуре керамического набора сосудов форм IV,1 (и вообще очень большой удельный вес сосудов IV типа в комплексах), I,-,1 и I,-,2 в сочетании с типом II, полное отсутствие сосудов типа VII, редкость или отсутствие сосудов типов III и V. Основные черты колочинской культуры в юго-восточной части ее ареала оформляются довольно рано, а развитие керамического комплекса региона носит, скорее всего, эволюционный характер. Эволюция эта проявляется в изменении структуры керамических наборов памятников при наличии и на ранней, и на поздней фазах культуры основных, массовых, типов сосудов.

Датирующие вещи на памятниках поздней керамической традиции юго-востока ареала культуры позволяют говорить о существовании черт керамического комплекса, ее характеризующего, во второй половине VII — начале VIII вв. (Гавритухин, Обломский 1996: 126).

4. Набор сосудов поселения Великие Будки (Хутор) находит аналогии лишь в юго-восточном регионе колочинского ареала, где развиваются раннесейминская керамическая традиция, а затем и поздние памятники Сейма и Псла, такие как могильники Лебяжье, Картамышево-II, Княжий и др. Однако и от раннесейминской традиции, и от поздних могильников на Сейме и Псле данное поселение все же отличается некоторым своеобразием.

4.1. Первое место по численности в структуре керамического комплекса Великих Будков (**гистограмма № 1**) занимают... диски — их 28,9%, причем преобладают диски с бортиком. Такая большая доля этих керамических форм довольна необычна для памятников колочинской культуры (подобная картина наблюдается лишь на поселении Литвиновичи-3). Она может быть объяснена как большей, чем у сосудов, вероятностью их типологического определения (практически независимой от степени фрагментированности), так и очень представительной выборкой всех керамических форм в Великих Будках.

Среди сосудов на первом месте находятся горшки типа IV — округлобокие формы с отогнутым или прямым венчиком (25,8%); очень близки к ним по удельному весу в керамическом наборе и формы типа V — 23,9%. На третьем месте находятся... ребристые сосуды, все относящиеся к резко биконическим формам (P I, P III и сосуды с несохранившимся венчиком, определяемые как типы P I или P III). Процент биконических сосудов среди всех форм керамики довольно высок (особенно если учесть представительность выборки) — 10,1%. Если же считать их долю среди форм функциональной категории «сосуды», то их окажется ещё больше — 14,5%. На четвёртом месте по численности находится родственный типу IV тип VI. Его доля среди всех форм составляет 6,3%. Тип III представлен двумя экземплярами, тип II — четырьмя сосудами. Тип I и тип VII не представлены в керамическом наборе поселения Великие Будки вообще (**гистограмма № 1**).

4.2. Из условно закрытых комплексов, относящихся к колочинской культуре и дающих представительные серии сосудов, на поселении мож-

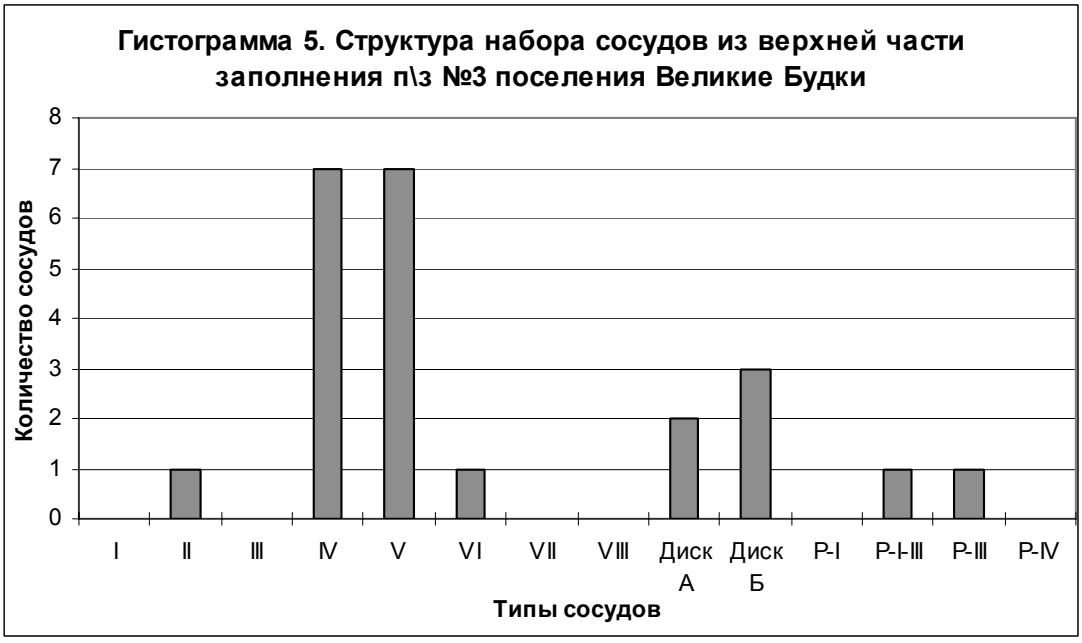

но назвать полуземлянки №№ 2,[3] 3, в меньшей степени к таковым относятся постройки 4, 6. Немногочисленные фрагменты керамики обнаружены также в ямах 1, 4 и т.н. «очажке», кроме того, из ямы 34 происходят реконструируемые фрагменты двух сосудов, а из полуземлянки № 5 — один диск и один сосуд.

Структура керамического комплекса постройки 3 не вполне сходна со структурой набора сосудов, происходящих из культурного слоя памятника. В полуземлянке найдено 16 типологически определимых форм, 10 из которых относятся к округлобоким сосудам, 3 — к ребристым, и еще 3 представляют собой диски. На первом месте (**гистограмма № 4**) в структуре набора стоят сосуды типа IV, на втором месте — сосуды типов V, P I-III, и диски, на четвертом

[3] Набор керамики постройки 2 может быть охарактеризован как не принадлежащий к колочинской культуре. Сильная профилированность округлобоких сосудов и сочетание последних в комплексе с биконическими формами позволяют говорить либо о раннепеньковском происхождении керамики из второй постройки, либо о ее принадлежности к сейминско-донецкому варианту киевской культуры, поэтому мы не рассматриваем ее при анализе колочинского материала поселения.

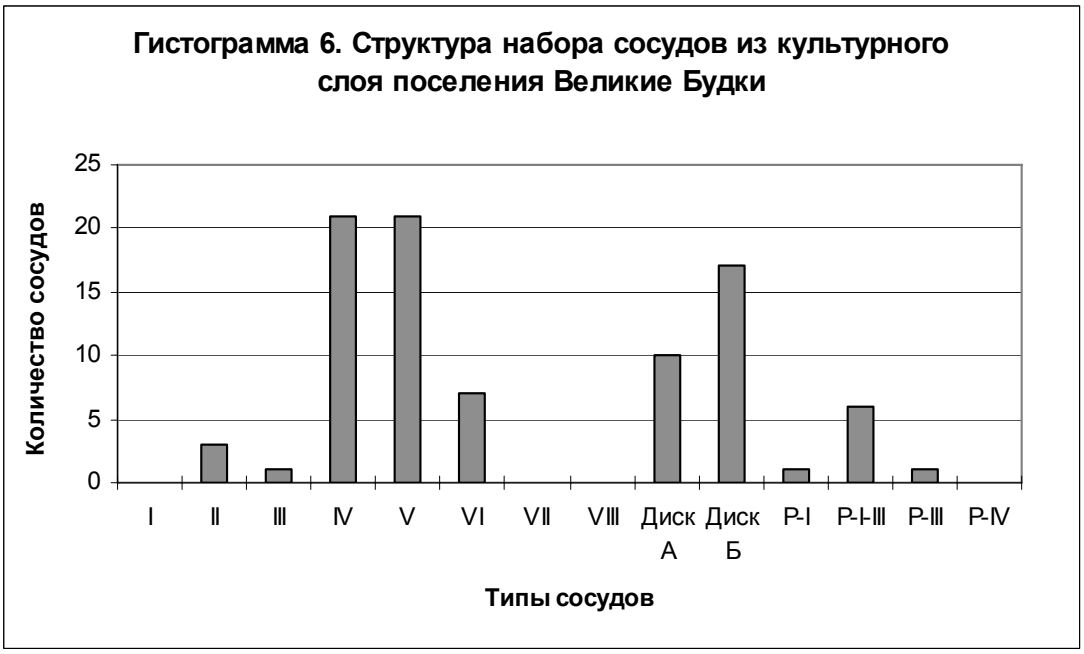

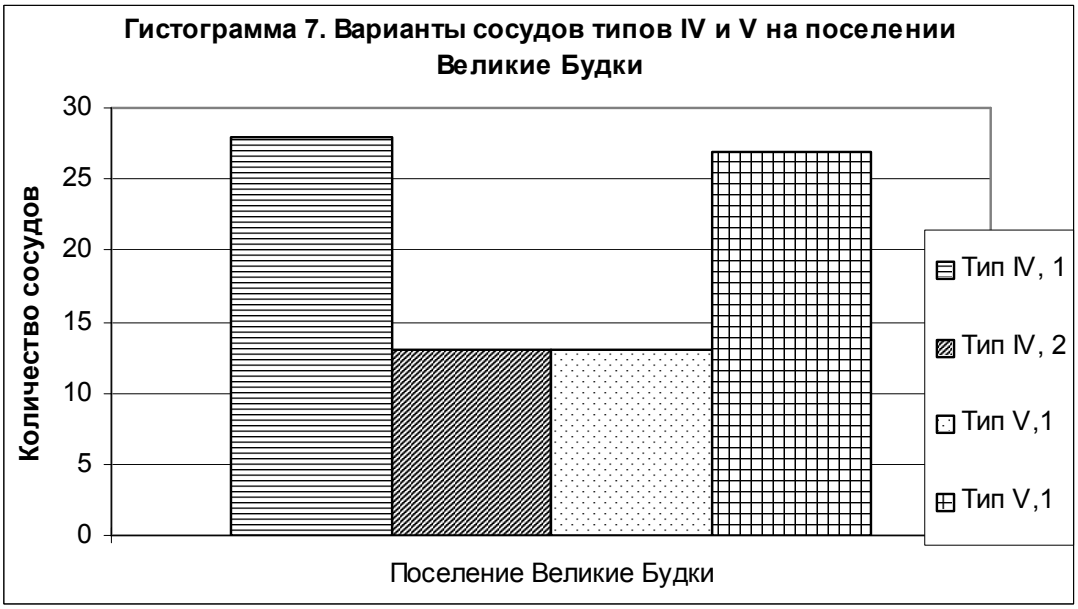

— сосуды типа VI. Различия в структуре керамического набора постройки 3 и культурного слоя, как видим, заключаются в относительном уменьшении удельного веса сосудов типа V и дисков, а также в некотором увеличении доли ребристых форм в комплексе постройки 3 (**ср. гистограммы № 6 и № 4**). Эти черты можно счесть признаком более позднего, по сравнению с основными культурными напластованиями, происхождения набора сосудов из постройки 3.

Рассматриваемая отдельно керамика из верхней части заполнения полуземлянки 3 дает близкую, но несколько иную картину распределения форм. Отличия проявляются в увеличении относительной доли дисков, наличии 1 сосуда типа II, снижения удельного веса ребристых форм, увеличения доли сосудов V типа (**гистограмма № 5**). В целом, такие черты структуры набора верхней части заполнения постройки 3 демонстрируют большее приближение к культурному слою памятника. Однако все это можно счесть и статистической погрешностью.

4.3. Полуземлянки 4 и 6 также можно сблизить по характеру керамического набора с постройкой 3. Количество типологически определимых форм, происходящих из этих объектов, невелико и не может считаться представительной выборкой. Все же следует отметить, что там также среди округлобоких сосудов представлен, в основном, тип IV, а доля биконических сосу-

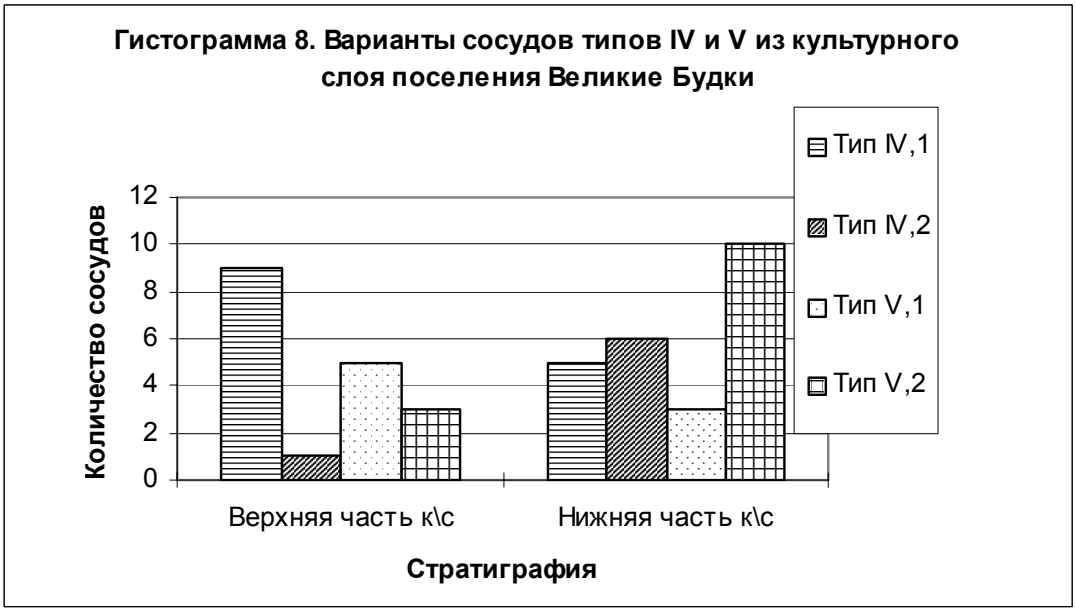

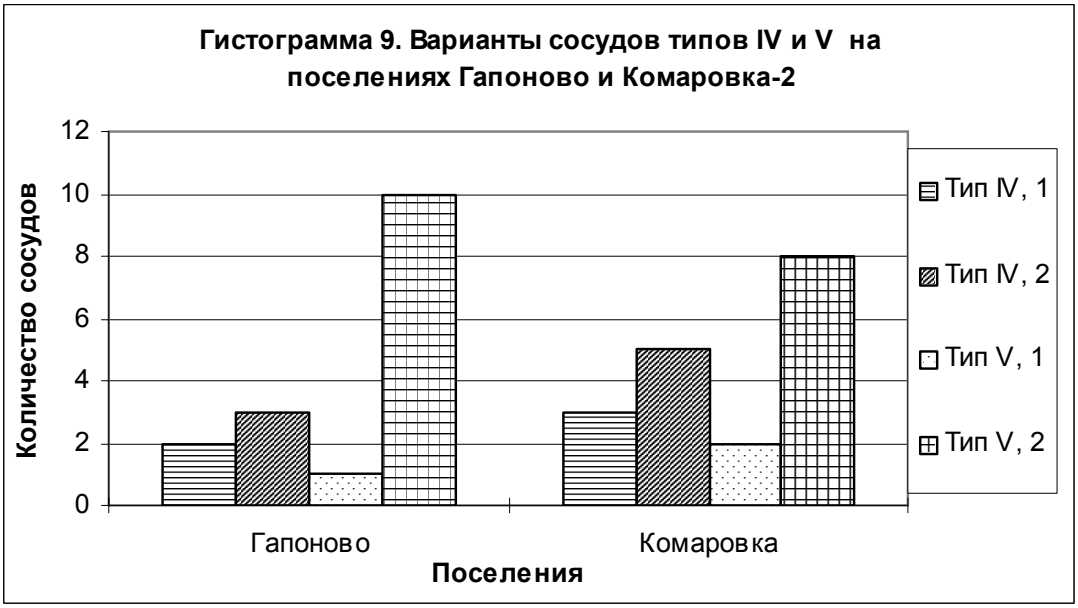

дов и дисков относительно высока.

4.4. Яма 34 содержит фрагменты двух сосудов типов V,2 и III,1, соответственно. На участке, где расположена эта яма, в северо-западной части раскопа II в культурном слое встречено скопление керамики, в котором все реконструируемые формы представлены типом V. Вообще, в этой части раскопа, если судить по плану поселения, фрагменты сосудов данного типа встречены в большем количестве, чем на других участках. Такая их планиграфическая концентрация, а также находки из ямы 34 позволяют, но, — лишь предположительно, говорить о раннеколочинском горизонте на поселении, т.к. сочетание типов V и III, как уже было сказано, характерно для ранних памятников юго-востока ареала культуры (раннесейминская традиция). Косвенно в пользу этого предположения могут свидетельствовать и данные о распределении керамических форм в культурном слое.

4.5. Структура набора сосудов, происходящая из культурного слоя поселения очень похожа на таковую у памятника в целом (**гистограмма № 6**). Динамика распределения форм сосудов в культурном слое отчетливо не прослеживается, хотя изменения в структуре набора от нижнего к верхней части культурного слоя наличествуют (**ср. гистограммы № 2 и № 3**). Распределение форм сосудов из верхней части культурного слоя показывает почти точное соответствие таковому на памятнике в целом (сравнение системы и ее элемента), за исклю-

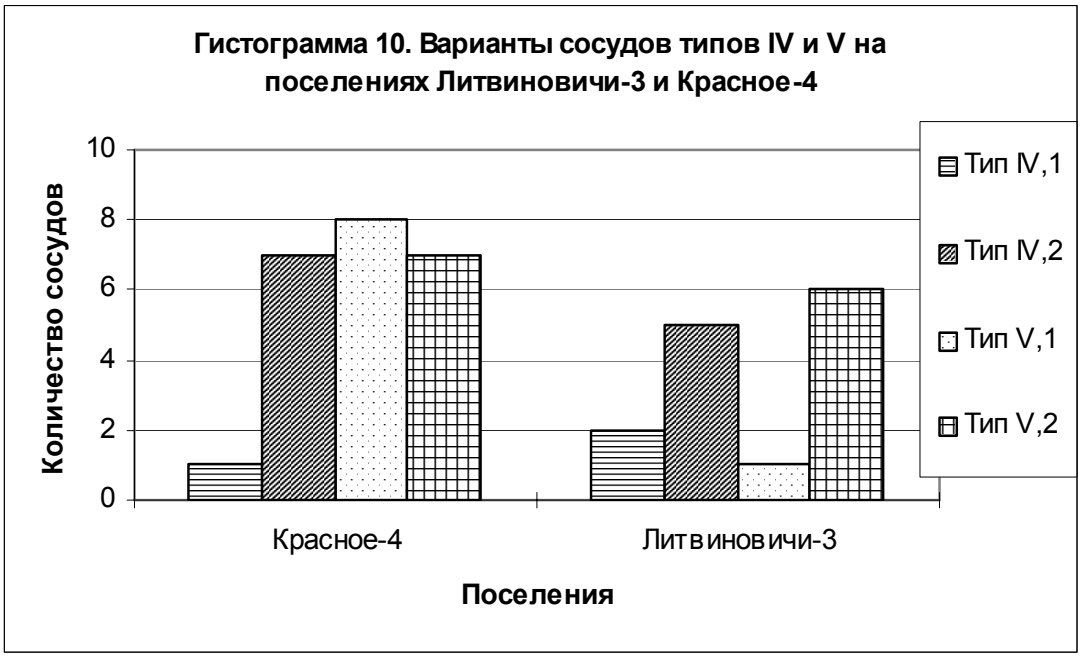

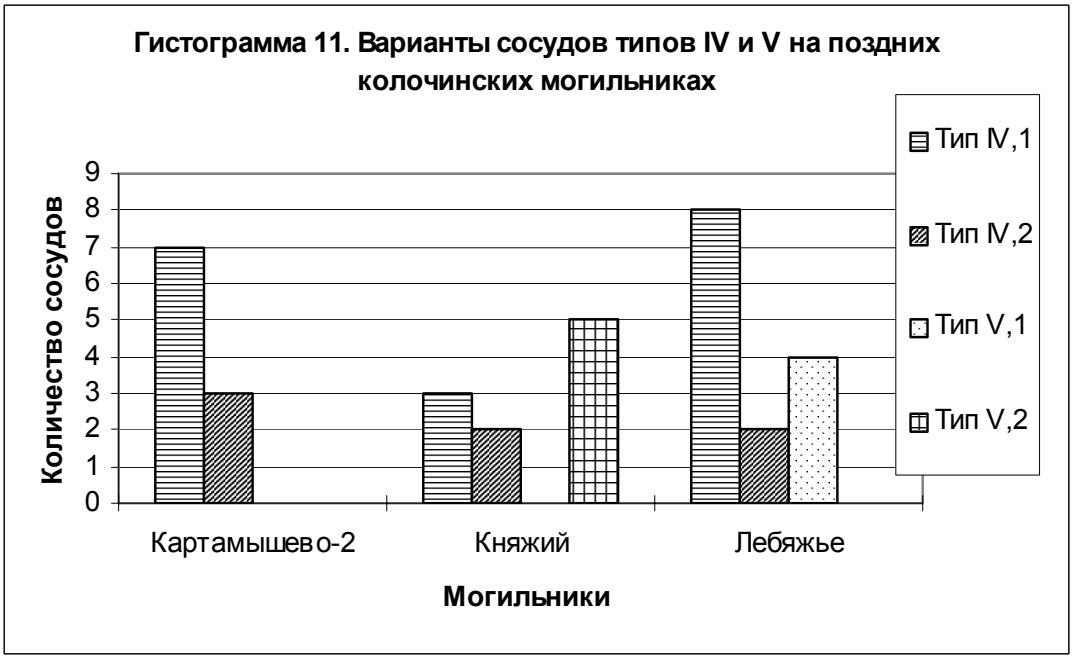

чением факта отсутствия ранних индикаторов — форм типа VII и III, то есть черты, нехарактерные для раннего стандарта оформления керамического комплекса. Материал, происходящий из нижней части культурного слоя, демонстрирует несколько другую картину — здесь преобладают формы типа V, а сосуды IV типа находятся на втором месте. Такая структура набора сосудов более близка таковой на памятниках раннесейминской керамической традиции, хотя и не вполне идентична ей.

Наличие и ранних, и поздних черт в оформлении структуры керамического комплекса поселения Великие Будки подтверждается и анализом повариантного распределения сосудов внутри наиболее массовых и сквозных для керамики культуры типов — IV и V.

Вариантная структура типа IV на поселении Великие Будки в целом непохожа на таковую для ранних и поздних памятников юго-востока ареала колочинской культуры, соотношение же долей сосудов вариантов 1 и 2 внутри типа V более сходно с таковым на ранних колочинских памятниках Посеймья (**ср. гистограммы № 7 и №№ 9, 10, 11**). Если посмотреть на распределение вариантов внутри массовых типов сосудов отдельно в верхней и нижней частях культурного слоя поселения, то картина более интересна (**гистограмма № 8**). Вариантная структура типов IV и V в верхнем горизонте культурных напластований демонстрирует близость структуре этих типов на поздних колочинских могильниках Посеймья (**ср. гистограммы №№ 8 и 11**). Различия есть лишь в структуре V типа,

но это объясняется тем, что данный тип вообще немногочислен на позднеколочинских памятниках юго-востока территории культуры. В повариантной структуре IV и V типов нижнего уровня культурного слоя памятника ярко выражены ранние для колочинской культуры черты — преобладание варианта 2 среди сосудов и того, и другого типа (**ср. гистограммы № 8 и №№ 9, 10**).

Исходя из всех различий нижнего и верхнего уровней культурного слоя, можно предположить, что наиболее ранние напластования колочинской культуры на поселении Великие Будки относятся ко времени существования раннесейминской керамической традиции, т.е., или ко второй половине V века, или к VI веку (так как мы не знаем ничего о колочинских поселениях VI века, возможно в это время упомянутая традиция еще существовала). Верхняя же часть культурного слоя демонстрирует поздние для культуры черты в оформлении структуры керамического набора и, видимо, включила в себя отложения периода конца жизни на поселении. Не абсолютизируя полученные данные, все же можно полагать, что такие различия керамики с разных уровней культурного слоя поселения говорят об очень длительном периоде его формирования.

График № 1. D3:H1 сосудов типа IV.

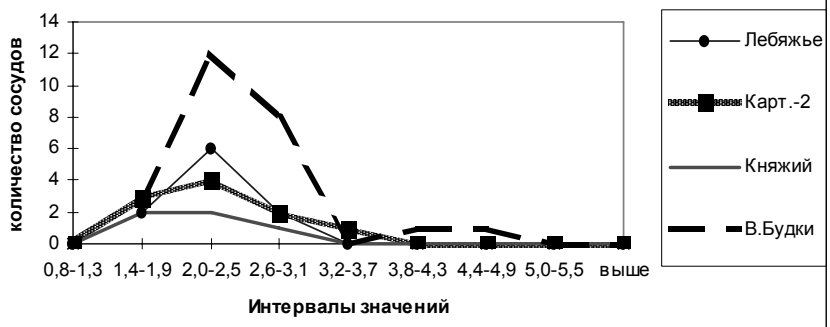

График № 2. D3:H1 сосудов типа V.

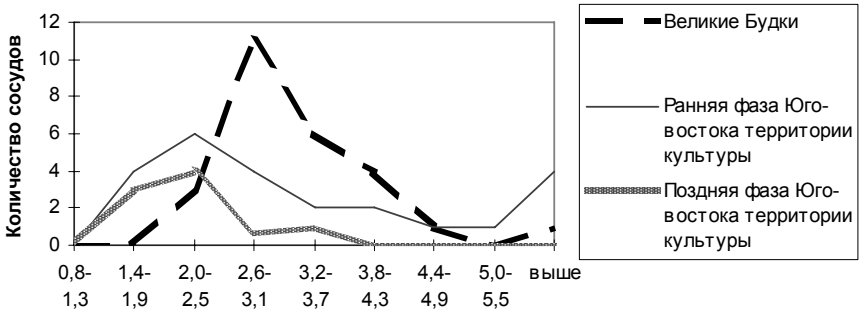

График № 3. D3:H1 сосудов типа IV.

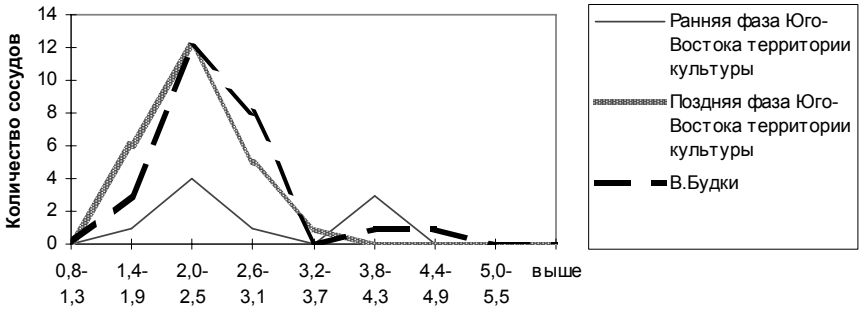
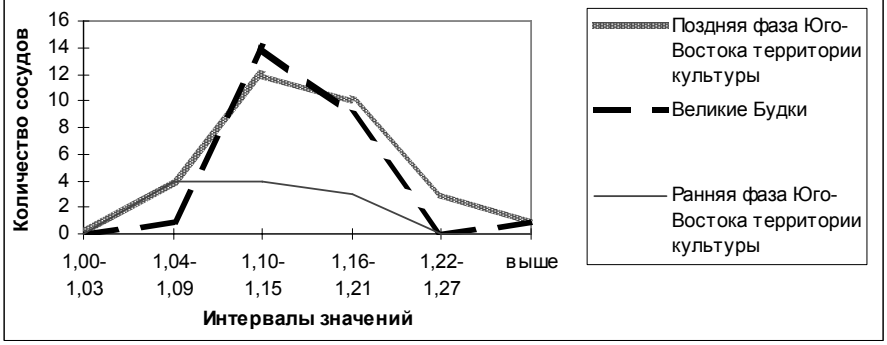
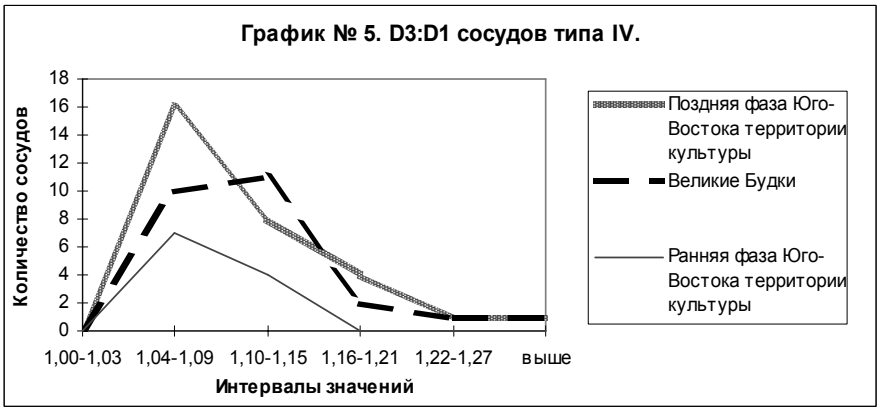
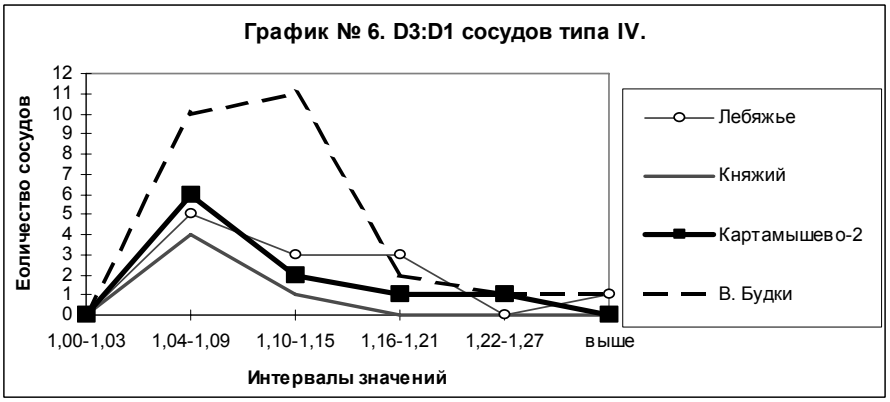
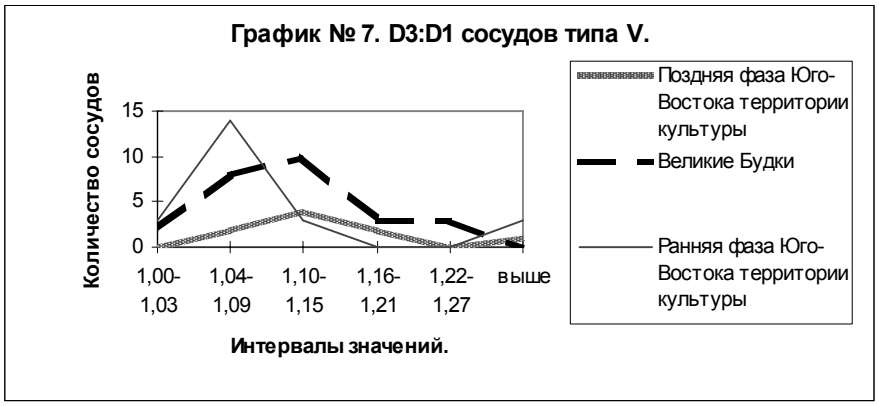

График № 4. D3:D2 сосудов типа IV.

4.6. Данные, полученные при сравнительном анализе структуры керамического набора памятника, в некоторой степени уточняются и исследованием особенностей пропорций наиболее массовых типов сосудов из Великих Будков.

По показателю D3:H1 сосуды типа V на памятниках ранней и поздней фазы юго-восточного региона колочинской культуры довольно схожи (**график № 2**). Распределение значений показателя для сосудов из Великих Будков нетипично и для ранней, и для поздней фаз культуры. В целом, сосуды с этого памятника имеют более широкую и низкую верхнюю часть по сравнению с другими колочинскими памятниками (что характерно в большей степени для памятников раннесейминской традиции). Анализ этого же пропорционального соотношения у сосудов типа IV показывает наличие в Великих Будках двух групп среди сосудов этого типа (**графики №№ 1 и 3**) — форм, более близких по пропорциям к позднему стандарту (основная группа) и других, с более широкой и низкой верхней частью. Последние не встречены на поздних памятниках культуры, зато отмечены на раннеколочинских поселениях Посеймья.

По показателю профилированности D3:D2 сосуды типа IV из Великих Будков приближаются к характерному для поздних памятников колочинской культуры стандарту этого соотношения, т.е. профилировка сосудов типа IV более сильно выражена, чем на ранней фазе культуры (**график № 4**).

Несколько иная картина наблюдается при сравнении показателей суженности верхних ча-

стей сосудов типа IV — D3:D1. Графики распределения значений этого показателя различны, с одной стороны, у горшков из Лебяжьего, Княжьего и Картамышево-II, однозначно поздних для колочинской культуры памятников, и, с другой, — у сосудов из Великих Будков. Наблюдается тенденция к увеличению группы сильно суженых сосудов в выборке Великих Будков и отчасти, Лебяжьего (**график № 6**). Сосуды типа IV из Великих Будков вообще в тенденции более «закрыты», сужены кверху, более выпуклобокие, чем это наблюдается на ранней и поздней фазах колочинской культуры региона (**график №5**). Возможно, что это отличие носит локальный характер и связано с влиянием пеньковской культуры. Большая закрытость и суженность (тот же показатель D3:D1) характерна и для сосудов типа V поселения Великие Будки. По этому пропорциональному соотношению они близки сосудам данного типа с поздних памятников культуры и отличны от раннесейминского стандарта (**график №7**). Возможно, такие пропорции сосудов из Великих Будков объясняются наличием в выборке сосудов VI века, когда шел процесс развития раннесейминской керамической традиции, приведший к возникновению позднеколочинского юго-восточного стандарта оформления набора и пропорциональных особенностей керамики. Не менее вероятно и то, что это можно объяснить и локальными причинами.

5. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы.

Колочинское поселение Великие Будки, очевидно, содержит разновременные культурные напластования. Возможно, наиболее ранние комплексы колочинской керамики с этого памятника можно отнести к раннесейминской керамической традиции в культуре, предположительно датировав их временем середины—второй половины V в. н.э. Такая датировка, однако, может иметь место лишь с оговоркой, что мы пока что не знаем памятников, будь то поселения или могильники, которые показали бы продолжение раннесейминской керамической традиции в VI веке.

С другой стороны, несомненно наличие поздних для колочинской культуры черт в оформлении керамического набора поселения. В частности, поздней тенденцией следует считать большой удельный вес в комплексе сосудов типа IV с преобладанием варианта 1. Кроме того, в культурном слое памятника найдены вещи, которые, скорее всего, маркируют его финальный этап: клад круга древностей антов и ременный наконечник, который по аналогиям должен датироваться, вероятно, второй половиной VII века. (Гавритухин, Обломский 1996: 89-96.).

В то же время, структура набора сосудов из Великих Будков достаточно специфична и демонстрирует ряд отличий от таких классических позднейших колочинских памятников, как, например, могильник Лебяжье. По преобладанию горшков типа IV и значительному количеству биконических сосудов данный памятник сближается с расположенным рядом с ним могильником Картамышево-II и поселением Роище в Подесенье.

Весьма вероятно, что жизнь на поселении Великие Будки продолжалась непрерывно в течение достаточно длительного промежутка времени. Косвенно это подтверждается компактным расположением довольно большого количества объектов на территории раскопа и значительной насыщенностью культурного слоя материальными остатками человеческой деятельности. Наиболее вероятная дата колочинского горизонта памятника — VI-VII вв., хотя не исключено, что колочинское население существовало на этом месте и во второй половине V в.

В этом случае, среди материалов поселения присутствуют и колочинский керамический набор VI в., неизвестный нам пока на других памятниках культуры. Возможно, именно этим обстоятельством и объясняется своеобразие керамического комплекса Великих Будков и отличие его как от ранней, так и от поздней фаз юго-восточного ареала колочинской культуры.

Население, оставившее памятник Великие Будки, вероятно, испытывало достаточно сильное влияние со стороны пеньковской культуры. В пользу этого свидетельствует большое количество среди керамических материалов поселения ребристых биконических сосудов (в принципе, это нехарактерно для колочинских древностей). Кроме того, судя по сочетанию в комплексе постройки 2 биконических и сильнопрофилированных округлобоких форм, эта полуземлянка должна непосредственно относиться к пеньковской культуре.

В целом, керамика поселения Великие Будки указывает на его место в рамках развития керамической традиции юго-восточной части ареала колочинской культуры. Структура и пропорциональные особенности керамического набора Великих Будков отличаются своеобразием, занимая как бы промежуточное положение между памятниками раннесейминской традиции и поздними памятниками региона Сейма и Псла, будучи, все же более схожими с последними.

ЛИТЕРАТУРА

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Горюнов Е.А. 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.

Макушнікау А.А. 1985. Кераміка пауднёвай часткі Дняпроуска — Сожскага міжрэчча V-VII (VIII) стст. н.э. // Весці АН БССР, серыя грамадскіх навук, № 6.

Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I — V вв. н. Москва-Сумы.

Обломский А.М. 1996 а. Колочинская культура. // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.

Обломский А.М. 1996 б. Среднее Посеймье в позднеримское время. Формирование южной границы колочинской культуры. // РА, №4

Терпиловский Р.В. 1984. Ранние славяне Подесенья. Киев.

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

Гудкова А.В.

I — IV ВВ. В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. (КУЛЬТУРА ОСЕДЛОГО НАСЕЛЕНИЯ)

Gudkova A.V. The I-IV centuries A.D. in the Northwest Pontic region: the culture of sedentary population.

The monograph is dedicated to the studying of various ethnic and various cultural sedentary population that dwelled in the steppes of the Northern-Western Black Sea region in the course of the first half of the I millennium A.D. There are distinguished three stage groups: late Scythians, Venedae (Etulia type) in the lower reaches of Danube and bearers of the Chernyakhov culture. The research is mostly devoted to the problems of ethnical and cultural genesis.

Accordingly, for each group of the population there are considered three categories of records: habitation, ceramics and the burial rite. In the concluding part through the comparison of the results of the archaeological research with the data of the written records there is suggested a reconstruction of the historical processes in the region. A considerable part of the archaeological material that is being considered is the result of field researches of the author. Materials of other researchers are often interpreted in a new way.

ВВЕДЕНИЕ

Степи Северо-Западного Причерноморья являются в истории Восточной Европы зоной, в которой в широчайших масштабах происходило взаимодействие разных этнических, культурных, экономических и политических миров. Эту специфику региона породили в первую очередь его географическое положение и особенности природных условий. Прибрежье Черного моря, берега рек и лиманов представляли прекрасные условия для развития земледелия и обмена. Со времени возникновения присваивающего хозяйства эта территория, по крайней мере дважды, была густо заселена оседлыми земледельцами: в эпоху поздней бронзы и в римское время. Другой постоянный полюс развития представляли скотоводы, кочевники. В степях процветали, а при неблагоприятном стечении обстоятельств и гибли, культуры и общества номадов. Именно природная среда обусловила здесь большую подвижность населения, для которого постоянное перемещение на значительные, а подчас и огромные, расстояния было условием ведения хозяйства и формой жизни. Западная часть степей, особенно Заднестровье, исторически была оконечностью трансевразийской степной полосы, где кочевники в своем движении с востока упирались в чуждую им географическую зону и плотные исконные массивы оседлого населения, а в римское время – еще и в лимес. На западе региона проходила историческая граница фракийского и иранского миров. Во время существования Римской империи здесь пришли в столкновение рабовладельческое общество, стоявшее на высочайшей для того времени ступени цивилизации и одновременно на финальной стадии своего развития, и варварский мир, находившийся на разных уровнях разложения первобытных отношений, становления классов и возникновения народностей. Благодатные жизненные условия юга и римское пограничье стали местом притяжения для варваров Восточной Европы. Сюда в зону обмена, возможного грабежа и грабительских войн устремлялись, с одной стороны, кочевники-степняки, а с другой, – обитатели более северных лесостепных и лесных областей, где так легко возникало скрытое перенаселение. Спорадическое движение кочевников по степям с востока на запад – явление давно и хорошо известное. Но, очевидно, в историческом процессе, по крайней мере в римское время, было весьма значимым и такое же спорадическое перемещение населения с севера на юг. И если его апогей в эпоху великого переселения народов очевиден, то предыстория этого процесса известна значительно меньше. В первой половине I тыс. н.э. степной регион стал ареной бурных исторических событий. Здесь появляются различные варварские племена, обрушившиеся на границы Римской империи. При изучении археологических памятников этого времени возникает удивление, как именно в эту эпоху с ее бурными политическими и военными событиями, массовыми перемещениями разноязычного населения мог сложиться большой и временами явно процветающий массив оседлого зем-

© Гудкова А.В., 1999.

ледельческого черняховского населения, существованием которого заканчивается античный период в степях Восточной Европы.

Несмотря на историческую значимость всех этих событий, цельного представления, даже на археологическом уровне, об истории степного Причерноморья в первой половине I тыс. н.э. не существует. За последние два десятилетия усилиями многих исследователей накоплено такое количество археологического материала, что, с одной стороны, назрела необходимость его источниковедческого упорядочения, а с другой, – возникла возможность создать первую связную картину развития земледельческого населения в этом регионе. Это позволяет заглянуть внутрь того варварского мира, который сыграл роль могильщика античной цивилизации. Острая потребность в такой работе усиливается тем, что неизученность степного Причерноморья в римское время разрывает цепь осмысления исторических взаимосвязей между степями Евразии и зоной, прилежащей к римскому лимесу. Этот разрыв остро проявляется при изучении Нижнего Подунавья. Румынскими и венгерскими археологами накоплены большие и чрезвычайно важные археологические материалы, активно ведется их обобщение. Однако их истолкование не может быть достаточно полным и верным без обращения к древностям степного Причерноморья. Малое число обобщающих работ по этому региону затрудняет решение ряда проблем и порождает возможность ошибочных заключений. Все это позволяет считать, что назрела необходимость совокупного изучения всего археологического материала по степному Причерноморью в римское время.

В настоящей работе рассматриваются южно–украинские степи между Днепром, Прутом и низовьями Дуная и степи на юге Молдавии. На этой территории в первой половине I тыс. н.э. существовал массив земледельческого населения. Северным пределом этой области является граница степи и лесостепи. Нами сознательно опущен район Порожистого Днепра (Днепровская Лука). Для первой четверти I тысячелетия здесь не известно постоянного оседлого населения. Черняховские же памятники второй четверти тысячелетия представляют собой своеобразное и обособленное единство, отличающееся от других частей черняховского ареала (Кухаренко 1955: 152; Тиханова 1957: 171, 174-178), в том числе и степного.

Для скифского времени доказана методическая целесообразность разделения степи и лесостепи как двух особых историко–этнографических областей, имеющих существенные различия (Шрамко 1971: 92). Нет оснований с иной меркой подходить и к римскому времени, тем более, что выделение только приморской зоны сужает историческую перспективу и разрывает цельность восприятия. Установление территориальных и хронологических границ должно быть адекватным сути рассматриваемых явлений. Только в этом случае ограничения, неминуемо расчленяющие исторический процесс, становятся инструментом познания.

Хронологические рамки настоящего исследования продиктованы логикой исторического процесса. Она требует, учитывая общую ситуацию в Причерноморье, начать исследование с I в. до н.э. Именно в это время происходят события, оказавшие в дальнейшем большое влияние на развитие рассматриваемого региона: появление к западу от Днепра сарматов, начало возрождения Ольвии с ее хорой после гетского разгрома, возникновение в низовьях Дуная на его левом берегу римских военных форпостов. Однако археологических свидетельств этих событий, особенно за пределами античных городов, весьма мало. Земледельческое население в это время существовало в регионе лишь на крайнем востоке – это нижнеднепровские позднескифские городища. Поселения хоры Ольвии возникли в I в. н.э. Возможно, оседлое население появилось на восточном берегу Днестровского лимана, но его памятники известны только по разведкам. У с. Надлиманское VI обнаружено поселение с обломками амфор II в. до н.э. – первых веков н.э. (Охотников 1983). При раскопках черняховского поселения у с. Мирное в урочище Гайдолина установлено наличие под черняховским слоем более раннего – с амфорами II-I вв. до н.э. (Кравченко 1971: 42). На восточном берегу Днестровского лимана возле с. Роксоланы на развалинах древнегреческого Никония в I-III вв. н.э. существовало земледельческое поселение, именуемое тоже Никоний.

Сельская округа Тиры мало известна. Жизнь на поселении Молога-II начинается, возможно, во второй половине I в. н.э. Степи между Днестром и Дунаем не обжиты. Страбон называет их пустыней гетов (Латышев 1947: 258), что соответствует отсутствию археологических памятников после прекращения жизни на поселениях типа Пивденного в III в. до н.э. Раннее появление сарматов в степях к западу от Днепра, известное по письменным источникам, археологически документируется пока только несколькими памятниками. Могильник I-II вв. Усть-Каменка возник у переправы через Днепр на его правом берегу (Махно 1960 а). Сарматское погребение середины – второй половины I в. до н.э. обнаружено у с. Холмское в Буджакской степи (Гудкова,Фокеев 1984: 21-24). Захоронения I в. н.э. раскопаны на правом берегу Южного Буга у с. Ковалевка (Ковпаненко 1986: 168-183), у с. Ново-Петровка в устье Буга (Вязьмитина 1986: 194) и у с. Михайловка в Буджаке (Сорокина и др. 1986). Таким образом реально обеспеченным материалом для археологического изучения оказался период, примерно, с середины I в. н.э. и до гуннского вторжения.

Этот период целесообразно разделить на

три исторических этапа. Первый, примерно, равен первой четверти тысячелетия. Оседлое население этого времени, поздние скифы, состояло из отдельных групп, не представляющих прочного единства. Их объединяет общность происхождения, связанного с земледельцами Причерноморья предшествующего времени, и в основном одинаковая материальная культура. К этому времени относится проникновение на юг населения из более северных областей. Возможно, именно в самом конце периода в Буджаке появляется южная группа венедов, оставившая памятники типа Этулия. Оседлое население взаимодействует с кочевниками – сарматами. Их памятники в первой четверти I тыс. н.э. наиболее массовы в Буджакской степи между низовьями Днестра и Дуная. На этом этапе велика экономическая, политическая и культурная роль античных городов, Тиры и Ольвии, переживавших свой последний расцвет. Важнейшим историческим фактором является укрепление в Северном Причерноморье военно-политического присутствия Римской империи.

Второй этап — это полстолетия «скифских» или «готских» войн варваров с Римской империей в III в. Не смотря на свою краткость, он имеет очень большое значение, являясь переломным в истории региона. Эволюционное развитие местного оседлого населения было полностью нарушено. В Причерноморье из лесостепи хлынули массы этнически неоднородного населения, ранее в степи не обитавшего. Античным авторам оно известно под собирательным названием готы, которые действительно составляли часть этого конгломерата. В него входило также аборигенное население лесостепи междуречья Днепра и Днестра. Археологически движение этих мигрантов на юг фиксируется появлением в Причерноморье черняховской культуры, включающей часто памятники с вельбаркскими (собственно готскими) чертами. В совместной борьбе против Рима и военных походах двух поколений людей интегрировалось пришлое и местное население, включая сарматов, и выкристаллизовался южный степной вариант черняховской культуры. Власть Римской империи в Причерноморье была ликвидирована, античные города разгромлены. Образ жизни людей в это время чрезвычайно нестабилен. Этот период почти не представлен археологическими памятниками. Их отсутствие является его особенностью.

Третий этап – последняя треть III в. — IV в. до гуннского вторжения. В регионе господствовала черняховская культура. С востока появляется новая позднейшая группа сарматов-аланов, просуществовавшая в Буджаке почти до середины IV в. Оседлое население бурно развивается. Римская империя прямого военного и политического воздействия на Причерноморье не оказывала. На развалинах Тиры и Ольвии продолжалась какая-то жизнь, но крупными центрами они уже не не являлись. Гунны смели носителей черняховской культуры. Степи надолго обезлюдели, а оседлое население появилось в них вновь много лет спустя в новое время.

Цель настоящего исследования – проследить возникновение, этнокультурное развитие и исчезновение групп оседлого населения в степях Украины в первой половине I тыс. н.э. Есть основание полагать, что в это время определяющим фактором исторического развития в регионе являлись не только социально-экономические сдвиги, но и массовые перемещения значительных групп разнородного населения и вызванные ими последствия. Развитие черняховской культуры в степях, с которым связан максимальный расцвет оседлого населения в этом регионе в I тыс. н.э., нельзя понять без изучения этнокультурных процессов.

Настоящее исследование базируется на археологических материалах, что определило и методы, и структуру работы. Ее большая по объему часть посвящена упорядочению и анализу археологических источников, в последней главе предлагается реконструкция исторического процесса.

Одной из основных методических посылок работы является представление о соответствии этноса археологической культуре, естественно, с поправкой на особенности такого соответствия в условиях распада первобытных отношений, зарождения раннеклассовых структур и непосредственного контакта с античными государствами. В этих условиях не было прямого и полного совпадения археологической культуры и этнической общности, а культуры могут выступать в качестве полиэтничных.

Цель работы определила отбор археологических материалов и подход к их анализу. Для решения вопросов культурогенеза и этнокультурных проблем наиболее информативными и показательными являются особенности поселений и жилищ, лепная посуда, а также по отдельным проблемам гончарная и погребальный обряд. Такой отбор категорий источников не нов для решения поставленных задач и его доброкачественность многократно проверена археологами на опыте. В жилище наиболее показательными с этнокультурной точки зрения являются его тип, традиционные строительные материалы, планировка, отопительные устройства и организация интерьера.

Лепная керамика, поскольку она всегда была продукцией домашнего производства и использовалась только на месте, оказывается своеобразным сгустком традиций, весьма устойчивым к внешним изменениям. Значение гончарной керамики в римское время с точки зрения целей и задач настоящего исследования значительно меньше. Однако полностью отказаться от ее анализа нельзя, поскольку, например, сероглиняная гончарная посуда представляет собой в римское время особый феномен, важный

для изучения этнокультурных процессов. За этой посудой, часто без учета ее связи с конкретными археологическими культурами, закрепилось определение «провинциальноримская», что действительно выражает реальное положение вещей, поскольку провинциальноримская вуаль, а в более глубинном пласте и латенская, сильнейшим образом нивелирует облик этой ремесленной продукции. Однако даже при значительной степени унификации не исчезают полностью черты своеобразия, связанного с различиями в истоках культур, которым присуща сероглиняная керамика.

В материалах Северного Причерноморья удалось разграничить сероглиняную керамику античных центров и черняховской культуры, выделить новый ингредиент в сероглиняной посуде позднескифских памятников (Гудкова 1979, 1990; Гудкова, Крапивина 1988, 1990; Gudkova, Krapivina 1997; Гудкова, Малюкевич 1994). И хотя ко всем этим группам керамики приложимо определение «провинциальноримская», тем не менее они отличаются друг от друга. Не меньшее значение в некоторых случаях имеет изучение орнаментации керамики и отделки ее поверхности. Провинциальноримская мода, хотя и затемнила этнические истоки отдельных явлений в этой сфере, но не уничтожила их полностью.

Что касается погребального обряда, то он во всем своем материальном воплощении служит надежным источником для изучения этнокультурных и этногенетических проблем. Степень его насыщенности человеческими представлениями и эмоциями столь велика, что обеспечивает ему чрезвычайный консерватизм и устойчивость при передачи от поколения к поколению. Под инновациями в нем можно обнаружить глубинные пласты, давно ушедшие из прямого осознания людей, но продолжаюшие сохранять традиции предшествующих поколений. При всей веротерпимости древнего мира сохранение погребального обряда предков было обычным и в иноэтничной и инокультурной среде.

Накопление археологических данных о земледельческом населении Причерноморья осуществленно практически целиком в советское время. Объем имеющихся на сегодня источников уже позволяет дать классификацию памятников и предложить этнокультурную атрибуцию их групп.

История изучения нижнеднепровских городищ подробно изложена в работе Н.Н.Погребовой (1958: 103-108). Итогам ее собственных больших раскопок на Знаменском и Гавриловском городищах посвящена указанная работа. Результаты исследования городища и могильника Золотая Балка изданы М.И.Вязьмитиной (1952, 1962). Работы этих исследовательниц и по сей день являются базой современных знаний об этих памятниках. В то же время на их материалах работали и другие исследователи, углубляя и уточняя сведения о них, а раскопки на этих городищах ведутся и в настоящее время (Бреде 1960: 191-203; Ветштейн 1960: 204-209; Дмитров та ін. 1961: 78-100; Добровольский 1960: 141-165; Выезжев 1960: 166-175; Фурманська 1960: 180-190; Шапошникова 1960: 176-179; Сымонович 1967 г, 1969 б, 1971, 1977 б; Сымонович, Гей 1978 б; Гей 1987; Гей, Бажан 1993; Гаврилюк, Абикулова 1991, I, II). Неукрепленные же позднескифские поселения остаются мало изученными (Елагина 1953, 1958; Славин 1954, 1955; Брайчевская 1955; Белановская 1960; Вязьмитина 1960; Махно, Мізін 1961).

В результате масштабных раскопок на нижнеднепровских памятниках в 50-60-х годах сложилось представление о том, что эти городища являются позднескифскими. Культура оставившего их населения рассматривалась как сложившаяся на местной основе. Это положение доказывалось по материалам жилища, керамике и погребальному обряду (Граков 1954: 173; Погребова 1958: 132-136, 141, 204-207; Вязьмітіна 1962: 112, 122-144; Вязьмитина 1972: 182). В настоящее время на основании новых раскопок и разработки ранее накопленных материалов Н.Г.Гаврилюк и М.И.Абикулова предлагают новую трактовку ряда коренных этнокультурных вопросов (Гаврилюк 1991; Гаврилюк, Абикулова 1991, вып. I и II). Высказано мнение о том, что между нижнеднепровскими материалами IV в. до н.э. и II в. до н.э.- II в. н.э. существует принципиальная разница, наблюдается изменение всех характерных признаков. «Не только материальная культура, но и структура поселений, домостроительство, способы ведения хозяйства мало чем отличаются от античных. Следовательно «позднескифскими» эти памятники можно назвать весьма условно, имея в виду лишь время их существования и сложившуюся историческую традицию» (Гаврилюк 1991: 20-21). Дальнейшее развитие эта мысль нашла в утверждении о том, что нижнеднепровские городища не были позднескифскими в прямом смысле этого слова, а их «основное население состояло из переселившихся в силу многих причин, вытекающих из сложной политической ситуации в Ольвии во II в. до н.э., обитателей Ольвии, приспособившихся к более суровым степным условиям» (Гаврилюк, Абикулова 1991, II: 30). Насколько справедливо это мнение, пока судить трудно, так как материалы новых раскопок опубликованы в небольшом объеме, как и разработки конкретных групп источников, приведшие к изложенным взглядам. Однако надо отметить, что исследователи Ольвии тоже допускают переселение части городского населения к поздним скифам на Нижний Днепр. В.В.Крапивина пишет, что часть ольвиополитов могла укрыться там во время гетского разгрома (Крапивина 1993: 141).

Принципиально новым является мнение Н.Е.Берлизова (Берлизов 1993: 211-213). Он

пишет: «...могильники появляются сразу или почти сразу после разрушения «своих» городищ и считать их памятниками одного населения (по крайней мере до I в. н.э.) ...не представляется возможным. Создается впечатление, что население, оставившее могильники, участвовало в разрушении городищ, а затем в их возрождении». Н.Е.Берлизов склонен связывать пришлое население на основе сходства катакомбных грунтовых могильников с обитателями Центрального Кавказа, известными по могильникам Нижний Джулат, Чегем II, Подкумок, Мостовой. Изложенная точка зрения представляет значительный интерес, но, поскольку она выражена лишь в тезисной форме, приходится воздержаться от ее подробного анализа.

Хора Ольвии к настоящему времени изучена весьма основательно. Это позволило создать ее археологическую карту, в которой отдельный раздел посвящен памятникам первых веков н.э. (Крыжицкий и др. 1990: 77-97). На Бугском лимане раскопки производились на Козырке I (Бураков 1962, 1966, 1976; Крыжицкий, Бураков 1975), Старой Богдановке I (Славин, Бондарь 1957: 125; Буйских 1979: 88-92), на поселении Радсад (Славин 1955: 130-132), Дидова хата 3 (Рубан, Буйских 1976), Скелька I (Славин 1952: 56-57; Бураков, Буйских 1979; Бураков 1980), Золотой Мыс (Славин 1952: 56; Буйских 1979: 92-95; Абикулова, Былкова 1985). К югу от Ольвии исследования производились на Днепровском 2 (Славин 1955: 137) и Петуховке 2 (Фабрициус 1925: 74-77; Славин 1955: 137-139; Синицын 1952, 1959 а: 13-34; Есипенко 1951). Исследовались также городища Мыс (Буйских, Бураков 1977), Сиверсов Маяк, Семенов Рог и Станислав. Накопленные материалы легли в основу первого обобщающего исследования по истории развития хоры (Крыжицкий и др. 1989: 156-219). В изучении сельской округи Ольвии на сегодня слабым местом является отсутствие раскопанных могильников римского времени.

Учтенные памятники представлены несколькими типами. Таковы: 1) городища с плотной застройкой внутри; 2) убежища, в которых имелась свободная незастроенная площадь с собственной линией укреплений (Днепровское 2); 3) римские военные лагеря (Дидова Хата 3). Зафиксированы также временные пастушеские стоянки (Аджигольская Балка, Кинбурн) (Крыжицкий и др. 1989: 160) и стоянки рыболовов. Исследователи хоры Ольвии полагают, что «...основу населения укрепленных поселений составляли потомки тех греков, которые жили в Ольвии еще до гетского разгрома... Вместе с тем, на хоре проживала какая-то часть и негреческого населения — скифы,сарматы, фракийцы, возможно, варварский компонент римских войск из района Паннонии» (Крыжицкий и др. 1989: 216).

Хора Ольвии всегда воспринималась – да и сейчас еще воспринимается антиковедами – в основном с точки зрения развития античного мира и его влияния. Но ведь возможен и необходим и другой взгляд – с точки зрения истории развития варварского мира. Только объединение обоих ракурсов восприятия даст возможность наиболее полного постижения сути процессов.

Сельскохозяйственная округа Тиры первых веков н.э. изучена очень слабо. По берегам Днестровского лимана учтено около двух десятков поселений первой четверти I тыс. н.э. (Малюкевич 1991: рис. 1). На западном берегу согласно карте, составленной С.Б.Охотниковым (1983), это — Шабо, Сухолужье, Пивденное 2, Веселое 3, Удобное; на восточном берегу — Беляевка 3, Николаевка 4, Овидиополь 5, Роксоланы 1, 5, 6, 10, Бугаз 3. Кроме того, известны места обнаружения монетных кладов, содержащих римские денарии и монеты Тиры, что может указывать на существование в этих местах усадеб зажиточных граждан города (Карышковский, Клейман 1985: 106). П.О.Карышковский и И.Б.Клейман полагают, что сельская округа Тиры охватывала только западный берег Днестровского лимана и побережье Будакского лимана от с. Удобное на севере до с. Приморское на юге (Карышковский, Клейман 1985: 106). При такой постановке вопроса остается неясным политический статус поселений на восточном берегу Днестра и его лимана. Кроме того, на Будакском лимане поселений этого времени разведками не зарегистрировано.

В 1975-1978 гг. нами были проведены раскопки поселения могильника Молога 2 (Гудкова 1976, 1977; Гудкова, Руссова 1980; Гудкова, Фокеев 1982). После 1978 г. работы продолжены А.Е.Малюкевичем. Их результаты опубликованы лишь частично и в основном в тезисной форме (Малюкевич 1988, 1988 а, 1988 б, 1989 а,1989 б, 1990, 1991, 1991 а, 1991 б, 1991 в, 1994 а, 1995). В течение одного полевого сезона раскапывалось поселение Веселое 3 (Малюкевич 1992 а; 1994). Материалы этих памятников свидетельствуют о существовании на Днестровском лимане в первой четверти I тыс. н.э. населения, материальная культура которого по основным признакам находит себе ближайшие аналогии на позднескифских памятниках Нижнего Днепра и на поселениях хоры Ольвии.

На восточном берегу лимана этому же населению принадлежит слой римского времени на Никонии. Раскопки городища античного Никония на восточном берегу Днестровского лимана были начаты в 1957 г. До 1966 г. ими руководил М.С.Синицын (1960 а, 1966). С 1968 г. исследование этого памятника вели Н.М.Секерская (Андрунина) (1975, 1976, 1977, 1978 а, 1978 б, 1984, 1993 б, 1995) и А.Г.Загинайло (1960, 1972, 1976, 1977). В последние годы в эту работу включился И.В.Бруяко. Материалы открытого и изучаемого им могильника римского времени (Секерская 1993) полностью совпадают с материала-

ми могильника Молога 2, что подтвердило наше мнение о принадлежности этих памятников одной группе населения.

Обобщенного исследования материалов римского времени на Никонии пока не имеется. Подвергнуты анализу отдельные категории источников — жилища (Кузьменко 1976), детские погребения в сосудах (Секерская 1978 б), краснолаковая керамика (Секерская 1984 а). В последнее время появилось сообщение о том, что здесь обнаружены остатки оборонительной стены римского времени (Секерская 1995: 58). Место этого памятника в системе древностей римского времени с точки зрения его отношения к Тире во многом неясно.

В целом материалы памятников первой четверти I тыс. н.э. на Днестровском лимане свидетельствует о существовании населения, материальная культура которого по основным признакам находит себе ближайшие аналогии на позднескифских памятниках Нижнего Днепра и поселениях хоры Ольвии Это позволяет утверждать, что на Днестровском лимане существовал локальный очаг позднескифской культуры (Гудкова, Фокеев 1982: 109; Гудкова 1987; 1989: 34-37).

Начало изучению черняховских памятников в степи положено довоенными раскопками А.В.Добровольского на Ингульце (Добровольский 1950) и А.К.Раевского на поселении Кисёлово под Одессой (Раевский 1955). После Второй мировой войны археологи Одессы начали систематическое изучение древностей Северо-Западного Причерноморья, естественно, первоначально в форме разведок. Организатором и руководителем этих работ был М.С.Синицын. Им было учтено большое количество памятников, в том числе римского времени, между низовьями Нижнего Буга и Днестра (Синицын 1949 а, 1949 б, 1955, 1959 а). К сожалению, использовать сейчас в полной мере результаты этих больших работ почти невозможно, так как полевые документы и коллекции не сохранились, а культурно-хронологическая атрибуция памятников, – «скифо-сарматских», по терминологии М.С.Синицына, – для современного уровня знаний в ряде случаев недостаточна. Кроме разведок, М.С.Синицын раскапывал в 1946 г. поселение черняховского типа Ильинка I (Синицын 1949 б: 151-155; 1950: 64-65).

В 60-х годах одесские археологи – ученики М.С.Синицына – вели разведки на Днестровском лимане и в Буджакской степи, в результате чего были обнаружены многочисленные памятники первой половины I тыс. н.э., часть которых принадлежит черняховской культуре. Их результаты в междуречье Днестра и Дуная обобщены И.Т.Черняковым (1967).

Систематическое изучение древностей первых веков нашей эры в Молдове связано, прежде всего, с деятельностью Г.Б.Федорова, Э.А.Рикмана и их сотрудников. Однако на крайнем юге, в северной части Буджакской степи оказалось исследованным лишь небольшое количество памятников. У пограничья с лесостепью Э.А.Рикманом раскопано поселение Комрат (материалы изданы частично, см. Рикман 1975 б). Г.Б.Федоровым раскопан в Буджакской степи сарматский грунтовой могильник Кринично (1969).

Результаты учета и раскопок черняховских древностей в молдавской части Буджака были суммированы в 1975 г. в пяти выпусках археологической карты МССР (Рикман 1975 а: 32-148), а по Одесской области (по состоянию на 1980 г.) в «Справочнике археологических памятников» (Гудкова, Охотников, Субботин, Черняков 1983). Согласно этим сводкам число памятников первой половины I тыс. н.э. в Буджакской степи значительно больше, чем в междуречье Южного Буга и Днестра. Это, скорей всего, соответствует истинному положению вещей, а не состоянию наших знаний.

В изучении памятников черняховского типа на юге Украины большая заслуга принадлежит Э.А.Сымоновичу. Его работы в Причерноморье начинаются с разведок и раскопок поселения Капустино в низовьях Тилигульского лимана в 1950 г. (1956 а: 131-135). Затем им были открыты и исследованы в степи многочисленные поселения и могильники, в том числе наиболее значительные из них — Гавриловка, Каменка-Днепровская, Викторовка, Коблево, Ранжевое, Фурмановка, Бургунка (1955, 1956 а, 1960, 1966а, 1967 а, 1979 б, 1974, 1980, 1988; Сымонович, Яровой 1968). Им же были продолжены начатые до революции М.Эбертом раскопки могильника Николаевка Козацкая (1967 г). Б.В.Магомедовым раскопан могильник Каборга 4 (Магомедов 1979 б). Им же велись работы на городище Александровка, на могильнике Городок, на поселении и могильнике Каменка-Анчекрак и на ряде других объектов (1979 а, 1980, 1981, 1983 а, 1983б, 1984, 1987).

В 60-х годах в Буджакской степи развернулись археологические работы на ирригационных новостройках. Черняховский отряд в составе Днестро-Дунайской экспедиции ИА АН УССР, руководимой Н.М.Шмаглием, вел раскопки поселения Нерушай в Буджакской степи и Мирное в междуречье Днестра и Дуная, а также разведки (частично с шурфовкой) памятников римского времени (Кравченко 1967 б, 1971 а, 1971 б). С 1969 г. в их изучение включилась автор настоящих строк. Итоги наших полевых исследований излагаются ниже по ходу анализа фактического материала.

Обнаружение в степях памятников черняховского облика поставило перед исследователями задачу их культурной атрибуции (Гудкова, 1976). Первоначально их воздерживались относить к черняховской культуре, особенно поселения с каменным домостроительством. М.А.Тиханова на основе культуры Сынтана де

Муреш в Румынии выделила «район Дунайского бассейна», включая Буджак (без морского побережья), а памятники Низового Днепра были ею оставлены вне черняховских вариантов (1957: рис. 1, с. 177). А.Т.Смиленко, анализируя материалы из зоны затопления Каховской ГЭС, пришла к выводу о том, что основная территория распространения черняховских памятников это – лесостепь, а в степи лишь в Надпорожье наблюдается их концентрация (Брайчевська 1957). Е.В.Махно однозначно отнесла к черняховской культуре поселения и могильники степного Поднепровья. Основная же масса памятников степи была причислена ею к черняховским условно, хотя она и допускала, что дальнейшее исследование может подтвердить их принадлежность к ней. В приморской зоне она выделила «поселения с каменным домостроительством» и черняховской керамикой, принадлежность которых к черняховской культуре представлялась ей весьма проблематичной (1960: 14 и карта). Однако Г.Б.Федоров рассматривал памятники степи как отдельную локальную группу черняховской культуры (1960: 70). На какое-то время утвердилось представление, что в степь проникали лишь небольшие группы черняховского населения, оставившие отдельные памятники (Тиханова 1957: 177-178; Федоров 1960: 162).

Пересмотреть это представление заставило обнаружение Э.А.Сымоновичем при поселениях с каменным домостроительством биритуальных могильников черняховского типа. Первый из них принадлежал поселению Викторовка II (Сымонович 1966 а). В результате изучения степных могильников Э.А.Сымонович пришел к выводу о единстве и сходстве памятников Причерноморья с лесостепной и степной черняховской культурой и о миграции ее носителей с севера на юг (1967 а: 234, 235, 237). После его итоговой в этом вопросе работы (1967 а) аргументация в пользу отнесения причерноморских памятников к числу черняховских практически более не разрабатывалась. Однако надо отметить, что до последнего времени ряд исследователей не считал причерноморские памятники черняховскими. Е.В.Махно отнесла к южностепному варианту черняховской культуры лишь часть памятников Нижнего Поднепровья, Побужья и Поднестровья (1970 а; 1970 б). А.Т.Смиленко выделяет черняховские памятники в степном Поднепровье, а культурная принадлежность поселений на Ингульце, по ее мнению, не ясна, ибо не известны их могильники. Остальные памятники Причерноморья она черняховскими не считает (1984). М.Б. Щукин предложил выделить поселения с каменными домами в особую группу, сочетающую позднескифские признаки с черняховскими (1979: 71).

Восприятие степных памятников как черняховских укрепилось в связи с развитием представления о полиэтничности черняховской культуры и сейчас широко распространено (Баран 1981; Седов 1976; Кропоткин В. 1978; Кропоткин А. 1984 и др.). Ряд исследователей выделяет в Причерноморье местный вариант культуры (Магомедов 1979, 1981; Гей 1980 а, 1980 б, 1985; Баран 1981: 164). Именно с точки зрения признания причерноморских памятников черняховскими написаны работы Б.В.Магомедова, посвященные памятникам черняховского типа в основном с каменным домостроительством, в узкой полосе степей, непосредственно прилежащих к морскому побережью (1980, 1981, 1983 а, 1983 б, 1984, 1987). Он выделяет три варианта погребального обряда, за которыми различает три этнокультурные группы носителей черняховской культуры в Причерноморье. Б.В.Магомедов полагает, что в могилах с заплечиками погребало своих умерших эллинизированное местное население (в основном сарматского происхождения), а погребения с подбоями и в простых ямах он прямо связывает с сарматами украинских степей. Захоронения с кремацией и частично трупоположения в простых ямах, по мнению Б.В.Магомедова, принадлежат «германским племенам, переселившимся из Повисленья, но за время своего пребывания на территории северо-западной и центральной Украины усвоившим черняховскую культуру» (1980: 85). Исследователь полагает, что локальной особенностью рассматриваемых им памятников является преобладание в составе их населения представителей эллинизированных племен позднескифского происхождения. Другие его компоненты – оседлые сарматы и часть переселившихся с севера черняховских племен с примесью носителей вельбаркско-цецельских и пшеворских культурных традиций. Характерной особенностью взглядов В.Д.Барана и Б.В.Магомедова на степные черняховские памятники является представление о том, что через черняховское население степи из античных городов Причерноморья распространялось в черняховской культуре античное влияние (Баран и др. 1990: 66). Наиболее остро эта мысль выражена Б.В.Магомедовым, писавшим, что «синкретическая антично-варварская культура Северо-Западного Причерноморья... распространилась на Степь и Лесостепь, встретив благоприятную почву среди местных племен, достигавших к тому времени достаточно высокого уровня социально-экономического развития. Это привело к возникновению черняховской культуры в том виде, в котором она известна по своим лесостепным проявлениям, объединяющим северо-причерноморские, зарубинецкие и пшеворские элементы.» (1980: 87). В.Д.Баран и Б.В.Магомедов включают Нижнее Поднепровье в зону существования наиболее ранних памятников черняховской культуры (Баран 1981: 153. 154; Этнокультурная карта..., 1985: 47). О.А.Гей на основе картографирования черняховских памятников (Гей 1980 а: 45-50; 1993: карта 29 на с.

166) и сравнения погребального обряда среднеднепровской и причерноморской зон пришла к выводу о независимом генезисе черняховского населения в Причерноморье. Она полагает, что в Причерноморье скифо-сарматские племена имели первостепенное значение (1985 б: 344; 1993: 165). По ее представлению северопричерноморская зона неоднородна и распадается на две локальные группы – приднепровскую и причерноморскую. Погребальный обряд первой сложился под сильным влиянием пшеворской и вельбаркско-цецельской культур, а второй – на позднескифской основе.

Э.А.Рикман, сделавший так много для изучения и осмысления черняховской культуры междуречья Днестра и Прута, никогда не выделял степные памятники Буджака в особую группу. В своей обобщающей работе (1975 б) он распространил на них выводы, полученные на материалах молдавской лесостепи. В результате своеобразие степного района оказалось им не воспринятым.

Разработка систематики черняховского погребального обряда, выполненная Г.Ф.Никитиной (1985), создает возможность объективной, основанной на статистике оценки явлений в этой категории источников. Анализ систематезированных материалов потребует выработки соответствующих методов, что превращает такую работу в самостоятельное исследование, однако и на современном уровне разработки ряд наблюдений Г.Ф.Никитиной представляет для нас большой интерес, в частности проступающее в ее работе своеобразие степных памятников.

Накопление сведений о древностях римского времени в Буджакской степи имело особые результаты. Оно быстро привело к осознанию их неоднородности. Однако на первом этапе исследования все они воспринимались как относящиеся к черняховской культуре. И.Т.Черняков в равной степени отнес к ней и поселения с керамическим комплексом черняховского типа, и поселения, на которых находили лишь обломки римских амфор и лепной посуды (1967), что неминуемо вызвало критику с методической точки зрения (Махно 1970 а: 61). Иначе воспринял это явление Н.М.Шмаглий, разграничивший памятники черняховского типа и «античные» (1965: 53). Н.М.Кравченко из 15 обследованных памятников римского времени отнесла к черняховской культуре всего шесть (1971 б)

Раскопки на подобных памятниках, начатые одновременно во второй половине 70-х годов в Молдове и в Одесской области работами Т.А.Щербаковой и автора, привели к обнаружению особой группы древностей, синхронных в основном черняховским, но составляющих самостоятельное этнокультурное единство. Они были названы памятниками типа Этулия и идентифицированы с южной группой венедов на Дунае, известных по Певтингеровым таблицам (Чеботаренко, Щербакова 1974; Щербакова 1980, 1981, 1982, 1982 б, 1987; Паламарчук 1982; Фокеев 1982; Гудкова 1987, 1989, 1990). Исследование этих памятников в настоящее время продолжает М.М.Фокеев (Фокеев 1997, 1998).

Подводя итоги историографическому обзору, следует констатировать, что памятники оседлого населения первой половины I тыс. н.э. в степях Причерноморья до сих пор не стали предметом специального исследования во всем их объеме и многообразии. Их материалы не упорядочены на источниковедческом уровне, а сами эти древности не воспринимаются как единая система взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений. Настоящая работа и представляет собой попытку постановки и возможного решения этих задач, а так же создания истории этнокультурного развития населения Северного Причерноморья в первой половине I тыс. н.э.

Глава 1. ПОЗДНЕСКИФСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

В первой четверти I тыс. н.э. в степях Украины оседлое земледельческое население обитало лишь на крайнем юге в приморской зоне. Здесь оно было распространено не повсеместно, а концентрировалось в трех районах: на Нижнем Днепре, на хоре Ольвии и по берегам Днестровского лимана (рис. 1), где оно, можно думать, составляло земледельческую округу Тиры. Территориальная разобщенность этих трех очагов сельской жизни требует для определения степени их сходства друг с другом сопоставления основных категорий археологических источников, имеющих выраженную этнокультурную «окраску». Без этого нельзя понять историю развития в припонтийских степях оседлого населения, представлявшего собой в первой четверть I тыс. н.э. варварский окаем вокруг античных центров. Значимость археологических источников для изучения этого явления особенно велика, ибо письменные сведения об этом населении практически отсутствуют.

Нижнеднепровские городища возникли до нашей эры. Для данного исследования в их хронологии интерес представляет поздний период их существования и прекращения их жизни. Этому последнему аспекту посвящено специальное исследование (Щукин 1970). М.Б.Щукин установил, что Знаменка запустевает на рубеже эр, Золотая Балка в конце I в. н.э., Гавриловка на рубеже I и II вв. н.э., могильник Золотая Балка и Любимовское городище – в первой половине II в. н.э. Не переживает их и позднескифский могильник Николаевки Козацкой. Н.А.Гаврилюк и М.И.Абикулова относят верхний предел существования Знаменки ко II в. н.э. Анновское же городище, по их мнению, запустевает в III в. (1991, I: 22,25).

Три поселения – Берислав (Махно, Мізін

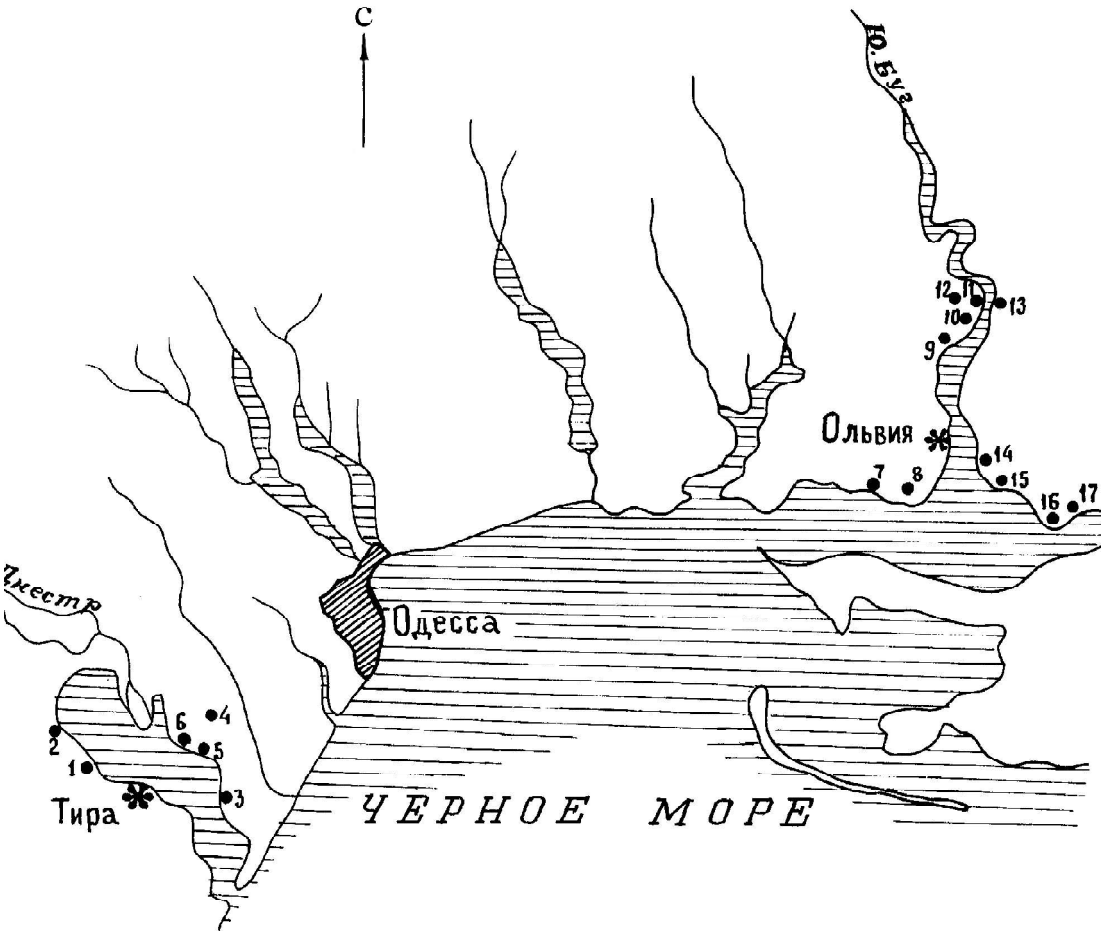

Рис. 1. Карта-схема позднескифских памятников первой четверти I тыс.н.э. на Буго-Днепровском и Днестровском лиманах.

1 – Молога II (Гудкова, Фокеев 1982); 2 – Удобное (Черняков 1960); 3 – Роксоланы (Синицын 1960 а; Секерская 1978 а); 4 – Мирное или Гайдолина (Кравченко 1971 а); 5 – Маяки III (Кравченко 1968); 6 – Надлиманское (Кравченко 1968); 7 – Петуховка (Синицын 1952; Буйских 1977); 8 – Днепровское (Крыжицкий и др. 1980); 9 – Козырка (Бураков 1976); 10 – Ст. Богдановка (Буйских 1977; Крыжицкий и др. 1980); 11 – Радсад (Славін 1955; Буйских 1977; Крыжицкий и др. 1980); 12 – Дидова хата III (Буйских 1977; Крыжицкий и др. 1980); 13 – Сиверсов Маяк (Крыжицкий и др. 1980); 14 – Семенов Рог (Крыжицкий и др. 1980); 15 – Скелька (Крыжицкий и др. 1980); 16 – Станислав (Крыжицкий и др. 1980); 17 – Золотой мыс (Крыжицкий и др. 1980; Абикулова, Былкова 1985; Гороховский и др. 1985).

1961), Дудчаны (Брайчевская 1955; Белановская 1960; Вязьмітіна 1960) на правом берегу Днепра и Каиры – на левом (Махно 1960) – вскрыты на значительных площадях. Они датируются только керамикой, в которой нет целых форм. Берислав Е.В.Махно отнесла к концу I – IV вв., а Каиры – ко II – началу IV в. Дудчаны М.И.Вязьмитина датировала II – IV вв., но при этом поместила его в первые века, не исключая возможности более раннего возникновения этого поселения на основе находки двуствольной амфорной ручки. А.Т.Смиленко отнесла этот памятник к III – IV вв., и даже середине I тыс. н.э. Т.Д.Белановская же поместила его в первые века нашей эры. Такое определение времени существования этих поселений указывает на возможность их хронологического соприкосновения и последовательности с позднескифскими городищами. Возникает предположение, что обитатели этих поселений могут быть остатком позднескифского населения, сохранившегося в Нижнем Поднепровье после прекращения жизни городищ в конце I – начале II вв. н.э. Культурная атрибуция этих памятников не проста. Присутствие на них, как и на городищах, сероглиняной керамики, сопоставимой с черняховской (причем слой с ней стратиграфически нигде не выделен), породило их неоднозначную интерпретацию. Е.В.Махно, раскапывавшая Берислав и Каиры, полагала, что изначально эта керамика не присуща их обитателям и появляется лишь на последнем этапе их жизни. По материалам Бериславa ее носителей она рассматривала как пришельцев. А.Т.Смиленко, как

указывалось выше, считает их позднескифскими (1975: 17, рис. 1, с. 20, 22), Б.В.Магомедов – «ближайшими наследниками культуры позднескифских городищ в черняховской культуре» (1981: 19). При этом он включил их в перечень черняховских памятников в Причерноморье (1987: 99). М.Б.Щукин объединил Берислав и Дудчан с черняховскими поселениями Кисёлово, Коблево, Ранжевое и поздней частью могильников Николаевка Козацкая и Бизюков Монастырь в одну «кисёловскую культуру» (1979: 71).

Таким образом большинство исследователей видит определенное отличие этих поселений от собственно черняховских. Такой же точки зрения придерживается и автор. Следует особо оговорить, что Бериславское поселение, давшее большое количество строительных остатков и керамики, требует переосмысления с точки зрения стратиграфии и хронологической, – а следовательно, и культурной, – атрибуции. Исследование Я.П.Гершковича показало, что на памятнике был вскрыт мощный культурный слой с большим содержанием керамики и строительными остатками сабатиновской культуры бронзового века (Гершкович 1993). Так, все строительные остатки на раскопе 1, по его мнению, относятся к бронзовому веку. До сих пор они интерпретировались как относящиеся к первым векам н.э. и их криволинейная планировка вызывала сильное недоумение. Наличие слоя бронзового века объясняет эти странные формы строений, совершенно не свойственные для культур римского времени.

В связи с этими памятниками часто рассматривают поселения с каменным домостроительством на р. Ингулец. Результаты раскопок на них опубликованы в общей форме (Добровольский 1950; Славин 1954; 1955). Датирующий материал на них крайне ограничен. Л.М.Славин отнес их в целом к I – V вв. (1954: 58), но в датировке отдельных поселений у него имеются нюансы. Снигирёвка (Отбедо-Васильевка) – III-IV вв., Дарьевка – к III-IV вв., на Афонасьевке керамика в массе продатирована II–IV вв. и отмечено существование двух горизонтов. При этом в нижнем преобладала лепная керамика, а в верхнем — сероглиняная кружальная черняховского типа. Создается впечатление, что нижний горизонт не вполне понят. Н.Г.Елагиной принадлежит мысль о том, что эти памятники связаны с позднескифским населением, а их хронологическое отличие от днепровских может быть объяснено перемещением населения с Днепра на Ингулец после появления на юге готов (1953: 15-19). А.Т.Смиленко рассматривает их как позднескифские (1975: 17, рис. 1). Б.В.Магомедов отнес эти памятники к числу черняховских (1987: 10, 99). Проработка полевых документов и коллекций Ингулецкой экспедиции привела нас к выводу о том, что бóльшая часть материалов с ингулецких поселений принадлежит черняховской культуре. Однако нельзя сказать с определенностью, нет ли в основе некоторых из них, в частности Афонасьевки, слоев более раннего времени. Пока эти поселения действительно следует считать черняховскими. Этой же культуре принадлежит и городище Александровка на Ингульце (Магомедов, 1987: 27-29).

Существование поселений на хоре Ольвии в римское время охватывает период от интервала между последней четвертью I в. до н.э. и первой четвертью I в. н.э. до середины III в. н.э. (Крыжицкий и др. 1989: 155; 1990: 96-97).

Поселения на Днестровском лимане датируются: Молога-I – от второй половины I в. н.э. до середины III в. н.э. (Гудкова, Фокеев 1982: 103), Весёлое — II–III вв. (Малюкевич 1992: 54-55). По материальной культуре они в основном однотипны и по основным характеристикам являются аналогами позднескифским памятникам Нижнего Днепра и хоры Ольвии (Гудкова, Фокеев 1982: 109; Гудкова 1989: 36-37). Поселение Никоний датируется I-III вв. н.э. на основе краснолаковой посуды (Секерская 1984) и монет (Загинайло 1960а: 201). Чрезвычайно обильные амфорные находки, на наш взгляд, тоже указывают на это же время. Однако нельзя не упомянуть, что первый исследователь этого памятника М.С.Синицын продатировал его без специальных доказательств I-IV вв. (1960а: 201). Недавно эта мысль была снова высказана А.Е.Малюкевичем, который полагает, что жизнь на поселении «...не замерла в середине III в., а, как и в Тире, продолжалась во второй половине III и даже в первой половине IV в. н.э.» (Малюкевич 1987: 108). Однако и на сей раз этот тезис никакой разработки не получил. Поэтому мы придерживаемся той даты, которая к настоящему времени хорошо обоснована.

Жилище и домостроительное дело. В соответствии с принятым нами методом рассмотрим и сравним поселения и жилища трех районов бытования позднескифской культуры.

Нижнеднепровский регион. На нижнеднепровских городищах строительные остатки охарактеризованы, кроме указанных выше публикаций результатов раскопок, также в специальной работе С.Д.Крыжицкого (1982: 138-143).

Домостроительство на Нижнем Днепре прошло определенную эволюцию. На начальном этапе существования городищ, хотя строительные остатки в соответствующих слоях сохранились плохо, зафиксировано, в частности в Золотой Балке, существование каркасных жилых домов с очагами. Их стены с обеих сторон обмазаны глиной и побелены. План этих жилищ восстановить не удалось (Вязьмітіна 1962: 109). На Гавриловском городище в нижнем строительном горизонте раскопов I и II также обнаружены остатки каркасных домов (Погребова 1958: 197). На этом же памятнике известны остатки глинобитных строений, стены которых поставлены на основании из одного ряда камней (Погребова 1958: 197). В них проявляется сочетание двух

строительных материалов. Применения сырцового кирпича не зафиксировано.

Со II в. до н.э. каменное домостроительство на памятниках Нижнего Днепра стало господствующим (Гаврилюк, Абикулова 1991, II: 29). Строительный камень – это рваные по слою полигональные плитки понтийского известняка, от крупных, 0,6-0,7 м в поперечнике, и до самых маленьких. Применялся также для заполнения пустот и бесформенный бутовый камень. Только в отдельных случаях фиксируется подтеска плит по фасаду. Употребление специально обработанного камня так же, как и каменотесных деталей – явление исключительное. В качестве раствора применяли замешанный грунт или глину. Обмазка (штукатурка) каменных стен почти не известна. Следов применения в конструкциях стен столбов практически не засвидетельствовано. Углубленные жилища, землянки и полуземлянки, на городищах не известны.

Строения ставили на древней дневной поверхности без заглубленного в землю фундамента. Строительную площадку часто нивелировали, подрезая склоны и неровности и настилая под стенами в необходимых местах битую глину. В результате нивелировки отдельные строения оказывались заглубленными в почву на 0,3-0,4 м, что не позволяет считать их полуземлянками. На склонах нивелировка иногда превращалась как бы в террасирование (Любимовка, Золотая Балка). Склон подрезали до получения горизонтальной поверхности. В результате одна сторона дома была значительно заглублена и соответствующая часть стен имеет однолицевую кладку, а противоположная часть дома оказывалась полностью наземной.

Стены возводили из камня либо на полную высоту, либо делали каменный цоколь под саманные (сырцовые) или глинокаменные стены. Кроме того, цоколь применялся и в каменных стенах. Его сооружали из крупных плит. Известен цоколь двух типов: двухпанцирный из орфостатных плит по обоим фасадам, заполненный внутри бутом и раствором, и реже выложенный по фасадам постелистыми плитами. Двухпанцирный цоколь обнаружен на Знаменском, Золотобалковском, Анновском и Любимовском городищах. Внешне похожа на панцирный цоколь облицовка внутреннего фасада стены по низу одним рядом орфостатных плит (Гавриловка, Золотая Балка). Такая облицовка характерна для заглубленных строений. В ряде случаев, когда конструктивно выделенный цоколь отсутствует, стены бывают поставлены на крупных постелистых плитах, положенных в 1-2 ряда. Такие плиты применялись также в углах и возле дверных проемов (Крыжицкий 1982: 146).

Кладки обычно иррегулярные или приближающиеся к однорядным, постелистые. Широко применялись трехслойные кладки с бутовым заполнением внутри. Разнотипные конструктивные приемы и разные по характеру кладки часто сочетаются не только в одном строении, но даже в одной стене.

Кровли домов были тростниковыми, обмазанными глиной. В Золотой Балке находили остатки кровли в виде комков глиняной обмазки с отпечатками прутьев (Вязьмітіна 1962: 107). Опорные столбы внутри применялись чрезвычайно редко, они являются исключением из правила. В Золотой Балке такой столб обнаружен только в помещении 45 усадьбы 11 (Вязьмітіна 1962: 107; рис. 32). Несколько чаще столбы применялись для сооружения навесов возле домов. Только на Знаменке известно неординарное здание (Н.Н. Погребова даже считает его дворцовым), кровля которого была крыта синопской черепицей.

Полы глинобитные, мазаные, иногда никак не оформлены и представляют собой утоптанную поверхность, на которой построен дом. В некоторых случаях глинобитные, мазаные. Иногда в глину специально добавляли песок или толченые раковины. Встречаются каменные вымостки, охватывающие всю площадь помещения или только ее часть.

Приспособления для разведения огня – очаги, жаровни, печи – очень традиционны и устойчивы в хронологическом и культурном отношении. Очаги-поды представляли собой специальную глинобитную площадку, иногда с включением в глину каменных плиток или черепков. Эти очаги могли иметь по части периметра каменный бортик. Такие очаги применялись очень широко. Они обнаружены в Золотой Балке (Вязьмітіна 1962: 108), Петуховке (Синицын 1959 б: 19, 23), Золотом Мысе (Абикулова, Былкова 1985: 6). Жаровни применялись широчайшим образом, а установка их на специальном поду засвидетельствована в Золотой Балке (Вязьмітіна 1962: 90, 93 и др.) и Любимовке (Дмитров и др. 1961: 87). Сводчатые каменные или глинобитные печи делали несколько реже, чем очаги, но они тоже известны на многих памятниках (Гавриловка, Золотая Балка, Любимовка, Петуховка, Знаменка и др.).

Обязательной принадлежностью жилища как внутри, так и снаружи были хозяйственные ямы самого разного назначения (Погребова1958: 127, 198-200). Помимо немногочисленных ям, использование которых связано с находившимися в них очагами и печами, широко применялись ямы-погреба, зерновые ямы и ямы для сброса мусора, в том числе ямы-зольники. Ямы могли иметь обмазку, каменную обкладку, глиняные крышки на прутяном каркасе. Глубина ям в среднем 1,7 м.

Во многих жилищах обнаружены каменные загородки, служившие яслями и закромами. Они известны в Золотой Балке, Знаменке, Гавриловке и Козацком.

Объемно-планировочные типы каменных домов на большинстве городищ восстанавливаются лишь частично или вообще не реконст-

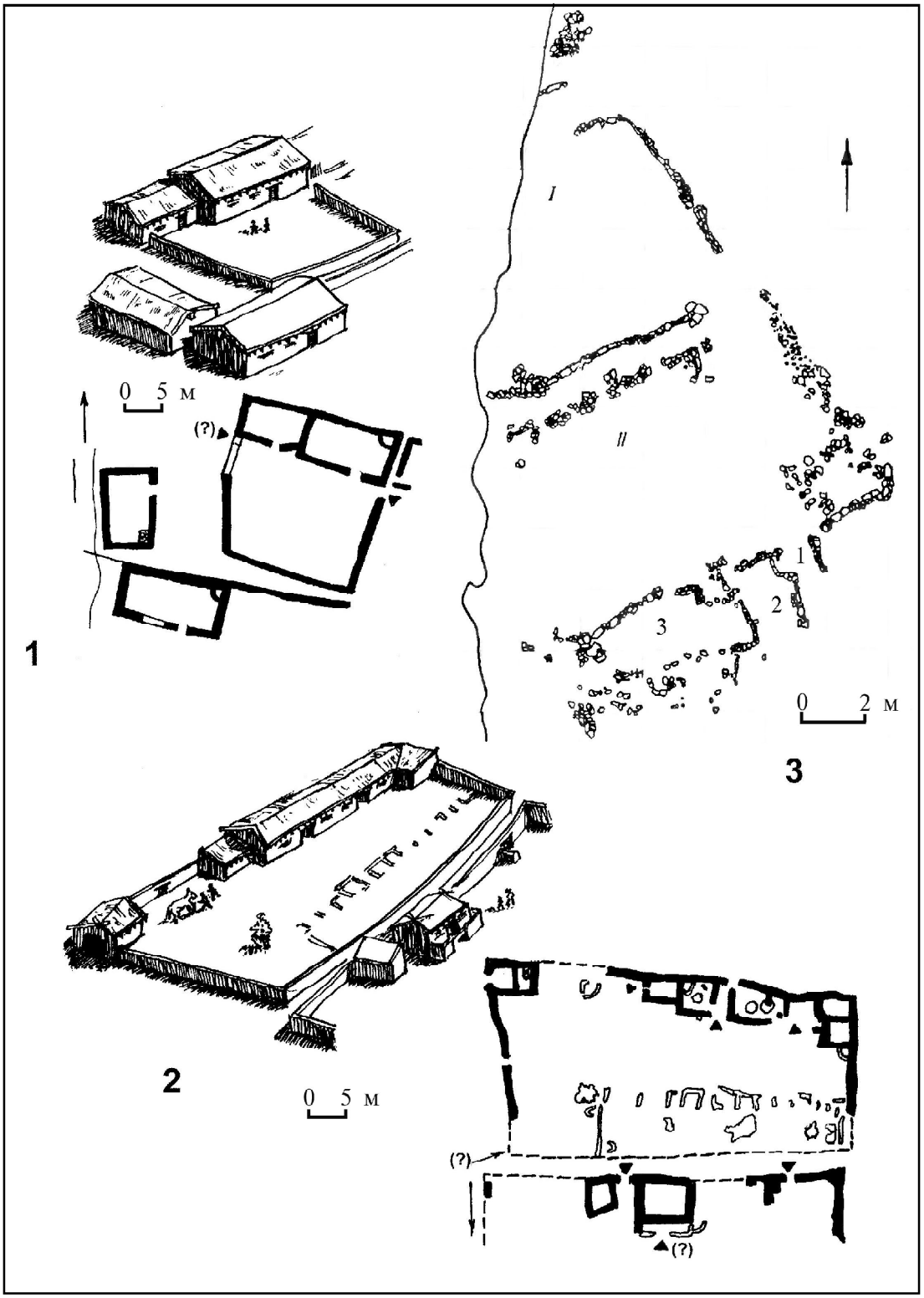

Рис.2. Реконструкция позднескифских усадеб и жилых домов по С.Д.Крыжицкому: городище Гавриловка (1) , Золотая Балка (2) и план строительных остатков на поселении Каиры (3).

руируются. Наиболее обоснованные реконструкции С.Д.Крыжицкому удалось сделать по материалам Золотой Балки (Крыжицкий 1982: 140-143) и для одной усадьбы-квартала на Гавриловке (Крыжицкий 1982: 139) (рис. 2). Кроме того, с этой точки зрения значительный интерес представляет план строительного комплекса на Козацком городище (Гошкевич 1913: № 47, с. 120 и сл.). Застройка городищ, по крайней мере в основной части, производилась кварталами. Их разделяли улицы, вымощенные каменными плитками. Кварталы представляли собой усадь-

бы, состоявшие из жилых и хозяйственных строений и большого огороженного каменной стеной двора (рис. 2). На Золотой Балке площадь кварталов составляет 800-900 кв. м (Крыжицкий 1982: 140). Крытые помещения располагались вдоль одной или двух стен двора, и их тыльные стены служили одновременно и оградой. Расположение помещений равнозначно-параллельное, и они самостоятельно сообщались с двором. С.Д.Крыжицкий полагает, что «размещение в одном и том же комплексе одинаковых по функциональному назначению и равнозначных по своим особенностям ячеек говорит об их независимости и, следовательно, о том, что основным типом жилища здесь являлись однокамерные (вариант двухкамерные, где одна из камер служила сенями), как изолированные в строительном отношении, так и неизолированные дома». Представление о существовании многокамерных домов является превратным, так как, по сути дела, «они представляют собой набор однокамерных, не связанных друг с другом функционально домов» (Крыжицкий 1982: 141, 142). В основе планировки домов лежал равнозначно-параллельный принцип. Последовательно-иерархический способ планировки встречается достаточно редко.

Естественно рассматривать вопрос о степени и формах влияния античной культуры на сложение каменного домостроительства нижнеднепровских городищ. Материалы тех из них, на которых выделены ранние и поздние слои, особенно Золотой Балки, позволяют проследить его эволюцию. На Золотой Балке стратиграфически хорошо определены два периода ее существования, ранний (II-I вв. до н.э.) и поздний (рубеж эр – I-II вв. н.э.) (Вязьмітіна 1962: 25). Между ними прослеживается полная преемственность в технике строительства (Крыжицкий 1982: 143). Дома же первого периода как в планировочном отношении, так и в строительной технике являются результатом развития местных варварских традиций. Их «вряд ли можно связывать с традициями каменного домостроительства античных городов», а планировка застройки на Козацком и Гавриловском городищах стоит в одном ряду с ранней планировкой (Крыжицкий 1982: 140). Характер и приемы кладок стен явно не античные и имеют местное происхождение. Застройка городищ безордерная. Черепичная кровля – явление исключительное. Ее наличие в неординаром доме на Знаменке общей картины не меняет. В жилых строениях отсутствуют подвалы и внутренние дворы, но обычны каменные хозяйственные загородки, по своему происхождению никак не связанные с бытовыми навыками греческого населения. Античное влияние проявилось в основном в культуре строительства: четкая, более или менее прямоугольная разбивка на местности, затухание применения криволинейной планировки, усиление принципа регулярности (блокировка домов в кварталы, развитие однотипности) (Крыжицкий 1982: 146), который возник однако самостоятельно. С.Д.Крыжицкий пишет о грековарварском домостроительстве. Применительно к нижнеднепровским городищам представляется, что определяющей была варварская традиция.

Днепровские неукрепленные поселения Берислав, Дудчаны, Каиры многослойны и сооружения римского времени имеют перестройки. Они возведены из необработанного камня-плитняка. Часть стен была каменной на всю высоту, часть же глинобитной или глинокаменной на каменном цоколе. Обычно применение двухпанцирного цоколя с заглубленными орфостатными плитами по фасадам. На таком цоколе известны и каменные стены, выведенные из мелких плит, положенных постелью с относительным соблюдением рядности. Часть каменных стен облицована по низу плоскими камнями, поставленными на ребро. Разные приемы кладки сочетались не только в одном строении, но иногда и в одной стене. Кровля была тростниковой, полы глинобитными. Следы разведения огня сохранились в виде костроищ. Кроме того, применялись сооруженные на уровне пола очаги с каменным бортиком и купольные печи. В домах известны каменные вымостки.

Столбовые конструкции, очевидно, были исключением из правила. В Каирах предполагается навес на столбах с юго-восточной стороны помещения 3 (Махно 1961: 148; рис. 17).

В планировочном отношении дома характеризуются крупными прямоугольными помещениями с небольшими пристройками к ним, наличием коридоров. В Каирах план вскрытых строений позволяет выделить остатки двух усадеб с дворами (рис. 2, *3*) (Махно 1961: рис. 17). Помещения I и II имеют соответственно размеры 7,2 × 9 (площадь 64,8 кв, м) и 7,6 × 13 м (площадь 98,8 кв. м). При таких пролетах и отсутствии каких-либо следов опор в этих помещениях вполне логично видеть открытые дворы. Тогда так называемый коридор между ними оказывается узким проулком. На юго-восточной стороне двора 11 расположены в ряд не сообщающиеся друг с другом, но открывающиеся во двор и наружу жилые и хозяйственные помещения. Вдоль северо-западной стороны двора 1 тоже могли располагаться помещения, но здесь от строительных остатков сохранились лишь слабые следы. Если предлагаемая нами реконструкция правильна, то получается тип застройки, аналогичный тому, что известен на Гавриловке и Золотобалковском городищах (Погребова 1958: рис. 38, *2*; Вязьмітіна 1962: рис. 8, *32, 35, 37*).

В Дудчанах план очень плохо сохранившихся строений удовлетворительному истолкованию не поддается (Белановська 1960: рис. 2, с. 212).

В целом каменное домостроительство поселений вполне сопоставимо с возведением до-

мов на городищах.

Нижнебугский регион. На городищах хоры Ольвии раскопки производились на многих объектах. В результате к настоящему времени, кроме публикаций материалов раскопок, имеется обобщающая характеристика застройки и домостроительства на этих поселениях (Крыжицкий и др. 1989: 158, 162-179) и подробное описание строительных остатков на всех раскапывавшихся объектах (Крыжицкий и др. 1990: 77-97). Поскольку по уровню экономического и культурного развития поселения хоры были неоднородными, то они различаются и по характеру застройки. и по особенностям домостроительства, при общности их основных черт.

Особое место занимает Козырка, которую можно рассматривать как поселение городского типа. Городские традиции проявились здесь особенно ярко. Это – внутренние дворы, черепичные кровли, широкое применение в кладках жженого кирпича, регулярный характер кладок, штукатурка стен, фресковая роспись на них, известково-гипсовые фигурные карнизы, оконное стекло.

Такой концентрации городских черт на других памятниках не наблюдается. На них, если что-либо подобное и встречается, то не как норма, а как исключение из правила, связанное в частности с фортификацией, то есть государственным строительством. Так в жилом комплексе (караульне) раскопа №3 на Скельке, который представляет собой один строительный узел с башней и каменными оборонительными стенами (Крыжицкий и др. 1989: рис. 59, с. 169) была черепичная кровля и часть стен сложена из хорошо обработанного камня, а одна стена (№18) – из штучного, что близко к ольвийским эллинистическим кладкам,

Жилые дома были наземными. Их возводили из камня и сырца. Ни каркасных строений, ни широкого применения деревянных конструкций не засвидетельствовано. Строительный камень-плитняк (известняк и ракушечник) в основном использовался необработанным. В некоторых строениях видна его тщательная подгонка и иногда слабая подтеска, особенно по фасаду. Наиболее крупные плиты с максимальным поперечником 0,6-0,7м применялись обычно в нижних, испытывавших наибольшее напряжение частях стен.

Все кладки выведены из полигонального известняка по однорядной постелистой, реже иррегулярной системе. Основанием сырцовых стен служил каменный цоколь. Ведущей системой сооружения как стен, так и цоколей на всех городищах была двулицевая трехслойная постелистая кладка, у которой фасады выложены из крупных плит, а пространство между ними забито мелким бутом (Крыжицкий и др. 1989: 174). Частным редким случаем является двухпанцирный цоколь с применением орфостатных плит по фасадам и забутовкой между ними. Он отмечен на Козырском городище в доме 1 периода (Бураков 1976: 18) и Радсаде (Славин 1955: 130). На городище Золотой Мыс применялись обычные для Ольвии слоевые основания. Изредка стены, имеющие конструктивное основание, незначительно заглублены (например, в Петуховке). Разные приемы кладки часто сочетаются не только в пределах одного строения, но и одной стены. Все каменные и сырцовые кладки возводили на глиняном растворе. Штукатурка стен отмечена в Козырке. Широкого применения она не имела.

Каменные строительные детали, очевидно, представляли собой редкость. Только в Петуховке найден каменный тесаный порог и водосточный желоб. Порогами иногда служили крупные каменные плиты нижнего ряда кладки (Скелька). Кровли за редким исключением делали тростниковыми. Полы были глинобитные, покрытые обмазкой. Иногда в глину добавляли большое количество песка или толченые раковины (Петуховка). В жилых помещениях и дворах делали каменные вымостки, иногда дворы замащивали сплошь хорошо подогнанными каменными плитками.

На некоторых поселениях в домах имелись пристенные хозяйственные загородки из вертикально поставленных плит (Петуховка, Радсад). Обычной принадлежностью быта были хозяйственные ямы разного назначения, встречающиеся в помещениях и дворах. Кроме того, известны комплексы зерновых ям на незастроенном пространстве (например, Золотой Мыс).

Для разведения огня использовали очагиподы, круглые, овальные, четырехугольные, иногда с каменным бортиком, сводчатые печи, которые возводили из каменных плит и глины. В Петуховке известна внутренняя печь, отапливавшая сразу два помещения (Крыжицкий и др. 1989: 166, рис. 61 Б). Печи обнаружены также в Козырке, Радсаде и Скельке.

Застройка городищ была неодинаковой. Территорию одних сплошь занимали дома, сгруппированные в кварталы, которые были разделены улицами и переулками (например, Козырка), иногда замощенными черепками (Золотой Мыс). На других городищах часть внутреннего пространства оставалась незастроенной. На Золотом Мысе хозяйственные сооружения находились и снаружи крепостных стен. Существует мнение, что ряд городищ имел регулярный прямоугольный план, изменявшийся с течением жизни.

О планировке жилых домов наиболее уверенно можно судить только по материалам Козырки, ибо на ней раскопана достаточная для этого площадь. Поскольку же именно в Козырке наиболее сильно отразилось влияние Ольвии, то она не может быть использована в качестве эталона для других поселений. Жилой комплекс Скельки трактуется как караульня, то есть тоже представляет собой явление исключитель-

ное. Таким образом материалы для общих выводов довольно ограничены. Однако вряд ли будет ошибочным утверждение о том, что дома были по преимуществу многокамерными (правда, возможна и ложная многокамерность при равнозначно-параллельной планировке) и имели в большинстве случаев дворы.

Принцип планировки домов наиболее изучен на Козырке. Здесь С.Д.Крыжицкий выделяет, с одной стороны, дома (№ 2 и 4), по объемно-планировочному решению близкие эллинистическому домостроительству Ольвии, без заметного влияния домостроительных традиций окружающих племен. Для этих домов характерна равнозначно-параллельная планировка. С другой стороны, не являются исключением и дома (№ 3 и № 5) с последовательно-иерархическим принципом планировки при продольно-осевом расположении помещений, не типичном для античных городов Северного Причерноморья и в частности для Ольвии. В этом принципе планировки можно видеть проявление варварских традиций (Крыжицкий 1982: 93-94). Материалы других поселений не столь выразительны. Последовательно-иерархическое расположение помещений четко засвидетельствовано в Петуховке (Крыжицкий и др. 1989: рис. 61 Б). Дом, раскопанный на Скельке, характеризуется группировкой помещений с трех сторон двора. Часть из них расположена анфиладно. Такая же группировка помещений отмечена и на Золотом Мысе в раскопе IV, в домах № 1 и № 2 (Крыжицкий и др. 1989: 169-172, рис. 63, *1*).

На нескольких поселениях известны полуземлянки, которые трактуются как хозяйственные строения (Крыжицкий и др. 1989: 177). Одна из них найдена на городище Старая Богдановка 1, две другие обнаружены на городище Золотой Мыс (Гаврилюк, Зубар 1983: 107). Одна из них включала также хозяйственную яму. Все эти полуземлянки не имели следов разведения огня внутри. Конструкция наземных частей их стен осталась неизвестной. Скорей всего, заглубленные строения на хоре Ольвии в качестве жилых помещений не использовались. Исключение представляет городище Станислав. Если подтвердится представление, что его оборонительные сооружения относятся к первым векам н.э., то это окажется единственный памятник на хоре Ольвии римского времени, застроенный исключительно заглубленными в землю комплексами (Виноградов 1993: 108).

Нижнеднестровский регион. Поселениям тоже присуще господство каменного домостроительства. Свидетельства о домах из другого материала немногочисленны. В Мологе на раскопе I обнаружены какие-то временные или легкие каркасные строения, а на раскопе III в первом периоде существования застройки в этом месте имеются остатки строения (возможно, навеса) на столбах. На поселении Молога изредка применялись в качестве жилища полуземлянки (Малюкевич 1992: 54). В одной имелись следы опорных столбов (Малюкевич 1990: 51; 1992 в). На поселении Веселое III обнаружены два каркасных дома и хозяйственная полуземлянка (Малюкевич 1992: 54).

Каменные строения в Мологе (Гудкова, Фокеев 1982: 58-69; Малюкевич 1990) возводили на древней дневной поверхности, неровности которой нивелировали отдельными каменными плитами, мелким камнем-дикарем или пластами битой глины. Для строительства применяли необработанный камень-плитняк и мелкий бут. Плитки иногда грубо подгоняли друг к другу, еще реже слабо подтесывали по месту. Кладки из более или менее хорошо обработанного камня – редкость. В Мологе имеется одна стена, нижняя часть которой в три ряда сложена из хорошо отесаных по фасаду блоков ракушечника. Выше она возведена из камня-дикаря с нарушением рядности (Гудкова, Фокеев 1981). Известен один случай находки каменного тесаного порога.

Стены делали каменными на всю высоту или глинобитными на каменном основании. Глинокаменными или саманными в Мологе чаще всего были внутренние перегородки. На Роксоланах на каменных цоколях ставили глинобитные стены, о чем свидетельствуют сохранившиеся местами на каменных цоколях скопления глины с примесью соломы. Структура этих слоев показывает, что глину укладывали лепешками. Применения сырцового кирпича не засвидетельствовано. Завалы глины находились и возле каменных цоколей стен. Двупанцирные цоколи обнаружены и в Мологе, и в Роксоланах так же, как и цоколи из крупных полигональных плит, положенных постелью в несколько рядов. Цоколь мог быть также в виде трехслойной кладки с относительно упорядоченно положенными по фасадам плитками и заполнением из бута между ними. Рядность в кладках выдерживалась далеко не всегда. В Мологе на раскопе IV засвидетельствована облицовка стены по низу рядом подпрямоугольных орфостатных плит. Иногда в кладках Мологи встречаются большие обломки амфор. Раствором служил в основном замешанный грунт.

В Мологе на раскопе III дом построен на склоне, который для его сооружения был подрезан в среднем на глубину в 1,2 м. В результате получилась как бы терраса. Стены, прилегающие к ней, оказались однолицевыми, а с противоположной стороны дома они двулицевые. Особенностью этого дома во втором и третьем периоде его существования было оформление входа с верхней части склона в виде глиняного пандуса, покрытого обмазкой. Пандусы обнаружены и в других домах (Малюкевич 1990: 52).

Полы в домах глинобитные, покрытые обмазкой, в Роксолонах с примесью песка. Кровли тростниковые, обмазанные глиной, о чем свидетельствуют завалы такой кровли в Мологе и

на Роксоланах. Черепичные кровли не засвидетельствованы. В Мологе встречаются лишь отдельные черепицы, использовавшиеся, видимо, не по прямому назначению.

Очаги и печи, круглые и подковообразные, находились как в жилищах, так и возле них под открытым небом. Известны простые кострища, очаги в виде углубления, иногда с предочажной ямой, сводчатые печи с каменным основанием. Печь вне дома на раскопе III в Мологе сложена из хорошо обработанного камня. Многослойный под из чередующихся слоев камня, глины и черепков, а так же толстый глиняный «кожух» снаружи обеспечивали дополнительное сохранение в печи равномерной температуры. Перед тщательно оформленным устьем находилась каменная вымостка из крупных плит. Снаружи возле печи сделан глиняный «столик». Внутри печь тщательно обмазана. Другая каменная печь найдена на раскопе IV (Малюкевич 1990: 52). Подобные печи есть и в Роксоланах. На этом же поселении применялись очаги-поды. Их делали по уровню пола. Вымостку из гальки покрывали толстым слоем глины. Иногда по части периметра имеется бортик из вертикально поставленных плиток камня. Форма этих очагов круглая, у пристенных – полукруглая. На одном из таких очагов найдены обломки глиняной жаровни. Кроме того, их фрагменты встречаются на обоих поселениях в мусорных ямах.

Жаровни имела форму сковороды с вертикальными бортиками диаметром около 1 м. Бортик до 10 см высотой без выделенного венчика. Он представляет собой край стенки, истончающейся кверху. Толщина дна 5-8 см, оно сильно утолщено при переходе в стенку. Жаровни делали из грубой глины с большим содержанием крупно рубленной соломы, иногда с шамотом. Внутренняя поверхность грубо заглажена, внешняя не обработана. Обжиг жаровен при изготовлении слабый. Глиняной жаровне подобен очаг на раскопе I в Мологе в виде чашеобразного углубления, тщательно обмазанного глиной.

В домах и на придомной территории делали хозяйственные вымостки. Обычно они выложены из крупных хорошо подобранных по форме плит, изредка из мелкого необработанного камня.

Обычными сооружениями многопрофильного назначения в домах и возле них были хозяйственные ямы, служившие погребами, зернохранилищами и для сброса бытового мусора. Последнее использование могло быть и вторичным.

Планировка домов на Мологе и в Никонии может быть охарактеризована весьма приблизительно, так как они или сохранились неполностью (особенно в Никонии из-за глубокой распашки под виноградник), или же раскопаны частично. По строительным остаткам Никония создается впечатление, что на поселении были распространены двух- или трехкамерные дома, вероятно, с равнозначно-параллельной планировкой и с поперечно-осевым расположением. По крайней мере при некоторых из них существовали дворы. Кроме того, раскопан многокамерный дом с двором общей площадью 120 кв. м. Помещения между собой не сообщались и открывались во двор (Секерская 1976: 392;1977: 372). Сходная картина наблюдается и на Мологе (Гудкова, Фокеев 1981: 58-60; Малюкевич 1990: 51-53). Установлено существование больших усадеб, в которых жилые и хозяйственные помещения, иногда с маленькими дворами, располагались вокруг центрального двора обычно в ряд. Они имели одинаковую ширину и, как правило, друг с другом не сообщались. Оба поселения были, по крайней мере в центре, плотно застроены усадьбами, разделенными улицами, вымощенными черепками или камнем.

Приведенные характеристики домостроительства по районам позволяют провести их сравнение. Остатки наземных каркасных строений в нижнем Поднепровье связаны с начальным периодом существования памятников в этом районе. На хоре Ольвии этот вид строений отсутствует. На Днестровском лимане обнаружено единственное поселение (Веселое III), где этот тип жилищ существует без каменного домостроительства. На Мологе известны отдельные каркасные строения, в том числе в раннем периоде. Полуземлянки как жилища применялись в Поднестровье, а на хоре Ольвии они служили хозяйственными помещениями. Возможные остатки стационарных юрт обнаружены только в Мологе. Они пока в достаточной мере не исследованы.

По поводу использования каркасных домов можно предположить, что они по легкости своего сооружения играли роль времянок при обживании нового места, но в целом не соответствовали ни традиции, ни представлениям о комфорте. Поэтому они и не стали значимым видом жилища. Полуземлянки как форма дома оказались для позднескифского населения полностью чуждыми.

Повсеместно господствующая форма жилища – каменные и глинокаменные дома. На хоре Ольвии применяли сырцовый кирпич, а на нижнем Днепре и Днестре – битую глину, саман. Строительным камнем так же повсеместно служил необработанный или слабо подтесанный камень-плитняк. Использование более тщательно обработанного камня – явление исключительное и ни с каким определенным районом не связано. Каменотесные строительные детали редки. Их единичные находки известны только в Петуховке и Мологе. Применение каменного основания под глиняные или глино-каменные стены было обычным во всех трех районах. Его устойчивая форма – двухпанцирный цоколь. На хоре Ольвии он известен только в раннем периоде на Козырке и в последующее время не применялся, как и облицовка нижней части стен

внутри помещений вертикально поставленными плитами. Этот вид цоколя и облицовки обычен на Днепре и Днестре. На городищах Ольвийской периферии господствуют трехслойные постелистые рядовые кладки, положенные на глиняном растворе. На памятниках Днепра и Днестра кладки в подавляющем большинстве бессистемные с плохо выдержанной рядностью. Раствором служил замешанный грунт, реже глина. Штукатурка, как правило, нигде не применялась (исключение Козырка). Повсеместно нормой является сочетание в одном строении и даже в одной стене разных приемов выведения кладок. Нивелировка поверхности перед строительством глиной и камнями, террасирование на склоне и незначительное заглубление наземных жилищ засвидетельствованы на поселениях Днепра и Днестра. На хоре Ольвии как единичные явления известны слоевые основания. Полы везде были глинобитными, кровли тростниковыми с глиняной обмазкой. Черепичное покрытие является исключением. Для отопления и хозяйственных нужд использовали по преимуществу очаги-поды и купольные печи, но так же практически повсеместно известны очаги в углублениях и кострища. Жаровни на хоре Ольвии отмечены только на Козырке, на поселениях же других районов они обычная принадлежность быта. Хозяйственные загородки распространены на памятниках Нижнего Днепра и в меньшей мере на поселениях ольвийской периферии. На Днестре они не известны.

Итак, есть все основания полагать, что каменное домостроительство на городищах и поселениях Нижнего Днепра, на хоре Ольвии в низовьях Буга и по берегам Днестровского лимана вокруг Тиры было в основных чертах одинаковым. Мелкие различия не дают основания говорить о достаточно четких этнографических особенностях районов (возможное исключение – хозяйственные каменные загородки). Все характеристики каменных домов показывают, что во всех трех регионах их строительство являлось не ремеслом, а обычной формой хозяйственной деятельности. Для Нижнего Днепра это уже было отмечено исследователями (Погребова 1958: 228; Елагина, 1958: 46; Дашевская 1989: 132). Знаменательно, что И.Т.Кругликова отмечает то же самое для позднеантичных поселений Боспора (Кругликова 1966: 132). То же самое следует сказать и о строительстве жилищ в округе Ольвии и Тиры. На всех изученных поселениях только в неординарных домах присутствуют приемы строительства и отделки, требовавшие и специальных знаний и умения, и необычных строительных материалов (например, употребление на Козырском городище в кладках блоков из жженого кирпича на известковом растворе, применение росписи по штукатурке и лепных карнизов).

При изучении домостроительства естественно поставить вопрос о том, на каких истоках оно сформировалось. По материалам нижнеднепровских городищ Н.Г.Погребова пришла к выводу о том, что наследие местного варварского домостроительства предшествующей поры проявляется в прямоугольной форме домов, двухпанцирном цоколе, применении крупных закругленных плит в углах зданий, широком распространении в быту хозяйственных загородок, существовании наряду с каменными домами каркасных и глинокаменных, применении очагов в виде глиняных площадок и широком использовании жаровен (Погребова 1958: 242-243). Н.Н.Погребова полагает, что эллинизация прослеживается в основном в быту аристократических обитателей Знаменки. То же, видимо, можно сказать и о Козырке, а точка зрения Н.Г.Погребовой вполне применима ко всем трем районам.

Традиционные истоки выявляются и в планировке поселений и жилищ. Всем поселениям присуща плотная застройка, естественным следствием которой оказалось возникновение кварталов, разделенных улицами. Судя по поселениям на Днестре, которые, как пока представляется, не имели укреплений, такая планировка диктовалась не только ограниченностью пространства, но и традицией.

Значительное внимание культурной интерпретации планировки жилищ уделил С.Д.Крыжицкий. Анализируя структуру домов № 3 и № 5 Козырки, он замечает, что «...последовательно-иерархический принцип планировки при продольно-осевом расположении помещений» не типичен для домостроительства античных городов Северного Причерноморья в целом и для Ольвии в частности. Появление этого принципа планировки «вряд ли могло обусловиться хозяйственной функцией. В этом представляется возможным усмотреть проявление здесь варварской традиции» (Крыжицкий 1982: 94). На наш взгляд, та же местная традиция проявляется и в равнозначно-параллельной схеме планировки, когда несколько помещений, иногда одинаковой ширины, расположены в ряд или Г-образно вдоль одной или двух сторон двора, как это наиболее ярко выражено в усадьбе Гавриловки и на усадьбах Золотой Балки. Тыльная сторона домов является при этом частью ограды двора. В такой планировке нет сходства с расположением помещений вокруг внутреннего двора в греческом доме.

Естественно поставить вопрос об античном влиянии в домостроительстве поселений. В строительном деле оно практически отсутствует. Приемы возведения стен не античные. Каменотесное ремесло не существовало. Единичное исключение — это неординарный дом на Козырке. Штукатурка стен, тем более настенная роспись, не применялись. В домах нет жилых подвалов. Вся застройка безордерная. Организация дворов в основном иная. Античное влияние совершенно очевидно в домах Козырского

городища. Однако они и на хоре Ольвии выглядят исключением из правила. Вопрос об античном влиянии подробно рассматривался С.Д.Крыжицким. Он пришел к заключению о том, что «греческое влияние нашло отражение в основном в культуре строительства: в четкой, относительно прямоугольной разбивке домов на местности, в отдельных приемах строительной техники, в усилении принципов регулярности, блокировке домов в кварталы, в развитии однотипности, в использовании элементов градостроительной науки, в уменьшении удельного веса или вообще исчезновении криволинейных в плане построек. Греческое влияние однако почти не коснулось основы – типологии жилых домов и массовых приемов строительной техники, хотя сам процесс эволюции местных неантичных типов домов проходил, естественно, значительно быстрее, чем это имело бы место при изолированном развитии» (Крыжицкий 1982: 148).

Лепная керамика Наше представление о существовании в Причерноморье трех зон обитания позднескифского населения ново и требует дальнейшей детальной разработки. Поэтому рассмотрение лепной керамики в настоящем исследовании затрагивает далеко не все ее потенциальные информационные возможности, а посвящено одной задаче – сопоставлению форм лепных сосудов для выяснения степени сходства этой категории находок на памятниках трех рассматриваемых районов.

На городищах Нижнего Днепра лепная керамика составляет значительную часть керамического комплекса, иногда конкурируя по количеству даже с обломками амфор. На наиболее широко исследованных памятниках картина следующая (Гаврилюк, Абикулова, 1991, II: 3): Гавриловка – 72,3%, Знаменка – 56%, Анновка – 46%, Любимовка – 26,5%, Козацкое – 24%. По усредненным данным, на городищах Ольвийской периферии, где амфоры составляют 78,49% всего керамического комплекса, а вся кружальная посуда – 13,1%, на долю лепной керамики приходится 6,4% (Крыжицкий и др. 1989: 184, табл. 3), то есть она составляет половину всей посуды без тары. На Днестровском лимане на поселении Молога II (раскопки 1975-1978 гг.) лепная керамика составляет 19% от всей массы фрагментов, а без учета амфор – 61%, то есть немногим более половины. На Веселом ее количество достигает 24,2% от общей массы (Малюкевич 1992 а: 55). Таким образом, очевидно, что лепная керамика широко применялась в быту и была весьма весомой составной частью керамического комплекса. Это позволяет думать, что мера ее значимости с этнической точки зрения весьма велика. Поскольку она изготовлялась в домашних условиях, как правило, женщинами-мастерицами, ее широкое распространение при сохранении устойчивого облика, часто восходящего к древним скифским прототипам, свидетельствует о сохранении культурной преемственности и традиций. Появление в ней признаков, не связанных со скифским наследием, дает возможность уловить динамику этнокультурного процесса.

Исследование, проведенное Н.Г.Погребовой по керамике Знаменки и Гавриловки (1958: 131-142, 204-215), позволило ей сделать следующие выводы. Лепные комплексы этих городищ идентичны между собой и сходны с лепной керамикой других городищ Нижнего Днепра. В них явно видна скифская основа форм сосудов, связанная с материалами Каменского городища. Традиционно скифской является и технология изготовления посуды (1958: 31). В то же время появляются новые не свойственные скифам формы, методы отделки поверхности и орнамент. Часть этих инноваций находит себе аналогии в зарубинецкой культуре (это те признаки, которые имеют латенские корни), а часть – в керамике гето-дакийского населения Карпато-Дунайского региона.

Собственно скифскими по происхождению являются *горшки*, для которых характерны «...высокие округлые плечики и раздутое туловo с максимальным расширением в верхней части сосуда и с днищем, более узким, чем венчик» (Погребова 1958: 132). Венчики этих горшков часто украшены пальцевыми вдавлениями. К этой характеристике, на наш взгляд, следует добавить раструбообразную (воронковидную) горловину, часто с подчеркнуто узким угловатым перегибом места перехода шейки в плечико внутри сосуда. Кроме того, следует добавить, что максимальный диаметр сосуда может находиться как на уровне середины его высоты, так и выше. Такие сосуды известны практически на всех городищах: в Анновке (Гаврилюк, Абикулова 1991, II: рис. 1, *2, 9, 10, 13, 16*), на Любимовке (Дмитров и др. 1961: табл. 1, 2). На Золотой Балке М.Г.Вязмитина выделила крупные сосуды такого типа до 0,5 м высотой и именует их корчагами (1962: рис. 62; 63, *1-3, 5-8*, 7,11, 12, 14). Та же форма повторяется здесь и в лепных горшках (1962: рис. 65, 1, *3, 7*). Эту форму независимо выделил и В.П.Петров (1961: 169-170, группа 2 и 3, табл. IX), но не определил их генезиса.

Обычной орнаментацией для этих горшков и корчаг являются пальцевые вдавления или насечки по венчику, реже на плечах. На плечах же встречаются шишечки-выступы. Реже применялся накладной расчлененный валик.

Широкое распространение эта форма горшков имеет на хоре Ольвии. На Козырском городище такие горшки (тип 4 и тип 6 по А.В.Буракову) являются наиболее распространенными (Бураков 1976: 87; табл. V, *25*; табл. VII, *1, 2*). А.В Бураков сравнивает многие лепные горшки Козырки с горшками Знаменки и Гавриловки (1976: 88). Рассматриваемые сосуды широко представлены в материалах Петуховки 2 (Синицын 1959: табл. IV, *18, 19, 24, 25*) и найдены

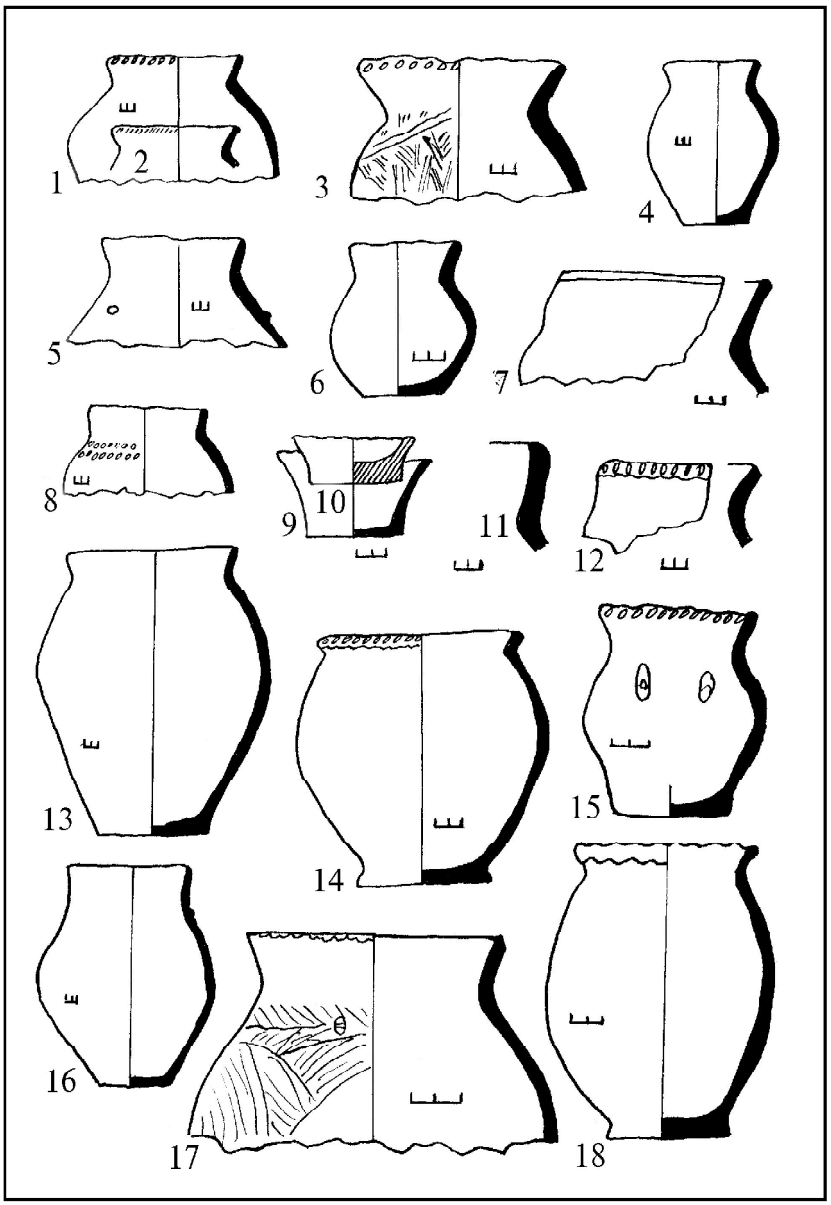

Рис. 3. Лепная керамика поселений на Днестровском лимане. Горшки.

на городище Золотой Мыс (Крыжицкий и др. 1989: рис. 73, *1*). Часть их на всех памятниках орнаментирована вдавлениями и насечками по венчику или имеет выступы-шишечки на плечах.

Такие же «скифоидные» горшки – массовая находка на поселениях Днестровского лимана. В Мологе это ведущая форма (рис. 3, *1, 2, 4-12*). Она повторяется и у крупных, и у маленьких сосудов. Их форма чрезвычайно однотипна. Они округлобокие, с прямой воронковидной шейкой и резким переходом к плечам (рис. 3, *1, 2, 4, 5-12)*. Характерный элемент формы у многих из этих сосудов – вогнутая внутрь придонная часть стенок (рис. 3, *9, 10)*). Простой переход ко дну встречается значительно реже. У большинства сосудов диаметр дна заметно меньше диаметра устья. Иные формы горшков с округло изогнутой S-видной шейкой, с дном малого диаметра распространены значительно меньше (рис. 3, *4, 6*). Некоторое количество горшков орнаментировано по венчику вдавлениями пальцем или штампом, или насечками (рис. 3, *1, 2 ,8, 12*). На плечах бывают такие же вдавления, изредка – шишечки (рис. 3, *8)*.

На поселении Веселое III широко представлены те же самые скифоидные горшки, находящие себе четкие аналогии на Городищах Нижнего Поднепровья. Сходство прослеживается как в форме сосудов, профилировке венчиков, так и орнаментации. Примерно, четвертая часть сосудов имеет углубления, насечки или пальцевые защипы по краю обычно плоско срезанного венчика. Орнамент бывает и на плечиках сосудов в виде косых углубленных полос и горизонтальной елочки. На крупных горшках встречается плоский валик с пальцевыми защипами (Малюкевич 1992 а: 55; 1994).

В лепной керамике поселения Никоний (Гудкова,Бруяко 1997: 72-76) ведущая форма – горшки. Абсолютно преобладают округлобокие со-

суды разного размера с хорошо выраженными плечами (рис. 3, *3, 13)*. Максимальный диаметр тулова расположен на середине высоты сосуда или в его верхней трети. Шейка в большинстве случаев высокая. Ее выгиб имеет три варианта. Массовы горшки с резко отогнутой воронковидной или раструбообразной горловиной (рис. 3, *3, 13, 17*), менее распространенные – с округло изогнутой S-видной (рис. 3, *17*) и редкие – с цилиндрической (рис. 3, *16*). Венчик, как правило, имеет простой непрофилированный край, округлый, иногда срезанный горизонтально или с наклоном наружу. Утолщение венчика наблюдается редко. Горшки иных форм единичны. У большинства сосудов диаметр дна значительно меньше диаметра устья, близок к его половине. Корпус конически сужается ко дну, которое в большинстве случаев выделено. Орнамент на горшках и корчагах применялся довольно часто. Это косые насечки, защипы и вмятины пальцем или палочкой по краю венчика (рис. 3, *1-3, 12, 14, 15, 17*). Такой орнамент бывает и на плечиках сосудов, иногда в два ряда (рис. 3, *8*). Здесь же могут находиться и налепы в виде конических шишечек или продолговатые с одной или двумя вмятинами, расположенные вертикально (рис. 3, *15, 17*). На плечиках горшков известны и группы из трех вмятин пальцем, расположенные треугольником. Все эти виды орнамента могут сочетаться друг с другом и с гребенчатыми расчесами (рис. 3, *3, 1 7)*.

Значительная часть горшков употреблялась с крышками. На всех рассматриваемых нами памятниках без исключения на Днепре, Буге и Днестре они очень распространенная находка. Их форма коническая с вертикальной ручкой-выступом, плоской или углубленной сверху (рис. 4, *10, 13-15, 17)* (Погребова 1958: 136, 207; рис. 16, *3, 4*; 37, *11*; 5, *11*; Вязьмітіна 1962: рис. 65, *42-44*; Бураков 1976: 88-89, табл. VII, *12, 18, 19*; Крыжицкий и др. 1989: рис. 73, *12, 17*; Гудкова, Фокеев 1982: рис. 20, *14, 17, 20, 23*; Малюкевич 1992а: 55; Гудкова, Бруяко 1997: рис. 1, *12-14*). Крышки повсеместно орнаментировались, как и горшки, защипами и вдавлениями по краю, иногда наколами.Часть этих крышек в перевер-

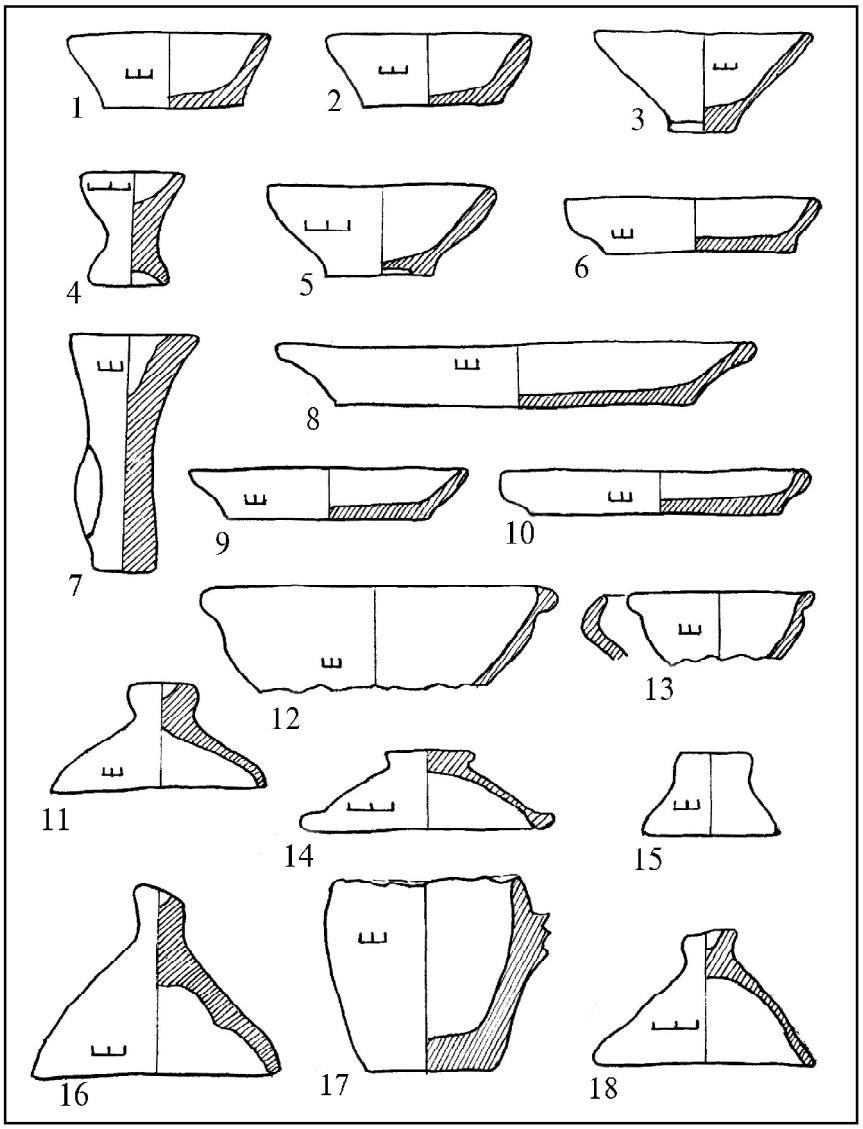

Рис.4. Лепная керамика поселений на Днестровском лимане. Миски, крышки и др. изделия.

нутом виде (если ручка была достаточно широкой и могла служить как ножка) использовалась в качестве мисок.

Новой формой Н.Н.Погребова считает горшки с покатыми плечами и прямой шейкой (1958: 136; рис. 17, *7-9*). Для округи Ольвии и Тиры они почти не известны.

Так же новой формой являются горшки с ручкой (Погребова 1958: 139-140, 211; рис. 18, *1-4*; 32, *4*; Вязьмітіна 1962: 133, рис. 66, *11, 14, 16, 19, 20*). Они бывают лощеные и нелощеные. Для некоторых из них Н.Г.Погребова отмечает сходство с зарубинецкими формами. В Мологе и на Роксоланах встречаются обломки нелощеных горшков с ручками (рис. 4, *16*).

Большие корчаги с отогнутым венчиком и рельефным орнаментом снаружи (в частности, в виде поднятых человеческих рук), иногда с лощением внутри, часто встречаются на Гавриловском городище, известны на Знаменке (Погребова 1958: 137 и рис. 18, *6*; 208, рис. 31, *8*; 32, *3*; 44, *10-13*; 37, *7, 8, 10*). Подобные сосуды, в том числе и лощеные, найдены в Золотой Балке (Вязьмітіна 1962: рис. 64, с. 122-130) и на памятниках периферии Ольвии (Бураков 1976: 85, табл. VI, *2*; Крыжицкий и др. 1989: 188). И Н.Г.Погребова, и М.И.Вязьмитина связывают лощеные сложно орнаментированные корчаги с гето-дакийским миром и полагают, что они имели не только хозяйственное назначение. Посуда фракийского облика известна и на Мологе (Малюкевич 1992 б).

В связи с повсеместным широким распространением «скифоидного» горшка, являющегося одним из признаков, объединяющих все рассматриваемые памятники, значительный интерес представляет новое исследование лепной керамики нижнеднепровских городищ, выполненное Н.А.Гаврилюк (Гаврилюк, Абикулова 1991, 11: 2-10. 30, рис. 1-4). Она поставила себе задачу «... проследить эволюцию основных типов скифской керамики в позднескифское время, определить особенности развития форм, берущих свое начало в предшествующем периоде, проследить процесс возникновения новых видов керамики» (Гаврилюк, Абикулова 1991, II: 4). Для нас сейчас наибольший интерес представляют ее взгляды на историю развития и бытования «скифоидного» горшка. Типология лепной посуды позднескифских городищ разрабатывалась разными авторами на разном методическом уровне и на основе разных признаков. В результате созданные системы описания и классификации трудно сопоставимы друг с другом. Сравнение затрудняется еще и тем, что исследователи, как правило, вынуждены оперировать не полной формой сосуда, а лишь его верхней частью, особенно у горшков. Возникающие из этого сложности уже отмечал В.П.Петров (1961: 168) со ссылкой на Б.Н.Гракова и Т.М.Книпович. Поскольку Н.А.Гаврилюк не соотнесла свою классификацию с ранее предложенными системами, оценка ее выводов и затруднительна, и может оказаться в чем-то неточной. Мы исходим из того, что выделенный ею тип горшка «с горлом в виде раструба» в основном соответствует той форме, которую мы называем «скифоидной». Надо однако оговорить, что на рисунке, где ею подобраны горшки этой формы (Гаврилюк, Абикулова 1991, II: рис. 1), сосуды, изображенные под номерами 3, 12, 14 и 16 не соответствуют нашему представлению об этой форме, поскольку у этих сосудов или очень покатые плечи, или диаметр дна почти равен диаметру венчика. Вряд ли можно считать, что горшок № 3 имеет горловину в виде раструба.

По поводу горшков с горлом в виде раструба, скифское происхождение которых Н.А.Гаврилюк признает, она пишет, что в позднее скифское время «процент таких сосудов в собственно скифских памятниках невелик. Они распространяются на все Северное Причерноморье, теряя при этом роль этнического индикатора» (Гаврилюк, Абикулова 1991, II: 6). По материалам Гавриловки, Любимовки и Анновки Н.А.Гаврилюк установила, что количество горшков этого типа весьма невелико (Гаврилюк, Абикулова, 1991, II: 5, табл. 2), соответственно 3,5; 9,1 и 16,1 %. В керамике нижнеднепровских городищ преобладают «слабопрофилированные» горшки. В изложенных утверждениях, поскольку они никак не соотнесены ни с результатами исследований других авторов, ни с наблюдениями над лепной керамикой на поселениях ольвийской и тирской периферии, остается много неясного и спорного.

Положение Н.А.Гаврилюк о том, что эти горшки в силу своей распространенности в Северном Причерноморье не могут быть этническим индикатором, как минимум, требует специального доказательства. По нашему мнению, большое количество в быту лепной посуды в целом и любого типа таких сосудов в частности указывает на то, что за этими явлениями стоят реальные люди, значительная часть населения, сохранившего в своем сознании этнокультурные традиции, восходящие к скифскому миру предшествующего времени.

Вывод о малом количестве горшков с горлом в виде раструба на нижнеднепровских городищах никак не соотнесен с утверждением Н.Г.Погребовой и М.И.Вязьмитиной о том, что горшки скифского облика массовы на Знаменке, Гаврилове и Золотой Балке. Тем более настораживает то, что такая посуда многочисленна на памятниках ольвийской и тирской периферии. Да и сама Н.А.Гаврилюк пишет о широком распространении этой формы на памятниках Северного Причерноморья. Причина разнобоя в выводах лежит, может быть, в субъективности определения формы сосудов. Иного объяснения мы не видим и в нашей работе исходим пока из того, что «скифоидный» горшок вполне информативен и является своеобразным

«знамением времени» для позднескифских памятников Северного Причерноморья.

Миски по количеству стоят на втором месте после горшков. Формой, продолжавшей скифскую традицию, Н.Н.Погребова считает округлые сосуды, иногда на поддоне, иногда с плоским краем, выступающим внутрь (1958: 134, рис. 15, *2, 7*; 16, *5*; с. 207). На приольвийских памятниках эти сосуды широкого распространения не имели. Немногочисленны они в Мологе и Никонии. Конические миски, обычные на поселениях Нижнего Днепра (Погребова 1958: 137; рис. 16, *3*; Гаврилюк, Абикулова 1991, II: 8, 9), в других районах пока не известны. На Мологе некоторое распространение имели невысокие миски значительного диаметра (рис. 4, *8*). Подобные им изделия известны и в Козырке (Бураков 1976: табл. VII, *17*).

Чрезвычайно интересной с исторической точки зрения новой формой являются лощеные миски зарубинецкого облика с ребристым или округлым профилем (Погребова 1958: 139, 211. рис 32, *6, 7*; рис. 45, *10*; Петров 1961: 159, табл. II, III, IV; Вязьмітіна 1962: 138, третий тип, рис. 68, с. 140). Это наиболее распространенный тип лощеных мисок на днепровских городищах. Их появление засвидетельствовано уже во II в. до н.э. Они светлых тонов, серые, желтоватые, желтовато-оранжеватые. Лощение, сплошное полосчатое (видны следы инструмента), нанесено снаружи и внутри. Небольшая часть сосудов сделана из грубого теста без лощения. Эта форма не имеет истоков в скифской керамике. Совершенно очевидно ее сходство с такими же, но черными и покрытыми зеркальным лощением зарубинецкими мисками. По их поводу М.И.Вязьмитина писала о латенских истоках, что, естественно, не исключает их передачу через зарубинецкую культуру. В.П.Петров выделил несколько модификаций этих сосудов, но отнес их к одному типу. Он видел аналогии им не только в зарубинецкой культуре, но и в мисках Лукашовского могильника. Ни на городищах хоры Ольвии, ни на поселениях Днестровского лимана таких лепных мисок не известно.

Напрашивается вывод о том, что лепные миски в отличие от горшков и крышек не имели столь устойчивых форм и подвергались модификациям в зависимости от времени и места.

В Знаменке, Гавриловке, Любимовке, Золотой Балке встречается сосуд, именуемый *дакийской чашей*, – усеченно-коническая чашка с массивной боковой ручкой (Погребова 1958: 140-141; рис. 16, *9-10*, с. 213; рис. 42, *7*; Вязьмітіна 1969 б: 127-128; рис. 5, *5, 6*; Вязьмитина 1962: 136-138; рис. 65, *26*; рис. 67, *11*). Такие сосуды известны и в Козырке (Бураков 1976: 116, табл. XII, *3-7*). Появление этой формы считают результатом фракийского культурного воздействия.

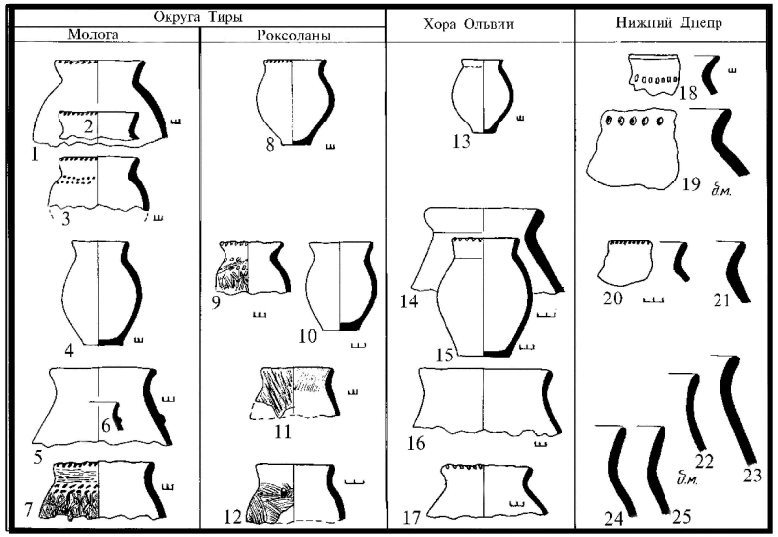
К керамическим изделиям принадлежат *светильники или курильницы*, которые М.И.Вязьмитина называет «сосудами конической формы на ножке», сплошной или полой (1962: 141-142, рис. 65, *52-54, 56, 57*). Они широко представлены в Золотой Балке, но не упоминаются в опубликованных материалах Знаменки и Гавриловки. Такие же сосуды известны в Козырке (Бураков 1976: табл. XII, *8, 10*), Золотом Мысе, на поселении Старая Богдановка 1 (Крыжицкий и др. 1989: рис. 73, *26, 27*), на Роксоланах (рис. 4, *4, 7*) и в Мологе.

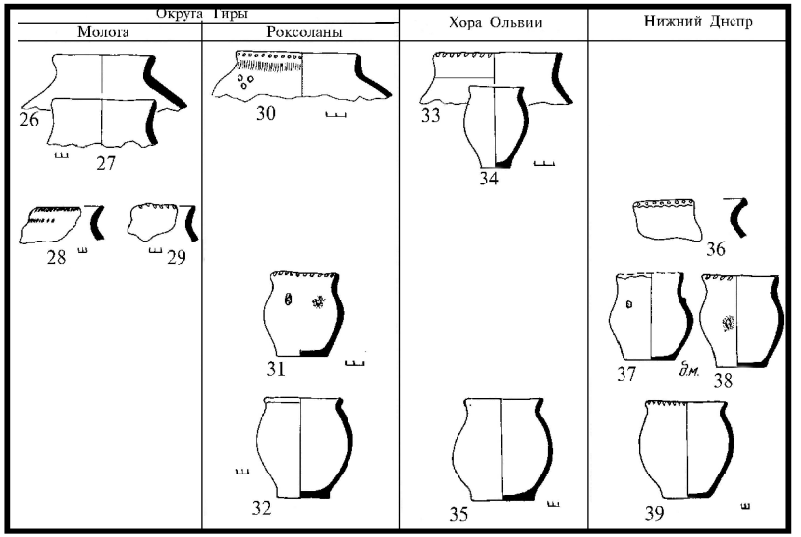
Своеобразным керамическим изделием являются *очажные подставки*, они же «рогатые кирпичи», они же «коньки». Такие изделия найдены в Гавриловке, Золотой Балке (Погребова 1958: 229-233), Мологе и Никонии (Гудкова, Бруяко 1997: 73). Их обычно связывают с фракийским культурным влиянием.

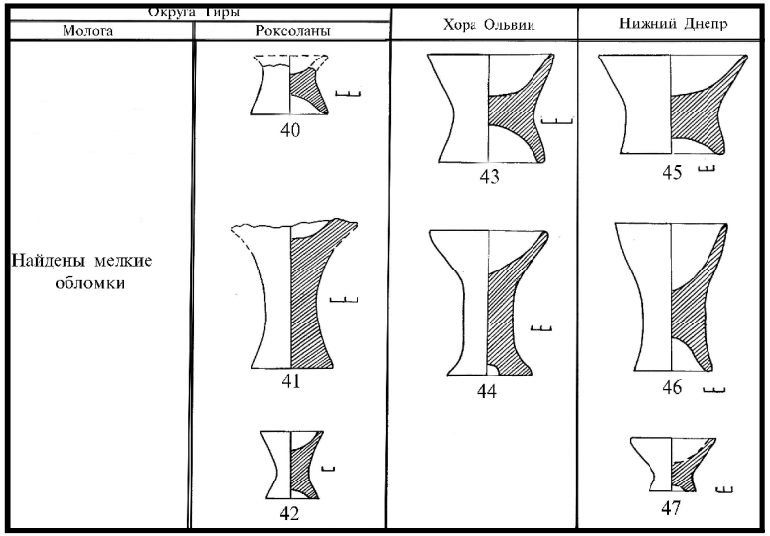
В технологическом отношении лепная керамика нижнеднепровских городищ отличается тем, что она состоит из изделий двух родов: тщательно выделанной лощеной столовой посуды и грубоглиняных сосудов. Лощеная керамика появляется на Нижнем Днепре с III в. до н.э. Постепенно в первых веках нашей эры происходит огрубление столовой лепной посуды и ее количество сокращается (Погребова 1958: 142). Видимо она выходила из употребления. На приольвийских городищах лощение отмечено на небольшом количестве корчаг, украшенных врезным и рельефным орнаментом.

Нелощеная лепная посуда повсеместно сделана из керамической массы с крупнозернистыми примесями, делавшими поверхность сосудов грубой и неровной. Ее обжиг, судя по его неравномерности и непрочности черепка, повсеместно производился на очагах или в бытовых печах и кострах.

Итак, подводя итоги описанию лепной керамики, можно констатировать, что по основным характерным признакам она весьма сходна во всех трех районах (рис 5). Сходство проявляется в широком применении лепной посуды, общих чертах технологии ее изготовления и обжига, применении одних и тех же типов керамических изделий, широком распространении древних традиционных скифских форм сосудов, особенно характерных горшков и конических крышек, и орнаментации защипами, вдавлениями, насечками (рис. 5). Инновации по отношению к скифской традиции делятся на две группы. Первая из них, известная только на Днепре и, скорей всего, наиболее ранняя – это реберчатые лощеные открытые миски зарубинецкого (латенского) типа. Вторая группа новых керамических форм – это корчаги и в меньшем количестве горшки, часто лощеные со сложным рельефным орнаментом, а так же дакийские чаши. Все исследователи единогласно связывают происхождение второй группы инноваций с гето-дакийской традицией. Истоки распространения этой керамики в Северном Причерноморье во многом не ясны.

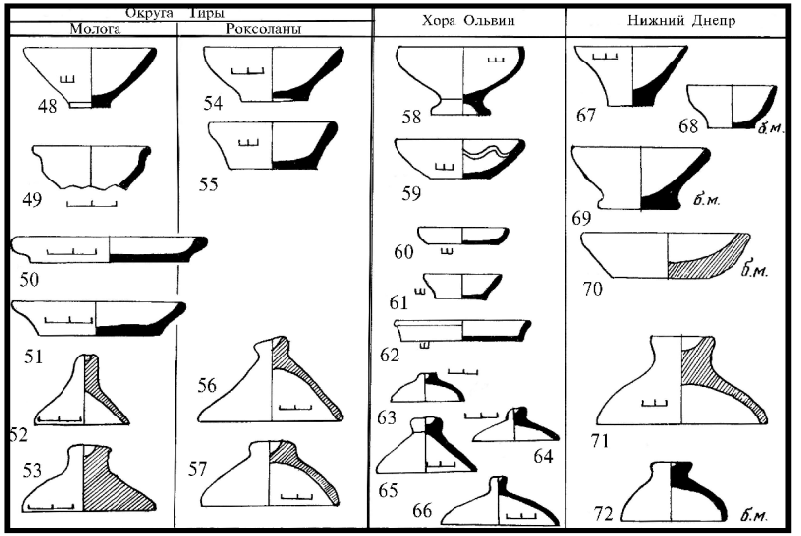

Рис.5/1-4. Сопоставительная таблица позднескифской лепной керамики.

Погребальный обряд. Погребальный обряд нижнеднепровского населения известен по раскопкам трех крупных могильников, принадлежащих городищам Золотая Балка (Добровольский 1960; Вязьмитина 1972), Николаевка Козацкая (Ebert 1913; Сымонович 1967 г, 1969 б, 1971) и Красный Маяк (Сымонович 1977; Сымонович, Гей 1978; Гей 1987; Гей, Бажан 1993). Возле Красного Маяка (Бизюков Монастырь), кроме памятников, раскопанных археологами, существовал еще один могильник, уничтоженный до революции при сельскохозяйственных работах. Здесь было зафиксировано 136 могил с погребальным инвентарем I-III вв. н.э. Часть вещей из погребений была собрана, поступила в Херсонский музей и стала достоянием науки (Гошкевич 1913; Граков 1954: 154; Щукин 1970: 61). Кроме этих могильников, в курганах возле Белозерского городища открыты впускные могилы рубежа и первых веков нашей эры, которые М.И.Вязьмитина связывает с поздними скифами (Вязьмітіна, 1971: 229).

Все могильники грунтовые. Погребальными сооружениями служили простые ямы, ямы с подбоями и грунтовые склепы-катакомбы. Характерно именно сочетание этих трех видов могил. По отдельности такие погребальные сооружения известны в римское время и у других групп населения Причерноморья. Количественно преобладают земляные склепы, за ними идут простые грунтовые ямы и затем ямы с подбоями. Редкой формой погребения являются каменные ящики и кремация.

Земляные склепы, именуемые так же катакомбами и камерными могилами, в целом однотипны, но в деталях имеют разные планировочно-конструктивные особенности, иногда присущие только данному могильнику. Это может указывать на их местное этнографическое значение. По продольному или поперечному взаимному расположению погребальной камеры и входной ямы выделяют три типа склепов (Гей 1987: 54). Продольное расположение встречается довольно редко. Входные колодцы в основном подпрямоугольной формы, изредка – овальные. Погребальные камеры подпрямоугольные, овальные, округлые. Глубина залегания камер 2-3 м. Входную яму заполняли камнями, а вход в камеру заставляли каменной плитой или закладывали камнями. Ни погребальные сооружения, ни костяки в них устойчивой ориентировки не имеют.

Захоронения в склепах были одиночными, парными или коллективными. Умерших разного пола и возраста погребали совместно. При подзахоранивании более ранние скелеты могли быть нарушены и сдвинуты. Для погребения иногда применяли деревянные гробы. Кроме них, встречаются остатки досок. Известны войлочные и растительные подстилки, заворачивание умершего в бересту, подмазка дна в склепе зеленоватой глиной. Под голову, плечи и таз погребенного часто клали плоские камни. Погребенный обычно лежал в вытянутой позе на спине. Иногда ноги скрещены. Обе кисти или одна могут находиться в области таза или на животе. Иные позы единичны. Отмечены случаи обожженности скелетов. В Золотой Балке установлено возле катакомб, в которых совершались повторные захоронения, наличие на поверхности земли опознавательных знаков. Это каменные вымостки или группы камней над могилами. Возле 12 катакомб найдены стелы в виде крупных необработанных камней удлиненной формы (Вязьмитина 1972: 105).

Погребения с подбоями имеют конструктивные варианты в зависимости от размера входной ямы. Ее форма, как и форма подбоя, скругленно-овальная или подпрямоугольная. Ориентировка меридиональная, часто с отклонениями. Подбой чаще располагали с запада от входного колодца. Глубина погребений в среднем от 1 до 3 м. Вход в подбой часто заставляли камнями. Известны редкие случаи подмазки дна могилы зеленоватой глиной. Захоронения одиночные. Поза погребенного преимущественно вытянутая на спине, но бывают и иные варианты. Ориентировка в северном секторе.

Грунтовые ямы подпрямоугольные или овальные, ориентированы в основном меридионально. Глубина до 2 м, иногда несколько более. Вход в подбой бывает заложен камнями. Погребения в них за единичными исключениями одиночные. Скелеты находятся преимущественно в вытянутом положении на спине. Ноги иногда перекрещены или присогнуты. Кисти рук могут находиться на животе или на тазе. Ориентировка на север.

Погребальный инвентарь весьма однотипен и состоит из деталей костюма, украшений, предметов туалета, мелких личных орудий труда, изредка оружия и деталей конской сбруи, бытовой посуды, гончарной (преимущественно краснолаковой) и лепной, и магических вещей. Он наиболее обилен в земляных склепах, что позволяет их хорошо датировать. В Золотой Балке они относятся к I в., в Красном Маяке их сооружали на протяжении всего существования могильника в I – начале III в., в Николаевке – с возникновения некрополя до конца I – начала II в. н.э. (Гей 1987: 63).

Принадлежностью значительной части захоронений являются кости лошади. Мясо лошади служило напутственной пищей чаще, чем мясо быка. Кроме того, в жертву приносили различные части конских туш, помещая их во входные ямы (Вязьмитина 1972: 110-111). Об обряде тризны и поминания свидетельствуют ямы с остатками пиршества в заполнении.

Погребальный обряд нижнеднепровских могильников Б.Н.Граков рассматривал как продолжение и эволюцию более ранних скифских обычаев (Граков 1954: 174). В ритуале и сооружениях могильника Золотая Балка М.И.Вязьмити-

на видит сочетание разнородных элементов, среди которых ярко выражена скифская струя, проявляющаяся при сравнении с Никопольским и Тираспольским курганными могильниками (Вязьмитина 1972: 158-170), хотя имеются и частные отличия. О.А.Гей считает эти могильники аналогичными позднескифским в Крыму (Гей 1987: 61).

Грунтовые склепы, по мнению М.И.Вязьмитиной, имеют черты сходства со скифскими и земляными склепами античных городов Северного Причерноморья (Вязьмитина 1972: 159). А.А.Масленников рассматривает катакомбы Неаполя Скифского, столь сходные с катакомбами нижнеднепровских городищ, как поздний вариант развития степных скифских катакомб (Масленников 1990: 30). Очевидно, действительно скифская традиция была в этой форме погребального сооружения основной. Применение подбойных могил часто связывают с сарматами (Вязьмитина 1972: 161-162), но высказано мнение, что эта точка зрения требует пересмотра (Дашевская 1989: 142). О.А.Гей полагает, что с сарматской традицией связаны не только подбои, но и погребения в грунтовых ямах. Основание для этого она видит в одинаковой ориентации на север, юг и северо-восток, свойственной сарматам в это время (Гей 1984: 62).

На могильнике Красный Маяк (он принадлежит одноименному городищу) обнаружены наряду с обычными типами позднескифских погребений и такие, которые по обряду стоят совершенно особняком. Это захоронения детей в небольших овальных ямах с каменными стелами и два скопления расчлененных детских черепов под каменными выкладками. Наряду с инвентарем из этих погребений, обычным для позднескифского обряда, особого внимания заслуживают вещи северного и прибалтийского происхождения. Погребение № 48 с таким инвентарем, совершенное в грунтовой яме со стелой, было подвергнуто специальному анализу (Гей, Бажан 1993). В нем находились два расчлененных детских скелета. Разнообразный инвентарь: налобный венчик, лучковая фибула, фибула с завитком на конце пластинчатого приемника, бронзовый пирамидальный литой колокольчик, перламутровый крестик – позволили исследователям продатировать погребение в пределах второй половины I – первой трети III в. Налобный венчик находит аналогии в «гривнах» из Мощинского клада изделий с выемчатыми эмалями, дата появления которых уточнена и отнесена Е.Л.Гороховским ко второй половине II в. н.э. (Гороховский 1982 б; 1982 в), а не к IV в., как считалось раньше. Кроме того, выявлены черты прибалтийских культур римского времени (простая грунтовая яма с каменной стелой, фрагмент челюсти лошади, расчлененность костяков). Используя не только археологические, но и лингвистические наблюдения, О.А.Гей и И.А.Бажан пришли к выводу о том, что комплекс погребения № 48 «... свидетельствует о наличии в составе населения городища Красный Маяк накануне «готских» войн и появления здесь черняховской культуры чужеродного компонента, связанного происхождением с балтийским миром» (Гей, Бажан 1993: 57). В свете этих находок на могильнике Красный Маяк, возможно, обретают свое археологическое и историческое место два расчлененных погребения на поселении Дудчаны (Брайчевская 1955: 50). Исследовавшая их А.Т.Смиленко (Брайчевская) уверенно отнесла их ко времени существования поселения. Погребение № 1 принадлежало взрослому (череп, кости ног) и ребенку (ребра, позвонки и бедренные кости), погребение № 2 – взрослому (череп и кости ног). Оба захоронения были закрыты сверху каменными плитами, частично раздавившими своей тяжестью находившиеся под ними кости.

На Красномаяцком могильнике найдены также два *погребения с кремацией*. Одно из них ямное с остатками костра. В нем обнаружен нож с горбатой спинкой и железный наконечник пояса, который относится к ступени B2-C1 по европейской хронологической шкале, то есть ко II в. н.э. (Гей 1987: 73).

Погребения с кремацией совершенно несвойственны позднескифскому погребальному обряду. Три таких захоронения, кроме Красного Маяка, известны в северо-западном Крыму на могильнике Бельбек 1 (погребения № 14, 15 и 21) (Гущина 1974: 47-48). В погребении № 14 это «кости обгорелые, сброшенные в кучу» в грунтовой яме; в погребении № 15 – куча обгоревших человеческих костей в грунтовой яме; в погребении № 21 – слой обгорелых костей, угольков, куски окислившейся меди и бронзовых предметов. В погребении № 14 найдены глиняное пряслице и куски серы, в погребении № 15 – перстень с геммой, свернутая в завиток игла, обломок стеклянного сосуда; в погребении № 21 – медные бляшки, свернутые в трубочку, стеклянные бусы с зеленым глазком. На рисунках в публикации этот инвентарь не поддается датировке. Могильник в целом датируется II — первой половиной IV в. н.э. Однако нельзя исключить, что сожжения в Бельбеке I и на могильнике Красный Маяк представляют собой явление одного порядка. По происхождению оно полностью чуждо традициям населения Причерноморья и связано с северными районами и Прибалтикой. Естественно предположить, что появление погребений с кремацией – результат миграции на юг северного населения.

Могильники городищ Нижнего Буга еще не исследованы. Обитателям Козырского городища могли принадлежать два погребения, найденные с юго-западной стороны от городища: одно коллективное в земляном склепе с дромосом, другое – парное в грунтовой яме (Бураков 1976: 136). Под курганом возле с. Петуховка раскопан земляной склеп первых веков нашей

эры с пятью погребенными в нем (Ebert 1913: 75-80). Эти захоронения по всем деталям обряда соответствуют позднескифской норме Нижнего Днепра и Крыма. На Козырке, Петуховке и Золотом Мысе обнаружены погребения детей в сосудах внутри жилищ (Бураков 1976: 138-143; Синицын 1959б: 21; Абикулова, Былкова 1985: 6).

На Днестровском лимане могильники найдены при поселениях Молога II и Никоний. На Мологе он расположен вплотную к селищу. Полностью изданы материалы его раскопок за 1975-1978 гг. (Гудкова, Фокеев 1982: 69-87). О последующих работах имеется лишь частичная информация (Малюкевич 1989 а; 1989 б; 1994; 1994 а). Значительная часть могильника уничтожена глинищем. Есть сведения, что при этом были разрушены грунтовые склепы.

Склепы вырыты в материковом суглинке и представляют собой подпрямоугольную или округлую в плане сводчатую камеру. С юго-востока от нее располагалась подпрямоугльная входная яма с наклонным дном. Известно, что применялись и входные вертикальные колодцы (Малюкевич 1989 а: 79). Вход в камеру оформлялся ступенькой и был закрыт каменным закладом или плитой. Эти погребальные сооружения представляют собой коллективные усыпальницы. Захоронения совершались в течение довольно длительного времени. При этом нарушали более ранние погребения. Склеп №4 долго стоял открытым. Лишь после совершения последнего погребения он был засыпан землей, а вход в него заставили большой тесаной каменной плитой, на внутренней стороне которой нарисован охрой круг.

Все погребения в склепах принадлежат лицам разного пола и возраста. Они совершены в вытянутой позе на спине с руками, уложенными вдоль тела. Кисть одной руки иногда находится на тазе, ноги бывают перекрещены или лежат «ромбом». Преобладает ориентировка головой на юго-восток, но в склепе № 2 умершие уложены «валетом».

Присутствие на полу склепа и вокруг некоторых костяков коричневого органического тлена свидетельствует о том, что умерших клали на подстилку или во что-то заворачивали. В склепе № 4 один из погребенных взрослых был закрыт кусками коры, другой – частично обложен досками. Последнее в этом склепе погребение ребенка также совершено в обкладке из досок. Она имела форму, расширенную и округлую в области головы и прямоугольную в ногах. Крышки и дна не было.

Погребальный инвентарь обилен и разнообразен. Он состоит из украшений, принадлежностей одежды, предметов туалета, амулетов, мелких орудий труда, керамики, включая лепные ладьевидные светильники. Оружие встречается редко. Небольшой железный кинжал и железный наконечник стрелы засвидетельствованы по одному разу.

Кроме захоронений в склепах, найдены три грунтовые погребения. В одном из них, детском, обнаружены стеклянные бусы, аналогичные тем, что происходят из склепов. Могила взрослого человека была частично уничтожена оврагом. Погребенный лежал в вытянутой позе на спине головой на запад. Захоронение частично перекрыто каменным закладом. Из инвентаря сохранились каменные бусы и два бронзовых перстня со стеклянными глазками.

На могильнике найдено около сотни жертвенных ям и 14 безынвентарных (Гудкова, Фокеев 1982; Малюкевич 1994 а). Жертвенные ямы имеют характерное заполнение, состоящее из перемежающихся прослоек стерильной глины и остатков поминального пиршества. На дне ямы находятся остатки первой тризны и приношений. Видимо, отдельные ямы связаны с конкретными склепами и погребениями. На это в частности указывает то, что в яме № 73 и в могиле № 8 найдены обломки одной и той же краснолаковой миски. Во время тризны в могилу и жертвеную яму клали куски мяса. В яму вместе с золой ссыпали обломки битой посуды, сожженную жертвенную пищу. Все это закрывали слоем чистой глины. На могилах периодически, скорей всего, ежегодно совершались поминальные обряды. Их остатки ссыпали в ту же яму и снова закрывали слоем глины. Удалось проследить до десяти таких стерильных прослоек. После заполнения горловину ямы засыпали серым грунтом с глиной, иногда в нем присутствуют камни. Устья ям друг друга не перекрывают, но нижние части иногда врезаются друг в друга. «При этом к содержимому более ранней ямы относились бережно, отделяя его камнями, плитами или глиной» (Малюкевич 1994 а: 120).

Дно ямы часто обмазывали глиной, посыпали песком, покрывали циновкой или замащивали плоскими камнями или фрагментами амфор. Иногда камни укладывали по периметру возле стенок ямы. Все это в разных вариантах и разном объеме могло повторяться и при периодических поминаниях.

Во время тризны вдоль стен размещали амфоры и красноглиняные кувшины на высоком коническом поддоне или их большие обломки, а также красноглиняные сковородки, краснолаковые миски. В заполнении ям много лепной посуды (в основном горшки и крышки в обломках), но отсутствует сероглиняная лощеная и шероховатая, в обилии представленная на поселении. Обязательной принадлежностью обряда были большие глиняные жаровни, изготовленные на месте. Очевидно, на них традиционно готовили обрядовую пищу, а по окончании поминания их разбивали и обломки помещали в яму. Иногда жаровней закрывали заполнившуюся жертвенную яму. На поселении обломки таких жаровен почти не встречаются.

В заполнении обрядовых ям присутствуют курильницы на конусовидной ножке, миниатюр-

ные сосудики, плоские глиняные диски, кремни, каменные шарики и окатанные камешки различной формы, комки глины с отпечатками пальцев. Почти обязательно присутствие лепных конусовидных крышек, грузил, каменных растирательников, шлака, пряслиц. Реже встречаются железные ножи, бусины, астрагалы, фибулы. Единичными находками являются глиняный столбик с углублениями на торцах (жертвенник?), глиняная фигурка совы, подкова осла.

В ямах, в слоях, связанных с обрядами, присутствуют кости животных, в том числе кальцинированные, древесные угли, комочки прокаленной глины, реже – раковины улиток и речной песок.

Все эти остатки свидетельствуют о том, что у обитателей Мологи был весьма развит обряд паренталий (Малюкевич 1994: 200-204). Судя по костям, среди жертвенных животных преобладали молодые особи. Это указывает на то, что эти обряды совершались в основном осенью. Это наводит на мысль о том, что обряды были связаны с культом плодородия (собранный урожай) и воскресающей и умирающей природы.

Безынвентарные ямы, которые сразу заполняли материковым суглинком, видимо, тоже связаны с жертвоприношениями. В них известны захоронения собак и коровы.

Погребальный обряд Мологи находит себе ближайшие аналогии на позднескифских могильниках Нижнего Днепра и Крыма. Склепы в основном не отличаются от таких же сооружений на могильниках Золотая Балка, Николаевка Козацкая и в некрополе Неаполя Скифского (Бабенчиков 1957: 120-121; Сымонович 1983 г: 28-58). Совпадение с материалами этих могильников наблюдается как в основных чертах обряда, так и в его необязательных элементах. Одинаково количественное преобладание грунтовых склепов над иными могильными сооружениями, совершение отдельных индивидуальных захоронений в простых грунтовых ямах. Одинакова конструкция склепов в виде подземных сводчатых камер подпрямоугольной или округлой формы, вход в них через яму или удлиненный дромос, наличие ступеньки при входе в погребальную камеру, заклад входа камнями или каменной плитой, коллективный характер захоронений, нарушение и подвижка более ранних погребений при последующем подхоранивании, положение умерших в вытянутой позе на спине, совместное погребение в склепе умерших разного пола и возраста, присутствие на могильнике жертвенных ям. В Мологе и на позднескифских могильниках Нижнего Днепра фиксируются такие элементы погребального обряда, как подстилки (растительные и кошма), обкладка досками, единичные деревянные гробы или колоды, наличие камня под головами умерших (в Мологе такая «подушка» была земляной), перекрещенное положение ног, положение кисти руки на живот, размещение погребенных в одном склепе головой в противоположные стороны. На всех рассматриваемых могильниках полностью совпадает набор погребального инвентаря. Он состоит из принадлежностей костюма (пряжки, фибулы, нашивные бляшки), украшений (ручные и ножные браслеты, бусы, кольца и перстни, изредка серьги), простейших индивидуальных орудий труда (пряслица, ножики, оселки), магических предметов и амулетов (кольца с выступами, колокольчики, подвески в виде различных фигурок), принадлежностей женского туалета (пиксида с белилами и румянами), краснолаковой и иной посуды, светильников. На всех могильниках находки оружия единичны. Все это позволяет считать, что могильник Мологи по обряду практически не отличается от нижнеднепровских могильников.

Некрополь поселения Никоний обнаружен в 1991 г. (Секерская 1993; в последующие годы раскопки продолжил И.В.Бруяко) и еще мало известен, что заставляет описать его подробней. Найдены 14 погребальных сооружений, в их числе 7 грунтовых склепов, подбойная могила и ямы с керамикой, камнями и костями лошадей. Склепы имели ступенчатые дромосы и подпрямоугольные камеры со сводчатым, в частности полусферическим, потолком. В склепе № 21 было две камеры, одна из которых служила входной. Вход из дромоса в камеру имел вид ступеньки вниз. Заполнение дромосов состояло из камней, а вход в камеру закрывала каменная плита. Глубина склепов в среднем 2 м. Склепы № 9 и № 19 отличались своими значительными размерами. У склепа № 9 длина дромоса 3,1 м, размеры камеры 2,6 × 2,8 м, ее высота – 1,2 м. У склепа № 19 длина дромоса 4 м, размер камеры 2,2 × 2,6 м. Его камера, видимо, была разделена каменной перегородкой на две части. Погребения в склепах коллективные, принадлежат лицам разного пола и возраста.

Инвентарь сохранился в неразграбленном склепе № 21, в обеих его камерах. Он состоял из бронзовых браслетов и фибул, в том числе фибул-брошей, колокольчиков, большого количества бус, перстней со стеклянными вставками, краснолаковой и буролаковой посуды. Весь инвентарь относится к первым векам нашей эры.

Подбойное погребение № 22 имело вид овальной ямы с двумя параллельными подбоями по сторонам, ориентированными на северо-восток. В нем было погребено не менее трех умерших. Инвентарь состоял из фрагментов двух светлоглиняных узкогорлых амфор II-III вв. н.э.

В 1993 г. обнаружены еще два склепа того же типа и времени. На могильнике известны два недостроенных склепа. Они представляли собой дромосы, которые упирались в ненарушенный грунт (Бруяко 1994).

Таким образом о могильнике поселения Никоний можно сказать, что он аналогичен по обряду могильнику Мологи и могильникам на Нижнем Днепре. С Золотой Балкой совпадает даже такая деталь, как наличие костей лошадей.

Кроме захоронений на могильнике, найдено одно погребение взрослого человека на поселении. Оно было совершено в неглубокой яме в полу жилого помещения (Синицын 1966: 23). Его связь с жилищем осталась невыясненной. Судя по инвентарю (пряслице и бронзовые серьги-колечки), оно может относиться к первым векам нашей эры. Погребенный лежал в скорченной позе головой на юго-восток.

Сведения о погребальном обряде обитателей Никонийского поселения дополняют также детские погребения в сосудах под полами жилищ. Их наличие фиксировалось всеми исследователями этого памятника (Синицын 1966: 16-18; Загинайло 1972: 195-198; Кузьменко, Левина, Секерская 1975: 308). При издании этого материала проанализировано 31 погребение (Секерская 1978 б). Погребения в сосудах принадлежат детям младенческого возраста. Их хоронили в лепных корчагах, амфорах и красноглиняных кувшинах в помещениях, где находки не оставляют места для сомнения об их жилом характере. Использовали в основном поврежденные сосуды или даже обломки нескольких. Известны захоронения с кремацией (№№ 2-5) и трупоположением (остальные). Кости сохранились очень плохо и в большинстве случаев анатомический порядок их залегания нарушен. Инвентарь присутствовал только в погребении № 21 (фрагменты красноглиняного амфориска и керамического пряслица цилиндрической формы). Устойчивой ориентировки захоронений не наблюдается. Позу погребенных обычно определить нельзя.

Погребения младенцев под полами жилищ обнаружены на Козырском (Бураков 1976: 138-143) и Петуховском (Синицын 1959 б: 21) городищах, на Золотом Мысе (Абикулова, Былкова 1985: 6). По существующим представлениям эта форма погребального обряда зародилась в связи с земледельческими верованиями (Секерская 1978: 172). Культ мертвых переплетается в ней с поклонением домашнему очагу и является выражением идеи возрождения и плодородия (Бураков 1976: 142-143). В эллинском погребальном обряде такие захоронения не практиковались. В Ольвии и Тире они не известны и, скорей всего, они связаны с культами какой-то части варварского населения, возможно, фракийского происхождения.

Взаимоотношения поздних скифов с иными народами. На основе всех проведенных сопоставлений вырисовывается картина существования в степях Причерноморья в последних веках до нашей эры – первой четверти I тыс. н.э. зоны обитания оседлого населения с единообразной культурой. И если на основании исследований наших предшественников считать нижнеднепровские городища позднескифскими, – а именно этой точки зрения мы и придерживаемся, – то естественно придти к заключению, что в двух других ее очагах, в округе Тиры и Ольвии, тоже обитало позднескифское население. Все археологические материалы свидетельствуют о его местном в основе происхождении, независимо от того, связано ли оно в большей мере с земледельцами скифского периода или осевшими скифами-кочевниками. В составе этого населения имелись различные этнокультурные примеси, конкретный состав которых зависел от конкретных условий места и времени. Общая характеристика позднескифской культуры была предложена П.Н.Шульцем (1971). Он полагал, что в пределах от III в. до н.э. до начала III в. н.э. она имела в своем развитии хронологические этапы и два территориальных варианта: на Нижнем Днепре и в Крыму. Им были выделены четыре признака позднескифской культуры, не утратившие познавательного значения и по сей день: 1 – появление градостроительства и домостроительства с применением иррегулярных кладок; 2 – переход от курганных захоронений к грунтовым; 3 – преобладание в местной керамике лепной посуды, генетически связанной с посудой степной Скифии предшествующего времени; 4 – ведущая роль в искусстве антропоморфных мотивов и монументальных форм (антропоморфные стелы, надгробия). Частными признаками исследователь считал наличие на поселениях зольников и использование юрт-зимников. Идеи П.Н.Шульца являются чрезвычайно плодотворными. Памятники ольвийской хоры и поселения на Днестровском лимане как две новые группы дополняют представление о территории и внутренней вариантности позднескифской культуры. О возможности включения в ее состав первой из этих групп догадывался и П.Н.Шульц (1971: 142). Им были отмечены возле Ольвии памятники позднескифского монументального искусства. Добавим, что на памятниках и Буга, и Днестра известны и зольники (Синицын 1959 б: 17; Малюкевич 1990: 52). Сопоставление памятников округи Ольвии и Тиры с позднескифскими на нижнем Днепре и выявление их идентичности позволило нам прийти к выводу о существовании на юге степей Причерноморья позднескифской культуры (Гудкова 1987: 5-8; 1989: 34—36), в основном сходной с позднескифской культурой Крыма. Дальнейшее изучение памятников Причерноморья открывает новые ракурсы в исследовании этой культуры в первой четверти I тыс. н.э. и осмыслении процесса передачи ее культурного наследия последующей по времени черняховской культуре (на юге ее ареала).

Предлагаем оценку позднескифской культуры Причерноморья в целом . В качестве ее характерных черт следует выделить очень сильную синкретичность и внутреннюю нестабильность, связанную с переходом скифов от кочевого скотоводческого хозяйства к оседлому земледельческому (Малюкевич 1992 б: 52-54). Становится возможным изучение позднескифской

культуры в Причерноморье в течение почти полутысячи лет. Стратиграфия нижеднепровских городищ позволяет выделить этапы в ее развитии. Открывается возможность изучения постгородищенского этапа и финала культуры во время скифских войн. Кроме отдельных пока слабо изученных неукрепленных поселений на Днепре, памятники по берегам Бугского и Днестровского лиманов обеспечивают разработку этого вопроса широкой источниковедческой базой.

Предлагаемое нами определение населения ольвийской хоры как позднескифского может показаться неправомерным и вызвать возражения. Традиционно сложившееся изучение этих памятников специалистами-антиковедами, занимающимися, прежде всего, исследованием Ольвии, естественным образом приводит к взгляду на них в основном через призму истории, экономики и культуры Ольвии. Такой подход исторически полностью оправдан, но он может и должен быть дополнен взглядом с противоположной стороны, если так можно выразиться, из варварского мира. И такой подход тоже имеет свою основу, так как население хоры не было чисто эллинским ни в раннее время (Крыжицкий и др. 1989: 147), ни, тем более, в первых веках нашей эры, когда происходит сильная варваризация самой Ольвии. Ее население этого времени характеризуется как «...конгломерат носителей различного этноса, преобладающим компонентом которого все же остались потомки жителей Ольвии эллинистического времени» (Крыжицкий и др. 1989: 215, 220). Последняя часть этого утверждения, – на наш взгляд, – является недостаточно доказанной и вызывает сомнение.

Варварская культурная составляющая на памятниках хоры проявляется весьма рельефно. Как было показано выше, она очевидна в характере жилищ и приемах домостроительства, облике лепной керамики и погребальном обряде. Невероятно допустить, что сама Ольвия могла быть демографическим источником образования населения хоры римского времени. Во II в. н.э. население города, уже достаточно оправившегося от предшествующего упадка, состояло всего из 3-4 тыс. человек, из которых полноправными были не более 500-600 (Карышковский 1985 б: 34). У города явно не было людских резервов для заселения городищ хоры.

Очевидно, после прекращения жизни нижнеднепровских городищ значительная часть их населения ушла в новые места: под защиту Ольвии и Тиры. Именно в основном эти переселенцы и создали поселения сельскохозяйственной округи этих городов. Это тем более вероятно, что на обеих территориях нет населения в непосредственно предшествующее время, которое бы могло создать эти поселения. Это само по себе делает очевидным приход какого-то населения извне.

Все эти соображения никоим образом не ставят под сомнение высокую степень связи позднескифского населения с античным миром. Для последних веков до нашей эры и первых веков нашей именно поздние скифы оказались в Северном Причерноморье тем пластом оседлого варварского населения, которое впитывало достижения античной культуры в непосредственном контакте с Ольвией и Тирой. Через эти города осуществлялась связь со всей циркумпонтийской и средиземноморской зоной. Через поздних скифов происходило распространение античного влияния на население более северных районов.

Выше уже рассматривался вопрос об античном влиянии в домостроительстве. Хотя в целом оно складывалось на местной варварской основе, проникновение в него античных влияний очевидно. Степень, до которой оно доходило в отдельных случаях, демонстрируют дома Козырского городища, типологической основой которых были ольвийские градостроительные традиции эллинистического времени (Крыжицкий и др. 1989: 165). С особой яркостью они проявились в применении черепичной кровли, оконного стекла, кладке из жженого кирпича на известковом растворе, в декоре жилых помещений в провинциальноримском духе (Бураков 1976: 62). Для городищ Нижнего Днепра вполне возможно участие греческих мастеров в строительстве отдельных зданий (Погребова 1958: 161, 242). Пожалуй, в меньшей мере античное влияние в этой сфере зафиксировано на поселениях округи Тиры.

Совершенно очевидным является воздействие античной фортификации в возведении позднескифских укреплений на Нижнем Днепре и, тем более, при создании государственной оборонительной системы на хоре Ольвии. Этот вопрос в настоящее время разработан с привлечением всех имеющихся на сегодня материалов настолько подробно, что в него пока нельзя внести ничего нового и остается привести основные выводы исследователей. Н.Н.Погребова пришла к заключению о том, что в ранний период существования Знаменского и Гавриловского городищ «...влияние Ольвии могло сказаться на строительстве оборонительных и парадных сооружений» (1958: 242). При строительстве сырцовой стены Знаменки наблюдается копирование строительных приемов Ольвии. Что же касается крепостной архитектуры ольвийской периферии, то ее формирование «...явилось следствием синтеза и продуктивной переработки в ольвийском регионе античного мира эллинистических и провинциально-римских элементов фортификации и представляло собой своеобразный вариант античного военного зодчества, обусловленный спецификой местных условий» (Буйских 1984: 199). На ольвийской периферии городища имеют стены, построенные в соответствии с предписаниями римской фортификации (Крыжицкий и др. 1989: 216).

Экономические связи позднескифского населения с античным миром наиболее выразительно прослеживаются на керамических материалах. Показательно массовое распространение амфор. Их обломки составляют на нижнеднепровских городищах в среднем от 25 до 60% всей керамики (Гаврилюк, Абикулова 1991, I: 11). На ольвийской периферии их количество колеблется от 72 до 83,47 % (средний показатель 78,49 %) (Крыжицкий и др. 1989: 184). На памятниках нижнего Поднестровья на их долю приходится 66 % (Малюкевич 1991: 72). Представлены самые разные центры Причерноморья и Средиземноморья. Оценивая объем торговли вином и маслом, надо учитывать, что часть товаров уходила через поздних скифов на север, к населению лесостепи.

Обломки красноглиняных столовых сосудов составляют на Нижнем Днепре от 0,5 до1,3 %, на ольвийской периферии от 3,2 до 6,9 %, на нижнем Днестре – 3-4 % (Малюкевич 1991: 77). Даже, если учесть, что разбитая амфора дает значительно больше обломков, чем небольшой столовый сосуд, то все же очевидно, что значительной роли в повседневном обиходе эта посуда не играла. В основном она представлена продукцией малоазийских, северопричерноморских и западнопричерноморских центров (Вязьмитина 1986: 234). На памятниках периферии Ольвии встречается и продукция ольвийских мастерских (Крыжицкий и др. 1989: 185). На поселениях округи Тиры отмечено поступление краснолаковой керамики из нижнемезийских центров (Малюкевич 1991: 77). Импорт краснолаковой керамики из различных центров установлен на восточном берегу Днестровского лимана в материалах Никония (Секерская 1984).

Фрагменты стеклянных импортных изделий найдены практически на всех позднескифских памятниках (Археология Украинской ССР 1986, т. 2: 234-235; Крыжицкий и др. 1989: 196-197; Малюкевич 1991: 78-80), но количество их не велико. Они указывают на те же направления торговых связей, что и импортная керамика.

Тира и Ольвия были воротами в мир и поставщиками собственной ремесленной продукции для позднескифского населения. Очевидно основная перевозка товаров шла водными путями. Н.Н.Погребова оценивает значение торговли с Ольвией для нижнеднепровских городищ как огромное. Она согласна с мнением В.И.Гошкевича, который связывал судьбы этих поселений с исторической судьбой Ольвии, но при этом полагает, что они не были факториями Ольвии и возникли независимо от нее (1958: 241). Более того, она приходит к выводу о том, что «...влияние эллинской культуры на ...городища было очень относительно; оно выражалось главным образом в употреблении греческого вина всеми слоями населения и в использовании греческой тонкостенной керамики, преимущественно знатью» (1958: 242).

Корни связей нижнеднепровских скифов и Ольвии были весьма глубокими. В.В.Крапивина полагает, что гетский разгром города заставил часть ольвиополитов укрыться на нижнеднепровских городищах (Крапивина 1993: 141).

По сравнению с нижнеднепровскими городищами связь с Ольвией поселений ее хоры, естественно, была более значительной и более устойчивой, поскольку именно их обитатели обеспечивали Ольвию жизненно важной продукцией сельского хозяйства (Крыжицкий и др. 1989: 210) и защищали подступы к ней. Теснейшие экономические отношения поселений на Днестровском лимане с Тирой представляются самоочевидными, но пока они остаются неисследованными. Наличие в Мологе больших зернохранилищ, присутствие в керамике грубоглиняной античной кухонной посуды, никогда не ввозившейся издалека, отдельные фрагменты черепицы и оконного стекла указывают на постоянные связи с городом. Показательны в этом отношении и находки монет. Из культурного слоя поселения происходит денарий Антонина Пия (138-161 гг.). На поверхности памятника найдены тирский дупондий императора Коммода (189-192 гг.) начала его правления, фрагментарная медная монета Фаустины, супруги Марка Аврелия (скончалась в 175 г.) и медная тирская монета — трессис Геты (192-212 гг.) (Карышковский 1985 а: 182).

Элементы античной культуры проникали и в духовную жизнь позднескифского населения, но сведений об этом пока очень мало, и они не всегда однозначны, как, например, в случае использования амулетов неопифагорейского круга в Мологе (Руссев 1986). Трудно сказать, осознавали ли смысл этих символов в варварской среде.

К предметам, которые могут указывать на распространение в позднескифской среде античной культуры, очевидно, надо отнести произведения искусства, хотя они и немногочисленны. В Золотой Балке найдена мраморная голова Геракла и две статуэтки (Вязьмитина 1986: 234). На разных городищах обнаружены также античные геммы и художественная посуда. Находки на территории Ольвийского полиса вотивных плит с посвящениями Ахиллу Понтарху и Аполлону Простату, находка в Козырке и Скельке античных рельефов с сарматскими знаками, указывающими на их местное происхождение, позволяет предполагать, что местное население укрепленных поселений поклонялось тем же божествам, что и горожане Ольвии (Крыжицкий и др. 1989: 210-214). Это однако не исключает и наличия собственных неантичных культов и представлений, отражением которых могут быть изображения на лепных сосудах, обычай хоронить младенцев в сосудах под полами жилищ (Крыжицкий и др. 1989: 213-215), не известный в самой Ольвии.

Античное влияние на позднескифскую куль-

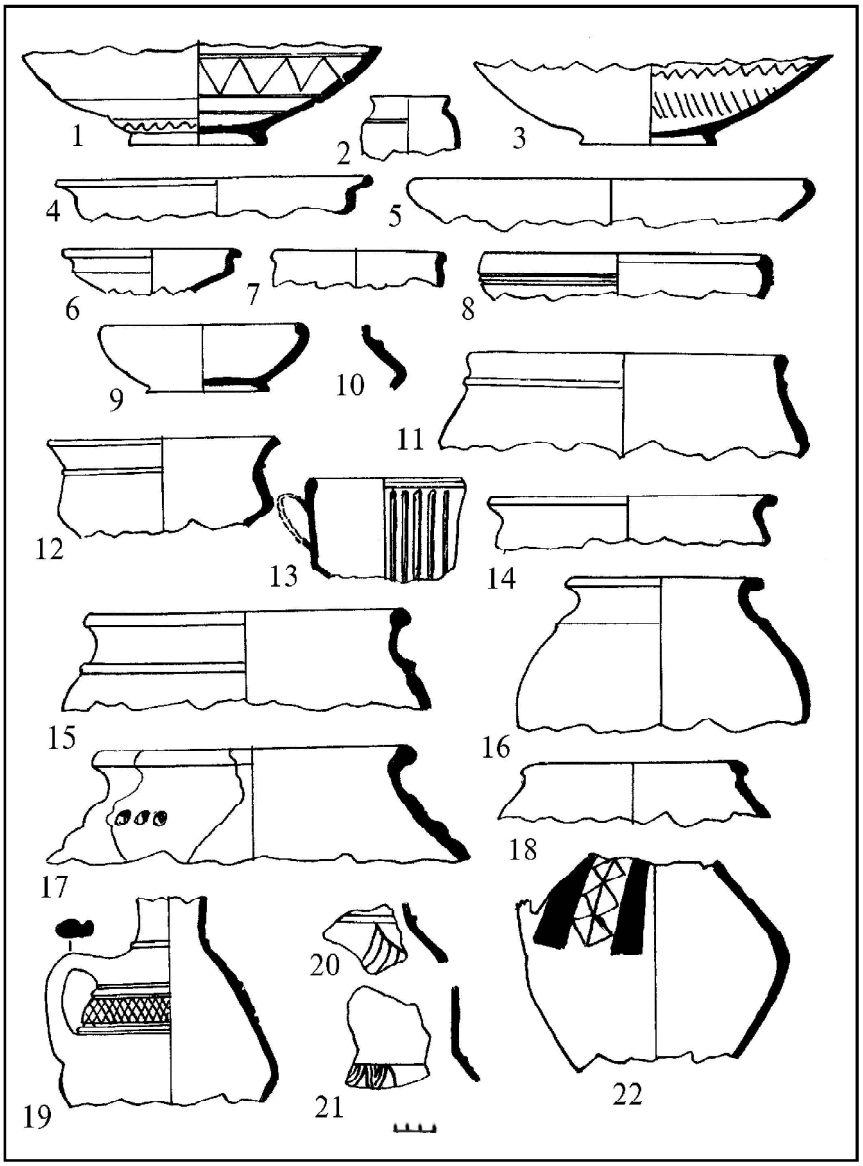

Рис.6. Сероглиняная гончарная керамика Козырки. Нижний горизонт.

туру выражено в археологических материалах столь многообразно и ярко, что к настоящему времени оно изучено в значительном объеме. Совсем по иному обстоит дело с выявлением и, тем более, с историческим осмыслением взаимодействия и связей поздних скифов с различными группами варварского населения. Источником для наблюдений этого круга служит в основном керамика и, в меньшей степени, погребальный обряд.

На нижнеднепровских городищах в лепной керамике по сравнению со скифской культурой предшествующего времени возникают явления нового типа. Это широко распространенные как столовая посуда открытые остроребериые миски. Они похожи на зарубинецкие (Погребова 1958: 139, 211, 245; Вязьмітіна 1962: 138, рис. 68; 232; Петров 1961: 158-162), и так их обычно и именуют. Н.Н.Погребова датирует их появление на городищах концом III в. до н.э., а широкое бытование относит ко II-I вв. до н.э. В первых веках нашей эры они уже не применялись. Нет твердой уверенности в чисто зарубинецком происхождении этой массовой посуды. Зарубинецкие миски такого типа черные. Миски же с городищ по светлому цвету и общему облику ближе к материалам с территории Молдавии (Выхватинское городище) (Погребова 1958: 245). Подграненная форма венчика у части этих сосудов может указывать на их связь с поянешты-лукашевскими формами. Возможно, распространение этой посуды связано с мощным импульсом латенской культуры на восток, проявившемся и в сложении зарубинецких древностей. Связи с собственно зарубинецким населением требуют специального изучения.

Хотя время появления и бытования латеноидных мисок предшествует изучаемому нами периоду, в контексте настоящего исследования представляет интерес то, что оседлые земледельцы Причерноморья еще в первых веках до нашей эры имели активные связи с дальними

западными и северо-западными территориями. Устойчивость и значимость этих связей определяется тем, что лепная керамика не является предметом импорта и без своих носителей не распространяется. Только при их наличии она может в какой-то мере превратиться в моду. В основе этого явления лежит то, что лепная керамика изготовлялась не гончарами-ремесленниками, а непосредственно в домах женщинами-хозяйками для собственных нужд. Отметим, что на Нижнем Днепре установлено ее местное происхождение (Погребова 1958: 245).

Вторая группа инородной керамики — изделия гето-фракийского облика. Эти изделия представлены разными формами: большими лепными корчагами с налепным орнаментом, некоторыми видами горшков, «дакийскими чашами», очажными подставками и др. (Погребова 1958: 140, 142, 211, 213-214, 244, 245; Вязьмітіна 1962: рис. 64). Эта керамика появляется в конце III в. до н.э. и бытует на продолжении всего существования городищ. Она представлена также в Козырке (Бураков 1976: 79, 80, 114, 116, 145) и в Мологе (Малюкевич 1992 в). Ее присутствие на позднескифских памятниках перекликается с подобными же находками в синхронных слоях Тиры и Ольвии. Исследователи разного профиля многократно обращались к проблеме распространения разных форм фракийского влияния в Северном Причерноморье. Недавно сделана попытка подвести итог изучению этой проблемы во всем ее многообразии. Работа С.М.Крыкина может служить справочником по историографии проблемы (Крыкин 1993). В ней специально рассмотрен вопрос о распространении фракийской керамики (гл. II). Чтобы не повторять это исследование отметим лишь оставшиеся неясными моменты. Среди них главный – это неопределенность путей и форм продвижения в Причерноморье носителей фракийской керамической традиции. Крайним пунктом обитания фракийцев на востоке в низовьях Дуная является Орловка (Головко и др. 1965). В степях во время существования позднескифской куль-

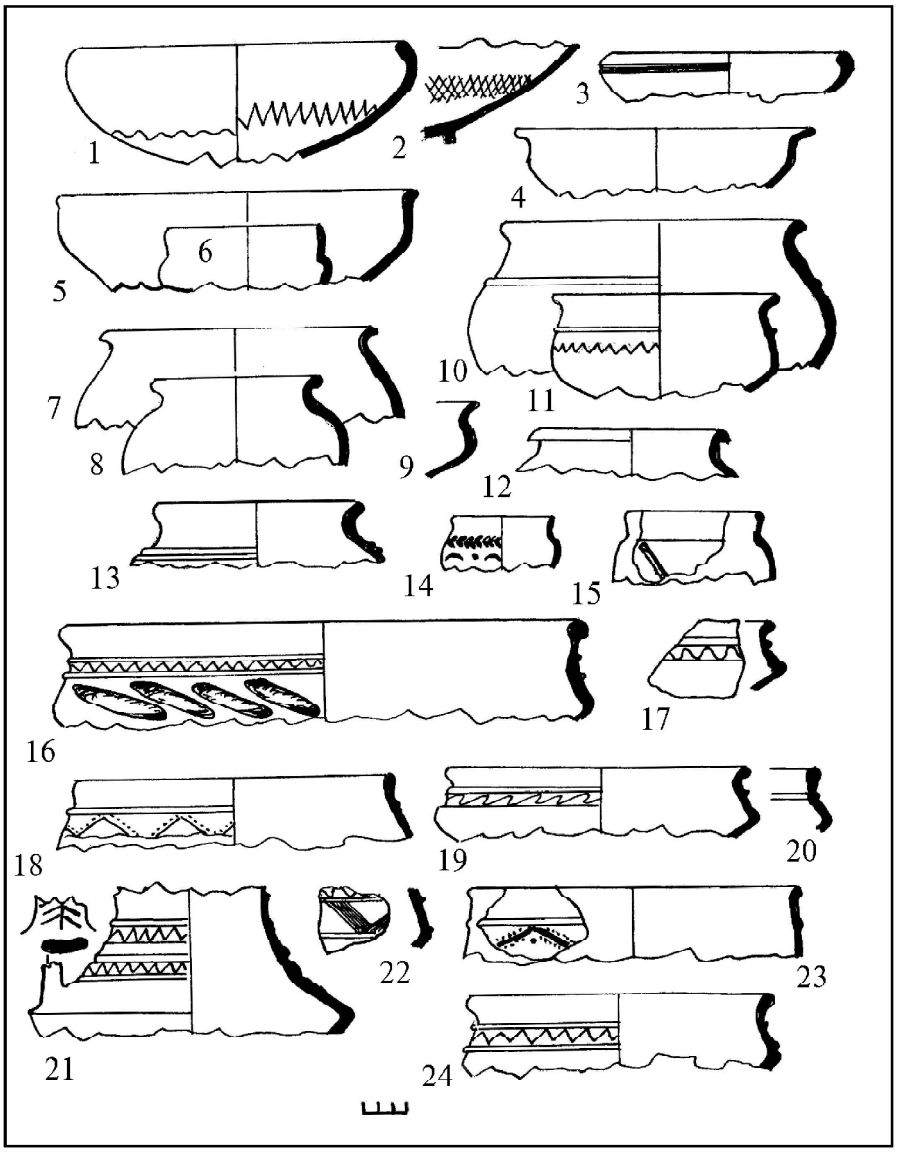

Рис.7. Сероглиняная гончарная керамика Козырки. Второй горизонт.

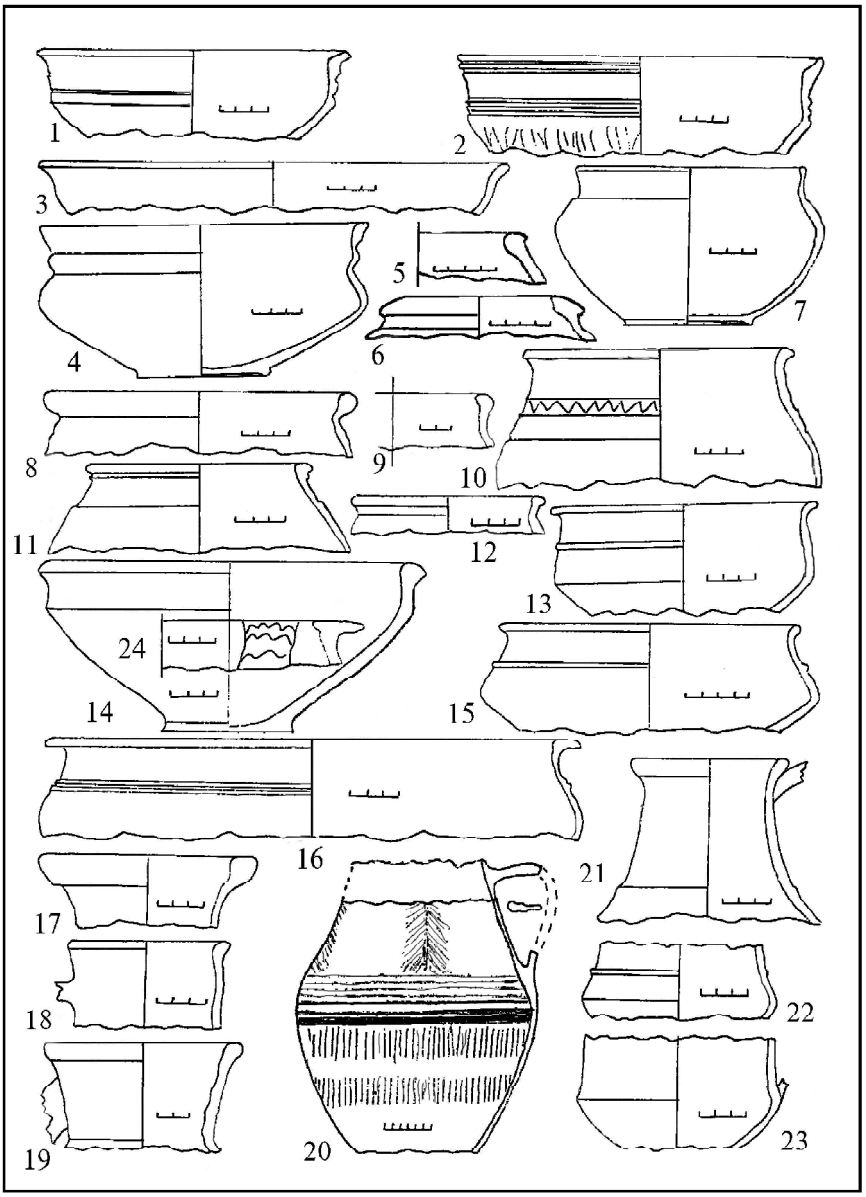
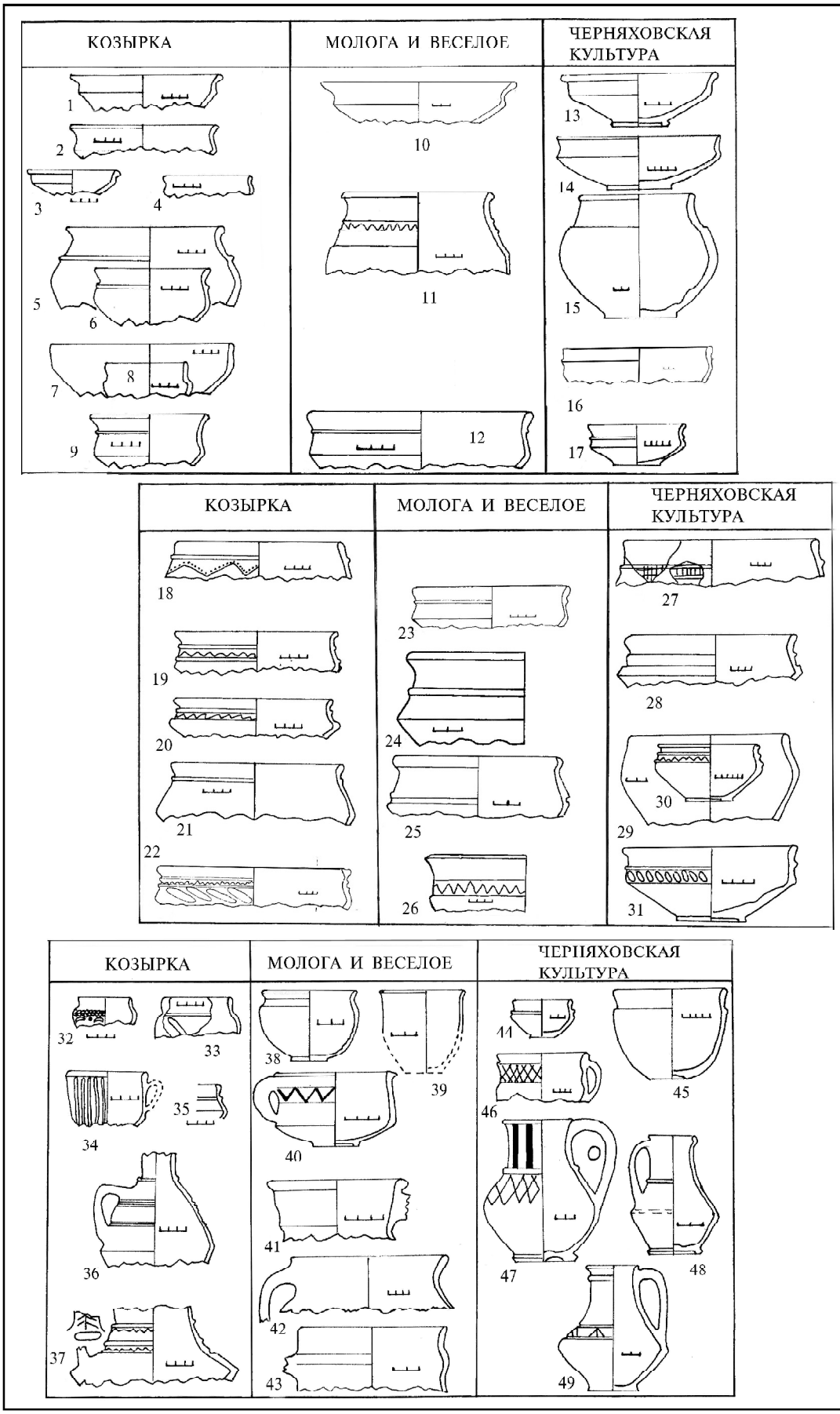

Рис.8. Сероглиняная гончарная керамика позднескифских поселений на Днестровском лимане.

туры нет ни одного дакийского памятника. Некоторое участие гетов в греческой колонизации вполне вероятно (Крыкин 1993: 126), но трудно допустить, что в основном именно через Тиру и Ольвию в последних веках до нашей эры и первых веках нашей население, изготовлявшее лепную фракийскую керамику, попало в среду поздних скифов. Многократно высказывавшаяся мысль о возможности связать это явление с походом Буребисты на Ольвию представляется фантастической. Во-первых, на нижнеднепровских городищах фракийская керамика зафиксирована с конца III в., то есть еще до этого похода. Во-вторых, воины никак не могли стать распространителями лепной керамики на позднескифских поселениях от Днепра до Днестра. Бытование этой керамики на протяжении длительного времени в инородной и инокультурной среде, на наш взгляд, указывает на постоянные контакты населения Причерноморья с племенами, которым была присуща эта посуда. Скорей всего, эти контакты осуществлялись по рекам Днепру, Бугу и Днестру и были направлены в сторону северной части фракийского мира, в том числе и Молдавии. Может быть, это те же пути культурного и демографического контакта, по которым тоже с конца III в. до н.э. на нижнеднепровские городища распространялось латенское влияние, фиксируемое через появление выше описанных остроребериых мисок. Теми же путями и с того же времени могло распространиться и фракийское влияние. С течением времени на западных и северо-западных землях, куда достигали эти контакты, латенский культурный потенциал исчерпал себя (он вновь проявится позднее, во время кельтского ренессанса), а связи остались. Результатом этого и оказалось сохранение фракийского влияния и в римское время. Все высказанное пока не более, чем гипотеза, требующая специальной проработки. Она

КОЗЫРКА
МОЛОГА И ВЕСЕЛОЕ
ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
КОЗЫРКА
МОЛОГА И ВЕСЕЛОЕ
ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
КОЗЫРКА
МОЛОГА И ВЕСЕЛОЕ
ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49

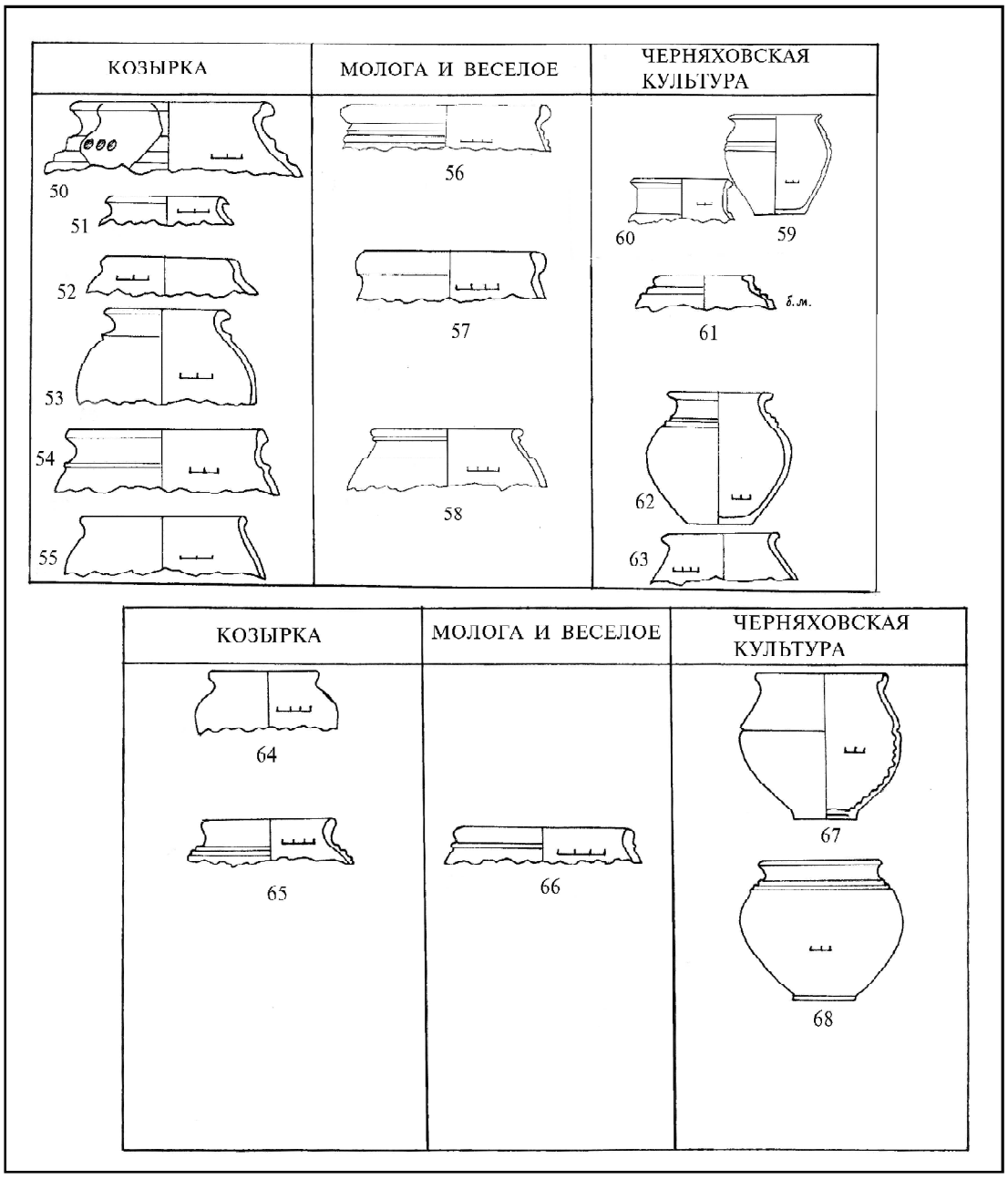

Рис.9/1-5. Сопоставительная таблица позднескифской гончарной сероглиняной керамики столовой (рис.9/1-3) и шероховатой (рис.9/4,5).
1-9, 18-22, 31-37, 50-55, 64, 65 – Козырка; 10-12, 23, 26, 41, 43 – Веселое; 24, 25, 38, 39, 42, 56-58, 66 – Молога; 13 – Чубовка; 14, 17 – могильник Холмское; 15 – Первомайское на Днепре; 27 – могильник Гавриловка; 30 – могильник Коблево; 31 – могильник Данчены; 44, 45, 48, 49, 62, 67 – могильник Каборга IV; 46, 47 – могильник Фурмановка; 59 – могильник Нагорное II; 60, 61, 63 – Киселово; 68 – могильник Викторовка II.

отнюдь не исключает возможности появления лепной гетской керамики в Тире и Ольвии иными путями и в ином историческом контексте.

Интересные новые сведения о связях поздних скифов с носителями иных этно-культурных образований дают наблюдения над сероглиняной гончарной керамикой. В первой четверти I тыс. в Причерноморье существовало две ее группы. Одна – это продукция античных мастерских, вписывающаяся в общую картину провинциально-римского гончарства. Она была в употреблении жителей Тиры и Ольвии, но ее количество в керамике городов невелико (Гудкова 1972; Крапивина 1979; Гудкова, Крапивина 1988). И в Тире, и в Ольвии она имеет небольшие местные особенности. Естественно, она в некотором количестве попадала на сельские поселения городской округи. В Козырке это, прежде всего, округлые закрытые миски в основном с загнутым внутрь краем, лощеные сна-

ружи и внутри, часто украшенные линейно-лощеным орнаментом, тоже снаружи и внутри (рис. 6, *1, 3, 5; 7, 1-3*). Представлены также ольвийские кувшины со сливом. В сероглиняной керамике Мологи и Веселого количество тирской керамики весьма умеренное. В основном это кувшины (рис. 8) .

Вторая группа сероглиняной гончарной керамики представлена в Козырке и на других поселениях Ольвийской периферии, на Мологе и Веселом (Гудкова 1991: 122-131; Гудкова, Малюкевич 1994: 251-252; Гудкова, Фокеев 1982: 91-94). Своим происхождением она с городами не связана. На Козырке ее количество не очень велико, а в Мологе и Веселом это основная столовая посуда. Поскольку для невыразительных фрагментов не удается определить их принадлежность к первой или второй группе, количественную характеристику приходится давать в целом. На Мологе по материалам раскопок 1975-1978 гг. она составляет 12 % всего керамического комплекса, а античная красноглиняная и краснолаковая – 3 %. На Веселом соответственно 30,5 и 4,3 %. По визуальным наблюдениям античная керамика первой группы составляет незначительную часть всей сероглиняной посуды. Поскольку краснолаковая и красноглиняная керамика здесь в повседневном быту большой роли не играла, то, естественно, допустить, что эта посуда была местного производства. Об этом свидетельствуют и находки керамического брака.

Материалы хорошо стратифицированной Козырки, слои которой содержали большое количество разнообразного датирующего материала, позволили отнести время появления этой керамики к концу I в. н.э. Во II в. и первых десятилетиях III в. возрастает число таких сосудов, и они становятся обычными.

Основные формы этой посуды (рис. 6-8) – миски, открытые реберчатые и закрытые биконические, в небольшом количестве кувшины с биконическим туловом, реберчатые кружки, сосуды пока не реконструированной формы с очень широким Т- и Г-образным венчиком, кубки. В Мологе и Веселом обычны сосуды для хранения запасов с массивным выдающимся внутрь горизонтальным венчиком и без шейки. Они сделаны из такой же хорошо отмученной глины, как и прочая керамика. Вся столовая посуда и часть корчаг для хранения запасов покрыты лощением. Иногда отмечается черное покрытие до лощения или науглероживание при обжиге для придания черепку глубокого черного цвета. Применялся линейно-лощеный орнамент. Пластичные формы декорировки поверхности состоят из валиков, уступов, «обручей», наплывов, углубленных «выбранных» круговых поясов, косых каннелюр.

Столовая посуда дополняется грубоглинянными кухонными горшками, (рис. 6, *16-18;*7, *7, 8, 12, 13*; рис. 8) в тесте которых содержится большое количество крупнозернистых примесей. Это сосуды того типа, которые провинциально-римские мастерские в Мезии и Фракии начали производить в I в. н.э. (Poczy 1956: рис. 8, 9, 11; Sultov 1976; 1985). В Тире и Ольвии, где население пользовалось обычной античной кухонной посудой (Гудкова, Крапивина 1990: 17-18; Крапивина 1993: 101-105), они встречаются редко, но получают широкое распространение в различных варварских культурах I тыс. н.э. (Милитарь-Килия, карпатских курганов, черняховская и др.).

Изучение описываемой группы сероглиняной керамики только еще начинается и здесь мы остановимся лишь на одном чрезвычайно интересном и важном аспекте ее облика. Она практически не отличима от черняховской посуды (рис. 9). Ее появление на сельских поселениях округи Тиры и Ольвии никак нельзя связать с их воздействием. В то же время невозможно не заметить влияния провинциально-римского гончарства, в частности мастерских Подунавья, а может быть, и гончарных центров юго-восточной Словакии и южной Польши. Складывается впечатление, что в Причерноморье эта керамика появилась с северо-запада (в обход Карпат). Это в частности подтверждается и тем, что ее количество убывает в направлении с северо-запада на юго-восток. На Днестре она – основная столовая посуда, на хоре Ольвии употребляется в некотором количестве. В связи с этим следует вспомнить, что на нижнеднепровских городищах исследователи фиксируют небольшую примесь керамики черняховского облика, но соответствующего ей слоя нигде не обнаружено. Не может ли это быть то же самое явление, что и на Козырке, никак с появлением черняховской культуры в Причерноморье не связанное?

Совершенно очевидно, что сероглиняная гончарная керамика в позднескифском гончарстве совершенно инородна. Возможно, и сами поздние скифы ощущали ее инородность. На эту мысль наводит то, что она не входила в состав погребального инвентаря.

Происхождение этой керамики и конкретные пути и формы ее распространения еще не ясны. Судя по времени бытования, она никак с черняховской культурой как таковой не связана, но имеет общие истоки с ее керамическим комплексом (Гудкова, Малюкевич, см. статью в настоящем издании). Наблюдаемое явление заставляет предположить, что те центры, где она сложилась, еще в предчерняховское время были уже настолько и оформившимися, и мощными, что смогли дать фиксируемый нами импульс в Причерноморье. Представлял ли он собой перемещение некоего этноса или же имело место распространение определенной моды, с полной уверенностью сейчас сказать нельзя. Мы пока склоняемся к тому, что новая группа керамики распространилась с конкретными

людьми, ее носителями. О появлении в рассматриваемое время в Причерноморье какого-то населения с севера или северо-запада свидетельствуют недавние находки инородных погребений с характерным инвентарем на могильнике Красный Маяк. Они были подробно охарактеризованы выше, но в силу чрезвычайной важности этого материала повторим сжатую характеристику. Здесь «...открыт целый ряд захоронений, совершенных по обряду северо-западных культур (безурновое сожжение, могилы со стелами, черепа под каменными закладами). В одном из них (парное детское захоронение) обнаружен богатый набор прибалтийских бронзовых украшений, включающий налобный венчик с подвесками, составленными из колечек и пронизок, кольца, браслеты, колокольчики. Комплекс датируется второй половиной II – началом III в. н.э. Новые находки в Красном Маяке не могут быть соотнесены ни с одной из культур северо-западного круга (вельбаркская, пшеворская, черняховская), памятники или элементы которых были бы известны в Северном Причерноморье. Это совершенно новое явление, достоверно фиксирующее миграции из Прибалтики на рубеже II и III вв.» (Гей, Бажан 1993: 168) Только дальнейшие исследования и накопление фактического материала смогут показать, связаны ли между собой эти явления в керамике и погребальном обряде. Однако как рабочая гипотеза такая мысль представляется допустимой. В любом случае, приоткрывается новая страница в истории связей Причерноморья с северными районами. Может быть, северо-западные связи Причерноморья в римское время, которые удалось обнаружить на основе изучения второй группы сероглиняной керамики, представляют собой часть более масштабного явления, которое первоначально фиксируется по массовому распространению на нижнеднепровских городищах в более раннее время лепных мисок зарубинецкого (латеноидного) типа и появлению фракийских заимствований.

Дискретный характер распространения позднескифской культуры в Причерноморье, различия (не принципиальные) в культуре региональных групп населения вызваны, скорей всего, их тяготением к разным политическим и экономическим центрам. Нижнеднепровские городища были политически связаны с позднескифским царством в Крыму, но экономически они более тяготели к Ольвии (Погребова 1958: 239). В результате в их культуре ощутимо античное влияние. Существует мнение, что между Нижним Днепром и Нижнем Бугом происходил обмен населением (Славин 1976: 185). Особенностью нижнеднепровских городищ является также наличие элементов зарубинецкой культуры. Культура обитателей Ольвийской периферии была синкретической, представляя собой сплав варварских и ярко выраженных античных черт. Она в Северо-Западном Причерноморье является аналогом прилимесной зоны в Европе. Поселения района Днестровского лимана, безусловно, тяготели к Тире. Возможно, их возникновение связано с переселением как с Нижнего Днепра, и так и с периферии Ольвии при появлении сарматов. Этим может быть объяснена близость Никония к памятникам типа Козырки и Петуховки, а Мологи – к позднескифским городищам на Днепре. Создается впечатление, что в первой четверти тысячелетия политическая и военная обстановка в регионе была столь напряженной, что более или менее спокойная жизнь сельского населения была возможна только под защитой крупных центров и системы их военных укреплений. Не исключено, что могут появиться новые данные о существовании оборонительной системы и на Днестровском лимане. Если до сих пор можно было в этом отношении оперировать только уничтоженным без изучения городищем Удобное, то теперь появились сведения о существовании укрепления римского времени на поселении Никоний (Секерская 1995: 58).

Глава 2. ВЕНЕДЫ В НИЗОВЬЯХ ДУНАЯ

В степном районе между низовьями Днестра, Дуная и Прута наблюдается распространение своеобразной группы древностей типа Этулия позднего римского времени. Кроме того, подобные памятники известны и в степи на левом берегу Днестра (Патокова, Дзиговский, Зиньковский 1982). К северу, в лесостепи междуречья Днестра и Прута зарегистрировано пока несколько памятников этого типа (Щербакова, Кашуба 1990: 119). Следовательно, и эта зона входит в их ареал. На прилагаемой карте-схеме учтено более полусотни таких памятников (рис. 10). В действительности их значительно больше, поскольку каждая новая разведка приводит к обнаружению ранее неизвестных памятников этого типа. В настоящее время на этой же территории известно значительное число объектов римского времени, культурная принадлежность которых пока не ясна. Подъемный материал на них состоит из римских амфор, иногда гончарных сероглиняных и красноглиняных сосудов (Черняков 1967). Среди них могут быть и памятники типа Этулия, и сарматские стойбища и кочевья. Нами определены как этулийские те памятники, на которых, кроме фрагментов амфор, собрана характерная лепная керамика. Проведенное нами обследование некоторых из них, на которых ранее были найдены только обломки амфор, привело к выявлению на них лепной керамики этулийского типа.

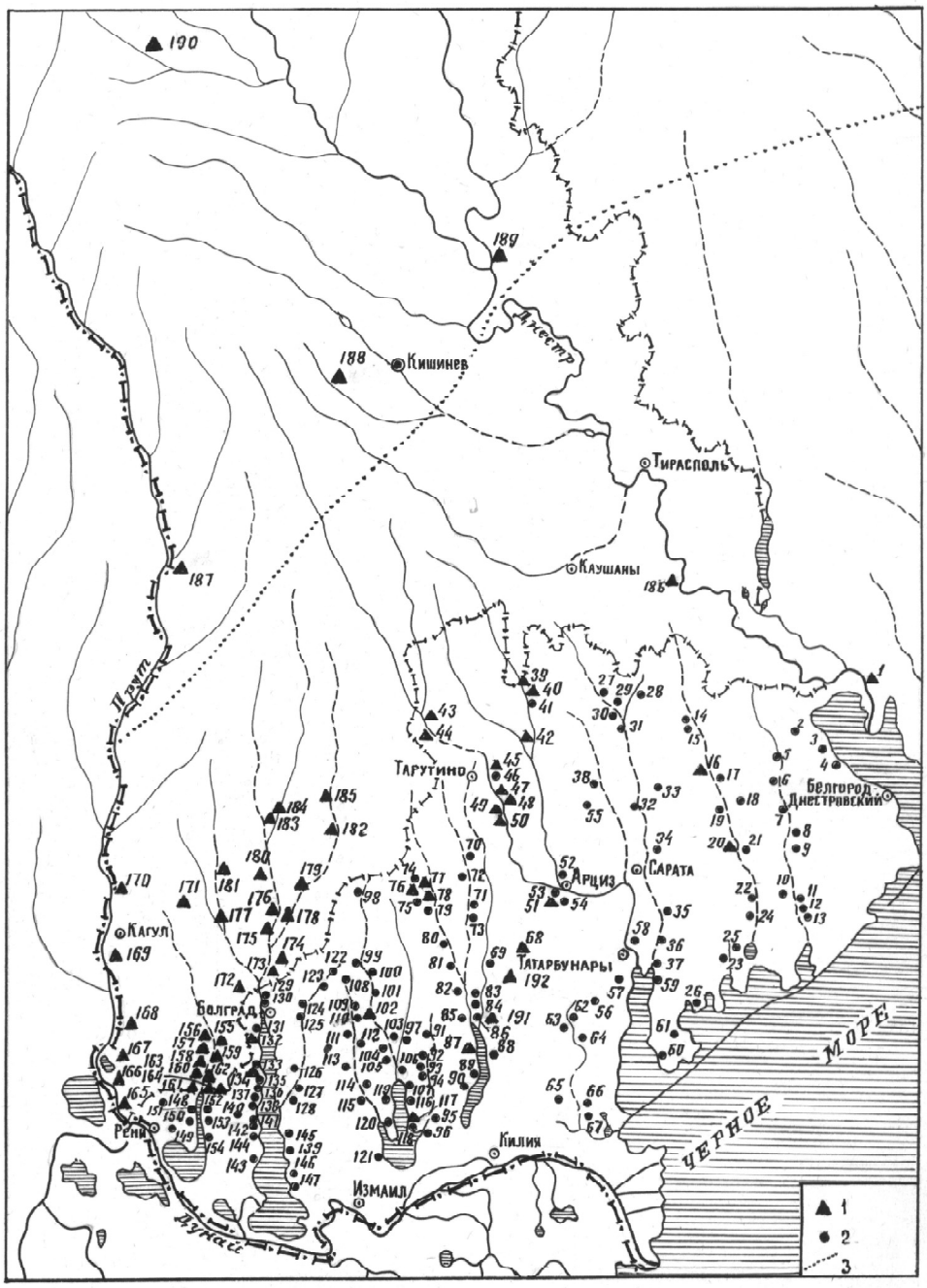

Рис.10. Карта-схема распространения памятников типа Этулия: 1 – памятники типа Этулии; 2 – памятники римского времени неясной культурной принадлежности; 3 – примерная граница лесостепи и степи.

1. Пос. Маяки (Патокова, Дзиговский, Зиньковский 1982); 2. Пос. Валя Роща II (Гудкова 1973 б); 3. Пос. Пивденное (Южное I) (Клейман, Ревенко 1959; Черняков 1960); 4. Пос. Молога II (Клейман, Ревенко 1959); 5. Пос. Подгорное II (Гудкова 1973); 6. Пос. Карналеевка I (Гудкова 1973 б); 7. Пос. Алкалия I (Гудкова 1973); 8. Пос. Зеленое III (Гудкова 1973); 9. Пос. Алкалия IV (Гудкова 1973); 10. Пос. Широкое III (Гудкова 1973); 11. Пос. Широкое (Гудкова, Черняков 1959); 12. Пос. Ясногородка I (Загинайло 1974); 13. Пос. Ясногородка (Загинайло 1974); 14. Пос. Ройлянка I (Гудкова 1973); 15. Пос. Ройлянка II (Гудкова 1973); 16. Пос. Камышевка (Черняков 1963); 17. Пос. Надъярное (Черняков 1963); 18. Пос. Кривая Балка I (Черняков 1963); 19. Пос. Николаевка-Новороссийская V или Хаджидер V (Черняков 1963; Гудкова 1973); 20.Пос. Константиновка II (Гудкова 1973); 21. Пос. Константиновка IV (Черняков 1963); 22. Пос. Сергеевка (Черняков 1963); 23. Пос. Желтый Яр (Черняков 1963); 24. Пос. Дивизия II (Черняков 1963); 25. Пос. Бикир (Загинайло 1974); 26. Пос. Кочковатое (Загинайло 1974); 27. Пос. Петропавловка II (Гудкова 1974); 28. Пос. Фараоновка III (Гудкова 1974); 29. Пос. Благодатное II (Гудкова 1974); 30. Пос. Благодатное III (Гудкова 1974); 31. Пос. Надежда I (Гудкова 1974); 32. Нов. Плахтаевка I (Гудкова 1974); 33. Пос. Плахтеевка II (Гудкова 1974); 34. Пос. Заря (Черняков 1963);

35. Пос. Белолесье (Черняков 1963); 36. Пос. Заречное I (Черняков 1963); 37. Пос. Заречное II (Загинайло 1974); 38. Пос.Чилигидер I (Гудкова 1974); 39. Пос. Новоселовка (Гудкова, Новицкий 1976); 40. Пос. Благодатное (Гудкова, Новицкий 1976); 41. Пос. Елизаветовка (Гудкова, Новицкий 1976); 42. Пос. Веселая долина I (Гудкова, Новицкий 1976); 43. Пос. Серпнево I (Гудкова, Новицкий 1976); 44. Пос. Серпнево III (Гудкова, Новицкий 1976); 45. Пос. Березино II (Гудкова, Новицкий 1976); 46. Пос. Березино III (Гудкова, Новицкий 1976); 47. Пос. Путейская Казарма (Гудкова, Новицкий 1976); 48. Пос. Путейская Казарма II (Гудкова, Новицкий 1976); 49. Пос.Красное II (Гудкова, Новицкий 1976); 50. Пос. Красное I (Гудкова, Новицкий 1976); 51. Пос. Арцыз I (Черняков 1967); 52. Пос. Арцыз II (Черняков 1967); 53. Пос. Арцыз III (Черняков 1967); 54. Пос. Долиновка I (Гудкова 1973); 55. Пос. Вишняки I (Гудкова 1973); 56. Пос. Ново-Алексеевка (Черняков 1963); 57. Пос. Татарбунары II (Загинайло 1974); 58. Пос. Борисовка I (Загинайло 1974); 59. Пос. Сасыкс. Лиман или Золотокары I (Загинайло 1974); 61. Пос. Лиман II или Золотокары (Загинайло 1974); 62. Пос. Дмитровка (Шмаглий 1965); 63. Пос. Струмок IV (Кравченко 1971 б); 64. Пос. Струмок III (Шмаглий 1965); 65. Пос. Ст. Николаевка I (Шмаглий 1965); 66. Пос. Трудовое II (Шмаглий 1965); 67. Пос. Трудовое III (Шмаглий 1965); 68. Пос. Ташлык IV (Гудкова 1973); 69. Пос. Главаны III (Гудкова, Фокеев 1984 а); 70. Пос. Киргиж II (Гудкова 1973); 71. Пос. Киргиж VIII (Гудкова 1973); 72. Пос. Делень IX (Гудкова 1973); 73. Пос. Делень I (Гудкова 1973); 74. Пос. Ново-Ивановка (Гудкова 1973); 75. Пос. Дмитровка (Гудкова 1973); 76. Пос. Валя Пержа-Пруды II (Гудкова 1973); 78. Пос. Валя Пержи-Пруды III (Гудкова 1973); 79. Пос. Ново-Ивановка III (Гудкова 1973); 80. Пос. Задунаевка VII (Гудкова 1973); 81. Пос. Задунаевка V (Гудкова 1973); 82. Пос. Островное II (Гудкова 1973); 83. Пос. Островное I (Гудкова 1973); 84. Пос. Островное VIII (Гудкова 1973); 85. Пос. Старые Траяны II (Кравченко 1971 б); 86. Пос. Остров (Гудкова 1972); 87. Пос. Старые Траяны III (Гудкова 1972); 88. Пос. Фурмановка III (Гудкова 1972); 89. Пос. Приозерное II (гудкова 1972); 90. Пос. Муравлевка (Гудкова 1972); 91. Пос. Кирнички I (Загинайло 1974); 92. Пос. Ениka I (Кравченко 1971 б); 93. Пос. Ениka III (Кравченко 1971 б); 94. Пос. Новая Покровка IV (Загинайло 1974); 95. Пос. Першотравневое VII (Загинайло 1974); 96. Пос. Першотравневое III (Загинайло 1974); 97. Пос. Суворово V (Загинайло 1974); 98. Пос. Новые Траяны I (Суботін 1972); 99. Пос. Ореховка IV (Суботін 1972); 100. Пос. Ореховка I (Суботін 1972); 101. Пос. Бановка I (Суботін 1972); 102. Пос. Ново-Каменка III (Кравченко 1971 б); 103. Пос. Ново-Каменка I (Суботін 1972); 104. Пос. Ново-Каменка IV (Суботін 1972); 105. Пос. Суворово IV (Черняков 1967); 106. Пос. Суворово I (А) (Суботін 1972); 107. Пос. Суворово III (Черняков 1967); 108. Пос. Кальчевая VI (Суботін 1967); 109. Пос. Кальчевая IV (Субботин 1967); 110. Пос. Кальчевая III (Субботин 1967); 111. Пос. Кальчевая IV (Субботин 1967); 112. Пос. Кальчевая I (Субботин 1967); 113. Пос. Васильевка VII (Субботин 1967); 114. Пос. Каменка III (Субботин 1967); 115. Пос. Каменка V (Субботин 1967); 116. Пос. Катлабух II (Загинайло 1974); 117. Пос. Суворово II или Ореховая Балка(Кравченко 1971 б); 118. Пос. Алексарка (Шмаглий, Черняков 1966; Кравченко 1971 б); 119. Пос. Катлабух V (Загинайло 1974); 120. Пос. Утконосовка II (Кравченко 1971 б); 121. Пос. Ивовое I (Загинайло 1974); 122. Пос. Червоноармейское IX (Кубей IX) (Суботін 1968); 123. Пос. Червоноармейское X (Кубей X) (Суботін 1968); 124. Пос. Червоноармейское VI (Кубей VI) (Суботін 1968); 125. Пос. Жовтневое III (Суботін 1968); 126. Пос. Криничное II (Суботін 1968); 127. Пос. Ельчек II (Гудкова, Черняков 1977); 128 . Пос. Ельчик II (Гудкова, Черняков 1977); 129. Пос. Болград (Черняков 1962); 130. Пос. Набережный (Загинайло 1974); 131. Пос. Виноградовка II (Черняков 1962; Черныш, Черняков 1964); 132. Пос. Виноградовка III (Черныш, Черняков 1964); 133. Пос. Владычень III (Черныш, Черняков 1964); 134. Пос. Владычень IV (Черныш, Черняков 1964); 135. Пос. Владычень V (Черныш, Черняков 1964); 136. Пос. Владычень VI (Черныш, Черняков 1964); 137. Пос. Владычень VII (Черныш, Черняков 1964); 138. Пос. Владычень VIII (Черныш, Черняков 1964); 139. Пос. Криничное (Суботін 1968); 140. Пос. Котловина (I) (Черныш, Черняков 1964); 142. Пос. Плавни IV (Черныш, Черняков 1964); 143. Пос. Плавни III (Черныш, Черняков 1964); 144. Пос. Плавни II (Черныш, Черняков 1964); 145/ Пос. Коса (Загинайло 1974); 146. Пос. Озерное III (Шмаглий, Черняков 1965); 147. Пос. Озерное IV (Загинайло 1974); 148. Пос. Долинское II (Субботин 1972); 149. Пос. Долинское I (Субботин 1972); 150. Пос. Кирнан II (Субботин 1972); 151. Пос. Лиманское II (Субботин 1968); 152. Пос. Совхоз Ренийский II (Субботин 1968); 153. Пос. Совхоз Ренийский III (Суботін 1968); 154. Пос. Нагорное VI (материалы ОАМ); 155. Пос. Вулканешты I (Щербакова, Гольцева 1975); 156. Пос. Вулканешты II (Щербакова, Гольцева 1975); 157. Пос. Суворово I (Щербакова, Гольцева 1975); 158. Пос. Суворово II (Щербакова, Гольцева 1975); 159. Пос. Суворово III (Щербакова, Гольцева 1975); 160. Пос. Чишмикиой I (Щербакова, Гольцева 1975; Щербакова, 1982, 1983)161. Пос. Чишмикиой II (Щербакова, Гольцева 1975; Щербакова 1983); 162. Пос. Этулия IV (Щербакова, Гольцева 1975); 163. Пос. Этулия X (Щербакова, Гольцева 1975; Щербакова 1982); 164.Мог. Этулия XII (Щербакова, 1981); 165. Пос. Джурджулешты I (Щербакова, Гольцева 1975); 166. Пос. Джурджулешты II (Щербакова, Гольцева 1975); 167. Пос. Слободзея Маре (Щербакова, Гольцева 1975); 168. Пос. Колибаш (Нудельман 1976);169. Пос. Манта (Щербакова, Гольцева 1975); 170. Пос. Кокоара III (Лапушнян 1969); 171. Пос. Верхние Андруши (НА АН МССР; Книги регистрации); 172. Пос. Чумай (Щербакова, Гольцева 1975); 173. Пос. Кайраклия (Книга регистрации); 174. Пос. Колчак (Книга регистрации); 175. Пос. Самурза (Книга регистрации); 176. Пос. Самурза (Книга регистрации); 177. Пос. Лопацика (Книга регистрации); 178. Пос. Новосаловка (Щербакова 1980 а); 179. Пос. Кирютня (Книга регистрации); 180. Пос. Чалык II (Щербакова 1980 а); 181. Пос. Нижняя Албота (Щербакова 1980 а); 182. Пос. Гайдары (Щербакова 1983 а); 183. Пос. Конгаз I (Щербакова 1980 б); 184. Пос. Конгаз II (Щербакова 1980 б); 185. Пос. Томай (Щербакова 1983 а); 186. Пос. Томай (Щербакова 1983 а); Пос. Кицканы (Книга регистрации); 187. Пос. Токиле-Радуканы (Книга регистрации); 188. Пос. Брэила (Книга регистрации); 189. Пос. Спея (Книга регистрации); 190. Пос. Езерены (Книга регистрации); 191. Пос. Холмское II (Фокеев 1982); 192. Пос. Ташлык (Гудкова и др. 1983).

В настоящей работе использованы материалы раскопок поселений и могильников, исследованных Т. А. Щербаковой (Щербакова 1980 а, 1981, 1982, 1983, 1987, 1991, 1994; Щербакова, Кашуба 1990), которой я приношу глубокую благодарность за предоставленную мне возможность работы с ее материалами. Кроме того, раскопки этулийских памятников вела Измаильская экспедиция ИА АН УССР под руководством автора (Паламарчук 1982; Фокеев 1982, 1987, 1991, 1995, 1997; Гудкова 1987; 1989: 37-40; 1990 а). Такое поселение изучала А. Т. Смиленко (Смиленко, Козловский 1986: 309; Смиленко 1990). Кроме того, на нескольких поселениях нами произведена шурфовка, а на многих собран подъемный материал. В последние годы раскопки этулийского поселения в урочище Кале возле с. Суворово Измаильского р-на Одесской обл. ведет М.М.Фокеев, раскрывший здесь два жилища (1997).

Поселения расположены на берегах степных рек, озер и лиманов: Если берега пологие, то на нижней террасе у воды, на обрывистых берегах — высоко на плато. Площадь большинства из них невелика, менее гектара. Лишь в отдельных она достигает нескольких (до 4-х) гектаров. Иногда селища расположены группами. Поселения не укреплены. В пределах римского времени они, как правило, однослойны. Лишь на отдельных установлено частичное перекрывание их черняховскими памятниками.

Особенность поселений — малое количество жилищ при многочисленности хозяйственных ям. Культурный слой очень беден и локализуется на местах строений или около них. Перекрывания сооружений друг другом не наблюдается. Очевидно, поселения были недолговременными. Следов разгрома или пожара нет. Четкой планировки или членения поселения на жилищно-хозяйственные комплексы не фиксируется (рис. 11). Ямы иногда располагаются на стороне от жилищ скоплениями, иногда вынесены

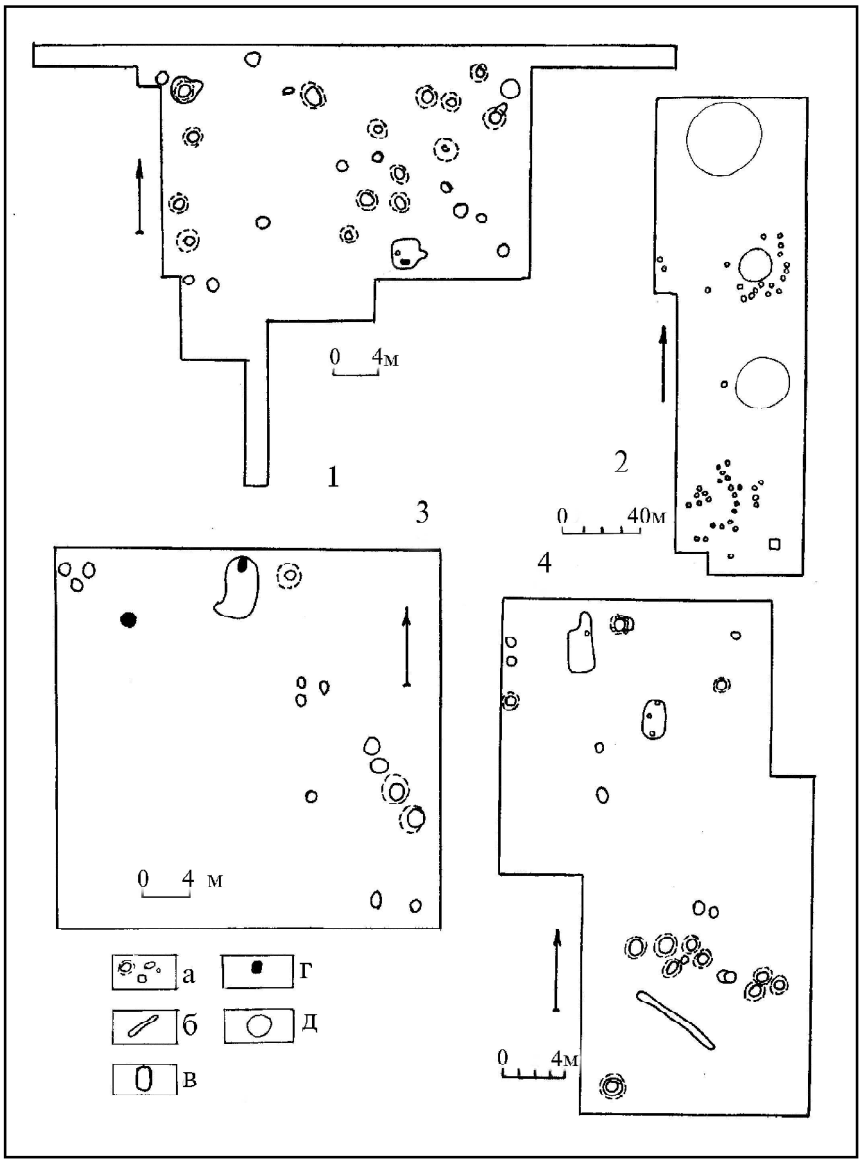

Рис.11. Планы поселений типа Этулия: 1 – Этулия X; 2 – Холмское II; 3 – Чишмикиой I; 4 – Чишмикиой II (1,3.4 – по Т.А.Щербаковой); а – ямы; б – жилище; г – очаг; д – курган.

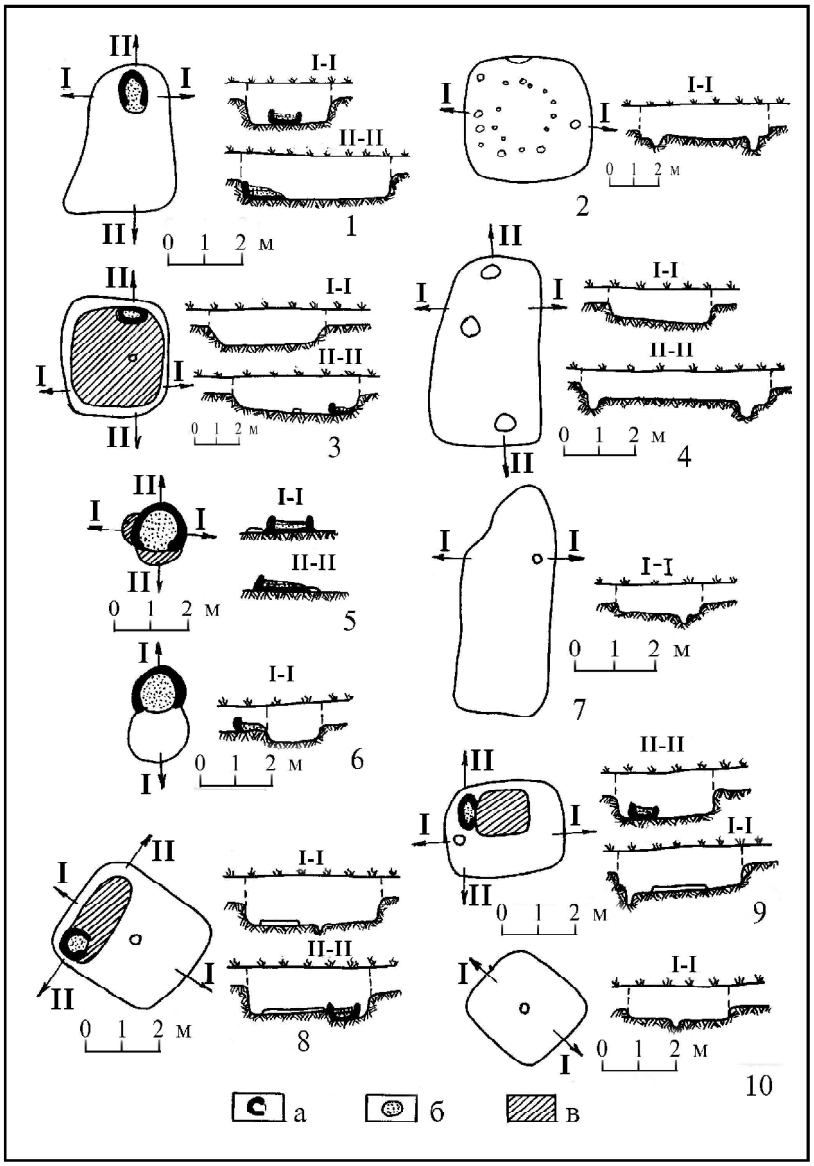

Рис.12. Жилища и открытые очаги на поселениях типа Этулия 1-3 – Чишмикиой I; 4-5 – Чишмикиой II; 6, 8-10 – Конгаз I: а – глиняный бортик очага или стенка печи; б – под очага или печи; в – глинобитный слой.

отдельно на плато. Только на поселении Нагорное VI установлено существование усадьбы с двором и хозяйственными постройками в нем (Смиленко 1990: 86).

Практически все основные характеристики этулийских поселений совпадают с такими же особенностями поселений киевской культуры. Для тех и других характерны: небольшие размеры; недолговременность; бедность культурного слоя; большое количество хозяйственных ям при незначительном числе жилищ (не более 10-15 жилищ на крупных поселениях; на поселении Роище при пяти жилых строениях 5 хозяйственных ям и 230 ям-погребов); расположение ям вне связи с конкретными домами, иногда на обособленной территории (Лавриков Лес, Киреевка, Вишенки) (Третьяков 1974: 53; Горюнов 1981: 14; Терпиловский 1984: 9, рис. 4). Аналогичная структура обнаружена на поселении зубрицкого типа Горка-Полонка (Козак 1992 б: 34, табл. 4; с. 35, рис. 14), где на площади в 2100 кв. м. при 5 жилищах найдено 84 ямы. То же самое наблюдается и на верхнеднестровском черняховском поселении Бовшев II. Здесь на площади 2700 кв. м. на 8 жилищ приходится 47 хозяйственных ям и системы в их расположении не наблюдается (Баран 1981: 21-22).

Жилища (рис. 12, 13). Их известно около 20 (Щербакова 1987; см. так же Смиленко 1990). Все жилища углублены в землю. Глубина котлована колеблется от 0,6 м и лишь в одном случае достигает 1,6 м. Преобладают полуземлянки малой площади от 5 до 10 кв. м., средней площади 24 и 25 кв.м всего две. Больших (46 и 63 кв. м) — тоже две. По форме жилища в основном прямоугольные, но известны также изредка подквадратные и трапециевидные. Их конструкция и устройство чрезвычайно разнообразны. Вход может выдаваться за контуры полуземлнки. Иногда он оформлен в виде тамбура. Устойчивой связи его расположения с определенным направлением не наблюдается. В 11

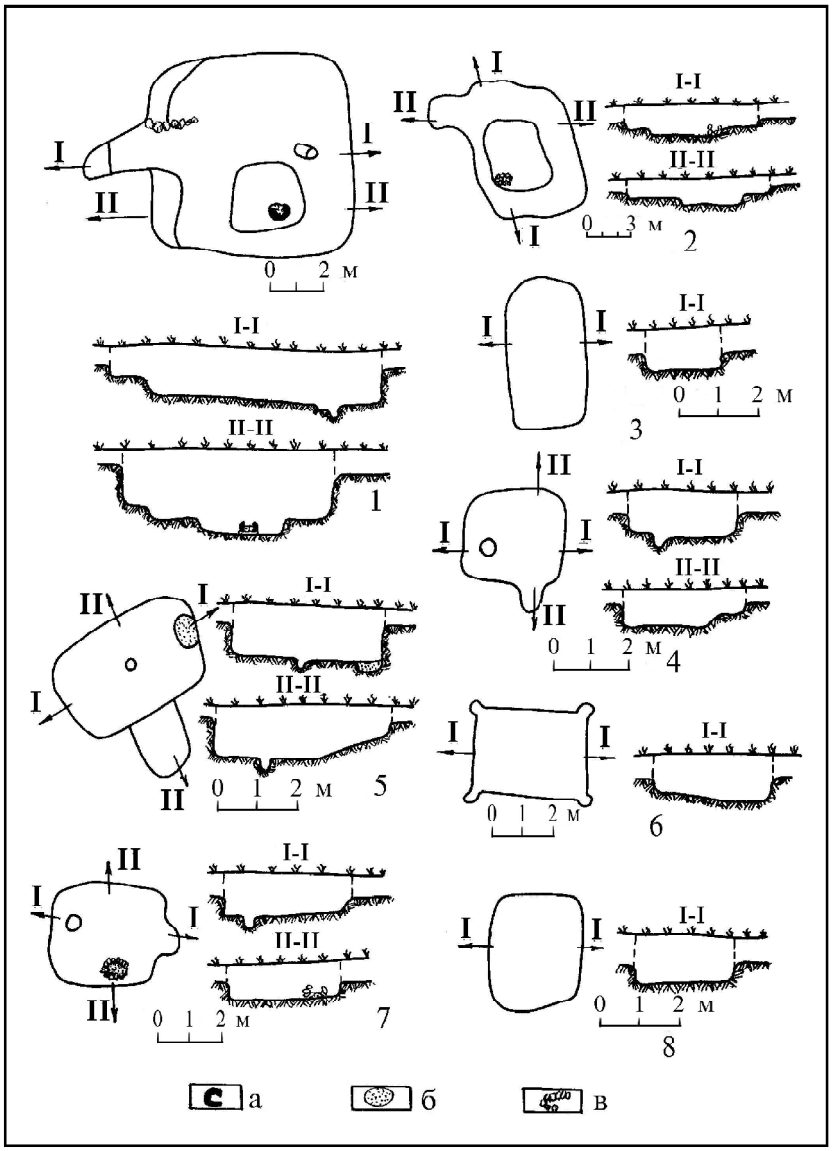

Рис.13. Жилища на поселениях типа Этулия: 1-4 – Новоселовка; 5-6 – Этулия IV; 7 – Этулия X; 8 – Кокоара; а – глиняный бортик очага или стенка печи; б – под очага или печи в – каменная обкладка очага.

жилищах зафиксированы ямки от столбов, расположение которых разнообразно. В четырех случаях столб находился в центре, в двух — у одной из стен. Известно жилище с тремя столбами по осевой линии, другие — с четырьмя по углам. В одном случае шесть ямок расположено по периметру, но лишь две из них достаточно глубокие для того, чтобы нести перекрытие.

Разное расположение несущих опор указывает на то, что применялась различная конструкция кровли, но достаточных сведений для ее надежной реконструкции пока нет. Устройство стен фиксируется редко. Условия степи не позволяют предполагать применения срубов. Это подтверждается также и скругленностью углов, и легкой выгнутостью стенок котлованов полуземлянок. Скорей всего, стены были каркасные или плетневые, обмазанные глиной. Отсутствие глиняной обмазки может объясняться тем, что ни один дом не сгорел и она могла быть полностью размыта. Детали устройства двух жилищ свидетельствуют о том, что у них стенки котлована могли иметь деревянную или плетневую обшивку.

Отопительные устройства присутствовали в половине жилищ. Это очаги и печи, расположенные без определенного правила. Варианты их расположения: возле одной из стен, в углу, справа и слева от входа. Очаги имели форму ямки, ямки в материковом останце, глиняного пола с бортиком из камня. Печи применялись реже. Они известны на четырех поселениях в четырех жилищах (Чишмикиой I, Конгаз, Новоселовка, Нагорное VI). Все печи глинобитные на каркасе, сводчатые, овальные или круглые в плане. В двух жилищах на поселении Конгаз печи сочетаются с глиняными возвышениями высотой 7-8 см. В одном случае такой столик примыкал к печи, в другом — печь была сделана на нем (рис. 12, *8, 9*). В центре жилища N 2 на поселении Чишмикиой I найдена глиняная жаровня. Обломки таких жаровен обнаружены и в других

местах. Известны очаги возле домов, под открытым небом. На поселении Новоселовка два дома имели лежанки (рис. 13, *1, 2*), расположенные по периметру и «полки» у стен по бокам входа. В центральной, углубленной по отношению к лежанкам части жилища находился очаг. Особенностью устройства жилищ является отсутствие в них хозяйственных ям.

Индивидуальные конструктивные особенности домов и отсутствие устойчивого правила организации интерьера указывает на то, что единый тип жилища не сложился. На отдельных поселениях отмечены присущие только им особенности: печи со «столиками» на Конгазе; лежанки и большие размеры жилищ в Новоселовке. Признаком, общим для всех поселений, является лишь полуземляночный характер строений, их подпрямоугольная форма, хорошо снивелированный земляной пол, отсутствие хозяйственных ям внутри и повсеместное, хотя и не обязательное, применение столбовых конструкций.

Кроме жилищ, на поселениях известны и хозяйственные сооружения (рис. 14). По форме и, вероятно, по назначению ямы делятся на две группы. Одни колоколовидные с цилиндрической горловиной, сделаны, как правило, тщательно, имеют гладкие стенки, плоское дно. Иногда возле устья таких ям дерн со стороны подхода срезан и получается ступенька. Часть ям внутри обожжена. Такие ямы обычно считают зернохранилищами. На поселении Чишмикиой II над одной из них имелся навес на четырех столбах (рис. 14, *14*). Ямы другой группы овальные, округлые или не совсем правильной в плане формы. На поселении Нагорное VI найдена яма восьмерковидной формы. В разрезе ямы чаще всего цилиндрические с плоским, вогнутым или коническим дном. Некоторые из них тоже могли служить зернохранилищами, другие погребами и хранилищами разного назначения. Размеры всех ям невелики. Глубина в основном до метра, реже полутора и лишь в единичных случаях 1,6–1,8 м. Диаметр в основном до метра, редко

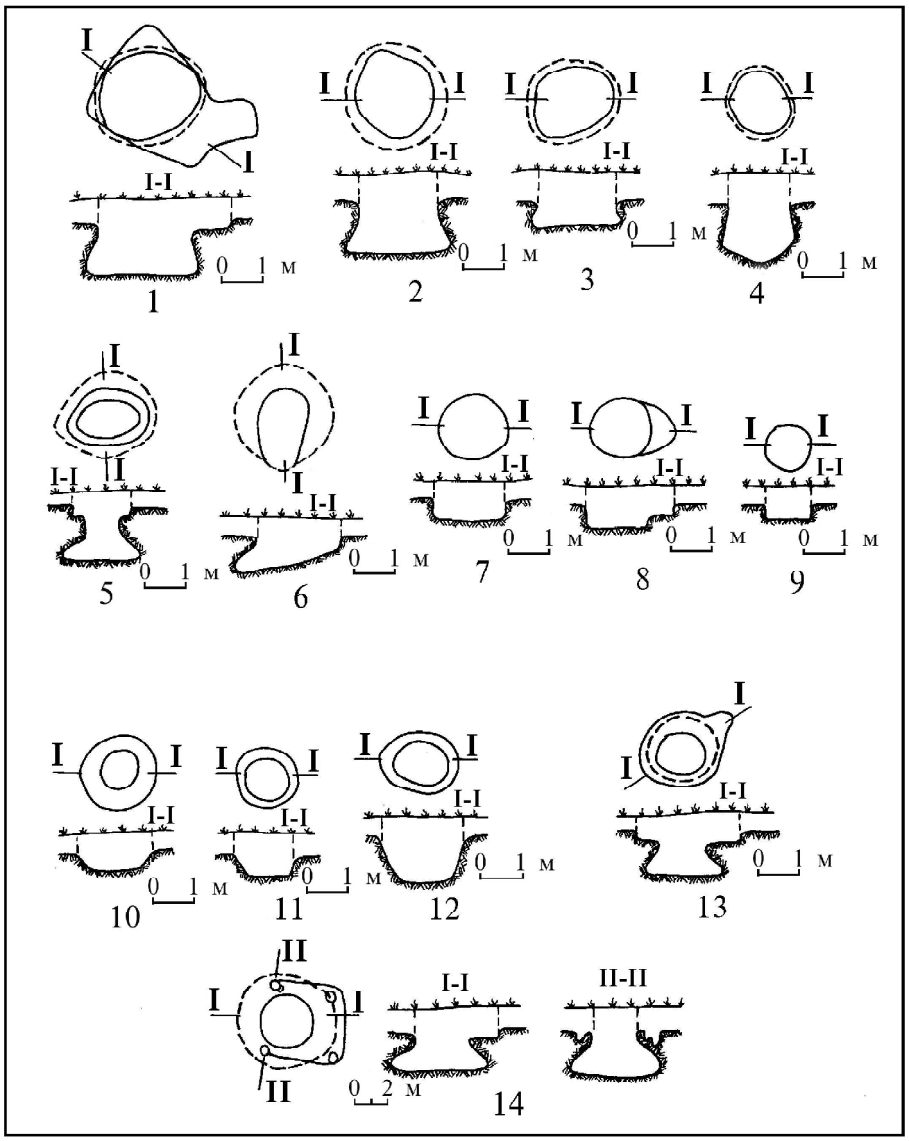

Рис.14. Хозяйственные ямы на поселениях типа Этулия.

1,5-2 м. По мере того, как ямы переставали использоваться по своему прямому назначению, их превращали в места свалки мусора. Невозможно определить, сколько ям функционировало одновременно, но, безусловно, не все. К хозяйственным строениям относится полуземлянка, целиком занятая большой зерновой ямой с остатками зерна в ней.

Итак, важной этнографической особенностью этулийского домостроительства оказывается безраздельное господство углубленных жилищ, почти исключительно полуземлянок. Эта форма жилища в степях аналогий не находит. Полуземлянки не имели широкого распространение у обитателей Причерноморья ни в римское время, ни в предшествующие ему века. Не характерны они и для черняховского населения междуречья Днестра и Прута (Рикман 1975б: 79-85). Это заставляет искать генетические истоки этулийских полуземлянок в лесостепи, где такая форма жилища издавна была широко распространена.

В позднелатенском и раннеримском времени заглубленные и наземные жилища сосуществовали на поселениях зарубинецкой, поянешть-лукашевской и пшеворской культур. Синхронно с этулийскими памятниками такое же явление наблюдается в черняховской и киевской культурах. Однако домостроительство синхронных культур не могло быть истоком для сложения этулийского жилища. Наблюдаемые сходства могут лишь указывать на общие корни. В зарубинецкой культуре подобные жилища применялись в Полесье и по всему Среднему Поднепровью (Кухаренко 1964: 11; Кравченко, Гороховский 1979: 65; Поболь 1983: 389, 396-397). Поскольку на этулийских памятниках устоявшийся тип жилища отсутствует, то их сравнительный анализ приходится вести по отдельным признакам. Четкая прямоугольная форма жилищ со столбовыми конструкциями имеет линию развития на памятниках Верхнего Поднестровья (Козак 1984: рис. 50). Здесь на пшеворских поселениях, а затем и на поселениях зубрицкой культуры (ранее именовалась волыно-подольской группой) они составляют около половины всех жилищ, а в третьей фазе волыно-подольской группы они господствуют (Этнокультурная карта... 1984: 33). Обычай строительства подобных углубленных домов передается позднее черняховскому населению этого района и становится здесь характерным местным признаком (Баран 1981: 61). Раскопаны столбовые прямоугольные полуземлянки, часто со входами, выступающими за пределы котлована. Наиболее близки этулийским полуземлянкам жилища в Демьянове II, Ракобутах, Рипневе, устройство которых восходит к пшеворской традиции (Баран 1981: 156, рис. 14, 19, 24, 27, 28). Ямы полуземлянок обычно четырехугольные со скругленными углами, их глубина 0,35-1,4 м от древней дневной поверхности. Размеры жилищ колеблются от 10 до 24 кв. м. Для изучения генезиса этулийских жилищ в данном случае важен общий пшеворский компонент, а не само по себе существование на черняховских памятниках Верхнего Поднестровья землянок, сходных с этулийскими.

В позднезарубинецкое время на Среднем Днепре полностью сопоставимой с некоторыми этулийскими жилищами оказывается полуземлянка на поселении Грини (Максимов 1982: 134; табл. XXVII, 1). В киевской культуре этого района полуземлянки применяются наряду с наземными жилищами. На Десне же квадратные полуземлянки с центральным столбом представляют единственный устойчивый тип жилища (Максимов 1982: 145; Терпиловский 1984: 9). Им очень близки такие же строения этулийских поселений. Правда, строительные материалы в результате особенностей среды обитания не совпадали полностью. В киевской культуре, очевидно, применялись срубы, чего нельзя ожидать на степных памятниках.

Параллельное применение очагов и печей с преобладанием первых В.Д.Баран считает обычным явлением для Восточной и Центральной Европы в первой половине I тыс. н.э. (Баран 1981: 54). Многочисленные печи отмечены во II-III в. н.э. на поселении Казаровичи (Максимов, Орлов 1974: 18-20). В то же время они совершенно не характерны для жилищ волыно-подольской группы (Козак 1984: 64) и киевской культуры (Горюнов 1981: 23-24; Терпиловский 1984: 12; Терпиловский, Абашина 1992: 31; Терпиловский 1984: 12). У черняховского населения Верхнего Поднестровья глинобитные сводчатые печи, как и на этулийских поселениях, были известны, но применялись нечасто (Баран 1981: 54). Отмечены случаи их размещения на невысоком материковом возвышении. Очаги на этулийских поселениях сближаются с очагами на селищах киевского типа, где они сделаны на уровне пола, иногда в неглубокой ямке, а на поселении Ульяновка у очага был небольшой глиняный бортик (Терпиловский 1984: 9). В волыно-подольских жилищах Верхнего Поднестровья известно устройство очагов в ямке в полу и на материковых останцах (Козак 1984: 57).

Этнографическим элементом интерьера жилища являются «лежанки». Эти устройства обычны в более раннее время в жилищах липицкой культуры (Цигилик 1975: 65). Они также существуют на волыно-подольских поселениях Верхнего Поднестровья (Козак 1984: 9, 49) и обнаружены на пшеворском поселении Пасеки-Зубрецкие (Козак 1992: 12). Известны лежанки и на черняховских поселениях этого района в Бовшеве II, Демьянове, Рипневе II (Баран 1981: 27, 34). Они располагались в домах под одной, двумя и даже тремя стенами. Лежанки встречаются на памятниках черняховской культуры и в других частях ее ареала (Журко 1984: 52), однако не являются обязательным элементом устройства углубленных черняховских жилищ.

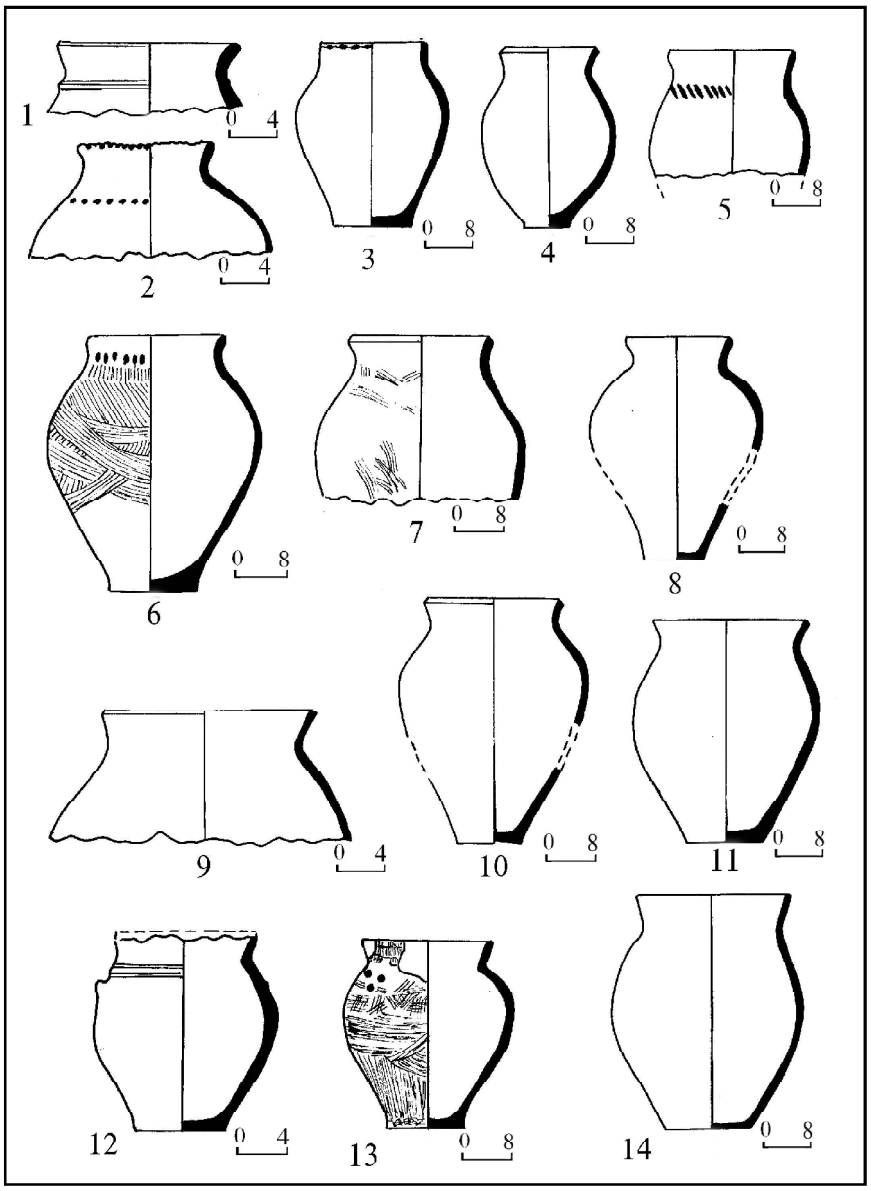

Рис. 15. Лепная керамика типа Этулия: горшки вида I. 1 – пос. Чишмикиой I; 2,8,10 – пос. Холмское II; 3, 5-7 – пос. Томай, 9 – пос. Конгаз I; 11 – пос. Этулия VI; 12 – пос. Этулия X; 13 – пос. Волчья Балка; 14 – пос. Чишмикиой II.

Зарубинецкой и киевской культурам лежанки полностью чужды.

Отсутствие в этулийских жилищах хозяйственных ям сближает их с домами киевского типа, для которых характерно их размещение снаружи (Горюнов 1981: 23).

Резюмируя произведенный сопоставительный анализ этулийских жилищ, надо отметить, что его результат имеет «размытый» характер. Аналогии устанавливаются по различным признакам и охватывают в той или иной мере все культуры римского времени в междуречье Днестра и Днепра. Налицо пестрая картина сочетания элементов разного происхождения. В целом же этулийское жилище связано с домостроительной традицией этой зоны и развивается в одном русле с домостроительством черняховского населения верховьев Днестра и Западного Буга и носителей киевской культуры. Однако, в то время, как в этих культурах вырабатывался устойчивый тип жилища, у этулийского населения этого не происходило. Противоположного взгляда по этому вопросу придерживается М.М. Фокеев. Он предлагает классификацию этулийских жилищ, основанную на учете формы котлована и столбовой конструкции опорной системы кровли (Фокеев 1997: 296). Такое сужение числа анализируемых признаков представляется определенным упрощением. Поэтому мы и не можем полностью согласиться с его выводами, хотя они и представляют значительный интерес.

Лепная керамика составляет основную часть посуды. Она характеризуется довольно бедным набором форм. Абсолютно преобладают корчаги и горшки. Значительно менее распространены миски. Классификация горшков построена на основе особенностей формы верхней части сосуда. Выделено четыре вида.

Вид I (рис. 15) – округлобокие сосуды с вы-

раженным плечом и высокой шейкой. Преобладают крупные большие тарные корчаги или зерновики. Они обнаружены в большом количестве на всех памятниках. Их размеры: высота от 22 до 43,2 см, высота шейки в среднем 4 см. Диаметр устья от 16 до 24 см. Диаметр дна близок половине диаметра устья или менее его и колеблется от 8 до 15 см. Придонная часть коническая или вогнутая внутрь. Дно иногда выделено. По форме шейки определены два варианта. Вариант «а»: шейка раструбовидная, в плечо переходит резким, часто угловатым перегибом (рис. 15, *2*, *8*, *10*, *11-14*). Он обычно резок внутри. Вариант «б»: такая же воронковидная высокая шейка имеет плавно изогнутую S-видную форму и мягко переходит в плечо (рис. 15, *1*, *3*, 7, 9). Отделка поверхности сосудов – грубая обтирка, часто расчесы (рис. 15, *6*, 7, *13*) и штрихи. Оба приема могут сочетаться. Изредка применявшийся орнамент представляет собой насечки или вдавления по краю венчика или на плечах. Венчик дополнительной профилировки не имеет. Обычно его край плоско срезан по горизонтали или с наклоном наружу, реже – скруглен.

Сосуды вида I находят себе многочисленные аналогии, территориально распределяющиеся по двум зонам: первая – степное Причерноморье от Дона до Днестра, вторая – лесостепь правобережой Украины (рис. 16). В Причерноморье чрезвычайно близкой оказывается массовая лепная позднескифская керамика первой четверти I тыс. до н.э. (подробно о ней см. гл. I настоящей работы). В ней ярко проявляются формы, восходящие ко времени и прототипам Каменских Кучугур и синхронных им памятников. Для позднескифских городищ Нижнего Днепра (Знаменка, Гавриловка, Золотая Балка) эта керамика подробно проанализирована Н.М.Погребовой (Погребова 1958: 132-136; 204-207) и Вязьмитиной (Вязьмитина 1962: 122-134). Она известна по раскопкам на памятниках ольвийской периферии: Козырское городище (Бураков 1976: 79-80; 84-89), Петуховка (Синицын 1959 б: 29-33, табл. III, IV); на Днестровском лимане – в Мологе, Веселом и в Никонии (Гудкова 1982: 94-96; Гудкова, Бруяко 1999: рис. 1, *3*). Крайний восточный пункт обнаружения подобных сосудов – Танаис, где они происходят из помещений III в. (Арсеньева 1969: 179, тип XXVIII, табл. 11, 5; 180, тип XXX, табл. 11, 11). Спорадически, как заимствование, такие горшки встречаются в сарматских захоронениях (Гудкова, Фокеев 1984: 38). У сравниваемых групп керамики совпадает до мелких деталей не только форма, но и все остальные характеристики, вплоть до употребления этих горшков с коническими крышками.

Параллельно весомые материалы для сравнения дают памятники лесостепи правобережной Украины. На поселениях липицкой культуры известны верхние части горшков с воронковидной горловиной, мягко переходящей в плечи. Они могут быть сопоставлены с этулийскими горшками варианта «б». Полных форм практически не известно. На многих из этих сосудов по венчику имеются косые насечки. Этот тип сосудов представлен в Ремезовцах и Майдане Гологирском. Его происхождение связывают с зарубинецкой культурой (Цигилик 1975: 96-97; рис. 30, 31).

На памятниках пшеворской культуры в Верхнем Поднестровье и волыно-подольской группы, относящихся к первой – началу второй четверти I тыс. н.э. Д.Н.Козак выделил III и VI группы сосудов, весьма близкие этулийским (Козак 1984: 19, 20; рис. 19, 10, 15). Горшки III группы найдены в Верхнем Поднестровье на поселениях Подберезцы, Пасеки Зубрецкие, в большом количестве в Зубре, на Волыни – в Хорове и Подрожье (Козак 1984: рис. 8, *3*; 27, *1-4*). Сосуды VI группы происходят тоже из Подберезцев и Звенигорода (Козак 1984: рис. 29, *4*; 30, *5*). Керамика этого типа редка на пшеворских памятниках Польши, а на поселениях верховьев Днестра и Западного Буга составляет до 30 % (Этнокультурная карта 1985: 33).

Д.Н.Козак считает ее заимствованием из зарубинецкой культуры (1992: 51, тип 9) и находит ей аналогии в материалах Пилипенковой Горы, Харьевки, Басовки, Корчеватовского могильника. Для этих аналогий характерен ямочный орнамент по венчику.

Традиция изготовления подобной посуды в Верхнем Поднестровье сохраняется и в последующие века на памятниках черняховской культуры. В.Д.Баран выделил соответствующие горшки в III тип (Баран 1981: 80, табл. 7, *2-7*; табл. 8, *1*, *3*, *4*, *7*, *8*), который встречается на всех памятниках Верхнего Поднестровья и Западного Побужья, но в ограниченном количестве. В частности такая посуда выявлена на поселениях в Рипневе II, Бовшеве II, Неслухове, Черепине и Демьянове (Баран 1981: табл. 43, *5*, *6*; 58, *1*, *5*, *18 20*; 63, *9*, *10*; 67, *12*). Известны сосуды с нарезами по краю венчика и вдавлениями на плечах. В.Д.Баран полагает, что горшки этого типа сопоставимы с материалами зарубинецкой культуры. Эта керамика характерна для широкого круга черняховских памятников междуречья Западного Буга, Днестра и Днепра, но не представлена в типологической схеме Э.А.Рикмана по материалам междуречья Днестра и Дуная (Баран 1981: 80-81).

На фоне этих сопоставлений, в которых везде присутствует зарубинецкий исток, неминуемо обращение к материалам зарубинецкой культуры. В силу того, что одним из ее субстратов в Среднем Поднепровье было земледельческо-скотоводческое скифское (сколотское) население лесостепи (Максимов 1972: 117, 128), зарубинецкая керамика пропитана многочисленными скифскими реминисценциями. Особый же интерес для нашей темы представляют

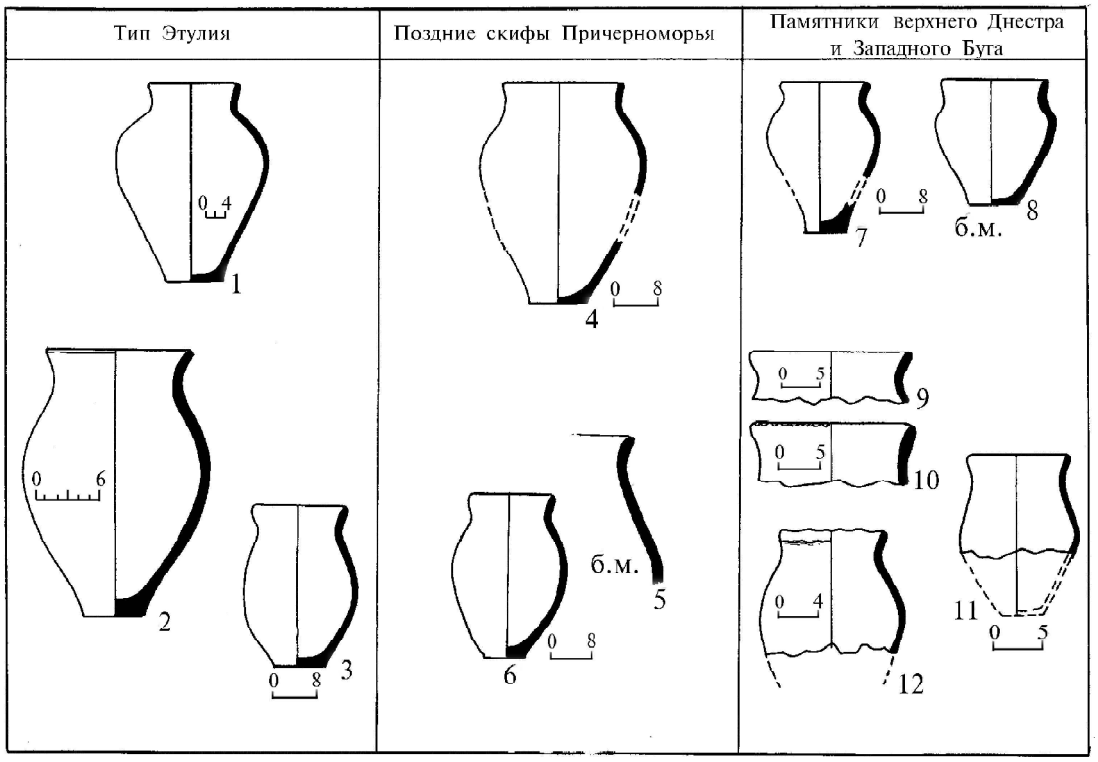

Рис. 16/1. Сопоставительная таблица горшков вида I:
1-3 – памятники типа Этулия; 4,6 – Роксоланы; 5 – Золотая Балка (б.м.); 7 – Субботов; 8 – Марьяновка (б.м.); 9,10 – Ремезевцы; 11 – Пасеки Зубрецкие; 12 – Бовшев II.

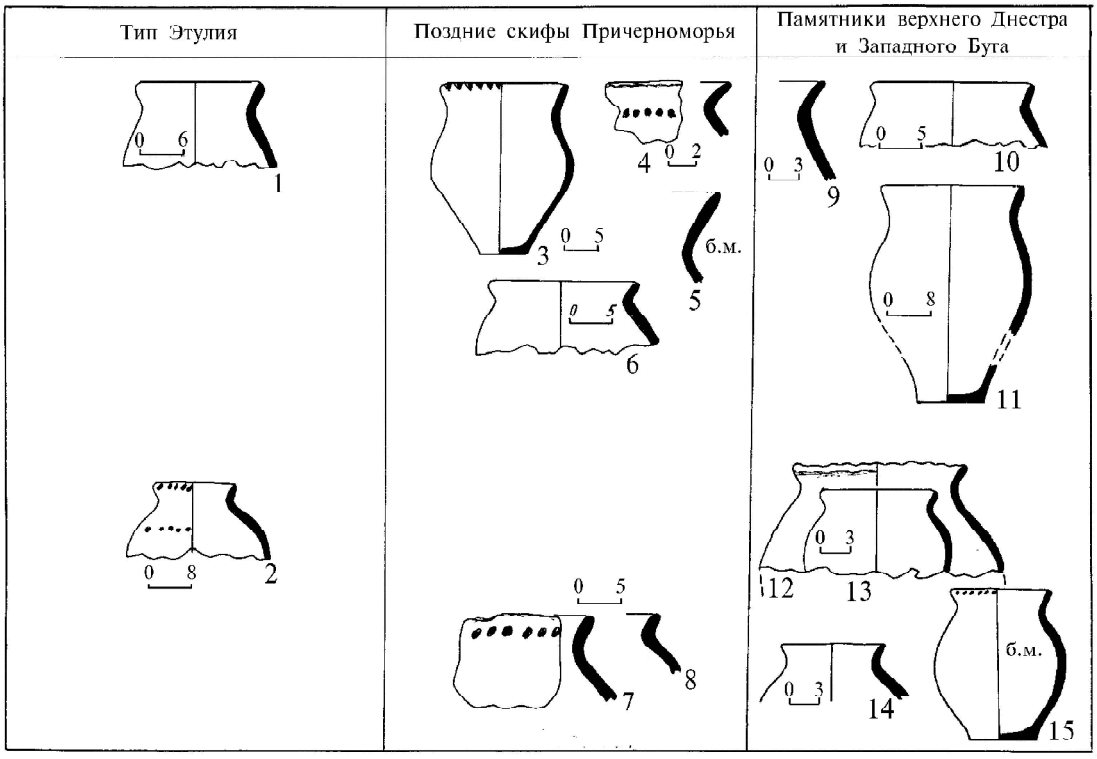

Рис.16/2. Сопоставительная таблица горшков вида I: (продолжение): 1-2 – памятники типа Этулия; 3 – Золотая Балка; 4-8 – Гавриловка; 5 – Золотая Балка; 6 – Мыс; 7 – Знаменка; 9 – Козаровичи; 10 – Рипнев II; 11 – Субботов; 12 – Бовшев II; 13 – Подберезцы; 14 – Звенигород; 15 – Марьяновка (б.м.).

ее позднейшие памятники середины I – середины II вв., для которых чрезвычайно характерны сосуды рассматриваемого типа (Козак, Терпиловкий 1986: 35).

Очень близки горшки и корчаги с позднезарубинецких поселений Лютеж (Бидзиля, Пачкова 1969: рис. 8, 1, 6, 7, 17), Субботов (Максимов 1960: рис. 1, 1, 5; 2, 1-6), Девич Гора, употреблявшиеся, видимо, с коническими крышками. Они орнаментированы по краю венчика пальцевыми ямками и насечками. Сосуды с полным профилем имеют такие же пропорции и детали формы, как и этулийские: малое дно, придонная часть корпуса прогнута внутрь. На многих позднезарубинецких поселениях (Бабина Гора, Таценки, Грини и др.) встречаются обломки венчиков, полностью совпадающие с этулийскими. С ними очень сходны горшки из позднезарубинецких поселений на Южном Буге Марьяновка и Носовцы (Максимов 1982: 17; табл. V, *18, 21*; Хавлюк 1975: рис. 3, *1*, *2*, *4*).

Итак, проведенный анализ показывает, что выделенная группа этулийских горшков и корчаг генетически восходит к скифской керамической традиции. С формально-типологической точки зрения возможными оказываются два канала ее передачи населению, оставившему этулийские памятники: с востока, по степям и из лесостепи с территории Нижнего Поднестровья и среднего течения Южного Буга. Оценка этих двух возможностей дается ниже.

Вид 2 (рис. 17, *1-5*) – горшки вытянутых пропорций с высокой цилиндрической горловиной и покатым плечом. Иногда переход от шейки к плечу оформлен уступом с защипами (рис. 17, *5*). Венчик не профилирован, его край уплощен горизонтально или косо наружу. Дно выделено. Диаметр венчика 9-16 см. Высота целого экземпляра 22 см. Орнамент применялся редко и имеет вид вдавлений по венчику и на плече (рис.

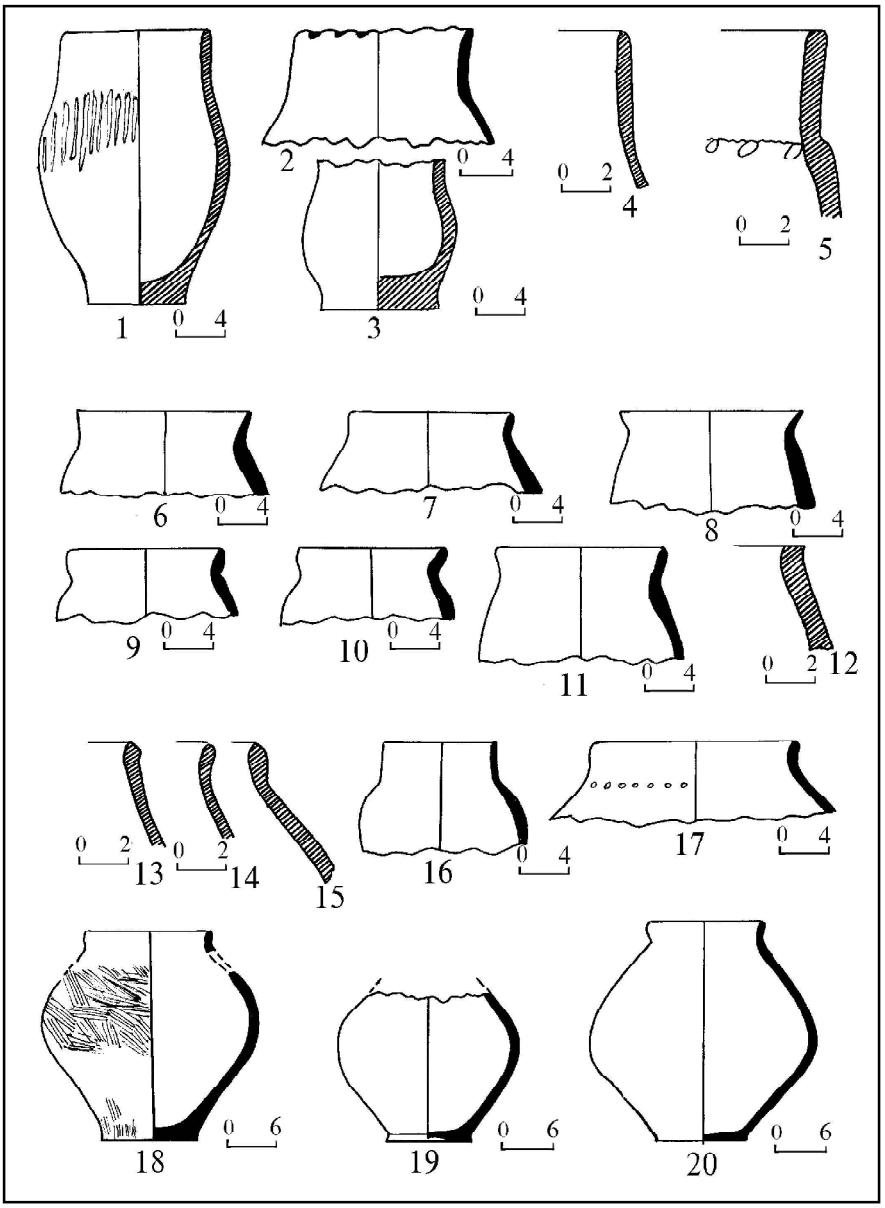

Рис.17. Лепная керамика типа Этулия: горшки вида 2 (1-3), вида 3 (6-12) и вида 4 (13-20); 1,3-5,13 – пос. Чишмикиой I; 2, 14, 15, 17, 20 – пос. Чишмикиой II; 6,9-11 – пос. Кокоара II; 12, 18, 19 – пос. Томай.

17, 2, 5). Тулово иногда покрыто штрихами (рис. 17, 1). Эта форма не принадлежит к числу широко распространенных, но известна на некоторых памятниках.

Сосуды этого облика были распространены на памятниках лесостепи в последние века до нашей эры (рис. 18). Экземпляры с довольно высокой цилиндрической шейкой и покатыми плечами. Ю.В.Кухаренко и Е.В.Максимов считают характерными для полесской группы зарубинецкой культуры (Кухаренко 1964: 20, тип 4А, с. 25; Максимов 1972: 126). Известны они и в Верхнем Поднестровье в Чаплинском могильнике (Кухаренко 1959 б: табл. VI, 14), в Почепе на Десне (Максимов 1982: табл. V, 14). На позднезарубинецких памятниках они распространяются в Среднем Поднепровье: это Дедов Шпиль (Максимов 1982: табл. 21, 3), Лютеж (Бидзиля, Пачкова 1969: рис. 8, *18*; 9, *5-7*). Для более позднего времени аналогичный сосуд известен на киевском поселении Обухов III в материалах III-IV вв. (Абашина, Гороховский 1975: 68; рис. 5, *17*).Сходная форма обнаружена и на Южном Буге на поселении Марьяновка (Хавлюк 1975: рис. 3, *5,6)*.В целом в зарубинецкой культуре сосуды этого облика не массовы и встречаются как единичные находки на большой территории. Е.В.Максимов видит в них результат поздних поморско-лужицких влияний (Максимов 1972: 126).

Сосуды подобных форм имеют свою историю существования и на Верхнем Днестре. На поселении Круглик найден обломок верхней части горшка с высокой цилиндрической шейкой, покатым плечом и уступом на переходе шейки в плечо (Пачкова 1978: 61; рис. 1, *3*). Несколько поздней сосуд из Звенигорода, который, как и горшок из Чишмикиой II (рис. 41, *5),* имеет на уступе при переходе шейки в плечо насечки (Козак 1983: рис 3, *17*). Аналогичный сосуд найден в Подберезцах (Козак 1978: рис. 6,*8*). Возможно, эта форма имеет истоки и в пшеворской культуре (Godłowski 1977: tabl. 16, *13*). В Верхнем Поднестровье ее развитие продолжается и в черняховское время. В Ракобутах найдены обломки горшков, аналогичные сосуду из Круглика (Баран 1981: табл. 71,*4,5*).

Материалы киевской культуры Подесенья дают более отдаленное сходство, лишь в целом по силуэту. Это сосуды с низкой цилиндрической шейкой и почти не выраженными плечами, иногда со слабой биконичностью тулова (Терпиловский 1984: табл. 1, *17*; 2, *11*; 8, *25*; 9, *23*; 11, *20*). Они всего ближе сосуду из Чишмикиой I (рис. !5, *1*).

Вид 3 (рис. 17, *6-12*) – сосуды с очень низкой слабо намеченной шейкой, слегка расширенной кверху, и покатым слабо выраженным плечом. Их размеры невелики: диаметр устья колеблется от 12 до 14 см. Венчик представляет собой простое продолжение стенки. Его характерная особенность – утоньшение к краю. У отдельных экземпляров этого не наблюдается и венчик плоско срезан по горизонтали (рис. 17, *12*). Сосуды этой формы находят себе аналогии на памятниках того же круга, что и вид 2 (рис. 19; 20, *1*). Они хорошо сопоставляются с мате-

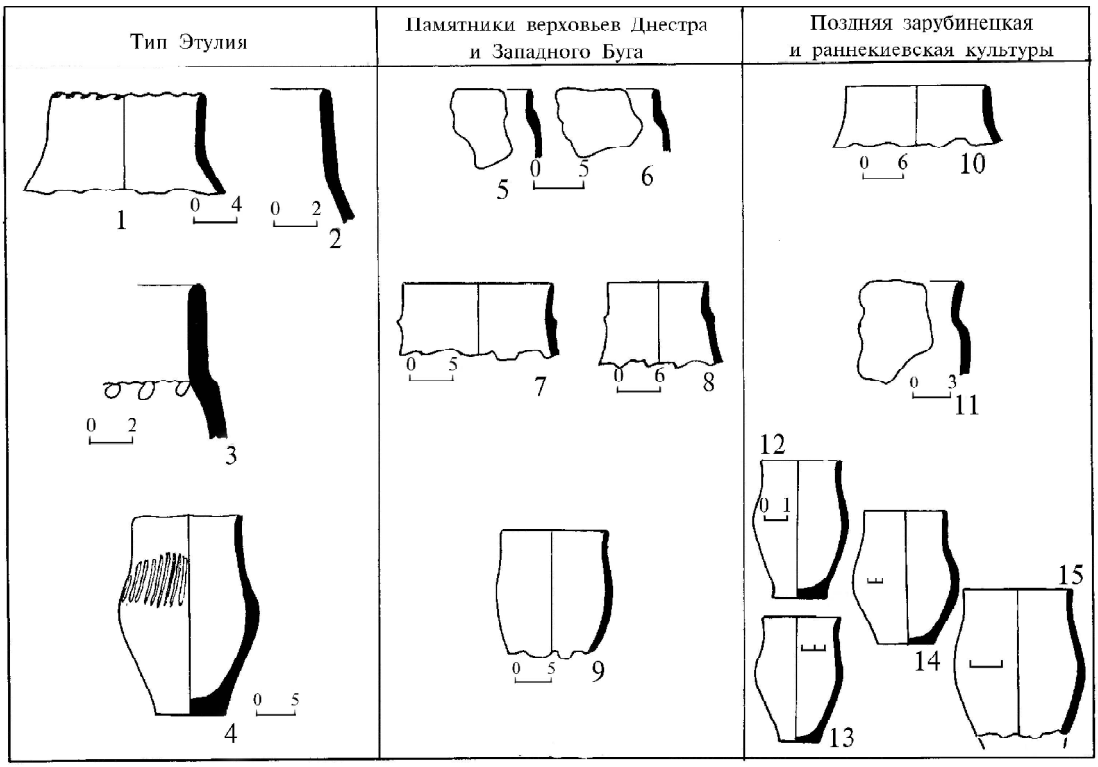

Рис.18. Сопоставительная таблица горшков вида 2: 1-4 – памятники типа Этулия; 5,6 – Рокобуты; 7 – Подберезцы; 8 – Звенигород; 9 – Хоров; 10,11 – Бабина Гора; 12 – Обухов III; 13 – Почеп; 14 – Дедов Шпиль; 15 – Казаровичи.

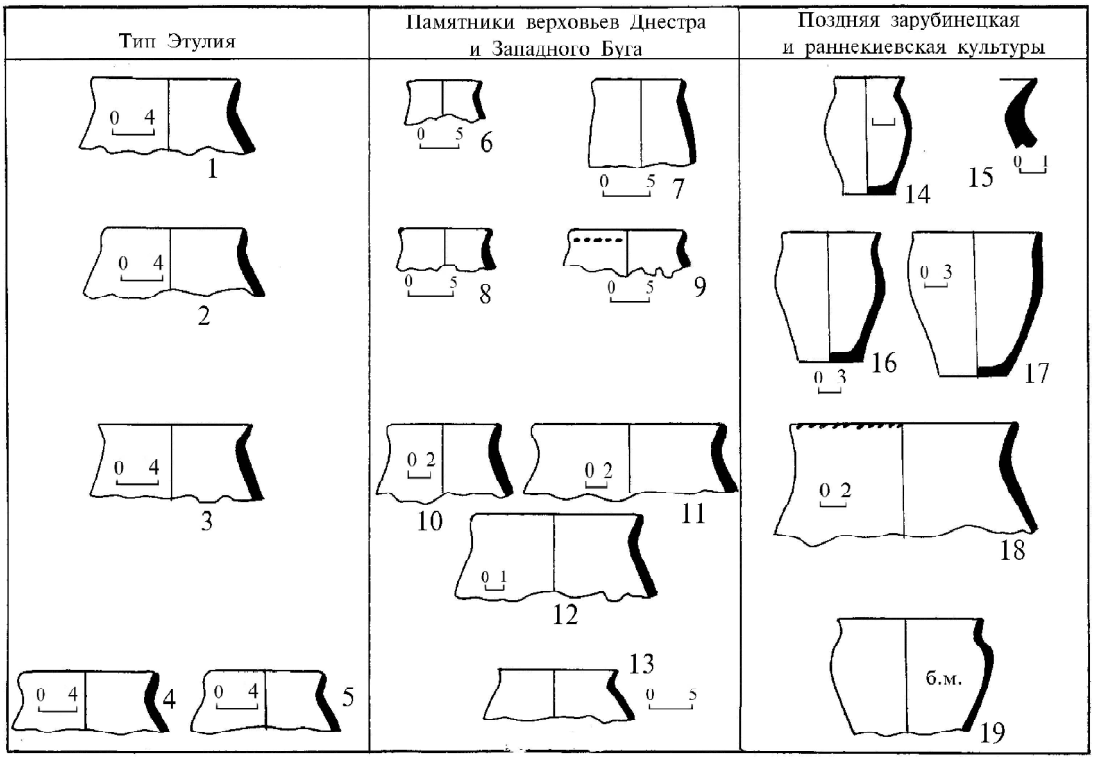

Рис.19. Сопоставительная таблица горшков вида 3: 1-5 – памятники типа Этулия; 6-9 – Ремезовцы; 7-8 – Демьянов II; 10-12 – Подберезцы; 13 – Рипнев II; 14,19 – Обухов (б.м.); 15,18 – Грини; 16-17 – Казаровичи.

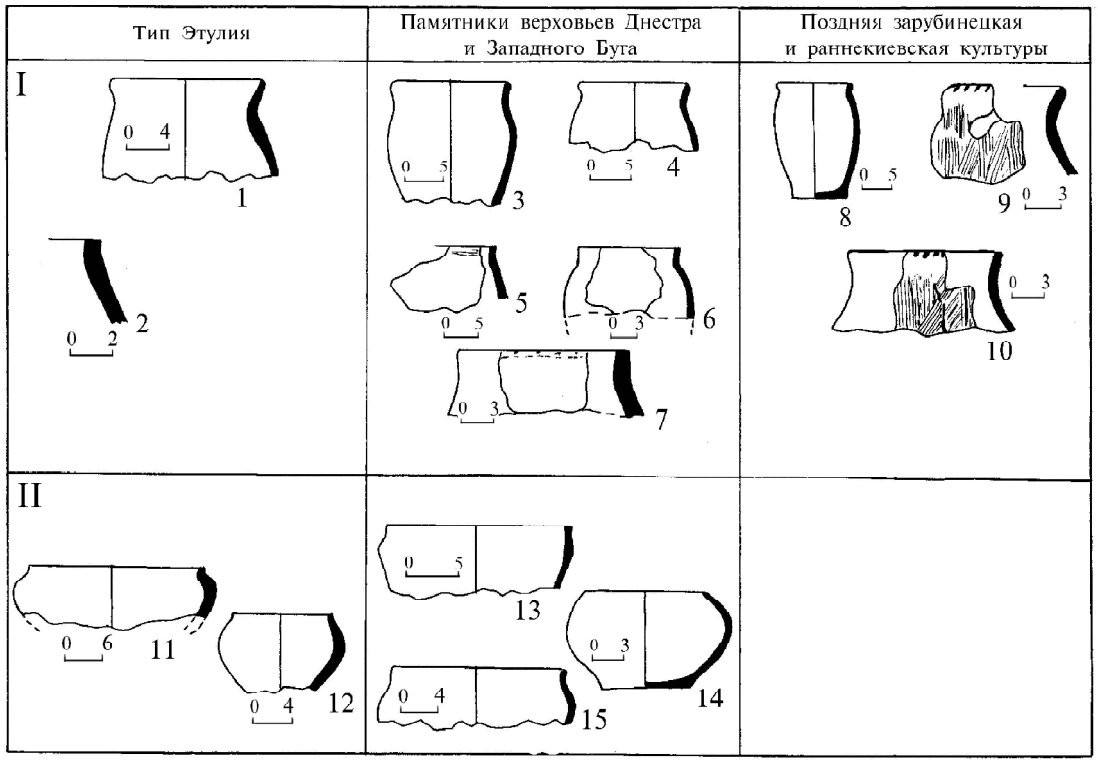

Рис.20. Сопоставительная таблица горшков вида 3 (1) и мисок вида 2, вариант «г» (II): 1,2,11,12 – памятники типа Этулия; 3 – Хоров; 4,5 – Рипнев II; 6 – Зеленый Гай; 7 – Звенигород; 8 – Оболонь; 9 – Казаровичи; 10 – Грини; 13 – Зубра; 14-15 – Подберезцы.

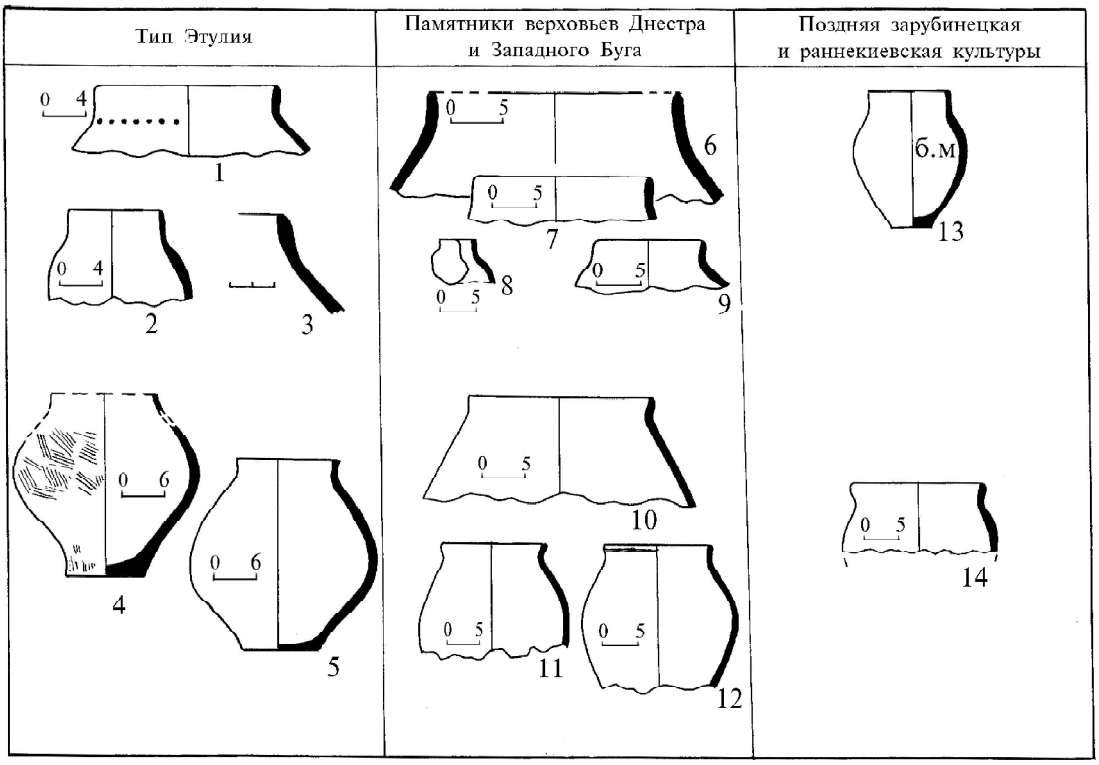

Рис.21. Сопоставительная таблица горшков вида 4: 1-5 – памятники типа Этулия; 6 – Черепин; 7,9,10 – Демьянов II; 8,11 – Бовшев II; 12 – Рипнев; 13 – Марьяновка (б.м.); 14 – Лютеж.

риалами, выделенными В.Д.Бараном в качестве пражской подосновы (Баран 1978; 1981: 171). В зарубинецкой культуре близкие формы представлены на Верхнем Поднепровье в Чаплинском могильнике (Поболь 1973: рис. 32,*11*; 52, *11*), где у отдельных сосудов наблюдается характерное утоньшение края венчика (Кухаренко 1959 б: табл. IV, *6*; VI, *13*). Широкое распространение подобные формы имеют на памятниках Полесья. Материалы из могильников Велемичи I и II уже подвергались с этой точки зрения специальному анализу (Баран 1981: 171; табл. 88) и сосуды, выделенные В.Д.Бараном по профилировке верхней части, близки рассматриваемым этулийским. В Среднем Поднепровье керамика этого облика появляется на позднезарубинецких и раннекиевских памятниках. Обломки горшков этого типа известны в Казаровичах (Максимов, Орлов 1974: рис. 3*7*; 4, *1, 4, 10*), Девич-Горе (Довженок, Линка 1959: табл. 6, *13),* Обухове III (Кравченко, Гороховский 1979: рис. 3, *30, 35, 41*).

На памятниках Верхнего Поднестровья горшки этого вида найдены в Подберезцах (Козак 1984: рис. 24, *3, 8. 14;* 25, *5*), на Волыни – в Хорове (Козак 1983: рис. 7, *1, 2*), Боратине (Козак 1992: рис. 17, *3*, 6; 26, *5*), в Ремезевцах (Цигилик 1975: рис. 22, *9. 13, 14).* В пшеворской культуре на территории Польши в римское время подобные сосуды встречаются редко.

В последующее время анализируемая форма представлена на черняховских поселениях Верхнего Днестра в Бовшеве II, Черепине, Ракобутах, Демьянове, Рипневе (Баран 1978: 32; рис. 6, *23-31*; Баран 1981: табл. 52, *2, 4, 8;* 62, *6;* 67, *11;* Баран 1971: рис. 3, *2, 7*).

Вид 4 (рис. 17, *13-20)* горшки с сильно расширенным туловом, резко сужающимся к четко выделенному дну. Шейка низкая. Эти сосуды изготовлены как из грубой формовочной массы с крупнозернистыми примесями, так и из однородной с хорошо и мелко истолченными добавками (рис. 17, *20*). Вид 4 имеет тот же круг аналогий, что и виды 2 и 3 – латеноидные сосуды последних веков до нашей эры: зарубинецкая, поянешть-лукашевская, пшеворская (рис. 21). В этих культурах такие сосуды, как правило, хорошей выделки и покрыты лощением. Вариант «а»: сосуды с низкой горловиной, слабо отогнутой наружу. Край венчика без профилировки, округлый (рис. 17, *17-20).* В зарубинецкой культуре такие сосуды представлены в материалах Припятского Полесья, где, по классификации К.В.Каспаровой, они входят в шестой тип (Каспарова 1972: 77). Е.В.Максимов по материалам Среднего Поднепровья тоже выделил такие горшки в отдельный тип (Максимов 1982: табл. II, *11;* с. 13, табл.1). Довольно обычна подобная форма сосудов на поянешть-лукашевских памятниках. Округлые горшки с низкой отогнутой шейкой найдены в лукашевском могильнике и в погребении в Гринчуке (Пачкова, Романовская 1983: рис. 6, *12*). В материалах Верхнего Поднестровья в липицкой культуре эта форма представлена сосудом небольшого размера (Цигилик 1975: рис. 24, *2*). Верхняя часть сходного

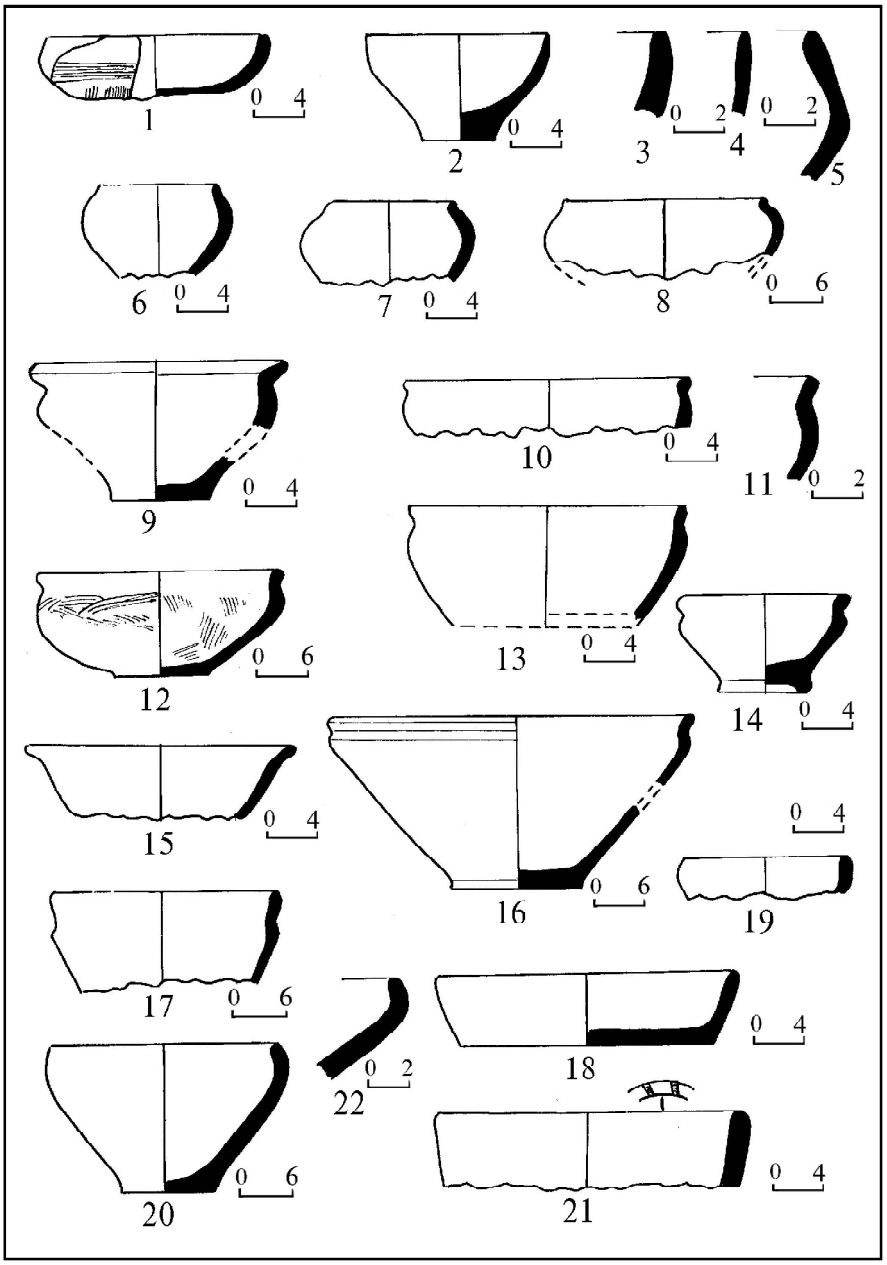

Рис.22. Лепная керамика типа Этулия. Миски вида 1 (1-5, 18-22) и вида 2 (6-17); 1-4, 10 – пос. Волчья Балка; 5-8, 22 – пос. Кокоара III; 9 – пос. Этулия X; 11, 13, 16 – пос. Чишмикиой I; 12, 17 – пос. Чишмикиой II; 14, 19, 20 – пос. Томай; 18, 21 – пос. Новоселовка.

сосуда найдена в Подберезцах (Козак 1978: рис. 6, *6*). Возможно, бытование этой формы продолжается здесь и в последующее время на черняховских памятниках (Баран 1981: табл. 50, *6*; 65, *17*). На зубрицких поселениях Волыни сходная форма, но с широким устьем входит в состав типичных форм (Козак 1991: рис. 25, *2*). Близкие формы, но обычно с более широким устьем известны в Подрожье (Козак 1992: рис. 28, *5*, *9;* 30, *12*). На позднезарубинецких памятниках подобные горшки найдены на Оболони, в могильнике Хотяновка (Максимов 1982: табл. XVII, *10).* Вариант «б» с резкой цилиндрической горловиной (рис. 17, *14, 51*). В этулийской коллекции полная форма сосудов с таким венчиком пока не известна. Венчики этого типа широко представлены у разных вариантов сосудов с расширенным туловом в пшеворской (Godłowski 1977: tabl. XXVIII, *1, 3*; XVII, *3*), поянешть-лукашевской (Пачкова, Романовская 1983: рис. 4, *3;* Пачкова 1978, рис. 1, *6*), зарубинецкой культурах (Максимов 1982: табл. II, *3, 4, 7, 10;* Поболь 1974: рис. 9,*9;* 19, *3;* 22, *16*). Такие венчики имеются и в позднезарубинецких материалах, например, в Казаровичах (Максимов, Орлов 1974: рис. 4, *6*), и раннекиевских (Кравченко, Абашина, Гороховский 1975: рис. 3, *1*). На Верхнем Днестре такая форма венчиков иногда встречается и на черняховских поселениях: Черепин, Демьянов (Баран 1981: табл. 39, *6;* 52, *5, 11*). Вариант «в»: шейка сосуда прямая, наклонена внутрь (рис. 15, *16*). Целые формы на памятниках типа Этулия пока не обнаружены. Сосуды с такими горловинами характерны для латенских комплексов. В зарубинецкой культуре сосуды с подобным абрисом верхней части известны в Поле-

сье на могильниках Велемичи и Отвержичи. Истоки этой формы восходят к поморской и подклешевой культурам, как это показано К.В.Каспаровой (Каспарова 1976: рис. 15). Эта форма имела некоторое распространение и в пшеворской культуре. Известна она и в поянешть-лукашевской культуре (Пачкова, Романовская 1983: рис. 6.*8*). На поселениях волыно-подольской группы подобных сосудов не обнаружено, но на поселении Бовшев II известен обломок верхней части сосуда с такой шейкой (Баран, 1981, табл. 58, 6*)*.

Сосуды с ручками (рис. 25, *2, 5*) немногочисленны. Их форма реконструируется лишь частично. Они вполне сопоставимы с зарубинецкими кружками.

Миски – найдены на всех поселениях, но широкого распространения они не имели. Их изготовляли из формовочной массы с хорошо измельченными примесями. Небольшая часть мисок подлощена снаружи и внутри. Орнаментация крайне редка. По форме верхней части сосуда выделены два вида.

Вид I – миски без шейки. Полный профиль известен только для двух вариантов. Вариант «а» (рис. 22, *2, 20, 22*). Форма в целом может быть определена как усеченно-коническая. У целых форм в нижней части корпус вогнут. Максимальный диаметр совпадает с диаметром устья (рис. 22, *2*) или размещен несколько ниже (рис. 22, *20)*. Диаметр дна составляет не более половины диаметра венчика. Форма представлена на многих памятниках. Размеры целых экземпляров: высота 7,8 и 17,2 см, диаметр устья – 12,7 и 26 см, диаметр дна – 4,3 и 11 см. Отдельные экземпляры украшены по краю венчика отпечатками зубчатого штампа, нанесенными тычком (рис. 22)

Миски такой формы были широко распространены в зарубинецкой и пшеворской культурах (рис. 23, *1-9)*. В первой Е.В.Максимов выделил их во второй вариант первого типа. Их характеризует венчик, слабо загнутый внутрь или почти вертикальный, значительная по сравнению с диаметром венчика высота. Такие единичные миски известны в более раннее время в Припятском Полесье на могильнике Велемичи II (Каспарова 1972: рис. 15, *16*). С рубежа нашей эры они появляются по всей зарубинецкой территории (Максимов 1982: 16; табл. II, *13*). Модификация этой формы, характеризующаяся небольшой высотой и большим диаметром устья, известна в позднейший период на могильнике Рахны, на памятниках Северского Донца (Обломский, Терпиловский 1991: рис. 17, *1-4*) и в изощренном варианте на поселении Лютеж (Максимов 1982: табл. XVI. *8*; XXУ. *1*). Почти такая же миска известна и на зубрицком поселении Боратин (Козак 1991: рис. 24, *5*). Сосуд этого типа найден и в Загаи II (Козак 1991: рис. 20, *5*). Д.Н.Козак считает такие миски характерными для зубрицких памятников Западной Волыни (1991: рис. 37, *15).* На липицких памятниках сосуды этого типа известны в Ремезевцах (Цигилик 1975: рис. 43). Вариант «б» (рис. 46, *5, 22).* Венчик представляет собой непрофилиро-

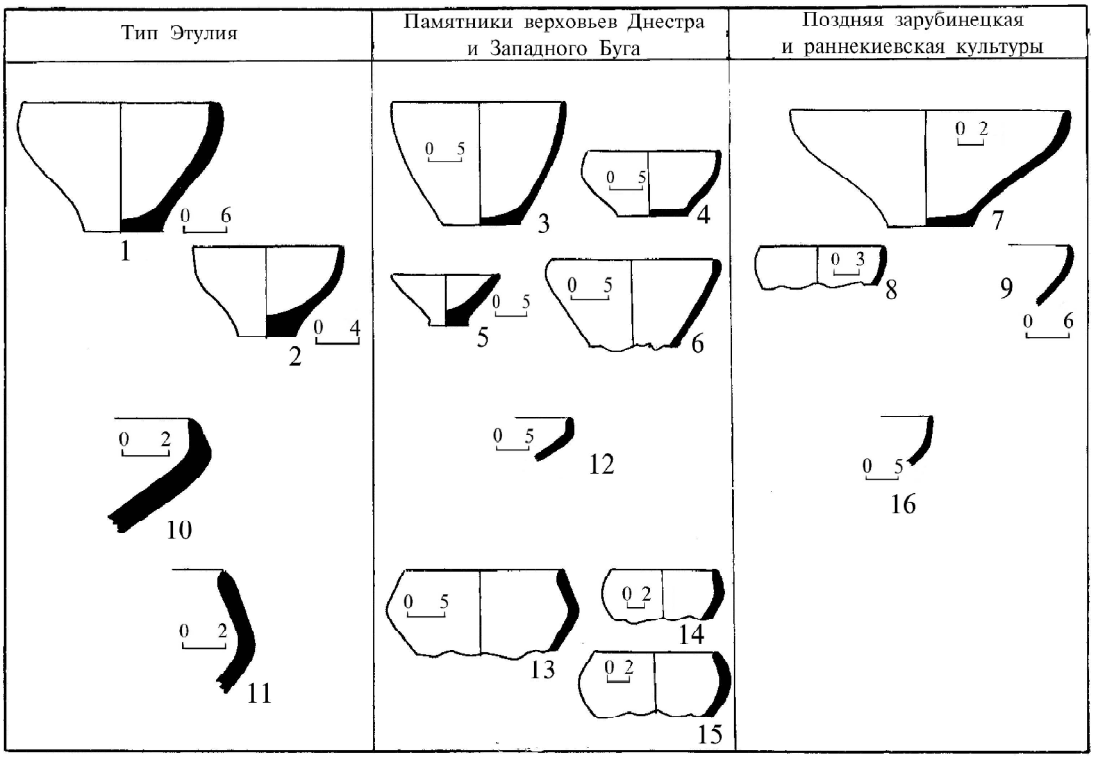

Рис.23. Сопоставительная таблица мисок вида I, вариант «а» (1-9) и вариант «б» (10-16): 1,2,10,11 – памятники типа Этулия; 3 – Пасеки Зубрецкие; 4,6,13 – Ремезевцы; 5 – Сокольники; 7 – Рахны; 8,9,16 – Оболонь; 12,14 – Подберезцы; 15 – Бовшев II.

ванный скругленный край стенки. Сосуд биконический. Закрытые биконические миски в зарубинецкой культуре распространены сравнительно мало и имеют другие пропорции. На Верхнем Поднестровье в липицких материалах закрытые биконические миски разных модификаций известны в Ремезевцах (Цигилик 1975: рис. 34, *1,4, 6*). В Подберезцах миски такого профиля найдены в жилище № 5 (Козак 1984: рис. 24,*17*) (сопоставление см. рис. 23, *10-16)*.Есть мнение, что такие миски характерны для позднезарубинецких памятников (Обломский, Терпиловский 1991: рис. 2, тип 1). Варианты «а» и «б», видимо, связаны друг с другом. Вариант «в» (рис. 22, *18* и, возможно, 21) – сосуды малой высоты и значительного диаметра. Прямые стенки расходятся кверху. Венчик непрофилирован. Размеры целого экземпляра: высота – 6,7, диаметр устья – 24 см. Эта форма встречается редко. Для латеноидных культур Восточной Европы она не характерна. Единичные сходные экземпляры сосудов встречаются в первых веках нашей эры в Верхнем Поднестровье (Козак 1984: рис. 27,*7*). В большей мере эта форма присуща позднескифскому керамическому комплексу. Она известна, например, на поселении Молога II (Гудкова, Фокеев 1984: рис. 20, *27-30*), на Козырском городище (Бураков 1976: табл. VII, *14, 17*).

К этому же виду относятся фрагменты мисок, скорей всего, округлой формы без всякой дополнительной профилировки (рис. 22, *1, 3, 4, 19).* Судить о них без полной формы трудно. Им подобны обломки сосудов с памятников позднезарубинецкого круга: Лютежа (Обломский, Терпиловский 1991: рис. 9, *8*), Почепа (Обломский, Терпиловский, 1991: рис. 14, *1, 2*), Гриней (Обломский, Терпиловский 1991, 21: *6*). Очевидно, подобные сосуды входят в число основных форм керамики зубрицких поселений (Козак 1992: рис. 25, *13, 14, 16*).

Вид II – миски с шейкой, форма и степень выраженности которой заметно варьирует. Известны открытые и закрытые сосуды. Вариант «а» (рис. 22, *10-13, 16,17*). Шейка низкая, слабо развитая, иногда имеет вид легкого углубления под венчиком. Округлый венчик отогнут наружу, иногда слабо утолщен. Нижняя часть мисок коническая или округлая. Отдельные экземпляры покрыты штрихами снаружи и внутри (рис. 22, *12*). В степных и фракийских культурах предшествующего времени нет мисок, которые могли бы послужить прототипом для сложения этой формы. Представляется, что ее истоком являются позднелатенские миски с S-видным профилем, представленные в разных вариантах в зарубинецкой, пшеворской и поянешть-лукашевской культурах (рис. 48, *6-15, 17*). В зарубинецкой – эти миски соответствуют первому варианту второго типа, выделенного Е.В.Максимовым (1982: 16; табл. 11, *14*). Он появляется первоначально в Припятском Полесье. Разновидность с округловыпуклой нижней частью восходит к форме, широко распространенной в среднем Поднепровье (Максимов 1972: табл. 31, 2В). В Верхнем Поднепровье сосуды этого типа известны в Чаплинском могильнике (Кухаренко 1959 б: табл. IV, *18*). В поянешть-лукашевской керамике миски с S-видным профилем являются основной формой (Романовская 1969: 90).

Миски конической формы могли развиваться из остроплечих зарубинецких мисок третьего типа (Максимов 1982: 18; табл. II, *18;* табл. V, *5, 6).* Подобные зарубинецкие формы в позднее время известны в Золотой Балке и Николаевке (Максимов 1982: табл. XV, *11, 17, 19*). На волыно-подольских памятниках Верхнего Поднестровья и Западного Буга аналогичные сосуды известны в Черепине, Подборцах, Зубре. Хорове (Козак 1983: рис. 3 *8, 9;* 4, *5, 8;* 7, *7, 13),* Сокольниках I (Козак 1983: рис. 7, *5*), Подберезцах (Козак 1984: рис. 29, *6*). Они входят в состав основных форм поселений зубрицкого типа на Волыни (Козак 1991: рис. 25, *12*). Вариант «б» (рис. 22, *9, 15*) отличается от варианта «а» удлиненным венчиком, сильно отогнутым наружу. Сосуды этого облика, скорей всего, являются поздней модификацией позднелатенских мисок с подграненым венчиком. Аналогии им чрезвычайно многочисленны в зарубинецкой культуре (например, Максимов 1982: табл. III, *10;* табл. IV, *9*). В более позднее время сходные формы найдены на волынском поселении Хоров (Козак 1984: рис. 33, *3. 4, 9*) и в Почепе (Обломский, Терпиловский 1991: рис. 12, *2, 4*) (см. сопоставление рис. 24, *1-5, 19-21*). Вариант «в» (рис. 22, *14*) характеризуется проработанной шейкой, округло утолщенным венчиком и наличием кольцевого поддона. Такие миски сопоставимы с зарубинецкими сосудами на кольцевом поддоне четвертого варианта первого типа по Е.В.Максимову (1982: 18; табл. II, *17*), распространенными на памятниках I-III вв. во всем ареале позднезарубинецких памятников, кроме Верхнего Поднепровья. Зарубинецкие сосуды этой формы известны на позднескифских могильниках Золотая Балка и Николаевка (Максимов 1982: табл. XV, *7, 10, 21*) (см. сопоставление на рис. 24, *12, 16, 18).* Вариант «г» (рис. 22 *6-8*) – шаровидные сосуды со стянутым устьем и шейкой, выделенной небольшим уступом. Край венчика скруглен. Диаметр венчика 10 см, максимальный диаметр 11,7 и 13,3 см. Форма редкая. Точных аналогий ей не установлено. Наиболее близки округлые сосуды из позднелатенских материалов на памятниках Верхнего Поднестровья (рис. 20, *11-15)*, которые на эволюционной схеме Д.Н.Козака не имеют четкого выхода в последующий период (1984: рис. 49; рис. 12,*12;* 25, *6*; 32, *6. 8*). Однако в римское время известны открытые миски, шейка которых выделена уступом или ребром-утолщением. Они найдены в Подберезцах и Зубре (Козак 1984: рис. 27, *8, 9, 11).*

К мискам примыкают небольшие сосуды,

скорей всего, *кубки* (рис. 25, *1, 3, 4)* с вертикальными или слабо расходящимися кверху стенками. Венчик не профилирован и имеет скругленный край. У одного из сосудов под венчиком имеется легкий уступ. Диаметр устья колеблется от 6,6 до 12,8 см. Высота меньше него, у целого экземпляра она составляет 5,4 см. Кубки – редкая форма.

Конические крышки (рис. 25, *6-8*) с вертикальной ручкой, имеющей углубление сверху, – обычная находка. Они разнообразны по размерам. Такие изделия широчайшим образом представлены как на позднескифских памятниках юга, включая Крым и встречаются на позднезарубинецких памятниках (например, Лютеж). Очевидно, это – скифоидная вещь, как и горшки вида 1.

Керамические *диски* (рис. 25, 9-11*)* встречаются на многих памятниках типа Этулия. Их край иногда немного утолщен. Диаметр колеблется от 18 до 22 см, толщина от 0,8 до 2 см. Диски делали из формовочной массы разного качества, иногда с большим содержанием растительной примеси. Верхняя поверхность заглажена более тщательно и у некоторых экземпляров орнаментирована вдавлениями или защипами, расположенными по краю, по диаметру или концентрическими кругами. На нижней стороне части дисков по краю видна темная полоса нагара. Это указывает, что они применялись, в частности, как крышки.

Керамические диски, аналогичные этулийским, присущи многим культурам Восточной Европы. Они появляются еще до нашей эры и бытуют на протяжении всего римского времени. В частности они известны в милоградских материалах (Поболь 1973: рис. 86, *15*), в поморской, оксывской, пшеворской культурах, обычны в зарубинецкой (Кухаренко 1964: 29; табл. 7, *21-23*; Максимов 1972: табл. XII, *11*; 1982: 20), поянешть-лукашевской (Щербакова 1982: 22). Отмечены они и на волыно-подольских памятниках Верхнего Днестра, особенно на тех, где сочетаются черты пшеворской и зарубинецкой культур, в Подберезцах, Подборцах, Подрожье (Козак, 1984: 22). В культурах степного юга они отсутствуют.

Значительный интерес для сопоставительного анализа керамики представляет отделка ее поверхности. Часть сосудов покрыта расчесами. Преобладает их направление наискось, реже по вертикали и совсем редко – по горизонтали. Разные направления сочетаются на одном сосуде (рис. 15, *6, 7 , 13;* 17, 18). Как явствует из отпечатков «тычком», инструментом для этого служила четырех-пятизубая гребенка. Иногда на сосуды нанесены не расчесы, а штрихи, выполненные притупленным однозубым инструметом (рис. 17, *1*; 46, *12*). Эти штрихи могут дополнять расчесы, перечеркивая их, особенно на горловине сосудов (рис. 15, *6, 13*). Трудно определить, имели ли расчесы, кроме технологического, еще и орнаментальное значение. Скорее это можно предположить о штрихах.

Расчесы гребенкой известны в керамике Во-

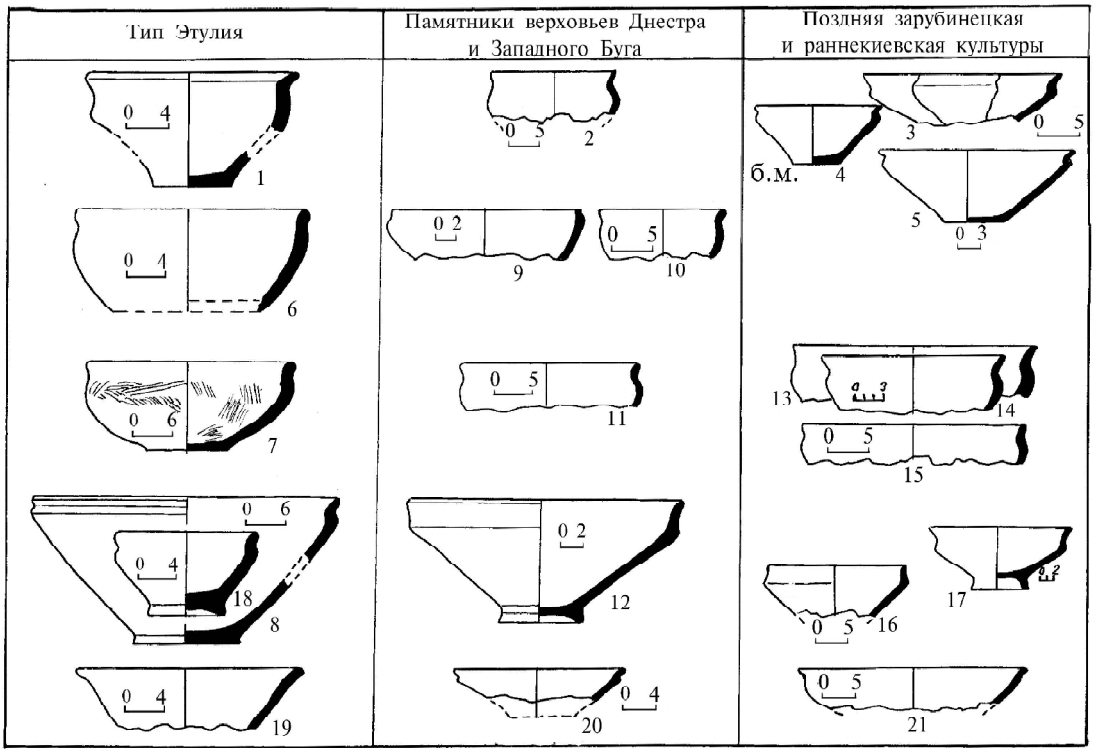

Рис.24. Сопоставительная таблица мисок вида 2 вариант «а» (6-15,17), вариант «б» (1-5, 19-21) и вариант «в» (18,12,16): 1, 6-8,18,19 – памятники типа Этулия; 2 – Давыдов; 3 –Бабина Гора; 4,13 – Марьяновка; 5 – Оболонь; 9 –Подберезцы; 10,20 – Хоров; 11 – Комарна; 12 – Рахны; 14 – Косовцы; 15 – Казаровичи; 16 – Лютеж; 17 – Дедов Шпиль; 21 – Девич-Гора.

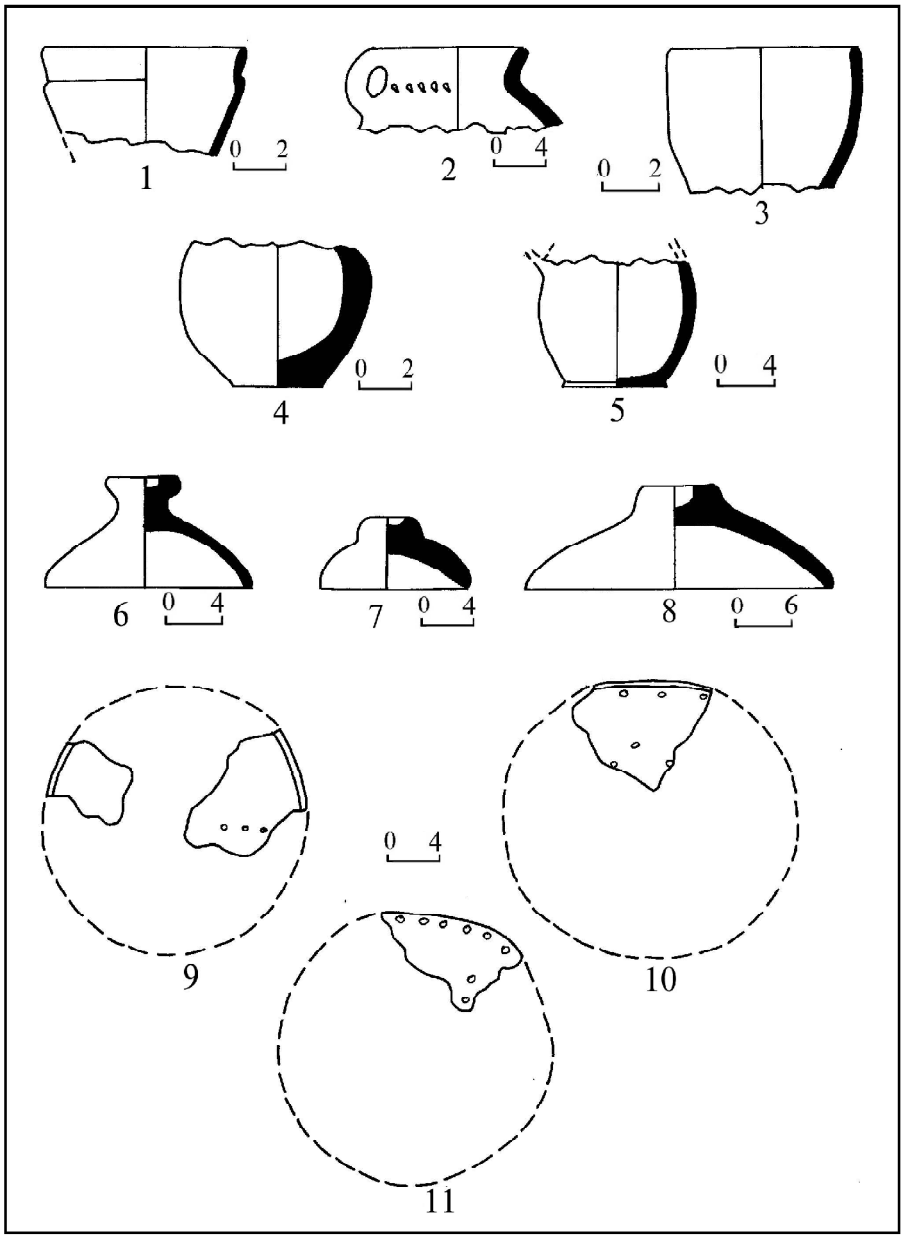

Рис.25. Лепная керамика типа Этулия: кубки (1, 3, 4); кружки с ручкой (2, 5); крышки (6-8); диски (9-11); 1, 5, 11 – пос. Чишмикиой I; 2, 6, 7, 9 – пос. Этулия X; 3 – пос. Холмское II; 4 – пос. Томай; 10, 11 – пос. Чишмикиой II.

сточной Европы еще с латенского времени. Они отмечены в поморской культуре (Кухаренко 1961: 9). В Силезии на пшеворских памятниках представлены образцы расчесов, полностью совпадающие с этулийскими (Peschek 1939: Taf. 26, *2, 5-10, 17, 18;* Godłowski 1977: tabl. XVI, *12, 14, 16, 17).* В зарубинецкой культуре они отмечены на памятниках Припятского Полесья (Каспарова 1969: 259-260). В Абидне керамика с расчесами составляет 10 % (Поболь 1969: 315). На Среднем Поднепровье этот прием распространяется в позднее время: Казаровичи (Максимов, Орлов 1974: рис. 5), Хлепче, Лютеж, Завадовка, Вовки (Максимов 1982: 136; Бидзиля, Пачкова 1969: рис. 10, *5-7*). Расчесы и их комбинации со штрихами присутствуют на поселении Грини. Здесь до 20 % керамики покрыто штрихами (Максимов 1969: 39-40; 1982: табл. 27, *2, 8, 11*). Исследователи единодушно связывают такую отделку поверхности с керамическими традициями Верхнего Поднепровья, Полесья и культурой штрихованной керамики (Этнокультурная карта 1985: 54, 58).

Орнаментация керамики применялась весьма редко, в основном на горшках первого вида, на других сосудах лишь иногда. Абсолютно преобладающий ее прием защипы, вдавления и насечки по краю венчика. реже на плечах (рис. 15, *2, 3, 6).* У отдельных сосудов отмечены на плечах группы из трех вдавлений пальцем или конические выступы (рис. 15, *12, 13).* Попадаются редкие обломки сосудов с накладным расчлененным валиком. Все эти орнаментальные приемы известны как в лесостепи (зарубинецкая культура), так и на позднескифских памятниках юга. Вероятно, в обоих случаях основой

является собственно скифская традиция.

Проведенный сравнительный анализ этулийской керамики позволяет дать ее общую характеристику. Ее возникновение явно связано с двумя струями в формировании керамического комплекса культурных образований первой четверти I тыс. н.э. в междуречье Днестра и Днепра. Первая струя, скифоидная, связана с наследием зарубинецкой культуры, в керамике которой скифские (сколотские) черты были субстратными. Ко времени возникновения типа Этулия они прошли долгий путь развития и опосредованы позднезарубинецкой средой. Кроме типа Этулия, они проявились в пшеворской культуре Верхнего Поднестровья, на памятниках волыно-подольского (зубрицкого) типа и во всей мозаике этно-культурных образований Среднего Поднестровья. Была ли эта скифоидная струя в этулийской керамике в степи поддержана влиянием позднескифкого населения, пока установить трудно. Попробуем оценить, насколько реально по имеющимся археологическим источникам участие поздних скифов в формировании этулийского населения или сколь возможны были их тесные контакты.

В ареале этулийских древностей позднескифские памятники находятся только на западном берегу Днестровского лимана. Далее на запад ни в степи, ни в лесостепи они не заходят. В этой связи показательно, что на черняховских памятниках Молдавии практически отсутствуют скифоидные формы лепной керамики (Рикман 1975б: рис. 22). В междуречье Днестра и Южного Буга позднескифские памятники мало известны. В результате позднескифское население по берегам Днестровского лимана выглядит слишком малочисленным для того, чтобы оно могло передать свои керамические формы этулийцам, совершенно отличным по своей культуре. Теоретически рассуждая, можно допустить, что в середине III в. в период «готских» или «скифских» войн какая-то часть позднескифского населения, возможно, вместе с сарматами, передвинулась на запад до Дуная и влилась в состав этулийского населения. Но это только теоретическая возможность, пока никакими археологическими фактами не подтвержденная. Даже, если ее и принять, остается непонятным, почему изо всех особенностей позднескифской культуры сохранилась и продолжала существовать лишь одна из керамических форм.

Дать название второй керамической струе в керамике этулийских памятников значительно сложней. Хотя все ее истоки связаны с центром Восточной Европы, она по своему происхождению не однородна. Систематизация аналогий керамике этой группы показывает, что в них необходимо выделить два хронологических пласта. Более ранний проявляется опосредованно и не указывает на прямые генетические связи. Речь идет о круге латеноидных культур – пшеворской, зарубинецкой и поянешть-лукашевской. Последней в меньшей степени, поскольку ее существование заканчивается раньше, на рубеже эр. Всем им свойственны миски, округло-конические без шейки и с различными вариантами S-овидного профиля, диски. В разной степени распространены горшки с шаровидным туловом и низкой горловиной. Латенские реминисценции в этулийской керамике, сохранившиеся в результате многоступенчатой передачи, предстают в основном в формах столовой посуды, которая однако полностью утратила характерный темный цвет и хорошее лощение. Наследие зарубинецкой керамической традиции, вероятно, более значимо. К ней, помимо латенских, восходят формы, генетически связанные с Верхним Поднепровьем и Полесьем, – горшки вида 2 (вытянутые с высокой цилиндрической шейкой) и 3 (протопражские), кружки.

Классическая зарубинецкая культура заканчивает свое существование в среднем за два века до сложения памятников типа Этулия. Поэтому связь между их керамическими комплексами может быть только опосредованной. Посредниками, представляющими второй хронологический пласт, являются две группы взаимно связанных древностей: пшеворская – волыно-подольская (зубрицкая) и позднезарубинецкая – раннекиевская Среднего Поднепровья. На них имеются прототипы и аналогии практически всем формам посуды этулийских памятников. Поскольку многие этулийские сосуды имеют одновременно пшеворские и зарубинецкие прототипы, не всегда ясно, какому из этих источников в каждом конкретном случае следует отдать предпочтение. Однако активное действие обоих очевидно. Пожалуй, зарубинецкая струя выражена несколько ярче. Это проявляется, с одной стороны, в возможности ретроспективного прослеживания генезиса отдельных форм вплоть до II в. до н.э. С другой, – в развитии некоторых присущих ей керамических типов на черняховских памятниках Верхнего Поднестровья и Западного Буга. В первую очередь это касается горшков вида 1 (скифоидные) и вида 3 (протопражские). Керамический комплекс поселений на Стугне, Девич-Горы, поздних комплексов Лютежа, Оболони наряду с типично зарубинецкой посудой содержит многочисленные горшки с воронковидным горлом, орнаментированным венчиком и резким сужением корпуса ко дну небольшого диаметра (Кравченко, Гороховский 1979: 66) (рис. 3, *3, 17).* Первоначальной исходной зоной, откуда пошло распространение позднезарубинецких и раннекиевских элементов было Среднее Поднепровье. Для типа Этулия передаточными районами оказались Верхнее Поднестровье – Западное Побужье, Волынь (до появления вельбаркской культуры) и, вероятно, зона обитания позднезарубинецкого населения на Южном Буге. На значение этой последней указывает наличие на южнобугских

поселениях аналогий большей части этулийских типов посуды. Пшеворское воздействие распространилось с Верхнего Поднестровья и Волыни. Аналогии этулийской керамике, на памятниках липицкой культуры в большинстве зарубинецкого и реже пшеворского происхождения. В этулийской посуде полностью отсутствуют собственно липицкие фракийские формы. Это наводит на мысль о том, что этулийское население не имело контактов с носителями липицкой культуры. Указанные аналогии лишь имеют общие источники. Таким образом уточняется исходный район этулийского населения.

В целом этулийский керамический комплекс оказываются весьма смешанным. Универсальной чертой типового состава является лишь присутствие и преобладание горшков вида 1. Таким образом, следует констатировать большую внутреннюю пестроту керамической традиции, то есть налицо то же явление, что было выявлено при анализе жилищ.

Погребальный обряд известен по материалам двух могильников и нескольких захоронений, впущенных в насыпи курганов более раннего времени. Все погребения совершены по обряду кремации на стороне с захоронением остатков сожжения в грунтовой яме, в единичном случае – в урне. Могильник Этулия XII (Щербакова 1981) находился в группе тесно расположенных поселений на восточном берегу оз. Кагул в I км от поселения Этулия VI и в 0,5 км от поселения Этулия X, подвергшихся раскопкам. Он поврежден глубокой вспашкой. Поэтому об отдельных находках вне погребений нельзя с уверенностью сказать, происходят ли они из верхней части заполнения могильных ям или из слоя могильника. На площади в 350 кв. м обнаружено 54 погребения (рис. 26). Они могут быть разделены на три типа:

1. Наиболее многочисленны погребения не очищенных от остатков погребального костра кальцинированных костей в небольших круглых или овальных ямах, цилиндрических с округлым или коническим дном в разрезе. Их 39, то есть 72,2 %. Преобладающий диаметр ямы 0,45-0,6 м, глубина от 0,6 до I м. Пережженные легко рассыпающиеся кости вперемешку с золой и угольками находились во всем объеме ямы. Одно погребение парное в большой овальной яме с двумя ямками в дне. В верхней части ямы одного из погребений была положена туша барана.

2. Погребения кальцинированных костей с остатками погребального костра в больших и глубоких ямах. Их всего 2, то есть 3,8 %. Размеры ям 1,5 × 2,5 и 0,8 × 1,5 м глубиной 1,2 и 0,8 м. В одной из них слой костей залегал под ссыпаными в яму остатками костра.

3. Погребения, в которых обломки твердых кальцинированных костей, тщательно очищенных от остатков костра, залегали плотным скоплением в верхней части заполнения ямы в 15-20 см толщиной. Их 14, то есть 24 %. Ямы круглые с преобладающим диаметром 0,4 м, глубиной от 0,6 до 0,9 м. Шесть погребений расположены компактной группой в центре раскопанного участка, остальные вперемежку с погребениями первой группы. Общей и основной чертой погребений на могильнике является их ямный характер, а для двух первых групп и наличие остатков костра.

Погребальный инвентарь из могильника Этулия беден. В погребениях первой группы найдены фрагменты керамики и стеклянного кубка со шлифованными овалами, обломок керамического пряслица, бронзовое кольцо (пряжка?), часть железной оковки, обломок листовой бронзы, керамический диск. В слое найдены два керамические пряслица и фрагмент сероглиняного гончарного сосуда.

В 0,2 – 0,3 км к юго-западу от поселения Чишмикиой I в насыпи кургана эпохи бронзы обнаружено три безынвентарных погребения с сожжением (Борзияк 1984: 80), которые могут быть отнесены к первому типу погребений могильника Этулия. Почти вплотную к поселению Суворово III (Молдавия) находился курган, в насыпи которого было захоронение третьего типа (Бейлекчи 1985). Курган сарматский II-III вв. н.э., что определяет нижнюю хронологическую границу этого погребения. Отнесение этих впускных безынвентарных захоронений к числу этулийских оправдывается, кроме их однотипности с третьей группой, еще и тем, что в зоне их распространения не известно никаких иных культур, которым могли бы принадлежать погребения такого рода.

Могильник Алчедар (Щербакова, Кашуба 1990) был обнаружен на севере Молдавии в Шолданештском районе (лесостепное правобережье Днестра). На нем раскопано 44 погребения и 43 ритуальные ямы. Рассматривая облик погребений на этом могильнике, можно применить и продолжить классификацию, предложенную для могильника Этулия XII. В Алчедаре все погребения с кремацией. Тип I – захоронения кальцинированных костей с остатками костра в небольших ямах – на этом могильнике отсутствуют. Тип 2 – их 38 (86%). Погребения остатков кремации с золой в больших круглых и овальных ямах. Тип 3 – их 3 (6,9 %). Захоронения очищенных от остатков костра кальцинированных костей, залегавших плотным скоплением в небольшой овальной ямке. Отмечено перекрывание черепками, обмазкой и камнями. Тип 4 –1 (2 %): погребения остатков кремации вместе с золой в урне, которой служил «грубый лепной горшок вытянутых пропорций с небольшим расширением в верхней части тулова и венчиком в виде раструба с косым срезом по краю» (Щербакова, Кашуба 1990: 118).

Погребальный инвентарь состоит из обломков лепной керамики (в основном горшки, но есть также фрагменты мисок, крышек и дисков), часто вторично обожженной. В ритуальных ямах

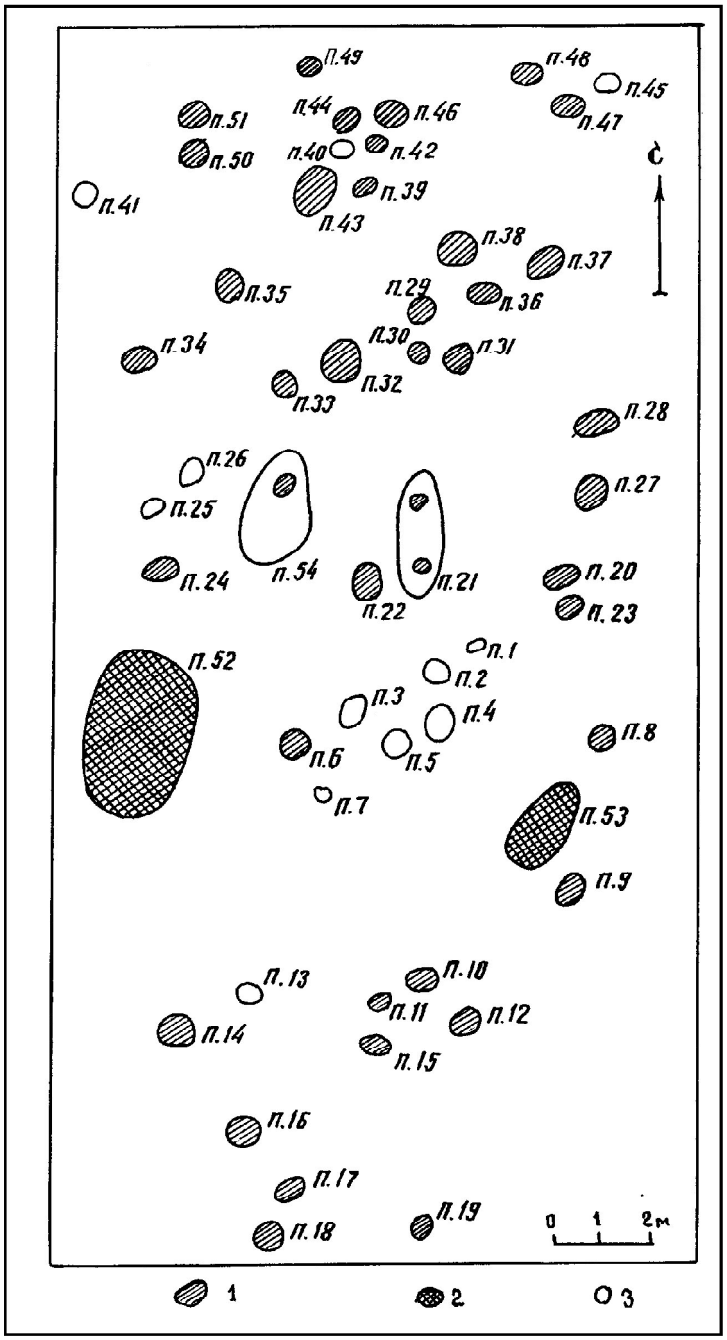

Рис.26. План могильника Этулия XII: 1 – погребение I типа; 2 – типа II; 3 – типа III (по Т.А.Щербаковой).

найдены обломки серо– и красноглиняной позднеантичной посуды, фрагменты амфор, стеклянные и янтарные бусы, два обломка жерновов из ракушечника, побывавшие в огне.

При совпадении в основных чертах обряда погребения на обоих могильниках совершенно очевидно их некоторое, видимо, этнографическое различие.

Этулийский погребальный обряд в степных культурах никаких аналогий не имеет. Кремация фракийского мира во всех ее вариантах полностью иная. В этулийских погребениях переплетаются черты, присущие различным культурам центра Восточной Европы в латене и в римское время. Обычай погребать кремированный прах в простой грунтовой яме, часто с незначительным инвентарем, был широко распространен и имел многочисленные варианты. На могильниках оксывской культуры среди погребений с кремацией преобладают ямные с остатками погребального костра (Могильников 1974: 136). В пшеворской культуре захоронения пережженных костей вместе с остатками погребального костра в небольшой и неглубокой ямке довольно обычны (Никитина 1974: 62; Кухаренко 1969: 112). Инвентарь в них встречается редко. В восточномазовской группе пшеворской культуры в начале римского времени доминируют ямные погребения (Dabrowska 1976: 155). К востоку от Вислы они составляют в пшеворской культуре

две трети от общего числа захоронений (Козак 1978: 83). Начиная с I в. н.э. широко распространяется обычай очищать пережженные кости от остатков погребального костра (Кухаренко 1969: 112).

Погребения с компактным залеганием костей без остатков костра исследователи сближают с урновыми, поскольку полагают, что в них кремированные останки были захоронены во вместилищах из органических материалов (мешочки, коробки), следов которых не сохранилось. Такие «спрессованные» погребения известны в пшеворской культуре, но для нее не очень характерны. Они найдены на нескольких могильниках на правых притоках Одера: могильник Млодзиково I-III вв. н.э., Опатов – II-IV вв., Избицко – позднеримское время. В пшеворской культуре этот обряд воспринимается как влияние германсих племен, поскольку он свойственен ясторфской культуре со среднего латена до позднеримского времени и известен в оксывской культуре и в могильниках Скандинавии в позднем латене (Никитина 1974: 65, 66; Могильников 1974: 143, 144).

Для понимания генезиса этулийского погребального обряда значительный интерес представляет могильник Долиняны на Верхнем Днестре, относящийся ко времени перед рубежом эр (Смирнова 1981: 205). Хотя его материалы и имеют сходство с поянешть-лукашевским, однако, его принадлежность этой культуре проблематична (Пачкова 1978). На могильнике преобладают безурновые погребения в неглубоких округлых ямках. Из 22 погребений только 4 совершены в урнах. Кремированный прах очищен от остатков погребального костра. Погребальный инвентарь бедный, как правило, фибула или браслет. Почти весь он побывал в огне.

Для более поздних памятников Верхнего Поднестровья и западного Побужья ямный обряд погребения не характерен. Здесь господствуют урновые захоронения. Однако на липицких могильниках известны немногочисленные ямные погребения двух типов. В пяти погребениях пережженные кости залегали в спрессованном виде, в трех – они были разбросаны по дну ямы вперемешку с обломками керамики. Ямные погребения на липицких могильниках считают результатом пшеворского влияния (Этнокультурная карта 1985: 35).

Ямные захоронения присущи погребальному обряду зарубинецкой культуры на всех этапах ее существования. Они найдены на могильниках практически повсеместно, но их количество не одинаково на разных территориях. Наиболее широко ямные погребения распространены в Полесье и господствуют на Верхнем Поднестровье (Кухаренко 1964: 14). Не исключено, что это связано с воздействием погребальных традиций носителей милоградской культуры, существовавшей до I-II вв. н.э. (Мельниковская 1967: 162). Ей свойственно господство ямных захоронений в овальных, чаще в круглых ямах с незначительным инвентарем или без него (Мельниковская 1967: 43). Для зарубинецкой культуры в среднем Поднепровье в более раннее время характерно захоронение очищенных (вымытых) костей. Распространение погребений с остатками костра считают поздним явлением II-IV вв. н.э. (Кухаренко 1964: 16; Максимов 1972: 101). Особенно близкими зарубинецким оказываются этулийские погребения второй группы. Сходство проявляется в размере и форме ям. Такие большие ямы подпрямоугольной или овальной формы обычны в зарубинецкой культуре на рубеже эр – в I в. н.э. Погребения в них костей без остатков костра преобладают на многих могильниках этого времени: Корчеватовском, Пироговском, Бучаки (Археологія УССР 1975: 15-16), Дедов Шпиль (Максимов 1982: 104). Погребениям этой группы явно близок позднезарубинецкий могильник II в. Рахны на Южном Буге (Хавлюк 1971: 89-94). Отметим, что на этом могильнике присутствуют северо-западные, в частности, пшеворские черты: фибулы керамика (Максимов 1982: 131). Такие особенности могильника Этулия XII как наличие над погребением туши жертвенного животного и остатков не полностью прогоревшего костра известны и на позднезарубинецких могильниках (Кухаренко 1964: 16; Максимов 1972: 36, 37), в том числе, поздних (Рахны).

Значительный интерес для сравнения представляют могильники киевской культуры Киреевка на Днепре (Третьяков 1974: 71; Горюнов 1981: 32), чрезвычайно сходный с Этулией XII. На нем обнаружено 5 безурновых погребений в овальных (1 × 0,56; 0,65 × 0,45; 1,6 × 0,8 м) и округлых ямах диаметром 0,3-0,4 м. В четырех из них погребен прах, смешанный с остатками костра, в одной – кости тщательно очищены от углей и золы. Лишь в одном погребении присутствует скромный инвентарь: глиняное биконическое пряслице, бронзовая подвеска и обломок бронзового браслета. На Киевщине в могильниках Новые Безрадичи и Казаровичи, в юго-восточной Белоруссии в Абидне и Тайманово кремированные погребения совершены в небольших округлых ямах диаметром 0,5-0,8 м, реже в больших овальных. В большинстве случаев кости не очищены от остатков костра. Инвентарь беден и встречается редко.

В итоге можно придти к заключению о том, что погребальный обряд этулийского типа объединяет в себе разнородные черты. С одной стороны, явны элементы, уходящие корнями в погребальную обрядность латенских культур Висло-Одерского бассейна (первый и третий типы погребений). С другой стороны, возможны связи с зарубинецкими обычаями (второй тип). Нельзя полностью исключить и опосредованную передачу элементов позднего милоградского погребального обряда. Очевидно, связями с Верхним Поднепровьем и объясняется сходство с

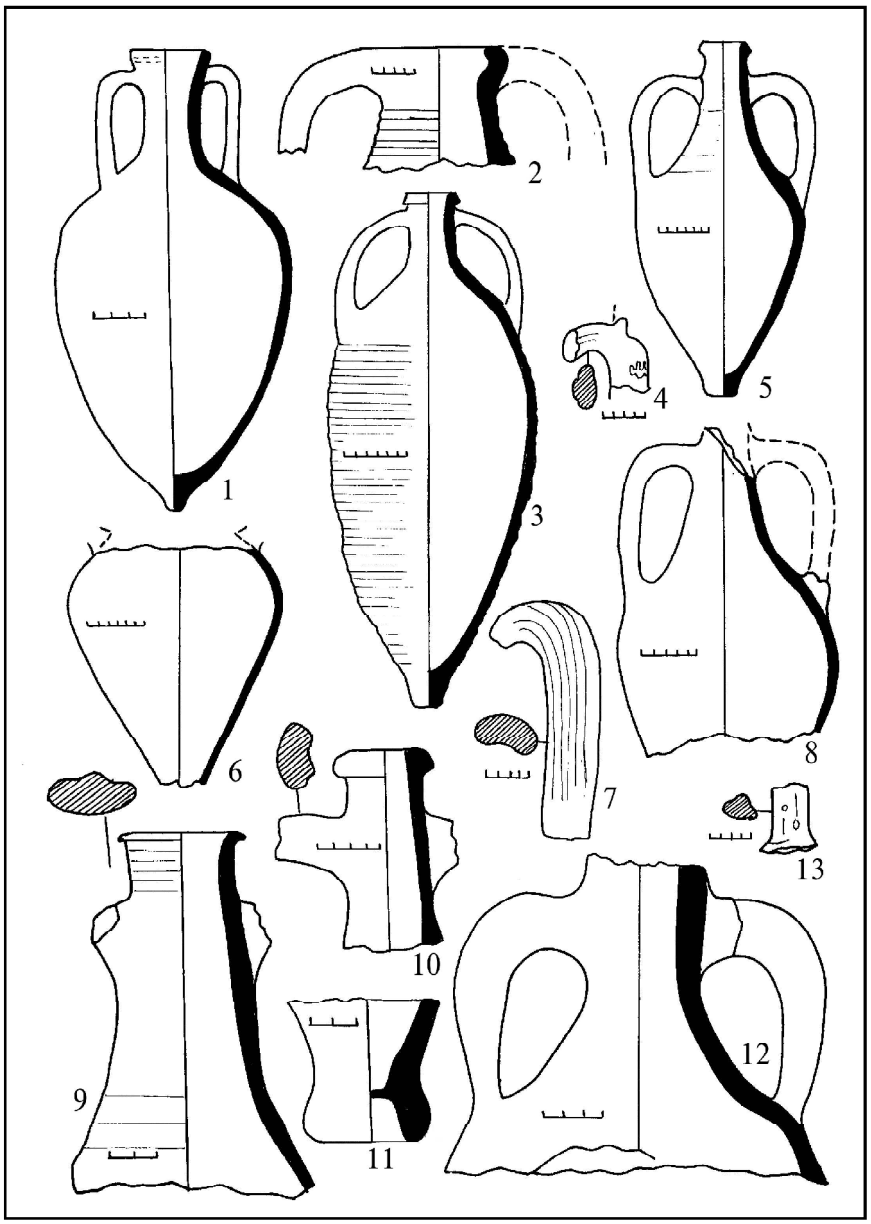

Рис.27. Амфоры: 1 – с поселений типа Этулия, Новоселовка; 2, 6, 8, – пос. Кокоара III; 4, 13 – пос. Чишмикиой II, 5 – пос.Этулия X; 7, 10 – пос. Этулия VI; 9 – пос. Чишмикиой I; 11, 12 – пос. Конгаз I (по Т.А.Щербаковой).

погребениями киевской культуры Подесенья.

Датировка. Датирующие материалы памятников типа Этулия пока довольно ограничены. На поселениях обычная находка — амфоры танаисского типа. Целые экземпляры обнаружены при раскопках на поселении Этулия X, при земляных работах на поселении Староселье, крупные фрагменты найдены на поселениях Томай и Конгаз (рис. 52, *5,6,8*). Эти амфоры датированы по материалам Танаиса первой половины III в. (Шелов 1978: 18-19, тип Д). Вряд ли в других частях Причерноморья они исчезают одновременно с гибелью Танаиса. Очевидно, они существовали на протяжении всего III в. Верхний предел их датировки может быть определен тем, что они не встречаются вместе с амфорами инкерманского типа. На нескольких селищах обнаружены обломки больших красноглиняных амфор с желобчатыми венцами. Это хорошо известный тип, относящийся ко II-III вв. (Зеест 1960: 114, табл. 33, *80*; Самойлова 1978: 257-258). На поселениях Чишмикиой I и II и Этулия X найдены обломки амфор типа Комаров-Делакеу. В.В.Кропоткин отнес комаровскую амфору ко второй половине IV в. (Кропоткин 1970: 69; рис. 32, 7), Э.А.Рикман – к IV в. в целом (Рикман 1967 а: 134), а М.Б.Щукин считает, что амфоры этого типа существовали III-IV вв., но дата требует уточнения (1968: 50, рис. 7). Подробное изучение стеклоделательной мастерской в Комарове показало, что поселение существовало в третьей четверти III в. (Щапова 1983: 151). Таким образом, можно считать, что эти амфоры употреблялись в последних десятилетиях III и в IV в. На поселении Томай найдена верхняя часть красноглиняной амфоры с белым покрытием (рис. 27, *2*). Сосуд имел ручки, прикрепленные к венчику заподлицо, рифленое горло,

широкое, короткое и расширенное книзу. Эти амфоры встречаются редко. Отдельные экземпляры известны в Ольвии, Мирмекии, на могильнике у Совхоза 10 в Инкерманской долине, в Тире. Они датируются III-IV вв. (Мелентьева 1969: 25; Самойлова 1978: 265). На поселении Кокоара III обнаружена целая ярко-красная амфора с овальным вытянутым рифленым туловом, коротким горлом и ручками, прикрепленными под венчиком. Венчик подтреугольный в сечении (рис. 27, *3*). Сосуд очень близок амфорам мирмекийского типа и отличается о них только меньшими размерами. Мирмекийские амфоры (Зеест 1960: табл. XXX 72; с. 111-112) выпускались с конца II до середины III в. Амфора из Кокоары вписывается в эволюционный ряд амфор ягнятинского типа (Кравченко, Корпусова 1975: 23, 30; рис. 6, 2а-г, *3-5*), в котором она должна находиться в его начале в III в. На это указывает сравнительно узкое горло и стройные пропорции тулова. Именно такая ее хронологическая оценка следует и из наблюдения над развитием этой формы по находкам с территории Румынии (Scorpan 1977: 284, fig. 25). На многих поселениях найдены обломки светлоглиняных узкогорлых амфор II-III вв. н.э., иногда имеющие дипинти (рис. 27, *4, 7, 10, 11, 13*). К редким формам амфор римского времени, не поддающимся четкой датировке, принадлежат два сосуда. Один из них (рис. 27, *1*) с расширенным устьем, яйцевидным туловом и сплошной конической ножкой происходит с поселения Новоселовка. Цвет черепка варьирует от палевого до светло-коричневого. Ручки овальные в сечении, с одним слабо выраженным желобком. На венчике, округлом в сечении, имеется кольцевое углубление. Другая амфора с поселения Чишмикиой I представлена горловиной коричневато-розового цвета. У нее клювовидный в сечении венчик, узкое горло. Изгиб ручек, возможно, был приподнят (рис. 27, *9*).

С поселения Кокоара III, Конгаз и могильника Этулия XII происходят обломки кубков со шлифованными овалами (Щербакова 1981: 112; рис. 2, *10*). Два из них прозрачного зеленоватого стекла. Хотя форма сосудов не восстанавли-

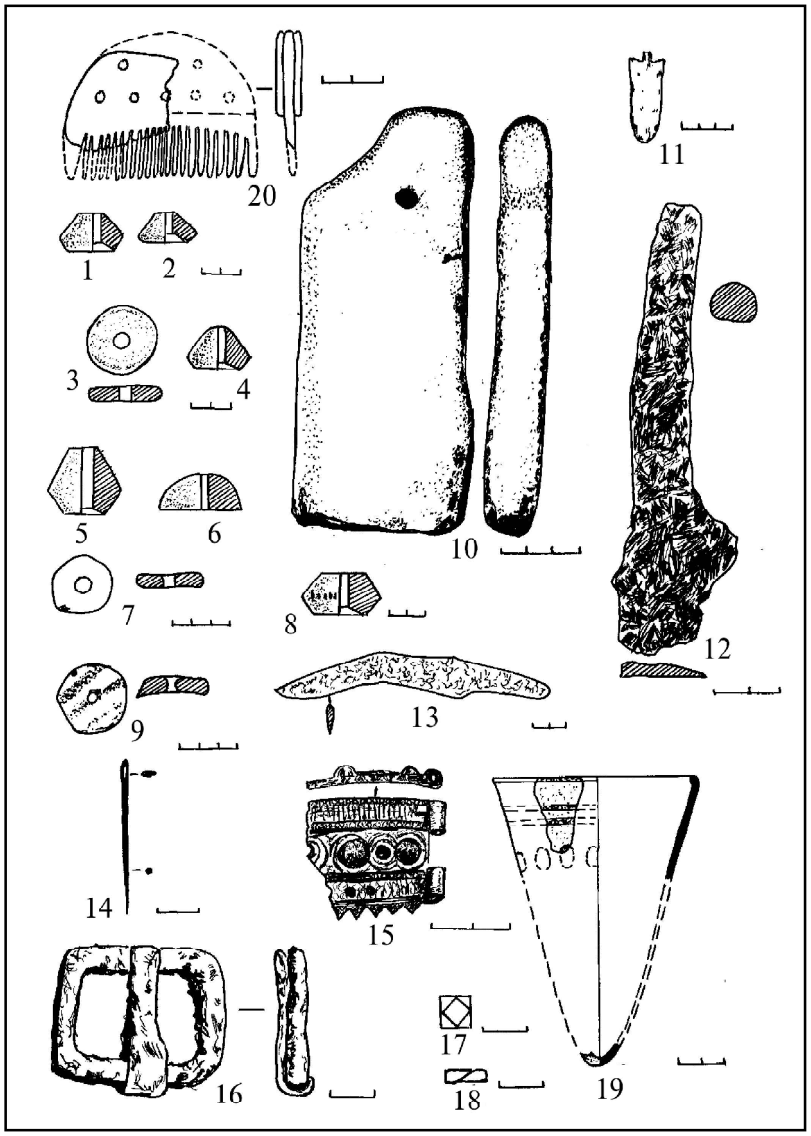

Рис.28. Различные вещи с памятников типа Этулия: 1-9 – пряслица; 10 – оселок для кос; 11 – подвеска костяная; 12 – фрагмент железного скобеля; 13 – железный нож; 14 – бронзовая игла; 15 – бронзовая накладная петля; 16 – железная пряжка; 17, 18 – стеклянные бусы; 19 – стеклянный кубок; 20 – костяной гребень; 1-4, 8, 14 – пос. Чишмикиой I; 5, 6 – пос. Холмское II; 7, 9-12, 15 – пос. Этулия X; 16-19 – пос. Конгаз I (по Т.А.Щербаковой).

вается, но характер овалов указывает, что это кубки, которые бытовали во второй и третьей четверти IV в. (Rau 1972: 167, Tabl; Rau, 1975: 479). Фрагменты венчика и дна кубка с поселения Конгаз I (Щербакова 1987: рис. 10, *1*) позволяют реконструировать его форму как коническую со слабо отогнутым наружу краем и выпуклым дном (рис. 28, *19*). Особенность этого кубка в том, что овалы и край венчика окрашены красной краской. Два красных концентрических пояска проходят под отгибом края. Точных аналогий этому сосуду нам найти не удалось. Однако находки раскрашенных сосудов известны. Конический кубок синего стекла с накладной раскраской обнаружен в керченском склепе с монетой Валентиниана II (375-392) (Шкорпил 1907: 42). Коническая форма присуща кубкам, бытовавшим в последней четверти IV и начале V в. (Rau 1972: 167; 1975: 481). Таким образом, все обломки кубков указывают на IV в.

На поселении Кокоара III найден обломок трехчастного костяного гребня с полукруглой спинкой (рис. 28, *20)* (Щербакова 1987: рис. 10, 2) типа 1В-1 по Г.Ф.Никитиной. Такие гребни на черняховских памятниках появляются с первой половины IV в. н.э. и бытуют в этом веке (Никитина 1969: рис. 1; с. 156; Гороховский 1985: 21). На европейских памятниках они известны во второй половине III – первой половине IV в. (Tomas 1960: 92).

С поселений Конгаз и Новоселовка происходят три стеклянные бусины (рис. 28, *17, 18*) (Щербакова 1987: рис. 10, *3-5*). Синяя 14-гранная из прозрачного стекла по Е.М.Алексеевой типа 134 датируется II-IV вв., синяя спиральная типа 203 – III-IV вв. и крупная черная с опоясывающим белым зигзагом типа 304-а – второй половиной II-IV вв. (Алексеева 1978: 51, 70, 74).

На поселении Томай найдена железная четырехугольная бесщитковая пряжка (рис. 28, *16*). В Причерноморье такие пряжки не известны. Они обычны на памятниках пшеворской культуры (Madida 1977: tabl. III, *12, 13;* IV, *2, 4, 5* э). Территориально наиболее близкая находка подобной пряжки известна на Верхнем Днестре в могильнике Гринев (Козак 1984: 33, рис. 36, *15*). Д.Н.Козак считает, что такие изделия относятся к концу I – II вв. н.э.

Кроме датировок вещей, для определения времени памятников типа Этулия имеются и другие наблюдения. Возле поселения Нагорное на водоразделе озер Кагул и Ялпуг раскопан сарматский курган № 1, относящийся ко II – середине III в., в насыпь которого впущена хозяйственная яма близлежащего этулийского поселения (Гудкова, Фокеев 1984: 141). По материалам поселений Холмское II и Нагорное VI Г.Ф.Загний выполнил геомагнитные анализы. Образец из пода первого керамического горна в Холмском дал начало III в. н.э., второго горна – середину III в. Образец из пода печи Нагорного VI – середину IV в.

Независимым от археологических классификаций источником для хронологических наблюдений являются монеты. Поскольку они все медные и, следовательно, не могли надолго пережить период своего обращения в империи, они довольно точно датируют памятники типа Этулия. Найдены монеты следующих римских императоров: Галерия Максимиана (чекан 307-313 гг.) на Этулии X (Щербакова 1970: 70), Констанция II (чекан 357-361 гг.) на Кокоаре III (Нудельман 1956: 72), Валента (364-378) на Этулии VI. На поселении Калибаш на поверхности обнаружены две медные монеты: Этрусциллы (249-251 гг.), супруги Траяна Деция и Гордиана (238-244 гг.) (Нудельман 1976: 72). Таким образом, и вещевой материал, и монеты, и стратиграфические наблюдения позволяют датировать рассматриваемые памятники III-IV вв. н.э. Выпадает из этой датировки только поясная пряжка. Возможно, она указывает на конец II в. или же переживает до начала III в. В целом же весь комплекс датирующих находок представляет собой хронологическое единство позднеримского времени.

Хозяйство. Характер этулийских поселений со стационарными долговременными жилищами свидетельствует об оседлом образе жизни. Отпечатки зерен культурных злаков, многочисленные зерновые ямы, в том числе, и с зерном, находки ротационных жерновов на поселениях и могильнике Алчедар и железного серпа указывают на развитое земледелие. Хотя пахотных орудий труда на поселениях не найдено, оно могло быть только пашенным. Земель, пригодных для иного вида обработки, как правило, возле поселений не имеется. Распашка тяжелых степных почв с плотной дерниной могла производиться только при помощи пахотных орудий с железными наконечниками. Состав сельскохозяйственных культур определен З.В.Янушевич (1986: 16-17) и Г.А.Пашкевич по отпечаткам зерновок на обмазке и керамике с поселений Кокоара, Конгаз, Холмское II, Волчья Балка, Ельчик I и II и остаткам зерна из зерновых ям с поселения Чалык. Возделывались пшеница-двузернянка, пленчатый ячмень, просо, из бобовых – чечевица, чина, вика-эрвилия. Вероятно, основной хлебной культурой была пшеница-двузернянка. Важной особенностью состава отпечатков зерен злаков является отсутствие сорняков-спутников. Это возможно лишь при частой смене обрабатываемых земель. Очевидно, этулийское население не практиковало удобрения полей. Земля быстро истощалась и приходилось вновь поднимать целину или залеж. Следствием этого неминуемо оказывалось частое переселение на новые места. Поселения были сравнительно недолговременными. Хозяйство носило экстенсивный характер.

Обнаружение на поселениях костных остатков домашних животных позволяет выявить состав стада. По материалам памятников Молдо-

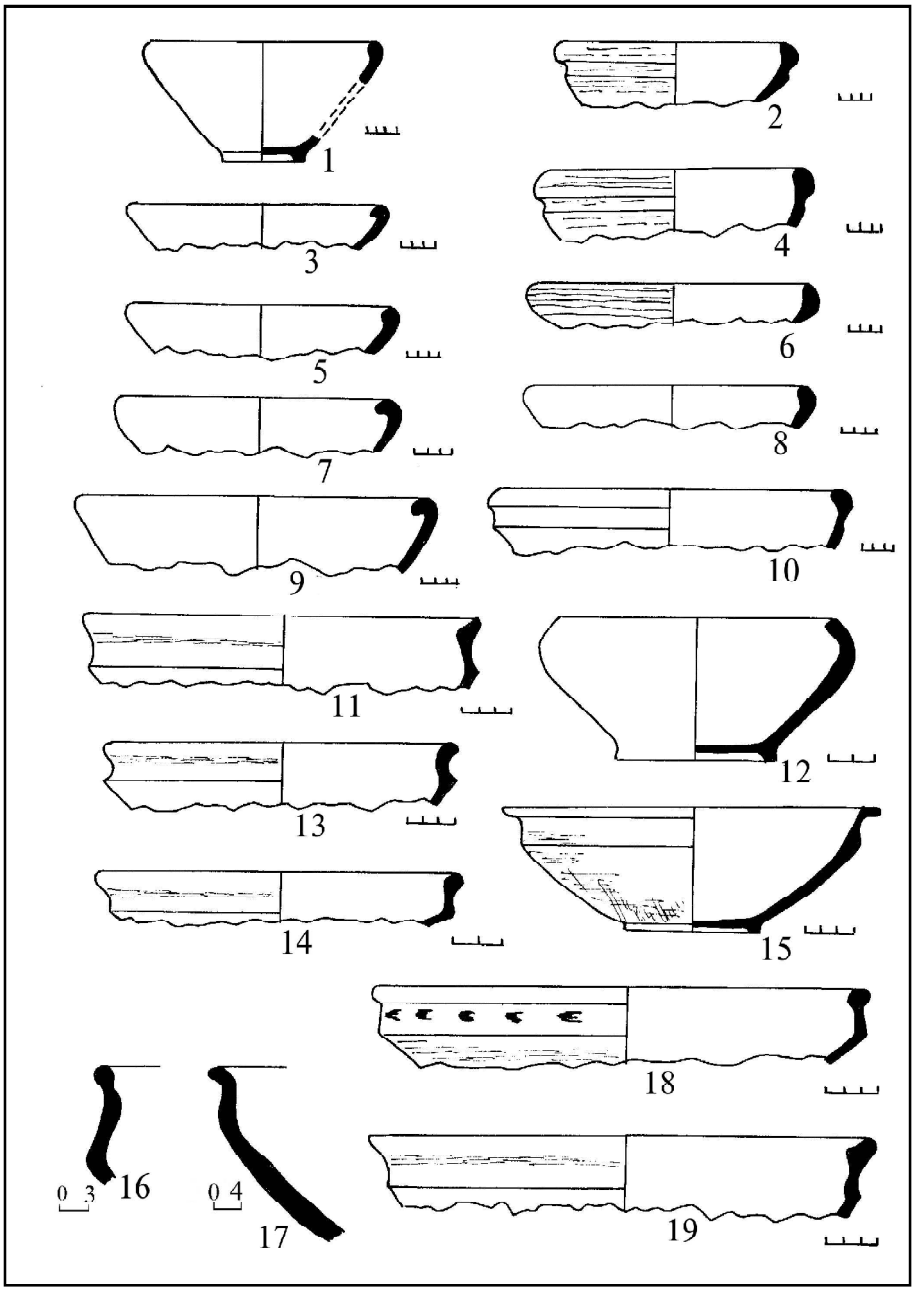

Рис.29. Гончарные сероглиняные миски: 1-15,18,19 – с поселений Чишмикиой I и II; 16,17 – пос. Конгаз I.

вы он выглядит следующим образом: крупный рогатый скот – 41,3 %, мелкий когатый скот – 24,6 %, лошади – 19,6 %, свиньи – 8,8 %. Преобладание в нем крупного рогатого скота и наличие свиней указывает на оседлый образ жизни. О степени развития животноводства свидетельствует почти полное отсутствие костей диких животных и рыб. Следовательно, мясную пищу поставляло стадо. Большое количество крупного рогатого скота позволяет считать, что было молочное хозяйство. Поскольку этот скот не может тебеневать, то следует считать, что практиковалась заготовка кормов на зиму, хотя бы в минимальном количестве, необходимом на время сохранения снежного покрова. В целом сельское хозяйство этулийского населения характеризуется сочетанием земледелия и скотоводства.

Признаков развитой ремесленной деятельности на поселениях не обнаружено. Только на Конгазе найдены отдельные куски металлургического шлака. Изделия из металла, в первую очередь, орудия труда, немногочисленны: это железный скобель (рис. 28, *12*), серп, нож, ложкарь, бронзовая игла и шило. Очевидно, в форме домашних промыслов существовало ткачество, обработка камня и дерева. Найдены пряслица (рис. 28, *1-9*), пирамидальные грузила от ткацкого станка, ротационные жернова, оселки (рис. 28, *10*). Подробно может быть охарактеризовано только гончарство. Керамический комплекс состоит из ремесленных привозных античных сосудов и посуды местного изготовления, преимущественно лепной. Последняя пре-

обладает в быту. Ее количество на отдельных памятниках достигает 85 %. Изучение технологии лепной керамики показало, что гончарство находилось на стадии освоения местными гончарами гончарного круга.

Близкий контакт с Римской империей привел к втягиванию этулийского населения в ее экономическую сферу, способствовал развитию внешнего обмена. На это указывает поступление на поселения гончарной, в основном, столовой посуды и, особенно, большого количества амфор, обломки которых составляют в среднем половину всего керамического комплекса. Ремесленная столовая посуда, производившаяся в специализированных мастерских, на этулийских поселениях немногочисленна. Ее количество не превышает в среднем 12 % и только на поселении Конгаз I составляет 19,2 %. Часть форм устойчиво повторяется от памятника к памятнику. Ремесленной красноглиняной, тем более краснолаковой, керамики очень мало. Обломки мелки и восстановить характерные формы не удается. Красный лак плохого качества.

Сероглиняная посуда более обильна и разнообразна. Это миски (рис. 29) и кувшины (рис. 30). Миски округлые закрытые и реберчатые открытые. Реберчатые закрытые редки (рис. 30, *16, 18*). Особо следует отметить миски с отделкой внутренней и внешней поверхности лощением и изредка пролощеным орнаментом. Такие сосуды не известны в черняховской культуре, но обычны в римских слоях Тиры и Ольвии. Кувшины с утолщенным и расширенным по отношению к горлу венчиком (рис. 30, *16-20*) встречаются на многих памятниках, но в небольшом количестве. Лощеных и особенно орнаментированных экземпляров мало. Вся сероглиняная посуда характеризуется не просто сходством, а совпадением до деталей формы с изделиями тирских гончаров (Гудкова 1979: рис. 2,*18, 23;* 3, *7, 12, 13, 16, 21, 23;* 5, *3, 4;* 6, *2, 6;* 7, *27, 28*) и некоторыми сосудами Мологи (Гудкова, Фокеев 1982: рис. 18, *1, 4, 10; 19, 13*), которые тоже, скорей всего, тирского происхождения. Это сходство с тирской керамикой было уже отмечено Т.А.Щербаковой (1983: 167).

Сероглиняные шероховатые горшки (рис. 31) имели малое распространение. Только на некоторых поселениях они обильны.

На этулийских поселениях нет признаков производства гончарной сероглиняной посуды. Очевидно, она изготовлена в античных ремесленных центрах и на поселения поступала в результате обмена. Преобладание в гончарной столовой посуде форм тирского происхождения указывает на устойчивые экономические связи с Тирой. Поступление привозных изделий и продуктов (вино, масло) предполагает и обратный поток товаров. Естественно думать, что таковыми были продукты земледелия и животноводства. Видимо, на основе всего этого получили некоторое развитие и денежные отношения. На это указывают находки римских монет. Важно отметить, что все они представлены мелкой разменной медью. Она не могла служить накоплению сокровищ и, скорей всего, использовалась по прямому назначению как средство обращения на внутреннем рынке.

Небольшие размеры этулийских поселений, состоящих из нескольких жилищ, и отсутствие обособления групп хозяйственных строений и ям позволяет считать эти поселения местом обитания небольших коллективов, связанных внутри родственными отношениями. Очевидно, это были семейные общины. Признаков имущественного и социального расслоения внутри них пока не известно. Можно думать, что описываемое население появилось у границ Римской империи на уровне первобытно-общинных отношений.

Изучение жилищ, погребального обряда и лепной керамики памятников типа Этулия, определение времени их существования позволяют попытаться выявить истоки их происхождения. Пшеворские и волыно-подольские памятники дают определенные аналогии этулийскому жилищу, и массовые – керамике. Первые носят довольно общий характер, хотя совпадают и некоторые детали (очаги в ямке на полу или в материковом останце, лежанки). В районе распространения этих памятников оказывается важной общая линия развития домостроительства. В III фазе развития волыно-подольской группы (тип Сокольники – Давыдов) полуземлянки – доминирующая форма жилища. Вырабатывается их устойчивый тип. В последующее время углубленные жилища преобладают и на черняховских поселениях этой территории, возникавших здесь на местной основе. Дома имеют ряд этнографических черт (форма, размеры, устройство столбовых конструкций, глинобитные печи, в том числе на возвышении, лежанки), сближающие с ними этулийские жилища. Это позволяет предположить, что в обычаях домостроительства обоих районов имелись определенные связи. Особого внимания заслуживает то, что на этулийских памятниках единый тип жилища не сложился. Может быть, это указывает на то, что разъединение этулийской и волыно-подольской групп населения произошло ранее III фазы развития последней.

Более выразительную картину дает сравнение керамики. Из всех этулийских форм сосудов только шаровидные латеноидные горшки вида 4 имеют мало аналогий на волыно-подольских поселениях. Остальные формы, сопоставимые с этулийскими, встречаются не менее, чем на двух поселениях. Знаменательно, что поселение Подберезцы, существовавшее с I в. до н. э. по III в. н.э. включительно, дает аналогии всем этулийским формам. Все они находят себе материал для сравнения и на волынском поселении Хоров (вторая половина II-III вв.). Важно отметить, что миски варианта «г» вида 2

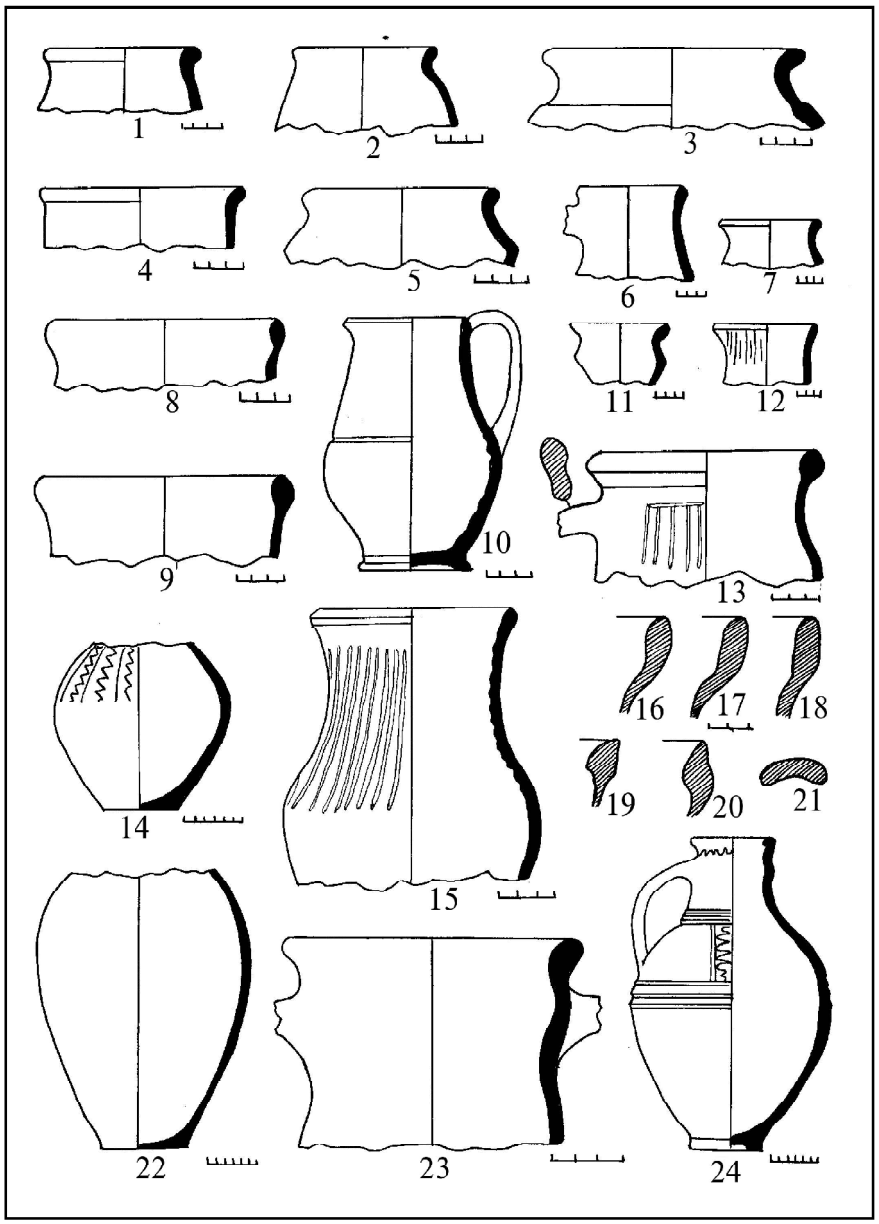

Рис.30. Гончарная сероглиняная посуда: 1, 4, 8, 16-18 – пос. Чишмикиой II; 2, 5, 23 – пос. Конгаз I; 3, 6, 7, 11, 12, 24 – пос. Кокоара III; 9 – пос. Чишмикиой I; 10 – пос. Этулия X; 13-15, 22 – пос. Томай; 19-21 – пос. Ст.Трояны.

могут восходить в пшеворским сосудам раннего времени (поздний латен II-III, период В-1). Большой интерес для характеристики памятников типа Этулия представляет близость найденных на них протопражских форм таким же сосудам на волыно-подольских и черняховских поселениях в верховьях Днестра и Западного Буга. Это сходство указывает на то, что этулийское население связано с тем кругом племен, в керамике которых складывался пражский тип. Ареал протопражских форм должен расшириться на юг в междуречье Днестра и Прута до Дуная.

Итак, можно констатировать сходство этулийской керамики с волыно-подольской, как с ее пшеворскими формами, так и с заимствованными из зарубинецкой культуры. Выраженных связей с липицкой культурой не наблюдается. Сходства отдельных керамических форм носят, вероятно, опосредованный характер. Очевидно, между липицкими и этулийскими памятниками имелся хронологический, а возможно, и территориальный разрыв.

В этулийском погребальном обряде прослеживается связь с традициями той части населения Верхнего Поднестровья, которая практиковала ямные погребения очищенных костей без жертвенных сосудов. Этому населению принадлежал могильник Долиняны. Под его воздействием на липицких могильниках могли появиться редкие ямные погребения, в том числе со «спрессованными» костями. Можно допустить, что захоронения с кремацией такого рода у обитателей Верхнего Поднестровья сохранились в какой-то мере и в последующий период и были унаследованы носителями типа Этулия.

Таким образом, все рассмотренные категории источников свидетельствуют о связи между типом Этулия и культурой населения Верхнего

Поднестровья и Западного Побужья на рубеже эр и в первые века нашей эры. При этом в типе Этулия присутствуют многие из тех черт, которые поздней оказались включенными в черняховскую культуру на Верхнем Днестре и Западном Буге, а ее носителями были переданы раннеславянскому населению последующего времени в этом районе. Подчеркнем, что речь не идет о заимствованиях непосредственно из черняховской культуры.

Позднезарубинецкие и раннекиевские памятники тоже дают выразительный материал для сопоставления с этулийскими. На них появляются и распространяются полуземлянки, которые на классических зарубинецких поселениях применялись лишь в более северных районах. Они прямоугольные или четырехугольные с неустоявшимся типом столбовых конструкций, с входом, выдающимся за контур котлована. В этих домах параллельно применялись очаги и глинобитные печи. Есть мнение, что в Среднем Поднепровье наблюдается преемственное развитие жилища в течение первой половины I тыс. н.э. и оно имеет связь с полесскими традициями (Кравченко, Гороховский 1979: 64-65, рис. 5).

Сравнение этулийского погребального обряда с зарубинецким на всех этапах его развития выявляет точки соприкосновения. Наиболее сопоставима с зарубинецкими захоронениями оказывается вторая группа этулийских. Совпадают также некоторые детали обряда: помещение поверх захоронения остатков костра (иногда не совсем прогоревшего) или мяса (в отдельных случаях туши) жертвенного животного.

Многие сходства выявляются и при сопоставлении керамики с позднезарубинецкой. Керамический комплекс поселений на Стугне, Девич-Горы, поздних комплексов Лютежа, Оболони содержит многочисленные горшки с воронковидным горлом, орнаментированным венчи-

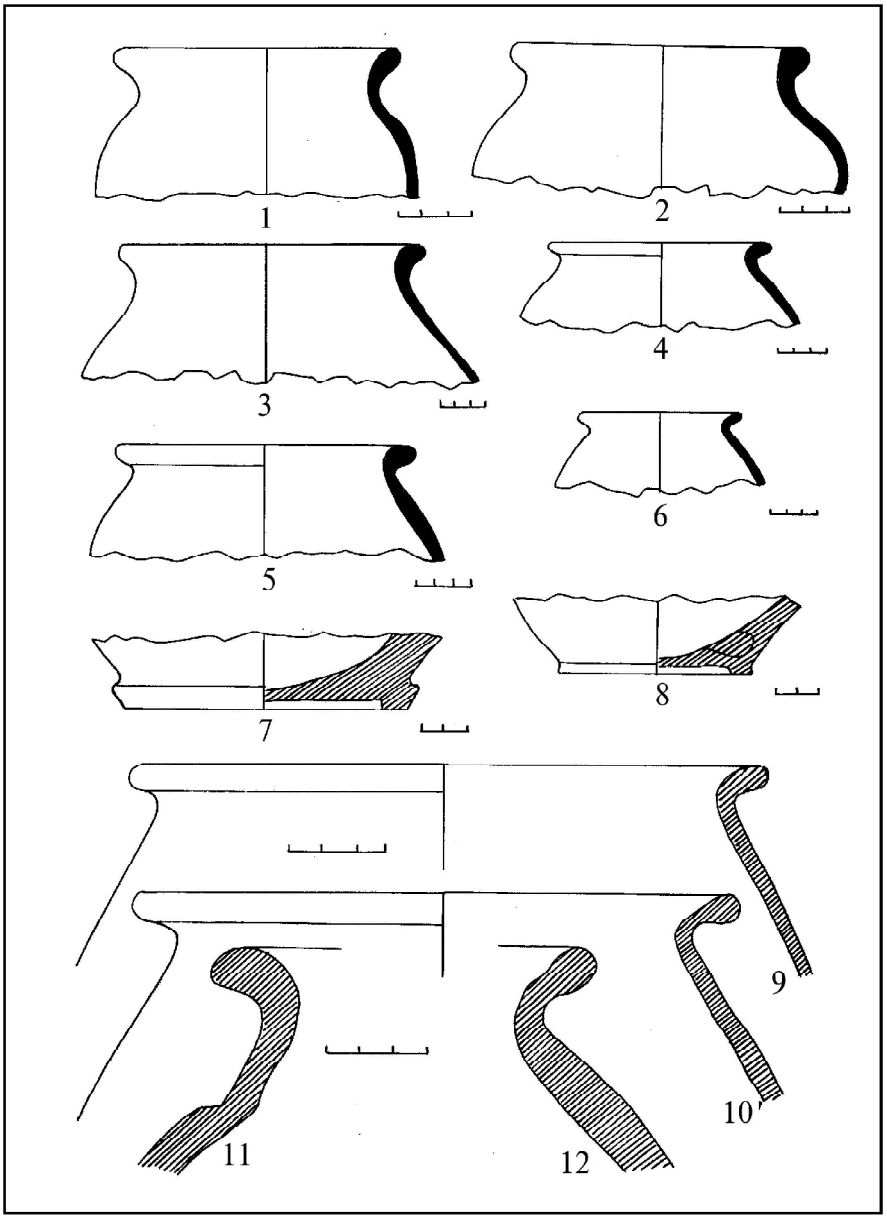

Рис.31. Гончарная шероховатая керамика: 1-6, 9-12 – пос. Конгаз I; 7-8 – пос. Волчья Балка.

ком и резким сужением корпуса ко дну небольшого размера (Кравченко, Гороховский 1979: 66; рис. 3, *3, 17*). Эта посуда имеет явно скифоидный облик. Существует представление, что на позднезарубинецких памятниках происходило широкое распространение горшков с выраженным скифоидным обликом (Терпиловский 1984: 52; Козак, Терпиловский 1986: 35). Горшки вида I Этулии как по форме, так и по орнаменту оказываются в наибольшей мере сопоставимы с материалами самых поздних зарубинецких памятников Среднего Поднепровья (Лютеж, Субботов, Бабина Гора, Таценки, Грини). Горшки вида 2 с высокой цилиндрической шейкой в раннее время известны в Полесье и на Верхнем Днепре, а на позднейшем этапе и на других территориях (Почеп, Лютеж, Дедов Шпиль, Рахны). Бытование протопражских форм вида 3 в классическое время связано исключительно с полесскими памятниками. В Среднем Поднепровье они появляются во II в. (Девич-Гора, Казаровичи). Горшки вида 4 с шаровидным туловом и низкой шейкой представляют один из типов зарубинецкой посуды, распространенный в течение всего времени ее существования. Известны они и на более поздних памятниках (Оболонь, Хомятовка, Марьяновка). Миски варианта «а» вида I и вида 2 (кроме варианта «г») широко распространены в зарубинецкой керамике и формы, с которыми сопоставимы этулийские, не дают узких территориальных или временных привязок. Конические крышки с вертикальными ручками и диски-покрышки, хотя и не являются принадлежностью исключительно зарубинецкой керамики, широко в ней применялись.

Итак, можно считать, что в зарубинецкой культуре на разных территориях и в разное время бытовали явления, с которыми можно сопоставлять элементы культуры памятников этулийского типа. Они распространены на поздних зарубинецких памятниках (в том числе на Южном Буге), а некоторые присутствуют и на раннекиевских. Часть этих явлений связана своим происхождением с Полесьем и Верхним Поднепровьем.

В итоге анализа всех рассмотренных категорий источников становится очевидным, что древности типа Этулия не являются прямым эволюционным продолжением ни одной из трех групп памятников трех первых веков нашей эры в средней полосе Восточной Европы. В то же время все они дают полноценный материал для весомых сопоставлений и возможность установления генетических связей для отдельных культурных элементов. Следовательно, тип Этулия складывается на этой многокомпонентной основе, продолжая ее линию развития. В то же время он, как явление хронологическое, оказывается параллельным черняховской и частично киевской культурам (речь не идет о масштабах всех трех явлений).

В особенностях киевской культуры имеются такие, с которыми сопоставимы признаки этулийских древностей. Поселения киевской культуры по всем основным характеристикам оказываются аналогами этулийским. Они не долговременны, состоят из небольшего числа жилищ (на Десне только полуземлянки) и многих ям, часто расположенных в обособленной части поселения. Несколько иные результаты дает сопоставление жилищ. Киевские полуземлянки (особенно на Десне) представляют собой в основном устоявшийся тип. Поскольку на этулийских поселениях картина обратная, то только часть их жилищ сопоставима с киевскими. Совпадает отсутствие в полуземлянках ям-погребов. В керамике сходство форм минимально: диски и сосуды вытянутых пропорций со слабо выделенным венчиком. Однако одинакова отделка посуды: орнаментация по венчику косыми насечками и вдавлениями, гребенчатые расчесы, оформление непрофилированного венчика горизонтальным или наклонным срезом. Сходны динамика и характер развития керамики. Количество лощеной со временем убывает, лощение деградирует, качество лощеной посуды ухудшается. Очевидно, все эти сходства объясняются тем, что киевская культура и тип Этулия имели некоторые общие истоки. В этой связи чрезвычайно интересно представление о том, что в конце первой четверти I тыс. н.э. ранние киевские памятники и памятники Западной Волыни типа Сокольники I — Давыдов имели много общих черт и входили в единую культурную область (Козак, Терпиловский 1983: 20-22; Козак 1987: 203). Кроме того, в киевской культуре очевидно присутствие культурных элементов, связанных с Верхним Поднепровьем и южной и юго-восточной Белоруссией. Существуют они и на памятниках типа Этулия, проникнув на них через позднейшую зарубинецкую культуру, в том числе опосредовано через волыно-подольскую группу. В целом же развитие типа Этулия и киевской культуры шло совершенно разными путями. Общим в них является позднезарубинецкое наследие.

Большие различия выявляет сравнение памятников типа Этулия и черняховской культуры. Тип поселений совершенно различен. Черняховские селища долговременные, со значительным культурным слоем, залегающим по всей территории, с перестройками и даже перекрыванием сооружений друг другом. Количество хозяйственных ям на них сравнительно с числом жилищ небольшое. Дома расположены компактно, иногда двумя параллельными рядами. Этулийские поселения не долговременны. Культурный слой беден, скапливался только на местах строений. Перестроек и перекрываний не наблюдается. Немногочисленные жилища разбросаны. Количество хозяйственных ям очень велико. Этулийские жилища могут быть сопоставлены только с одним типом черняховских домов – полуземлянками. Сходство с памятниками верховьев Днестра и Западного Буга,

где это была основная форма жилищ, уже было рассмотрено. Отдельные общие черты выявляются и на других территориях. Лежанки в черняховских домах известны на 22 памятниках междуречья Среднего Днепра и Днестра (Журко 1984: 52). В отдельных случаях они существовали и на юге (Грушевка) (Сымонович 1067 а: рис. 2). В Привольном известно расположение глинобитной печи на специальном возвышении (Кухаренко 1955: 127; рис. 1). Однако в зоне распространения этулийских памятников черняховским поселениям присущ иной, наземный тип жилища. Этулийский погребальный обряд с черняховским во всем его объеме не сопоставим. Речь о сходстве может идти только по отношению к одной из форм черняховских погребений с кремацией. Это типы 12 и 13 по Н.М.Кравченко, в малой яме с остатками сожжения, лежащими компактно в виде скопления небольших размеров – 20-40 см в диаметре (Кравченко 1970). Происхождение этой группы черняховских сожжений не исследовано. Этулийский и черняховский керамические комплексы имеют формально сходный состав: лепная посуда, гончарная сероглиняная, красноглиняная и краснолаковая, римские амфоры. Однако сходство это чисто внешнее. Различно количественное соотношение групп керамики. Лепная преобладает на этулийских поселениях, а на черняховских – это деградирующая и исчезающая часть комплекса. Формы сосудов разные. С этулийскими относительно сопоставимы в основном отдельные черняховские горшки, восходящие к позднескифским прототипам. Однако, в то время, как на этулийских поселениях это активно живущая массовая форма посуды, в черняховской культуре горшки с шейкой в виде высокого раструба почти полностью исчезают на позднем этапе (Сымонович 1958: 250). Гончарная сероглиняная посуда – ведущая группа сосудов на черняховских памятниках, а на этулийских она, как правило, составляет лишь около 10 % всего материала. Более того, по формам это разные группы керамики. Общим для них является серый цвет и ремесленный характер производства. Повторяются лишь отдельные формы мисок и шероховатых горшков, выработанных в провинциально-римских центрах. Типичных черняховских сосудов на этулийских памятниках нет. Амфоры на этулийских поселениях массовы (в среднем около 40 %), а на черняховских – их намного меньше (20-27 %). Отдельные типы амфор, конечно, совпадают, но на этулийских поселениях пока не найдено сосудов инкерманского типа, характерных для черняховской культуры. Таким образом, по всем признакам очевидно различие памятников типа Этулия и черняховских.

Исторически происхождение памятников типа Этулия может быть понято только на фоне крупных этно-культурных сдвигов, произошедших в Восточной Европе на рубеже эр – в I в. н.э. В это время определяющей чертой исторического процесса оказались перемещения больших масс населения и распространение культурных признаков на новые территории, в новую среду. Результатом этого явилась общая нестабильность, активизация процессов взаимодействия и интеграции. Развитие местного населения было осложнено и изменено крупными миграциями. С востока и юго-востока двигались сарматы, с северо-запада из Прибалтики и Нижнего Повисленья – разноэтничное население, носители местных культур, с запада – пшеворские племена. На обширной территории, включающей верховья Днестра, Западного и Южного Буга, южное и юго-восточное Полесье, Среднее и отчасти Верхнее Поднепровье и Подесенье они взаимодействовали с местным населением и вызывали его перемещения (Этнокультурная карта 1985: 157-159). Поток носителей пшеворской культуры докатился до среднего течения Южного Буга, в отдельных проявлениях до Среднего Поднепровья (Максимов 1969: 49, 131-132) и даже верховьев Сейма и Псла (Этнокультурная карта 1985: 159). В Правобережье Среднего Поднепровья возник массив сарматских памятников. Здесь известно более 70 погребений в 30 пунктах, в том числе значительный Калантаевский могильник (Этнокультурная карта 1985: 9). Они относятся ко второй половине I – началу II в. н.э. Значительная часть позднезарубинецкого населения была вытеснена с этой территории. Его отлив из Среднего Поднепровья происходил в разные стороны: в Подесенье, на Южный Буг (бассейн р. Собь), в верховья Днестра и Западного Буга. Во второй половине I в. н.э. под давлением северо-западных племен прекратила свое существование припятско-полесская группа зарубинецкой культуры. Обитатели этого района отошли на Волынь и в Подолию. Под воздействием перемещения населения в низовьях Вислы и в Восточной Прибалтике возникает некоторый импульс культуры штрихованной керамики в Верхнее Поднепровье (Этнокультурная карта 1985: 58; Мачинский 1981: 36; Поболь 1983: 40-41). Признаком этого импульса считают появление на позднезарубинецкой и раннекиевской керамике гребенчатых расчесов и штриховки. С продвижением на юг верхнеднепровского населения связывают появление памятников типа Грини-Вовки, родственных раннему горизонту Абидни (Этнокультурная карта 1985: 58; Обломский, Терпиловский 1991: 95).

В интеграционных процессах на Южном Буге превосходящим оказалось зарубинецкое начало. Чрезвычайно активное взаимодействие зарубинецких, пшеворских и отчасти липицких элементов происходило на Верхнем Днестре и в верховьях Западного Буга. Их объединение привело к образованию здесь во второй половине I – первой половине II в н.э. волыно-подольской группы пшеворской культуры, сильно отличаю-

щейся от пшеворских древностей Висло-Одерского междуречья (Козак 1984: 46-47, 49). В Среднем Поднепровье в конце I – начале III в. сосуществовали позднезарубинецкие и раннекиевские памятники, которые не всегда можно четко отграничить друг от друга. На них фиксируют элементы культуры как пшеворского, так и более северного происхождения. Все эти культурные образования хронологически и исторически лежат между классической зарубинецкой культурой, с одной стороны, и киевской и черняховской, – с другой. Они отличаются чрезвычайным синкретизмом и мозаичностью. Отдельные памятники или их небольшие группы своеобразны в силу наличия специфических черт или их сочетаний. Отдельные культурные группы не являются самостоятельными археологическими культурами. Связи и взаимопроникновения между ними выражены весьма сильно. Это явление уже отмечено В.Д.Бараном, считающим, что памятники со смешанными чертами культуры типа Подрожья (средний слой) на Волыни, Ремезевцев на Верхнем Днестре, Рахнов на Южном Буге, Оселевки и Макаровки на Среднем Днестре представляют собой новое культурное явление в первых веках нашей эры, не сводимое ни к одной из предшествующих культур (Баран 1981: 149-150), но включающее их элементы. Далее на восток отдельные группы таких древностей характеризуются поселениями Грини на правобережье Среднего Днепра, Вовки в южной части Левобережья, Почеп на Десне. Полагаем, что к числу подобных памятников принадлежат и Ломоватое I и II (Сымонович 1959; Махно 1960: 61, № 94, 95). Об этом свидетельствует состав их керамического комплекса: лепная посуда составляет 62%, шероховатая сероглиняная – 19%, сероглиняная лощеная – 6,6%, амфоры – 12,4% (Сымонович 1959). Заметное отличие этих памятников от черняховских заставило считать их раннечерняховскими II-III вв. Сейчас они представляются в хронологическом отношении предчерняховскими.

Все рассмотренные культурные образования предшествуют сложению памятников типа Этулия. Во время ее существования большинство из них уже исчезает. Как отмечалось, тип Этулия оказывается синхронен не этим явлениям, а черняховской и киевской культурам. Однако по своему синкретическому и «незавершенному» облику он более принадлежит предшествующему периоду. Ключ к пониманию этого явления, скорей всего, лежит в событиях кануна II – начала III в., когда готы из Нижнего Повисленья двинулись на юг в Северное Причерноморье и на Волыни появились поселения и могильники вельбаркской культуры. Готы, естественно, привели в движение различные группы населения. Могли быть переселения на большие расстояния, могли быть и сравнительно незначительные, но носившие характер «цепной реакции». Подробности происходивших событий пока почти не известны. Можно предполагать, что появление на крайнем юге, в Буджакской степи и в междуречье Днестра и Прута этулийского населения связано именно с этими подвижками. Назвать конкретную территорию, с которой оно выселилось, пока затруднительно. В нее, очевидно, должны быть включены Верховья Днестра и Западного Буга. Входило ли в нее Верхнее Южное Побужье, пока неясно. Во всяком случае, выселение произошло из района, где происходило заложение протопражской культурной основы. Об этом свидетельствует наличие в этулийской керамике горшков вида 3. Формирование этулийского типа протекало в условиях смешения различных групп населения. Носители вельбаркской культуры в этом процессе не участвовали. На памятниках типа Этулия нет элементов этой культуры, как и на всех волыно-подольских поселениях.

Время перемещения этулийского населения на юг может быть определено на основе общей археологической ситуации. Связывая его с появлением носителей вельбаркской культуры, следует говорить о конце II в. Если считать отсутствие на этулийских памятниках фракийских элеметов липицкой культуры хронологическим признаком, то эта датировка находит дополнительное подтверждение.

Продвинувшись на юг, этулийское население долго оставалось неоднородным в культурном отношении. Процессы слияния и объединения в его среде так и не закончились. Памятники типа Этулия оказываются своеобразным осколком предчерняховского мира синкретических культурных образований II – начала III в. н.э., пережившим свое время. В этом причина наличия на них некоторых сходств с киевской культурой. Она, занимая Среднее Поднепровье и прилегающую к нему территорию, осталась несколько в стороне от бурных событий в более южных и западных районах. Ее развитие было «спокойным», эволюционным (Этнокультурная карта, 1985: 160). В результате в ней в большей мере сохранились черты предшествующего времени.

Финал этулийской группы рассматривается в следующей главе в связи с черняховской культурой.

Глава 3. ЧЕРНЯХОВСКИЕ ПЛЕМЕНА

Степи Украины от Днепра до Дуная и Прута составляют значительную часть ареала черняховской культуры (рис. 32, 33). На восток за Днепр заходят лишь единичные ее памятники в степи, в основном в районе Днепровской Луки. На западе они смыкаются с однотипными памятниками Сынтана де Муреш на территории Румынии. В приморской зоне в низовьях рек и на лиманах концентрация памятников очень высока. Заметно уменьшение их числа в северной части степей между Днепром и Днестром. Это явление лежит в общем русле развития черняховской культуры. Во всем ее ареале памятники располагаются отдельными скоплениями, пространство между которыми заселено не столь интенсивно. Это видно и на карте, составленной О.А.Гей, и на карте памятников Молдавии (Рикман 1975а: рис 15). Причины этого явления могут быть и физико-географические (недостаток воды), и политические (стихийное размежевание племенных объединений).

Черняховские поселения располагаются возле источников питьевой воды на склонах речных берегов без четкого тяготения к первой или второй террасе. Они равно встречаются как на больших реках, так и на их мелких притоках. Поселения часто располагаются на мысу, при впадении ручьев и балок в более крупные водотоки. На обрывистых берегах озер и лиманов они находятся на краю плато. Поселения не имеют укреплений, и места их расположения не рассчитаны на оборону. Толщина культурного слоя колеблеся в среднем около 0,8 м. Изредка она достигает 1,2 и 1,5 м. Известны случаи строительства домов на культурном слое.

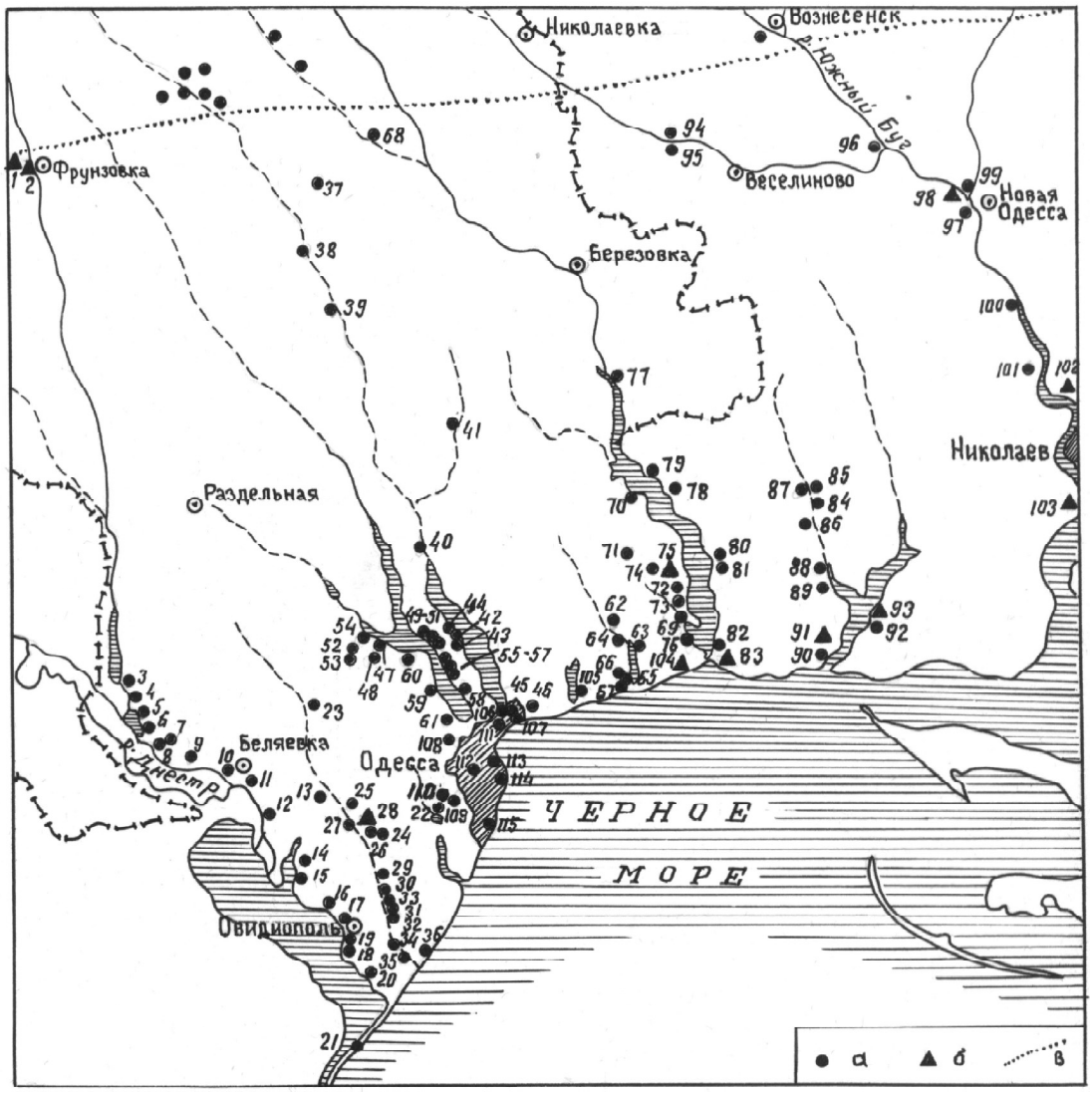
Совершенно особое и пока мало изученное явление представляют собой городища и фортификационные сооружения, связываемые с черняховской культурой. Они известны только в степной зоне и на южной окраине лесостепи в Молдавии. Единственное изученное городище – это Башмачка на Днепре (Смиленко 1992). Еще одно городище, именуемое Городок (Покровка), расположено на высоком мысу при впадении в Буг его западного притока р.Чичиклеи (Махно 1960: 67). Его в 20-х годах обследовал Г. Крысин, а в недавнее время Б.В.Магомедов, раскопавший часть его могильника (Крисін 1929; Магомедов 1987). Им же произведены и небольшие раскопки на городище Александровка (Роксандровка) (Магомедов 1987а). В Молдавии к черняховской культуре Э.А.Рикман отнес городище Калфа I, городище и фортификационную систему Мовила Лата у с. Пугачены (Рикман 1975 а: № 468, 544, 601). Феномен черняховских укреплений пока мало изучен. В них видят племенные военно-политические центры (Кропоткин А. 1992; Магомедов 1980, 1987 а; Смиленко 1992: 114).

Важной характеристикой поселений являются их размеры. В степях от Буга до Дуная, для которых мы обладаем подробными сведениями по этому вопросу, наблюдается преобладание малых поселений: 89-90 % – это селища площадью до 4 га. Самые мелкие из них состояли всего из нескольких домов. На тех поселениях, где вскрыта достаточная площадь, установлено наличие усадеб (например, Ранжевое, Кисёлово, Главаны 1, Рипа и др.). Известно несколько типов планировки поселений, всегда вытянутых вдоль реки: бессистемная; с расположением домов в ряд на расстоянии нескольких десятков метров друг от друга; двумя параллельными рядами.

Кроме жилищ, на поселениях находились очаги и печи под открытым небом, хозяйственные, в том числе зерновые, ямы, каменные вымостки, разнообразные хозяйственные строения, производственные сооружения. Иногда их удается отнести к конкретным усадьбам.

Могильники, которые можно связать с конкретными поселениями, расположены в нескольких сотнях метров от них, выше по склону. Смыкание территории могильника и поселения наблюдается редко (например, Нагорное II на оз. Кагул).

Жилища как отдельная категория источников уже подвергались изучению (Журко 1984), но при этом не были использованы материалы степных памятников, по которым имеется ряд исследований (Сымонович 1967 б; Магомедов 1983 б, 1987: 13-29; Гудкова 1986; Росохацкий 1989). Общий объем накопленного материала позволяет провести его некоторое упорядочение. Жилища региона по строительному материалу и конструкции домов делятся на наземные каменные (глинокаменные), наземные каркасные и полуземлянки. На поселениях Дракуля и Бургунка обнаружены стационарные юрты. Наземные каменные дома присущи исключительно населению Северного Причерноморья. Поэтому они длительное время воспринимались как препятствие для безоговорочного отнесения памятников этой зоны к черняховской культуре (Гудкова 1976). Однако накопление фактов заставило полностью отказаться от этого взгляда, и теперь каменное домостроительство рассматривается как один из ведущих признаков для памятников причерноморского типа (Баран 1981: 58; Магомедов 1961: 7; 1983 а: 144, рис. 1). Действительно, каменные дома распространены в южной приморской части степей, в основном в зоне лиманов и низовий речек. Их северная граница отстоит от берега Черного моря не более чем на несколько десятков километров. На востоке каменное домостроительство широко представлено на памятниках Ингульца. На западе граница его массового распростра-

Памятники черняховской культуры

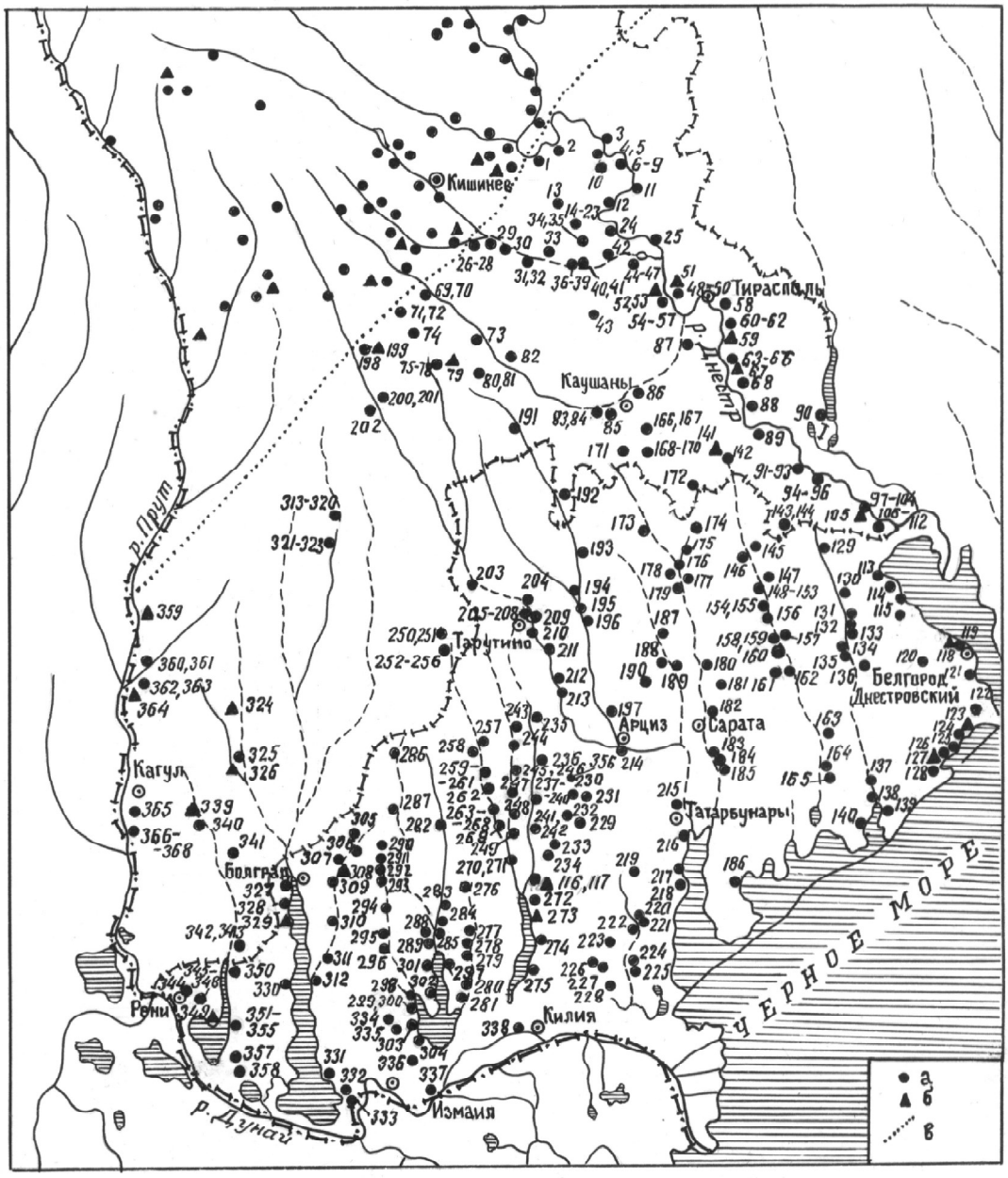
Рис.32. Карта-схема расположения черняховских памятников в степной зоне междуречья Днестра и Буга: а – поселение; б – могильник; в – граница степи и лесостепи.

1. – Мог.Васильевка (Белгородский 1965); 2. – Мог. Фрунзовка (Кравченко А. 1967); 3. – Пос. Граденицы I (Кравченко, Кузменко 1959); Дзис-Райко 1963); 4. – Пос. Граденицы II (Крвченко, Кузменко 1959); 5. – Пос. Троицкое I (Кравченко, Кузменко 1959); 6. – Пос. Троицкое Б (Кравченко, Кузменко 1959); 7. – Пос. Турунчук (Гудкова 1971); 8. – Пос. Яски I (Кравченко, Кузменко 1959); 9. – Пос. Яски II (Кравченко, Кузменко 1959); 10. – Пос. Беляевка V (Гудкова 1971); 11. – Пос. Беляевка III (Кравченко, Кузменко 1959; Дзис-Райко 1963; Гудкова 1971); 12. – Пос. Маяки I (Черняков 1960); 13. – Пос. Гайдолина (Кравченко 1971 а); 14. – Пос. Ефимовка I (Черняков 1960); 15. – Пос. Ефимовка II (Черняков 1960);16. – Пос. Николаевка II (Дзис-Райко 1963); 17. – Пос. Овидиополь I (Синицын 1950); 18. – Пос. Овидиополь III (Синицын 1949 а); 19. – Пос. Овидиополь II (Синицын 1955; Махно 1960); 20. – Пос. Роксоланы (Синицын 1960 а; 1966; Секерская 1978 а; Кузменко 1976); 21. – Пос. Затока (Дзис-Райко 1963); 22. – Пос. Сухой Лиман II (Загинайло 1974); 23. – Пос. Доброжаны (Гудкова 1971); 24. – Пос. Марьяновка (Гудкова и др. 1980); 25. – Пос. Иосиповка I (Гудкова и др. 1980); 27. — Пос. Иосиповка (Гудкова 1971); 28. – Мог. Новоградовка (Нейбург) (Махно 1960); 29. – Пос. Доброалександровка (Гудкова 1971); 30. – Пос. Барабой I (Гудкова 1971); 31. — Пос. Барабой IV (Гудкова 1971); 32. – Пос. Барабой II (IV) (Гудкова 1971); 33. – Пос. Барабой III (Гудкова 1971); 34. – Пос. Богатыревка (Гудкова 1971); 35. – Пос. Дальник I (Синицын 1950;1955; Гудкова 1971); 36. – Пос. Яринославка (Загинайло 1974); 38. – Пос. Жовтень (Загинайло 1974); 39. – Пос. Софиевка (Загинайло 1974); 40. – Пос. Северинovка (Синицын 1955; Махно 1960); 41. – Пос. Верхний Куяльник (Кузменко 1957); 42. – Пос. Ильинка I (Синицын 1950; Махно 1960); 43. – Пос. Ильинка II (Синицын 1950; Махно 1960; Гудкова и др. 1980); 44. – Пос. Ильинка III (Синицын 1950;1955; Махно 1960; Гудкова и др. 1980); 45. – Пос. Крыжановка (Синицын 1955; Махно 1960); 46. – Пос. Киселово (Раевский 1955; Махно 1960); 47. – Пос. Палиево (Синицын 1959 а); 48. – Пос. Палиево I (Гудкова и др. 1980); 49. – Пос. Морозовка I (Синицын 1955; Махно 1960; Гудкова и др. 1980); 50. – Пос. Морозовка II (Синицын 1955); 51. – Пос. Морозовка III (Синицын 1955); 52. – Пос. Елизаветовка I (Синицын 1959 а); 53. – Пос. Ели-

заветовка II (Синицын 1959 а); 54. – Пос. Алистарово (Синицын 1959 а); 55. – Пос. Августовка (Синицын 1955; Махно 1960); 56. – Пос. Хутор Черевичный I (Синицын 1955; Махно 1960); 57. – Пос. Хутор Черевичный II (Синицын 1955; Махно 1960); 58. – Пос. Протопоповка (Гудкова и др. 1980); 59. – Пос. Холодная Балка (Синицын 1955; Махно 1960); 60. – Пос. Алтестово I (Синицын 1955; Гудкова 1972 а); 61. – Пос. Нерубайское (Синицын 1955; Махно 1960); 62. – Пос. Малый Аджалык V (Загинайло 1974); 63. – Пос. Вороновка I (Гудкова и др. 1980); 64. – Пос. Вулдынка (Синицын 1955); 65. – Пос. Григорьевка I (Таганова, Козыренко 1949); 66. – Пос. Григорьевка II (Синицын 1955; Махно 1960); 67. – Пос. Григорьевка III (Таганова, Козыренко 1949); 68. – Пос. Червоный Кут (Загинайло 1974); 69. – Пос. Тышковка (Сымонович 1956 а); 70. – Пос. Калиновка (Сымонович 1956 а; Махно 1960); 71. – Пос. Дмитриевка (Синицын 1955; Махно 1960); 72. – Пос. Любополь V (Загинайло 1974); 73. – Пос. Любополь IV (Загинайло 1974); 74. – Пос. Ранжевое (Сымонович 1967 а; Махно 1960); 75. – Пос. Ранжевое (Сымонович 1967 а; 1979 б); 76. – Пос. Кошары (Сымонович 1967 а; Махно 1960); 77. – Пос. Софиевка (Гудкова и др. 1980); 78. – Пос. Ташино (Сымонович 1956 а); 79. – Пос. Атаманка (Сымонович 1956 а); 80. – Пос. Анатольевка (Сымонович 1956 а); 81. – Пос. Капустино (Славін 1955; Сымонович 1956 а; Махно 1960); 82. – Пос. Коблево (Славін 1955; 1966; 1967 а; 1970); 83. – Мог.Коблево (Сымонович 1966 а; 1967 а; 1970; 1979 б); 84. – Пос. Андреевка (Погребова и Кондрацкий 1960); 85. – Пос. Хутор Свободный (Погребова и Кондрацкий 1960); 86. – Пос. Тилигуло-Березанка (Сымонович 1967 а; Погребова и Кондрацкий 1960); 87. – Пос. Малыши I (Погребова и Кондрацкий 1960); 88. – Пос. Каменка-Анчекрак (Магомедова 1978; 1987); 89. – Пос. Каменка (Махно 1960); 90. – Пос. Викторовка II (Болтенко 1949; Сымонович 1967 а; Сымонович, Яровой 1968; Карышковский 1962); 91. – Мог. Викторовка II (Сымонович 1966 а; 1967 а); 92. – Пос. Каборга IV (Магомедов 1979 б); 93. – Мог. Каборга IV (Магомедов 1979 б); 94. – Пос. Мерцаки (I) (Патокова 1960); 95. – Пос. Мерцаки (II) (Патокова 1960); 96. – Пос. Безуварово (Патокова 1960); 97. – Городище Старопокровка I (Патокова 1960; Махно 1960; Магомедов 1979 а); 98.– Мог. Городок (Новый Городок) (Магомедов 1979 а); 99. – Пос. Старопокровка II (Новый Городок) (Патокова 1960; Махно 1960); 100. – Пос. Трикаты (Махно 1960); 101. – Пос. Петрово-Солониха (Патокова 1960; Махно 1960); 102. – Мог. Чубовка (Гребенников и др. 1982); 103. – Мог. Большая Корениха (Гребенников и др. 1982); 104. – Мог. Сычавка (Федоров, Рошаль 1979); 105. – Пос. Дофиновка (Синицын 1955; Махно 1960); 106. – Пос. Крыжановка (I) (Синицын 1955); 107. – Пос. Крыжановка (I) (Синицын 1955); 108. – Пос. Одесса III (Синицын 1950; 1955; Махно 1960); 109. – Пос. Кривая Балка (Синицын 1955); 110. – Пос. Одесса IV (Синицын 1950; 1955; Махно 1960); 111. – Пос. Одесса VI (Синицын 1950; 1955; Махно 1960); 112. – Пос. Одесса I (Синицын 1955; Махно 1960); 113. – Пос. Одесса (V) (Синицын 1955); 114. – Пос. Одесса II (Аркадия) (Синицын 1955; Махно 1960); 115. – Пос. Одесса II (Синицын 1950; 1955; Махно 1960).

Рис.33. Карта-схема расположения черняховских памятников в степной зоне междуречья Днестра и Дуная: а – поселение; б – могильник; в – граница степи и лесостепи.

1. – Пос. Балабанешты (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 2. – Пос. Коржево (Федоров 1960; Рикман 1975 а) 3. – Пос. Делакеу (Рикман 1975 а); 4. – Пос. Делакеу I (Федоров 1960; Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а) 5. – Пос. Делакеу II (Рикман 1975 а); 6. – Пос. Пугачены I (Рикман 1975 а) 7. – Пос. Пугачены II (Рикман 1975 а) 8. – Пос. Пугачены III (Рикман 1975 а); 9. – Пос. Пугачены IV (Рикман 1975 а); 10. – Система укреплений Пугачены (Рикман 1975 а); 11. – Пос. Буторы (Рикман 1975 а); 12. – Пос. Спея (Рикман 1975 а); 13. – Пос. Чимишены (Рикман 1975 а); 14. – Пос. Кобуска-Веке I (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 15. – Пос. Кобуска-Веке II (Рикман 1975 а); 16. – Пос. Кобуска-Веке III (Рикман 1975 а); 17. – Пос. Кобуска-Веке IV (Рикман 1975 а);18. – Пос. Кобуска-Веке V (Рикман 1975 а); 19. – Пос. Кобуска-Веке VI (Рикман 1975 а); 20. – Пос. Кобуска-Веке VII (Рикман 1975 а); 21. – Пос. Кобуска-Веке VIII (Рикман 1975 а); 22. – Пос. Кобуска-Веке IX (Рикман 1975 а); 23. – Пос. Кобуска-Веке X (Рикман 1975 а); 24. – Пос. Телица (Рикман 1975 а); 25. – Пос. Калараш II (Рикман 1975 а); 26. – Пос. Ревака I (Рикман 1975 а); 27. – Пос. Ревака II (Рикман 1975 а); 28. – Пос. Ревака III (Рикман 1975 а); 29. – Пос. Сынжера (Рикман 1975 а); 30. – Пос. Кетрос (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1960; Рикман 1975 а); 31. – Пос. Тодиреште I (Рикман 1975 а); 32. – Пос. Тодиреште II (Рикман 1975 а); 33. – Пос. Цынцарены (Рикман 1975 а); 34. – Пос. Новая Кобуска I (Рикман 1975 а) 35. – Пос. Новая Кобуска II (Рикман 1975 а); 36. – Пос. Новые Анены I (Кетрару, Рикман 1960;Рикман 1975 а); 37. – Пос. Новые Анены II (Рикман 1975 а); Кетрару, Рикман 1960); 38. – Пос. Новые Анены III (Рикман 1975 а); 39. – Пос. Новые Анены IV (Рикман 1975 а); 40. – Пос. Березки I (Рикман 1975 а); 41. – Пос. Березки II (Рикман 1975 а);42. – Пос. Рошканы (Рикман 1975 а); 43. – Пос. Ново-Троицкое (Нудельман, Рикман 1967; Рикман 1975 а); 44. – Городище Калфа I (Рикман 1975 а);45. – Пос. Калфа II (Рикман 1975 а); 46.– Пос. Калфа III (Рикман 1975 а); 47. – Пос. Калфа IV (Рикман 1975 а); 48. – Пос. Парканы I (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 49. – Пос. Парканы II (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 50. – Пос. Парканы III (Кетрару 1961; Рикман 1975 а); 51. – Мог. Парканы IV (Рикман 1975 а); 52. – Мог. Бендеры (Рикман 1975 а); 53. – Местонахождение Бендеры II (Рикман 1975 а); 54. – Местонахождение Бендеры III (Рикман 1975 а); 55. – Местонахождение Бендеры IV (Рикман 1975 а); 56. – Местонахождение Бендеры V (Рикман 1975 а); 57. – Местонахождение Бендеры VI (Рикман 1975 а); 58. – Пос. Суклея (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 59. – Мог. Карагаш I (Федоров 1960; Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 60. – Пос. Карагаш II (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 61. – Пос. Карагаш III (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 62. – Пос. Карагаш IV (Рикман 1975 а); 63. – Пос. Слободзея I (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 64. – Пос. Слободзея II (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 65. – Пос. Слободзея III (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 66. – Пос. Слободзея IV (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 67. – Мог. Слободзея V

(Федоров 1960; Рикман 1975 а); 68. – Пос. Чобручи (Федоров 1960; Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 69. – Пос. Горешты I (Рикман 1975 а); 70. – Пос. Горешты II (Рикман 1975 а); 71. – Пос. Молошты I (Рикман 1975 а); 72. – Пос. Молошты II (Рикман 1975 а); 73. – Пос. Гангура (Рикман 1975 а); 74. – Пос. Гованоаса (Рикман 1975 а); 75. – Пос. Кабурна I (Рикман 1975 а); 76. – Пос. Кабурна II (Рикман 1975 а); 77. – Пос. Кабурна III (Рикман 1975 а); 78. – Пос. Кабурна IV (Рикман 1975 а); 79. – Пос. и Мог. Кабурна V (Рикман 1975 а); 80. – Пос. Кайнары I (Рикман 1975 а); 81. – Пос. Кайнары II (Рикман 1975 а); 82. – Пос. Константиновка (Чабан) (Рикман 1975 а); 83. – Пос. Заим II (Рикман 1975 а); 84. – Пос. Заим II (Рикман 1975 а); 85. – Пос. Заим I (Рикман 1975 а); 86. – Пос. Каушаны (Рикман 1975 а); 87. – Пос. Копанка (Рикман 1975 а); 88. – Пос. Глиное (Рикман 1975 а); 89. – Пос. Раскайцы(Рикман 1975 а); 90. – Пос. Незавертайловка (Федоров 1960; Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 91. – Местонахождение Олонешты I (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 92. – Пос. Олонешты II (Рикман 1975 а); 93. – Пос. Олонешты III (Рикман 1975 а); 94. – Пос. Коркмаз I (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 95. – Пос. Коркмаз II (Федоров 1960; Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а);96. – Пос. Коркмаз III (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 97. – Пос. Тудорово I (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 98. – Пос. Тудорово II (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 99. – Пос. Тудорово III (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 100. – Пос. Тудорово IV (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 101. – Пос. Тудорово V (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 102. – Пос. Тудорово VI (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 103. – Пос. Тудорово VII (Рикман 1975 а); 104. – Пос. Тудорово VIII (Рикман 1975 а); 105. – Пос. Тудорово IX (Рикман 1975 а); 106. – Пос. Паланка I (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 107. – Пос. Паланка II (Кетрару, Рикман 1960; Рикман

1975 а); 108. – Пос. Паланка III (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 109. – Пос. Паланка IV (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 110. – Пос. Паланка V (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 111. – Пос. Паланка V (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 112. – Пос. Паланка VII (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 113. – Пос. Семеновка (Клейман, Ревенко 1959; Черняков 1960);114. – Пос. Пивденное IV (Гудкова 1973); 115. – Пос. Совхоз "Лиманский" (Клейман, Ревенко 1959; Черняков 1960); 116. – Мог. Холмское (Гудкова, Фокеев 1984); 117. – Пос. Холмское III (Гудкова, Столярик 1985); 118. – Погребение из Белгород-Днестровского (Криволап 1972); 119. – Пос. Папушой (Дмитров 1949); 120. – Пос. Выпасное (Дмитров 1949); 121. – Пос. Шабо (Клейман, Ревенко 1959); 122. – Пос. Беленькое I (Гудкова 1973); 123. – Пос. Беленькое (Сымонович 1974; 1979 а); 124. – Пос. Чабанское II (Гудкова 1973); 125. – Пос. Вольное (Гудкова 1973); 126. – Пос. Приморское (Сымонович 1973); 127. – Мог. Приморское (Криволап 1972, Сымонович 1973, 1979 а); 128. – Пос. Приморское II (Гудкова 1973); 129. – Пос. Староказачье (Черняков 1959); 130. – Пос. Карналеевка II (Гудкова 1973); 131. – Пос. Монаши II (Гудкова 1973 б); 132. – Пос. Монаши IV (Гудкова 1973); 133. – Пос. Монаши I (Черняков 1959); 134. – Пос. Зеленое I (Гудкова 1973); 135. – Пос. Алексеевка I (Гудкова 1973); 136. – Пос. Алкалия III (Гудкова 1973); 137. – Пос. Широкое II (Гудкова 1973); 138. – Пос. Ново-Михайловка (Загинайло 1974); 139. – Пос. Базарьянка (Черняков 1961); 140. – Пос. Тузлы (Черняков 1961); 141. – Мог. Слободзея I (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 142. – Пос. Слободзея II (Рикман 1975 а); 143. – Пос. Капланы I (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 144. – Пос. Капланы II(Федоров 1960; Рикман 1975 а); 145. – Пос. Владимировка I (Гудкова 1973); 146. – Пос. Владимировка II (Гудкова 1974); 147. – Пос. Кривая Балка II (Гудкова 1974); 148. – Пос. Николаевка-Новороссийская X (Гудкова 1974); 149. – Пос. Николаевка-Новороссийская II (Гудкова 1974); 150. – Пос. Николаевка-Новороссийская IX (Гудкова 1974); 151. – Пос. Николаевка-Новороссийская VII (Гудкова 1974); 152. – Пос. Николаевка-Новороссийская VI (Гудкова 1974); 153. – Пос. Николаевка-Новороссийская VIII (Гудкова 1974); 154. – Пос. Хаджидер I (Гудкова 1974); 155. – Пос. Хаджидер II (Гудкова 1974); 156. – Пос. Рипа (Черняков 1963; Гудкова 1974); 157. – Пос. Николаевка-Новороссийская I (Черняков 1963; Карышковский 1963); 158. – Пос. Хаджидер III (Гудкова 1974); 159. – Пос. Хаджидер IV (Гудкова 1974); 160. – Пос. Николаевка-Новороссийская IV (Черняков 1963); 161. – Пос. Ярославка (Гудкова 1974); 163. – Пос. Колесное I (Черняков 1963; Гудкова 1974); 164. – Пос. Дивизия III (Загинайло 1974); 165. – Пос. Дивизия I (Черняков 1963); 166. – Пос. Ермоклия I (Рикман 1975 а); 167 . – Пос. Ермоклия II (Рикман 1975 а); 168. – Пос. Семеновка I (Рикман 1975 а); 169. – Пос. Семеновка II (Рикман 1975 а); 170. – Пос. Семеновка III (Рикман 1975 а); 171. – Пос. Брезоая (Рикман 1975 а); 173. – Пос. Петропавловка I (Гудкова 1974); 174. – Пос. Джилаир II (Гудкова 1974); 175. – Пос. Благодатное IV (Гудкова 1974); 176. – Пос. Негрово I (Гудкова 1974); 177. – Пос. Негрово II (Гудкова 1974); 178. – Пос. Кантемировская Балка (Гудкова 1974); 179. – Пос. Мирнополье (Гудкова 1974); 180. – Пос. Новая Плахтеевка II (Гудкова 1974); 181. – Пос. Курудер I (Гудкова 1974); 182. – Пос. Сарата II (Черняков 1963); 183. – Пос. Михайловка IV (Черняков 1963; Гудкова 1974); 184. – Пос. Михайловка III (Гудкова 1974); 185 Пос. Михайловка I (Гудкова 1974); 186 . – Пос. Вишневое I (Загинайло 1974); 187. – Пос. Введенка II (Гудкова 1974); 188. – Пос. Светлодолинское I (Гудкова 1974);189 . – Пос. Светлодолинское II (Гудкова 1974); 190. – Пос. Вишняки II (Гудкова 1973 б); 191. – Пос. Тараклия (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 192. – Пос. Украинка (Рикман 1975 а); 193. – Пос. Ламбровка (Гудкова, Новицкий 1976); 194. – Пос. Веселая Долина II (Гудкова, Новицкий 1976); 195. – Пос. Перемога I (Гудкова, Новицкий 1976); 196. – Пос. Перемога II (Гудкова, Новицкий 1976); 197. – Пос. Мирнополье (Гудкова 1973 б); 198. – Пос. Липовены I (Рикман 1975 а); 199. Мог. Липовены II (Рикман 1975 а); 200. – Пос. Граденешты I (Федоров 1960; Рикман 1975 а); 201. – Пос. Градинешты II (Рикман 1975 а); 202. – Пос. Екатериновка (Рикман 1975 а); 203. – Пос. Подгорное I (Гудкова, Новицкий 1976); 204. – Пос. Березино Северное (Гудкова, Новицкий 1976); 205. – Пос. Березино VIII (Гудкова, Новицкий 1976); 206. – Пос. Березино VI (Гудкова, Новицкий 1976); 207. – Пос. Березино VII (Гудкова, Новицкий 1976); 208. – Пос. Березино Южное (Гудкова, Новицкий 1976); 209. – Пос. Березино I (Гудкова, Новицкий 1976); 210. – Пос. Березино IV (Гудкова, Новицкий 1976); 211. – Пос. Настенькино (Гудкова, Новицкий 1976); 212. – Пос. Веселый Кут I (Гудкова, Новицкий 1976); 213. – Пос. Веселый Кут (Гудкова 1973); 214. – Пос. Долиновка II (Гудкова 1973); 215. – Пос. Татарбунары (Черняков 1963); 216. – Пос. Борисовка (Загинайло 1974); 217. – Пос. Глубокое I-II (Кравченко 1971 б); 218. – Пос. Глубокое (Загинайло 1974); 219. – Пос. Баштановка (Шмаглий 1965; Кравченко 1971 б); 220. – Пос. Нерушай (Шмаглий 1965; Кравченко 1967 б; 1971 б); 221. – Пос. Нерушай (I-а) (Шмаглий 1965); 222. – Пос. Нерушай II (Шмаглий 1965); 223. – Пос. Ст. Николаевка (Шмаглий 1965; Кравченко 1971 б); 224. – Пос. Ново-Николаевка (Кравченко 1971 б); 225. – Пос. Ст Николаевка (II) (Шмаглий 1965); 226. – Пос. Трудовое I (Шмаглий 1965); 227. – Пос. Мирное (Шмаглий 1965); 228. – Пос. Дракуля (Мирное) (Шмаглий 1965; Гудкова, Фокеев 1984 б); 229. – Пос. Ташлык I (Гудкова 1973 б); 230. – Пос. Ташлык III (Гудкова 1973 б); 231. – Пос. Прямая Балка I (Гудкова 1973 б); 232. – Пос. Каменское I (Гудкова 1973 б); 233. – Пос. Каменское II (Гудкова 1973 б); 234. – Пос. Холмское (Гудкова 1973); 235. – Пос. Новоселовка I (Гудкова 1973); 236. – Пос. Делень IV (Гудкова 1973); 237. – Пос. Главаны IV (Дижма) (Гудкова 1973); 238. – Пос. Главаны I (Гудкова 1973); 239. – Пос. Главаны V (Гудкова 1973); 240. – Пос. Главаны II (Гудкова 1973); 241. – Пос. Алияга II (Гудкова 1973); 242. – Пос. Алияга I (Гудкова 1973); 243. – Пос. Киргиж VII (Гудкова 1973); 244. – Пос. Киргиж V (Гудкова 1973); 245. – Пос. Делень II (Гудкова 1973); 246. – Пос. Делень III (Гудкова 1973); 247. – Пос. Ново-Ивановка (Гудкова 1973); 248. – Пос. Киргиж I (Гудкова 1973); 249. – Пос. Островное-водоем (Гудкова 1973); 250. – Пос. Кириет-Лунга I (Рикман 1975 а); 251 – Пос. Кириет-Лунга II (Рикман 1975 а); 252. – Пос. Твардица I (Рикман 1975 а); 253. – Пос. Твардица II (Рикман 1975 а); 254. – Пос. Твардица III (Рикман 1975 а); 255. – Пос. Твардица IV (Рикман 1975 а);

256. – Пос. Твардица V (Рикман 1975 а); 257. – Пос. Ново-Ивановка VI (Гудкова 1973 б); 258. – Пос. Валя-Пержа I (Гудкова 1973); 259. – Пос. Киргиж-Китай IV (Гудкова 1973); 262. – Пос. Ново-Ивановка II (Гудкова 1973); 263. – Пос. Задунаевка VIII (Гудкова 1973); 264. – Пос. Задунаевка IX (Гудкова 1973); 265. – Пос. Задунаевка VII (Гудкова 1973); 266. – Пос. Задунаевка I (Гудкова 1973); 267. – Пос. Задунаевка III (Гудкова 1973); 268. – Пос. Задунаевка IV (Гудкова 1973); 269. – Пос. Ново-Ивановка I (Гудкова 1973); 270. – Пос. Островное III (Гудкова 1973); 271. – Пос. Островное VI (Гудкова 1973); 272. – Пос. Китай (Новоеловка) (Федоров 1960; Гудкова 1972); 273. Мог. Фурмановка (Сымонович 1974); 274. – Пос. Фурмановка (I) (Шмаглий 1965; Кравченко 1971 б); Дудкин 1971; Гудкова 1974); 275. – Пос. Червоный Яр III (Гудкова 1972); 276. – Пос. Кирнички II (Загинайло 1974); 277. – Пос. Новая Покровка V (Загинайло 1974); 278. – Пос. Новая Покровка VII (Загинайло 1974); 279. – Пос. Новая Покровка VI (Загинайло 1974); 280. – Пос. Першотравневое I (Загинайло 1974); 282. – Пос. Виноградное (Загинайло 1974); 283. – Пос. Суворово VII (Загинайло 1974); 284. – Пос. Суворово VI (Загинайло 1974); 285. – Пос. Суворово IV (А) (Загинайло 1974); 286. – Пос. Новые Траяны II (Загинайло, Субботин 1973); 287. – Пос. Огородное (Субботин 1972); 288. – Пос. Ново-Каменка II (Субботин 1972); 290. – Пос. Кальчевая X (Субботин 1967); 291. – Пос. Кальчевая XII (Субботин 1967); 292. – Пос. Кальчевая XIII (Субботин 1967); 293. – Пос. Кальчевая II (Субботин 1967);294. – Пос. Васильевка VI (Субботин 1967); 295. – Пос. Васильевка VIII (Субботин 1967); 296. – Пос. Васильевка IX (Субботин 1967); 297. – Пос. Суворово II (А) (Субботин 1972); 298. – Пос. Сашбунар (Шмаглий, Черняков 1966); 299. – Пос. Катлабух III (Загинайло 1974); 300. – Пос. Катлабух IV (Загинайло 1974); 301. – Пос. Утконосовка III (Шмаглий, Черняков 1965; Кравченко 1971 б); 302. – Пос. Утконосовка I (Шмаглий, Черняков 1966); 303. – Пос. Рыбколхоз "1 мая" (Шмаглий, Черняков 1966); 304. – Пос. Богатое II (Шмаглий, Черняков 1966); 305. – Пос. Червоноармейское VII (Кубей VII) (Суботін 1968); 306 Пос. Червоноармейское XI (Кубей XI) (Суботін 1968); 307 Пос. Червоноармейское IV (Кубей IV) (Суботін 1968); 308. – Пос. Жовтневое IV (Суботін 1968); 309. – Пос. Жовтневое II (Суботін 1968); 310. – Пос. Жовтневое X (Суботін 1968); 311. – Пос. Криничное (Суботін 1968); 313. – Пос. Комрат I (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 314. – Пос. Комрат II (Рикман 1975 а); 315. – Пос. Комрат III (Рикман 1975 а); 316. – Пос. Комрат IV (Рикман 1975 а); 316. – Пос. Комрат IV (Рикман 1975 а); 317. – Пос. Комрат V (Рикман 1975 а); 318. – Пос. Комрат VI (Рикман 1975 а); 319. – Пос. Комрат VII (Рикман 1975 а); 320. – Пос. Комрат VIII (Рикман 1975 а); 321. – Пос. Кирсово I (Рикман 1975 а); 322. – Пос. Кирсово II (Рикман 1975 а); 323. – Пос. Кирсово III (Рикман 1975 а); 324. – Мог. Александровка (Рикман 1975 а); 325. – Пос. Лонацирка (Рикман 1975 а); 326. – Мог. Московей (Рикман 1975 а); 327. – Пос. Виноградовка (Сымонович 1974); 328. . – Пос. Виноградовка IV (Черныш, Черняков 1964); 329. – Мог. Виноградовка (Субботин, Черняков 1971); 330. – Пос. Котловина (Федоров 1960); 331. – Пос. Новая Некрасовка II (Шмаглий, Черняков 1966); 332. – Пос. Котовское I (Загинайло 1974); 333. – Пос. Котовское (Шмаглий, Черняков 1966); 334. – Пос. Лощиновка II (Загинайло 1974); 335. – Пос. Лощиновка I (Загинайло 1974); 336. – Пос. Турбаевка (Шмаглий, Черняков 1966); 338. – Пос. Омарбия (Шмаглий, Черняков 1966); 339. – Мог. Сатук (Рикман 1975 а); 340 . – Пос. Палиней (Рикман 1975 а); 341. – Пос. Чигирлены (Рикман 1975 а); 342. – Пос. Этулия I (Рикман 1975 а); 343. – Пос. Этулия II (Верхняя Этулия) (Рикман 1975 а); 344. – Пос. Долинское IV (Субботин 1972); 345. – Пос. Бужорка II (Загинайло 1974); 346. – Пос. Бужорка IV (Загинайло 1974); 347. – Пос. Бужорка V (Загинайло 1974); 348. – Пос. Бужорка VI (Загинайло 1974); 349. – Пос. и Мог. Лиманское I (Суботін 1968); 350. – Пос. Совхоз Ренийский I (Суботін 1968); 351. – Пос. Нагорное I (Суботін 1968); 352. – Пос. Нагорное II (Суботін 1968; Гудкова, Субботин 1972; Гудкова и др. 1981); 353. – Пос. Нагорное IV (Суботін 1968); 354. – Пос. Нагорное III (Суботін 1968; Гудкова 1973); 355. – Пос. Нагорное V (Суботін 1968); 356. – Пос. Главаны-карьер (Гудкова и др. 1983); 357. – Пос. Орловка III (Суботін 1968); 358. – Пос. Ракиджул I (Загинайло 1974); 359.– Мог. Фламында (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1975 а); 360. – Пос. Кирканы I (Рикман 1975 а); 361. – Пос. Кирканы II (Рикман 1975 а);362. – Пос. Кирканы II (Рикман 1975 а); 363. – Пос. Кокоара I (Рикман 1975 а);364 . – Пос. Кокоара II (Рикман 1975 а); 365. – Мог. Паику (Рикман 1975 а); 366. – Пос. Старые Кричаны (Рикман 1975 а); 367 . – Пос. Манта I (Рикман 1975 а); 368. – Пос. Манта II (Рикман 1975 а); 369. – Пос. Манта III (Рикман 1975 а).

нения проходит в Буджаке примерно по оз. Китай и впадающей в него с севера речке Алияга. Отдельные поселения с каменными домами встречаются и несколько западнее, не переходя, однако, за Прут. Для южной части Буджакской степи характерно смешанное расположение поселений с каменными и каркасными домами, но в северной ее части каменное домостроительство отсутствует. В приморской зоне междуречья Днестра и Буга на всех раскапывавшихся поселениях обнаружены каменные дома. В Викторовке I и Тилигуло-Березанке они сочетались с полуземлянками. Количество поселений с каркасным домостроительсством здесь невелико (Каборга IV). Пока сочетания на одном поселении каменных и каркасных домов не засвидетельствовано. К настоящему времени каменные дома раскопаны на поселениях Викторовка II (Сымонович, Яровой 1968), Ильинка (Синіцин 1949 б), Капустино (Сымонович 1956), Луговое (Магомедов, Гудим-Левкович 1990), Кисёлово (Раевский 1955), Мирное (Кравченко 1971 а), Тилигуло-Березанка (Сымонович 1967), Ранжевое (Сымонович 1967), Коблево (Сымонович 1967), Атаманка (Сымонович 1983 в), Каменка-Анчекрак (Магомедов 1991), на поселениях на р. Ингулец (Афонасьевка, Дарьевка, Ново-Кондаково, Снигиревка) (Славин 1954;

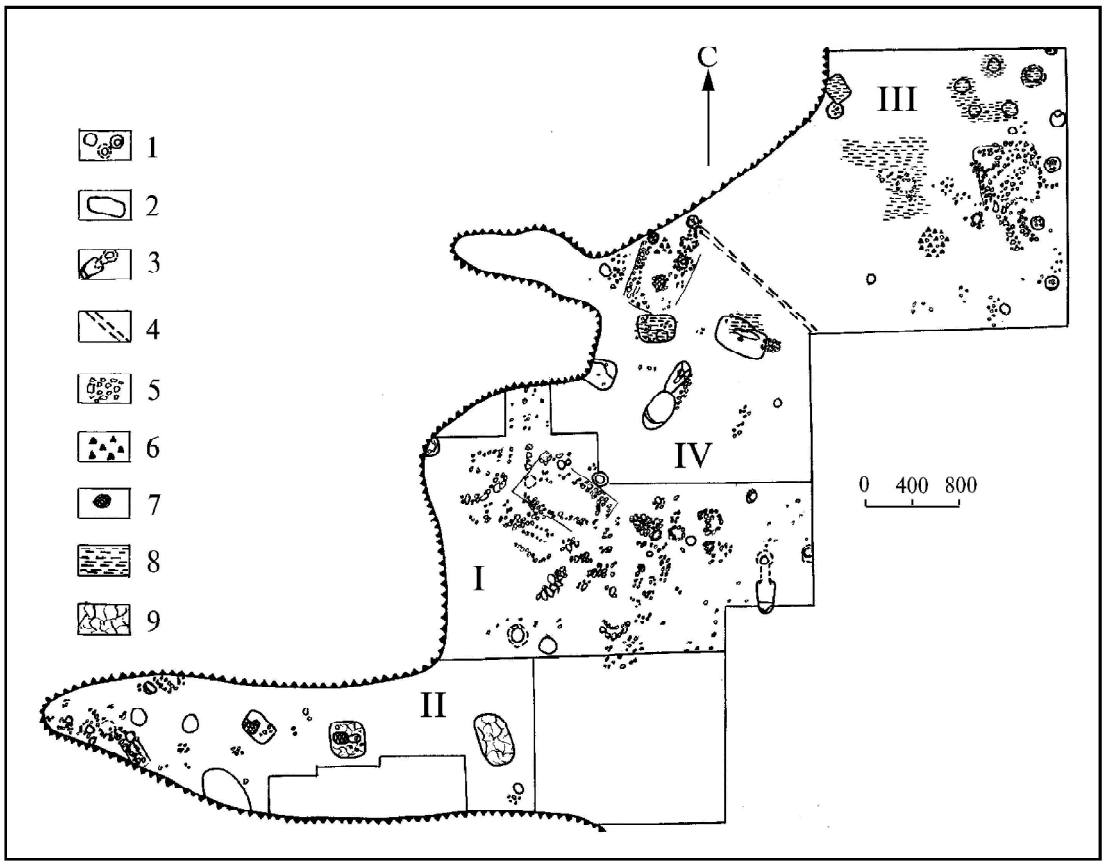

Рис.34 Общий план поселений черняховской культуры Главаны I (I-IV усадьба): 1 – ямы; 2 – полуземлянки; 3 – горны; 4 – древняя канава; 5 – камни; 6 – керамика; 7 – очаг; 8 – зола; 9 – глинобитный пол.

архивные материалы Ингулецко-Снигиревской экспедиции) и поселениях в Буджаке (Фурмановка, Рипа, Главаны, Холмское I, Кагильник-Остров).

Каменные дома по планировке делятся на однокамерные; двух- и трехкамерные; многокамерные. Последние не характерны и представлены только на нескольких поселениях (Афонасьевка, Ильинка, Коблево, Каменка-Анчекрак). Ни один из этих многокамерных домов не раскопан полностью, и потому судить об их планировке невозможно. Несколько особняком в этой группе стоит поселение Каменка-Анчекрак, на котором раскопана часть усадьбы с периметральной застройкой и, возможно, внутренним двором.

Однокамерные дома известны на многих поселениях (Атаманка. Дарьевка, Ильинка, Мирное, Ново-Кондаково, Снигиревка, Главаны и др.). В Ильинке, Ново-Кондакове и Снигиревке они сосуществовали с жилищами из нескольких помещений. По плану большинство однокамерных домов представляет собой прямоугольные сооружения площадью в среднем от 15 до 30 кв. м. У наименьшего дома она составляет 10 кв. м, у наибольшего 37 кв. м. На поселении Главаны I раскопано три однокамерных дома, служивших центральными строениями на усадьбах (рис. 35, 36). Кроме них, в состав усадеб входили разнообразные хозяйственные строения.

Однокамерные жилища известны как с очагами, так и без них, однако нет оснований полагать, что все дома без очагов были нежилыми (Марков 1968: 22; Крыжицкий 1982: 28). В ряде случаев кухонные очаги находились в отдельно расположенных помещениях (Главаны I), а дома могли отапливаться в наиболее холодные дни зимы раскаленными камнями (известно по этнографическим данным у болгар) или угольями в сосудах.

Двух- и трехкамерные жилища распространены довольно широко. Они раскопаны на поселениях Кисёлово, Капустино, Ранжевое, Рипа (рис. 37), Фурмановка (рис. 37), Афонасьевка, Луговое. Принцип их планировки равнозначно-параллельный. Помещения одинаковой ширины расположены в ряд, по продольной оси, друг с другом не сообщаются, и каждое имеет выход наружу. Отклонения от этой нормы редки: Фурмановка, Капустино. В большинстве случаев жилища состоят из одного отапливаемого и одного холодного помещения. Последнее обычно понимается как хозяйственное, что, однако, не исключает возможности его использования и в качестве жилья. В Кисёлово в доме «з» второе помещение служило также и мастерской. Вариантом таких жилищ являются двухкамерные дома

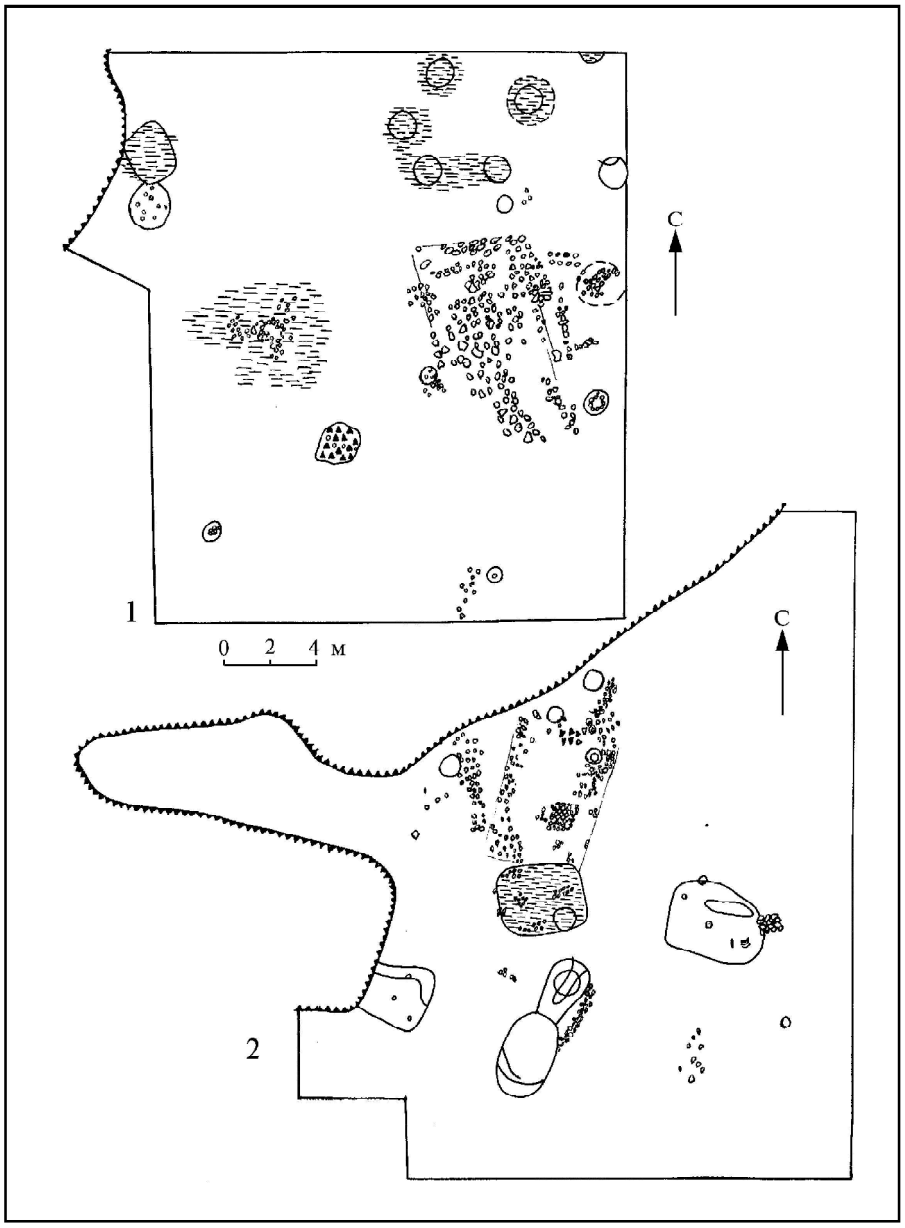

Рис.35. Поселение Главаны I. Планы усадеб III (1) и IV (2). Условные обозначения см. на рис. 34.

с печами или очагами в обоих помещениях.

Кроме однотипности планировки, двухкамерные жилища объединяет наличие у части из них больших пустых дворов, обнесенных каменной оградой (Рипа, Фурмановка,Ранжевое, дом № 1, Кисёлово, дома «Г», «Д» и «З» и, возможно, Снигирёвка, дом на раскопе «Б»). Исследователи уже обратили внимание на то, что дома этого типа представляют собой определенное явление. Они присущи поселениям с каменным домостроительством в Причерноморье (Ioniță 1982: 108; Магомедов 1983 а; Гудкова 1986).

Все дома построены из необработанного камня, известняка или песчаника, ломающегося плитками. Грубая обработка отдельных поверхностей камней редка и не определяет характера кладок. Все они иррегулярные с большим или меньшим соблюдением рядности, постелистые. В отдельных случаях наблюдается более или менее тщательное выкладывание крупных камней или плит по фасадам и заполнение пространства между ними бутом и землей. Углы клались как впритык, так и впереплет. Применялись цоколи. Пустоты между камнями заполняли мелким бутом и щебенкой. Раствором служил замешанный грунт.

Стены каменных домов ставили на уровне древней дневной поверхности без фундаментов и нивелировки. Многие исследователи полагают, что было распространено возведение сырцовых и глинобитных стен на каменном цоколе. Такие стены нигде не сохранились, и их наличие доказывается объемом каменного завала (слишком малого для целой рухнувшей стены) и наличием возле остатков каменных кладок скоплений глины с соломой. Раскопаны также

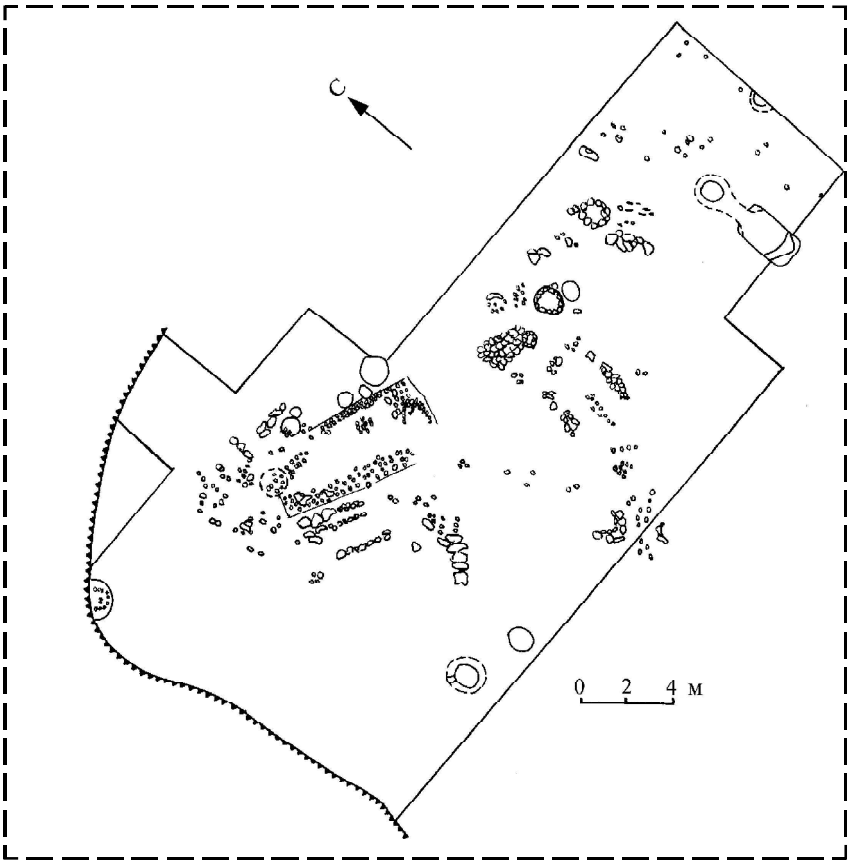

Рис.36/1. Поселение Главаны I. План усадьбы I. Условные обозначения см. на рис. 34.

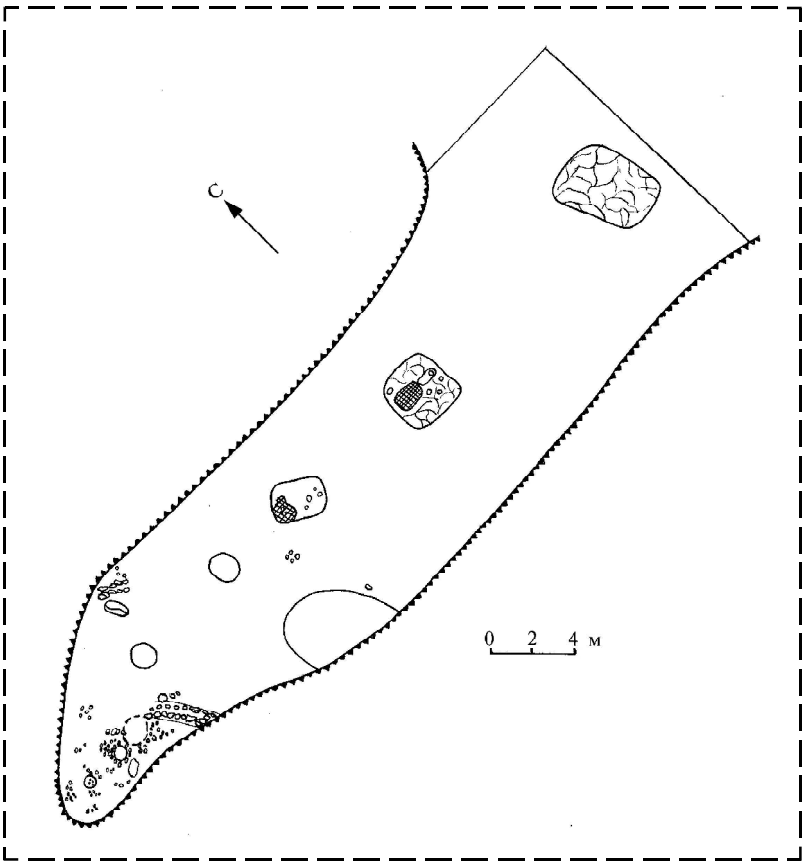

Рис. 36/2. Поселение Главаны I. План усадьбы II. Условные обозначения см. на рис. 34.

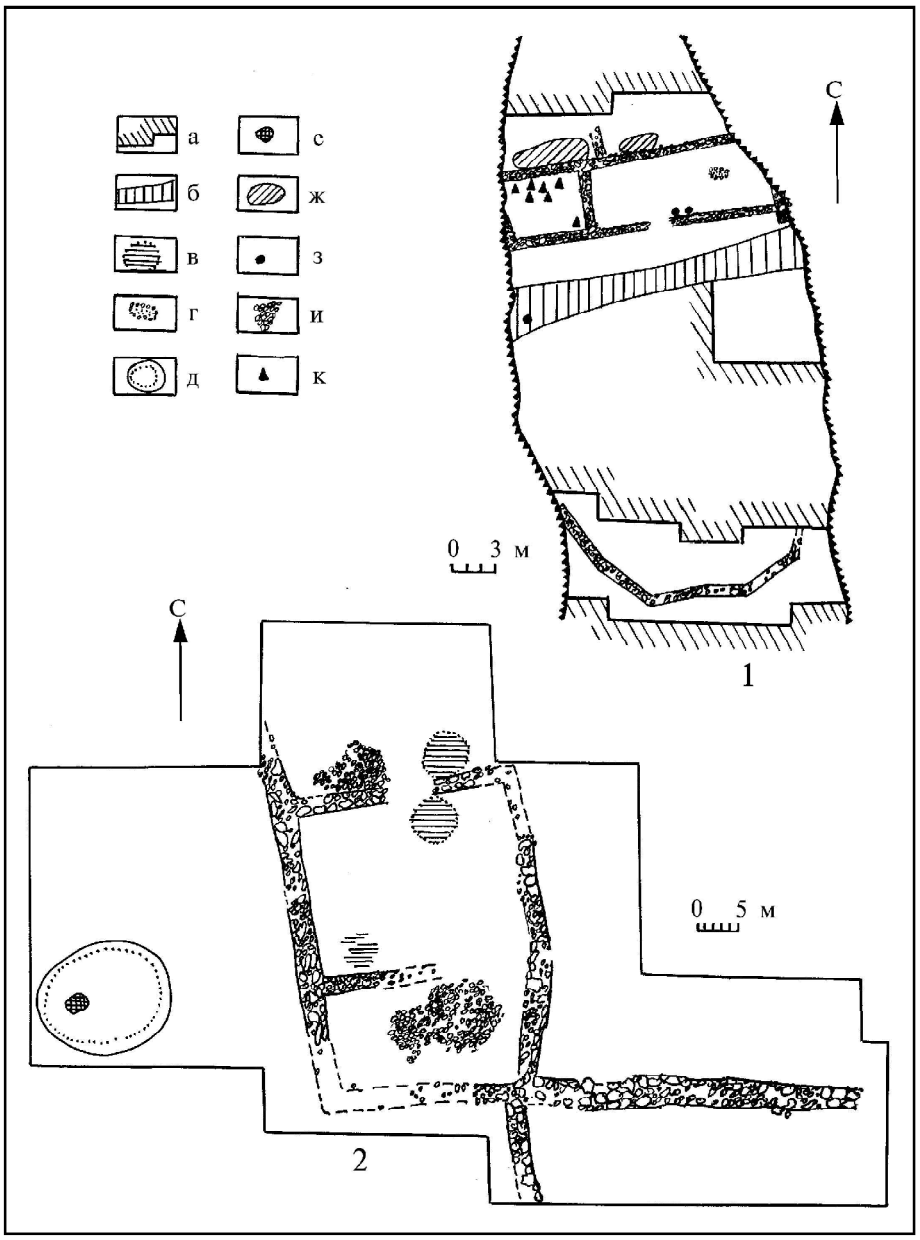

Рис.37. Планы каменных домов с усадьбами на поселениях черняховской культуры Рипа (1) и Фурмановка (2); а – граница раскопа; б – современная канава; в,г – очаг; д – углубленное строение; е – кострище; ж – выброс хозяйственного мусора; з – хозяйственная яма; и – каменная вымостка; к – раздавленные сосуды.

дома, стены которых на всю высоту возведены из камня (Рипа, Фурмановка). Это хорошо видно по завалу, когда в упавшей целиком стене камни к моменту раскопок продолжали лежать рядами на торце. Иногда объем и площадь каменных завалов так велики, что не позволяют сомневаться в том, что дом был построен из камня целиком. Об этом же свидетельствуют и случаи, когда поверх цоколя, состоявшего из крупных камней и плит, стоящих на торце, сохранилась постелистая кладка из обычного камня.

О характере перекрытий мало что известно. Столбовые конструкции не применялись, следовательно, несущие балки должны были опираться на стены. А.К.Раевский полагал, что главный прогон перекрытия опирался на треугольные фронтоны торцовых стен (Раевский 1955: 265). Поскольку отпечатков конструкций кровли нигде не найдено, нельзя сказать, была ли кровля односкатной, двускатной или плоской. В ряде случаев в завале над полом помещений отмечен слой светлой глины со следами тростника. Это и дает основания реконструировать тростниковые крыши, обмазанные глиной.

Полы в домах, за редким исключением, земляные. В помещениях встречаются локальные каменные вымостки. В Кисёлово было традицией делать вымостку перед входом в дом. Заглубление пола помещения на несколько десятков сантиметров по сравнению с уровнем почвы снаружи отмечено только в Кисёлове.

Двери были вращающиеся деревянные. Об этом свидетельствуют находки едва ли не на каждом поселении пяточных камней, которые подкладывали снизу под дверную ось. Эти камни специальной формы не имели. В них более

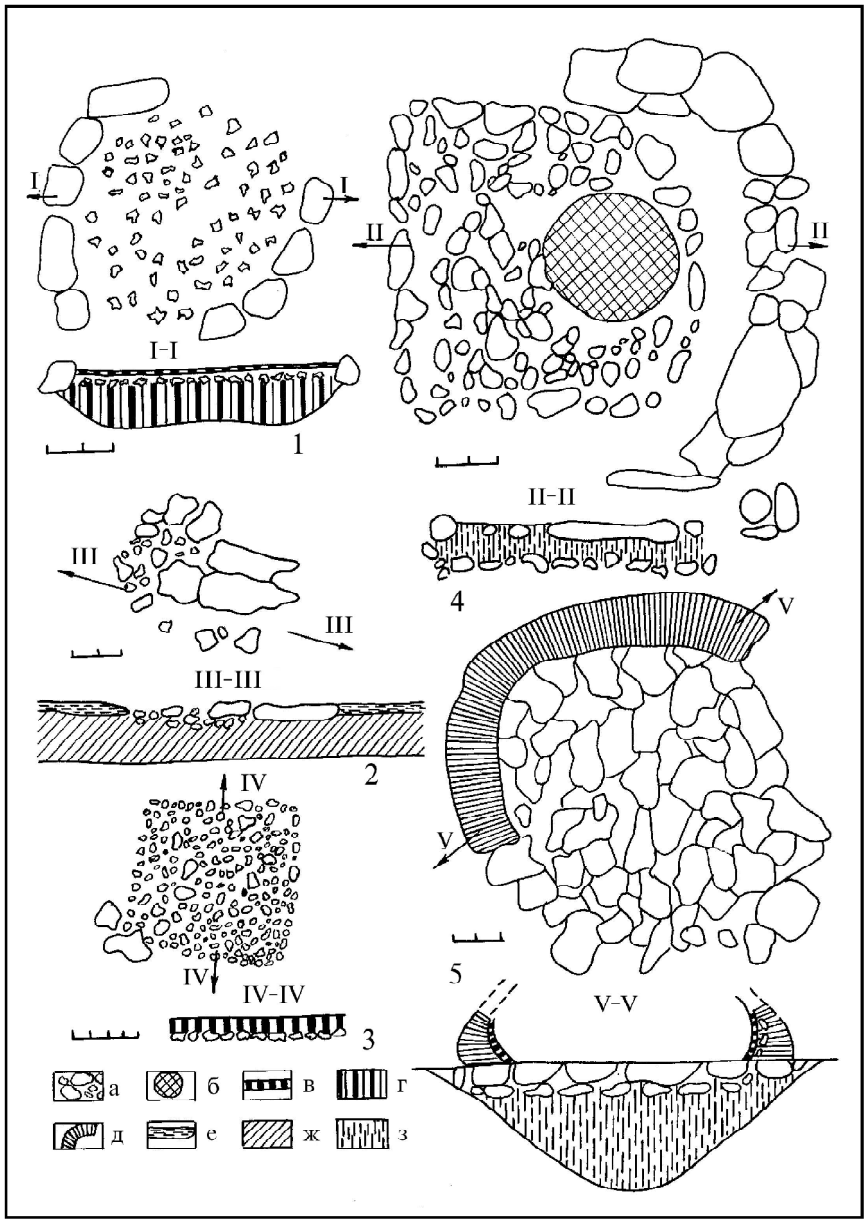

Рис.38. Очаги и печи с поселений черняховской культуры Главаны I (1, 3-5), Нагорное II (2): а – камни; б – каменный диск из свода печи; в – глиняная обмазка; г – прокаленная глина; д – глиняная стенка; е – золистый грунт; ж – супесь; з – желтая глина.

или менее тщательно сделано коническое или округлое углубление для оси. В Кисёлове и Ранжевом найдены каменные пороги с вырезанными в них фланцами. Это указывает на то, что применялись и дверные рамы. В целом же каменотесные строительные детали встречаются редко.

Из всех элементов интерьера сохранились лишь отопительные устройства и хозяйственные загородки. Применялись очаги и печи. Простые кострища в домах не встречаются. Очаги имеют вид круглых или прямоугольных подов, выложенных из камня, реже из черепков или гальки, и обмазанных глиной (рис. 38, *2, 3*). Очаги-поды могли иметь каменные или глиняные бортики по всему периметру или его части. Размеры таких очагов колеблются от 0,6 × 0,7 м (Снигеревка) до 1,0 × 1,3 м (Кисёлово). Не исключено, что в тех случаях, когда очаги в домах были не кухонными, а лишь отопительными, на них огонь не разжигали, а клали только раскаленные угли. На это указывают стоящие особняком по своей конструкции отопительные очаги в доме на поселении Фурмановка. Они имели вид плоского глиняного блюдца диаметром несколько более метра с низкими бортиками по краям и слегка выпуклым центром. Глина при их изготовлении была уложена прямо на грунт. Наряду с очагами широко применялись как в домах, так и возле них под открытым небом купольные и сводчатые печи. При их сооружении глина и камень использовались в разных сочетаниях. Обычно нижняя часть печи выводилась из камня, а верхняя — из глины. При этом толщина свода достигала 10 см. В отдельных случаях, судя по характеру завала, печь была целиком

сложена из камня. Известны также глиняные печи, сделанные на деревянном каркасе. Форма печных подов в плане круглая, четырехугольная, полуовальная (рис. 38, *1, 4, 5*). Размеры подов колеблются в пределах от 0,8 × 1,25 м до 1,6 × 1,6 м. Они сделаны из плоских камней (иногда в несколько слоев), обмазанных глиной, иногда из камней, черепков и глины. Такой под должен был хорошо аккумулировать и удерживать тепло. Очевидно, этой же цели служил и глиняный «кожух» вокруг печи. Некоторые печи, стенки которых сохранились в форме подковы, были целиком открыты с одной стороны. Другие печи имели устье, которое могло оформляться поставленными по его сторонам вертикальными плитами. Перед устьем бывает вымостка из нескольких крупных каменных плит. Обычно печь находилась на уровне жилой поверхности, реже возвышалась над полом за счет толщины пода. Печи в ямах встречаются лишь как исключение. Предпечные ямы не применялись. В Главанах I в развале печи найдена круглая каменная крышка, которой закрывали отверстие в верхней части печи или же она служила замком свода. Ее диаметр 75 см. Тяготения каких-то типов очажных конструкций к определенным группам памятников не наблюдается, и все они встречаются во всем ареале каменного домостроительства.

На отдельных поселениях к востоку от Днестра известны пристенные хозяйственные загородки-закрома. Они находились внутри домов как в жилых, так и в хозяйственных помещениях. Закрома сделаны из каменных плит, поставленных на торец и иногда немного вкопанных в пол. Изредка загородки имели каменное дно.

При изучении в Причерноморье поселений с каменными жилищами, естественно, возникает вопрос о генезисе каменного домостроительства на этой территории. Поскольку оно совершенно чуждо для всего остального ареала черняховской культуры и синхронных культур восточной и юго-восточной Европы, его истоки следует искать в древних традициях населения Причерноморья. Здесь строительство каменных домов возникает в бронзовом веке. Существует варьирующее в деталях представление о том, что черняховскими племенами оно было заимствовано у обитавшего здесь эллинизированного варварского населения, у которого к рубежу эр уже сложилась традиция обитания в каменных домах (Сміленко 1975: 47-48; Баран 1981: 165; Журко 1983: 25). Выявить такое заимствование и оценить его меру можно лишь путем сравнительного анализа. Необходимо отобрать и оценить элементы домостроительства для такого сравнения. Разработке теоретических аспектов изучения жилища уделялось большое внимание в советской этнографии. В ряде работ собран огромный фактический материал, в том числе по жилищу населения степей Причерноморья, Бессарабии и Дунайской низменности (Типы сельского жилища... 1968; Материальная культура... 1979). Считается, что «этническая специфика жилища проявляется в тех его элементах, которые теснее связаны с семейным бытом, домашним укладом народов, их эстетическими представлениями и менее зависит от окружающей среды и хозяйственной деятельности. К ним относятся, прежде всего, внутренняя планировка дома, печи и очаги, интерьер и убранство комнат» (Материальная культура... 1979: 183). На основе наблюдения над жилищем разноэтничного населения Приазовья в XIX-XX вв. (Материальная культура... 1979: 182), над историей развития жилища русских переселенцев в различных физико-географических условиях (Бломквист, Галицкая 1967: 132; Рабинович 1969: 22), над применением различного строительного материала в Молдавии (Салманович 1947: 209) этнографы приходят к однозначному выводу. Воздействие природной среды и социально-экономических условий жизни решающим образом влияет на выбор строительного материала, приемы строительной техники, конструктивные детали, характер застройки двора. В этих признаках региональные различия проявляются сильнее, чем этнические. Показательны наблюдения над изменением традиционного жилища у болгар. При переселении у них не наблюдалось приверженности к привычному строительному материалу. Горцы, жившие искони в каменных и деревянных домах, на равнине быстро начали строить каркасные и саманные дома, используя опыт местного населения (Маркова 1974: 49).

Если эти наблюдения применить к нашим материалам, то следует думать, что использование камня для строительства жилищ не может рассматриваться как однозначный этнический признак. Оно является функцией условий среды обитания. Именно с ними, видимо, и связано его первоначальное возникновение в Причерноморье. К моменту формирования черняховской культуры здесь уже сложилась устойчивая традиция строительства жилищ из камня. Однако в других частях ареала черняховской культуры, где строительного камня было вполне достаточно (например, среднее Поднестровье), он не нашел применения в строительстве. Следовательно, в Причерноморье действовал какой-то дополнительный фактор. Таковым могло быть участие в формировании черняховской культуры в Причерноморье местного оседлого позднескифского в основе населения. Это предположение высказывалось в литературе неоднократно, но специального обоснования не имеет.

Исходя из изложенных этнографических наблюдений, возможную генетическую связь черняховского и позднескифского каменного домостроительства следует рассматривать не только с точки зрения применения камня как строительного материала, но и путем сопоставления

строительных приемов и конструкций. В этнографическом отношении они более показательны. У обеих групп населения в строительство шел необработанный камень-плитняк. В постройках поздних скифов характерный элемент каменных кладок — двупанцирный цоколь (Елагина 1958: 46). На черняховских селищах он известен только на Ингульце (Афонасьевка, Дарьевка, Ново-Кондаково, Снигиревка). Облицовка низа стен по внутреннему фасаду рядом крупных плоских камней, поставленных на торец, столь обычная для поселений поздних скифов, на черняховских поселениях обнаружена в единичных случаях (Ново-Кондаково, Фурмановка). В то же время приемы выведения кладок одинаковы. Господствуют иррегулярные постелистые с плохо выдержанной рядностью.

Общеизвестно этнографическое значение отопительных устройств. Для позднескифской среды характерно их большое разнообразие: это жаровни, очаги с жаровнями, сводчатые печи на уровне дневной поверхности (или пола) и в яме, очаги в ямах (Погребова 1958: 126, 127; Дмитров и др. 1961: 83, 88, 89, 91). Глиняные жаровни в черняховских жилищах не применялись. Весьма показательно, что в Буджакской степи на позднескифских памятниках найдены жаровни, но ни на одном черняховском селище они не встречаются. Печи и очаги в ямах для черняховской среды в целом не характерны, но, возможно, некоторую линию связи удается проследить. На Знаменском городище печь в яме является наиболее поздней формой очажного устройства скифского времени. На черняховском поселении две печи в ямах найдены только в Викторовке (Сымонович, Яровой 1968: 171). Может быть, трансформацией углубленных очагов является прием, когда очаг-под сооружали поверх ямы, заполненной несколькими чередующимися слоями песка и глины (например, Гла-

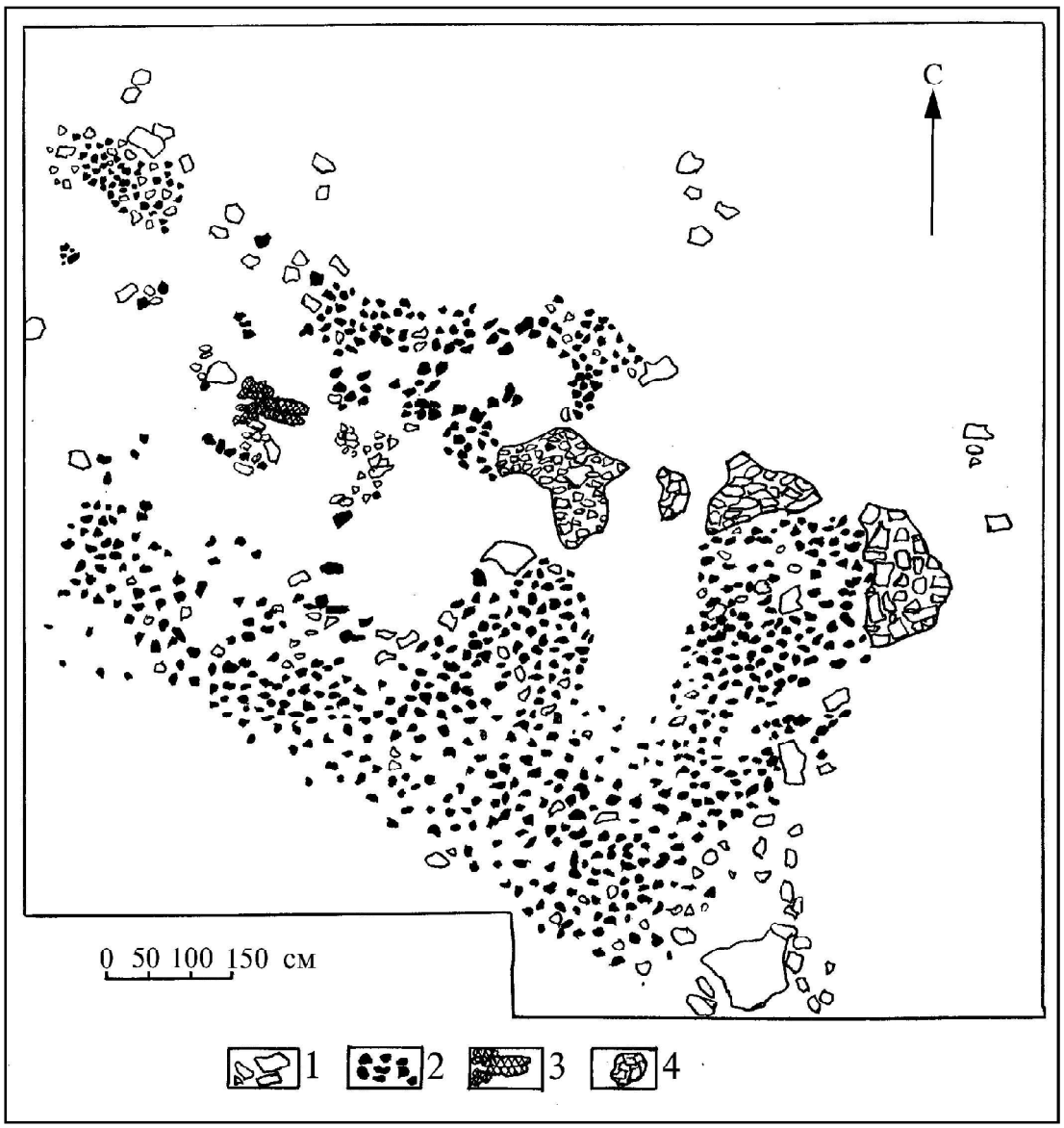

Рис.39.План каркасного дома на поселении Нагорное II: 1 – камни; 2 – обмазка; 3 – очаг; 4 – вымостки.

ваны). Очаги, округлые и прямоугольные, с подами из каменных плиток, сделанные на уровне пола, известны у обеих групп населения. Эту линию связи уже отмечали Н.Г.Елагина и Н.Н.Погребова. У поздних скифов они были лишь одним из видов очажного устройства (Погребова 1958: 126). В черняховское время они становятся практически единственной формой очага. Сводчатые печи, круглые, полуовальные, прямоугольные, возникшие в позднескифской среде, более широко представлены на черняховских поселениях с каменными домами. У отдельных печей одинаково применялись глиняные «кожухи», оформление устья вертикальными плитками по бокам, вымостки перед ними.

Характерной особенностью позднескифского дома являются пристенные загородки из крупных плит камня, поставленных на торец и иногда немного вкопанных в землю (Елагина 1958: 110). Это хозяйственное приспособление известно у эллинизированного населения еще в IV-III вв. до н.э. (например, Закисова Балка) (Штительман 1958: 131 и сл.) и существуют здесь вплоть до первых веков нашей эры (Петуховка) (Синицын 1959: 23). В Ольвии и городах Боспора они распространяются в первых веках нашей эры в связи с общим процессом рустификации городской жизни и наплывом варварского населения (Погребова 1958: 242; Кругликова 1966: 41). На черняховских селищах они применялись только к востоку от Днестра (Афонасьевка, Дарьевка, Снигиревка, Киселово).

Таким образом, сравнительный анализ строительных приемов и устройства интерьера черняховских и позднескифских домов выявляет определенное сходство между ними. Особенно важно, что оно более ярко выражено в восточной части ареала черняховских поселений, то есть там, где сейчас известна основная масса позднескифских памятников.

Для выяснения возможности этнической связи позднескифского и черняховского населения значительный интерес представляет и существование у того и другого однотипного двухтрехкамерного дома равнозначно-параллельной планировки. Этнически наиболее значимыми элементами жилища считаются те, что наименее зависимы от окружающей среды. Планировку дома нельзя отнести к их числу полностью, однако этническая традиция отражается ею в немалой мере (Грацианская 1973: 25; Рабинович 1969: 23; Токарев 1970: 4). Дома рассматриваемого типа возникают в Северном Причерноморье у позднескифского населения. Еще раньше в позднеэллинистическое время они имели широкое распространение в Неаполе Скифском (Высотская 1979: 23, 87). Сходные строения, хотя и в ином планировочном контексте, известны на городище Золотая Балка: в комплексе V помещение 7, разделенное деревянной перегородкой на две камеры, и в комплексе VI помещения 12 и 13, дополненные мелкими пристройками (Вязьмитина 1962: 86, рис. 47). На Гавриловском городище среди строений начала нашей эры исследован двухкамерный дом с огражденным двором (Погребова 1958: 192-196, рис. 38). На городище Николаевка-Козацкая В.И.Гошкевич раскопал два дома, в которых доминирует рассматриваемый тип планировки. В двух помещениях дома 1 имелись печи (Гошкевич 1913: 6-8, табл. V). Может быть, в широком распространении домов рассматриваемого типа на черняховских поселениях Причерноморья можно видеть сохранение позднескифской этнокультурной традиции.

Кроме позднескифских связей, в каменном домостроительстве черняховской культуры обычно отмечают заметное античное влияние. Его усматривают в четкой прямоугольной форме домов и строительных приемах (Магомедов 1983 а: 153). Однако, на наш взгляд, в целом черняховское каменное домостроительство не испытало непосредственно значительного античного влияния. Для него не характерны такие важные элементы домостроительства, как регулярная кладка, применение профессионально обработанного камня, внутренние дворы, подвалы, черепичная кровля. Некоторые другие элементы: спорадическое применение грубо обработанного камня, обмазка стен, глиняный раствор, каменные тесаные пороги, водостоки – свидетельствующие о несколько более высоком уровне развития строительных навыков и знакомстве с античной культурой домостроительства, наблюдаются только в восточной части ареала. Можно считать, что, если во всем этом и проявилось античное влияние, — то оно было опосредовано эллинизированной позднескифской средой.

На первый взгляд, частным свидетельством античного влияния представляются дома типа мегарон на поселении Снигиревка. История появления построек этого типа специально изучалась С.Д.Крыжицким. Он установил, что такая форма дома возникла у варварского населения Причерноморья совершенно независимо от античных городов, где она к этому времени уже полностью отсутствовала. «Подобный специальный тип планировки обусловливался характером структуры семьи, общим укладом жизни, особенностями хозяйства» (Крыжицкий 1982: 134-135). В этой связи отметим, что такой тип дома известен и на черняховских поселениях лесостепи в Леськах (Смиленко, Брайчевский 1967: 39) и Будештах (Рикман 1960: 305-309). Таким образом, можно считать, что непосредственного античного влияния на сложение каменного домостроительства у черняховских племен не наблюдается. В незначительной мере оно могло быть опосредовано через поздних скифов. Именно их домостроительная традиция была истоком распространения каменных домов у черняховского населения в приморской зоне.

Каркасные наземные жилища изучены в основном в Буджакской степи на поселениях Комрат I (Кетрару, Рикман 1960; Рикман 1962; 1975: 56, № 148; 1975 б: 107), Делакеу I (Рикман 1975 б), Балабанешты (Рикман 1964), Нерушай (Кравченко Н. 1971 б: 54, 65-66), Нагорное II, Кантемировская Балка, Холмское III (рис. 59). Два поселения находятся в зоне, где с ними соседствуют поселения с каменным домостроительством. Поселение Делакеу расположено у пограничья с лесостепью. В западной и северной части Буджакской степи каркасные дома – практически единственная форма жилища. На восток от Днестра такие дома мало известны и почти не раскапывались. При шурфовке поселения Каборга IV найдены остатки наземного дома, о каркасном характере которого свидетельствуют большие куски прокаленной глиняной обмазки (Магомедов 1979 б: 24).

Остатки каркасных домов наиболее выразительны в тех случаях, когда дома сгорели. Они имеют вид развала прокаленной обмазки с отпечатками тростника, древесных материалов и деревянных конструкций (рис.39). Обмазка обычно довольно четко располагается по периметру жилища, то есть скопления соответствуют расположению стен. Площадь дома восстанавливается несколько приблизительно и, возможно, слегка завышается, ибо исследователь вынужден брать площадь распространения обмазки. Однако Э.А.Рикман полагает, что площадь развалин в основном соответствует площади жилища (Рикман 1975: 55). В любом случае общая тенденция соотношения домов разных размеров сохраняется.

Дома по площади можно разделить на две группы. Жилищ площадью менее 40 кв. м не известно. Как малые следует оценить дома в 40-60 кв. м Площадь больших превосходит 90-100 кв. м. Это вполне соответствует наблюдениям Э.А.Рикмана, сделанным в основном по материалам поселений в молдавской лесостепи.

Дома строили на древней дневной поверхности, служившей полом жилища. Иногда пол имеет небольшой уклон. Это признак того, что нивелировки поверхности перед началом строительства не производилось. Судя по отпечаткам на кусках обмазки, стены были сделаны из прутьев и веток, реже тростника (поселение Холмское III на берегу оз. Китай), обмазанных толстым слоем глины. Встречаются отпечатки жердей и досок. Судя по отсутствию ямок от столбов, опоры каркаса и перекрытий заглубляли не очень сильно, в основном в слой чернозема. Четкая прямоугольная форма домов свидетельствует о разработанной конструкции перекрытий. На это же указывает и значительная (8-9 м) ширина строений. Кровля, надо думать, была тростниковой. В слое ее разрушения присутствуют отпечатки камыша. В Делакеу стены домов 2 и 7 имели местами каменную субструкцию из уложенных на древнюю дневную поверхность каменных плит, гальки и галечных вымосток. Изредка применялись также каменные отмостки возле стен домов (Нагорное II). Употребления обработанного камня не засвидетельствовано. Полы почти исключительно земляные, утрамбованные. Подмазка глиной отмечена только в Комрате, а в одном из домов Делакеу пол был вымощен галькой.

Отопительным сооружением в жилищах служили очаги-поды, то есть площадки подпрямоугольной, овальной или неправильно-округлой формы, расположенные обычно в центре помещения. Они представляют собой каменные вымостки на уровне пола, покрытые сверху глиняной обмазкой. Иногда под такого очага бывает многослойным и состоит из слоев глины, песка и плоских камней. Только в Делакеу для вымосток очагов применялась речная галька. Иногда очаг имеет глиняный или каменный бортик, который ограждает его лишь частично. Такой бортик может быть подковообразной формы (Нерушай). На поселении Делакеу с одной стороны очага вплотную к нему стояли каменные блоки, образуя как бы столик. Очаги описанной конструкции находились и вне домов. Печей в каркасных жилищах не известно. Единственная печь найдена вне дома на поселении Делакеу возле сильно разрушенного жилища 3. Она имела тщательно сделанный под, каменные стенки и свод, глиняный шесток перед устьем и глиняную припечную площадку рядом (Рикман 1967: 176-178).

В жилищах и снаружи встречаются каменные вымостки хозяйственного назначения. Снаружи домов располагались ямы-погреба и хранилища. Трудно сказать, является ли закономерностью отсутствие ям внутри жилищ, но они пока не найдены ни в одном доме. Буджакские каркасные дома практически аналогичны жилищам этого типа в других частях ареала черняховской культуры. Поскольку в степи такие сооружения в предшествующее время не известны, естественно считать, что каркасное домостроительство появилось здесь с приходом населения из лесостепи, скорей всего, из междуречья Днестра и Прута, где на черняховских поселениях преобладают дома этого типа (Рикман 1975 б: 80-81, табл. III; Журко 1983: 15).

Углубленные в землю жилища в зависимости от их глубины являются землянками или полуземляками. Первые практически не имели стен, возвышающихся над окружающей почвой. Их кровли находились на уровне древней дневной поверхности. И. Ионица считает, что глубина землянки соответствует человеческому росту или превосходит его (Ioniță 1966: 168). Заглубление полуземлянок менее роста человека. Оно сильно варьирует. Так же разнообразна конструкция стен и перекрытия. На поселениях региона углубленные жилища представлены только полуземлянки. Они сочетаются как с каменными (например, Главаны I, Фурмановка, Тили-

гуло-Березанка, Викторовка II), так и с каркасными (Делакеу, Комрат, Нагорное II и III) домами. Не известно поселений, где бы полуземлянки были единственной формой жилища. Э.А.Сымонович предполагал такое явление в Приморском, где не известно следов наземных жилищ, будь то каменных или глинобитных (Сымонович 1979: 111). Однако, поскольку вся раскопанная площадь составляет здесь 50 кв. м, вряд ли можно считать этот вывод окончательным. Очевидно, то же самое надо сказать и о поселении Утконосовка, хотя Б.В.Магомедов считает, что каменных домов на нем не было (Магомедов 1983 б: 86). Присутствие на поселении скоплений камней (Шмаглий, Черняков 1965: 220; Магомедов 1983 б: 86), хотя и залегающих бессистемно, не позволяет решить этот вопрос столь однозначно. Подобная картина наблюдается и на поселении Бургунка в Поднепровье (Сымонович 1980: 107; рис. 1). Тяготения углубленных жилищ к определенному району не видно.

Полуземлянки со следами постоянного разведения огня в них надо считать жилыми. Они раскопаны в Буджаке на поселениях Приморское (Сымонович 1979 а: 109-110), Утконосовка (Магомедов 1983 б), Комрат (Рикман 1975 б: 113-116; 1975 в: 82-83), в Нагорном и Бужорке, в междуречье Днестра и Буга в Викторовке II (Сымонович, Яровой 1968: 170-172), Тилигуло-Березанке (Сымонович 1967 а: 209, рис. 2), Надлиманском VI (Охотников, Пасхина 1979), в Поднепровье в Бургунке (Сымонович 1980).

Всего анализируется 20 полуземлянок (рис. 40, 41). Их преобладающая форма прямоугольная со скругленными углами. В Викторовке они овальные и округлые. Их глубина колеблется от 0,6 до 1,5 м, площадь от 5 до 12 кв. м. Особняком стоит полуземлянка в Викторовке II площадью 20,6 кв. м. Эти жилища, как правило, однокамерные. Исключения известны на двух поселениях. В Нагорном II в полуземлянке после того как она уже некоторое время исползовалась, была поставлена на полу перегородка из глиняных вальков и комков прокаленной глины. Особняком стоят полуземлянки Бургунки, в основном двухчастные (постройки 2, 3, 5, 7), со значительным заглублением одной части по сравнению с другой частью (Сымонович 1980: 105-107, рис. 1).

Конструкция надземной части стен и кровли не восстанавливается, так как ямки от столбов сохранились только в нескольких строениях. Центральное расположение опорного столба (полуземлянка № 4 в Викторовке, Надлиманское VI, Утконосовка) свидетельствует о шатровом характере перекрытия, а обнаружение нескольких столбов по длинной оси жилища (полуземлянка № 3 в Викторовке и, возможно, № 3 в Бургунке) — о двускатном. Для округлых полуземлянок в Викторовке, где нет ямок от столбов, Э.А.Сымонович предполагал шалашеобразную кровлю из жердей, опиравшихся на верхний слой почвы (Сымонович, Яровой 1968: 170). На поселении Комрат на полу полуземлянки лежали сгоревшие перекрытия, а над ними залегал слой глины в 0,4 м толщиной, которым, вероятно, была покрыта крыша сверху. Ямки от столбов, расположенные по периметру, скорее всего, являются остатками стен (Тилигуло-Березанка, полуземлянка № 2) и позволяют реконструировать их как каркасные, обмазанные глиной. В полуземлянке на поселении Бужорка заполнение, особенно у стен, состояло из обвалившейся глиняной обмазки с большим содержанием соломы в ней. По отпечаткам видно, что стены были каркасными. Их основой служили столбики до 5 см в диаметре, переплетенные прутьями и тростником. Обмазку накладывали толстым слоем с обеих сторон. Облицовка стен котлована в углубленных жилищах не обнаружена.

Вход в жилище имел вид наклонного спуска, выступающего за периметр котлована (Приморское, Делакеу, Нагорное II), такого же спуска или ступеньки внутри жилища (Викторовка, Бургунка).

Следы разведения огня имеются в 14 жилищах, что составляет более двух третей от общего числа. Это кострища на полу (Викторовка, Тилигуло-Березанка, Бургунка), ямка в полу (Бужорка, Комрат, Бургунка) и в одном случае печь, вынесенная за контур котлована (Бургунка, постройка № 4), развалы обожженных камней и комков глины, скорей всего, от очагов-подов (Викторовка, Утконосовка), полностью сохранившиеся очаги-поды (Нагорное). Отметим, что напольные кострища и очаги-ямки для углубленных жилищ не характерны. Исключение составляет Бургунка. Купольная печь известна на поселении Викторовка (Сымонович, Яровой 1968: 171). Отмечена печь также на поселении Бургунка.

Пол в большинстве случаев земляной. В полуземлянке на поселении Делакеу он имел обмазку, в полуземлянке № 1 на поселении Нагорное II был глинобитным.

В отдельных полуземлянках имеются лежанки для спанья и работы, возвышающиеся над уровнем пола на несколько десятков сантиметров (Надлиманское VI, Бужорка, Делакеу, Бургунка). На поселении Бужорка лежанка обмазана глиной с соломой.

Ямы в полу для полуземлянок не характерны. Они отмечены только в Викторовке (жилище № 2) и Бургунке.

Все приведенное описание показывает, что не существовало устойчивого планировочного и конструктивного типа заглубленного жилища. Различия между отдельными полуземлянками ощутимы. Практически все жилища индивидуальны по своему устройству. То же самое явление наблюдается в лесостепном междуречье Днестра и Прута (Рикман 1975 б: 115) и полуземлянках культуры Сынтана де Муреш (Ioniță 1966: 193-196).

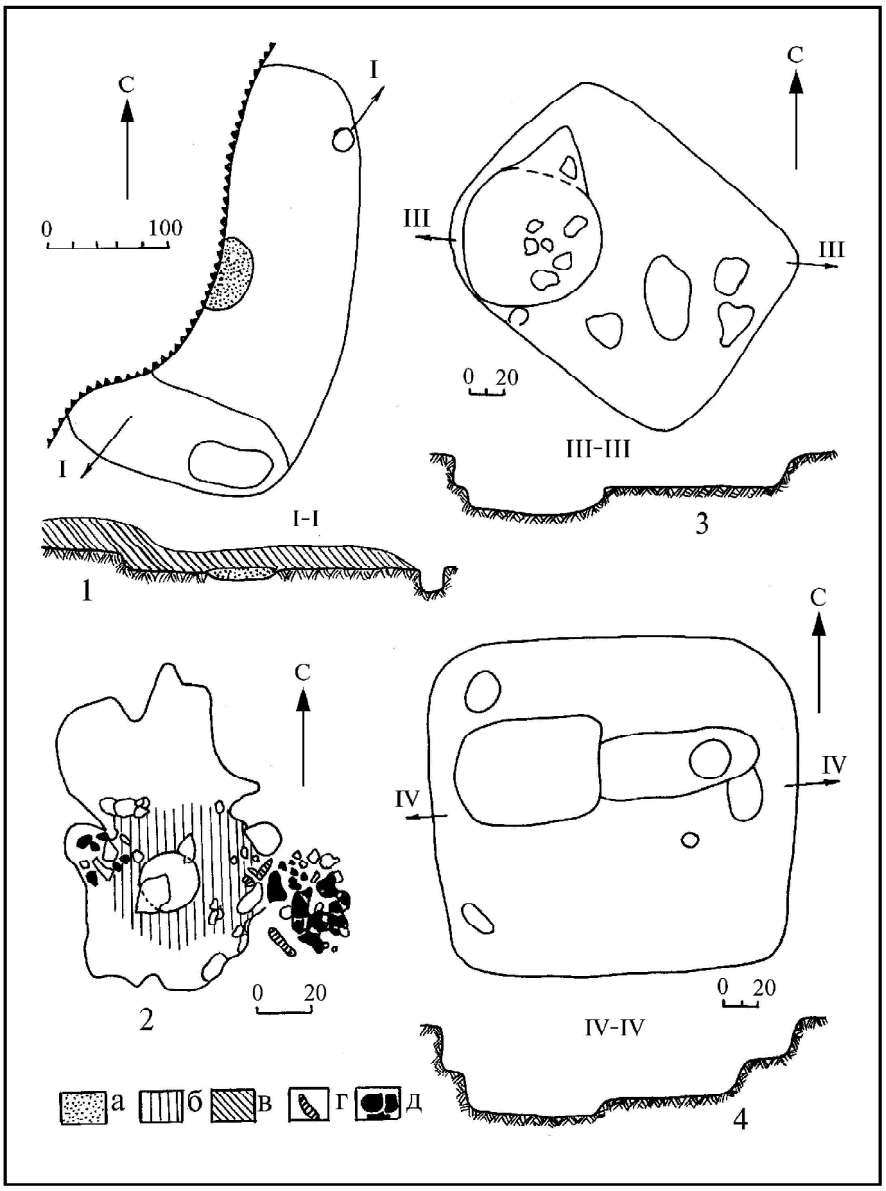

Рис.40. Планы и разрезы полуземлянок с поселений Бужорка (1), Нагорное II (2), Главаны I (3,4): а – зола; б – пол, покрытый золой; в – битая глина с соломой, глиняный бортик; д – обоженные камни в очагах.

Обязательное сочетание на поселениях полуземлянок с наземными просторными по сравнению с ними домами, отсутствие у них устойчивого планировочно-конструктивного типа, широкое их применение в качестве подсобных и хозяйственных строений свидетельствует о том, что их значение в качестве жилищ было второстепенным. Даже в тех случаях, когда полуземлянку можно понимать как жилище, оно было лишь дополнением к основному, более комфортабельному наземному дому. Роль самостоятельного жилища полуземлянки играли в исключительных условиях. В частности они могли быть таковыми временно для новоселов, создававших новые поселения. На части поселений дома стоят на культурном слое (например, Делакеу, Главаны I, Викторовка II). На поселении Тилигуло-Березанка каменный дом расположен так, что перекрывает вход в полуземлянку, чем и устанавливается, что по отношению к ней он является более поздним. Черняховское население, появившееся на Козырке, Знаменке и Станиславе, соорудило полуземлянки, а не наземные дома (Бураков 1976: 46; Погребова 1958: 124, 127; Виноградов 1990). В нижнем слое Башмачки преобладают заглубленные жилища (Смиленко 1980: 17). А.Н.Журко, хотя и не изучал степных памятников, высказал предположение о том, что полуземлянки появились на них в процессе миграции на юг населения с северных территорий (Журко 1983: 10). Э.А.Сымонович полагал, что сосуществование наземных и углубленных жилищ отражало процесс развития домостроительства (Сымонович 1971 а).

Сейчас, когда накоплен значительный материал для изучения жилища в Днестровско-Прутском междуречье, трудно согласиться с высказанным в начале исследования этого региона мнением Г.Б.Федорова о том, что здесь полу-

землянки были зимними жилищами, а наземные каркасные дома – летними (Федоров 1960: 18, 19, 101). Ни количество полуземлянок, ни их размеры, ни внутреннее устройство не подтверждают этого предположения.

Малое значение углубленного в землю жилища и его подсобный характер отличает поселения степей от тех районов черняховской культуры, где углубленные дома были основным типом жилища (верховья Западного Буга, Днестра и частично Среднее Поднестровье) или существовали наравне с наземными каркасными строениями (средний и порожистый Днепр, междуречье Днепра и Днестра). Явное сходство видно с практикой домостроительства на поселениях лесостепного междуречья Днестра и Прута (Рикман 1975 в: 82-83). Оно проявляется в обязательном сосуществовании углубленного жилища с наземным, его подсобном характере, отсутствии сложившегося типа полуземлянок, значительном числе этих строений без следов отопления, малых площадях, редко применявшейся обшивке стен котлована, каркасной конструкции наземной части стен, неотработанности устройства перекрытий, однокамерности, прямоугольной форме со скругленными углами. Все это позволяет считать, что углубленные жилища этих двух областей имеют общее происхождение. Полуземлянки степного Поднепровья иные по конструкции и плану (Кухаренко 1955: 126-130; Брайчевский 1960: 150-158). Выразительно в этом отношении поселение Бургунка, где все полуземлянки имеют овальную или округлую форму, входы вынесены за контур котлована, в двух случаях из шести видны ямки от столбов, имеются внутренние хозяйственные ямы. Жилища этого поселения явно связаны с полуземлянками более северных районов и, скорее всего, указывают на появление мигрантов из лесостепи междуречья Днестра и

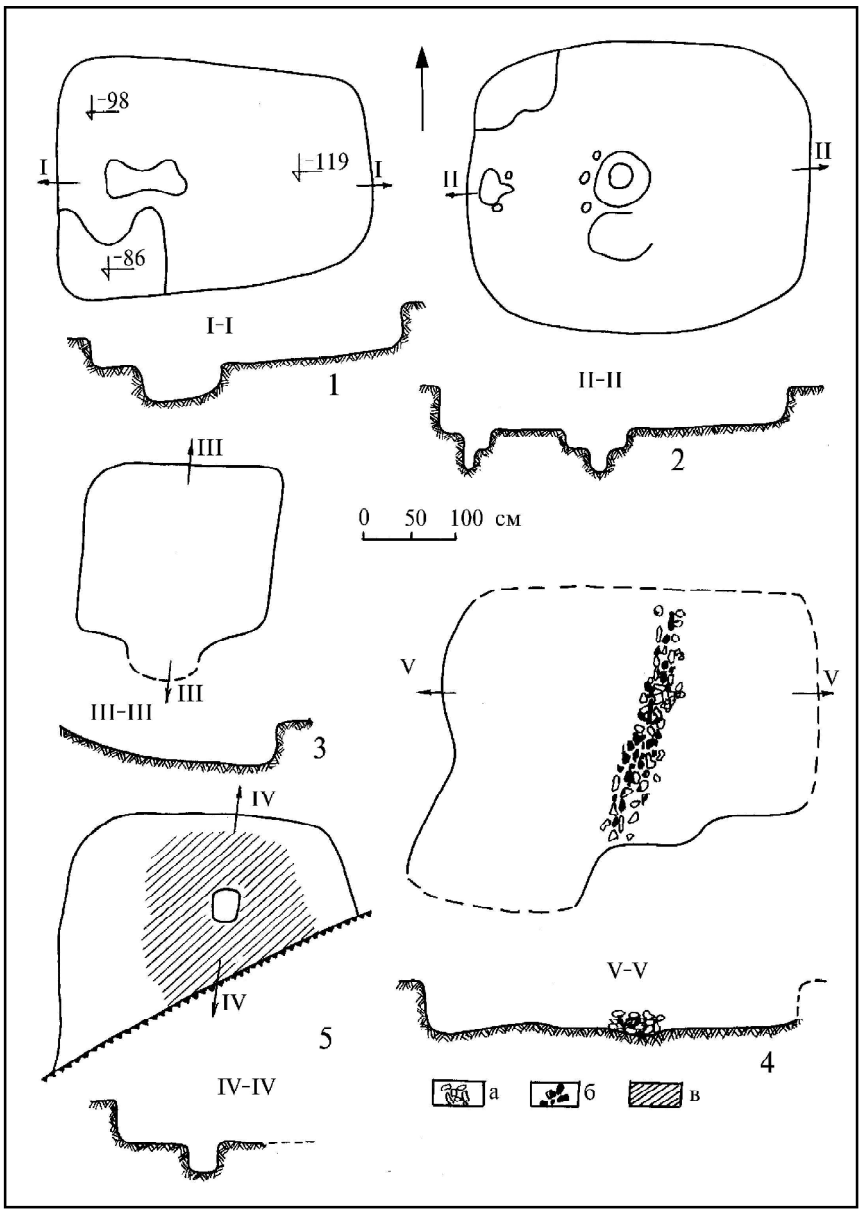

Рис.41. Планы и разрезы полуземлянок с черняховских поселений Нагорное III (1-4) и Нагорное II (5): а – куски прокаленной глины; б – комки глины; в – глиняный пол.

Днепра. Возможно, к этому процессу имели отношение и полуземлянки поселения Викторовка II. Их округлые формы действительно указывают на связь с населением Поднепровья.

Стационарные юрты были обнаружены на поселениях Дракуля (рис.42) и Бургунка. Условия расположения поселения Дракуля в Буджакской степи обычны. Оно находится в верхней части пологого правого берега степной речки Дракуля, изливающейся в плавни Дуная (Гудкова, Фокеев 1984: 68-73). Керамика и вещи ничем не отличаются от материалов черняховских поселений. На площади в 175 кв. м нами раскопаны остатки трех жилищ в виде глинобитных полов с очагами и хозяйственными ямами, с ямками от столбов по периметру. Жилища углублены в землю не более, чем на 0,5 м. Жилище № 1, наиболее сохранное, имело округлую форму диаметром в 3 м с тщательно сделанным и долговременно функционировавшим круглым очагом-подом в центре. Опорой легких каркасных стен служили шесть жердей, расположенных по периметру. Жилище № 2 округло-овальной формы до 7 м в поперечнике с таким же очагом-подом, как в первом жилище, и камельком. По сторонам очага находились две ямки от столбов, служивших опорой для перекладины, на которой подвешивали над очагом сосуд. Форма жилища № 3 не восстанавливается из-за распашки. В нем тоже имелся очаг, зерновая яма. Сохранились две ямки от столбов. Рядом с этими жилищами найдена прямоугольная (2,3 × 3,1 м) полуземлянка глубиной 0,9 м. Возле одной из ее стен сделана ступенька. Глинобитный пол не подходил к стенам котлована вплотную. Это указывает на то, что они были закрыты плетнем. Полуземлянка не отапливалась.

Жилища этого поселения отличаются от наземных каркасных домов, прежде всего, своей округлой формой, а также малой площадью. От полуземлянок их отличает меньшее заглубление и тоже округлая форма. В процессе раскопок поселения ясно воспринималась разница между полуземлянкой, имевшей четкие борта котлована, и размытыми краями жилищ, которые были углублены почти только в чернозем. Слабо подрезана лишь верхняя часть материка. Во всех известных в Буджаке случаях полуземлянки не имели столь тщательно и «капитально» сделанных долговременных очагов. Описанные жилища явно отличаются от всего, что известно о домостроительстве на черняховских поселениях. Такой тип жилищ практически не изучен для римского времени, однако более известен в предшествующее и последующее время. Прямыми аналогиями жилищам Дракули в конструктивном отношении и по характеру археологической сохранности являются юрты на поселениях салтово-маяцкой культуры. Юртовые жилища наиболее полно изучены именно на средневековых поселениях Подонья и Приазовья, где прослежено развитие жилища кочевников в процессе оседания от юрты, ставившейся на землю, к стационарному жилищу. Поэтому для осмысления жилищ Дракули нам приходится обратиться к этим материалам как типологическим аналогам.

Детали устройства жилищ, аналогичных жилищам Дракули, позволили С.А.Плетневой предложить их классификацию и наметить этапы развития, соответствующие мере оседания их обитателей. В основу классификации положены степень заглубления в землю и количество камер (Плетнева 1967: 51-53). По степени заглубления юрты делятся на три типа: I — углубление до 20 см, II — до 50 см, III — до 80 см с признаками превращения в полуземлянки (Плетнева 1967: 52-57). Достойно особого внимания то, что по мере перехода кочевого населения к оседлости юрты развиваются в полуюрты-полуземлянки с легкими каркасным стенами, но не в наземные каркасные дома. Юрты Дракули вплоть до деталей соответствуют второму типу жилищ с центральным расположением очага при наличии одновременно с ним камелька (кострище в жилище Дракули), двумя ямками от столбиков-опор по сторонам очага, хозяйственными ямами внутри жилища. Размеры юрт от 3 до 7 м в поперечнике.

На поселении Бургунка юрта сосуществовала с полуземлянками и каменным строением (Сымонович 1980: 107-109). Она представляет собой плоскодонную яму диаметром более 3 м и глубиной около 0,2 м. Столбовых ям не обнаружено. В средней части имелось нерезкое углубление пола, возможно, обозначавшее место очага (Сымонович 1980: 107, рис. 1).

Обнаружение юрт на поселение с обычным черняховским комплексом находок — явление принципиально новое. При анализе столь специфической формы селищ возникает вопрос об истоке их появления. В связи с обнаружением юрты на Бургунке Э.А.Сымонович высказал предположение о том, что подобные жилища появились в результате контактов черняховских племен с кочевниками степи (Сымонович 1980: 107-109). Такое объяснение, возможно, правильно для поселения Бургунка, где юрта единична и потому представляет собой исключение. Однако на поселении Дракуля юрты, напротив, — господствующий тип жилица, что трудно объяснить только заимствованием. В этом случае более убедительно иное предположение: обитатели этого черняховского поселения были в недалеком прошлом кочевниками. Тип их домов отражает эволюцию жилища от кочевнического к оседлому.

Анализ типов жилищ указывает на смешение разных традиций. При этом в разных частях региона проявляются разные тенденции и содержание явления различно. В Приморской зоне между Ингульцом и Днестром господству-

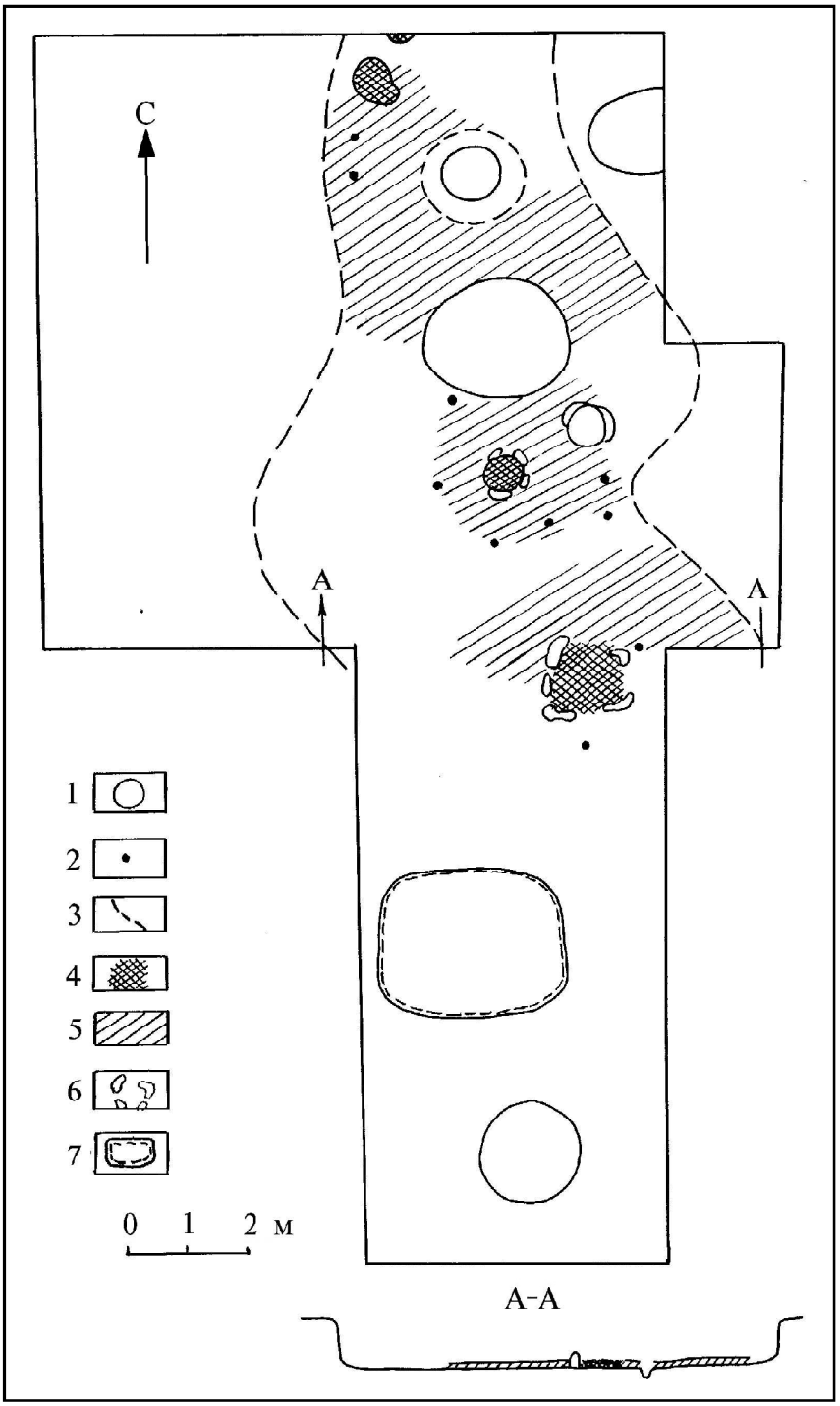

Рис.42. План раскопа на черняховском поселении Дракуля: 1 – хозяйственная яма; 2 – ямка для столбика; 3 – граница культурного слоя; 4 – очаг; 5 – глиняный пол; 6 – камни у очага; 7 – полуземлянка.

ет каменное домостроительство, в котором явно присутствие позднескифской традиции возведения жилищ из камня. Элементы этой традиции – это некоторые строительные приемы (необработанный камень как основной строительный материал, каменный цоколь, в частности, двухпанцирный, облицовка нижней части стен орфостатными плитами, замешанный грунт в качестве раствора, иррегулярность кладок при преобладании постелистых, отсутствие столбовых конструкций), сохранение отдельных планировочных принципов (двух- и трехкамерные дома с равнозначно-параллельной планировкой), сходные элементы устройства интерьера (развитие позднескифских форм очагов и особенно купольных печей, применение пристенных загородок). Показательно, что к востоку от Днестра эти явления более массовы, как и само каменное домостроительство. Это можно объяснить только тем, что эта территория была основной зоной обитания поздних скифов. Поскольку прямой связи черняховского каменного домостроительства с античным не выявлено, следует считать, что отдельные элементы антич-

ной домостроительной культуры перешли в черняховскую через посредство поздних скифов.

В междуречье Днестра и Днепра преобладали поселения с каменными домами, а с каркасными – единичны. Иное дело в степи к западу от Днестровского лимана, где поселения с каменными и каркасными жилищами расположены вперемешку. Каменное домостроительство здесь постепенно исчезает по направлению к западу и северу, полностью уступая каркасному. В Буджакской степи обычай сооружения жилищ из камня не имеет местных корней, а на сопредельных территориях он известен только к востоку. Это указывает на его распространение из-за Днестра.

Наземные каркасные дома, массово применявшиеся в Буджаке и в меньшей мере к востоку от Днестра, оказываются полностью аналогичными таким строениям на черняховских поселениях лесостепного междуречья Днестра и Прута, где эта форма жилища была господствующей (Рикман 1975 б: 80-81; Журко 1983: 12, 15). Поскольку в Буджаке в предшествующее время каркасное домостроительство не известно, то неминуемым оказывается вывод о его распространении на эту территорию с севера. Однако при этом не имеется в виду Верхнее Поднестровье, ибо там господствующим был заглубленный в землю тип жилища. Малая изученность каркасных домов в междуречье Днестра и Днепра не позволяет пока с определенностью судить об их происхождении. Возможно, в их распространении сыграла некоторую роль лесостепь к северу от этой зоны, то есть Днестро-Днепровское междуречье.

Полуземлянки на поселениях степи не представляют собой отработанного стабильного типа жилища. Они имеют подсобное значение, что полностью аналогично их роли на поселениях Пруто-Днестровского междуречья. Полное сходство полуземлянок Буджака с полуземлянками лесостепной Молдавии делает, на наш взгляд, ненужной и лишенной основания попытку Б.В.Магомедова связывать их происхождение с территорией порожистого и нижнего Поднепровья (Магомедов 1983 б: 88). Полуземлянки степного Поднепровья явно сходны с такими же жилищами Среднего Днепра и, очевидно, связаны своим происхождением с продвижением на юг населения из лесостепи Поднепровья. Далее Викторовки на запад следов этого процесса не зафиксировано.

Особый феномен представляют стационарные юрты. Материала пока для глубокого исследования мало. Можно лишь сказать, что они выявляют в черняховской среде кочевнический элемент в состоянии перехода к оседлости.

Итак, в целом по характеру домостроительства степи представляют собой особый регион в черняховской культуре. При этом в нем отсутствует внутреннее единство и очевидны различные этнокультурные влияния и связи.

КЕРАМИКА

Керамический комплекс черняховских памятников состоит из сероглиняной гончарной посуды собственного изготовления; импортной, представленной небольшим количеством столовых красноглиняных и краснолаковых сосудов; амфорами; лепной посудой. Количественное соотношение этих групп колеблется на разных памятниках довольно заметно. Одной из причин этого может быть случайность выборки за счет вскрытия на поселениях небольших площадей. Однако были, видимо, и объективные различия, причины которых нам пока не известны. Так раскопанные на значительной площади Кисёлово и Главаны I дают разную структуру комплекса. Первое поселение оказывается уникальным по очень большому количеству амфор (35,6 %) и лепной посуды (33,8 %). С ним сходны Тилигуло-Березанка и Каборга. На поселении Главаны I наименьшее количество амфор (4,1 %) и лепной керамики (1,05 %). В целом керамический комплекс характеризуется абсолютным преобладанием гончарной сероглиняной посуды. Доля лепных сосудов в среднем колеблется от 11 до 19%, то есть они самая незначительная часть керамического комплекса. Только на поселении Приморское лепная посуда составляет 28,4 %, а в Кисёлово — 33,8 %.

Лепная посуда

Лепные сосуды – это почти исключительно горшки для приготовления пищи. Их тесто грубое, комковатое, с большим и очень большим содержанием шамота лепной же керамики, иногда с добавкой в тесто сухой глины. Иные примеси, в частности дресва и песок, применялись как исключение. Сосуды изготовлены на неподвижной основе методом ленточного и спирально-жгутового налепа. Гончарный круг ни для оправки, ни для доформовки никогда не применялся. Обжиг осуществлялся, скорей всего, в бытовых печах. Он относительно равномерный. Черепок в изломе черноватый, непрочный, легко крошится. Поверхность сосудов следов специальной отделки не имеет.

Типология форм черняховской лепной керамики вызывает у исследователей постоянный интерес как источник этнокультурной информации (Баран 1961, 1981; Никитина 1964, 1966; Сымонович 1981 а, 1983 а; Рикман 1975 а: 181-186; Магомедов 1983 а: 140-143). Ей приписывают в этом отношении большее значение, чем продукции гончарного ремесла. Особняком стоит метод Э.А.Сымоновича, который разработал единую типологию для лепной и гончарной посуды (1981, 1983). Этот прием представляется неверным, так как в ряде случаев приводит к смешению форм разного происхождения. Визуальное сходство лепных и гончарных форм не

свидетельствует автоматически о генетическом единстве. Поэтому лучше придерживаться традиционного метода раздельной типологизации и анализа лепной и гончарной керамики. Из существующих классификационных схем форм лепной керамики ни одна в полной мере и неизменной форме не представляется нам удобной для рассматриваемого материала, поскольку ни одна из них не является универсальной. Так, лепная посуда Волыни и Подолии заметно отличается от причерноморской. Поэтому ее классификация, разработанная В.Д.Бараном, имеет региональные особенности (1961, 1981). Г.Ф.Никитина упорядочила лепную керамику всей черняховской культуры, за исключением степных памятников (1966). Типология, предложенная Б.В.Магомедовым для материалов Северо-Западного Причерноморья, очень привлекательна своей простотой, поскольку состоит всего из четырех типов сосудов (1983 а: 140-142, рис. 2). Это позволяет легко организовать весь материал. Однако не все определения выглядят достаточно обоснованными, и сама по себе эта легкость и простота означают такую степень обобщения, которая проводит к потере важных элементов информации. Сосуды, выделенные в тип 1, на наш взгляд, не представляют ни формального, ни культурно-исторического единства. Такая важная в последнем отношении форма, как горшки со стянутым устьем, отсутствует вообще. Очень соблазнительно выделение типов, сразу получающих культурно-историческое определение (скифский, сарматский, гето-дакийский). Однако такое смешение разных уровней исследования представляется неправомерным. Появление нового материала позволяет предложить более дробное членение.

Горшки. В предлагаемой классификации горшков (иных форм сосудов очень мало) учитывались форма тулова, величина диаметра дна, максимального диаметра и положение последнего; форма шейки и характер постановки венчика.

Тип 1 (рис. 43, *1-8*): – округлобокие горшки с высокой воронковидной шейкой. Венчик непрофилированный скругленный. Это наиболее многочисленная форма горшков, встречающаяся повсеместно. Вид 1 характеризуется максимальным расширением тулова на середине высоты (рис. 43, *1-6*). Вид 2 имеет высокие выраженные плечи за счет положения максимального диаметра выше середины высоты (рис. 43, *7, 8*). Сосуды этого типа выделены Г.Ф.Никитиной в тип 1 группы «а». По ее данным, они тяготеют к южной части ареала культуры: Гавриловка, Каменка, Привольное, Косаново, Будешты, Малаешты (1966: 75). По классификации Э.А.Сымоновича они разбросаны в разных группах и четкому анализу не подвергнуты. В верховьях Днестра и Западного Буга наиболее близки сосуды подтипа А типа III и некоторые подтипа Б по В.Д.Барану (1981, табл. 7, *2-7*; табл. 8, *1*). Они известны здесь на всех памятниках второй четверти I тыс. н.э., но в ограниченном количестве. По мнению В.Д.Барана, налепные валики-подковки на отдельных экземплярах типологически сближают эти сосуды с зарубинецкими. В целом же он считает этот тип характерным для широкого круга памятников междуречья Западного Буга, Днестра и Днепра.

В классификации Э.А.Рикмана для Пруто-Днестровского междуречья такая форма сосудов отсутствует (1975 б: рис. 22). Б.В.Магомедов выделил рассматриваемые горшки в тип II, скифо-сарматский. В главах I и II настоящей работы нами подробно рассмотрены скифские истоки этой формы и отмечено, что у сарматов Причерноморья она была заимствованной из местной среды. Поэтому представляется, что единственный ее исток в конечном счете скифский. В степи эта традиция, сохранившаяся в предшествующее время у поздних скифов, проявляется более рельефно. Это и отмечено Г.Ф.Никитиной.

Тип 2 (рис. 43, *9-13*) объединяет горшки с раздутым, почти шаровидным туловом. Венчик, как правило, не моделирован и имеет вид округлой закраины. Горловина очень низкая. Внутренняя вариабельность типа невелика: горловина цилиндрическая или расходящаяся кверху; часть сосудов приземиста за счет того, что диаметр дна больше диаметра устья. Эти сосуды присутствуют не на всех памятниках, причем на поселениях к востоку от Днестра они более многочисленны, чем в Буджаке, и приближаются к горшкам типа 1. Г.Ф.Никитина отнесла подобные горшки к типу 5 группы «а». Она выделила два их подтипа и считает зоной их распространения южную часть черняховского ареала (Гавриловка, Каменка, Будешты, Компанийцы). Наши материалы подтверждают это наблюдение. Э.А.Сымонович отнес такие сосуды к округлобоким горшкам (1981: 51, рис. 5). Эта группа составлена им из очень разных сосудов, что не позволило автору прийти к каким-либо заключениям об их генезисе. В верховьях Днестра такие сосуды не известны. Лишь в Черепине найден один сходный горшок. Он воспринимается здесь как редкая форма (Баран 1981: табл. 9, *3*). Б.В.Магомедов выделил такие горшки с разной формой горловины в III сарматский тип, что представляется вполне обоснованным. Чрезвычайно показательно в этом отношении сравнение с позднесарматскими горшками из Нижнего Поволжья (Скрипкин 1984: рис. 8, *4*; рис. 9).

Тип 3 (рис. 44, *1-5*) – горшки вытянутых пропорций с покатым плечом, как правило, высокие. Преобладают горшки с цилиндрической шейкой (рис. 44, *1, 3, 4*). Они в классификациях других авторов не выделены. Ближайшие аналогии им дает тип II в керамике этулийских поселений. Видимо, не случайно такие сосуды известны только на памятниках Буджакской сте-

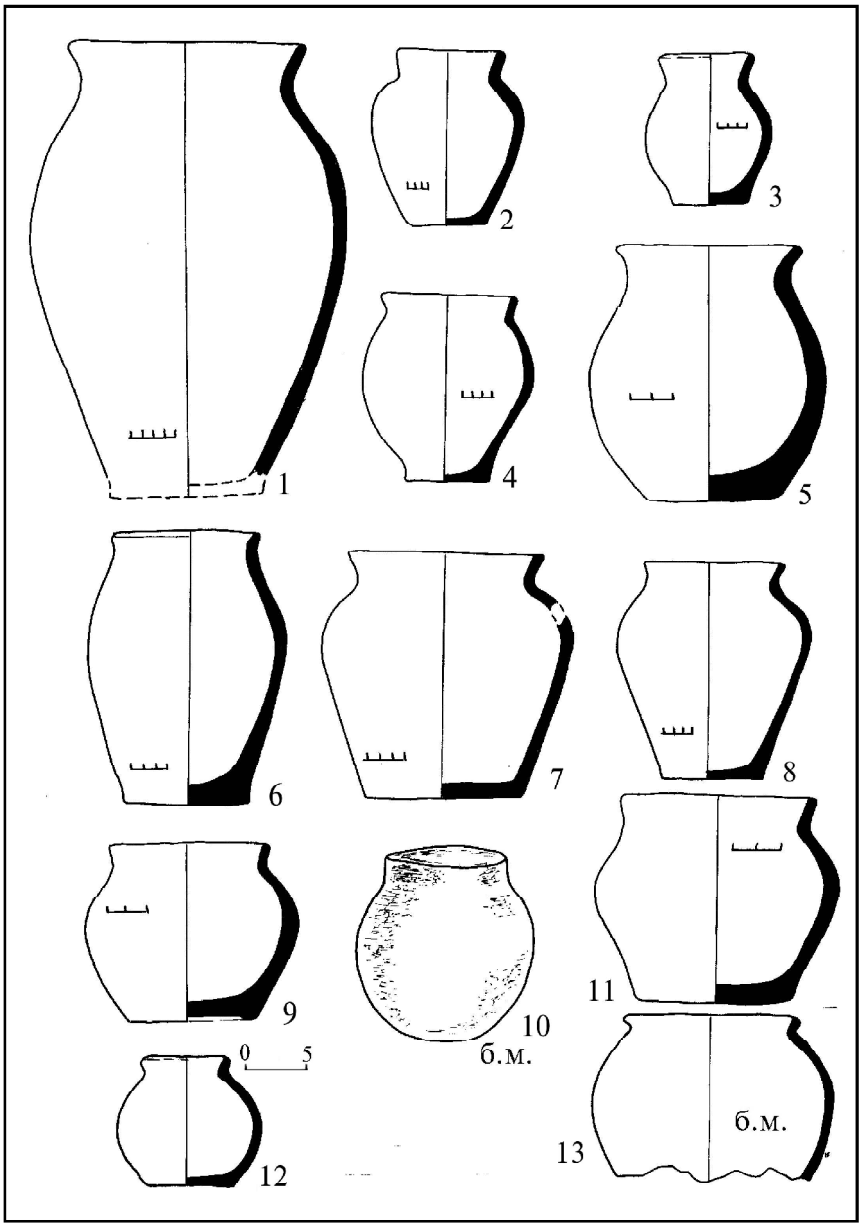

Рис.43. Лепная керамика черняховской культуры. Горшки типа I (1-8) и типа II (9-13): 1, 8 – пос. Рипа; 2 – пос. Корениха; 3, 12 – мог. Каменка Анчекрак; 4, 7 – мог. Холмское; 5 – мог. Викторовка II; 6 – Приморское; 9, 11 – мог. Беленькое; 10 – мог. Коблево; 13 – пос. Нерушай.

пи (Бужорка, Главаны I, Рипа, Холмское III). Более редкие сосуды с округло изогнутой слабо расширяющейся горловиной S-видного профиля (рис. 44, *2*) тоже представлены только в Буджаке. Целая форма этих сосудов не восстановлена. Очень близкие горшки известны на волыно-подольских памятниках, например, в Сокольниках (Козак, Терпиловский 1986: рис. 6, *5, 6).* Тип един по своему генезису и восходит к позднезарубинецким и волыно-подольским памятникам, скорее всего, через посредство этулийской керамической традиции.

Тип 4 (рис. 44, *6-13*) распространен повсеместно. Он характеризуется очень низкой (иногда едва намеченной) шейкой, слабо отогнутой наружу, округло или под углом. Сосуды имеют удлиненные пропорции. Максимальный диаметр немного превышает диаметр устья, а диаметр дна меньше диаметра устья. По Г.Ф.Никитиной, всего ближе тип 13, представленный в Компанийцах, Косанове, Комарове и Черепине. По Б.В.Магомедову, они входят в I тип, и нельзя не согласиться с тем, что видно их сходство с некоторыми типами пшеворской и зарубинецкой культуры (1983 а: 147; рис. 2, *3*). Очевидно, эти сосуды можно считать общечерняховскими.

Тип 5 (рис. 45, *1, 2, 4*) встречается повсюду. Это сосуды сильно расширенные в верхней части. Диаметр венчика превышает диаметра дна или изредка равен ему. Шейка низкая, слабо отогнута наружу. Тулово округлое или биконическое. Малое количество экземпляров не позволяет с уверенностью определить, гомогенен ли этот тип. Сосуды округлых пропорций (рис. 45, *1, 2*) могут быть сопоставлены по Г.Ф.Никитиной с типами 5 и 14, мало различающимися между собой. Тип 5 характерен в основном для степных памятников (Гавриловка, Каменка, Ком-

панийцы) и представлен также в Будештах и на поселении в Черепине. Тип 14 четкой территориальной привязки не имеет. Э.А.Сымонович выделяет подобные сосуды в IV тип округлобоких горшков с покатыми плечами и считает, что они были распространены во всем бассейне Днепра, но встречаются не очень часто. Он воздержался от однозначного определения истоков их происхождения, не исключая возможности латенского влияния (1983 а: 51). Такая точка зрения кажется приемлемой. Биконические формы (рис. 45, *3, 4*) представлены достаточно редко. Перегиб тулова резкий, но не реберчатый. Возможно, это форма, близкая типу III. Это соответствует наблюдениям Г.Ф.Никитиной по поводу горшков типа а-3, выделенного ею, и в определенной мере подобного описываемым сосудам. У них перегиб тулова реберчатый. Исследовательница считает, что они могут быть модификацией горшков типа 1, подобных нашему типу 1. Сосуды этой формы выделены Э.А.Сымоновичем в отдельную группу, в которой им объединены лепные и гончарные горшки, как реберчатые, так и с округлым, но резким перегибом стенок. Представляется справедливым его заключение о том, что, хотя отдельные сосуды этой формы и представлены на Нижнем Днепре, но для Причерноморья в целом они не характерны (1981а: 49). С этим согласуется малочисленность описываемых форм в рассматриваемом регионе.

Тип 6 (рис. 45, *5, 6*): горшки со стянутым устьем. Они редки: известны в Гавриловке и как единичные находки в Буджаке. На пограничье лесостепи найдены в Данченах и Будештах. Кроме того, они представлены на памятниках

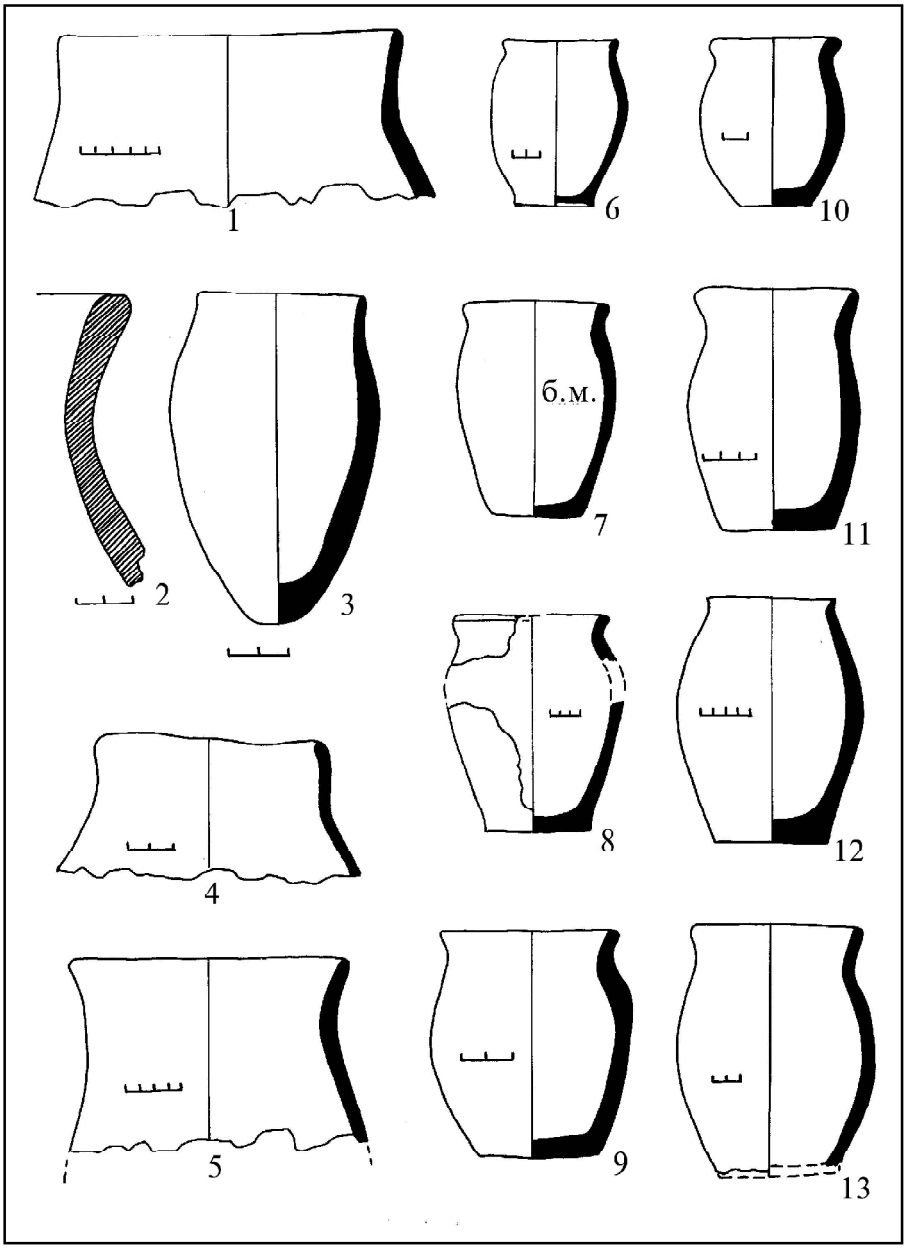

Рис.44. Лепная керамика черняховской культуры. Горшки типа III (1-5), типа IV (6-13): 1 – пос. Рипа; 2, 10 – пос. Уткоиосовка; 3, 5 – пос. Холмское III; 4 – пос. Главаны I; 6 – мог. Городок; 7 – пос. Нерушай (б.м., по Н.М.Кравченко); 8 – мог. Ранжевое; 9, 11 – мог. Фурмановка; 12 – мог. Коблево; 13 – мог. Беленькое.

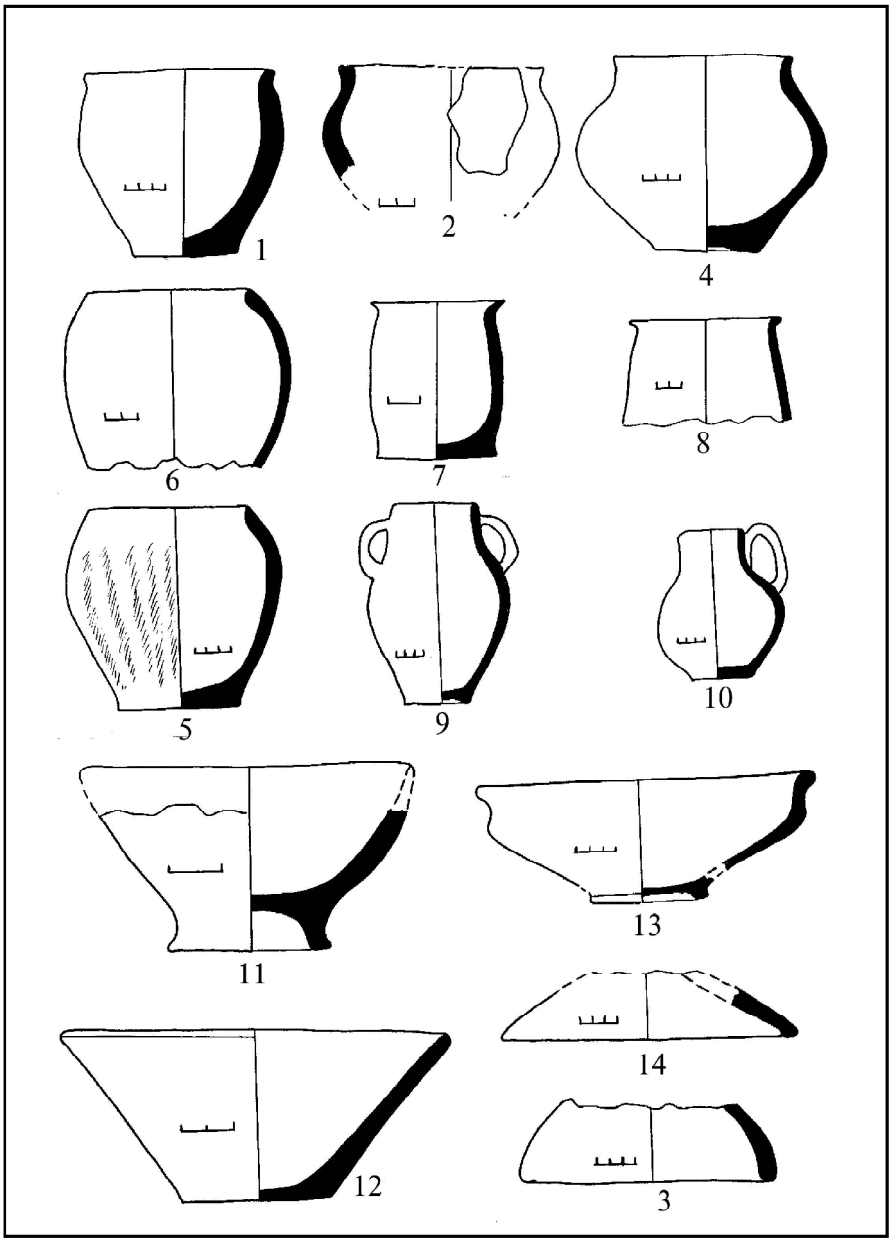

Рис.45. Лепная керамика черняховской культуры. Горшки типа V (1,2,4), типа VI (5,6), типа VII (7,8); кувшины (9,10); миски (11-13); крышки (3,14). 1 – гор. Александровка; 2 – пос. Мирное; 3 – пос. Рипа; 4 – мог.Викторовка II; 5 – мог. Чубовка; 6 – мог. Беленькое; 7 – мог. Холмское; 8 – пос. Главаны I; 9 – мог. Городок; 10 – мог. Большая Корениха; 11 – мог. Каменка Анчекрак; 12 – мог. Фурмановка; 13 – мог. Ранжевое.

Днепровской луки (Волошское, Никольское). По типологии Г.Ф.Никитиной им всего ближе сосуды типа 2 и 3 группы «в» с вогнутым венчиком (1966: рис. 3, *4, 5*). Такие сосуды известны на Верхнем Днестре и Западном Буге (Баран 1981: табл. 5, *7-10*). Э.А.Сымонович полагал, что эти горшки не характерны для Причерноморья (1981 а: 47). Их различные модификации исследователи единогласно связывают с пшеворской культурой.

Тип 7 (рис.45, *7, 8*): сосуды банковидной формы. Они довольно распространены и представляют собой устойчивую форму. Их стенки вертикальны или слабо выгнуты, диаметры дна и устья почти равны. Шейка едва намечена, низкий венчик отогнут наружу. Плитчатый поддон выделен снаружи. Г.Ф.Никитина отнесла банки к типу 11 группы «а» и отметила, что они распространены в культуре Сынтана де Муреш и известны на поселениях Комаров и Черепин (1966: 77, рис. 2, *16*). Рассматриваемой форме у Г.Ф.Никитиной близок также подтип 2 типа 4, распространенный на памятниках Румынии и Молдавии. На Верхнем Днестре это редкая форма (Баран 1981: табл. 9, *4*). Б.В.Магомедов возводит происхождение сосудов этого типа к гето-дакийской керамической традиции. Действительно, они известны, правда с орнаментом, у карпов (Bichir 1973: pl. 46, 47) и даков в культуре Милитарь-Килия (Bichir 1984: pl. 12, *2, 3, 5*). Возможно, поэтому они и оказываются довольно распространенной формой на черняховских памятниках Румынии (Mitrea, Preda 1966: fig. 33, *4;* 73, *2;* 86,*3*; 89, *6*; 106, *6*; 146, *5* ; 237, *6*; Ioniță 1966: fig. 27, *5, 9;* 31, *1, 2*). Очевидно, поэтому банковидные сосуды в Буджаке несколько более многочисленны, чем на остальной территории степей. Однако в целом они составляют не-

значительную часть лепного комплекса.

Миски. Кроме горшков, лепным способом изготовлялись немногочисленные миски, кувшины, крышки. Миски с прямыми расходящимися кверху стенками известны на отдельных памятниках, например, в Фурмановке (рис. 45, *12*). Их существование отмечено Г.Ф.Никитиной как подтип 1 типа 6 (1966: 80; рис. 3, *21*). Об их генезисе пока ничего сказать нельзя.

Некоторое распространение среди мисок имеют открытые сосуды с невысокой шейкой (рис. 45, *13*). Они известны во всем ареале культуры (Никитина 1966: 79, рис. 3, *10, 13*). Эта форма широко представлена в гончарном варианте (см. ниже реберчатые миски вида 2). Ее генетическая линия требует специального анализа и, скорей всего, со степным регионом не связана.

Миски на высоком поддоне (рис. 45, *11*) известны в степи на поселении Каменка-Анчекрак. Г.Ф.Никитина относит такие сосуды к группе открытых мисок типам 1 и 2. Они распространены в черняховской культуре повсеместно. Э.А.Сымонович считал, что миски на высоком поддоне встречаются преимущественно в Среднем Поднепровье и на Волыни, а истоки этой формы находятся в зарубинецкой и пшеворской культурах (1983а: 33-34). Сходно мнение и В.Д.Барана, который для этой формы на Верхнем Днестре и Западном Буге видит местные истоки в предшествующее время (Баран 1981: 82, табл. 9, *1, 3, 5, 7, 11, 16*). В позднескифских материалах Причерноморья эту форму считают зарубинецкой по происхождению (Максимов 1982: табл. 15, *4*). Ее ареал в черняховской культуре не позволяет возводить ее к античным прототипам. Более вероятны ее истоки в латенских традициях. Однако единичность такой формы в степи на поселении Каменка-Анчекрак может в этом случае указывать и на античное происхождение.

Кувшины с одной ручкой (рис. 45, *10*) принадлежат к типу 5 по Г.Ф.Никитиной, распространенному достаточно широко (1966: 81; рис. 4, *8*). Кувшин с двумя ручками (рис. 45, *9*) представляет форму, в черняховской культуре более распространенную в гончарной посуде. В лепном варианте такие кувшины сильно варьируют по размеру. Они встречаются на отдельных памятниках: Черняхов, Компанийцы, Лепесовка (Сымонович 1983 а: рис. 8, *1-3*). Б.В.Магомедов считает, что форма возникла за счет подражания античным амфорам, в том числе плоскодонным (1977: 115). Однако концентрации этих сосудов в Причерноморье не наблюдается.

Конические крышки с вертикальной ручкой (рис. 45, *3, 14, 15*) встречаются редко. Это явно переживание формы, широчайшим образом распространенной на памятниках Причерноморья первых веков нашей эры (см. главу 1 и 2).

Анализ лепной керамики выявляет, прежде всего, большую пестроту по истокам генезиса отдельных типов и неравномерное их распределение в регионе. Явное повсеместное преобладание горшков типа 1 свидетельствует о значительном влиянии позднескифского этнокультурного пласта. Можно думать, что он был в основном степного происхождения, но нельзя исключить и влияния скифоидной традиции зарубинецкой культуры. Разграничить их невозможно. Значительное количество горшков типа 2, связываемых с сарматскими формами, представляется на степных памятниках вполне уместным. Их большое распространение к востоку от Днестра, скорей всего, явление хронологическое, поскольку памятники Буджака относятся к позднему периоду черняховской культуры (см. ниже). Горшки типа 3, распространенные только в Буджакской степи (7 памятников), явно свидетельствуют о влиянии керамики типа Этулия. Горшки типа 4 и 5 известны в черняховской культуре повсеместно и генетически связаны с культурами лесостепи. Важно лишь отметить, что на степных памятниках почти полностью отсутствуют биконические формы и сосуды с сильно расширенным устьем, достаточно характерные для лесостепного междуречья Днепра и Днестра. Горшки типа 7 оказываются характерными для степной части ареала культуры, территории Румынии и Молдавии. Важно почти полное отсутствие горшков типа 6 пшеворско-вельбаркского происхождения. Таким образом, в лепной керамике наиболее значимыми представляются скифские и сарматские истоки, присутствует в размытом виде влияние зарубинецкой культуры, а фракийское, даже в Буджаке, не оказывается ярко выраженным. В зоне обитания этулийского населения ощущается влияние его керамики. Лепная керамика степной зоны оказывается по основным характерным чертам довольно единой. Она отчасти сходна с керамикой лесостепного междуречья Прута и Днестра. Влияния культур северной части лесостепи, Повисленья и Прибалтики фиксируются избирательно на отдельных памятниках в виде присутствия отдельных характерных форм сосудов, не имевших массового распространения, например, ритон-сапожок в Каборге (Магомедов 1979: табл. VIII, 12; с. 35).

Сероглиняная гончарная посуда

Сероглиняная гончарная керамика по характеру теста делится на столовую и хозяйственную. Первая сделана из однородной тонкой формовочной массы. Ее часто покрывали сплошь или частично лощением и орнаментировали. Набор форм разнообразен. Хозяйственная изготовлена из теста с крупнозернистыми минеральными примесями, делающими поверхность изделия неровной, шероховатой. Для уяснения отношения степных памятников ко всей культуре необходимо провести сравнение их сероглиняной керамики с керамикой эталонного района, то есть Среднего Поднепровья и не-

которых, формально не входящих в него памятников (Маслово и др.).

В настоящее время не существует единых принципов классификации черняховской гончарной посуды, а любая из предложенных типологий может вызвать возражения и не является универсальной. Предлагаемая ниже система не представляет в этом отношении исключения. Она создана с учетом особенностей материала степных памятников, в которых к тому же сравнительно мало целых форм. Недостатки нашей классификации не лишают ее права на существование, поскольку она дает возможность упорядочить и проанализировать в сопоставлении керамику большого региона.

Столовая посуда.

Гончарная столовая посуда состоит из мисок, ваз, горшков, кувшинов и кубков. Две первые формы не всегда различают достаточно четко (Сымонович 1981а: 53), что создает неудобства при классификации. В настоящей работе миски и горшки разграничены по соотношению диаметра устья и высоты: горшком именуется сосуд, у которого высота больше диаметра устья или равна ему. Количественное соотношение форм сосудов характеризуется безусловным преобладанием мисок, что обычно для культуры в целом. Примерно поровну горшков и кувшинов. Вазы, кружки и кубки встречаются значительно реже.

Миски. Первая попытка выработки системы и терминологии описания черняховских мисок принадлежит В.П.Петрову (1964 а: 93). Он разделил миски на открытые и закрытые, что представляется вполне целесообразным и вошло в практику описания черняховской керамики (Сымонович 1983: 26-27). У открытых мисок диаметр устья превосходит наибольший диаметр туло-

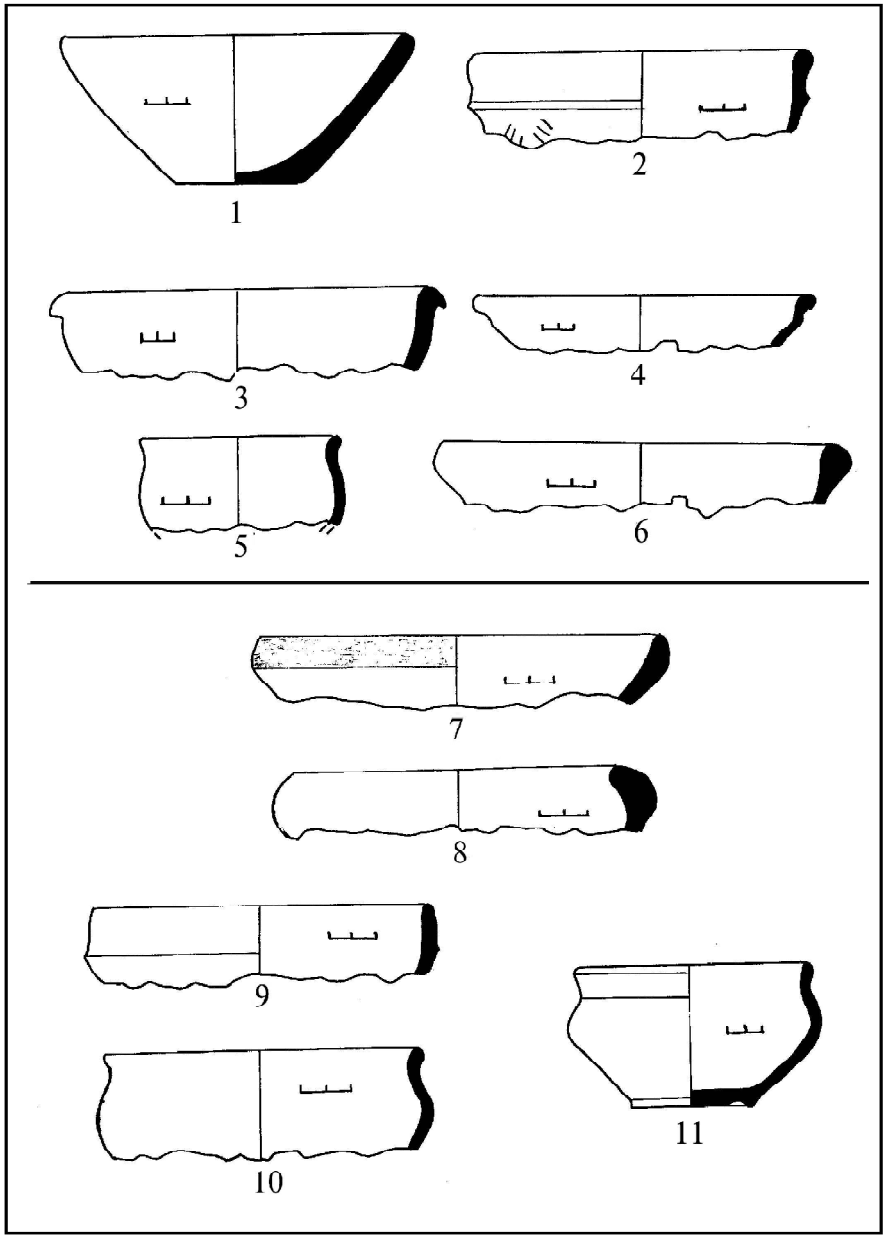

Рис.46. Гончарная столовая керамика черняховской культуры: миски открытые (1-6) и закрытые округлые (7-11).

ва или равен ему. По форме перегиба тулова В.П.Петров разделил миски на остроребер ные и округлореберные, что хорошо выражает форму. Дальнейшая разработка типологии принадлежит В.Д.Барану (1981: 85-86). Нами учтены основные выделенные им формы.

Класс открытых мисок разделен на два рода округлые и реберчатые. По наличию или отсутствию шейки, по степени ее развития выделены виды; по характеру профиля венчика подвиды.

Род округлых мисок. Форма сосуда близка сегменту шара. Такие миски мало распространены.

Вид 1. Шейка отсутствует. Подвид «а»: венчик не выделен и представляет собой скругленный край стенки (рис. 46*, 1*). Диаметр устья 14,5 см, дна – 5 см, высота 6 см. Сосуды этой формы единичны. Подвид «б»: венчик утолщен, выступает наружу и подчеркнут идущим под ним валиком (рис. 46, *2*).

Миски вида 1 в среднем Поднепровье известны, но не принадлежат к числу распространенных форм. В Черняховском могильнике найдены три сосуда такой формы (Петров 1964 а: 95; рис. 6, *14, 17* ; Сымонович 1969 : рис. 2, *9*). В то же время в римских слоях античных городов Причерноморья такие миски отсутствуют.

Вид 2. Шейка слабо намечена. Подвид «а»: венчик имеет вид округлого края стенки, слегка отогнутого наружу (рис. 46, *5*). Как правило, это маленькие мисочки с диаметром устья 6-8 см. Подвид «б»: венчик утолщенный, круглый в сечении, выдается наружу (рис. 46, *6*). Диаметр устья 14, 17 см. Подвид «в»: венчик в виде округлого края сильно выступает наружу (рис. 46, *4*). Диаметр устья около 20 см. Подвид «г»: венчик специально профилирован (рис. 46, *3*). Диаметр устья 22 см. Сосуды этого подвида единичны.

Миски вида 2 для памятников эталонного района не характерны. Одна подобная мисочка происходит из Черняховского могильника (Петров, 1964 а: 98, рис. 8, *7*), другая – из Переяслава-Хмельницкого (Гончаров 1955: 38, рис. а, третья слева; Гончаров, Махно 1957: 135. табл. 1, 3). В то же время в античной краснолаковой посуде эта форма обычна и разработана во многочисленных вариантах. Очевидно, появление таких сосудов в сероглиняной керамике степных памятников — прямой результат античного влияния.

Род реберчатых мисок характеризуется ярко выраженным перегибом корпуса, ниже которого сосуд сужается. Степень резкости перегиба варьирует от довольно мягкого и даже округлого до резкого перелома, когда сосуд имеет четко выраженную биконическую или цилиндроконическую форму.

Вид 1. Шейка низкая, до 2 см высотой, в профиле дуговидная. Максимальный диаметр на плечиках, ниже которых сосуд резко сужается. Диаметр устья от 20 до 30 см (изредка от 10 до 20 см). Подвид «а»: венчик представляет собой скругленный край стенки (рис. 47, *1, 5, 6*). Подвид «б»: округлый венчик слегка утолщен и отогнут наружу (рис. 47, *3, 4*). Подвид «в»: такой же венчик выделен изнутри ложбинкой. Подвид «г»: слегка утолщенный округлый венчик поставлен вертикально (рис. 47, *2*). Сосуды этого виды представлены на каждом памятнике. Это одна из основных форм мисок, среди открытых реберчатые – наиболее массовая.

Миски вида 1 обычны на памятниках Среднего Поднепровья. Они известны на Масловском (Петров 1964 б: рис. 6, *11*; 11, *14*; 14, *16*) и Черняховском (Сымонович 1969 а: рис. 2, *2*; Петров 1964 а: рис. 3, *15*) могильниках, в Переяславе-Хмельницком (Гончаров 1955: 38, рис. а, верхняя и крайняя справа; рис. в, крайняя справа; Гончаров, Махно 1957: 135, табл. 1, 4, 7), в Ягнятине (Махно 1949: табл. 11, 3). В Тире аналогичные миски многочисленны и богаты вариантами (Гудкова 1979: рис. 2, *11-16, 18, 20-23*).

Вид 2 подобен виду 1, но шейка более 2 см, и, хотя и с легким изгибом, но вытянута по вертикали. Размеры такие же, как у вида 1. Подвид «а»: венчик представляет собой скругленный и отогнутый наружу край стенки (рис. 47, 9, 10). Подвид «б»: такой же венчик слегка утолщен (рис. 47, 7, 8). Этот вид имеет широкое распространение.

Открытые реберчатые миски вида 2 обычная столовая посуда в Среднем Поднепровье. Они известны в могильниках Черняхово (Петров 1964а; рис. 3, *12*; 4, *6, 8, 11, 20*; Сымонович 1967 в: 18, рис.5, *3, 11*), Ромашки (Брайчевский 1960: табл. 1, *6*), Маслово (Петров 1964 б: рис. 13, *18, 27*; 14, *16*), Ризино (Кропоткин 1971: рис.1, 2). Э.А.Сымоновичем на памятниках Поднепровья учтено очень большое количество этих мисок. Однако, он полагал, что наиболее массовы они на степных памятниках Нижнего Днепра (1983: рис. 3, *27, 29-58*).

Вид 3. Шейка высокая 3-5 см, диаметр устья и максимальный обычно равны. Сосуд биконический или цилиндро-конический. Венчик слегка утолщен. Преобладающий диаметр устья более 20 см (рис. 47, *11-14*). Эти сосуды обычны, но распространены умеренно. Наибольшее их количество происходит с поселения Фурмановка I.

Открытые реберчатые миски вида 3 известны в Черняховском (Петров 1964 а: рис. 6, *12*) и Масловском (Петров 1964 б: рис. 11, *11;* 13, *13*) могильниках, однако, в их материале они принадлежат к числу довольно редких форм, хотя по общему облику и стилю не выпадают из черняховского керамического комплекса в целом. Одна подобная миска найдена в Переяславе-Хмельницком (Гончаров, Махно 1957: 135, табл. 1, *1*). Очевидно эту форму следует счи-

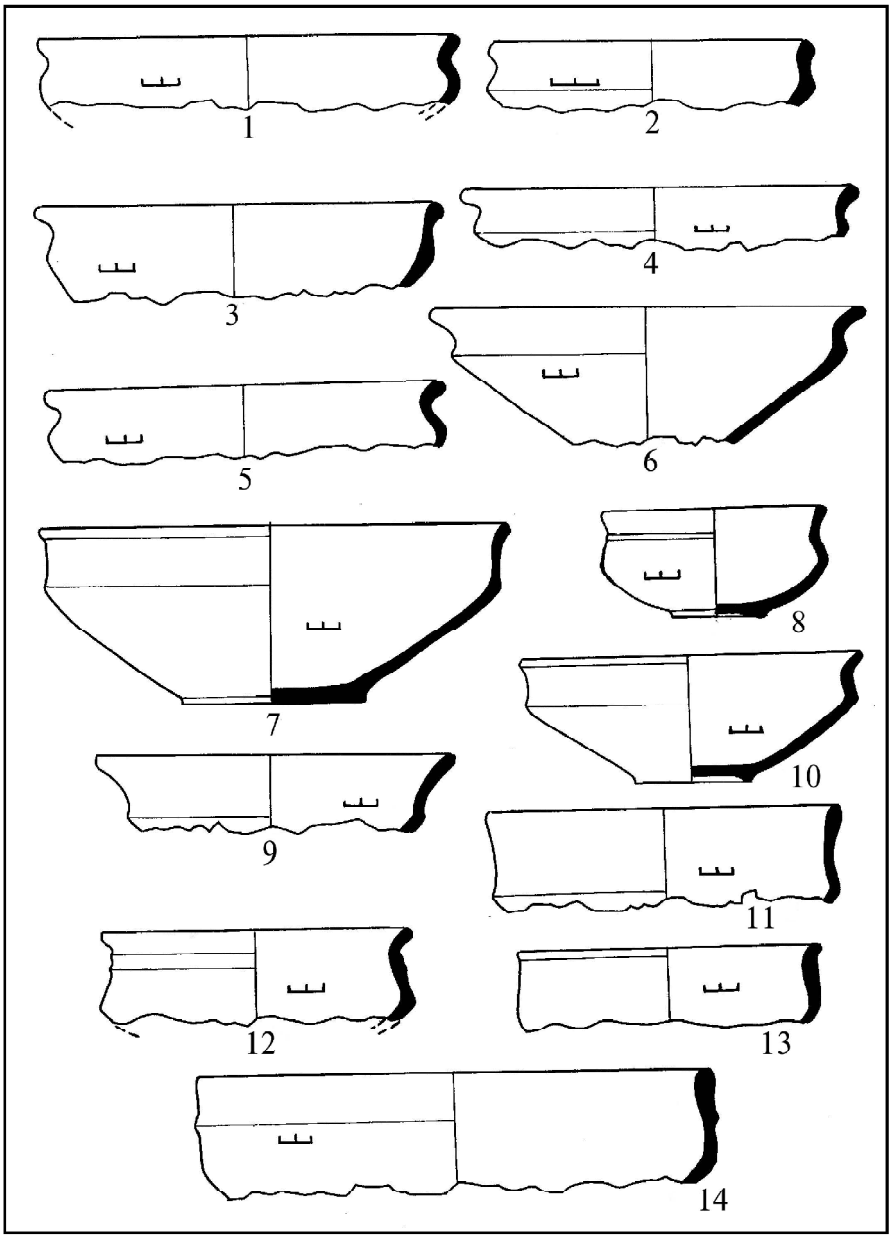

Рис.47. Гончарная столовая керамика черняховской культуры: миски открытые реберчатые.

тать черняховской, но не очень массовой.

Класс закрытых мисок.

Род округлых мисок. Форма подобна сегменту шара, но устье слегка стянуто.

Вид 1. Миски без шейки. Известен один подвид: с округлым в сечении иногда утолщенным венчиком, загнутым внутрь (рис. 46, 7, 8). Эти сосуды единичны.

Миски вида 1 редки и на памятниках Среднего Поднепровья. Такая красноглиняная миска найдена в Ромашках (Брайчевский 1960: табл. III, рис. 8). В Черняховском могильнике имеется такой сероглиняный (?) сосуд (Сымонович 1969 а: рис. 1, *14*). Такие миски часто встречаются в Тире (Гудкова 1979: 103-204, рис. 3, *12, 15-18, 21*) и массовы в Ольвии (Гудкова, Крапивина 1985: рис. 1, *2, 3. 5, 8, 18*). На античных городищах Северного Причерноморья они распространены среди красноглиняной и краснолаковой керамики на протяжении всего их существования. Эту форму надо считать античной, спорадически проникавшей к варварам, но не характерной для черняховского комплекса в целом (Брайчевский 1960: 133).

Вид 2. Шейка не выделена. На корпусе миски имеется слабый перегиб в том месте, где почти цилиндрическая верхняя часть переходит в округло-коническую нижнюю. Диаметр устья около 15 см. У единственного подвида венчик представляет собой скругленный край стенки (рис. 46, 9). Миски вида 2 – форма редкая, но встречается по всему региону. По общему облику она вполне соответствует черняховской столовой посуде.

Вид 3. Шейка низкая, слабо намечена. Корпус округлый, иногда с зачатком реберчатого перегиба. Диаметр устья в пределах от 15 до 20 см. Выделен подвид с венчиком, имеющим вид

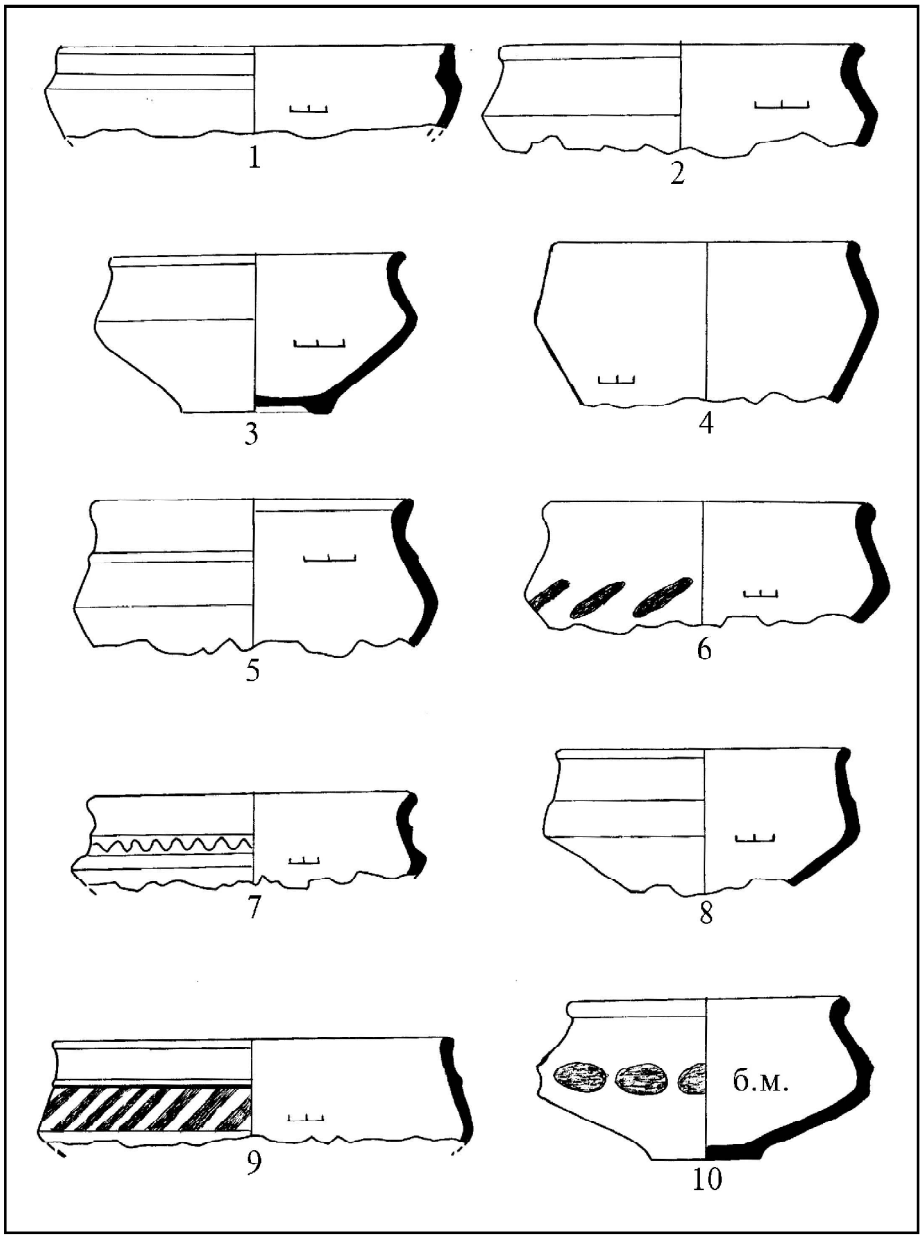

Рис.48. Гончарная столовая керамика черняховской культуры: миски закрытые реберчатые.

скругленной закраины стенки (рис. 46, 10-11). Сосуды единичны.

Миски вида 3 со слабо выраженной «мягкой» низкой шейкой обычны на памятниках Среднего Поднепровья. Они представлены в Черняховском могильнике (Петров 1964 а: 87, рис. 3, *18*; с. 89, рис. 4, *3, 4, 7, 10*), Ромашках (Брайчевский 1960: 113, табл. 1, *3*). Создается впечатление, что их можно считать нормальным элементом черняховской столовой посуды. Они одинаково представлены как на среднеднепровских, так и на степных памятниках. Сложение этой формы на основе керамики античных городов вряд ли было возможно.

Род реберчатых мисок. В большинстве случаев перегиб тулова оформлен как острое ребро, но может быть и скругленным, и даже сильно. У отдельных экземпляров эта скругленность достигает такой степени, что сосуд можно определить и как округлый, и как реберчатый.

Вид 1. Шейка в 2-3 см высотой, слабо выделена, имеет дуговидный профиль. Диаметр устья в массе не превышает 20 см. Подвид «а»: венчик в виде округлой закраины (рис. 48, *1*). Подвид «б»: венчик слегка утолщен и отогнут наружу (рис. 48, *2, 3*).

Вид 2. Шейка не выделена. Сосуд имеет резко выраженную биконическую форму. Диаметр устья от 15 до 20 см. Форма довольно обычная, обнаружена почти на всех степных памятниках. Создается впечатление, что на разных поселениях количество этих сосудов различно. Их много в Кисёлове и на поселении Викторовка II. Для этих мисок характерно частое применение линейно-пролощенного орнамента и косых каннелюр, валиков, уступов, углубленные поля орнамента, хорошего лощения. Острое ребро придает сосуду подчеркнуто «металлический» об-

лик. Подвид «а»: венчик в виде округлого края стенки (рис. 48, 4). Подвид «б»: венчик слегка утолщен в верхней части и отогнут наружу (рис. 48, *6, 7*, *9*). Подвид «в» подобен подвиду «б», но венчик изнутри выделен ложбинкой или уступом (рис. 48, *5*). Подвид «г»: венчик резко профилирован, муфтообразный с плоским горизонтальным краем (рис. 48, *8, 10*).

Закрытые биконические реберчатые миски обоих видов практически присущи всем черняховским памятникам как в эталонном районе, так и в лесостепи за его пределами, и на степных объектах. Трудно назвать памятник, на котором бы они не были представлены в том или ином количестве и разных модификациях формы. Это типично черняховская посуда. Такие миски присущи, прежде всего, черняховской столовой посуде, и являются ее характерной особенностью.

Вазы. По основным элементам формы к закрытым реберчатым мискам следовало бы отнести сосуды с ручками (вазы), однако их большое своеобразие и необходимость использовать для их классификации иные признаки заставляет выделить их в особую группу ваз. По количеству ручек они разделены на три типа:

Тип с одной ручкой (рис. 49, *1, 2*). Форма очень редкая. Венчик плоский, горизонтальный, слегка скошенный наружу, с ложбинкой на плоскости. Венчик сложно орнаментирован. Поддон плитчато-кольцевой.

Тип с двумя ручками (рис. 49, *3*) представлен целым сосудом из погребения у с. Сычавка (Федоров, Рошаль 1979: рис. 2, *3*). Венчик плоский горизонтальный слегка скошенный наружу, с ложбинкой на плоскости. Он сильно выдается внутрь сосуда и меньше – наружу. Поддон плитчато-кольцевой. Венчик сложно орнаментирован.

Тип с тремя ручками весьма единообразен. Все виды имеют ленточные ручки с несколькими продольными желобками, прикрепленные к венчику и перегибу тулова. Только на одном сосуде (рис. 49, *5*) известны ручки-ушки, прикрепленные верхним концом к нижней части шейки, а нижним – к плечу. Дно плоское на кольцевом поддоне или плитчатое.

Вид 1. Сосуды с едва намеченной шейкой или без нее. Подвид «а»: плоский венчик сильно выдается наружу и внутрь сосуда (рис. 49, *8, 9*). На нем бывают круговые рельефные валики. Подвид «б»: венчик выступает только наружу (рис. 49, *6*). На нем может быть круговая ложбинка.

Вид 2. Вазы с шейкой, подчеркнуто отделенной от плечиков. Она слегка сужается кверху. Подвид «а»: венчик в виде округленного края стенки слегка отогнут наружу (рис. 49, *5*).

Миски-вазы характерный элемент черняховской керамики во всем ее ареале. Двуручные экземпляры найдены в Бырлад Валя Сякэ в Румынии (Palade 1980: fig. 16). Степные памятники отличаются крайней редкостью сосудов с округлым перегибом тулова (Сымонович 1983 а: 33). Б.В.Магомедов совершенно правильно связывает происхождение этих сосудов с пшеворской культурой, отмечая, что в лепном варианте они распространены в культурах Центральной и Восточной Германии и Польши (1987: 56-57; Магомедов, Левада 1994). Однако его предположение о том, что сосуды южных памятников связаны с причерноморским гончарством и даже ольвийским производством требует дальнейшей разработки.

Кувшины присутствуют на многих степных памятниках, но представлены небольшим количеством экземпляров. Традиционная классификация этих сосудов построена на учете количества ручек (Петров 1964 а: 160; Сымонович 1983 а: 36). Это действительно удобно при изучении целых сосудов, но для фрагментированного материала поселений этот признак не применим. Кроме того, он не отражает принципиальных особенностей формы. Поэтому более продуктивно членение кувшинов на два класса по форме тулова: округлобокие и биконические. Б.В.Магомедовым по этому принципу разработана подробная многоуровневая классификация, оказавшаяся весьма удобной (1973: 80-87). Малое количество достаточно целых форм на памятниках степи не позволяет применить ее к этим материалам во всем объеме. Приходится ограничиться членением сосудов на округлобокие и биконические. Размеры сосудов чрезвычайно вариабельны и усреднению не поддаются.

Класс округлобокие (рис. 50, *1-6*). Корпус сосуда близок к шаровидному. Сосуды бывают без ручек, с одной или двумя ручками, прикрепленными под венчиком и на плече. Дно плоское плитчатое или на кольцевом поддоне. Горловина, за редким исключением, цилиндрическая, часто декорирована горизонтальными валиками в верхней и нижней части. Ручки в сечении ленточные или овальные с одной или двумя продольными ложбинками. Орнаментация применялась изредка. Известны экземпляры со сливом, сжатым с боков (рис. 50, *6*), и подражания металлическим образцам с косо канеллированной поверхностью (рис. 50, *4*). Кувшины этого класса – сравнительно распространенная форма.

Среди типов округлобоких кувшинов, выделенных Б.В.Магомедовым, единичное соответствие находим только его типу 16, который определен как западноукраинский. Аналогии ему Б.В.Магомедов видит в керамике даков латенского времени. Им установлено, что округлобокие кувшины преобладают в западной части Украины. Широко они распространены и в Днестровско-Прутском междуречье (Рикман 1975б, рис. 22; с. 179-181). В пределах степи их тяготения к какому-либо району не наблюдается.

Класс биконические (рис. 50, *7-11, 13*). Корпус сосуда имеет подчеркнутое ребро. Экземпляров без ручек и с двумя ручками не известно.

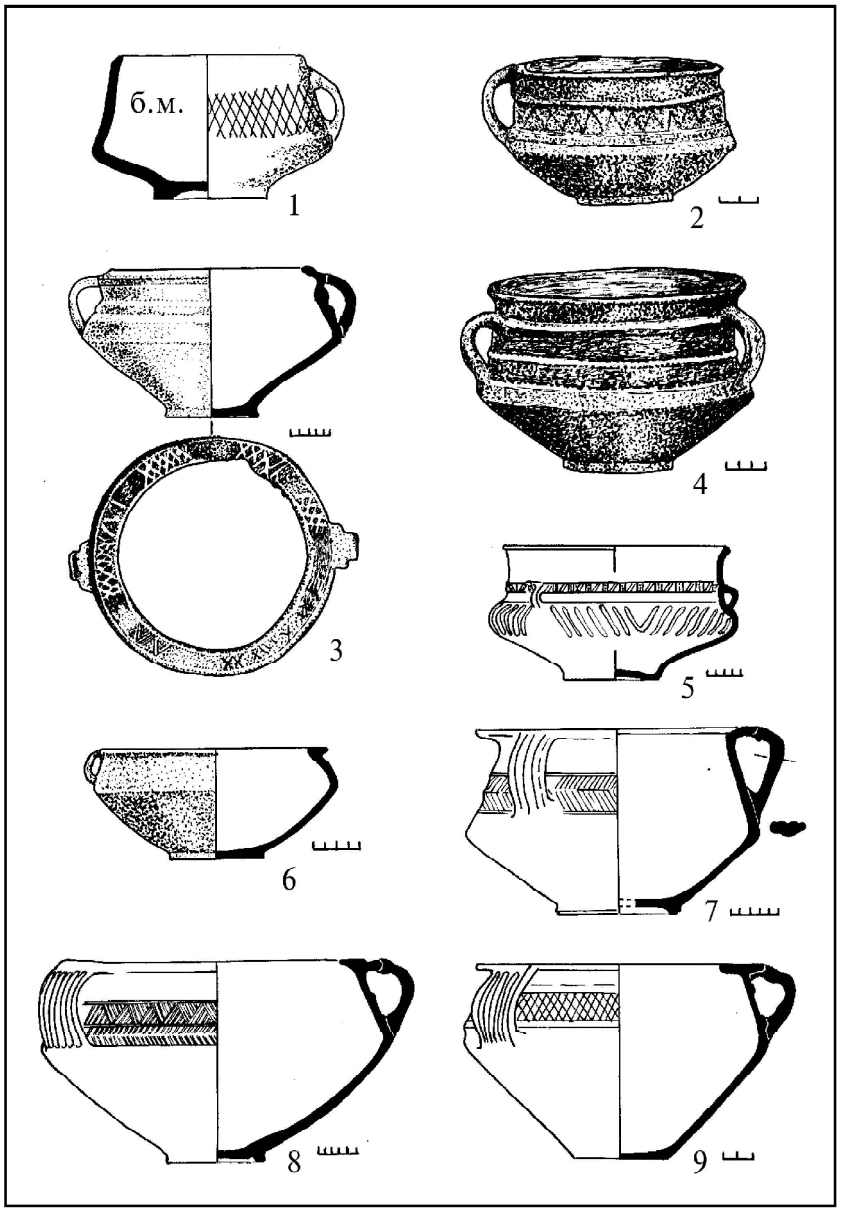

Рис.49. Гончарная столовая керамика черняховской культуры. Вазы: 1 – пос. Киселово, б.м.; 2,4 – мог. Коблево; 3 – погр. Сычавка; 5 – мог. Городок; 6 – мог. Холмское; 7-9 – мог. Каборга IV.

Ручки прикреплены на венчике или под ним и на плече. В сечении они овальные или ленточные с продольным желобком. Поддоны плитчатые или кольцевые. Известны экземпляры со сливом, сжатым с боков (рис. 50, *12*). Пролощенный орнамент встречается чаще и более богат и разнообразен, чем у округлобоких сосудов. Реберчатые кувшины известны только на нескольких памятниках: поселение Главаны I, могильники Фурмановка и Каборга. Формы сосудов индивидуальны настолько, что трудно говорить об аналогиях.

Реберчатые кувшины – обязательная принадлежность черняховской столовой посуды. Они преобладают в Среднем Поднепровье и Подолии (Магомедов 1973: 84).

Наличие сливов на черняховских сосудах, как округлобоких, так и биконических, известно почти исключительно в западной части ареала культуры (Рикман 1875 б: 180; Баран 1981: табл. 17, *11*). В Причерноморье кувшины со сливом характерны для Буджака (могильники Фурмановка, Холмское, Нагорное II). Относительно часто они встречаются также на памятниках Румынии (Mitrea, Preda 1966: fig. 42, *2*; *63*; 96, *2*; 127, *7*; 178, *3*; 181, *3*; 182, *5*; 196, *5*; 210, *6;* 223, *7*; 228, *4, 6*; 249, *6*; 262, *3,4*). Вероятно, кувшины со сливом изготовлялись под воздействием провинциально-римских образцов, красноглиняных и металлических.

Горшки. Типологию форм черняховских горшков разрабатывали В.П.Петров (1964 а: 88, 90), Э.А.Сымонович (1981) и В.Д.Баран (1981: 87-88). В.П.Петров построил свою одновременно для столовых и шероховатых кухонных сосудов, а Э.А.Сымонович как для гончарных, так и для лепных. Поскольку наша типология строится для каждой из этих групп отдельно, нам удалось

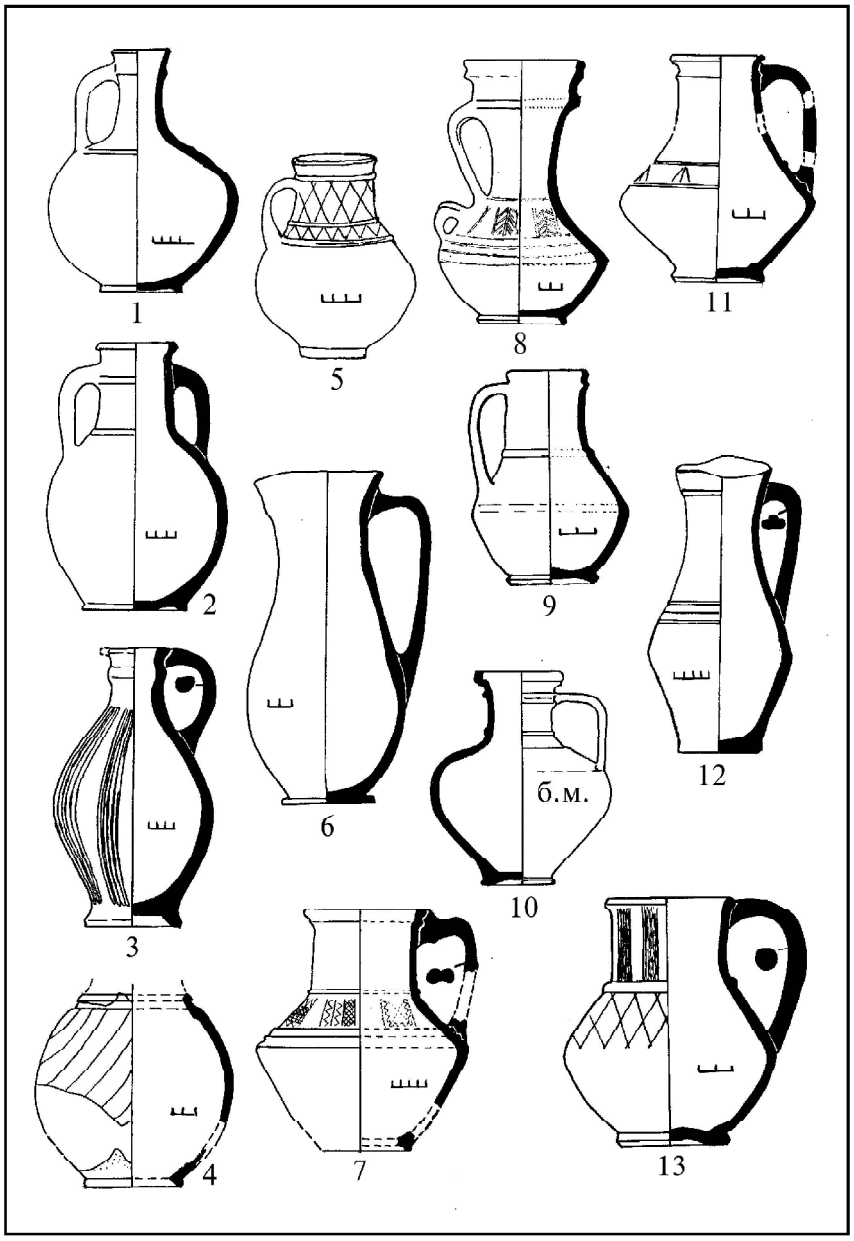

Рис.50. Гончарная столовая керамика черняховской культуры. Кувшины: 1,2 – пос. Сычавка; 3 – мог. Приморское; 4,7-9,11 – мог. Каборга IV; 5 – мог. Коблево; 6 – мог. Холмское; 10 – пос. Киселево, б.м.; 12,13 – мог. Фурмановка.

использовать готовые схемы лишь частично. Наиболее подходящим для рассматриваемого материала оказалось членение В.Д.Бараном горшков на округлобокие и реберчатые биконические. Целые формы горшков представлены в основном на могильниках. Их выделение и классификация по материалам поселений в какой-то мере условна. Число горшков невелико. Лощеные и гладкие горшки не употреблялись для приготовления пищи: на них никогда нет ни нагара, ни накипи на горловине внутри. Крупные толстостенные экземпляры, видимо, служили зерновиками (рис. 51, *2*).

Класс округлобокие характеризуется мягкой формой без резких перегибов тулова. Округлобокие горшки с развитым плечом известны в черняховской культуре повсеместно и в частности в Среднем Поднепровье (Сымонович, 1981а, рис. 5).

Род с выпуклым плечом . Вид 1 с венчиком в виде округлой закраины (рис. 51, 3). Целые экземпляры имеют кольцевой поддон. Размеры сосудов не велики: высота колеблется от 10 до 20 см, диаметр венчика от 8 до 16 см.

Вид 2 со слабой профилировкой венчика за счет его утолщения и выступания наружу (рис. 51, *6*). Судя по диаметру венчика (15-18 см), это были небольшие сосуды.

Род с покатым плечом (рис. 51, *2, 4*). Шейка отсутствует или слабо намечена. Венчик в виде округлой закраины или выступает наружу. Малое количество экземпляров и отсутствие целых форм делает дробную классификацию невозможной. Сосуды вытянутой формы с покатыми плечами в эталонном районе на гончарном круге почти не изготовлялись. Эта форма свойственна лепным изделиям (Сымонович 1981: рис. 3).

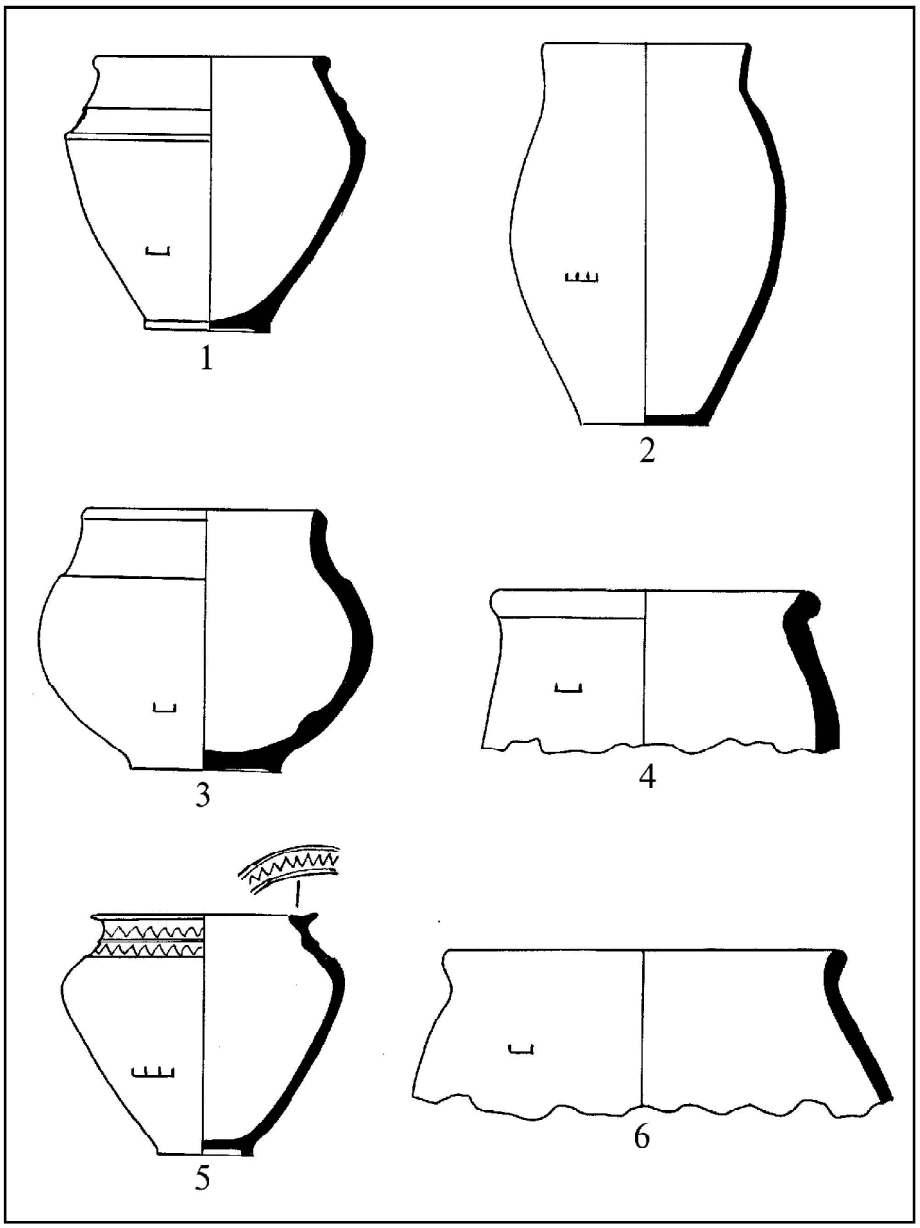

Рис.51. Гончарная столовая керамика черняховской культуры. Горшки: 1 – пос. Нерушай; 2 – пос. Рипа; 3 – мог. Первомайское; 4 – пос. Холмское I; 5 – мог. Городок; 6 – пос. Главаны I.

Класс биконические. Тулово горшков имеет в верхней части резко выраженный перегиб, иногда оформленный как острое ребро.

Род без шейки объединяет все известные сосуды этого класса. Сильно развитые плечики сосуда непосредственно заканчиваются лежащим на них венчиком.

Вид 1. Венчик слабо отогнут наружу, горизонтально уплощен (рис. 51, *1*). Размеры сильно варьируют: диаметр венчика от 20 до 48 см.

Вид 2. Со сложно профилированным в горизонтальной плоскости венчиком (рис. 51, *5*). Его ширина достигает нескольких сантиметров. Он всегда сильно выступает наружу, иногда и внутрь – у разных экземпляров по-разному. Горизонтальная плоскость венчика может иметь дополнительную профилировку валиками – по краям и ложбинкой — в середине. На нее часто наносили пролощенный орнамент. Эти венчики во фрагментах часто не отличимы от венчиков мисок-ваз и встречаются довольно часто. Размеры: высота 18-20 см, диаметр венчика 16-22 см. Биконические горшки Среднего Поднепровья в массе характеризуются положением ребра на середине высоты сосуда. Горшки с его высоким положением, подобные рассмотренным, редки (Сымонович 1981а: рис. 4).

Кружки найдены на многих памятниках, но везде они редкая форма. От ваз с одной ручкой они типологически отличаются тем, что высота у них превосходит диаметр устья и не бывает венчика с горизонтальной плоскостью. Особенность этих биконических сосудов расположение перегиба стенки в нижней трети высоты.

Род округлые. Тулово имеет слабо выраженную биконичность, но ребер нет, перегиб мягкий, округлый (рис. 52, *4, 8, 9*). Горловина слабо намечена. Ручка прикреплена к горловине и на

перегибе корпуса.

Род реберчатые с резким перегибом тулова.

Вид 1. Шейка отсутствует (рис. 52, *3).* Ручка прикреплена к венчику и над ребром. Диаметр венчика 5,5 см, высота сосуда около 13 см.

Вид 2 со слабо выраженной шейкой (рис. 52, *1, 2*). Ручка прикреплена на шейке и на ребре. Размеры: диаметр венчика – 15 см, общая высота – 20 см.

Как общая тенденция выглядит преобладание реберчатых сосудов на памятниках степи и округлых в лесостепи. Реберчатые широко представлены на памятниках Румынии (Mitrea, Preda 1966: fig. 10, *5*; 42, *4*; 49, *3*; 70, *1*; 121, *4*; 167, *4*; 169, *1*; 181, *6*; 229, *4*; 261, *4-6*). Вопрос о сложении этой формы исследован В.М.Корпусовой (1971), пришедшей к выводу о ее кавказском происхождении. Их распространение на запад она связывает с продвижением сармато-аланских племен и считает, что на Боспоре эта форма посуды появилась не ранее III в. Однако в сарматских памятниках Причерноморья подобных кружек не известно. Сосуды с мягким перегибом корпуса близки гончарным кружкам или кувшинчикам из сарматских погребений Румынии и Молдавии. Э.А.Рикман полагал, что эти изделия изготовляли гончары-профессионалы из числа осевших сарматов или же их приобретали у местного оседлого населения (1975б: 58-59). Существует так же мнение, что черняховские кружки (речь идет об округлых) могут восходить к вельбаркско-цецельским (Каспарова, Щукин 1979: 161; рис. 12). Э.А.Сымонович видел два истока сложения форм кружек – зарубинецкий и южно-степной, связанный с сармато-аланским миром.

Кубки для степной зоны не характерны (Сымонович 1983а: 37). Они обнаружены в ее восточной части в Каменке-Днепровской, Гаврилов-

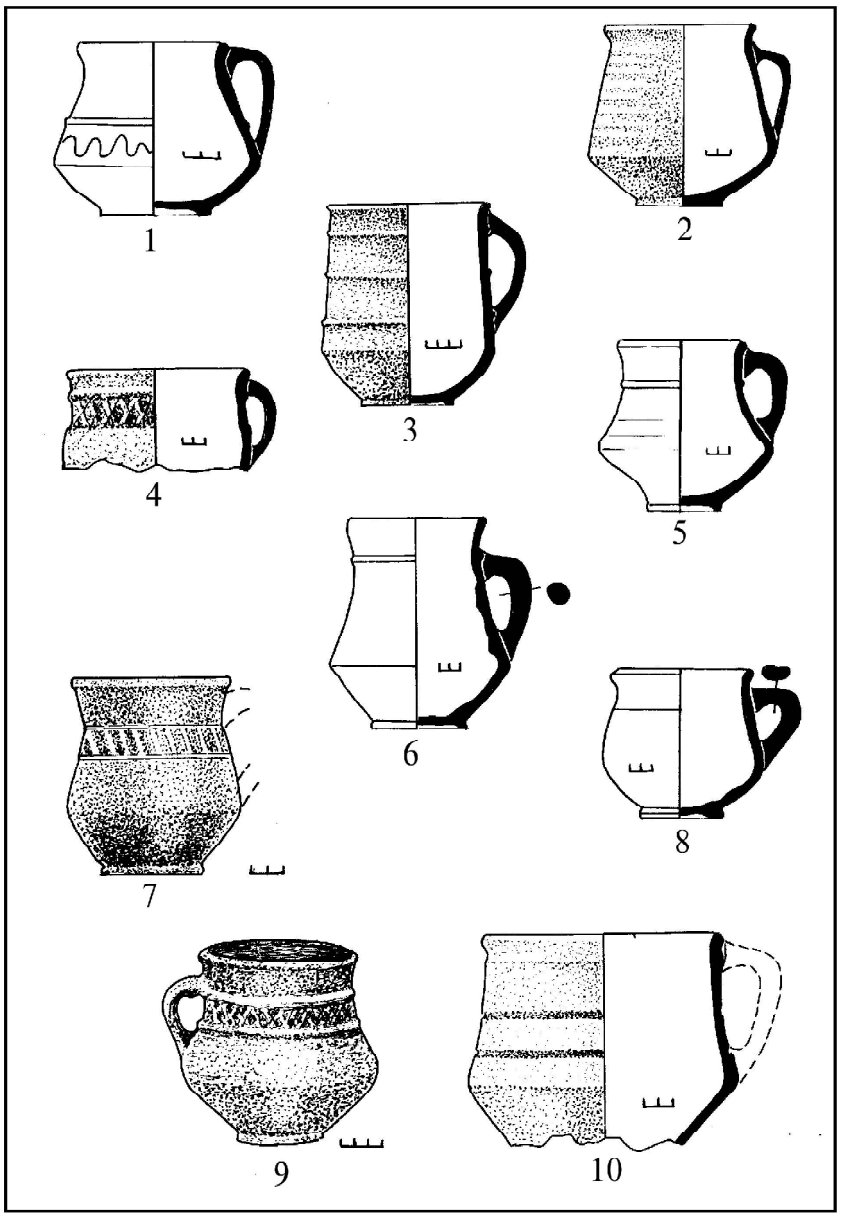

Рис.52. Гончарная столовая керамика черняховской культуры. Кружки: 1 – мог. Беленькое; 2 – мог. Холмское; 3 – пос. Холмское III; 4 – пос. Фурмановка; 5,6,8 – мог. Фурмановка; 7 – пос. Нерушай; 9 – мог. Коблево; 10 – мог. Каборга IV.

ке (Сымонович 1955: рис. 2, *7*; 8, *8*, «а» и «б»; 10, *9*; Сымонович 1960, табл. III, *8, 10*; IX, *2, 4, 5, 8*), Каборге (Магомедов 1979 б: рис. 3,*4*; 7, *5*; 16, *4, 6*) и Чубовке (Гребенников и др. 1982: 140, рис. 3). В Буджаке они не известны. Материала со степных памятников для разработки классификации слишком мало.

Наблюдения над гончарной столовой посудой можно завершить следующими выводами. В целом она заметным образом не отличается от керамики эталонного района ни по формам, ни по степени их распространенности. Для мисок, ваз и горшков это наблюдение не имеет исключения. Кружки в степи в массе своеобразного облика. Исследователи связывают их происхождение с сармато-аланским миром. Конкретный путь сложения и распространения этой формы еще требует дополнительного изучения. Малое распространение кубков формирует предварительное предположение о том, что они весомо представлены в основном на тех могильниках, где присутствуют культурные признаки северо-западного происхождения.

Орнамент. Рассмотрение столовой посуды не будет полным без анализа применявшегося на ней орнамента. М.А.Тиханова считала орнамент на черняховской керамике одним из признаков для выделения ее локальных вариантов (Тиханова 1957: 170). Даже, если его этнический характер смазан и затемнен, можно думать, что отдельные его особенности указывают на направление связей. В этом случае их выявление будет способствовать изучению региональных особенностей культуры. В целом для черняховской культуры этот материал уже был предметом специального исследования. Работа Э.А.Сымоновича (1964 б) не потеряла своего значения и по сей день. Хотя он и полагал, что «все основные виды... орнамента... встречаются в общем на всей территории распространения черняховких памятников», тем не менее выделил тяготеющие к определенным районам: Побужью, Приднестровью и западным областям (1964 б: 272). В 1964 г., когда вышла эта работа, степные поселения с черняховским керамическим комплексом были еще мало известны и археологи сомневались в возможности их отнесения к черняховской культуре. Э.А.Сымонович использовал из этой зоны материалы лишь с памятников степного Поднепровья, черняховская принадлежность которых была очевидна. При анализе степного материала оказывается целесообразным использовать терминологию и систему классификации орнаментов, разработанную им на основе техники их исполнения.

Подавляющее большинство столовых сосудов покрывалось снаружи лощением, целиком или частично. Венчик обычно покрыт лощением, заходящим и на его внутреннюю сторону. В отдельных случаях чередование залощенных и матовых горизонтальных полос на сосудах, не имеющих другого орнамента, приобретает самостоятельное значение (рис. 53, *1, 2*). Внутри посуду никогда не лощили. Относительно малое количество столовых сосудов лощения не имело, а их поверхность хорошо заглажена. Ангобирование не применялось, а в римских слоях Тиры и Ольвии оно довольно обычно.

Лощение бывает трех типов: полосчатое, сплошное и зеркальное. В двух первых случаях оно выполнено тупым орудием с очень узкой рабочей частью, ширина которой не превышает 2 мм. Это была палочка или кость с тупым концом. В абсолютном большинстве случаев лощение наносили по горизонтали и только отдельные кувшины залощены по вертикали.

Полосчатое лощение наиболее распространено. При его нанесении поверхность обрабатывали не сплошь. Чередуются без определенной системы лощеные и нелощеные полоски. Расположение лощеных таким образом, что они часто находят друг на друга и не параллельны, указывает на то, что они выполнены не на гончарном круге. Зеркальное лощение встречается редко. В частности оно присуще сосудам с очень темной, иногда черной внешней поверхностью. Не исключено, что эту темную окраску получали специально, но не путем ангобного покрытия. Следов лощила в этом случае не наблюдается. Такое лощение могли выполнять на гончарном круге. Из-за редкости применения его нельзя считать характерным для региона. Широкое распространение полосчатого лощения и редкость зеркального совпадает с нормой культуры в целом.

Пластичный орнамент, выраженный в рельефе, представлен валиками (рис. 51, *5*), уступами (рис. 53, *3, 4*) и углубленными полями (рис. 53, *12*). Весь пластичный орнамент исполнялся на гончарном круге. В то время, как валики и уступы были характерны для всей культуры, углубленные поля распространены в меньшей степени и Э.А.Сымоновичем не отмечены. В керамике Северо-Западного Причерноморья они довольно обычное явление, однако целых сосудов с этим орнаментом не сохранилось. Углубленные ложбинки, ограничивающие как и валики, орнаментальный пояс, применялись очень редко.

Лощеный орнамент всегда линейный и, как правило, состоит из одинарной линии. Лишь изредка более широкие полосы состоят из нескольких проведенных вплотную друг к другу линий (рис. 53, *9, 11*). Заштрихованные внутри фигуры встречаются очень редко (рис. 53, *10*), вертикальные залощенные широкие полосы-разделители в орнаментальной зоне (обычно на кувшинах) (Сымонович 1964 : 303, 304), известные в других местах черняховского ареала, в степной керамике встречаются редко. Линейный орнамент располагается на сосудах горизонтальными полосами и выполнен по матовому полю, ограниченному сверху и снизу лощены-

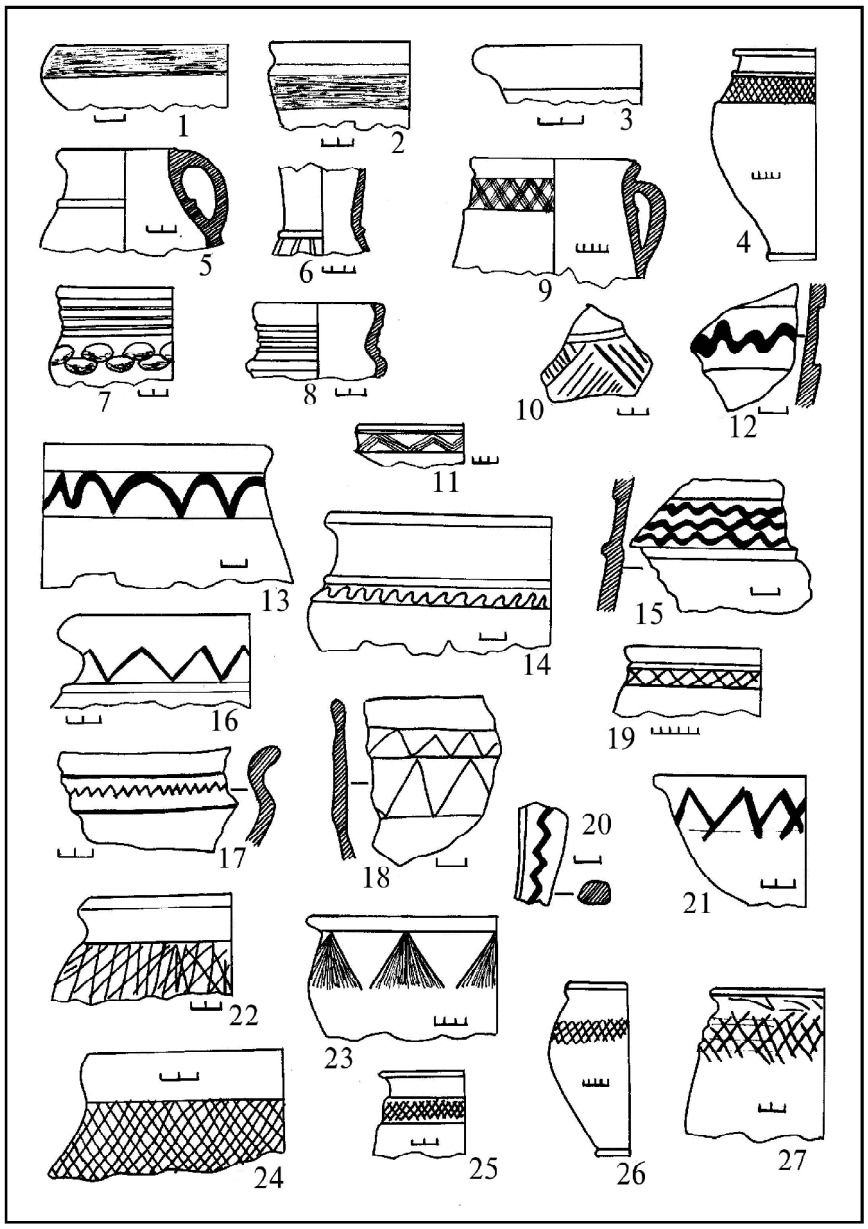

Рис.53. Орнаменты гончарной сероглиняной керамики черняховской культуры: 1, 7, 9, 12 – пос. Фурмановка; 2 – пос. Дракуля; 3, 16 – пос Арцыз; 4, 6, 11, 19, 23 – пос. Рипа; 5 – пос. Холмское I; 8, 17, 18, 20, 22, 24, 27 – пос. Главаны I; 10 – пос. Карналеевка; 13, 14 – пос.Нагорное III; 15 – пос. Хаджидер; 25, 26, – мог. Холмское.

ми зонами. Изобразительные мотивы могут быть сведены к нескольким простейшим схемам: волна (рис. 53, *12-15*; 54, *1, 2*), зигзаг (рис. 53, *9*, *16-21*), сетка, почти исключительно косая (рис. 53, 22-27). Редкие орнаменты: крестики (рис. 54, *8*), вертикальная и горизонтальная ёлочка (рис. 54, *6, 7*), вертикальные, горизонтальные и наклонные параллельные линии (рис. 54, *9-14*), сочетание вертикальной ёлочки с такими же линиями (рис. 54, *15*), вписанные друг в друга дуги (рис. 54, *4, 16*), косой крест (рис. 54, *17*), вертикальная волна (рис. 54, *18*). К числу редких относятся растительные сюжеты, в которых можно видеть листики (рис. 54, *3-5*) и цветы. Сосуды с таким орнаментом происходят с памятников Буджака. К индивидуальным орнаментам принадлежат композиции на трехручной вазе и кувшинах из погребений 1 и 5 с кремацией из Каборги (Магомедов 1979 б: табл. III, 6, 9; табл. VI. 5). Кроме орнаментальных фигур, на вазе имеются изображения животных. Форма одного из упомянутых кувшинов с высоким горлом и биконическим туловом редка для степных памятников. Сюжетные изображения на черняховской керамике Э.А.Сымонович связывал по происхождению с поморской и пшеворской культурами (1983б: 139). Материалы Каборги IV указывают на появление здесь элементов культуры германских племен из Южной Прибалтики и Повисленья (Магомедов 1979: 62).

Лощеные овальные и округлые углубления применялись редко (рис. 53, *7*; 54, *19, 20*). Очевидно, это связано с тем, что таким образом обычно украшены кубки, мало распространенные в степи. В нескольких случаях такой орнамент зарегистрирован на мисках.

Дополнительная профилировка: срезы грани тулова встречается редко (рис. 54, *21, 22*), а косые каннелюры применялись довольно часто (рис. 54, *23-25*). Их сочетание с другими видами орнамента встречается редко (рис. 54, *10*), например, на вазе с ушками из могильника Городок (Магомедов 1979 а: рис. 2, *17*). Известны отдельные случаи дополнительной профилировки овальными срезами (рис. 54, *27*) на резко выступающем валике. Сравнение пролощенно-

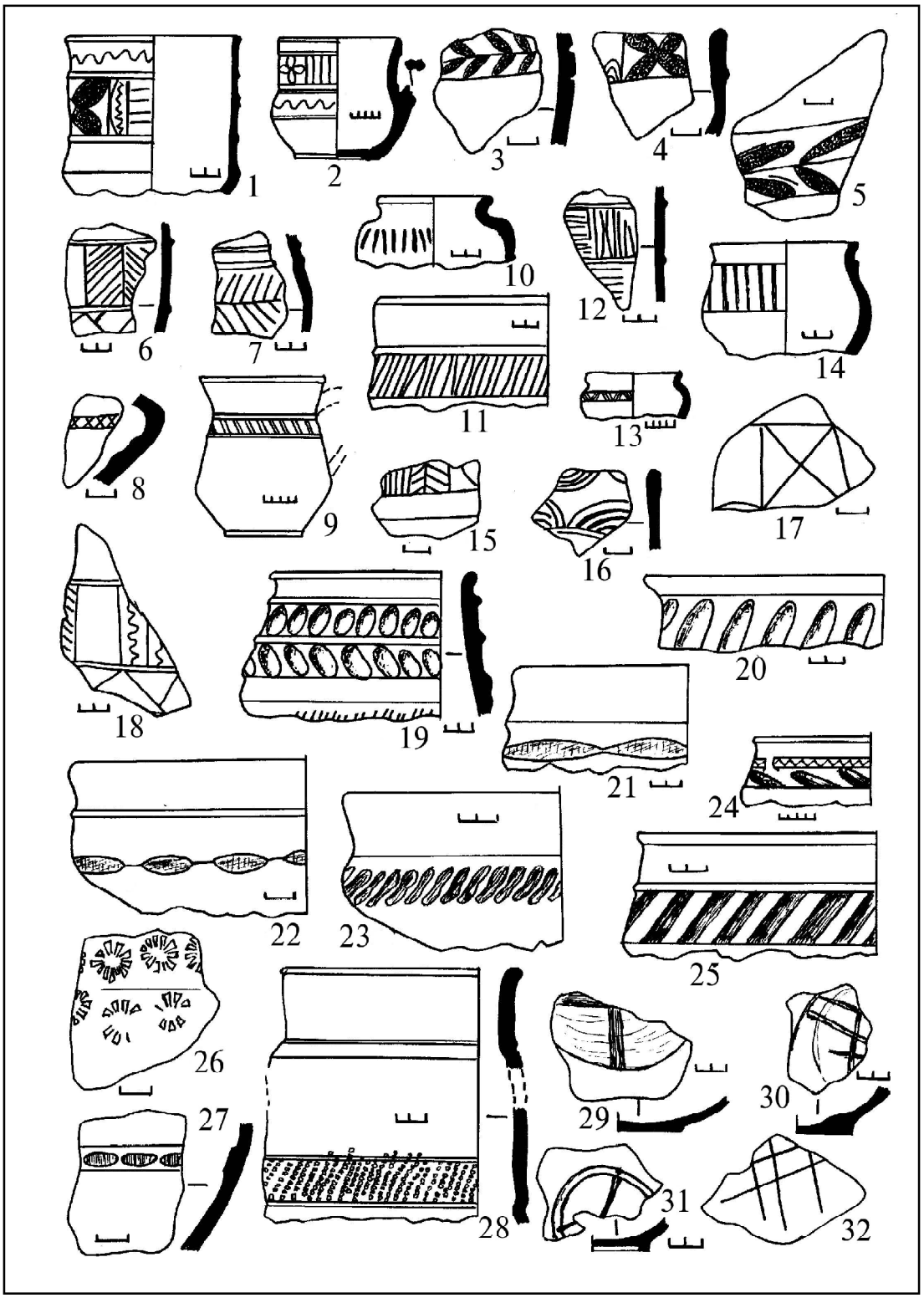

Рис.54. Орнаменты гончарной сероглиняной керамики черняховской культуры: 1,3-5,7,8,10-12,14-17,19,20,26-32 – пос. Главаны I; 2 – мог. Беленькое (по Э.А.Сымоновичу); 6,21,22 – пос. Нагорное II; 9 – мог. Нерушай (по Н.М.Кравченко); 13,24, – пос. Дракуля; 18 – пос. Нагорное IV; 23 – пос. Арцыз; 25 – пос. Холмское I.

го орнамента с материалами, собранными Э.А.Сымоновичем для всей черняховской культуры, показывает, что простейшие элементы орнамента, представленные в рассматриваемом регионе, распространены в черняховской культуре повсеместно. Однако в целом орнаментация более бедна, в ней редки сложные композиции. Почти нет богато орнаментированных кубков, трехручные орнаментированные вазы редки. Представлены не все типы узоров, имеющие широкое распространение. Очень редок чеканно-штампованный орнамент. Известны лишь единичные орнаменты, выполненные зубчатым колесиком (рис. 54, *28*), со штампом в виде розетки (рис. 54, *26*), а в приемах дополнительной профилировки редка обработка стенок сосудов в виде плоскостей и каннелюр, овальные срезы на грани тулова единичны. Количество орнаментированной керамики невелико.

По набору орнаментов, видимо, существовали некоторые особенности на керамике поселений в Буджаке. Здесь нет орнаментов, непосредственно указывающих на северные связи и влияния, но они очевидны на памятниках к востоку от Днестра. Редкость чеканно-штампованного орнамента на памятниках Буджака свидетельствует об определенных особенностях культурных связей этого района. Такое явление наблюдается и на ряде памятников Молдавии (Делакеу, Солончены, Малаешты, Будешты) (Сымонович 1964б: 331, табл. 1). Здесь чеканно-штампованный орнамент известен лишь на некоторых вазах и кубках (Рикман 1975 б: 178-179). Этот орнамент и дополнительная профилировка развиваются в западно-европейских гончарных мастерских еще до сложения черняховской культуры. Здесь же широко применялись орнаменты, выполненные зубчатым колесиком. В черняховской культуре эти приемы орнаментации распространяются с северо-запада, из бассейна Вислы.

Анализ орнаментов демонстрирует некоторое отличие Буджака от междуречья Днестра и Днепра. Пока только на востоке известны материалы, прямо указывающие на северо-западные и северные связи и влияния. В целом же в Причерноморье нет явлений, не свойственных другим частям черняховского ареала. Отметим лишь в пластичном орнаменте углубленные поля. Однако представлены не все типы узоров, имеющие широкое распространение. Очень редок чеканно-штампованный орнамент. Известно всего несколько фрагментов с отпечатками зубчатого колесика (рис. 54, *28*), со штампом в виде розетки (рис. 54, *2*). В приемах дополнительной профилировки обработка стенок сосудов в виде плоскостей и каннелюр, овальные срезы грани тулова единичны. Лощеный орнамент более прост и беден, почти лишен сложных индивидуальных композиций. Количество орнаментированной керамики невелико.

Э.А.Сымоновичем при изучении орнамента был сделан вывод о том, что в раннечерняховское время (Ломоватое I, Грушевка) лощеный орнамент прост, пунктирная орнаментация мало распространена, овальные срезы грани тулова не характерны, штамп неизвестен. Лишь позднее в развитой черняховской культуре появляются разнообразные и сложные орнаменты, для чего «потребовался какой-то определенный сдвиг в развитии производительных сил» (Сымонович 1964 б: 336-340). Посмотрим, насколько это предположение согласуется с материалами степи. Большая часть рассматриваемых нами памятников относится к IV в. На них удается выявить две тенденции в распространении определенных орнаментов на керамике. Наиболее сложные орнаменты, применение штампа и зубчатого колесика тяготеют к восточной части региона, начиная с Каборги IV. Эти орнаменты наиболее выразительны на материалах могильников, на которых присутствуют северо-западные культурные черты. Возникает гипотеза о том, что такие орнаменты связаны с недавними переселенцами. Противоположную картину дает Буджак, памятники которого относятся к наиболее позднему времени (о дате см. ниже). Чеканно-штампованный орнамент здесь редок, а линейно-лощеный прост и беден. Это все поздние памятники. Таким образом идет развитие от сложного к простому.

Гончарная хозяйственная посуда.

Горшки – численно преобладающая форма посуды. Их типология разработана В.Д.Бараном на материалах Верхнего Днестра и Западного Буга (1981: 90). Из выделенных им основных типов лишь один с яйцевидным туловом представлен в рассматриваемом материале. По форме тулова выделены классы, по форме горловины — роды, по наличию или отсутствию профилировки венчика — виды и по деталям его оформления — подвиды (рис. 55).

Класс с яйцевидным туловом. Максимальный диаметр корпуса выше середины его высоты. Нижняя часть сосуда вытянутая, стенки ровно (без выпуклости) сходят ко дну (рис. 55, *1-3*). *Род с округлой вогнутой низкой горловиной. Вид 1*. Венчик — округлая закраина, слегка отогнутая наружу (рис. 55, *1, 2*). *Вид 2*. Венчик резко профилированный, угловатый, отогнут наружу вниз, изнутри имеет ложбинку (рис. 55, *3*). Вероятно, необходимо выделение подвидов, поскольку известно большое количество форм округлых (рис. 55, *4, 7-9*) и резко профилированных (рис. 55, *5, 6*) венчиков. Однако фрагментарность материала не позволяет этого сделать. Максимальный диаметр корпуса находится в верхней его половине, но близко к середине высоты. Стенки сходят ко дну выпукло. В результате тулово имеет круглую форму.

Род с округлой очень низкой или едва намеченной *шейкой* в виде перехвата под венчиком. *Вид 1*. Венчик имеет вид округлой закраины, слегка наклонен внутрь (рис. 55, *10-12*). *Вид 2*.

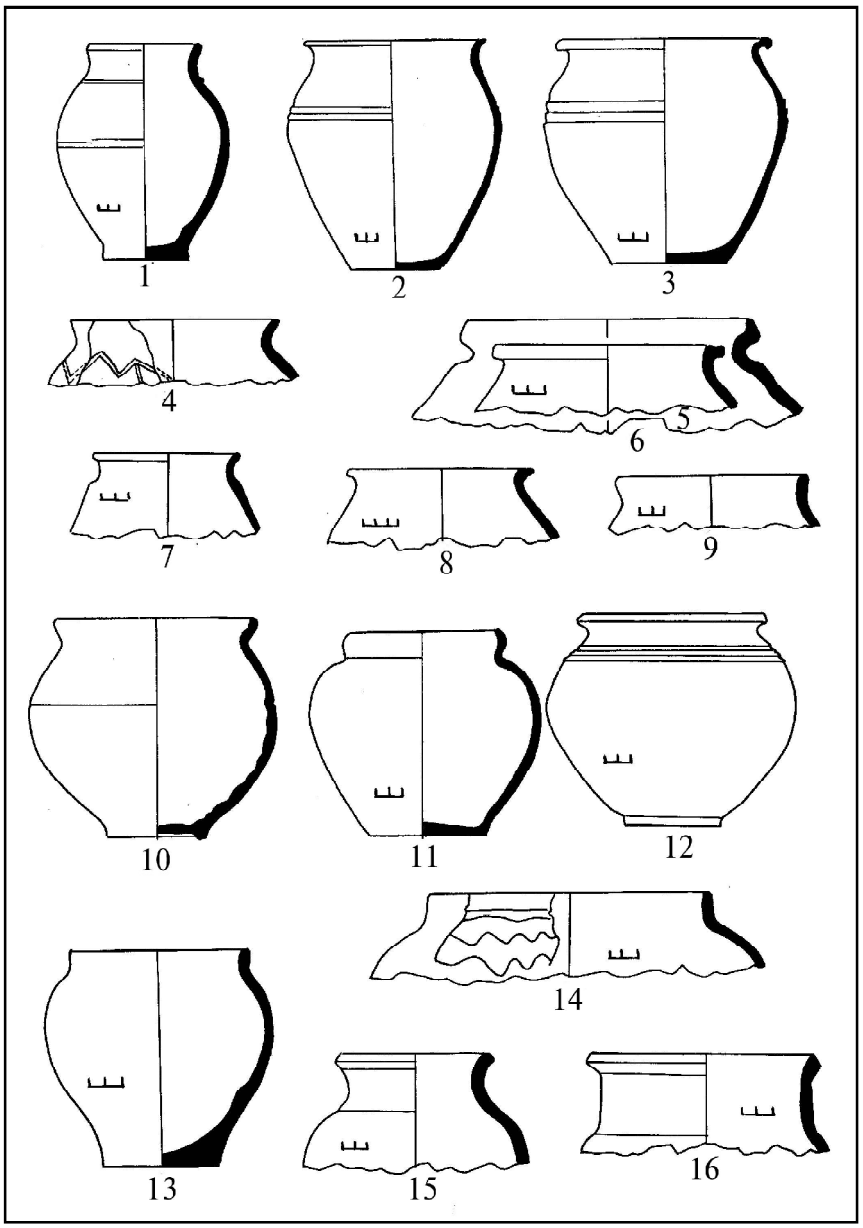

Рис.55. Шероховатая хозяйственная керамика черняховской культуры. Горшки: 1,13 – пос. Первомайское; 2,10,11 – мог. Каборга IV; 3 – пос. Нагорное II; 4,5,14 – пос. Викторовка II; 6,9, – пос. Главаны I; 7,8,15,16 – пос. Киселово; 12 – мог. Викторовка II.

Венчик угловатый, подтреугольный (рис. 55, *12*).

Род с цилиндрической шейкой. *Вид 1*. Венчик имеет вид округлого края стенки (рис. 55, *13, 14*). *Вид 2*. Представлен лишь верхними частями сосудов и поэтому выделен условно. Шейка сравнительно высока, а венчик в виде закраины, скошенной с внешней стороны, слегка отогнут наружу (рис. 55, *15, 16)*.

Класс шаровидные (рис. 55, *1-3*). Максимальное расширение тулова на середине его высоты. Стенки до самого днища выпуклые. Шейка слабо выраженная, низкая. Венчик угловатый, резко профилирован.

Большое количество верхних частей сосудов с вариантами профилей венчиков, остается вне классификации, так как форма целых сосудов не известна.

У шероховатых горшков преобладают плитчатые (дисковидные) поддоны, резко выступающие снаружи и отграниченные перехватом от корпуса (рис. 56, *4*). Вторым по массовости является простое плоское дно, никак снаружи не выделенное (рис. 56, *5,6*). Кольцевые поддоны встречаются редко (рис. 56, *7*).

Миски не многочисленны, по форме не отлича*ются* от лощеных. Могут быть классифицированы по той же схеме.

Класс открытые, род округлые, вид 1, подвид «а» (рис. 56, *10*) — самая распространенная форма. *Род реберчатые, вид 4* (для столовых мисок не выделялся). Шейка отсутствует. Верхняя часть сосуда цилиндрическая, округлый венчик сильно отогнут наружу (рис. 56, *9*). Перегиб на ребре резкий.

Класс закрытые, род реберчатые, вид 2, подвид «б» (рис. 56, *8*). Эта форма тоже явно

навеяна столовыми образцами.

Кувшины встречаются редко, но на многих поселениях. В погребениях они не известны. По форме являются подражанием столовым сосудам (рис. 56, *11, 12*).

Отделка поверхности шероховатых горшков сводится к уступу, реже валику на горловине или перегибе тулова и врезной спирали или нескольким параллельным линиям на плечиках, выполненным на круге. Шероховатые миски и кувшины вообще не орнаментировались. Такова шероховатая керамика во всем ареале черняховской культуры. Полагаем, что ее облик сложился под воздействием товарного характера производства этой посуды.

Особое явление представляет кухонная посуда группы поселений на берегах оз. Кагул. Употреблявшиеся и, видимо, производившиеся их обитателями шероховатые горшки по форме обычны для черняховской культуры, но отличаются богатством и своеобразием орнамента. Их венчик украшен по краю защипами. На плечиках полоса орнамента в виде волнистой линии, прочерченной гребенкой (рис. 57, *9, 17, 18*) на вращающемся сосуде, или ряд угловатых вдавлений, форма которых варьирует на разных сосудах (рис. 57, *16, 19*). Прямые и волнистые линии, сделанные гребенкой на гончарном круге, могут сочетаться. Орнаментированная таким образом шероховатая посуда ни в других частях Буджака, ни за его пределами на черняховских памятниках не известна. М.А.Тиханова, рассматривая подобный орнамент на кувшинах окисного обжига с поселения Журы, указывала на его связь с прикарпатско-дунайской керамикой и датировала III в. н.э. (1955: 97, рис. 36, *13-15*).

Сравнение форм грубоглиняной хозяйственной посуды степных памятников и поселений

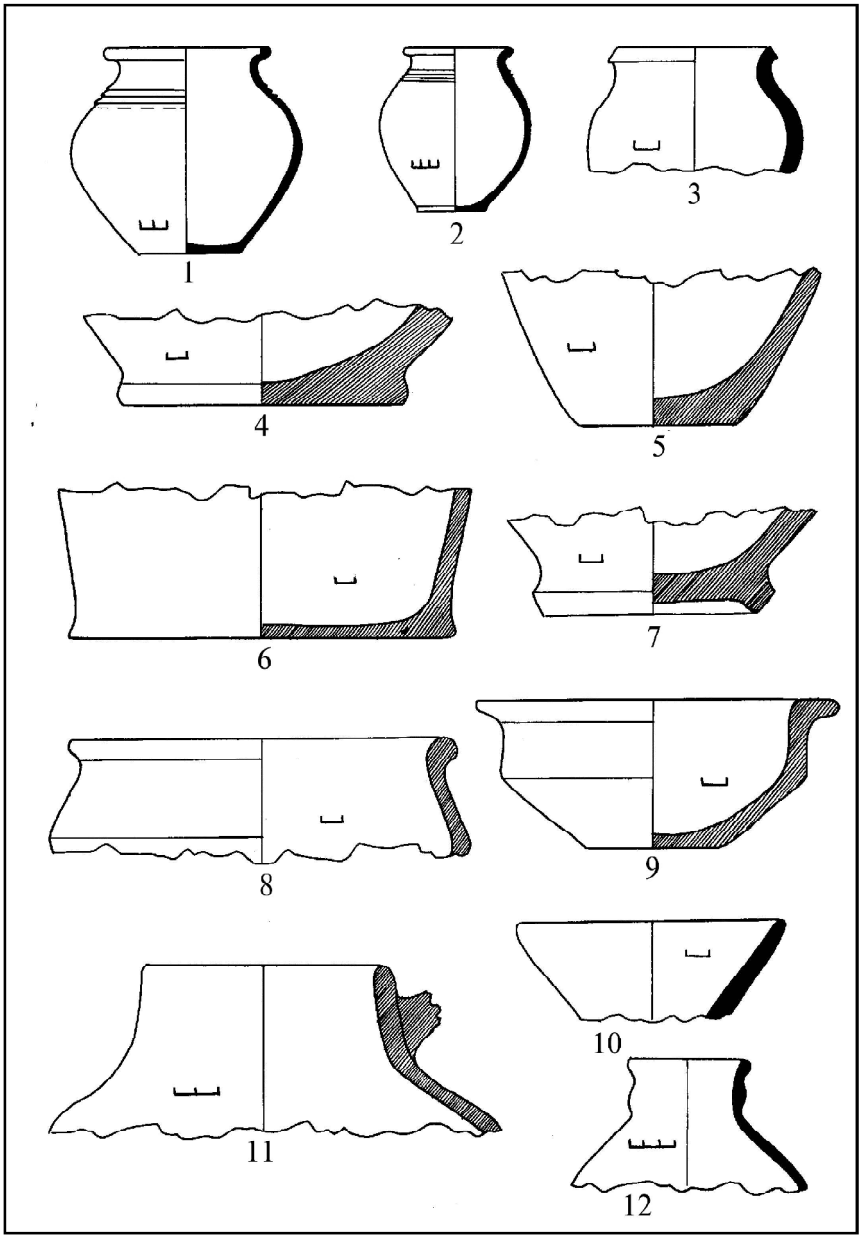

Рис.56. Шероховатая хозяйственная керамика черняховской культуры: 1 – мог. Каборга IV; 2,9,10 – пос. Главаны I; 3,5,6,8 – пос. Викторовка II; 4,11,12 – пос. Фурмановка.

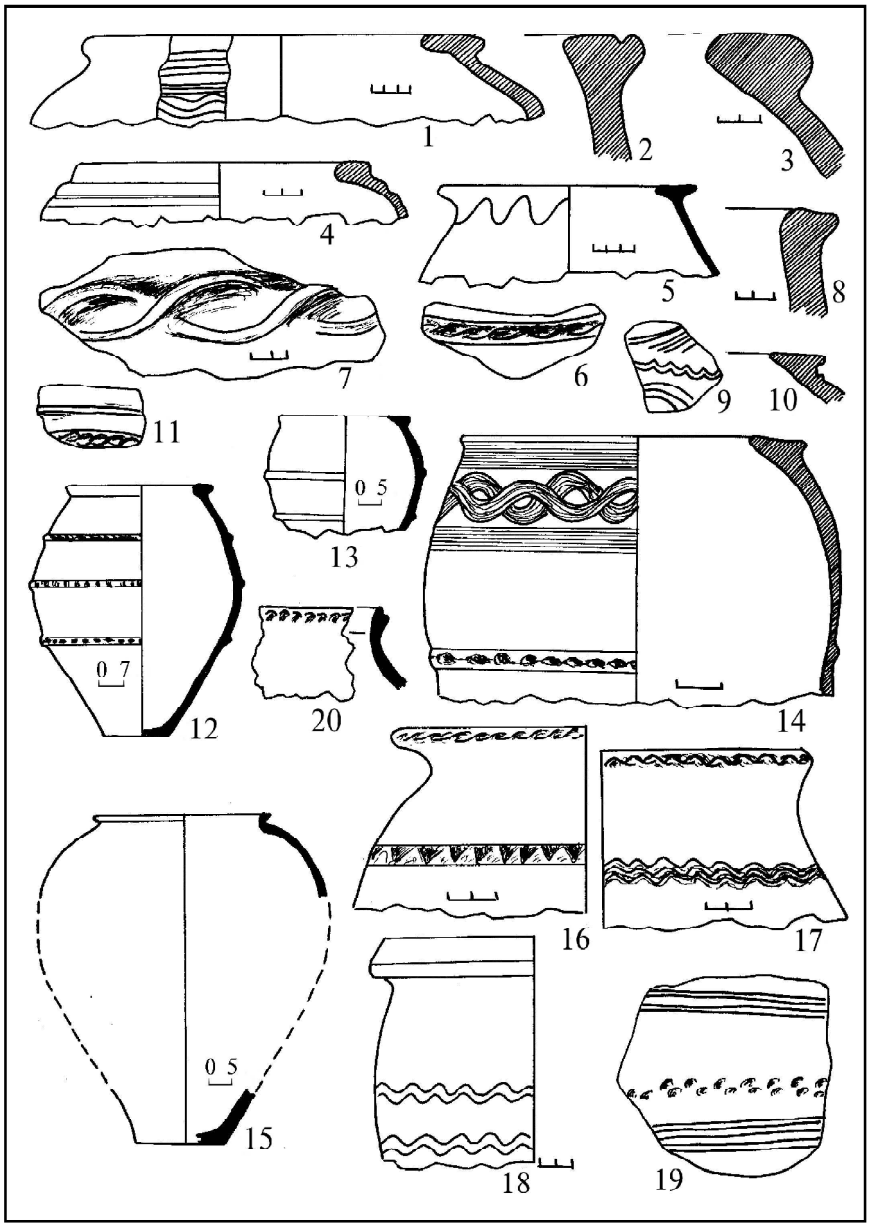

Рис.57, Шероховатая хозяйственная посуда черняховской культуры; зерновики (1-15) и горшки (16-20); 1 – пос. Арцыз; 2,5,7,11 – пос. Викторовка II; 3 – пос.–Алтестово; 4 – пос. Затока; 8,6,10 – пос. Главаны I; 9,16-19 – пос. Нагорное II; 12 – пос. Рипа; 13 – пос. Киселево; 14 – пос. Фурмановка; 15 – пос. Каборга IV; 20 – пос. Нагорное III; 19 – б.м. (по Кравченко Н.М.).

Среднего Поднепровья дополняет сведения, полученные при сравнении столовой посуды. Горшки с яйцевидным туловом обоих видов являются практически обязательной принадлежностью всех черняховских поселений и могильников в Поднепровье (Петров 1964 а: 91, рис. *5, 1, 2, 7*; 1964 б: 141, рис. 6,*7*; с. 146, рис. 9, *2*; с. 154, рис. 13, *10*; Брайчевский 1960; табл. 11, *8*). Округлобокие горшки, возможно, не столь массовы, но тоже распространены достаточно широко (Брайчевский 1960: табл. 11, *1, 4*; Петров 1964 а: 91, рис. 5, *5*; Махно 1949: табл. 11, *2*; Смиленко, Брайчевский 1967: 52, рис. 14, *3, 5*). Более редкая форма шаровидные сосуды, но и они имеются на памятниках Поднепровья (Петров 1964 а: 91, рис. 5, 17; Смиленко, Брайчевский 1967: 54, рис. 14, *8, 9*). Шероховатые миски и кувшины как отдельные находки известны во всем ареале черняховской культуры, но их типология пока еще не разработана.

Зерновики (рис. 57, *1-15*). Сосуды большой ёмкости для хранения припасов массовы на степных поселениях. Они отличаются небольшой вариантностью форм По абрису тулова их можно разделить на два класса, внутри которых варьируют только детали профилировки (рис. 57, *1-8, 10-15*). Сосуды обоих классов не имеют шейки и венчик лежит прямо на плечах.

Класс шаровидные. Максимальный диаметр корпуса примерно на середине ее высоты. Стенки по всей высоте выпуклые (рис. 57, *13*). Устье стянутое, венчик горизонтально уплощенный. Размеры относительно сохранившегося экземпляра: высота, вероятно, около полуметра, диаметр устья примерно 33 см.

Класс грушевидные. Максимальный диа-

метр корпуса находится в верхней четверти его высоты. Сразу от венчика корпус резко расширяется (рис. 57, *12, 15*). Диаметр дна значительно меньше диаметра устья.

Класс бочковидные. Найдена верхняя часть одного сосуда (рис. 57, *14*).

Зерновики обязательная принадлежность черняховских поселений независимо от района. Их специально исследовал Э.А.Сымонович (1981 а: 44-46), и сравнение обобщенного им материала и находок со степных паятников указывает на их идентичность. То же следует сказать и о формах зерновиков с Верхнего Днестра и Западного Буга (Баран 1981: 91-92). Их орнаментация представляет значительный интерес. Существуют два типа орнамента, часто употреблявшиеся совместно. Полосы, прочерченные гребенкой, могут быть прямые, волнистые или образующие плетенку (рис. 57, *14*). Тулова сосудов опоясывают несколько массивных накладных горизонтальных валиков (рис. 57, *11-13*). Иногда они спарены и могут сочетаться с гребенчатым прочерченным орнаментом. Во всех случаях они покрыты различными вдавлениями или косыми насечками. Насечки на спаренных валиках наклонены в противоположные стороны, образуя горизонтальную «ёлочку».

Анализируя орнаментацию и форму зерновиков Э.А.Сымонович выделил зоны распространения отдельных их типов (1956 б: рис. 1). Сосуды, украшенные «многорядными врезными и волнистыми линиями», распространены в западной части черняховского ареала. Теперь можно к нему присоединить и зону степей между Днестром и Дунаем. По Южному Бугу Э.А.Сымоновичем был выделен район распространения зерновиков, «украшенных валиками с вдавлениями и наколами в виде елочки». М.Ю.Брайчевский считал, что налепной орнамент присущ только зерновикам Побужья (1964: 143). Рассмотренные материалы показывают, что такое ограничение района распространения этого орнамента неправомерно. Такие же сосуды обнаружены в большом количестве на поселениях Буджака. Полагаем, что Побужье является крайним восточным районом распространения западного обычая украшать сосуды-хранилища орнаментом, прочерченным гребенкой, и накладными расчлененными валиками. В этом отношении показательно наличие такой же орнаментации на памятниках Западной Украины (Комаров, Черепин) (Сымонович 1964 б: рис. 3, *4, 6;* 8, *5*). Прочерченный гребенчатый орнамент присущ зерновикам и в верхнем течении Днестра и Западного Буга, но накладных расчлененных валиков там не известно. В Поднестровье подобная орнаментация не встречается.

Шероховатая хозяйственная посуда и тара являются характерным элементом черняховского керамического комплекса, однако не только его. Она возникает в провинциальных гончарных мастерских Подунавья и Фракии ранее сложения черняховской культуры (Poczy 1956: рис. 8, *9, 11*; Султов 1976: 42; Brukner, 1981). Позднее в уже сложившемся виде ее усваивают носители черняховской культуры. Получает она распространение и в других культурах первой половины I тыс. н.э. — у свободных даков на севере и западе их ареала, в древностях района Иголомь-Тропишев (Diaconu 1970: 249), в культуре Милитарь-Килия (Bichir 1984; 37-38; pl. 23, *1-7*; 30, *11, 15*; 60). Распространение этой посуды у черняховского населения — прямой результат воздействия на его гончарство провинциально-римской моды. Ее появление фиксируется с самого начала существования черняховской культуры (Смиленко 1970: 76-77). В Тире и Ольвии обломки шероховатых горшков, явно отличающихся от обычной античной кухонной посуды, встречаются в очень небольшом количестве. Не удается пока точно установить, когда она там появилась, но она встречается в культурном слое, синхронном черняховской культуре. Оба эти центра не могли быть источником ее распространения у черняховских племен (Гудкова, Крапивина 1990: 17-18). У поздних скифов на Днестровском лимане (Молога, Веселое) присутствует шероховатая посуда. Обломки зерновиков в Тире единичны, в Ольвии встречаются в верхнем слое. Поскольку они обнаружены в самых верхних слоях, они могут быть связаны с появлением черняховского населения.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Могильники, раскопанные к настоящему времени, расположены тремя скоплениями. На Днепре это Николаевка Козацкая (Ebert 1913; Сымонович 1967, 1969 б), Каменка (Сымонович 1955), Гавриловка (Сымонович 1955; 1960), Берислав (Махно, Мізін 1961); в междуречье Ю.Буга и Тилигула — Викторовка (Сымонович 1966 а, 1967 б), Каборга IV (Магомедов 1979 б), Каменка-Анчекрак (Магомедов 1978: 1980), Коблево и Ранжевое (Сымонович 1967 а, 1979 б), Городок (Магомедов 1979а), Чубовка и Большая Корениха (Гребенников и др. 1982), Васильевка (Белогорский 1965) и Фрунзовка (Кравченко А. 1967). Третья группа в Буджакской степи: Приморское (Сымонович 1979 а), Беленькое (Сымонович 1981 б; Блаватская 1981; Гудкова 1991 в; Росохацкий 1990, 1991), Фурмановка (Сымонович 1975, 1976, фонды ОАМ), Холмское (Гудкова, Фокеев 1984 а: 58-85), Виноградовка (Черняков, Субботин 1971), Нагорное II (Гудкова 1991, 1994). В степной Молдавии засвидетельствовано около двух десятков случайных находок погребений в основном с трупоположениями (Рикман 1975 б). В центральной части региона известны лишь несколько случайных находок захоронений у сел Фрунзовка (Кравченко А. 1967), Васильевка (фонды ОАМ), Кисёлово (Раевский 1955: 46; фонды ОАМ). Перечисленные памятники сильно различаются по степени сво-

ей информативности. Она весьма невелика у отдельных случайных находок. Из небольших памятников более значимы, но все же ограничены по своим возможностям могильник Городок (9 погребений и 3 ямы), Чубовка (4 погребения), Приморское (4 погребения). Все они дают материал лишь для датировок и некоторые сведения об обряде. Остальные представляют собой значительные могильники, раскопанные целиком или частично. Расчеты Н.А.Рычкова показывают, что минимальной представительной выборкой являются 20 погребений (Рычков 1982). Такая мера принята и Г.Ф.Никитиной (1985: 23). Из рассматриваемых материалов этому требованию соответствуют могильники Каборга IV, Коблево, Фурмановка, Ранжевое, Холмское и неизданные Каменка-Анчекрак, Беленькое и Нагорное II.

Топографические условия расположения черняховских могильников в степи не отличаются от того, что известно для других частей ареала культуры. Они находятся не более, чем в нескольких сотнях метров от поселения выше него по склону или на плато. Расположение могильника на склоне потивоположного по отношению к поселению берега ручья (Б. Коренихa) не исключение. Подобные случаи известны и в других местах, например, Балцаты II (Рикман 1975 б: 263). Как всегда, могильники не имеют внешних признаков. Далеко не при каждом поселении удается найти могильник. Возникает вопрос, всегда ли это связано с тем, что он не виден на поверхности. Нами были предприняты специальные поиски могильников у поселений Главаны I и Дижма, около которых нет современных построек, а особенности рельефа ограничивают возможность выбора места для захоронений. Кроме визуальных наблюдений при разном состоянии полей, был снят бульдозером пахотный слой. Могильники не были обнаружены. И, хотя это не исключает полностью их существования при этих селищах, тем не менее можно усомниться в том, что каждое маленькое или небольшое поселение имело свой могильник. Этнографические данные свидетельствуют, что при родо-племенной структуре общин существовали родовые кладбища, на которых погребали членов рода, живших даже на значительном удалении. Это могло иметь место и у обитателей отдельных поселений в Буджаке. В то же время около крупных долговременных селищ, например, Будешты, найдены большие могильники. Показательно, что в микрорайоне Будешты из 86 памятников только 6 являются могильниками (Рикман 1975 б: 72).

О планировке могильников можно судить на основании Ранжевого, Коблева, Каборги и Холмского. На всех этих памятниках отмечено существование центра могильника. В Холмском (рис. 58) это захоронение 56, самое крупное и полностью ограбленное погребальное сооружение могильника. Вокруг него в радиусе 7-8 м нет могил, кроме одного детского погребения (рис. 58). Другого такого «организованного» пространства на могильнике нет. В Коблеве в центре находились две большие ограбленные в древности могилы, рядом с которыми погребений не было (Сымонович, 1979б: 65). В могильниках Ранжевое (Сымонович 1979 б: рис.18) и Каборга (Магомедов 1979 б: 25, рис. 2) в центре находилось пустое место с культовой ямой. Это явление известно и на памятниках лесостепи. Так в центре Раковецкого могильника было пустое место, не занятое могилами (Винокур, Островский 1967: рис.1). В Будештах два наиболее богатых погребения занимали центральное место (Рикман 1967 б: рис. 3).

Второй элемент упорядоченности могильника проявляется в некотором территориальном разграничении погребений разного типа. Картину территориального взаимоотношения захоронений с кремацией и ингумацией дают только два могильника, поскольку на остальных погребения с сожжением единичны. В Каборге зона погребений с кремацией почти полностью обособлена. Они занимают в основном юго-восточную часть памятника. На могильнике Коблево 6 захоронений из 8 с кремацией найдены в западной части могильника на его окраине. В Гавриловке в центре могильника трупосожжения и трупоположения расположены вперемешку. На северо-восточной окраине представлены только первые, а на юго-западной — только вторые (Сымонович 1960: 196, рис. 4). Территориальное обособление погребений с трупоположением не является обязательной чертой черняховских могильников, но известно на некоторых из них. В Косаново погребения с кремацией расположены в южной и центральной части могильника, но отсутствуют в северной. При этом в юго-западной они преобладают (Кравченко 1967 а: рис. 3). На сохранившейся части Ружичанского могильника обряды территориально четко разграничены (Винокур 1979: рис. 1).

Определенная закономерность наблюдается и в размещении захоронений с трупоположением, ориентированных на север и на запад. В Холмском северные погребения концентрируются в основном в восточной части могильника. В Коблеве захоронения с северной ориентировкой, хотя и расположены вперемешку, но тяготеют к северной и центральной части территории. В Ранжевом захоронения с северной ориентировкой занимают южную часть могильника, а с западной — северную. Лишь по одному погребению попало на «чужую» площадь. Территориальное разграничение погребений с северной и западной ориентировкой в разной мере, но как устойчивая тенденция, наблюдается на многих черняховских могильниках. На наиболее южных оно отмечено на Гавриловке (Сымонович 1960: 196, рис. 4) и в Будештах (Рикман 1967 б: рис. 3).

Таким образом по всем элементам плани-

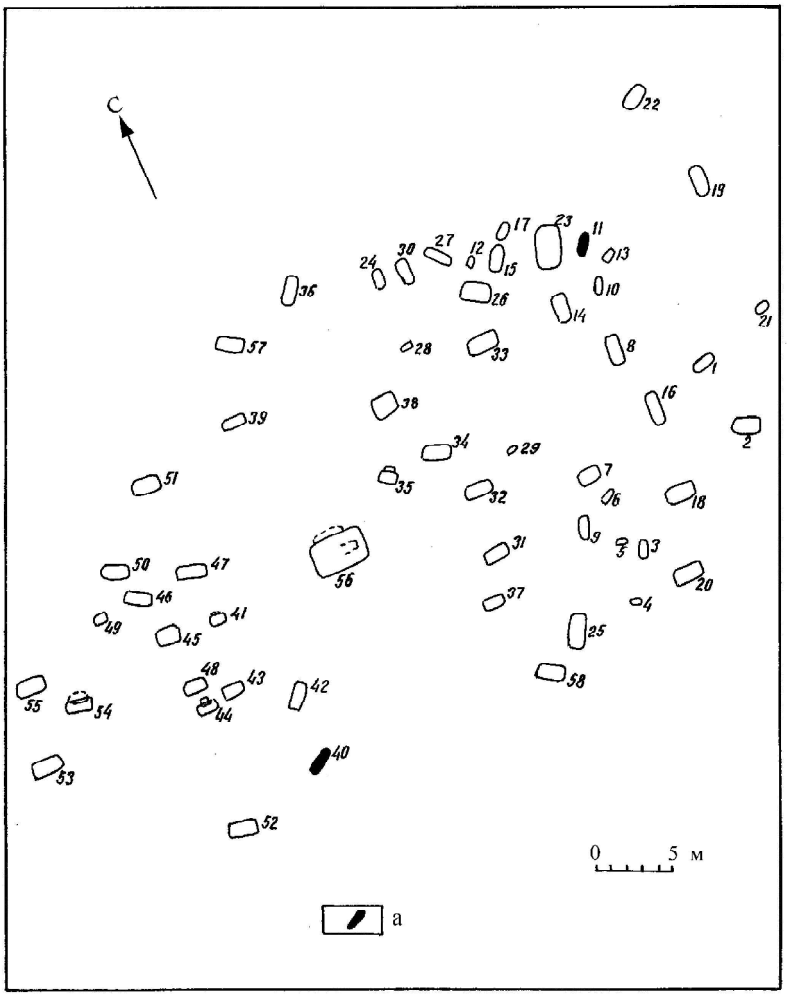

Рис.58. План черняховского могильника Холмское: а – погребение неопределенной культурной принадлежности.

ровки в степном регионе отклонения от средней черняховской нормы не наблюдается.

Иное дело количественное соотношение погребений с кремацией и ингумацией. Анализируя его в культуре в целом. Г.Ф.Никитина пришла к выводу о том, что казавшееся очевидным единство обоих способов погребения доказывается на статистическом уровне рядом присущих им общих элементов обряда (1985: 86). Она считает, что сожжения и трупоположения существовали в черняховской культуре параллельно, а их количественное соотношение может быть хронологическим показателем. Уже рядом исследователей отмечено, что в Причерноморье более распространена ингумация.

Погребения с трупоположением. Основные формы могилы: простая грунтовая яма, яма с подбоем, катакомба и яма с углублением (канавкой) в дне. Для последней конструкции мы также применяем как синоним термин яма с заплечиками или с уступами.

Простые ямы как погребальное сооружение преобладают только в Гавриловке, где в таких могилах совершено 88,9 % всех ингумаций. В Каборге и Фурмановке простые ямы составляют примерно половину. На остальных могильниках их доля значительно меньше. Захоронения в простых грунтовых ямах обычны в черняховской культуре и, вероятно, могут рассматриваться как всеобщий признак (Никитина 1985: 46). На могильниках Среднего Поднепровья они являются основной формой могилы: 32,1 % при 42,5 % непрослеженных ям (Гей 1980 б: 43). Установлено, что форма простой ямы (прямоугольная, овальная, со скругленными углами) принципиального значения не имеет (Никитина 1985: 44). Однако в некоторых случаях обнаружены детали, которые стоит отметить. В Коблево и Фурмановке известно по одной яме с нишей. В последнем случае ниша в короткой стенке у ног погребенного имела значительные размеры и в ней были размещены сосуды. В Коблево и Ранжевом по пять ям, в Николаевке — одна имели каменные заклады. В Коблево эти захоронения сгруппированы в восточной части могильника, а в Ранжевом три находятся в центре и одно — на северной окраине. Каменные заклады обычны в позднескифском погребальном обряде. В Беленьком в ногах погребенного был поставлен на ребро большой плоский камень. Установка большого камня на торце в качестве опознавательного знака известна в позднескифских захоронениях Золотой Балки (Вязьмітіна 1972: 105-106).

В целом можно констатировать, что простые грунтовые ямы, хотя и присутствуют на всех степных памятниках, но в целом в регионе менее распространены, чем в других частях ареала культуры, где они являются ведущим могильным соружением. Простые грунтовые ямы как форма погребального сооружения наименее информативны, ибо они могут быть наследием культуры сразу трех этносов: сарматов, готов, как это уже отмечал Б.В. Магомедов, и поздних скифов.

Погребения в ямах с подбоями в северных районах черняховской культуры встречаются спорадически. Они засвидетельствованы в лесостепи всего в 6 могильниках: Черняхов — 1, Будешты — 2, Журавка — 1, Кантемировка — 1, Компанийцы — 1, Переяслав-Хмельницкий — 2. На могильниках Среднего Поднепровья такие захоронения составляют 1,7 % (Гей 1980 б: 43). В Степном Поднепровье одно подбойное погребение имеется в Гавриловке. Их распространение на могильниках Причерноморья выглядит по-иному. Здесь подбойные захоронения составляют 14,6 %. Установленная Г.Ф.Никитиной преимущественная связь подбоев с погребениями детей (1985: 49) не наблюдается, поскольку детские захоронения составляют лишь треть общего количества. В целом преобладают подбои, расположенные с западной стороны входной ямы. Но это усредненное представление, скорей всего, превратное, так как на разных могильниках выявляются локальные традиции размещения подбоев. В Каборге они все находятся с востока, в Коблеве – с запада, в Холмском – с севера. В последнем случае все подбои связаны с погребениями широтной ориентации, что в культуре в целом наблюдается как исключение (Никитина 1985: 49). Единичность южного размещения подбоя соответствует норме (Никитина 1985: 49). Очевидно, узколокальной особенностью каждого могильника является соотношение размеров входой ямы и подбоя и их конфигурации. В Коблеве в восьми подбоях, в Ранжевом в трех, в Николаевке Козацкой в трех, в Гавриловке в одном обнаружены каменные конструкции. Обычно это заклады плитами входа в подбой. В отдельных из этих погребений отмечено наличие единичной каменной плиты. Один из подбоев Николаевки имел каменный заклад (погребение 1А). В одном из подбоев Фурмановки обнаружены остатки дерева. Территориального обособления захоронений с подбоями ни на одном могильнике не наблюдается.

Происхождение подбойных захоронений в черняховской культуре традиционно связывают с сарматским влиянием (Федоров 1958: 234; Седов 1976: 95; Рикман 1975 б: 319; Магомедов 1980: 84). О.А.Гей первоначально полагала, что происхождение подбоев связано исключительно с сарматами (1980 б: 52). Затем она сочла возможным видеть их истоки и в позднескифском погребальном обряде, поскольку они известны в Золотой Балке и у тавро-скифско-сарматского населения Крыма в Инкермане и Заветном (1985: 28). С этим трудно согласиться, так как нет никаких данных о скифском происхождении таких погребений на этих могильниках. Скорей, они тоже указывают на сарматское влияние (Вязьмитина 1972: 162). Подбойные конструкции применялись на протяжении всей позднесарматской культуры (Скрипкин 1984: 67) на всей ее территории и характерны для сарматов на территории Украины.

Сооружение на могильниках катакомб не характерно для черняховского населения лесостепи. Они известны только на могильниках Причерноморья: Коблево, Фурмановка, Беленькое, Николаевка Козацкая. На двух первых памятниках катакомбы сходны. Они имеют меридиональную ориентировку с возможным легким отклонением к северо-востоку – юго-западу. Форма входной ямы и камеры или овальная (Фурмановка, Коблево погребения 12 и 31), или подпрямоугольная со скругленными углами (Коблево, погребения 16, 38, 46). Площади входной ямы и камеры частично перекрываются. Вход в камеру в Коблево в четырех катакомбах был закрыт каменными плитами. Отмечены случаи подмазки дна камеры там, где лежал погребенный, зеленоватой глиной. На обоих могильниках захоронения в катакомбах были одиночными. В Коблево территориального выделения катакомб не наблюдается. В Беленьком в первый год раскопок вскрыто 10 катакомб. Преобладают ориентированные широтно, с входной ямой с востока. Обе части погребального сооружения имели прямоугольную форму. Площади входных колодцев и камер не перекрываются. Лишь в погребении № 2 были захоронены двое: взрослый и ребенок. Входы в камеры закрывали каменными плитами. В Николаевке Козацкой катакомба 1М ориентирована по направлению запад-северо-запад (Ebert 1913: 90-93. Abb. 99, 101, 105). Расположение камеры и колодца продольное, колодец – с востока-юго-востока. Входная яма прямоугольная, камера реконструирована как округлая. Погребенный лежал ногами ко входу. Погребение одиночное. Общим для всех могильников является продольное расположение входой ямы и катакомбы, сводчатый потолок, положение погребенных ногами ко входу, в вытянутой позе на спине. Глубина катакомб в среднем более 2 м.

Происхождение катакомб явно связано с традициями населения Причерноморья. Э.А.Сымонович, анализируя катакомбы Коблевского могильника, связал их с подобными сооружениями на позднескифских могильниках в Николаевке Козацкой, Золотой Балке, Неаполе Скифском (1967 б: 219) и отметил некоторые черты отличия: индивидуальный характер погребения, иная ориентировка по отношению к входной яме, метод использования камня (1971: 69-72).

Б.В.Магомедов сопоставляет черняховские катакомбы с античными, признавая отличие черняховских в одиночном характере захоронения и упрощенной конструкции входной ямы вместо дромоса. В черняховских катакомбах он видит «регрессивное подражание греческим склепам» и связывает их с эллинизированным местным населением. Основу этого населения, по его мнению, составляли сарматы, но присутствовали в нем и поздние скифы (1980: 86). О.А.Гей первоначально полагала, что катакомбы могильника Коблево имеют явные четы сходства с античными склепами Ольвии и Пантикапея, которые отличаются лишь наличием дромоса вместо входной ямы. В античных склепах погребенные лежат на одной оси с дромосом, а не перпендикулярно, как на позднескифских могильниках. Из этого делался вывод о происхождении черняховских катакомб Причерноморья на основе подобных сооружений античных центров и позднескифских могильников (1980 б: 52). Позднее исследовательница пришла к выводу о том, что их тип II, характерный для черняховских погребений и встречающийся на позднескифских могильниках, имеет сарматское происхождение (1985 а: 17, 20). Основой для этого суждения послужили формы сарматских катакомб Поволжья и Приуралья.

Типологически сопоставление черняховских катакомб с античными склепами действительно возможно. Однако обосновать исторически генетическую связь между ними весьма затруднительно. Для сарматов погребальное сооружение в виде катакомбы – явление столь исконное, что вряд ли при любой степени эллинизации сарматы Причерноморья могли их заимствовать из погребального обряда античных городов. Они могли передать в черняховскую культуру собственный обычай сооружения катакомб без античного или скифского влияния. Обосновать возможность такой передачи до последнего времени мешало отсутствие сарматских катакомбных погребений в Причерноморье. Они были известны лишь в Поволжье и на Северном Кавказе (Смирнов 1972). Положение кардинально изменилось после того, как в Буджакской степи были обнаружены сарматские катакомбы на могильниках Чауш, Фрикацей, Владычень и Градешка (Гудкова и др., 1981, 1984). Они относятся к III – началу IV в. (Фокеев 1986: 160). Связь катакомб Беленького с сарматскими прототипами наблюдается в характере расположения входной ямы и камеры. Однако преобладающая ориентировка погребенного головой на запад необычна для поздних сарматов. Катакомбы в Коблево и Фурмановке более сходны по форме и устройству с позднескифскими. Основное различие заключается в том, что позднескифские катакомбы обычно служили коллективными усыпальницами. По мере необходимости склепы открывали и совершали в них новые захоронения. Кроме того, у позднескифских склепов расположение входной ямы и камеры поперечное и погребенные, как правило, лежат боком ко входу. В Николаевке Козацкой и Золотой Балке позднескифские катакомбы имеют меридиональную ориентировку, погребенного клали головой на север. В Неаполе устойчивой ориентировки не наблюдается. Катакомбы Беленького отличаются от позднескифских прямоугольной формой и отсутствием перекрывания друг другом площадей ямы и камеры.

Таким образом, в целом черняховские катакомбы объединяют в себе сарматские и позднескифские признаки, причем в каждом конкретном случае в разных пропорциях. Для окончательных суждений материала пока мало, но предварительно можно констатировать, что в Буджаке сильней выражено сарматское влияние, а к востоку от Днестра – позднескифское. Применение в катакомбах каменных закладов, возможно, связано с позднескифскими обычаями, если не возникло самостоятельно.

Есть мнение о том, что происхождение черняховских катакомб может быть объяснено на основе подобных сооружений на могильниках античных центров. Основанием для этого служит то, что в античных склепах погребенные лежат на одной оси с дромосом, а не перпендикулярно, как на позднескифских могильниках (Гей 1980 б: 52). Типологически сопоставление черняховских катакомб с античными склепами действительно вполне возможно. Однако обосновать исторически генетическую связь между ними весьма затруднительно.

Черняховские погребения в могилах с углублением в дне или с заплечиками выделены нами как особая группа по признаку, взятому Г.Ф.Никитиной (1985: 48): глубина земляного вместилища для трупа не превышает 70 см. Этот вид погребального сооружения в Причерноморье является весьма распространенным. Он составляет немногим более половины всех погребений с трупоположением. Количество ям с углублением на разных могильниках различно. Оно колеблется от незначительной доли (в Николаевке 1 из 8, в Фурмановке 3 из 26) до полного преобладания (в Каменке-Анчекрак 28 из 33, в Холмском 40 из 56). Отмечены следующие детали устройства этих могил: обвод уступом углубления в дне по всему периметру (23) или только с трех сторон, одной короткой и двух длинных (2); наличие ниш по уровню дна углубления сбоку (2), в ногах (2), в изголовье (5). Существует мнение, что в некоторых случаях уступы по краям углубления являлись опорой перекрытия из камня или дерева (Никитина 1985: 48). Действительно, каменные перекрытия выявлены во всех могилах с углублением в Коблево и Ранжевом. Остатки деревянного перекрытия, сохраняющегося значительно хуже, отмечены в погребении № 20 из Николаевки и в отдельных погребениях в Каборге. Редкими по своему характеру являются деревянные конст-

рукции в погребении № 12 в Коблево и № 18 в Гавриловке, где углубление не только было закрыто деревом, но и имело обкладку по бокам. В четырех погребениях могильника Холмское на уступах был зарегистрирован коричевый волокнистый тлен, возможно, остатки циновки. В остальных захоронениях следов прекрытия не отмечено.

Г.Ф.Никитиной установлено, что могильные ямы с углублением в культуре в целом присущи погребениям с западной ориентировкой (1985: 49). По материалам могильников Коблево, Ранжевое и Холмское это явление столь очевидным не выглядит. Лишь немногим более половины погребений с углублением ориентировано на запад и значительная их часть сопровождается инвентарем, помимо украшений и принадлежностей костюма.

Основное количество могильников с захоронениями в могилах, имеющих углубления, находится в степи и на пограничье с лесостепью в могильниках Будешты и Балцаты II. В лесостепи они представлены в Журавке, Даниловой Балке и Романковцах (Никитина 1985: 16). Г.Ф.Никитина относит эту конструкцию могильной ямы к условно-локальным признакам, значение которых она оценивает низко, так как «в них заложена неопределенность, требующая дальнейшей корректировки, например, проверки при увеличении выборки» (1985: 31).

Происхождение этой формы могильной ямы проанализировано Б.В.Магомедовым статитистическим методом. Он пришел к выводу о том, что захоронения в ямах с заплечиками, с одной стороны, восходят к сарматским могилам с уступами, с другой — к античной погребальной традиции. В целом же для Северо-Западного Причерноморья носителем этого обычая он считает «эллинизированное местное население сарматского происхождения» (1980: 82-83). Связь с сарматскими могилами представляется очевидной. Однако, констатируя ее, Б.В.Магомедов оговорил, что на территории Украины сарматские могилы с уступами встречаются редко. В последнее время в Северо-Западном Причерноморье выявлено значительное число таких сарматских захоронений (Гудкова, Фокеев 1984: рис. 2,*1*; 3,*1, 7*; 4, *1, 4*; 5, *1, 7, 8, 19*; 6, *1*; 10, *6*; 11, *3, 8, 11*; 14, *3*; 16, *11*). Симптоматично, что в некоторых из них имеются ниши в узких стенках ямы, так же, как в черняховских погребениях. В связи с этим следует обратить внимание на конструкцию отдельных черняховских ям, объединяющих разные сарматские признаки. В могильниках Холмское (погребение № 56) и, видимо, Ранжевое (погребение 2) сочетается углубление в дне и подбой. В погребениях №№ 51 и 53 Холмского имеется углубление с высоким уступом вдоль одной из длинных стенок. Последнее явление присутствует и в погребении № 17 Коблева. В части могил с углублением уступы расположены не по периметру, а только вдоль длинных стенок ямы, то есть так, как это принято в сарматских погребениях с уступами. Перекрывание углублений известно не только каменное, но и деревянное, как это практиковалось у сарматов. Все это укрепляет представление о генетической связи черняховских погребений с углублением с сарматскими могилами с уступами. Сомнительно, что сарматы, применявшие такое устройство могил в более раннее время в Поволжье (Скрипкин 1984: рис. 18, *1, 2, 4*), в Причерноморье восприняли его от обитателей античных городов, и не в самих городах, а на поселениях степи.

Заимствование из античной среды, пожалуй, можно видеть в сооружении каменных ящиков. В одном из погребений Каменки-Анчекрак ящик был сделан из тщательно отесанных плит (Магомедов 1980: 84). В Викторовке и Ранжевом засвидетельствована обкладка стенок углубления в дне могилы небольшими камнями. Известно применение подтесанного камня для перекрытий (Сымонович 1967 б: 222, 229).

Погребениям с ингумацией в Причерноморье свойственно широкое применение камня в качестве строительного материала. Каменные конструкции (заклады, перекрытия, обкладки) широко представлены в Коблево (26), Ранжевом (18), Гавриловке (14) и Беленьком в катакомбах. И хотя в могильниках Холмское, Фурмановка и Нагорное каменных конструкций вообще нет, а в Викторовке и Каборге они присутствуют только в отдельных могилах, в целом они оказываются характерными для степи. За ее пределами каменные устройства обнаружены в Оселевке (10) на Среднем Днестре. Балцаты и Будешты на пограничье степи дают сравнительно большое количество погребений с каменными конструкциями (8). Одако это исключение. В целом же для памятников лесостепи нормой является сооружение могильной ямы без каких-либо каменных устройств (Никитина1985: 51). Поскольку в сарматском погребальном обряде каменные заклады, и тем более, иные каменные приспособления, не встречаются, источником их появления в черняховских степных могильниках мог быть позднескифский обычай. Каменные заклады подбоев и входов в катакомбы, перекрывание могил камнями были обычным явлением на позднескифских могильниках. В то же время нельзя полностью сбросить со счета и традицию каменных конструкций в вельбаркской культуре. Когда они четко оформлены и имеют вид каменных колец, их довольно легко отличить от позднескифских форм употребления камня. Но в обеих культурах бывают редуцированные, а иногда и сходные по внешнему виду формы употребления камня, тогда их трудно различить, тем более, когда они на памятниках черняховской культуры уже потеряли первоначальные четкие признаки.

Г.Ф.Никитина делит применение камня на конструктивное (заклад подбоя, перекрывание

плитами углубления в дне могилы, каменный ящик) и символическое (заваливание умершего слоем камня в заполнении могилы, камни на груди погребенного, отдельные камни в погребении, прослойка камня в засыпи могилы) (1985: 51), но это тоже не дает критерия для размежевания в сложных случаях позднескифской и вельбаркской традиции. Вероятно, в черняховской среде степей происходило их совмещение. Удается зафиксировать лишь отдельные случаи, когда северные обычаи довольно очевидны. Это каменное кольцо вокруг безынвентарного погребения № 4 в Чубовке, а в Гавриловке, возможно, детское захоронение 98 в неожиданно большой яме 2 × 2,15 м. Камни находились не только в заполнении ямы. Их развал неправильно округлой формы выходил по уровню древней дневной поверхности за пределы ямы на 0,3-0,7 м и имел неправильно округлую форму. Символическое или ритуальное присутствие в погребениях отдельных камней и заваливание умершего камнями Г.Ф.Никитина считает характерным для северных районов черняховской культуры (1985: 52). В Причерноморье эти явления единичны.

Известны два случая (Ранжевое, погребение № 12; Холмское, погребение № 42) присутствия большого грубо обработанного плоского камня с ассиметрично расположенным отверстием. Камни из Ранжевого Э.А.Сымонович считал якорями (1967б: 225). Подобная находка известна также и в Раковецком могильнике (Винокур, Островский 1967: рис. 14, с. 152). Пока эти явления удовлетворительной интерпретации не имеют.

Применение на могильниках деревянных конструкций в Причерноморье встречается редко (Никитина 1985: табл. ХУ).

Известная на ряде степных могильников подмазка дна могилы зеленоватой глиной засвидетельствована в отдельных позднескифских захоронениях в Золотой Балке (Вязьмитина 1972: 33), Николаевке Козацкой (Сымонович 1969 б: 75-79), Красном Маяке (Гей 1987: 61) и Неаполе (Сымонович 1983: 61).

Анализ могильников с точки зрения ориентировки погребений относительно частей света, их преднамеренного разрушения и наличия инвентаря не показывает существенных отличий от закономерностей, установленных Г.Ф.Никитиной для всей культуры. Северная ориентировка в среднем преобладает. На отдельных могильниках доминирует западная или северная. Преднамеренное разрушение фиксируется для погребений как с северной, так и западной ориентировкой. Г.Ф.Никитина допускает, что обычай разрушать могилы – явление хронологическое (1985: 40). Материалы анализируемых могильников этому предположению не противоречат.

Наличие инвентаря в основном наблюдается в погребениях северной ориентировки. Значительно реже он встречается в захоронениях, ориентированных на запад. Такое его размещение не отличается от средней нормы всей культуры.

Главный результат анализа погребений с трупоположением — выявление широкого распространения среди них черт, происхождение которых связано с сарматскими и позднескифскими традициями. Как единичные явления эти черты известны на могильниках лесостепи, но массовы они только для Причерноморья. Это заключение вполне согласуется с наблюдениями наших предшественников. Поскольку новые материалы усиливают обоснование этой точки зрения, то, очевидно, можно считать, что эти взгляды соответствуют реальности. Попытки найти в погребальном обряде элементы античного влияния представляются нам необоснованными и с исторической точки зрения неоправданными. Второе общее наблюдение: в степи в целом нет ведущей формы погребального сооружения. Местное предпочтение наблюдается на каждом могильнике свое, то есть в каждой отдельной микрогруппе населения, имевшей свое поселение. Это указывает на очень большую смешанность традиций. Отдельные группы населения, разные по происхождению, сохранили свои обычаи. Таким образом анализ погребальных сооружений, показывает, что полной культурной интеграции не произошло.

Погребения с трупосожжением по подсчетам Б.В.Магомедова составляют на могильниках Северо-Западного Причерноморья около 12% всех захоронений, тогда как в Среднем Поднепровье на долю кремации приходится 25% (1981: 8). О.А.Гей разделила могильники Причерноморья на две группы: с резким преобладанием ингумации и биритуальные (1980 б: 44). В действительности картина значительно сложней. Уже отмечалось, что в Николаевке, Каменке-Анчекрак, Ранжевом и Холмском кремация отсутствует. На небольшом могильнике Берислав представлены только сожжения, в Каменке-Днепровской они составляют 91,7 %, в Городке — 66,7%. Следует обратить внимание на то, что это все небольшие могильники, а в Городке раскопано только 9 захоронений. В больших могильниках число сожжений не достигает и половины. Относительное и абсолютное количество кремаций убывает с востока на запад. Всего больше их на Днепре.

Сожжения, как обычно в черняховской культуре, делятся на урновые и ямные (безурновые). В пределах каждой из этих групп наблюдаются виды со своими особенностями, которые весьма многочисленны и касаются различных признаков. На сегодня нет единства взглядов по поводу смысла и значения многих из них. Количественное соотношение ямных и урновых сожжений неустойчиво. Общая тенденция — преобладание ямных.

Все *урновые захоронения*, за исключением

погребения во Фрунзовке, чистые. Значительная их часть покрыта черепками или мисками. В Коблево погребение № 1 совершено в двух сосудах, а № 9 — в трех, в Каменке Днепровской в погребениях № 38 и 49 и в Гавриловке № 66 — в двух сосудах. Инвентарь при урновых погребениях редок, несколько чаще отмечается присутствие разрозненных черепков. В некоторых погребениях (подробней об этом ниже) урны вторично обожжены.

Ямные погребения представлены на всех могильниках, где обнаружена кремация. За одним исключением (Каборга, погребение № 5) все они чистые. Инвентарь, как правило, весьма скудный. Исключение — Каборга, где он чрезвычайно обилен, разнообразен и во всех случаях присутствует вторично обожженная посуда. Покрытие праха черепками отмечено в Коблево и Каменке-Днепровской.

Единичность случаев погребения кальцинированных костей вместе с остатком погребального костра соответствует черняховскому обряду кремации в целом. Г.Ф.Никитина установила, что на южных памятниках этот принцип мало распространен (1985: рис. 22).

Попытка осмысления степных сожжений с точки зрения отражения в них в целом каких-либо закономерностей и общих явлений упирается в то, что на сегодня их характеристики нельзя считать не только достаточно полно осмысленными, но, видимо, даже и целиком учтенными. Работа затрудняется и тем, что сожжения, находящиеся обычно на небольшой глубине, часто оказываются нарушенными. Так, например, в Каборге они все были затронуты плугом. Сохранность кремаций в массе хуже, чем захоронений с ингумацией. В результате, хотя погребения и фиксируются, и из них получены материалы, часть характеристик оказывается утраченной безвозвратно. Поэтому невозможна четкая их классификация по всей сумме избранных для нее признаков. С этим мы столкнулись, когда попробовали применить к степным сожжениям систему Н.М.Кравченко. Ею разработаны две системы классификации сожжений. Одна из них построена на материале всей культуры Черняхов-Сынтана де Муреш (1970). Вторая — на материалах черняховских могильников с территории СССР (Сымонович, Кравченко 1983). Они различаются тем, что в одной классификации группа признаков находится на верхнем, основном уровне, то есть она является основной, а в другой – те же признаки занимают более низкий уровень. Это делает обе системы плохо сопоставимыми, к тому же в них есть различия и на нижних уровнях. Нами сделана попытка применить вторую систему 1983 года как более детально разработанную. К сожалению, в ее структуре имеется ряд недостаточно четко разработанных положений. Так, например, сожжения, в которых присутствуют вещи, связанные только с костюмом (украшения, застежки), рассматриваются как безынвентарные и по этому признаку выделяется первая из трех основных групп (высший уровень классификации). При этом не учтена такая принадлежность черняховского костюма, как мешочек у пояса, в котором обычно носили мелкие предметы туалета (например, пинцеты и др.) и индивидуальные орудия труда (иглы, шилья, бронзовые ножики). Но эти вещи могли быть и приношениями. Это же – признак третьей группы. Неясно, как интерпретировать гребни. Методический прием выделения I группы как «безынвентарной» оказывается не очень удачным еще и потому, что идет вразрез с принятой в литературе манерой описания сожжений. Обычно все исследователи включают такие погребения в число содержащих инвентарь. В результате сопоставление с описаниями и разработками других исследователей оказывается очень затрудненным или невозможным. Кроме того, часто практически не удается в нарушенных погребениях отличить, принадлежат ли черепки «приношениям» (III группа) или же разбитым и сохранившимся частично урне или сосуду-покрытию. В ряде случаев нельзя определить, все ли кальцинированные кости находились в урне или же часть была вне ее. Мы описываем все это столь подробно потому, что все-таки попытались применить классификацию Н.М.Кравченко к нашим материалам, и в результате не всегда есть уверенность в том, что погребения разнесены по группам правильно. Кроме того, вне классификации оказались захоронения в открытой яме без инвентаря. По логике системы их следует включить в первую группу, но сплошная нумерация типов делает систему формально закрытой. Хотя, конечно, возможно поместить десятый новый тип в I группу.

Результаты разработки сожжений по системе Н.М.Кравченко следующие. Некоторые погребения по разным причинам оказались неопределенными. Н.М.Кравчеко попыталась наполнить выделенные ею типы сожжений этническим содержанием. В первой, «безынвентарной» группе типы 1 и 2 определены как гето-дакийские, причем тип 2 рассматривается как очень ранний, связанный с начальной стадией черняховской культуры. Эта группа объединяет на степных могильниках около половины погребений, причем тип 2, ранний, в ней составляет тоже около половины. Захоронения «безынвентарной» группы сконцентрированы в междуречье Днепра-Днестра. В связи с последним наблюдением надо однако оговорить, что количество сожжений в Буджаке вообще очень мало и выборка для этого района оказывается мало представительной. Погребения второй группы «с приношениями», связанные почти целиком с традициями зарубинецкой культуры, почти полностью отсутствуют. Два из них, принадлежащие типу 4, объединяющему признаки липицкой и зарубинецкой культур (Звенигород, Болотное)

представлены на могильнике Городок.

Наиболее крупной оказалась третья группа «с тризной». В ней преобладает пшеворское и присутствует пшеворско-липицкое культурное наследие. Эти погребения имеются почти на всех (за исключением Викторовки) представительных памятниках междуречья Днепра и Днестра. Первая и третья группы сочетаются на одних и тех же памятниках, а в Городке поровну представлены все три группы.

Очевидный вывод из приведенного анализа: в степных сожжениях практически отсутствует влияние зарубинецкой культуры, но достаточно выражено пшеворское и гето-дакийское. Особое значение может иметь тот факт, что гето-дакийские черты сконцентрированы не в Буджаке, а в восточной части региона. Кроме того, в погребениях с гето-дакийскими признаками могут присутствовать липицкие черты. В свете этого наблюдения возникает представление о перемещении на юг населения, практиковавшего обряд сожжения, с северо-запада, из района верховий Днестра и Западного Буга. Истоки гето-дакийских черт связаны с этим районом.

Важной особенностью многих сожжений является присутствие в них *вторично обожженной керамики*. Очевидно, надо разграничивать вторично обожженные урны и вторично обожженные разрозненные фрагменты крамики. Первые, надо думать, стояли в погребальном костре, проходя обряд очищения огнем. Вторые могли попадать в костер во время тризны. Вторично обожженная керамика в кремациях Северо-Западного Причерноморья не редкость. Так в Каборге она представлена во всех сожжениях. В Гавриловке в погребении 30 была вторично обожженная урна, а в погребениях 28 и 31 – черепки. В Каменке вторично обожженная керамика найдена в погребении 39, в Коблево – в погребении 11 урна имела следы огня. В Городке оба ямные погребения содержали вторично обожженные черепки. Существует мнение, что присутствие в погребениях вторично обожженной керамики указывает на повышенное или подчеркнутое значение культа огня (Никитина 1985: 76-77). Но и не только. Г.Диакону по материалам Румынии высказал мысль о том, что погребения со вторично обожженной керамикой (урны и черепки) присущи германскому племени тайфалов (Diaconu 1965:115). Возможно, это действительно свойственно тайфалам, но не только им. Письменные источники не фиксируют этого племени в Причерноморье. Очевидно, для этой зоны надо предполагать какие-то другие германские связи.

Сравнение основных признаков погребений с трупосожжением показывает, что могильники Каменка, Гавриловка, Каборга IV и Городок характеризуются не только их большим количеством, но и большей развитостью обряда. Создается впечатление, что в среде населения, оставившего здесь погребения с кремацией, этот обряд жил во всей своей яркости. Это наблюдение хорошо согласуется с тем, что в Каборге погребения с кремацией на могильнике территориально обособлены. Кроме того, их инвентарь явно связан с культурами нижней Вислы и Прибалтики (Магомедов 1979 б: 62; 1980: 85). В Каборге в зоне распространения погребений с кремацией находится ритуальная яма № 1, заполненная камнями и незначительным количеством угольков и костей животных. Б.В.Магомедов определил, что она аналогична культовым ямам на могильниках Любомль и Брест-Тришин (1979 б: 55). Материалы погребений с кремацией на могильниках Городок и Каборга выглядят идентичными. Создается впечатление, что они принадлежат пришлому населению, еще не утратившему своеобразия своего погребального обряда. По иному выглядят немногочисленные и упрощенные сожжения на остальных могильниках. Убедительным представляется мнение о том, что практика погребений с сожжением была привнесена в Причерноморье в основном германскими племенами (Магомедов 1980: 85; Гей 1980 б: 51). В основном это были носители вельбаркской культуры, но имелась и пшеворская примесь. В Буджаке же некоторую роль сыграл этулийский погребальный обряд.

Анализ могильников Северо-Западного Причерноморья показывает, что погребальный обряд степных памятников в целом является черняховским. Об этом свидетельствует планировка могильников, обычная для черняховской культуры, биритуализм, параллельное существование трупоположений с северной и западной ориентировкой и обычное их различие по инвентарю, наличие урновых и ямных захоронений с кремацией, преобладание «чистых» сожжений. Своеобразие региона проявляется в следующих особенностях: наличие могильников без кремации; малое количество сожжений там, где они представлены, и преобладание среди них безурновых захоронений, имеющих, как правило, бедный инвентарь; широкое распространение каменных конструкций; большое количество погребений с трупоположением в ямах, имеющих углубление в дне, и в ямах с подбоями; применение катакомб. В целом региону свойственна большая, чем где-либо выраженность скифских и, особенно, сарматских черт. Как единичное явление они известны и на могильниках лесостепи, но массовыми являются только на юге. Это заключение вполне согласуется с наблюдениями наших предшественников. Новые материалы подтверждают их. Очевидно, эти взгляды соответствуют реальности.

Сравнение характеристик могильников Буджакской степи и степей к востоку от Днестра выявляет их некоторое различие. На востоке в погребениях с ингумацией чаще применялся камень, известна подмазка дна могилы зеленой глиной, катакомбы имеют по преимуществу по-

зднескифские черты. Захоронения с кремацией более распространены, имеют большую вариантность, широко практикуется помещение праха в урны-сосуды. Именно в этих захоронениях найдена посуда северо-западного происхождения (трехручные вазы, иногда уникальные, керамические кубки, ритон-сапожок). Инвентарь сожжений, количество обломков керамики часто обильны. Нередко встречается вторично обожженная керамика. Обряд кремации выглядит развитым и ярким. На могильниках Буджака камень применяется редко и его употребление не имеет столь ярко выраженной связи с какими-либо культурами предшествующего времени; а вельбаркские признаки в каменных конструкциях вообще отсутствуют. Катакомбы имеют по преимуществу сарматские признаки. Захоронения с кремацией мало распространены. Среди них преобладают ямные. Инвентарь сожжений беден или вообще отсутствует. Вторично обожженной керамики не встречается. Обряд кремации в целом редуцированный, выраженных вельбаркских или пшеворских черт в нем нет. Различия в обряде сожжения в обоих районах выглядят как хронологические, эволюционные.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Определение времени существования черняховских памятников степного Причерноморья базируется на материалах как поселений, так и могильников. Их датирующие возможности не одинаковы. На поселениях находки хронологически определенных вещей очень редки и не объединены в комплексы. Поэтому каждая отдельная находка свидетельствует о том, что какая-то часть времени функционирования поселения совпадает, как минимум, с частью периода бытования вещи. Логически рассуждая, следует думать, что на поселениях могут встречаться вещи, несколько более ранние, чем на могильниках. Проходило некоторое время, пока возле поселения разрасталось кладбище. Хотя находки с поселений не дают столь четкой даты, как погребальный инвентарь, они дополняют и уточняют общую картину, особенно, когда есть возможность изучать селище в комплексе с его могильником. Из захоронений наибольшее значение для исследования хронологии имеют те, в инвентаре которых сочетаются минимум две датирующие вещи. Но и весь комплекс находок с могильника, включая и единичные, дает представление об общей длительности и времени его существования.

Почти все датирующие комплексы с могильников уже неоднократно рассматривались исследователями. Если сложившиеся представления о дате того или иного памятника или погребального комплекса не требуют, с нашей точки зрения, уточнения, то они подробно здесь не рассматриваются. Однако нами предлагается ряд новых датировок, что заставляет дать подробный анализ ранее опубликованных комплексов.

Первые определения нижнего хронологического рубежа памятников в степях между Днепром и Днестром в пределах II и первой половины III в. по мере увеличения точности хронологических разработок к настоящему времени не подтвердились. Многие ранние даты были предложены Э.А.Сымоновичем, исходившим при этом часто из своих общеисторических концепций. Могильник **Каменка Днепровская** был им определен как один из самых ранних памятников в Причерноморье и продатирован II-III вв. (1955: 306). Датирующий материал из него весьма ограничен, так как из 12 погребений 11 были с сожжением. В захоронении 6 с ингумацией найдены две подвязные фибулы, которые А.К.Амброз использовал как эталон для выделения второго варианта бронзовых прогнутых фибул с подвязной ножкой, датируемого им IV в. К этому же варианту принадлежит и обломок фибулы из погребения 66 (Амброз 1966: 64). В погребении 4 найден обломок нижней части амфоры инкерманского типа (Сымонович 1955: рис. 4, *4*). Эти сосуды долгое время датировали второй половиной III-IV вв. (Щукин 1968: 42; Шелов 1978: 19). Обнаружение новых комплексов с такими амфорами и новейшая разработка крымских материалов сужают эту датировку до IV в. (Айбабин 1984: 114), что полностью согласуется с наблюдениями над распространением этих сосудов на памятниках Сынтана де Муреш (Scorpan 1977: 269, 270, рис. 1, 2). Из слоя могильника происходит безщитковая округлая пряжка (Сымонович 1955: рис. 7, 18). Никаких дополнительных признаков она не имеет. Ее, скорей всего, можно отнести к серии Е по Е.Л.Гороховскому, которую он считает характерной для выделяемой им 5-й журавской стадии культуры (375-380 — 420-430 гг.) (Гороховский 1988: рис. 7, 18; с. 45). По типологии В.Б.Ковалевской эта пряжка ближе всего к типу, бытование которого начинается с IV в. (Ковалевская 1979: табл. III, № 3). Таким образом на могильнике нет четких материалов III в. О.А.Гей первоначально продатировала Каменку IV в. (Гей 1985: 7), затем III-IV вв., определив в частности обломки амфор как принадлежащие сосудам инкерманского типа (Гей 1986: 78). Позднее она объединила Каменку с Каборгой IV в так называемый «южный блок» памятников, начальная стадия которого продатирована 240-270 гг., а вторая — 270-300 гг. Вызывает сомнение прием смешения в одном «блоке» двух памятников, особенно, если учесть замечание самих его исследователей о том, что для южного блока «первая фаза... выделяется с трудом. Вероятно, к ней следовало бы отнести только один комплекс – погребение 21 Каборги» (Бажан, Гей 1992: 149).

Все изложенное приводит к заключению о том, что нижняя хронологическая граница Каменки, если и находится в III в., то лишь в са-

мом его конце. В основном могильник функционировал в IV в. Определить дату более узко невозможно. Отметим лишь отсутствие вещей позднего IV в. Не исключено, что памятник не дожил до финала культуры.

Могильник Гавриловка (Овчарня совхоза Приднепровский) определен исследовавшим его Э.А.Сымоновичем как поздний памятник, в частности более поздний, чем Каменка-Днепровская и продатирован III-V вв., возможно, для V в. речь должна идти о его начале (1955: 306; 1960: 237-238). Этот крупный могильник (42 кремации и 54 ингумации) дал достаточно обильный материал для датировки. Косвенным свидетельством его длительного функционирования являются четыре случая перекрывания погребений друг другом (Сымонович 1960: 208, 211), при этом хронологическая последовательность с обрядом погребения не связана.

Подвязные *фибулы* из погребений 32, 33 и 45 описаны А.К.Амброзом как 2 вариант подвязных фибул (1966: 63-64). К ним следует прибавить фибулу из погребения 47. Этот вид относится к IV в. Фибулы из погребений 6, 12, 68, 106 и из культурного слоя относятся к 3 варианту середины — второй половины IV в. Фибула из погребения 5 — это 4 вариант, для которого она в классификации А.К.Амброза служит эталоном и указывает на IV-начало V в. Двухпластинчатые фибулы из погребений 28 и 88 и воинская фибула из погребения 31 принадлежат IV в. (Амброз 1966: табл. 10, *12*; 13, *12, 13*). Таким образом фибулами хорошо документирован весь IV в. Только фибулы 2 варианта более ранние и могут указывать и на конец III в. Однако для погребения 33 с такой фибулой эта дата не приемлема. Оно должно быть отнесено к IV в., ибо в его инвентаре имеется гребень третьего типа по Г.Ф.Никитиной и железная безщитковая овальная пряжка с утолщением переднего края.

Поясные бронзовые пряжки (одна представлена лишь язычком) найдены в 13 погребениях (№№ 5, 12, 18, 26, 35, 42, 79, 45) и три происходят из культурного слоя могильника. Характерной особенностью этих, как щитковых, так и безщитковых, округлых и овальных пряжек является хоботковидный (с загнутым концом) язычок, имеющий уступ сзади. Этот признак и утолщение передней части рамки указывают на их позднюю дату в пределах середины — второй половины IV в. По Е.Л.Гороховскому, пряжки с такими особенностями появляются в качестве хроноиндикатора с 3-й фазы культуры, то есть со второй трети IV в. (Гороховский 1988: рис. 1). В погребении 47 обнаружена D-образная безщитковая пряжка с язычком, имеющим перехват у конца. Эта пряжка,скорей всего, сопоставима с пряжкой из Косаново, погребение 5, отнесенной Е.Л.Гороховским к 3-й фазе культуры (вторая треть — третья четверть IV в.). Таким образом, поясные пряжки принадлежат периоду, который начинается со второй трети IV в., то есть это 3-я фаза культуры по Е.Л.Гороховскому.

Черыре *костяных гребня* (из погребений 5, 12, 33, 79) принадлежат типу 3 по Г.Ф.Никитиной (1969; в дальнейшем определение гребней дается по этой работе). Один из этих гребней Г.Ф.Никитина использовала в качестве эталона для датировки этого типа, который она относит к IV в.

Стеклянные кубки найдены в погребениях 5, 35, 47, 68, 79, 82, 93. Дата целого сосуда из погребения 5 и нижняя часть подобного ему кубка из погребения 79 из зеленоватого прозрачного стекла, украшенного желобками, рядом овалов и четырьмя рядами угловатых шлифованных плоскостей не дискуссионна: конец IV — начало V в. (Сымонович 1977: 181-182; Rau 1972: 167). Из погребения 35 происходит конический кубок из прозрачного светло-зеленого стекла, украшенный двумя углубленными опоясывающими линиями. Край слегка отогнут. Этот сосуд синхронен выше описанному кубку с фасетками (Rau 1972: 167) и является признаком финальной фазы культуры (Гороховский 1988: т. IV, рис. 76). Кубки из погребений 68 и 82 — это тип Эггерс-220. Г.Рау пришел к выводу о принадлежности этих сосудов к 1 типу фасетированных кубков, основное время бытования которых 325-375 гг. (Rau 1972). И.Тейрал доводит их существование до грани периодов С1 и С2 (Tejral 1986 б: 182). О.В.Шаров использовал эти кубки как хроноиндикатор (1992: 175; 1995: 8). В могильнике Косаново в погребении 9 такой кубок найден вместе с гребнем типа II В2 и воинской фибулой с ромбической ножкой и щитком на головке (Кравченко 1967 а: 87). Это погребение Е.Л.Гороховский оценил как эталонное для фазы 3 черняховской культуры, которую он датирует второй третью — третьей четвертью IV в. (1988: 4; рис. 1). Таким образом кубки датируются самое раннее со второй половины IV в.

Импортная керамика, на наш взгляд, не очень значима,так как амфоры представлены малопонятными обломками. Краснолаковый кувшин из погребения 68 не может сам по себе дать узкую дату, но вместе с ним найден стеклянный кубок Эггерс-220.

Датировка могильника Э.А.Сымоновичем подверглась уточнению. М.Б.Щукин полагает, что наиболее ранние материалы на нем относятся к самому концу III в. (Щукин 1979: 71). О.А.Гей писала, что к III в. можно отнести лишь кубки из погребения 68 и 82 (тип Эггерс — 120) и признала, что основное время функционирования могильника приходится на IV в. (1986: 78). Поздней она поместила начальную фазу могильника в самый конец III — начало IV в. (Бажан, Гей 1992: 152).

Итак, все датирующие материалы из погребений Гавриловки указывают на IV в. Только в двух погребениях 32 и 45 подвязные фибулы второго варианта могут существовать и в конце III в. Поскольку дата погребений с этими фибу-

лами не может быть сужена из-за отсутствия в них других датирующих вещей, их с таким же основанием и по той же причине можно относить и к первой половине IV в. На могильнике нет ни одного комплекса, который бы указывал хотя бы на позднюю часть III в., что и заставляет исключить его из датировки памятника. Выделение на нем первой фазы конца III — начала IV в. не убедительно (Гей, Бажан 1992: рис. 22, с. 153). Бронзовые пряжки во всей своей совокупности указывают на вторую половину IV в. О том же свидетельствуют и костяные гребни. Стеклянные кубки представлены выразительными формами только середины — второй половины IV в. После новейших хронологических разработок стало ясно, что кубки Эггерс-200 не могут указывать на III в. Исходя из всего этого, можно полагать, что могильник начал функционировать не ранее IV в., и его существование продолжалось до конца черняховской культуры в степи. Основная масса датирующего материала относится ко времени, начиная с середины IV в. Скорей всего, могильник возник именно в это время.

Могильник черняховской культуры **Николаевка Козацкая** находится на территории одноименного позднескифского могильника. Первые раскопки на нем проводил в 1912 г. М.Эберт, который и выделил из числа позднескифских захоронения последующего времении 1A, 1H, 1J, 1L и 1M (Ebert 1913). Работы на могильнике продолжил Э.А.Сымонович в 1966 (1969), 1969 (1969) и 1972 годах (Сымонович, Кравченко 1983). Из вскрытых им погребений три содержали черняховский инвентарь. Всего обнаружено 8 захоронений черняховской культуры. Исследователи могильника, начиная с М.Эберта, понимали его как однослойный и принадлежащий аборигенному населению. Э.А.Сымонович не воспринял поздние погребения как самостоятельное культурное явление, а лишь отметил присутствие в них черняховских черт. Датируя черняховские памятники в этом районе со II в., он сомкнул их с позднескифскими и пришел к выводу о «...мирном характере сосуществования неоднородных в этническом отношении групп племен, живших на нижнем Днепре... в римское время» (Сымонович 1969: 80). Значительно поздней он включил соответствующие погребения Николаевки в свод памятников черняховской культуры (Сымонович,Кравченко 1983 б: 70, № 274). Четкое разграничение двух групп погребений было произведено М.Б.Щукиным, который пришел к выводу о том, что «... на могильнике намечаются две достаточно четкие хронологические группы, между которыми оказывается разрыв от середины II до середины III в. н.э.» (Щукин 1970: 60). Однако расчленение памятника на две не связанные между собой части не было доведено до конца, поскольку М.Б.Щукин полагал, что позднескифская культура в Нижнем Поднепровье непосредственно переходит в культуру поселений с каменным домостроительством (Берислав, Дудчаны, памятники низовий Буга, Ингула и Ингульца). На фоне такого предположения хронологический разрыв между позднескифскими и черняховскими погребениями, естественно, вызывал недоумение и исследователю не удалось отказаться от представления о непрерывности использования могильника. Окончательное хронологическое и культурное разграничение двух горизонтов могильника было произведено О.А.Гей (1985 а: 19-20).

Датировка черняховских погребений, раскопанных М.Эбертом, разработана М.Б.Щукиным. Все они относятся ко времени с середины IV в. Погребение № 20 на основании гребня дунайского варианта и калачиковидной пряжки тоже принадлежит второй половине IV в.

Датировка могильника **Каборга IV** имеет свою историю и, не исключено, еще не устоялась. Его исследователь Б.В.Магомедов выделил две фазы его функционирования, различающиеся обрядом (появление кремации во второй фазе) и ранние погребения первой фазы 9, 13 и 21, которые первоначально продатировал первой половиной III в. (1979 б: 81; 1987: 88). Такая ранняя дата вызвала обоснованные возражения и передатировки (Гороховский 1985: 21; 1988: т. 4, 45; Гей 1985 а: 9). Очевидно, это заставило Б.В.Магомедова позднее пересмотреть время совершения погребений первой фазы и отнести их ко второй половине или концу III в. — началу IV в., подчеркнув сарматский облик инвентаря из погребения 9 (Баран, Гороховский, Магомедов 1990: 54, 64).

Погребение 13 дает мало оснований для прочной датировки, ибо ничего, кроме бисера, оно не содержало. В результате оно не стало предметом дискуссии. Погребение 21 содержало трехчастный гребень с округло-подтреугольной спинкой типа 1В2 и бронзовую прогнутую подвязную фибулу варианта I по А.К.Амброзу. Гребень датируется широко III-IV вв. Фибулы I варианта А.К.Амброз продатировал второй половиной II – большей частью III в. За 20 лет, прошедших с момента появления его работы, возможность отнесения таких фибул в черняховских комплексах ко II — началу III в. не подтвердилась. Е.Л.Гороховский полагает, что они являются в черняховской культуре диагностирующими для второй трети — третьей четверти III в., а погребение 21 он отнес ко второй фазе черняховской культуры (последняя треть III в. — первая треть IV в. (1988: 45). О.А.Гей и И А.Бажан на основании этой же фибулы отнесли погребение 21 к первой фазе «южного блока», которая, по их представлениям, соответствует 240-270 гг. (1992: 149). О.А.Гей так же отмечает, что самые ранние материалы из Каборги принадлежат середине III в. (Славяне и их соседи...: 150). Итак, фибула из погребения 21 является основой для определения нижней хронологической границы памятника, которую, скорей всего,

следует поместить в середину – начало второй половины III в. Единичность этой вещи делает датировку несколько неуверенной.

Погребение 9 Е.Л.Гороховский отнес ко второй половине III — началу IV в. (1985: 21). На наш взгляд, возможна его совсем иная интерпретация. Оно расположено на самом краю могильника и полностью разрушено пахотой. Весь инвентарь был перемещен. Известно лишь, что погребенный лежал головой на север на спине. Происходящие из него лучковая двучленная фацетированная фибула и бронзовая серьга из витой проволоки с овальным щитком полностью аналогичны таким же вещам из сарматского погребения в урочище Носаки Запорожской области (Бидзиля и др. 1977: рис. 32, 3, 8), которое датируется краснолаковым фигурным сосудом в виде барана. Такие сосуды бытовали во II – первой половине III в. (Клейман 1985 б: 61). Стеклянные бусы из погребения 9 представляют собой набор, относящийся в основном ко II-III вв. Часть из них аналогична бусам из того же погребения в Носаках и сарматского погребения III в. в Фокшанах (Моринц 1959 б: 456). Важна датировка круглых сердоликовых бус, выделенных Б.В.Магомедовым на Каборге в тип 17. Он ссылается на находку таких бус в Венгрии в I – первой половине II в. На фоне этой аналогии даже для предложенной им самим ранней датировки погребения 9 эти бусы выглядят анахронизмом. Судя по разработке таких бус у Е.М.Алексеевой (1982: 14-15), для их более точной датировки необходимо учитывать особенности технологии их изготовления. Они многочисленны в I и II вв., но продолжают использоваться и в III в.

Все изложеннные наблюдения позволяют предположить, что погребение 9 является сарматским, более ранним, чем черняховский могильник. Подобная ситуация не редкость. Она известна с погребением 21 на черняховском могильнике Ранжевое (Сымонович 1979: 110). Отдельное сарматское погребение найдено без видимых следов кургана на том же поле, что и черняховский могильник Холмское (Гудкова, Фокеев 1984: 21). Такие захоронения могли быть связаны с небольшими распаханными курганами. В оценке погребения 9 на Каборге мы полностью солидарны с И.Иоиницей, который полагает, что оно никакого отношения к черняховской культуре не имеет (1991: 80).

Итак, складывается впечатление, что возникновение могильника Каборга не может быть продатировано раньше середины III в., но дата точно не фиксирована и «плавает» в пределах второй половины III — начала IV в. Представление о двух фазах могильника в том виде, как его сформулировал Б.В.Магомедов, не подтверждается.

Поселение **Каменка-Анчекрак** по нижней дате своего существования, предложенной исследовавшим его Б.В.Магомедовым, стоит в регионе совершенно особняком. Исследователь отнес его возникновение ко II в. н.э., то есть ко времени ранее сложения черняховской культуры. Основой для этого послужили два обломка двуствольных ручек амфор I в. до н.э. – I в. н.э. и трех фрагментов красноглиняных сильнопрофилированных ручек с глубоким желобком по внешней стороне, принадлежащих амфорам II в. н.э. (1991: 16). Поскольку амфоры этих двух типов не сосуществуют, то двуствольные ручки к предложенной дате вообще никакого отношения не имеют. Предположение о возникновении черняховского поселения во II в. само по себе не реально и требует основательного рассмотрения. Тем более, что других материалов этого времени не обнаружено, а ранняя часть памятника, по мнению Б.В.Магомедова, находилась в стороне от раскопов. Очевидно, что ранние амфорные ручки к поселению отношения не имеют. Пока нет основания использовать их для его датировки, тем более, что часть из них найдена не в слое, а на материке. Опыт наших многолетних работ по берегам причерноморских лиманов показывает, что здесь повсеместно и довольно часто встречаются обломки самых разных античных амфор, не связанные ни с какими конкретными памятниками. Вероятно, это результат деятельности древних пастухов. Кроме того, нельзя исключить и возникновение поселения Каменка-Анчекрак на месте, обжитом в предшествующее время, но материалы раскопок не дают об этом сведений. Очевидно пока поселение надо датировать полученной из раскопов импортной керамикой, достаточно обильной и выразительной, которую Б.В.Магомедов отнес к IV — началу V в. (1991).

Могильник **Викторовка** исследован Э.А.Сымоновичем, который отнес его к первой половине IV в. (1966 а; 199). О.А.Гей, определяя дату могильника, опирается на мнение М.Ф.Болтенко о времени существования поселения Викторовка и полагает, что могильник возник не ранее конца IV в. (1986: 81).

Из погребения 5 происходит амфора инкерманского типа, диагностирующая, как уже указывалось, IV в. и две бронзовые фибулы. Одна из них подвязная прогнутая с жаловидной ножкой (рис. 59, *15*) (Амброз 1966: табл. 12, *11*), другая — прогнутая подвязная с обильным фацетированием на спинке и ножке, третьего варианта (рис. 59, *17*) (Амброз 1966: табл. 11, *15*). Обе бытовали в IV в. не ранее его середины. Две подвязные фибулы из погребения 6 (рис. 59, *18, 19*) — того же варианта (Амброз 1966: 61, табл. 11, 13, 14) и, следовательно, датируются от середины — второй половины IV в. Из погребения 13 происходит двучленная воинская фибула IV в. (Амброз 1966: табл. 10, 18, 19) (рис. 59, 16). Таким образом нет никакого основания относить возникновение могильника к концу III в. Все материалы свидетельствуют о функционировании могильника в середине — второй

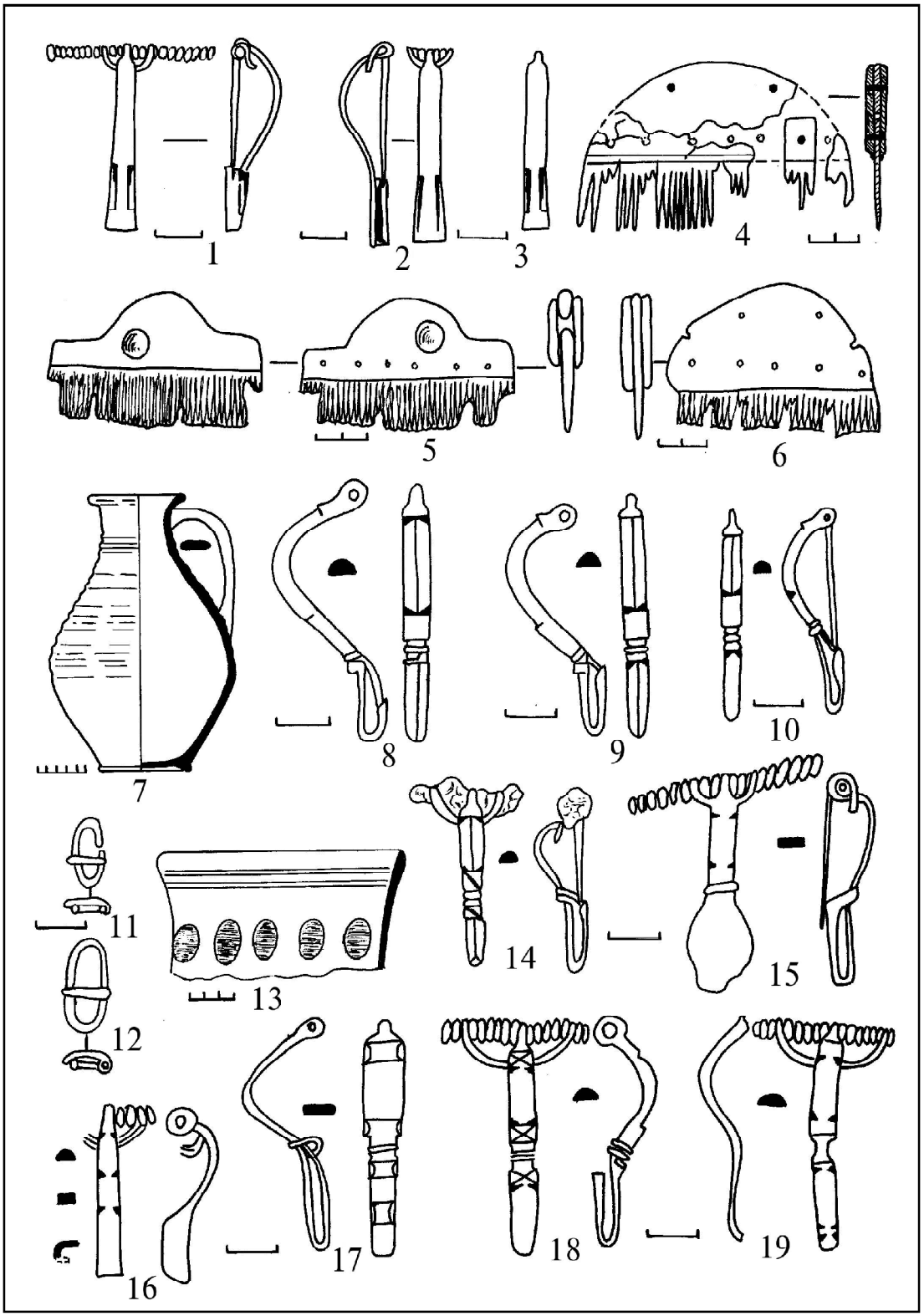

Рис.59. Датирующий инвентарь из черняховских могильников: 1-4 – Городок; 5-14 – Коблево; 5-19 –Викторовка.

половине IV в.

Могильник **Городок** возле одноименного черняховского городища на Буге известен по 9 погребениям, из которых только одно (№ 3) имело датирующий инвентарь – трехчастный гребень с полукруглой спинкой, три воинские фибулы и, так называемая, булавка или часть шкатулки, по Э.А.Сымоновичу (1975). Б.В. Магомедов продатировал это погребение по фибулам IV в. (1979а). Можно попытаться сузить эту датировку. Трехчастный гребень с полукруглой спинкой (рис. 59, *4*) принадлежит типу IB1. Г.Ф.Никитина в свое время не располагала данными для узкой датировки и отнесла его ко второй половине III – IV в. М.Б.Щукин и Т.А.Щербакова отнесли такой гребень в Данченах ко второй половине III — первой половине IV в. (1986: 191). О.В.Шаров по материалам Ружичанки и Косаново помещает такие гребни в пределах III и IV фазы черняховской культуры (1992). Е.Л.Гороховский по материалам Косаново использовал его как хроноиндикатор для 4-ой фазы черняховской культуры (350-400 гг.) (1966; 1988: рис, IV, 71). Таким образом датировка гребней этой формы пока не устоялась. Воинские фибулы относятся к IV в. (Амброз 1966: 70-71, табл. 10, 17) (рис. 59, *1-3*). Е.Л.Гороховский отнес их к той же 4-ой фазе, что и гребень. Возможно, некоторую ясность в датировку погребения вносит «булавка», которая, по нашим предварительным наблюдениям, в комплексах второй половины IV в. не встречается. В совокупности можно отнести погребение 3 примерно к середине или самому началу второй половины IV в.

Могильник Коблево дал значительный датирующий материал, но только в двух погребениях обнаружено по две вещи, поддающиеся хронологическому определению. Раскапывавший этот могильник в комплексе с поселением Э.А.Сымонович пришел к выводу о том, что они существовали в III-IV вв., не исключая конца II в., при отсутствии материалов конца IV-V вв. (Сымонович 1979 б: 93).

В погребениях 7 и 20 найдены две однотипные безщитковые пряжки (рис. 59, *11, 12*), овальнорамчатые без утолщения переднего края. Их язычки слабо загнуты и не имеют ни прогиба, ни уступа сзади. Длина около 20 мм. По всем этим признакам их следует отнести, скорее всего, к серии Ж по Гороховскому (1988: 42). Он полагает, что они характерны для второй фазы черняховской культуры (около 270-330 гг.). Из погребения 17 происходит бронзовая прогнутая подвязная фибула (рис. 59, *10*) первого варианта первой серии по А.К.Амброзу Как уже указывалось, они датируются в пределах второй трети – третьей четверти III в. (Гороховский 1985: 21). В захоронении 26 найдены гребень с полукруглой спинкой типа IB1 (рис. 59, *6*) второй половины III-IV в. и краснолаковый кувшин (рис. 59, 7), который Э.А.Сымонович отнес по аналогии с кувшином из Танаиса к III в. (1967 а: 232). В погребении 25 найдена верхняя часть стеклянного кубка типа Ковалк (рис. 59, *13*). Э.А.Сымонович полагал, что он не мог существавать позднее III в. (1967 а: 233-234). По мнению Г.Рау, сосуды этого типа были распространены в конце III – начале IV в. (1975: 479). Перечисленные находки свидетельствуют, что могильник мог начать функционировать во второй половине III в. К более поздним вещам принадлежат пирамидальная костяная подвеска и гребень с полукруглым выступом на спинке типа III B1 (рис. 59, *5*), относящийся, по уточнению Е.Л.Гороховского, к последней четверти IV в. (1985). Есть мнение, что бытование таких гребней заходит и в V в. (Щукин, Щербакова 1986: 191). Подвески в массе датируются IV в. и известны и в V в. (Diaconu 1962: 443; Щукин, Щербакова 1986: 199). Фибулы из погребений 28 и 57 однотипны (рис. 59, *8, 9*) и относятся к третьему варианту (Амброз 1966: 64-66, табл. 11, 13). Они датируются IV в., но не заходят в его последнюю четверть (Гороховский 1985 б: 21). В погребении 46 найден гребень типа III B1 (рис. 60, *1*), относящийся к последней четверти IV в.

О.А.Гей полагает, что большинство находок из Коблевского могильника свидетельствует о его функционировании в IV в., хотя не исключен и III в. На наш взгляд, наиболее ранние материалы показывают, что он мог возникнуть во второй половине III в., скорей, даже в его последней трети или четверти. Это заключение подтверждается и находками из культурного слоя поселения Коблево, которому принадлежит могильник. Здесь были обнаружены бронзовая прогнутая подвязная фибула (рис. 59, *14*) второго варианта, датируемая концом III — первой половиной IV в. (Амброз 1966: 61-63, табл. 11, *10*). Найдены также обломки тонкостенных кубков из прозрачного стекла, украшенных шлифованными овалами. По мнению Э.А.Сымоновича, их следует датировать временем не позже III в. (1967 а: 234).

Окончание функционирования могильника Коблево происходит во второй половине IV в., возможно, ранее исчезновения черняховской культуры, до появления позднейших типов стеклянных кубков конца IV-начала V в.

В погребениях у сел **Чубовка и Большая Кореniха** (Гребенников и др. 1982: рис. 1, *6*; 5, *7*) на Буге обнаружены трехчастные костяные гребни типа III (рис. 60, *10, 11*), появляющиеся во второй половине IV в. (Гороховский 1985: 22). В Чубовке гребень сочетается с двумя подвязными фибулами плохой сохранности с гладкой довольно массивной спинкой шириной в 0,5 см (рис. 60, *12, 13*). Этот последний признак позволяет отнести их к IV в. Они наиболее сопоставимы с фибулами второго варианта (Амброз 1966: табл. 10, *10*), бытовавшими в это время (конец III – первая половина IV в.). Из разрушенных при земляных работах погребений в Чубов-

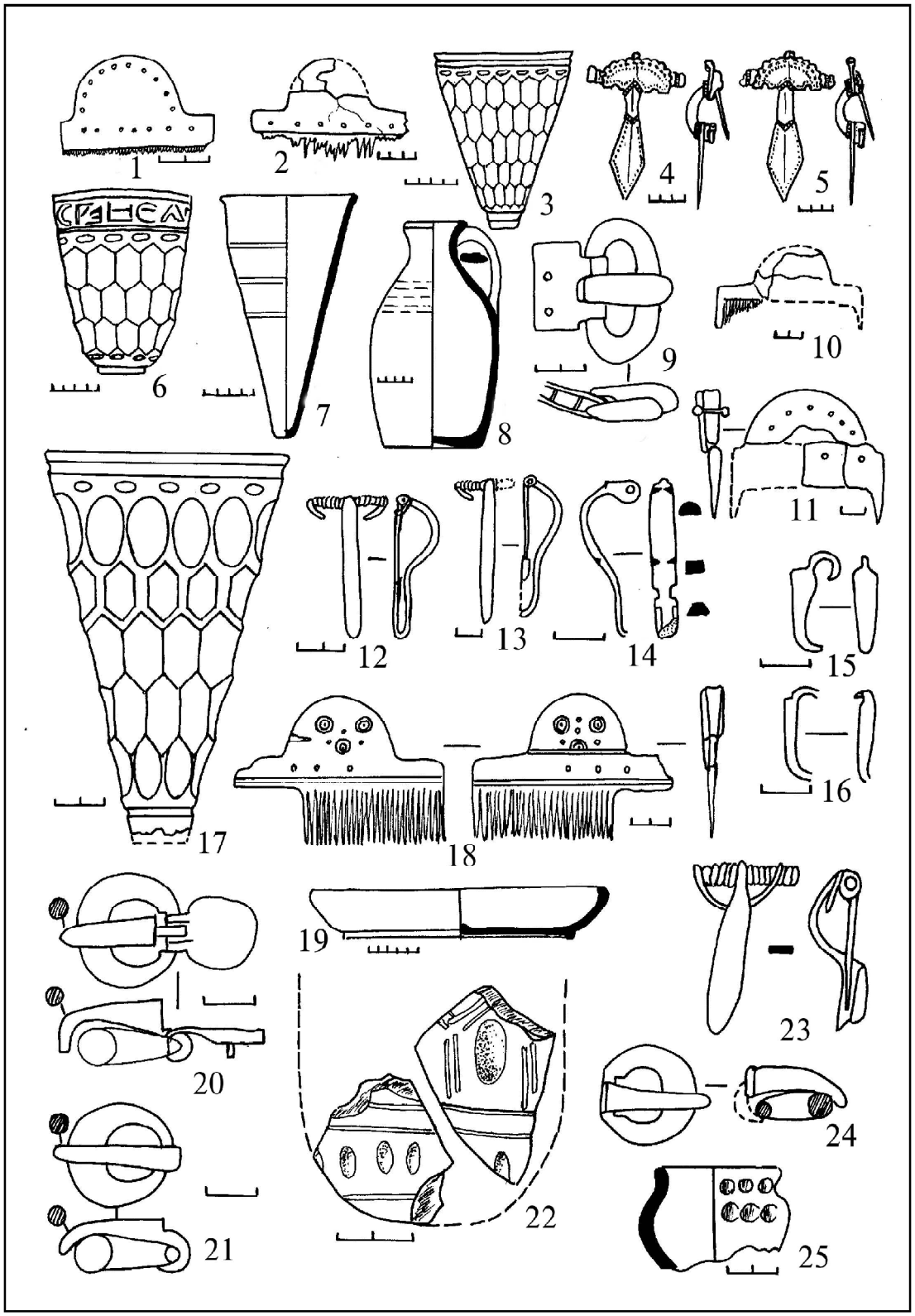

Рис.60. Датирующие материалы из черняховских могильников и с поселений: 1 – Коблево; 2-8 – Ранжевое; 10,12,13 – Чубовка; 11 – Б.Кореniха; 14-16,20-22 – Фрунзовка; 17 – Киселево; 18,19 – Сычавка; 23,24 – Первомайское; 25 –Мирное.

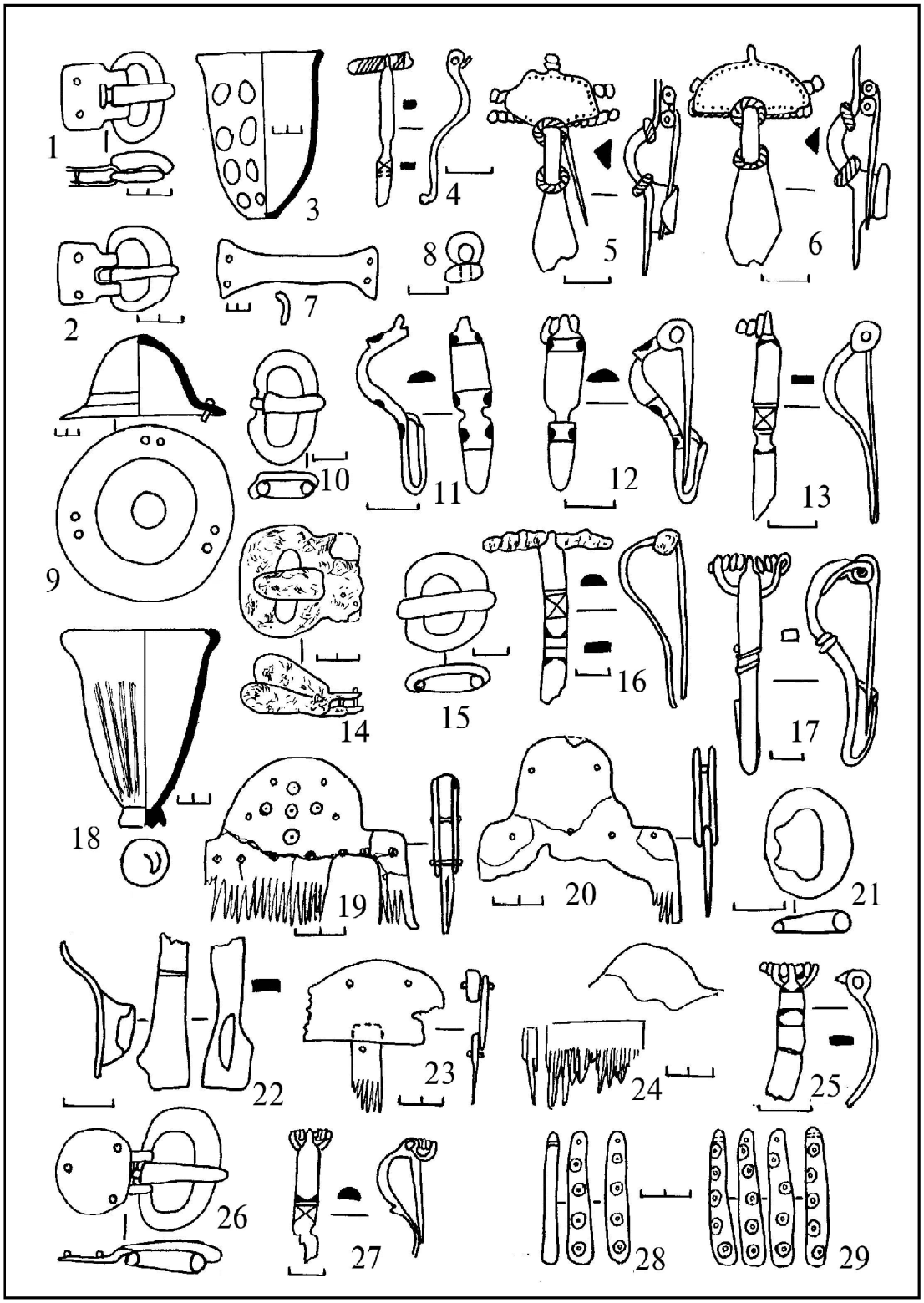

Рис.61. Датирующий инвентарь из черняховских могильников: 1-9 – Беленькое; 10-29 – Фурмановка.

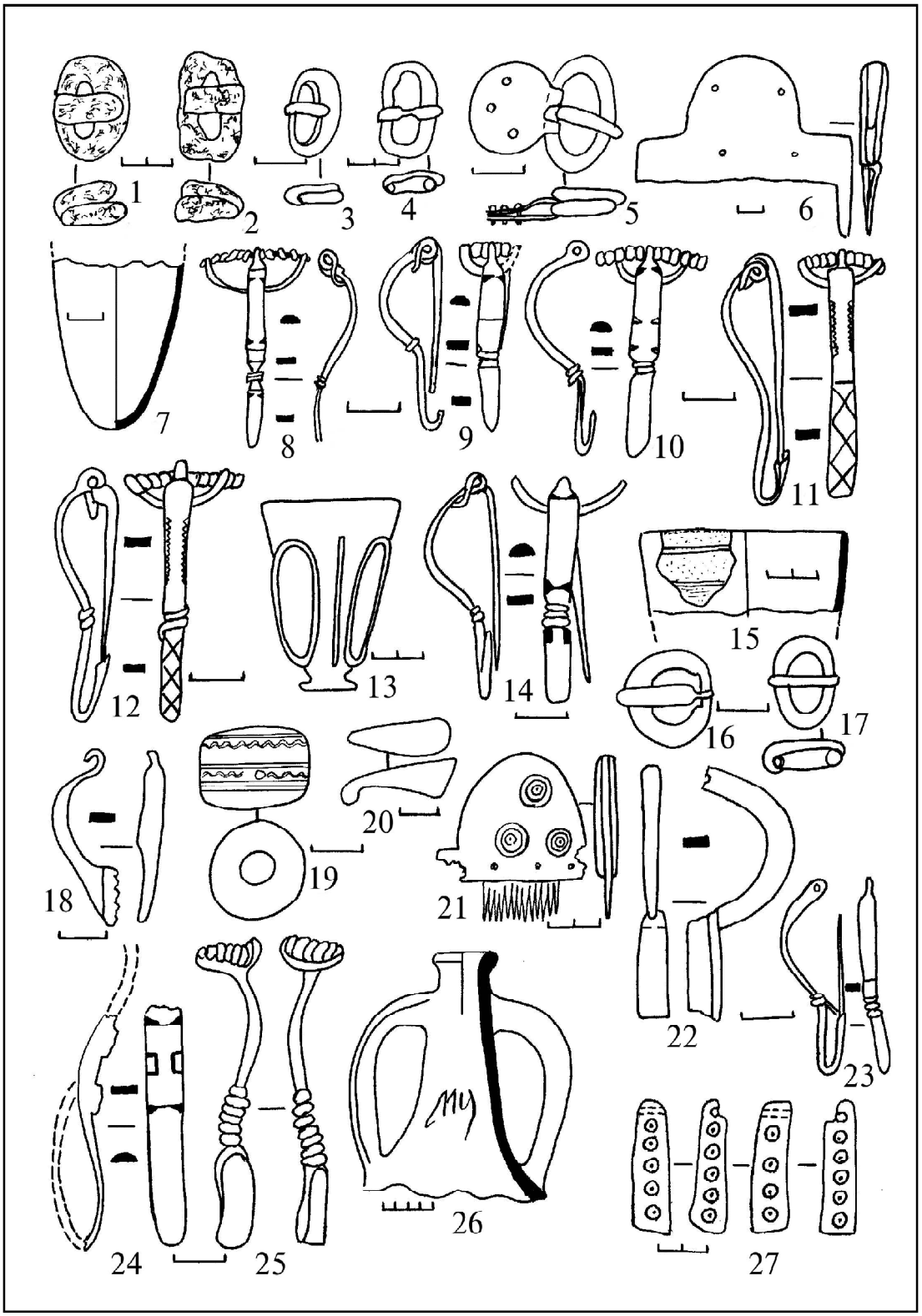

Рис.62. Датирующие материалы из черняховских могильников и поселений: 1-13 – мог. Холмское; 14,15 – пос. Холмское III; 16,17 – мог. Виноградовка; 19-21 – пос. Дракуля; 22 – пос. Нерушай; 23,27 – пос. Нагорное III; 24 – пос. Нагорное II; 25,26 – пос. Главаны I.

ке происходят три амфоры инкерманского типа (Гребенников и др. 1982: рис. 5, *2, 3*). Таким образом, эти находки могут быть отнесены к IV в.

Могильник **Ранжевое** (Сымонович 1967; 1979 б) дал большое число хорошо датирующихся и хронологически однородных вещей. Э.А.Сымонович определил время его функционирования второй половиной IV — началом V в. В эту дату можно внести только мелкие уточнения. В погребении 8 лежал трехчастный гребень типа III В1а (рис. 60, *2*), который Е.Л.Гороховский относит к последней четверти IV в. (1985). В погребении 12 сохранился стеклянный конический кубок с желобком и рядом горизонтальных овалов под венчиком, сплошь покрытый ромбовидными фасетками (рис. 60, *3*). Такие кубки отнесены Э.А.Сымоновичем к наиболее поздней группе сосудов конца IV — V в. (1977: 181-182). По Г.Рау, они датируются второй половиной IV в. — первыми десятилетиями V в. (1972: 167). В погребении 14 найден кубок, две крупные серебряные фибулы и большая серебряная поясная пряжка. Фибулы (рис. 60, *4, 5*) двупластинчатые, четко датируются IV – началом V в. (Амброз 1966: табл. 13, *12,* с. 77, 82). Их даже считают диагностирующими для черняховских комплексов последней четверти IV-начала V в. (Гороховский 1985). Пряжка овально-рамчатая с прямоугольным щитком (рис. 60, *9*), обычна для лесостепных черняховских могильников (Кравченко 1967 а: 109-110). На юге они обычно сочетаются с вещами раннего IV в., например, в погребении 8 в Извоаре (Vulpe 1957). Показательно их частое сочетание с двупластинчатыми фибулами. В степной зоне на позднескифских и сарматских памятниках до IV в. они не известны. Это позволяет отнести пряжку к IV в. Кубок на поддоне имеет слабо выраженную коническую форму (рис. 60, *6*). По верхнему краю идет надпись, а тулово сплошь покрыто ромбическими фасетками. Э.А.Сымонович отнес этот сосуд к группе кубков, которую он определил как наиболее позднюю в черняховских памятниках Поднепровья-Причерноморья и датировал концом IV-V вв. (1977: 181-182). Из погребения 18 происходит конический кубок с поясками из горизонтальных линий (рис. 60*, 7*). Такие сосуды распространены достаточно широко. По Г.Рау, они синхронны коническим кубкам с ромбическими фасетками лишь частично, в пределах рубежа IV и V вв. (1972: 167). В погребении 12 обнаружен краснолаковый кувшин (рис. 60, *8*), аналогии которому Э.А.Сымонович нашел в Керченских склепах IV-V вв. (1967 а: 232). В целом весь комплекс вещей столь поздний, что, видимо, позволяет несколько уточнить и сократить датировку могильника, отнеся его к финальной стадии культуры, то есть к последней четверти IV-первой трети V в. (Гороховский 1988: 45; Tejral 1972: 127).

Возле с. **Фрунзовка** (районный центр Одесской области) при прокладке дороги был нарушен грунтовой могильник (Кравченко А. 1967). В трупоположении, ориентированном на юго-восток, были найдены две пряжки и язычки еще от двух, часть стеклянного кубка, корпус амфоры инкерманского типа. Фибула подвязная (рис. 60, *14*) с площадками и фасетками на спинке и ножке, скорей всего, второго варианта (Амброз 1966: табл. 11, 10) должна быть отнесена к IV в. Пряжки округлорамчатые, одна — с круглым щитком (рис. 60, *20*), другая — без щитка (рис. 60, *21*), характеризуются резким утолщением передней части рамки и хоботковидным язычком с уступом сзади. Таковы же и отдельно найденные язычки (рис. 60, *15, 16*). Такие пряжки следует отнести ко второй половине IV в. (Ковалевская 1979: табл. 5, *1*; Амброз 1971: 103; рис. 2, 7, 8). Найдена часть кубка типа Эггерс-220, что, как уже было показано при расмотрении материалов Гавриловки, указывает на IV в. не с самого его начала. Е.Л.Гороховский оценил погребение во Фрунзовке как эталонное для второй половины IV в. (1985: 22).

В с. **Первомайское** на Днестре при строительстве уничтожен черняховский могильник. В нем обследованы три погребения (Руссев, Росохацкий 1981). В одном найдена воинская фибула IV в. (рис. 60, *23*), а в другом — круглорамчатая бесщитковая пряжка (рис. 60, *24*), аналогичная такой же из Фрунзовки. Видимо, погребения из Первомайского относятся к IV в.

На поселении **Кисёлово** под Одессой обнаружена пирамидальная костяная подвеска с циркульным орнаментом IV в. и характерный корпус амфоры типа Комаров-Делакеу (Зеест-100) (Раевский 1955: рис. 1, *5*; 3, *3*). Эти сосуды Э.А.Рикман отнес к IV в. в целом (1967 а: 134), а В.В.Кропоткин — к его второй половине (1970: 69; рис. 32,*7*).

Рядом с поселением А.В.Добровольским было найдено впускное погребение, сопоставимое с черняховскими трупоположениями (Махно 1960: 71). Сопровождающий материал — нижняя часть краснолакового кувшина, железный наконечник копья и конический кубок, покрытый ромбовидными фасетками (рис. 60, *17*), аналогичный сосуду из погребения 12 в Ранжевом. Им определяется время погребения: конец IV-начало V в.

Возле с. **Сычавка** Коминтерновского р-на Одесской обл. на обрыве морского берега случайно найдены остатки погребения с трупоположением (Федоров, Рошаль 1979), в котором вместе с черняховской сероглиняной посудой, которую Г.Б.Федоров отнес к IV в., находился гребень типа III В1 (рис. 60, *18*), что согласуется со временем бытования гребня.

В с. **Васильевка** Фрунзовского р-на Одесской области при рытье погреба найдено захоронение с трупоположением, ориентированное на северо-запад. В его инвентаре были несохранившиеся бусы и две фибулы, а также поступившие в Одесский археологический музей се-

роглиняные черняховские сосуды и амфора инкерманского типа (фонды ОАМ).

Итак, датирующий материал с памятников междуречья Днестра и Днепра показывает, что здесь нет черняховских древностей начальной фазы культуры. Черняховские памятники в причерноморских степях стали возникать, скорей всего, в самом конце III в. Это, прежде всего, нужно сказать о могильниках Каменка-Днепровская (конец III в.) и Коблево (последняя треть III в.). Данные Каборги IV по этому вопросу менее определенны и указывают на всю вторую половину этого века и начало IV в., то есть, видимо, вписываются в общую картину. Самые ранние погребения весьма немногочисленны. Таким образом, в последних десятилетиях III в. только начинается обживание степей черняховским населением. К середине IV в. этот процесс набрал полную силу. По каким-то внутренним причинам (признаков внешних катаклизмов нет) некоторые памятники перестают функционировать еще до финала культуры. Таковы Каменка на Днепре, Викторовка, Городок (если 9 погребений правильно отражают хронологию всего могильника), Коблево. В то же время пять памятников документирует финал культуры: Гавриловка, поселение Каменка-Анчекрак, Ранжевое, Кисёлово (курган). Таким образом существование черняховской культуры в регионе длится с конца III в. до ее исчезновения, время которого попытаемся определить после рассмотрения хронологии памятников Буджака, так как эта проблема относится ко всей территории от Днепра до Дуная.

Подробная разработка хронологии памятников Буджакской степи в пределах Одесской области издана нами несколько лет назад (Гудкова 1991 а: 65-73). Никаких новых материалов, корректирущих это исследование не появилось. Нет и возражений на предложенные нами датировки. Для степной части Молдавии, которая в позднеримское время в археологическом отношении была частью рассматриваемой историко-культурной зоны, имеются соответствующие публикации исследователей конкретных памятников, но и по их поводу дискуссий тоже не возникало. Все это позволяет изложить хронологические наблюдения над памятниками этого района в более обобщенной форме, чем для междуречья Днепра и Днестра. Определение времени жизни некоторых памятников, предложенное их исследователями, на наш взгляд, требует уточнения. Б.В.Магомедов полагает, что поселение Чабанское II на Будакском лимане существовало в первой половине III в. (1987: 88; рис. 35, *12*). Основой для такой датировки служит обломок ножки светлоглиняной амфоры, которую исследователь определяет как «танаисскую». Даже, если принять, что такой небольшой фрагмент позволяет правильно установить этот тип амфоры, остается возможность для сомнения по поводу столь ранней датировки. Д.Б.Шелов продатировал эти сосуды первой половиной III в. (1978). В Танаисе их бытование действительно заканчивается временем разгрома города варварами в середине III в. Но поскольку их производство не связано с мастерскими Танаиса, их импорт в Причерноморье не прекратился с гибелью города. Появляются материалы, свидетельствующие об их употреблении и в последующее время. Так они обнаружены в позднейших сарматских комплексах: рубежа III-IV вв. на Дону (Ильюков 1987: 138) и в сарматском могильнике Градешка второй половины III-первой половины IV в. в Буджаке (Гудкова, Редина, в печати). Следовательно, ранняя датировка поселения Чабанское не может быть принята.

В литературе предложена датировка поселения **Нагорное II** на восточном берегу оз.Кагул с середины III в. (Скакун, Романова 1987: 215). В качестве основания для нее названы амфоры, стеклянный игральный «жетон, обломки стеклянной чаши с каплями синего стекла». Однако игральные жетоны не датируются узко, а чаши, декорированные каплями синего стекла, присущи позднейшим памятникам черняховкой культуры (Гороховский 1988: рис., № 77). При поселении нами полностью раскопан могильник, на котором вскрыто 88 погребений. Все они относятся к позднему и позднейшему этапу развития культуры. Таким образом, пока представляется маловероятным, чтобы поселение существовало с середины III в.

Поселение **Делакеу** (Рикман 1967 а) на севере Буджака в Молдавии дало серию датирующих вещей. Прежде всего, — это амфора типа Делакеу (тип 100 по И.Б.Зеест), две подвязные фибулы, скорей всего, 4 типа по А.К.Амброзу, фрагменты стеклянных кубков с пришлифованными овалами и ромбами. На основании этих находок Э.А.Рикман продатировал поселение IV в. Археомагнитный анализ образцов из пода очага дал вторую половину IV в. (Рикман 1967 а: 196).

Итак, можно сделать вывод, что в Буджаке основная масса датирующих материалов относится к IV в., тяготея к его середине — второй половине. Практически отсутствуют вещи, которые бы указывали на III-начало IV в., но неоднократно встречаются бытующие в конце IV — первых десятилетиях V в. Таким образом, массовое появление черняховского населения в Буджакской степи происходит поздней начала IV в., ближе к его середине. Хронологического различия между поселениями с каменным и каркасным домостроительством не наблюдается. Очевидной оказывается разница нижней даты для памятников Буджака и междуречья Днестра и Днепра, которое черняховское население начало осваивать на полстолетия раньше. В обоих районах отсутствуют самые ранние памятники конца II — первой половины III в., известные в лесостепи Западной Украины и междуре-

чье Днестра и Прута (Рикман 1975 б: 242; Этнокультурная карта... 1985: 179).

Время окончательного прекращения существования черняховских памятников во всей степной зоне, очевидно, было одинаковым. Оно документируется вещами конца IV в. – начала V в.: прогнутыми подвязными фибулами 4-го варианта (Гавриловка), двупластинчатыми фибулами (Гавриловка, Ранжевое, Беленькое, Нагорное II), кубками с ромбическими фасетками (Гавриловка, Ранжевое, курган Кисёлово), коническими прозрачными кубками иногда с опоясывающими ложбинками (Гавриловка, Холмское поселение и могильник, Нагорное II могильник), кубками типа Эггерс-220 (Гавриловка, Фрунзовка), кубками с ножкой и накладными овалами (Холмское). Кроме того, значительное количество памятников датируется концом IV в. Археологические данные, то есть вещи, бытовавшие до конца IV в., и вещи, существовавшие не только в конце IV, но и в начале V в., не дают возможности ответить на вопрос, в одно ли время перестали функционировать поселения и могильники с теми и другими наборами вещей. Формально можно полагать, что какая-то часть памятников существовала в начале V в. Историческое осмысление этого явления дается в заключительной главе настоящей работы.

Определение хронологической позиции памятников Буджака показывает, что они представляют собой своеобразное явление. Они в этом отношении не уникальны. Их хронологическим аналогом оказываются памятники Сынтана де Муреш в Трансильвании. Третьей зоной распространения поздних памятников является Мунтения, в основном придунайская (Mitrea, Preda 1966). Подробный анализ этой проблемы показал, что удается выделить большую зону, где концентрируются поздние и позднейшие памятники черняховской культуры (Гудкова 1992). Здесь поздние материалы представлены в чистом виде, ибо черняховское население на этих территориях появляется с уже сложившейся культурой. При хронологическом единстве развитие культуры в разных частях этой зоны имело свои особенности в зависимости от того, с какими местными условиями и с каким местным населением столкнулись расселявшиеся черняховские племена. К западу от Прута в Румынии произошло мощное наслоение фракийского суперстрата. В Мунтении во время появления черняховцев продолжало обитать местное гето-дакийское население. Его культура Милитарь-Килия просуществовала вплоть до первых десятилетий — первой половины IV в., которые можно связать с вторжением переселенцев (Bichir 1984: 93, 94). Процесс слияния двух групп населения, хотя и не завершился, но шел весьма активно. В частности это проявилось в смешении в погребениях с кремацией черняховских и местных дакийских черт. В результате этого на поздних могильниках Мунтении кремация довольно распространена, чего не наблюдается ни в Буджаке, ни в Трансильвании. Это смешение наглядно видно в том, что временами трудно определить, какому населению принадлежат конкретные погребения с сожжением. Это в частности проявилось в трудности этнокультурной интерпретации разных групп сожжений на Тыргшоре (Diaconu 1965: 31; Ioniță 1986: 307). В Трансильвании выделены группы черняховских памятников с ярко выраженным римским, карпским и сарматским влиянием (Horedt 1982).

В Буджаке во второй половине III — первой половине IV в. обитала позднейшая группа сарматов-аланов (Фокеев 1991). Их памятники хронологически стыкуются с черняховскими. Археологически удается проследить, что это привело к ассимиляции сарматов черняховцами в форме оседания сарматов на землю (Гудкова, Фокеев 1993).

* * *

Последовательный анализ отдельных категорий археологических источников позволил прийти к ряду частных выводов по каждой из них. Их сопоставление и совокупный анализ может и должен вывести, если не на решение, то, по крайней мере, на постановку археологических проблем более высокого уровня. Из них мы рассмотрим четыре: этнокультурные процессы, выделение локальных вариантов, эволюцию погребального обряда и взаимоотношения черняховского населения с Тирой и Ольвией. Для анализа этнических проблем в черняховской культуре, которые длительное время привлекают внимание всех занимающихся ею исследователей, на наш взгляд, требуются новые методические подходы. Для работы в этом направлении понятие субстрата нами дополняется понятием суперстрата и дается их разграничение. Под *субстратом* мы понимаем культурные ингредиенты, из которых черняховская культура возникла первоначально. Естественно, они принадлежат времени ее становления и локализуются на территориях, где этот процесс происходил. Автор исходит из представления о его моноцентризме. Это утверждение – само по себе проблема. Не вдаваясь в нее, отметим лишь, что существует представление и о полицентризме генезиса черняховской культуры. Под с*уперстратными* явлениями мы понимаем включение в состав черняховской культуры новых этнических компонентов в процессе распространения уже сложившейся культуры на новые территории или при появлении в ее ареале новых этнокультурных образований, вступивших с ее носителями в активные отношения. При этом надо учитывать, что субстратные и суперстратные составляющие могут иметь один (по большому счету) этнокультурный источник, влиявший на черняховскую культуру не только во время ее возникновения, но и позднее. Так, например,

сарматы и фракийцы вливались в состав носителей черняховской культуры не один раз. Суперстратные явления возникали не единожды, поэтому они как бы многослойны во времени и могут различаться в разных районах. При этом наслоения из одного (по большому счету) источника могли повторяться, что делает их различение порой нереальным. Пример тому возникновение и распространение формы лепного скифоидного горшка (тип 1). Совершенно очевидно, что были и субстратные, и суперстратные группы фракийцев и сарматов, и в развитии черняховской культуры они играли разную роль. Чем поздней были суперстратные явления, тем ярче они проявляются.

Носители черняховской культуры продвинулись в Причерноморье из лесостепи с северо-запада и севера. На юге они неминуемо должны были вступить во взаимоотношения с местным населением, которое приняло участие в развитии культуры на новой для нее территории. Эти процессы взаимодействия носили для черняховской культуры суперстратный характер.

Однако вряд ли есть основание думать, что в контексте всей культуры произошло обособление населения в Причерноморье. О.А.Гей полагает, что, поскольку между Средним Поднепровьем и Северным Причерноморьем существовал сравнительно слабо заселенный район, то он может «...служить косвенным подтверждением того, что этногенетический процесс протекал в каждой из этих областей самостоятельно» (Гей 1980: 50). Скорей всего, можно говорить о локальной особенности суперстратных процессов. Однако при постоянном притоке черняховского населения из лесостепи единство культуры не нарушалось.

Изучение взаимодействия с поздними скифами следует начать с определения хронологического взаимоотношения обеих культур. Этот вопрос рассматривался рядом исследователей. Э.А.Сымонович твердо придерживался мнения о том, что мигрировавшее на юг черняховское население долгое время сосуществовало здесь с поздними скифами и усвоило многие элементы их культуры. М.Б.Щукин представляет себе судьбу северной и южной группы нижнеднепровских городищ по-разному. Первая гибнет в I в., и лишь в IV в. здесь появляются черняховские памятники. Вторая перерастает в культуру поселений с каменным домостроительством типа Кисёлово и существует беспрерывно по IV в. включительно. Б.В.Магомедов полагает, что в Причерноморье черняховская культура возникла в среде местного позднескифсого населения и оседавших сарматов. Пришельцы из лесостепи, носители черняховской и вельбаркской культур, включились в этот процесс несколько позже. Такой взгляд вообще снимает постановку вопроса о хронологическом разрыве. По мнению О.А.Гей, позднескифская и сарматская культуры в Северном Причерноморье прекратили свое существование в первой половине III в., а наиболее ранние черняховские материалы относятся здесь к середине III в. Следовательно, налицо хронологическое смыкание. При выработке этой точки зрения ею учтены все новейшие данные, в том числе ключевые для проблемы памятники — могильники Красный Маяк (Бизюков Монастырь) и Николаевка Козацкая. Прекращение функционирования отдельных позднескифских памятников может различаться от конца I до середины III в., но в целом тенденция, видимо, такова, как ее представляет О.А.Гей. Северная группа позднескифских городищ Нижнего Днепра (Знаменка, Золотая Балка и Любимовка) перестала существовать в конце I – начале II вв. (Щукин 1970: 61; рис. 1). Последние позднескифские захоронения в Николаевке Козацкой совершены не позднее II в., а черняховские относятся к IV в. Перерыв в функционировании могильника составляет, примерно, полстолетия или несколько больше (Щукин 1970: 60-61, 71-73). Могильник Красный Маяк, целиком позднескифский, перестал функционировать во II — начале III в. (Гей 1985: 9). Дольше всего существовали поселения на периферии Ольвии и Тиры. Время гибели городища Золотой Мыс относится к началу – последней трети III в. (Гороховский и др. 1985: 36). Жизнь на Козырском городище прекратилась около середины III в. (Бураков 1976: 5). В это же время запустевают Молога и Роксоланы. Есть мнение, что формирование черняховской культуры в Причерноморье завершилось в середине III в. (Гей 1986: 83) или даже в его последней трети (Гороховский и др. 1985: 37). Следовательно, разрыв между ней и позднескифской культурой не превышает нескольких десятилетий. Не исключено, что были отдельные позднескифские памятники, на которых он вообще не имел места (Берислав, Дудчаны, Каиры, некоторые поселения на Ингульце), но этот вопрос требует специальных полевых исследований. В итоге очевидно, что эволюционного развития позднескифской культуры в черняховскую не наблюдается. Произошел перерыв постепенности, связанный, надо думать, с массовыми миграциями, достигшими апогея в эпоху «скифских» войн. Права О.А.Гей, полагая, что смена культур произошла скачкообразно, в результате чего памятники переходного типа отсутствуют (1985 а: 15). Очевидно для их возникновения не было ни времени, ни условий. Однако сохранение в черняховской культуре значительных элементов позднескифской показывает, что носители последней не исчезли физически и вошли в состав черняховского населения. Связь черняховской и позднескифской культур наблюдается по разным категориям археологических источников. Каменное черняховское домостроительство, не являясь копией позднескифского, наследует ряд его черт. Это — сама традиция применения камня, частично строительные приемы, планиро-

вочные принципы, устройство интерьера. В целом же черняховское жилище более упрощено. Показательно, что практика возведения каменного жилища убывает с востока на запад. Именно на востоке находятся городища с каменными строениями. На поселении Каменка-Анчекрак обнаружена усадьба с каменной застройкой и внутренними дворами. Такая планировка известна на позднескифских городищах, но чужда черняховским поселениям. На востоке же черняховским домам присущи и элементы более высокого уровня домостроительной культуры и сохранение позднескифских обычаев. Видимо, очагом сложения каменного домостроительства была зона массового расселения поздних скифов. В Буджакскую степь эта традиция принесена из-за Днестра. Скифское влияние ощутимо и в лепной керамике: скифоидные горшки составляют примерно треть всех лепных сосудов. Их равномерное распространение в черняховской культуре в целом, отсутствие их тяготения к поселениям с каменным домостроительством, скорей всего, указывает на то, что были параллельные истоки появления этой формы. Это –- и позднескифская керамическая традиция на юге, и собственно скифская, опосредованная через зарубинецкую культуру, – скорей, через потомков ее носителей, – в лесостепи. Обнаружение на восточных памятниках лепных мисок на высоком поддоне связано с зарубинецкой струей в позднескифской керамике Нижнего Днепра. В погребальном обряде признаки позднескифского наследия — это часть катакомб в Коблево и катакомба в Николаевке Козацкой, каменные заклады, отдельные большие камни в погребениях, подмазка дна могилы зеленоватой глиной.

Итак, поздние скифы вошли в состав черняховского населения как этнический суперстрат. Их культура сплавилась с культурой иных варваров и влилась в черняховскую. Этот процесс происходил в приморской зоне от Нижнего Днепра до Днестровского лимана, то есть был узко локальным. В этой зоне позднескифское культурное наследие сохранилось вплоть до финала черняховской культуры.

Вопрос о взаимодействии в Буджаке черняховского и этулийского населения нов, и его изучение пока недостаточно обеспечено материалами. Датировка обеих групп памятников показывает, что между ними должны были существовать контакты. Черняховцы, переселяясь на запад, за Днестр, застали здесь появившихся на этой территории еще ранее этулийцев. Фон отношений, видимо, был мирный. Не известно ни одного разгромленного этулийского поселения. Однако с появлением черняховцев какие-то изменения в расселении этулийцев все же произошли. Зафиксированы случаи перекрывания этулийских поселений черняховскими. Такова, например, Волчья Балка. Те из этулийских поселений, на которых найдены римские монеты второй половины IV в., явно сосуществовали с черняховскими. Об этом же свидетельствуют и материалы этулийских поселений Чалык и Конгаз I. Здесь, в отличие от остальных селищ, массово применялась гончарная шероховатая посуда. На Конгазе она составляет 50 %, а лепная лишь 14,6 %. Поскольку этулийское население развитым ремесленным гончарством не владело, эту керамику следует рассматривать как привозную черняховскую. Импорт из Тиры предположить нельзя, так как тирские мастерские шероховатой посуды не производили. Поселение Конгаз выглядит поздним и отражающим контакты с черняховцами. Значительно более высокий социально-экономический уровень развития черняховского населения по сравнению с этулийским должен был обусловить при мирном взаимодействии ассимиляцию этулийцев. При этом сохранившихся элементов их культуры, фиксируемых археологически, не могло быть много. Тем не менее его как будто удается уловить. Это бедные ямные погребения с кремацией на черняховских могильниках. В целом же ассимилированные этулийцы заметного влияния на черняховскую культуру не оказали.

Наличие в черняховской культуре фракийского субстрата, проявляющегося в растворенном виде повсеместно, и суперстрата (гето-дакийское наслоение на территории Румынии) само по себе сомнения не вызывает. Спорна попытка связывать появление фракийского культурного наследия только со степным Причерноморьем. Вероятно, на стадии становления черняховской культуры определенную роль сыграла и северо-восточная окраина фракийского мира.

Как было показано при рассмотрении важнейших категорий источников, на черняховских памятниках степи явно видны суперстратные сарматские черты, связанные с позднейшими сарматами. Этот вопрос представляет собой часть более крупной проблемы взаимоотношений оседлого и кочевого населения в регионе. Пока констатируем очевидное проявление сарматского влияния и в лепной керамике, и в погребальном обряде, и, в некоторой мере, в формах жилища.

Оформление на основе археологических исследований представлений о вельбаркской культуре, отождествляемой с готами, и о движении ее носителей на юг, выявление на пути их следования памятников типа Брест-Тришин, обнаружение на степных памятниках материалов северо-западного происхождения — все это позволило впервые создать по археологическим данным более или менее связную картину переселения на юг населения из Прибалтики и с территории Польши (Этнокультурная карта..., 1985: 68-75; Археология Украинской ССР 1986, т. III: 133-134; Баран и др. 1990: 46-56; Гей 1993: 163, 169, 170). Однако подробности передвижения мигрантов и их расселения в степях, их пос-

ледующая историческая судьба в Причерноморье во многом еще не ясны. Археологически эти процессы фиксируются по распространению или отсутствию материалов вельбаркско-пшеворского и в некоторой мере добродзеньского облика. В итоге на сегодня складывается следующая картина. В степях не только не известно поселений, принадлежащих выходцам с северо-запада, но и таких селищ, на которых бы признаки соответствующей материальной культуры были представлены в концентрированном виде. Нигде не найдено жилищ вельбаркского типа, подобных тем, которые раскопаны, например, в Великой Слободе (Козак, Журко 1983; Козак 1984 а) или на пограничье лесостепи и степи в Будештах (Щербакова, Чеботаренко 1973). Не встречается и лепная вельбаркская керамика, хотя она найдена недалеко от Будешт на могильнике Данчены (Рафалович 1986 б). Несколько более информативны находки на могильниках. Показательны на Днепре Каменка, Гавриловка и далее на запад Каборга, Городок и Чубовка. В Каменке из 9 погребений 8 совершены по обряду кремации. Найдены трехручные вазы с Х-видными ручками, обломки хроповатых сосудов, присутствует вторично обожженная керамика. Орнамент на вазах и кубках указывает на пшеворские связи (Сымонович 1964 б: 337). В Гавриловке, где процент сожжений тоже велик, найдены фрагменты ошершавленных сосудов со стянутым устьем, обломки вторично обожженной керамики. В материалах Каборги яркие элементы северо-западного происхождения очевидны (Магомедов 1979: 62). Таковы погребения с сожжением, содержавшие в частности вторично обожженную керамику. Специфический погребальный инвентарь обнаружен как в захоронениях с кремацией, так и с ингумацией. Это вазы с Х-видными ушками, металлические подвески треугольной формы, в виде ведерка или корзинки, фибулы с зерненными кольцами, фибула одного из вариантов серии Bügelknopffibeln. К явлениям того же круга принадлежат и жертвенные ямы типа, обычного на вельбаркских могильниках. Все эти материалы свидетельствуют о весомой примеси вельбаркско-пшеворского элемента среди населения, оставившего могильники.

На могильнике Городок (Магомедов 1979 а) из 9 погребений 6 совершены с кремацией. В них присутствует вторично обожженная керамика. Найдена лепная ваза с ручками-ушками. По мнению исследователя, некоторые детали оформления сближают ее с сосудами пшеворской культуры и синхронных культур на территории Восточной Германии. Одна из полусферических масок имеет аналогии на могильнике Дитиничи и на подобных памятниках в Горькой Полонке, Борсуках, Косанове и Заячивке. В могильнике Чубовка безынвентарное погребение в яме с подбоем было окружено каменным кольцом.

На все эти могильники следует распространить вывод, сделанный Б.В.Магомедовым по материалам Каборги, о том, что по наличию и характеру северо-западных элементов они сходны с памятниками порожистого Днепра (1979 б: 62). Материалы того же типа обнаружены и в погребениях возле с.Башмачка. Здесь урной служил горшок со стянутым устьем (Смиленко 1979: 20; рис. 5, 5). Общим для всех этих памятников является не только наличие на них вельбаркско-пшеворских признаков, но и то, что эти признаки нигде не доминируют и разбросаны в общей массе материала совсем иного происхождения. Так, например, на Каборге, при всей ее выразительности в этом отношении, основная масса погребенных связана с местным причерноморским населением. Хотя бы более или менее чистых вельбаркских памятников, как и поселений, в степной зоне нет. Таким образом можно констатировать, что вельбаркской культуры в степях как самостоятельного явления не было. Признаки северо-западных культур находились в состоянии постепенного растворения в инокультурной среде, хотя и были еще достаточно «живыми». Это, скорей всего, свидетельствует о смешанности населения, в котором отдельные группы и индивиды еще не утратили своего изначального культурного самосознания.

К западу от Днестра, в Буджакской степи четких элементов погребального обряда вельбаркско-пшеворского происхождения не известно. Редкие ямные погребения с кремацией есть все основания связывать с наследием этулийской группы. Вещи северо-западного происхождения почти не встречаются. Выразителен лишь лепной горшок со стянутым устьем из Беленького. Находка в этом же могильнике щита с умбоном и пластинчатой ручкой не может быть интерпретирована однозначно с этнокультурной точки зрения. В Буджаке такой же умбон найден и в сарматском погребении могильника Курчи (Гудкова и др. 1983). Предметы вооружения в рассматриваемую эпоху в известной мере были надкультурными. Подобные щиты в IV в. известны и в совершенно иной этнокультурной среде, например, в Абхазии (Воронов 1979 б: рис. 2, 33). Если отдельные находки не подкрепляются наличием иного вельбаркского или пшеворского материала, то нет основания связывать их обязательно с этими культурами. Тем более, что в погребальных сооружениях Беленького явна сарматская, а не вельбаркская струя.

К характеристике памятников Буджака с рассматриваемой точки зрения следует добавить, что гончарная сероглиняная керамика памятников этого района бедна признаками северо-западного происхождения. Здесь нет круглых орнаментированных кубков, не известны вазы с Х-видными ушками. Почти отсутствует чеканно-штампованный орнамент. На могильниках Буджака не найдены и специфические украшения, например, янтарные грибовидные подвески,

фибулы с зерненными кольцами и пр. Все это заставляет констатировать, что археологические проявления вельбаркско-пшеворского облика в степях более или менее интенсивно распространены лишь между Бугом и Днепром. К западу от Буга они почти не известны. В это же время в лесостепном междуречье Днестра и Прута на многих памятниках элементы вельбаркской и пшеворской культур широко распространены. Весьма рельефны они на памятниках, находящихся у границы степи (поселение и могильник Будешты, могильник Данчены), начиная еще со II в. (Ханска Лутерия). Это усадьбы с характерными домами в Будештах, погребения с кремацией соответствующего типа, изделия из металла, лепная вельбаркская керамика.

Отсутствие в западной части рассматриваемого региона выраженных признаков северных культур, конечно, можно объяснять тем, что они пока не найдены. Но при этом непонятно, почему они найдены на сопредельных территориях. Во всяком случае, такое объяснение не может быть предметом научного анализа. Теоретически рассуждая, можно предположить, что мигранты из бассейна Вислы в своем распространении на юг обошли западную часть степи с востока по Бугу, а с запада — в Попрутье. Археологически причина этого явления не определяется. Может быть, это концентрация здесь сарматов. Когда около середины IV в. в Буджаке появилось черняховское население, вошедшие в его состав вельбаркско-пшеворские группы уже утратили характерные особенности своей культуры. Процесс этой утраты начался еще на Волыни и в Подолии, где в вельбаркском погребальном обряде уже исчезли характерные каменные сооружения. Археологический аспект изживания у мигрантов черт их материальной культуры еще во многом не изучен. На разных территориях и у разных групп населения он, надо думать, шел по-разному (Этнокультурная карта... 1985: 69-70, 74). Об этом свидетельствует то, что основное количество вельбаркских памятников на Украине существовало от последней четверти II в. до начала IV в. (Этнокультурная карта... 1985: 73), то есть в поздней части они синхронны черняховской культуре.

Почти полное отсутствие на западе степей черт вельбаркской культуры согласуется с тем, как археологически фиксируется путь расселения готов на юг. Картографирование памятников с соответствующими признаками (Раковец-Чесновский, Косаново, Рыжевка, Журавка, Компанийцы и др.) показывает, что их путь шел из Волыни и Полесья по Южному Бугу в междуречье Буга и Днепра (Баран и др. 1990: 65-66). Это представление дополняется новыми находками на Южном Буге. В его верхнем течении П.И.Хавлюком открыты ранние вельбаркские поселения, а Б.В.Магомедов исследовал поселение Шершни и поселение и могильник Курники с ярко выраженными северо-западными чертами материальной культуры (1988)

В степной зоне на Буге расположены черняховские могильники с вельбаркскими материалами: Городок, Чубовка, Каборга. Очевидно, Буг был водной дорогой на юг, в Причерноморье. По наблюдениям А.И.Журко распространение каркасного жилища германского типа с Волыни в Среднее Поднестровье шло, огибая верховья Днестра с выходом на территорию Днестро-Прутского междуречья и на Дунай. А другой путь вел с Волыни к Днестру и вдоль него с выходом в Левобережье (1983: 18). Присутствие в районе Днепровской Луки и в южном степном Поднепровье населения северо-западного происхождения, шедшего через Волынь, хорошо известно (Кухаренко 1955: 152; Тиханова 1957: 157, 176; Смиленко 1984: 70). В верховьях Днестра появления вельбаркской культуры не отмечено. Очевидно, здесь была какая-то помеха. Ею мог быть достаточно плотный массив местного населения.

Итак, характер распространения признаков вельбаркско-пшеворской культуры в степях показывает, что их носители смешались в Причерноморье с численно, вероятно, превосходящим их местным населением сарматского и скифского происхождения. В этих условиях пришельцы быстро растеряли остатки своеобразия своей материальной культуры, тем более, что процесс ее исчезновения начался еще ранее. Носители вельбаркской культуры появились в Причерноморье уже в синкретическом состоянии, в основном утратив свою лепную керамику, своеобразный тип каркасного жилища, а в погребальном обряде каменные конструкции. Обряд же кремации оказался очень устойчивым, но не сохранился в чистом виде, в нем объединились признаки погребений с сожжениями разных культур. Ставшая синтетической традиция сожжения умерших (имеется в виду влючение фракийских элементов) распространилась в степях под воздействием пришельцев с севера. Однако она не стала массовой. Пока нельзя определить, была ли кремация усвоена частью местного населения или же ее применяли только потомки пришельцев. Таким образом в формировании облика черняховской культуры в степи вельбаркская культура оказалась лишь одним из компонентов, а ее роль не была ведущей. Материалы Причерноморья не дают основания рассматривать черняховскую культуру в качестве последней ступени развития вельбаркской, как это предлагал М.Б.Щукин (Szcukin 1981: 158). То население, которое еще частично сохраняло вельбаркское культурное наследие, было лишь частью северных мигрантов, принесших черняховскую культуру в Причерноморье. В целом они представляли собой сложный конгломерат на основе аборигенного населения лесостепи междуречья Днестра и Днепра, в котором не последнюю роль играли потомки зарубинецких племен. С ними, – очевидно, в первую оче-

редь – связаны лепные горшки общечерняховского типа. Столь же показателен и общий облик гончарной сероглиняной керамики. А.Т.Смиленко полагает, что в Поднепровье происходило распространение в степь черняховского населения (1984: 69-71). Частное проявление этого она видит в появлении на юге углубленных жилищ (Бургунка). Убедительно мнение о том, что, кроме собственно готов, носителей вельбаркских и пшеворских культурных признаков, на юг продвинулись и черняховские племена лесостепи. Да и сами вельбаркцы-готы к этому времени частично усвоили их культуру (Баран 1976: 57; Магомедов 1980: 87; 1984: 61).

Выявление своеобразия этнического суперстрата черняховской культуры в степях предопределяет возникновение представления о существовании здесь *локального варианта культуры*. В принципе такая постановка вопроса не нова. Проблема существования локальных вариантов черняховской культуры со всей остротой была поставлена в середине 50-х годов М.А.Тихановой. Но, поскольку в то время южные памятники не воспринимались безоговорочно как черняховские, то они практически и не анализировались ею с точки зрения возможности определения их в качестве локального варианта. Г.Б.Федоров рассматривал как два локальных варианта памятники Молдавии и побережья Черного моря. Последние были выделены им в основном по наличию каменного домостроительства, но вопрос подробно не разрабатывался (1960: 70). Углубленное исследование проблемы и аргументация выделения варианта культуры в Причерноморье стали возможны лишь с момента признания южных памятников черняховскими. Но, хотя развернутое обоснование такого их определения принадлежит Э.А.Сымонивичу, постановка вопроса о локальном варианте оказалась для него невозможной, ибо он всегда исходил из представления о монолитности и единстве черняховской культуры. Лишь признание ее полиэтничности дало возможность В.Д.Барану по-новому не только выделить локальные варианты, но и охарактеризовать их особенности (1981: 164). По его мнению, существуют три своеобразные группы памятников: в Северо-Западном Причерноморье; в междуречье Днестра, Прута и Дуная; и основная — в лесостепной Украине. Признаки первой группы — каменное домостроительство, захоронения преимущественно с ингумацией, значительный процент импортной гончарной посуды, а в лепной — преобладание форм скифо-сарматского происхождения.

Проблемой особенностей южных памятников специально занимался Б.В.Магомедов (1981, 1984). Он полагает, что существует большое сходство черняховских древностей Причерноморья и других областей распространения культуры, однако ряд особенностей требует выделения причерноморских памятников «в особую локальную группу» (1984: 61). Обычно он пишет о памятниках причерноморского типа, которые локализует в приморской зоне Херсонской, Николаевской и Одесской областей. К северу они распространяются по долинам рек Днепра, Ингульца, Ингула и Южного Буга. В качестве их особенностей Б.В.Магомедов рассматривает преобладание каменных построек специфической планировки, на могильниках — трупоположений в ямах сложной конструкции, в лепной керамике — местных форм. В среде, оставившей памятники причерноморского типа, исследователем выделены три группы населения: «прежнее скифо-сарматское с сильным налетом эллинизации»; сарматы; группа, родственная племенам более северных, в основном лесостепных районов распространения культуры (1981: 20). Поскольку эти группы исследователем территориально не локализованы, надо думать, что предполагается их смешанное обитание. Очевидно, все они были носителями черняховской культуры в ее причерноморском варианте.

О.А.Гей на основе изучения погребального обряда выделила северо-причерноморскую зону черняховской культуры (1980 б), включающую памятники на Днепре, начиная с Надпорожья. На западе ее пределы простираются до р. Тилигул (Ранжевое). Более западный материал ею не рассматривался. Особенности погребального обряда в этой зоне она объясняет спецификой местной основы формирования черняховской культуры. По мнению исследовательницы, причерноморская зона делится на две локальные группы. Первая, с преобладанием трупоположений, локализуется на побережье Черного моря и возникает на позднескифской основе при очень сильном античном влиянии. Вторая группа распространена в районе Нижнего Днепра и испытала сильное влияние пшеворской и вельбаркско-цецельской культур, мигрировавших с севера.

Так или иначе, все исследователи, занимавшиеся рассматриваемым вопросом, сходятся на необходимости выделения причерноморского локального варианта черняховской культуры, и это выделение представляется вполне обоснованным. Однако расширение источниковедческой базы позволяет поставить вопрос о выделении степного локального варианта черняховкой культуры с внутренним его подразделением на территориальные группы. Под локальным вариантом мы понимаем наибольшую территориальную единицу в составе культуры. Локальные варианты отличаются друг от друга наличием особенностей во всех основных категориях археологических источников. Действительно в степном регионе наблюдаются их местные особенности. Поселения, как нигде в ареале культуры, малы по размерам. Своеобразие жилищ проявляется в господстве наземных каркасных и каменных домов при минимальном

значении полуземлянок, являющихся в большинстве случаев подсобными строениями на усадьбах. В лепной керамике — это широкое бытование форм скифского и сарматского происхождения, малая распространенность сосудов с широким устьем, с биконическим корпусом, характерных для Днепро-Днестровского междуречья, редкость обнаружения, — да к тому же и в малом количестве, — посуды, связанной с вельбаркской и пшеворской культурами. В сероглиняной гончарной керамике своеобразие региона проявляется в деталях набора форм, количественном соотношении категорий и типов сосудов, некоторых особенностях орнаментации. Необычно большое распространение имеют округлые миски, своеобразны кувшины при почти полном отсутствии их изощренных форм. Широко распространены кружки и сравнительно мало — вазы и кубки. Имеются горшки вытянутых пропорций с покатыми плечами. Украшение посуды лощеным орнаментом по сравнению с эталонным районом Среднего Поднепровья отличается большей простотой, редкостью чеканно-штампованных узоров. Редка дополнительная профилировка плоскостями, срезами и каннелюрами. Зерновики по орнаментации тяготеют к западной части черняховского ареала и заметно отличаются от сосудов-хранилищ Среднего Поднепровья. В погребальном обряде особенности проявляются в сравнительно редком применении кремации и существовании могильников только с ингумацией; в широком распространении погребений в ямах с подбоями или с дополнительным углублением в дне; в существовании катакомб. Однако, при наличии всех этих особенностей в каждой категории источников, средняя норма традиций культуры не нарушается, и присутствуют все ее основные черты. Это позволяет считать, что степные памятники представляют собой вариант черняховской культуры. В него входят территориальные группы, обладающие более мелкими особенностями. Основой их выделения является ярко выраженная специфика в какой-либо даже одной важной категории источников или характеристике. Трудно допустить, что для всех групп она окажется одна и та же.

Существование второго, более низкого по отношению к локальному варианту уровня неоднородности черняховских памятников ощущается не только автором настоящей работы. В.Д.Баран уже отметил, что внутри выделенного им локального варианта лесостепной Украины имеются группы со своими особеностями. О.А.Гей разделила по погребальному обряду северопричерноморскую зону на две части. Определение и изучение территориальных групп со временем приблизит нас к пониманию этнокультурной структуры носителей черняховской культуры. В степном регионе эта структура связана в первую очередь с этническим суперстратом, а во вторую — с внешними взаимодействиями. Вопрос этот во многом не ясен, и потому членение на территориальные группы имеет предварительный характер. Пока представляется очевидным, что в междуречье Днепра и Днестра надо разграничить две группы: с вельбаркско-пшеворскими и позднескифскими чертами. Территориальная граница между ними зыбкая, так как та часть северных мигрантов, которая обладала вельбаркско-пшеворскими культурными чертами, частично проникла в зону, где у черняховского населения было ярко выражено позднескифское культурное наследие. Как это могло произойти, мы попытаемся рассмотреть в последнем разделе настоящей работы. В контактной же зоне этих двух групп поселения как будто различаются тем, что население с вельбаркскими чертами не строило каменных домов. Показательны в этом отношении поселение Каборга с каркасными домами и его могильник с северо-западными особенностями, поселение Ранжевое с каменными жилищами и могильником без таких признаков. Все это пока гипотеза. Во всяком случае, очевидно, нужно разграничить в приморской зоне памятники с каменным домостроительством и в Надпорожье, по Днепру и до Буга памятники с отдельными вельбаркско-пшеворскими чертами. Эти две группы частично взаимопроникающи. Совершенно очевидно, отдельную территориальную группу составляет Буджакская степь, отличающаяся почти полным отсутствием ярких вельбаркско-пшеворских признаков. Она связана на севере с черняховским населением не лесостепного междуречья Днестра и Днепра, а с черняховскими племенами лесостепной Молдавии. На востоке же для части обитателей Буджака очевидны связи с позднескифской территориальной группой. Кроме того, Буджак выделяется хронологически. Сочетание каменного и каркасного домостроительства в районе в целом, но не на одних и тех же памятниках, указывает, что заселение этой территории происходило по двум направлениям: из степей к востоку от Днестра и лесостепи между Прутом и Днестром. В материальной культуре обеих групп населения, продвинувшихся в Буджак, пока не удается уловить иного различия, кроме типа жилища. Это может свидетельствовать о том, что в IV в. сложение облика черняховской культуры в основных чертах уже завершилось. Более того: ее носители-выходцы из различных районов, видимо, осознавали свое единство, поскольку мирно селились бок о бок. Выделение четко датируемой и обособленной группы в черняховской культуре имеет значение не только для воссоздания истории ее развития, но значимо и с методической точки зрения. Оно как эталон будет способствовать дальнейшему хронологическому расчленению черняховских древностей.

Закономерен вопрос, оказывается ли почти полное отсутствие в Буджаке вельбаркских черт явлением хронологическим или иного порядка.

Изучение этого вопроса на материалах только Буджака нереально. Однако оба возможных ответа на него указывают, что вельбаркская примесь не определяла облика степного варианта культуры в целом. Вельбаркские элементы выражены слабее, чем позднескифские и сарматские, и ограничены определенной территорией.

Выделение памятников Буджакской степи как определенного хронологического единства, соответствующего позднейшей фазе черняховской культуры, позволяет рассмотреть некоторые аспекты ее эволюции. Особенность этих памятников — их в хронологическом отношении «чистый» характер. Практически на всей территории Украины, в том числе и в степном междуречье Днепра и Днестра, черняховские памятники смешаны. С одной стороны, соседствуют разновременные, по времени существования частично совпадающие друг с другом; с другой стороны — многие памятники функционируют достаточно долго, и их материал (при отсутствии на поселениях четкой стратиграфии) представляет совокупно разные фазы культуры. При изучении крупных могильников, где погребения совершались в течении длительного времени, приходится затрачивать массу времени и исследовательской изобретательности для выделения разновременных комплексов. Создание относительной хронологии погребений на больших могильниках находится в процессе становления. В этих условиях Буджак, где практически нет памятников ранее середины IV в., дает возможность изучения позднейших материалов в чистом виде, возможность в какой-то мере использовать их как эталон. Конечно, памятники этого района имеют не только хронологическое, но и региональное своеобразие. В связи с этим оказывается чрезвычайно важным и интересным то, что удается выделить еще два поздних района, тоже имеющих свои особенности, но в совокупности позволяющих выявить общие для всей культуры поздние явления. Таковыми оказываются Трансильвания и южная придунайская часть Мунтении. На могильниках Трансильвании, бывшей до 271 г. частью Римской Империи, полностью отсутствуют материалы III в. (Tackenberg 1930). К.Хоредт, много лет изучавший древности этого района, полагает, что памятники Сынтана де Муреш относятся здесь ко второй половине IV в., и в большинстве тяготеют к его последней четверти (Horedt 1982: 115). С этой поздней датой соглашаются и другие румынские исследователи (Ioniță 1966: 251).

Памятники южной Мунтении датируются IV в. (Mitrea, Preda 1966). Эта дата хорошо обоснована в частности хронологическим соотношением культуры Милитарь-Килия и Черняхов-Сынтана.

Могильники всей очерченной зоны поздних черняховских памятников позволяют проследить эволюцию погребального обряда. В Буджаке фиксируется изживание традиции погребения с трупосожжением. И это не местное явление. С одной стороны, оно присутствует на востоке на могильнике Каменка-Анчекрак и на совсем позднем Ранжевом. С другой — его удается проследить и на западе. На могильниках Тыргу Муреш и Сынтана де Муреш в публикациях сожжений не отмечено. По личному сообщению К.Преды и И.Ионицы нам стало известно, что в музейных коллекциях хранятся остатки кремаций. Очевидно, они были настолько не массовы и невыразительны, что не привлекли в свое время внимания исследователей. Больше нигде в Трансильвании погребений с кремацией не встречается.

В придунайской Мунтении картина значительно сложней и, можно сказать, в чем-то интересней и показательней. Здесь хорошо видно, как конкретные местные особенности исказили общекультурный процесс изживания кремации. В этом районе при ассимиляции местного населения черняховскими племенами произошло смешение двух традиций трупосожжения: гето-дакийской и германской. Попытка этнической интерпретации сожжений была предпринята Г.Диакону, который по материалам Тыргшора разделил их на две большие группы по наличию вторично обожженных керамики и урн. Первую группу с побывавшей в огне посудой он связал с пришлым германским населением, вторую — без такой керамики — с местным гето-дакийским (Diaconu 1965: 137). Оба вида сожжений встречаются в Мунтении повсеместно, но те, что содержат керамику со следами погребального костра, как будто более распространены на севере и западе (Diaconu 1965 б: 115). С таким прямолинейным этническим определением групп сожжений согласны не все исследователи. Так И.Ионица полагает, что в Тыргшоре кремации без вторично обожженной керамики были черняховскими (Ioniță 1985: 307). По количеству погребений с сожжениями могильники Мунтении являют очень пеструю картину. Здесь в пределах середины-второй половины IV в. для некоторых могильников удается наметить относительную хронологию. Спанцов и Изворул более поздние, чем Олтень и Индепенденца (Mitrea, Preda 1966). В Изворуле сожжений не обнаружено, в Спанцове они составляют 14,3 %, в Индепенденце — 22, 89 %, причем относятся к ранней части этого могильника. Ойнак содержит 43,1 %, Гересэнь — 50 %, Могошань — 56 %, Олтень — явление уникальное — 87,18 % сожжений. В целом исследователи полагают, что для могильников Румынии характерно преобладание обряда трупоположения (Mitrea, Preda 1985: 31), связанное с изживанием кремации (Ioniță 1971: 56; Horedt 1982: 137-143).

Все изложенное, на наш взгляд, подтверждает представление о том, что биритуализм черняховского погребального обряда эволюционировал во времени. Практика применения кремации шла на убыль. В середине IV в. стали появляться моноритуальные могильники с тру-

поположениями. На могильниках Буджака видно, как, кроме того, обряд кремации постепенно упростился, и в преобладающих ямных, и в урновых погребениях инвентарь стал беден или вообще исчез. Их вариантность значительно меньше, чем в Причерноморье к востоку от Днестра и в Мунтении.

Выяснение подробностей процесса изживания кремации потребует в дальнейшем специальных исследований и, прежде всего, разработки относительной хронологии погребений на представительных могильниках. Однако уже сейчас ясно, что этот процесс не был ни простым, ни линейным. Обряд сожжения, принесенный в Причерноморье готами, не имея здесь местных истоков, стал в новых условиях постепенно исчезать. Однако это происходило неравномерно. В Буджаке кремации, скорей всего, не вельбаркско-пшеворского, а этулийского происхождения. В отдельных случаях, возможно, имела место внешняя подпитка этого обряда за счет спорадического притока с севера новых групп населения, практиковавшего его. Возможно, свидетельством такого позднего притока являются находки на отдельных памятниках (могильник Каборга, поселение Дижма и некоторые др.) фрагментов глиняных ситул добродзеньского типа. В Мунтении же сохранению и развитию трупосожжения в отдельных местах способствовало смешение черняховского и гето-дакийского населения. Причем буквально на каждом отдельном поселении этот процесс мог идти с разной степенью активности. Поэтому и возникли такие могильники как Олтень с явным преобладанием сожжений. И, видимо, для каждого крупного могильника исследовать степень значимости гето-дакийского суперстрата следует отдельно.

Для изучения могильников интересно проанализировать распространение погребений с ингумацией, имеющих западную ориентировку, поскольку ее появление после исследования Э.А.Сымоновича (1963: 59-60) устойчиво связывают с распространением в варварской среде христианства. Теоретически рассуждая, естественно ожидать, что христианизация в IV в. должна была проявляться ярче, чем в предшествующее время, тем более на территориях, прилежащих к лимесу. Практически, по данным археологии все это оказывается не так. Совершенно очевидно, что не наблюдается увеличения числа погребений с западной ориентировкой в связи с более близким расположением могильника к границам Римской империи. В Буджаке лишь Холмское дает преобладание широтной ориентировки, а в расположенном значительно западней могильнике Нагорное II она редка. Почти полностью она отсутствует и в Тыргшоре, на что уже и обратил внимание К.Хоредт (1982: 115). В Спанцове и Индепенденце она существует параллельно с меридиональной, которой явно уступает в количестве. На могильнике Сынтана де Муреш всего 10 таких захоронений. Описанную ситуацию гипотетически можно связать с тем, что позднее заселение Буджака и Трансильвании черняховскими племенами произошло за счет притока населения из районов, удаленных от границ Рима, где христианство, — если и появилось, — то было мало распространено. Показательна в этом отношении также Каборга, в материалах которой явна готская струя и полностью отсутствует западная ориентировка. На фоне высказанного предположения интересную картину дает поздний могильник Ранжевое, синхронный памятникам Буджака и Трансильвании. На нем преобладает западная ориентировка.

В целом выявляется весьма мозаичная картина распространения обеих ориентировок. Она отражает далеко не прямолинейный путь распространения христианства в варварской среде. Постепенность распространения нового вероучения нарушается спорадическим притоком новых групп населения из отдаленных от римского пограничья районов. Так в Трансильвании имеются погребения с чуждыми вещами (деревянные ведра с железными обручами, железные топоры). Их связывают с поздним проникновением с севера чужеродного населения (Horedt 1982: 119-123). Пришельцы смешивались с племенами, ранее обитавшими на юге. При этом в обрядах и материальной культуре возникали неожиданные явления, например, наличие инвентаря в погребениях с западной ориентировкой (Horedt 1982: 117). Вероятно, с группами населения, уже обжившегося на юге, связаны могильники с преобладанием западной ориентировки (Ранжевое, Холмское). Отсутствие на могильниках четкого территориального размежевания погребений с разной ориентировкой может указывать на полную веротерпимость по отношению к иноверующим соплеменникам. Возможно, это проявляется и в смешанном расположении на могильниках погребений разного обряда. Нельзя, однако, не отметить, что все эти рассуждения имеют значение только в том случае, если западная ориентировка действительно связана с христианством.

Все исследователи черняховской культуры единодушны в признании большого, если не сказать огромного, значения для ее формирования античного влияния. Конкретные районы, откуда оно происходило, определяют по-разному, но всегда значительная роль приписывается античным центрам Северного Причерноморья, Тире и Ольвии. На уровне разработки конкретных источников этот вопрос рассматривали М.А.Тиханова (в основном по материалам Лепесовки), Э.А.Рикман (по памятникам Молдавии) и Б.В.Магомедов (для Причерноморья). Ими собран большой и бесспорный материал, который однако нельзя однозначно связать с Тирой и Ольвией. Проведенное нами рассмотрение каменного домостроительства таких непосред-

ственных связей не выявляет. Не видно их и в погребальном обряде. Но, пожалуй, наибольшее значение для проблемы имеет определение роли гончарства Тиры и Ольвии в сложении черняховской гончарной сероглиняной посуды, в частности памятников степи. Сравнительный типологический анализ черняховской посуды и сероглиняной гончарной керамики из Тиры и Ольвии проведен автором настоящей работы и В.В.Крапивиной (Гудкова, Крапивина 1990). Для этого исследования нами были использованы практически все имеющиеся музейные коллекции сероглиняной столовой и хозяйственной керамики обоих городов. Не пересказывая подробно этого исследования, приведем основные выводы, доказательную базу которых читатель может найти в указанном издании. Сравнение выявило разное количественное соотношение форм сосудов. Ряд форм городской посуды с черняховскими не сопоставим или же для черняховского керамического комплекса не характерен. Например округлые миски с загнутым внутрь краем, массовые в городах, мало распространены на черняховских памятниках. Биконические миски, столь характерные для черняховской культуры, редки в городах и генетических корней в их гончарстве не имеют. Формы черняховских кувшинов с изделиями городских гончаров не сопоставимы. В черняховской культуре нет сероглиняных тарелок, а в городах отсутствуют кубки. Вазы или трехручные миски для городов не характерны и генетически связаны с Центральной и Северной Европой.

Орнамент кажется одинаковым лишь на первый взгляд по причине общего типологического сходства. Линейно-лощеный орнамент более беден на черняховской посуде, а платичный — на античной. Редко встречается на ней и дополнительная профилировка. Черняховской керамике не свойственно покрытие черным ангобом, а для открытых сосудов лощение и орнаментация внутри, но эти приемы обычны в городах. В античном сероглиняном комплексе нет четких исходных форм для зерновиков со всеми их особеностями. Шероховатые кухонные горшки не характерны для Тиры и Ольвии и практически в городах не производились. Здесь господствует античная кухонная посуда. Полностью подтвердилось мнение Э.А.Сымоновича о том, что значительно больше совпадений наблюдается с провинциально-римской традицией, чем с северо-причерноморской (Сымонович 1964: 352). Зерновики (не античные пифосы) в Тире и Ольвии редки. Те их формы, которые свойственны западной и южной части черняховского ареала, возникли на основе опосредованной кельтской традиции и их распространение на степных памятниках с Тирой и Ольвией не связано. В целом выясняется, что посуда Ольвии дает меньше возможностей сопоставления с черняховской, чем тирская. Значит, характер связей обоих городов с черняховким населением был в чем-то различен. Только детальное изучение на обоих городищах позднейшего слоя конца III-IV вв. может прояснить это явление.

Вопрос о том, существовала ли связь между сероглиняной керамикой Тиры, Ольвии и черняховской культуры, не может решаться без учета времени появления черняховского населения в степях Причерноморья. Изложенные выше хронологические наблюдения свидетельствуют о том, что непосредственный контакт между черняховскими племенами и городами начался в эпоху войн, а в мирной форме развивался после них, когда Тира и Ольвия уже перестали существовать как античные центры. При этом надо подчеркнуть, что черняховское население появилось в Причерноморье с уже сложившимся керамическим комплексом.

Итак, можно утверждать, что Тира и Ольвия прямого и непосредственного воздействия на формирование черняховской керамики не оказали. Истоком античного влияния в этой сфере были гончарные мастерские дунайских провинций. Их влияние распространялось в обход Карпат с севера. В то же время, поскольку провинции, естественно, оказывали воздействие и на причерноморские города, нельзя исключить параллельного и независимого распространения некоторых явлений в черняховской культуре и в Тире и Ольвии. Вероятно, пример тому – проникновение в города сероглиняной шероховатой кухонной посуды (Гудкова, Крапивина 1993 б: 104).

ИСТОРИЧЕСКИЙ СИНТЕЗ.
(Вместо заключения)

Проведенный анализ археологических источников служит базой для восстановления характера и направления исторического развития степного региона в первой половине I тыс н.э.. Специфика археологических источников такова, что реконструкция на их основе исторической действительности, с одной стороны, может быть доведена до восстановления бытовых деталей, а с другой, – при рассмотрении ряда вопросов исследователь натыкается на полное отсутствие информации, вследствие чего, решение многих конкретных проблем остается гипотетичным. Однако опасение допустить ошибку не удерживает от формулировки гипотез, иначе научный поиск может оказаться дорогой в никуда. Степень достоверности и конкретизации исторического осмысления археологических явлений значительно возрастает, если их сопоставить с историческими. Незаменимыми в этом отношении оказываются древние письменные источники, синхронные эпохе или близкие к ней. Однако их возможности для степного региона в римское время весьма ограничены. Попытаемся все же соотнести сведения древних авторов с этнокультурными образованиями, охарактеризованными на основе археологических материалов. Начнем с поздних скифов.

В «Естественной истории» Плиния сведения о северном побережье Черного моря и прилежащих к нему областях от Дуная до Дона частично отражают современную этому автору действительность, а частично восходят к ионийским географам VI-V вв. до н. э. (Скржинская 1977: 85).

На первый взгляд заманчиво использовать сообщение Плиния о тирагетах, обитающих в устье реки Тиры (Плиний, IV, 82; Скржинская 1977: 44). Однако, поскольку их первым упоминает Страбон, в «Географии» которого отражено распределение населения в степях Причерноморья, сложившееся через несколько столетий после Геродота (Скржинская 1977: 38-39; Карышковский, Клейман 1985: 9), можно думать, что у Плиния упоминание тирагетов соответствует ситуации до рубежа эр. С этим согласуется и то, что в низовьях Днестра с середины III в. до н.э. до конца I в. н.э. отсутствуют археологические памятники, которые можно было бы приписать тирагетам.

Между устьем Дуная и Ольвией Плиний знает четыре населенных пункта: Кремниски, Эполий, Тира-Офиуса, Гавань Ордес (Плиний, IV, 82). Из порядка их перечисления ясно, что два первых находятся на побережье между Дунаем и Днестром, а Ордес – к востоку от Днестра. Отождествление этих поселений с археологическими памятниками возможно лишь при условии определения времени их существования, чего, исходя из текста Плиния, сделать нельзя. Кремниски и Эполий, судя по названиям, были основаны греками (Скржинская 1977: 55). С этим выводом согласуется то, что Кремниски упомянуты у Артемидора, автора II-I вв. до н.э. (Карышковский, Клейман 1985: 8). Археологических эквивалентов этим двум поселениям в римское время не известно. Ордес Плиния в этой же транскрипции называет Птолемей (SC, I, 232). Его обычно отождествляют с поселением Одессос, упоминаемым Аррианом (II в.) и анонимным периплом Черного Моря (VI в.) (Карышковский, Клейман 1985: 89). Вопрос о его локализации имеет свою значительную историографию (Синицын 1960 б: 12-16), однако окончательно не решен и по сей день. Представляется, что это невозможно без определения времени существования этого поселения. Только при этом условии станет ясно, с какими археологическими пунктами можно пытаться его идентифицировать. Именно так подошел к этому вопросу М. С. Синицын (1960 б). Однако он молчаливо исходил из допущения, что время существования древних населенных пунктов, упоминаемых в источниках, в основном соответствует или близко времени жизни авторов, писавших о них, что не выдерживает никакой критики. Кроме того, современного исследователя не может удовлетворить принятое у М.С.Синицына хронологически слишком широкое отнесение памятников к скифо-сарматскому времени. Тем более, что в пределах этого времени археологически установлены большие перемены в составе обитателей и существовании населенных пунктов в Северном Причерноморье. Таким образом работы М.С.Синицына по идентификации названных пунктов не дали результатов.

Итак, рассмотрение сведений римских авторов о низовьях Днестра и Дуная пока не могут быть связаны с археологическими реалиями первых веков нашей эры на этой территории.

Обратимся к районам, лежащим к востоку от Днестра. Клавдий Птолемей знает на Нижнем Днепре и Ингульце (?) 9 городов, не ведомых Страбону. Их отождествляют с позднескифскими городищами (Погребова 1958: 103-104). Что же касается позднескифского населения в приморской зоне от Днепра до Днестра, то сведения о нем не удается выделить с несомненностью. Довольно многочисленные и неконкретные упоминания рядом авторов на этой территории скифов серьезного значения не имеют. Этноним «скиф» в римское время превращается в собирательное и условное обозначение различных народов, обитавших в припонтийских степях и никакого отношения к истинным

скифам не имевших (Ременников 1954б: 9; Буданова 1982: 162). Это хорошо понимали сами римские авторы. Плиний писал: «В целом к северу от Истра все племена скифские, однако места, прилегающие к побережью заняли разные народы; в одних находятся геты, которых римляне называют даками; в других – сарматы..., в третьих – выродившиеся и произошедшие от рабов скифы или троглодиты, затем аланы и роксаланы. Название «скифы» постоянно переходит на сарматов и германцев» (Плиний, IV, 80). Эта выдержка говорит сама за себя. Исследователи древних авторов единодушны во мнении о том, что в позднеантичных и средневековых сочинениях термин «скифы» не реальный этноним, а дань литературной и исторической традиции. Так могли бы представлять интерес упомянутые Плинием выродившиеся скифы, но пока нет основания помещать их непосредственно в Причерноморье. Правда, в устье Дуная троглодитов знает Птолемей (Птолемей, III, 10, 4), а Арриан здесь же называет скифов (Скржинская 1977: 43). Однако расплывчатость локализации не позволяет связать эти племена с конкретными археологическими фактами.

Казалось бы для нашей темы интерес в приморской зоне между Днепром и Днестром представляют асиаки (исиаки) на реке Асиак (Аксиак) и истриане. Они известны Страбону, Помпонию Меле, Плинию Старшему и Арриану. Однако представление о том, что термин «асиак» появляется в античной литературе не ранее рубежа эр (Скржинская 1977: 45), является заблуждением. Гавани исиаков и истриан отмечены в периплах IV-III вв. до н.э. и II в. до н.э. (Карышковский, Клейман 1985: 15). Кроме того, на древнюю традицию указывает причисление Эфором (IV в. до н.э.) асиаков к «справедливым народам». Такая морализирующая оценка присуща сочинениям эллинистического времени (Ельницкий 1961: 176). Все это заставляет усомниться в том, что асиаки и истриане – это население Причерноморья первых веков нашей эры. Они были реальностью во времена Атея.

Птолемей на прибрежной территории от Днепра до Днестра помещает город гарпиев Гарпис (Птолемей, III, 10, 7). В этом этнониме обычно видят карпов. Однако в настоящее время нет археологических материалов, указывающих на обитание карпов в этом районе.

В целом создается впечатление, что римские авторы имели весьма смутное представление о черноморском побережье между Днестром и Днепром и не располагали сведениями об обитавшем здесь оседлом варварском населении. Таким образом, письменные источники не дают реального представления о поздних скифах. Их изучение возможно только археологическим путем.

Попытка отождествления этулийского населения с конкретным народом базируется на Певтингеровых таблицах – римском дорожнике, известном по копии XIII в. (Itineraria..., 1916). Их составитель, кроме огромного массива венедов в Прибалтике и в центре Восточной Европы, знает небольшой венедский островок на юге между Дунаем и рекой Агалинг, которую устойчиво отождествляют с Днестром (Tomaschek 1894: Kol. 777; Петров 1962). Только Б.А.Рыбаков видит в ней р.Когыльник (Рыбаков 1982: 36). Однако и такое отождествление приемлемо для нас, поскольку Когыльник находится в Буджакской степи. Следовательно южная группа венедов локализуется в зоне распространения этулийских древностей. Возможность предлагаемого отождествления должна быть проверена с хронологической точки зрения. Как и все географические сочинения древних, Певтингеровы таблицы объединяют сведения, отражающие реальности разного времени. Довольно полная сводка мнений о времени возникновения дорожника и последующих интерполяциях в его тексте сделана Г.Ловмянским (Lowmiański 1964, T. 1: 183). К.Миллер, выполнивший факсимильное издание Певтингеровых таблиц и их капитальное исследование, полагал, что они составлены в 365-366 гг. (Itineraria..., 1916: S. XXX-XXXII). В новейших работах более или менее утвердилось представление о том, что в основе Певтингеровых таблиц лежит географическое сочинение I в. В середине же IV в. они были подвергнуты редакции и дополнены новыми данными (Kubitschek 1919: Kol. 2127; Gesinger 1938: Kol. 1405-1406). Г. Ловмянский допускал, что сведения о венедах в низовьях Дуная были вставлены во второй половине IV в. (Lowmiański 1964, T. 1: 180-181). По мнению Э.А.Рикмана время жизни всех племен, упомянутых дорожником в низовьях Днестра и Дуная, ограничивается серединой III – концом IV в. (Рикман 1975 б: 307). В целом же не только хронология, но и суть сообщения о группе венедов в низовьях Дуная мало изучены.

До сих пор не было известно никаких археологических материалов, с которыми можно было бы связать венедов в низовьях Дуная. Обнаружение памятников типа Этулия создает такую возможность (Щербакова 1985: 65—66; Гудкова 1989: 37-40; 1990а). Прав был Ф.Гезингер, когда писал, что именно археология может раскрыть содержание многих деталей и географических названий Певтингеровых таблиц, неизвестных в других источниках (Gesinger 1938: Kol. 1407). Возможность отождествления этулийского населения с группой венедов к северу от низовий Дуная представляет собой интерес в связи с присутствием в этулийской лепной керамике протопражских форм. Славянская принадлежность пражской керамики общепризнана. Это позволяет считать, что в составе рассматриваемой группы венедов имелись предславянские или раннеславянские элементы. Таким образом возникает реальная возможность для обоснования гипотезы о том, что массовому

переселению славян на юг в V-VII вв. предшествовало передвижение и просачивание в этом направлении их отдельных групп. Есть мнение, что венеды на юге появляются в связи с сильным натиском варваров в Подунавье во время маркоманнских войн, начиная со 160-х годов. Путь восточной группы венедов на юг предполагается восточней Карпат (Мачинский, Тиханова 1976: 76). Отождествление этулийцев с восточной группой южных венедов позволяет считать, что этим археологически засвидетельствовано самое раннее появление славян у границ Римской империи, ранее вторжения в эти области готов. Б.А.Рыбаков полагает, что появление славян-венедов в низовьях Дуная и бассейне Тисы «объясняет многое в позднейшей истории Подунавья в гунно-аварское время» (Рыбаков 1982: 36). Интерес в этой связи представляют исследования Д.Теодора (Teodor 1984), который не видит славянских черт в культуре Костиша-Ботошань V-VII вв. в Молдове. Однако в ее керамике существуют формы, истоки которых, возможно, находятся в лепных горшках этулийского типа.

Проблема отождествления носителей черняховской культуры с конкретными народами, известными древним авторам, имеет обширную историографию. Однако она касается культуры в целом и в основном лесостепной части ее ареала. По отношению же к населению степей Причерноморья этот вопрос, если и рассматривался отдельными авторами, то лишь на уровне выявления археологических связей. Представляется, что понимание черняховской культуры, как явления полиэтничного, требует регионального подхода к этому вопросу и делает оправданным и необходимым его изучение применительно к припонтийским черняховским племенам.

Накануне и во время существования в степях черняховских древностей античные авторы знают здесь два народа, которые по своим масштабам и локализации могут быть соотнесены с носителями черняховской культуры – это «скифы» и «готы». Поэтому попытки определения этноса обитавшего здесь черняховского населения неминуемо требуют выяснения реального содержания этих обозначений применительно к III-IV вв. Выше уже было показано, что в римское время название «скифы» потеряло реальное этническое содержание. В зарубежной историографии отождествление черняховского населения степей, как и всей черняховской культуры, с готами воспринимается как само собой разумеющееся и не имеющее серьезной альтернативы (см. обзор историографии: Баран и др. 1990: 33-35, 39). В отечественной науке вопрос о древностях готов в степях Причерноморья долго оставался открытым. Памятники черняховского типа с ними не без основания прямо не связывали. Лишь общие успехи археологического изучения готов в последние десятилетия создали реальную базу для исследования этого вопроса. Стало складываться в довольно общей форме представление о том, что в числе носителей культуры в Причерноморье были и готы (Корсунский, Гюнтер 1984: 216; Магомедов 1979б: 63). Б.А.Рыбаков полагает, что они обитали в узкой приморской полосе, где еще до их прихода сложился плотный массив местного населения (Рыбаков 1982: 41). Однако изучение конкретного содержания понятия «готы» для этой территории еще мало разработано, хотя такое исследование явно перспективно. В диссертационной работе О.А.Гей черняховское население Причерноморья осторожно сопоставлено с грейтунгами и «соседними скифами» (1985а: 21).

Для времени кануна появления в степях памятников черняховской культуры сведения письменных источников о составе населения Причерноморья связаны исключительно с описанием «скифских» или «готских» войн, длившихся с 232 по 270 гг. Конкретный состав варваров, войны с которыми сотрясали Римскую империю полвека, не всегда был известен современникам этих событий, а у ранневизантийских авторов представления о нем часто корректировались реальным положением вещей в их время. При описании войн с варварами доминирует их определение в качестве скифов, относительно часто упоминаются готы (реже их конкретные племена и объединения). Термин «скиф» оказывается собирательным и выступает в качестве синонима понятиям «варвар», «враг». Часто, но отнюдь не обязательно допускается смешение «гото-скифы». Как тенденция выявляется, что оно наблюдается преимущественно при описании войн Империи с готами в 253-275 гг. и во второй половине IV в., причем в III в. это в основном обитатели Северного Причерноморья, а в IV в. – левобережья Истра (Буданова 1980: 152). В целом же в каждом конкретном случае необходимо уяснение, какие реальные народы обозначены как скифы (Буданова 1980: 149-150). А.М.Ременников, изучая борьбу племен Северного Причерноморья с Римом в III в., не рассматривал этнической структуры этих племен и анализа термина «скифы» не производил (1954). Без специального обоснования он неоднократно упоминает скифо-сарматские войска, скифо-сарматские племена, скифо-сарматский мир, скифо-сарматский флот (1954: 58, 76). Очевидно, исходя из общеисторической ситуации и данных археологии для II-III вв., надо согласиться с его представлением о том, что в объединении различных народов Причерноморья присутствовали реальные сарматы. Подтверждением этого может быть упоминание о них в триумфе Галлиена, посвященном завершению войны 263 г. (Ременников 1954: 105). Этноним же «скифы» остается у него неконкретным.

Употребление в римских и византийских ис-

точниках термина «готы», хотя и соответствует реальной действительности, тем не менее оказывается и очень сложным, и неоднозначным. В.П.Буданова, исследовавшая этот вопрос, пришла к выводу о том, что конкретное содержание этого этнонима часто зависит «от автора, времени и места написания, характера и цели сочинения» (1980: 146). Он может обозначать варваров вообще, может более тесно связываться с разными германскими племенами или же соответствовать именно готам.

В безбрежном море исследований о готах более всего «не повезло» готам Причерноморья в III-IV вв., что особенно затрудняет сопоставление сведений древних авторов с археологическими фактами. Из крайне многочисленных упоминаний готов в связи с войнами варваров с Римом удается отобрать не так много сведений, могущих иметь отношение к Причерноморью. В начале III в. часть готского населения ушла из Повисленья на Дунай и Балканы, минуя Северное Причерноморье, и их историческая судьба с ним не связана. Для нас представляет интерес другая их часть, двинувшаяся через Волынь и Подолию в Приазовье. Иордан сообщает: «Мы читали, что первое расселение (готов) было в скифской земле около Меотийского болота...» (Иордан, 38, 39). С этим согласуется ряд письменных источников, анализ которых позволяет установить, что морские походы на Рим в 156-157 гг. имели своей базой и отправной точкой район Меотиды. Для римлян это было настолько очевидно, что враги, борьбу с которыми император Клавдий поручил Аврелиану, именуются меотийцами. А.М.Ременников полагал, что эти походы были организованы местным населением, а не готами (1954: 91). Однако, В.П.Буданова, привлекая дополнительные источники, показала, что под «скифами» этих походов надо понимать остготов (1982: 168). Таким образом Приазовье оказывается районом стабильного обитания готов в Причерноморье. Часть их могла переместиться в середине III в. из Меотиды в Подунавье (Буданова 1982: 168, 174; 1983: 13). Археологически готы Приазовья пока четко не выделены.

Хотя присутствие готов в Причерноморье от Дона до Дуная представляется очевидным, по древним сочинениям невозможно составить сколько-нибудь конкретное представление об их размещении на этой территории. Население этого района впервые упомянуто у Зосима под названием «соседние скифы» (Ременников 1954: 96). Они оказываются соседними по отношению к «скифам», совершившим два первые морские похода, в которых участвовали бораны и герулы нижнего Подонья. Следовательно, «соседние скифы» должны были обитать к западу от них. Нет никаких данных для определения того, какие народы скрываются под названием «соседние скифы» и можно ли в них видеть готов. Ясно лишь, что к западу от обитателей Приазовья находилось значительное население. А.М.Ременников полагал, что строительство флота для похода 258 г. происходило в устье Днестра (1954: 97).

В.П.Буданова на основании ряда косвенных наблюдений предполагает, что в морском походе варваров 263 г., о котором сообщает только Иордан, участвовало население Западного Причерноморья, в частности готы-грейтунги. В скифах этого похода надо видеть местные причерноморские племена. Если все это реально, то речь может идти об изучаемом нами регионе или его западной части.

У Зосима население Северо-Западного Причерноморья второй раз упоминается в связи с морским походом варваров 268-270 гг. Это был не просто военный поход, а попытка коалиции племен Северного Причерноморья переселиться с семьями и имуществом на территорию Римской империи. Эта коалиция включала певкинов, грейтунгов, австроготов, тервингов, визи, гепидов, герулов и загадочных celtae (Буданова, 1982: 172). Невозможно определить, насколько все эти народы вместе могли быть названы «соседним скифам», но и исключить хотя бы частичное соответствие нельзя: оба события разделены всего 10 годами. Местом подготовки похода, по сообщению Зосима, была Тира, где строились суда и собирались дружины различных племен (Ременников 1954: 129-130). Общее число собравшихся здесь варваров составляло 300-320 тыс. человек (Ременников 1954: 130).

Четких археологических соответствий этим событиям мало. Да и трудно предположить, чтобы от массовых перемещений разных народов могли остаться следы обитания. Если что-то и осталось, то это – следы разрушения и уничтожения. И они действительно есть: Это гибель Ольвии со всеми укреплениями ее периферии, разгром на западе – Тиры, на востоке – Танаиса и прекращение жизни на поселениях поблизости от них.

Характеризуя в целом события середины – второй половины III в., можно констатировать, что в это время в Причерноморье готы были активной военно-политической силой. Центр их обитания находился на Нижнем Дону, у Меотиды. Однако морской поход 269 г. показывает, что они размещались (жили?) по всему Причерноморью. В III в. готы выступают здесь в основном под своим общим названием. Об их делении на остготов и вестготов для этого времени можно говорить лишь условно (Буданова 1982: 156). Кроме того, в Причерноморье обитало и местное население. В Приазовье это были бораны и герулы (гелуры, элуры). Первые представляли собой, скорее всего, скифо-сармато-аланское население (Ременников, 1954). Герулов Приазовья нельзя отождествлять с германским племенем, которое в Причерноморье никогда не появлялось. Стефан Византийский в V в. именует

их народом «скифским» (Скржинская 1960: 266-267, № 370). Исследователи полагают, что они были местного происхождения (Васильев 1921: 266; Шелов, 1972: 303-304). На запад от боранов и герулов находились «соседние скифы», конкретный состав которых, как уже сказано, неясен. В.П.Буданова, исходя из терминологии Зосима, полагает, что они представляли собой коалицию племен. Не известно ни одного письменного сообщения древних авторов, которое бы позволяло отнести их к готам (Буданова 1982: 169). В низовьях Дуная жили певкины. Сарматы во время войн III в. почти полностью исчезли из номенклатуры народов Северного Причерноморья. Слабый отголосок их существования имеется у автора более позднего времени Константина Порфирородного, писавшего в связи с рассматриваемыми событиями о сарматах (савроматах) у Меотийского моря (Васильев 1921: 288).

После окончания скифских войн и наступления мирного периода в Причерноморье резко возрастает количество археологических свидетельств обитания здесь оседлого населения, но и столь же резко сокращаются сведения о нем в древних сочинениях. Эта лакуна приходится как раз на время господства в регионе черняховской культуры. Современники начинают опять интересоваться варварами лишь в последней трети IV в. в связи с новым обострением политической и военной обстановки. Естественно, материалы этого времени попали и в сочинения более поздних авторов. Имеющиеся сведения позволяют наметить схему расселения отдельных групп готов (или того населения, которое по традиции продолжают именовать готами). Еще в начале своего движеия с территории современной Польши на юг готы разделились на два потока, которые, видимо, и легли в основу образования их двух больших групп – вестготов (визиготов) и остготов (остроготов). Существует представление, что их окончательное разделение оформилось к концу IV в. (Буданова 1982: 156).

Параллельно применялись еще два названия – грейтунги и тервинги. Еще недавно грейтунгов отождествляли с остготами. Однако это не всегда верно. В III в. эти племена являются двумя самостоятельными образованиями, которые за время совместных походов и войн могли слиться к середине IV в., когда их отмечает Аммиан Марцеллин (Буданова 1982: 170). Впервые вместе все четыре группы готов упоминаются при описании похода 269 г., но для двух первых представлены древние формы их названий: визи и австроготы. До этого источники именуют готские племена в основном совокупно готами, скифами или гетами.

Имеется мнение, что самостоятельное существование грейтунгов и тервингов оформилось в связи с военными столкновениями в среде варваров (Wolfram 1979: 59, 61). Есть возможность попытаться их локализовать. Этимологически этноним «тервинги» связывают со словом «лес», это племена, обитающие в лесах, «лесовики». Термин «грейтунги» восходит к слову «песок», «глина», они связаны со степью, они «степняки» (Рыбаков 1982: 41). По многим текстам, в которых есть сведения о взаимном размещении разных народов выявляется, что тервинги территориально близки к вестготам, а грейтунги – к остроготам (остготам), то есть первые занимают западную, а вторые – восточную позицию по отношению друг к другу, что вполне увязывается с этимологией их названий. Тервингов исследователи единодушно помещают к западу от Днестра. Х.Вольфрам уточняет: к западу от Верхнего Днестра и низовьев Прута (Wolfram 1979: 59). В то же время на карте он показывает смешанное обитание тервингов и грейтунгов в Буджаке (Wolfram 1979: Karte 3), Молдавская же лесостепь, румынская Молдова и Мунтения обозначены им как зона расселения только тервингов. Грейтунги во время войн III в. локализуются в Северном Причерноморье (Буданова 1982: 170). На Дону они сражаются с аланами и каким-то другим народом (Wolfram 1979: 97-98). На западе они достигли дунайской границы Империи. Известно, что в 280-282 гг. император Проб переселил на римскую территорию во Фракии большое количество варваров, в том числе грейтунгов (SHA, Флавий Вописк Сиракузский, Император Проб, 18). Потом они надолго исчезают из источников. В IV в. о них сообщает Аммиан Марцеллин. В связи с нашествием гуннов он упоминает «аланов, которые сопредельны с грейтунгами» (Аммиан Марцеллин, XXXI, 3, 1). Чрезвычайно важно его сообщение о походе Валента в 365 г. на тервингов во главе с Атанарихом, с которым он воевал уже третий год (Аммиан Марцеллин, XXVII, 5). Из описания военных событий следует, что тервинги размещались к северу от Дуная.

Перейдя Дунай у Новиодунума (современная Исакча), Валент оказался в Буджаке, где у него произошла стычка с грейтунгами. Это сообщение позволяет констатировать, что во второй половине IV в. грейтунги известны к западу от зоны, занятой танаитами в низовьях Дона, до низовьев Дуная. Следовательно, степи Северо-Западного Причерноморья входят в занятую ими территорию.

Валент, продолжая путь на север между озерами Ялпуг и Катлабух и пройдя земли грейтунгов, столкнулся с тервингами, после чего был заключен мир с Атанарихом. Все изложенное свидетельствует, что в низовьях Дуная тервинги обитали севернее грейтунгов. Вопрос об их взаимном размещении на этой территории изучал Р.Вульпе (1969). На основе уточнения перевода Аммиана Марцеллина, он пришел к заключению о возможности отождествления северного Траяного вала с «валом грейтунгов» Аммиана Марцеллина (Аммиан Марцеллин, XXXI,

3, 4-5). В пользу этого отождествления приведены достаточно веские аргументы. Р.Вульпе полагает, что вал не имел исключительно фортификационного назначения и был возведен грейтунгами для демаркации своей территории от земель тервингов. Отметим, что вал проходит по границе степи и лесостепи.

Изложенные наблюдения о местах обитания двух готских племен оказываются сопоставимыми с некоторыми археологическими данными. Тервинги и грейтунги, судя по письменным источникам, должны быть родственными группами населения. Эта родственность археологически проявляется в том, что в степях Причерноморья и Молдавской лесостепи распространены памятники черняховской культуры, обладающие общими ведущими чертами, но распадающиеся соответственно на два локальных варианта: степной и пруто-днестровский. Различие этих двух вариантов наблюдается по ряду признаков и один из них, представляющий наибольший интерес, – это степень присутствия черт вельбаркской, то есть, готской культуры. В степном локальном варианте они наличествуют, – но не являются ведущими на территории от Буга на восток. На запад же до Дуная эти черты почти не фиксируются. На черняховских памятниках молдавской лесостепи вельбаркские признаки обнаружены многократно и на некоторых памятиках весьма значимы. Границей их распространения на юге оказываются пограничье лесостепи и степи, примерно там, где проходит Верхний Траянов вал, то есть вал грейтунгов, если принять интерпретацию Р.Вульпе.

Не рассматривая памятников Молдавии в целом, отметим, что на пограничье степи и лесостепи чрезвычайно показательны поселение и могильник Будешты и могильник Данчены. В Будештах обнаружена усадьба с наземным каркасным домом вельбаркского типа (Щербакова, Чеботаренко 1974: 94, рис. 1), аналогичным дому на вельбаркском поселении Великая Слобода (Козак 1984а: 58, рис. 2). Э.А. Рикман, анализируя материалы раскопок поселения и могильника Будешты, выделил керамические изделия, которые «хорошо сопоставляются с более ранними и позднейшими готскими и восточно-германскими сосудами» (1960а: 212). На могильнике погребения с трупосожжением составляют 36,1 %, при том, что часть их уничтожена распашкой и не вошла в подсчеты. В одном из погребений найдена фибула типа монструозо, который связывают с германскими племенами. Э.А.Рикман пишет, что в Будештах обитало смешанное население, в том числе и готы (1960а: 217). Такую же, если не более яркую, картину дает и могильник Данчены, где выделена группа вельбаркской керамики и многочисленные вещи северо-западного происхождения (Рафалович 1986). Ряд наблюдений дает возможность думать, что этнический состав и история формирования черняховской культуры в Пруто-Днестровском междуречье и степях Причерноморья были во многом различными, исключая одинаково большую роль сармат.

В результате всего изложенного правомерным представляется вопрос, какое место занимало собственно германское пришлое население в среде обитателей Причерноморья, материальная культура которых представляла собой вариант черняховской. В этой зоне вельбаркские, то есть готские, черты локализуются на огромной территории. Но и на ней они рассеяны в инородной среде. Наиболее ярко здесь проявляется сарматское, а затем позднескифское культурное наследие. Явны признаки, генетически восходящие к населению Украинской лесостепи.

Некоторые возможности для изучения поставленного вопроса дают палеоантропологические материалы. Т.С.Кондукторова считает, что в формировании носителей черняховской культуры принимали участие люди двух физических типов. Один из них является позднескифским. Очень выразительны в этом отношении материалы Золотой Балки (Кондукторова 1972: 111; 1979: 67), которые позволяют прямо говорить о генетической связи. «Второй тип, более долихокранный и высокоголовый, такому четкому определению не поддается. Скорее всего, он подходит к автохтонам Украины, поскольку здесь долихокрания широко представлена еще в бронзовом веке. Сарматская примесь наиболее ощутима в северопричерноморской серии» (Кондукторова 1972: 123). В Николаевке Козацкой ранняя серия (позднескифская) и поздняя (черняховская) по морфологическим чертам четких различий не имеют (Кондукторова 1979: 35, 66). Антропологическая серия из могильника Холмское близка материалам Пруто-Днестровского междуречья (Сегеда, Дяченко 1984: 95).Таким образом в степи черняховским оказывается население, сложившееся на местной полиэтничной основе. Носители вельбаркской культуры приняли участие в его формировании, но не были ведущим компонентом ни в количественном, ни в культурном отношении. Антропологические северо-европейские, германские признаки нигде не фиксируются.

Употребление в письменных источниках по отношению к северопонтийскому населению названия готы в значительной мере связано, скорей всего, с политическими событиями. Естественно предположить, что готы за время переселения выработали жесткую военную организацию и потому смогли возглавить часть походов на Рим. Их предводители оказались во главе первых военно-политических объединений, включавших не только готов, но и различное местное население. Кроме того, надо учитывать литературную традицию, довлевшую над позднеантичными авторами. Причерноморское население они традиционно именовали «скифами», хотя и понимали его неоднородность. Его

истинного состава они себе не представляли. Римляне явно знали о существовании пришлого северного населения, отличного от местного, и совокупно именовали его готами. Хотя эти два названия часто путали и переносили на всех варваров, существовало и понимание их различия. В этой связи интересно наблюдение В.П.Будановой на основе текста Поллиона по поводу варварского похода 263 г. о терминологическом противопоставлении «скифов» и «готов». Также и у Зосима они не всегда одно и то же (Буданова 1982: 169). Очевидно, что этноним «готы» утратил в Причерноморье свое первоначальное значение, которое считается применимым для носителей вельбаркско-цецельской культуры. На новой почве он превратился в определенной мере в собирательное обозначение припонтийского варварского населения (Ременников 1954: 9, сн. 3). Однако вряд ли будет исторически оправдано даже в этом собирательном и условном смысле называть носителей черняховской культуры Причерноморья готами.

Ближе к истине как-будто оказывается обозначение грейтунги. Зона их обитания совпадает с ареалом черняховской культуры в степях. Вполне допустимо, что в их состав вошли локализуемые примерно здесь же «соседние скифы». Может быть, именно этим объясняется малое количество вельбаркских черт на черняховских памятниках к западу от Буга. По поводу же их большей выраженности у части черняховского населения лесостепного Пруто-Днестровского междуречья можно высказать гипотезу, безусловно, требующую специальной проверки как на археологических материалах, так и по письменным источникам. На основе рассказа Иордана о событиях, произошедших, когда готы оказались в стране Ойум (Иордан 1960: 27-28), сложилось традиционное представление о том, что в Северном Причерноморье готские племена разделились на две части. Одна – ушла к Меотиде, о другой В.П.Буданова думает, что она направилась на Балканы (1982: 159). Не могло ли это движение на запад пролегать через лесостепь Молдавии и оставить там свой след? В связи с этим особенно интересна ранняя дата начала функционирования могильника Данчены, относящаяся к концу II – первой половине III в. (Щукин 1986: 209) и материалы могильника Ханска-Лутерия (Никулицэ, Рикман 1973).

Важной составной частью истории этнокультурного развития степей Причерноморья является *воздействие* на варварское население *античной цивилизации*. Формы и особенно источники этого влияния различны в первой и второй четверти I тыс., то есть до и после войн середины III в. Первые два с половиной века характеризуются расцветом античных городов и прямым присутствием в регионе римских военных частей. Тира и Ольвия являлись в это время мощными экономическими, политическими и культурными центрами, влияние которых в той или иной мере сказывалось на многих сторонах жизни населения степей. В этой связи целесообразно рассмотреть вопрос о разделенности поздних скифов Причерноморья на три части. Предположить какие-либо природные причины этого явления невозможно. Приходится думать, что оно связано с политической ситуацией в регионе. Угроза со стороны кочевников-сарматов была в первых веках нашей эры постоянной. В степное Правобережье основная масса сарматских племен переправилась в I в. н.э. (Погребова 1958: 236), но жизнь их здесь долгое время оставалась нестабильной. К западу от Днепра постоянного сарматского населения еще не существовало. Нестабильность проявляется в отсутствии сарматских могильников как более или менее устойчивых мест погребения. Пока известны только одиночные захоронения, случайно разбросанные по степи и часто впущенные в более ранние курганы. Исключение — Усть-Каменка-могильник I-II вв. н.э. у переправы на Днепре (Махно 1960а). Вся эта ситуация может свидетельствовать о военных набегах сарматов, о возможности их нашествия из-за Днепра. Кроме того, в Правобережье нестабильность была связана с постоянными передвижениями и набегами различных племен с запада. Показательно, что где-то в I в. до н.э. — I в. н.э. Гавриловское городище было дополнительно укреплено каменной стеной (Погребова 1958: 237). В этих условиях оседлое сельское население находилось постоянно под угрозой грабежа и уничтожения, и у него естественно возникала потребность в постоянной защите.

Поскольку на Днепре эта потребность не была реализована, городища одно за другим запустели. Очагами оседлой сельской жизни стали хора Ольвии и окрестности Тиры. Именно эти античные центры, превращавшиеся к тому же в военно-политический оплот Римской империи в Северном Причерноморье, смогли предоставить своей сельской округе такую защиту.

Вероятно, более старый, изначальный в степи позднескифский очаг на Нижнем Днепре послужил в значительной мере источником населения, передвинувшегося на Бугский и Днестровский лиманы. Можно предположить, что на нижнеднепровских городищах, скованных территориально своими оборонительными укреплениями, возникла перенаселенность, и когда сложилась слишком большая военная угроза, часть населения ушла на новые земли.

Нижнеднепровские городища издавна находились в очень тесных отношениях с Ольвией, полный характер которых пока еще не изучен. Видимо, они были достаточно прочными и многообразными. Так, предполагается участие ольвийских мастеров в возведении фортификационных сооружений и неординарных зданий, проникновение античных навыков в быт поздних скифов. Остатки черепичной кровли на Знаменке говорят сами за себя.

Воздействие Ольвии на нижнеднепровские городища проявлялось в экономической и культурной сфере. Распространение на городищах ольвийской ремесленной продукции, находки ольвийских монет документируют эти связи. Может быть, о прочности отношений, в которых могла быть заинтересована и Ольвия, свидетельствует возникновение позднескифских поселений на Ингульце.

Контакты между сельскими округами Тиры и Ольвии пока не выглядят активными и прочными. Между ними, как представляется, лежит незаселенное пространство от Сосицко-Березенского до Днестровского лимана. Однако некоторые особенности в материальной культуре Роксолан могут указывать на определенные связи с населением ольвийского региона.

Прямая и непосредственная связь поселений ольвийской хоры с Ольвией очевидна, и в ее изучении сделано уже немало. Менее известно взаимоотношение Тиры с ее округой. Возможно, о северных пределах непосредственного влияния Тиры свидетельствует городище римского времени Удобное на северной оконечности Днестровского лимана. На юге владения Тиры простирались до побережья. На это указывают эпиграфические памятники, найденные у с. Беленькое (Блаватская 1981; Карышковский, Клейман 1985: 131). Экономическое воздействие Тиры распространялось на всю Буджакскую степь. Это видно из присутствия на поселениях типа Этулия тирской гончарной керамики. Очевидно, через Тиру попадали к их обитателям и продукты, перевозимые в амфорах – вино и масло. Число обломков амфор в керамическом комплексе поселений весьма значительно.

Для всего позднескифского населения во всех трех очагах его обитания характерна высокая степень эллинизации. Тира и Ольвия были основными торговыми центрами, с которыми оно оказалось связанным. На всех поселениях встречаются вещи античного производства от обломков кухонных кастрюль до высокохудожественных украшений и культовых предметов, сокровенный смысл которых, возможно, и не был понимаем. Можно думать, что в сельской среде жили и потомки эллинов. С.Б.Буйских допускает, что в числе обитателей Козырки были римские ветераны. В целом создается впечатление, что поздние скифы в Причерноморье оказались замкнуты на Тиру и Ольвию и в экономическом, и в культурном, а может быть, и в политическом отношении.

Существование поздних скифов как этнокультурной единицы заканчивается в период войн варваров с Римом в III в. Видимо, они физически не исчезают, а входят в число носителей черняховской культуры, передав ей частично свои особенности.

Датировка этулийских памятников с рубежа II-III в. свидетельствует об их своеобразной исторической судьбе в Причерноморье. Оказывается, что, появившись на юге до готских войн, они пережили в Буджаке этот исторический стресс и уже в следующем периоде оказались в орбите влияния черняховских племен. В их истории чувствуется какой-то необычный консерватизм. В лесостепи, где была родина венедов-этулийцев, они обитали изначально, они не вступили в контакт с вельбаркскими племенами и ушли из родных мест. Очутившись в Буджаке они, видимо, не приняли активного участия в войнах с Римом и тем сохранили себя как этнокультурную единицу. Подпав под влияние более развитого черняховского населения, они однако не растворились в нем полностью и дожили до гуннского нашествия. Их следы надо искать на дорогах Великого переселения народов.

В первых десятилетиях III в. венеды в Буджаке, естественно, оказались втянутыми в существовавшую здесь хозяйственную систему с центром в Тире. Кардинального перелома в образе их жизни и облике материальной культуры это не вызвало, но то, что они включились в местный обмен, — очевидно. Об этом свидетельствует найденная на этулийских памятниках сероглиняная посуда, производившаяся городскими гончарами, обломки красноглиняной и краснолаковой керамики и амфор. Хронологическое разнообразие медных римских монет свидетельствует о существовании внутреннего обмена на протяжении всего III в.Сейчас еще нельзя определить, под влиянием каких гончаров, античных или черняховских, венедские горшечники начали осваивать гончарный круг и горновой обжиг посуды. Важен даже не источник заимствования. Начало освоения гончарного круга знаменует внутренние экономические (а значит, и социальные) сдвиги внутри общества, где этот процесс начинается. Одного лишь знакомства с профессиональным гончарством и употребления «чужой» гончарной посуды, приобретенной на стороне, недостаточно для освоения гончарного круга. Сошлемся в этом на поздних скифов на Нижнем Днепре и в Крыму, которые так и не освоили гончарного круга.

Судить о взаимоотношениях венедов с сарматами практически пока невозможно, так как для этого нет никаких материалов. Очевидно, сам факт сохранения сравнительно небольшой группы оседлого населения в окружении кочевников на протяжении III и половины IV в. свидетельствует о лояльном характере этих отношений. Около середины IV в. соседи венедов в Буджаке изменились, ими стали черняховские племена. Для венедов в этом не было ничего принципиально нового, и потрясения эта смена не вызвала. Дело в том, что в Молдавской лесостепи венеды еще раньше соседствовали с черняховским населением. Венедские и черняховские памятники в междуречье Днестра и Прута в основном синхронны и расположены вперемежку. В Буджаке венеды были частично ассимилированы черняховцами. Этот вопрос

уже рассматривался в главе, посвященной черняховской культуре.

Подпадение Тиры и Ольвии под власть Рима привело к возникновению в Северном Причерноморье зоны, аналогичной прилимесной в Южной и Западной Европе. Хотя римское господство в Северо-Западном Причерноморье носило по преимуществу военно-политический характер, тем не менее появление римских опорных пунктов и дорог не могло не оказать воздействия на развитие региона. Кроме Тиры, местами римского военного присутствия были укрепление у Орловки-Картала (Головкои др. 1965), возле с. Новосельское (Ioniță 1982: 33). Еще один, вероятно, такой же пункт был возле г. Измаила (Ioniță 1982: 34). Из всех этих мест происходят фрагменты римских посвятительных надписей и надгробий (Ioniță 1982: 33-34; Карышковский, Кожокару 1992). К Тире из Дакии по крайнему югу Буджака вела сухопутная дорога, которая, огибая с севера Днестровский лиман, шла далее к Ольвии. Ряд авторов рассматривает Нижний Траянов вал как признак господства Рима на юге Буджака. Все это способствовало экономической эксплуатации территории Северо-Западного Причерноморья Римской империей (Карышковский, Клейман 1985: 96-97). Обнаружение на этулийских поселениях медных римских монет является признаком определенного уровня развития внутренних торговых отношений.

В период войн середины III в. рухнуло римское господство в Северо-Западном Причерноморье. Были разгромлены Ольвия и Тира. На востоке в 40-х годах погиб Танаис, чему предшествовало его поспешное укрепление (Шелов 1972: 300-304). Конец его жизни исследователи связывают с появлением в Приазовье готов и объединившихся с ними местных племен (Гайдукевич 1949: 443; Шелов 1975: 140-141). Одновременно прекращается жизнь на нижнедонских городищах. Не позднее 235 г. ввиду крайних экономических и, надо думать, политических затруднений прекратила чеканку своей монеты Ольвия. Это еще не был конец жизни города: в 248 г. в нем находился римский гарнизон (Гайдукевич 1949б: 44). Но вскоре погибли укрепления хоры. Раскопки на городище Золотой Мыс показали, что это произошло в начале последней трети III в. (Гороховский и др. 1985: 36). Видимо, этим же временем надо датировать запустение Козырки. Одновременное прекращение функционирования укреплений хоры – признак крупного военно-политического катаклизма, обрушившегося на Ольвию.

Точная дата разгрома Тиры неизвестна, но сам разгром четко засвидетельствован археологически (Фурманская 1975). Жилые кварталы II-III вв. погибли в огне пожара. П.О.Карышковский и И.Б.Клейман, проанализировав всю сумму археологических данных, пришли к выводу о том, что город был разгромлен варварами в 50-60-х годах III в. (1985: 135). На поселениях Молога, Веселое и Роксоланы следов разгрома нет, но их жизнь прекращается тоже около середины III в. Возможно, слабым отголоском этих событий являются недостроенные склепы на могильнике Никония. В то же время гибнет в пожаре римское укрепление у с. Орловка, которое более не восстанавливалось (Бондарь 1973: 155). В настоящее время нельзя четко определить, что представляла собой Тира после готского разгрома. Жизнь здесь восстановилась еще во второй половине III в. и продолжалась в IV в. (Кравченко, Корпусова 1975; Гудкова и др. 1979; Карышковский, Клейман 1985: 1535-139). Однако фортификационные сооружения цитадели, строения римского гарнизона не были восстановлены. Поверх них возникли жилые сооружения. Новая застройка не имела четкого плана. Дома возникали там, где это было удобно на развалинах. Важные сведения об этом периоде дали раскопки «послеготского дома», в котором в результате его неожиданной гибели сохранился закрытый комплекс находок. Планировка этого дома имеет основные признаки античного безордерного жилища, но схема его нетипична. Кровля не черепичная, а камышовая с глиняной обмазкой. Дом возведен из плохо обработанного камня-плитняка. Качество кладок низкое. Их система приближается к иррегулярной. Комплекс находок из «послеготского дома» содержит вещи и керамику второй половины III-IV вв. Так же датируется несколько других сооружений. Местами зафиксирован культурный слой этого времени. Все материалы последнего этапа жизни Тиры свидетельствуют о существенном изменении облика материальной культуры, экономики и связей. Нет никаких данных о восстановлении власти Рима и присутствии гарнизона. Происходит общая рустификация и отход от античных традиций во всех формах жизни и натурализация хозяйства. Не засвидетельствовано находок бронзовых монет Константина и его династии. Римская монета проникала в Пруто-Днестровское междуречье, минуя Тиру. Вокруг Тиры нет поселений, явно связанных с ней.

При сравнительном анализе сероглиняной керамики черняховских поселений и Тиры было выявлено присутствие в Тире некоторых форм посуды черняховского облика. Это явление нельзя истолковать однозначно, поскольку стратиграфическое положение соответствующих находок в большинстве случаев неопределенно: они происходят из смешанных слоев. Однако есть ряд закрытых комплексов времени после разгрома, в которых такой материал присутствует. Это «послеготский дом» (Кравченко, Корпусова 1975), некоторые сильно разрушенные строения (Карышковский, Клейман 1985: 137) и несколько поздних ям (Фурманская 1979: 17). В то же время не известно закрытых комплексов до разгрома города, в которых бы присутствова-

ла керамика черняховского облика. Таким образом, можно думать, что она появилась в Тире в позднейший период ее существования в связи с появлением в числе обитателей города носителей черняховской культуры (Археология УССР 1986, т. 2: 332). Однако при оценке всех этих явлений надо солидаризироваться с П.О.Карышковским и И.Б.Клейманом, возражающими против мысли о том, что Тира оказалась «включенной в систему экономических связей племенного союза с высоко развитой дифференциацией общественного производства» (Кравченко, Корпусова 1975: 42). Прекращение жизни Тиры произошло внезапно во второй половине IV в. Последняя датированая находка на городище – монета Валентиниана, правившего в 364-375 гг. (Карышковский, Клейман 1985: 139).

В недавнее время начал изучаться позднейший античный слой Ольвии последней четверти III — первой половины-третьей четверти IV в. (Крапивина 1993: 155-157). Облик города в это время оставался античным. Пока еще не ясен характер взаимоотношений его обитателей с черняховскими племенами. Хора во время «готских» войн перестала существовать, и на ее территории появились черняховские поселения. Однако сама Ольвия не была занята носителями черняховской культуры. Пока, как и в отношении Тиры, по мнению В.В.Крапивиной, нет оснований говорить о том, что «...Ольвия и черняховские поселения составляли единый экономический союз» (1993: 156).

Таким образом, общее состояние античных городов Северного Причерноморья после войн III в. оказывается в целом весьма плачевным. Они перестали быть крупными экономическими и культурными центрами и в таком качестве не сосуществовали с черняховской культурой в степном регионе во второй половине III-IV вв. Механизм же передачи культурного наследия северопонтийских городов в черняховкую культуру не был прямым и непосредственным. Одним из каналов такой передачи могло быть эллинизированное позднескифское население Причерноморья, вошедшее в состав носителей черняховской культуры в степной зоне. Интересная мысль о том, что часть населения разгромленных городов осела в черняховской среде, принеся с собой свои культурные навыки (Магомедов 1985), требует дальнейшей разработки на конкретном материале.

Время прекращения существования черняховской культуры в степях по археологическим данным может быть отнесено к концу IV-началу V в., поскольку в могильниках в самых поздних комплексах представлены вещи, датирующиеся этим временем. Однако это определение требует оценки в историческом аспекте. Наблюдения над монетными находками римского времени в Буджаке позволяют считать, что в V в. здесь постоянного населения не было. На поселении Холмское III найден клад из 93 однотипных серебряных монет императора Констанция II (337-361). Время их эмиссии – 354 г. (Гудкова, Столярик 1985: 80). Монеты почти не находились в обращении. Клад знаменует момент гибели поселения и был зарыт немного времени спустя после выпуска монет. В междуречье Прута и Днестра поселение у с. Холмское не единственное, предел существования которого определяется подобными кладами. В 1951 г. на черняховском поселении у с. Будеи (Оргеевский р-н Молдавии) найден клад из 126 серебряных монет Констанция II (Нудельман, Рикман 1956: 143-147). Подобный клад из 21 серебряной монеты обнаружен в 1973 году на распаханном черняховском поселении возле г. Кишинева (Нудельман 1974: 191, № 8). Клад мелких бронзовых монет, включающий монеты Констанция II и датирующийся наиболее поздней монетой Юлиана II (361-363 гг.), происходит с черняховского поселения у с. Лукашевка (Оргеевский р-н) (Нудельман 1976: 53, № 6). Время правления Константина I и его преемников широко представлено монетными находками в Нижнем Подунавье. Это бронзовые и медные монеты Констанция II, обнаруженные в окрестностях г. Измаила (Карышковсий 1976: 174, № 4, 2) и г. Килии (Кропоткин 1966: 89, № 92/1813), бронзовая монета с римского укрепления у с. Орловка Одесской обл. (Бондарь, Булатович 1982: 160, № 27). Девять монет императора Константина I и его сыновей найдены в Болградском р-не Одесской обл. в заполнении южного рва Нижнего Траянова вала (Федоров, 1960: 180.). Среди единичных находок в этом районе зарегистрирована медная монете Констанция II (Карышковский 1963: 62, № 3). В Придунайской степи, в частности в Саратском (Кропоткин 1961: 70, №765) и Татарбунарском (Карышковский 1976: 174, № 7) районах Одесской области и в Вулканештском районе Молдавии (Кропоткин 1966: 95, № 174) так же зарегистрированы отдельные экземпляры монет Констанция II. Следует отметить, что среди единичных монетных находок IV в. – 42,2 % приходится на монеты Констанция II (Нудельман, 1982: 131, 132). После третьей четверти IV в. в Буджаке наступает безмонетный период. В сопоставлении со временем образования кладов такое явление, несомненно, указывает на крупный военно-политический катаклизм, в результате которого прекратилась жизнь черняховских поселений и вообще исчезло оседлое население в этом районе. Таковым могло быть гуннское нашествие. Изложенное явно противоречит утверждению В.П.Петрова, который, опираясь на сведения Иордана, полагал, что «гуннское вторжение ограничилось в 375 г. непосредственно Крымом» и не привело к уничтожению черняховской культуры (1970: 69). Если в лесостепи, и особенно в ее северной зоне, часть черняховских поселений пережила гуннское время (Баран 1981: 146-151), то в причерноморских степях после гуннского нашествия оседлого населения не сохранилось.

* * *

Попытаемся конспективно охарактеризовать исторический процесс, происходивший в Северо-Западном Причерноморье в I-IV вв. н.э. Изучение исторических источников и их сопоставление со сведениями древних авторов позволяет составить более или менее связную картину исторического развития региона. Оно непосредственно связано с процессами, протекавшими во всей Восточной Европе. История ее центра и юга в последних веках до нашей эры характеризуется сложением новой этно-культурной ситуации. В это время закрепляются изменения, произошедшие в III – начале II в. до н.э. На огромной территории от Балтийского моря до Черного и от Вислы до Дона складывается та картина, которая отражена для конца II-I вв. до н.э. в этнокарте Страбона. Возникает новое историко-географическое понятие «Европейская Сарматия». Мир кочевых скифов был разгромлен вторгшимися из-за Дона сарматами. В начале нашей эры они появляются в низовьях Дуная, где их знают Овидий и Плиний.

В Восточной Европе сформировались крупные массивы населения, известные почти исключительно по археологическим данным как носители культур пшеворской, оксывской, зарубинецкой и поянешть-лукашевской. В сложении облика большинства из них заметную роль сыграло продвижение на восток кельтов, затухающее к рубежу нашей эры. С этого времени начинают разворачиваться большие культурные и этнические изменения, которые предваряют (и в известной степени подготавливают) великое переселение народов и выход на историческую арену славян. Вторжение сарматов в причерноморские степи и лесостепь Восточной Европы привело к большим изменениям. После крушения Великой Скифии кочевники-скифы отступили в Крым и за Дунай, а значительная часть оседлого населения сохранилась в местах своего обитания и продолжала играть в первых веках нешй эры важную роль в жизни Причерноморья. Превращение поселений на Нижнем Днепре в цепь крупных укреплений, представлявших, скорей всего, единую систему, позволило позднескифскому населению длительное время выдерживать сарматское окружение и продлить свое существование как этнокультурного единства на полтысячи лет.

О драматизме и упорстве борьбы свидетельствует неодновременность гибели городищ. Первыми прекращают свое существование северные, в то время как южные – доживают до первой половины II в. Видимо, часть позднескифского населения аккумулировалась под защитой Ольвийского государства на поселениях его хоры и на сельской округе Тиры. Возле Ольвии в I в. до н.э. возникают укрепленные поселения, в материальной культуре которых выражены позднескифские признаки. Другая часть скифов, видимо, совсем ушла с насиженных мест. На это указывает появление скифских материалов и погребений на зарубинецких поселениях и могильниках. Если самая ранняя волна сарматов не оставила почти никаких следов в степи к западу от Днепра и известна в основном на Дунае, то уже в I-II вв. сарматы освоили эту территорию. Элементы сарматской материальной культуры проникли в античные города и поселения. Сарматы становятся частью местного населения. Эпизодическое проникновение сарматов на Правобережье Среднего Днепра началось, очевидно, еще до нашей эры, но в массе их памятники здесь появились в I в. н.э. Прямым следствием вторжения сарматов оказалось исчезновение в Среднем Поднепровье зарубинецких поселений.

Одновременно в раннеримское время начинается движение носителей пшеворской культуры из Верхнего Поднестровья и Западного Побужья на юг, юго-восток и восток до Днепра. Прекращение существования зарубинецкой группы в Припятском Полесье привело к расселению зарубинецких племен в Западную Волынь и Подолию. В результате всех этих миграций происходило перемещение населения на огромных территориях. Археологическим следствием этого явилось возникновение сплава культур пришельцев и аборигенов. «Мода» на отдельные вещи распространилась вне связи с культурной средой, их породившей. Возникли памятники с синкретическим обликом культуры. Таковы древности зубрицкой культуры (более раннее название – волыно-подольский вариант), типа Грини-Вовки. Возникшая со второй половины II в. тенденция унификации культуры в зарубинецко-пшеворском регионе была нарушена появлением на Волыни носителей вельбаркской культуры. Произошло становление новых образований – черняховской культуры на базе позднезарубинецких, пшеворских, липицких компонентов, киевской культуры на основе позднезарубинецких, пшеворских и юхновских. Во второй четверти I тыс. все эти явления оказали воздействие на исторические судьбы населения степного Причерноморья. Крупнейшим фактором в его истории была также Римская империя. В 70-х годах до н.э. римские легионы появились и очень быстро утвердились на Нижнем Дунае. Во II в. южная часть Причерноморья оказалась под прямым военным контролем Рима.

В первой четверти I тыс н.э. степи между Днестром и Днепром представляли собой часть позднескифского мира, сохранившегося после крушения Великой Скифии также и в Крыму. Обитавшее здесь оседлое позднескифское население не представляло собой полного этнокультурного единства. Отдельные его территориальные группы заметно отличались этнографически. Взаимоотношения поздних скифов с кочевниками-сарматами носили сложный, часто далеко не мирный характер, хотя отмечает-

ся взаимопроникновение культур. Однако состояние источников не позволяет говорить о слиянии двух этнокультурных массивов и массовой седентеризации сарматов. В этом процессе надо учитывать два направления, значительно различающиеся по сути: проникновение сарматов в города и превращение их в земледельцев. Первый аспект нами не рассматривается. Для изучения второго – археологических данных на сегодня почти нет. Возможно, малое количество сарматских памятников в междуречье Днепра и Днестра указывает на то, что сарматское население не было здесь многочисленным. Основная масса номадов могла аккумулироваться на западе степей, упираясь здесь в Карпаты и Нижнедунайский лимес.

Не вызывает сомнения, что для восточной части изучаемого региона экономическим, культурным и политическим центром была Ольвия и взаимоотношения с нею имели для всего населения этой зоны очень большое значение.

В Буджаке оседлого населения не было. Этой общей картины не нарушает существование на западном берегу Днестровского лимана позднескифских поселений. В степи же известны только погребения сарматов. Захоронения I-II вв., впущенные в насыпи курганов первобытной эпохи, обычно единичны, разбросаны по степи и редко образуют могильники. Иной облик у памятников II-III вв., которые представляют собой значительные могильники со сложными формами погребального обряда и признаками социальной и имущественной дифференциации. Появляются сарматские курганы, ранее здесь практически не известные.

В начале III в., – точнее пока определить нельзя, – в междуречье Прута, Днестра и Дуная появляются венеды (этулийцы). Своим происхождением, традициями материальной и духовной, судя по погребальному обряду, культуры они связаны с той частью правобережной Украины, где в первых веках нашей эры происходило сложение памятников зубрицкой культуры и киевской культуры. Перемещение на юг части обитателей этой зоны, вероятно, связано с теми подвижками обитателей лесостепи, которые были вызваны появлением в конце II – начале III в. на Волыни носителей вельбаркской культуры. Памятники типа Этулия довольно пестры по деталям своих культурных характеристик, но присутствия вельбаркских черт на них не установлено. Ряд признаков указывает, что в среде этулийского населения происходили процессы, аналогичные тем, которые привели к образованию киевской культуры. Масштабы этих явлений мы не сравниваем. Видимо, оно включало и часть тех племен, основной массив которых создал позднее пражскую культуру. Сопоставление результатов археологических исследований и сведений Певтингеровых таблиц позволяет видеть в обитателях этулийских поселений группу венедов III-IV вв. в низовьях Дуная.

Следует особо отметить, что население Буджакской степи в конце II-IV вв. н.э. было очень неоднородным. Еще ждут изучения и интерпретации памятники, которые пока не могут быть безоговорочно отнесены к этулийским и не являются черняховскими. Не исключено, что при дальнейшем изучении и сами этулийские древности удастся разделить на группы с разными нюансами культурных черт. На это может указывать неоднородность керамического комплекса разных поселений и разнообразие форм жилищ. Культурная пестрота представляется вполне естественной для периода перемещения больших масс населения. Можно ожидать и выявление хронологической последовательности групп этулийских древностей.

В настоящей работе делается попытка развернутого анализа памятников типа Этулия. Изучение далеко не всех аспектов их генезиса и существования достаточно обеспечено археологическими материалами. Поэтому многие из высказанных суждений могут быть проблематичны и даже спорны. Они, безусловно, требуют дальнейшей разработки. Однако не вызывает сомнения и то, что эти памятники представляют собой явление, которое нельзя недооценить. Без его учета и интерпретации в настоящее время уже нельзя рассматривать культурные и этнические процессы в регионе.

Судя по массовости сарматских и этулийских памятников, в Буджаке возник плотный массив населения, находившийся во внутреннем равновесии и потому обладавший определенной устойчивостью. Элементом этого массива была Тира, оказавшаяся для этого района важным экономическим и культурным центром. Ее роль в качестве проводника римского влияния подкреплялась существованием на левом берегу Дуная в его низовьях военных опорных пунктов Римской империи и тем, что через Буджак проходила римская военная дорога. В число названных явлений, скорей всего, должен быть включен и южный Траянов Вал. Реальных данных о политической роли Тиры нет, но она, безусловно, была немалой.

Таким образом история восточной и западной части региона на первом этапе его развития в первой четверти I тыс. н.э. шла сходным образом по пути развития оседлого населения и его сосуществования, мирного и не мирного, с сарматами, при наличии крупного античного центра в каждом районе. Различие заключалось в этнокультурном составе земледельцев и, возможно, большем количестве номадов в Буджаке.

В конце II – начале III в. в Прибалтике и центральной части Восточной Европы произошли события, отразившиеся позднее на истории Причерноморья. Двинулись на юг готы. Их взаимодействие по пути следования с различным местным населением могло быть разным, но неминуемо сопровождалось в большей или меньшей мере интеграцией носителей различных культур. В своем движении готы увлекли часть пшеворского населения. Это явление

было достаточно масштабным, поскольку пшеворские признаки видны в особенностях жилища, составе керамики и в погребальном обряде. Вельбаркско-цецельские памятники на Волыни появились уже с элементами пшеворской культуры. Показательно существование помимо собственно вельбаркских памятников (Любомль, Могиляны-Хмельник, Боратин I, поселения верховьев Ю.Буга и др.) и таких, в материалах которых сочетаются черты культуры пришельцев и черняховской (Великая Слобода II, Лепесовка, Викнины Великие и др.), уже существовавшей у местного населения лесостепи Днестро-Днепровского междуречья и верховьев Днестра и Западного Буга. Видимо, интеграция и смешение готов с местным населением по мере движения на юг были настолько сильными, что, хотя вельбаркская культура доживает до начала IV в., на юге в степи нет собственно вельбаркских памятников. Здесь элементы этой культуры присутствуют на части черняховских памятников, которые расположены по Бугу и в степном Поднепровье. Это отражает движение готов с северо-запада на юго-восток к Меотиде. Вместе с готами, а возможно, и независимо от них, на юге появляется и население, обитавшее в лесостепи Правобережной Украины. В Прутско-Днестровское междуречье готы попали, скорей всего, через средний Днестр, где известны их поселения (например, Великая Слобода), отсутствующие в его верховьях.

Итак, с 30-х годов III в. в Причерноморье появляется значительная масса пришлого населения, известного под общим названием «готы». Их переселение было составной частью сложного процесса внутреннего развития мира варварских племен, приведшего к их движению на юг и столкновению с Римом. Другая сторона возникшей исторической ситуации – глубокий социально-экономичкский кризис Римской империи. Начался второй этап развития региона, представляющий собой полувековой период войн, в которые было втянуто все население Причерноморья. В результате в его развитии произошли кардинальные изменения.

Вторжение готов нарушило ход жизни поздних скифов. Они исчезли как самостоятельное этнокультурное явление. Но, по крайней мере, часть их сохранилась физически и оказалась передатчиком культурной традиции в новых условиях и хранителем антропологического типа. Нет основания предполагать полное исчезновение сарматов только на том основании, что они не упоминаются в источниках. Присутствие в черняховской культуре юга мощного пласта сарматских традиций свидетельствует о противоположном. Плотная заселенность Причерноморья явилась причиной того, что готы не образовали здесь не только обособленного вельбаркско-пшеворского массива, но и не смогли создать отдельных поселений. В Буджакской степи вообще не наблюдается их расселения. Очевидно, здесь имело место такое же явление, как и в верховьях Днестра, куда носители вельбаркской культуры не проникли из-за высокой плотности местного населения. Готы появились в лесостепном междуречье Днестра и Прута, где обитали кочевники-сарматы, но пока ничего не известно о существовании здесь значительного оседлого населения первых веков нашей эры. В Северо-Западном Причерноморье собственно готы как вельбарцы не стали ведущим этно-культурным компонентом. Судя по данным археологии, в состав «соседних скифов» и «грейтунгов» входило большое количество неготского в прямом этническом смысле населения. Сохранение же готских этнонимов, скорей всего, объясняется политической ролью пришельцев, обладавших сложившейся во время переселений военно-потестарной организацией, которая смогла обеспечить им руководящую роль в войнах с Римом.

Важнейшим следствием напора варваров оказалось уничтожение Ольвии и Тиры. Хотя жизнь в Тире и продолжалась в последующее время, она уже не играла роли античного города для окружающего варварского населения. Ольвия, хотя и восстановилась как античный населенный пункт, прежнего своего значения и влияния тоже уже не имела.

В среде многокомпонентного варварского населения в период войн приобрел свои характерные черты степной вариант черняховской культуры. Ее суперстратом здесь были сарматы и поздние скифы, интегрировавшиеся с пришельцами, уже весьма синкретическими к этому времени. Степной вариант черняховской культуры в своих особенностях является продолжением и развитием совокупного культурного наследия всех этих племен и народов, а не одного какого-либо компонента. Этот процесс мы понимаем как суперстратный и полагаем, что он протекал в среде носителей уже сложившейся черняховской культуры, распространившейся на юг из лесостепи. Трудно оценить значение каждого из названных компонентов. Ясно лишь, что собственно готский (германский) не был здесь в сфере материальной культуры ведущим. Широкое распространение элементов провинциально-римской культуры играло роль объединяющего и нивелирующего начала. Истоки ее распространения в среде черняховского населения степей многообразны. Причерноморская античная традиция в определенной мере была сохранена позднескифским населением, отдельные группы которого обладали довольно высокой степенью эллинизации. Роль сарматов в этом отношении значительно меньше, но и в их быт в предшествующее время проникали античные влияния. Кроме того, весь конгломерат причерноморских варваров за время «скифских» войн в течение почти полувека, что равно жизни двух поколений, постоянно сталкивался с бытом населения римских провинций, со всей совокупностью материального воплощения античной цивилизации. Все это привело к

сложению единства материальной культуры. Однако абсолютизировать степень этого единства не следует.

В последних десятилетиях III в. и в IV в. вплоть до появления гуннов происходит мирное развитие и расцвет черняховской культуры, характеризующие третий этап эволюции региона. Возможно, – но это только лишь предположение, – именно черняховское население степей Северо-Западного Причерноморья античные авторы знали под именем грейтунгов. Степные черняховские памятники представляют собой вариант культуры, особенности которого определяются структурой ее местного суперстрата. Вариант распадается на территориальные группы, которым свойственно определенное своеобразие. Обособляется Буджакская группа. От нее отличаются памятники междуречья Днестра и Буга. Вероятно, в междуречье Днепра и Буга существовала третья территориальная группа, и в нее входят памятники Побужья. Совершенно очевидно отличие степного варианта от древностей Молдавской лесостепи.

Около середины IV в. в Буджакской степи исчезают памятники алан, и район заселяют черняховские племена, пришедшие из степей к востоку от Днестра и из лесостепной Молдавии. Трудно не поставить эти два события во взаимосвязь. Характер могильника в Беленьком, материалы поселения Дракуля позволяют предположить, что часть алан влилась в черняховское население Буджака. Нельзя исключить однако, что другая часть алан ушла с этой территории. Этулийское же население постепенно ассимилировалось черняховским. Отсутствие черт вельбаркской культуры, возможно, свидетельствует о том, что к этому времени они в значительной мере уже изжились. Черняховское население степей не является прямым продолжением готов. В этом отношении чрезвычайно показательно, что засвидетельствованное источниками существование топонима «Готия» на восточном берегу Черного моря, в Крыму и в Добрудже, связано с районами, не входившими в ареал черняховской культуры. Может быть, это указывает на то, что были готы, которые не вошли в черняховскую культуру, и именно они и воспринимались как собственно готы.

Для изучения формирования степного варианта черняховской культуры актуален вопрос о роли в его суперстрате гето-дакийского населения. В первой четверти тысячелетия, то есть до периода готских (скифских) войн, в Тире, в Ольвии и на позднескифских поселениях и городищах была довольно широко распространена керамика фракийского происхождения и фиксируется ряд элементов духовной культуры (в материальном воплощении, конечно) того же происхождения. Распространение фракийских материалов в Причерноморье в это время традиционно связывают с походом Буребисты. Надо отметить, что отдельных гето-дакийских поселений нигде, кроме Орловки на Дунае, не известно. Даже в Буджаке соответствующие древности отсутствуют. Ко второй четверти тысячелетия происходит затухание этого явления. Во время существования черняховской культуры выразительные гето-дакийские материалы нигде не известны. Очевидно, прямой связи с дакийским миром через Буджак не было. В суперстрате степного варианта черняховской культуры, в отличие от культуры Сынтана де Муреш, дакийский элемент практически не фиксируется. Еще раз поясним нашу мысль. Речь идет не о тех фракийских элементах (мы их называет субстратными), которые вошли в черняховскую культуру во время ее сложения в лесостепи. Здесь рассматривается вторичное суперстратное появление фракийских признаков в эпоху стабилизации культуры в пределах ее степного варианта.

Сосуществование на черняховских могильниках Причерноморья разных форм погребений показывает, что полного слияния и нивелировки компонентов культуры не произошло. Очевидно, в одних и тех же поселениях жили люди, еще осознававшие особенности своего происхождения и имевшие свои традиции. Возможность существования селищ со смешанным составом обитателей фиксируется и по материалам Пруто-Днестровского междуречья. Таким образом, выработка полного единства черняховского населения еще не состоялась.

Процесс развития этого единства был насильственно прерван вторжением гуннов. Вся историческая ситуация позволяет думать, что именно гунны в конце IV в. смели земледельческое население степей.

Проведенное в настоящей работе изучение основных этапов развития и поворотных моментов в истории оседлого населения степи юга Украины представляет собой попытку восстановления общего характера и направления исторического развития этого региона и может послужить базой для дальнейшего изучения восточновропейского населения, непосредственно подтачивавшего Римскую империю и участвовавшего в ее уничтожении.

ЛИТЕРАТУРА

Абашина Н.С., Гороховский Е.Л. 1975. Кераміка піздньозарубинецького поселення Обухів III. // Археологія. Т.18. С. 61-71.

Абикулова М.И., Былкова В.П. 1985. Исследования городища Золотой Мыс // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино. 1985. С. 5-6

Абрамова М.П. 1961. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н.э. — I в. н.э. // СА. №1. С. 91-110.

Абрамова М.П. 1962. Взаимоотношения сарматов и населения позднескифских городищ Нижнего Днепра // МИА. №115. С. 274-283.

Айбабин А.И. 1984. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского времени // СА. №1. С. 104-122.

Алексеева Е.М. 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г. 1-12. 104 с.

Амброз А.К. 1966. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ Вып. Д. 1-30. 112с.

Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. №2. С. 96-123.

Аммиан Марцеллин. 1908. История. Перев. с латинск. Ю. Кулаковского и А. Сонни. К. 293 с.

Арсеньева Т.М. 1965. Лепная керамика Танаиса // ДНД. М. С. 180-185.

Арсеньева Т.М. 1969. Лепная керамика Танаиса // Античные древности Подонья-Приазовья. М. С. 173-285.

Арсеньева Т.М. 1970. Могильник у деревни Новоотрадное // МИА. №155. С. 82-149.

Арсеньева Т.М. 1977. Комплекс краснолаковых сосудов II в. н.э. из Танаиса // История и культура античного мира. М. С. 13-16.

Арсеньева Т.М. 1977. Некрополь Танаиса. М. 152 с.

Археология Украинской ССР 1986. К. Т.2. 592 с.

Археология Украинской ССР 1986. К. Т.3. 576 с.

Археологія Української РСР 1971. К. Т.2. 502 с.

Археологія Української РСР 1975. Ранньослав'янський та давньоруський періоди. К. Т.3. 502 с.

Бабенчиков В.П. 1957. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. Вып. 1. С. 94-141.

Бабенчиков В.П. 1963. Чорнорічанський могильник // АН УРСР. Т. XIII С.90-122.

Бажан И.А., Гей О.А. 1992. Относительная хронология могильников черняховской культуры // Проблемы хронологии латена и римского времени. СПб. С. 122-257.

Баран В.Д. 1961. До питання про ліпну кераміку культури полів поховань черняхівського типу у межиріччі Дністра і Західного Бугу // МДАПВ. К. Вип. 3. С. 77-87.

Баран В.Д. 1970. Етнокультурні процеси у межиріччі Дніпра і Вісли в першій половині I тис. н.е. у світлі археологічних досліджінь // УІЖ. №10 С. 44-51.

Баран В.Д. 1971. Поселення черняхівського типу поблизу с. Дем'янів у Верхньому Подністров'ї // Археологія. Т.І. С. 103-113.

Баран В.Д. 1974. Пам'ятки черняхівського типу на території Західної Волині та Верхнього Подністров'я (Історія вивчення) // Археологія. Т. 14. С.14-25.

Баран В.Д. 1976. До питання про підгрунтя черняхівської культури // Дослідження з слов'янсько-руської археології. К. С. 49-64.

Баран В.Д. 1978. Славяне в середине I тысячелетия н.э. // Проблемы этногенеза славян. К. С. 5-56.

Баран В.Д. 1981. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. К. 263 с.

Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В. 1990. Черняховская культура и готская проблема. // Славяне и Русь (в западной историографии). К. С. 30-78.

Барцева Т.Б., Вознесенская Т.А., Черных Е.Н. 1972. Металл черняховской культуры. М. 118с.

Бейлекчи В.С. 1973. Полевой отчет о новостроечных работах в Суворовском районе МССР в 1973г. // НА ОЭИ АН МССР

Белановська Т.Д. 1960. Розкопки поселення перших століть нашої ери в с. Дудчанах // АП УРСР. Т. IX. С.210-214.

Белогорский А.А. 1965. Материалы обследования погребения черняховского времени II-III вв. н.э. в с. Васильевка Фрунзенского района Одесской области (1965 г.) // Архив ОАМ. №84159.

Берлизов Н.Е. 1990. О соотношении позднескифских городищ и катакомбных могильников Нижнего Днепра // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в. н.э.) Тезисы междунар. конф. К. С. 211-212.

Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П. 1977. Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные могилы и Носаки. К. С. 61-156.

Бидзиля В.И., Пачкова С.П. 1969. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // МИА. №160. С. 51-74.

Блаватская Т.В. 1981. Надгробие и алтарь из села Беленькое. // КСИА АН СССР №168, С. 50-57.

Бломквист Е.Э., Галицкая О.А. 1967. Типы русского крестьянского жилища середины XIX — начала XX вв. // Русские. Историко-этнографический атлас. М. С. 131-165.

Бобринский А.А. 1978. Гончарство Восточной Европы. М. 272с.

Богданова Н.А., Гущина И.И. 1964. Раскопки первых веков нашей эры в Юго-Западном Крыму в 1960-1961 гг. // СА №1 С. 324-330.

Богданова Н.О. 1963. Могильник I ст. до н.э. — III ст. н.э. біля с. Завітне Бахчисарайського р-ну // Археологія. Т. 15. С, 95-109.

Болтоненко М.Ф. 1949. Полевой дневник. Раскопки в Викторовке в 1949г. // Архив ОАМ. №921-925.

Бондарь Р.Д. 1973. Некоторые проблемы нижнедунайского лимеса // ВДИ №3. С. 144-159.

Бондарь Р.Д., Булатович С.А. 1982. Находки римских монет в Орловке // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К. С. 154-160.

Борзияк И.А. 1984. Раскопки кургана у с. Этулия в 1979 г. // Курганы в районе новостроек Молдавии. Кишинев С. 76-89.

Брайчевская А.Т. 1955. Раскопки у с. Дудчаны в 1954 г. // КСИА АН УССР Вып.5 С. 49-50.

Брайчевская А.Т. 1960. Черняховские памятники Надпорожья // МИА. №82. С. 148-191.

Брайчевский М.Ю. 1960. Ромашки // МИА. №82. С. 100-147.

Брайчевський М.Ю. 1964. Біля джерел слов'янської державності (соціально-економічний розвиток черняхівських племен). К. 355с.

Брашинский И.Б. 1970. Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья // ВДИ №2. С. 129-137.
Бреде К.А. 1960. Розкопки Гаврилівського городища рубежу нашої ери // АП УРСР. Т.9 С. 191-203.
Бруяко И.В. 1994. Могильник Никония (доклад на заседании ученого совета САМ 4. 05. 1994).
Буданова В.П. 1980. Готы и система представлений римских и византийских авторов о варварских народах // ВВ. Т.41. С. 141-152.
Буданова В.П. 1982. Передвижение готов в Северном Причерноморье и на Балканах в III в. // ВДИ. №2. С. 155-174.
Буданова В.П. 1990. Готы в эпоху Великого переселения народов. М. 232 с.
Буйских С.Б. 1977. К изучению оборонительных сооружений Петуховского городища // Новые исследования археологических памятников на Украине. К. С. 83-96.
Буйских С.Б. 1979. Новые материалы по фортификационной технике городищ ольвийской хоры первых веков н. э. // Памятники древней культуры Северного Причерноморья. К. С. 87-96.
Буйских С.Б. 1984. Оборонительные сооружения Ольвийского государства первых веков нашей эры. Автореферат... кандидата исторических наук. К. 18с.
Буйских С.Б. 1984. Основные элементы фортификации хоры Ольвии первых веков нашей эры. // Античная культура Северного Причерноморья. К. С. 189-201.
Буйских С.Б., Бураков А.В. 1977. Античне городище на мису між Березанським та Сосицьким лиманами. // Археологія. Вип. 22. С. 79-90.
Бураков А.В. 1962. Городище біля с. Козирки поблизу Ольвії // АП УРСР. Т. XI. С. 49-96.
Бураков А.В. 1966. Известково-гипсовые карнизы и фрески Козырского городища. // Культура античного мира. М. С. 53-62.
Бураков А.В. 1976. Козырские городища рубежа и первых столетий нашей эры. К. 158с.
Бураков А.В. 1980. Раскопки городища Скелька. // АО 1979 г. М. С. 258.
Бураков А.В. 1985. Сельская округа Ольвии в первые века нашей эры // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино. С. 11-12.
Бураков А.В., Буйских С.Б. 1979. Работы периферийного отряда ольвийской экспедиции. // АО 1978 г. М. 1979. С. 310.
Вакуленко, 1977. Пам'ятки Підгір'я українських Карпат першої половини I тисячоліття н.е. К. С.140
Васильев А.А. 1921. Готы в Крыму. // ИГАИМК. Т. I. С. 263-344.
Веймарн Е.В. 1963. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП УРСР Т. XIII. С. 15-89.
Ветштейн В.И. 1967. Раскопки в центре римской цитадели Ольвии в 1965 г. // АИУ 1965-1966 гг. К. Вып. I С. 134-137.
Ветштейн В.І. 1960. Розкопки внутрішньої лінії оборонних споруд Гаврилівського городища // АП УРСР. Т.9. С. 204-209.
Виєзжаєв Р.І. 1960. Роботи на ділянці "Б" поселення в с. Золотій Балці // АП. Т. IX. С. 166-175.
Виноградов Ю.А. 1993. Городище Станислав в первые века н.э. Древнее Причерноморье. // КСОГАМ. Одесса. С. 108-109.
Винокур И.С. 1979. Ружичанский могильник // Могильники черняховской культуры. М. С. 112-135.
Винокур И.С., Островский М.И. 1967. Раковецкий могильник // МИА. №139 С. 144-159.
Воронов Ю.Н. 1979. Материальная культура Абхазии I тысячелетия н.э. // КСИА АН СССР. Вып. 159. С. 44-52.
Вульпе Р. 1960. Верхний вал Бессарабии и проблема грейтунгов к западу от Днестра // Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев. С. 259-278.
Высотская Т.Н. 1972. Поздние скифы в юго-западном Крыму. К. 192.
Высотская Т.Н. 1979. Неаполь — столица государства поздних скифов. К. 206с.
Вязьмитина М.И. 1955. Сарматское погребение у Ново-Филиповки // Вопросы скифско-сарматской археологии. М. С. 220-244.
Вязьмитина М.И. 1969а. Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии // СА. №4. С. 62-77.
Вязьмитина М.И. 1969б. Фракийские элементы в культуре населения Нижнего Днепра // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М. С.119-134.
Вязьмитина М.И. 1972. Золотобалковский могильник. К. 190с.
Вязьмитина М.И. 1986. Городища Нижнего Днепра. // Археология Украинской ССР. К. Т. 2. С. 223-240.
Вязьмітіна М.І. 1960. Поселення II-IV століть нашої ери в с.Дудчанах // АП УРСР Т IX. С.215-223.
Вязьмітіна М.І. 1962. Золота Балка. К. 240с.
Вязьмітіна М.І. 1971. Пізньоскіфські городища Нижнього Дніпра. // Археологія Української РСР. К. Т. II. С. 215-244.
Гаврилюк Н.А. 1991. "Малая Скифия" на Нижнем Днепре. // Древнее Причерноморье. II чтения памяти проф. П.О. Карышковского. Одесса. С. 10-22.
Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И., 1991. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы). К. Вып I. 48 с; Вып. II. 47 с.
Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. М.-Л. 622с.
Гайдукевич В.Ф. 1951. Новые исследования Илурата // КСИИМК. Вып. 37. С. 196-211.
Гайдукевич В.Ф. 1958. Илурат // МИА №85. С. 9-148.
Гайдукевич В.Ф. 1963. Керамический комплекс II века н.э. из Мирмекия // КСИА АН СССР. Вып. 95. С. 25-32.
Гей О.А. 1980а. Черняховские памятники Северного Причерноморья // СА, №2. С. 45-50.
Гей О.А. 1980б. Середньодніпровська і північнопричорноморська зони черняхівської культури /за матеріалами поховального обряду // Археологія. Т.34. С.35-52.
Гей О.А. 1985а. Черняховская культура и скифско-сарматский мир. Автореферат ... кандидата исторических наук. М. 22с.
Гей О.А. 1985б. Скіфсько-сарматські елементи в могильниках черняхівської культури в межиріччі Дніпра та Дністра // Археологія. Т. 50. С. 27-35.
Гей О.А. 1986. О времени возникновения черняховской культуры в Северном Причерноморье // СА №I С.77-86.
Гей О.А. 1987а. Новые раскопки могильника Красный Маяк. // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. М. С. 73-74.
Гей О.А. 1987б. Погребальный обряд поздних скифов на Нижнем Днепре // СА №3. С.53-67.
Гей О.А. 1993. Черняховская культура. Происхождение и этнический состав. // Славяне и их соседи в I тысячелетии до н.э. – первой половине I тысячелетии н.э. М. С. 162-170.

Гей О.А. 1993а. Черняховская культура. Хронология. // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. М. С. 146-155.

Гей О.А., Бажан И.А. 1993. Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днепре. // ПАВ. СПб. №3. С. 52-59.

Гершкович Я.П., 1993. Сабатиновская культура Нижнего Поднепровья и северо-западного Приазовья. Канд. дисс. К.

Головко И.Д., Бондарь Р.Д., Загинайло А.Г. 1965. Археологические исследования у с. Орловка Одесской области // КСОГАМ за 1963 г. Одесса. С. 68-80.

Гончаров В.К. 1955. Могильник культуры полей погребений у г. Переяслава-Хмельницкого // КСИА АН УССР. Вып. 4. С. 37-39.

Гончаров В.К., Махно Е.В. 1957. Могильник черніховського типу біля Переяслова-Хмельницького // Археологія. Т. XI. С. 127-143.

Гороховский Е.Л. 1981. Периодизация массовых категорий ювелирных украшений черняховских памятников Поднепровья и Побужья // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых. К. 1981. С.93.

Гороховский Е.Л. 1982а. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья. // Новые памятники древней и средневековой культуры. К. С. 115-150.

Гороховский Е.Л. 1982б. Підковообразни фібули Середнього Подніпров'я з виїмчатою эмаллю. // Археологія. № 38. С. 16-35.

Гороховский Е.Л. 1985. Хронология могильников черняховской культуры // Тезисы докладов советской делегации на V международном конгрессе славянской археологии. М. С. 21-22.

Гороховский Е.Л. 1988. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины. // Тр. междун. конгр. археологов-славистов. К. С. 34-46.

Гороховский Е.Л. и др 1985. Гороховский Е.Л., Зубар В.М., Гаврилюк Н.О. Про піздню дату деякиїх античних городищ Ольвійської хори // Археологія. Т. 49. С. 25-40.

Горюнов Е.А. 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л. 135с.

Гошкевич В.И. 1913. Древние городища на берегах низового Днепра // ИАК. СПб. Вып. 47. С. 117-145.

Граков Б.Н. 1954. Каменское городище на Днепре // МИА №36. 240с.

Грацианская Н.К. 1973. К типологии традиционного народного жилища в украинских Карпатах в XIX — начале XX века. // СЭ. №1. С. 25-37.

Гребенников, и др. 1982. Гребенников Ю.С., Гребенников Б.В. Черняховские могильники западного побережья Бугского лимана // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К. С. 136-149.

Гросу В.И. 1982. Периодизация памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья // АИМ (1977-1978 гг.). Кишинев. С. 4-27.

Гудкова А.В. 1971. Отчет об археологической разведке по р. Барабой в Овидиопольском и Беляевском районах Одесской области в 1970-1971 гг. // Архив ОАМ. №85691.

Гудкова А.В. 1972а. Отчет об археологической разведке нижней части системы рек Большой и Малой Свинной на западном берегу Хаджибейского лимана в 1971-1972гг. // Архив ОАМ. №85692.

Гудкова А.В. 1973. Отчет об археологических разведках в Арцизском и Белгород-Днестровском р-нах Одесской области // НА ИА АН УССР. №1973/78

Гудкова А.В. 1974. Отчет о раскопках поселения черняховского типа Фурмановка I и разведках в Саратском районе Одесской области // НА ИА АН УССР. №1974/69.

Гудкова А.В. 1976. К истории культурной атрибуции памятников черняховского типа степной зоны СССР // МАСП. Вып. 8. С. 119-131.

Гудкова А.В. 1976а. Поселение и могильник римского времени Молога II // АО 1975г. М. С. 319.

Гудкова А.В. 1977. Раскопки поселения и могильника римского времени Молога II // АО 1976г. М. С.285.

Гудкова А.В. 1979. Классификация сероглиняной столовой керамики Тиры II-IV вв. н.э. // Античная Тира и средневековый Белгород. К. С. 99-114.

Гудкова А.В. 1986. Об одном типе каменных домов на причерноморских черняховских поселениях // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. К. С. 161-177.

Гудкова А.В. 1986а. Орнаментация черняховской сероглиняной керамики с памятников Буджака // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. К. С. 143-159.

Гудкова А.В. 1987. Могильник IV в. н.э. в с. Беленькое // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. К. С. 56-66.

Гудкова А.В. 1987. Оседлое население Северо-Западного Причерноморья в первой половине I тыс. н.э. Автореф. докт. дисс. К. 30 с.

Гудкова А.В. 1987. Полевой отчет о работе Одесской экспедиции по "Своду" в 1965 г. // НА ИА АН УССР. №1987.

Гудкова А.В. 1989. О классификации памятников III-IV вв. н.э. в Днепро-Дунайской степи. // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. К. С. 34-45.

Гудкова А.В. 1990а. Группа венедов в низовьях Дуная. VI междун. конгр. славянской археологии. Тез. докл. советской делегации. М. С. 20-23.

Гудкова А.В. 1991. Сероглиняная керамика Козырского городища. // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон. С. 122-131.

Гудкова А.В. 1991а. Черняховские памятники Буджакской степи. // Древности Юго-Запада СССР. Кишинев. С. 64-84.

Гудкова А.В. 1991б. К изучению позднейшего периода черняховской культуры. // Этнокультурные и этносоциальные процессы в конце I тыс до н.э. – первой половине I тыс. н.э. на юго-западе СССР и в сопредельных регионах. Тез. выст. на III сессии школы-семинара. Кишинев. С. 117-119.

Гудкова А.В. 1991в. Могильник черняховской культуры Нагорное II. // Археология и история нижнего Подунавья. Материалы научно-практической конф. Рени. С. 45-47.

Гудкова А.В. и др. 1979. Гудкова А.В., Клейман И.Б., Сон Н.А. Раскопки позднеантичной Тиры // Проблемы античной истории и культуры (доклады XIV МКАСС "Эйрене"). Ереван. Т. II С.284-290.

Гудкова А.В. и др. 1980. Гудкова А.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н., Фокеев М.М. Отчет о работе Измаильской экспедиции ИА АН УССР в 1980 году. // Архив ОАМ. №88252.

Гудкова А.В. и др. 1981а. Гудкова А.В., Добролюбский А.О., Тощев Г.Н., Фокеев М.М. Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1981 году. // Архив ОАМ. №88255.

Гудкова А.В. и др. 1981б. Гудкова А.В., Малюкевич

А.Е., Морозовская Т.В., Росохацкий А.А., Фокеев М.М. Полевой отчет Буджакской археологической экспедиции за 1981 г. // Архив ОАМ. №88250.

Гудкова А.В. и др. 1983. Гудкова А.В., Охотников С.Б., Субботин Л.В., Черняков И.Т. Справочник археологических памятников Одесской области. // (Архив ОАМ №84338.)

Гудкова А.В. и др. 1983. Гудкова А.В., Суничук Е.Ф., Тощев Г.Н., Фокеев М.М., Полевой отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции за 1983 г. // Архив ОАМ. №81989.

Гудкова А.В. и др. 1984. Гудкова А.В., Суничук Е.Ф., Тощев Г.Н., Фокеев М.М., Андрух С.И. Полевой отчет Измаильской новостроечной экспедиции за 1984г. // Архив ОАМ. №81990.

Гудкова А.В., Бруяко И.В. 1997. Лепная керамика римского времени из Никония. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса. С. 72-76.

Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1979. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков нашей эры. Проблемы исследования Ольвии // Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино. С. 21-22.

Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1988. Сероглиняная гончарная керамика Ольвии первых веков нашей эры. // Античные древности Северного Причерноморья. К. С. 82-103.

Гудкова А.В., Крапивина В.В. 1990. Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры. К. 48 с.

Гудкова А.В., Малюкевич А.Е. 1994. Варварская сероглиняная гончарная керамика на поселениях Нижнего Поднестровья (I-III вв.). // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Материалы междун. Археол. конф. Тирасполь. С. 251-232.

Гудкова А.В., Новицкий Е.Ю. 1976. Отчет о разведках в Тарутинском районе Одесской области в 1976 г. // Архив ОАМ. №74487.

Гудкова А.В., Руссова А.В. 1980. Металлические украшения из могильника римского времени Молога II // Исследования по античной археологии юго-запада Украинской ССР. К. С. 122-135.

Гудкова А.В., Столярик Е.С. 1985. Комплекс позднеантичных памятников у с. Холмское Одесской области // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. К. С.78-85.

Гудкова А.В., Субботин Л.В. 1971. Отчет об археологических раскопках на поселении Нагорное II в 1971г. // Архив ОАМ. №86186

Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1982. Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К. С. 55-113.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1984а. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. К. 118с.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1984б.Поселения первой половины I тыс. н.э. на степной речке Дракуля (низовья Дуная) // Северное Причерноморье. К. С. 67-73.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1992. Сармати і черняхівська культура в Буджацькому степу. // Археологія південного заходу України. К. С. 93-99.

Гудкова А.В., Черняков И.Т. 1977. Полевой отчет Измаильской новостроечной экспедиции за 1977г. // НА ИА АН УССР. №1977/21.

Гудкова О.В. 1972. Розвідка берегів озера Китай // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. К. Віп. IV. С. 357-362.

Гудкова О.В. 1983. Поселення перших століть нашої ери в степах Північно-Західного Причорномор'я // Археологія. Т. 42. С. 3-10.

Гущина И.И. 1973. О результатах исследования нового могильника I-II вв. н.э. в юго-западном Крыму // КСИА АН СССР. Вып. 133. С. 80-85.

Гущина И.И. 1974. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников). // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М. С. 32-64.

Дашевская О.Д. 1951. Земляной склеп в некрополе Неаполя Скифского // ВДИ. №2 С. 131-135.

Дашевская О.Д. 1989. Поздние скифы (III в. до н.э. – III в. н.э.) в европейской части СССР в скифо-сарматское время. // Археология СССР. М, С. 125-145.

Дзиговский А.Р. 1981. Сарматские памятники II-III вв. н.э. в низовьях Днестра // Древности Северо-Западного Причерноморья. К. С. 116-125.

Дзис-Райко Г.А. 1963. О некоторых итогах разведки левобережья низовьев Днестра и Днестровского лимана // КСОГАМ, 1961 года. Одесса. С. 40-46.

Дмитров Л.Д. 1949. Белгород-Днестровская археологическая экспедиция Института археологии АН УССР // АП УССР. Т.2. С.39-52.

Дмитров Л.Д. 1949. Отчет о работе Измаильской археологической экспедиции 1949г. // НА ИА АН УССР. №1949/19.

Дмитров Л.Д., Зуц В.Л., Копилов Ф.В. 1961. Любимівське городище рубежу нашої ери // АП УРСР. Т. X. С. 78-100.

Добровольський А.В. 1950. Землеробське поселення перших століть н.е. на р. Інгульці // Археологія. Т.III. С. 167-175.

Добровольський А.В. 1960. Розкопки ділянок А і Г та могильника Золотобалківського поселення рубежу нашої ери в 1951 і 1952 роках // АП УРСР. Т. IX. С. 141-165.

Довженок В.И., Линка Н.В. 1959. Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось // МИА. №70. С. 102-113.

Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // ВДИ. №1. С. 230-284.

Дудкин В.П. 1971. Дипольно-осевое электропрофилирование в археологической разведке // МАСП. Одесса. Вып. 7. С. 5-21.

Елагина Н.Г. 1953. Население Нижнего Поднепровья во II в. до н.э. — IV в. н.э. Автореферат ... кандидата исторических наук. М. 19с.

Елагина Н.Г. 1958. Нижнее Поднепровье в эпоху позднескифского царства // Вестник МГУ, ист.-фил. Серия №4 С. 45-58.

Ельницкий Л.А. 1961. Знания древних о северных странах. М. 224с.

Есипенко А.Л. 1951. Петуховская оборонительная система. // КСИИМК. Вып.39. С.19-26.

Журко А.И. 1983. Жилые сооружения племен черняховской культуры.– Автореферат ...кандидата исторических наук. 27 с.

Журко А.И. 1984. К вопросу об углубленных жилищах черняховской культуры. // КСИА АН СССР Вып.178.С.51-55.

Заверняев Ф.М. 1970. Зарубинецкие памятники Верхнего Подесенья // МИА. № 176 С.22-25.

Загинайло А.Г. 1960. Монетные находки на Роксоланском городище (1957-1963 гг.) // МАСП. Вып.V. С.100-114

Загинайло А.Г. 1972. Розкопки Роксоланського городища // АИУ в 1969-1972 гг. Вып.IV С.195-200.

Загинайло А.Г. 1973. Отчет о раскопках Никонийской

экспедиции в 1973г. // Архив ОАМ. №85169.
Загинайло А.Г. 1974. Отчет об археологических разведках в Измаильском, Ренийском и Татарбунарском районах Одесской области в 1974 г. // Архив ОАМ. №74493, 74488, 74491.
Загинайло А.Г. 1976. Работы скифо-античной экспедиции // АО 1975 года. М. 1976. С.323-324.
Загинайло А.Г. 1977. Работы Никонийской экспедиции // АО 1976 года. М. С.293.
Загинайло А.Г., Субботин Л.В. 1973. Отчет об археологических разведках в Беляевском, Овидиопольском и Болградском районах Одесской области в 1973г. // НА ИА АН УССР. №1973/60.
Зеест И.Б. 1960. Керамическая тара Боспора // МИА. № 83. 180 с.
Зильманович И.Д. 1967. Гончарные печи Луки-Врублевецкой // КСИА АН СССР. Вып.112. С.112-117.
Зиневич Г.П. 1975. Очерки палеоантропологии Украины. М. 284 с.
Ильюков Л.С. 1987. Курганные могильники в междуречье Сала и Маныча. // АО 1985 г. М. С.138.
Иордан 1960. О происхождении и деяниях гетов. М. 436 с.
Капошина С.И. 1956. О скифских элементах в культуре Ольвии // МИА. № 50. С.154-189.
Капошина С.И. 1962. Раскопки Кобякова городища и его некрополя // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону. С.95-112.
Каришковський П.О. 1962. З історії греко-скіфських відносин у північно-західному Причономор'ї // АП. Т.XI. С.102-120.
Каришковський П.О., Кожокару В.М., 1992. Сліди римського укріплення на Південно-східному узбережжі оз. Картал. // Археологія Південного Заходу України. К. С. 100-103.
Карышковский П.О. 1962 а. О надписи из Викторовки // ВДИ. № 3. С.141-154.
Карышковский П.О. 1962 б. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. № 3. С.141-154.
Карышковский П.О. 1963. Находки римких монет в Одесской области // КСОГАМ 1961 года. Одесса. С.60-67.
Карышковский П.О. 1976. Находки античных и византийских монет в Одесской области // Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев-Одесса. С.172-177.
Карышковский П.О. 1982. Ольвия и Рим // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К. С.6-28.
Карышковский П.О. 1985 а. Новые находки античных и византийских монет в степной части Прутско-Днестровского междуречья // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. К. С.180-183.
Карышковский П.О. 1985 б. Новые данные по эпиграфике и просопрографии Ольвии в первой половине II в.н.э. // Проблемы исследования Ольвии.Тезисы докладов и сообщения семинара. Парутино. С.34-35.
Карышковский П.О., Клейман И.Б. 1985. Древний город Тира. К. 160 с.
Каспарова К.В. 1969. Памятники рубежа нашей эры в Белорусском Полесье. Новые исследования могильников Велимичи II и Отвержичи I // Miedzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. Wrocław-Warszawa-Kraków, S.258-263.
Каспарова К.В. 1972 Зарубинецкий могильник Велимичи II // АСГЭ. Вып.14. С.53-111.
Каспарова К.В. 1976. Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья // АСГЭ. Вып.17. С.35-66.
Каспарова К.В., Щукин М.Б. 1979. Могильник Могиляны-Хмельник в Ровенской области // ТГЭ. Т.ЧЧ.С.147-168.
Кетрару Н.А. 1969. Археологические исследования в Кагульском р-не в 1958 г. // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев, с.35-54.
Кетрару Н.А., Рикман Э.А. 1960. Новые данные о памятниках первых веков нашей эры на территории Молдавии // Известия МФ АН СССР. № 4(70). С.3-21.
Клейман И.Б. 1967. Отчет о командировке в Тарутинский р-н 5.9.1967г. // Архив ОАМ. №80848, 80849.
Клейман И.Б. 1985. Фигурный сосуд из Тиры с подписью // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. К. С.59-62.
Клейман И.Б., Ревенко К.І. Археологічні спостереження на західному березі Днестровського лиману // МАСП. Т.2. С.118-121.
Книга регистрации. Книга регистрации результатов разведок в зоне новостроек МССР сектора новостроечных экспедиций отдела этнографии и искусствоведения АН МССР.
Книпович Т.Н. 1952. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935-1940 гг. // МИА. 825. С.289-326.
Книпович Т.Н. 1956. Население Ольвии в VI-I вв. до н.э. по данным эпиграфических источников // МИА. № 50. С.119-153.
Ковалевская В.Б. 1979. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки // САИ. Вып. Е.1-2. 58 с.
Ковпаненко Г.Т. 1986. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. К. 150 с.
Козак Д.Н. 1978 а. Пшеворская культура в междуречье Днестра и Западного Буга // Проблемы этногенеза славян. к. С.72-91.
Козак Д.Н. 1978. Могильник початку нашої ери у с. Звенигород на Львівщині // Археологія Т.25. С.96-107.
Козак Д.Н. 1983. Памятники рубежа первых веков нашей эры в Поднестровье и Западном Побужье // Славяне на Днестре и Дунае. К. С.77-105.
Козак Д.Н. 1984 а. Поселение у с. Великая Слобода (к вопросу о памятниках вельбаркской культуры на Волыни и Подолии) // КСИА АН СССР. Вып.178. С.55-60.
Козак Д.Н. 1984. Пшеворська культура в Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. К. 95 с.
Козак Д.Н. 1986. Культурный процесс на западной Волыни в первой половине I тыс. н.э. // Zachodnia strefa osadnictwa kultury czerniachowskiej. Lublin. S.45-69.
Козак Д.Н. 1987. Поселение у с.Пасеки-Зубрецкие и некоторые вопросы культурного развития племен Поднестровья на рубеже и в первых веках нашей эры // Acta archaeologica carpatica. T.XXVI. S.176-208.
Козак Д.Н. 1991. Етнокультурна історія Волині (I ст. н.е. — IV ст. н.е.). К. 173 с.
Козак Д.Н., Журко О.І.1983. Поселення поблизу с. Велика Слобідка Пізньоримського часу в Середньому Подністров'ї // Археологія. Т.43. С.62-69.
Козак Д.Н., Терпиловский Р.В. 1983. Этнокультурные связи племен северной Украины в первой половине I тыс. н.э. (к выделению праславянской культурной области) // Полесье и этногенез славян.

М. С.20-22.
Козак Д.Н., Терпиловский Р.В. 1986. Про культурно-історичний процес на території України в першій четверті І тис. н.э. // Археологія. Т.56. С.32-44.
Кондукторова Т.С. 1958. Палеоантропологические материалы из могильника полей погребальных урн Херсонской области // Советская антропология. № 2. С.69-79.
Кондукторова Т.С. 1972. Антропология древнего населения Украины М. 156 с.
Кондукторова Т.С. 1979. Физический тип людей Нижнего Приднепровья. М. 128 с.
Королюк В.Д. 1976. Перемещение славян в Подунавье и на Балканы (славяне и волохи в VI — сер.VII вв.) // Советское славяноведение № 6. С.43-54.
Корпусова В.М. 1971. Біконічні посудини перших століть нашої ери з Причорномор'я // Археологія. Т.3. С.75-82.
Корпусова В.М. 1973. Сільске населення пізньоантичного Боспору // Археологія. Т.3. С.27-45.
Корпусова В.М. 1983. Некрополь Золотое. К. 183 с.
Корсунский А.Р., Гюнтер Р. 1984. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение королевств (до середины VI в.) М. 255 с.
Костенко В.И. 1983. Сарматские памятники Днепро-Донецкого междуречья III в. до н.э. — середины III в. н.э. Днепропетровск. 103 с.
Кравченко А.А. 1967. Могильник черняховской культуры в селе Фрунзовка // МИА. № 139. С.160-164.
Кравченко А.А., Кузменко В.І. 1959. Розвідки археологічних пам'ятників по Кучурганській річній долині // МАСП. Одесса Вып.II. С.122-125.
Кравченко Н.М. 1967 а. Косановский могильник (по материалам раскопок В.П.Петрова и Н.М.Кравченко в 1961-1964 гг.) // МИА. № 139. С.77-139.
Кравченко Н.М. 1967 б. Памятники черняховского типа в Буджакской степи // АИУ 1965-1966 гг. К. Вып.1. С.224-227.
Кравченко Н.М. 1968. Отчет о работе черняховского отряда Днестро-Дунайской экспедиции ИА АН УССР в 1968 г. // НА ИА АН УССР. №1968/19б.
Кравченко Н.М. 1970. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках // КСИА АН СССР. Вып.121. С.44-51.
Кравченко Н.М. 1971 а. Работы черняховского отряда Днестро-Дунайской экспедиции // АИУ в 1968 г. К. Вып.III. С.40-43.
Кравченко Н.М. 1971 б. К изучению памятников черняховского типа в степях Северо-Западного Причерноморья // МАСП. Вып.7. С.51-70.
Кравченко Н.М., Абашина Н.С., Гороховский Е.Л. 1975. Новые памятники I тыс. н.э. в Киевском Поднепровье // Археология. Т.15 С.87-98.
Кравченко Н.М., Гороховский Е.Л. 1979. О некоторых особенностях развития культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тысячелетия нашей эры // СА. №2. С.51-69.
Кравченко Н.М., Корпусова В.М. 1975. Деякі риси матеріальної культури Пізньоримської Тіри // Археологія. Т.18. С.20-42.
Крапивина В.В. 1979. Орнаментация серолощеной керамики римского времени из Ольвии // Памятники древних культур Северного Причерноморья. К. С.96-100.
Крапивина В.В. 1993. Ольвия. Материальная культура I-IV в. н.э. К. 182 с.
Криволап Г.І. 1972. Поховання римського часу з Тіри та її околиці // Археологічні дослідження на Україні 1969 р. К. Вып.IV. С.185.
Кропоткин А.В. 1984. К вопросу о племенных центрах черняховской культуры // СА. № 3. С.35-47.
Кропоткин В.В. 1961. Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып.Г4-4. 135 с.
Кропоткин В.В. 1966. Новые находки римских монет в СССР // Нумизматика и эпиграфика. Т.6. С.74-102.
Кропоткин В.В. 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе // САИ. Вып.Д.1-27. 278 с.
Кропоткин В.В. 1971. Могильник черняховского типа в с. Ризино Черкасской обл. (К вопросу о происхождении черняховской культуры) // СА. № 4. С.225-229.
Кропоткин В.В. 1978. Черняховская культура в Северном Причерноморье // Проблемы советской археологии. М. С.147-163.
Кругликова И.Т. 1966. Боспор в позднеантичное время. М. 224 с.
Кругликова И.Т. 1969. Некрополь поселения у дер. Семеновка // СА. № 1. С.98-119.
Крыжицкий и др., Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М., Рубан В.В. 1980. К истории Ольвийской сельской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. К. 1980. С.3-19.
Крыжицкий С.Д. 1978. Основные объекты работ Ольвийской экспедиции и итоги изучения затопленной части Нижнего города Ольвии // АО 1977 года. М. С.342-343.
Крыжицкий С.Д. 1982. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. К. 166 с.
Крыжицкий С.Д. Бураков А.В. 1975. Опыт реконструкции жилых домов поселения первых веков нашей эры у с. Козырка. Ольвия. К. С. 192-219.
Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В. 1989. Сельская округа Ольвии. К. 240 с.
Крыжицкий С.Д., Клейман И.Б. 1979. Раскопки Тиры в 1963 и в 1965-1976 гг. // Античная Тира и средневековый Белгород. К. С.19-54.
Крыжицкий СД., Буйских С.Б., Отрешко В.М. 1990. Античные поселения нижнего Побужья (археологическая карта). К. 132 с.
Крыкин С.М. 1993. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М. 332 с.
Кузменко В.И. 1957. Дневник археологической разведки в с. Верхний Куяльник в 1957 г. // Архив ОАМ. №71430.
Кузменко В.И.1976. Исследование римских слоев Никония // МАСП. Вып.8. С.218-224.
Кузменко В.И., Левина Э.А., Секерская Н.М. 1975. Раскопки юго-западной части Никония // АО 1974 года. М. С.308.
Кунина Н.З., Сорокина Н.П. 1972. Стеклянные бальзамарии Боспора // ТГЭ. Т.13. С.146-177.
Кухаренко Ю.В. 1954. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях (По данным погребального обряда) // СА. Т.XIX. С.111-120.
Кухаренко Ю.В. 1955. Поселение и могильник полей погребений в с. Привольное // СА. Т.XXII. С.125-152.
Кухаренко Ю.В. 1959 а. Распространение латинских вещей в Восточной Европе // СА. № 1. С.31-51.
Кухаренко Ю.В. 1959 б. Чаплинский могильник // МИА. № 70. С.154-180.
Кухаренко Ю.В. 1961. Памятники железного века на территории Полесья // САИ. М. вып. Д 1-29. 69 с.
Кухаренко Ю.В. 1964. Зарубинецкая культура // САИ. Д 1-19. 68 с. + 20 табл.

Кухаренко Ю.В. 1969. Археология Польши. М. 236 с
Кухаренко Ю.В. 1978. О так называемых зарубинецких памятниках Подолии // Проблемы советской археологии. М. С.142-146.
Лапушнян В.Л. 1969. Отчет об охранных археологических раскопках поселения Кокоара III в 1969г. // НА ОЭИ АН МССР. №225. 17с.
Латышев В.В. 1947. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947 – №1-4; 1948 – №1-4; 1949 – №1-4.
Леви 1964. Итоги раскопок Ольвийского теменоса и агоры (1951-1960 гг.) // Ольвия. Теменос и агора. М. С.5-26.
Магомедов Б.В. 1973. До навчення черняхівського гончарного посуду // Археологія. Т.12. С.80-87.
Магомедов Б.В. 1977. О происхождении форм черняховской гончарной керамики // Новые исследования археологических памятников на Украине. К. С.111-113.
Магомедов Б.В. 1978. Могильник Каменка-Анчерак в Николаевской области // Археологические исследования на Украине в 1978-1977 гг. Тезисы докладов XVII конференции ИА АН УССР. Ужгород. 1978. С.89-90.
Магомедов Б.В. 1979 а. Могильник у городища Городок на Южном Буге // Памятники древних культур Северного Причерноморья. К. С.105-114.
Магомедов Б.В. 1979 б. Каборга IV (раскопки 1973-1974 гг.) // Могильники черняховской культуры. М. С.29-63.
Магомедов Б.В. 1980. Культурно-этнические компоненты черняховского населения Северо-Западного Причерноморья по данным погребального обряда // Славяне и Русь. К. С.78-88.
Магомедов Б.В. 1981. Черняховские племена Северо-Западного Причерноморья. Автореферат ... кандидата исторических наук. К. 1981. 23 с.
Магомедов Б.В. 1983 а. О культурно-хронологическом соотношении черняховских памятников Причерноморья и лесостепи // Славяне на Днестре и Дунае. К. С.135-155.
Магомедов Б.В. 1983 б. Напівземлянки черняхівських поселень Причорномор'я // Археологія. Т.44. С.85-91.
Магомедов Б.В. 1984. Черняховские памятники причерноморского типа // КСИА АН СССР. Вып.178. С.60-66.
Магомедов Б.В. 1985. Ольвия и черняховская культура // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино. С.47-49.
Магомедов Б.В. 1987. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. К. 110 с.
Магомедов Б.В. 1988. Черняховские памятники Южного Побужья. // ТР. МКАС. К. Т. 4. С. 144-148.
Магомедов Б.В. 1991. Каменка-Анчекрак. Поселение черняховской культуры. К. 48 с.
Магомедов Б.В., Гудим-Левкович А.Н. 1990. Поселение с каменным домостроительством у с. Луговое. // Тез. докл. юбил. конф. "Проблемы археологии Северного Причерноморья". Херсон. Ч.3. С, 3-4.
Максимов Е.В. 1960. Памятники зарубинецкого типа в с. Суботове // КСИА АН УССР. Вып.9. С.29-42.
Максимов Е.В. 1969. Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье // МИА. № 160. С.39-45.
Максимов Е.В. 1971. Зарубинецьке городище Пилипенкова гора // Археологія. Т.4. С.41-56.
Максимов Е.В. 1972. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. К. 182 с.
Максимов Е.В. 1978. Взаємовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я // Археологія Т. 28. с.45-54.
Максимов Е.В. 1982. Зарубинецкая культура на территории УССР. К. 183 с.
Максимов Е.В., Орлов Р.С. 1974. Поселение и могильник второй четверти I тыс. н.э. у с. Казаровичи близ Киева // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л. 1974. С.11-21.
Малюкевич А.Е. 1988. Торговые связи поселений Нижнего Поднестровья в I-III вв. // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. Тез. докл. IV конф. молодых ученых ИА АН УССР. М. С. 61-62.
Малюкевич А.Е. 1989. Культовые предметы из могильника Молога II. // Проблеми історії давнього населения Української РСР. Тези доп. К. С.137-139
Малюкевич А.Е. 1989а. К вопросу о погребальном обряде могильника Молога. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. обл. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Б.Н. Гракова. Запорожье. Т. 1. С. 79-80.
Малюкевич А.Е. 1990. Новые исследования на поселении Молога II // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тез. науч. конф. Белгород-Днестровский. С. 51-53.
Малюкевич А.Е. 1991. О торговых контактах поселений нижнего Поднестровья в первые века нашей эры. // Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур. К. С 71 -82.
Малюкевич А.Е. 1991а. Исследование поселения Веселое III // Тез. второй обл. историко-краевед. конф. Одесса. С. 125-127.
Малюкевич А.Е. 1992а. Новый памятник позднескифской эпохи на берегах Днестровского лимана. // Киммерийцы и скифы. Тез докл. конф. памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь. С. 54-55.
Малюкевич А.Е. 1992б. Феномен позднескифской культуры. Северо-Западное Причерноморье. // Ритмы культурогенеза. Тез. докл. семинара. Одесса. С. 52-54.
Малюкевич А.Е. 1992в. Фракийский элемент в культуре позднескифского населения Днестровского лимана. // Археологический вестник. Запорожье. №3 С. 30-32.
Малюкевич А.Е. 1994. Обряд паренталий Моложского могильника. // Древнее Причерноморье. КС ОАО. Одесса. С. 200-204.
Малюкевич А.Е. 1994а. Комплекс погребально-поминальных тризн Моложского могильника. // Тез. докл. междун. конф. "Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья". Запорожье. С. 119-121.
Малюкевич А.Е. 1994б. Лепная керамика из поселения Веселое III. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. V тыс. до н.э. — V в. н.э. Тез. междун. археол. конф. Тирасполь. С. 253-254.
Малюкевич А.Е. 1995. К вопросу о полуземляночных постройках Моложского некрополя. // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Тез докл. науч. конф. Белгород-Днестровский. С. 34-36.
Маркова А.В. 1968. Типы сельского жилища Болгарии // Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М. С.12-86.
Маркова Л.В. 1974. О проявлении этнической специ-

фики в материальной культуре болгар // СЭ. № 1. С.45-58.
Марченко В.В. 1975. Лепная керамика Березани и Ольвии VII-VI в. до н.э. (по материалам раскопок 1963-1970 гг.) // Художественная культура и археология античного мира. М. С.157-165.
Масленников А.А. 1980. Некрополи городов европейского Боспора первых веков н.э. // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции "Проблемы античной истории и классической филологии" Харьков. С.77-78.
Масленников А.А. 1990. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М. 231 с.
Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. 1979. 188 с.
Махно Є.В. 1949. Поселення культури "полів поховань" на північно-західному Правобережжі // АН УССР. Т.1. С.153-175.
Махно Е.В. 1960. Памятники черняховской культуры на территории УССР (материалы к составлению археологической карты) // МИА. № 82. С.9-83.
Махно Е.В. 1960. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматского часу в с. Усть-Кам'нці. // АП. Т. IX. С. 14-38.
Махно Є. В. 1961. Розкопки могильника і поселень поблизу с. Каїри // АН УССР. Т.X. С.131-154.
Махно Е.В. 1970 а. Об основных задачах картографирования черняховской культуры в связи с выделением локальных вариантов // КСИА АН СССР. Вып.121. С.60-64.
Махно Є.В. 1970 б. Знову про локальні варіанти черняхівської культури // Археологія. Т.XXIV. С.49-58.
Махно Є. В. 1971. Типи поховань та планування компаніївського могильника // Середні віки на Україні. К.Вип.1. С.87-95.
Махно Є. В., Мізін В.А. 1961. Бериславське поселення та могильник перших століть нової ери // АН УССР. Т.X. С.114-130.
Мачинский Д.А. 1981. Миграция славян в I тыс. н.э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии) // Формирование раннеславянских феодальных народностей. М. С.51-81.
Мачинский Д.А., Тиханова М.А. 1976. О местах обитания и направлениях движения славян I-VII вв. н.э. (по письменным и археологическим источникам) // Acta archaeologica carpatica. Т. XVI. С.59-94.
Мелентьева Г.М. 1969. Ольвийский керамический комплекс первых веков н.э. // КСИА АН СССР. Вып. 116. С.23-29.
Мельниковская О.Н. 1967. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М. 196 с.
Мелюкова А.И. 1969. К вопросу о границе между скифами и гетами // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М. С.61-80.
Мишулин А.В. 1939. Древние славяне и судьбы Восточноримской империи // ВДИ. № 1. С.290-307.
Могильников В.А. 1974. Погребальный обряд культур III в. до н.э. – III в. н.э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. — I тысячелетии н.э. М. С.133-203.
Монгайт А.Л. 1974. Археология Западной Европы. М. 408 с.
Моринц С. 1959. Некоторые вопросы сарматского населения в Молдове и Мунтении в связи с фокшанским погребением. // Dacia.T.III. P.451-471.
Морозовская Т.В. 1985. Бронзовые пирамидальные колокольчики римского времени в археологических памятниках Северного Причерноморья. К. С.70-78.
Мошкова М.Г. 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып.Д 1-10. 116 с.
Муральт Э.Г. 1850. Древние поселения на северо-западном берегу Черного моря от Дуная до Буга // Записки Санкт-Петербургского археол.-нумизмат. о-ва. Т.2 С.129-146.
Наливкина М.А.1965. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960-1961) // ДНД. С.130-168.
Нидерле Л. 1956. Славянские древности. М. 450с.
Никитина Г.Ф. 1966. Классификация лепной керамики черняховской культуры // СА. 1966. №4. С. 70-85.
Никитина Г.Ф. 1969 Гребни черняховской культуры // СА. № 1. С.147-159.
Никитина Г.Ф. 1974. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в первом тысячелетии до н.э. — первом тысячелетии н.э. М. С.5-132.
Никитина Г.Ф. 1985. Систематика погребального обряда черняховской культуры М. 208 с.
Никулицэ И.Т., Рикман Э.А. 1973. Могильник Ханска-Лутерия II первых столетий н.э. // КСИА АН СССР. Вып. 133. С.116-123.
Нудельман А.А. 1974. Монеты из раскопок и сборов 1972-1973 гг. // АИМ (1973 г.). Кишинев. С.188-229.
Нудельман А.А. 1976. Топография кладов и находок единичных монет // Археологическая карта Молдавии. Кишинев. Вып. 8. 196 с.
Нудельман А.А. 1982. Римская монета в междуречье Днестра, Прута и Дуная // Нумизматика античного Причерноморья. К. С.125-133.
Нудельман А.А., Рикман Э.А. 1956. Два клада и находки отдельных монет (римских и ранневизантийских) из Молдавии // Известия Молдавского филиала АН СССР. № 4/31/.С.143-152.
Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М. 175 с.
Охотников С.Б. 1978. Работы Надлиманского отряда Причерноморской экспедиции. // Архив ОАМ. №87708.
Охотников С.Б. 1983. Археологическая карта нижнего Поднестровья в античную эпоху (VI-III вв. до н.э.). // Материалы по археологии Северного Причерноморья. К. С. 101-122.
Охотников С.Б., Пасхина Е.П. 1979. Работы Надлиманского отряда // АО 1978 года. М. С.380-381.
Паламарчук С.В. 1982. Поселение первых веков нашей эры Волчья Балка // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев. 1982. С. 125-131.
Патокова Э.Ф. 1960. Обследование Правобережья Южного Буга // ЗОАО.- Одесса. Т.1/34/. С.202-208.
Патокова Э.Ф., Дзиговский А.Н., Зиньковский К.В. 1982. Сарматские погребения Маякского могильника // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. С.113-136.
Пачкова С.П. 1972. Виготовлення кераміки у племен зарубінецької культури // Археологія. Т.5. С.30-40.
Пачкова С.П. 1978. К вопросу о памятниках позднелатенского времени на Среднем Днестре // Проблемы этногенеза савян. С.57-72.
Пачкова С.П. 1979. Урнове поховання в с. Гринчук на Середньому Дністрі // Археологія. Т.29. С.113-114.
Пачкова С.П. 1984. Про культурну належність могиль-

ника поблизу с. Долиняни на Північній Буковині // Археологія. Т.47. С.93-101.
Пачкова С.П., Романовская М.А. 1983. Памятники Карпато-Днестровского региона конца I тыс. до н.э. // Славяне на Днестре и Дунае. С.48-77.
Петерс Б.Г. 1976. Краснолаковая керамика из раскопок Михайловского поселения // КСИА АН СССР. Вып. 145. с.88-90.
Петров В.П. 1961. До питання про ліпну кераміку з городищ Нижнього Подніпров'я II ст. до н.э. — II ст. н.э. // АП УРСР. Т.Х. С. 155-174.
Петров В.П. 1962. Из этнонимики Северного Причерноморья // МАСП. Вып. IV. С. 227-234.
Петров В.П. 1964а. Черняховский могильник // МИА. №116. С.53-117.
Петров В.П. 1964б Масловский могильник на р. Товмач // МИА. №116. С. 118-167.
Петров В.П. 1970. Письменные источники о гуннах, антах и готах в Причерноморье // КСИА АН СССР. Вып.121. С.67-73.
Пещерева Е.М. 1959. Гончарное производство Средней Азии // ТИЗ АН СССР, нов. сер. Т.42. 395с.
Плетнева С.А. 1967. От кочевий к городам. М. 198с.
Плиний Секунд Г. 1904. Естественная история // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб. Т.II. Вып.1. С.273-317.
Поболь Л.Д. 1966. Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белоруссии // Древности Белоруссии. Минск, С.206-217.
Поболь Л.Д. 1969. Белорусское Поднепровье в I тыс. нашей эры // Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. — Warszawa. T.2. S.306-318.
Поболь Л.Д. 1971. Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры). Минск. 232с.
Поболь Л.Д. 1973. Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры). Минск. 240с.
Поболь Л.Д. 1974. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры с середины III в. до н.э. по начало II в. н.э.) Минск. 424с.
Поболь Л.Д. 1983. Археологические памятники Белоруссии: железный век. Минск. 456с.
Погребова Н.Н. 1958. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА №64 Т. С. 103-247.
Погребова Н.Н. 1961. Погребения в Мавзолее Неаполя Скифского // МИА. №96. С.103-213.
Погребова Н.Н., Кондрацкий Л.В. 1960. Археологические разведки в степях Тилигуло-Березанского района Николаевской области // КСИИМК. Вып.78. С.74-84.
Рабинович М.Г. 1969. Древний ландшафт и жилище (о двух типах древнерусского жилища в Волго-Окском междуречье) // СЭ. №2. С.15-23.
Раевский Д.С. 1971. Скифы и сарматы в Неаполе (по материалам некрополя) // МИА. №77. С.143-151.
Раевский К.А. 1955. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра-Днестра в I тыс. н.э. // СА. Т.XXIII. С.250-276.
Рафалович И.А. 1986. Данчены. Могильник черняховской культуры, III-IVвв. — Кишинев, 1986. 230с.
Ременников А.М. 1954. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М. 148с.
Ременников А.М. 1964. Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275-279 гг. // ВДИ. №4. С.131-138.
Рикман Э.А. 1960. Жилища Будештского селища // МИА. №82. С.302-327.
Рикман Э.А. 1960а. Раскопки у с. Будешты // Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев. С.197-219.
Рикман Э.А. 1962. К вопросу о "больших домах" на селищах черняховского типа // СЭ. №3 С.121-138.
Рикман Э.А. 1966. Поздние сарматы Днестро-Дунайского междуречья // СЭ №1 С.68-88.
Рикман Э.А. 1975а. Памятники сарматов и племен черняховской культуры. Кишинев. 167с.
Рикман Э.А. 1975б. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М. 336с.
Рикман Э.А. 1975в. Жилище племен черняховской культуры Днестро-Прутского междуречья // Древнее жилище народов Восточной Европы. М. С.50-87.
Рикман Э.А. 1976а. Черняховское селище Делакеу (Молдавия) // МИА. №136. С.165-196.
Рикман Э.А. 1976б. Памятник эпохи великого переселения народов (по раскопкам поселения и могильника черняховской культуры у села Будешты). Кишинев. 136с.
Рикман Э.А. 1980. О начале расселения и этнических контактах славян на левобережье Нижнего Дуная // Тезисы докладов советской делегации на IV международнем конгрессе славянской археологии. М. С.21.
Романовская М.А. 1969. Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка // МИА. №150 С.81-95.
Росохацкий А.А. 1990. Некоторые итоги исследования могильника у с. Беленькое. // Тез. Докл юбил. Конф. "Проблемы археологии северного Причерноморья". Херсон, Ч. 3. С. 4.
Росохацкий А.А. 1995. О выделении группы памятников черняховской культуры типа Беленькое в Северном Причерноморье. // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестравья. Тез. Докл. Науч. Конф. Белгород-Днестровский. С. 47 50.
Ростовцев М.И. 1925. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л. 622с.
Рубан В.В., Буйских С.Б. 1976. Исследование в урочище Дідова Хата. // АО 1975г. М. С.386.
Руссев Н.Д. 1982. Бусы из могильника Молога II // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западного Причерноморье. С.113-119.
Руссев Н.Д. 1986. Геометрические орнаменты из циркульных окружностей на подвесках римского времени // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. С.134-142.
Руссев Н.Д., Росохацкий А.А. 1981. Черняховские поселения и могильник в с. Первомайское // Древности Северо-Западного Причерноморья. С.126-130.
Рыбаков Б.А. 1982. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.590с.
Рычков Н.А. 1982. Оценка представительности и характера распределения признаков погребальных памятников // Методологические и методические вопросы археологии. С.167-178.
Сайко Э.В. 1982. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М. 212с.
Салманович М.Я. 1947. Жилище коренного населения Молдавской ССР // СЭ. №4 С.209-223.
Самойлова Т.Л. 1978. Основные типы амфор I-IVвв.

н.э. из Тиры // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. С.254-267.
Самойловский И.М. 1960. Субботовский могильник // КСИА АН УССР. Вып.9 С.93-95.
Сегеда С.П., Дяченко В.Д. 1984. Антропологический материал из черняховского могильника у с. Холмское // Приложение в книге: Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в Низовьях Дуная. С.94-105.
Седов В.В. 1975. Славяне в римскую и ранневизантийскую эпоху // Тезисы докладов советской делегации на III международном конгрессе славянской археологии М. С.21-25.
Седов В.В. 1976. Ранний период славянского этногенеза // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М. С. 68-108.
Седов В.В. 1978. Скифо-сарматские элементы в погребальном обряде черняховской культуры // Вопросы древней и средневековой истории Восточной Европы М. С.99-107.
Секерская Н.М. 1975. Раскопки юго-западной части Никония // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов. С.112-113.
Секерская Н.М. 1976. Раскопки Никония // АО 1975 года. М. С.392.
Секерская Н.М. 1977. Раскопки Никония // АО 1976 года. М. С. 372.
Секерская Н.М. 1978а. Результаты раскопок в западной части Никония // КСИА АН СССР. Вып.56. С.27-32.
Секерская Н.М. 1978б. Погребения первых веков нашей эры из Никония // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. С.164-173.
Секерская Н.М. 1984. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из Никония // Северное Причерноморье, С.129-135.
Секерская Н.М. 1993. Работы Никонийской экспедиции в 1991 году. // АДУ. 1991 р. Луцьк. С. 112-113.
Секерская Н.М. 1995. Новые данные по истории Нижнего Поднестровья в первые века н. э. // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Белгород Днестровский. С. 57-59.
Силантьева Л.Ф. 1958. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. №85. С.283-311.
Симоненко А.В. 1981. Сарматы в среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. С. 52-69.
Симоненко А.В. 1985. Ольвия и сарматы // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино. С.73-75.
Синицын М.С. 1949а. Дослідження скіфо-сарматських пам'яток під Одесою в 1946р. // ИЗОПІ №7. С. 149-156.
Синицын М.С. 1949б. Дослідження скіфо-сарматських пам'яток під Одесою в 1946 р. // АП УРСР. Т.П. С.149-156.
Синицын М.С. 1950. Следы древних поселений скифо-сарматской эпохи между устьями Днестра и Буга // НЗОПІ. Одесса. Т.IX. С.51-66.
Синицын М.С. 1952. Городище у хутора Петуховка Очаковского района по раскопкам 1940, 1949 и 1950 гг. // ВДИ. №2. С.243-249.
Синицын М.С. 1955. Карта поселень і городищ між гирлами Дністра і Південного Бугу скіфсько-сарматського часу // ИЗОПІ Т.Х. С.33-61.
Синицын М.С. 1959а. Матеріали до археологічної карти узбережжя Хаджебейського лиману, Одеської обл. // МАСП. Вып.2 С.135-150.
Синицын М.С. 1959б. Петухівське городище // Праці ОДУ, серія істор. наук. Одеса. Вып.7 Т.19. С.13-34.
Синицын М.С. 1960а. Раскопки Надлиманского и Роксоланского городищ в 1957-1958 гг. // ЗОАО. Одесса. Т.I/34/. С.189-201.
Синицын М.С. 1960б. Спроба локалізації і населення пунктів, згаданих древніми авторами між гирлами П.Бугу і Дністра // МАСП. Вип.3 С.7-24.
Синицын М.С. 1966. Раскопки городища возле с. Роксоланы Беляевского района Одесской области в 1957-1961гг. // МАСП. Вып. V. С.5-56.
Сіскова Т. 1949. Попередній звіт про розкопки в с. Грушівка, Первомайського р-ну // АП УРСР. Т.I. С.184-187.
Скржинская М.В. 1960. Комментарий к "Гетике" Иордана // Иордан. О происхождении и дениях гетов. М. С.183-364.
Скржинская М.В. 1977. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. 125с.
Скрипкин А.С. 1977. Фибулы Нижнего Поволжья // СА. №2. С.100-120.
Скрипкин А.С. 1981. К проблеме хронологии археологических памятников Азиатской Сарматии II-IVвв. // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев. С.73-87.
Скрипкин А.С. 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов. 150с.
Славин Л.М. 1951. Отчет о работе Ингулецко-Снигеревской экспедиции 1951г. // НА ИА АН УССР. №1951/7.
Славин Л.М. 1952. Раскопки поселений и могильников на Ингульце в 1952 г. // НА ИА АН УССР. №1952/9.
Славин Л.М. 1954. Поселения первых веков нашей эры на среднем и нижнем Ингульце // КСИА АН УССР. Вып.3. С. 49-59.
Славин Л.М. 1955. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійского оточення у1949-1950 рр. // АП УРСР. Т.У. С.127-148.
Славин Л.М. 1976. Некоторые итоги изучения Ольвийской хоры // Художественная культура и археология античного мира. М. С.180-186.
Славін Л.М. 1952. Наслідки археологічних досліджень Ольвійської експедиції в 1947 і 1948 рр. // АП. С. 48-58.
Славін Л.М., Бондар М.М. 1957. Розкопки Причорноморської археологічної експедиції КДУ 1956 року. // Науковий щорічник КДУ за 1956 р. К. 1957. С. 123-125.
Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М. 1993.
Смиленко А.Т. 1970. К хронологии гончарной керамики черняховского типа // КСИА АН УРСР. Вып. 121. с.76-81.
Сміленко А.Т. 1975. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II-XIII ст.). К. 212с.
Смиленко А.Т. 1979. Погребения у с. Башмачка // Могильники черняховской культуры. М. С.13-23.
Смиленко А.Т. 1980. Славяне и их соседи в степном Поднепровье (история и культура населения во II-III вв.). - Автореферат... доктора исторических наук. 47с.
Смиленко А.Т. 1984. Особенности памятников черняховской культуры Степного Поднепровья // КСИА АН СССР. Вып.178. С.69-73.
Смиленко А.Т. 1990. Проникновение славян на левобережье Дуная. // VI междунар. конгресс слав. археологии. Тезисы докл. сов. делегации. М. С.

86-88.
Смиленко А.Т., Брайчевский М.Ю. 1967. Черняховское поселение в селе Леськи близ города Черкассы // МИА. №139 С.35-61.
Смиленко А.Т., Козловский А.А. 1986. Раскопки в Нижнем Подунавье // АО 1984 года М. С.308-309.
Смирнов К.Ф. 1972. Сарматские катакомбные погребения южного Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. №1 С.73-81.
Смирнова Г.И. 1981. Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с. Долиняны на Буковине // СА. №3 С.193-206.
Сон Н.А. 1986. К истории позднеантичной Тиры // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. С.142-153.
Сорокина Н.П. 1976. Позднеантичное стекло из Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М. С.199-209.
Сорокина Н.П., Дзиговский А.Н., Трейстер Ю.М., 1986. Бронзовое прямоугольное зеркало в орнаментированном футляре из сарматского погребения у с. Михайловка. // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. К. С. 124-134.
Субботин Л.В. 1967. Археологическая разведка берегов р. Ташбунар // ЗОАО. Одесса. Т.П. С.235-248.
Субботин Л.В., Черняков И.Т. 1971. Черняховский бескурганный могильник у с. Виноградовка // СА. №4 С.230-231.
Суботін Л.В. 1968 Археологічна розвідка берегів оз. Кагул та р. Карасулак // Археологія. Т.XXI. С. 227-235.
Суботін Л.В. 1972. Нові пам'ятки в пониззі Дунаю // Археологічні дослідження на Україні у 1969 р. К. Т.VI. С.362-368.
Султов Б. 1976. Античные центры керамики в Нижней Мезии. София. 42с.
Сушко В.И. 1966. Фауна // МАСП. Вып.V. С.142-149.
Сымонович Э.А. 1952. Пам'ятки черняхівської культури Нижнього Побужжя // Археологія Т.X. С.150-153.
Сымонович Э.А. 1955. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья // СА. Т.XXIV. С.282-318.
Сымонович Э.А. 1956а. О некоторых типах поселений первых веков н.э. в Северном Причерноморье // КСИИМК. Вып.65. С.131-135.
Сымонович Э.А. 1956б. Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры // СА. Т.XXVI. С.262-270.
Сымонович Э.А. 1957. Стеклянная посуда середины I тысячелетия нашей эры с Нижего Днепра // КСИИМК. Вып. 69. С.22-30.
Сымонович Э.А. 1958. К вопросу о раннечерняховских поселениях культуры полей погребения // СА. №1. С.248-252.
Сымонович Э.А. 1959. Раннечерняховское поселение у с. Ломоватое на Днепре // КСИА АН СССР. Вып.8 С.55-59.
Сымонович Э.А. 1960. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на нижнем Днепре // МИА. №82. с.192-238.
Сымонович Э.А. 1960. Черняховское селище Бургунка на Нижнем Днепре // КСИА АН СССР. Вып.162. С.104-109.
Сымонович Э.А. 1963. Итоги новых работ на могильнике Неаполя Скифского в Крыму // КСОГАМ за 1961 год. Одесса. С.32-40.
Сымонович Э.А. 1964а. Стеклянные кубки III-IVвв. н.э. из Журавки // КСИА АН СССР. Вып.102. С.8-12.
Сымонович Э.А. 1964б. Орнаментация черняховской керамики // МИА. №117. С. 270-301.
Сымонович Э.А. 1965. К вопросу о проникновении населения черняховской культуры в Причерноморье // КСОГАМ за 1963 год. Одесса. С. 182-185.
Сымонович Э.А. 1966. Погребение I-II вв. н.э. в с. Могильно в Подолии // КСИА АН СССР. Вып.107. С.114-116.
Сымонович Э.А. 1966а. Перший черняхівський могильник на Північному Причорномор'ї // Археологія. С.196-201.
Сымонович Э.А. 1966б. Черняховские памятники Северо-Западного Причерноморья // АО 1965 года. М. С.135-137.
Сымонович Э.А. 1967а. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье // МИА. №139 С. 205-237.
Сымонович Э.А. 1967б. Поселения культуры полей погребений в районе города Никополя // МИА №139. С.62-76.
Сымонович Э.А.1967в. Новые работы в селе Черняхове // МИА. №139. С.5-27.
Сымонович Э.А. 1967г. Погребения I-IIIвв. н.э. Николаевского могильника на Нижнем Днепре // АО 1966 года. М. С.231-232.
Сымонович Э.А. 1969а. Забытая коллекция В.В. Хвойки // СА №2. С.189-199.
Сымонович Э.А. 1969б. Раскопки Николаевского могильника на Нижнем Днепре // КСИА АН СССР. Вып. 119. С. 74-80.
Сымонович Э.А. 1970. Раскопки Черняховского могильника в с. Коблево // АО 1969 года. М. С.262-263.
Сымонович Э.А. 1971. Культура поздних скифов и черняховские памятники в Нижнем Поднепровье // МИА. №177. С. 63-75.
Сымонович Э.А. 1971а. Племена Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. — Автореферат... доктора исторических наук. М. 65с.
Сымонович Э.А. 1972. Могильник поблизу "городка Миколаївка" на Нижньому Дніпрі // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. К. Вып.IV. С.107-110.
Сымонович Э.А. 1973. Работы Николаевского отряда в Херсонской и Одесской областях // АО 1972 года. М. с.334-335.
Сымонович Э.А. 1973. Отчет о работе Черняховского отряда в 1973 г. (разведки в Херсонской и Одесской области) // НА ИА АН УССР. №1073/76.
Сымонович Э.А. 1974. Разведки в Херсонской и Одесской областях // АО 1973 года. М. С.345-346.
Сымонович Э.А. 1975. Работы черняховской экспедиции // АО 1974 года. М. С.356-357.
Сымонович Э.А. 1975. Отчет о работе черняховской экспедиции в Херсонской и Одесской областях в 1975г. // НА ИА АН УССР. №1975/57.
Сымонович Э.А. 1976. Черняховская экспедиция // АО 1975 года. М. С.397.
Сымонович Э.А. 1977. Исследования в Поднепровье. // АО за 1976г. С.378.
Сымонович Э.А. 1977. Стеклянная посуда из поднепровско-причерноморских памятников черняховской культуры // СА. №1. С. 176-186.
Сымонович Э.А. 1979а. Памятники позднеантичного времени в районе древней Тиры // КСИА АН УССР. Вып. 59 С.106-111.
Сымонович Э.А. 1979б. Коблевский и Ранжевский могильники около Одессы // Могильники черняховской культуры. М. С.63-111.

Сымонович Э.А. 1980. Придунайский могильник Фурмановка. // Архив ОАМ. №87803.
Сымонович Э.А. 1981а. Черняхівські горщики Подніпров'я // Археологія. Т.36. С.41-53.
Сымонович Э.А. 1981б. Находки античного времени из с. Беленькое Белгород-Днестровского района // КСИА АН СССР. Вып.168. с.106-111.
Сымонович Э.А. 1983 а. Черняхівська кераміка Подніпров'я // Археологія. Т.43. С.26-44.
Сымонович Э.А. 1983. Население столицы позднескифского царства. 174с.
Сымонович Э.А. 1983 б. Сюжетные изображения на черняховской керамике // СА. №4 С.132-141.
Сымонович Э.А. 1983 в. Работы черняховской экспедиции в Причерноморье // АО 1981 года. М. С.324.
Сымонович Э.А., Гей О.А. 1978. Черняховская экспедиция на Украине. // АО за 1977г. М. С.388-389.
Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. 1983. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ. М. Вып.Д. 1-22 148с.
Сымонович Э.А., Яровой А.З. 1968. Поселение Викторовка II в устье Сосицко Березанского лимана (по материалам раскопок М.Ф. Болтенко) // СА. №2 С.169-183.
Таганова В.И., Козыренко И.И. 1949. Дневник разведки в 1949г. // Архив ОАМ. №69917.
Терпиловский Р.В. 1984. Ранние славяне Подесенья III-V вв. 124с.
Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М. 376с.
Тиханова М.А. 1957. Локальные варианты черняховской культуры // СА. №4 С.168-194.
Тиханова М.А. 1963. Раскопки на поселении III-IV вв. у с. Лепесовка в 1957-1959гг. // СА. №2 С.178-191.
Тиханова М.А. 1973. К вопросу о происхождении гончарной керамики черняховской культуры // Краткие тезисы докладов к научной конференции "Античные города Северного Причерноморья и варварский мир". Л. С.29-31.
Токарев С.А. 1970. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. № 4. С.3-17.
Третьяков П.Н. 1969. Археологические культуры и этнические общности // Теоретические основы советской археологии. Л. С.28-33.
Третьяков П.Н. 1974. Древности второй и третьей четверти I тыс.н.э. в Верхнем и Среднем Поднепровье // Раннесредневековые восточные древности. Л. С.40-118.
Третьяков П.Н. 1982. По следам древних славянских племен. Л. 143 с.
Фабрициус И.В. 1951. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. К. Вып.1. 131 с.
Фармаковский Б.В. 1903. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. // ИАК. Т.8. С.1-70.
Федоров Г.Б. 1956. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии // Известия МФ АН СССР. № 4/31/.С.49-65.
Федоров Г.Б. 1958. О двух обрядах погребения в черняховской культуре // СА. № 3. С.234-243.
Федоров Г.Б. 1960. Население Пруто-Днестровского междуречья в I тыс. н.э. // МИА. № 89. 378 с.
Федоров Г.Б. 1969. Позднесарматский могильник у с. Криничное // Древности Восточной Европы. М. С.248-253.
Федоров Г.Б., Рошаль М.Г. 1979. Погребение IV в. н.э. у с. Сычавка // СА. № 2. С.265-270.
Федоров Г.Б., Рошаль М.Г. 1981. Раскопки черняховского могильника у с. Балцаты // АИМ (1974-1976). Кишинев. С.89-106.
Фокеев М.М. 1982. Поселение первых веков нашей эры. Холмское // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. К. С.119-125.
Фокеев М.М. 1986. Типы сарматских могильников в Буджакской степи // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. К. С.157-161.
Фокеев М.М. 1997. К проблеме происхождения жилищ памятников типа Этулия // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса С.295-299.
Фокеев М.М. 1998. Населення Буджацького степу у I ст. до н.е. – IV ст.н.е. Одеса. 16 с.
Фурманська А.І. 1957. Археологічні пам'ятки Тіри перших століть нашої ери // Археологія. Т.X. С.80-93
Фурманська А.І. 1960. Дослідження на ділянці Золотобалківського поселення у 1952 р. // АП АН УРСР. Вип.9. С.180-190.
Фурманська А.И. 1959. Раскопки Тиры в 1962-1963 гг. // Античная Тира и средневековый Белгород. К. С.5-19.
Хавлюк П.І. 1971. Пам'ятки зарубинецької культури на Побужжі // Археологія. Т.4. С.84-95.
Хавлюк П.І. 1975. Зарубинецька культура Південного Побужжя та Лівобережжя Середнього Дністра // Археологія. Т. XVIII. С.7-19.
Цалкин В.И. 1966. Древнее животноводство племен Восточной и Средней Азии. М. 158 с.
Цигилик В.М. 1975. Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. К. 176 с.
Чеботаренко Г.Ф. 1973. Калфа – городище VIII-X вв. на Днестре. Кишинев. 116 с.
Чеботаренко Г.Ф., Щербакова Т.А. 1974. Раскопки поселения у с. Этулия // АИМ (1973 г.). Кишинев. С.140-155.
Черныш Е.К., Черняков И.Т. 1964. Археологические разведки в Подунавье // КСИА АН СССР. Вып.99. С.89-96.
Черняков И.Т. 1959. Археологическая разведка берегов р. Алкалии // МАСП. Одесса. Вып.III. С.194-200.
Черняков И.Т. 1960. Археологическая разведка берегов Днестровского лимана // ЗОАО. Одесса. Т.I. С.209-218.
Черняков И.Т. 1961. Археологические разведки 1960 г. в приморской части междуречья Дуная и Днестра // КСОГАМ.1966 года Одесса. С.9-18.
Черняков И.Т. 1962. Некоторые археологические находки из Белгородского р-на Одесской области // МАСП. Вып.IV. С.138-142.
Черняков И.Т. 1963. Археологические разведки 1961 года в юго-западных районах Одесской области // КСОГАМ 1961 года. Одесса. С.47-60.
Черняков И.Т. 1967. Памятники черняховской культуры в приморской части междуречья Дуная и Днестра (материалы и археологическая карта). // МИА. № 139. С.197-204.
Шапошнікова О.Г. 1960. Роботи на ділянці В Золотобалківського поселення в 1951 р. // АП УРСР. № 9. С.176-179.
Шаров О.В. 1988. О хронологии отдельных типов черняховской керамики. // Доклад 29 ноября 1988 г. на первых чтениях памяти М.А. Тихановой. Л.
Шаров О.В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской культуры. // Вопросы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб. С. 158-207.
Шаров О.В. 1995. Культурно-исторические связи Восточной Европы и Северного Причерноморья в середине III — первой половине IV в. н.э. (древнос-

ти горизонта Хаслебен и черняховская культура). Автореф. канд. дисс. СПб. 24 с.
Шелов Д.Б. 1967. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество. М. С.219-224.
Шелов Д.Б. 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М. 350 с.
Шелов Д.Б. 1975. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М. 152 с.
Шелов Д.Б. 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первы веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА АН СССР. Вып.156. С.16-21.
Шилов В.П. 1968. Позднесарматское погребение у с. Старица // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л. С.261-264.
Шкопил В.В. 1907. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. Вып.25. С.1-66.
Шмаглій М.М., Черняков І.Т. 1965. Археологічні розвідки 1964 р.в пониззі Дунаю // Археологія Т.XIX. С.215-221.
Шмаглий Н.М. 1965. Археологические разведки в зоне строительства Придунайской (Татарбунарской) оросительной системы в 1963 г. // КСОГАМ за 1963 год. Одесса С.51-54.
Шрамко 1971. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей и лесостепной Скифии // МИА. № 177. С.92-102.
Штительман Ф.М. 1956. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана // МИА. № 50. С.255-272.
Шульц П.Н. 1971. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму (Постановка проблемы) // МИА. № 177. С.127-143.
Щапова Т.А.1983. Очерки истории древнего стеклоделия М. 200 с.
Щербакова Т.А. 1980. Памятники римского времени в зоне Буджакской степи // АИУ в 1978-1979 гг. Тезисы докладов XVIII конференции ИА АН УССР. Днепропетровск. С.152.
Щербакова Т.А. 1980а. Отчет о работе Буджакской новостроечной экспедиции в 1980г. (разведки) // НА ОЭИ АН МССР.
Щербакова Т.А. 1980б. Отчет об охранных археологических раскопках на поселении позднеримского времени у с. Конгаз Комратского района в 1980 г. // НА ОЭИ АН МССР
Щербакова Т.А. 1981. Могильник первых веков нашей эры у с. Этулия // АИМ (1974-1976 гг.). Кишинев. С.106-116.
Щербакова Т.А. 1982. Поселения первых веков нашей эры в бассейне оз. Кагул // АИМ (1977-1978 гг.). Кишинев. С.145-160.
Щербакова Т.А. 1983. Раскопки поселений позднеримского времени у с. Чишмикиой // АИМ (1979-1980 гг.). Кишинев. С.151-171.
Щербакова Т.А. 1983а. Отчет о полевых исследованиях Томайского отряда Буджакской новостроечной экспедиции на поселении позднеримского времени у с. Томай Чадыр-Лунгского района МССР в 1983 г. // НА ОЭИ АН МССР.
Щербакова Т.А. 1985. Поселения, жилые и хозяйственные сооружения позднескифского времени в зоне Буджакской степи // Тезисы докладов и сообщений совместной школы-семинара “Этнокультурные и этносоциальные процессы в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. на юго-западе СССР и сопредельных регионов”. Ужгород С.63-66.
Щербакова Т.А. 1987. Жилые и хозяйственные сооружения на поселениях позднеримского времени в зоне Буджакской степи // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н.э. К. С.42-58.
Щербакова Т.А. 1991. Памятники типа Этулия, истоки и пути формирования, направленность хозяйственной деятельности. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в н.э.). К. С. 237-238.
Щербакова Т.А. 1994. Новые материалы по археологии Нижнего Поднестровья. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. — V в. н.э. Материалы междунар. арх. конф. 10-14окт. 1994г. Тирасполь. С.231-232.
Щербакова Т.А., Власенко И.Г. 1981. Памятники римского времени в степной части Молдавии. Отчет по теме 1978-1980гг. // НА ОЭИ АН МССР.
Щербакова Т.А., Гольцева А.В. 1975. Отчет об охранных археологических раскопках Вулканештской археологической экспедиции в 1975г. // НА ОЭИ АН МССР.
Щербакова Т.А., Чеботаренко Г.Ф. 1973. Усадьба на поселении первых веков н.э. у с. Будешты // АИМ 1973 года Кишинев. С.94-104.
Щукин М.Б. 1968. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор // СА. № 2. С.41-51.
Щукин М.Б. 1970. К истории Нижнего Поднепровья в первые века нашей эры // АСГЭ. Вып.12. С.54-67.
Щукин М.Б. 1975. О начальной дате черняховской культуры // Prace archeologiczne. Z.22. S.303-317.
Щукин М.Б. 1979. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. Вып.20 С.66-89.
Щукин М.Б., Щербакова Т.А. 1986. К хронологии могильника Данчены // Рафалович И.А. Данчены. Кишинев. С.177-212.
Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тысячелетии н.э. К.184 с.
Янушевич Э.В. 1986. Культурные растения Северного Причерноморья. Кишинев. 91 с.
Bichir G.R., Diaconu G.R. 1966. Spätsarmatische Elemente in der Sîntana de Mureş-Tscherniachow Kultur // Dacia, NS, T.10- P.357-364.
Bichir Gh. 1973. Cultura carpică. Bucureşti. 412p.
Bichir Gh. 1977. Sarmates en Bas-Danube // Dacia, NS. T21 167-197p.
Bichir Gh. 1984. Geto-dacii din Muntenia în epoca romană. Bucureşti. 176p.
Brukner O. 1981. Rimska keramika u jugoslovonskom delu provincije Donje Panonije. — Beograd. 104s.
Dąbrowska T. 1976. Początek okresu wpływów rzymskich w Polsce Wschodniej // Kultury archeologiczne i strefy kuturowe w Europie środkowej w okresie wpływów rzymskich // Zeszyty naukowe uniwersitetu Jagiełońskijego. Warszawa-Kraków. T.422. Zeszyt 22.
Diaconu Gh. 1962. Despre pandativele prizmatice de os din necropole de la Tîrgşor // SCIV. N2. P.441-445.
Diaconu Gh. 1965 Tîrgşor. Necropola din secolele III-IV e.n. Bucureşti. 153p.
Diaconu Gh. 1970. Über die scheibengedrehte Keramik in der Sîntana de Mureş–Tschernijachowkultur // Dacia, Ns, T. XIX. — S.143-250.
Ebert M. 1913a. Ausgrabungen bei dem Guten Marizyn // PZ. B.V. S.1-80.
Ebert M. 1913b. Ausgrabungen bei dem “Gorodok Nikolajewka” am Dnjepr, Gouv. Cherson // Pz. B.V. H. 1-2 S.80-113.
Gesinger F. Peutingeriana // R. Enc. Stuttgart. B XIX. Kol. 1405-1412.

Godłowski L. 1977. Materialy do poznania kultury przewórskiej na Górnem Śląsku // MZW. Warszawa. 255-383.

Gudkova A.V., Krapivina V.V. 1997. Grautonige Scheibengedrehte Keramik aus Tyras, Olbia und Tschernjachow-Kultur. Vergleichende Analyse // *Il Mare Nero*. II – 1995/96. Roma-Paris. S.61-84.

Ioniță I. 1966. Contribuții cu privire la cultura de Sîntana de Mureş-Cerneshov pe teritoriul Republicii Socialiste România // Arheologia Moldovei. T.IV. P.189-260.

Ioniță I. 1982. Din istoria şi civilizația dacilor liberi. Dacii din spațiul est-carpatic in secolele II-IV e.n. Iaşi. 126p.

Ioniță I. 1991. Die Fibeln mit umgeschlagenem Fuß in der Sîntana-de-Mureş-Cernjachov Kultur. Peregrinatio Gothica — Fredrijkstad, Norway. Oslo. S. 77-90.

Itineraria Romana. 1916. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana dargestellt von Konrad Miller. Stuttgart. 992S.

Kubitschek W. 1919. Karten // R. Enc. Stuttgart. B.XX. Kol. 2126-2143.

Łowmiański H. 1964. Początki Polski. Poznań. T.1. 426 s.

Macrea M., Rusu M. 1960 Der dakische Bestattungbrauch in der Spätlatenezeit // Dacia, Ns. T.IV. P.201-230.

Media R. 1977. Spraczki i okucia pasa na ziemiach polskich w okresie rzymskim // MSW. T.IV. S.357-409.

Mitrea B., Preda C. Necropole din secolul al IV-lea în Muntenia. Bucureşti. 403p.

Palade V. 1980. Elements géto-daces dans le site Sîntana de Mureş de Bîrlad — Valea-Seacă. // Dacia. T. XXIX. P. 223-254.

Peschek Ch. 1939. Die frühwandalische Kultur in Mittelschlesien (100 bie 200 nach Chr.). Leipzig. 38S.

Petrescu-Dîmbovița M. 1957. Les principaux resultats des fouilles de Truşeşti // Analele ştiințifice ale Universității Al. Cuza din Iaşi. Secțiunea III (Ştiințe sociale). Anul 5.- T.III, 1-2. -P.18-21.

Póozy Cb.K. 1956 Töpfferwerkstätten von Aquineum // Acta Archeologica. Budapest. T.VII. F.1. S.73-138.

Prahistoria,... 1981. Prahistoria ziem polskich. Późny okres latenski // Ossolineum. T.V. 460 s.

Preda C. 1980. Callatis. Necropola romano-bizantina. Bucureşti 44p.

Rau G. 1972. Körpergräber mit Glasebeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel Raum // Acta Praehistorica et Archaeologica. — Berlin. Vol.3 S.109-214.

Rau G. 1975 Spätantike Glassfunde im Karpatenraum // Zeitschrift für Ostforschungen. 1975. H.3. S.464-485.

Scorpan C. 1977. Contribution à la connaissance de certains types céramiques romano-byzantins (IV-e - VII-e siècle) dans l'espace Istro-Pontique. // Dacia, NS, 1977. T.XXI P.

Sultov B. 1976. Ancient Potter Centres in Moesia Inferior. Sofia. 24 p.

Sultov B. 1985. Ceramic Production on the territory of Nicopolis and Istrum (II-nd — IVth century). // Terra Antiqua Balcanica. 1. Sofia. — V. LII. 132p.

Szczukin W. Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska // Problemy Kultury wielberskiej. Słupsk. S.135-161.

Tejral J. 1972. Die Donauländische Variante der Drehscheiben Keramik mit eingeglattete Verzierung in Mähren und ihre Beziehung zur Tschernjachower Kultur. // Vznik a pocatcy Slovanu. Praha. S. 77-139.

Teodor D. Gh. 1984. Civilizația romanică la est de Carpați in secolele V-VII e.n. Aşezarea de la Botoşana-Suceava. Bucureşti. 129p.

Thomas S. 1960. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit // Arbeits und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege. — Leipzig. S.109-214.

Tomaschek.1894. Agalingus // R. Enz. Stuttgart. B.1. Kol. 717.

Vulpe R. 1957. Izvoare. Săpăturile din 1936-1948. Bucureşti. 396p.

Werner J. 1959. Studien zu Grabfunden des V. Jahrhunderts aus der Slovakei und der Karpatenukraine // Slovenska archeologia. — Bratislava. T.VII-2. S.422-438.

Wołągiewicz R. 1981. Kultura wielbarska — problemy interpretacii etnicznej // Problemy kultury wielbarskiej. Słupsk. S.79-106.

Список сокращений

АВ — Археологические вести.
АГСП — Античные города Северного Причерноморья. М., 1984.
АГЭ — Архив Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
АДУ — Археологічні дослідження на Україні
АИ — Археологические изыскания. Санкт-Петербург
АИМ — Археологические исследования в Молдавии. Кишинев.
АИМУМ — Археологические исследования молодых ученых Молдавии. Кишинев.
АИУ — Археологические исследования на Украине.
АКМ — Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев.
АМА — Античный мир и археология. Саратов
АО — Археологические открытия. М.
АП УРСР — Археологічні пам'ятки Української РСР. Київ.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. (СПб)
Віс.ОКК — Вісник Одеськоі комісії краезнавства.
ВВ — Византийский временник
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВЛУ — Вестник Ленинградского университета. Ленинград.
ВССА — Воросы скифо-сарматской археологии.
ДНД — Древности Нижнего Дона
ДОЗССП-I — Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Тезисы докладов. I. 1991. Киев.
ДОЗССП-II — Древнейшие общности земледельцев и скотоводов СП (5 тыс. до н. э. – 5 века н. э.). Тезисы докладов. II. 1994. Тирасполь.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗИФОГУ — Записки Исторического факультета Одесского государственного университета. Одесса
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСО — Записки Отделения русской и славянской археологии русского археологического общества.
ИА — Институт Археологии
ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук УССР.
ИА НАН Украины — Институт археологии Национальной Академии Наук Украины
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
ИВ — Исторический вестник. СПб.
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.-Л.
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург
ИР ЦНБ — Институт рукописей Центральной научной библиотеки им. В. И. Вернадского Национальной Академии наук Украины. Киев
ИРАИМК — Известия Российской Академии материальной культуры
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ІЗКИДУ — Історичний збірник Київського Державного Університету.
КБН – Корпус боспорских надписей. М.-Л. 1965.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИА АН УССР— Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва-Ленинград.
КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского Государственного археологического музея.
ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии Академии Наук СССР
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР — Материалы по археологии России.
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
МФ — Молдавский филиал АН СССР
НАНУ — Национальная Академия Наук Украины
НА ИА АН УССР — Научный архив институа археологии АН УССР
НА ОЭИ АН МССР — Научный архив отдела этнографии и искусствоведения АН МССР
НЗОПІ — Наукові записки Одеського Педагогічного Інституту
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчет Императорской археологической комиссии
ОАМ НАНУ — Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины
ОВ — Одесский вестник. Одесса.
ОДУ — Одеський державний університет
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. СПб.
ПАВ — Петербургский археологический вестник
ПОДУ — Праці Одеського Державного Університету.
ПСА — Проблемы скифской археологии
ПССА — Проблемы скифо-сарматской археологии.
ПССАСП-II — Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов. II- 1994. Запорожье.
РА — Российская археология. Москва.
СА — Советская археология. Москва.
САИ — Свод археологических источников. М.

СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры.
СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ — Советская этнография
ТГИМ — Труды Государственного исторического музея
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ТОАМ — Труды Отдела античного мира Государственного Эрмитажа
Труды ГИКМ — Труды Государственного историко-краеведческого музея. Кишинев.
УІЖ — Український історичний журнал
AAC — Acta Archaeologica Carpatica
AM — Arheologia Moldovei. Bucureşti.
АН БССР — Академия Наук Белорусской ССР
AP — Archeologia Polski
B.Thr. — Biblioteca Thracologi. Bucureşti.
Bericht — Bericht Römisch-Germanischen Kommischen.
CI — Cercetării Istorice. Iaşi.
DAWSA — Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlinschriften der Section für Altertumswissenschaft.
EA — Eurasia Antiqua
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
IPE — Latyschev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Petropoli, 1916. Vol. I2
JDI – Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.
MA — Memoria Antiquitatis. Piatra Neamţ.
MCA — Materiale şi cercetări arheologice. Bucureşti.
MDAI AA — Mittheilungen des Kaiserlich Deutschen Archaeologischen Instituts: Athenische Abteilung.
MSW — Materialy starożytne i wcześnośredniowieczne
PZ — Prähistorlsche Zeitschrift.
RE — Pauly-Wissowa-Kroll. Realencyclopädie der classischen Altertumwissenschaft
R Enc — Real Enciclopedia
SCIV (A) — Studii şi cercetări de istorie veche (şi Arheologie). Bucureşti.
SHA — Scriptores Historiae Augustae

C O N T E N T S

Schukin M.B. *(St. Petersburg, Russia)*. **Time «Che» — on the Turn of Millennia 5**

INVESTIGATIONS AND PUBLICATIONS

Gudkova A.V., Malukevich A.E. *(Odessa, Ukraine)*. **Gray-clay potter's ceramics of the settlements on the Dniester estuary (the first quarter of the I m. A.D.) 8**

Sharov O.V. Bažan I.A. *(St. Petersburg, Moscow, Russia)*. **Chernyakhov Etudes. 19**

Schukin M.B. *(St. Petersburg, Russia)*. **Chernyakhov Culture Phenomenon in the Epoch of Constantinus the Great - Constantius II (or what is Chernyakhov Culture?) 66**

Magomedov B.V. *(Kiev, Ukraine)*. **The Chernyakhov cemeteries Kurniki on South Boug. 102**

Levinski A.N. *(Kishinev, Moldova)*. **Lazo, a cemetery of the late phase of the Chernyakhov culture in Moldova. 121**

Goriunova V.M., Rodinkova V.E. *(St. Petersburg, Moscow, Russia)*. **The Early Slavic settlement Velikiye Budki (Khutor) 167**

Sereda D.V. *(Moscow, Russia)*. **Kolotchin Set of Pottery of the Settlement Velikiye Budki (Khutor). Comparative Analysis. 220**

MONOGRAPH IN THE JOURNAL

Gudkova A.V. *(Odessa, Ukraine)*. **The I-IV centuries A.D. in the Northwest Pontic region: the culture of sedentary population. 235**

LIST OF ABBREVIATIONS 405

Stratum plus. ВАШ археологический журнал.
Кишинев. Высшая Антропологическая школа. 1999. — 408 стр.

Высшая Антропологическая школа.
MD 2024, Республика Молдова, г. Кишинев, ул. Зимбрулуй 10а.
Подписано к печати 25.07.1999. Формат 60×84 1/8. Бумага офсет №1. Печать офсетная.
Гарнитура «гельветика». Усл. печ. л. 48. Тираж 750 экз. Заказ 205.
Отпечатано АО «Бизнес-Элита». Кишинев, ул. Щусева 106, оф. 23.